

ВЕЛИКИЕ
РУССКИЕ ВОЙНЫ

АНАТОЛИЙ УТКИН

РУССКИЕ

**ВО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

Annotation

Анатолий Иванович Уткин — крупный российский историк и политолог, специалист в области новейшей истории и международных отношений, автор более 50 книг.

Его фундаментальное исследование «Русские во Второй мировой войне» написано на основе огромного количества фактического материала.

Автор ссылается на массу источников, в том числе западных, что делает его работу поистине масштабной. Помимо событий военного времени, А. И. Уткин показывает предвоенную обстановку, расклад сил на международной арене, формирование гитлеровского блока держав «оси», попытки СССР сдержать войну.

Кроме того, в книге содержится подробное описание всех крупных сражений, которые вели советские войска; особое внимание уделяется Сталинградской битве.

-
- [Анатолий Иванович Уткин](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава первая](#)
 -
 - [Германское перевооружение](#)
 - [Необходимость вооружиться](#)
 - [Умиротворение Германии](#)
 - [Первые признаки грозы](#)
 - [Поглощение Австрии](#)
 - [Глава вторая](#)
 -
 - [Британия склоняется](#)
 - [Мюнхен](#)
 - [Гитлер в Праге](#)
 - [Гитлер поворачивает к Польше](#)
 - [Гарантии Польше](#)
 - [Глава третья](#)
 -
 - [Отношение к России](#)
 - [Советско-германский договор](#)

- [Канун мировой войны](#)
- [Запад после Московского договора](#)
- [Сколько продержалась Польша](#)
- [Крушение Польши](#)
- [Глава четвертая](#)
 -
 - [Мирные инициативы Германии](#)
 - [Советско-германское сотрудничество](#)
 - [Пораженчество на Западе](#)
 - [Фактор США](#)
 - [Выступление в Скандинавии](#)
 - [Блицкриг в Скандинавии](#)
 - [Наступление на Западе](#)
 - [Западный фронт: подготовка сторон](#)
 - [Блицкриг](#)
 - [Второй Компъен](#)
 - [Битва за Британию](#)
 - [Опасения в Кремле](#)
 - [Москва размышляет](#)
- [Глава пятая](#)
 -
 - [Дранг нах Остен](#)
 - [Дипломатические приготовления](#)
 - [Визит Молотова](#)
- [Глава шестая](#)
 -
 - [Германские оценки](#)
 - [Германская разведка](#)
 - [Авантюрное планирование](#)
 - [Союзники](#)
 - [Идеология](#)
 - [Массирование войск](#)
- [Глава седьмая](#)
 -
 - [Война на уничтожение](#)
 - [Кредо национал-социализма](#)
 - [Дипломатия накануне](#)
 - [Откуда неверие](#)
 - [Заведомая готовность к компромиссу](#)

- [Превентивная война или агрессия?](#)
- [Международные специалисты](#)
- [Германские документы и аргументы](#)
- [Канун](#)
- [Глава восьмая](#)
 -
 - [Германия наносит удар](#)
 - [Первая реакция](#)
 - [Руководство страны](#)
 - [Реакция Запада](#)
 - [Смятение](#)
 - [Самоуверенность агрессора](#)
 - [Центральное направление](#)
 - [Характер боевых действий](#)
 - [Июль сорок первого](#)
 - [Немцы не сомневаются](#)
 - [Наш самый трудный час](#)
 - [Предпоследняя линия обороны](#)
 - [Август](#)
 - [Судьба Ленинграда](#)
 - [Самое тяжелое решение](#)
 - [Сентябрь](#)
 - [Катастрофа на Украине](#)
 - [Поворот к Москве](#)
- [Глава девятая](#)
 -
 - [«Поведение русских...»](#)
 - [«Тайфун»](#)
 - [Немцы в Калуге](#)
 - [Промежуточные итоги](#)
 - [Судьба Москвы](#)
 - [Самые лучшие твои сыновья](#)
 - [Сибирский резерв](#)
 - [Велика Россия, а отступить некуда](#)
 - [Сражение за Москву](#)
 - [Контрнаступление](#)
 - [Складывание великой коалиции](#)
- [Глава десятая](#)
 -

- [Новый военный год](#)
- [Германия, 1942](#)
- [Москва. Победный декабрь](#)
- [Гитлер — главнокомандующий](#)
- [На других фронтах](#)
- [Пирл-Харбор](#)
- [Цунами](#)
- [Уверенность Сталина](#)
- [Германия: после блицкрига](#)
- [Ставка планирует наступление](#)
- [Наступательный порыв угасает](#)
- [Глобальная война](#)
- [Атомный проект: оружие будущего](#)
- [Германия: подготовка](#)
- [Равновесие](#)
- [Германское командование: новая фаза](#)
- [Шпеер](#)
- [Март](#)
- [Западные союзники](#)
- [Москва определяет летнюю кампанию](#)
- [Апрель](#)
- [Планирование в Москве](#)
- [Германское планирование](#)
- [«Синий» план](#)
- [Союзники](#)
- [Керчь и Харьков](#)
- [Германский ответ под Харьковом](#)
- [Визит Молотова](#)
- [Надир](#)
- [Война на океанах](#)
- [Союзники ослабляют помощь](#)
- [Власов](#)
- [Партизаны](#)
- [Гитлер](#)
- [Вермахт поворачивает на юг](#)
- [Атомное оружие — 42](#)
- [Реализация «Синего» плана](#)
- [Летняя кампания](#)
- [Июль](#)

- [Гроза на юге](#)
- [Директива № 45](#)
- [От Дона к Волге](#)
- [В приволжской степи](#)
- [Гальдер](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
 -
 - [Фридрих Паулюс](#)
 - [Август](#)
 - [Ни шагу назад](#)
 - [Визит Черчилля](#)
 - [Подводная война и снабжение союзников](#)
 - [Роммель в Африке](#)
 - [Бег к Кавказу](#)
 - [Немцы на Волге](#)
 - [Стоять насмерть](#)
 - [Жуков](#)
 - [Василий Иванович Чуйков](#)
 - [Винница и Москва](#)
 - [Третий штурм](#)
 - [Борьба в городе](#)
 - [Опасения](#)
 - [Вахта на Востоке](#)
- [Глава двенадцатая](#)
 -
 - [Октябрь](#)
 - [Союзники](#)
 - [Тайна троих](#)
 - [Замысел](#)
 - [Оружие Родины](#)
 - [Операция «Уран»](#)
 - [Канун](#)
 - [Германские оценки и советская подготовка](#)
 - [Первый снег](#)
 - [Триумф](#)
 - [Новые идеи](#)
 - [Попытки спастись](#)
 - [Осада](#)
 - [Миссия Манштейна](#)

- [Стратегия Жукова](#)
- [Операция спасения](#)
- [Восход «Сатурна»](#)
- [«Малый Сатурн»](#)
- [Уверенность Запада](#)
- [Гот прекращает операцию](#)
- [Глава тринадцатая](#)
 -
 - [Расклад в германской элите](#)
 - [Москва: завершение сталинградской фазы](#)
 - [Касабланка](#)
 - [Контрнаступление Манштейна](#)
 - [Япония остановлена](#)
 - [«Цитадель»](#)
 - [Кремль](#)
 - [Западные союзники калькулируют](#)
 - [Сложности коалиционной стратегии](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
 -
 - [Рейд Ротмистрова](#)
 - [Прохоровка](#)
 - [Ошибка Манштейна](#)
 - [Новая стратегическая картина](#)
 - [Италия](#)
 - [Война на Тихом океане](#)
 - [Бег к Днепру](#)
 - [Смоленск и после](#)
 - [Вашингтон и конференция в Квебеке](#)
 - [Договоренность о встрече](#)
 - [Московская конференция](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
 -
 - [Зима 1943 — 1944](#)
 - [Рузвельт в пути](#)
 - [Тегеран](#)
 - [Декабрь](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
 -
 - [Корсунь-Шевченковская операция](#)

- [На юге](#)
- [Город на Неве](#)
- [Долгий путь к Японским островам](#)
- [Никополь](#)
- [Март](#)
- [У Черного моря](#)
- [Крупнейшая операция войны](#)
- [Ошибка Абвера](#)
- [Гусеница на итальянском сапоге](#)
- [Подготовка к вторжению на континент](#)
- [«Оверлорд»](#)
- [«Багратион»](#)
- [20 июля](#)
- [Польский вопрос](#)
- [Чехословакия](#)
- [Второй фронт](#)
- [Германия](#)
- [Подъем Америки](#)
- [Черчилль](#)
- [Черняховский и Баграмян](#)
- [Возрождение Франции](#)
- [Япония в кольце](#)
- [Глава семнадцатая](#)
 -
 - [Балканы](#)
 - [Ленд-лиз и прочие экономические рычаги](#)
 - [Осень — 44](#)
 - [Западные конференции](#)
 - [На границе Германии](#)
 - [Взаимоотношения союзников](#)
 - [Китай](#)
 - [Ядерный фактор](#)
 - [Арденны](#)
 - [Германия с Востока](#)
 - [1945, январь](#)
 - [К Японскому архипелагу](#)
 - [На вислинских плацдармах](#)
 - [На Берлин!](#)
 - [Ялтинская конференция](#)

- [На Одере](#)
- [Венгрия](#)
- [Союзники в Германии](#)
- [Жуков](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
 -
 - [Кенигсберг](#)
 - [Апрель](#)
 - [Рузвельт](#)
 - [Трумэн](#)
 - [Подготовка](#)
 - [Штурм](#)
 - [В Берлине](#)
 - [Гитлер](#)
 - [Финал](#)
 - [Рейхстаг](#)
 - [Победа](#)
 - [Окинава и последствия](#)
 - [Потсдам](#)
 - [Дальний Восток](#)
- [Заключение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
-

Анатолий Иванович Уткин
Русские во Второй мировой войне

© Уткин А. И., правообладатели, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Введение

Вторая мировая война явилась продолжением Первой, того конфликта, что начался в августе 1914 года. Тогда, в том далеком августе, Германия, индустриальный лидер Европы, пришла к выводу, что будущее не обещает ей возобладания над все более враждебным окружением. Что соседи не смирятся с ее доминированием в Европе и ее ждет «штальринг», стальное кольцо изоляции и удушения. Германия бросилась на своих европейских соседей — Россию и Францию, не ожидая, что Британия склонна воспользоваться случаем для того, чтобы поставить на место претендента на европейскую гегемонию. Свое поражение в мировом конфликте Германия фактически не признала и при первом же резком повороте истории — Великой депрессии, начавшейся в 1929 году, к власти в стране устремились силы, возглавляемые Адольфом Гитлером и его национал-социалистической партией, утверждавшие, что причиной поражения в Первой мировой войне был «удар в спину» малодушного меньшинства, предателей социал-демократов и ненемецких элементов населения. Германия начинает процесс перевооружения, ее соседи, едва пришедшие в себя от ужаса Первой мировой войны с ее массовыми потерями, с откровенным ужасом смотрят на процесс восстановления фантастической германской военной машины, оказавшейся способной в 1914–1918 годах воевать на равных едва ли не со всем миром.

Истоки Второй мировой войны нетрудно проследить в Первой мировой войне, из которой потрясенная Россия ушла в революцию, изоляцию, колоссальный по масштабам социальный эксперимент. Из этой же войны Германия, почти выдержавшая давление едва ли не всего мира, вышла озлобленной, с подспудной решимостью взять реванш. Версальская система, гарантом которой на континенте были Франция и малые страны Восточной Европы, не могла быть эффективной, потому что ее прямыми и косвенными жертвами были две крупнейшие державы континента — Германия и Советская Россия. Малейшая степень взаимопонимания между этими двумя странами, ощущение параллельности интересов сметало Версальскую систему как карточный домик. Первый удар колокола по ней прозвучал в итальянском городке Рапалло, где представители Советской России нормализовали отношения с Германией.

Вторым ударом колокола был приход к власти в Германии национал-социалистов. Они изолировали страну, поощрили национальную

экзальтацию, сплотили коллективную волю и предложили в качестве национальной идеологии худший вариант социал-дарвинизма: сильные выживают, слабые погибают. Нацисты исказили психологию страны «гневом за предательство» 1918 года, посеяли в умах молодого поколения веру в безусловное превосходство германской расы, объявили исторической миссией народа необходимость взять реванш за поражение в первой мировой войне. Третий удар колокола истории прозвучал, когда окружающие Германию народы в бессилии, слепом эгоизме, страхе, гонимые страшной памятью о прежней мировой катастрофе и надеждой умиротворить агрессора, пошли на уступки, равные капитуляции перед ним. Этим они укрепили национал-социализм и подорвали союз Запада и Востока как единственный противовес агрессивным устремлениям немцев. Польша, Англия, Бельгия, Франция, СССР в 1934–1939 годах в той или иной степени предпочли компромисс с агрессором силовому противостоянию и обрекли себя на военное испытание в худших условиях.

Цивилизационные и социальные различия главных европейских государств — Советского Союза, Британии и Франции — встали на пути формирования новой *Entente cordiale*, направленной на самооборону европейских жертв германского динамизма, тевтонской ярости, принявшей в Третьем рейхе Гитлера причудливые и страшные черты. Разумеется, войны могло не быть, но для этого европейским народам нужно было отказаться от итогов Первой мировой войны и согласиться на ту или иную степень зависимости от германского рейха. Дольше всех иллюзию ограниченности германских притязаний питали Лондон и Париж, трепетавшие перед опасностью повторить недавний разрушительный опыт, что и сказалось в Мюнхенском соглашении 1938 года, начавшем процесс ревизии послевоенных границ.

С подобным изложением причины вползания мира во Вторую мировую войну согласится, пожалуй, большинство ее историков. Скажем, ведущий американский историк этой войны Г. Вайнберг исходит из того, что «какими бы ни были конфликтующие между собой амбиции и идеологии мировых держав в 1920-е и 1930-е годы, будет справедливым утверждать, что, за единственным исключением Германии, ни одна европейская нация не считала еще одну мировую войну приемлемым ответом на всевозможные стоявшие перед ними проблемы. Без германской инициативы еще одно мировое кровопролитие было невысказано для всех стран, оно невысказано для историка»^[1].

Япония никогда бы не превратила свою войну с Китаем, ведущуюся с 1937 года, в более широкий конфликт, если бы не феноменальные победы

Германии в 1940 году, позволявшие Токио надеяться на создание огромной азиатской империи в благоприятный период «занятости» основных мировых сил европейским конфликтом. Нападение Германии на СССР и Японии на США превратили европейский конфликт в подлинно мировую войну, где боевые действия велись на нескольких театрах военных действий. Особенностью данной истории Второй мировой войны является стремление, если можно так выразиться, «исправить» явственную несоразмерность многих имеющихся обобщающих работ, ставящих на одну шкалу значимости различные по калибру явления. С нашей точки зрения, исторически некорректно ставить на одни весы исторической значимости главное и второстепенное, локальное и решающее по значимости. Справедливым будет утверждать, что главным полем разрешения второго мирового конфликта был советско-германский фронт. Именно здесь, в столкновении всей полномасштабной мощи Германии и Советского Союза, решилась судьба мировой войны.

Представьте себе поражение СССР в 1941 году, смыкание Германии с Японией, превращение Евразии в контролируемую «осью» Берлин-Рим-Токио мировую крепость. Внутри этой крепости, где часть индийцев восстает против англичан, где Турция и арабский мир присоединятся к «оси», где живут более двух третей мирового населения и размещены 70 процентов индустриальных мощностей мира, германская и японская зоны влияния наверняка сумели бы внушительно противопоставить себя Соединенным Штатам, имевшим в начале конфликта армию меньше бельгийской.

Гейзенберг создает ядерное оружие; нефть Персидского залива в руках, далеких от англосаксонских; в Пенемюнде Вернер фон Браун завершает создание того, что позже будет названо межконтинентальными баллистическими ракетами; в Пиллау и Бремерсхафене завершаются работы над самыми совершенными в мире подводными лодками «шноркель» — лучшими в мире, — они изолируют военно-морской флот США даже в случае его самого широкого развития; авиационная промышленность Германии создает реактивную авиацию, способную (бомбардировочный вариант, на котором настаивал Гитлер) наносить удары и по «нереактивной» Британии, и по далеким Соединенным Штатам. Разве фантастическими видятся планы мирового господства страны, имеющей единственный в мире такой набор военного могущества: ядерное оружие, МБР, сверхзвуковая стратегическая авиация, лучшие в мире (до 1955 года) подводные лодки? Не говоря уже о традиционно самом эффективном — наземном компоненте вермахта с его «тиграми», «пантерами» и

«фердинандами», поддерживаемыми с воздуха штурмовиками «Юнкерс-88».

На этом пути стояла лишь одна сила — Советская Россия. Именно вследствие этого конфликт Берлина и Москвы стал осью мирового противостояния, осью, на которой решалась судьба всего мира.

Восемьдесят процентов германских потерь приходятся на Восточный фронт.

Здесь были задействованы более трех четвертей боевых мощностей вермахта и европейских союзников Германии. И не сравнима битва при Эль-Аламейне — при всей ее стратегической и эмоциональной значимости — с шедшей синхронно Сталинградской битвой. Мы бесконечно благодарны нашим верным союзникам, но их бои в Тунисе, под Монтекассино, в Нормандии, при освобождении Парижа, в Арденнах, на Лейте и Окинаве не идут ни в какое сравнение с битвой на Курской дуге, с операцией «Багратион», с Берлинской битвой. Эти сражения Второй мировой войны, сражения Жукова, Конева, Рокоссовского, Малиновского возвышаются над победами Эйзенхауэра, Монтгомери, Александера и Макартура просто на порядок. Мною движет не ущемленная гордость, а простое уважение к исторической истине. Судьба Второй мировой войны решилась на русских полях, а не в африканской пустыне и не на тихоокеанских атоллах.

Мировая война обрела свой итог в Восточной Европе еще до того, как первый наш доблестный западный союзник вышел к побережью Нормандии.

Право так утверждать завоевано не нами, а предшествующим поколением, не пощадившим себя в битве против Нового порядка — германского орднунга в Европе и мире.

Мы вместе: СССР, США и Соединенное королевство — возобладали над «осью» Германии, Италии и Японии. Бесконечна наша благодарность союзным державам, они помогли нам в роковое время — когда Красная Армия вела смертельный бой под Москвой, когда немцы вышли к Волге, когда Гитлер замыслил битву у Курска. И неблагодарность — отвратительное качество. Но ради павших и ради истины не забудем о неимитируемых усилиях нашего народа, спасшего и себя и весь мир.

В истории нашей страны не было более трагического испытания, чем война, начавшаяся 22 июня 1941 года. Задуманная как война на истребление, она поставила вопрос о нашем историческом выживании. Эта война изменила судьбу всей страны и каждого в ней живущего. Час нашей страны пришелся на рассвет самого долгого дня 1941 года, самого

трагического дня нашей истории. Далекий от благоденствия народ был погружен в проблемы социального переустройства, неслыханной по темпам индустриализации, перехода крестьянства в новое состояние, рецидивов гражданской войны. По отношению к утвердившейся диктатуре Сталина царила спартанская лояльность. Наша армия, отличавшаяся исконной готовностью к самопожертвованию, традиционным стоицизмом, безусловной преданностью Родине, была, увы, в огромной степени ослаблена перерывом в традиции военного воспитания профессиональных военных, пять столетий делавших ее непобедимой. Она была подорвана истреблением той новой командирской поросли, которую дала гражданская война, воцарившимся террором — убивавшим инициативу, предприимчивость, свободу анализа, рассудительность и ответственность. Противостоявшая ей германская армия была вооружена всеми средствами технически совершенной цивилизации, приемами многовекового военного опыта, обновленного в 1939–1941 годах, и укомплектована преимущественно индустриальными рабочими — методичными, инициативными, дисциплинированными, воспитанными в духе безусловного расового превосходства.

Два обстоятельства спасли нашу страну. Первое — военная промышленность дала меч. Второе, главное, — в час выбора между жизнью и спасением Родины наш солдат бестрепетно пожертвовал жизнью.

Глава первая

Версаль отброшен

Первого октября 1934 года Гитлер отдал приказ увеличить рейхсвер со 100 тысяч до 300 тысяч солдат. Одновременно министерство пропаганды получило распоряжение никогда не использовать термин «генеральный штаб». Генерал Кейтель призвал к осторожности: «Ни один документ не должен быть потерян, иначе им воспользуется вражеская пропаганда. Все, что сказано устно, мы можем отрицать». Адмирал Редер записал в дневнике: «Фюрер потребовал полного соблюдения секретности при строительстве подводных лодок». Гитлер призвал науку и промышленность решить проблему двух важнейших видов продукции, дефицит которых ослаблял Германию, — бензина и резины. Производство синтетического горючего достигло к 1937 году 300 тысяч тонн, а «ИГ Фарбен» начал производить искусственную резину из угля. В начале 1934 года планы мобилизации 240 тысяч предприятий на производство военной продукции были одобрены Рабочим комитетом совета обороны рейха.

Французы трепетали при этих первых признаках военного возрождения германского колосса; англичане считали, что джентльменами можно сделать, лишь обращаясь как с джентльменами. В мае 1934 года британский министр иностранных дел сэр Джон Саймон фактически предложил применить принцип равенства вооружений к Германии. Гитлер ждал еще почти год, прежде чем начал официально демонтировать Версальскую систему. Геринг сообщил, что Германия имеет военно-воздушные силы, 10 марта 1935 года. 16 марта германский канцлер объявил о восстановлении системы всеобщего набора в армию и о создании в мирное время армии из тридцати шести дивизий (это около полумиллиона человек). Версальская глава в истории Европы была на этом закончена.

Английский посол в Берлине сэр Эрик Фипс словно прозрел: «Гитлер — фанатик, он не удовлетворится ничем, кроме доминирования в Европе». Вооруженных действий следует ожидать, полагал посол, в 1935 году. Германское руководство предложило через Фипса поделить Европу между Англией и Германией. Реакция посла привела к тому, что Гитлер сообщил в Лондон, что «внешний вид» сэра Эрика Фипса ему «не нравится» и что двусторонние отношения значительно улучшились бы в случае его замены «более современным» дипломатом. Нового британского посла Гендерсона

коллеги вскоре начали называть «наш нацистский посол в Берлине».

Что могли сделать потенциальные жертвы Германии? Не представляло секрета отношение к антибольшевистскому рейху Советской России, столь дружественно относившейся к предшествовавшему германскому режиму. Расходы на Красную Армию выросли с 1,4 млрд. рублей в 1933 г. до 5 млрд. рублей в 1934 г. Маршал Тухачевский начал реорганизацию и модернизацию Красной Армии. Сталин разделил Восточный и Западный фронты, способные действовать в автономном режиме. В конце 1933 г. народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов перед съездом ВЦИК указал на начало нового периода международных отношений — периода империалистических войн. Литвинов процитировал «Майн кампф»: «Прорубить путь к расширению на Востоке с помощью огня и меча». В сентябре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, что означало выход Советской России из международной изоляции. Теперь официальная советская пропаганда указывала как на источники угрозы миру не на самые сильные в послевоенном мире Францию и Британию, а на «агрессивные фашистские» державы — Германию, Японию, Италию.

Министр иностранных дел Франции Луи Барту тоже читал «Майн кампф» и договорился в 1934 г. о подписании Францией и Россией взаимобязывающих соглашений. В октябре 1934 г. хорватские усташи убивают его в Марселе, и ответственным за его инициативу становится Пьер Лаваль — единственный член кабинета, который не поддерживал линию Барту. 9 марта 1935 г. Гитлер объявил о том, что в Германии уже существуют военно-воздушные силы, а затем о введении воинской обязанности и создании армии в 36 дивизий (550 тыс. человек). Прибывшему в Берлин министру иностранных дел А. Идену фюрер германского рейха заявил, что, вооружаясь, Германия оказывает огромную услугу Европе, защищая ее от зла большевизма. Тогда СССР и Франция в мае 1935 года подписали договор о взаимопомощи, СССР подписал такой же договор с Чехословакией. Лига Наций словесно осудила действия немцев. Собравшись в Стресе, Британия, Франция и Италия высказались против политики Германии, но никаких действий не последовало. Что ж, это поощрило Берлин.

Германское перевооружение

Двадцать первого мая 1935 года Гитлер переименовал рейхсвер в вермахт, себя назначил верховным главнокомандующим вооруженных сил (вермахта), министра обороны Бломберга сделал военным министром, присвоив ему титул командующего вооруженными силами. В рейхстаге Гитлер выступил с одной из самых сильных своих речей, своеобразным шедевром демагогии: «Кровь, пролитая на европейском континенте за последние 300 лет, никак не соответствует национальным результатам событий. В конечном счете Франция осталась Францией, Германия — Германией, Польша — Польшей, а Италия — Италией. Все, чего удалось добиться династическому эгоизму, политическим страстям и патриотической слепоте в отношении якобы далеко идущих политических изменений с помощью рек пролитой крови, все это в отношении национального чувства лишь слегка коснулось кожи народов... Главный результат любой войны — это уничтожение цвета нации... Германия нуждается в мире и желает мира».

В ответ Британия, вместо того чтобы объявить блокаду Германии, сообщила о своей готовности подписать военно-морское соглашение, которое позволяло немцам построить флот тоннажем в одну треть британского. Это соглашение не ограничивало, а поощряло Германию — ее верфи были заполнены заказами на десять лет вперед. Гитлер заявил о своей готовности запретить тяжелые вооружения, тяжелые танки и тяжелую артиллерию, ограничить использование бомбардировщиков и отравляющих газов. Еще в «Майн кампф» Гитлер подчеркивал важность союза с Британией — «естественным союзником», обращенным к заокеанским колониям, не соприкасающимся с Германией на континенте. С его точки зрения величайшей ошибкой кайзера было вступление в одновременный конфликт с Британией и Россией.

Члены британского кабинета министров встретились с послом Риббентропом 4 июня 1935 г. Их благожелательность распространялась настолько широко, что Германии было позволено иметь подводный флот в 45 % британского. Страшный опыт почти задушенной в блокаде страны был забыт напрочь. (В 1938 г. Германия достигла равенства с Британией по этому виду вооружений). Лондон сделал свой шаг без совета и согласия Парижа и Рима. Оставленная в одиночестве Франция постаралась во второй половине 1935 г. достичь соглашения с Германией, премьер Лаваль

стремился найти новую основу отношений с рейнским соседом.

Сталин усвоил урок. В Берлине его доверенное лицо Д. Канделаки начал завязывать контакты с высшими лицами рейха. И ответные действия не заставили себя ждать. Ялмар Шахт заявил о предоставлении России кредита в 500 млн. рейхсмарок. Канделаки попытался перевести сотрудничество в область безопасности. В декабре 1935 г. советские представители предложили дополнить Берлинский договор 1926 г. пактом о ненападении; в следующем 1936 г. советские предложения были повторены, но дело завершилось лишь банальным торгово-платежным соглашением.

Муссолини использовал практику односторонних действий и 5 октября 1935 года начал вооруженный захват Абиссинии, что привело немцев в восторг: если Муссолини споткнется об Абиссинию, это «вышибет» его из Европы и позволит Германии захватить Австрию. Если он победит в Африке, то вызовет неотвратимое и непоправимое отчуждение Британии и Франции. Совершилось как по писаному. Муссолини перестал опекать Австрию и рассорился с западными демократиями. Новая обстановка позволила Гитлеру сделать следующий шаг: 7 марта 1936 года германские войска вошли в демилитаризованную Рейнскую область.

Переводчик Гитлера П. Шмидт вспоминает, как тот говорил: «Сорок восемь часов после вступления войск в Рейнланд были временем самого большого напряжения для моих нервов во всей моей жизни. Если бы французы двинулись в Рейнскую область, „мы должны были бы отступить, поджав хвост, поскольку военные ресурсы, имевшиеся в нашем распоряжении, были абсолютно недостаточны даже для слабого сопротивления“».

Министр иностранных дел Франции П. Фланден вылетел в Лондон; 11 марта он просил британское правительство поддержать Францию в военном противодействии немцам в Рейнской области. Но британское правительство отказало в поддержке. Лорд Лотиан заметил: «В конце концов, немцы просто забираются в свой собственный задний дворик». Теперь Гитлеру стало ясно, что Париж и Лондон не готовы к серьезному сопротивлению Германии. Возможно, Гитлер в Берлине и Черчилль в Лондоне лучше других понимали, что возвращение немецких войск в Рейнскую область изменило баланс сил в Европе. Черчилль, чтобы побудить французов отреагировать на оккупацию немцами Рейнской области, изменил привычке всей жизни — встал на рассвете и выехал в Лондон для встречи с прибывшим сюда министром иностранных дел

Франции Фланденом. Черчилль видел возможность мобилизации сил не только Франции и Англии, но и Польши, Чехословакии, Австрии, Югославии, Румынии. «Превосходящие силы будут в грядущей войне на стороне союзников. Для того, чтобы победить, им нужно только действовать». Вечером перед комитетом по иностранным делам палаты общин он развернул карту, на которой показал все страны, готовые помочь англо-французам в борьбе против Германии. Невилл Чемберлен беседовал с Фланденом 12 марта 1936 года. Он сказал, что общественное мнение страны не поддержит энергичных санкций. Ради умиротворения Гитлера он готов был предложить ему африканскую колонию. Чемберлен ошибался: Гитлер не нуждался в колониях, он желал одного — господства в Европе. Риббентроп объяснил молодому английскому министру иностранных дел Идену, что Германия заинтересована в «жизненном пространстве» Европы, причем преимущественно в восточной ее части.

Отчаявшийся Фланден на пресс-конференции в Лондоне предпочел забыть о дипломатическом языке. Обращаясь к журналистам, он сказал: «Сегодня весь мир и особенно малые нации смотрят на Англию. Англия, если она покажет способность к действию, поведет за собой всю Европу. Если нам четко обозначить курс своей политики, весь мир последует за нами, и мы предотвратим войну. Это наш последний шанс. Если вы не сможете остановить Германию сейчас, все кончено. Франция не сможет больше обеспечить свои гарантии Чехословакии, потому что это невозможно географически». Если Британия не выступит, Франция с ее небольшим населением и устаревшей промышленностью будет лежать у ног перевооружившейся Германии. Англия в состоянии сейчас достичь взаимопонимания с Гитлером, но оно не может быть продолжительным. Если Гитлера не остановить при помощи силы сегодня, война неизбежна.

Ему вторил посол СССР в Лондоне И. Майский 19 марта: «Есть люди, которые полагают, что война может быть локализована. Эти люди думают, что при определенных соглашениях война начнется, допустим, на востоке или на юго-востоке Европе, но обойдет стороной страны Западной Европы... Это величайший самообман... Мир — неделим».

В парламенте Черчилль посчитал момент подходящим, чтобы дать оценку всему происходящему. «Помня о гигантской силе и влиянии нашей страны, мы не можем испытывать удовлетворение, глядя на нашу внешнюю политику последних пяти лет. Безусловно, это были годы бедствия... Каков главный факт, который мы должны учитывать? Вот он. Невероятный триумф нацистского режима. Нарушение демилитаризованного режима Рейнской области является серьезным обстоятельством с точки зрения

угрозы, которой подвергаются Голландия, Бельгия и Франция. Когда эта область будет укреплена, она станет барьером у центральной двери Германии, давая ей свободу продвижения на востоке и на юге через свой черный ход». В то же время вся Европа, а особенно СССР, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия увидели, что Франция не готова дать отпор нарушителю Версальского договора. Европа вступила в новый период. Если сто дивизий Франции не осмелились противостоять трем батальонам в Рейнланде, на какую помощь могли рассчитывать ее союзники? В Германии Гитлер, действуя смело, укрепил свой контроль над военной кастой, которая почти вся была уверена в контрдействиях французов. На общенациональном референдуме 99 процентов немцев поддержали действия Гитлера, что упрочило его позиции и престиж.

Жалкое поведение западных союзников привело бельгийского короля Леопольда к заключению, что на таких союзников полагаться нельзя. Он денонсировал договор о военном союзе, подписанный двадцать лет назад. Теперь французские войска могли войти в Бельгию только после вторжения в нее Германии. По словам Алистера Хорна, британского военного историка, «стратегия „линии Мажино“» (она простиралась от Швейцарии лишь до бельгийской границы) была разбита одним ударом.

Посол США Буллит сообщал в Вашингтон о своей беседе с германским министром иностранных дел фон Нейратом 18 мая 1936 года: «Фон Нейрат сказал, что Германия ничего не предпримет во внешней политике до тех пор, пока Рейнская область не будет переварена». Он объяснил, что имеет в виду следующие обстоятельства: пока не создана система германских укреплений на французской и бельгийской границах, германское правительство сделает все возможное, чтобы предотвратить, а не поощрить выступления нацистов в Австрии, и будет придерживаться «тихой» дипломатии в отношении Чехословакии. Но «как только наши фортификации будут возведены и страны Центральной Европы поймут, что Франция не сможет войти на германскую территорию по своему желанию, все эти страны будут чувствовать себя совершенно иначе в подходе к своей внешней политике, и в результате сложится новое соотношение сил».

Последствия рейнского эпизода сказались достаточно быстро. Австрийское правительство, чтобы не раздражать Германию, выпустило на свободу всех арестованных нацистов и пообещало Гитлеру действовать во внешней политике «как немецкое государство». Стало ясно, что Муссолини, увязнувший в Абиссинии, поссорившийся с Англией и Францией, перестал быть протектором Австрии.

Программа развития германской армии, принятая в августе 1936 г.,

создала наступательную силу вермахта. Конфликт в Испании сблизил два фашистских государства. Германский посол в Риме фон Хассель сообщил в декабре 1936 года в Берлин. «Роль, выполняемая испанским конфликтом в отношениях Италии с Францией и Англией, подобна роли абиссинского конфликта, он ясно показал противоположность интересов этих стран и предотвратил сползание Италии в сеть западных держав. Борьба за доминирующее политическое влияние в Испании создала естественное противостояние Италии и Франции; в то же время позиция Италии как державы западного Средиземноморья пришла в столкновение с позицией Британии. Со все большей ясностью Италия осознает желательность противостояния западным державам плечом к плечу с Германией».

Гитлер сказал 24 октября 1936 года зятю Муссолини — министру иностранных дел Италии Чиано в Берхтесгадене: «Дуче — лидирующий государственный деятель в мире, с ним никого нельзя сравнить даже отдаленно». Будучи вместе, Италия и Германия победят не только большевизм, но и Запад. «Германское и итальянское перевооружение протекает гораздо быстрее, чем перевооружение Англии... Через три года Германия будет готова». Выступая в Милане, Муссолини заявил, что германо-итальянские отношения образуют «ось», вокруг которой теперь будет вращаться европейская политика. В Испании немцы и итальянцы опробовали свое оружие, испытали своих пилотов. Отвлекающая внимание Испания помогала Германии перевооружиться. Немцы определенно сблизились с итальянцами.

Теперь Гитлер попытался договориться с Англией. Он послал в Лондон своим представителем (в августе 1936 года) Риббентропа. На Востоке, ища союзников против СССР, он подписал 25 ноября 1936 года «Антикоминтерновский пакт» с Японией. Схема «Майн кампф» действовала.

Геринг, второе лицо в государстве, недавно назначенный ответственным за выполнение четырехлетнего плана, сказал 17 декабря 1936 года на закрытом совещании промышленников Германии: «Битва, к которой мы приближаемся, требует колоссальной производительности. Предела процессу перевооружения не видно. Альтернативами являются победа или разрушение... Мы живем во время, когда на горизонте видна конечная битва. Мы уже на пороге мобилизации, и мы уже вступили в войну. Единственное, чего пока нет, это собственно стрельбы».

Необходимость вооружиться

Великая страна на востоке Европы ощутила угрозу. 600-тысячная армия 1934 г. превратилась в 940-тысячную армию в 1935 г. Военные расходы голодного 1933 г. (1,5 млрд. рублей) достигли к 1938 г. 23 млрд. рублей. Вторая пятилетка создала военную промышленность на Урале и за ним. Плеяда начальника штаба Красной Армии М. Н. Тухачевского изучала передовой опыт ведения войны, совместные действия наземных и воздушных сил. За ними стояли самые большие людские ресурсы в мире и современная промышленность. Еще в начале 1930-х годов Тухачевский создал общий план обороны страны, который пережил своего автора. Главной идеей этого плана было сосредоточение основных ударных сил на Украине с тем, чтобы угрожать правому флангу нападающей державы.

В соответствии с избранной схемой обороны в начале 1936 года началось строительство оборонительных фортификационных укреплений. Тогда в мощь оборонительных сооружений беззаветно верили и на Западе («линия Мажино» во Франции, «линия Зигфрида» в Германии). Французы показали советским специалистам ряд секретов своей оборонительной системы. В результате была создана т. н. «линия Сталина», местами более впечатляющая, чем французский прототип. Вот как описывала ее германская разведка: «Опасная комбинация бетона, полевых укреплений и естественных препятствий, противотанковых рвов, минных полей, болот вокруг фортов, искусственных озер, окруженных дефиле, с подрезанной растительностью полей, открывающей простор траектории пулеметного огня. Позиции защитников закамуфлированы с впечатляющим искусством... На фронте в 120 километров не менее чем двенадцать барьеров, тщательно закамуфлированных и защищенных от легких бомб и снарядов 75- и 100-миллиметрового калибра. Тысячи надолбов и бревенчатых укрытий, которые атакующий обнаружит лишь тогда, когда будет поздно... Три ряда надолбов, покрытых колючей проволокой. Бетонные пирамиды...»

Несколько отрезков «линии Сталина» были действительно впечатляющими, особенно вокруг Пскова, Минска, Одессы. Но укрепленные районы не были в достаточной степени связаны между собой, не являлись сплошной оборонительной линией. (Название «линия» не соответствовало этому фортификационному сооружению. В 1941 году оно явилось своего рода географической иллюзией. Присоединенные в 1939

году территории заставили войска выйти из прикритий. Сталин считал дополнительную территорию важнее стационарных укреплений. Это ослабило «линию Сталина», но не сделало более маневренными вышедшие навстречу своей судьбе войска.) Советская закупочная комиссия приобрела быстроходный американский танк «Кристи», а в 1932 году был куплен британский шеститонный танк компании «Виккерс», положивший начало серии танков Т-26.

Находящемуся в пике своей популярности и власти маршалу Тухачевскому Сталин позволил длительную поездку на Запад и в Германию. Как пишет А. Кларк, «в этом туре вел себя особенно несдержанно, — качество, если его энергично и постоянно не контролируют, — составляющее часть национального характера. Может быть, самое важное из того, что сказал тогда словоохотливый военачальник, были слова, обращенные к немецкой аудитории: „Если дело дойдет до войны, то, что встретит Германия, не будет старой Россией... Но если Германия изменит свою позицию, ничто не помешает дальнейшему советско-германскому сотрудничеству, как это было тогда, когда в прошлом обе страны ощущали преимущества своей дружбы, ведь тогда они могут диктовать свои условия всему миру“». Но в течение года по возвращении домой судьба Тухачевского оказалась трагически решенной Сталиным. Из восьмидесяти членов Военного совета состава 1934 года в живых к 1938 году остались лишь пятеро. Все одиннадцать заместителей наркома обороны были уничтожены.

Как пишет А. Кларк, «в России офицерский корпус был не изолирован, а уничтожен. Когда чистки окончились, Красная Армия стояла покорной до точки потери сознания; готовой исполнять приказы, но без опыта; лишенной политического веса и амбиций за счет инициативы, склонности к экспериментированию и желания вводить новшества. Вставал вопрос, сможет ли их природный патриотизм, исконная любовь к России-матери, которая звала вперед их предков при режимах еще более варварских и тиранических, чем сталинский, поднять их на отражение вторгшегося врага? Ибо это: и воля, и фатализм, и готовность принять страшные страдания — все, что представляют собой исконные русские качества, — потребуется во всей полноте в первые ужасающие недели германского наступления».

В Советской России был аккумулирован опыт военных действий в Испании. Прибывший оттуда ведущий танковый специалист Павлов доложил Сталину и Ворошилову: «Танк не может играть независимой роли на поле боя». Танковые батальоны были расщеплены как

вспомогательные при пехотных дивизиях. Гордость Тухачевского — танковые дивизии были расформированы. Лишь очевидный опыт немцев в Польше и Франции заставил советское руководство лихорадочно снова собирать силы в кулак.

В начале 1939 года армия обратилась к танкам. Было решено создать тяжелый танк и средний танк. Две машины привлекли внимание. Первая модель — «Клим Ворошилов-1», или KV-1, соответствовал лучшим стандартам: дизельный мотор, одна башня, мощная броня, исключительно мощная 152-мм пушка. Красная Армия приняла этот танк на вооружение уже в 1939 году. После инспекции представленных образцов в августе основная задача танкостроителям была создать быстрый средний танк. Конструктор Кошкин создал модель Т-34, которая в конечном счете превзошла по своим данным все конкурирующие модели. Особая сталь защищала экипаж, мощный и легкий мотор вместе с широкими гусеницами делали машину быстрой и надежной. Народный комиссариат обороны в конечном счете признал Т-34 лучшей машиной. Пройдет время, и весь мир признает «тридцатьчетверку» лучшей машиной Второй мировой войны.

Проблема на рубеже 40-х годов заключалась в том, что СССР имел множество устаревших моделей (общее число танков в СССР превосходило численность танков во всем остальном мире) и «смена поколений» происходила медленнее желаемого. В 1940 году было произведено только 243 танка KV и 115 танков Т-34.

Представила проблему и структура танковой части. В середине 30-х годов устойчивым образованием стала танковая бригада в 500 машин, но опыт мировой войны диктовал необходимость более крупных частей. В проекте уже было создано образование в три дивизии (две танковые и одна моторизованная) с общим количеством танков 1031 машина.

Не лучшие времена переживала автотранспортная и дорожная служба, что наглядно продемонстрировала война с Финляндией. 100 машин ГАЗ по заказу Генерального штаба прошли маршрутом Горький-Москва-Калинин-Ленинград-Карельский перешеек. Результат выглядел очень впечатляюще. Многие машины на разбитых русских дорогах не вынесли тяжести пути, малоопытные армейские шоферы терялись в сложном переходе. Недостача запасных частей, суровость зимы, слабая организация обнажили слабые места огромной армии. Но принятое в конце финской войны решение было худшим из возможных: закрыть слабое место вообще. При значительном давлении любимца Сталина танкиста Д. Г. Павлова автотранспортная служба была закрыта. В условиях общей слабости службы тыла закрытие специализированной транспортной структуры было очевидной ошибкой.

В середине 30-х годов СССР обладал весьма внушительной авиацией, особенно впечатляющей дальней бомбардировочной. Многомоторные бомбардировщики (особенно туполевского КБ — типа АНТ) могли достичь любой столицы Европы. Война в Испании, в которой советская авиация принимала действенное участие, несколько девальвировала значимость тяжелой авиации. Таков был, по меньшей мере, вывод доклада Смушкевича, руководившего авиацией республиканской Испании, сделанного Сталину. И немцы и русские пришли к одному и тому же выводу: войска нуждаются в самолетах непосредственной воздушной поддержки в наступлении, в бою, в наземном маневрировании. Немцы создали «Мессершмитт-109», а наши конструкторы были остановлены волной политических чисток. Конструктор бомбардировщиков Туполев оказался арестованным (что дало шанс Петлякову), конструктор Калинин был расстрелян (он строил тяжелые самолеты). Ведущим строителем истребителей стал Лавочкин. В результате Советская Россия подошла к мировой войне с огромным численно (5000 единиц) самолетным парком, но современных машин было немного. Ситуация напоминала танковую.

Что касается истребителей, новые машины либо лежали в чертежах, либо совершали первые полеты. МиГ-1, родоначальник славной династии, поднялся в небо в марте 1940 года. ЛаГГ-1 уже был в воздухе с марта 1939 года, а в 1940 году ему вдогонку взлетел ЛаГГ-3. Испытания Як-1 пришлось на лето 1940 года — именно он пошел в массовое производство, хотя в 1940 году было произведено лишь 64 машины. Лучший самолет Петлякова — легкий истребитель Пе-2 показал превосходные качества, но в 1940 году с конвейера сошли лишь две машины. А подлинно бесценная машина будущих боев — штурмовик Ильюшин-2 тоже был лишь в начальной стадии массового производства. Что являлось зияющим провалом, так это отсутствие эквивалента немецкой «раме» — самолету-рекогносцировщику, способному руководить боем, обеспечивать данными о происходящем на поле боя и окрестностях.

Профессор Бонч-Бруевич в 1936 году сумел создать прототип радара (Буря-1). Буря-2 и Буря-3, созданные в 1939 году, уже имели радиус 17 километров. Затем последовали Русь-1 и Редут, ставшие основой современной противовоздушной обороны. К середине 1941 года 30 радаров действовали в Европейской части СССР, 45 — на Дальнем Востоке и в Закавказье.

Летом 1940 года учения РККА прошли по всей стране: негативный опыт финской кампании обязывал.

Умиротворение Германии

Гитлер продолжал считать, что на этом этапе согласие с Британией является ключевым элементом, оно развяжет Германии руки. Глава политического департамента министерства иностранных дел фон Вайцеккер подписал 10 ноября 1937 года секретный меморандум, в котором говорилось: «От Британии мы можем требовать колоний и свободы действий на Востоке... Потребность Британии в спокойствии велика. Было бы полезно узнать, что Англия готова заплатить за такое спокойствие».

Весной 1937 года Гитлер решил постараться добиться от Англии признания лидерства Германии в Европе. Показательно, что он начал зондаж своих планов с Черчилля. Чартвельского затворника пригласили 21 мая в германское посольство, и беседа с Риббентропом продолжалась полных два часа. Германский посол объявил, ни больше, ни меньше, что фюрер решил гарантировать целостность Британской империи. Черчилль ответил, что эту задачу уже несколько столетий выполняет британский флот. Риббентроп предложил присовокупить германские гарантии. Чего же хотели немцы взамен? Это и было самым интересным для Черчилля. Риббентроп подошел к висящей на стене карте. Рейх нуждается в жизненном пространстве. Широким жестом посол обвел территорию, необходимую Германии. Рейх претендовал на всю Польшу, всю Украину, всю Белоруссию, что означало пятикратное увеличение его площади.

Черчилль выдержал долгую паузу. Затем он сказал, что хотя англичане «находятся в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидят коммунизм так же, как Гитлер, они все же не ненавидят ее настолько». Ни одно британское правительство не потерпит доминирования Германии в Центральной и Восточной Европе. В таком случае, ответил Риббентроп, война неизбежна. Черчилль предостерег посла: «Не недооценивайте Англию, не судите о ней по нынешней администрации. Британия необычная страна и не многие иностранцы могут ее понять... Она умна. Если вы ввергнете нас еще в одну великую войну, мы приведем с собой весь мир, как это было в последний раз». Риббентроп отмахнулся: «Да, Англия действительно может быть умна, но на этот раз она не приведет весь мир против Германии».

Теперь Черчилль еще внимательнее изучал карту Европы в своей чартвельской «комнате карт». Увеличилось число людей, которые, рискуя

карьерой, готовы были снабжать его закрытой информацией. Необходимые сведения сообщали Черчиллю три члена кабинета Чемберлена, из военного министерства ему писал начальник имперского генерального штаба сэр Эдмунд Айронсайд, из штаба ВВС — маршал военно-воздушных сил и несколько офицеров, из адмиралтейства — группа адмиралов, из министерства иностранных дел — ведущие чиновники. Лежа утром в постели и приступая к первому коктейлю, Черчилль сравнивал данные из Берлина с сообщениями любовницы одного из помощников Муссолини, а также с донесениями послов практически из всех крупных столиц. Три французских премьера — Блюм, Фланден и Даладье присылали ему свои аналитические обзоры. Благодаря Даладье удалось выяснить, что за 1937 год немцы увеличили мощь своих вооруженных сил в семь раз.

Что же так успокаивало Лондон и Париж? Сейчас мы можем с полным основанием сказать, что их поддерживала вера в то что Гитлер не бросится на Запад, что его главный враг находится на Востоке. Германии гораздо выгоднее выступить против России, такой спасительной мысли придерживались в Британии Болдуин и Чемберлен. Они полагали, что от Гитлера можно откупиться, что есть цена, заплатив которую, можно обратить взоры рейха на Восток. С этого времени начинаются активные действия английской дипломатии по умиротворению Германии посредством дипломатических переговоров. Сейчас, имея перед собой документы и свидетельства современников, мы видим, что не было цены, за которую гитлеровская Германия отказалась бы от достижения гегемонии в Европе. На Западе быстрее всех это понял Черчилль. Но это понимание отнюдь не увеличило его влияния в стране, напротив, отойдя от «основной дороги», «основного стереотипа мышления», он обрек себя на одиночество. Возможно, пиком его отстраненности от политической жизни был 1937 год, когда влияние Черчилля в стране опустилось до нулевой отметки.

В мае 1937 года Стэнли Болдуин уступил пост премьер-министра Нэвиллю Чемберлену. Новые люди стали определять внешнюю политику страны, четверо из них были самыми влиятельными — сам премьер Чемберлен, Саймон, Гор и Галифакс.

Начиная новый тур примирения, Чемберлен послал виконта Галифакса на встречу с Гитлером в Берхтесгаден. Принятие приглашения немцев было откровенным ударом по союзнической солидарности с французами — их демонстративно не пригласили на встречу. Но дело не заладилось с самого начала. Прибыв в горное поместье Гитлера, он остался в машине — английские виконты не открывают двери сами. Когда к машине приблизился человек в черных брюках, недовольный виконт попросил его

поторопиться. Свою ошибку Галифакс понял только по реакции шофера, который, повернувшись, хрипло прошептал: «Фюрер!» Окончательно круша приличия, Галифакс объяснил Гитлеру, в чем дело. Меньше всего Адольф Гитлер хотел, чтобы его принимали за слугу. И хотя английский лорд вслух смеялся над своей оплошностью, начало уже было малообещающим.

Граница между смешным и серьезным вообще была смыта в ходе этой встречи. Гитлер посоветовал англичанам решить свои индийские проблемы расстрелом Ганди. Галифакс и слушавший его отчет Чемберлен были в восторге от юмора Гитлера. Представить себе, что фюрер был серьезен, они попросту не могли.

Чемберлен между тем выработывал свою внешнюю политику. Британии, по его мнению, следовало укрепить отношения с фашистской Италией и нацистской Германией, отодвигая на второй план дружбу с Францией. Так Чемберлен надеялся избежать европейского катаклизма. Как найти каналы сближения с Германией? Чемберлен пришел к выводу, что помочь этому может выделение Германии нескольких колоний — наступала эра «колониального примирения». Таким образом, Чемберлен как бы отвечал на громогласные (в 1934–1938 годах) обвинения Гитлера в краже у Германии победителями в Первой мировой войне ее колониальных владений. Британский премьер решил открыто поднять вопрос о возвращении немцам части колоний. В начале 1938 года он предложил кабинету министров начать «совершенно новую главу в истории африканского колониального развития» посредством достижения договоренности с Германией, «превращения ее в одну из африканских колониальных держав, во владение которой будут даны некоторые территории». Политика Чемберлена была одобрена Галифаксом и послом в Берлине Гендерсоном. Министр же иностранных дел Иден не выразил особого энтузиазма. Карьера Идена, блестяще начатая, оказалась под угрозой.

Наибольшее сопротивление этой идее оказали французы. Они указывали, что бывшие немецкие колонии получены англичанами в качестве подмандатных территорий Лиги Наций и они могут быть возвращены Лиге, но не Германии. Да и странно бы выглядела передача немцам колоний, население которых открыто рассматривалось ими как принадлежащее к заведомо низшей расе.

Англичане не вняли этим аргументам. Лорд Галифакс оповестил Риббентропа — немецкого посла в Лондоне, что Англия «готова пойти на уступки в колониальном вопросе». Что же может дать Германия взамен?

Речь уже не шла о «равных» уступках, британское правительство просило о жестах «в направлении обеспечения мира в Европе». Чемберлен — это и ныне звучит фантастично — предложил Гитлеру не что иное, как поделить французские колонии: Бельгийское Конго и португальскую Анголу. Заинтригованный Гитлер спросил: а что, если европейские метрополии не согласятся? Чемберлен ответил, что не только Бельгия и Португалия, но и Франция «будут в конечном итоге участвовать в разрешении этого вопроса». (Попутно отметим, что Париж, Брюссель и Лиссабон не были об этом оповещены.) К счастью для Чемберлена, Гитлер опять поступил непредсказуемо — он отверг широкий английский жест. Пораженный Гендерсон 3 марта 1938 года услышал от фюрера, что тот не нуждается в колониях, — «они будут для меня лишь бременем». Этот вопрос может «подождать четыре, шесть, восемь или даже десять лет». Гендерсон, и тот стал понимать (он записал это в дневник), что Гитлера не интересует достижение взаимопонимания с Великобританией, желанным для него было достижение доминирования в Центральной и Восточной Европе.

В стратегии умиротворителей наметился новый поворот. Об этом красноречиво свидетельствует выступление в Оксфорде одного из наиболее популярных английских журналистов — Доусона: «Если немцы так могущественны, не должны ли мы пойти вместе с ними?».

Первые признаки грозы

Для того, чтобы понять, что привело германских солдат на нашу землю, следует особое внимание обратить на военно-политическую обстановку в Германии в те месяцы, когда она официально отвергла версальские ограничения. Обратимся к сверхсекретному (сделано было лишь четыре копии) документу «Общая политическая ситуация», с которым военный министр Бломберг ознакомил глав трех родов войск 24 июля 1937 года. В преамбуле этой директивы говорилось, что положение Германии стабильно, ей не следует ожидать нападения ни с какой стороны. Ни западные державы, ни Россия не желают войны с Германией, да они попросту и не готовы к ней. «Тем не менее политически нестабильная мировая ситуация, не исключая неожиданных инцидентов, требует от германских вооруженных сил постоянной готовности к войне, с тем чтобы сделать возможным военное использование политически благоприятных возможностей в случае их возникновения. Приготовления вооруженных сил к возможной войне в мобилизационный период 1937–1938 годов должны проводиться с учетом указанной точки зрения».

Предусматривалось два вида военных действий, приготовления к которым следовало начинать заранее.

I. Война на два фронта с основным упором на Запад (стратегический план «Рот»).

II. Война на два фронта с главным упором на Юго-Восток (стратегический план «Грюн»).

В первом случае главным противником была бы Франция. Во втором война на Востоке могла начаться с «неожиданного германского нападения на Чехословакию с целью парировать выступление превосходящей коалиции противника. Необходимые условия оправдания таких действий политически и в глазах международного права должны быть созданы заранее». Предполагалось Чехословакию «элиминировать с самого начала» и оккупировать.

Были предусмотрены три случая «особых приготовлений».

I. Вооруженная интервенция против Австрии (особый план «Отто»).

II. Военные осложнения отношений с Красной Испанией (особый план «Рихард»).

III. Англия, Польша и Литва «участвуют в войне против нас» (продолжение «Рот»/«Грюн»).

Примечательно, что в этом документе скептически оценивается возможность примирения с Англией, которая «будет использовать все находящиеся в ее распоряжении экономические и военные ресурсы против нас». И если она присоединится к Польше и Литве, В Германии «военное положение ухудшится до непереносимого состояния, почти безнадежного. Политические лидеры поэтому должны сделать все, чтобы сохранить эти страны нейтральными, особенно Англию».

Милитаристские планы Германии получили дальнейшее развитие в ходе совещания 5 ноября 1937 года на Вильгельмштрассе самого узкого клана военных и политиков (военный министр Бломберг, начальник штаба армии фон Фрич, командующий военно-воздушными силами Геринг, министр иностранных дел фон Нейрат, военный адъютант фюрера полковник Хосбах). Заседание шло под председательством Гитлера. Хосбах вел протокол, дающий нам возможность проникнуть в темный мир, порождающий войну.

Гитлер заявил, что опыт четырех с половиной лет пребывания у власти позволил ему прийти к некоторым выводам. (Он придавал им настолько важное значение, что просил, в случае его гибели, рассматривать их как свое политическое завещание.) 85 млн. немцев скучены на узком пространстве, страдая более чем какой-либо другой народ. «Цель германской политики — обеспечить и сохранить расовое сообщество, расширить сферу его действия. Поэтому встает вопрос о жизненном пространстве. Немцы имеют право жить на большем жизненном пространстве, чем другие народы... Будущее Германии полностью зависит от разрешения проблемы ее жизненного пространства... Единственное средство — приобрести большее жизненное пространство. История всех времен, в частности история Римской и Британской империй, показала, что экспансия может осуществляться лишь путем борьбы с окружающим миром и при условии готовности к риску... Никогда еще не было владения без хозяина, и нет такового сегодня; нападающий всегда выступает против владельца». Главными объектами в политических устремлениях Германии являются Британия, Франция и Россия. «Проблема Германии может быть решена лишь обращением к оружию, а это всегда сопровождается наличием риска... Остается ответить на вопросы „где“ и „когда“».

По мнению Гитлера, отмечает Хосбах, силовые решения должны были быть приняты до 1943–1945 годов, после этого периода «можно ожидать лишь перемены ситуации не в нашу пользу. Жизненное пространство нужно искать в Европе, а не за морем. Оснащение армии, флота и воздушных сил почти завершено. Оружие и техника отвечают требованиям

сегодняшнего дня; в дальнейшем возникает опасность их устаревания... Внешний мир будет крепить свою оборону, и мы должны предпринять наступление заранее... Можно полагаться на несгибаемую решимость фюрера разрешить проблему пространства для Германии до 1943–45 годов... Наша первая задача заключается в одновременном захвате Чехословакии и Австрии с целью уничтожения угрозы нашему флангу в любых возможных операциях против Запада». Границы станут короче и более удобны для обороны. Аннексия этих двух государств будет означать «приобретение продуктов питания для 5–6 млн. человек, учитывая тот факт, что вполне предсказуема принудительная эмиграция 2 млн. человек из Чехословакии и одного миллиона из Австрии». Гитлер ни разу не упомянул об «освобождении судетских немцев» — основной мотив его публичных выступлений. Просто «чехов надо раздавить».

На дальнейшем следует сосредоточить особое внимание. Гитлер выразил полную убежденность в том, что «Британия и, возможно, Франция уже втайне списали чехов со счетов». Позиция Британии будет иметь исключительное значение для Франции, но в решающий момент англичане дрогнут. «Трудности, связанные с империей, а также перспектива быть втянутой еще раз в длительную европейскую войну оказались для Британии решающими доводами против участия ее в войне против Германии... Таким образом, очень маловероятно нападение со стороны Франции без британской поддержки». Захват Чехословакии и Австрии волеет в население рейха еще двенадцать миллионов человек, даст дополнительные источники питания для пяти-шести миллионов жителей рейха, возможность мобилизовать еще двенадцать дивизий. Советский Союз, по мнению Гитлера, не выступит «в свете позиции Японии».

Сохраненный и зачитанный на Нюрнбергском процессе документ ясно свидетельствует о том, что уже в конце 1937 года нацистское руководство Германии было готово к войне. Следующий — 1938 год — объявлялся Гитлером приемлемой датой европейской войны, которую следовало завершить не позднее 1943–1945 годов. В своей более чем четырехчасовой речи Гитлер сообщил, что намерен продлить войну в Испании помимо прочего потому, что это может привести Италию к вооруженному конфликту с Англией и Францией. Это откроет Германии путь к решению чешского и австрийского вопросов. Аннексия Австрии и Чехословакии резко улучшит стратегическое положение Германии.

В конце совещания Гитлер позволил присутствующим высказать свои мнения. Оппозиция обнаружилась довольно быстро. Триумвират дипломатов и военных — Нейрат, Бломберг и Фрич — заявил, что мысль о

возможности войны между Британией и Италией является абсурдной. У Чехословакии военный союз с Францией. Французы заключили пакт с СССР. Всего два месяца назад французский министр иностранных дел подчеркнул, что Франция выполнит свои союзнические обязательства, и в этом случае, как сообщил британский Форин-офис, Англия последует за Францией. Гитлер не забыл ни слова. Этой зимой он порвал с традиционной элитой. Не прошло и трех месяцев, как Нейрат уступил портфель министра иностранных дел Риббентропу. Бломберг был уволен на том основании, что его жена прежде занималась проституцией. Фон Фрича обвинили в гомосексуализме. Аристократ потребовал военного трибунала. Не имея доказательств, Гитлер попросту его уволил, приняв на себя 4 февраля 1938 года командование германскими вооруженными силами.

Встретив как-то в театре журналиста Вальтера Функа, Гитлер отвел его в сторону и попросил взять на себя пост Ялмара Шахта — министра экономики и следовать указаниям уполномоченного за выполнение четырехлетнего плана Геринга. Министерство финансов, министерство иностранных дел и, главное, армия к весне 1938 г. были подчинены диктатору полностью.

Уже к марту 1938 года он командовал 4 миллионами хорошо обученных и вооруженных солдат и офицеров. Пришло время реализации плана «Отто». Из Лондона Риббентроп докладывал: Англия не сделает ничего ради Австрии, даже если Германия прибегнет к силе, важно лишь, чтобы «решение» было быстрым.

Поглощение Австрии

Вечером 11 февраля 1938 года в обстановке строжайшей секретности австрийский канцлер Шушниг прибыл в Зальцбург и на автомобиле пересек германскую границу, чтобы встретиться в Берхтесгадене Гитлера. Посланный Гитлером фон Папен спросил у канцлера, не будет ли он протестовать против присутствия на встрече случайно прибывших в Берхтесгаден Кейтеля (недавно назначенного руководителем ОКВ — главного командования вермахта), Рейхенау, возглавлявшего армейские силы, стоящие на германо-австрийской границе, и Шперле — командира авиации в данном районе.

Гитлер, одетый в черные брюки и коричневую рубашку, встретил Шушнига в окружении трех генералов. Австриец встретил австрийца. Шушнига трудно было назвать слабым человеком, ему шел всего сорок второй год, он получил безукоризненное образование, в частности, у иезуитов. В лучших традициях своего воспитания он начал беседу восторгами по поводу альпийских видов из окон кабинета фюрера. Тот оборвал его словами: «Мы собрались здесь рассуждать не о видах и погоде». В написанном по памяти отчете австрийского канцлера дальнейшее обозначается как «односторонняя беседа». Смысл монолога Гитлера заключался в следующем: «Германский рейх является одной из величайших держав, и никто не поднимет свой голос, когда он решает проблемы на своих границах». Гитлер был неудержим: «Я исполняю историческую миссию, и я завершу ее, потому что меня избрало провидение... Кто не со мною, будет сокрушен... Я избрал самую трудную дорогу, по которой когда-либо шел немец; у меня самые большие достижения за всю историю Германии, более великие, чем у любого немца».

Будущее Австрии связано с будущим Германии. «Стоит мне лишь отдать приказ, и в течение одной ночи весь ваш смехотворный оборонный механизм рассыплется на куски... Я хотел бы, чтобы Австрия избежала такой судьбы, потому что она означает пролитие крови. За армией мои СА и Австрийский легион войдут в страну, и никто не сможет предотвратить их месть». Может ли кто помешать Германии? «Ни секунды не думайте о том, что кто-либо на земле сможет противостоять моим решениям. Италия? Мы нашли с Муссолини согласие... Англия? Англия не пошевелит даже пальцем ради Австрии. Франция? Она могла остановить Германию в

Рейнской области, но сегодня время для Франции упущено».

Во время ланча, пишет Шушниг, Гитлер позволил себе расслабиться. Он воодушевленно говорил о лошадях и о том, что намерен построить небоскребы такой высоты, что сами американцы будут поражены. Но ланч закончился, и новый германский министр иностранных дел Риббентроп вручил Шушнигу проект «соглашения», подчеркнув, что это окончательный вариант. В нем содержалось требование сдать в течение недели, отменить запрет на деятельность австрийской нацистской партии, а ее лидера доктора Зейсс-Инкварта назначить министром внутренних дел. Другому нацисту — Глейзе-Хорстенау следовало дать пост военного министра. Кроме того, должны быть сделаны приготовления для ассимиляции австрийцев в германскую экономическую систему.

Австрийский канцлер не решался подписать документ о капитуляции своей страны. Гитлер, якобы потеряв терпение, открыл дверь кабинета и громко позвал: «Генерал Кейтель!». Затем, обернувшись к Шушнигу, добавил: «А вас я вызову позже». Папен свидетельствует, что после ухода Шушнига Гитлер встретил Кейтеля широкой ухмылкой: «К вам у меня нет приказов, я просто хотел убедиться, что вы здесь».

Через полчаса Шушниг (который, по его словам, ожидал ареста) подписал смертный приговор своей стране. По собственной оценке канцлера, принятие условий Гитлера означало «окончание независимости австрийского правительства». Шушниг отказался от ужина и направился в сопровождении фон Папена к австрийской границе.

Шестнадцатого февраля было объявлено об амнистии членов национал-социалистической партии и о реорганизации кабинета. Через четыре дня Гитлер выступил в рейхстаге: «Более десяти миллионов немцев живут в двух соседних государствах... Для мировой державы невыносимо знать, что братья по расе претерпевают суровые лишения из-за их симпатии ко всей нации, ее судьбе и взгляду на мир. Интересам германского рейха будет служить защита этих немцев». Толпы нацистов слушали эту речь в Австрии. Они срывали красно-бело-красные австрийские знамена, водружая красные знамена со свастикой. Полиция, руководимая теперь Зейсс-Инквартом, не вмешивалась в действия нацистов. Шушниг попытался обратиться к профсоюзам, в которых преобладали социал-демократы и которые вели за собой более 40 процентов избирателей. Те готовы были помочь при одном условии (уже дарованном нацистам) — праве на создание своей партии. Канцлер согласился, но было уже поздно.

Последним шансом Шушнига являлось проведение в Австрии общенационального плебисцита. Ставился вопрос: «Выступаете ли вы за

свободную, независимую, социальную, христианскую и единую Австрию — да или нет?» Объявление о плебисците было сделано 9 марта, сам плебисцит должен был состояться 13 марта 1938 года, а 10 марта Гитлер приказал привести в состояние боевой готовности три армейских корпуса и военно-воздушные силы. В два часа ночи 11 марта Гитлер издал директиву номер один по плану «Отто»: «1. Если все другие меры окажутся безуспешными, я намерен вторгнуться в Австрию для создания конституционных условий и для предотвращения дальнейших оскорблений прогерманского населения. 2. Я беру на себя руководство всей операцией... 4. Подразделения армии и военно-воздушных сил должны быть готовы к вторжению 12 марта 1938 года самое позднее до 12.00... 5. Проведение войск должно создать впечатление, что мы не желаем вести боевых действий против наших австрийских братьев. Если же, однако, возникнет сопротивление, оно должно быть безжалостно подавлено силой оружия».

Гитлеру необходимо было заручиться согласием прежнего протектора Австрии — Муссолини. Во второй половине дня 10 марта специальный самолет принца Филиппа Гессенского взлетел с Письмом Гитлера Муссолини. В нем говорилось, что Австрия и Чехословакия намерены восстановить династию Габсбургов и бросить массу по меньшей мере двадцати миллионов человек против Германии. Гитлер писал, что в критический для Италии час он оказал ей помощь, а сейчас пришло время Муссолини поддержать Берлин. Из Рима в Вену была послана телеграмма: «Итальянское правительство объявляет, что оно не в состоянии дать совет в текущей ситуации». Австрийские нацисты к тому времени уже завладели центром Вены. Шушниг выступил по национальному радио со словами: «Президент Миклаш попросил меня сказать австрийскому народу, что мы уступаем силе, поскольку мы не готовы даже в этот ужасный час пролить кровь. Мы отдали войскам приказ не оказывать сопротивления». Из Рима принц Филипп Гессенский позвонил Гитлеру: «Муссолини сказал, что он не имеет к Австрии никакого отношения». Гитлер ответил: «Скажите Муссолини, что я никогда не забуду ему этого!»

В этот трагический час крушения Сен-Жерменского договора, запрещавшего слияние Германии и Австрии, Франция (как это часто бывало) оказалась без правительства: 10 марта подал в отставку кабинет Шотана. В Англии министр иностранных дел Иден также подал в отставку, не согласный с политикой умиротворения Муссолини. Его сменил на этом посту лорд Галифакс. Риббентроп, который завершал свои дела в Лондоне, прежде чем обосноваться на Вильгельмштрассе, после беседы с Галифаксом 10 марта сообщил в Берлин, что «Англия ничего не сделает в

отношении Австрии». В эти же дни нарком Литвинов предупредил ЦК ВКП (б): «Аннексия Австрии — важнейшее событие со времени мировой войны, оно влечет за собой огромную опасность, в том числе и для СССР».

Получив гарантии Муссолини, Гитлер теперь беспокоился по поводу реакции Чехословакии. Вечером 11 марта маршал Геринг разыскал в Государственной опере посла Чехословакии доктора Мастны и дал ему слово чести, что Чехословакии нечего бояться Германии, что вхождение германских войск в Австрию «семейное дело», что Гитлер желает улучшения отношений с Прагой. Мастны позвонил в свое министерство иностранных дел, вернулся в зал и сказал Герингу, что чешская армия не мобилизуется и у Чехословакии нет намерения вмешиваться в события, связанные с Австрией. Тридцатого марта Гитлер возложил венок на могилу своих родителей и выступил в Линце: «Провидение однажды позвало меня отсюда для того, чтобы сделать фюрером рейха, и теперь возвращаю мою родину германскому рейху». Именно в этот город была объявлена недействительной статья 88 Сен-Жерменского договора, провозгласившая независимость Австрии.

Советское правительство 17 марта 1938 года предложило созвать международную конференцию с целью определения метода предотвращения дальнейшей германской агрессии. Как пишет английский историк А. Буллок, «Сталин ясно понимал, что курс, взятый Гитлером, приведет к войне, если фюрера не остановить, ему было очевидно, что поставить заслон на пути агрессора — в общих интересах и что великим державам удастся заставить Гитлера отступить, если они будут действовать сообща.» Советский посол сообщил президенту Бенешу, что СССР готов предпринять необходимые шаги для гарантии безопасности Чехословакии. По иронии истории именно Бенеш при подписании советско-чешского договора настоял на том, чтобы взаимопомощь была обусловлена выполнением своих обязательств Францией.

Франция, увы, не дала ответа вовсе. Британский премьер Чемберлен 24 марта в палате общин отверг советское предложение: «Неизбежным следствием любого подобного действия было бы усиление тенденции в пользу создания закрытых групп наций, что осложняет возможности европейского мира». Словно уже не был подписан «Антикоминтерновский пакт» и против Британии не действовала «ось» Берлин — Рим. Позволив Гитлеру завладеть Австрией, европейские правительства предали те силы в стране, которые выступали против аншлюса и нацизма. В течение первого месяца после вхождения в Австрию германских войск лишь в одной Вене было арестовано семьдесят тысяч человек. Протест посла Гендерсона

вызвал следующую реакцию Вильгельмштрассе: «Отношения между рейхом и Австрией могут рассматриваться лишь как внутреннее дело германского народа».

В палате общин Черчилль произнес речь, которую Никольсон назвал «лучшей речью его жизни». Овладение нацистами Веной, «центром всех коммуникаций всех стран, которые входили в старую Австро-Венгерскую империю, и всех стран, лежащих на юго-востоке Европы», создает угрозу для всего Дунайского бассейна, особенно для Чехословакии. Черчилль напомнил слушателям, что чешская армия в три раза превосходит по численности английскую, ее военные запасы втрое превышают итальянские.

Первые слова Черчилля были встречены смехом. Он оборвал смеющихся: «Смейтесь, но слушайте», — и обратил внимание присутствующих на три государства Малой Антанты — Чехословакию, Румынию и Югославию. Они являлись странами «второго ранга», но, вместе взятые, образовывали мощную силу. Первая страна давала военные заводы, вторая — нефть, третья — жизненно важное сырье. Перед каждой теперь стояла альтернатива: подчиниться, подобно Австрии, или предпринять эффективные меры самозащиты. Малой Антанте следовало сблизиться с двумя другими дунайскими странами — Венгрией и Болгарией. Это поставит заслон движению рейха на Восток. В то же время Британия и Франция должны пообещать начать боевые действия против Германии в случае ее нападения на любую страну в Восточной Европе. Перед Германией тогда встанет опасность ведения войны на два фронта. Если намеченные планы привести в исполнение в 1938 году («а это последний срок»), то войны еще можно будет избежать.

Эта речь имела отклики повсюду. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов публично одобрил предложения Черчилля. Во Франции слышались голоса поддержки.

Но, как отмечал в дневнике Гарольд Никольсон, «правительство предало свою страну, эти тори думают только о красной опасности и ведут дело к распаду империи». Лорд Бусби писал: «С 1935 по 1939 год я наблюдал политических лидеров Британии, и я пришел к выводу, который с тех пор не изменился: исключая двоих, Уинстона Черчилля и Леопольда Эмери, они были запуганными людьми... жалкой комбинацией трусости и жадности».

Премьер Чемберлен 18 марта 1938 года сообщил своему кабинету, что претензии Гитлера, по его убеждению, ограничены в Европе Судетами. Черчилль в тот же день прокомментировал это заявление: «Если

смертельная катастрофа вовлечет в себя британскую нацию и Британскую империю, историки через тысячу лет будут озадаченно размышлять над тайной наших поступков. Они никогда не поймут, как могла эта победоносная нация, имея все в своих руках, упасть так низко, отказаться от всего, чем она овладела благодаря безмерным жертвам и абсолютной победе — все оказалось унесенным ветром! Ныне победители унижены, а те, кто бросил свое оружие и просил о перемирии, устремились к мировому господству. Происходит гигантская трансформация... Наступило время поднять за собой нацию. Мы должны преодолеть все препятствия и постараться объединить силу и дух нашего народа, снова поднять британскую нацию перед всем миром; ибо эта нация, восстав в своей прежней энергии, может даже в этот час спасти цивилизацию».

Ни одна из популярных газет не поместила этой речи, зато все опубликовали полное изложение речи премьера Чемберлена. «Гардиан» писала: «Мистер Чемберлен возобладал над противниками в собственном лагере». На следующий день «Ивнинг стандарт» расторгла контракт с Черчиллем, поскольку, как объяснял редактор, его взгляды на внешнюю политику «совершенно очевидно противоречат воззрениям нации».

Глава вторая

Германские планы в Европе

Гитлер ненавидел чехов со времен своей жизни в Вене (славянские «недочеловеки»). Послевоенную Чехословакию он воспринимал как «искусственное порождение Версаля». Субсидирование судетских немецко-сепаратистов началось в 1935 г. План «решения» проблемы выработывался совместно с лидером судетских немцев Гейнлейном в Берлине 28–29 марта 1938 г. Гейнлейн сразу же понял свою задачу: «Мы должны предъявить требования, которые невозможно удовлетворить».

Двадцать первого апреля 1938 года Гитлер призвал к себе генерала Кейтеля. Благодаря стенографическим записям майора Шмундта, военного помощника Гитлера, в нашем распоряжении есть отчет об этой встрече, во время которой, по существу, была решена судьба Чехословакии. Гитлер считал, что необходимы «молниеносные действия, основанные на инциденте (например, убийстве германского посла во время антигерманской демонстрации)... Первые четыре дня военных действий в политическом смысле являются решающими. Если нам не будет сопутствовать военный успех, определенно возникнет европейский кризис. Свершившееся же действие должно убедить иностранные державы в безнадежности военного вмешательства». Кейтелю поручалось подготовить план внезапного нападения с тем, чтобы сокрушить чешские пограничные заслоны и одержать решающую победу не позднее чем в четырехдневный срок — чтобы союзники не смогли прийти на помощь Чехословакии.

Детально разработанная директива по плану «Грюн» появилась в Берлине 20 мая 1938 года. Ее язык лучше, чем что-либо другое, характеризует гитлеризм. «Моим намерением является сокрушение Чехословакии путем проведения военной операции в ближайшем будущем». Быстрота осуществления военной операции должна продемонстрировать враждебным государствам «безнадежность чешской позиции с военной точки зрения, а также обеспечить стимулы тем государствам, которые имеют территориальные претензии к Чехословакии, с тем чтобы они присоединились к действиям против нее». Гитлер имел в виду Польшу и Венгрию. Обращает на себя внимание следующий факт: Гитлер считал сомнительным выполнение французами своих обязательств в отношении Чехословакии, но предупреждал, что следует ожидать

попытки России предоставить Чехословакии военную помощь. Немцы были настолько уверены в том, что французы не окажут поддержки своему союзнику, что Гитлер и Кейтель специально оговорили: «Минимум сил должен быть оставлен для прикрытия операции с запада».

Трагические черты приобретает вся европейская ситуация. Гитлер и его окружение впервые формулируют «свой» способ ведения войны, тотальной и лишенной «предрассудков». Частью войны становятся пропаганда и экономика. «Пропагандистская война должна, с одной стороны, запугать чехов посредством угроз и низвести до нуля их способность к сопротивлению; с другой стороны, она должна показать национальным меньшинствам, как следует поддерживать наши военные операции, влиять на нейтралов в позитивном для нас направлении. Экономическая война имеет своей целью использование всех наличных экономических ресурсов с целью ускорения коллапса чехов». Но затем экономический потенциал противника должен быть восстановлен: «Чешские индустриальные и инженерные мощности могут иметь решающее значение для нас».

Весь май пропагандистская машина Геббельса снабжала мир историями о «терроре чехов» против немцев Судетской области — трех миллионов немцев, бывших до 1918 года подданными Австро-Венгрии.

Чешская разведка сумела добыть документы, свидетельствующие о готовящихся немецких военных действиях. Начальник генерального штаба Чехословакии генерал Крейци 21 мая сообщил германскому военному атташе полковнику Туссену, что у него есть неопровержимые доказательства того, что в Саксонии сконцентрировано от восьми до десяти дивизий. Президент Бенеш объявил о частичной мобилизации. Известный американский журналист историк У. Ширер, бывший в это время в Германии, позднее писал: «Если бы Чемберлен открыто сказал в этот момент, что Британия сделает то, что она в конечном счете и сделала перед лицом нацистской агрессии, фюрер никогда бы не бросился в авантюру, вызвавшую вторую мировую войну, — это подтверждается последующим изучением секретных германских документов».

Прежде чем броситься на Чехословакию, Гитлер решил посетить ближайшего союзника. Празднование 49-летия ввело его в минор — его могут убить на пути в Италию. Всю дорогу на Апеннины он составлял завещание и приводил в порядок свои дела. За исключением подарков родственникам, все свое имущество, Бергхоф, мебель и картины он завещал нацистской партии. Он оплатил поездку в Италию Евы Браун, но она постоянно была в отдалении, лишь из толпы наблюдая за фюрером,

сидевшим в автомобиле рядом с королем Виктором-Эммануилом. В то же время германские войска концентрировались на границе с Чехословакией.

Гитлер, ощутив слабость и колебание потенциальных противников, 28 мая 1938 года созвал верхушку генералитета в рейхсканцелярию. Через восемь месяцев он рассказал об этой встрече рейхстагу: «Я решил раз и навсегда покончить с судетским вопросом. 28 мая я приказал: 1. Приготовления к военной акции против этого государства должны быть сделаны ко 2 октября. 2. Строительство наших оборонительных рубежей на Западе должно быть ускорено... Должна быть запланирована мобилизация 96 дивизий».

В эти дни начальником штаба германской армии становится пятидесятичетырехлетний генерал из Баварии Ф. Гальдер, которому придется активнейшим образом участвовать в разработке плана «Барбаросса». Гальдер прервал традицию — впервые штаб германской армии возглавил не прусский протестант, а баварский католик, хобби которого были математика и ботаника. Он производил впечатление университетского ученого. История испытала его моральную стойкость: временами сомневаясь в нацизме, Гальдер в конечном счете склонился перед Гитлером.

Британия склоняется

В правящих кругах Британии между тем крепло ощущение, что пора отходить от увлеченной социалистическими экспериментами Франции и использовать все возможности для заключения союза с новой Германией ради создания единого фронта против Советского Союза. Это настроение повлияло на судьбу Судетской области. Посол Британии в Берлине не питал по этому поводу никаких сомнений. Он характеризовал чехов как «свиноголовую расу», а президента Бенеша, выпускника Карлова, Парижского и Дижонского университетов, как «самого свиноголового в своем стаде». Немцам он говорил: «Великобритания не собирается рисковать ни одним своим матросом или летчиком ради Чехословакии».

Оставалось определить позицию Советского Союза, который явно был заинтересован в сохранении линии чешских крепостей на границе с рейхом. Не зря Гитлер называл Чехословакию «авианосцем Советской России». Но умиротворители во главе с Чемберленом делали вид, что великой страны на Востоке не существует. По крайней мере, все дипломатические демарши Литвинова были безуспешны. Обращаясь к французскому поверенному в делах в Москве, Литвинов предложил «немедленно начать штабные переговоры между советскими, французскими и чешскими экспертами». Министр иностранных дел Франции Бонне никому не сказал о советском предложении. Более того, через два дня он заявил британскому послу в Париже, что Румыния не позволит русским военным самолетам нарушать воздушное пространство. И это при том, что у англичан уже были точные сведения от румын, что допуск советских самолетов гарантируется.

В конце июня Литвинов выступил с речью, которую немецкий посол незамедлительно передал в Берлин: «Последние пять лет в дипломатических кругах Запада все сводится к попыткам не замечать откровенно агрессивной политики Германии, к соглашательству на ее требования, а зачастую и капризы, из опасения вызвать малейшее недовольство... Мы намеренно воздерживаемся от непрошенных советов чехословацкому правительству... Советское правительство не несет ответственности за дальнейшее развитие событий. СССР не ищет для себя никакой выгоды, также не желает он никому навязывать себя в качестве партнера или союзника, но готов согласиться на коллективное сотрудничество». По соглашению с командующим чешскими ВВС

генералом Файфром Советский Союз обещал прислать 700 истребителей. Румыния согласилась на высотный пролет советской авиации.

Помощник Чемберлена Вильсон боялся только одного: совместная с СССР акция может быть воспринята немцами как запугивание. Брат писателя Сомерсета Моэма, лорд Моэм, заявил, что в Судетской области «британские интересы не затронуты никоим образом». На это Дафф Купер ответил, что «главный интерес Британии заключается в предотвращении доминирования одной страны в Европе, а нацистская Германия представляет собой самую мощную державу, которая когда-либо доминировала в ней, следовательно, противодействие Германии совершенно очевидно соответствует британским интересам».

Кризис зрел все летние месяцы и начал приближаться к кульминации в сентябре. В начале сентября 1938 г. посол Майский сообщил Черчиллю, что в случае нападения Германии на Чехословакию СССР применит силу. Десятого сентября Геринг обратился к ревущей толпе Нюрнбергского партайтага: «Малый сегмент Европы оскорбляет человеческую расу... Эта жалкая раса пигмеев (чехословаки) угнетает культурный народ, а за ними прячется Москва и вечная маска еврейского дьявола». 21 сентября в Женеве Литвинов дал положительный ответ на вопрос чехов, могут ли они рассчитывать на поддержку СССР в случае германского нападения. Советская мобилизация (согласно мемуарам маршала Захарова) началась 21 сентября. 10 дивизий во главе с маршалом Тимошенко разместились вдоль польской границы. Французы были уведомлены (об этом стало известно в 1958 г.) о ходе успешной мобилизации советских войск.

Гитлер, который уже обозначил 1 октября как дату начала военных действий, в Нюрнберге просто потребовал от чешского правительства «справедливости» в отношении судетских немцев. В Судетах нацисты обратились к оружию, и Прага послала туда войска. Французский кабинет заседал 13 сентября весь день, так и не решив, будет ли правительство соблюдать свое обязательство помогать Чехословакии в случае войны. Премьер Даладье вызвал из оперы британского посла сэра Эрика Фипса для того, чтобы попросить Чемберлена быть послом мира. В одиннадцать часов вечера Чемберлен обратился к Гитлеру с экстренным посланием: «Я полагаю необходимым немедленно прибыть к вам с целью попытаться найти мирное решение. Я могу вылететь на самолете и готов сделать это завтра».

Когда Гитлер прочел это послание, он смог воскликнуть лишь: «Я свалился с неба!» Премьер-министр Британской империи готов был покорно прибыть в отдаленнейший уголок рейха, заведомо склонный

обсудить уступки. Немалое число англичан полагали, что Чемберлен собирается сказать Гитлеру то, что не сказал кайзеру премьер Асквит в 1914 году, — что Британия выступит за поруганные права малой нации. Документы же свидетельствуют: немцы знали истинную цель полета Чемберлена. Поверенный в делах Германии в Англии Т. Кордт сообщил в Берлин, что премьер собирается позитивно рассмотреть «далеко идущие германские предложения».

Организация Гейнлейна активизировалась в Судетах, и Прага ввела здесь военное положение. Германские газеты объявили о царстве террора в Судетенланде. В Лондоне Черчилль предложил министру иностранных дел Галифаксу сообщить Германии, что она, в случае посягательства на чехословацкую землю, будет находиться в состоянии войны с Британией. 15 сентября он писал в «Дейли телеграф», что чехи будут отчаянно сражаться и выведут из строя от 300 до 400 тысяч солдат противника. Весь мир придет на помощь Чехословакии.

В тот же день Невилл Чемберлен, впервые в жизни сев в самолет, приземлился в Мюнхене. Встречавшие его в почетном карауле эсэсовцы были взяты из охраны Дахау, из дивизии «Мертвая голова». «Я чувствовал себя совершенно свежим», — сообщал он сестре. Толпы немцев приветствовали его на пути к железнодорожной станции. Трехчасовая езда завершилась в Берхтесгадене. На ступеньках Бергхофа его встретил Гитлер, одетый в хаки со свастикой на рукаве. «...Он выглядит совершенно неприметным. Ты никогда бы не выделила его в толпе».

Во время встречи Гитлер не давал присутствующим говорить, он повторял на все лады, что не позволит притеснения трех миллионов судетских немцев. Он готов «к риску мировой войны». Улучив момент, Чемберлен поинтересовался, в чем же, в таком случае, заключается цель его визита? В ответ Гитлер стал рассказывать Чемберлену, как много им сделано для англо-германского примирения. Между двумя странами осталась лишь одна проблема, которую следует «так или иначе» разрешить: три миллиона немцев из Чехословакии должны «вернуться» в рейх. Он не желает больше позволять маленькой, второстепенной стране обращаться с тысячелетним германским рейхом как с чем-то второстепенным. Ему сорок девять лет, и если Германии суждено оказаться в мировой войне из-за чехословацкого вопроса, он желает вести свою страну, находясь в полной силе своего возраста. Он готов встретить любую войну, даже мировую. Остальной мир пусть делает все, что ему заблагорассудится, он, Гитлер, не отступит ни на шаг.

Чемберлен ответил, что не может дать согласие на аннексию Судет без

предварительной консультации с кабинетом и французами. Но — это важно — он добавил, что лично он признает принцип отделения Судетской области и желает возвратиться в Англию для доклада правительству и обеспечения поддержки своему мнению. То был решающий шаг. Теперь ситуация отличалась от ситуации 1914 года. Величайшая империя мира уступала грубой силе. Находящиеся в Берлине посольства наиболее крупных стран получили германскую оценку происходящего: «Автономия судетских немцев более не рассматривается, вопрос стоит о возвращении этого региона Германии. Чемберлен выразил свое личное одобрение. Он ныне консультируется с британским кабинетом и находится в контакте с Парижем. Следующая встреча фюрера и Чемберлена запланирована на очень близкое будущее».

Через несколько дней Чемберлен писал сестре: «Мне удалось установить определенную степень доверия, что было моей целью, и, несмотря на жестокость и безжалостность, выражение которых я видел на его лице, у меня сложилось впечатление, что это был человек, на которого можно положиться, если он дал свое слово». В то же время Гендерсон сообщил, что на фюрера Чемберлен произвел «наилучшее впечатление». Чемберлен удовлетворен: «У меня сложилось мнение, что герр Гитлер говорит правду».

Пока Чемберлен полагался на обещание получить Судеты мирным путем, германская военная машина работала на полных оборотах, планируя боевые действия против Чехословакии. Характерная черта: был дан приказ действовать не только быстро, но и жестоко. В тот день (18 сентября), когда Чемберлен уговаривал своих министров, Гитлер и его генералы намечали план действий пяти армий, предназначенных к вторжению. Для оккупации Чехословакии вермахт выделял 36 дивизий. Двадцать второго сентября к границам Чехословакии подошли польские и венгерские войска. Судетские немцы (свободный корпус, возглавляемый Гейнлейном) захватили чешские города Аш и Эгер.

На совместное англо-французское предложение согласиться с германскими требованиями чешское правительство ответило отказом — их принятие означало бы, что вся Чехословакия раньше или позже оказалась бы под полным господством Германии. Прага напомнила Парижу о его обязательствах. Британский посол в Праге сэр Камил Крофт заявил, что непримиримая позиция чехов приведет к отчуждению Британии. Посол де Лакруа вторил ему от имени Франции. Президент Бенеш попросил де Лакруа письменно подтвердить отказ Франции сражаться. Как средство убеждения этот жест ничего не значил, но история должна была знать

нарушившего свое слово.

Оставался Советский Союз. То был решающий час для Европы. Агрессор на марше мог быть остановлен преобладающими силами своих потенциальных жертв. Хватит ли у них решимости? Народный комиссар иностранных дел Литвинов 21 сентября в Женеве публично объявил, что Советский Союз будет верен договору с Чехословакией. Вызванный Бенешом посол СССР повторил обещание Литвинова. Правда, по условиям пакта СССР оказывает помощь, если это делает и Франция. Но советская сторона дала понять, что это условие не является для нее абсолютным, она готова прийти на помощь в случае просьбы чехословацкого правительства.

Чемберлен снова вылетел в Германию и 22–23 сентября совещался с Гитлером на Рейне.

Собрав немногочисленных сторонников, Черчилль предложил потребовать от Чемберлена настаивать на немецкой демобилизации, управлении Судетами международной комиссией, отказе обсуждать польские и венгерские претензии на чехословацкую территорию, немецких гарантиях чехословацкой территории. Один из присутствующих воскликнул: «Но Гитлер никогда не пойдет на такие условия!». В этом случае, сказал Черчилль, Чемберлен должен вернуться и объявить войну.

Фюрер попросил Чемберлена довести до сведения чехов, что эвакуация чехов с уступаемых территорий должна начаться 26 и завершиться 28 сентября. «Чтобы доставить вам удовольствие, мистер Чемберлен, я готов уступить. Вы — один из немногих, которым я когда-либо делал одолжение. Если это облегчит вашу задачу, я готов удовлетвориться 1 октября в качестве дня эвакуации чехов. Чемберлен вспоминал, что ощутил „растущее между ним и фюрером доверие“, и по возвращении сказал кабинету, что он убежден, что „герр Гитлер не будет изощряться, обманывать человека, которого уважает и с которым ведет переговоры“».

Когда Гитлер и Чемберлен прощались 23 сентября, окружившие их журналисты были поражены сердечностью расставания. Переводчик Шмидт подтвердил сближение. «Чемберлен обратился с сердечными словами прощания к фюреру. Он сказал, что ощущает рост чувства доверия между ним и фюрером в результате бесед последних дней... По прошествии текущего кризиса он будет рад обсудить другие проблемы с фюрером в том же духе».

Гитлер, получив согласие англичан, немедленно повысил ставки. Он потребовал согласия на оккупацию Судетской области до октября. Кризис обострился вновь. Могла ли Чехословакия сражаться в конце сентября 1938

года? В вооруженные силы был мобилизован один миллион человек. Франция объявила о своей частичной мобилизации. Вместе с французами чехословаки превосходили вермахт в отношении два к одному. В случае помощи СССР (а она была гарантирована) соотношение сил менялось еще больше. 25 сентября советское правительство также предприняло шаги по мобилизации своих войск. Согласно воспоминаниям маршала Захарова, если бы СССР, Франция и Англия действовали сообща, соотношение сил было следующим: 51 немецкая дивизия на трех (!) фронтах против 90 русских, 65 французских и 38 чешских дивизий. Шансы Германии, при всем престиже ее войск, были невелики.

Давнишний друг Германии, шведский король, предупредил германского посла, что если Гитлер не отставит свое требование, свой ультиматум «решить» судетский вопрос до 1 октября, Германия будет разбита в новой мировой войне. Даже основная масса германских генералов понимала это. Фанатизм не помешал и Гитлеру более трезво взглянуть на складывающуюся картину, что и заставило его вечером 27 сентября 1938 года написать письмо Чемберлену: он готов еще раз обсудить чехословацкую проблему и «дать окончательные гарантии тому, что останется от Чехословакии». Чехи, мол, держатся надеждой втянуть Британию и Францию в мировую войну против Германии.

Срок немецкого ультиматума истек 28 сентября 1938 года. Чемберлен объяснял палате общин сложившуюся ситуацию, когда в зал принесли письмо. Галифакс передал его Саймону, тот прочел и протянул премьер-министру. В тишине был слышен вопрос Чемберлена: «Должен ли я сказать об этом сейчас?». Когда Саймон улыбнулся, премьер объявил: «Герр Гитлер согласился отложить мобилизацию на двадцать четыре часа, а также встретиться со мной, синьором Муссолини и месье Даладье в Мюнхене». Молчание продолжалось лишь мгновение, затем зал утонул в приветствиях. Но ликовали не все. Иден не смог этого вынести, он вышел. Гарольду Никольсону потребовалось немалое мужество, чтобы остаться. Макмиллан вспоминает: «Я увидел одного человека, сидящего молча, втянув голову в плечи, всем своим видом демонстрирующего нечто среднее между отчаянием и возмущением. Это был Черчилль».

Чемберлен немедленно ответил Гитлеру: «После прочтения Вашего письма я определенно чувствую, что Вы можете получить все существенное, не обращаясь к войне, и вскоре. Я готов прибыть немедленно, чтобы обсудить все обстоятельства с Вами и представителями чешского правительства совместно с представителями Франции и Италии, если Вы того желаете».

Характерно, что даже Форин-офис напомнил премьер-министру сложности исключения других стран из работы конференции. Речь шла, разумеется, о Советском Союзе. Но Чемберлен не имел никакого желания приглашать СССР на такую конференцию. Ненависть к большевизму была у него, пожалуй, не меньше неприязни к нацизму. Чемберлен поступал иррационально, исключая страну, которая, собственно, одна в Европе могла гарантировать выживание Британии.

В лондонской квартире Черчилля 26 сентября собрались политические соратники времен первой мировой войны и послевоенных колебаний европейской политики. Это были Ллойд Джордж, Бонар Лоу, лорд Сесиль, Брендан Бракен — старшее поколение английских политиков XX века. Все они полагали, что в интересах Великобритании необходимо привлечь к европейскому конфликту Советский Союз. В этот критический для Европы час старые вожди британского империализма более ясно понимали интересы своей страны, чем их самонадеянные наследники, которые в Мюнхене вместе с Даладье уступили нажиму Гитлера, поддерживаемого Муссолини.

Мюнхен

В своем дневнике Йодль 28 сентября 1938 года записал слова Геринга: «Великой войны едва ли можно избежать. Она может продолжаться семь лет, и мы выиграем ее».

В этот же день в одиннадцать часов утра Муссолини позвонил своему послу в Берлине Аттолико: «Британское правительство попросило меня быть посредником в судетском вопросе. Различие во взглядах очень невелико. Скажите канцлеру, что я и фашистская Италия стоят за ним. Он может решить вопрос». Переводчик Шмидт зафиксировал реакцию Гитлера: «Сообщите дуче, что принимаю его предложение». Последовали приглашения Чемберлену, Даладье и Муссолини прибыть в Мюнхен. В Москву приглашения не посылали — а ведь Советский Союз был союзником Чехословакии и Франции, французы могли потребовать присутствия его представителей. Но они предпочли сепаратный стговор. Посол Чехословакии Ян Масарик обратился к Чемберлену и Саймону с вопросом, приглашены ли в Мюнхен представители его страны. Нет, Гитлер этого не потерпит. «Джентльмены, — заявил Масарик, — если вы жертвуете моей страной ради сохранения мира в мире, я буду первый аплодировать вам. Но если этого не получится, пусть бог спасет ваши души».

На состоявшейся конференции лишь Муссолини был единственным, кто изъяснялся на иностранных языках и кому доверили составление основы соглашения. В результате Мюнхенского соглашения Чехословакия была вынуждена передать Германии значительную часть своей территории, где жили 2,8 миллиона немцев и 0,8 миллиона чехов. Внутри этой территории находились крупные чешские фортификации. Немцы были поражены их мощью. Чехословакия потеряла 66 процентов угольных месторождений, 80 процентов металлургической промышленности, 70 процентов источников электроэнергии. Йодль торжественно записал в дневнике: «Чехословакия как держава скончалась...» Потеря тридцати пяти чехословацких дивизий ослабила позиции стран, являвшихся потенциальными жертвами Германии. Англия и Франция отдавали Судетскую область немцам, но не ограничивали германских притязаний. И напрасно Чемберлен размахивал листком, подписанным Гитлером в Мюнхене, говоря: «Это мир в наше время». На Нюрнбергском процессе фельдмаршал Кейтель объяснил: «Целью Мюнхена было изгнать

Советский Союз из Европы», завершить германское перевооружение и подготовиться к будущему.

После заключения мюнхенской сделки президент Бенеш выступил по радио: «Не ожидайте от меня ни единого слова упрека. Но вот что я скажу: жертва, которую нас заставили сделать, огромна и бесконечно несправедлива». Он проследовал в Лондон, чтобы там создать правительство в изгнании. А новое чешское правительство было озабочено исключительно умиротворением Берлина: Гитлер выдвигал все новые и новые требования. Польша получила район Тешина, часть Словакии была отдана Венгрии.

Чемберлен тоже прибыл в Лондон триумфатором. Он был «приятно утомлен». Огромная толпа ожидала его в аэропорту Хестон, и довольному премьеру показалось, что он сбросил полсотни лет.

Считая Мюнхен национальным предательством, несколько членов британского кабинета в знак протеста вышли в отставку. Так, к примеру, сделал первый лорд адмиралтейства Дафф Купер. В палате общин он сказал: «Я призываю своих коллег посмотреть на эту проблему не только как на чехословацкую. Возможно, придет такое время, когда из-за поражения Чехословакии начнется европейская война... Мы будем втянуты в эту войну, мы не сможем избежать этой участи».

Затем выступил Черчилль: «Я хочу сказать самые непопулярные и самые нежеланные слова... Мы потерпели полное и безусловное поражение... Грабитель, грозя пистолетом, потребовал один фунт. Получив его, он потребовал два». Где же выход? Франция и Британия, особенно если они будут поддерживать тесные связи с Россией, смогут воздействовать на малые страны Европы и на политику Польши. Но это возможно в будущем. А пока «...все кончено. Молчаливая, скорбящая, покинутая, брошенная Чехословакия отступает в темноту. Она претерпела это все, будучи связанной западными демократиями... Через некоторое время, не через годы, а через месяцы, Чехословакия будет включена в нацистский режим, мы присутствуем при катастрофе гигантского масштаба, в которую попали Великобритания и Франция. Давайте не обманывать себя в этом. Но не думайте, что это конец. Это только начало подведения счетов. Это только первый глоток — первое предвкушение горестной чаши, которую нам предстоит пить год за годом, если — посредством высшего акта восстановления нашего морального здоровья и воинской доблести — не восстанем снова и не выступим в защиту свободы, как в старые времена».

В этом последнем мирном году Германия создала втрое больше

военных припасов, чем Англия и Франция вместе взятые. Потеря Чехословакии лишила западных союзников 21 отборной дивизии, 15 или 16 дивизий второй линии, а также тех чешских крепостей, которые в дни Мюнхена приковывали к себе не меньше 30 германских дивизий. Кроме того, чешские заводы «Шкода» представляли собой второй по величине военно-индустриальный комплекс в Европе, который произвел между сентябрем 1938 и сентябрем 1939 года почти столько же военной продукции, сколько вся военная промышленность Англии.

Советник германского посольства в Москве Вальтер фон Типпельскирх 3 октября 1938 года передал в Берлин свою оценку влияния происшедшего в Мюнхене на советское руководство. Типпельскирх считал само собой разумеющимся, что Советскому Союзу придется пересмотреть свою внешнюю политику, «посуровать» в отношении Франции и быть «более позитивным» в отношении Германии. Он полагал, что «сложившиеся обстоятельства дают благоприятные возможности для нового и более широкого германского экономического соглашения с Советским Союзом». Это было первое указание на процесс, который в конечном счете привел к августу 1939 года.

Остановился ли Гитлер на Судетах? Мы знаем его идеи, выраженные в «Майн кампф», и конкретные планы, высказанные на совещании генералитета 14 октября 1938 года. На нем Геринг огласил новые цели фюрера: увеличение боевой мощи авиации вдвое; увеличение поставок тяжелой артиллерии и танков для армии; рост выпуска запчастей; усовершенствование коммуникаций; эксплуатация Судет; введение трехдневного рабочего дня на оборонных заводах; прекращение выпуска какой бы то ни было продукции, не имеющей отношения к приоритетным направлениям.

Цели, поставленные Гитлером перед германским военным руководством 21 октября 1938 года, выглядели совершенно закономерно. «Дальнейшие задачи вооруженным силам и приготовления к войне, вытекающие из поставленных задач, будут изложены мною в более поздней директиве. До ее подписания вооруженные силы должны быть готовы к следующему развитию событий: 1. Обеспечение границ Германии. 2. Ликвидация остатка Чехословакии. 3. Оккупация Мемельской области».

В определенном смысле это был поворотный пункт. Гитлер решил начать завоевание негерманских земель и, заметим, славянских земель, лежащих в восточном направлении. Обратим внимание на меморандум директора политического департамента министерства иностранных дел Э. Вермана, который 7 октября 1938 года предложил создание

«независимой Словакии», «слабой конституционно», которая будет, соответственно, «наилучшим образом служить германским потребностям проникновения на Восток для его заселения». Итак, слово было произнесено.

Гитлер считал, что в 1938 году рейх на волне ликвидации безработицы, экономического бума и внешних успехов достиг степени зрелости и готовности к большим испытаниям. Сохранится ли это состояние надолго? Мы не знаем, были ли у Гитлера сомнения на этот счет, но со второй половины 1938 года он рвется в бой. Поразительный успех в Мюнхене даже несколько разочаровал его, он хотел въехать в Прагу на танке. О царившей в верхушке рейха атмосфере дает представление Чиано, описавшего 28 октября 1938 года свои впечатления от бесед с Риббентропом: «Фюрер убежден что мы должны неизбежно вступить в войну с западными демократиями в течение ближайших нескольких лет, возможно, трех или четырех... Чешский кризис показал нашу мощь! Мы имеем преимущество, владея инициативой, и мы хозяева ситуации. Мы не можем быть атакованы. Наше военное положение превосходно: начиная с сентября будущего года мы можем с уверенностью смотреть на перспективу войны с демократиями». На первом заседании Совета обороны рейха Геринг говорил прежде всего о троекратном увеличении производства вооружений.

Что должен был принести новый, 1939 год? Английская разведка давала самые пессимистические прогнозы. Министр иностранных дел лорд Галифакс 28 января секретно уведомил президента Рузвельта, что «начиная с ноября 1938 года появились признаки, со временем становившиеся все более определенными, что Гитлер наметил дальнейшие внешние авантюры на весну 1939 года... Донесения показывают, что Гитлер, поддерживаемый Риббентропом, Гиммлером и другими, рассматривает возможность нападения на западные державы в качестве предварительной операции, за которой последуют действия на Востоке».

В январе 1939 г. Гитлер утвердил план «Z», согласно которому к 1943 г. строились четыре линейных судна, а к 1944 г. — 6 линкоров водоизмещением 60 тысяч тонн каждый. «Если мне удалось за шесть лет создать Третий рейх, то флот вполне может выстроить за то же время шесть кораблей». Авиационная промышленность, по наметкам фюрера, должна была выпускать 20–30 тысяч самолетов в год, в том числе 2 тысячи тяжелых бомбардировщиков стратегического назначения, способных достичь Англии, России и США. Число бронетанковых и моторизованных дивизий должно было к середине 1940-х годов увеличиться с 6 до 20.

Предстояла всеобщая модернизация железных дорог рейха.

Немцы эффективно использовали возникшие возможности. В Германию были привезены 40 тысяч квалифицированных чешских рабочих. Три бронетанковые дивизии вермахта были оснащены танками, пушками и грузовиками, собранными на чешских заводах. Два самых крупных чешских завода — «Шкода» в Праге и государственный Чешский оборонный завод были включены в собственность рейха. Французское экономическое влияние в Восточной Европе быстро было заполнено германским влиянием.

Что касается положения вещей внутри рейха, то Гитлер говорил журналистам о «необходимости психологически переориентировать немецкий народ и довести до его сознания, что существуют вещи, добиться которых можно только силой». Военным сообщалось: «Я взял на себя ответственность за разрешение проблемы жизненного пространства Германии. Прошу вас вполне осознать это. В момент, когда я понимаю, что могу победить, я немедленно наношу удар и не страшусь подойти к краю пропасти».

Политические чистки в Москве влияли на планирование Гитлера. Отправленный в Рим Риббентроп приводил тот аргумент, что, «поскольку мощь России подорвана на много лет вперед, мы можем обратить всю нашу энергию против западных демократических государств».

Со своей стороны Советская Россия после Мюнхена зримо ослабляет свою внешнеполитическую активность. Разведка докладывала об активизации немцев на польском направлении. Здесь на этом этапе не было злорадства — Сталин явственно боялся выхода немцев к советским границам. Москва предложила Варшаве возобновить Пакт о ненападении 1932 г. Были начаты переговоры, в результате которых в декабре 1938 г. было подписано торговое соглашение. Германия, помимо прочего, пугала тем, что отказалась предоставить крупный заем на приобретение немецкого оружия.

Теперь, после крушения системы европейской безопасности, Сталин без прежней охоты шел на контакт с западными державами. Английские попытки улучшить отношения с СССР не получили поддержки. Обращаясь к XVIII съезду ВКП (б) 10 марта 1938 г., Сталин заявил о начале новой империалистической войны, о «переделе мира, пересмотре границ, сфер влияния, колоний — при помощи военных действий». В Европе, по его мнению, уже сложились два блока империалистических держав. С одной стороны — страны Антикоминтерновского блока, а с другой — Запад, возглавляемый Британией и Францией. «Франция и Англия отвергли

политику коллективной безопасности, коллективного сопротивления и заняли позицию нейтралитета... А политика невмешательства означает молчаливое согласие, попустительство агрессии, потворство в развязывании войны... Это опасная игра, равносильная погружению всех воюющих держав в трясины войны... с тем чтобы ослабить и измотать друг друга, подстрекающая немцев идти на восток, обещая легкую наживу и внушая: „Только начните войну с большевиками — и все будет в порядке“».

Гитлер в Праге

В начале февраля 1939 г. на повестку дня Гитлера стал окончательный разгром Чехословакии. Семь армейских корпусов ждали на границе. Роль судетских немцев на этот раз должны были сыграть словаки, которым немцы пообещали независимость.

Прогноз на весну 1939 года оказался верным: 12 марта «жребий был брошен» (слова Гитлера. — А. У.). Он отдал приказ германским войскам пересечь границу и инкорпорировать Чехословакию в германский рейх в ближайшие дни. Четырнадцатого марта 1939 года Гитлер вызвал в Берлин президента «укороченной» Чехословакии Гаху. Чешскую делегацию разместили в отеле «Адлон», где в лучшем номере был устроен прием. Супруга чехословацкого президента получила шоколад от Гитлера — личный подарок канцлера, а его дочь — огромный букет цветов. В час ночи 15 ноября Гаха был вызван в рейхсканцелярию. Чешским гостям предлагалось пригласить вермахт в собственную страну. Согласно записям переводчика Шмидта, «президент Гаха и Хвалковский (министр иностранных дел. — А. У.) сидели словно окаменев. Только глаза выдавали, что они живы». На следующий день французский посол Кулондр направил в Париж отчет об этой встрече: Геринг и Риббентроп «были безжалостны. Они буквально охотились за Гахой и Хвалковским, бегая вокруг стола, на котором лежал документ, подталкивая их, всовывая ручку им в руки, постоянно повторяя, что в случае их отказа половина Праги будет через два часа лежать в руинах, и это будет лишь начало. Сотни бомбардировщиков ожидают приказа». Президент терял сознание, и после двух уколов он подписал акт национального самоубийства: он «с доверием вручает судьбу чешского народа и страны в руки фюрера германского рейха».

Ликующий Гитлер ворвался к секретарям, и, обнимая женщин, кричал: «Дети! Это величайший день в моей жизни! Я войду в историю как величайший немец!». В 8 утра Гитлер вылетел из Берлина, чтобы прибыть в Прагу вместе с войсками.

Для истории же этот день 15 марта 1939 года, день триумфа Гитлера, был днем, когда и на Западе, и на Востоке сознание неотвратимости военного конфликта пронзило даже тех, кто верил в мирный исход событий. И этот день, возможно, стал началом того пути, который привел Германию к крушению.

В 6 часов утра 15 марта 1939 года немецкие войска вошли в

Чехословакию. Во второй половине дня в Прагу прибыл Гитлер. Он остановился в Градчанском замке. Теперь он был хозяином Центральной Европы и объявил об этом миру: «В течение тысячи лет провинции Богемия и Моравия составляли часть жизненного пространства германского народа... Чехословакия показала внутреннюю неспособность выжить и поэтому ныне пала жертвой фактического распада. Германский рейх не может терпеть постоянные потрясения в этом районе и теперь он намерен восстановить основания разумного порядка в Центральной Европе. Ибо тысяча лет исторического развития уже доказали, что, благодаря своему величию и внутренним качествам, лишь германский народ может осуществить эту задачу».

16 марта немецкие войска вошли в Словакию. Вся операция заняла три дня, и 18 марта Гитлер был уже в Вене. 20 марта он возвратился в Берлин, где, как прежде Гаху и Тису, принял министра иностранных дел Литвы Урбиса. Под угрозой воздушного нападения рано утром Литва подписала соглашение, по которому Мемель отходил к Германии. Гитлер триумфально прибыл в Мемель.

Чемберлен, наконец, словно проснулся: «Теперь нам говорят, что этот захват территории был вызван внутренними потрясениями в Чехословакии... Если там были потрясения, то не были ли они вызваны извне?... Является ли происходящее концом старой авантюры или началом новой? Является ли это последним нападением на малое государство, или за ним последуют другие? Не является ли это шагом в направлении достижения мирового господства, совершенного силой оружия?... Нельзя сделать большей ошибки, чем предположить, что, видя в войне безжалостность и жестокость, наша нация потеряла внутреннюю силу и что она не примет участия в отражении всеми имеющимися у нее силами данного вызова».

Выступая 17 марта 1939 года в Бирмингеме, Н. Чемберлен перечислил все обещания Гитлера, в том числе и последние (мюнхенские) гарантии Чехословакии: «Это последние территориальные претензии, которые мы имеем в Европе. Я больше не заинтересован в чешском государстве». В свете германского вероломства герой Мюнхена Чемберлен изменил свою точку зрения на ход событий в Европе. Теперь он желал найти ту крайнюю черту, дальше которой английское правительство отступать не будет. Эту черту он видел в обеспечении целостности польского государства — следующей возможной жертвы Германии. Он заявил 31 марта 1939 года перед полным составом парламента: «Правительство Его Величества намерено предоставить польскому правительству всю возможную

поддержку. Мы дали польскому правительству все необходимые заверения по этому поводу». Гарантии Польше поддержали лидеры всех партий. Как пишет У. Манчестер, «Чемберлен изменил британскую политику, принятую в 1918 году, — избегать обязывающих союзов на континенте. Он еще не подписал договора о формальном военном союзе, но он уже предпринял значительные шаги в этом направлении. Вопреки всем свидетельствам, он верил в то, что может отвратить Гитлера от выступления против поляков. И он верил также в то, что Польша была мощной военной державой. В обоих случаях он был не прав».

Гитлер поворачивает к Польше

В фокусе европейской политики теперь находилась Польша. В течение одного дня, 15 марта 1939 года, когда Гитлер послал войска в Чехословакию, Польша оказалась окруженной с трех сторон. Ровно через неделю Риббентроп вызвал к себе польского посла в Берлине Липского: «Польша должна понять, что она не может держаться среднего курса между Россией и Германией». Ее спасение в «разумном сотрудничестве с Германией и фюрером», в проведении «совместной антисоветской политики». По существу Польше предлагался выбор: либо стать сателлитом Германии и сохранить таким образом свой статус в Европе, либо исчезнуть с политической карты мира.

В это время Гитлер и Редер были на борту карманного линкора «Дойчланд», направлявшегося к Мемелю, который Литва получила в результате Версальского договора. Риббентроп в Берлине вызвал к себе представителя литовского правительства и через несколько часов радировал фюреру, что литовцы подписали отказ от Мемеля. Двадцать третьего марта Гитлер приветствовал «освобожденный» город.

Возможно, в этот момент поляки почувствовали опасность, это был, по словам германского посла в Варшаве фон Мольтке, «очень неприятный сюрприз для польского правительства». Оно впервые ощутило себя на месте австрийцев и чехов. Его взоры обратились на Лондон и Париж.

Разумеется, тревогу теперь испытывал и Советский Союз. М. М. Литвинов 18 марта 1939 года выдвинул предложение о созыве в Бухаресте конференции шести держав: СССР, Румынии, Польши, Британии, Франции и Турции — для создания «мирного фронта» против германской экспансии. Примечательно, что в Париже не осталось никаких письменных свидетельств реакции французского правительства на предложение, которое могло бы спасти это правительство. В мемуарах министра иностранных дел Бонне, где немало страниц посвящено малозначимым событиям, нет даже упоминания об этой инициативе. Чемберлен и Галифакс, по крайней мере, засвидетельствовали факт прочтения ими этого предложения. Чемберлен отверг его на том основании, что оно «преждевременно». Министр иностранных дел Галифакс назвал его «неприемлемым».

Посол СССР И. Майский 19 марта попросил у Галифакса разъяснений. Галифакс ответил, что министры короны «слишком заняты», чтобы

участвовать в бухарестской встрече. Чемберлен 23 марта в палате общин выступил в принципе против создания «противостоящих друг другу блоков» в Европе. Мотивы, которыми он руководствовался, были изложены им в частном письме 26 марта: «Я должен признаться в самом глубоком недоверии к России. Я не верю, что она способна к эффективному выступлению, даже если бы она хотела этого. Я не верю и ее мотивам». Посол Майский охарактеризовал этот отказ как «еще один огромный удар по политике коллективной безопасности».

Позиция Лондона была ключевой. Он, с одной стороны, якобы не желал создания блоков, а с другой, понимал, что еще один-два шага, и Британия почувствует себя в Европе чужой. Легче всего в данной ситуации было договориться с Варшавой, где, собственно, и не видели этому альтернативы. Чемберлен считал русских ненадежными партнерами. Он доказывал, что решающую роль играет не Россия, не имеющая общих границ с Германией, а Польша. В Лондоне было принято решение о создании коалиции вокруг Польши, а не вокруг СССР. Наследники Пилсудского отвергали идеи четырехстороннего (СССР, Англия, Франция, Польша) оборонительного союза. Им оставалось полагаться на Запад. В польской многонациональной стране в очередной раз началось движение по заранее обреченному пути.

Вечером, 30 марта британский посол Кеннард обратился к министру иностранных дел Польши полковнику Беку с предложением о тройственном союзе. Прежнее, о союзе Британии, Франции, Польши, СССР, Бек отверг и теперь принимал «усеченный» вариант. Чемберлен и сам разделял чувства Бека. В инструкции Кеннарду говорилось: «Ясно, что наши попытки консолидировать ситуацию будут разрушены, если Советский Союз открыто ассоциирует себя с этой схемой. Полученные в последнее время телеграммы из ряда миссий Его Величества за рубежом предупреждают нас о невозможности включения России — это не только подорвало бы успех наших конструктивных усилий, но и консолидировало бы „Антикоминтерновский пакт“, а также вызвало бы обеспокоенность среди дружественных правительств».

Ощущая, что промедление опасно, Чемберлен 31 марта 1939 года выступил в переполненной палате общин и прилюдно гарантировал границы Польши. Его слова были встречены с энтузиазмом. Теперь Британия привязывала себя к польским границам.

Бек был доволен обещанием Лондона. Попросту говоря, он ненавидел Россию и не любил Францию (откуда его в бытность молодым дипломатом изгнали за шпионаж). Гарантии, данные Беку, делали Британию

заложником государства, которое за короткий период своей независимости перевоевало со всеми своими соседями, отняло у них часть территории и антагонизировало их.

Были ли англичане слепы? Военный атташе Британии в Варшаве полковник Сворд прислал 22 марта в Лондон абсолютно реалистическую оценку стратегического положения Польши, окруженной с трех сторон Германией. Он отмечал отсутствие у польской армии современного вооружения. Коллега Сворда британский военно-воздушный атташе капитан Уочел был еще худшего мнения о боевых возможностях поляков. В польской армии, считал он, не более 600 самолетов, многие из которых не могут сравниться с германскими. Посол Кеннард обобщил мнение своих помощников: поляки не смогут защитить свою границу с Германией. «Дружественная Россия представляет первостепенный интерес для Польши».

Приехавшему У. Липпману Черчилль обрисовал свой план на ближайшее будущее: «Ограничить потери на Дальнем Востоке; исключить распыление флота; договориться с Японией после войны. Центральную Европу следовало бы мобилизовать как единое целое подобно тому, что было в 1914 году. В то время Германия имела десять мобилизованных в Чехии и Словакии дивизий. Теперь она держит здесь шесть дивизий в качестве оккупационных войск. Венгрия, Югославия и Румыния опасны и ненадежны. Польша — новая сила, а позади нее Россия.

Незачем говорить, что Германия не окружена. Лучше возобладать над нею в праведном возмущении. Единственный действенный аргумент — сила. Незачем кроить политику по меркам Геббельса. Нужно следовать своей линии. В случае германской мобилизации мобилизовать флот; в случае первых же провокационных действий перерезать германские железнодорожные коммуникации с Европой и бросить им вызов». Он предлагал послать флот на Балтику. Но Черчилль ощущал слабость своих планов. В «Мировом кризисе» он прямо писал, что западные союзники могли продержаться три первых года первой мировой войны только потому, что огромная армия царя сковала немцев с востока. Об этом следовало помнить. Советский Союз стоял на тропе нацистских завоеваний, каждый мог прочесть это в «Майн кампф».

Черчиллю не нужно было доказывать, что он противник большевиков, — это знали все. Но теперь речь шла о выживании Британской империи. И он открыто говорил и в палате общин, и повсюду, что нуждается в пяти миллионах солдат Красной Армии как оплоте против вермахта. «Россия представляет собой колеблющийся противовес на весах

мира. Мы не можем даже измерить поддержку, которая может поступить из Советской России... Наша задача: максимум возможного сотрудничества. Разумеется, в свете прошлого опыта трудно ждать ее автоматической помощи. Но надежду в возникающей ситуации дает то, что Советская Россия в высшей степени затронута амбициями нацистской Германии. Никто не может сказать, что не существует солидной общности интересов между западными демократиями и Советской Россией... Величайшей глупостью, которую мы могли бы совершить, был бы подрыв нашего естественного сотрудничества с Советской Россией». Выход для Британии — забыть идеологические распри и сформировать тройственный союз с Францией и Россией.

Чемберлен, размышляя о позиции своей страны в создавшейся обстановке, продолжал полагать, что Россия, а не Германия, представляет собой главную угрозу западной цивилизации. Окружение Черчилля сопротивлялось тому, чтобы тесно связать себя с судьбой Польши. Бусби писал Черчиллю: «Это самый сумасшедший шаг, когда-либо предпринятый нашей страной». Лорд разговаривал с Гитлером более часа, и когда фюрер сказал ему, что намерен использовать Польшу как трамплин для вторжения в СССР, он увидел в глазах Гитлера «безошибочно определенные признаки сумасшествия». Гитлер заверил Бусби, что Германия «не намерена атаковать Британию и Британскую империю, но если Англия станет польским или русским союзником, у него не будет выбора». И теперь, к ужасу Бусби, Чемберлен давал «неожиданные безоговорочные гарантии Польше без каких-либо гарантий русской помощи». Бэзил Лиддел-Гарт, крупнейший военный теоретик, полагал, что гарантии Польше — «глупый, бессмысленный и провоцирующий, плохо обдуманый жест», который «отдает судьбу Британии в руки хозяев Польши, людей сомнительных и переменчивых убеждений». В знак протеста Лиддел Гарт ушел с поста военного корреспондента «Таймс». Дафф Купер записал в дневнике: «Никогда в нашей истории мы не отдавали в руки одной из малых стран решение о вступлении Британии в войну». Ллойд Джордж был определенно против гарантий Польше в 1939 году. Он говорил о них как об очевидной глупости, как об иррациональном акте.

Гитлер был весьма удивлен действиями англичан. Выступая на спуске линкора «Тирпиц» в Вильгельмсхафене, он сказал: «Я решительно настроен идти намеченным путем... Если же кто-нибудь захочет померяться с нами силами, немецкий народ всегда готов принять этот вызов: мы готовы и исполнены решимости». На совещании своих генералов он выразился оптимистически: «Мы без труда удержим Польшу

в изоляции, несмотря на все происки врагов, если нам удастся напасть первыми и нанести тяжелые удары». Первым шагом к победе является деморализация противника. Гитлер использовал свое пятидесятилетие. По центру Берлина 20 апреля прошли шесть армейских дивизий и 600 танков.

В Лондоне еще не знали, что 3 апреля 1939 года верховное командование германской армии издало директиву в отношении Польши, в которую были вписаны слова Гитлера: «Приготовления нужно осуществить таким образом, чтобы операция могла быть произведена в любое время, начиная с 1 сентября». На следующий день, 4 апреля, Чемберлен пригласил Черчилля на обед в честь полковника Бека — польского министра иностранных дел. Черчилль задал Беку только один вопрос: «Вы будете возвращаться в Польшу в вашем специальном поезде через Германию?» Когда тот ответил утвердительно, Черчилль заметил: «Я думаю, что пока у Вас еще есть время для этого». Черчилль хотел подчеркнуть экстренность момента, — времени оставалось все меньше.

На рассвете 7 апреля 1939 года итальянские войска выступили против Албании. Подобно тому как Чехословакия была прецедентом агрессии против Польши, агрессия против Албании являлась прелюдией итальянских действий против Греции и Югославии. Черчилль полагал, что Англия не должна оставлять эти страны на произвол судьбы. В противном случае Германия и Италия усиливались до такой степени, что могли перерезать «сонную артерию» Британской империи — путь через Суэцкий канал, ведущий к Индии и доминионам. Черчилль написал Чемберлену 9 апреля 1939 года: «Сейчас мы накануне решения будущего для Балканского полуострова. Если государства, находящиеся здесь, останутся уязвимыми для германского и итальянского давления, то в конечном счете они будут вынуждены искать способы достижения соглашения с Берлином и Римом. Наши позиции здесь будут утеряны. Мы будем привязаны к Польше, но изолируем себя от других стран, лишимся надежд на создание союза, который был бы для нас спасением».

Тем временем президент Рузвельт направил личное послание Гитлеру и Муссолини, предлагая двум диктаторам пообещать миру не предпринимать новой агрессии в течение 10 или даже 25 лет. Вначале Муссолини отказался читать этот документ, а затем прочел и заметил: «Вот вам и результат детского паралича». Гитлер проявил к неожиданному заморскому посланию не больше уважения.

Безотносительно к оценке роли Сталина в ходе поляризации сил в Европе, следует отметить, что британская односторонняя гарантия Польше не могла не убедить его в том, что лидер Запада — Британия —

предпочитает союз с Польшей улучшению отношений (не говоря уже о союзе) с СССР. И если вокруг Польши состоится новый Мюнхен, то западные державы постараются устранить Советский Союз (как это уже произошло в Мюнхене). Отсюда возникает вопрос: не состоится ли этот «новый Мюнхен» за счет «аморфного Востока»?

Гарантии Польше

Как резюмирует английский историк А. Буллок, «английские гарантии Польше вызвали возмущение как в Берлине, так и в Москве. Хотя англичане и вели с Россией переговоры о способах предотвращения агрессии в Восточной Европе, они не информировали русских ни о своих планах, ни о своем решении в одностороннем порядке принять декларацию. Литвинов почувствовал, что это известие делает его собственное положение крайне шатким; отмахнувшись от попыток британского посла объясниться, он заявил, что все его усилия, направленные на укрепление советско-английского сотрудничества „на данном этапе потерпели поражение“, что с Советского правительства довольно, и впредь „оно будет считать себя свободным от каких бы то ни было обязательств“».

Почему примирители бросились к Польше, не успев договориться с СССР? Согласно Лиддел Гарту, Галифакс, правая рука Чемберлена, полагал, что Польша в военном смысле ценнее России. И это мнение преобладало на Даунинг-стрит тогда, когда, по словам Лиддел Гарта, польские генералы «все еще связывали все свои надежды с огромной массой кавалерии и были убеждены в возможности конных атак. В этом отношении их идеи отстали от своего времени на восемьдесят лет, поскольку бессмысленность кавалерийских атак была доказана уже во время гражданской войны в Америке». Поляки отмобилизовали тридцать пехотных дивизий и двенадцать кавалерийских бригад. В Берлине уже подписали планы выступления против Польши девяносто восемь дивизиями, командиры которых вполне осознавали значение моторизованной техники.

Возможно, беседы с Бекком несколько отрезвили Чемберлена. Премьер спросил польского лидера, куда, по его мнению, будут нанесены следующие удары Гитлера? Бек с отсутствующим выражением лица предположил, что, видимо, речь пойдет о колониях. Чемберлен поинтересовался, может ли СССР оказать помощь Польше. Бек ответил, что любая форма ассоциации между Польшей и Россией будет означать войну между Польшей и Германией. Может ли Польша гарантировать помощь Румынии? «Пусть та будет предоставлена сама себе», — ответил Бек. Он пошел в своем самоослеплении еще дальше: «Риббентроп... недавно заверил меня, — сказал Бек, — что Германия не претендует на

Данциг». Ослабил ли Польшу захват немцами чешских заводов «Шкода»? Вовсе нет. В области военного снаряжения Польша большей частью обеспечивает себя сама, она даже поставляла орудия Великобритании. Это было слишком даже для Чемберлена, который знал, по крайней мере, то, что в Британии не видели польских пушек. Бравата Бека дорого стоила его стране.

В Англии начала расти группа сторонников укрепления связей с СССР.

Черчилль привел Майского в курительную комнату палаты общин: «Господин посол, если мы желаем добиться успеха, нам нужна помощь России. Ныне меня не волнует ваша система, но поляки и румыны относятся к ней неодобрительно. В крайнем случае, они могут позволить вам войти, но они хотели бы получить гарантии, что вы в конечном счете выйдете. Можете ли вы дать такие гарантии?» Обращаясь к вопросу о сближении с СССР, Черчилль сказал 13 апреля 1939 года в палате общин: «У России огромный интерес к тому, чтобы предотвратить нацистскую экспансию в восточном направлении. Именно на этот глубокий, естественный, законный интерес мы должны полагаться, необходимо добиться полного возможного сотрудничества с Россией, сделать так, чтобы никаким предрассудкам со стороны Англии или Франции не было позволено вмешаться в теснейшее сотрудничество между нашими странами, обеспечивая тем самым для нашей комбинации сил огромный контрбаланс русской мощи».

Однако официальное мнение было иным. Англия и Франция представили своеобразный ответ на предложение Москвы о конференции шести держав. Лондон просил лишь одного — гарантировать независимость Польши и Румынии. Лондону это было сделать проще — он располагался в другом конце Европы, а если Берлин воспримет такие гарантии как казус белли? Чемберлен не соглашался даже с тем, что нарушение суверенитета указанных стран будет рассматриваться его правительством как прецедент, автоматически включающий процесс взаимной помощи.

Через несколько дней Литвинов вручил послу Великобритании в СССР сэру Уильяму Сидсу официальное предложение: считать, что любое продвижение германских вооруженных сил на восток будет расцениваться как нападение на Советский Союз; Красная Армия станет действовать соответственно. СССР, Англия и Франция окажут друг другу взаимную военную помощь. Польша, если пожелает, может подключиться к их союзу. Предложение было разумным. Гитлер в этом случае попадал в железное кольцо. Причем Литвинов, зная о подозрительности Сталина, потребовал

немедленного обсуждения военных условий союза. Оценивая данное предложение, Макмиллан пишет в мемуарах: «Это был последний шанс Литвинова. И наш тоже».

Черчилль подытожил ситуацию таким образом: «Если бы мистер Чемберлен по получении русского предложения ответил: „Да. Давайте сомкнем руки и разобьем Гитлеру нос“, — или похожими по смыслу словами, парламент поддержал бы его. Сталин пришел бы к определенному мнению, и история пошла бы другим курсом». После долгих внутренних переговоров Париж принял предложение СССР, а Лондон нет. Здесь его обсуждение происходило 19 апреля. Вступивший на пост министра вместо Галифакса Кадоган охарактеризовал московский план как «чрезвычайно неудобный». Он заявил, что военный потенциал СССР незначителен, и заключил: «С практической точки зрения все аргументы говорят за то, чтобы не принимать русского предложения». Но отвергнуть его было очень сложно. К тому же существовала, хотя и «очень отдаленная», возможность того, что СССР найдет общий язык с Германией. И все же предложение Литвинова нельзя было принимать на том основании, что оно могло «вызвать отчуждение наших друзей и укрепить пропаганду наших врагов, не дав при этом реального материального вклада в укрепление нашего фронта».

Чемберлен был в затруднении, зная, что завтра Черчилль укажет на него пальцем. И все же старая команда: Чемберлен, Галифакс, Вильсон, Кадоган, Инскип и Саймон — выступила против союза с большевиками, приводя в качестве основного аргумента возможное недовольство Польши и Румынии. Военные тоже помогли: согласно их экспертизе, военная помощь, которую мог оказать Польше и Румынии Советский Союз, «не столь велика, как это принято считать». В своих мемуарах Черчилль так определил утраченные возможности: «Теперь, глядя на эти события издали, приходишь к выводу, что Британия и Франция должны были принять русское предложение, провозгласить трехсторонний союз и оставить выяснение метода конкретных действий союза в случае войны на будущее. Тройственный союз мог бы перехватить дипломатическую инициативу, и Гитлер не смог бы прибегнуть к своей излюбленной тактике действий то на одном участке, то на другом... Британский народ принял принцип обязательной военной службы, и он имеет право совместно с Французской республикой призвать Польшу не создавать препятствия на пути реализации общего замысла. Мы должны были полностью поддержать идею сотрудничества с Россией, все балтийские государства — Литва, Латвия, Эстония — должны были также войти в ассоциацию... Не

существовало никаких средств образования Восточного фронта против нацистской агрессии без активной помощи России. Русские интересы самым непосредственным образом были связаны с предотвращением реализации планов Гитлера в Восточной Европе. Это давало надежду на консолидацию всех государств и народов от Балтийского до Черного моря в единый фронт против агрессии». Последовавшая со стороны западных держав пауза, по мнению Черчилля, имела роковое значение.

После многодневного молчания Чемберлен сказал, что скорее уйдет в отставку, чем заключит союз с Советами. Более простодушный адмирал Четфилд выразил обеспокоенность тем, как бы Россия не заключила союза с Германией. «Это создает для нас самую опасную ситуацию». Протокол в этом месте фиксирует оживленное изумление по поводу страхов адмирала.

После двух недель молчания Лондона Сталин сместил Литвинова с поста комиссара иностранных дел. Его место занял Молотов. Как пишет американский историк У. Манчестер, «исследовать сознание психопата невозможно — кратчайшее расстояние между двумя точками становится лабиринтом, и все же... в мышлении Сталина был метод. По-своему, следуя собственным извращенным представлениям, он все же был патриотом; как Уинстон, он видел опасность рейха и желал своей стране избежать этой опасности. Такова была его цель. Любые средства были приемлемы для него. Он начал поиски выхода из данного положения. Без сомнения, он предпочел бы избежать привязанности к союзникам вовсе. Если на него с подозрением смотрели в европейских столицах, то и он наблюдал за западными лидерами с немалой долей паранойи». Пока союз с Британией и Францией выглядел предпочтительнее. Поэтому Молотову было поручено не прекращать дискуссий с Галифаксом и Бонне.

Гитлер следил за переменами в Кремле. В сообщении, полученном из Варшавы, говорилось, что Литвинов был снят со своего поста после того, как маршал Ворошилов сказал ему, что Красная Армия не готова воевать за Польшу, и осудил от имени генерального штаба «излишне далеко идущие обязательства». Германский поверенный в делах сообщил из Москвы в Берлин: «Не далее как 2 мая Литвинов принимал английского посла и был назван в прессе среди почетных гостей на параде. Его смещение представляется результатом спонтанного решения Сталина... На последнем партийном съезде Сталин призвал к осторожности, с тем чтобы избежать втягивания Советского Союза в конфликт. Молотов (не еврей) рассматривается как наиболее близкий сотрудник Сталина. Его значение очевидно гарантирует, что внешняя политика будет вестись строго в соответствии с идеями Сталина».

Естественно, на Западе гадали о том, какой будет новая советская политика, обсуждались возможные повороты. По мнению Черчилля, «советское правительство под воздействием Мюнхена убедилось в том, что ни Британия, ни Франция не станут воевать до тех пор, пока немцы на них не нападут. Поэтому рассчитывать на них не приходилось... Россия обязана была позаботиться о себе. Смещение Литвинова означало конец эпохи. Оно регистрировало то обстоятельство, что в Кремле потеряли веру в обеспечение безопасности совместно с западными державами и в возможность организации совместного восточного фронта против Германии».

Глава третья

Начало Второй мировой войны

Война была внутренней необходимостью нацизма. Через восемь дней после прихода к власти — 8 февраля 1933 г. — канцлер Гитлер заявил своему кабинету: «Следующие пять лет должны быть посвящены тому, чтобы сделать германский народ снова способным носить оружие. Это должно быть главной мыслью, всегда и везде». Парадоксально, но факт — Гитлер не был доволен овладением частью Чехословакии мирными способами. В ноябре 1938 г. он говорит о необходимости «преподносить германскому народу дипломатические события таким образом, чтобы внутренний голос самой нации взывал к силе... Нужно воспламенить боевой дух германского народа, яд пацифизма нужно уничтожить».

Муссолини и Гитлер 22 мая 1939 года подписали так называемый «Стальной пакт», обещая использовать силу для обеспечения жизненного пространства своим народам. В случае вступления одной стороны в войну другая обязывалась «немедленно прийти на помощь в качестве союзника, поддерживая союзную сторону всеми вооруженными силами на суше, в море и воздухе».

В Европе складывалась своеобразная ситуация. Красная Армия (столь низко оцениваемая Чемберленом) насчитывала триста дивизий. Вермахт — двести дивизий. Франция и Италия — по сто дивизий.

Немцы были очень активны на Балтике. Под их давлением литовцы отдали Германии Мемель. Финляндия, Эстония и Латвия отвергли предложение СССР подписать двусторонние договоры о ненападении, но подписали такие договоры с немцами. Генерал Гальдер из ОКХ проинспектировал их оборонительные сооружения. На западе Бельгия под давлением немцев заявила о своем нейтралитете.

По подсчетам Гитлера, к первой годовщине Мюнхена у него должно было быть более 7 миллионов солдат во всех родах войск. Он полагал, что это тот случай, возможности которого не следовало упускать. Приказы об уничтожении Польши уже были отданы. Едва ли уже что-либо могло остановить хорошо смазанную военную машину Германии. В будущем она могла предполагать относительное ослабление своей мощи.

За пределами узкого круга германского руководства тогда еще не знали, что Гитлер намерен вторгнуться в Польшу во что бы то ни стало.

Собственно, Гитлер не считал нужным сохранять полное молчание. Верховному комиссару Данцига Карлу Буркхардту он сказал: «В случае малейшего инцидента я сокрушу поляков без предупреждения таким образом, что впоследствии от Польши не останется и следов. Я нанесу удар всей мощью механизированной армии, о которой поляки не имеют и представления». Буркхардт сообщил это Галифаксу. Конечно, удобнее было думать, что это блеф.

Но факты свидетельствуют, что период блефа окончился. В обстановке величайшей секретности 3 апреля была издана директива вооруженным силам (напечатано было лишь пять экземпляров). В «Белом плане» значилось следующее: «Цель — уничтожение польской военной мощи и создание на Востоке ситуации, которая удовлетворяет требованиям национальной обороны... Задачей является изоляция Польши. Развитие внутреннего кризиса во Франции и, как результат, осмотрительность англичан могут создать такую ситуацию в недалеком будущем... Вмешательства России едва ли следует ждать. Позиция Италии определена осью Рим — Берлин... Войну следует начать неожиданными мощными ударами, добиваясь быстрого успеха».

Были ли у Германии шансы выиграть в начинающейся войне? Фактически ответу на этот вопрос была посвящена лекция руководителя военного отдела верховного командования генерала Томаса перед личным составом министерства иностранных дел 24 мая 1939 года. Генерал сравнивал процесс подготовки Германии к Первой мировой войне и текущий период. За шестнадцать предшествовавших войне лет — с 1898 по 1914 год — численный состав кайзеровской армии вырос с сорока трех до пятидесяти дивизий. За четыре года (1935–1938) численность армии новой Германии увеличилась с семи до пятидесяти одной дивизии. В ее составе были силы, которых не было у других стран, — пять тяжелых бронетанковых дивизий и четыре легких. Начавшийся с нуля военноморской флот теперь имел два сверхсовременных линкора, два тяжелых крейсера, семнадцать эсминцев и сорок семь подводных лодок. На стапелях стояли два гигантских линкора, авианосец, четыре тяжелых крейсера, семь подводных лодок. В люфтваффе входила двадцать одна эскадрилья. Четыре года назад их не было, а сейчас в ВВС насчитывалось 260 тысяч человек. Военная промышленность уже превосходила пик достигнутого в предшествующей войне. Производство в основных отраслях превышало показатели любой страны.

Германия была сильна и способна на многое лишь при условии разъединения Запада и Востока. Ей никогда бы не удалось разгромить

объединенные силы СССР, Британии и Франции. Поэтому расчет Гитлера строился на предотвращении создания такой коалиции. Первая попытка объединения, предпринятая Литвиновым, была отвергнута Чемберленом. Вторая намечалась на лето 1939 года.

Президент Рузвельт попытался спасти мир в быстро распадающейся на блоки Европе. Он призвал Гитлера дать обещание не нападать на тридцать одну европейскую страну. Ответ фюрера вызвал восторг рейхстага. Нам он любопытен как один из лучших образцов той идейной схемы, которая в исключительной степени овладела Германией, сделала ее заложницей опасных для национального выживания авантур. Итак, Гитлер в рейхстаге 28 апреля 1939 года: «Мистер Рузвельт! Я полностью представляю себе огромность вашей нации и невероятное богатство вашей страны, позволяющее вам чувствовать ответственность перед историей за весь мир и за историю всех наций. Я, сэр, нахожусь в гораздо более скромной сфере...

Однажды я взял власть в государстве, которое находилось перед угрозой полного краха из-за того, что оно поверило обещаниям остального мира и отвратительному режиму демократических правительств... Я преодолел хаос в Германии, восстановил порядок и в огромной степени увеличил производство... развил транспортную систему, создал прекрасные дороги, выкопал каналы, вызвал к жизни гигантские новые заводы и в то же время сумел помочь распространению образования и культуры нашего народа.

Я сумел найти полезную работу более чем семи миллионам безработных... Я не только объединил германский народ политически, но и перевооружил его. Я взялся также за дело уничтожения страница за страницей договора, который в своих четырехстах сорока восьми параграфах обосновывал самое низкое угнетение, которое народы и отдельные люди могли встретить на своем пути.

Я вернул рейху провинции, украденные у него в 1919 году. Я вернул родине миллионы немцев, которые были отторгнуты от нас и прозябали в нищете... И все это я, мистер Рузвельт, сделал, не пролив крови и не ввергнув мой народ и, соответственно, другие народы в ужасы войны...

У вас есть время обратиться к вселенским проблемам... Мир, в котором Провидение поместило меня и в котором я обязан работать, бесконечно меньше, к сожалению, хотя для меня он ценнее всего, ибо в нем находится мой народ!» Таков типичный образец политического искусства Гитлера, сумевшего при помощи самого грубого национализма побудить готовность к самопожертвованию великой европейской нации.

До конца мая 1939 года Гитлер мог питать надежду на относительно бескровное завоевание Европы. Обеспокоенность, возникшая и на западе и на востоке континента, привела его к заключению, что в дальнейшем, если он не откажется от своих целей, массовое кровопролитие неизбежно. Гитлер так и сказал об этом 23 мая 1939 года своему высшему генералитету, созванному в его обширный кабинет в новой рейхсканцелярии. Присутствовали четырнадцать военачальников, среди них были: Геринг, Редер, Браухич, Гальдер, Кейтель. Протокол, благодаря которому мы знаем, что происходило на этой встрече, вел адъютант фюрера подполковник Р. Шмундт. Запись сделана от руки, снять копии никто не отважился.

Это была роковая конференция. Здесь, перед своими генералами, Гитлер не занимался пропагандой. Он сказал им прямо, что намерен совершить нападение на Польшу, а если это вызовет известные последствия, то вступить в войну с Британией и Францией.

«Дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без пролития крови... Если судьба ведет нас к столкновению с Западом, бесценным является обладание большими территориями на Востоке. В военное время мы не сможем более рассчитывать на рекордные урожаи». Население Востока рассматривалось как источник рабочей силы. Первая цель — Польша. «Не может быть вопроса о том, чтобы упустить Польшу, и нам оставлен один выход: атаковать ее при первой возможности... Не совсем ясно, приведет ли германо-польский конфликт к войне с Западом, когда мы должны будем сражаться против Англии и Франции. Если же будет создан союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии, я буду вынужден нанести по Англии и Франции несколько уничтожающих ударов. Я сомневаюсь в возможности достичь мирного соглашения с Англией. Англия видит в нашем развитии предпосылки гегемонии, которая может ослабить английские позиции в мире. Поэтому Англия является нашим врагом, и конфликт с ней будет борьбой не на жизнь, а на смерть. Голландские и бельгийские воздушные базы должны быть оккупированы нашими вооруженными силами, при этом декларация о нейтралитете должна игнорироваться. Если Англия намерена вмешаться в войну с Польшей, мы должны оккупировать Голландию со скоростью молнии... Англия знает, что поражение в этой войне будет означать конец ее как мировой державы. Англия — это движущая сила коалиции против Германии. Англичане сами по себе — гордый, отважный, упорный в сопротивлении народ, одаренный большими организаторскими способностями. Они знают, как использовать каждую возникающую

возможность. Им присущи любовь к авантюре и смелость нордической расы. Но средние германские показатели выше. Если бы в Первой мировой войне у нас было на два линейных корабля больше или если бы Ютландская битва началась утром, британский флот потерпел бы поражение и Англия была бы поставлена на колени. Сейчас континентальные возможности Англии должны быть ликвидированы, армия должна захватить все позиции для укрепления нашего военно-морского флота и военно-воздушных сил. Если Голландия и Бельгия будут успешно оккупированы и удержаны и если Франция тоже потерпит поражение, то фундаментальные условия для успешной борьбы против Англии будут обеспечены».

На что будет похож этот конфликт? «Англия не может покончить с Германией несколькими мощными ударами. Решающее значение для Англии имеет ведение вооруженных действий в максимальном приближении к Руру».

Гитлер наметил оккупацию Бельгии и Голландии. А в целом «война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть... Мы должны сжечь свои корабли и ставить вопрос не о том, кто прав, а кто виноват, но вопрос — быть или не быть восьмидесятиmillionному народу».

Гитлер бросался в отчаянную авантюру. Но 23 мая 1939 года ни один из присутствующих не решился ни на какую форму оппозиции. А часть военных уже активно работала над планами агрессии. Начиная с 7 мая генералы Блюментрит, Рундштедт и Манштейн, создав «рабочий штаб», планировали военные операции против Польши.

Отношение к России

Напомним, что британское правительство лишь 8 мая ответило на выдвинутое 16 апреля Советским правительством предложение о военном союзе. И этот ответ означал практический отказ от такого союза. С этого времени Сталин начал предпринимать попытки сближения с немцами. Уполномоченный в делах СССР в Германии Г. Астахов на переговорах по экономическим проблемам с Ю. Шнурре 7 мая 1939 года затронул более широкие аспекты взаимоотношений двух стран: «Между Германией и Советским Союзом не существует конфликтов, и нет оснований для враждебности между двумя странами. Справедливо, что Советский Союз испытал определенное чувство угрозы со стороны Германии. Несомненно, существует возможность ослабления этого чувства в Москве».

Нарком иностранных дел Молотов, обращаясь к Верховному Совету СССР накануне рокового лета, выдвинул предложение о создании оборонительной системы в Европе, состоящее из трех пунктов: 1) заключение трехстороннего (СССР, Британия, Франция) пакта о взаимной помощи; 2) предоставление гарантий всем государствам Центральной и Восточной Европы; 3) подписание соглашения о формах и объеме помощи государствам, являющимся потенциальными жертвами агрессии.

Одновременно Молотов заявил, что переговоры с Западом не означают отказа от деловых отношений в практической сфере с Германией и Италией. Именно в это время эффективная разведывательная сеть советских спецслужб доложила, что Германия отказалась выполнить желание Японии — заключить союз против СССР. В свою очередь Токио отказался заключить с Германией союз против Запада. И у Москвы были достоверные сведения о том, что Германия непременно выступит против Польши. До сентября 1939 г. у советской разведки был агент в британском Форин-офисе, позволявший Кремлю знать все о британской политике. В частности, о силе антисоветских предубеждений британских вождей.

Надежда Гитлера покоилась на расширении такого сотрудничества и перенесении его в политическую сферу. Он спешил. Выступление против Польши было назначено на 1 сентября. Союз СССР, Британии и Франции мог бы быть единственной преградой господству Германии в Европе. Гитлер 26 мая 1939 года отдал распоряжение интенсифицировать активность на русском участке дипломатического фронта. Послу Шуленбургу было предложено сказать Молотову следующее: «Между

Германией и Советской Россией не существует подлинного противоречия интересов... Пришло время рассмотреть возможности умиротворения и нормализации германо-советских отношений. Итало-германский альянс не направлен против Советского Союза. Он направлен исключительно против англо-французской группировки. Если вопреки нашим пожеланиям дело дойдет до враждебных действий в отношении Польши, мы твердо уверены, что даже это никоим образом не приведет к столкновению интересов с Советской Россией. Мы готовы пойти настолько далеко, чтобы сказать: при разрешении германо-польского вопроса — в какой бы форме это разрешение ни произошло — мы будем учитывать русские интересы настолько, насколько это возможно».

Посол Шуленбург должен был также указать, что Британии, к союзу с которой стремится Россия, нечего дать русским. Даже военная помощь блокируется возведением немцами Западного вала. «Мы убеждены, что Британия и на этот раз остается верна своей традиционной политике привлечения других для таскания себе каштанов из огня».

Муссолини поддержал (30 мая) инициативу по улучшению отношений с СССР. Отчасти это объяснялось боязнью дуче «раннего» конфликта. Италия будет готова к военным действиям к концу 1942 года.

Посольство Германии в Москве внимательно наблюдало за ходом переговоров представителей СССР с англичанами и французами. Оно знало и сообщало в Берлин о тупике, образовавшемся ввиду проблемы гарантий Польше, Румынии и балтийским государствам. Как показывают документы германского министерства иностранных дел, немцы тайно поддерживали решительный отказ Латвии, Эстонии и Финляндии от советских гарантий.

В мае Черчилль и такие известные английские политики, как Дэвид Ллойд Джордж, Дафф Купер и Леопольд Эмери начали оказывать давление на правительство в пользу немедленного заключения соглашения с Россией. На многих присутствующих произвела впечатление речь Ллойд Джорджа в парламенте. Ситуация напоминала ему раннюю весну 1918 года. «Мы знали, что готовится гигантское наступление со стороны Германии, но никто не знал, где будет нанесен удар... Ныне существует та же степень секретности, что и в 1918 году. И наши противники стараются смутить нас по поводу того, каковы их цели, но ясно, что они готовятся не к обороне. Они рассматривают схемы нападения на того, кого они избрали в качестве первоочередной жертвы». С точки зрения Ллойд Джорджа, продолжительная война не устраивает диктаторов, она лишает их силы. «Германский идеал заключался в скоротечной войне. В 1914 году германские планы были построены на достижении быстрых результатов, и

они были бы достигнуты, если бы не Россия. С тех пор, как стало ясно, что быстрая победа достигнута не будет, игра была проиграна». Ллойд Джордж указывал, что на этот раз немцы технически более подготовлены, в частности, они создали тысячи бомбардировщиков.

Речь Ллойд Джорджа подействовала на присутствующих как холодный душ. Еще несколько месяцев назад подобные мысли высмеивались и отвергались, казались плодом воспаленного воображения. Но теперь обстановка радикально изменилась.

Особое внимание членов палаты представителей вызвала оценка сложившейся ситуации Черчиллем: «Я не в состоянии понять сомнения противников соглашения с Россией, учитывая широкие и простые предложения Советского правительства. Эти предложения предусматривают тройственный союз против агрессии, союз между Англией, Францией, Россией, который может распространить свое влияние на другие страны, если это влияние будет затребовано... Ясно, что Россия не собирается заключать соглашения, если с ней не будут обращаться как с равным партнером. Никто не желает связываться с нерешительным руководством и с неопределенной политикой. Наше правительство должно понять, что никто в государствах Восточной Европы не может пойти на войну протяженностью в год, если за их спиной не будет массивной и мощной поддержки дружественной России, связанной с коалицией западных держав, и я согласен с господином Ллойд Джорджем в том, что мы должны обеспечить эффективную поддержку дружественной Советской России. Без эффективного восточного фронта не может быть прочной защиты наших интересов на Западе, а без России не может быть эффективного восточного фронта. Если правительство, не изучив технические элементы проблемы, связанные с обороной Польши и Румынии, теперь отвергнет необходимую помощь России, то тем самым оно приведет нас к худшему из всех возможных результатов, худшей из всех войн».

Каковы же были контраргументы английского правительства? Галифакс утверждал, что такой договор будет негативно воспринят Японией. Румыния выступит против него вместе с Польшей. К договору неприязненно относятся английские католики. Реакцией Испании может быть присоединение к странам «оси». Последует отчуждение Италии. Возникнут возражения у Португалии. Гитлер может предпринять «отчаянные меры». Нетрудно увидеть, что речь идет либо о предрешенном (союз Италии с Германией), либо о явно второстепенном. Напрасно лучшие умы — Ллойд Джордж, Черчилль, Иден — требовали немедленного

соглашения с СССР. Чемберлен открыто признал, что не испытывает в этом отношении никакого энтузиазма. Между двумя странами — СССР и Великобританией — «существует некое подобие стены, которую трудно преодолеть». Черчилль полагал, что такая стена существует прежде всего в сознании премьер-министра. Журналист Колин Кут писал, что Чемберлен «по существу желает доминирования в Европе нацистских идей из-за фантастического негативного отношения к Советской России».

Черчилль смог подняться выше идеологических разногласий, когда на карту было поставлено выживание его страны; 19 мая он сказал, обращаясь к скамье, где сидел Чемберлен и его министры: «Когда вы пытаетесь оценить заинтересованность и лояльность русского правительства в этом вопросе, вы не должны руководствоваться сантиментами. Вы должны руководствоваться анализом вовлеченных в эту ситуацию жизненных интересов. Главные жизненные интересы России диктуют ей необходимость сотрудничества с Великобританией и Францией с целью предотвращения дальнейших актов агрессии». Черчилль прямо спросил у премьера и его кабинета: «Готовы ли вы быть союзником России во время войны?» И, предупреждая ответ, заметил: «Ясно, что Россия не собирается заключать соглашения, если с ней не обращаться как с равной, она должна не только ощущать равенство, но и быть уверенной в том, что методы союзников — на мировом фронте — наилучшим образом ведут к успеху».

Лишь под давлением группы обеспокоенных членов палаты общин Чемберлен 23 мая 1939 года дал свое согласие на переговоры с советскими представителями о заключении союза СССР, Великобритании и Франции.

Прошел май, наступил июнь, но Чемберлен не спешил. Из Москвы запросили о присылке чрезвычайного представителя, и Антони Иден предложил свою кандидатуру. У него были веские основания претендовать на участие в этой миссии — прежде он был министром иностранных дел, встречался со Сталиным и, кажется, нашел с ним общий язык. Но Чемберлен избрал Уильяма Стрэнга, о котором Черчилль сказал: «Способный чиновник, но не имеющий влияния за пределами министерства иностранных дел». Его выбор, по мнению Черчилля, был ошибкой, ибо «посылка столь второстепенной фигуры означала фактическое оскорбление». Размышляя о возможностях переговоров в Москве, Никольсон записал в дневнике 19 июня: «Должен признаться, что у меня дурные предчувствия».

Выдвижение кандидатуры Стрэнга отрицательно подействовало на Сталина. Серьезен ли Лондон в момент, когда речь идет о всеобщем выживании? Паранойя Сталина, его незнание Запада, особенность

сформировавшейся в СССР системы заставили обостренно и недоверчиво воспринимать все действия западных союзников. Роковой ошибкой Советского правительства было то, что оно не видело принципиального различия между фашистскими режимами Германии и Италии (с последней у СССР были особенно тесные отношения) и буржуазными демократиями Британии и Франции. В Москве думали о них прежде всего как о недавних лидерах интервенции.

Политические переговоры в Москве многократно описаны, и мы опускаем детали. Отметим лишь, что шли они неспешно и никак не отражали экстренности причины, их породившей. Чемберлена и Галифакса устраивал замедленный ход переговоров, они поощряли перерывы. Казалось бы, англичане должны были почувствовать серьезность надвигающихся событий. Например, 7 июля 1939 года из Рима была получена телеграмма, в которой Муссолини просил британского посла в Италии: «Скажите Чемберлену, что если Англия готова сражаться за Польшу, Италия сомкнет штыки со своим союзником Германией».

После двух недель переговоров в «Правде» 29 июня появилась статья члена Политбюро Жданова, возглавлявшего Комитет по иностранным делам Верховного Совета СССР: «Мне кажется, что британское и французское правительства не готовы к заключению соглашения, приемлемого для СССР, а стремятся лишь продемонстрировать общественному мнению своих стран якобы несговорчивую позицию СССР и таким образом упростить для себя задачу заключения соглашения с агрессорами... Им нужен договор, по которому России будет отведена роль чернорабочего, несущего на своих плечах бремя обязательств. Ни одна уважающая себя страна не пойдет на такой договор, если не хочет стать игрушкой в руках людей, привыкших таскать каштаны из огня чужими руками. Следующие несколько дней покажут, так это или нет».

Посол Шуленбург сразу же увидел в этом сигнале стремление «возложить на Британию и Францию вину за возможный провал переговоров».

В это время, как пишет А. Буллок, «из донесений, присылаемых Зорге из Токио, Сталин уже уяснил, что причина отказа Японии примкнуть к военному союзу с Германией кроется в осознании того, что Гитлер и Риббентроп в значительно большей степени заинтересованы в их участии в войне не против СССР, а в войне против Англии и Франции. Если бы СССР смог аналогичным образом сохранить нейтралитет перед лицом военного конфликта Германии с великими державами Запада, это, по крайней мере, позволило бы Сталину выиграть время и, возможно, в уплату за

нейтралитет, обеспечить территориальные и стратегические преимущества в Восточной Европе. Выигрыш во времени дал бы Сталину возможность укрепить боевую мощь СССР к тому моменту, когда Гитлер начнет осуществление своих планов в отношении России».

Спустя три месяца после советского предложения о переговорах, 13 июля, Черчилль выступил на страницах «Дейли миррор»: не может быть извинений «необъяснимой задержке» в подписании договора между Москвой, Парижем и Лондоном. Премьера же Чемберлена эта задержка не волновала. Он писал сестре: «Я так скептически отношусь к вопросу о ценности русской помощи, что не думаю, что наша позиция сильно ухудшится, если мы обойдемся без них».

Гитлер, напротив, хорошо понимал, что в случае формирования тройственного союза он будет превзойден в людях и вооружении. Он будет «перехитрен», ему нужно будет пересмотреть военные планы и постараться выиграть время. 11 августа 1939 г. Гитлер сказал Карлу Буркхардту, комиссару Лиги Наций в Данциге: «Все, что я предпринимаю, направлено против русских. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, тогда я буду вынужден пойти на соглашение с русскими, побить Запад и затем, после его поражения, снова повернуть против Советского Союза со всеми моими силами.»

Черчилль полагал, что создание ситуации двух фронтов «стоило бы Гитлеру жизни». По его мнению, Чемберлен допустил грубую ошибку, не поставив восходящую звезду британской политики молодого консерватора Антони Идена во главе английской делегации, отправившейся для переговоров в Советский Союз. Второй ошибкой Черчилль считал назначение главой английской делегации Стрэнга, чиновника, не имеющего никаких специальных полномочий, ничего не знающего о советской политической системе. Третьей ошибкой явилось то, что англичане слишком долго собирали делегацию, ее нужно было послать на несколько месяцев раньше. Более того, такую делегацию в Советский Союз надо было послать уже в августе 1938 года, — еще до Мюнхена. Черчилль полагал, что Советский Союз с большей готовностью выступил бы за дружественную Чехословакию, с которой у него имелись достаточно тесные отношения. В случае с Польшей дело обстояло сложнее. Но и здесь прогресс был возможен при большей гибкости и настойчивости Запада.

К сожалению, группа англичан, сидевших на переговорах в Москве, думала, подобно Чемберлену и Галифаксу, что Красная Армия не такое уж и приобретение. И она не видела особой опасности в промедлении. Это было опасное заблуждение.

Советско-германский договор

В июне 1939 г. в газете «Правда» появилась статья «За Родину». «Родина одна только поддерживает горение героизма, горение творческой инициативы во всех областях, во всех сферах нашей богатой, многосторонней жизни... Защита отечества есть высший закон». XVIII съезд ВКП(б) знаменовал окончательную смену политической парадигмы Советской России. Строительство социализма окончательно стало означать не приближение мировой революции, а создание мощного современного государства. Вождь обращается к русской истории в поисках предтеч его курса. Пушкинское выражение «поднять историю на дыбы» цитируется им обильно. Он беседует с Алексеем Толстым в таком духе: «Эпоха Петра Первого — одна из величайших страниц в истории русского народа. Необходима была решительная революция во всех сферах жизни страны, нужно было поднять Россию до уровня культурных стран Европы. И Петр сделал это. Эпоха Петра и наша перекликаются друг с другом своего рода вспышками силы, взрывами человеческой энергии и мощью, направленной на освобождение от иностранной зависимости». И те, кто еще недавно воспевали мировую революцию, говорили теперь о себе (вслед за Маленковым) как о «слугах государевых». Теперь идеологические шоры не сдерживали Сталина.

В июне немцы предприняли зондаж возможностей начать переговоры со Сталиным, но без малейшего успеха. Но в середине июля Москва сделала важный шаг навстречу Германии. Советский торговый представитель в Берлине Н. И. Бабарин сообщил 18 июля своему германскому контрагенту Шнурре, что СССР хотел бы расширить двусторонние экономические отношения. Русские довели до сведения Германии, что возможна конкретизация экономического соглашения, как и более широкая договоренность. После позитивного ответа Германии через четыре дня было объявлено о возобновлении в Берлине советско-германских торговых переговоров. Шнурре 26 июля пригласил поверенного в делах СССР Астахова и главу советской торговой миссии Варварина на обед. Вот что он говорил советским дипломатам: «Что может Британия предложить России? В лучшем случае участие в европейской войне и враждебность Германии. Что можем предложить мы? Нейтралитет и отстояние от возможного европейского конфликта и, если того пожелает Москва, германо-русское понимание взаимных интересов, что, как и в

прошлые времена, будет служить на пользу обеим странам... У Германии и России нет противоречий по всей линии от Балтийского и Черного морей до Дальнего Востока. И в дополнение, несмотря на все различия в образе жизни, существует одно общее в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям Запада».

Астахов заметил, что в восстановлении дружественных отношений заинтересованы оба государства. Немец не согласился. Если СССР подпишет соглашение с Англией, возможность достижения согласия исчезнет. Политика Германии, по мнению Шнурре, направлена против Англии, но не против СССР. Астахов дал обещание немедленно связаться с Москвой и задал вопрос: «Если состоится советско-германская встреча на высшем уровне, будет ли немецкая сторона придерживаться вышеизложенной точки зрения?» На это Шнурре ответил уверенно: «Непременно».

Вайцеккер запрашивал Шуленбурга, не ощущается ли в Москве отзвук бесед, проводимых в Берлине? «Если у вас будет возможность беседовать с Молотовым, пожалуйста, прощупайте его на этот счет. Что же касается политического аспекта переговоров с русскими, то мы считаем, что выжидательный срок (намеченный на 30 июня Гитлером) истек. Теперь Гитлер хочет как можно скорее подписать соглашение; возобновление переговоров возложено на послов». У немцев были все основания спешить: 23 июля англичане и французы наконец согласились с предложением СССР начать штабные переговоры. По мнению германского посла в Париже фон Вельчека, они согласились на военные переговоры, только ощутив опасность обрыва политических переговоров.

Одной из причин нежелания западных стран вести военные переговоры было, как уже отмечалось, скептическое отношение Лондона и Парижа к Красной Армии. Еще 6 марта 1939 года военный атташе британского посольства полковник Файербрейс и военно-воздушный атташе Холзвелл прислали своему правительству оценку военных возможностей Красной Армии. Они указывали, что у этой армии значительные оборонительные возможности, но на нее нельзя серьезно полагаться в наступательных операциях. Гибель в политических чистках целого поколения офицеров чрезвычайно ослабила армию. Британские эксперты указывали, что противник может без особого труда вывести из строя те элементы армейской системы, без которых войска останавливаются. (Но оба офицера отмечали, что Красная Армия, убежденная, что предстоит война, упорно к ней готовится.)

Переговоры военных миссий не дали ожидаемых результатов. Нет сомнения, что многое решил невысокий уровень представительства западных союзников. С советской стороны в переговорах участвовали нарком обороны, начальник Генерального штаба, командующие военно-воздушными и военно-морскими силами. Французскую же делегацию возглавлял генерал Думенк, бывший начальник штаба генерала Вейгана. Англичане же выглядели просто одиозно. Еще месяц назад переговоры с поляками вел начальник генерального штаба генерал Айронсайд. А в Москву был послан адмирал Дракс, о котором германский посол Дирксен писал, что он «практически находится в списке подготовленных к отставке и никогда не был в составе военно-морского штаба». По мнению Дирксена, «задачей военной миссии будет определение боевых возможностей советских войск, а не заключение соглашения о военных операциях... Военные атташе разделяют скепсис британских военных кругов относительно предстоящих переговоров с советскими военными».

Дело даже не в том, что глава этой миссии адмирал Дракс не имел письменных полномочий на переговоры (на что жаловался Ворошилов). Сейчас мы знаем содержание инструкций, данных ему при отплытии: «Продвигаться в военных переговорах медленно, соразмеряя их с политическими переговорами». Не следует обмениваться конфиденциальной военной информацией до подписания политического соглашения. Дракс отверг предложение вылететь в Москву, он предпочел путешествовать на старинном пароходе, шедшем в Ленинград с черепашьей скоростью. Английские берега были оставлены 5 августа, а в Москве он был лишь 11 августа. Возможно, это было роковое промедление.

Молотов объявил, что возобновление политических переговоров (приостановленных 2 августа) последует только вслед за прогрессом в военных переговорах. Британское правительство посчитало возможным не внять этому предупреждению. Вероятно, англичане полагали, что, затягивая переговоры, они усложняют задачу Гитлеру, отвращают его от последнего шага.

Переговоры военных в Москве также описаны многократно. Отметим лишь два показательных момента. «Линия Мажино», по словам Думенка, простиралась «от швейцарской границы до моря». Можно быть любого мнения о Ворошилове, но о расположении всемирно известных укреплений он знал. Это первое. Второе: Дракс уверял, что Англия выставит «на ранней стадии войны» до шестнадцати дивизий. А незадолго до переговоров англичане сообщили французам, что войск у них в четыре раза меньше, в чем им, в конце концов, и пришлось признаться Ворошилову.

Согласно записи французского участника переговоров, в результате этого инцидента «советская делегация лучше, чем прежде, поняла огромную слабость Британской империи».

Каковы действия Польши в случае войны? Как будет происходить процесс помощи со стороны англичан французам на западном фронте? Позиция Бельгии? Думенк, выглядевший наиболее представительным среди западных военных, ответил, что не знает планов Польши (а ведь месяц назад в Варшаве вел переговоры начальник британского генерального штаба Айронсайд). В Бельгию французские войска без приглашения Брюсселя не войдут. Главный вопрос Ворошилов задал 14 августа 1939 года: позволено ли будет Красной Армии пройти через Вильно и Польскую Галицию? Если не осуществить этого выхода, немцы быстро оккупируют Польшу и выйдут к границе СССР. «Мы просим о прямом ответе на эти вопросы... Без четкого, прямого ответа на них продолжать эти военные переговоры бесполезно». Английская делегация сообщила в Лондон, что русские «подняли фундаментальную проблему, от которой зависит успех или неудача переговоров, которая лежит в основе всех наших трудностей с самого начала политических переговоров, а именно, как достичь рабочего соглашения с Советским Союзом в обстановке, когда сосед этой страны придерживается своеобразного бойкота, который будет отменен только тогда, когда будет слишком поздно».

Генерал Думенк телеграфировал в Париж: «СССР желает заключения военного пакта... Он не желает подписывать простой листок бумаги. Маршал Ворошилов указал, что все проблемы будут решены без затруднения, как только то, что он назвал критическим вопросом, будет разрешено». Ныне известные документы свидетельствуют, что Лондон и Париж пытались оказать давление на Варшаву, но она стояла на позиции, которая вела к катастрофе. Западные историки дают крайне нелестную оценку стратегическому мышлению польского правительства.

Необходимость дать ответ на советский запрос заставила английского и французского послов явиться 18 августа к полковнику Беку. В этот день, когда до конца восстановленного польского государства оставалось менее двух недель, польский президент заявил, что советские войска «не имеют военной ценности», а начальник польского генерального штаба согласно закивал головой. Через два дня министр иностранных дел Польши официально отверг требование англичан и французам пропустить советские войска: «Я не хочу об этом больше слышать». Помимо прочего, согласие Польши провоцировало бы, по его мнению, нападение со стороны

Германии.

Поверхностность суждений польского правительства поразила английского и французского послов, и они 19 августа снова попытались склонить поляков принять советское предложение. Теперь министр иностранных дел Бонне, все предшествующие годы стоявший на позициях умиротворения, был всерьез напуган их самоубийственной неуступчивостью: «Было бы ужасным, если бы в результате польского отказа переговоры с русскими потерпели бы крах». Он — это был серьезный шаг — предложил сделать согласие Польши на советскую военную помощь условием предстоявшего формального подписания англо-польского договора о взаимопомощи. Увы, Чемберлен и Галифакс не пошли так далеко в своем давлении на поляков. Гарольд Макмиллан, оценивая поведение англичан, считал их жертвами «искаженного представления о себе». Они видели в Великобритании сверхдержаву, а в СССР — просящую сторону, не учитывая опыт двух последних десятилетий: англичане были интервентами в России, они лишили ее (согласно договорам) дореволюционных территорий. В то же время отношения СССР с Германией в межвоенный период периодически становились очень тесными.

В конечном счете, как пишет У. Манчестер, «Британия и Франция не могли гарантировать Сталину мира — а Гитлер мог. Нацистско-советский пакт о ненападении означал бы мир для России, которая предпочитала остаться нейтральной, и означал бы, без потери единого солдата Красной Армии, возвращение территорий, отнятых Румынией, отданных Польше, возвращение балтийских государств, потерянных двадцать лет назад под давлением западных держав. Если бы Сталин выбрал этот курс и западные союзники были разбиты, он мог бы оказаться перед Германией в одиночестве. Но к тому времени Гитлер мог быть мертв или свергнут, Германия могла потерпеть поражение. Соблазн избежать попадания в водоворот, выиграть время для вооружения был огромным». В те дни даже ведущий американский обозреватель У. Липпман писал: «Отдав Чехословакию в жертву Гитлеру, Британия и Франция в реальности пожертвовали своим союзом с Россией».

Когда Сталин решил протянуть руку Германии? Майский говорил Бусби, что толчком послужило 19 марта 1939 года, в этот день Лондон отверг предложение о «встрече шести» в Бухаресте. Черчилль откровенно признавался, что для него уловить этот момент было невозможно. Но он подчеркивал, что еще до середины августа положение можно было спасти. Нам сейчас известно, что у Сталина наряду с первым каналом —

переговорами с англо-французами — уже был открыт второй канал — связи с Берлином.

Согласно «Заметкам для дневника» М. М. Литвинова, Сталин открыл для себя возможность и необходимость переговоров с немцами в период Мюнхена. В записи за январь 1939 года говорится: «Сталин инструктировал посла СССР в Германии Меркулова начать переговоры с германским министерством иностранных дел. Следовало сказать: „До сих пор мы не могли пойти на соглашение, а теперь можем“».

Получив в конце июля сообщения о дипломатических демаршах немцев, Сталин отдал распоряжение предоставить данные о Гитлере и нацизме. Он начал с «Истории германского фашизма» Конрада Гейдена и «Германия вооружается» Дороти Вудмен. В «Майн кампф» он отчеркнул абзацы о жизненном пространстве Германии на востоке. Шуленбург уловил большую заинтересованность Молотова, но советский комиссар никак не спешил.

Французы были более чувствительны к нюансам позиции Москвы. Посол Кулондр задолго до начала советско-германских переговоров предупредил Кэ д'Орсэ, что СССР и Германия могут найти взаимопонимание и поделить Польшу между собой; 22 мая 1939 года он сообщал о словах Риббентропа: Польша «рано или поздно должна будет исчезнуть, будучи поделенной между Германией и Россией».

Дипломатическая машина нацистов прибавила обороты. В то время, когда Дракс на тихоходном пароходе плыл к Ленинграду, немцы (3 августа) предприняли очень важные и действенные меры. Риббентроп сам стал посылать телеграммы Шуленбургу: «Германия желает перестроить германо-русские отношения, от Балтики до Черного моря нет проблемы, которая не могла бы быть решена к нашему взаимному удовлетворению».

Молотов скептически отнесся к заверениям немцев. А что они могут сказать об «Антикоминтерновском пакте», позиции Японии, поддерживающей Германию, неприглашении СССР в Мюнхен? Но послу стало ясно, что Молотов приоткрывает дверь. «Мое общее мнение заключается в том, что советское правительство в настоящее время полно решимости заключить соглашение с Британией и Францией, если те выполнят все советские пожелания... Я полагаю, что мое заявление произвело впечатление на Молотова; тем не менее, от нас потребуются значительные усилия, чтобы обеспечить поворот курса Советского правительства».

Можно представить себе волнение в Берлине. Без СССР западные союзники не сумеют помочь Польше. Перемену в эмоциональном климате

германской столицы отметил французский поверенный в делах Сент-Ардуэн: «Период замешательства, колебаний, склонности к выжиданию и даже умиротворению сменился у нацистских лидеров новой фазой». Написано это было 3 августа 1939 года.

А через десять дней, 12 августа, Астахов информировал Шнурре, что Молотов готов обсудить вопросы, поднятые в немецких заявлениях. Местом таких переговоров может быть Москва. Но не нужно спешки, действовать следует постепенно. Гитлер получил сообщение об этом в Оберзальцбурге. Он уже определил дату нападения на Польшу и потребовал от Шуленбурга ускорить процесс, невзирая на советские требования постепенности. Именно в эти дни Шуленбург писал, что Молотов — «странный человек с тяжелым характером», но все же «любых поспешных шагов в отношениях с Советским Союзом следует избегать».

В понедельник, 14 августа, этот процесс не мог не получить ускорения. Необходимо было дать положительный или отрицательный ответ на «чрезвычайно срочную» телеграмму из Берлина. «Германо-русские отношения подошли к историческому поворотному рубежу... В отношениях Германии и России не существует реального конфликта интересов... Обеим странам было хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами... События могут принять такой оборот, когда восстановление германо-русской дружбы станет невозможным, когда трудно будет совместно прояснить территориальные вопросы в Восточной Европе. Руководство обеих стран не должно позволить ситуации выйти из-под контроля. Было бы фатальной ошибкой, если бы оно стало жертвой взаимного непонимания и два народа разошлись бы врозь».

Риббентроп писал в Москву, подыгрывая Сталину, что англичане и французы «пытаются вовлечь Россию в войну с Германией» (это был точный повтор слов Сталина на XVIII съезде партии). Он добавлял: «Я готов совершить краткую поездку в Москву, чтобы изложить точку зрения фюрера Сталину».

Совсем недавно британский министр Галифакс отказался прибыть в советскую столицу, а министр иностранных дел рейха готов был осуществить это немедленно. Естественно, на Кремль это должно было произвести впечатление. Не случайно Риббентроп потребовал от Шуленбурга, чтобы телеграмма была вручена Сталину лично.

14 августа Гитлер собрал своих высших военачальников в Оберзальцбурге и начал конференцию словами: «Великая драма приближается к своей кульминации». Далее он обрисовал политическую ситуацию в Европе. Британия и Франция не будут воевать. «У Британии

нет лидеров нужного калибра. Лидеры, которых я видел в Мюнхене, не способны начать новую мировую войну... Англия, в противоположность тому, что случилось в 1914 году, не позволит себе ошибки воевать на протяжении нескольких лет... Такова судьба богатых стран... У Англии ныне нет даже денег вести мировую войну. И за что Англия будет сражаться? Никто не позволит убить себя даже ради союзника». Франция не преодолет Западный вал. Бросок через Бельгию не спасет поляков. Польша, оставленная один на один с Германией, погибнет через неделю. Мир убедится в ее крахе и не будет пытаться ей помочь.

Что касается России, то она «ни в малой степени не расположена добывать каштаны из огня для других». С Москвой имеются контакты, и вскоре ему, фюреру, придется решать, какого ранга лицо должно будет быть послано в Москву на переговоры. У СССР нет обязательств перед Западом. Русские с пониманием отнесутся к разрушению Польши. Они заинтересованы в «разграничении сфер интересов».

В середине августа Гитлер начал непосредственные военные приготовления. Очередной съезд партии, созываемый под лозунгом «Съезд мира», был отменен. Железные дороги начали работать в мобилизационном режиме. Завершилась подготовка перевода штаба сухопутных войск в Цоссен. Адмирал Редер доложил о готовности подводных лодок выйти в Атлантику. Генерал Гальдер 17 августа упомянул о «150 польских униформах с аксессуарами для Верхней Силезии». Речь шла об операции «Гиммлер» — имитации захвата поляками радиостанции в приграничном немецком городе Гляйвиц, должной послужить предлогом, «переполнившим чашу терпения» германского народа.

В Москве фон Шуленбург встретился с Молотовым вечером 15 августа и, согласно категорически составленной инструкции, зачитал телеграмму Риббентропа. Молотов выслушал посла «с величайшим интересом» и «тепло приветствовал германское намерение улучшить отношения с Советским Союзом». Предметом обсуждения стала возможность подписания пакта о ненападении и оказание Германией влияния на Японию с целью улучшения советско-японских отношений. Молотов запросил мнение германского правительства о совместных гарантиях балтийским государствам. «Эти вопросы, — сказал Молотов, — должны решаться конкретно и таким образом, чтобы в случае прибытия сюда германского министра иностранных дел последовал бы не протокольный обмен мнениями, а были заключены конкретные соглашения».

Позитивный ответ Москвы был передан ранним утром 16 августа Риббентропу, и тот поспешил к Гитлеру в Оберзальцбург. Новый документ

— шаг в диалоге — был готов уже к полудню, и Риббентроп бросился к телепринтеру для передачи через Берлин новой инструкции послу Шуленбургу. Предложение Молотова принято. «Германия готова заключить пакт о ненападении с Советским Союзом, и, если Советское правительство того желает, этот пакт не будет подлежать денонсации в течение двадцати пяти лет. Далее, Германия готова дать гарантии балтийским государствам совместно с Советским Союзом. Наконец, Германия согласна оказать влияние на Японию с целью улучшения и консолидации русско-японских отношений... Я готов прибыть в Москву самолетом в любое время после пятницы, 18 августа, чтобы иметь дело, на основе всех полномочий, данных мне фюрером, со всем спектром германо-русских отношений».

Для Гитлера наступило время томительного ожидания. В Москве же дела шли неспешно. Шуленбург договорился о приеме Молотовым лишь в 8 часов вечера 17 августа. Молотов не склонен был торопиться. Он предлагал постадийное продвижение. Первая стадия — заключение торгово-кредитного соглашения, вторая — подписание пакта о ненападении. Предложение Риббентропа о приезде в Москву было воспринято положительно. «Оно представляет собой заметный контраст с Англией, которая в лице Стрэнга послала в Москву второстепенного чиновника». Но Советское правительство не хотело бы делать объявление об этом визите в настоящий момент. Встреча с Молотовым не дала Шуленбургу особых оснований для надежд. Риббентроп дал послу Шуленбургу готовый текст проекта договора. Но Молотов не был впечатлен. Шуленбург в течение часа уговаривал Молотова назвать точную дату приезда Риббентропа. Молотов объяснил, что прежде следует выработать торговое соглашение. Если торговое соглашение будет подписано 20 августа, то Риббентроп может прибыть в Москву для подписания договора.

Немцы не желали затягивать диалог. Соглашение о торговле было заключено уже 18 августа, Оберзальцбург спешил подписать пакт о ненападении. Он обещал при разрешении проблем будущего «принять русские пожелания во внимание. Например, разделение сфер интересов в балтийском регионе».

Приказ о выходе в море подводных лодок задерживался до получения известий из Москвы. Риббентроп потребовал передавать все высказываемое Молотовым телеграммами. Германский посол 18 августа попросил у Молотова аудиенции. В ходе нее Молотов «довольно неожиданно» заговорил об отсрочке визита Риббентропа: требуются более тщательные приготовления. Убитый Шуленбург возвратился в посольство,

не зная, как сообщить Гитлеру об остановке его блицманевра. Страх перед Гитлером был столь велик, что аристократ Шуленбург встал на колени; он молился. И всевышний услышал. В половине пятого раздался звонок Молотова, посла просили вернуться.

В Бергхофе Гитлер и Риббентроп лихорадочно читали телетайпную ленту. По воспоминаниям Гауса, он воздел руки к небу и радостно рассмеялся. Эту ночь он не мог заснуть. Он ожидал теперь полного отчета Шуленбурга. Из Берлина сообщили, что глава советской торговой миссии Астахов поздно вечером позвонил Шнурре и выразил согласие подписать торговый договор. Гитлер не выдержал, к рассвету он удалился в спальные покои. И именно в это время пришел подробный отчет посла.

Желанная для немцев телеграмма пришла 19 августа в 7 часов 10 минут утра. Шуленбург объяснял внезапное решение советской стороны непосредственным вмешательством Сталина. «Советское правительство согласно с прибытием министра иностранных дел рейха в Москву через неделю после объявления о подписании экономического соглашения. Молотов заявил, что, если объявить о заключении экономического соглашения завтра, министр иностранных дел рейха мог бы прибыть в Москву 26 или 28 августа. Молотов вручил мне проект пакта о ненападении».

Но Гитлер не мог терпеть неделю. Впервые он обратился к Сталину лично (20 августа). «Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня формирование германской политики на долгое время. Германия таким образом возобновляет политический курс, который был так благоприятен для обоих государств на протяжении прошлых столетий... Я принимаю проект пакта о ненападении... Напряжение в отношениях между Германией и Польшей стало невыносимым. Кризис может разразиться каждый день. Германия полна решимости оградить интересы рейха всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Поэтому я предлагаю вам принять министра иностранных дел во вторник, 22 августа, или, самое крайнее, в среду, 23 августа».

Как полагает английский историк А. Буллок, Гитлер пошел на уловку с письмом, проигнорировав тот факт, что глава Советского правительства — Молотов, и обратился непосредственно к Верховному. То, что Гитлер поставил на карту свой престиж, не будучи уверенным в ответе, убедило генсека, что у Гитлера серьезные намерения.

В то время англо-польский пакт еще не был подписан, и Галифакс мог сделать условием его подписания согласие Бека на помощь СССР. Французы говорили об этом прямо. Но Чемберлен заявил, что не будет

участвовать в подобных «маневрах». Пытаясь спасти положение в оставшиеся недолгие часы, Даладье приказал Думенку сообщить Молотову, что французы одобряют «в принципе» право русских пересечь границу Польши в случае агрессии Гитлера. Увы, Даладье опоздал.

По свидетельству ближайшего окружения фюрера, Гитлер, ожидая ответа, был на грани коллапса. Он не мог заснуть. Ответ Сталина пришел 21 августа в половине десятого вечера. «Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении закладывает основания для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими двумя странами. Советское правительство поручило мне информировать вас, что оно согласно с прибытием господина фон Риббентропа в Москву 23 августа». Шпеер вспоминает, что, прочитав текст, Гитлер «на мгновение застыл, вперившись в пространство, побагровел и грохнул кулаком по столу, так, что задребезжали стаканы, и воскликнул прерывающимся голосом: „Они у меня в руках! Они у меня в руках!“ Секунду спустя он уже вполне овладел собой. Никто не осмеливался ни о чем спросить, трапеза продолжалась».

Вечером следующего дня берлинское радио прервало музыкальную программу неожиданным для всего мира объявлением: «Правительство рейха и Советское правительство согласились заключить между собой пакт о ненападении. Рейхсминистр иностранных дел прибывает в Москву в среду, 23 августа, для завершения переговоров».

Гитлер без колебаний подписал документы, дававшие Риббентропу неограниченные полномочия. Любое делегирование полномочий было приемлемо ради нейтралитета Советского Союза.

Риббентроп 22 августа вылетел в Кенигсберг, провел всю ночь в звонках в Берлин и Берхтесгаден; 23 августа, в полдень, два больших германских «Кондора» приземлились в Москве. Короткий ланч в посольстве, и кортеж машин въехал в Кремль. Уже через час после прибытия Риббентропа в Москву он был встречен Сталиным в Кремле. Первая встреча Сталина и Риббентропа длилась три часа. Ее итоги, как немедленно телеграфировал министр Гитлеру, были «благоприятными». Главные документы — договор о ненападении и секретный протокол — подписаны во время второй встречи, вечером того же дня. Сталин обратил внимание лишь на излишне цветистую, вставленную Риббентропом в преамбулу договора, фразу о дружбе. Он сказал, что шесть лет взаимных поношений не позволяют публиковать такие слова.

Помощники готовили текст, а Сталин и Риббентроп согласились в

низкой оценке Британии, а рейхсминистр заверил в сугубо антизападной направленности Антикоминтерновского пакта и позволил себе шутку: «Сталин еще примкнет к Антикоминтерновскому пакту». Сталин предложил тост за здоровье фюрера.

Соглашение между СССР и Германией состояло из двух частей — собственно договора о ненападении и секретного дополнительного протокола. В договоре говорилось, что в случае нападения на одну из сторон третьей стороны вторая «не окажет этой третьей стороне никакой помощи». Ни СССР, ни Германия «не присоединятся ни к какой группе держав, которые прямо или косвенно направлены против второй стороны».

В секретном протоколе говорилось: «1. В случае территориальных и политических трансформаций на территориях, принадлежащих балтийским государствам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы будет представлять собой границу сфер интересов Германии и СССР. 2. В случае территориальной и политической трансформации территорий, принадлежащих польскому государству, сферы интересов Германии и СССР должны пролегать примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о заинтересованности обеих сторон в сохранении независимого польского государства и о границах этого государства может быть окончательно определен только в ходе дальнейших политических процессов. В любом случае оба правительства разрешат этот вопрос в духе дружеского взаимопонимания». Советский Союз также выразил заинтересованность в Бессарабии, захваченной Румынией в 1918 году, а Германия объявила о своей незаинтересованности в этой территории.

Итак, в секретном протоколе Польша была поделена на советскую и германскую зоны влияния по рекам Нарев, Висла, Сан. Немцы претендовали на влияние в Литве, включая Вильнюс (бывший тогда в составе Польши). СССР вводил в сферу своего влияния Финляндию, Эстонию и часть Латвии (по северную часть Двины). Сталин стал претендовать на всю Латвию целиком. Риббентроп позвонил Гитлеру, и тот, бросив взгляд на карту, согласился. По оценке Буллока, «Сталин вернул аннексированные Польшей в 1920 году области Белоруссии и Украины, солидную часть исконных земель Польши; добавив к этому три из четырех балтийских государств, утраченных в 1917 году (так оказалась устраненной причинявшая ему массу беспокойства угроза Ленинграду) и Бессарабию, отошедшую к Румынии в 1918 году».

Беседа с Риббентропом, хладнокровный дележ восточноевропейских пространств и последующие банкетные тосты, когда недавние политические противники пили за здоровье друг друга, все же, видимо, не

избавили Сталина от сомнений. Когда Риббентроп заполночь покидал зал переговоров, Сталин отвел его в сторону со словами: «Советское правительство относится к новому пакту очень серьезно. Оно гарантирует словом чести, что Советский Союз не предаст партнера».

Текст секретного протокола стал известен лишь после войны, когда был найден его дубликат в немецких архивах. И лишь в последние годы был найден оригинал протокола, вызвавший ряд вопросов. (К примеру, почему подпись Молотова сделана на немецком языке и т. п.) Это позорная страница в мировой дипломатии. Судьбы миллионов людей решались тайно, за их спиной. Многогосударственная Польша была принесена в жертву интересам двух держав.

Но те, кто абсолютизирует зло тайного протокола договора Риббентропа — Молотова, должны помнить, что он, будучи сам по себе аморальным, шел на смену жестоким, несправедливым и тоже аморальным соглашениям. Брест-Литовский мирный договор был подписан тогда, когда Германия поставила кованый сапог на горло России. Версальский мир был выработан в отсутствие и Германии, и России (при этом, напомним, он определял границу России и Польши по этнической границе, насильственно передвинутой поляками в 1920 году). Советско-германский договор 1939 года позорен, но справедливо ли унижение России в 1917–1920 годах, когда ее территория при содействии интервентов была оккупирована и передана враждебным Центральной России силам? Даже те, кто возглавлял интервенцию в эти годы — англичане Ллойд Джордж и Черчилль (два, пожалуй, самых блестящих политика Запада в XX веке), видели несправедливость захвата русской территории в ходе гражданской войны. Вудро Вильсон в шестом из своих «14 пунктов» отстаивал тезис о единой России. Прибалтийские провинции и поляки Восточной Польши отчаянно сражались за Россию в ее тяжелый час в 1914–1917 годах. История связала эти народы, и понадобилась немецкая оккупационная политика 1915–1918 годов, чтобы посеять рознь среди верного России населения.

Советско-германский договор не только возвратил утраченные двадцать лет назад территории, но и позволил предоставить советской военной промышленности еще полтора мирных года. Сталин особенно настаивал на этом пункте в своем первом военном выступлении 3 июля 1941 года. Никто, правда, не может с абсолютной точностью сказать, кто больше преуспел за эти полтора года. Советские инженеры и рабочие лихорадочно работали на Урале и за ним, но и немецкая промышленность наращивала свои мощности.

В Берлине экстатически настроенный Риббентроп говорил об «ощущении, что меня окружают старые товарищи по партии». Гитлер назвал его вторым Бисмарком. Внимательно рассмотрев сделанный его личным фотографом Гофманом портрет советского вождя, он пришел к выводу, что Сталин не еврей.

Разумеется, Советский Союз заплатит страшную цену. Но и Запад несет ответственность за случившееся. Как пишет У. Манчестер, «английское и французское правительства сыграли жалкую роль. Более четырех месяцев прошло со времени выдвижения предложений Литвинова. Если бы эта возможность была использована — если бы, скажем, Иден прибыл в Москву облеченным всеми необходимыми полномочиями, — у Гитлера никогда бы не возникло шанса. Россия нуждалась в мире, каждый знал это, но демократии (западные. — А. У.) проявили нечувствительность». Через три года Сталин будет объяснять Черчиллю: «У нас сложилось впечатление, что английское и французское правительства не готовы вступить в войну».

Гитлер так охарактеризовал Муссолини 18 марта 1940 года значение советско-германского договора: «Еще в „Майн кампф“ я заявил, что Германия может либо идти с Англией против России, либо с Россией против Англии. Я всегда намеревался сотрудничать с Англией при условии, что она не будет ограничивать Германию в обретении жизненного пространства, особенно на Востоке». Риббентроп — ума палата — приказал это упоминание о «Майн кампф» отослать почтой Советскому правительству. Никто не знает, какова была реакция в Кремле, но если учесть, что книга Гитлера была переведена и достаточно известна, ее можно представить.

Если ликование Гитлера можно понять, то трудно объяснить удовлетворение польского лидера — полковника Бека. Педант по своим привычкам, он в эти десять последних дней мира буквально светился лукавством. Улыбка не сходила с его лица. Своему окружению он сказал, что достигнут большой успех. Он спас Польшу от коммунистов. В Париже и Лондоне не понимали этой эйфории. Позднее французский министр иностранных дел Бонне писал в своих мемуарах: «В эти дни возникло чувство, что происшедшее явилось несчастьем для Франции».

Глубоко оскорбленными почувствовали себя японцы. Токио усмотрел предательство Антикоминтерновского пакта и выразил официальный протест. Эмоции тем более бушевали в Токио, что новый русский генерал Жуков в июле-августе 1939 г. одержал победу в боях на Халхин-Голе. «Оставленным» наедине с СССР японцам не осталось ничего иного, как

заклучить 15 сентября соглашение с Советским Союзом. Сталин, едва ли не панически боявшийся японцев, был в высшей степени удовлетворен расколом в Пакте; ради этого раскола он во многом шел на договоренность с Германией.

Канун мировой войны

А Гитлер уже 22 августа созвал в Оберзальцбург своих генералов. Даже много лет знавшие фюрера не видели его столь высокомерно настроенным. Бесспорный хозяин страны говорил безапелляционным тоном о том, что фактор его и Муссолини личностей образует основу исторического действия. «В базовом смысле все зависит от меня, от моего существования в свете моих политических талантов. Никогда и никому, вероятно, не удастся завоевать доверие немецкой нации так, как это удалось мне. Возможно, никогда больше не появится человек с таким авторитетом, как у меня». Прусские генералы покорно внимали этому уроку скромности. В Европе, кроме себя, фюрер отметил Муссолини и Франко. «В Англии и Франции нет выдающихся личностей». Далее Гитлер перешел к конкретным вопросам. «Нам нетрудно принять решение. Нам нечего терять; мы можем лишь выиграть. Наша экономическая ситуация такова, что мы не в состоянии держаться более нескольких лет, Геринг может подтвердить это. У нас нет выбора, мы должны действовать. Наши противники рискуют многим, а шансов на успех у них мало. Ставка Англии в войне невообразимо велика. Но нашими врагами руководят посредственности. Нет мастеров, нет людей действия. Никто не знает, сколько мне отпущено еще лет. Сейчас мне пятьдесят, я в самом расцвете сил. И лучше начать войну сейчас, а не через пять лет, когда мы с Муссолини постареем... Политическая ситуация благоприятствует нам: в Средиземном море соперничают Италия, Франция и Англия, на Востоке поднимается давление... Англия находится в огромной опасности. Позиция Франции также ухудшилась. Упадок показателей рождаемости... Югославия содержит в себе микробы распада... Румыния слабее, чем прежде... После смерти Кемаля Турцией правят слабые, неуравновешенные, мелкие умы. Все эти благоприятные обстоятельства не будут длиться более двух или трех лет. Никто не знает, как долго я буду жить. Поэтому финал, который был преждевременным пять или шесть лет назад, следует приблизить. Ганнибал при Каннах, Фридрих Великий при Лойтене, Гинденбург и Людендорф при Танненберге рисковали. И мы должны сейчас пойти на риск, вооружившись железной решимостью... Наступило время испытать военную машину. Армия должна показать себя в предстоящей битве, прежде чем наступит большое и окончательное сведение счетов на Западе».

Козырную карту Гитлер приберег под занавес. «У врага была надежда, что Россия станет нашим противником после завоевания Польши. Враг не рассчитал величайшей силы моей решимости. Наши враги — это маленькие черви. Я видел их в Мюнхене. Я был убежден, что Сталин никогда не примет английского предложения. Только безудержный оптимист мог поверить в то, что Сталин настолько потеряет рассудок, что не увидит подлинный смысл английских намерений. У России нет никакого интереса поддерживать Польшу... Смещение Литвинова было решающим обстоятельством. Я воспринял его как выстрел пушки, извещающий о перемене позиции Москвы в отношении западных держав. Изменение нашей позиции в отношении России я осуществил постепенно. В связи с торговым договором мы начали политические беседы. В конце концов от русских последовало предложение о заключении договора о ненападении. Четыре дня назад я пошел на особый шаг, который привел к тому, что Россия вчера объявила о том, что готова подписать договор. Личный контакт со Сталиным установлен. Послезавтра Риббентроп подпишет договор. Сейчас Польша находится в том положении, в какое я хотел ее поставить... Нам не нужно бояться блокады. Восток снабдит нас зерном, скотом, углем, свинцом и цинком. Это грандиозная цель, требующая грандиозных усилий. Единственное, чего я боюсь, так это того, что какая-нибудь свинья в последний момент испортит мою игру своими посредническими усилиями. В политике перед нами стоят далеко идущие планы. Положено начало сокрушению британской гегемонии. Я завершил политические приготовления, теперь дорога открыта для солдата».

После этих слов Геринг вскочил на стол и исполнил танец дикаря, сопровождая его кровожадными выкриками. (На суде в Нюрнберге маршал отверг этот факт, засвидетельствованный многими: «Речь была произнесена в большой гостиной частного дома Гитлера. У меня нет привычки прыгать на столе в частных домах. Такое поведение абсолютно неприемлемо для германского офицера».)

После общего обеда Гитлер напутствовал своих военачальников следующим образом: «Несгибаемой поступью по всей земле... Длительный мирный период не принесет нам пользы... Задача номер один — разгром Польши, даже если на Западе разразится война... Действуйте безжалостно, 80 миллионов человек должны получить то, что они заслуживают. Их существование надо обеспечить во что бы то ни стало. Максимум жестокости. Вина за неудачи ляжет на тех командиров, которые поддадутся панике. Наша цель разрушить Польшу до основания. Главное — скорость. Преследовать до полного уничтожения».

Нет сомнения, что Сталин ожидал «вязкой» войны на Западе. Судя по всему, он предполагал увидеть повтор окопной войны 1914–1918 годов с ее изматывающими обе стороны последствиями. Ему мнилась роль «третьего радующегося». Если бы Сталин мог представить себе майский блицкриг 1940 года, он не был бы так самонадеян с Риббентропом в августе 1939 года. Но нельзя также забывать, что в 1941 году Британия вела отчаянную войну с Германией, а в 1939 году у Сталина были определенные сомнения по поводу вступления Запада в борьбу, если германские танки после Польши устремятся в Россию. Британия и Франция к тому времени уже пожертвовали Австрией и Чехословакией, к которым они, разумеется, относились с большей симпатией, чем к большевикам.

Настоящий союз с Западом, как показало лето 1939 года, не получился. Германия же указывала: мир на границах России может обеспечить — как и в прежние времена — только она. Но Сталина, несомненно, страшила перспектива остаться с Германией — почти победившей своих многочисленных противников в 1918 году — один на один.

И все же, если бы летом 1939 года Сталин и его окружение ощущали отличие фашизма от буржуазной демократии, надежность англо-французов и заведомую агрессивность нацизма, события развернулись бы по-иному. Невозможно оправдать шаг, который отводил войну в соседние пределы, давал передышку на время, но в конечном счете гарантировал возвращение зверя на давно намеченную тропу.

Каким бы гигантским ни был конечный просчет Сталина, он сопоставим с просчетом англичан и французов, политическое мышление которых было парализовано страхом перед новой мировой войной. Еще 15 августа, когда Гендерсон и Кулондр посетили Вайцзеккера и тот сказал им, что Советский Союз «в конечном счете присоединится к разделу Польши», ситуацию можно было изменить. Но, как все яснее становится с годами, для Чемберлена Гитлер все же был человеком западных традиций, а Сталин — непримиримым азиатом. То, что главной целью Гитлера была замена британской имперской монополии на германскую, не проникало в сознание премьера. Он как бы «перепутал» своего первого и второго противника.

Печальная роль польской дипломатии дорого оплачена горькой участью самой Польши. В этом смысле западные и восточные славяне прошли один трагический путь. Несомненно, эти народы заслуживали лучшего представительства и лучшей судьбы.

Если Чемберлен и Даладье оправдывали Мюнхен как способ выиграть время для вооружения против агрессора за счет третьей стороны, то ту же логику без особого труда можно приложить к Сталину августа 1939 года.

Во всем этом видно общеевропейское смятение трагической первой половины века. Цинизм европейских правителей, их высокомерие, внутренняя сумятица, страх и самомнение позволили «герою» этой истории — Гитлеру — расколоть смертельно опасный для него фронт.

Запад после Московского договора

Подписание советско-германского договора не ослабило решимости Лондона. Во второй половине дня 22 августа британский кабинет подтвердил свои обещания Польше. Были предприняты предмобилизационные меры. На этот раз Чемберлен желал, чтобы не было никакой двусмысленности. С этой целью он написал личное письмо Гитлеру: «Провозглашение германо-советского соглашения воспринято в некоторых кругах в Берлине таким образом, будто не следует рассматривать возможности вмешательства Великобритании на стороне Польши. Большой ошибки сделать просто невозможно. Какой бы ни оказалась сущность германо-советского соглашения, оно не может изменить обязательств Великобритании в отношении Польши. Имеется мнение, что если бы правительство Его Величества сделало свою позицию в 1914 году более ясной, то мировая катастрофа была бы предотвращена. Справедливо это утверждение или нет, но правительство Его Величества на этот раз полно решимости избежать такого трагического взаимонепонимания. Если возникнут соответствующие обстоятельства, оно готово использовать без задержки все силы, находящиеся в его распоряжении».

Получив письмо, Гитлер впал в характерную для него истерику. Фольксдойче в Польше подвергаются преследованиям, шесть из них кастрировано. Посол Гендерсон передавал в Лондон слова фюрера: «Мне пятьдесят лет; я предпочитаю начать войну сейчас, а не тогда, когда мне будет пятьдесят пять или шестьдесят». В германском архиве хранится протокол немецкой стороны: «Англия должна твердо осознать, что, бывший солдат-фронтовик Гитлер знает, что такое война, и использует все имеющиеся в его распоряжении средства. Для каждого ясно, что мировая война (1914–1918 годов) не была бы проиграна, если бы он был канцлером в то время... Если Британия нападет на Германию, она найдет ее в состоянии готовности и полной решимости».

Через два дня, 25 августа, Гитлер пообещал Гендерсону дать «гарантии существования Британской империи» и даже предоставить ей необходимую помощь — но только после германо-польского конфликта. В качестве официального ответа Чемберлену он заявил, что германский рейх готов решить проблему Данцига и польского коридора «с беспрецедентным великодушием». Безоговорочные же гарантии Англии Польше Гитлер

оценил как «поощрение волны ужасающего терроризма против миллиона с половиной немцев, живущих в Польше».

Германия уже отобилизовала свою армию, но поляки, боясь спровоцировать рейх и следуя совету англичан, откладывали час своей мобилизации. Немцы сосредоточили непосредственно на польских границах пятьдесят шесть дивизий, в том числе девять танковых. Против них стояли лишь тридцать польских дивизий. Полякам дали несколько дополнительных дней мира итальянцы. Утром 25 августа Муссолини получил письмо Гитлера, в котором тот уведомлял, что намерен действовать против Польши «немедленно». Гитлер был уверен в своем союзнике, подписавшем «Стальной пакт» лишь три месяца назад. Однако Муссолини на этом этапе не желал выступать. Им владело не миролюбие, а страх перед войной, к которой Италия не была готова. Вечером этого же дня Гитлер читал ответ своего итальянского союзника: «Италия не сможет противостоять нападению, которое французы и англичане направят преимущественно против нас». Разъяренный Гитлер приказал вызванному Кейтелю: «Остановить все». Была намечена новая дата — 1 сентября 1939 года. Мир еще не знал, сколько дней отделяет его от войны.

Гитлер попытался в последний раз нащупать слабое место англичан. Он обратился к Лондону с шокирующим предложением «заключить союз с Германией». Одно лишь рассмотрение подобного предложения разрушило бы доверие к Британии во Франции, Польше, Румынии, Турции, Греции и — что становилось все более важным — в Соединенных Штатах. Но посол Гендерсон ответил Гитлеру: «Лично я не исключаю такой возможности». Только грубость фюрера оттолкнула этого крайнего сторонника умиротворения: когда Гитлер 29 августа потребовал посылки в Берлин польской делегации для ведения переговоров, посол ответил, что это диктат. При этом Гендерсон все же порекомендовал Парижу оказать давление на польское правительство, «чтобы реализовать визит Бека, который представляет собой единственный шанс предотвращения войны». Посредником попытался выступить и римский папа. Но в Лондоне наконец-то возобладало мнение, что ультиматум Гитлера «полностью лишен смысла».

Даладье также постарался поколебать решимость Гитлера. Он писал 26 августа: «Если кровь Франции и Германии польется снова, как это было двадцать пять лет назад, в еще более длительной и человекоубийственной войне, каждый из наших народов будет сражаться в полной уверенности в своей победе, но наиболее вероятными победителями будут силы разрушения и варварства». Отвечая, Гитлер постарался сыграть на

нежелании французов «сражаться за Данциг». Германия не имеет территориальных претензий к Франции, нет никакой нужды обращаться к оружию. Если это все же случится, «ему будет очень больно».

В последний час Гитлер еще раз попытался удержать Британию от вхождения в конфликт. На помощь был призван шведский промышленник Далерус, который вершил свою челночную дипломатию между Лондоном и Берлином. Гитлер принял его с письмом от Галифакса. Далерус говорил о решимости англичан вступить в конфликт глобального масштаба. «Гитлер, — вспоминает Далерус, — слушал меня, не прерывая, но затем внезапно вскочил, разволновался и стал нервно шагать взад и вперед, говоря как бы себе, что Германия неудержима... Его голос сбивался, это было поведение абсолютно ненормального человека. Он говорил прерывающимся голосом: „Если начнется война, я буду строить подводные лодки, строить подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки“. Затем он спросил: „Господин Далерус, вы знаете Англию так хорошо, можете ли вы объяснить мне мои постоянные неудачи договориться с ней?“». Далерус признается, что вначале он колебался, а затем сказал: «Англичане не имеют доверия к вам и вашему правительству, в этом причина». — «Идиоты! — вскричал Гитлер, ударив себя рукой в грудь, — лгал ли я когда-нибудь в жизни?». Этот вопрос остался без ответа.

Гитлер вызвал в рейхсканцелярию посла Гендерсона. «Мои солдаты спрашивают меня: „да“ или „нет“? Они уже потеряли неделю, они не могут позволить себе потерять еще одну, поскольку к их врагам в Польше добавится дождь». Гитлер хотел еще одного Мюнхена. Гендерсон рекомендовал полякам прибыть к Гитлеру, но и он уже начал терять терпение. Вечером 28 августа Гендерсон сообщил Гитлеру, что поляки могут приступить к переговорам, они ждут германских предложений. На короткий миг в западных столицах затеплилась надежда. Ложная. В психическом плане Гитлер обрел свою самую агрессивную форму и обратился по телефону к возглавляющим верховный штаб вермахта Браухичу и Гальдеру: «Наступление начнется 1 сентября. В случае необходимости задержки фюрер известит нас. Намечено в ходе переговоров поставить поляков перед неприемлемыми условиями и добиться таким образом максимальных результатов... План таков: мы требуем Данцига, прохода через Коридор и плебисцита. Англия, возможно, согласится. Поляки, скорее всего, нет. Вобьем клин между ними!»

Утром 30 августа британский посол в Варшаве протелеграфировал Галифаксу, что «невозможно побудить польское правительство послать господина Бека или любого другого представителя немедленно в Берлин

для обсуждения разрешения вопросов на основе, предложенной Гитлером». Они согласны на «переговоры равных в нейтральной стране».

В полдень 31 августа 1939 года Гитлер издал директиву № 1 по ведению войны: «1. Теперь, когда все политические возможности, предоставляемые мирными средствами для изменения ситуации на восточной границе, которая нетерпима для Германии, исчерпаны, я полон решимости приступить к силовому решению. 2. Нападение на Польшу должно быть осуществлено в соответствии с приготовлениями, предусмотренными планом „Вайс“... Дата выступления: 1 сентября 1939 г. Время выступления: 4.45 утра... В ведении войны против Англии должны быть осуществлены приготовления для использования люфтваффе с целью нарушения поступления в Англию запасов морем, уничтожения военной промышленности, предотвращения транспортировки войск во Францию».

Вечером этого последнего дня мира посол Гендерсон, так много — вольно или невольно — сделавший для создания благоприятствующей германскому рейху атмосферы, пришел все же к выводу: силе должна быть противопоставлена сила.

В конце августа 1939 года Черчилль гостил у своих французских друзей в старинном замке. Подписание советско-германского пакта вынудило его вернуться домой. На пути в Лондон он встретился в Париже с генералом Жоржем. Тот предоставил ему цифры, характеризующие мощь французской и германской армий. Результат этого экспозе произвел глубокое впечатление на Черчилля, он удовлетворенно сказал: «Вы их превосходите». Генерал ответил: «Но все же у немцев очень сильная армия, и они не позволят нам нанести удар первыми. Если же они атакуют нас, обе наши страны объединятся, чтобы исполнить свой долг». По прибытии в Чартвел Черчилль попросил генерала Айронсайда, только что вернувшегося из Польши, представить свою оценку польской армии. Эта оценка была в высшей степени лестной для Варшавы. Генерал Айронсайд видел военные маневры поляков, он говорил, что мораль польских войск чрезвычайно высока и что они готовы к борьбе.

У Черчилля не было никаких сомнений, что Гитлер нанесет удар не на Западе, а против Польши. Не следовало позволять немцам быстро сокрушить Польшу, ибо тогда Германия будет иметь лишь один, западный, фронт. Франция может выставить до шести миллионов человек, но она не в силах конкурировать с германской индустрией. Следовало нагнать немцев там, где они были наиболее сильны — в научной организации производства. Концентрация сил решала все. Черчилль посетил границу на Рейне. С французской стороны висел гигантский плакат: «Свобода,

равенство, братство». С германской — «Один народ, один рейх, один фюрер». Черчилль вспомнил, как он выступал в 1915 году в пользу «наземных крейсеров». Тогда французские генералы смеялись от души и говорили, что английские политические деятели еще забавнее французских. Выстоит ли Франция теперь, окажет ли она помощь восточному союзнику? Черчилль видел, что «дух Марны» покинул французскую армию. Эта страна отличалась от той, что выстояла в 1914–1918 годах. Потеря 27 процентов населения от восемнадцати до двадцати семи лет нанесла нации незаживающую рану.

К рассвету 1 сентября 1939 года на польской границе были сосредоточены полтора миллиона германских солдат. Их удар был нацелен на Варшаву с севера, запада и юга. Мир увидел, что такое современная война. Броску танков предшествовала бомбардировка мостов, железнодорожных путей, колонн войск, складов и городов. Террор тотальной войны обозначился с первых минут.

Утром Гитлер прибыл в рейхстаг для объяснения причин войны. Подобранный и покорный рейхстаг притих. «Этой ночью впервые регулярные войска стреляли в нас на нашей собственной территории». Речь шла о фальсифицированной атаке переодетыми в польскую форму немцами радиостанции города Гляйвиц. В течение первого дня войны министерство иностранных дел Германии распространило эту ложь по всему миру. Детали имитации нападения на радиостанцию открылись во время Нюрнбергского процесса.

Своим преемником Гитлер назначил Геринга, а того, в свою очередь, должен был сменить Гесс. Гитлер снова надел серую военную форму и пообещал не снимать ее до «достижения победы, иного я не переживу». Он переселился в специальный поезд, названный «Америка», в пятнадцати вагонах которого располагался его штаб. Отсюда на своем «Мерседесе» выезжал в окрестные места, здесь, называя себя «первым солдатом Германского Рейха», он подолгу сидел над картами. Своими глазами он видел, как созданная им новая германская армия бросилась в первые битвы Второй мировой войны.

Сколько продержалась Польша

В Париже Даладье спросил генерала Гамелена, сколько времени может продержаться Польша. Тот уверенно ответил, что она будет отвлекать основную массу германских войск до весны, к тому времени французы отобилируют свою армию, а Британия полностью придет на помощь Франции. Но не все армейские чины были столь оптимистичны, и военный совет пришел к заключению, что у Франции нет альтернативы выполнению своего союзнического обязательства — через несколько месяцев Германия чрезвычайно усилится, если в ее распоряжении будут польские и румынские ресурсы.

1 сентября 1939 года Черчилль разбудил телефонный звонок посла Рачиньского, сообщившего, что пятьдесят шесть немецких дивизий пересекли польскую границу. Черчилль принимал ванну и завтракал, когда следовали звонки польского посла: военно-воздушные силы Германии бомбят польские города. Но когда Черчилль связался с военным министерством, там даже не знали, что Германия начала войну против Польши. Генерал Айронсайд отметил в своем дневнике, что в 10 часов утра ему позвонил Черчилль: «Они начали. Сейчас происходит бомбардировка Варшавы и Кракова». Айронсайд позвонил начальнику имперского генерального штаба лорду Горту, и тот отказался поверить этому сообщению. Еще хуже была реакция Франции. Мобилизовав свои силы, она не решилась ринуться через германскую границу, где в то время сотне французских дивизий противостояли десять немецких. Впрочем, Гитлер был абсолютно уверен, что французы не выйдут за «линию Мажино». Более того, и Париж, и Лондон выразили готовность начать переговоры с Берлином, если немецкие войска будут выведены из Польши. Теперь Гитлер твердо знал, что и без помощи Муссолини он решит свою польскую проблему: западные союзники не двинутся вперед.

Вечером 2 сентября премьер Чемберлен, покинув палату общин, позвонил Даладье: «Положение очень тяжелое... В палате общин ожесточение... Если Франция будет настаивать на сорокавосемичасовом периоде ультиматума, начиная с завтрашнего полудня, правительство здесь не сохранит контроль над ситуацией». Премьер-министр осознал, что именно на Францию падает основное бремя германского наступления. Нужно принимать какие-то меры уже сегодня вечером. Он предлагает компромисс. Ультиматум в 8 утра завтра, истекающий в полдень. Даладье

ответил: «Если британские бомбардировщики готовы к действию, для Франции было бы лучше отсрочить их вылет».

Телеграмма Галифакса Гендерсону пришла в 4 часа утра по берлинскому времени. «Если не позже чем в 11 часов утра по британскому летнему времени сегодня, в воскресенье, 3 сентября, удовлетворительные заверения германского правительства не будут переданы правительству Его Величества в Лондоне, между двумя странами с этого часа будет существовать состояние войны».

Гендерсону на Вильгельмштрассе сказали, что Риббентропа не будет до 9 часов утра, но он может оставить свою ноту переводчику Шмидту. Тот, проспав, прибыл в министерство на такси и увидел британского посла, поднимающегося по лестнице. Через боковой вход Шмидт сумел проскользнуть в кабинет Риббентропа, когда часы били 9 утра. Стоя посередине комнаты, Гендерсон зачитал британскую ноту, вручил ее Шмидту и попрощался. Шмидт же помчался в рейхсканцелярию. «Когда я вошел, Гитлер сидел за столом, а Риббентроп стоял у окна. Оба выжидающе посмотрели на меня. Я остановился на некотором расстоянии от стола Гитлера и медленно перевел британский ультиматум. Когда я кончил, наступила полная тишина... „Что теперь?“ — спросил Гитлер, дико глядя на Риббентропа, словно министр иностранных дел умышленно неверно ориентировал его относительно возможной реакции Англии. В соседней комнате Геринг, узнав новость, сказал: „Если мы проиграем эту войну, пусть бог будет милостив к нам“. Геббельс одиноко стоял в углу, погруженный в себя. Каждый, кого я видел в этой комнате, выглядел озабоченным».

Во второй половине дня 3 сентября 1939 года германское руководство пригласило Сталина присоединиться к выступлению против Польши: «Мы намерены разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы возьмем под свой контроль территорию, которая определена в Москве как германская зона влияния. По военным соображениям мы, естественно, будем вести боевые действия против тех польских войск, которые расположены на польской территории, принадлежащей к русской сфере интересов. Пожалуйста, обсудите с Молотовым возможность того, чтобы русские силы двинулись в нужное время против польских сил в сфере русских интересов и оккупировали эту территорию. По нашим оценкам, это будет не только помощью нам, но и соответствием духу московского соглашения, а также советским интересам».

Вечером 3 сентября спецпоезд «Америка» отправился из Берлина в Померанию. Поезд блеснул лаком — его подготовили в самые последние

дни августа. Личный фотограф был в постоянной готовности запечатлеть сцены нового похода.

Крушение Польши

Гитлер был азартным игроком. На западе он не оставил ни одного танка, ни одного самолета и лишь с трехдневным запасом боеприпасов начал польскую кампанию. Удар французской армии был бы смертелен, но его не последовало. Фантастически точно сбылось предсказание фюрера — западные союзники не шелохнулись. Они не оказали жертве помощи. Тридцать три дивизии, оставленные Гитлером на Западном фронте, зря ожидали удара. 70 французских дивизий с 3 тысячами танков стояли на месте, когда Польша приняла на себя удар страшной силы.

Германские бомбардировщики нанесли удар по штабу польской армии, по основным коммуникациям страны и — ради устрашения — по польским городам. Западные союзники в эти роковые дни занимались дипломатией, 3-го сентября Англия и Франция предъявили Германии ультиматум, требуя отвода германских войск. По истечении 24 часов они оказались в состоянии войны с германским рейхом. Но к этому времени 4-я германская армия, действовавшая с территории Померании, уже соединилась с 3-й армией, наступавшей со стороны Восточной Пруссии. Польского «коридора», отделявшего Восточную Пруссию от основной части рейха, больше не существовало. К 7-му сентября рухнула линия обороны поляков по реке Варте, западнее Варшавы, и польская столица оказалась открытой перед штурмующими колоннами немцев и с севера, и с запада. А на юге уже в 50 километрах от Варшавы оказалась южная группировка германских войск.

Командиры всех трех армий получили приказ встретиться не в Варшаве, а значительно восточнее, на берегах реки Буг. В эти дни была осуществлена фактически единственная успешная операция польской армии — ее познаньская группировка развернулась и нанесла удар в тыл 8-й и 10-й германским армиям, нанеся им весьма ощутимые потери. И все же Варшава была окружена 17 сентября, и методичный противник польской армии начал безжалостные бомбардировки польской столицы, которые продолжались до 27 сентября, когда защитники столицы и капитулировали. Все замыслы отхода к труднопроходимым Припятским болотам угасли 17 сентября, когда Красная Армия, отвечая на призывы германского командования от 3-го и 10-го сентября, перешла государственную границу. 217 тысяч (из оставшихся 910 тысяч польской армии) оказались в плену Красной Армии, и 6 октября 1939 г. сопротивление польских вооруженных сил прекратилось. Примерно 100 тысяч солдат и офицеров польской армии

перешли границу Литвы, Румынии и Венгрии, остальные оказались в плену вермахта и Красной Армии. Польское государство, воссозданное в 1918 году, снова погрузилось в пучину исторического небытия. Германия развязала себе руки на Востоке и могла отныне концентрироваться для наступательных действий на Западе.

И хотя часть германского генералитета все еще считала, что нацистский вермахт — не чета великолепной кайзеровской армии (фон Браухич в присутствии Гитлера в рейхсканцелярии 5 ноября 1940 года), всему миру стало ясно, что Германия создала военную машину феноменальной прочности и эффективности. Поляки, при всем их национальном рвении, ничего не могли противопоставить танковым частям Гудериана и Клейста, их стратегии и тактике, боевым качествам немецких солдат.

Германское военное командование пришло к выводу, что Польша сокрушена, уже на пятый день войны. Гальдер записал в дневнике: «Враг практически разбит». Войска генерала фон Клюге, действовавшие в Померании, сомкнулись с войсками генерала фон Кюхлера, базировавшимися в Восточной Пруссии. Против танков, самолетов-штурмовиков, повсеместно введенного радио поляки выставили эскадроны с пиками. Большинство из пятисот польских самолетов было разбито на земле. Через неделю боев немецкие танки вышли к Варшаве. Мир узнал, что такое блицкриг. Тридцать пять польских дивизий продержались лишь неделю. Следующей после Варшавы целью стал Брест-Литовск. Именно сюда 17 сентября вышли патрули группировки генерала Листа с юга и танки Гудериана с севера. К этому времени польское правительство, покидая страну, уже пересекло румынскую границу.

Нет сомнения в том, что быстрота действий немцев поразила Сталина. Молотов, реагируя на германское предложение выступить против Польши, говорил 5 сентября, что «время еще не пришло». Но время могло и не прийти. О том, что Москва была в растерянности, говорит исходившее оттуда требование соблюдать разделение зон. Очевидно, Сталин боялся полной оккупации Польши, нарушения немцами договоренности, выхода вермахта к советской границе на огромном ее протяжении. По крайней мере, переписка этих дней не похожа на почти союзнические тосты 23 августа. Видно, как быстро наглет одна сторона и как смешаны чувства другой, понимающей, что оправдываются ее худшие подозрения.

Собственно, широко открыл глаза весь мир. Предполагалось, что начнется повторение Первой мировой войны с ее окопами и многолетним стоянием на месте, что оборона будет сильнее нападения. Теперь

приходилось болезненно переосмысливать стратегию и тактику. Нападение благодаря мотору оказалось сильнее обороны. Немцы сокрушили Польшу ценой 11 тысяч убитых и 30 тысяч раненых. К немцам в плен попали 694 тысячи польских солдат. В плену у Красной Армии оказалась 217 тысяч. Но нужно отметить, что запасы немцев подошли к концу, и если бы французы предприняли наступление, немецкой армии было бы трудно сопротивляться.

Кремлевское руководство испытывало неприятное потрясение — здесь рассчитывали минимум на «семь недель польского сопротивления» (так говорил Молотов германскому послу 10 сентября). Теперь политика тоже должна была ускорить свой шаг.

Риббентроп пишет 8 сентября Шуленбургу, что боевые действия в Польше «прогрессируют даже быстрее ожидавшегося», поэтому германское правительство желает знать намерения Москвы. На следующий день Молотов пообещал, что советские войска выступят «в течение нескольких дней», а 10 сентября Молотов сказал Шуленбургу следующее: «Польша распадается, и для Советского Союза становится необходимым прийти на помощь украинцам и белорусам, оказавшимся под угрозой Германии». Этот аргумент Молотову, по мнению Шуленбурга, был «необходим для того, чтобы вмешательство Советского Союза стало понятным массам и Советский Союз не выглядел бы агрессором».

Риббентроп сообщил 15 сентября, что правительство рейха приветствовало бы выступление советских войск. Встреча посла с наркомом состоялась 16 сентября, и ее описание было отправлено в Берлин: «Военное вмешательство Советского Союза будет совершено вскоре — возможно, даже завтра или днем позже. Сталин в настоящее время консультируется с военными руководителями... Советское правительство намерено оправдать свои действия следующим образом: польское государство распалось и более не существует, поэтому все соглашения с Польшей недействительны; третьи державы могут попытаться воспользоваться возникшим хаосом; советское правительство считает себя обязанным вмешаться с целью защиты украинских и белорусских братьев и сделать все возможное, чтобы этим несчастным людям можно было работать в мире». Поскольку «третьей державой» могла быть лишь Германия, Шуленбург воспротивился. Молотов пожаловался, что у советской стороны нет иной мотивации, и просил немцев не быть сверхчувствительными.

В 2 часа ночи 17 сентября Шуленбурга принял Сталин и объявил, что Красная Армия пересечет польскую границу в 6 часов утра. Он «с

величайшей охотой» (слова Шуленбурга) пошел на желаемые немцам изменения в советском коммюнике по этому поводу. Секрет договоренности прятался так хорошо, что, когда генерал Йодль узнал о выступлении Красной Армии, он спросил: «Против кого?» Немецкие части в некоторых местах на 200 км углубились на территорию, которая, согласно опубликованной в газете «Правде» карте, являлась зоной ответственности Советского Союза. На следующий день (18-го) германские и советские части встретились в Брест-Литовске, в городе, где более двадцати лет назад немцы навязали России жестокий договор.

Не будем преувеличивать достоинств возникшего квазисоюза. Сталин чрезвычайно боялся нарушения немцами соглашения. Он постоянно спрашивал (в частности, Шуленбурга 17 сентября), будут ли немцы соблюдать условия соглашения. «Учитывая хорошо известную недоверчивость Сталина, — писал Шуленбург в Берлин, — я был бы благодарен, если бы мне позволено было сделать заявление, снимающее такие подозрения». Риббентроп успокоил Сталина: «Соглашения, которые я заключил в Москве, безусловно будут соблюдаться, они рассматриваются нами как краеугольный камень новых дружественных отношений между Германией и Советским Союзом». Но в тот же день Сталин пошел еще дальше. По его поручению Молотов сообщил Шуленбургу, что «первоначальное намерение советского правительства и Сталина лично позволить существование остаточной Польши уступило место намерению разделить Польшу по линии Нисса — Нарев — Висла — Сан. Советское правительство желало бы начать переговоры по этому поводу». Риббентроп 23 сентября ответил положительно: «Русская идея о разграничительной линии по четырем хорошо известным рекам совпадает с точкой зрения правительства рейха». Он согласен прилететь в Москву для окончательного разрешения вопроса о границе.

Сталин спешил определить контуры предстоящей сделки. Шуленбург сообщал в Берлин 25 сентября: «Вся провинция вокруг Варшавы, распространенная до Буга, должна стать нашей долей. В обмен мы должны отказаться от притязаний на Литву». Что же крылось за этим дележом? Сталин старался получить все возможное, используя нестабильность ситуации: вернуть территории, потеря которых началась в период исторической слабости России в Брест-Литовске, ввести в состав Союза прибалтийские государства. В то же время он предложил Гитлеру инкорпорировать в германскую зону все польское население. Таким образом, выходя к Балтике, СССР укрепит свои стратегические позиции в Европе, а Германия получит Польшу с ее бессмертной традицией борьбы за

национальное возрождение.

Рейхсминистр иностранных дел прибыл в Москву во второй половине дня 28 сентября 1939 года. Перед отъездом в Кремль в посольстве ему показали телеграмму из Таллина: СССР потребовал создания баз на эстонской территории. В Кремле его встретил сам Сталин. Вечером этого дня Риббентроп согласился с созданием баз. А на следующий день он уведомил Сталина о приказе Гитлера эвакуировать в Германию 86 тысяч фольксдойче из Эстонии и Латвии. По мнению А. Буллока, «для Сталина контроль над Литвой позволил бы русским закрыть Балтийский коридор, ведущий к Ленинграду, чему он придавал исключительное значение». В 5 часов утра 29 сентября после дискуссий, изучения топографических карт и внутренних совещаний Молотов и Риббентроп поставили подписи под новым договором — «Германо-советским договором о границе и дружбе». Сталин, согласно немецкому отчету, светился от удовлетворения. Обед в честь германского посла превосходил роскошью все прежнее, после обеда в честь посла в Большом выступали звезды балета.

По возвращении из театра Риббентропа ждал телефонный вызов из Берлина. Гитлер нуждался в стабилизации положения, и он согласился передать Литву в советскую зону влияния. Гитлер, согласно Риббентропу, сказал: «Я хочу установить достаточно прочные и тесные отношения». Что Сталин прокомментировал так: «Гитлер знает свое дело». В «Правде» появилась новая карта Польши, на которой германская доля была увеличена. 28 сентября 1939 г. в Москве было выпущено совместное коммюнике: «После определенного урегулирования проблем, связанных с крахом польского государства... в подлинных интересах всех народов положить конец состоянию войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой».

Переходя в сослагательное и вопросительное наклонение, можно задаться вопросом: мог ли Гитлер продолжить свой блестящий успех в Польше, показавший всему миру мощь вермахта, требуя от Сталина уступок в Польше, Прибалтике, на юго-востоке Европы? Мог, но это было рискованно. На Западе ему объявили войну Англия и Франция, и Гитлер предпочел быть уступчивым в сентябре 1939 года, чтобы «спокойно» решить свою западную задачу, а затем обратиться к финальному решению на Востоке. А Сталин в ноябре 1939 года говорил примирительно о нацистах ближайшему окружению: «Это буржуазные националисты, способные на резкий поворот; они гибкие, они не привязаны к капиталистическим традициям»^[2]. Теперь он советовал позабыть о прежних концепциях и «думать о путях, диктуемых меняющимися

обстоятельствами». Подписание договора с Германией он назвал «поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы». (Даже после войны он периодически демонстрировал ностальгию: «Эх, вместе с немцами мы были бы непобедимы»^[3]). В апреле 1941 года Сталин был готов распустить Коминтерн ради сохранения дружбы с Германией).

Сталин и Молотов произносили свои, звучащие сейчас дико, тосты во славу германского оружия, но оба государства, Германия и Советский Союз, понимали, что конечное выяснение отношений им еще предстояло. Вопрос заключался в том, с какими силами обе стороны придут к нему.

Глава четвертая

Блицкриг на Западе

Весь мир был удивлен тем, что Англия и Франция не помогли Польше в те дни, когда германская военная машина сокрушала польское государство. Английские самолеты лишь разбрасывали листовки над германской территорией. По просьбе французского правительства они даже не бомбили немецкие цели — французы боялись возмездия.

Заметим, что если британские гарантии Польше носили общий характер, то французская сторона имела довольно четкие обязательства. Во время франко-польской военной конференции 19 мая 1939 года было решено, что французы «в прогрессирующем порядке» начнут наступательные операции на третий день после начала всеобщей мобилизации (таким днем стало 1 сентября). Кроме того, французы обещали: «Как только главные германские войска станут разворачиваться против Польши, Франция начнет наступательные действия против Германии основной массой своих войск на пятнадцатый день после первого дня всеобщей французской мобилизации». Было определено, что в этих операциях примет участие тридцать пять — тридцать восемь французских дивизий. Когда Польша гибла, ее союзники развлекали свои войска футбольными матчами. Первый британский солдат погиб на Западном фронте 9 декабря 1939 года. На Нюрнбергском процессе генерал Йодль скажет: «Мы не потерпели поражение в 1939 году только потому, что во время польской кампании примерно 110 французских и британских дивизий на Западе бездействовали, стоя перед 23 немецкими дивизиями».

«Странная война» велась на суше, но не на море. Военно-морское ведомство Британии с самого начала оказалось задействованным в войне, поскольку уже 3 сентября германские подводные лодки начали топить английские суда. У англичан в то время был крупнейший в мире торговый флот водоизмещением в 21 миллион тонн. У немцев имелись 60 боевых подводных лодок, и еще одна сотня подводных лодок должна была быть готова в 1940 году.

В эти дни новый первый лорд адмиралтейства Черчилль был далек от оптимистической оценки международной ситуации. «Польша покорена за неделю; Франция представляет собой слабое отражение бывшей воинственной нации; русский колосс больше не является союзником, а

может даже стать и противником, Италия не является другом. Япония не является союзником. Вступит ли Америка снова в войну? Силы Британской империи пока не тронуты, и она объединила их, но она плохо подготовлена, хотя и все еще владычествует на морях. Это позволило осуществить блокаду Германии». Германские торговые корабли замерли в портах, где они находились 3 сентября. В конце сентября примерно 325 германских торговых кораблей водоизмещением 750 тысяч тонн были интернированы в иностранных портах или конфискованы.

В представленном военному кабинету 25 сентября 1939 года меморандуме Черчилль писал, что теперь «Германия обнажила свой Восточный фронт. Большая германская армия неизбежно будет оставлена здесь для того, чтобы наблюдать за соседом. Я видел анализ, осуществленный генералом де Голлем, — он также считает, что здесь у немцев должно остаться не меньше 20 дивизий. Поэтому Восточный фронт, хотя и потенциально, но уже существует». Выступая по радио 1 октября 1939 года, Черчилль сказал: «То, что русские стоят на разграничительной линии в Польше, объясняется необходимостью обезопасить Россию от нацистской угрозы. В любом случае уже существует демаркационная линия, и Восточный фронт все же создан. Я не могу предсказать действия России, это загадка... Но, возможно, к ней существует ключ. Этим ключом являются национальные интересы России. Не может совпадать с интересами безопасности России то обстоятельство, что Германия разместится на берегах Черного моря, или то, что она захватит балканские государства и подчинит народы Юго-Восточной Европы. Это было бы противоположно жизненным интересам России». В свете вышесказанного, полагал Черчилль, советско-германские противоречия неизбежны.

Мирные инициативы Германии

Как обычно, после очередного удара Гитлер появился перед миром с оливковой ветвью. В рейхстаге 6 октября 1939 г. Гитлер сказал: «У Германии нет дальнейших претензий к Франции, и никогда такие претензии не будут выдвигаться... Не меньше усилий я затратил на установление англо-германской дружбы. Зачем нужно вести эту войну на Западе? Ради воссоздания Польши? Польша, созданная по Версальскому договору, никогда не возникнет вновь. Это гарантируется двумя самыми большими государствами в мире... Проблема восстановления польского государства является проблемой, которая не может быть решена в ходе войны на Западе, ее решат Россия и Германия... Было бы бессмысленно уничтожить миллионы людей ради реконструкции государства, где само рождение было абортом для всех неполяков... Если цель — смена режима в Германии, тогда миллионы жизней заведомо будут пожертвованы впустую... Нет, война на Западе не может решить никаких проблем... Если эти проблемы должны быть рано или поздно решены, то было бы разумнее заняться их решением прежде, чем посылать миллионы людей на ненужную смерть... Продолжение настоящего положения дел на Западе невыносимо. Каждый день вскоре будет обходиться увеличивающимися жертвами. Однажды снова возникнет граница между Германией и Францией, но вместо цветущих городов там будут руины и бесконечные кладбища... Если, однако, возобладают мнения господ Черчилля и его последователей, то это мое последнее заявление. Тогда мы будем сражаться, и второго ноября 1918 года в германской истории не будет».

Гитлер предложил созвать общеевропейскую конференцию. Германская пресса писала о «новом мирном предложении Гитлера». Это для доверчивых. Одновременно (10 октября) он требовал быстрой передислокации войск на Запад. Однако на этот раз генералы восстали против импровизации. Им требуется несколько месяцев, чтобы выдвинуть войска на Запад. Ученый, генерал Томас, подсчитал, что ежемесячный дефицит стали составляет 0,6 миллиона тонн. Генерал-оберквартирмейстер фон Штюльпнагель доложил, что снаряжения и амуниции хватит лишь на треть войск для четырнадцатидневной кампании.

Гитлер все меньше обращал внимания на самых видных военных авторитетов. Руководимый им относительно небольшой ОКВ (Оберкомандо Вермахт — Главное командование вооруженных сил) возглавлялся

«карманными» генералами-исполнителями Кейтелем и Йодлем, был своего рода совещательным органом, а гораздо более многочисленный ОКХ (Оберкомандо Хеер — Главное командование сухопутных сил) представлял из себя своего рода исполнительный орган. Но ни главнокомандующий фон Браухич, ни близкий к фюреру Кейтель не были посвященными в подлинные замыслы Гитлера. Работавший в ОКВ генерал Варлимонт именно в это время говорит о его «безошибочном инстинкте в разделении властей».

Оппозиция любого рода вызывала ярость вождя. Десятого октября он собрал генералитет и огласил директиву № 6 о ведении войны: «а) Если в ближайшем будущем станет очевидным, что Англия и находящаяся под английским руководством Франция не собираются прекращать войны, я намерен действовать энергично и без промедления... Должны быть сделаны приготовления для наступательных операций через территорию Люксембурга, Бельгии и Голландии. Это наступление должно быть осуществлено как можно скорее... б) Целью является нанесение поражения возможно большей части французской действующей армии, равно как и сражающимся на ее стороне союзникам, а также одновременный захват максимально большой территории в Голландии, Бельгии и Северной Франции как базы для ведения воздушной и морской войны против Англии».

Отдаленной угрозой нашей стране звучат слова меморандума, подписанного Гитлером днем раньше, 9 октября 1939 года: «Никаким договором или пактом не может быть обеспечен с полной определенностью нейтралитет Советской России. В настоящее время все разумные соображения говорят против отхода России с позиций нейтралитета. Но в течение восьми месяцев, одного года или даже нескольких лет это положение может быть изменено. Малое значение договоров было доказано всеми сторонами за последние годы. Величайшим предохраняющим средством против любого русского нападения является быстрая демонстрация германской мощи».

Гитлер полагал, что долгое ведение войны неизбежно обернется против Германии. Дружественные и недружественные нейтралы — СССР, Италия, США — могут перейти на противоположную сторону, как это было в Первую мировую войну. Он признавал ограниченность германских ресурсов, уязвимость Рура. Поражение этого сердца германского промышленного производства «приведет к коллапсу германской военной экономики».

Судя по меморандуму, Гитлер начинает постигать особенности

современной войны. Главное — избежать позиционного траншейного противостояния. Чем дольше войска выжидают, тем больше опасность того, что англичане и французы оккупируют Нидерланды и станут угрожать сердцу германской экономики — Руру. Психологическое преимущество не должно быть потеряно. Ключ лежит в «импровизации до предела». Армия «не должна затеряться между бесконечными рядами домиков в бельгийских городах», а промчаться сквозь Бельгию и Голландию и разгромить войска противника еще до того, как он стабилизирует свою оборону. Бронетанковые дивизии следует использовать для прорыва фронта. «Нет никакой необходимости атаковать города вовсе, задача танков — поддерживать движение армий, предотвращать стабилизацию фронтов массированными ударами по заранее определенным, слабо защищаемым позициям».

Американский историк У. Ширер задает справедливый вопрос: почему никто из противников Гитлера не сделал тех же выводов из недавнего военного опыта?

Хотя фюрер приказал войскам готовиться к битве на Западе уже этой осенью, сложности транспортировки, концентрации войск, восстановления запасов на фоне неблагоприятных метеорологических прогнозов исключили 1939 год как время выступления на Западе. Документы свидетельствуют, что Гитлер четырнадцать раз переносил дату выступления.

Генералы роптали, они сомневались в успехе авантюрных (как им казалось) планов. А тем временем немецкий ремесленник Георг Эльзер провел тридцать бессонных ночей в Пивном зале Мюнхена, ожидая традиционного выступления фюрера перед «старыми камрадами» нацистского движения в годовщину путча 1923 г. В одной из каменных колонн он выдолбил полость и заполнил ее взрывчаткой. Традиционно Гитлер начинал собрание в восемь с половиной вечера и оставался в зале до десяти. Взрывное устройство было настроено на девять двадцать, а Гитлер ушел в девять десять. Взрыв убил восемь человек и ранил шестьдесят. Избежав смерти после неудачного покушения в мюнхенской пивной 8 ноября 1939 года, Гитлер решил высказаться о своих планах на будущее. «Растущее число германского населения требует увеличения жизненного пространства. Моя цель заключается в создании рациональной взаимосвязи между численностью населения и пространством, на котором оно (население. — А. У.) живет. Борьба должна начинаться здесь. Ни одна нация не может избежать решения этой проблемы. В противном случае она должна уступить и медленно опуститься... Скалькулированная мудрость

здесь не поможет; решение может дать только меч. Люди, не способные собрать силы для битвы, должны уйти». Трагедия германской истории заключалась, по мнению Гитлера, в том, что даже такие лидеры, как Бисмарк и Мольтке, не обладали необходимой твердостью. «А решение исторических задач было возможно лишь посредством нападения на соперника в благоприятный момент». Коренная ошибка 1914 года — распыление сил, битва на нескольких фронтах.

Гитлер напомнил, что в 1919 г. мало кто верил в его успех, но провидение сказало свое слово. «Как последний фактор я должен, при всей своей скромности, назвать мою собственную персону: незаменимую. Ни военное, ни гражданское лицо не может заменить меня... Я убежден в силе своего интеллекта и решимости... Существующее положение никогда не будет более благоприятным... Если мы пройдем через эту борьбу победоносно — а мы пройдем, — наше время войдет в историю нашего народа. Я выстою или паду в этой борьбе. Я никогда не переживу поражения моего народа. Никакой капитуляции перед внешними силами; никакой революции изнутри». После этой речи фон Браухич подал в отставку, но Гитлер отказался ее принять. Ему нужна была отлаженная военная машина. Его планы становились все грандиознее.

Поздней осенью 1939 года впервые задача выступления против России из теоретической плоскости начинает выходить в практическую. «Россия в настоящее время не опасна. Она ослаблена в результате внутренних процессов. Более того, у нас есть договор с Россией. Договоры, однако, соблюдаются лишь до тех пор, пока они служат поставленной цели. Россия будет его придерживаться, пока ей это выгодно».

Советско-германское сотрудничество

Итак, в результате раздела Польши Сталин получил территорию в 120 тысяч квадратных километров с 13 млн. человек, преобладающее население которой были белорусы и украинцы. Гитлер включил в рейх 55 тыс. кв. км с 10 млн. населения. Оставшаяся территория в 60 тыс. кв. километров образовало т. н. генерал-губернаторство с населением в 11 млн. человек. Губернатором был назначен юридический советник Гитлера Ганс Франк. Гитлер начал осуществление программы германизации Восточной Европы. Первой его идеей было выселение 6 млн. чехов из Богемии — Моравии. Но продукция чешской промышленности была так важна, что весной 1939 г. от программы пришлось отступить. В середине 1941 г. в Польшу переехали 200 тыс. германских переселенцев, получившие десятую часть пахотных польских земель. В завизированном Гитлером докладе Гимmlера от мая 1940 г. предписывалось «разбить бывшее польское государство и его многочисленные расы (поляков, украинцев, белорусов, евреев) на возможно большее число частей и осколков... Расово ценные элементы следует извлекать из этой мешанины... в течение десяти лет население сведется к остаткам недочеловеков... рабочей силы, не имеющей лидеров и способной ежегодно снабжать Германию разнорабочими».

Между августом 1939 года и июнем 1941 года лежит период, когда Советский Союз стремился показать Германии свою надежность как партнера, свою полезность и готовность к сотрудничеству. Германские материалы свидетельствуют, что на советской территории на берегах Черного моря, Арктики и Тихого океана определялись порты, через которые Германия могла получать стратегическое сырье, закрытое для нее на Западе британской блокадой. Торговые отношения расширились. Сырье, зерно и нефть шли в рейх.

В обратном направлении шли станки и оборудование. Нужда в поставках из СССР была такова, что Гитлер 30 марта 1940 года отдал приказ о приоритете поставок в СССР даже перед германскими вооруженными силами. (Разумеется, это была плата за благожелательный нейтралитет.) Частью платы немцев был также недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов». Рассматривался вопрос о продаже Советскому Союзу чертежей гигантского (самого большого в мире) линкора «Бисмарк». Характерная черта того времени — личное участие Сталина в переговорах

конца 1939 года. Сохранились стенограммы трех таких заседаний. Сталин поразил скрупулезных немцев знанием деталей и жесткой хваткой. Он считал нужным напомнить немецким торговым представителям, что Советский Союз «оказал очень важную услугу Германии и, оказывая эту помощь, обрел много врагов».

В августе 1939 года СССР и Германия договорились о торговле объемом в 150 миллионов рейхсмарок в год. В феврале 1940 года были подписаны соглашения на последующие восемнадцать месяцев. Их минимальная стоимость составляла 640 миллионов рейхсмарок. Речь шла о крейсере «Лютцов», тяжелых морских орудиях, тридцати новейших германских военных самолетах («Мессершмиттах-109 и 110», штурмовиках «Юнкерс-88»). СССР получал оборудование для электротехнической и нефтяной промышленности, локомотивы, турбины, генераторы, дизельные моторы, корабли, машинное оборудование, закупал образцы германских орудий, танков, взрывчатых веществ. Немецкая сторона в течение первого года экономических обменов получила миллион тонн зерна, 100 тысяч тонн хлопка, 500 тысяч тонн фосфатов, многие другие сырьевые материалы. Шнурре утверждал, что Сталин пообещал ему помощь при закупке сырьевых материалов в третьих странах. «Это соглашение означает для нас открытие Востока... Эффект британской блокады будет ослаблен в решающей степени».

Снижение значимости британской блокады многое объясняет в поведении Гитлера зимой 1939/40 года. Он поддержал СССР в ходе советско-финской войны, закрыл глаза на создание советских военных баз в прибалтийских государствах. Им в это время владела одна идея — удар по Западу, а позиция СССР была для него первостепенной поддержкой. К примеру, в октябре 1939 г. германский флот стал в Баренцевом море пользоваться советскими портовыми гаванями. Германские торговые заявки в СССР быстро выросли с 70 млн. марок до 1,4 млрд. До подписания нового торгового договора немцы позволили советским специалистам ознакомиться с последними германскими военными разработками, в ноябре 1939 г. те посетили экспериментальные лаборатории и самые секретные заводы. Складывается впечатление, что немцы хотели ошеломить низшую расу, неспособную, с их точки зрения, обойти в военно-промышленных разработках признанных мировых лидеров. Речь шла о новейших самолетах, орудиях, кораблях, танках. Там, где немцы закрывали двери, советские специалисты настаивали, они требовали поставки всего заказанного вооружения уже в 1940 г. А. И. Микоян 19 декабря 1939 г.: «Советское правительство считает

поставку всего списка единственным удовлетворительным эквивалентом поставок сырьевых материалов, которые в нынешних условиях Германия не смогла бы получить иным способом на мировом рынке». В час ночи 7 января 1940 г. Сталин пригласил в Кремль членов германской делегации — советская сторона готова подписать договор.

Текст договора занял 42 машинописные страницы через полтора интервала. Немцы обязывались передать прототипы всех новейших немецких самолетов, военных судов, технических и химических новшеств. СССР поставлял миллион тонн фуражного зерна, почти миллион тонн нефти, полмиллиона тонн фосфата, 100 тысяч тонн хромовых руд. Было оговорено право закупать сырье в Румынии, Иране, Афганистане, на Дальнем Востоке. В апреле 1940 г. Гитлер приказал поставлять Советской России оружие даже за счет потребностей вермахта. Сталин оказал помощь Германии в самый сложный час — весной 1940 г., когда немцы бросились в Скандинавию и готовились начать наступление на Западе.

Пользуясь поддержкой Германии, Сталин, удивленный финской несговорчивостью, потребовал от командования Красной Армии силового решения для проведения новых финских границ. Наступление ленинградского военного округа началось 30 ноября 1939 г. Поражения первых недель охладили шапкозакидательские настроения советского генералитета. 15 января 1940 г. советская артиллерия начала шестнадцатидневный обстрел линии Маннергейма. Прорыв был осуществлен лишь 17 февраля 1940 г., а 22-го финны отошли на новую линию обороны. 11 марта был подписан мирный договор, согласно которому к СССР перешел весь Карельский перешеек, балтийский порт Ханко и полуостров Рыбачий на севере.

Германский генеральный штаб самым внимательным образом изучал опыт Зимней войны и пришел к такому выводу: «Советская „масса“ не может противостоять армии и искусному командованию». Генералы согласились с Гитлером, что славянская военная сила не устоит перед расово превосходящими немецкими войсками.

Гитлер уже писал и говорил своим генералам, что у него на уме после победы на Западе. Не далее как 17 октября 1939 года он указал Кейтелю: «Польская территория важна для нас с военной точки зрения как выдвинутый вперед трамплин для стратегической концентрации войск. С этой целью железные дороги, шоссейные дороги и линии связи должны содержаться в порядке». Выступая перед генералами 23 ноября, он сказал: «Мы выступим против России, когда освободимся на Западе».

В первые дни 1940 г. дуче прислал Гитлеру письмо, в котором выразил

«глубочайшее убеждение», что даже с помощью Италии Гитлеру никогда не удастся победить Англию и Францию — Соединенные Штаты не позволят такому случиться. Муссолини напоминал: «Это же факт, что именно Россия больше всего выиграла в Польше и Прибалтике, не сделав при этом ни единого выстрела. Я, человек, родившийся революционером и не изменившийся ни на йоту, говорю вам, что вы не должны жертвовать непреходящими принципами вашей революции ради тактических потребностей преходящей фазы политического развития. Уверен, вы не можете выбросить знамя антибольшевизма и антисионизма, которым размахивали двадцать лет». В марте он встретился с Гитлером на Бреннерском перевале и еще раз попытался отговорить Гитлера. Безрезультатно. Министр иностранных дел Чиано записал в дневнике: «Дуче очарован Гитлером — очарованием, которое воздействует на нечто, глубоко укоренившееся в его характере».

Пораженчество на Западе

В целом союзники 1939 года очень отличались от Антанты, которая выступила против Германии в августе 1914 года. Так, во Франции прежний дух реванша иссяк, потеря полутора миллионов человек в Первой мировой войне не могла быть забыта, она оказалась долговременной национальной травмой. Стратегическая мысль отстала от требований дня. Во Франции (как и в Англии) не осознали значимость того факта, что бронированные движущиеся механизмы способны превозмочь артиллерийский огонь и продвигаться на многие километры в день. Написанная полковником де Голлем книга «Действия танков» — яркая и убедительная апология маневренных танковых действий — не получила никакого отклика в военной среде. Стареющая плеяда французских военачальников во главе с маршалом Петэном была неспособна воспринимать новые стратегические идеи, находясь полностью во власти старого мышления, сформировавшегося в то время, когда оборона была сильнее наступления.

К новому, 1940 году Черчилль сделал обзор положения обеих коалиций в мировом конфликте. «Существует некоторая схожесть между нынешней позицией и той, что имела место в конце 1914 года. Переход от мира к войне завершён. Моря к данному моменту очищены от кораблей противника, линия фронта во Франции стала статичной. Мы отбили первую атаку подводных лодок, которая в прежней войне началась только в феврале 1915 года. Во Франции линия фронта пролегает по государственной границе, что гораздо лучше положения 1915 года, когда шесть или семь французских провинций находились в руках противника».

Разумеется, во многом Черчиллем руководило желание найти оптимистическую точку зрения. К началу 1940 года положение западных союзников было не лучше, чем в 1914 году, Россия (Советский Союз) не являлась союзником Запада, как в Первой мировой войне. Западные союзники очень надеялись на Соединённые Штаты, но те ещё не вышли из состояния изоляции и отнюдь не спешили присоединиться к западной коалиции. Министерства финансов Британии и Франции уже начинали жаловаться на истощение долларовых запасов. Англия в это время подписала пакт о взаимопомощи с Турцией, но в Лондоне уже трудно было найти средства, которыми можно было бы скрепить эти узы. Советско-финский конфликт ухудшил отношения западных союзников с СССР. Англия в это время продолжала обхаживать Италию, желая всеми

возможными средствами оторвать ее от Германии. Но Муссолини уже твердо решил выступать на стороне Германии, пока же ему выгоднее было соблюдать видимость нейтралитета. Итальянский диктатор писал Гитлеру 3 января 1940 года: «Решение нашего вопроса о жизненном пространстве лежит в России и нигде более. День, когда мы сокрушим большевизм, будет днем нашего триумфа. Затем придет очередь западных демократий».

Девятнадцатого января 1940 года германский пилот приземлился с важнейшими документами на бельгийской территории. Плохая видимость не позволила ему найти аэродром в Кельне. Он пытался уничтожить имевшиеся при нем материалы, но бельгийская полиция успела вовремя — британское и французское правительства получили копии документов, из которых следовало, что германское командование готовится к вторжению в Бельгию, Голландию и, северным путем, во Францию. В тех, кто сам хотел спрятаться в скорлупе неверия в немецкое наступление, легко было заронить сомнение в аутентичности полученных данных. Из государственных деятелей, возможно, лишь Черчилль настаивал на их достоверности. Он указывал, что самое худшее, что могли бы сделать для себя немцы, — это подослать документы, в которых говорилось о возможности нарушения бельгийского суверенитета — ведь только это могло заставить стремящихся уклониться от участия в конфликте бельгийцев примкнуть к англичанам и французам. Для немцев не было никакого смысла в подделке. Тем не менее сознательными и «интуитивными» примиренцами желаемое выдавалось за действительное. Бельгийский король, вопреки очевидной опасности, отказался стать союзником англо-французов и поверить в те планы, о которых он неожиданно узнал. В начале 1940 года Высший военный совет союзников обсуждал вопрос о помощи западных союзников Финляндии в ходе советско-финского конфликта, о посылке, в частности, весной 1940 года в Финляндию воинских частей из Англии и Франции. Положительным казался фактор прихода к власти во Франции кабинета Поля Рейно, обещавшего с большей энергией готовиться к войне. На первом же заседании союзнического совета с участием Рейно Франция и Англия приняли торжественную декларацию, обещавшую «не заключать перемирия или договора о мире без взаимного согласия».

Готовясь к предстоящему конфликту, западные союзники усматривали две слабые стороны позиции Германии: отсутствие запасов железной руды и отсутствие запасов нефти. Основные месторождения этих ископаемых находились в противоположных концах Европы. Железная руда шла к немцам с севера, из Швеции, а нефть в основном поставляла Румыния.

Главной слабостью союзников Черчилль считал отсутствие национальной решимости сражаться до конца (он признает в мемуарах, что «ни Франция, ни Британия психологически не были способны выдержать немецкий удар, и только после того, как Франция потерпела поражение, Англия, находясь на краю гибели и угрозы уничтожения, приобрела национальную решимость, равную германской»). Но об этом никто не должен был знать. Выступления Черчилля перед прессой и населением были сугубо оптимистическими, хотя он и признавал их негативное влияние на укрепление решимости страны.

Фактор США

В обстановке тупика «странной войны» все большее значение приобретала политика США. Президент Рузвельт отдавал себе отчет в том, что именно Франция и Англия представляют собой передний край обороны Америки. Оценка же их сил и возможностей, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием панических призывов Парижа и Лондона, была пессимистической. Об этом можно судить, например, по воспоминаниям заместителя государственного секретаря Самнера Уэллеса. Так, он писал, что, по мнению высших правительственных кругов США, «политический хаос», царивший во Франции, почти не оставлял надежд на ее способность оказать реальное сопротивление Германии, а доминирование последней в Европе в свою очередь поставило бы под вопрос существование Англии.

В этих условиях спасительным представлялся курс на оказание некоторой материальной и, главным образом, моральной поддержки обеим западноевропейским странам, с тем чтобы не допустить их быстрого поражения и таким образом выиграть время для наращивания собственной военной мощи. Вот почему в Вашингтоне вызвали пристальный интерес новые усилия Парижа и Лондона отвлечь от себя угрозу удара гитлеровского вермахта посредством переадресования его на Восток против СССР. Поскольку Франция и Англия полагали, что достигнут этой цели военной поддержкой Финляндии и воздушной бомбардировкой Кавказа, в Вашингтоне сочли необходимым помочь им сделать следующий шаг — найти общий язык с Гитлером. Об этом 1 января 1940 года открыто заявил Хэлл, подчеркивая намерение США использовать в данном направлении свое моральное и материальное влияние. А два дня спустя Рузвельт в послании конгрессу недвусмысленно подтвердил готовность Соединенных Штатов выступить в роли посредника в переговорах о мире с Германией.

Дело не ограничилось словами. Президент решил отправить в Европу Самнера Уэллеса для переговоров с правительствами Германии, Италии, Франции и Англии. Цели миссии не афишировались. Напротив, ей был придан характер поездки представителя строго нейтральной страны. На пресс-конференции 9 февраля Рузвельт объявил, что Уэллес едет «исключительно с целью консультации президента и государственного секретаря относительно современного положения в Европе».

Миссия Уэллеса, пробывшего в Европе более месяца — с 25 февраля по 30 марта, — была связана с предшествующими заявлениями президента и государственного секретаря о предполагаемой мирной инициативе США. Прямое отношение к ней имело и заявление Рузвельта на пресс-конференции 9 февраля о намерении помочь Финляндии в войне против Советского Союза. Сопоставление всех этих высказываний позволяет обнаружить и предполагавшуюся основу примирения с Германией — изоляцию СССР.

Уэллес прежде всего направился в Рим, где встретился с Муссолини и министром иностранных дел Чиано. Между ними состоялся обмен мнениями о политическом положении в Европе и намерениях итальянского правительства. Затем Уэллес посетил Берлин. Здесь он беседовал с Герингом, Риббентропом, Шахтом и статс-секретарем германского министерства иностранных дел Вайцеккером. Зондаж дал далеко не одинаковые результаты. Так, уже будучи в Париже, Уэллес в беседе с Даладье о перспективах соглашения между двумя группировками стран в Западной Европе конфиденциально сообщил, что Муссолини «верит в возможность установления мира».

В Берлине же проявили несговорчивость. Здесь не сомневались в том, что Вашингтон взял на себя роль посредника, исходя из стремления направить агрессию гитлеровской Германии на Восток. Подтверждением тому служила состоявшаяся 27 февраля, накануне приезда Уэллеса, беседа Вайцеккера с американским поверенным в делах в Берлине Кирком. Последний прямо заявил, что, по его мнению, Европа сейчас стоит перед выбором между миром и большевизмом. Но командование вермахта тогда еще не считало себя готовым к нападению на СССР, его планы предусматривали захват территорий прежде всего на Западе, а затем уж на Востоке. Завершая подготовку к вторжению в Норвегию и Данию, Берлин был заинтересован вместе с тем в том, чтобы запугать Англию и Францию. Поэтому в соответствии со специальной инструкцией, разработанной для переговоров с Уэллесом, официальные лица в основном говорили о могуществе Германии и ее решимости «победоносно завершить войну». Причем открыто заявлялось о намерении предпринять наступление на Западе. Уэллес, стремившийся главным образом выяснить, как отнеслись бы противоборствующие стороны к инициативе США по их примирению, не обнаружил в Берлине желания пойти на какие-либо уступки.

Противоположная картина открылась ему во Франции, куда он прибыл 7 марта. Его поразило подавленное настроение парижан. «Казалось, даже на зданиях, — писал он позднее в мемуарах, — лежала печать той же

угрюмой апатии, которую можно было прочесть на лицах большинства прохожих, встречавшихся на малолюдных улицах. Всех охватило предчувствие ужасного бедствия». Не лучшими были и его впечатления от бесед с членами правительства. «Опыт моих встреч в Париже в мартовские дни 1940 года, — резюмировал он, — вызвал шокирующий эффект».

Описав в ироническом тоне свой визит к престарелому французскому президенту Лебрену, он в отчете Рузвельту уделил основное внимание высказываниям Даладье. В беседе с глазу на глаз, длившейся около двух часов, премьер-министр Франции сразу же заявил, что готов договориться с Италией и Германией. Правда, он назвал их требования чрезмерными, но считал, что частично они могут быть удовлетворены. Так, он соглашался поделиться с Италией французскими владениями в Сомали, Тунисе, в районе Суэца, признать включение Судетской области и западной части Польши вместе с Данцигом в состав Германии, а взамен требовал восстановления Чехословакии и Польши. Что касается США, то они должны были взять на себя ответственность за переговоры и создание «международных военно-воздушных сил для полицейских целей».

В беседе с посланцем Рузвельта Даладье также выдвинул идею о том, чтобы после решения всех первоочередных проблем осуществить «обоюдное разоружение» Франции и Германии под контролем США. Характерно, что Уэллес отклонил последнее предложение только из-за нежелания США предпринимать какие-либо действия, способные вовлечь их в европейскую войну.

Нельзя не отметить, что и предложения Даладье, и ответ Уэллеса свидетельствуют о том, что не только в Париже, но и в Вашингтоне были далеки от реалистической оценки сложившейся международной обстановки, не понимали истинного характера опасности, угрожавшей Западной Европе, а впоследствии и всему миру. Этим и объяснялись в целом попытки договориться с Берлином и Римом ценою некоторых уступок.

Впрочем, Уэллес обнаружил в Париже и противников компромисса с гитлеровской Германией. Такой позиции придерживался, например, председатель палаты депутатов Эдуард Эррио, считавший, что нельзя вступать в переговоры с противником, ведущим двойную игру. А семидесятилетний президент сената Жанненэ, встречавший уже третью войну с Германией, говорил с американским гостем в духе Клемансо: «Есть только один способ обращения с бешеной собакой — убить ее или сковать стальной цепью, которую нельзя разбить».

Однако подавляющее большинство французских государственных

деятели по своим взглядам были близки к точке зрения Даладье. Примирительную позицию занимали вице-премьер Шотан, министр иностранных дел Бонне и многие другие. Даже министр финансов Поль Рейно, пользовавшийся репутацией самого твердого в отношении Германии члена правительства, был настроен пессимистически. Он пожаловался Уэллесу на то, что Франция приближается к тому моменту, когда все ее ресурсы будут брошены на закупку вооружений в США. А затем, сообщив о своей недавней беседе с Черчиллем, требовавшим ведения войны до конца, сокрушенно заметил: «Этот человек выдающихся способностей потерял эластичность мышления».

Таким образом, как подчеркнул в своем отчете Уэллес, действительно, ни одному из ведущих представителей французского правительства не была чужда в той или иной мере мысль о сговоре с нацистской Германией, о новом Мюнхене на еще более широкой основе... Большинство в правительственных сферах Франции так или иначе выступало за переговоры с Германией. Визит Уэллеса усилил эту тенденцию, поскольку заронил несбыточные надежды на эффективность переговоров. Он явился составной частью американской политики выжидания и поисков примирения, способствовавшей моральной дезорганизации Франции перед лицом угрозы из-за Рейна. Миссия Уэллеса привела, в частности, к дипломатическим маневрам не только Парижа, но и Вашингтона в отношении Италии, хотя надежды расколоть германо-итальянский блок были иллюзорными.

В Лондоне Уэллес убедился, что в английских политических кругах существовала сильная группировка, возглавлявшаяся У. Черчиллем и А. Иденом и выступавшая против соглашения с Германией. Но, как и в Париже, многие члены правительства придерживались иной точки зрения. Премьер-министр Чемберлен и министр иностранных дел Галифакс, беседуя с Уэллесом, высказались за компромисс с Германией. Поисками путей к примирению с ней были заняты министр финансов Саймон, министр без портфеля Хэнки, советник премьер-министра Хорас Вильсон. Оказалось, что и Ллойд Джордж выступал за соглашение, он верил в возможность заключения «пакта четырех» — Англии, Франции, Германии и Италии.

Американскому эмиссару довелось не только обсуждать с английскими и французскими государственными деятелями их проекты перевода войны на антисоветские рельсы, но и увидеть крушение этих планов.

Двенадцатого марта, когда Уэллес еще находился в Европе, был заключен мир между Финляндией и Советским Союзом, вызвавший

растерянность среди политиков Англии и Франции. Чемберлен с досадой заявил в палате общин, что он вынужден отказаться от отправки в Финляндию уже закончившей все приготовления 100-тысячной английской армии. А один из его советников так комментировал это событие: «Мы потерпели второе поражение, и теперь нам надо искать какую-нибудь другую возможность».

Разочарование охватило и правящие круги в Париже, внутри которых усилились разногласия. Одни критиковали премьер-министра за недостаточную твердость в отношении Германии, другие, напротив, — за якобы упущенную возможность вступить в сговор с ней на антисоветской основе. Последние, в частности, негодовали по поводу того, что французские войска численностью 50 тысяч человек, которые еще 26 февраля были готовы к отправке в Финляндию, так и не попали туда. А генерал Гамелен, не желая примириться с провалом своего «северного» плана — посылки войск западных союзников для участия в войне на стороне Финляндии, решил форсировать осуществление «южного», так называемого «кавказского». В его памятной записке от 16 марта по этому поводу было высказано требование «действовать быстрее и энергичнее».

Между тем внутренние распри в правительстве привели 19 марта к отставке Даладье с поста премьер-министра. Его сменил Поль Рейно. Характерно, что сформированный им кабинет получил вотум доверия большинством всего лишь в один голос. Это достаточно ясно характеризует слабость позиций нового правительства. Состав же его почти не отличался от прежнего, Даже Даладье сохранил портфель министра национальной обороны. Что же касается Рейно, то его искусство вести дебаты в парламенте не могло компенсировать отсутствие умения эффективно руководить страной в условиях нависшей над ней военной угрозы.

Выступление в Скандинавии

Из захваченных немецких архивов следует, что Гитлер в начале 1940 года считал поддержание нейтралитета Норвегии наилучшим курсом для Германии. Германские разведданные предупреждали: англичане готовятся к высадке в Скандинавии. В феврале фюрер пришел к заключению, что англичане собираются высадиться в Норвегии, и он решил их опередить. Окончательное решение Гитлер принял после того, как Черчилль отдал приказ английскому эсминцу войти в норвежские территориальные воды и захватить германское судно «Альтмарк», на котором находились английские военнопленные. Эта акция послужила детонатором планов Гитлера.

Выступая 5 апреля 1940 года перед Национальным советом консервативных ассоциаций, премьер-министр Чемберлен заявил, что Гитлер «пропустил свой автобус». Даже если допустить, что Чемберлен не хотел травмировать национальную психику англичан, следует все же признать, что это выражение было неудачным. Германия находилась на четвертом году интенсивного перевооружения, Англия и Франция (в лучшем случае) — на втором. Ход событий должен был вскоре определить, кто же на самом деле «пропустил автобус».

Англичане стремились привлечь к антигитлеровской коалиции как можно больше сил, они всерьез рассматривали возможность укрепления англо-французских позиций за счет нейтралов. К примеру, в радиообращении 20 января 1940 года к нейтральным странам содержался призыв к Скандинавии, Бельгии и Голландии «выполнить свой долг в соответствии с уставом Лиги Наций и выступить против агрессии и зла». Отклика не последовало. Зато стратеги в Берлине поспешили: 8 апреля Германия начала высадку войск в Дании и Норвегии. В течение 48 часов Дания капитулировала, а все стратегически важные пункты Норвегии оказались в руках немцев. Через три дня Черчилль дал оценку действиям немцев: «Безжалостность и маневренность, с которой действовали немцы, проводя эти большие операции, заставляют меня думать, что все это только прелюдия более масштабных событий. Возможно, мы пришли сейчас к первому важному столкновению в этой войне».

Блицкриг в Скандинавии

Два обстоятельства заставили Гитлера выбрать в качестве следующей военной цели Норвегию. Во-первых, западные союзники в ходе Зимней войны СССР с Финляндией в 1939–1940-х годах намеревались оказать Финляндии помощь через Норвегию, а это сразу задевало интересы германской военной машины, нуждающейся в превосходной шведской железной руде из Кируны. Во-вторых, адмирал Редер неустанно напоминал Гитлеру, что, только владея норвежскими базами, Германия не будет заперта во внутренних водах, избежит изоляции (столь памятной немцам по Первой мировой войне), сумеет направить в мировой океан свое самое эффективное военно-морское оружие — подводные лодки. Но только после того, как в декабре 1939 года лидер норвежских фашистов генерал Квислинг посетил Берлин, Гитлер отдал приказание Oberkommando der Wehrmacht (ОКВ) начать планирование операции против Скандинавии.

Толчком к ускорению планирования и переходу дела в конкретную плоскость послужил поход «карманного линкора» «Граф Шпее» против союзнических торговых судов в Южной Атлантике. Британские крейсеры прижали его к побережью Уругвая. «Граф Шпее» после битвы при Ривер-Плате вынужден был 13 декабря 1939 г. войти в бухту Монтевидео. Это унижение германских военно-морских сил взвинтило Гитлера. Теперь не было места абстрактным разговорам, специалисту по операциям в горных условиях — генералу фон Фалькенхорсту было поручено приготовить конкретный план. В задачу Фалькенхорста входили и предложения по оккупации Дании как моста к норвежским фиордам. 7 марта 1940 г. Гитлер выделяет для операции восемь дивизий. Германская разведка доложила, что британское правительство уже отошло от планов вторжения в Норвегию, но на Гитлера это уже не влияло.

Эффект неожиданности помогал германскому руководству в любых случаях. Официальный Копенгаген никак не видел себя втянутым в мировой конфликт, и угроза бомбардировки Копенгагена подействовала незамедлительно, как и высадка 9 апреля на датском побережье германских войск. Испуг и изумление норвежцев были не менее искренними, но норвежское руководство не было готово сдаться на милость агрессора. Старинные пушки гавани Осло заработали, и германский крейсер «Блюхер» пошел ко дну. Королевская семья отправилась в изгнание в Лондон. Непокорившиеся норвежские войска сконцентрировались на

побережье, чтобы не позволить немцам проникнуть в норвежский хинтерланд и к Тронхейму. 18 апреля в районе Тронхейма начали высаживаться британские и французские войска, чтобы преградить путь немцам, движущимся на север от Осло. Британская бригада была разбита 23 апреля при Гудбрандсдале, затем вермахт высадил собственный десант близ Тронхейма и постарался взять в клещи ничем особенным не проявивших себя англо-французских союзников.

Германские войска отступили лишь на крайнем севере, где превосходящие силы англичан заставили их уйти морским путем и по пути потопили 10 германских миноносцев. Командующий германским экспедиционным корпусом генерал Дитль ушел в горы всего с двумя тысячами пехотинцев и двумя с половиной тысячами солдат морской пехоты. Отступая, он сумел дойти до шведской границы. Гитлер восхищался Дитлем, и тот стал его фаворитом в норвежском Заполярье. Итак, на протяжении немногих недель Германия утвердилась на европейском севере, нанесла западной коалиции чувствительный фланговый удар, ставший предвестником blitzkriega на Западном фронте.

Правда, в Нарвик-фиорде была потоплена половина германских миноносцев и несколько крейсеров, что безусловно ослабило германский флот.

Двадцать второго апреля 1940 года британская делегация прибыла в Париж на заседание высшего военного совета союзников, которое премьер-министр Поль Рейно открыл общим обзором военной ситуации, значительно ухудшившейся для западных союзников в связи с успехами немцев в Скандинавии. «География, — сказал Рейно, — дала Германии постоянное превосходство из-за возможности внутренних перемещений войск». У немцев в это время было 190 дивизий, из них 150 могли быть использованы на Западном фронте. Против этих сил союзники могли выставить 100 дивизий, из них 10 — английских. Напомним, что в предшествующую войну в Германии проживало 65 миллионов человек, и та сумела мобилизовать 248 дивизий, из которых 207 в конце войны находились на Западном фронте. Франция со своей стороны мобилизовала 177 дивизий (110 сражались на Западном фронте); Великобритания — 89 дивизий (из них 63 на Западном фронте). В целом на Западном фронте находились 173 дивизии союзников против 207 германских дивизий. Равенство было достигнуто только тогда, когда прибыли американцы с их 34 дивизиями. Насколько же хуже было положение западных союзников в 1940 году! Население Германии достигло 80 миллионов, она могла создать 300 дивизий. Франция в то же время едва ли могла рассчитывать, что к

концу года на Западном фронте будет 20 английских дивизий. Западные союзники стояли перед фактом превосходства, которое приближалось к соотношению 2:1. Германия имела также превосходство в авиации, артиллерии и общем объеме военных запасов.

Верховный совет союзников обратился к голландскому и бельгийскому правительствам, пытаясь привлечь их к совместным с западными союзниками мерам. Союзники полагали, что Италия близка к объявлению войны, и думали о том, какие меры следует принять военно-морскому флоту Англии и Франции в Средиземном море. На заседании впервые присутствовал генерал Сикорский, который заявил, что он может создать польскую армию из 100 тысяч человек в течение нескольких месяцев. Было решено, что если Германия вторгнется в Голландию, союзные войска войдут в Бельгию без предварительного уведомления бельгийского правительства, а их ВВС будут бомбить германские военно-промышленные объекты.

Хотя в речах генералов и политиков было немало бравады, на этой конференции Черчилль пришел к выводу, что на Западе союзников ждет поражение. Он был недоволен методами, какими велась война, и написал премьер-министру Чемберлену: «Если Вы ощущаете себя не в состоянии осуществлять все те полномочия, которые на Вас легли, то Вы должны назначить заместителя, который координировал бы и направлял общее развитие военных усилий». В результате 1 мая 1940 года премьер-министр издал уведомление, в котором говорилось о возросших полномочиях Черчилля как координатора всех военных усилий Англии.

Поражение в Норвегии вызвало чрезвычайное недовольство англичан. Выступавший от имени правительственной партии консерваторов Леопольд Эмери процитировал знаменитые слова Кромвеля, обращенные к так называемому «долгому» парламенту: «Вы сидели здесь слишком долго для того, чтобы сделать что-либо хорошее. Уходите — я говорю вам. Во имя господина Бога, уходите!» Как пишет Черчилль в воспоминаниях, эти страшные слова отражали общее настроение в стране.

Наступление на Западе

Напомним, что Гитлер поразил офицеров генерального штаба в Цоссене: после окончания польской кампании следует немедленно бросить силы против западных союзников. Немецкие генералы хотели планомерного и медленного пересосредоточения, они рассчитывали на несколько месяцев приготовления к решающим битвам на Западе. Но ничто не могло переубедить Гитлера: 10 октября 1939 года он подписал директиву № 6, требующую начала немедленных приготовлений к западной кампании, а именно к наступлению через Бельгию, Люксембург и Голландию «так скоро, насколько это возможно». Цель наступления заключалась в поражении Франции, выходе к морю и создании баз, позволяющих ведение воздушной и морской войны против Англии. Штабным офицерам было сказано, что вторжение следует осуществить до 12 ноября 1939 года. Через десять дней они предоставили Гитлеру план, названный фюрером верхом посредственности. Немецкие генералы желали, по существу, простого повторения шлиффеновского замысла начала века: наступления на Францию серповидным движением через Бельгию. Гитлер отверг компилятивный замысел своих генералов, план Шлиффена его не устраивал. Как сказал он, «дважды такие операции не удаются». Ведь французы именно этого ждали от немцев.

Гитлер когда-то воевал во Фландрии, и он указывал, что пересеченная, перерезанная многочисленными каналами местность неизбежно задержит колонны танков. Удар южнее выглядел внушительнее. Адьютант Шмундт сказал, что у генерала Манштейна схожие идеи. Манштейн и Гудериан предложили довольно неожиданный вариант — нацелить основной удар через лесной массив Арденны в направлении Седана. Как и французы, почти все немецкие генералы считали наступление в том направлении невозможным (лес и гористая местность мешали продвижению техники). Манштейн, Рундштедт и Гудериан увидели таящиеся в Арденнах возможности. И когда Манштейн, будучи среди пяти ведущих генералов представленным к фельдмаршалскому званию, прибыл 17 февраля 1940 года к Гитлеру, он вручил ему рассчитанный именно на неожиданность «арденнский вариант». Гитлер немедленно ухватился за эту идею. Уже на следующий день он одобрил план Манштейна в своем приказе. Вся стратегическая концепция была отлажена в штабе верховного командования вермахта а Цоссене.

Западный фронт: подготовка сторон

Ради консолидации польских приобретений Гитлер 6 октября 1939 г. обратился к Франции и Британии с предложением признать «естественность» судьбы польского государства, но те, памятуя о непреклонном стремлении Гитлера утвердить свою гегемонию в Европе, отказались «пойти на мировую» с нацистской Германией. Германские генералы получили приказ заняться излюбленным делом — планированием наступательных операций. Собственно, у Гитлера уже не было иллюзий (как и у его противников) и он сообщил о своем стремлении к военному решению во Франции представителям трех родов войск уже 27 сентября 1939 г. 9 октября — еще до того, как Париж и Лондон ответили на германские предложения, фюрер издал директиву № 6 о наступлении на Западе.

В ней Гитлер говорит об исторической несправедливости, как он ее понимал: великие западные державы всегда, особенно после Вестфальского мирного договора 1648 года, стремились держать Германию разделенной и слабой. Национал-социалистическая Германия этого не потерпит: «Наступление должно быть спланировано посредством движения через Люксембург, Бельгию и Голландию, оно должно начаться в ближайшее возможное время, поскольку всякое замедление будет угрожать нейтралитету Бельгии и, возможно, Голландии, усиливая союзников. Целью данного наступления будет нанесение максимально возможного поражения французской армии и сил, выступающих на стороне союзников, а также захвата максимально возможной территории в Голландии, Бельгии и северной Франции для дальнейшего успешного ведения воздушной и морской войны против Англии, для надежной защиты экономически жизненно важного Рура».

Этот план получил название «желтый» план, и детали проработать поручалось Оберкомандо Хеер — командованию сухопутных сил (ОКХ). Необходимо отметить колебания генералов. Как признал в 1942 г. сам начальник штаба сухопутных войск генерал Гальдер, он хотел бы отнестись к выяснению отношений с французской армией на 1942 г. Гитлер тогда еще не имел союзников и преданных людей среди генералитета (каковыми позже станут Кейтель и Йодль), он вынужден еще был с определенным почтением относиться к военной элите Германии. Недолго. 22 октября он отдает Гальдеру прямой приказ: выполнение «желтого» плана должно начаться 12

ноября 1939 года — и никаких отсрочек.

Начинается решающая фаза противостояния того высшего офицерства, которое надеялось видеть главу государства отстоящим от непосредственных военных дел (как это делали оба кайзера Германской империи). Гитлер старался участвовать в планировании, и он добился своего, сумев расколоть военную элиту. Гитлер привлек на свою сторону командующего группой армий «А» фон Рундштедта и начальника его штаба фон Манштейна. Особенно полезен был Манштейн — именно он обрушился на неохотно произведенное творение Гальдера и Браухича. Идеи Манштейна были близки инстинкту самого Гитлера — ударить там, где не ожидают, в долине реки Соммы, в Арденнах, а не повторять всем привычный маршрут Шлиффена с выходом во Францию с севера через Бельгию. Гитлер начал свирепеть, видя откладывание наступательных планов. Четыре раза наступление откладывалось только в декабре 1939 г.

А Манштейн слал навстречу меморандум за меморандумом — всего шесть, в которых торопил военное командование, пока Гальдер не послал его с повышением в Восточную Пруссию (командовать корпусом). Новый командующий корпусом, согласно германскому протоколу, должен был представиться главе государства. Обычно это бывала дежурная церемония. Но не в этот раз. Гитлер провел со своим генералом все утро 17 февраля, и вдвоем они выработали план, который не смогли, не посмели отвергнуть руководители ОКХ — Браухич и Гальдер.

Мощные танковые колонны прорвутся через лесистые Арденны там, где французы ожидают их меньше всего. Никакой имитации Шлиффена — времена изменились, оружие нападения опять превосходит оружие защиты, германская согласованность будет соединена с мощностью германских моторов. План «Sichelschnitt» — «Болезненный удар» — требовал четких согласованных действий трех групп германских армий.

План Манштейна, соединенный с собственными идеями Гитлера, был прост, но обещал победу. Группа армий «Б» под командованием фон Бока прорывается через Бельгию в Северную Францию, имитируя непреложность идей Шлиффена. Если ему удастся зайти за французские части с севера, то он неизбежно и мощно будет угрожать Парижу. Если французы и (высадившиеся) англичане встанут всей силой на его пути и даже отеснят на восток — тогда еще лучше. И чем дальше на восток уйдут французы основными своими силами, тем замечательнее.

На левом фланге группа армий «С» (генерал Вильгельм Риттер фон Лееб) постарается заставить французов всерьез защищать линию «Мажино», а по возможности и прорвать ее. Но в любом случае решать

судьбу войны будет не он. А командующий группой армий «А» генерал Рундштедт, который прорвется через Арденны, захватит переправы через Сомму и Динан, проскользнет между Седаном и Динаном, а затем повернет на северо-запад по долине реки Соммы к Амьену, Аббевиллю и побережью Ла-Манша. Именно здесь будут задействованы семь из десяти танковых дивизий вермахта. У Лееба на юге не будет ни одной танковой дивизии, а у Бока только три.

Немцы надеялись на превосходство в воздухе. Да, у них было меньше самолетов, чем у французов, но на войне качество нередко компенсирует количество. Превосходный «Мессершмитт-109» преобладал над французскими моделями в скорости, маневренности, вооружении. А штурмовик «Юнкерс-87» не имел аналогов как борец с танками и другой наземной силой противника. Мильх и Кессельринг были талантливыми воздушными стратегами. На земле главной ударной силой становился танк «Марк-VI». Второй германский танк — «Марк-III» уступал лучшим французским и британским моделям, но в тени своего старшего коллеги был достаточно полезен. Решающей особенностью тактического превосходства немцев было то, что их танки были объединены в дивизии и не были обременены другими родами войск. Это был кулак современной войны, о которой проницательно думали накануне Гудериан, де Голль и Тухачевский, но только первый реализовал свои идеи. И хотя у немцев танков было меньше, чем у французов (2400 против 3000) их консолидированная мощь принесла результаты.

Французы встретили войну без гения, хотя бы отдаленно напоминающего наполеоновский. Французская армия уступала германской в численности дивизий (101 против 120), но что важнее, армия победительница 1918 года не считала нужным менять победные порядки. Французы сражались с пресловутой пушкой в 75 мм, у них была устаревшая техника, их стратеги не шли дальше Жофра и Фоша. Их танки были вспомогательным орудием, их самолеты не шли в ногу с танками. Главная надежда французов 1939 года — это их «западный фронт в бетоне» — «линия Мажино», система весьма солидных укреплений, устаревшая, как только танки начали играть первую скрипку в боевых действиях. Усидеть в новой войне ни за какой бетонной стеной было невозможно. Но этого тогда никто не знал. Более того, вся Европа верила, что герои Вердена не посрамят себя. Семь миллиардов франков было израсходовано на пресловутую линию укреплений, которая должна была спасти следующее поколение французов от геноцида. Но «линия Мажино» имела недостаточную протяженность — менее 150 километров фортификаций.

Оставалось 400 километров абсолютно незащищенной границы — там, где Франция соприкасалась с Бельгией.

Французскому военному командованию не оставалось ничего иного, кроме как предусмотреть рывок вермахта по проторенной дороге 1914 года. В этом случае вся мощь французской армии должна была обрушиться на надвигающегося врага, для этого следовало послать основную массу французских дивизий на север от «линии Мажино». 4 октября 1939 года маршал Гамелен издает приказ, по которому предполагается, в случае нарушения Германией бельгийского суверенитета, выйти в Бельгии на линию реки Шельды. Это было целесообразно и с точки зрения необходимости стыковки с ожидаемым британским экспедиционным корпусом (во Франции никогда не забывали, что Британия в 1914–1918 годах, начиная почти с нуля, создала многомиллионную армию). В декабре 1939 года англичане прислали пять своих превосходных дивизий, но это было все, что они имели. В четыре первых месяца 1940 года Лондон прислал спешно созданные еще четыре дивизии, но их подготовка, их качество оставляли желать лучшего. Да и французские войска, если руководствоваться хотя бы воспоминаниями начальника британского генерального штаба Аланбрука, первого лорда Адмиралтейства Черчилля и президента Франции Лебрена, не напоминали победоносную армию 1918 года. Особенно тяжелое впечатление оставляло моральное состояние этих войск, слабость их воли к победе, исчезновение пресловутого *elan vital* — боевого порыва.

Восьмого мая 1940 года Гитлер окончательно установил дату наступления на Западе — через два дня. В этот день лейбористы начали атаку против правительства, обвиняя его в некомпетентности. Возмущенный Чемберлен заявил, что не боится критики и что у него «есть друзья в палате общин». Это было, по меньшей мере, неудачное выражение. Обращение к партийной политике в час национальной опасности сделало премьер-министра уязвимым. Поднялся бывший премьер Ллойд Джордж, которому было в то время около восьмидесяти лет. Вайолет Бонэм Картер, дочь бывшего премьера Асквита, вспоминает, что это была «самая сильная из его речей». Ллойд Джордж использовал слова Чемберлена о «друзьях»: «Вопрос не стоит о том, кто является другом премьер-министра. Поставлен гораздо более важный вопрос. Премьер просит о жертве. Нация готова на любые жертвы до тех пор, пока правительство ясно показывает, к чему оно стремится, и до тех пор, пока нация уверена, что ее лидеры делают все от них зависящее. Я должен торжественно заявить, что сам премьер-министр должен дать образец

жертвенности, потому что ничто не может содействовать победе в этой войне больше, чем сдача им своих полномочий».

Так подготовлено было падение кабинета Чемберлена. К власти пришел Уинстон Черчилль. Десятого мая он стал премьером. На пути из Букингемского дворца он спросил телохранителя — инспектора Томсона, знает ли тот, зачем его вызывали к королю. Да, ответил Томсон. «Мне только хотелось бы, чтобы вы заняли этот пост в ваши лучшие времена, ведь это огромное бремя». Глаза Черчилля наполнились слезами: «Один Бог знает, как тяжела эта ноша. Я надеюсь, что для меня еще не слишком поздно. Я боюсь этого. Но мы приложим все силы».

Ллойд Джордж был единственным, кто приветствовал нового премьера, отметив его «блистательный интеллектуальный дар, бездонное мужество, глубокое знание войны, опыт в управлении». В ответ Черчилль выступил с тем, что Никольсон в дневнике назвал «очень коротким заявлением». Как пишет У. Манчестер, «слова этой речи ныне известны миллионам тех, кто еще не был рожден в то время, кто никогда не видал Англии и кто даже не говорит по-английски». Черчилль говорил так, как еще не говорили под сводами Вестминстера: «Я хотел бы сказать палате, как я уже сказал тем, кто вошел в правительство: „Мне нечего предложить вам кроме крови, труда, слез и пота...“ Вы спросите, в чем наша политика? Я отвечу: вести войну на море, земле и в воздухе со всей силой, данной нам Богом... Такова наша политика. Вы спросите, в чем наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь террор, победа, какой бы трудной и долгой ни была дорога, ибо без победы для нас нет выживания».

Десятого мая трехмиллионная армия Германии перешла в наступление на Западном фронте силами 136 дивизий, имевших 7378 орудий и 2445 танков и поддерживаемых 3643 самолетами. Общая численность войск западных союзников составляла около 4 миллионов человек. Они располагали 148 дивизиями, оснащенными 13 874 орудиями и 3373 танками. Их авиация насчитывала 2833 самолета. При этом французская армия состояла из 105 дивизий с личным составом в количестве 2240 тысяч солдат и офицеров и насчитывала 10 700 орудий, 3063 танка, 1200 самолетов; бельгийская армия состояла из 22 дивизий, голландская — из 11, английская — из 10.

Таким образом, наземные войска союзников превосходили противника в силах и средствах. Германия имела перевес лишь в авиации. Главное же преимущество гитлеровских войск состояло в том, что они напали на страны, политическое и военное руководство которых было неспособно

организовать эффективную оборону.

В первый же день наступления германские дивизии, оттесняя плохо управляемые и несогласованно действующие армии союзников, вторглись в Бельгию, Голландию и Люксембург. В ответ на это генерал Гамелен отдал приказ о выдвигании крупных сил навстречу противнику. Французские и английские войска достигли и бельгийской территории; 11 мая 7-я армия генерала Жиро вступила в Голландию. В Гааге в то время уже шли бои, в Роттердаме появились немецкие парашютисты. В тот же день вражеские танки захватили Бреду. Голландское правительство и командование, оказавшись бессильными организовать сопротивление, 13 мая вступили в переговоры с верховным командованием вермахта.

Оккупировав Голландию, немецкая 18-я армия двинулась через Бельгию, но 14 мая была остановлена 16 бельгийскими и 25 французскими и английскими дивизиями, занявшими оборону на фронте от устья реки Шельда до города Намюр. У союзного командования появилась надежда на улучшение обстановки. Но она оказалась тщетной, так как южнее упомянутой линии, в Арденнах, еще накануне начала стремительно продвигаться вперед мощная танковая группа генерала Клейста. Не встретив серьезного сопротивления, она преодолела горы и устремилась к реке Маас. Союзное командование, узнавшее об этом слишком поздно, бросило навстречу танкам кавалерию, но она была разгромлена. Танковые соединения генералов Рейнгардта и Гудериана почти беспрепятственно достигли берегов Мааса и в тот же день форсировали реку. Так Германия начала широкое наступление на Францию. Ее танковые войска разбили оборонявшиеся на этом участке 2-ю и 9-ю французские армии. 14 мая немцы пробили восьмидесятикилометровую брешь между двумя основными армиями французов. Эффективная поддержка с воздуха обеспечила успех танковых колонн. А Франция уже потеряла половину своих бомбардировщиков. На запруженные беженцами дороги пикировали штурмовики. 20 мая немцы вышли к Ла-Маншу, отрезав северные армии от решающих полей сражения.

Далее события развивались столь же стремительно. Главнокомандующий французскими вооруженными силами генерал Гамелен 16 мая получил донесение о том, что германские танки уже вступили в Монкорнэ. Это означало, что Арденнский фронт, которым командовал генерал Жорж, рухнул, и союзным войскам, оставшимся в Бельгии, грозило окружение.

Критическая обстановка требовала решительных действий. Но она лишь усилила в правительственных и военных кругах неуверенность и

колебания, вскоре перешедшие в нескрываемое отчаяние. Гамелен заявил, что он «больше не отвечает за безопасность Парижа». Министр национальной обороны Даладье телеграфировал Черчиллю, только что возглавившему английское правительство: «Мы проиграли битву. Дорога на Париж открыта. Пошлите нам все самолеты и все войска, какие только можете». И в это же время обанкротившиеся правители Франции, опасаясь взрыва народного гнева, решили отозвать с фронта в Париж две дивизии для «поддержания внутреннего порядка». Встревоженный телеграммой Даладье, новый английский премьер-министр Черчилль 16 мая прибыл в Париж. Его сопровождали заместитель начальника имперского штаба генерал Дилл и генерал Исмей. Они тотчас же встретились с Рейно, Даладье, Гамеленом, Дарланом и Бержере. Гамелен, как главнокомандующий, сделал доклад о положении на фронте, продолжавшийся всего 5 минут и произведший самое удручающее впечатление. Молчание собравшихся нарушил Черчилль. Он спросил: «Где стратегический резерв?» Вспоминая впоследствии об этих минутах, Черчилль писал: «Генерал Гамелен пожав плечами, сказал: „Его нет“».

Блицкриг

В 4.30 десятого мая 1940 года немцы начали высадку десанта около Гааги и Лейдена в Голландии и на переправах через Маас в Бельгии. Немцы с невероятной самоуверенностью на планерах спустились на крышу самого укрепленного бельгийского форта Эбен Эмаель, стоящего на месте впадения канала Альберта в реку Маас, и, используя фактор неожиданности, завладели ключевым укреплением. 22-я военно-воздушная дивизия немцев практически одна оккупировала страну, половина авиации которой была уничтожена на летном поле, а все 10 дивизий ее армии не имели военной выучки.

Французы (в данном случае командующий 7-й армией генерал Жиро) вошли в Бельгию, но колебались между движением вперед и ожиданием «обессиленных» битвой с бельгийцами немцев. Но немцы не дремали и уже 12 мая наткнулись на французов. Как и в 1914 году, французская разведка не смогла определить, где находится Schwerpunkt германского наступления. Французские дивизии буквально помчали на север, к потомкам и имитаторам «плана Шлиффена». Роковая ошибка.

Между 10 и 14 мая 1800 германских танков буквально друг за другом прошли сквозь горное сито Арденн. И кого они встретили? Две слабые дивизии бельгийских стрелков, чья старомодная отвага была просто неуместна перед лицом танковых колонн. За ними располагалась 9-я армия французского генерала Корапа и хвост 2-й армии генерала Хунцингера (более нам известного по германской транслитерации как Хюнцингера). К не чести французов нужно сказать, что эти армии после контакта с немцами немедленно отошли, отдав тем самым бесценные переправы через Маас. Вечером 14-го первые танки Роммеля перешли реку, и за ними следовала пехота. Неожиданно эффективными оказались налеты штурмовой авиации. «Штуки» и «Дорнье 17» одним звуком своего пикирования наводили ужас на французских солдат. Многочисленные плацдармы, захваченные немцами, быстро расширялись, и французы — даже их лучшие части — не могли остановить потока. Роммель посчитал, что наиболее слабое место французов — 9-я армия генерала Андре Корапа. Потеряв всего 15 человек, Роммель 15 мая прошел двадцать пять — возможно, решающих — километров сквозь оборону Корапа. Поражены были сами немцы Их военный журналист Штакельберг вопрошал: «Как стало возможным то, что после первой же битвы на французской

территории — победы немцев на Маасе — последует нечто гигантское? Как могли французские солдаты и офицеры быть полностью подавленными, полностью деморализованными, более или менее добровольно идя в плен?»

Отдельные танковые атаки французов (17 мая их вел в бой полковник де Голль) были отбиты. Семь танковых дивизий мощным катком двинулись в прорванную брешь. Именно тогда премьер-министр Уинстон Черчилль задал французскому военному руководству отныне знаменитый вопрос: «Где стратегические резервы?», чтобы получить ответ, что их нет. Во французском министерстве иностранных дел начали жечь секретные документы. Из Мадрида и Сирии привезли национальные реликвии — маршалов Петэна и Вейгана. 9-я французская армия начала распадаться. 18 мая германские танки прокатились мимо позиций своих отцов в предшествующую мировую войну, 20 мая две дивизии Гудериана вошли в Аббевиль (устье Соммы), чем разделили великую французскую армию на две части. В этот же день британское правительство приказало эвакуировать свой экспедиционный корпус из Франции домой. Контрнаступление Вейгана провалилось. 27 мая бельгийская армия объявила о капитуляции. Французская 1-я армия, окруженная в Лилле, сдалась 30 мая. Немцы позволили им пойти в плен под звуки оркестра. К 31 мая в Британию переправились 68 тысяч солдат, к 4 июня — 338 тысяч (почти весь британский экспедиционный корпус плюс 100 тысяч французов). В Первую мировую войну они бы сражались.

У французов осталось 60 дивизий, из которых лишь три были бронетанковыми. Против них стояли 89 германских дивизий, 15 из которых были танковыми и моторизованными. Люфтваффе всю задействовало две с половиной тысячи самолетов, большинство из которых были штурмовиками. Французы едва могли рассчитывать на 980 самолетов самых различных модификаций. Вейган предпринял последнюю попытку остановить германский поток — создать «линию Вейгана» от побережья Ла-Манша по рекам Сомма и Эн до «линии Мажино» и держаться по примеру предшествующего поколения. Наполнить эту линию войсками, средствами противотанковой войны и держаться.

7-я танковая дивизия Роммеля сразу же нашла лазейку — обошла «линию Вейгана» с севера и покатила на юг, принимая капитуляцию у последних британских войск. «Линия Вейгана» не продержалась и нескольких дней. Четыре танковые дивизии Гудериана начали наступление на реке Эн. 11 июня 1940 года немецкие танки уже обходили Париж с запада и юга, а премьер Рейно эвакуировал правительство из Парижа и

объявил его «открытым городом». Дороги на юг были забиты бегущими парижанами, вернее, их автомобилями. 14 июня первые немцы вошли в Париж. А четырехсоттысячный гарнизон «линии Мажино» защищал свой бетон. 4 французские дивизии довольно успешно отражали наступление вступившей 19 июня в войну Италии.

17 июня генерал де Голль выступил по радио Би-Би-Си с призывом: «Проиграна битва, но не война». Петэн приговорил его к смерти.

19 июля Гитлер вручил маршальские жезлы командующим тремя группами армий — Рундштедту, Боку и Леебу, начальнику своего личного штаба Кейтелю, главнокомандующему сухопутными силами Браухичу, четверым командующим армиями — Листу, Клюге, Вицлебену и Рейхену, а также троим авиаторам — Мильху, Шперле и Кессельрингу. Перед депутатами рейхстага Гитлер обозрел события последних месяцев и предложил англичанам мировую.

Стремясь предотвратить вступление Италии в войну на стороне Германии, Черчилль отправил еще 16 мая 1940 года письмо Муссолини: «Не следует ли остановить реку крови, текущую между британским и итальянским народами? Я никогда не был врагом Италии. В то же время, что бы ни случилось на континенте, Англия пойдет до конца, и нам все в большей степени будут помогать Соединенные Штаты». Черчилль призывал Муссолини не начинать действий против Франции. Ответ поступил 18 мая, и его единственным достоинством была откровенность: «Не уходя слишком далеко в историю, я напому вам об инициативе, предпринятой в 1935 году вашим правительством, чтобы организовать в Женеве санкции против Италии, когда она пыталась найти для себя небольшое место под африканским солнцем. Именно честь, заставляющая следовать данному слову, привела ваше правительство к решению объявить войну Германии. То же чувство уважения к итало-германскому договору руководит итальянской политикой». С этого момента Черчиллю стало ясно, что Муссолини непременно вступит в войну.

Вторая волна германского наступления началась 5 июня и французы сражались уже с отчаянием обреченных. 14 июня правительство покинуло Париж и немцы вошли во французскую столицу. Их танковые дивизии бросились на юг. 16 июня главой правительства стал маршал Петэн.

Британский премьер-министр слушал по радио выступление Рузвельта, посвященное вступлению в войну Италии: «Рука, которая держала кинжал, нанесла удар в спину своего соседа». Ночью этого дня Черчилль написал Рузвельту: «Мы все слушали Ваши слова этим вечером, и Вы укрепили нашу решимость своей речью. Ваше заявление о

материальной помощи Соединенных Штатов, которая будет оказана союзникам в их борьбе, воодушевляет нас в этот черный, но не безнадежный час».

В столь тяжелое для Британии время Черчилль все же нашел возможность обратиться к потенциальному восточному союзнику: 25 июня 1940 года он написал письмо Сталину, в котором постарался по-своему оценить события прошедшего августа, в течение которого Советский Союз подписал пакт с Германией, а Британия стала официальным врагом. «С этого времени возник новый фактор; нужно, чтобы обе стороны восстановили свои прежние контакты, и, если это необходимо, мы готовы консультироваться друг с другом в отношении тех событий в Европе, которые интересуют нас обоих». Новый посол Великобритании в Москве сэр Стаффорд Криппс был принят Сталиным, но ответа на послание Черчилля пока не последовало.

Черчилль много размышлял о возможности поворота американской политики. Он пишет премьер-министру Канады Маккензи Кингу 5 июня 1940 года: «Мы должны быть осторожны в отношении того, чтобы не позволить американцам смотреть слишком самодовольно на перспективу британского поражения, благодаря которому они могут получить британский флот и главенство над Британской империей. Если мы будем побеждены, а Америка останется нейтральной, я не могу предсказать, какой оборот примет германская политика». Черчилль был готов в это время поделить даже частью флота и империи, лишь бы Соединенные Штаты вступили в войну. Он предупреждал американцев, что если они останутся нейтральными, то не получат ни флота, ни британского колониального наследия.

Одиннадцатого июня Черчилль в четвертый раз со времени начала немецкого наступления вылетел на своем самолете «Фламинго» во Францию. Теперь он должен был приземлиться на небольшом аэродроме южнее Парижа. Выходя из самолета, Черчилль, как обычно, попытался улыбнуться и придать лицу уверенное выражение, но вскоре понял, что все это уже никому не нужно. Французы были слишком безразличны. Напрасно Черчилль напоминал маршалу Петэну (ставшему вице-премьером кабинета) вечера, которые они проводили вместе в 1918 году в штабе союзных войск в период немецкого наступления, слова, сказанные Клемансо в то время: «Я буду сражаться перед Парижем, в Париже и за Парижем». Маршал Петэн ответил очень спокойно, что в те времена у французов был стратегический резерв в 60 дивизий, а сейчас такого резерва нет. Французы потребовали от Черчилля, чтобы тот прислал имеющиеся у

англичан истребители. Черчиллю пришлось проявить немалое мужество, чтобы ответить: «Это не решающий момент, это не решающая точка войны. Такой момент наступит, когда Гитлер бросит свои силы против Великобритании. Если мы сможем сохранить контроль в воздухе, мы сможем выстоять». Он распорядился, чтобы резерв истребителей остался в Великобритании. Во время ужина с французским руководством, который последовал в 10 часов вечера, по правую сторону от Черчилля сидел Рейно, а по левую — недавно назначенный заместителем военного министра генерал Шарль де Голль. Это соседство имело немаловажное значение для дальнейшей дипломатической истории Европы. Настроение у Черчилля было подавленным. Впервые за 125 лет мощный противник располагался на противоположном берегу Ла-Манша, готовясь к удару по Великобритании.

Улетая из Франции, Черчилль прошел мимо группы французов, среди которых стоял генерал де Голль. Поравнявшись с ним, Черчилль сказал вполголоса по-французски: «Вот человек, отмеченный судьбой».

В эти дни Черчилль еще раз попытался вовлечь в конфликт Соединенные Штаты Америки. В ночь с 14 на 15 июня он написал Рузвельту следующее: «Я лично уверен, что Америка в конце концов должна будет вступить в войну, но вы должны учесть, что через несколько дней французское сопротивление может быть сокрушено, и мы останемся одни». Это была отчаянная попытка Черчилля привлечь Рузвельта на свою сторону. Черчилль в ее успех не очень верил, но считал необходимым предпринять все возможное. Восемнадцатого июня он продиктовал длинное письмо главам британских доминионов, в котором характеризовал события во Франции и объяснял, почему Англия не повторит судьбу Франции: «Я лично думаю, что этот спектакль страшной борьбы и уничтожения нашего острова вовлечет Соединенные Штаты в борьбу. Если даже мы будем разбиты, всегда будет возможность послать наши флоты через океан и продолжать воздушную войну и блокаду. Я надеюсь на Соединенные Штаты... Мы должны быть уверены в том, что вы сделаете все, что в человеческих силах, а мы со своей стороны полны решимости сделать все возможное». Черчилль диктовал письмо в своем кабинете, и машинистка быстро печатала текст. Двери были широко открыты, и там на солнце сидел командующий военно-воздушными силами маршал Арнольд. И когда Черчилль отредактировал напечатанное, он вышел к маршалу и попросил внести необходимые исправления. Взволнованный маршал сказал, что согласен с каждым из слышанных им слов.

В 3 часа пополудни 16 июня Черчилль предпринял еще один шаг,

который в крайних обстоятельствах позволил бы премьеру Рейно продолжать войну во французских колониях. Он предложил создать государственный союз французского и английского народа с двойным гражданством. Это было беспрецедентное по смелости предложение. Собравшись вместе, представители английского и французского правительств написали декларацию о союзе двух стран: «Соединенное Королевство и Французская республика объединяются в едином государственном устройстве, Конституция союза обеспечит совместную оборону, единую финансовую и экономическую политику».

О предложении Черчилля, не имевшем исторических аналогов, был уведомлен британский парламент. Оно захватывало воображение, но реальная возможность создания такого государства была бы более чем спорной. Во Франции уже не верили ни в какие эксперименты. Большинство министров французского кабинета полагало, что Франции никоим образом не избежать разгрома, а судьба Англии будет решена вскоре же после краха Франции. Французский президент Лебрен так и сказал: через три недели Англии «скрутят голову». Согласие на государственный союз с Великобританией означало бы для Петэна «присоединить себя к труп». У английских критиков проекта было еще больше прав на подобную метафору.

Между тем Франция как союзник агонизировала. По поручению кабинета министров Черчилль обратился к нации 17 июня 1940 года: «Новости из Франции очень плохие, я выражаю сочувствие доблестному французскому народу, который постиг ужасный удар судьбы. При всем этом то, что случилось во Франции, не меняет наших целей. Более того, мы стали единственной надеждой всего мира. И мы сделаем все, что в наших силах, ради того, чтобы быть достойными этой высокой чести». На следующий день Черчилль говорил в палате общин: «Гитлер знает, что либо он разобьет нас на этом острове, либо потерпит поражение в войне. Если мы сможем выстоять, вся Европа в конечном счете будет освобождена, и жизнь поднимется на новые высоты. Если же мы потерпим поражение, то весь мир погрузится во мрак нового средневековья. Давайте же исполним наш долг так, чтобы люди через тысячу лет говорили: „Это был их лучший час“».

Произнеся эти бескомпромиссные слова, Черчилль отрезал дорогу назад тем, кого он считал способными пойти на примирение с Германией. В письме американскому адмиралу Кингу 24 июня 1940 года он пишет о необходимости сделать так, чтобы в будущем английское правительство, если оно не будет поддержано Соединенными Штатами, «не оказалось

сбитым с толку и не приняло германскую опеку. Было бы неплохо, если бы Вы смогли передать ощущение возможности такого поворота событий президенту».

Второй Компьен

В том же самом вагоне, где генералиссимус Фош принимал капитуляцию Германии в 1918 году, ефрейтор той войны, а ныне фюрер германского народа Гитлер и командующий Оберкомандо вермахт (ОКВ) фельдмаршал Кейтель приняли у генерала Хунцингера капитуляцию Франции. Ее условия были более суровыми, чем навязанные Германии в 1918 г.: вся северная Франция с Парижем становилась зоной немецкой оккупации; Италия оккупировала часть юго-восточной Франции; французская армия сокращалась до уровня в 100 тысяч человек; Франция сохраняла свои колонии, но оплачивала содержание на своей территории германской армии; военнопленные сохранялись в германских руках. Последнее означало, что 5 % мужского населения Франции использовалось для принудительных работ. Вечером 22 июня 1940 года перемирие было подписано. К этому времени германские танки стояли южнее Лиона и рядом с Бордо, они стояли и в новой столице Франции Виши. В ходе этой войны французская армия потеряла 90 тысяч человек убитыми, германская — 27 тысяч.

Гитлер стремился продемонстрировать свое «великодушие» на примере Франции: вот побежденная страна, а она сохранила и государственность, и колониальные владения, и даже флот. Таким образом, при принятии решения об условиях перемирия с французами правительство Германии исходило прежде всего из необходимости сосредоточить свое внимание на подготовке нападения на СССР. А для этого Гитлер хотел не только развязать себе руки на Западе, но и приобрести здесь союзников или хотя бы пособников в лице «урезанной» Франции с ее колониальными ресурсами. Подобного результата, по оценке Берлина, можно достичь, если сохранить видимость самостоятельности правительства Петэна.

Так родился план, составной частью которого являлся отказ от оккупации южной части французской территории. Там должен был «править» Петэн. Ближайшей целью создания этого марионеточного государства был полный разрыв его с Англией, что могло стать еще одним средством давления на нее, нейтрализация флота и колоний Франции, с тем чтобы в дальнейшем постепенно их «германизировать».

Намерения Гитлера не совпадали с желаниями его союзника Муссолини. Это выяснилось 18 июня, когда они встретились в Мюнхене,

чтобы совместно рассмотреть предложение правительства Петэна о заключении перемирия. Впрочем, дело свелось лишь к тому, что Гитлер, выслушав притязания Муссолини, который хотел раздела всей французской территории и флота Франции между Италией и Германией, полностью их отверг, так как они не соответствовали его собственным планам. Итальянский дуче, узнав, что он ничего не получит и что южная часть Франции не будет оккупирована, был крайне разочарован. «Муссолини недоволен, — отметил Чиано в своем дневнике. — Этот неожиданный мир беспокоит его... Дуче хотел бы полной оккупации французской территории и требует сдачи французского флота».

Но добиться этого ему не удалось, тем более что его позиции во время переговоров с Гитлером были ослаблены неудачей итальянских войск, которые в течение семидневных боев силами 32 дивизий так и не смогли сломить сопротивление шести французских дивизий. Тот же Чиано в связи с этим констатировал: «Муссолини чувствует второстепенность своей роли». Пришлось смириться. И хотя единственное обещание Гитлера — заключить перемирие только после подписания соответствующего итало-французского пакта — было слабым утешением для Муссолини, все же 22 июня он скрепя сердце писал: «Фюрер! Чтобы облегчить принятие французами условий перемирия, я... ограничил себя до минимума: демилитаризованная зона в 50 километров... В остальном я использовал германские условия перемирия».

Итак, Гитлер, стремясь предотвратить создание французского эмигрантского правительства и разбить планы тех, кто хотел перенести фронт борьбы в Северную Африку, «выделял» Франции часть ее территории. При этом он ничего не терял, так как отдавал ее под власть тех, кто мог сотрудничать с фашистской Германией по установлению «нового порядка» в Европе. Начало этому сотрудничеству положило подписание подготовленного в Берлине соглашения о перемирии.

Однако обратимся к предшествовавшим этому событиям. Утром 19 июня петэновского министра иностранных дел Бодуэна разбудил испанский посол, являвшийся посредником в переговорах. Он вручил германский ответ, содержащий принципиальное согласие на предложение заключить перемирие. Французская делегация приглашалась в немецкую ставку. На следующий день она во главе с генералом Хунцигером выехала из Бордо, направляясь в окрестности Тура, где, как объявило берлинское радио, состоятся переговоры. Но оказалось, что они перенесены в другое место. Делегацию переправили через реку Луару, затем она была встречена представителем германского генерального штаба генералом В. фон

Типпельскирхом, который направил ее дальше на север. Проехали Шартр, Версаль, Париж. Французы не могли понять, куда же их везут. Тем временем в Бордо ждали известий из Тура. Наконец вечером 21 июня прибыло сообщение от Хунцигера. Оно начиналось словами: «Я в вагоне».

Речь шла о знаменитом вагоне, в котором в ноябре 1918 года Вейган по поручению Фоша продиктовал условия перемирия представителям Германии, проигравшей Первую мировую войну. Это произошло в Ретонде, посреди Компьенского леса. С тех пор там высился монумент с надписью: «Здесь одиннадцатого ноября 1918 г. была повержена преступная гордость германской империи, побежденной свободными народами, которые она хотела поработить». На этом месте Гитлер и подготовил теперь позорную для французов сцену.

Но и с этим смирилось правительство Петэна. Вейган при чтении письма Хунцингера лишь вздохнул, прошептав: «Мой бедный друг!..»

Тем временем в Компьенский лес прибыл торжествующий Гитлер в сопровождении своих генералов. С ненавистью взглянув на упомянутую надпись на монументе, которая, кстати, вскоре была стерта по его приказу, он встал, широко расставив ноги, перед специально для этого случая вывезенным из музея знаменитым вагоном генералиссимуса Фоша. Теперь лицо его выражало злобную радость. Он вошел в вагон. За ним последовала германская делегация. После этого в вагон впустили молчаливую группу французов. Генерал Йодль зачитал соглашение о перемирии, которое должно было вступить в силу с 25 июня. Французы подписали его, приняв все условия.

Франко-германское перемирие, а также подписанное незадолго до него франко-итальянское в целом предусматривали: 1) оккупацию Германией 2/3 французской территории, включая ее северо-западное побережье от бельгийской до испанской границы (ст. 2); 2) демобилизацию и разоружение сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил Франции «за исключением частей, необходимых для поддержания порядка» (ст. 4); 3) передачу под германский или германо-итальянский контроль всей артиллерии, танков, военных самолетов, стрелкового оружия и боеприпасов, находившихся на неоккупированной территории (ст. 5 и 6); 4) возмещение расходов на содержание германской оккупационной армии, которые составляли огромную сумму, возлагалось на правительство Виши (ст. 18).

На следующий день Гитлер осмотрел Париж. С обнаженной головой он стоял перед гробницей Наполеона, восхищался зданием Опера, поднялся на Эйфелеву башню. Вечером этого же дня он вызвал своего архитектора

Шпеера и приказал предоставить план строительства Берлина. К 1950 г. германская столица должна была затмить Париж в качестве архитектурной столицы мира. Себя Гитлер отныне чаще всего ассоциировал с Фридрихом Великим.

Окружающие признали, что понимание Гитлером значения технической революции в военном деле позволило ему оценить роль бронетанковых войск — остря блицкрига. Его поддержка этого решающего нововведения, пишет А. Буллок, «имела решающее значение для германских армий в 1939–1941 годах». Йодль бывший в самых близких почти ежедневных отношениях с Гитлером, делится воспоминаниями в Нюрнберге. «Он думал, что, если бы он приучил себя думать, как офицер Генерального штаба, ему бы пришлось на каждом шагу останавливаться и просчитывать невозможность сделать следующий шаг. Соответственно, ему бы никогда даже не пришлось попытаться прийти к власти, поскольку по всем объективным расчетам у него прежде не было шансов на успех... В руководстве военными делами, как и в своей политической деятельности фюрер взял за правило выбирать настолько далеко идущие цели, что для трезвых профессионалов они представлялись невозможными. Но он делал это сознательно, будучи убежденным, что сам ход событий оставит позади эти более скромные расчеты».

27 августа он послал адъютанта Шмундта и главу имперской строительной организации Тодта в Восточную Пруссию с целью создания укрепленной штаб-квартиры боевого времени. Явный признак поворота на восток, и сделан он был, когда лояльность союзникам по пакту 23 августа 1939 года ни у кого сомнения еще не вызывала.

Битва за Британию

Последовала долгая пауза. «Что мы должны были после этого думать о великой французской армии и ее лучших военных руководителях?» — спрашивает в своих мемуарах Черчилль. И добавляет: «Это был один из самых трудных моментов моей жизни». Двадцатого мая Черчилль написал Рузвельту: «Если наше правительство будет свергнуто и другие политики придут к власти, единственным препятствием между вами и Германией будет британский флот».

Наступило самое тяжелое время для Британии, она оставалась одна перед победоносной Германией, завоевавшей всю Центральную и Западную Европу. Весь мир задавался вопросом, будет ли Англия продолжать борьбу, хватит ли у нее мужества. Черчилль ответил на этот вопрос, выступая перед парламентом 4 июля. Он произнес ставшие знаменитыми слова: «Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш остров, чего бы это нам ни стоило, мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться на местах высадки, мы будем сражаться в полях, на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы никогда не сдадимся. И если даже, во что я ни на секунду не поверю, этот остров или его часть попадет в руки врага, тогда наша империя за морями, вооруженная и охраняемая британским флотом, будет продолжать борьбу до тех пор, пока новый мир со всей его мощью и силой не выступит ради спасения и освобождения старого».

Капитуляция Франции означала, что Англии придется в одиночестве противостоять ставшему коричневым континенту. Тон писем и речей Черчилля мрачен. Лишь временами у него возникает надежда на благоприятный исход событий. Мыслями об этом он делится только с ближайшими доверенными лицами. Так, в письме премьер-министру Южной Африки Черчилль пишет: «Нельзя исключить вероятность того, что Гитлер повернет на Восток. Возможно, что он попытается это сделать, даже не предприняв попытки нанести поражение Англии».

Не все в Англии разделяли решимость Черчилля. Посол Англии в Соединенных Штатах лорд Лотиан считал, что слова Черчилля, сказанные 4 июля о том, что Англия не прекратит борьбу даже в том случае, если будет оккупирована территория доминионов, могут нанести вред Англии,

поскольку возникает возможность передачи при определенных условиях британского флота Соединенным Штатам. Черчилль был вынужден объяснить своему послу в важнейшей для него тогда стране смысл вышеуказанных знаменитых слов: «Мои последние слова в речи, конечно, не были адресованы Германии и Италии, для которых идея войны континентов едва ли кажется привлекательной. Если Великобритания потерпит поражение, то германское правительство может попытаться получить более выгодные стратегические позиции, настаивая на сдаче Британией своего флота. Таким образом, Германия и Италия стали бы угрозой для Нового света. Мы должны избежать такого положения. Но если все же какая-либо форма английского варианта правительства Квислинга будет создана, то американский президент должен иметь ясные представления о том, что это будет означать для Америки. Я должен всеми возможными способами развеять надежды Соединенных Штатов на то, что они каким-либо образом могут избежать растущей опасности. Напротив, занимая нейтральную позицию, Соединенные Штаты подвергают себя ужасному риску».

Когда Черчилль размышлял о судьбе Британии, взоры Гитлера, как отмечал несколько позднее начальник германского генштаба Ф. Гальдер, были «обращены на Восток». После разгрома Франции он решил нацелить имевшиеся в его распоряжении силы на подготовку к «уничтожению мощи Советского Союза... отложив решительную борьбу против Англии». Более того, по-прежнему стремясь громить противников поодиночке, Гитлер надеялся привлечь и Великобританию к своему походу против СССР. Поэтому он стремился к соглашению с ней, что, в частности, подтверждает и произнесенная им уже в июле речь в рейхстаге. Даже директива Гитлера от 16 июля 1940 года, намечавшая проведение так и не состоявшейся операции вторжения на Британские острова, начиналась сообщением о нежелании Англии «пойти на компромисс».

Опасения в Кремле

Безусловным фактом является то, что в 30-е годы Сталин боялся Британии не меньше Германии. Не в малой мере это был результат русской политики Болдуина и Чемберлена. В частной беседе в конце июня 1939 года он выразил ту мысль, что Финляндия «может легко стать плацдармом для антисоветских действий одной из двух главных буржуазно-империалистических группировок — германской или англо-франко-американской». Не исключено, сказал Сталин, что обе эти группировки сплотятся «для совместных действий против СССР»^[4]. Финской делегации в октябре 1939 года Сталин сказал: «Вы спрашиваете, кто может на нас напасть? Британия или Германия»^[5].

Этот страх удвоился, когда Германия сокрушила Францию. Возможность компромисса между Берлином и Лондоном страшила советское руководство как ничто иное. 26 июня 1940 года в СССР был введен восьмичасовой рабочий день. Академик Варга — директор Института мировой экономики и международных отношений писал в эти дни: «Мы не настолько смелы, чтобы давать окончательный прогноз; но нам кажется с чисто военной точки зрения — получая военную помощь из США — Англия могла бы продолжать войну. Однако политическая сторона вопроса является решающей: готов ли английский правящий класс вести войну до конца, чтобы либо победить, либо погибнуть». Варга писал о двух фракциях в Англии — одна стоит за продолжение войны, вторая — за договоренность с Германией. «Скудная информация относительно того, что происходит в Англии, не позволяет нам судить, какая из двух тенденций возобладает»^[6]. Очевидный вздох облегчения был ощутим в Москве, когда стало ясно, что Черчилль и его окружение не пойдут на сговор с Германией: германское приглашение от 19 июля 1940 года заключить компромиссное соглашение было Черчиллем отвергнуто. Заметим, что тогда же — 31 июля 1940 года Гитлер впервые упоминает возможность нападения на Советский Союз^[7].

Генерал-полковник Йодль представил свои соображения, озаглавленные так: «Продолжение войны против Англии» 30 июня 1940 года. Собственно, в этом документе не рассматривались планы оккупации Британских островов. Говорилось, что террор с воздуха должен заставить англичан запросить мир. Возможность высадки «должна быть рассмотрена после того, как Германия получит контроль в воздухе». Гитлер и его

окружение полагали, что не имеющие выбора, стоящие перед угрозой подводной блокады и ударов с воздуха, англичане должны смириться. Фюрер решил нанести психологический удар.

Вечером 19 июля 1940 года, выступая в рейхстаге, он обратился к противнику: «Из Британии я сейчас слышу лишь один крик — не от народа, а от политиков — о том, что война должна продолжаться! Я не знаю, есть ли у этих политиков четкие идеи относительно того, каким должно быть это продолжение войны. Они заявляют, что будут продолжать борьбу, даже если Великобритания погибнет, они ее будут вести тогда из Канады. Мне трудно предположить, как они представляют себе переход всех англичан в Канаду. Видимо, только те джентльмены, которые заинтересованы в продолжении войны, уйдут туда. Я боюсь, что народ останется в Британии, и он, несомненно, будет видеть войну иными глазами, чем их так называемые лидеры в Канаде... Мистер Черчилль должен хотя бы единожды поверить моему предсказанию, что великая империя будет разрушена — империя, разрушать которую у меня не было намерения».

Гитлер предложил Британии мир. В нацистской Германии, многие годы находившейся под давлением пресса пропаганды, миллионы людей верили, что это честное и даже благородное предложение. Здравый смысл покинул эту страну. У. Ширер, находясь в Берлине, записал в свой дневник: «Как маневр, рассчитанный сплотить германский народ для борьбы против Британии, речь Гитлера была шедевром». В течение часа из Лондона прибыл ответ, и этим ответом было «нет». Речь Гитлера действовала на немцев, но она не действовала на англичан.

Министр иностранных дел Италии Чиано описывает свои впечатления вечером 19 июля 1940 года: «Когда негативная реакция английского правительства дошла до сознания германских руководителей, она породила среди них плохо скрытое разочарование». У Гитлера исчезли сомнения, которыми он себя тешил. Стало абсолютно ясно, что Англия будет сражаться до конца.

Оказавшиеся в руках историков документы говорят о том, что Гитлер готовился к высадке на Британских островах, но обстоятельства не позволили ему осуществить эту высадку. Согласно директиве № 16 (17 июля 1940 г.), тринадцать ударных дивизий должны были броситься через Ла-Манш. Именно в этот день армейское командование завершило планирование операции по захвату южной части Англии. Основная нагрузка падала на ставшего 19 июля фельдмаршалом Рундштедта, командира группировки «А». В первом эшелоне десанта должно было быть

90 тысяч солдат, в целом ударная группировка насчитывала 260 тысяч человек. Готовились парашютисты. Во втором эшелоне предполагалось пустить в действие шесть танковых и три моторизованные дивизии. На протяжении нескольких дней следовало высадить на противоположную от Па-де-Кале сторону тридцать девять дивизий (плюс две воздушно-десантные).

Группе «А» следовало захватить юго-восточную оконечность острова и двигаться в направлении Саутгемптона. В то же время шестая армия Рейхенау должна была броситься на север, на Бристоль, отрезая Корнуэльский полуостров. Браухич сказал Редеру 17 июля, что вся операция займет месяц, он не предвидел, учитывая отсутствие у англичан армии, каких бы то ни было осложнений. Моряки были настроены недоверчиво. Редер не верил в успех «Морского льва». Операция на фронте длиной почти четыреста километров была слишком открыта для британского флота, противопоставить которому что-либо серьезное немцы пока не могли.

Задача завоевать Британию не была простой. Фельдмаршал Рундштедт говорил во время следствия в 1945 году: «Предполагаемая высадка в Англии была бессмыслицей, потому что необходимого количества судов не было... Мы смотрели на это занятие как на своего рода игру, так как было очевидно, что вторжение невозможно до тех пор, пока наш военно-морской флот не будет в состоянии прикрыть пересечение Ла-Манша и доставку подкрепления. Военно-воздушные силы Германии не были способны взять на себя эти функции в случае неудачи флота... У меня такое ощущение, что фюрер на самом деле никогда не намеревался вторгаться в Англию. У него не было необходимого мужества... Он определенно надеялся, что Англия запросит мира». Генерал Блюментрит после войны также отмечал, что все разговоры об операции «Морской лев» были блефом.

Гитлер пока (совещание представителей трех родов войск 21 июня) еще надеялся на внутренний раскол в Англии. Он выразил понимание проблем флота, но все же нажимал на своих военных, требуя молниеносной операции. Хватит сорока дивизий, и дело будет закончено к 15 сентября, — говорил он. Фактически в это время германская стратегическая разведка — слабая часть вооруженных сил Германии — переоценила британские войска на 8 дивизий. Нерешенным был вопрос о средствах высадки. На совещании 31 июля Редер скептически отозвался о возможности высадки. В директиве № 17 31 июля Гитлер сделал акцент на подавлении военно-воздушных сил Англии после 5 августа; решение о высадке будет зависеть от успеха этой операции. Кейтель подписал директиву о предстоящих на

английской территории операциях 27 августа.

Вопрос о высадке в Англии окончательно решался 14 сентября 1940 года. Перед началом совещания адмирал Редер сумел вручить Гитлеру листок с изложением мнения представителей морского флота: «Современная ситуация не обеспечивает условий для осуществления операции, риск все еще слишком велик». На совещании Гитлер сказал, что надежды Британии на Россию и Америку не оправдались: Россия не собирается проливать ради нее свою кровь, а перевооружение Америки завершится лишь к 1945 году. Проблема сейчас лишь в том, что истребительная авиация противника уничтожена не полностью. Условия для высадки еще не созданы.

Представители люфтваффе просили разрешения на массированные бомбардировки Лондона с целью посеять панику. Это требование поддерживал и Редер. В Берлине Гитлер сказал 14 сентября: «Успешный десант с последующей оккупацией Англии приведет к быстрому окончанию войны. Англия умрет с голоду... Необходимы четыре-пять дней хорошей погоды, чтобы перейти к решительным действиям... Если мы будем продолжать непрерывные воздушные налеты хотя бы в течение десяти-двенадцати дней, в Англии может возникнуть массовая паника». Качество британской техники неприятно поразило летчиков люфтваффе. «Мы понимали, что английскими истребительными эскадрильями, должно быть, управляют с земли (полагал немецкий ас А. Галланд), потому что мы слышали команды с наземных станций». В решающие две недели — между 23 августа и 6 сентября англичане потеряли 466 истребителей, а немцы — 385 самолетов. Англичане потеряли четверть летного состава.

Наблюдая за воздушной битвой 15 сентября, Черчилль обернулся к вице-маршалу Парку: «Сколько самолетов у нас в резерве?» и получил самый неутешительный ответ: «У нас больше ничего нет». Но именно в этой воздушной битве британские летчики уничтожили пятьдесят девять германских бомбардировщиков — такой уровень потерь люфтваффе могло выдержать недолго (победа в «Битве за Британию» празднуется именно в этот день). Но еще 17 сентября Черчилль приказал стрелять в небо из всех возможных стволов — это был психологический прием, направленный на то, чтобы скрыть от лондонцев тот факт, что англичанам, собственно, уже почти нечем противостоять немцам в воздухе. Он не знал о лаконичной записи в журнале боевых действий германского флота от 17 сентября о том, что «фюрер принял решение отложить операцию „Морской лев“ на неопределенное время». Стойкость летчиков королевских военно-воздушных сил, конечно же, была важным фактором, но не меньшее

значение имело и другое — Гитлер обратился к Востоку.

В этот же день итальянские войска пересекли ливийскую границу и углубились почти на сто километров в глубину египетской территории. В океане был торпедирован «Город Бенарес», половину пассажиров которого составляли эвакуированные в Канаду дети. В Дакаре силы Виши отбили англо-голландский десант. 14 октября взрыв бомбы сотряс двор на Даунинг-стрит 10, где Черчилль обедал, и премьер приказал повару спуститься вместе с ним в убежище. Ровно через три минуты германская бомба попала в кухню. И все же Черчилль отказывался пока бомбить жилые кварталы германских городов. Его целью были военные объекты, и он внятно объяснил свою стратегию: «Сначала дело, а потом удовольствие». По радио Би-би-си он говорил французам, что в Лондоне «мы ждем давно обещанное вторжение. Того же ждут и рыбы».

Но 27 октября 1940 года забрезжил призрак надежды. В поместье Блечли британские специалисты сумели понять принципы работы немецкой шифровальной машины «Энигма». Они создали свою систему «Ультра», которая расшифровала распоряжение о «продолжении подготовки к вторжению». Если подготовка не завершена, то о каком вторжении можно говорить? А 28 октября аэрофотосъемка показала движение германских судов от противостоящих Британии континентальных портов. Колвил занес в свой дневник 2 ноября мнение премьера, что «вторжение маловероятно». На самом деле Гитлер уже 12 октября принял решение «о том, чтобы приготовления (запись из германского журнала распоряжений. — А.У.) к вторжению в Англии с настоящего времени и до весны сохранялись лишь как средство политического и военного давления на Англию».

В день своего шестидесятишестилетия премьер сказал Идену, что никогда не чувствовал большего удовлетворения от работы, чем в последние шесть месяцев. Но все же признался и в следующем: «Обычно я просыпаюсь свежим к испытаниям нового дня, но этим летом я просыпался с ужасом в сердце». Наконец, 9 января 1941 года дешифрованные данные показали, что немцы готовятся к удару по Греции. Гитлер повернулся в противоположный угол Европы. В январе 1941 года Черчилль впервые за многие месяцы был в отменном расположении духа. Гостям за столом он сказал, что «никого не ненавидит, и полагает, что и у него нет врагов — за исключением гуннов, но это профессиональная особенность».

Англия была спасена. Что ее ждало в случае германского успеха, мы примерно знаем из германских документов. Командующий сухопутными войсками Браухич 9 сентября издал директиву, которая предусматривала

«интернирование и переселение на континент всего трудоспособного мужского населения в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет». По распоряжению от 27 июля созданного немцами Военного экономического штаба Англии, пленным следовало не брать, антигерманские выступления наказывать расстрелом на месте, имущество (кроме личных вещей) конфисковать.

Созданное в 1939 году РСХА (Центральное управление безопасности рейха) поручало бывшему декану экономического факультета Берлинского университета, а ныне полковнику СС Ф. Сиксу (будущему главе айнцакоманд в России) «начать одновременно с военным вторжением борьбу с многочисленными враждебными Германии организациями». Уже были сформированы шесть айнцакоманд, которым предстояло разместиться в Лондоне, Бристоле, Бирмингеме, Ливерпуле, Манчестере и Эдинбурге. Был составлен особый список из 2300 известных англичан, которых следовало арестовать немедленно. Возглавлял его, разумеется, Черчилль. В список вошел весь цвет английской нации — Г. Уэллс, О. Хаксли, В. Вульф, Дж. Пристли, Б. Рассел, Б. Уэбб. Особое внимание заслужили так называемые «общественные школы» (частные школы) и бойскауты, названные «мощным орудием британского империализма». Остров ждала страшная судьба.

Но англичане, как мы сейчас знаем, не были намерены сдаваться. Черчилль писал: «Кровопролитие с обеих сторон было бы великим и мрачным. Не было бы ни жалости, ни колебаний. Они использовали бы террор, а мы были готовы идти до конца». Много позднее стало известно, что британское правительство готовилось, в случае если другие средства не помогут, применить против высаживающихся германских войск отравляющие газы, распыляя их с низко летящих самолетов. Это было самое секретное решение. Британские острова избежали этой участи только потому, что Гитлер выбрал своей следующей целью Россию.

Москва размышляет

Феноменальные военные успехи Германии поразили Сталина. Летом он приходит к выводу, что новая военная элита должна усвоить уроки, преподнесенные миру немцами. Маневрами 1940 года руководили маршалы Тимошенко, Буденный, Кулик, генералы Тюленев, Кирпонос, Ремизов, Апанасенко, Штерн. Ключевым элементом учений было «взаимодействие всех родов войск». Как отметила германская разведка, «абсолютно преобладали» оборона и штурм заранее подготовленных оборонительных позиций. Прискорбно, что именно такой вывод сделали советские генералы, несмотря на продемонстрированное перед всем миром всепобедное искусство импровизации наступающих мобильных (преимущественно танковых) колонн, уходящих от всяких осад, от всяких «линий Мажино». Опыт почти несокрушимой «линии Маннергейма» настолько впечатлил генералов и руководство, что они как бы просмотрели опыт Гудериана и Манштейна в Польше и Франции.

Буденный посчитал необходимым по результатам маневров высоко оценить службу связи — едва ли не решающий компонент взаимодействия войск в мобильной войне современности. Между тем Красная Армия так и не овладела радио как безусловно наиболее важным средством сообщения армейских частей, что очень скажется. Офицеры 97-й пехотной дивизии (учения под руководством маршала Тимошенко) получили от командования золотые часы, а сама дивизия была оценена выше всех Генеральным штабом за инициативность в бою.

Сталина несколько отвлекала дипломатия. Германская военная миссия, огромная по численности, отправилась в Румынию. Еще более его волновало вхождение германских войск в Финляндию, и он немедленно запросил Берлин о целях появления германских войск в «советской зоне ответственности». Германская нота объясняла, что «германо-финское соглашение... является чисто техническим делом и не имеет политической значимости». Риббентроп пообещал объяснить все в личном письме Сталину. И письмо прибыло — длинное, монотонное и сухое, рассчитанное деталями и побочными соображениями прикрыть сам факт начавшегося военного сотрудничества Финляндии и Германии, фактического вхождения Финляндии в зону влияния Берлина.

Молотов без обиняков задал вопрос Риббентропу: «Какова численность войск, посланных вами в Румынию?» Риббентроп не был

Талейраном, он был достаточно недальновиден, чтобы начать рассуждать о «естественной политической коалиции» Берлина и Бухареста, которая будет всем во благо. Решению всех возможных противоречий послужило бы решающее сближение четырех держав — Германии, Италии, Японии и Советского Союза. «Делимитация их интересов в мировом масштабе» послужила бы разрешению всех неувязок и недоговоренностей. Было выдвинуто и принято предложение Молотову посетить Берлин.

Но дипломатия лишь прикрывала процесс европейского и мирового возвышения Германии, после побед 1940 года ощутившей достижимость самых смелых планов.

В тот самый день, когда Гитлер подписал директиву «Барбаросса», — 18 декабря 1940 года — в Москве открылось специальное расширенное заседание Главного военного совета. Это не был очередной фестиваль триумфализма. В довольно суровых фразах представленный присутствующим письменный доклад говорил о неблагоприятном состоянии Красной Армии, особенно в том, что касалось бронетанковых и механизированных частей. «Народный комиссариат обороны отстает в разработке вопросов, касающихся операционного использования войск в современной войне. Нет согласованных мнений по поводу использования танков, авиации и парашютных войск... Развитие танковых и механизированных войск в общей системе вооруженных сил отстает от современных требований массового использования вооружений... Доля механизированных войск низка и качество танков Красной Армии недостаточно».

Начальник генерального штаба К. А. Мерецков подвел итоги осенним учениям. Один из выводов — в бою пехотные части должны быть более маневренными. В обороне должны защищаться заранее созданные укрепленные районы, что позволит «канализировать» наступающие части противника в направлениях, наиболее выгодных обороняющейся стороне и подорвать его мощь до вторжения в основную линию обороны. Мерецков отметил слабость войсковой разведки, недостаточную ориентацию командиров в сложных ситуациях. Авиация должна самым прямым образом помогать наступающей пехоте и бронетанковым частям. Начальник генерального штаба отметил улучшение понимания авиацией своих функций в современном бою. Кто из присутствующих в зале мог представить себе, что советская авиация будет за несколько дней выбита из рук страны и «вернется в строй» только после Сталинграда?

Двадцать восемь генералов поделились своими общими соображениями. Затем участники командной конференции разбились на

пять частей, обсуждения и совещания продолжались до начала января. Всем пяти секциям были представлены пять докладов.

Г. К. Жуков. Природа современной наступательной операции.

И. В. Тюленев. Природа современной оборонительной операции.

Д. Г. Павлов. Использование механизированного корпуса в наступлении.

П. В. Рычагов. Боевая авиация в наступлении и в борьбе за превосходство в воздухе.

А. К. Смирнов. Пехотная дивизия в наступлении и обороне.

Пользовалось успехом выступление Жукова с обзором боев за Халхин-Гол. Но единомыслия не было, и генералы со всей страстью схлестнулись на теоретической ниве. Наследник Блюхера по командованию вооруженными силами на Дальнем Востоке Штерн не был согласен с жуковским использованием танков, с временем их введения в бой в ходе прорыва обороны соперника. Командир первого механизированного корпуса Романенко тоже был весьма суров в своей критике: «Эти идеи были бы хороши для 1932–1934 годов... Германская армия осуществила наступательные операции на основе использования механизированных и авиационных частей... Решающим фактором в успехе германских операций на Западе была механизированная армейская группа Рейхенау. Мобильные формирования сыграли решающую роль в окончательном разгроме Франции. Немцы — располагающие значительно меньшим числом танков, чем мы, — поняли, что ударные силы в современной войне должны состоять из механизированных, танковых и авиационных частей, они собрали все свои танки и механизированные войска в операционные объединения, они сконцентрировали их и дали им задачу выполнения независимых, решающих операций».

Романенко предложил создать ударную армию в 3–4 механизированных корпуса, 2–3 авиационных корпуса, 1–2 парашютные дивизии, 10–11 артиллерийских полков. «Если две такие армии будут действовать на внутренних и внешних флангах двух фронтов, они сокрушат фронт противника... Мое предложение может вызвать критику, но я работал над ним много лет... Если мы не используем ударные армии, созданные из механизированных частей с мощным авиационным прикрытием, тогда мы окажемся в тяжелом положении и не предотвратим угрозу нашей стране».

Критикам Жукова казались недостаточными 2–3 дня на подготовку наступления, они в данном случае приводили бывший у всех перед глазами пример финской войны. Романенко говорил о 10–15 днях подготовки.

Глубина прорыва должна была быть 200–250 километров.

Против массированного использования танковых частей выступил глава военной разведки Ф. И. Голиков и другие. Романенко не цитировался ни Жуковым в обзоре работы секции, ни Тимошенко в заключительном слове. Согласованный вариант доклада Жукова был своего рода синтезом высказывавшихся взглядов. Удивительным образом мы словно видим образ действий немцев, а не советских войск страшным летом 1941 года. Наши генералы предвидели крах тактической зоны обороны, мощное движение мобильных сил, ведущее к решительному уничтожению операционных резервов и перерастание оперативного успеха в стратегическое преобладание. С самым серьезным видом говорилось о внезапном нападении на аэродромы противника и достижении превосходства в воздухе. Какая сторона соответствовала этому описанию в июне-июле 1941 года?

Генерал-полковник Павлов, только что назначенный командующим самым главным — Западным особым военным округом (и несколько поспешно названный советским Гудерианом), живописал скоротечные танковые операции, осуществить которые ему не придется. Будущий маршал Еременко тоже говорил о фронтальной танковой атаке, о снабжении танковых войск горючим по воздуху, о необходимости создать двадцатитонные грузовики-танкеры для обеспечения прорыва на 200 километров. «Мы говорили здесь о снабжении механизированных войск горючим по воздуху. Немцы также предпринимают такие меры. Мы тоже пытались. Я помню наш приход в район Белостока, мы быстро израсходовали все, что было в бензобаках и они доставили нам горючее по воздуху. То же было с корпусом товарища Петрова у Гродно. Они сбросили ему горючее на парашюте. Имея практический опыт решения этой проблемы, я пришел к выводу, что этот способ ненадежен. Такой способ — исключение. Нам нужны грузовики, перевозящие 20 тонн горючего».

Авиаторы (особенно Кравченко) говорили о независимых действиях авиации. Судя по всему, они так и не нашли грань между стратегическими и тактическими действиями, не нашли места в своих расчетах противовоздушной обороне, попусту говорили о возможности уничтожения авиации прямо на взлетных полосах, на прифронтовых аэродромах.

В те же дни, когда генералы Красной Армии в Москве обсуждали современный боевой опыт, они сами подвергались оценке генералов вермахта. Выступая перед коллегами, генерал Гальдер пришел к выводу: «У Красной Армии нет руководителей» (*Die Rote Armee ist furerlos*). Так завершил он четырехчасовой доклад о степени готовности потенциального

противника. Оружие русских хуже, чем у французов. Особенно радовало немцев то обстоятельство, что, не имея надежной полевой артиллерии, Красная Армия давала исключительные возможности германскому танку Панцер-III с его 50-миллиметровой пушкой. Русское руководство на высшем, среднем и низшем уровне было minderfertig — ниже немецкого. Любая форма переориентации красных командиров не сможет изменить базовых факторов: в руководстве, в вооружении, в боевой выучке германская армия безусловно превосходила русскую. И ничего нельзя сделать за короткие месяцы 1941 года. Стоит германской армии разбить в приграничных сражениях русскую армию, как она получит полную возможность для маневра, пересекая редкие русские магистрали, внося сумятицу и панику в само существование русского государства. Их государство распадется на несколько частей, и хаос превзойдет даже то, что было в сокрушенной Польше.

Чтобы знать приграничную полосу, в небо уже в ближайшее время взлетят оборудованные цейссовскими камерами несколько типов самолетов: «Хейнкель-III», «Дорнье-215-B2», «Юнкерс-88». От Балтийского до Черного моря началась крупнейшая операция аэрофотосъемки. Отчасти эту идею немцам «подсказали» англичане. Их «Локхиды» в марте 1940 года засняли район Баку (основной источник нефти), англичане передали прекрасные снимки союзникам-французам, а оккупировавшие Париж германские войска изъяли снимки и по достоинству оценили их качество.

В начале 1941 года маршал Тимошенко готовил штабную игру большого масштаба. Как никогда в советской истории, интерес к ней проявили члены политбюро, высшее руководство страны. Этот интерес не был случайным. Советская Россия напряглась в страшном предчувствии. Самая мощная армия мира, овладевшая всей Западной Европой лязгая гусеницами танков, таила неимоверную угрозу. Подпись Риббентропа и слова Гитлера ничего не значили. С глубоким презрением, с расовой и идеологической ненавистью, с фантастической самоуверенностью вожди нацистской Германии были все жестче с Советской Россией, открыто презирая ее способность выжить после германского удара. Оставалось двадцать недель.

Глава пятая

План «Барбаросса»

Блицкриг Гитлера на Западе неприятно поразил Сталина. Он ожидал долгую позиционную войну, окопное изматывание в стиле предшествующей мировой войны. Пусть Германия выиграет, но только после чудовищного напряжения, изматывающих взаимных потерь, длительных кампаний, дающих переходящей на военные рельсы Советской России время для перевооружения. Эту собственную готовность Сталин помечал 1942 годом. Молниеносность германской победы заставила его спешить. В июне 1940 г. он возвращает никогда не признававшуюся румынской Бессарабию — Красная Армия вошла в нее 28 июня. 21 июля 1940 г. депутаты Литвы, Латвии и Эстонии провозгласили себя социалистическими республиками, которые в августе были приняты в СССР. Гитлер считал потерю Прибалтики временной и на этом этапе не вмешивался в основные происходившие здесь процессы, включая переселение в Германию остзейских немцев. Итак, территория площадью более полумиллиона квадратных километров с населением в 20 млн. человек вошла в состав Советского Союза тогда, когда германские армии развивали свой успех на Западе.

Гудериан делится в своих мемуарах: «Весной 1940 года Гитлер издал специальный указ, требующий, чтобы российской военной миссии были показаны танковые школы и заводы; в этом приказе он настаивал, чтобы от русских ничего не утаивалось. Русские офицеры отказывались верить, что танк IV являлся нашим самым тяжелым танком. Они постоянно повторяли, что мы, должно быть, прячем от них новейшие модели, и жаловались, что мы не выполняем приказа Гитлера показать им все. Они так настаивали на этом, что в конечном счете наши производители и офицеры-заготовщики пришли к следующему заключению: „Кажется, что русские уже обладают более тяжелыми и совершенными танками, чем наши“. Только тогда, когда в конце июля 1941 года танк Т-34 появился на фронте, загадка новой русской модели была решена».

Дранг нах Остен

Заключение пакта с СССР никоим образом не изменило отношение Гитлера к России как к зоне будущей колонизации. Он продолжал видеть в ней главный объект германской экспансии. Несмотря на поток обмена любезностями, последовавший за падением Польши, общее направление стратегического мышления Гитлера оставалось неизменным: «Дранг нах Остен».

Менее чем через два месяца после подписания советско-германского договора Гитлер отдал армейскому командованию распоряжение рассматривать оккупированную польскую территорию как зону сосредоточения для будущих германских операций.

Однако выступление на Востоке Гитлер считал тогда преждевременным. Кошмар прежней войны на два фронта продолжал преследовать его. Подталкивая своих генералов к ускорению планирования операций на Западе, Гитлер ясно указывал, что у него на уме: «Мы можем выступить против России только после того, как у нас окажутся свободными руки на Западе». Именно в это время в выступлениях Гитлера постоянно присутствует тема опасности войны на два фронта. Он неоднократно обещал своим генералам не повторить ошибки кайзера.

Рейх одерживал победу на Западе, но цена очередных сражений увеличивалась. К середине сентября 1940 г. немцы потеряли в небе над Англией около тысячи самолетов против 550 английских. И Гитлер обратился к Востоку. Генерал Йодль свидетельствует, что «решение фундаментальной важности было принято еще во время западной кампании». После нескольких отсрочек 17 сентября 1940 г. он отменил вторжение на Британские острова на неопределенное время.

Летом 1940 года Центральная и Западная Европа стали германской зоной влияния. Любуясь альпийскими пиками, Гитлер готовился к десанту на Британские острова. На противоположной стороне Ла-Манша Черчилль пообещал сражаться не щадя своих сил и, если немцам удастся оккупировать остров, вести борьбу при помощи флота из доминионов. Весь мир говорил о судьбе Британии, но Гитлер вызвал главнокомандующего сухопутными силами фон Браухича и удивил того тем, что отставил английскую тему в сторону. Браухич остался в воспоминаниях современников компетентным военачальником, но его характер имел дефект, фатальный для Германии. Генерал не знал, как вести себя в

присутствии фюрера, и находился в полном подчинении у вождя нацизма. Его профессиональные качества теряли всякую ценность, когда в помещение входил прежний ефрейтор с безграничными амбициями. Возможно, Гитлеру даже доставляло удовольствие видеть страдания классического представителя прусской военной касты, не знающего, как совладать с собой в присутствии неведомой силы.

Гитлер говорил с Браухичем о Восточной Европе 21 июля 1940 года. Беседа ничем не напоминала штабные обсуждения. Фюрер вещал, а командующий самой мощной армии мира, находившейся в ореоле недавних побед, покорно внимал. В исторической перспективе Гитлер видел образование новых, зависимых от Германии государств на Украине, в Белоруссии, формирование Балтийской федерации и расширение территориальных пределов Финляндии. Достижение этих целей было возможно лишь при одном условии: расчленении Советского Союза. На следующий день подчиненный Браухича начальник генерального штаба генерал Гальдер перечислил в дневнике цели, поставленные Гитлером: «Нанести поражение русской армии, оккупировать как можно больше русской территории, защитить Берлин и Силезский индустриальный район от возможных атак с воздуха. Желательно продвинуть наши позиции так далеко на восток, чтобы наши собственные воздушные силы могли разрушить самые важные районы России».

31 июля Гальдер записал в дневник следующие слова Гитлера: «Англия надеется на Россию и Соединенные Штаты. Если надежды на Россию не оправдаются, то и Америка останется в стороне, потому что уничтожение России чрезвычайно увеличит мощь Японии на Дальнем Востоке... Россия — фактор, на который больше всего полагается Англия... Когда Россия будет раздавлена, последняя надежда Англии рассыплется в прах. Тогда Германия станет господином Европы и Балкан. Решение: уничтожение России должно быть частью этой борьбы. Весна 41. Чем скорее Россия будет раздавлена, тем лучше. Нападение может достичь цели только, если корни российского государства будут подорваны одним ударом. Захват части страны ничего не дает... Если мы начнем в мае 41-го, у нас будет пять месяцев, чтобы все закончить. Лучше всего было бы закончить все в текущем году, но в это время невозможно осуществить скоординированные действия».

Гитлер отдал фон Браухичу приказ начать планирование восточной кампании. Этот приказ не застал Браухича врасплох. Командующий сухопутными силами и его штаб уже имели свои наметки. По их мнению, кампания против СССР должна продлиться не более четырех или, в

крайнем случае, шести недель. Браухич полагал, что для достижения этой задачи потребуется от 80 до 100 немецких дивизий, а с советской стороны им будут противостоять от 50 до 75 «хороших дивизий». Заметим, что никто из германских генералов не высказал даже гипотетического предположения, что СССР может выступить против Германии превентивно.

На секретной конференции в Бад-Райхенхалле начальник штаба (ОКВ) Йодль объявил 29 июля 1940 года штабным офицерам, что Гитлер намерен атаковать СССР весной 1941 года. Более того, вначале Гитлер говорил Йодлю, что собирается выступить против СССР уже осенью 1940 года. По словам Йодля, Кейтель посчитал своим долгом предостеречь фюрера от явной авантюры: не только плохая погода помешает технике, но и сам процесс перевода колоссальных людских масс займет слишком много времени. Гитлер согласился с этими аргументами.

Роковое решение о грядущем нападении на СССР было объявлено германским генералам в Бергхофе 31 июля 1940 года. Докладывал генерал Гальдер, он же производил запись замечаний Гитлера. Из них следует, что Гитлер не только решил для себя этот вопрос, но уже определил дату (весна следующего года), а также основные стратегические контуры своего замысла.

Фюрер заявил в Бергхофе, что к операции стоит приступать лишь в том случае, если Россию можно будет сокрушить одним ударом. Его не интересовал захват территории: «Уничтожить у России саму волю к жизни. Такова наша цель!». Находясь в одном из своих экстатических состояний, Гитлер рисовал картину будущей битвы широкими мазками: Россия будет сокрушена двумя ударами. Один на юге, в направлении Киева, второй на севере, в направлении Ленинграда. Достигнув своей цели, обе группировки поворачиваются друг к другу и замыкают кольцо, северная группировка при этом берет Москву. Гитлер говорил и о возможности побочной дополнительной операции по захвату Баку. Он уже знал, что делать с будущей покоренной страной. Непосредственно в рейх войдут Украина, Белоруссия и три балтийские республики. К Финляндии отойдет территория до Белого моря. Оставляя на Западе 60 дивизий, фюрер бросал против России 120 дивизий. В конце августа фельдмаршал фон Бок перевел штаб группы своих армий в Польшу. Одной из его задач было подготовить прием новых корпусов.

Планируемая операция разрабатывалась на трех уровнях. Генерал Варлимонт руководил планированием в оперативном штабе верховного командования вооруженных сил (ОКВ), генерал Томас вел работу в экономическом отделе ОКВ, Гальдер руководил планированием в штабе

сухопутных сил (ОКХ).

О дате предстоящего наступления говорило и распоряжение Гитлера Герингу: поставки в СССР осуществлять лишь до весны 1941 года. Учреждение Томаса педантично определяло ценность отдельных районов СССР, расположение центров добычи нефти. Со спокойной уверенностью оно готовилось не только получить в свои руки советскую экономику, но и управлять ею.

Гальдеру предстояло инструктировать непосредственного (на этом этапе) автора плана новой операции — прибывшего в главную штаб-квартиру сухопутных сил (ОКХ) начальника штаба восемнадцатой армии генерала Маркса. У Гальдера, человека с более стойким, чем у Браухича, характером, была своя точка зрения на грядущую битву с Россией. Он не придавал особого значения захвату прибалтийских республик и считал ошибкой делать нестабильную Румынию плацдармом предстоящего выступления. Генерал Маркс также по-своему осмыслил задачу и 5 августа представил свои суждения о проведении кампании на Востоке.

Эта грандиозная операция, считал Маркс, должна быть направлена на то, чтобы осуществить «разгром советских вооруженных сил с целью сделать невозможным возрождение России как врага Германии в обозримом будущем». С точки зрения генерала, центры индустриальной мощи Советского Союза находятся на Украине, в Донецком бассейне, Москве и Ленинграде, а индустриальная зона восточнее указанных районов «не имеет особого значения». План Маркса ставил задачу захвата территории по линии Северная Двина, Средняя Волга и Нижний Дон — города Архангельск, Горький и Ростов. Следует отметить, что взгляды Маркса во многом определили ход военных действий на Востоке.

Уже первые шаги безумно самоуверенной интеллектуальной машины вермахта подвергали риску судьбу самой Германии. Речь отныне — и постоянно — шла о достижении вышеуказанной географической линии, о разгроме советских войск на приграничных территориях. Не было и мысли об уничтожении всей военной мощи великой страны и о возможности ее полной оккупации. Теоретические наследники Клаузевица, Мольтке и Шлиффена исходили из предположения, что мощный удар сокрушит все внутренние структуры Советского Союза. Мысль о возможности решающего краткосрочного молниеносного удара ослепляла немецких теоретиков, у них на хватало интеллектуальной смелости заглянуть дальше: что будет, если Россия вынесет первый удар. Гитлер, гордившийся нонконформизмом своего военного мышления, в данном случае полностью попал в плен академической военной науки генералов с моноклем.

Выработанные в ослепительные месяцы после победы над Францией, идеи войны с Россией приобрели инерцию, захватившую и военных, и политиков.

У германского военного руководства возникает в эти дни и еще одно важное соображение, неверное, как оказалось впоследствии. В рейхе были уверены, что советские войска в прибалтийских республиках нанесут удар во фланг германским войскам, если те сразу же от границы устремятся к Москве. Из такого предположения вытекало, что следует выделить особые силы для противодействия советским войскам в Прибалтике. Кроме того, штабное командование Германии совершенно очевидно переоценивало мощь советской бомбардировочной авиации, повсюду, где можно, ставя задачу овладения территорией такой глубины, чтобы советские бомбардировщики не могли бомбить германские города.

Почему линия Архангельск — Ростов (позднее Архангельск — Астрахань) казалась Гитлеру и его военному окружению «достаточной»? Мы уже говорили о вере немцев в сокрушительность первого удара. Но все же почему не были разработаны планы продвижения до Дальнего Востока? Это тем более странно, что германские генералы верили в крах противника. Почему же немецкие войска должны были остановиться? Что думали в ставке верховного командования вермахта о судьбе остальной России, той, что простиралась за пределами желательной для Германии зоны оккупации? Часть военных глухо намекала на мощь германской бомбардировочной авиации, но ясно, что уничтожить Россию с воздуха было тогда невозможно, да и германские военно-воздушные силы не обладали достаточной мощностью.

Как ни страшились германские генералы своего лидера, они осмелились задавать вопросы. Так, генерал-фельдмаршал фон Бок (которому предстояло командовать группой армий «Центр») осмелился спросить у Гитлера, что произойдет, если германские войска выйдут к намеченной линии, а центральное правительство Советской России еще будет существовать? Примечательно, что Гитлер уклонился от ответа. Он сказал, что, потерпев поражение такого масштаба, коммунисты запросят условия капитуляции. Более туманно фюрер намекнул, что если правительство России не сделает этого, вермахт дойдет до Урала. К слову говоря, Гитлер в этом разговоре показал абсолютную решимость выступить против России: пусть окружающие не утруждают себя поисками вариантов иного, несилового, решения русского вопроса.

По свидетельству фон Лосберга, которому генерал Йодль в июле 1940 года поручил готовить материалы для планирования восточной кампании,

Гитлер считал, что шестьдесят миллионов, живущие за Волгой, не представляют опасности для Германии. И этот немецкий специалист тоже фиксирует абсолютную убежденность Гитлера в том, что страшный первый удар развеет веру в большевистскую идеологию, вызовет межрасовые и межнациональные противоречия, покажет всему миру, что большая Россия — искусственное формирование. Что же касается конечной судьбы этой страны, то, как выразился однажды Гитлер, «славянский гад должен содержаться под присмотром расы господ». Чтобы обеспечить решение этой задачи, следовало лишить завоеванные территории системы экономических связей, ликвидировать коммунистическую интеллигенцию и евреев, а всю массу населения подчинить прямому командованию верховных комиссаров рейха. Самому жестокому обращению следовало подвергнуть собственно русских — великороссов. Верховному командованию сухопутных войск понадобилось всего несколько дней, чтобы создать первый вариант операции вермахта против Советского Союза. Штабные офицеры смотрели на карту и видели естественный заслон — Припятские болота. Наступление нужно было осуществлять либо севернее (на Ленинград или Москву), либо южнее — против Украины. В первом случае плацдармом для удара являлись Восточная Пруссия и оккупированная Польша, во втором — Южная Польша и Румыния. Захваченные открывающейся перспективой, представители среднего офицерского звена избрали первоначально целью южное направление, Украину. Но действия почти на периферии не нашли одобрения у генерала Гальдера, и он потребовал перенаправить планируемые операции на север. Получив соответствующие указания, генерал Маркс наметил первостепенным ориентиром Оршу, он предусматривал создание в районе Орши наступательного трамплина на Москву. Левый фланг наступающих войск должен был прорезать прибалтийские республики и выйти к Ленинграду. Маркс не забыл и о возможностях на юге — там наступательное движение должно было проходить южнее Киева с ориентиром на Баку.

Так возникли основные очертания плана, к реализации которого Германия приступила через год. Никто особенно не торопил военных, их фантазия и размах поощрялись, это было время, когда высшие генералы вермахта получали фельдмаршальские жезлы и у них было ощущение всемогущества.

Впрочем, эйфория не смягчила жесткой внутриштабной борьбы. Главное командование сухопутных сил (ОКХ) (фон Браухич и Гальдер) стремилось реализовать свои стратегические идеи втайне от генералов

Йодля и Варлимонта из главного командования вооруженных сил (ОКВ). Но Йодль понимал, что неучастие в подготовке столь масштабного предприятия ослабит его позиции, и он поручил начальнику объединенного отдела верховного командования вермахта генералу Варлимонту подготовить свой собственный проект. Данный проект был откорректирован Йодлем в сентябре 1940 года. Йодль был ближе к Гитлеру, чем высокомерные хранители кастовых традиций Браухич и Гальдер, поэтому-то его проект имел особое влияние на недоступный никому мыслительный процесс Гитлера. Вариант Йодля предполагал создание трех армейских групп, две из которых выступали к северу от Припятских болот, а одна — к югу. Нам очень важно отметить следующую специальную оговорку плана Йодля: поскольку конечной целью наступления является Москва, предполагается захват «предполя» Москвы в районе Смоленска. Дальнейшее же продвижение на столицу будет зависеть от степени успеха соседей слева и справа. Эта идея довольно прочно вошла в сознание Гитлера, и он неоднократно обращался к ней впоследствии. За год до битвы под Смоленском Гитлер уже предусматривал возможность остановки в нем с целью решения фланговых задач.

Третий вариант предварительного плана был создан к концу октября 1940 года новым помощником начальника оперативного штаба (в ОКХ) генералом Паулюсом для Гальдера. В этом варианте две германские группировки, северная и центральная, должны были быть использованы к северу от Припятских болот, а одна — на юге. Паулюс считал, что необходимо разбить Красную Армию вблизи границ, думать об уничтожении войск противника, а не о захвате той или иной территории, тех или иных объектов. Для этого нужно было предотвратить любыми способами планомерный отход Красной Армии в глубину своей территории. Гальдер оценил этот аспект работы Паулюса. Прибалтике, где, по немецким сведениям, было только 30 советских дивизий, в плане Паулюса уделялось мало внимания. В данном случае оно было приковано к Белоруссии (60 дивизий) и Украине (70 дивизий). Паулюс считал, что после разгрома войск противника следовало все силы бросить на захват его столицы — именно столицы, а не индустриальных центров и стратегически выгодных плацдармов.

В варианте Паулюса есть любопытные оценки противостоящей стороны. Он был очень невысокого мнения о руководстве Красной Армии, но подчеркивал трудность определения бойцовских качеств русского солдата. Благоприятствующим элементом назывались межнациональные трения в СССР и в его армии. Впервые именно Паулюс отходит от

прусского безудержного высокомерия и обсуждает значимость проблемы численного превосходства советских войск. Гальдер остался доволен анализом и планированием своего фаворита, в дальнейшем отголоски некоторых сомнений, впервые выраженных Паулюсом, найдут отражение в рассуждениях Гальдера.

На столе германского военного руководства лежало три варианта плана вторжения в СССР. Несколько недель предварительной штабной работы дали плодотворные результаты. В директиве № 18 от 18 ноября 1940 г. (Молотов был еще в Берлине!) Гитлер писал: «Были проведены политические дискуссии с целью выяснения позиции России. Безотносительно к результатам этих дискуссий все приготовления для Востока, о которых я говорил устно, должны быть продолжены. Далее последуют инструкции, по мере того как оперативные планы армии будут представлены мне для одобрения». Варианты нападения на СССР были перечислены, но среди них не было выделено главного. Новое ощущалось в особенном внимании к Финляндии и балканским странам. Гитлер начал в конце июля поставлять вооружение Финляндии; в сентябре Германия получила право прохода своих войск в Норвегию через Финляндию.

Теперь можно было провести обобщенную «мозговую атаку» проблемы. Между 28 ноября и 3 декабря руководство германских вооруженных сил провело серию военных игр. Битвой над картами руководил тот же Паулюс. Это была разминка, подготовка к встрече генералов с Гитлером 5 декабря 1940 года. Основные принципы (создание трех группировок, нанесение удара с трех плацдармов) уже стали общепринятыми исходными данными. Руководителям трех армейских групп была дана задача мысленно провести операции независимо от соседей. Все три лучших полководца вермахта ощутили захватывающие дух масштабы предстоящих сражений. Ими была отмечена и такая особенность фронта: по мере удаления на восток он становился все более грандиозным. Первоначальная протяженность фронта — 2 тыс. км — быстро увеличивалась до 3 тыс.

Из этого следовало, что если германские вооруженные силы не уничтожат Красную Армию на пространстве между границей и линией Минск — Киев, то у Германии возможности для активных действий и контроля над территорией боев будут уменьшаться.

Общей проблемой трех командующих были дороги. Задача была несколько легче в этом плане у северной группировки (дороги Прибалтики), но группы армий «Центр» и «Юг» должны были испытать все трудности перемещения трех с половиной миллионов солдат по

бездорожью. Проблему для немцев представляла и советская железнодорожная колея, более широкая, чем в Европе. Это ограничивало возможности железнодорожного транспорта, Тревога звучала в заявлении командующего резервом Фромма: в его распоряжении находилось лишь около полумиллиона солдат — это все, чем можно было компенсировать потери в летней кампании. В ходе штабных учений был отмечен недостаток грузового транспорта, прежде всего грузовых автомобилей. В распоряжении германского командования был трехмесячный запас нефти и одномесячный запас дизельного топлива. Поистине, нужно было иметь безграничную веру в свою фортуна, начиная смертельную борьбу с противником при подобном оснащении. Дефицит меньшего значения — шины. Поразительны цифры военного производства — всего 250 танков и самоходных орудий в год к началу 1941 года. Для страны, способной производить миллион моторов, это была непростительная лихость. Эта лихость переходила в наглость: импорт из Советского Союза служил одним из главных источников решения проблем сырьевых ресурсов накануне войны.

Но главное, что беспокоило немецких генералов, — это вопрос о том, можно ли начинать войну на Востоке, не решив английской задачи. Мы видим подобного рода сомнения в правильности стратегии Гитлера прежде всего у Браухича. На важной встрече генералитета с фюрером 5 декабря 1940 года он указал на недостачу прежде всего самолетов, если часть из них будет занята в небе Англии. Гитлер прервал командующего сухопутными, войсками и произнес фразу, запомнившуюся всем присутствующим: Германия может вести войну сразу против двух противников, если восточная кампания не затянется.

Накануне этой встречи Гитлер долго беседовал с Герингом и Йодлем, которые отметили очевидное желание фюрера держаться жестко с представителями старой прусской школы. Он, в частности, весьма критически отнесся к предложению Гальдера. Начальник штаба сухопутных войск считал, что основным принципом восточной кампании должно быть безусловное концентрирование сил для удара в одном направлении — по Москве. Гальдер полагал, что укрепленные фланги этой мощной группировки не позволят советским войскам нанести боковые удары с юга и севера, со стороны Прибалтики и Украины. Гитлер резко возразил Гальдеру. Не следует терять из виду экономические цели войны, они так же важны, как и прочие. Советское руководство будет всеми силами стремиться оградить свои индустриальные центры на Украине и в Прибалтике, оно нуждается в балтийских портах и в украинской

промышленности. Более того: «захват Москвы не так уж важен». У группы армий «Центр» должна сохраняться возможность поворота на север и на юг.

Браухич, взяв на себя инициативу, солидаризировался с Гальдером, указывая на важность линии Смоленск — Москва. В конце концов, в сознании русских это главнейшая жизненно значимая дорога. В ответ Гитлер сказал, что только окостеневшее сознание способно держаться за столь старые идеи. В результате совещания было решено иметь в виду Смоленск и Оршу в качестве потенциального плацдарма в Центральной России и не фантазировать об операциях далее этой черты. Роковое решение... Немецкая армия дорого заплатит за него.

В конечном счете верховное командование сухопутных сил проявило слабость духа (итог нацистского наступления на психологию профессионалов) и отказалось от «опасных» попыток твердо определить главную цель предстоящих военных действий. Профессионалы подчинились Гитлеру. Возможно, лучшая в мире команда военных теоретиков теперь сознательно делала «конечную цель ничем», полагаясь на то, что в ходе развернувшихся военных действий она сможет найти оптимальный выбор между временем и пространством, между задачей поражения войск противника и погоней за его территорией. Стратеги в офицерских мундирах теперь возложили свои надежды на то, что требования военного времени заставят Гитлера спуститься на землю и реально оценить ситуацию.

Девятого августа 1940 года генерал Варлимонт отдал первые распоряжения по размещению войск на подступах к СССР. Согласно корректируемому на ходу плану «Ауфбау Ост», 26 августа две моторизованные дивизии были перемещены в Польшу. За ними последовали десять пехотных дивизий. По замыслу Гитлера, танковые дивизии следовало сосредоточить на юге Польши с целью быстрого выхода на румынские нефтяные месторождения.

Перемещение крупных масс войск не могло пройти незамеченным. Поэтому германский военный атташе в Москве Э. Кестринг был уполномочен уведомить советский генеральный штаб, что речь идет о массовой замене квалифицированных рабочих более молодыми солдатами. Все основные методы камуфляжа и дезинформации содержались в инструкции, данной 6 сентября Йодлю: «Эти перегруппирования не должны создать в России впечатления, что мы готовимся к наступлению на Востоке».

Дипломатические приготовления

Гитлер проявлял к Балканам самый пристальный интерес — после второго Венского арбитража значительно уменьшившаяся в территории Румыния запросила у Берлина гарантии оставшейся части. Германия (а за нею и Италия) дали гарантии новой Румынии, вошедшей в зону влияния стран «оси». Согласно секретной директиве от 20 сентября 1940 года, Гитлер приказал отправить в Румынию военные миссии. В ней говорилось: «Для внешнего мира их задачей будет помощь дружественной Румынии в организации и управлении ее вооруженными силами. Действительной же задачей, которая не должна быть известна ни румынам, ни нашим собственным войскам, будет защита районов нефтяных месторождений... приготовление развертывания с румынских баз германских и румынских войск в случае войны с Советской Россией».

Гарантии Германии Румынии вызвали серьезные опасения в Кремле. Министр иностранных дел Риббентроп пытался в пространных депешах объяснить смысл и итоги Венского арбитража, посол Шуленбург вел успокоительные беседы с Молотовым, но напрасно. Шуленбург докладывал в Берлин, что Молотов «в отличие от прежних контактов был замкнутым». Более того: с советской стороны последовал устный протест, в котором германское правительство обвинялось в нарушении статьи третьей советско-германского договора, предусматривавшей в подобных случаях двусторонние советско-германские консультации. В инциденте с Румынией Советский Союз был поставлен перед свершившимся фактом.

Риббентроп отказывался признать нарушение Германией августовского договора. Он «перешел в контрнаступление» 3 сентября 1940 года, обвиняя СССР в самоуправных действиях против балтийских государств и румынских провинций. Это тоже являлось нарушением статьи третьей пакта. Ответ советского руководства 21 сентября был написан жестким языком. В нем указывалось, что Германия нарушила договор и что Советский Союз по многим причинам заинтересован в Румынии. Абсолютно новой нотой было не лишенное сарказма предложение отменить или изменить пункт о взаимных консультациях, «если он содержит определенные неудобства» для германской стороны.

Вторая область несовпадения интересов обнаружилась довольно неожиданно на Севере. Советскому руководству было сообщено о появлении германских войск в Финляндии. Как объяснялось, они

направлялись в Норвегию, но факт остается фактом: германские части появились на территории страны, имевшей с СССР огромную общую границу (которая совсем недавно была линией фронта). Германское посольство сообщало в Берлин: «Советское посольство желает получить текст соглашения о проходе войск через Финляндию, включающий его секретные параграфы... получить информацию о цели соглашения, против кого оно направлено, каким целям служит».

Третья причина разногласий возникла в конце сентября. Риббентроп прислал 25 сентября в германское посольство телеграмму, помеченную высшим грифом секретности. Советское правительство необходимо было уведомить о том, что Германия, Япония и Италия намерены подписать в Берлине соглашение о военном союзе. Следовало сообщить Кремлю, что эта акция не будет иметь неприятных последствий для СССР: «Этот союз направлен исключительно против американских поджигателей войны. Разумеется, об этом, как и обычно, не сказано прямо в договоре, но такой вывод безошибочно вытекает из его условий... Его единственной целью является приведение в чувство тех элементов, которые борются за вступление Америки в войну посредством демонстрации того, что в случае их вмешательства в нынешний конфликт они автоматически будут иметь дело с тремя великими державами как противниками».

На волне побед на Западе Гитлер решил укрепить связи с двумя другими противниками международного статус кво — Италией и Японией. Риббентроп выдвигал идею заключения между ними пакта еще в октябре 1938 года, но только в сентябре 1940 года Гитлер пришел к заключению, что такой союз упрочит германские позиции и на Востоке, и на Западе. Риббентроп указывал, что пакт усилит изоляцию Америки на Западе и окажет воздействие на Россию — политика дружбы с ней должна иметь четко очерченные границы. Решение Гитлера привело к приглашению Муссолини. Встреча произошла на Бреннерском перевале в начале октября 1940 года. Очевидец — итальянский министр иностранных дел Чиано записал в дневнике: «Редко я видел дуче в таком хорошем настроении, как у Бреннера сегодня. Беседа была сердечной и определенно самой интересной из всех, которые я слышал. Гитлер выложил на стол, по меньшей мере, несколько своих карт и поделился с нами своими планами на будущее... Гитлер был энергичным и снова занял крайне антибольшевистскую позицию. „Большевизм, — сказал он, — является доктриной людей, которые стоят на низшей ступени цивилизации“».

Союз Германии с Италией и Японией создавал блок, который противостоял Британской империи. Вставал существенный вопрос: каково

положение СССР при новом раскладе сил? С одной стороны, Германия уже планировала нападение на Советский Союз; с другой, она пыталась отыскать возможности мирного включения его в германскую орбиту. Временем определения приоритета той или другой тенденции был ноябрь 1940 года.

Появление германских войск в Финляндии чрезвычайно обеспокоило Сталина. Чтобы успокоить его, Гитлер продиктовал Риббентропу письмо в Москву: это англичане пытаются столкнуть Москву и Берлин. Подписанный 27 сентября трехсторонний пакт Германии, Италии и Японии направлен сугубо против Британии и США. Сталину предлагалось присоединиться к нему.

Сталин ответил Риббентропу сдержанно. «Я получил ваше письмо. Искренне благодарен за доверие, а также за поучительный анализ последних событий... В. М. Молотов считает себя обязанным совершить ответный визит в Берлин... Что касается обсуждения некоторых проблем с участием японцев и итальянцев, я придерживаюсь мнения (не отвергая этой идеи в принципе), что этот вопрос следовало бы представить на предварительное рассмотрение». Гитлер пригласил Молотова. Он хотел узнать позицию Москвы. В день приезда Молотова была издана сверхсекретная директива Гитлера с целью «прояснить позицию России на ближайший период». О восточной политике там говорилось следующее: «Начаты политические дискуссии с целью выяснения позиции России. Безотносительно к результатам этих дискуссий все приготовления, связанные с Востоком, о которых уже были сделаны устные распоряжения, должны продолжаться. Инструкции по этому вопросу последуют, как только мне будет представлен общий обзор армейских операционных планов и они получают мое одобрение».

Визит Молотова

Между двумя странами накопилось с сентября (со времени визита Риббентропа в Москву) немало потенциально спорных вопросов. Гитлер без всякого одобрения следил за тем, как СССР восстанавливает «доверсальское» положение в Восточной Европе, в то время как Германия перечеркивает результаты Версаля на Западе. СССР и Германия теперь просто обязаны были провести линию разграничения своих действий на Балканах.

Американский журналист У. Ширер записал в своем дневнике 12 ноября 1940 года: «Темный дождливый день, прибыл Молотов, его принимают крайне сухо и формально. Проезжая по Унтер-ден-Линден к советскому посольству, он казался мне скованным провинциальным школьным учителем... Немцы развязно говорят о том, что можно позволить Москве осуществить старую русскую мечту завладеть Босфором и Дарданеллами, в то время как они завладеют остальными Балканами: Румынией, Югославией и Болгарией». На всем расстоянии от границы с СССР до Берлина вдоль полотна стоял почетный караул.

Германские записи, отразившие каждую минуту этого важного визита, дают нам довольно полную картину того, как вершилась история. В них содержится даже описание одежды присутствующих. На Молотове был ничем не примечательный гражданский костюм, а на Риббентропе униформа сине-зеленого цвета, высокие сапоги и фуражка с высокой тульей (которую он сам скроил). Первое заседание проходило за круглым столом в прежнем президентском дворце, недавно полученном рейхсминистром. Сам Молотов вспоминает громадный, высокий кабинет Гитлера, где все, кроме хозяина, позволяли лишь реплики. Кабинет Геринга, увешанный картинами и гобеленами, тоже произвел впечатление. В Центральном комитете НСДАП помещения были значительно проще. Хозяин там Гесс сидел, по воспоминаниям Молотова, и вовсе в скромном кабинете. На Молотова произвел впечатление переводчик Гитлера Хильгер, родившийся в Одессе и чисто говоривший по-русски. Присутствовавший на переговорах посол Шуленбург лишь немного говорил по-русски. Выезжая из Москвы вместе с Молотовым, он забыл у себя в посольстве своей посольский мундир — был вынужден возвратиться на поезде и нагонять состав на автомобиле. После бесед с Гитлером и Риббентропом Молотов каждый вечер посылал Сталину длинные телеграммы.

Риббентроп также начал с того, что провозгласил конец Британской империи. Англичане надеются лишь на помощь со стороны Америки, но «вступление Соединенных Штатов в войну не будет иметь последствий для Германии. Германия и Италия никогда не позволят англосаксам высадиться на европейском континенте... Страны „оси“ размышляют сейчас не над тем, как выиграть войну, а над тем, как завершить уже выигранную войну». Пришло время, когда Россия, Германия, Италия и Япония должны определить свои сферы влияния. Фюрер полагает, что все четыре державы должны обратить свои взоры на юг. Япония на Южную Азию, Италия на Африку. Германия, установив в Западной Европе «новый порядок», займется Центральной Африкой. Риббентропу было интересно узнать, не повернет ли и Россия в направлении южных морей, «не обратится ли на юг для получения выхода к открытому морю, который так важен для нее».

Картина, нарисованная Риббентропом, вопреки ожиданию, не вызвала энтузиазма. Молотов холодно перебил рейхсминистра: «К какому морю?» Неудержимый, казалось, поток красноречия Риббентропа внезапно иссяк. Он не смог прямо ответить на поставленный вопрос. Ходя вокруг да около, рейхсминистр все толковал об огромных переменах в мире. Лишь когда Молотов повторил свой вопрос, Риббентроп позволил себе большую ясность: «В конечном итоге наиболее выгодный выход к морю для России мог бы быть найден в направлении Персидского залива и Арабского моря». Согласно записям переводчика Шмидта, Молотов с непроницаемым лицом прокомментировал эти слова Риббентропа таким образом: «В определении сфер интересов необходимы ясность и осторожность».

После обеда попытку вскружить голову предельно заземленному Молотову предпринял Гитлер. Послеполуденная встреча состоялась в рейхсканцелярии Гитлера. Фюрер приветствовал Молотова нацистским приветствием. Затем Гитлер пожал руку всем членам советской делегации. Представители обеих сторон разместились в помпезной приемной за низким столом. Гитлер начал беседу с Молотовым в самом высокопарном тоне: «В жизни народов, действительно, трудно проложить курс для развития на протяжении долгого периода в будущем, а начало конфликтов часто происходит под влиянием личных факторов... тем не менее следует сделать попытку определить ход развития наций на продолжительный период времени в будущем, и, если это окажется возможным, нужно сделать так, чтобы избежать трений и элементов конфликта, насколько это в человеческих силах. Это особенно важно иметь в виду, когда две нации, Германия и Россия, находятся под руководством людей, которые обладают достаточной властью, чтобы определить направление развития своих

стран».

Гитлер постарался максимально отвести внимание от Балкан и Финляндии. Он в самом начале переговоров с Молотовым предложил вывести обсуждение германо-советских отношений на самый высокий — глобальный уровень, «выше всяких мелочных соображений» и на большой временной период. Следует заранее предвосхитить наращивание американской мощи, у которой более прочные основания могущества, чем у Британии. Европейские державы должны координировать свою политику, чтобы не пускать англосаксов в Европу.

Гитлер буквально упивался грандиозными схемами. Он обещал, что по мере улучшения погоды с помощью авиации «Англии будет нанесен финальный удар». Америка представит собой определенную проблему, но Соединенные Штаты «не смогут угрожать свободе других наций до 1970 или 1980 года... Им нет дела ни до Европы, ни до Африки, ни до Азии».

Молотов сумел занизить пафос и этого геополитика: «Высказывания фюрера носят общий характер. Он (Молотов) со своей стороны готов изложить соображения Сталина, который дал ему четкие инструкции». Переводчик Шмидт вспоминал: «Ни один иностранный посетитель не разговаривал с фюрером таким образом». Вопросы Молотова рассеивали ауру Гитлера как творца нового европейского порядка. Молотова интересовало, в чем смысл трехстороннего пакта, что делают немцы в Финляндии, какой видится Гитлеру будущая ситуация в Азии. Беседа быстро подошла к главной теме: Балканы. Нарком иностранных дел прямо заявил, что его интересует «выяснение вопросов, касающихся балканских и черноморских интересов России в отношении Болгарии, Румынии и Турции». Гитлер предлагал делить британское наследство, он толкал Россию в Азию. Сталина интересовало укрупнение Советского Союза в Европе, прежде всего на Балканах.

Возможно, впервые Гитлер воспринял сигнал прозвучавшей над Берлином воздушной тревоги с облегчением. Он предложил отложить обсуждение до следующего дня.

Утром Молотов повторил Гитлеру свои вопросы. Именно Европа, а не Азия, стала предметом детальных обсуждений. Спор сосредоточился вокруг Финляндии. Гитлер оспаривал утверждение Молотова, что Финляндия оккупирована германскими войсками. Они находятся там транзитом на пути в Норвегию. Со своей стороны, фюрер настойчиво утверждал, что СССР готовится к войне с Финляндией, и спрашивал, когда эта война начнется. Гитлер заявил, что новый советско-финский конфликт может привести к далеко идущим последствиям. Молотов немедленно

встрепенулся: что фюрер имеет в виду? Затем он отметил: «В дискуссию этим заявлением введен новый фактор». Гнетущую тишину прервал устрешенный ходом беседы Риббентроп: не следует драматизировать финский вопрос, возникшее напряжение вызвано недоразумением. Это вмешательство позволило Гитлеру собраться с мыслями и резко сменить тему разговора: «Давайте обратимся к более важным проблемам. После завоевания Англии Британская империя будет представлять собой гигантское, мировых масштабов, обанкротившееся поместье величиной в сорок миллионов квадратных километров. Банкротство этого поместья позволит России получить доступ к незамерзающему и действительно открытому океану. До сих пор меньшинство в сорок пять миллионов англичан правило шестьюстами миллионами жителей Британской империи. Недалек день, когда он (Гитлер) сокрушит это меньшинство... Возникают перспективы глобального масштаба... Всем странам, которые заинтересованы в обанкротившемся владении, следует прекратить пререкания между собой и сосредоточиться исключительно на разделе Британской империи. Это касается Германии, Франции, Италии, России и Японии».

Как и в первый день, Молотов ответил, что аргументы Гитлера несомненно представляют интерес, но прежде всего следует внести ясность в германо-советские отношения. Он обнаружил отсутствие энтузиазма у германской стороны, когда попросил направить дискуссию поближе к проблемам Европы. Он больше заинтересован в Турции, Болгарии, Румынии. «Советское правительство придерживается той точки зрения, что германские гарантии Румынии направлены против интересов Советского Союза». Германия должна отменить свои гарантии. Какой была бы реакция Германии, если бы СССР предоставил гарантии Болгарии на тех же самых условиях, что и Германия с Италией Румынии?

Присутствующие отметили, что Гитлер потемнел, услышав этот вопрос. Просила ли Болгария о подобных гарантиях? Он не слышал о такой просьбе. В любом случае он должен посоветоваться предварительно с Муссолини. После этого знаменитый своим безудержным словоизвержением Гитлер надолго замолчал, затем обратил внимание гостя на поздний час: не исключен британский воздушный налет, к тому же основные вопросы уже обсуждены достаточно основательно.

На банкет в советское посольство Гитлер не пошел. В момент, когда Риббентроп встал для произнесения ответного тоста, была объявлена воздушная тревога. В бомбоубежище известный своей бестактностью Риббентроп вынул из кармана проект соглашения, которое превращало

трехсторонний пакт в четырехсторонний. Согласно статье второй, Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязывались «уважать естественно сложившиеся сферы влияния друг друга», разрешая конфликты между собой «дружественным образом». Риббентроп предполагал огласить факт заключения договора с СССР, но оставить в тайне секретный протокол, согласно которому Советскому Союзу предлагалось сосредоточить свои войска на южном направлении в районе Индийского океана. Нельзя отказать дипломатии нацистов в авантюрной смелости. Но прозрачно видно и желание перенаправить СССР на южное направление. Ради этого Риббентроп обещал обеспечить Москве подписание договора о ненападении с Японией, добиться признания Японией Внешней Монголии и Синьцзяна находящимися в сфере советских интересов.

И в этом случае — в третий раз — Молотов отказался обсуждать азиатское направление. Балтика, Балканы и черноморские проливы — вот что заботило его в первую очередь. «Вопросы, интересующие Советский Союз, касаются не только Турции, но и Болгарии... Судьба Румынии и Венгрии также представляет интерес для СССР, и ни при каких обстоятельствах их участь не будет ему безразлична. Советское правительство желало бы также знать, каковы планы стран „оси“ в отношении Югославии и Греции, а также что намеревается делать Германия с Польшей... Советское правительство заинтересовано в шведском нейтралитете... Кроме этого, существует вопрос выхода из Балтийского моря». Заметавшийся Риббентроп попросил не задавать ему вопросов в упор. Он повторял снова и снова, что «главным вопросом является готовность Советского Союза принимать участие в предстоящем разделе Британской империи». В ответ Молотов позволил себе жесткую шутку: «Если с Британией покончено, то почему мы в этом бомбоубежище и чьи бомбы падают на город?». Он сказал, что ему предлагают обсудить «великие проблемы завтрашнего дня», а он более всего заинтересован текущими проблемами.

Никто не может с полной уверенностью сказать, как повлияло бы подключение СССР к трехстороннему пакту (и согласие на «индийское направление») на планы Гитлера начать войну. Его абсолютная решимость видна из документов, из уже отданных приказов по развертыванию германской военной машины на Восток. Возможно, лишь сервильность СССР могла подтолкнуть Гитлера «решить британский вопрос» вначале. Но и у этой гипотезы нет солидных оснований. Приходится признать, что жесткость Молотова не замедлила (а возможно, и ускорила) приготовления

Гитлера к восточной кампании. Очевидно, были отброшены последние сомнения. Сталин из Берлина виделся готовым к оборонительным мерам, заинтересованным в судьбе Финляндии, Швеции, Польши, Венгрии, Румынии, Югославии, Турции — всего пояса стран между СССР и Германией. Сделать Россию сателлитом за счет обещаний допуска к разделу Британской империи не удалось. Подозрительность обеих сторон проявилась определенно.

Теперь мы знаем то, чего не знала тогда советская делегация. Сразу же после беседы с Молотовым Гитлер вызвал Геринга и сообщил ему о своем намерении выступить против России весной. Геринг (авиация), как и Редер (военно-морской флот), склонялся к перенесению центра событий в Средиземноморье и попытался соответственно перенаправить Гитлера, но не достиг никакого успеха. Теперь Гитлер говорил, что обеспокоенность России процессами в Финляндии и Румынии свидетельствует о ее намерении отрезать Германию от шведской железной руды и румынской нефти, у него возникало даже подозрение относительно существования советско-британского соглашения. Гитлер демонстративно заявил, что не допустит нового окружения Германии. Именно в этом духе защищали себя нацистские военные преступники в Нюрнберге, но горы документальных материалов говорят о противоположном — о планомерном осуществлении плана вторжения в СССР вне зависимости от жесткой или примирительной (как это было с марта по июнь 1941 г.) позиции Кремля.

Менее чем через две недели после отъезда Молотова из Берлина Сталин сделал последнюю прямую попытку договориться с германским руководством. Молотов уведомил германского посла в Москве, что СССР готов присоединиться к трехстороннему пакту, но выдвигает предварительные условия:

1. Германские войска выводятся из Финляндии.
2. В течение ближайших нескольких месяцев безопасность Советского Союза в черноморских проливах закрепляется заключением пакта о взаимной помощи между СССР и Болгарией и созданием базы для наземных и военно-морских сил Советского Союза в районе Босфора и Дарданелл на основе долгосрочной аренды.
3. Территория к югу от Батуми в направлении Персидского залива признается центром интересов Советского Союза. Япония отказывается от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

Мы еще раз видим, как Сталин стремится укрепиться в Европе, а Гитлер старается увести его оттуда. Фюрер хотел бы видеть СССР ориентированным на Индостан, а не на Аравийский полуостров. Но во

многим Сталин соглашается с Гитлером, с предложениями Риббентропа — при условии, что немцы выведут войска из Финляндии, между СССР и Болгарией будет подписан договор, а Турция согласится предоставить Советскому Союзу базу на Босфоре. Несмотря на последовавшие в дальнейшем многочисленные напоминания Москвы, Гитлер так никогда и не дал ответа на эти условия Сталина от 25 ноября 1940 г. Фюрер утратил интерес к сближению с Советской Россией.

В ближайшем кругу Гитлер рассуждает: «Сталин умен и хитер. Он требует все больше. Он хладнокровный шантажист. Германская победа становится для русских невыносимой. Поэтому они должны быть поставлены на колени как можно скорее». 5 декабря Гитлер потребовал ускорения подготовки к нападению весной. «Решение о гегемонии в Европе будет принято в борьбе против России».

Гитлер в начале декабря затребовал от ОКХ план нападения на Советский Союз. Этот план был ему представлен. После многочасовой беседы с Браухичем и Гальдером он был фюрером одобрен. Запись этой беседы сохранилась и в военном журнале ОКВ, и в дневнике Гальдера. Гитлер в ходе беседы указал, что Красная Армия должна быть окружена к северу и к югу от Припятских болот, как в Польше. «Не следует обращать внимания на Москву, главное — уничтожить „живую силу“ России. Союзниками будут Финляндия и Румыния, Венгрию трогать не стоит». Общее число подготавливаемых войск было увеличено до 130 дивизий вместо 120.

На этом этапе план войны против СССР получил название «Отто». Но и в отношении названия через две недели произошла окончательная перемена. В середине декабря 1940 года верховное командование сухопутных сил признало рациональным укрепить северную группировку. Мотивация была такова: надежность быстрого продвижения через прибалтийские республики наилучшим образом укрепит атакующий порыв группы армий «Центр», что позволит последней не задерживаться слишком долго на смоленском плацдарме перед прыжком на Москву. Директива № 21, содержащая эти идеи, 17 декабря была представлена Гитлеру. Тот словно забыл победы вермахта летом, был критичен и выразил недовольство недостаточным профессионализмом ОКХ. Гитлер полагал, что перенос акцента на север осуществлен недостаточно. В его стратегическом видении решающим обстоятельством являлось теперь быстрое прохождение войск через Прибалтику с целью захвата Кронштадта и Ленинграда. Для этого следовало передислоцировать войска из центральной группировки войск и передать северной группировке

важные мобильные элементы.

Гитлер испытывал явное удовлетворение от покорности армейских профессионалов, в мгновение ока менявших свои стратегические концепции. Для большего самоутверждения Гитлер настоял на переименовании самого плана. Он был назван «Барбаросса» в честь одного из императоров первого рейха. Гитлера теперь вдохновлял Фридрих Гогенштауфен, германский император Великой Римской империи германского народа, погибший в двенадцатом веке на Востоке. Фюрер желал видеть в своих подчиненных рвение крестоносцев, ведущих священную войну. На следующий день, 18 декабря, пересмотренный план «Барбаросса» был подписан Гитлером.

«Штаб-квартира фюрера 18 декабря 1940

Германские вооруженные силы должны быть готовы сокрушить Советскую Россию в ходе скоротечной кампании до окончания войны против Англии. С этой целью армия должна использовать все доступные воинские части, за исключением тех, которые остаются на оккупированной территории...

Приготовления должны быть завершены к 15 мая 1941 года. Величайшие усилия должны быть предприняты с целью маскировки намерения начать нападение.

Масса русских войск в Западной России должна быть уничтожена в ходе смелых операций посредством глубокого проникновения бронетанковых войск с целью предотвращения отступления нетронутых боеспособных войск в широкие пространства России. Конечной целью операции является создание оборонительной линии против азиатской России по реке Волге до Архангельска. Затем последний оставшийся у России промышленный район на Урале может быть уничтожен силами люфтваффе».

Когда смотришь на этот план, испытываешь удивление перед легкостью суждений признанных теоретиков. План несет на себе неистребимую печать авантюры. Даже его язык лишен привычной немецкой штабной методической сухости. Наиболее важной особенностью этого плана является отсутствие в нем четкой цели. Вряд ли таковой можно считать общую фразу (которой начинается текст) о сокрушении Советской России в краткосрочной кампании. Это указание едва ли можно считать штабным предписанием. Строкой из политического трактата звучит выставляемая в качестве главной военной цели фраза о необходимости создать барьер против «азиатской России» по линии Архангельск — Волга. «Колосс на Востоке созрел и вот-вот упадет. А конец господства евреев в

России будет означать конец России как государства». Здесь видна рука идеолога, рука Гитлера, словно специально ставящего своими геополитическими установками в тупик образованную элиту вермахта.

Гитлер пишет Муссолини: «Впервые с тех пор, как передо мной встала необходимость принять это трудное решение, я чувствую себя внутренне свободным. Сотрудничество с Советским Союзом... я рассматривал как измену самому себе, своим идеям, своим прежним обязательствам. Теперь я счастлив, что свободен от этих внутренних терзаний».

Временами фюрер «опускается» до обсуждения сравнительно мелких тактических задач (использование двух-трех дивизий в районе Рованиеми). Этот штабной документ насквозь эклектичен: в нем беспорядочно перемешаны политические, военные и экономические задачи. Накануне решения, рокового для Германии, ее вождь принял, утвердил боевой план, лишенный цельного и логического замысла, объединяющей концепции. Гитлер объяснял в нем летчикам, как они должны обеспечивать безопасность переправ, но не сообщил своему генералитету основную задачу плана «Барбаросса», общую концепцию войны на Востоке, какие цели первостепенны, на каком этапе он видит мощь СССР сокрушенной, на каком участке необходимо приложить наибольшие усилия. Беспечность в данном вопросе дорого стоила немцам.

И сейчас вызывает изумление самонадеянность тех, кто смело говорит в «Барбароссе» о никеле, железной руде и удобных гаванях, не определяя при этом, где тот барьер, преодолев который, германская экономическая машина сможет пользоваться ими.

Между 5 декабря и 31 января планирующие органы Верховного командования сухопутных сил занимались уже детализацией плана. Директивные установки этого уровня планирования отличались от общего плана, так сказать, в «лучшую сторону». Здесь прусский милитаризм блестяще проявил себя. Ясно и пункт за пунктом разрабатываются в штабных установках (подписанных фельдмаршалом Браухичем 31 января 1941 г.) военные действия частей и подразделений вермахта. План военных действий был практически готов, но это был план лишь для начальной фазы наступления германских войск, его основной задачей было предотвращение создания противником жесткой оборонительной системы на прежней (до 1939 года существовавшей) оборонительной линии или еще немного восточнее. Браухич и его подчиненные опасались стабилизации фронта по линии Западная Двина — Днепр. Скорее всего, Браухич изменял самому себе и действовал в связи с установками Гитлера, когда учел в непосредственном планировании действий войск то предположение, что

советское руководство, видимо, прежде всего будет стремиться защитить прибалтийские территории и базы на Черном море. В связи с этим группе армий «Центр» следовало после взятия Смоленска передать механизированные дивизии войскам, устремившимся к Ленинграду. Только после захвата Прибалтики, Ленинграда и всей Северной России следовало готовить наступление на Москву.

Гитлер полагал, что немецкое молниеносное наступление через Прибалтику и совместная германо-финская операция на севере в первые же дни решат судьбу Ленинграда. Будет перерезана железнодорожная магистраль на Мурманск (что лишит СССР всякой связи с внешним миром), германская промышленность получит в свои руки никелевые месторождения в районе Петсамо. Многие в данном случае зависело от согласия шведского правительства на транзит немецких войск по своей территории (но здесь Гитлер не ошибся — Стокгольм дал свое согласие).

Прицел был сугубо на войска. Уничтожить советские вооруженные силы, не давая им отступить, — эту задачу снова и снова ставил Гитлер. Теперь, подписав «Барбароссу», он проигрывал план перед своими генералами. К северу от Припятских болот на территорию СССР устремятся две армейские группировки. Северная, как нож сквозь масло, пройдет через Прибалтику к Ленинграду. Вторая сделает полукруг, обогнув Белоруссию, и устремится к первой группировке с юга. В гигантские клещи должны попасть лучшие советские силы, стоящие между границей и Москвой — Ленинградом. Главное — не допустить, чтобы части Красной Армии сумели уйти из Прибалтийского и Белорусского округов на восток. Лишь после того, как кольцо за спинами этой массы войск будет замкнуто, брать Москву. Оценка Гитлером стратегического значения советской столицы круто менялась в течение нескольких дней. От «малозначительной» (в определении Москвы как цели) Гитлер в конце декабря перешел к следующей оценке: «Взятие этого города будет означать решающую политическую и экономическую победу, не говоря уже о том, что он представляет собой самую важную узловую железнодорожную развязку страны».

Третьей армейской группировке предстояло выступить к югу от Припятских болот, с территории Южной Польши и Румынии. Здесь главная линия наступления — на Киев, главная цель — уничтожение войск Юго-Западного округа на территории западнее Днепра. Задача войск, расположенных еще южнее, заключалась в подстраховке киевской операции и, по возможности, в продвижении в направлении Одессы. Успех здесь давал шанс выйти к Донецкому угольному бассейну.

Это решение Гитлера завершило все германское стратегическое планирование второй половины 1940 года. Директива № 21 была размножена лишь в девяти экземплярах. Три экземпляра было передано в распоряжение каждого рода войск, остальные шесть хранились в штаб-квартире верховного командования вермахта. План не был известен даже тем высшим армейским командирам, чьим армиям вскоре предстояло его осуществлять. Более того. На их вопросы следовал ответ, что план создан на случай, если Россия изменит свое отношение к Германии. По личным инструкциям Гитлера, секрет «Барбароссы» должен быть доверен «как можно меньшему числу лиц. В противном случае существует опасность того, что наши приготовления получат огласку, и в результате последуют величайшие политические и военные осложнения».

Никто из германских военачальников не выступил против плана «Барбаросса». Позже некоторые из них позволили себе писать о «русской аванюре Гитлера» и утверждать, что профессиональные военные специалисты были против этого плана с самого начала. Но никто еще не предоставил ни слова свидетельства о противостоянии этому плану в решающий момент — в декабре 1940 года, когда голос военных авторитетов, возможно, мог быть еще услышан. Более того, есть много неоспоримых свидетельств искреннего энтузиазма лиц, причастных к захватывающему дух планированию.

Решив для себя вопрос о будущем восточной кампании, Гитлер отправился праздновать Рождество к войскам, расположенным на противоположном от Англии берегу. Именно здесь более или менее отчетливо еще в июле 1940 года прослеживалась альтернатива восточному походу.

Важное значение для определения дальнейших планов имела долгая беседа Гитлера с адмиралом Редером, состоявшаяся еще 21 июля 1940 года. Всего пять дней прошло с подписания директивы о вторжении на Британские острова, но у Гитлера уже появились немалые сомнения. Он больше не верил в фактор неожиданности. Перед ним находился «в высшей степени исполненный решимости противник», который в борьбе на островах не остановится ни перед чем. Гитлер сказал Редеру: «Мы не можем рассчитывать на получение каких-либо важных запасов в Англии». Подразумевалось, что англичане во главе с Черчиллем сожгут и уничтожат все, что могло бы представить интерес для немцев. Условием успеха высадки должно быть полное превосходство над противником в воздухе, а его нет. Для захвата Англии нужно переправить не менее сорока дивизий, но Редер был в этом отношении скептичен. Позднее он сообщил

армейскому командованию, что максимум возможного для него — переправка тринадцати дивизий на довольно узком фронте. Генерал Гальдер остался неумолим: для захвата плацдарма необходимо не менее сорока дивизий. Первые сомнения охватили фюрера.

Гитлер еще продолжал утверждать (речь 4 сентября 1940 года в берлинском Шпортпаласте), что Англия некомпетентна, что на фоне решимости 85 миллионов немцев комическая решимость господина Черчилля просто глупа. Но англичане 25 августа совершили бомбовый рейд против Берлина, а сражение в небе Англии не давало результатов. Весь сентябрь Гитлер держал силы вторжения в боевом напряжении, но 12 октября его директива гласила: «Фюрер решил, что с этого времени и до весны приготовления к осуществлению плана „Морской лев“ будут продолжаться только лишь с целью сохранения политического и военного давления на Англию. Если вопрос о вторжении будет заново решен весной или ранним летом 1941 года, приказ о возобновлении операционной готовности будет издан позднее...»

Адмирал Редер был, возможно, наибольшим скептиком в отношении восточного варианта. Он считал опасным оставлять Англию «недобитой», готовой мобилизовать новые силы, всячески старающейся вовлечь в мировой конфликт Соединенные Штаты. Но как совладать с Британией? Редер говорил Гитлеру наедине: «Англичане всегда считали осью своей мировой империи Средиземное море... Отказываясь здесь от помощи, итальянцы еще не осознали нависшей над ними опасности. Германия, однако, должна вести войну против Великобритании всеми находящимися в ее распоряжении средствами и без задержки, прежде чем Соединенные Штаты сумеют эффективно вмешаться. Поэтому в зимние месяцы следует решить средиземноморский вопрос.

Гибралтар должен быть оккупирован. Контроль над Канарскими островами следует обеспечить при помощи военно-воздушных сил. Суэцкий канал должен быть захвачен. Необходимо осуществить продвижение со стороны Суэцкого канала через Палестину и Сирию до границ Турции, если это окажется возможным. Если мы достигнем ее границ, Турция будет в нашей власти. Тогда русская проблема предстанет перед нами в ином свете... Неизвестно, понадобится ли тогда выступление против России с севера». Редер полагал, что, увидя себя полуокруженным, Советский Союз предпочтет войти в той или иной степени в германскую зону влияния, стать союзником Германии.

Гитлер согласился с «общим направлением» рассуждений Редера, но оставил последнее слово за собой. Многие будут зависеть от предстоящих

встреч с Муссолини, Франко и Петэном. Апробация средиземноморского варианта, позволяющего подорвать могущество Британской империи и предоставляющего (посредством выхода в Турцию) возможность обойти СССР с фланга, приходилась на осень 1940 года.

Первая из этих встреч состоялась 23 октября в городе Хендей на франко-испанской границе. Гитлер ненавидел долгие поездки, но не этим объяснялось его подавленное настроение перед встречей с Франко. У него были дурные предчувствия. Риббентроп уже предупредил его, что встреча будет далеко не легкой. Высшие военные чины видели во Франко комическую фигуру, одержавшую победу над республиканцами только благодаря германской поддержке. Адмирал Канарис, имевший немалый испанский опыт, сказал Кейтелю, что Гитлер будет разочарован Франко, который «вовсе не герой, а маленькая сосиска». Эти слова были переданы Гитлеру.

Гитлер прибыл в Хендей на час раньше Франко, не знакомого с немецкой пунктуальностью. Во время осмотра испанской гвардии, приветствовавшей немцев, Кейтель отметил ее жалкий вид и ржавые штыки. Не было ли это сознательным трюком Франко? Испанский диктатор начал встречу чисто южными выражениями благодарности. Но речь шла уже не о гражданской войне и не о легионе «Кондор». В момент крушения Франции в июне 1940 года Франко поспешно уведомил Гитлера, что Испания готова вступить в войну против Франции при условии, что ей достанется французское Марокко и западная часть Алжира, а также если Германия снабдит армию Франко оружием и припасами. Гитлер тогда отказался от уже не нужной ему помощи. Эту помощь он хотел получить сейчас против Англии и, в будущем, против СССР.

Но Франко, цветистый в словах, поостыл в намерениях. Британия не была покорена, США медленно, но выходили из изоляции, позиция СССР не была ясна. Благоразумие требовало осмотрительности. «Маленькая сосиска» слушала героические тирады Гитлера без всякого энтузиазма. Гитлер, в свою очередь, не ожидал увидеть каудильо таким невзрачным человеком, не блиставшим умом. От Франко слышались одни жалобы — страна нуждается в экономической помощи, огромная линия морского побережья Испании безоружна перед британским флотом и т. п. Наибольшее раздражение фюрера вызвали слова Франко о том, что если Британские острова будут завоеваны, английское правительство и его флот начнут вести боевые действия из Канады, получая все большую поддержку Америки.

Напрасно Гитлер предлагал каудильо огромные территории

французских колоний в Африке (до предела, как говорил фюрер, «возможностей компенсации Франции частями разбиваемой Британской империи»). Зная «задолженность» Франко, Гитлер без околичностей предложил ему вступить в войну в январе 1941 года, но Франко проявил неожиданное упрямство, указывая на опасность скоропалительных действий. Гитлер настаивал на том, чтобы испанцы захватили Гибралтар 10 января 1941 года, он обещал помощь тех германских специалистов, которые только что сокрушили мощный бельгийский форт Эбен Эмаель с воздуха. Франко ответил, что предпочел бы вернуть Гибралтар чисто испанскими силами. Вязкий разговор продолжался девять часов и абсолютно истошил холерика Гитлера. Он возненавидел монотонный голос Франко, он вскакивал с места, говоря, что беседа потеряла направление, а следовательно, и смысл. Теперь ясно, что Франко сознательно вел линию на определение того, чья же сторона побеждает. Для Гитлера этот диалог был невыносим. Чуть позднее он сказал Муссолини, что скорее предпочел бы удалить себе три или четыре зуба, чем снова встретиться за столом с Франко. Фюрер потерпел полное фиаско. Он не сумел по-настоящему оказать давление на франкистскую Испанию и заручиться ее содействием в критический момент войны. Сыграла свою роль и привычная самонадеянность.

Оставив позади себя кошмар бессмысленных вежливых препирательств, так и не добившись согласия Франко на вступление в коалицию стран «оси», Гитлер поручил арьергардные бои Риббентропу, чьим партнером был испанский министр Серрано Суньер. Фюрер уже не питал иллюзий. Неудача с Франко ослабляла притягательность средиземноморского варианта. Без Мадрида было сложно рассчитывать на захват Гибралтара и на то, чтобы «замкнуть» британский флот в Средиземном море. Риббентроп «ослабил вожжи», он уже не требовал полномасштабного участия в коалиции, его программой-максимум был захват Гибралтара. Но и в этом случае испанцы решили не искушать судьбу и дожидаться более определенного развития событий. Задним числом Гитлер, возможно, сожалел, что сдержал испанцев в июне 1940 года. Риббентроп вскоре понял тактику Франко и, обозвав его в присутствии своих подчиненных «неблагодарным трусом», последовал за фюрером. Эмоции еще бурлили в Риббентропе: «Он (Франко. — А. У.) всем обязан нам, а сейчас не хочет к нам присоединиться».

Встреча Гитлера с Петэном в Монтуаре 24 октября была вторым туром попыток реализации средиземноморской стратегии. Глава вишистского режима думал о будущем, о месте «новой» Франции в «новой» Европе.

Пусть побежденная, но Франция по своим ресурсам способна быть главным партнером Германии в новом европейском порядке. Размышляя в таком духе, Петэн пришел к несколько более четкому, чем Франко, определению отношений с немцами.

Неизвестно, была ли у Гитлера доля уважения к герою Вердена, но известно, что он, боясь старости, с ужасом отзывался о возрасте маршала. Однако восьмидесятичетырехлетний Петэн выглядел достаточно бодро и встретил фюрера едва ли не как равный равному. Основной соблазн аргументов Гитлера заключался в следующем: «Очевидно, что кто-то должен платить за проигранную войну. Это должна быть либо Франция, либо Англия. Если бремя падет на Англию, тогда Франция займет в Европе подобающее ей место и полностью сохранит свое положение колониальной державы».

Петэн был достаточно уклончив: «Моя страна слишком пострадала морально и материально, чтобы вступить в новый конфликт». Тогда, сказал Гитлер, «она потеряет свою колониальную империю в конце данной войны и будет нести последствия поражения наравне с Англией». «Время репрессий не может длиться долго», — прозрачно намекнул Петэн на Версальский мир. Вне себя от комментариев маршала, Гитлер вскричал: «Я не хочу репрессий. Я хочу мира, основанного на взаимном согласии, гарантирующего покой в Европе на несколько столетий. Я не смогу этого осуществить, если Франция не решится помочь мне сокрушить Британию».

Петэн пошел на заключение с Гитлером соглашения, в котором, в частности, говорилось: «Державы „оси“ и Франция имеют идентичные интересы в нанесении поражения Англии как можно скорее. Соответственно, французское правительство будет поддерживать, в пределах своих возможностей, меры стран „оси“, предпринимаемые для достижения этой цели». Не исключено, что Петэн думал не только о втором месте в «коричневой» Европе, но и о новых колониальных приращениях в Африке за счет Британской империи. Пока еще не было известно, в какой мере и как будет вишистская Франция помогать нацистской Германии. Обе стороны решили держать свое соглашение в абсолютном секрете.

Был ли Гитлер доволен сделкой в Монтуаре? Едва ли. Потрясенная Франция, только что воевавшая с Германией, вряд ли могла стать надежным союзником. Разгром ее сил, своего рода национальный ступор, лишал ее привлекательности как военного союзника, деморализация грозила превратить такого союзника в бремя, а не в часть гитлеровской машины. В конечном счете, Петэн не предлагал ничего конкретного. Обещаниями и угрозами превратить Францию в действенного союзника

Гитлер не мог. Это бессилие выводило из себя фюрера в ходе осенних переговоров с предполагаемыми союзниками. Всю дорогу после Хендея и Монтуара Гитлер был мрачен. Во Флоренции 28 октября его ждал Муссолини.

С Муссолини у Гитлера возникли проблемы на Балканах. Дуче тоже желал опекать «латинскую сестру» Румынию, интересовали его и нелатинские балканские страны. Еще в середине августа 1940 года Гитлер предостерегал Муссолини против авантюр в отношении Греции и Югославии. Зять Муссолини, министр иностранных дел Чиано, записал в дневнике 17 августа: «Это было похоже на приказ стоять в строю». Но Муссолини боялся опоздать при разделе Европы. Вопреки совету Берлина он решился на нападение на Грецию. Оно было назначено на 28 октября. Муссолини лично сообщил новость прибывшему во Флоренцию Гитлеру: «Фюрер, мы на марше! Победоносные итальянские войска пересекли греко-албанскую границу сегодня на рассвете!». Мало что могло так вывести Гитлера из себя, как этот сюрприз итальянского союзника. Меньше всего ему хотелось сейчас осложнений на Балканах. Его стратегической задачей было перерезать сонную артерию Британской империи в районе Суэца и создать плацдарм для нападения на СССР с юга, а не захватывать небольшое балканское королевство, где успех итальянцев был еще проблематичен. По существу оказалось, что Гитлер опоздал на встречу с Муссолини. Но, как свидетельствует переводчик Шмидт, он постарался сдержать свой гнев: «После полудня он испытал разочарование — в Хендее, Монтуаре и теперь в Италии. В долгие зимние вечера следующих нескольких лет эти продолжительные и утомительные поездки были постоянной темой его горьких упреков в отношении неблагодарных и ненадежных друзей».

Южный вариант «удушения» Британской империи не получался. Выход в Турцию отдалялся еще более. Но пока не был оставлен вовсе. Своего рода удовлетворение фюрер получил от сокрушительного поражения итальянцев. Их наступление против Греции продолжалось всего неделю, затем греки обратили их в бегство. Гитлер больше думал не о союзниках-итальянцах, а об оставшихся шансах реализовать свою средиземноморскую стратегию. Его волновало фактическое усиление англичан на пути к Турции — их десант на Крите и Лемносе, откуда англичане могли бомбить румынские нефтяные месторождения. Именно для получения стратегически важных позиций в восточном Средиземноморье, а не для спасения чести незадачливого союзника Гитлер решил бросить вермахт в этот регион. Четвертого ноября он вызвал к себе

руководителей Главного командования вермахта Кейтеля и Йодля и главных теоретиков армейского штаба Браухича и Гальдера. Гитлер, как следует из записей их бесед, еще не отказался от идей, обсуждавшихся ранее с Редером, он еще верил, что Германия сможет задушить двух главных своих противников (ведущую с ней войну Британию и потенциального противника — Россию) посредством решающего закрепления Германии в Средиземноморье с выходом с юга к Кавказу.

В течение нескольких дней были созданы планы минирования Суэцкого канала, бомбардировки британского флота в Александрии, бомбовых ударов по другим английским объектам в Египте. Армии следовало силами десяти дивизий через Болгарию атаковать англичан в Греции. Что касается опасности вызвать раньше времени реакцию России, то Гитлер полагал, что Россия останется нейтральной.

Директива № 18 отражает решимость Гитлера испытать возможности средиземноморской стратегии: Гибралтар будет взят, а проливы закрыты. Англичане будут лишены возможности получить плацдарм в любой другой точке Иберийского полуострова или на островах Атлантики. Было закреплено название операции по захвату Гибралтара — «Феликс», определены возможности противодействия захвату англичанами Канарских островов и Островов Зеленого Мыса. Адмирал Редер получил приказ изыскать возможности захвата острова Мадейра и Азорских островов. В случае необходимости следовало оккупировать Португалию (операция «Изабелла»). Для этого выделялись три германские дивизии. Для привлечения вишистской Франции к более тесному сотрудничеству было решено освободить из-под немецкого контроля часть французского флота и некоторые сухопутные французские части — предполагалось (как оказалось, совершенно справедливо), что они будут защищать французские колонии в Африке от англичан и де Голля. Гитлер надеялся, что посредством таких шагов «постепенно определится участие Франции в войне против Англии». Аплодировавшие Гитлеру генералы в верноподданническом ослеплении не видели слабости этих замыслов — выделяемые силы были слишком малы для решения задачи контроля над средиземноморским бассейном. Эту задачу Германия, пожалуй, могла бы решить, если бы сосредоточила здесь все свои основные силы — те полтораста дивизий, которые находились в рейхе и на ближайших к нему подступах. Но мы знаем теперь, что Гитлер не склонен был бросить все силы на средиземноморский вариант, хотя он видел его привлекательные черты.

Помимо прочего, Гитлер не мог оставаться безучастным к очевидному

поражению Муссолини. Дело было даже не в унижении первого союзника, а в довольно неожиданном укреплении позиций Англии в Восточном Средиземноморье, что могло создать реальную угрозу рейху с фланга, если вермахт застрянет в России.

Так или иначе, Гитлер прислушался к уничтожительной для Муссолини оценке итальянского военного потенциала, произведенной штабом германского военно-морского флота: «Италия никогда не завершит успешно наступления в Египте. Командование итальянскими силами не соответствует своим функциям. Оно не понимает происходящего. У итальянских вооруженных сил нет ни руководства, ни эффективности, необходимой для доведения операций в средиземноморском регионе до успешного конца с надлежащей скоростью и решительностью». По мнению штаба военно-морского флота, именно Германия должна была взять на себя тяжесть борьбы в регионе — это было приоритетное направление с точки зрения адмирала Редера. «Борьба за африканский регион является главной стратегической целью ведения войны Германией в целом... Это направление имеет решающую важность для итога войны».

Мы видим, что военно-морское командование смотрело скорее на юг, чем на восток. Гитлер на каком-то этапе, возможно, хотел в определенной степени совместить оба направления. Но поворот на юг не мог быть осуществлен походя, он был слишком важным процессом. Гитлер уже убедился, что Франко, Петэн и даже Муссолини не являются надежными союзниками. Он на несколько недель как бы «поддался» аргументации своих адмиралов, но только потому, что это обещало удушение Британии и выход к СССР с юга. Переносить тяжесть войны сюда в целом он не был намерен.

Решающее выяснение отношений произошло 14 ноября 1940 года. Адмирал Редер детально изложил свою точку зрения на перспективы дальнейших военных действий, Лишь обратившись к югу, Германия станет неоспоримым хозяином всей Европы, она закроет все подходы к «крепости Европа», лишит надежды англичан и по старым дорогам Римской империи распространит свое влияние на весь мир. Выслушав все это, Гитлер не стал детально оспаривать аргументы Редера, но дал важнейший намек: «Я намерен произвести демонстрацию в отношении России». Это было многозначительное заявление, если учесть, что Молотов только утром этого дня отбыл из Берлина.

Редер частично пребывал в неведении. В конце декабря он послал Гитлеру доклад, между строк которого читался укор в отношении того, что на Средиземноморье упущены большие возможности. Он не знал, что эти

возможности уже мало волнуют Гитлера. Выбирая между средиземноморским (южным) направлением и восточным, Гитлер уже безоговорочно отдал предпочтение «Барбароссе». На аргументы Редера в отношении несломленной мощи Британии он ответил: «В свете текущих политических процессов и особенно вмешательства России в балканские дела необходимо, прежде чем сцепиться с Британией, любой ценой уничтожить последнего врага, остающегося на континенте». Это был уже безоговорочный выбор. «Барбаросса» стал главным планом Германии.

Нет сомнения, что на этот выбор повлияло, помимо прочего, исключительно успешное контрнаступление англичан в Египте, начатое 7 декабря 1940 года. В течение двух месяцев генерал Уэйвел буквально разгромил армию маршала Грациани, продвинувшись на 700 километров и захватив 130 тысяч военнопленных. Напомним, что 12 ноября (начало советско-германских переговоров) британская авиация на рейде Таранто вывела из строя три итальянских линкора и два крейсера. В таких условиях практической потери североафриканского плацдарма привлекательность южного варианта исчезала вовсе.

Ощутимо изменение тона обращения Гитлера к союзникам. В ответ на просьбу Каудильо о посылке помощи он пишет Франко 6 февраля 1941 года: «Относительно одного, Каудильо, должна быть ясность: мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть и не можем в это время делать подарки. Битва, которую ведут Германия и Италия, должна определить и судьбу Испании. Только в случае нашей победы ваш нынешний режим будет сохранен». Но Франко слушал радио и знал о сокрушительном поражении Грациани. Еще больше его волновала возможность поворота Германии на восток. Гитлер играл с судьбой. В свете этого Франко набрался мужества послать Гитлеру письмо, из которого явствовало, по меньшей мере, одно: в ближайшее время вступить в войну на стороне «оси» Испания не намерена.

Гитлер дал волю своим чувствам в письме Муссолини: «Испания не желает вступить в войну и не вступит в нее. Это тем более прискорбно, что теперь возможность нанести Британии поражение самым простым образом — в ее средиземноморских владениях — исчезла». Гитлер не зря обращался к Муссолини — в его словах был своего рода укор. Итальянцы показали далеко не лучшую военную подготовку. С таким союзником победить Британию в Средиземном море было сложно. Так или иначе, но к началу января 1941 года Гитлер окончательно пришел к выводу, что оба варианта борьбы с Британией — десант на острова и достижение господства в Средиземном море — в обозримом будущем недостижимы. Соответственно потерял всякую реальность и притягательную силу

вариант выхода к СССР через Турцию с юга, создание такого давления на СССР, когда не только на Балканах, но и на кавказской границе Советского Союза противостояли бы силы, толкающие его восточнее — в направлении Индии.

Южное направление, Африка, теперь не интересовало Гитлера. Он принял решение. На совещании 8–9 января в Бергхофе он снова безусловно доминировал, не позволяя другим вставить слово. Как пишет адмирал Редер, Гитлер был полон оптимизма: «Фюрер твердо убежден, что ситуация в Европе не может в дальнейшем развиваться в неблагоприятном для Германии направлении, даже если мы полностью потеряем Северную Африку. Наши позиции в Европе столь крепки, что конечный итог не может быть не в нашу пользу».

Судьба Британии уже меньше волновала Гитлера. Даже если предоставить дело лишь флоту и авиации, то ее ослабление даст себя знать не позднее июля или августа. К тому времени «Германия должна стать настолько сильной на континенте, что мы сможем в дальнейшем справиться и с Англией и с Америкой». Южное направление, фиксируют мысль фюрера Редер и Гальдер, уже не является определяющим. Здесь главное — не дать Италии капитулировать, не более. «Нужно предотвратить полное крушение итальянцев, предотвратить потерю ими Северной Африки». В целом считать итальянцев равными себе не следует. Им не будет сказано даже о генеральном плане Германии на этот год. «Он не желает информировать итальянцев о наших планах. Существует большая опасность того, что королевская семья передаст стратегические сведения Британии», — пишет в дневнике Гальдер.

Помогать итальянцам выходить из столь жалкого положения пришлось самим же немцам. Операция «Марита» (директива № 20 от 12 декабря 1940 года) предполагала выдвижение двадцати двух немецких дивизий, сконцентрировавшихся в Румынии, через Болгарию для удара по Греции с севера 26 марта 1941 года. Для стабилизации положения в Европе, утверждал в этой директиве Гитлер, возможно, придется прибегнуть к операции «Аттила», захвату трети неоккупированной Франции (при этом одной из главных целей было овладение французским флотом в Тулоне). «Если Франция начнет причинять нам беспокойство, она будет сокрушена полностью».

Затем германский канцлер приступил к главному. Он снова охарактеризовал Сталина как «хладнокровного шантажиста» и заявил своим генералам, что Россия должна быть поставлена на колени «как можно скорее». Вот так фюрер описывал будущее: «Если США и Россия

вступят в войну против Германии, положение может стать очень сложным. Поэтому всякая возможность возникновения такой угрозы должна быть уничтожена в зародыше. Если угроза со стороны России будет снята, мы можем вести войну против Британии бесконечно. Если Россия рухнет, Япония почувствует огромное облегчение; это, в свою очередь, будет означать возросшую угрозу Соединенным Штатам».

Третьего февраля 1941 года Гитлер выслушал Гальдера, изложившего созданную штабными сотрудниками директиву германским силам, предназначенным реализовать план «Барбаросса». Пиком его высокомерия был запрет «даже рассматривать» возможность увеличения сил вторжения. Гитлер как бы уже видел нечто «за горизонтом», он глубокомысленно объяснял военным специалистам экономическую важность Украины и прибалтийских республик.

«Барбаросса» оставался чисто немецким планом. Его детали немцы обсуждали между собой на совещании руководства ОКВ 3 февраля 1941 года в течение шести часов. Как явствует из сверхсекретного меморандума ОКВ, вначале генерал Гальдер представил германскую оценку вооруженных сил СССР. Красную Армию Гальдер оценил как имеющую 155 дивизий. По численности, веско говорил Гальдер, германская армия примерно равна русской, но она «значительно превосходит ее в качественном отношении». (Пройдет всего лишь несколько месяцев, и германские генералы поймут свою роковую ошибку в определении численности Красной Армии.) Тогда же, 6 февраля, никто не подверг сомнению данные Гальдера. А между тем речь идет не просто о недооценке боеспособности войск противника. Преуменьшение численности Красной Армии играло на руку главному стратегическому замыслу Гитлера: уничтожить войска русских в приграничных сражениях. На этом совещании Гитлер подтвердил этот свой императив: «Уничтожить большие части войск противника, не дав им возможности отступить». При этом Гитлер подчеркнул, что главной целью является «овладение балтийскими государствами и Ленинградом».

Зал был взбудоражен. Масштабы предстоящей операции завораживали. Находясь во власти этого ажиотажа, Гитлер воскликнул: «Когда начнется „Барбаросса“, мир затаит свое дыхание». Он затребовал себе карты территорий грядущих сражений.

Глава шестая

Шансы на победу над СССР

Гитлер никогда не спрашивал своих военных специалистов свою разведку о шансах победы над Советским Союзом. План «Барбаросса» был создан без предварительного анализа вопроса, можно ли победить Россию вообще. Многие немецкие офицеры смотрели на русскую армию как на заведомо ниже стоящую, на русских как на людей с низким интеллектом, слабой волей, сильных лишь в смысле природного приспособления к трудностям. Полковник Блюментрит (которому предстояло приобрести немалый опыт в ходе войны на советско-германском фронте) писал в 1940 году: «Сила русского солдата заключается в его бесчувственном азиатском упорстве, с которым мы, как пехотные офицеры действующей армии, хорошо познакомились прежде всего в 1914–1915 годах. В те дни считалось абсолютно надежным поручить одной германской дивизии сдерживать две или три русские дивизии. В цепных атаках, столь любимых русскими как детьми природы, часто от 10 до 12 цепей пехотинцев двигались одна за другой против наших, лишенных глубокого тыла, позиций. Ружья и пулеметы стреляли до тех пор, пока не раскалялись до предела». Гитлер полностью соглашался с такой оценкой. «Русские — ниже нас», — его слова.

Германские оценки

Разумеется, значение потери офицеров в чистках 30-х годов было хорошо известно германским военным. Наихудшее впечатление Красная Армия произвела в ходе финской войны. Тогда Гитлер позволил себе сказать: «Русская армия — это шутка... Если нанести удар, то Советский Союз лопнет как мыльный пузырь».

После окончания основной волны чисток в армии журнал «Милитер-Вохенблатт» объявил, что Красная Армия лишилась руководителей полностью. Признаком самоослепления вермахта было то, что в германской военной печати почти не освещались успехи СССР на озере Хасан в боях против японцев в 1938 году.

Германская разведка, по существу, призналась в своей бессилии. Военный атташе писал из Москвы адмиралу Канарису: «Арабу в бурнусе легче пройти по Берлину незамеченным, чем иностранному агенту войти в Россию». Немцы в короткие месяцы и недели военной подготовки обратились к дружественным странам и потенциальным союзникам. Турецкая разведка не смогла оказать помощи. Японцы снабдили сведениями о дальневосточных частях, но германский военный атташе в Токио оценил эту информацию как не имеющую практической значимости. В Будапеште регент Хорти не сумел собрать фактических данных, но поделился своими размышлениями: «Сегодня существуют советские республики; если все их завтра превратить в независимые государства, проблема коммунизма будет решена. Германия сможет завершить эту самую важную для человечества работу, за которую история будет благословлять ее в грядущие столетия, и она проделает эту работу за недели».

Ценную информацию предоставила Финляндия, особенно после осени 1940 года. Благодаря финским данным, германский генеральный штаб уточнил число советских дивизий в европейской части СССР (их оказалось на 15 больше). Финны сообщили также важные сведения о характере советских вооружений. Из этих же источников немцы узнали о состоянии советских парашютно-десантных войск, об оборонительном потенциале районов Ленинграда и Пскова.

Воздушная разведка сообщила важные сведения о состоянии приграничных округов. Дороги оказались лучше, чем предполагалось. Определены были основные военные лагеря, аэродромы, склады и т. п. Но

огромная Россия так и осталась лежать таинственной зоной за пределами фотоаппаратов группы аэрофотосъемки подразделения Т. Ровеля.

Немцы всегда помнили, что поразительные победы на начальном этапе Первой мировой войны оказались возможными благодаря тому, что они сумели полностью перехватывать донесения русских армий, скажем, вторгшихся в августе 1914 года в Восточную Пруссию. Этот успех стимулировал немцев подготовиться соответственно и в 1941 году. Красная Армия извлекла свои уроки из прежних поражений, и радиодисциплина была ужесточена. Некоторые западные специалисты называют советское радиоприкрытие лучшим в Европе. Благом России неожиданно стало значительно меньшее число телефонных и телеграфных линий. Сообщения теперь чаще следовали по радио. И хотя немцы приложили немалые усилия, они не прочли советские военные коды. Россия, по существу, осталась герметично закрытой. Радиоразведка дала удивительно мало.

Шпионаж против СССР был развернут Абвером после прихода Гитлера к власти. Центр реорганизованной немецкой военной разведки размещался в Кенигсберге, «выдвинутом» исторически и географически к советским границам. Напомним, что у Германии не было общей границы с СССР, и она при засылке агентов полагалась либо на дипломатические каналы, либо на лежащую «между» страну, какой в данном случае была Литва. Начиная с 1927 года между Абвером и разведкой соседней Литвы существовала связь, специально назначенный офицер Абвера отвечал за нее. Полтысячи километров границы Литвы с СССР, границы, проходящей по лесам и болотам, были особо ценимы Абвером.

С 1936 года немцы интенсивно ищут пути проникновения в СССР; Абвер во главе с Пикенброком сумел наладить связь прежде всего с разведками Австрии и Венгрии. Затем последовали попытки проникновения со стороны Румынии, Болгарии, Китая и Японии. Тесными стали контакты с Польшей. Однако все эти усилия успехом не увенчались. Лишь связи через Финляндию и Турцию дали определению ценную информацию, общая же картина не могла удовлетворить никого в Берлине.

Оказавшись в ситуации почти полного незнания того, что происходит в оборонительном секторе СССР, каковы возможности Красной Армии, Абвер обратился к эмиграции, а именно к эмиграции националистов. Канарис установил связи с Организацией украинских националистов (ОУН) в 1937 году. Было проведено несколько конференций, многие оуновцы были готовы сотрудничать с немцами, но и они не могли помочь стратегической разведке.

Тогда немцы попытались использовать для сбора информации

представителей более чем миллионного населения Поволжской республики. Однако прямое и косвенное (через Немецкий институт внешних связей) обращение к ним германской военной разведки не помогло установить надежные связи. Советские немцы не изменяли своей новой родине.

Когда был подписан пакт Риббентропа — Молотова, Гитлер отдал приказ на время прекратить попытки активного сбора информации, чтобы не вызвать раздражения противоположной стороны. Но Абвер воспользовался польскими разведывательными связями, уже созданной сетью агентов в Белоруссии и на Украине. Теперь у Германии была огромная общая граница с СССР. Именно в это время Абвер стал наиболее активен, он создал близ границы тренировочные центры и постепенно увеличивал число засылаемых агентов.

Интенсификация разведывательных усилий Германии произошла после встречи в конце декабря 1940 года фельдмаршала Кейтеля и генерала Йодля с адмиралом Канарисом и его заместителем, отвечающим за разведку на Востоке, Пикенброком. Именно тогда Йодль сообщил руководителям разведки, что война с СССР неминуема и начать ее планируется до наступления лета. Обратим внимание на следующее. Доложив о решении исключительной важности, Йодль сказал руководителям разведки, что его, собственно, не очень интересуют данные о Красной Армии в целом. Главное — иметь точные сведения о том, какие процессы происходят в размещении Красной Армии неподалеку от границы. По существу — и это была серьезнейшая ошибка — руководители вермахта приказали Абверу отказаться от стратегических оценок и сосредоточиться на оперативно-тактических проблемах. Главным козырем в этом инструктаже прозвучала ссылка на Гитлера, считавшего, что Россия падет после битвы у границы.

Абвер резко увеличил число подготавливаемых агентов. Своих лазутчиков начали засылать в армейские группировки, штабы отдельных армий. Большое значение стало придаваться степени подготовленности направляемых агентов. Их подготовка в специально открытых школах в Кенигсберге, Берлине, Вене и Штеттине проводилась более тщательно. Почти каждый агент, а их численность теперь составляла сотни человек, оснащался рацией. Некоторые переходы границ отличались исключительной дерзостью. Так, в апреле 1941 года взвод из шестнадцати человек в форме советских инженерных войск пересек границу в Белоруссии и был заподозрен пограничниками. Одиннадцать диверсантов были убиты, пятеро схвачены.

При всей напряженности, созданной сталинским режимом в стране, немцы не нашли предателей. Им не удалось завербовать ни одного значительного лица, ни одного обладателя подлинно существенной информации. У немцев не оказалось никаких возможностей увидеть картину оборонительных усилий СССР в целом. Мелкие агенты доносили сведения местных масштабов. Мы встречаем — как исключение — лишь одно обобщение стратегического порядка от германского агента: «Когда дело дойдет до конфликта Советского Союза с сильным противником, коммунистическая партия развалится исключительно быстро и не сможет более владеть ситуацией. Советский Союз распадается и превратится в гряду независимых государств». На документе имеется заключение аналитиков Абвера: «Особо точная оценка».

При рассмотрении источников германской информации об СССР накануне войны следует обратиться прежде всего к фигуре военного атташе Германии в Москве генералу Эрнсту Кестрингу. Этот германский офицер родился и вырос в Москве, ему были знакомы язык, быт и политическая жизнь страны Советов. В Первой мировой войне он участвовал, будучи офицером кайзеровской армии, в период Веймара специализировался по России в рейхсвере. Между 1931 и 1933 годами он занимал пост военного обозревателя в Москве. Это были последние годы тесного сотрудничества двух армий. Кестринг вернулся в Москву в качестве военного и военно-воздушного атташе в октябре 1935 года.

Обстановка здесь была уже мало похожа на дружелюбность прежних лет. Кестринг жалуется на отсутствие доступа к любой, кроме официальной, информации. На сотни поставленных перед ним в Берлине вопросов он не мог дать даже приблизительного ответа. Консулы в различных городах получили фотографии, чтобы суметь хотя бы приблизительно разобраться в технике, проходящей перед ними дважды в год на военных парадах. Он много путешествовал. Например, в июне 1937 года на своем автомобиле проехал от Москвы до Тбилиси, хотя и без особой пользы.

Сложное для немцев время наступило в 1938 году, когда германские консулаты в СССР были закрыты, НКВД позаботился о прекращении контактов населения с иностранцами, военных атташе перестали приглашать на маневры и учения. Присутствие на заседаниях Верховного Совета ничего не давало, в бюджете статьи расходов подавались лишь в процентах. Кестринг определил для себя три источника информации: поездки по Москве и Подмосковию; тщательное изучение печати; интенсивный контакт с коллегами из других посольств. Ограниченность

источников отражалась на докладах Кестринга. Посмотрим, что писал он о Красной Армии 22 августа 1938 года: «Вследствие уничтожения огромного числа высших офицеров, которые в значительной мере повысили свое мастерство на протяжении десятилетия практики и теоретических изысканий, операционные возможности Красной Армии уменьшились. Отсутствие старшего поколения опытных командиров отрицательно сказалось на подготовке войск. Уже существующее отсутствие ответственности и в дальнейшем будет оказывать свое отрицательное влияние.

Наблюдается нехватка лучших командиров. Но ничто не позволяет обнаружить и доказать, что атакующая сила массы войск пала до такой степени, что не представляет собой очень заметного фактора в военном конфликте. Организация, дальнейшее развертывание военной экономики, как и всей индустрии, подверглись сильному отрицательному воздействию; различимы черты имеющейся в настоящее время стагнации».

Беседуя с британским военным атташе, Кестринг так резюмировал свое мнение: «Советская армия ныне более не имеет международного значения». По мере заметного для германского посольства в Москве поворота вермахта на восток Берлину понадобились более конкретные данные. Замещавший Кестринга подполковник Г. Кребс сообщал в Берлин 22 апреля 1941 года: «Максимальная численность армии военного времени определяется нами в 200 пехотных дивизий. Такую оценку подтвердили мне также финский и японский военные атташе». В своих последних донесениях Кестринг и Кребс сообщали (Гитлер читал их донесения), что боевые возможности Красной Армии значительно не увеличились. В ней не происходит ничего нового.

На западных границах численность Красной Армии достигала 2 миллионов человек. Если в сентябре 1940 года Кребс полагал, что для восстановления своей прежней боевой мощи Красной Армии понадобится четыре года, то в мае 1941 года он утверждал, что на это ей понадобится минимум двадцать лет. Едва ли такие оценки не вызывали у германского руководства чувства, что следует ловить мгновение.

Поступающие сведения об СССР и Красной Армии скапливались и анализировались в нескольких пунктах Берлина. Одним из наиболее важных было Управление вооружения, руководимое генералом Томасом. Оценки этого Управления чрезвычайно важны для понимания общей стратегии Гитлера. Каково соотношение промышленных мощностей европейской и урало-азиатской частей СССР? Томас относил на счет последней 18 процентов общего производства боеприпасов, 31 процент

производства оружия, 24 процента производства танков. Возможно, настораживающим фактором могло бы стать следующее заключение Томаса: «Индустрия Урала и азиатской части СССР может в целом существовать независимо от европейской части страны». Но Томас не делал соответствующих выводов, исходя из его анализа трудно было определить степень жизнеспособности восточной части СССР. (Лишь тремя месяцами позже, 20 октября 1941 года, Томас сделает утрашающий вывод: даже оккупация почти всей европейской России «не приведет к безусловному коллапсу страны. Этого можно ожидать лишь в случае потери ею индустриальных районов Урала». Для изменения стратегии это был запоздалый вывод.)

Германская разведка

Главным разведывательным центром, ответственным за сбор информации о Советском Союзе, стал отдел Верховного командования сухопутных сил (ОКХ), носивший название «Иностранные армии — Восток» (ФХО). Созданный в 1938 году, ФХО отвечал за военную информацию о Польше, скандинавских странах, некоторых балканских странах, СССР, Китае и Японии. Но, начиная с 31 июля 1940 года, когда Гитлер отдал ОКХ приказ готовиться к выступлению на Восток, ФХО сосредоточился на Советском Союзе.

Руководитель отдела «Иностранные армии — Восток» полковник Кинцель дал обобщенную оценку Красной Армии в конце 1939 года: «В численном отношении мощный военный инструмент. — Основной акцент падает на „массу войск“. — Организация, оснащение и средства управления недостаточны. — Принципы руководства неудовлетворительны, само руководство слишком молодо и неопытно... — Качество войск в сложной боевой обстановке сомнительно. Русская „масса“ не достигает уровня армии, оснащенной современным оружием и руководством более высокого класса».

В процессе создания плана «Барбаросса» на участников в большой степени влияли периодически производимые генеральным штабом стратегические оценки СССР («Русланд-бильд»). Согласно им, Советский Союз подобно прежней, царской, России являлся «колоссом на глиняных ногах». Неожиданный быстрый удар должен свалить его с ног. По мнению ведущих германских генералов, Красная Армия в 1940–1941 годах представляла собой неповоротливое скопление воинских частей, неспособное к оперативной инициативе на всех командных уровнях, приспособленное лишь к механической форме планирования и оперативного поведения, а главное, не готовое вести современную войну. На эту оценку особенно повлияли действия Красной Армии в Польше и против Финляндии. Эти две кампании были признаны самым очевидным свидетельством того, что Красная Армия, во-первых, не оправилась от едва ли не полного уничтожения офицерского состава во время «великих чисток», а во-вторых, не овладела новой военной техникой, не присоединилась к процессу освоения современной технологии.

Совершенно очевидно, что превратную роль сыграла быстрая победа вермахта над французской армией, казавшейся многим в 20–30-е годы

самой мощной военной силой в Европе. Вера в военно-техническое превосходство Германии отныне не подвергалась сомнению ни на каком уровне. Германское руководство и в случае войны с СССР ожидало быстрых решающих результатов. Отныне проблема «Барбароссы» рассматривалась как проблема гладко увязанных планов, верной оперативной подготовки.

Указанной выше организации «Иностранные армии — Восток» (ФХО), как было сказано, поручили анализировать возможности Красной Армии после окончания польской кампании. Начиная с осени 1939 года ФХО выделил пять каналов информации: 1) радиоразведка; 2) доклады агентуры Абвера и эмигрантов из Прибалтики; 3) донесения германских военных атташе; 4) сообщения разведок союзников; 5) показания дезертиров из Красной Армии. Немцы обнаружили большое умение в радиоперехвате, в радиоразведке, но этот источник, ограниченный в пространственном отношении и по функциям, не давал оснований для стратегических оценок, не позволял судить о размещении частей Красной Армии, особенно расположенных за Уралом. Немцы абсолютно ничего не знали о системе военного набора.

Работа ФХО завершилась созданием обширного меморандума «Военная мощь Союза Советских Социалистических Республик. Положение на 1.01.1941 г.». Две тысячи копий этого документа были напечатаны к 15 января 1941 года. В нем говорилось о наличии в СССР шестнадцати военных округов и двух военных комиссариатов, руководимых Народным комиссариатом обороны. Радиоразведка и аэрофотосъемка дали ФХО возможность идентифицировать одиннадцать советских армий в европейской части СССР. Согласно меморандуму, СССР мог мобилизовать от одиннадцати до двенадцати миллионов человек. Но авторы меморандума сомневались в возможности мобилизовать такую массу войск, поскольку в стране не хватало офицеров, обмундирования и снаряжения, а заводы нуждались в рабочей силе.

Меморандум так определил объемы людских масс, составляющих Красную Армию: 20 армий, 20 пехотных корпусов (150 пехотных дивизий), 9 кавалерийских корпусов (32–36 кавалерийских дивизий), 6 механизированных корпусов, 36 моторизованно-механизированных бригад. Численность пехотных дивизий на конец 1940 года определялась цифрой 121. Из меморандума, по существу, вытекало, что ФХО не знает точное число дивизий Красной Армии и их расположение. ФХО допустил крупную ошибку, решив, что все советские танки являются устаревшими моделями. Германские эксперты не знали о существовании танков «Т-34»,

хотя они проявили себя самым заметным образом при Халхин-Голе.

Что касается соотношения сил Германии и России, то Гитлер лично говорил, что бронетанковые войска СССР «численно самые крупные в мире». Численность советских танков определялась в десять тысяч единиц. У Германии было три с половиной тысячи танков. И это не вызывало у Гитлера никаких опасений. Большинство советских танков немцы считали безнадежно устаревшими. Любопытство вызывал лишь самый тяжелый танк в мире — «КВ-1» (43,5 тонны), впервые появившийся (по немецким сведениям) на вооружении в 1940 году.

Германская разведка ошиблась в два с половиной раза. В Красной Армии было 24 тысячи танков. И среди них танк, создателям которого мы все обязаны. Это гениальная модель «Т-34». Крупным просчетом германской разведки было то, что она не обратила внимание на этот танк, хотя сотни «тридцатьчетверок» участвовали в боях с японцами в конце 30-х годов. Лобовая броня «Т-34» отражала в 1941 году огонь германских пушек почти любого калибра.

Оценка германским люфтваффе советских ВВС лежит в русле той же тенденции. Первого февраля 1941 года Берлин насчитал 10 500 советских самолетов, 7500 из них размещались в европейской части СССР. Штаб ОКХ полагал, что считает лучше: 5655 самолетов в европейской части Союза. Из них лишь 60 процентов готовы к боевым действиям, и только 100–200 самолетов имеют современную конструкцию. На самом же деле к моменту нападения Германии у Красной Армии было 18 тысяч самолетов всех типов, и Гальдеру позже с горечью пришлось записать в дневник: «Люфтваффе значительно недооценило численность самолетов противника».

Ключевым был вопрос о соотношении сухопутных войск. В январе 1941 года ФХО определил численность Красной Армии мирного времени в 2 миллиона солдат, военного — в 4 миллиона. Фактически же на 1 января 1941 года в рядах Красной Армии находилось 4 миллиона солдат, а к июню — 5 миллионов.

В августе 1940 года генерал Маркс насчитал в Красной Армии 171 дивизию (117 пехотных, 24 кавалерийские, 30 механизированных бригад); 29 марта 1941 года генерал Гальдер заметил, что русские «имеют на 15 дивизий больше, чем мы прежде полагали». Уже в последние дни немцы установили, что в европейской части СССР находится 226 дивизий, — это довольно резкий рост, вызвавший у немцев неприятные ощущения. Но они, эти новые реалии, уже не влияли на фатальный марш нацистской Германии. Страшную правду немцы открыли для себя на втором месяце

того, что им виделось блицкригом.

В меморандуме ФХО делалось два важных заключения, непосредственно касавшихся планирования «Барбароссы».

Первое. Основная масса советских войск будет расположена к югу и северу от Припятских болот для того, чтобы закрыть места прорыва германских войск и для контратак на фланги германских армий. Тут же высказывалось сомнение в способности Красной Армии осуществить такие операции, учитывая общий уровень военного руководства и подготовки войск, общий уровень организованности, а также состояние советских железных и шоссейных дорог.

Второе. Сила Красной Армии кроется в ее численности, а также стоицизме, твердости и мужестве отдельно взятого солдата. Эти качества особенно должны проявиться в обороне. Если в финской кампании советский солдат воевал без энтузиазма, то в случае германского вторжения он будет более стоек. В целом германские аналитики не видели особой разницы между русским солдатом Первой и Второй мировых войн. «Советский Союз сегодня сохраняет лишь внешнюю форму, а не подлинную сущность марксистского учения... Государство управляется бюрократическими методами лиц, слепо преданных Сталину, экономика управляется инженерами и менеджерами, которые обязаны новому режиму всем и по-настоящему преданы ему». Подчеркивалось, что «русский характер — тяжелый, механический, отстраняющийся от решений и ответственности — не изменился».

Обобщающая оценка Красной Армии такова: «Неповоротливость, схематизм, стремление избежать принятия решений и ответственности... Слабость Красной Армии заключается в неуклюжести офицеров всех рангов, их привязанности к формулам, недостаточной тренировке, как того требуют современные стандарты, стремлении избежать ответственности и очевидной неэффективности организации во всех аспектах». Отмечалось отсутствие компетентного, высокопрофессионального военного руководства, способного заменить генералов, погибших в чистках, отсталость системы подготовки войск, недостаточные военные запасы для их оснащения.

Последняя оценка Красной Армии, осуществленная организацией «Иностранные армии — Восток», датируется 20 мая 1941 года. Численность в европейской части: 130 пехотных дивизий, 21 кавалерийская, 5 бронетанковых, 36 моторизованно-механизированных бригад. Прибытие подкреплений из Азии маловероятно по политическим причинам. По существу, ФХО призывал пренебречь дивизиями,

расположенными на Дальнем Востоке.

Очень важно следующее: ФХО полагал, что в случае нападения с Запада отход основной массы советских войск в глубину России — по примеру 1812 года — невозможен. Предсказывалось, что оборонительные бои будут вестись в полосе глубиной примерно тридцать километров с использованием заранее созданных фортификаций. Эти же фортификационные укрепления будут служить отправными базами для контратак. Красная Армия постарается остановить немецкое наступление у границы и перевести боевые действия на территорию противника. Следовательно, судьба войны решится у границы. Крупномасштабных перемещений войск ожидать не следует. Гитлер полностью разделял эту иллюзию, и она дорого обошлась Германии. (Пройдет всего лишь несколько недель, и в ОКХ будут поступать сведения, подобные донесению 41-го танкового корпуса: «Представленные материалы дают лишь крайне поверхностную картину предполагаемого сопротивления противника».)

Одной из причин неэффективности германской разведывательной службы являлось, как уже говорилось, то, что немецким дешифровщикам так никогда и не удалось прочитать шифры командования Красной Армии и советской разведки. В этом плане у нее не было достижений, как у англичан и американцев. Немцы смогли внедрить нескольких агентов в штабы Красной Армии на дивизионном и армейском уровне, а также в тылу, но им так никогда и не удалось проникнуть в советский Генеральный штаб, Министерство обороны или любое учреждение выше армейского уровня. Попытки попасть в верхний эшелон ГРУ, НКВД, а затем СМЕРШа не увенчались успехом. Более того, как выяснилось уже после войны, в соревновании двух разведок немецкая проиграла безусловно: наиболее ценные агенты Абвера передавали информацию, содержащую дезинформацию. Это, прежде всего, касается трех ведущих агентов Абвера, чьи доклады и оценки СССР прямо влияли на военное планирование в Германии. Имеются в виду «Макс», разместившийся в Софии, «Стекс» в Стокгольме и Ивар Лисснер в Харбине. Они работали с ведома Москвы с самого начала и передавали стратегическую дезинформацию. Как пишет американский исследователь Д. Томас, «ФХО было уязвимо в отношении советской дезинформации, особенно на стратегическом уровне, не только из-за отсутствия надежных базовых сведений о советских планах, но и вследствие специфически германского образа мышления. А именно: имело место чувство превосходства, которое вело к недооценке советских военных возможностей; акцент на советских военных недостатках, не позволяющий верно оценить советские оперативные способности;

тенденция к „зеркальному отображению“ в отношении советских намерений; сверхцентрализация процесса оценок в руках небольшой группы аналитиков». (Впрочем, даже наблюдая итог агрессии, не все немецкие авторитеты клеймили ФХО. Например, генерал Йодль во время допросов в 1945 году заявил: «В целом я был удовлетворен работой наших разведывательных служб. Их лучшим результатом была точная идентификация расположения русских войск в начале 1941 года в Западной Белоруссии и на Украине».)

Авантюрное планирование

Как, по оценке немцев, должна была действовать Красная Армия? Согласно данным немецкой разведки, основная масса войск была придвинута к западной границе страны. Немцы пришли к заключению, что эти войска ориентированы на цепкую и упорную защиту территории, подготовленных рубежей, а не на мобильную форму обороны. (Равным образом дислокация Красной Армии полностью убедила ОКХ в том, что превентивное наступление со стороны СССР исключено. Согласно оценке ОКХ от 20 мая 1941 года, опасность превентивной войны со стороны СССР была признана равной нулю.) Верховное командование сухопутных войск Германии пришло к важному выводу: советские войска будут упорно оборонять занимаемые позиции, не помышляя об отходе назад. Следовало использовать этот шанс и уничтожить основные силы Красной Армии в приграничных сражениях.

Указанная стратегия определяла тактику. Недолгое, но интенсивное обсуждение привело к следующему варианту: танковые группировки возьмут на себя задачу быстрого проникновения в тыл основной массы советских войск; действующие с гораздо меньшей скоростью стрелковые дивизии обратятся к уничтожению окруженных группировок противника. Германское командование понимало, что возникает значительный разрыв между рвущимися вперед танковыми частями и марширующей позади пехотой, но общее приподнято-оптимистическое настроение в Берлине было таково, что в этом стали видеть своего рода доблесть. Ни один из теоретиков не усмотрел в подобном разрыве опасность для всего стратегического замысла. Тесное взаимодействие пехоты и танков предусматривалось лишь на самый первый период — дни прорыва советского фронта. С этой целью каждой группировке танковых войск придавался корпус пехоты для штурма советских укреплений, образования зон прорыва. После выполнения поставленной задачи пехотным корпусам следовало возвратиться к основной массе войск, а танковым группировкам ринуться без оглядки вперед.

Гораздо большее, чем взаимное действие пехоты и танков, беспокойство у германских офицеров вызывала проблема снабжения устремившихся на восток войск. Многие часы изучали штабные офицеры густые леса, стоящие перед формируемой группировкой «Центр». Первоначально большинство задействованных специалистов склонялось к

массовому использованию воздушных десантов. Но со временем росло понимание того, что леса простираются слишком далеко от границы на восток и отдельные анклавы, захваченные десантниками, не решают вопроса. Более того, возникала опасность, что десантные части не дождутся помощи и будут окружены. К тому же лучшие воздушно-десантные силы были задействованы на Крите, понесли достаточно тяжелые потери и нуждались в периоде восстановления сил. В конечном счете от идеи массированного использования воздушно-десантных сил ОКХ отказался.

Снабжение ушедших вперед танков должно было, согласно возобладавшей на время идее, осуществляться по захваченным железным дорогам — следовало как можно быстрее «сузить» колею до стандартной немецкой. Но для перевода широкой колеи на узкую требовалось время, а его не было. Ничего не дало и обращение к возможностям воздушного транспорта, транспортных самолетов оказалось недостаточно. И где найти готовые аэродромы для их посадки? Все размышления сводились к тому, что у германской военной машины нет выбора: следует сконцентрироваться на автомобильном транспорте, используя подходящие трофейные средства передвижения.

Мы видим авантюрное в своей сути планирование. У немцев не было достаточного числа автомобилей, и они уверенно полагались на автопарк противника. На короткое время возник вопрос о зимнем обмундировании войск, но и этот вопрос был решен с удивительной легкостью. Кампания будет завершена к осени, и особой нужды в теплой одежде нет. В результате была предусмотрена подготовка зимней одежды лишь для трети германских войск.

Важнейший просчет германских военачальников состоял в том, что они не представляли себе промышленные и военные возможности Центральной России, Урала, Сибири и Средней Азии. Дело обстояло именно так даже с топографической точки зрения, с точки зрения знакомства с ландшафтом. О немцах немало сказано как о прекрасных картографам. Многие мелкомасштабные карты европейской России хотели бы иметь в своих планшетах советские командиры. Но при высокой картографической культуре немцы на удивление мало знали о мощных демографических процессах, имевших место в России в 20–30-е годы. Для германского руководства — от Гитлера и ниже — неожиданностью было встретить огромные индустриальные центры там, где на немецких картах значились провинциальные захолустья. Скажем, небольшой кружок на германских картах оказался мощным индустриальным Херсоном. В

местности, обозначенной как глухая степь, германские войска встретили многочисленные поселки и деревни. Два обстоятельства — недостаточная работа разведки и ставшая второй натурой самоуверенность — подготовили для вермахта неприятные сюрпризы.

Итак, «Барбаросса» стал величайшим поражением Германии уже на стадии того, что немцы так любят — планирования. Силы противостоящей стороны были оценены в два раза ниже реального уровня. Военное командование никоим образом не было готово к боевым действиям зимой. Немцы не ожидали встретить превосходные советские танки. Германская армия имела зимнего обмундирования лишь на одну треть от потребностей. Военная промышленность Германии была не готова к долгосрочному конфликту континентальных масштабов. Наступающие армии были снабжены лишь трехмесячным запасом горючего. Высокомерие, слепая самоуверенность, пренебрежение фактами, как всегда в истории, дали свои плоды. Чувство национального превосходства ослепило Германию, устремившуюся навстречу своей судьбе. Немцы были убеждены, что Красная Армия быстро сложит оружие, что советское правительство рухнет незамедлительно.

При хладнокровном анализе Гитлер и его окружение должны были понять, что страну таких масштабов, такого населения, такой жесткой политической системы, неистребимого патриотизма и мученического стоицизма Германия, при всей ее колоссальной мощи, завоевать не могла. Даже если бы германские танки вошли в Москву и Ленинград, даже если бы они пересекли Волгу у Сталинграда.

Германское руководство не придало должного значения общенациональным усилиям СССР. За два года до начала войны был осуществлен переход с семичасового на восьмичасовой рабочий день. Был запрещен переход с одного предприятия на другое. Полностью прекратилось жилищное строительство, в то время как заводы строились колоссальные. Молодые конструкторы испытывали новое оружие. Страна напряглась до предела.

В конечном счете, немцы вышли на дорогу войны с Россией, слабо подготовившись к встрече с противником. Они даже не задавались вопросом, смогут ли они победить. Когда этот вопрос встал перед ними, было уже поздно.

Союзники

Завершив основное планирование, Гитлер обратился к потенциальным союзникам в восточном походе. На Италию он в этом плане не рассчитывал — та была «занята» борьбой с англичанами за контроль над Средиземноморьем. Наиболее ценными союзниками виделись Япония и Финляндия.

Возникает вопрос: каким же должно было быть самомнение Гитлера, если он фактически пренебрег возможной помощью Японии и усердно подталкивал ее в южном, а не северном направлении? Придет время, и нацисты будут кусать локти. Пока же (1940–1941 годы) оба агрессора еще не скоординировали свои планы. У японцев наблюдалась характерная сдержанность в отношении выработки совместной с немцами стратегии. Напомним, что они лишь в 1940 году подписали трехсторонний пакт. В связи с надвигающейся «Барбароссой» представляет интерес следующий эпизод. В феврале 1941 года Риббентроп пригласил японского посла Осима в свое поместье Фушль. Здесь состоялись долгие беседы на тему будущего германо-японского сотрудничества. Изучив представленные ему Риббентропом записи, Гитлер издал 5 марта 1941 года директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией».

В конце марта 1941 года министр иностранных дел Японии Мацуока прибыл в Берлин, и представилась хорошая возможность для координации действий двух союзников по трехстороннему пакту 1940 года. Германское руководство могло раскрыть карты перед своим азиатским союзником, но предпочло не делать этого. Ведший переговоры германский министр иностранных дел Риббентроп позволил себе лишь слегка намекнуть, что война между Германией и СССР возможна, и пообещал германскую помощь Японии в случае войны последней с Советским Союзом. Гитлер увел вопрос из конкретной плоскости еще дальше, когда во время встречи с Мацуокой 4 апреля 1941 года заявил, что им сделаны приготовления, благодаря которым ни один американский солдат не сможет высадиться в Европе. Гитлер также обещал Японии поддержку в случае ее войны с Америкой. Самоуверенность немцев была столь велика, что от Японии в этот роковой час попросили лишь обязательство в случае начала ее войны с англосаксами атаковать Сингапур.

Как это ни странно, Гитлер желал участия Японии в войне, но не в войне с Россией, а в войне с Британией. По счастью, на фюрера нашло

ослепление. Он твердо заявил, что война в Европе окончена. У него по этому поводу не было никаких сомнений, это лишь вопрос времени. Япония могла бы помочь Германии, если бы нанесла удар по крупнейшей британской военной базе в Азии — Сингапуру. Это помогло бы и реализации японских целей в Азии — возник бы уникальный по своим возможностям шанс. Гитлер говорил Мацуоке: «Человеческое воображение не может представить себе более благоприятных условий для совместных действий участников трехстороннего пакта... Такой момент может не представиться вновь. Это уникальный случай в истории». Руки Британии заняты, у нее нет средств защитить себя в Азии. Америка еще не готова к борьбе, и захват Сингапура ослабит желание США участвовать в войне. Если Америка все же выступит, значит, это предопределено, неотвратимо и ничто уже ее не остановит. В подобном, маловероятном, случае Япония сможет полностью положиться на Германию.

А что же Советский Союз? Гитлер ни словом не намекнул на план «Барбаросса», крайнее, что было им позволено Риббентропу, — указать на приготовления, которые Германия осуществляет на своих восточных границах. Риббентроп заверил Мацуоку, что Германия тотчас же выступит против России, если последняя двинется против Японии. «Фюрер убежден, что в случае начала действий против Советского Союза потребуется всего лишь несколько месяцев, чтобы Великая Держава Россия перестала существовать».

Итак, немцы берут на себя русский вопрос, а японцам предстоит приятная миссия захватить британское наследие в Азии. «Япония лучше всего поможет общему делу, если не позволит обстоятельствам отвратить ее от дороги на Сингапур». Далее Риббентроп посоветовал Мацуоке подготовить к встрече с Гитлером карту Сингапура, чтобы величайший военный гений своего времени мог дать надлежащий совет относительно способа захвата города-крепости. Обусловленная поведением немцев неспособность Мацуоки объяснить токийскому кабинету истинные намерения рейха приведет через три месяца к его падению.

История покажет, что дьявольская гордыня Гитлера будет наказана, и довольно скоро. Он сам отказался сообщить Мацуоке о «Барбароссе» и сам сделал все возможное, чтобы ориентировать Японию в южном направлении.

Своими маневрами немцы настолько смутили своих японских союзников, что у них появились опасения в отношении того, что Германия, буквально толкающая Токио на конфликт с США и Великобританией, может не прийти на помощь Японии в случае ее столкновения с СССР на

Дальнем Востоке. В таком случае японцы останутся один на один с Красной Армией, как это уже было в 1935–1939 годах. Результатом этой фатальной оплошности нацистской дипломатии было обращение Японии к поискам достижения временного взаимопонимания с Москвой. Мацуока 13 апреля 1941 года поспешил подписать договор о ненападении со Сталиным. Отчуждение японцев от германских военных планов стоило немцам дорого. Но они твердо держались своего курса. Японский посол в Берлине Осима в роковые недели апреля-мая 1941 года напрасно обращался к заместителю Риббентропа Вайцзеккеру за разъяснениями в отношении германских планов (которые уже явственно начинали обозначаться и о которых свободно говорили дипломаты в Берлине). Германское руководство хранило высокомерное молчание. Плохую службу Берлину оказали и неверные оценки германских наблюдателей в Токио. Так, военный атташе Германии здесь, руководствуясь фантастической логикой, утверждал в своих донесениях, что Япония в случае начала войны с Америкой оккупирует Владивосток. Отсюда следует вывод, что в германо-японских отношениях воцарилось взаимное непонимание, сказавшееся на результатах 1941 года. Причиной этого непонимания было, прежде всего, стремление Гитлера ориентировать Японию на связывание рук Америке, исходящее из сверхуверенности в победе вермахта в России в ходе краткосрочной кампании.

Что касается второго важнейшего союзника, то мы видим, что к январю 1941 года Гитлер практически списал Италию со своих счетов. Ее поражения на Балканах и в Африке лишь усложнили многочисленные задачи вермахта. Но, как говорил Черчилль, «хуже, чем иметь союзников, лишь одно — их не иметь». Поэтому Гитлер призвал Муссолини к себе в Бергхоф 19 января. Дуче прибыл смиренным. На фоне германских побед унижение итальянцев было особенно наглядным. По свидетельству Чиано, дуче был «хмурым и нервным», когда взбирался по ступенькам на поезд, идущий на север.

Судьба, однако, переменчива, вместо презрения и насмешек Муссолини неожиданно для себя встретил подозрительную благожелательность. К тому времени Гитлер уже, видимо, обозначил для себя пределы полезности своего южного союзника и решил извлечь из него максимум возможного.

Фюрер встретил дуче на заснеженной платформе небольшой станции Пух и на протяжении всего пути в Бергхоф был воплощением любезности. Министр иностранных дел отметил в дневнике, что, по словам Муссолини, Гитлер был настроен ожесточенно антирусски. Весь проведенный в

дискуссиях второй день показал итальянцам, что все мысли фюрера сосредоточены на России: «Я не вижу большой опасности со стороны Америки, даже если она вступит в войну. Гораздо большая опасность исходит от гигантского блока России. Хотя у нас есть очень благоприятные для нас политическое и экономическое соглашения с Россией, я предпочитаю в данном случае полагаться на силовые методы».

Риббентроп просто предложил итальянцам не расширять связей с Россией. Гитлер, много говоривший о стратегии, не сказал дуче о «Барбароссе», но его оценка отношений с СССР давала основания для подозрений в отношении существования подобного плана. «Пока жив Сталин, возможно, опасности нет; он разумен и осмотрителен. Но если он исчезнет, евреи, которые в настоящее время занимают только второстепенные и третьестепенные позиции, могут снова выйти на первый план. Русские постоянно пытаются выдвинуть новые требования, которые они стараются обосновать имеющимися соглашениями... Поэтому необходимо постоянно иметь в виду русский фактор и обезопасить себя силовыми средствами и умной дипломатией».

Следующим по значимости союзником Германии была Финляндия. Гитлер был информирован о высоких боевых качествах финской армии, оценки такого рода поступали от германских военных атташе. Мы помним, что в декабре 1940 года Гитлер «сместил акцент» будущей операции против Советского Союза к северу. Незначительная по численности населения, Финляндия занимала ключевое стратегическое положение, от которого зависел успех «устремленной к северу» стратегии Гитлера в начале 1941 года. Удар в тыл Ленинграда должен был гарантировать быстрое овладение европейским Севером СССР и дальнейшее продвижение с севера на Москву.

Гитлер не без оснований рассчитывал на финского союзника. Финская армия показала высокую боеспособность, ее опыт и стратегическая позиция Финляндии очень ценились Берлином. «Зимняя война» 1939–1940 годов привела к потере десятой части территории Финляндии и переселению примерно половины миллиона ее жителей. В случае с Финляндией германское руководство проявило гораздо более гибкий подход, чем в своей японской политике. Уже в октябре 1940 года военный атташе Германии в Финляндии намекнул высокопоставленным финнам, что возникает реальная возможность столкновения двух крупнейших европейских держав. Прозрачные намеки упали на подготовленную почву, финское руководство стало стремиться найти в Германии противовес Советскому Союзу, а в случае столкновения СССР и Германии

воспользоваться шансом реванша.

Именно тогда, в середине декабря, в Германию был приглашен финский генерал Талвела, а спустя несколько недель — начальник финского генерального штаба генерал-лейтенант Хайнрихс. Официальной целью его визита было чтение лекций о «зимней войне» в училище германского генерального штаба в Берлине. Немцы пытались воспользоваться опытом ведения боевых действий против Красной Армии, их интересовали финские оценки боеспособности советских войск. Как и в случае с Японией, Гитлер долго не решался уведомить Финляндию о своих планах. Но в конечном счете раскрыл их до наступления рокового дня: 26 мая 1941 года он послал к финскому президенту Рюти специального посланника Шнурре с приказом изложить ту мысль, что, хотя мирное разрешение советско-германских споров возможно, Германия не может игнорировать опасность нападения СССР на Финляндию.

По приказу Гитлера Шнурре в провокационной манере уведомил финского президента, что нападение СССР на Финляндию будет рассматриваться Берлином как акт агрессии против Германии.

Генерал Хайнрихс во главе группы финских военных специалистов был послан в Зальцбург для переговоров с Кейтелем и Йодлем (25 мая) и в Берлин для переговоров с Гальдером (26 мая). Йодль заявил Хайнрихсу, что война на Западе закончена и что, видимо, предстоит кампания на Востоке, которая тоже не будет долгосрочной. По крайней мере, речь может идти о нескольких месяцах. Йодль обратился к финским генералам с просьбой, в случае начала германо-советской войны, «связать» части Красной Армии, находящиеся на ее границах, и оказать содействие германским войскам в боевых операциях против Ленинграда и Мурманска. Судя по всему, перспектива реванша захватила финских генералов. Германское оружие уже поступало в арсенал финской армии.

Проникновение собственно германских войск в Финляндию шло полным ходом. Подготовительная фаза приходилась на лето 1940 года, когда горный корпус генерала Дитля, расквартированный в Северной Норвегии, получил задание в случае необходимости овладеть контролем над районом Петсамо. Через полгода вооруженным силам Германии в Норвегии, находившимся под командованием генерала Фалькенхорста, было поручено разработать планы реализации совместно с финнами двух задач: перерезать железную дорогу Ленинград — Мурманск и овладеть Кольским полуостровом; осуществить продвижение с северо-запада в район Ладожского и Онежского озер (операция «Серебряная лиса»).

Предполагалось, что германские войска переместятся из северной

Норвегии в юго-восточную Финляндию, но уже достаточно скоро штабные офицеры стали воспринимать эту идею со скепсисом. Главной его причиной было бездорожье. Для того, чтобы быстро перебросить войска с севера (Норвегия) к озерам юго-востока, необходимо было, как минимум, овладеть магистралью Мурманск — Ленинград, а захватить ее, полагали в Берлине, будет не так-то просто. В условиях наличия у СССР Северного флота Мурманск являлся трудно достижимой северной крепостью, и немецким военным специалистам приходилось с этим считаться. У Германии в данном районе не было превосходства в авиации. Поблизости находился британский флот. Все это разрушало умозрительную картину быстрого изгнания Красной Армии с североморских позиций и пролежавшей здесь железнодорожной трассы.

В конечном счете Гитлер включил в план «Барбаросса» нехарактерно осторожный абзац о том, что задачей размещенной в Норвегии германской армии является охрана добычи никеля в Петсамо и попытка перерезать железнодорожную магистраль, ведущую к единственному незамерзающему порту СССР. И в данном случае связь с союзником не была гладкой. Финны предпочитали предоставить Германии свободу действий на севере (против Мурманска), сами же хотели сосредоточиться на южном направлении. Боевая задача, как ее фиксирует конечный этап планирования, была таковой: со стороны Финляндии против СССР будут нанесены три удара. Первый осуществит размещенная в Норвегии группировка генерала Дитля, она двинется в направлении Мурманска. Тремястами километрами южнее корпус генерала Фойге (две немецкие и одна финская дивизия) постарается, продвигаясь южнее Рованиеми, перерезать магистраль Ленинград — Мурманск у Кандалакши. Еще почти двумястами километрами южнее финские войска двинутся на Лоухи и Кемь. Общее командование возьмет на себя генерал фон Фалькенхорст, командующий германскими войсками в Норвегии. Его штаб-квартира будет размещена в Финляндии.

Лишь в начале июня 1941 года немцы отбросили всякую маскировку и предложили финнам планировать не гипотетические, а конкретные операции. Было окончательно решено, что финские вооруженные силы отвечают за операции на юго-западной границе Финляндии, что они начнут операции после предупреждения, которое последует за пять дней до начала немецкого наступления.

Финны пообещали выставить в день выступления шесть дивизий, а в дальнейшем добавить еще семь. Условием финской стороны было то, что войсками на юго-востоке будет командовать финский генерал Маннергейм.

Это условие, принятое немцами, осложняло координацию действий двух стран. Многие из обстоятельств этого сотрудничества уже тогда обеспокоили германское главнокомандование. Финская сторона не планировала операций восточнее реки Свирь. И она обусловила свое участие в войне также тем, что ее армия начнет боевые действия спустя семь дней после германского нападения — как якобы вынужденная событиями вступить в войну. Это желание Финляндии скрыть преднамеренность своего выступления было несколько наивным, так как к 22 июня 1941 года она уже мобилизовала 16 процентов своего населения.

Идеология

Непосредственное участие в военном планировании привело к тому, что Гитлер в 1940–1941 годах сравнительно мало выступал перед широкой аудиторией. Это удивительно, если учитывать, как много значили его речи для поддержания режима. В 1940 году он выступал публично всего семь раз. Самую большую речь «в сезоне» 1940–1941 годов он произнес перед рабочими военных заводов «Рейнметалл-Борзиг». Видна логика в выборе аудитории: здесь когда-то большим влиянием пользовались коммунисты. Полагаем, следует подробнее остановиться на сути и форме той пропаганды, которая действительно служила подготовке немецкого народа к войне. Немцы начали ее, будучи сплоченными и полными уверенности в своей правоте. То был триумф демагогии.

Идейная схема Гитлера в этой речи была достаточно проста: богатые нации, ведомые капиталистами Британии и Америки, эксплуатируют и свое население, и весь остальной мир. Они ценят доходы больше, чем рабочую силу. Им противостоит только одна сила — национал-социалистическая Германия, которая покончила с безработицей, в которой высшей ценностью является труд, а не капитал. «Ныне для нас единственная проблема — где найти рабочую силу». В Германии экономическая система подчинена нуждам народа. Дивиденды предпринимателей ограничены. И в германском обществе, и в германской армии с социальными предрассудками покончено. Предстоит праведная война. «В этой войне золото борется против труда, капитализм против народов, реакция против прогресса человечества, в ней труд, народы и прогресс добьются победы. Даже помощь еврейской расы не сможет изменить этого». В доказательство своих рассуждений Гитлер обратился к своей судьбе. «Кем я был до великой войны (1914–1918 гг. — А. У.)? Неизвестная безымянная личность. Кем я был во время войны? Ничем не приметным, обыкновенным солдатом. Ниоим образом не был я ответствен за великую войну. Кто же правит сегодня Британией? Все та же старая банда, которая выступила поджигателем великой войны, тот самый Черчилль, который был самым злобным агитатором во время великой войны... Когда мы выиграем эту войну, ее победителями не будут несколько промышленников или миллионеров, капиталистов или аристократов, какие-нибудь буржуа или кто-нибудь другой. Рабочие, вы должны смотреть на меня как на своего гаранта. Я был рожден сыном народа; я посвятил свою жизнь борьбе за

германский народ... Когда эта война будет завершена, Германия приступит к настоящей работе. Тогда германская нация перестанет производить пушки и начнет работать для миллионов. Тогда мы впервые покажем миру, кто является подлинным хозяином — капитализм или труд. Этим трудом мы создадим великий германский рейх, о котором мечтали великие поэты». Рабочие устроили овацию человеку, для которого народ стал всего лишь средством достижения своих целей, который готов был вовлечь — и вовлек — Германию в смертельную авантюру, расплачиваться за которую пришлось всем немцам.

Главной внешнеполитической мишенью зимы 1940/41 годов была для Гитлера Британия. Он изобличал ее лицемерную политику «баланса сил», направленную на то, чтобы держать Европу разделенной, натравливая одно европейское государство на другое. Конец этой коварной британской дипломатической игре положило объединение Германии в 1870 году. После поражения 1918 года национал-социализм вызвал к жизни еще более мощную Германию. «Неужели Англия думает, что я смотрю на нее, испытывая комплекс неполноценности? Они обманули нас в 1918 году, но мы никогда не были побеждены британскими солдатами... Тогда им противостояла имперская Германия; ныне против них выступает национал-социалистическая Германия». Гитлер сообщил, что он всегда хотел любовного урегулирования отношений с Британией: «Мы ничего не требовали от них и мы ни на чем не настаивали. Я неустанно предлагал им свою руку, но напрасно... Даже после того как началась война, были возможности для урегулирования. Сразу же после польской кампании я снова предложил им свою руку. Я ничего не требовал от Франции и Бельгии. Но напрасно. Тотчас после крушения Запада я снова протянул руку Британии. Они буквально плюнули на меня... Мы ввергнуты в войну против своей воли. Никто не предлагал свою руку чаще, чем я. Но если они желают уничтожить германскую нацию, они получают то, что окажется самым большим сюрпризом их жизни». Так Гитлер индоктринировал свой народ, таким было простое и популярное среди немцев объяснение смысла ведущейся войны. С горечью следует признать, что большинство немцев не пришло к другому объяснению происходящего до мая 1945 года. Германия предпочла умереть, быть разрушенной с этим объяснением.

Гитлер, возможно, интуитивно понимал, что такая идеология годится лишь для экстремальной ситуации и на ограниченные годы. Время породит скептицизм, который убьет слепую веру. Поэтому он спешил: «Я убежден, что 1941 год будет критическим годом для великого Нового Порядка в Европе. Мир должен быть открыт для всех. Привилегии для отдельных

индивидуумов, тирания отдельных наций и их финансовых руководителей будут сметены. И, наконец, этот год поможет заложить основания подлинного понимания между народами, а с ним обеспечить примирение наций». В определенном смысле Гитлер был прав. 1941 год, год начала его величайшей авантюры, положил начало долгому процессу сближения наций — но уже на обломках гитлеризма.

Массирование войск

Германия довольно быстро начала наращивать силы на границах с СССР. Напомним, срок нападения был назначен на май. Уже в середине февраля 1941 года в Румынии находилось около 700 тысяч немецких солдат (на 500-километровой границе). Но авантюра Муссолини превратила Балканы из надежного опорного пункта (горы, союзники) в поле битвы, и греки отогнали итальянцев к Албании. Нетрудно было предвидеть (что вскоре и оправдалось), что англичане постараются получить на Балканах плацдарм для наступления на германский блок с юга. Такой поворот событий был опасен. Из района Салоник британская авиация могла бомбить нефтяные месторождения вокруг Плоешти и остановить механизированные соединения вермахта. Греческий вопрос перестал быть вопросом помощи незадачливому итальянскому союзнику, обретая самоценность. Начинать «Барбароссу», не обезопасив свой фланг, было опасно. Помимо прочего, на Балканах располагалась нейтральная Югославия, которая при определенных обстоятельствах как буржуазная демократия могла пойти за Англией, а как преимущественно славянское государство — за Россией.

Операция «Марита» уже лежала в планшетах командующих армиями. Болгария, рассчитывавшая на греческую территорию, дающую выход к Эгейскому морю, готова была стать плацдармом для удара по Греции. В обстановке особой секретности (сведения о происходящем более всего раздражили бы Москву) 8 февраля 1941 года болгарский генеральный штаб подписал соглашение с фельдмаршалом Листом. Через двадцать дней, не дожидаясь весеннего таяния снегов, части германской армии со стороны Румынии пересекли Дунай, чтобы занять уже подготовленные позиции в Болгарии. На следующий же день София присоединилась к трехстороннему пакту. Можно представить себе, какой была реакция в Кремле, где еще несколько недель назад германского посла Шуленбурга убеждали в том, что СССР надеется видеть в Болгарии друга и союзника.

Германская дипломатия должна была, прежде чем предоставить инициативу фельдмаршалу Листу, попытаться решить югославскую проблему. Гитлер действовал в лучших традициях нацистского дипломатического насилия, испытанного на себе канцлером Шушнигом и президентом Гахой. Югославский регент принц Павел был срочно и секретно вызван к Гитлеру на виллу в Бергхоф; в ее огромные окна

смотрели величественные альпийские вершины. Последовала уже знакомая череда угроз и соблазнов в виде предложения Салоник (которые болгарская сторона уже видела у себя в кармане). Борьба в высшем эшелоне югославской правительственной верхушки длилась три недели. Жива была еще память о Первой мировой войне, трагической для Югославии, сильны были те политические течения, для которых союз с Германией был невозможен принципиально. Но росли и прогерманские силы. Спорить с хозяином Европы было сложно. Премьер-министр Цветкович и министр иностранных дел Цинкар-Маркович 25 марта сделали выбор. Они ночью покинули волнующийся Белград и прибыли в Вену, где их ждали Гитлер и Риббентроп. К вящему удовольствию Гитлера, югославы подписались под «трехсторонним пактом». Теперь, как сказал Гитлер Чиано, ему будет легче совладать с Грецией. Чтобы облегчить югославским министрам процесс подписания, Риббентроп предоставил им два письма, в которых говорилось о «решимости Германии уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии во все времена». Рейхсминистр твердо обещал, что Германия не будет требовать прав прохода своих войск через Югославию «в течение этой войны».

Союз с Гитлером возмутил Югославию. В ночь на 27 марта 1941 года под руководством армейских офицеров произошел переворот. Молодой наследник трона Петр, бежавший от дворцовой охраны, был объявлен королем, а правительство возглавил генерал Душан Симович. Понимая опасность переворота и видя непоколебимую решимость немцев, Симович попытался спасти положение, предложив Германии подписать пакт о ненападении. Впрочем, на чьей стороне были симпатии югославов, не следовало объяснять, по крайней мере, германскому послу в Белграде, чей лимузин был оплеван толпой.

Ярость, охватившая Гитлера, имела самые печальные последствия для Югославии. Но она, возможно, способствовала и его гибели, так как, полный решимости «наказать сербов», Гитлер предпринимал крупную фланговую операцию, отвлекавшую его от Москвы и Ленинграда.

В этот же день, не терпя промедления, Гитлер созвал своих генералов и дипломатов. Фюрер был откровенно обеспокоен тем, что белградские события ставят под вопрос осуществление «Барбароссы» в текущем году. Хватит дипломатии, прочь увертки. Последовал приказ: «Не ожидая возможной декларации о лояльности нового правительства, сокрушить военными средствами Югославию как нацию. Никаких дипломатических запросов не делать, ультиматумов не представлять... Сокрушить страну с безжалостной свирепостью». Отдельная задача Герингу: уничтожить

Белград волновым бомбардированием, базируясь на венгерских аэродромах. Для разработки планов вторжения (директива № 25) Кейтелю и Йодлю давался один вечер. Риббентропу приказано оповестить Италию, Венгрию и Румынию, что они получат часть югославской территории, если выступят вместе с Германией. Разделу подлежала вся Югославия за исключением небольшого хорватского государства, предназначенного быть вассалом Германии.

Во время обсуждения деталей вторжения в Югославию Гитлер довольно неожиданно принял решение исключительной важности. «Начало операции „Барбаросса“ будет отложено на четыре недели». Читатель помнит, что первоначальной датой было 15 мая 1941 года. Теперь вторжение в Россию откладывалось на середину июня. Пройдет время, и военные помощники Гитлера, такие как фельдмаршал фон Браухич и генерал Гальдер, будут с горечью вспоминать этот мартовский день и роковое решение фюрера. Пока же они неукоснительно следовали его указаниям, и никто не пытался ни слова вымолвить против. Скорее всего, никто из присутствовавших в тот вечер в рейхсканцелярии не осознавал значимости новой поправки Гитлера к «Барбароссе». Об этих четырех неделях они будут сожалеть в октябре.

Пока же Югославия овладела всеми умами. Рожденный в этот день документ — типичный продукт штабного планирования вермахта того времени, времени веры в свое всемогущество: «Югославия, вопреки всем уверениям в лояльности, должна в настоящее время рассматриваться как противник. Ее следует сокрушить настолько быстро, насколько это возможно. Моим намерением является вторгнуться вооруженными силами в Югославию и уничтожить югославскую армию».

Генерал Йодль работал всю ночь под сводами построенной Шпеером рейхсканцелярии. «В четыре часа утра 28 марта я вручил памятную записку генералу фон Ринтелену, офицеру, осуществлявшему связь с верховным командованием Италии. Цель была наладить оперативную связь с итальянским командованием». Со своей стороны, Гитлер в ночь на 27 марта послал депешу Муссолини. Письмо было передано той же ночью. В нем Гитлер просил отставить операции в Албании и сосредоточиться на перекрытии основных горных проходов между Албанией и Югославией, бросить войска на югославскую границу и сделать это в обстановке абсолютной секретности и с максимальной скоростью.

На рассвете 6 апреля, после выполнения люфтваффе своей обычной миссии устрашения и разрушения коммуникаций, германские войска пересекли границу с Югославией со стороны самой Германии, а также

Венгрии и Болгарии. Три дня немцы бомбили Белград, доведя цифру погибших в абсолютно незащищенном городе до 17 тысяч. Тринадцатого апреля немецкие и венгерские войска вошли в разрушенную столицу, еще через четыре дня остатки югославской армии (28 дивизий) сдались в Сараеве. Король и премьер-министр бежали в Грецию, авиация перебазировалась в СССР.

В это же время трагедию переживала и Греция. Пятнадцать дивизий фельдмаршала Листа вторглись в Элладу с севера. Предоставленные англичанами четыре дивизии из Ливии не сумели отразить страшный удар. Греческие войска сдались немцам и итальянцам 23 апреля. Немецкие танки вошли в Афины, на Крите был выброшен парашютный десант. Не дожидаясь окончания боев, Гитлер уже 12 апреля поделил Югославию между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией. К Германии отошли территории, принадлежавшие прежней Австро-Венгерской империи. Немецкие войска оккупировали всю Сербию, а также месторождения меди и угля. Хорватия стала страной-сателлитом.

Гитлер, словно беря опеку над незадачливым итальянским партнером, послал в Ливию легкую моторизованную дивизию, заставив итальянцев принять в качестве верховного командующего ее командира генерала Роммеля. Собрав две итальянские дивизии и пользуясь ослаблением англичан (высадившихся в Греции и сейчас возвращавшихся оттуда), Роммель в конце марта начал наступление: в течение двенадцати дней восстановил контроль «оси» над Киренаикой. Он почти дошел до египетской границы, заново поставив господство англичан в регионе под угрозу из-за присутствия немцев и в Греции, и на Крите.

Ликующий Гитлер в своей речи в рейхстаге 4 мая саркастически отозвался о Черчилле: «Он наиболее кровожадный стратег-любитель в истории... Он сумел потерять одним махом два театра военных действий. В любой другой стране его судил бы военный трибунал... Его неестественное состояние ума может быть объявлено либо симптомами паралича, либо алкоголизма». Гитлер ждал развала Британской империи. Его воодушевляли сообщения с Ближнего Востока. Премьер-министр Ирака Рашид Али выступил против британской базы Хаббания (в пригороде Багдада) и попросил германской помощи. Здесь открывались новые перспективы. Адмирал Редер, который никогда не был восторженным сторонником «Барбароссы», попытался склонить Гитлера к повороту на Средиземноморье и Восток, он стремился оживить средиземноморскую альтернативу «Барбароссе». Успешное продвижение Роммеля в Египте, говорит он фюреру в эти дни, «нанесет Британской империи более

чувствительный удар, чем захват Лондона». Гитлер не избежал искушения поддержать восставших против англичан в Ираке и приказал послать туда военную миссию, а также несколько самолетов.

Директива от 25 мая 1941 года гласила: «Арабское освободительное движение является нашим естественным союзником на Ближнем Востоке в борьбе против Англии... Поэтому я решил способствовать происходящим на Ближнем Востоке процессам посредством помощи Ираку. Можно ли будет — и какими средствами — начать впоследствии наступление в направлении Суэцкого канала и окончательно выбить англичан с их позиций между Средиземным морем и Персидским заливом — предстоит решить лишь после завершения операции „Барбаросса“.

Гитлер успокаивал своего любимца Редера: Германия еще вернется к Средиземноморью, выступив из Ливии в направлении Египта, из Болгарии в направлении Малой Азии, вторгнувшись в Персию из Закавказья. Но все это после завершения главного плана „Барбаросса“.

Весной 1941 года, — пишет английский историк А. Кларк, — победоносный и понесший минимальные потери вермахт, прошедший выучку и превосходно оснащенный — прекрасно сбалансированная и скоординированная военная машина стояла в зените военного совершенства. Куда она направится? Казалось, сама гравитация увлекала ее против единственного оставшегося на евразийском массиве оппонента; притягивала как Наполеона, который тоже в разочаровании стоял на берегу Ла-Манша, а затем двинулся на восток, в темные, непокоренные степи России».

Глава седьмая

Перед нападением

Сравнительно небольшими силами немцы в кратчайшие сроки овладели Балканами и изменили ход событий в Северной Африке. В ходе шестидневной кампании потерпела крах Югославия. Месяц длилось сопротивление Греции. Без особых усилий Гитлер сумел поставить Британскую империю на грань самого острого в ее истории кризиса. Даже несгибаемый Черчилль писал 4 мая 1941 года Рузвельту, что поражение на Ближнем Востоке делает продолжение войны «крайне сложным, долгим и несущим мало надежд предприятием».

Немецкие победы на Балканах произвели на Сталина глубокое впечатление. После входа германских войск на территорию Болгарии Молотов выступил с нотой протеста, указывая на вторжение Германии в советскую зону безопасности. Немцы промолчали. Новый — антинемецкий — кабинет в Югославии обратился за помощью к Кремлю и там подписали двусторонний договор. Однако оккупация Югославии не привела к протесту Сталина. На этот раз он стал демонстрировать определенную лояльность Берлину за счет безукоризненно четких экономических поставок.

В апреле 1941 года он добился огромного дипломатического успеха — договора с Японией о ненападении. Вначале переговоры шли сложно, но 12 апреля Сталин пригласил Мацуоку — министра иностранных дел к себе. «Вы душили меня, — сказал Сталин, — выразительно обхватив свое горло». На вопрос японца о соответствии их договора с Трехсторонним соглашением Берлина-Рима-Токио Сталин сказал, что он «убежденный сторонник оси».

События весны 1941 года породили в германском руководстве своего рода эйфорию, ощущение всемогущества. В Берлине решительно потеряли осмотрительность. Никто не говорил о потраченных на балканскую кампанию неделях, об отнятом от первоначального проекта «Барбароссы» месяце хорошей погоды. Напротив. Успех балканского блицпохода привел к тому, что в планах «Барбароссы» были сделаны изменения в сторону сокращения сроков предполагаемых военных действий.

В германском посольстве в Москве царил настрой гибельности выступления против Советского Союза. Результатом коллективной работы

был меморандум, в котором излагались причины того, что СССР не мог и не хотел напасть на Германию. Шуленбург отвез его в Берлин Гитлеру. На аудиенции меморандум, заранее переданный, лежал на столе у Гитлера. Но речи фюрера не соответствовали изложенным в нем идеям. Когда через полчаса пустой траты времени Шуленбург взялся за ручку двери, Гитлер посчитал нужным сказать ему: «О, и еще об одном. Я не намерен начинать войну против России». Отныне, зная своего фюрера, граф Шуленбург был уверен в том, что Гитлер замыслил войну. О чем и сказал посольским соратникам.

Начинался июнь, моторизованным дивизиям немцев предстояло возвращаться на исходные рубежи в Польше и Румынии, но Гитлер и верхушка вермахта не испытывали сомнений. В течение шести месяцев германское командование сосредоточило на границах СССР армию в 3,2 млн. солдат.

Впрочем, опьянение быстрыми победами лишало германскую армию не только природной рассудительности. За день до выступления против России приказ Гитлера отдал приоритет производству самолетов, танков и подводных лодок перед производством оружия и боеприпасов для полевой армии. Более того, двумя месяцами позже — 16 августа 1941 г. — «ввиду приближающейся победы над Россией» Гитлером было приказано сократить вооруженные силы, не увеличивать впредь производственные мощности, поставки сырья и рабочей силы для военной промышленности. Не было предпринято никаких мер предосторожности на случай неожиданного поворота фортуны. А ведь речь шла о столкновении двух величайших сил в истории.

А в Москве были очень далеки от эйфории. В конце декабря 1940 года Главный военный совет пытался осмыслить уроки германского блицкрига в Европе. Доклад комиссии, предоставленный в ЦК, говорит о всеобщем разброде: «Нет единого мнения по поводу использования авиации и парашютных войск... Танковые и механизированные части отстают в своем развитии от современных требований. Степень механизации войск низка, а качество танков, состоящих на вооружении Красной Армии, — неудовлетворительно».

В ходе штабной игры Жуков, командовавший «западными» войсками, уничтожил войска «красных» и глубоко вонзился в территорию России. Игра Жукова предполагала, что немцы ворвутся в Россию тремя из своих четырех танковых армий. И главным будет направление на Смоленск и Москву. 13 января 1941 года Сталин спросил, кто же победил в ходе штабной игры? Сталин спросил Жукова, почему немцы пойдут таким

путем и услышал в ответ, что их тактика диктуется соображениями наличия дорог и их общей стратегией. Вождь отчитал поклонника кавалерии маршала Кулика: «Он против механизации, против моторов, которые правительство дает армии. Это то же самое, как если бы он был против трактора или комбайна, защищая деревянную соху». Вскоре Жуков был назначен начальником Генерального штаба. За первые шесть месяцев 1941 года было выпущено более тысячи танков Т-34. Увы, немногие имели более чем часовую практику вождения этих танков, а сами они были рассредоточены по мелким подразделениям.

А план обороны, окончательно принятый Сталиным в апреле-мае 1941 года соответствовал убеждениям Сталина, что главным направлением удара Гитлера станет юго-западное, обещавшее немцам Украину. И накануне великих событий Юго-Западный округ получил дополнительные 25 дивизий.

Война на уничтожение

Нацизм гипертрофировал худшие черты германской армии, делая жестокость не только неизбежным спутником войны, но и сознательно планируемым фактором.

Готовясь к походу на Восток, нацизм и вермахт выработали правила новой войны. Гитлер считал сознательную аморальность армии залогом ее бескомпромиссных и успешных действий. Он как бы вовлекал миллионы немцев в действия, которые являлись преступлением даже на этапе обсуждения и планирования. Народы России ждал новый вид войны, основой которой был расчет на тотальный террор.

В начале марта 1941 года Гитлер призвал к себе командующих всеми тремя родами войск и ведущих военачальников для того, чтобы объяснить им новые правила ведения войны. Нацизм делал ее массовым убийством, отменяя все прочее как препятствующие успеху обстоятельства. Фюрер обратился к тем, кому через три месяца было поручено завоевать Россию: «Война против России будет такой, что ее не следует вести с элементами рыцарственности. Это будет битва идеологий и расовых различий, и она должна проводиться с беспрецедентной безжалостной и неослабеваемой жестокостью. Все офицеры должны избавиться от устаревших идеологий... Я абсолютно настаиваю на том, чтобы мои приказы выполнялись беспрекословно. Комиссары являются носителями идеологии, прямо противоположной национал-социализму. Поэтому комиссары должны быть ликвидированы. Германские солдаты, виновные в нарушении международных законов, будут прощены. Россия не участвовала в Гаагской конвенции и поэтому не имеет соответствующих прав».

13 марта 1941 г. вышла директива Кейтеля (ОКВ): «По распоряжению фюрера и ввиду новых задач политического управления в свете противоположности политических систем (России и Германии. — А.У.), рейхсфюрер СС получает особенные полномочия». Это было задание без всякого суда истреблять всех врагов, начиная с евреев, цыган, коммунистов, славян.

13 мая 1941 года, за месяц с небольшим до начала осуществления плана «Барбаросса», фельдмаршал Кейтель от имени Гитлера издал приказ, ограничивающий деятельность военных судов в отношении нарушителей воинской дисциплины. По существу это было подстрекательством солдат (и заведомым их прощением). Текст говорил недвусмысленно: «Наказуемые

нарушения, совершенные гражданскими лицами населения противника, впредь, до особого распоряжения, не подпадают больше под юрисдикцию военных трибуналов. Лица, заподозренные в преступных действиях, будут на месте представлены офицерам. Данный офицер будет принимать решение, должны ли они быть расстреляны. В отношении же нарушений, совершенных против гражданских лиц населения противника солдатами вермахта, уголовное преследование не является обязательным, даже если это деяние является военным преступлением или нарушением»^[8].

Военный трибунал отныне ожидал германских солдат только в том случае, если их действия не вызваны необходимостью «поддержания дисциплины и безопасности вооруженных сил». Эта, содержащаяся в строжайшем секрете, директива указывала, что «только те приговоры судов получают подтверждение, которые будут совпадать с политическими намерениями верховного командования».

Впоследствии немецкие генералы будут говорить о своем неприятии изуверского приказа Гитлера, но в чем выразился их протест во время обсуждения «приказа о комиссарах», требовавшего уничтожать политических руководителей как носителей враждебной идеологии? Согласно устным показаниям Гальдера, несколько генералов обратились к главнокомандующему сухопутными войсками фон Браухичу, и тот пообещал представить протест Гитлеру. В Нюрнберге Браухич показал, что не сделал этого, так как «ничто на свете не смогло бы изменить его (Гитлера. — А. У.) позиции». Браухич ссылаясь на изданное им письменное распоряжение о том, что «дисциплина в армии должна строго соблюдаться согласно установкам и правилам, которые применялись в прошлом». Заметен ли был этот протест в армии? Увы, генералы не только не отвергли тактику тотального террора, но полностью согласились с ней. Уве фон Хассель записал в своем дневнике 16 июня 1941 года: «Браухич и Гальдер уже согласились с тактикой Гитлера в России. Таким образом, армия должна принять на себя основную долю убийств и поджогов, которые до сих пор поручались СС». Надежды антигитлеровских офицеров (которые составят костяк заговора 20 июля 1944 года) на то, что германские генералы возмутятся приказами Гитлера, не оправдались. Вермахт полностью связал свою судьбу с нацистской машиной.

(Кейтель 27 июля 1941 года приказал уничтожить все копии директивы от 13 мая, «хотя исполнение данной директивы не затрагивается фактом уничтожения копий директивы». Сам приказ от 27 июля тоже следовало уничтожить. Вступая в войну на уничтожение, германские генералы прятали концы).

Войскам СС были даны «особые задачи» по подготовке политической администрации в завоеванной России. Эти «задачи» проистекали из «борьбы, которая должна вестись между двумя противоположными политическими системами». Войскам СС была предназначена миссия действовать «независимо» от армии «в пределах собственной ответственности». В директиве говорилось, что до окончания миссии войск Гиммлера оккупированные территории будут закрыты для внешнего мира. Более того, даже высшим чинам рейха («партии и правительству») запрещалось проникать в этот период на оккупированные территории. Гитлер поручил СС «эксплуатацию страны и обеспечение экономического использования ее германской индустрией».

После завоевания Россию следовало «разделить на отдельные государства, каждое с собственным правительством». Немцы обозначили следующие области раздельного управления:

- «а) Великороссия с Москвой в качестве центра;
- б) Белоруссия с главным городом Минском или Смоленском;
- в) Эстония, Латвия, Литва;
- г) Украина и Крым; центр — Киев;
- д) Донская область со столицей Ростовом;
- е) Кавказская область;
- ж) Русская Средняя Азия, или Русский Туркестан».

Планировалось «полное уничтожение государственного управления без последующей организации нового разветвленного государственного аппарата... Глубокая и повсеместная реквизиция предметов экономики... В стране должно оставаться только то, без чего обойтись невозможно»^[9].

В промежуточный период ее территорией должен был управлять прибалтийский немец А. Розенберг — он был назначен 20 апреля 1941 года ответственным за «централизованный контроль при решении вопросов, связанных с восточно-европейским регионом». Цинизм германского стратегического планирования неимитируем. Без всяких обиняков предполагалось, что Украина даст недостающие рейху семь миллионов тонн зерна в год, а Баку станет главной кладовой нефти.

В начале мая Розенберг представил первый проект управления будущей завоеванной гигантской страной. Европейская часть России делилась на так называемые рейхскомиссариаты. Украина становилась «независимым государством в союзе с Германией». Закавказский регион управлялся германским «уполномоченным». Прибалтика и Белоруссия образовывали германский протекторат, предназначенный войти непосредственно в Великий Германский Рейх. Здесь предстояла

крупномасштабная и долговременная работа по улучшению «исторических и расовых обстоятельств» — германизация всего региона. Намечалось «уничтожение нежелательных элементов», особенно интенсивное, указывал Розенберг, в Латвии и Эстонии. Выдворенное отсюда население предполагалось заменить немцами, прежде всего ветеранами текущей войны. «Балтийское море должно стать внутренним германским морем».

Судьба жителей завоевываемой страны определялась с невиданной жестокостью. Согласно докладу Восточного экономического штаба, «населению северных районов России, особенно городскому, придется страдать от жесточайшего голода. Они должны будут либо умереть, либо мигрировать в Сибирь. Усилия по спасению населения оккупированных территорий от голодной смерти посредством поставок продовольствия могут быть осуществлены лишь за счет Европы. Это подорвет способность Германии выдержать напряжение войны и противостоять блокаде. В этом вопросе должна быть полная ясность. Следствием такой политики будет угасание промышленности и вымирание большого числа человеческих существ в и без того малолюдных районах России». Доклад, как говорилось в преамбуле, был «одобрен высшими властями, он полностью согласуется с политической целью оттеснения великороссов за Урал».

Рейхсфюрер СС Гиммлер планировал более определенно. К примеру: «К вопросу об украинцах. По плану главного управления имперской безопасности, на территорию Сибири должны быть переселены западные украинцы. Предусматривается переселение 65 % населения». Знали ли об этом планировании Бендера и его прогерманское окружение? «К вопросу о белорусах. Согласно плану предусматривается выселение 75 % белорусского населения с занимаемой им территории. 25 % белорусов подлежат онемечиванию». Что касается русских, то ведущие германские ученые (доктор Абель и др.) провели подробные антропологические исследования русских. «Абель видит только следующие возможности решения проблемы: или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет признаки нордической расы. Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»^[10].

В середине июня Розенберг определил главное назначение страны, которую предстояло завоевать. В выступлении перед будущими

администраторами восточных территорий рейха он сказал: «Задача обеспечения продовольствием германского народа стоит во главе списка требований Германии на востоке. Южные территории (Советского Союза. — А. У.) будут служить делу обеспечения продовольствием германского народа. Мы не видим абсолютно никакого смысла во взятии на себя обязательств по предоставлению продовольствия, выращиваемого на этих дополнительных территориях, русскому народу. Мы знаем, что такова жесткая необходимость... Будущее несет русским очень тяжелые годы».

Дальше Розенберга в определении будущего русского народа зашел Геринг. В директиве от 23 мая 1941 года он (как руководитель экономического штаба «Ост») заявил, что следует предотвратить перемещение продовольствия из черноземной зоны России в индустриальные районы страны, в которых промышленность должна быть уничтожена. Рабочим русских заводов предлагался выбор: умереть голодной смертью или переселиться в Сибирь. Урожай черноземной зоны пойдут в Германию. «Германская администрация на этих территориях должна контролировать последствия голода, который, несомненно, будет иметь место, чтобы ускорить возвращение населения к примитивному сельскохозяйственному производству. Однако эти меры не предотвратят голода. Любые мероприятия по спасению местного населения от голодной смерти могли бы быть осуществлены лишь за счет запасов, предназначенных Европе. Они уменьшили бы мощь Германии, ведущей войну, подорвали бы способность Германии и Европы выдержать блокаду. Это должно быть ясно и полностью понято».

В богатой скорбными страницами истории России такого еще не было. Противник планировал ее умерщвление, планомерное и хладнокровное. В мае 1941 года на встрече секретарей нескольких министерств рейха бестрепетно предусматривалось следующее: «Нет сомнений в том, что в результате вывоза из страны товаров, необходимых нам, многие миллионы лиц будут доведены голодом до смерти». (В Берлине Геринг после начала войны говорил министру иностранных дел Италии Галеаццо Чиано, упомянувшему о возможности голода в Греции: «Не нужно излишне волноваться о греках. Подобные несчастья еще поджидают многие народы. В своих лагерях русские военнопленные уже начали есть друг друга. В этом году в России погибнут от голода от двадцати до тридцати миллионов человек. Возможно, что это и хорошо, так как некоторые нации должны быть сокращены. Если человечество приговорено к тому, чтобы умереть от голода, последними пусть будут наши народы».)

1 июня 1941 года Берлин издал «12 заповедей» для немецких

административных чиновников в предназначенных для оккупации областях Советского Союза.

Шестая заповедь гласила:

«Поскольку вновь осваиваемые пространства приобретены для Германии и Европы на длительный срок, решающее значение приобретает ваше поведение. Вы должны сознавать, что являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции и новой Европы на многие века. Поэтому вы должны с достоинством осуществлять даже самые жесткие и безоговорочные меры, вытекающие из потребностей государства. Слабость характера, проявленная каким-либо лицом, приведет к его отзыву...

№ 8. Не говорите, а делайте. Русских вы никогда не „переговорите“ и речами их не убедите. Говорить они умеют лучше вас, поскольку они — прирожденные диалектики и унаследовали „склонность к философствованию“. В разговорах и дискуссиях они всегда одерживают верх. А вы должны действовать. Русским импонирует только действие, так как сами они обладают бабьей натурой и сентиментальны. „Велика наша страна и обильна, да нет в ней порядка. Приходите владеть нами“ — таково изречение русских, относящееся еще к началу их государства и приглашению норманнов. Эта установка проходит красной нитью через всю их историю — от монгольского ига, через польское и литовское владычество, автократию царей и господство немцев вплоть до Ленина и Сталина. Русские всегда хотят быть массой, которой правят. Так же подействует на них и вступление немцев. Тогда будет исполнено их желание: „Приходите и правьте нами“... Не будьте мягкотелы и сентиментальны. Если будете плакать вместе с русскими, они будут счастливы, ибо потому смогут вас презирать. Будучи предрасположены ко всему женственному, русские хотят видеть в мужском начале позорное пятно, чтобы презирать его. Поэтому будьте настоящими мужчинами, храните нордическую основу своего поведения.

Только ваша воля должна быть решающей, но эта воля должна быть направлена на выполнение крупных задач. Она моральна в своей жестокости лишь тогда. Сохраняйте дистанцию между собой и русскими, ведь они не немцы, а славяне... Исходя из многовекового опыта, русские видят в немце существо более высокого порядка. Заботьтесь о том, чтобы престиж немцев сохранялся... Остерегайтесь русской интеллигенции — как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция дурачит вас. Сама она ничего не может, но у нее есть особый шарм и искусство

воздействовать на умонастроение немцев...

Россия всегда была страной коррупции, доносительства и византизма с его роскошью. Эта опасность всегда будет особенно воздействовать на вас через эмигрантов, переводчиков и т. д. Русские, находящиеся на сравнительно высоких должностях, в том числе и руководителей предприятий, прорабы и мастера, всегда были склонны к вымогательству от подчиненных, сами дают себя подкупать...

№ 11. Нищета, голод и неприязнительность — удел русского человека вот уже многие века. Его желудок переварит все, а потому — никакого ложного сострадания.

Г. Бакке.

Берлин, 1 июня 1941 г.»

Замыслы Гитлера в отношении управления территорией России менялись по мере того, как падали листы календаря 1941 года. К лету он пришел к выводу, что особую ценность — как место заселения — имеет Украина. Он думал о ней как о территории, окруженной системой крепостей наподобие средневековых замков. Замки располагались бы в стратегических пунктах. Каждый из них должен был руководиться войсками СС, иметь аэродром и мощную радиостанцию. В случае малейшего неповиновения местного населения из этих крепостей выходили бы танки.

Постепенно Гитлер пришел к идее уничтожения Москвы. «Я разрушу этот город до основания и создам на его месте искусственное озеро, которое будет давать воду электростанции. Имя „Москва“ исчезнет навсегда». Таким образом германский национализм, начиная с тезисов о защите культуры, дошел до идеи уничтожения соседних народов.

Для Гитлера сокрушение Ленинграда всегда было символом конца России. В меморандуме штаба военно-морских сил говорится: «Фюрер полон решимости уничтожить Петербург до основания. Нет никакого смысла в существовании этого большого населенного пункта после поражения Советской России. Финляндия тоже объявила, что не заинтересована в сохранении этого большого города, находящегося так близко к ее новым границам... Следует окружить город и затем уничтожить его посредством артиллерийского обстрела и продолжительной бомбардировки с воздуха. Взятие пленных неприемлемо, поскольку мы не можем и не желаем разрешать проблему квартирования и питания населения. Мы не заинтересованы в том, чтобы сохранить какую-либо часть населения в ходе этой борьбы Германии за выживание».

Несколько позже Гитлер поведал окружающим о грандиозной задаче, павшей на его плечи строителя мировой империи: «Территория России будет для нас тем, чем является Индия для англичан. Только бы я смог заставить немецкий народ понять, что эти пространства означают для нашего будущего!.. Мы не должны более позволять немцам эмигрировать в Америку. Более того, мы должны привлечь норвежцев, шведов, датчан и голландцев на наши новые восточные территории. Они станут жителями германского рейха... Германский колонист должен жить на красивой, большой ферме. Германские официальные учреждения будут размещены в прекрасных зданиях, губернаторы будут жить во дворцах... Вокруг города, в радиусе от тридцати до сорока километров, мы создадим пояс привлекательных деревень, связанных между собой прекрасными дорогами. За пределами этих поясов будет находиться другой мир, в котором мы намерены позволить русским жить так, как они хотят. Простая необходимость диктует, чтобы мы управляли ими».

Кредо национал-социализма

Точку зрения НСДАП на национал-социалистскую оккупационную политику в России освещает меморандум заместителя Гитлера по партии Бормана от 16 июля 1941 года. «В принципе дело идет о том, чтобы сподручнее разделить гигантский пирог, чтобы мы:

- во-первых, господствовали;
- во-вторых, управляли;
- в-третьих, могли эксплуатировать...

Ни о какой вооруженной силе западнее Урала больше никогда не может быть и речи, даже если за это нам придется воевать целых сто лет. Все преемники фюрера должны знать: безопасность рейха может быть обеспечена только тогда, когда западнее Урала не будет существовать никакой военной силы; защиту этого района от всех эвентуальных опасностей берут на себя немцы.

Железным принципом должно быть во веки веков: никому, кроме немцев, носить оружие не дозволено... Из вновь приобретенных восточных областей мы должны сделать для себя райский сад... Фюрер подчеркивает, что Волжская колония должна стать частью рейха. Точно так же, как и район Баку, она должна быть превращена в немецкую военную колонию. Финны хотят получить Восточную Карелию, но ввиду имеющегося там большого никелевого месторождения Кольский полуостров должен отойти к Германии.

Со всей осторожностью надо подойти к присоединению Финляндии в качестве федерального государства. Финны предъявляют свои притязания на район Ленинграда. Фюрер хочет сначала сравнять Ленинград с землей, а уже потом передать его финнам.

Фюрер говорит рейхсмаршалу Герингу и фельдмаршалу Кейтелю: он всегда добивался чтобы полицейские полки получили крайне необходимые им для действий в восточных областях танки... Рейхсмаршал намерен перенести свои учебные аэродромы в эти новые области, бомбардировщики Ю-52 в случае бунта смогут забросать бунтовщиков бомбами. Огромное пространство нужно усмирить как можно быстрее; этого лучше всего можно добиться расстрелом каждого, кто посмеет посмотреть на немца косо... Жители должны знать: каждый, кто не работает на немцев, будет расстрелян, и за любой проступок виновный будет наказан... Ни о какой деятельности церковей в России не может быть

и речи.»

Командование 6-й армии детализировало 10 октября 1941 года задачу: «Важнейшей целью похода против еврейско-большевистской системы является разгром ее средств власти и уничтожение азиатского влияния на культурный круг европейских народов... Солдат в Восточном пространстве — не только воин, но и носитель неумолимой германской идеи... Целью является безжалостное уничтожение расово чуждого нам коварства и жестокости, и тем самым обеспечение жизни германского вермахта в России. Только так мы окажемся на высоте поставленной перед нами задачи: раз и навсегда освободить немецкий народ от азиатско-еврейской опасности».

27 июля после ужина Гитлер обратился к карте. Восточные границы своей империи он определил по линии 2300 км к востоку от Уральского хребта. Германия будет вечно охранять эти границы, никакой иной военной державе не будет позволено приблизиться к этому редуту. «Мы будем контролировать эти области на востоке при помощи контингента в 250 тысяч солдат и хороших управляющих. Давайте учиться у англичан, которые при помощи 250 тысяч человек — в том числе 50 тысяч солдат — управляют 400 миллионами жителей Индии. Мы должны навсегда овладеть господством на просторах России... Попытка дать образование этим массам была бы с нашей стороны непростительной ошибкой. Мы превратим южную Украину и Крым в немецкую колонию. Обитающее там население мы вытесним... Рейх обеспечит колонистов полностью оборудованными фермами. Землю мы получим даром. От нас потребуются только построить фермы... Солдаты-колонисты получают оружие, чтобы быть призванными при малейшей опасности».

В октябре, когда началось наступление на Москву, Гитлер снова дал волю своему воображению: «Мы населим эту русскую пустыню... Мы лишим ее черт азиатской степи, мы европеизируем ее. Для этого мы предпримем строительство дорог, которые будут вести в самые южные районы Крыма и Кавказа. Вдоль этих дорог будут стоять немецкие города, а вокруг этих городов будут жить наши колонисты.

Что касается двух или трех миллионов человек, в которых мы будем нуждаться для реализации этого плана, то мы найдем их быстрее, чем мы думаем. Они придут из Германии, Скандинавии, западных стран и Америки. Я... не увижу всего этого, но уже через двадцать лет на Украине будут жить двадцать миллионов жителей, не считая местного населения...

Мы не будем заселять русские города, мы позволим им распасться на части без внешнего вмешательства. И, прежде всего, никакой жалости в

этом вопросе! У нас нет абсолютно никаких обязательств в отношении этого народа. Борьба с лачугами, изгнание блох, обеспечение немецких учителей, доставка газет — от нас будет требоваться немного! Возможно, мы ограничим свои функции установлением радиоретрансляторов под нашим контролем. Что касается остального, пусть знания русских ограничиваются лишь тем, чтобы понимать наши дорожные знаки, чтобы их не давили наши автомобили.

Для них слово „свобода“ означает право умываться по праздникам... Существует лишь одно обязательство: германизировать страну посредством иммиграции немцев и надзором над местными жителями как над краснокожими».

Обладание новыми землями оплодотворит германскую экономику. «Никто никогда не похитит у нас Восток!.. Мы скоро будем снабжать зерном всю Европу, а также углем, сталью, лесом. Чтобы эксплуатировать Украину надлежащим образом — эту новую Индийскую империю — мы нуждаемся только в мире на Западе... Для меня целью является эксплуатация возможностей континентальной гегемонии... Когда мы станем хозяевами Европы, мы займем доминирующие позиции в мире. Сто тридцать миллионов жителей в рейхе, девяносто миллионов на Украине. Добавьте к этому население других государств новой Европы, и у нас будет 400 миллионов человек, превосходящих 130 миллионов американцев».

Этот текст не нуждается в комментариях. И все же мы приведем слова английского историка А. Буллока, которого поражает «вульгарность гитлеровской мысли, хитрость, жестокость, нетерпимость и отсутствие человеческого чувства. Он так же непробиваем, как и невежественен... Борьба за существование — закон природы, твердость — это высшая добродетель, раса — это ключ к истории, власть — это исключительное право расовой элиты, массы способны только выполнять приказы, сила — единственное средство исторического свершения, мировые исторические фигуры действуют как фактор провидения».

Неизбежно возникает вопрос, звучали ли в одной из наиболее цивилизованных европейских стран голоса протеста против хладнокровного геноцида соседнего народа? Если среди военных, пусть и самым двусмысленным, нелепым образом, хотя бы был в некоторой степени оцутим ропот неодобрения по поводу «приказа о комиссарах», то гражданские чиновники (Моцарт по воскресеньям, Гете на ночь) не выразили ни малейшего протеста. В течение многих месяцев сотни (если не тысячи) германских служащих спокойно калькулировали планомерное убийство народа, не причинившего ему зла. Национальное чувство

заменило им совесть — это исторический урок для наших дней.

«Барбаросса» и все последующее планирование немцев никогда не предусматривали ничего, кроме полного исчезновения России с карты мира. Даже не возникал вопрос о новых ее границах, о выплате контрибуции — предполагалось, что ее некому будет платить. Россия должна была перестать существовать. Москва, Ленинград и Киев обрекались на разрушение, и населению между польской границей и Уралом предстояло жить в качестве рабов на фермах, управляемых одетыми в черную форму войсками СС. Предполагалось вычеркнуть из мировой цивилизации русскую культуру. Запрещалось печатать книги на русском языке (исключение представляли книги по сельскому хозяйству). В русских школах (несколько начальных классов) учили бы лишь арифметике. Безусловно, должны были быть запрещены русские высшие учебные заведения. Все представляющие ценность русские музеи намечалось перевезти в Германию, здесь «достойное немцев» поместили бы в немецкие музеи, остальное — уничтожить.

Дипломатия накануне

После визита Молотова в Берлин исчезли шансы на совместное сотрудничество Германии, Италии, Японии и СССР в глобальном переделе. Решающее значение визиту Молотова придавали, в частности, Риббентроп, его правая рука фон Вайцзеккер и видный чиновник германского МИДа Г. Гильдер. Они полагали, что в дальнейшем дипломатия станет попросту прикрытием военных приготовлений.

9 января 1941 года Гитлер сказал Риббентропу: «Сталин, хозяин России, — умный парень. Он не станет открыто выступать против Германии... Сейчас русские вооруженные силы — это обезглавленный колосс на глиняных ногах, но невозможно предсказать его будущее развитие. Коль скоро Россия должна быть разбита, лучше сделать это сейчас, когда русские войска не имеют хорошего руководства, плохо оснащены и когда русские испытывают большие трудности в военной промышленности... Уничтожение русской армии, захват наиболее важных индустриальных районов и уничтожение остальных станет целью этой операции».

Весь февраль и март 1941 г. Гитлер был занят обдумыванием и обсуждением плана «Барбаросса». К этому времени о существовании плана и о его деталях знало уже около тысячи человек. Такое число посвященных делало практически неизбежной утечку информации. Возникало и немало неожиданностей, которые иногда лучше детализированных доказательств говорили о том, что происходит и что готовится.

Целый ряд признаков стал свидетельствовать о германских намерениях. Из лагерей в Восточной Пруссии и Польше заключенных переместили западнее, а освободившиеся лагеря, как сказал своим подчиненным генерал-лейтенант Рейнеке в феврале 1941 г., предназначались для русских военнопленных. К началу мая здесь было освобождено 3 миллиона мест.

Весной 1941 г. в Германии исчезли книги о России, ее карты, учебники и разговорники русского языка. В то же время появились сборники русско-немецких фраз военной тематики. Не заметить этого аппарат советского посольства в Берлине не мог.

Еще одним настораживающим фактом было появление над советской территорией германских военных самолетов. Немцы фотографировали приграничную зону, в этом не было сомнений. ОКХ в лице Браухича и

Гальдера рекомендовало начать аэрофотосъемку уже в сентябре 1940 г. Последовал секретный приказ Гитлера генерал-лейтенанту люфтваффе Т. Ровелю: с большой высоты, стараясь остаться незамеченным, сфотографировать приграничные области СССР. (Ровель, базируясь в Венгрии, уже летал с подобной миссией над Британией). Были использованы лучшие высотные самолеты — «Хейнкель-111», «Дорнье-215-Б2», «Юнкерс-88Б» и «Юнкерс-86Р», которому принадлежал рекорд высоты — примерно 14 тысяч метров. Отряд Ровеля был разбит на четыре эскадрильи и летал до Киева, Минска, Ильмень-озера и побережья Черного моря. Значительных результатов удалось достичь уже в марте 1941 года. За две недели до начала осуществления плана «Барбаросса» отряд Ровеля резко увеличил радиус своих полетов.

Советская сторона некоторое время делала вид, что ничего не происходит. Первый протест по поводу нарушения границы был предоставлен Берлину 28 марта 1941 года. Он был неофициальным: заместитель советского военного атташе с устным протестом обратился к Герингу. Второе заявление советского правительства было передано германскому руководству 30 апреля 1941 года. Советское правительство выступило с протестом по поводу восьмидесяти случаев нарушения границы германскими самолетами. Каждое нарушение характеризовалось отдельно, о нем давалась подробная информация. На особые размышления наводил случай, имевший место 15 апреля близ города Ровно: германский разведывательный самолет, севший на советскую территорию, был оснащен специальной съемочной камерой, в нем было обнаружено большое количество отснятой пленки и топографическая карта западных районов СССР, что «делает очевидной цель экипажа самолета». При этом советская сторона не заостряла возникшую ситуацию. Войскам, охраняющим границу, было дано распоряжение, говорилось в ноте, «не открывать огонь по германским самолетам, летающим над советской территорией, пока эти полеты не станут слишком частыми».

Третий, и последний, протест советской стороны был выражен Молотовым в беседе с Шуленбергом и одновременно доставлен послом Деканозовым в германское министерство иностранных дел 21 июня. Сама дата — немцы уже прекратили даже формальную маскировку — говорит о неэффективности, запоздалости этого более серьезного протеста, в котором упоминается 180 случаев нарушения границы начиная с 19 апреля 1941 года.

Возникает вопрос: что знало советское руководство о готовящемся нападении и как оно относилось к тому, что знало?

Как теперь известно, директива № 21, операция «Барбаросса», была напечатана лишь в девяти экземплярах. И тем не менее первое сообщение о плане «Барбаросса» достигло Москвы уже через неделю. Советский военный атташе в Берлине 25 декабря 1940 года получил анонимное письмо, в котором говорилось о принятом Гитлером решении и довольно детально излагалась вышеупомянутая директива. «Рождественский подарок» стал первым в ряду свидетельств и донесений, общее число которых превысило сто случаев.

Следующий блок информации о «Барбароссе» как об общей перемене стратегической направленности вермахта был получен в середине февраля 1941 года, когда немецкий печатник передал в наше посольство копию только что вышедшего из-под печатного пресса разговорника. Фразы «Руки вверх!», «Я стреляю», «Сдавайтесь!» не нуждались в особых комментариях. Разговорник был тотчас переслан в Москву дипломатической почтой.

Довольно странную, по сей день окончательно не выясненную роль играет в мрачной истории германского фашизма глава военной разведки (Абвера) адмирал В. Канарис. Через Швейцарию он информировал англичан о том, что Гитлер зимой 1940–1941 годов переориентировался в сторону России. Весной он сообщил, что Балканы будут одним из трамплинов для нападения Германии на СССР. Англичане постарались уведомить об этом Москву.

Находясь, по существу, один на один с Германией на континенте, СССР предпринял собственные усилия выяснить намерения грозного потенциального противника. Сделать это было совсем не просто. Сказалось то обстоятельство, что советская разведывательная сеть понесла большие утраты во время «чисток» 30-х годов. Сменилось руководство в центре, произошли перемены за рубежом. Но несколько источников сохранилось, и они давали исключительную по важности информацию.

До сих пор не раскрытые источники передали в декабре 1940 года и в Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ), и в Главное разведывательное управление армии (ГРУ) важнейшие сведения о переориентации Германии с Британии на Советский Союз. В НКГБ, как сейчас признается, в феврале 1941 года была передана информация об отсрочке вторжения на Британские острова «до окончания войны против СССР». Военная разведка в то же время получила важные данные о планировании создания на фронте против СССР трех группировок (назывались, хотя и в неправильном порядке, имена их командиров). Написание Ленинграда как Петрограда говорило в данном случае об иностранном источнике (или кругах эмиграции).

ГРУ получило доступ к материалам германского посольства в Японии. Р. Зорге, являясь доверенным лицом германского посла в Токио, имел всю возможную информацию от прибывающих в столицу Японии высокопоставленных германских специалистов. Первый микрофильм, содержащий переписку посла Отта с Риббентропом, прибыл в Москву в начале марта 1941 года. Вторая констатация готовности немцев к войне пришла в конце апреля, третье и четвертое послания — в мае. Последнее, датированное 15 июня, называло точную дату — 22 июня. Отметим донесение от 20 мая: «Нападение начнется 20 июня; возможна задержка на два или три дня, но приготовления завершены. 170–190 дивизий сосредоточены на восточной границе. Не будет ни ультиматума, ни объявления о начале военных действий. Красная Армия потерпит поражение, и советский режим развалится в течение двух месяцев».

Слухи о грядущем конфликте заполнили Москву. Шуленбург жалуется 2 мая: «Попытки противопоставить этим слухам в Москве поневоле остаются неэффективными, поскольку такие слухи проистекают из Германии и каждый путешественник, прибывающий в Москву или проезжающий через Москву, не только привозит с собой эти слухи, но может даже подтвердить их, приводя факты».

Берлин приказал Шуленбургу продолжать опровергать слухи, а также утверждать, что не только не существует концентрации германских войск на границе, но, напротив, в самое последнее время значительные немецкие силы — восемь дивизий — были передислоцированы с Востока на Запад.

Особым источником информации о плане «Барбаросса» стал американский дипломат С. Вудс; он имел тесные связи с дипломатами и бизнесменами, считавшими политику Гитлера губительной. Встречаясь в темноте кинотеатров со своими немецкими друзьями, Вудс раньше многих узнал о военных совещаниях, на которых Гитлер обсуждал свои восточные планы. Экономисты уже знали, что вторжение в Англию отложено, что подбирается администрация для восточных земель и печатаются рубли. Собранная Вудсом информация 21 февраля 1941 года поступила к государственному секретарю К. Хэллу и произвела такую сенсацию, что ФБР поручили проверить аутентичность документов, а дипломатической службе — лояльность Вудса. Американцы не нашли никого другого, как жившего в США бывшего германского канцлера Брюнинга, и тот убедил своих американских друзей в аутентичности информации Вудса.

Эксперты ФБР вынесли решение: документ подлинный. На запрос об источниках Вудс назвал крупные фигуры в германском генеральном штабе и в различных министерствах. Впоследствии выяснилось, что у Вудса был

немецкий друг, стоявший на антинацистских позициях, который свел его с единомышленниками. Он информировал Вудса уже в августе 1940 года о том, что в Германии начинаются приготовления к походу на Восток. Источник имел возможность получать сведения о тех закрытых военных конференциях, на которых обсуждался план «Отто Фриц Барбаросса». Избегая слежки, Вудс встречал его в различных уголках Берлина. На передаваемых записках трудно различимым почерком фиксировались сведения о самых больших секретах нацистской Германии. Не только Вудс видел впереди грандиозные события. Самый блестящий дипломат американского посольства в Берлине Джордж Кеннан уже в декабре 1940 года понимал смысл происходящего.

Американцы устроили проверку степени осведомленности лиц, указанных Вудсом и убедились в их компетентности. Только тогда Хэлл принес полученные от Вудса материалы президенту Рузвельту. Тут же было решено эту информацию исключительной важности передать в Москву. Отношения с СССР были у американского правительства в это время далекими от сердечности, но Рузвельт и Хэлл посчитали необходимым предупредить советское правительство. Посол Стейнгард воспротивился — Сталин и его окружение воспримут представленные сведения как провокацию, предпринятую по просьбе англичан. Тогда заместитель госсекретаря С. Уэллес встретился 20 марта 1941 года с послом СССР К. Уманским. По описанию Уэллеса, получив данные, «мистер Уманский побелел. После секундного молчания он просто сказал: „Я полностью осознаю важность материала, который вы мне дали. Мое правительство будет благодарно за ваше доверие, и я информирую его тотчас же после нашей беседы“». Посол пообещал передать сказанное в Москву немедленно. Через двадцать дней Уманский запросил Уэллеса, нет ли у него дополнительных деталей, подтверждающее прежнее сообщение. Американцы полагали, что Сталин сделал необходимый вывод. Лучшее доказательство этому они видели в подписании советско-японского договора: СССР решил обезопасить себя на Востоке, чтобы сконцентрироваться на Западе.

Но Москва отнюдь не выразила благодарности. Сталин в это время изгнал посольства стран — жертв Германии из Москвы, и отношения с Америкой становились все более натянутыми, что уменьшало, в частности, возможности экономического сотрудничества США с СССР. Однако Хэлл не поддавался эмоциям. В начале июня он через посла Стейнгарда передал Молотову сведения, полученные от дипломатических представителей США в Швеции и Румынии. Они подтверждали сообщенное ранее Уэллесом.

Со своей стороны англичане продолжили процесс предупреждения Кремля. Посол Криппс посетил Турцию и, возвратившись, уведомил своих советских собеседников, что Германия (февраль 1941 года) готовится к выступлению на Балканах, а затем повернет в сторону СССР. Чтобы придать еще больший вес своей информации, он 28 февраля обращается к представителям английской и американской прессы: «Я убежден, что Гитлер нападет на эту страну в конце июня. Гитлер не осмелится ждать, потому что он знает, что советский прогресс в промышленности и оборонительные мероприятия разворачиваются слишком быстрыми темпами. Вы думаете, что он нанесет удар по Англии, но его целью является Россия и, скажу вам доверительно, генерал Дилл (начальник английского генерального штаба. — А. У.), по-видимому, придерживается той же точки зрения».

Английская разведка приложила значительные усилия, чтобы определить направленность планов Германии. В результате английское руководство получило потрясающую информацию: Гитлер отложил вторжение на Британские острова и начал подготовку к действиям в совсем другом направлении. Черчилль стал приходить к мысли, что Гитлер решился на гигантскую авантюру на Востоке в конце марта 1941 года. Но прошло еще немало времени, прежде чем его догадки переросли в уверенность. Теперь Черчилль мог поверить в то, что судьба оказалась милосердной к англичанам — их противник повернул на Восток. Доказательством тому служили не только данные разведки, но и общая оценка деятельности германской дипломатии.

Черчилль придавал большое значение перемещению германских войск и появлению строительных организаций на железнодорожных путях в районе от Бухареста до Кракова. Он в полной мере оценил тот факт, что танковые дивизии, которые нанесли удар по Югославии, были возвращены в Румынию. Перемещение примерно 60 составов не могло быть проведено без того, чтобы не попасть в поле зрения британской разведки. Черчилль вспоминал, что «эти события осветили восточную сцену как молния. Неожиданное перемещение к Кракову гигантского числа вооруженных сил, необходимых на Балканах, могло означать только лишь намерение вторгнуться в Россию в мае».

Скептических англичан окончательно убедило перемещение штаб-квартиры фельдмаршала Листа из Афин в Люблин, создание штаб-квартиры 11-й германской армии в Бухаресте и основание затем в Румынии штаба целой армейской группировки.

Черчилль 3 апреля 1941 года пошел на необычный шаг. Он написал

письмо Сталину и поручил британскому послу Криппсу вручить его вождю лично. В письме говорилось: «В моем распоряжении находится надежная информация от доверенного агента, свидетельствующая о решении немцев после захвата Югославии, то есть после 20 марта, переместить 3 из 5 танковых дивизий из Румынии в Южную Польшу». Черчилль выражал уверенность, что Сталин оценит значение этих фактов. Посол Криппс еще до встречи со Сталиным написал Вышинскому большое письмо от себя лично, в котором указывал на события на Балканах, которые затрагивали советские интересы, и тем самым подводил адресата к мысли, что в интересах Советского Союза было бы занять более твердую позицию в отношении стран «оси» в этом районе. В свете факта передачи этого письма Вышинскому посол Криппс посчитал излишним передавать Сталину послание Черчилля, поскольку его (Криппса) письмо было более детализированным, и краткое послание Черчилля не меняло основной идеи, которую Криппс уже изложил в своем письме. Но Черчилль был недоволен действиями Криппса и потребовал, чтобы его послание было немедленно передано Сталину (он запрашивал об этом 16 и 18 апреля 1941 года, а затем еще раз 30 апреля 1941 года). Министр иностранных дел Иден ответил Черчиллю 30 апреля, что Криппс послал письмо Черчилля Вышинскому 19 апреля, и Вышинский информировал его 23 апреля, что письмо передано Сталину.

Происходящие события все больше убеждали Черчилля в том, что немцы поворачивают на Восток. Берлин 12 марта приказал прекратить работу советских комиссий, работавших на германской территории, и отослать их в СССР. Немало было и других косвенных доказательств, о которых не могли не знать в Кремле. Поэтому Черчилль ждал ответа Сталина. Но он так никогда и не получил его. В мае 1941 года у Черчилля уже не было никаких сомнений в отношении будущих действий немцев. Он пишет 16 мая в письме Смэтсу, премьер-министру Южной Африки: «Гитлер собирается выступить против России. Наблюдается бесконечное движение на Восток больших контингентов войск, механизированных частей, авиации».

Надо сказать, что британская разведка и генеральный штаб довольно долго сомневались в том, что Гитлер поступит так необдуманно и пойдет на такое перенапряжение своих сил. Имея чрезвычайно убедительную информацию (в частности, от лиц, наблюдавших за перемещением войск в Восточной Европе), они все же отказывались верить в свое счастье, в поворот Гитлера на Восток. Объединенный комитет разведки только 5 июня определенно изменил свою точку зрения, а генеральный штаб лишь

10 июня пришел к твердому заключению: «Имеющаяся в наличии свежая информация указывает на то, что Гитлер принял окончательное решение в отношении выступления против Советского Союза. Начало военных действий кажется в высшей степени вероятным, хотя еще преждевременно определять дату такого выступления. По нашему мнению, события придут к финалу во второй половине июня».

Примерно к 10 июня англичанам стало абсолютно ясно, что Германия готовится к нападению. Ближайший сотрудник Черчилля А. Кадоган пригласил к себе в этот день посла Майского, предложил ему взять ручку и бумагу и продиктовал список всех последних перемещений германских войск. В конце беседы он попросил как можно скорее передать эти данные советскому правительству. (Тем большим было изумление Майского, когда 14 июня в советской прессе появилось известное заявление ТАСС, обвиняющее британскую прессу в распространении слухов о якобы неизбежной войне между СССР и Германией).

Черчилль пишет 15 июня 1941 года Рузвельту: «Основываясь на данных источников, находящихся в моем распоряжении, можно считать, что огромное германское наступление на Россию неизбежно. Последнее перемещение воздушных и моторизованных частей завершено». Американский посол привез с собой ответ президента Рузвельта. Тот обещал, что он «немедленно публично поддержит русскую сторону», если начнется германское наступление на Россию.

Англичане не могли предположить, что Сталин передает полученные сведения немцам. Но это было так. Германский военно-морской атташе 24 апреля сообщил из Москвы: «Британский посол предсказывает, что 22 июня будет днем начала войны».

В Берлин Шуленбург постоянно сообщал о готовности СССР к сотрудничеству. Важен отчет о его встрече с Молотовым 22 мая. Министр иностранных дел «был дружественным, уверенным в себе как всегда... Два самых влиятельных человека в Советском Союзе (Сталин и Молотов. — А. У.) стремятся прежде всего предотвратить конфликт с Германией».

Именно в этом духе проходила важная беседа Молотова с Шуленбургом 14 июня 1941 года. Молотов вручил Шуленбургу заявление Совинформбюро, которое через несколько часов появилось в газетах. В нем британский посол Криппс обвинялся в «распространении слухов о предстоящей якобы войне между СССР и Германией».

Советское правительство назвало его действия «абсолютным абсурдом... неуклюжим пропагандистским маневром сил, выступающих против Советского Союза и Германии... По мнению советских кругов,

слухи о намерениях Германии... начать наступление против Советского Союза полностью лишены оснований». Недавнее перемещение немецких войск с Балкан к границам СССР подавалось в коммюнике как «не имеющее отношения к советско-германским отношениям», а слухи о возможности нападения СССР на Германию характеризовались как «фальшивые и провокационные».

К началу апреля в Москве накопилась значительная информация. Посол Югославии Д. Гаврилович 6 апреля, после более чем шестичасового обсуждения советско-югославского договора о мире и ненападении, спросил Сталина, имеют ли основание слухи о предстоящем выступлении Германии против России в мае? Сталин ответил: «Пусть попробуют». Германская разведка перехватила телефонный разговор посла с Белградом, в котором Гаврилович сообщил о ремарке Сталина. Сам Гаврилович позднее рассказал советскому руководству, что немцы убеждали принца-регента Павла подписать с ними договор при помощи следующего аргумента: они нуждаются в надежном южном фланге для уже определенного выступления против СССР.

Значительными разведывательными возможностями располагало чехословацкое правительство в изгнании, руководимое Э. Бенешем. В начале апреля 1941 года он получил из Праги донесение следующего содержания: «Кампания против Советского Союза определено решена; как только Германия покончит с югославским сопротивлением, начнется нападение на Советский Союз; из Берлина докладывают, что все необходимые военные приготовления завершены и была уже проведена конференция всех высших командующих германского Восточного фронта, на которой были точно определены начальные действия германских войск; дата военной тревоги для всего Восточного фронта назначена на 15 мая».

Потрясенный Бенеш передал свои сведения советскому руководству. Чехословацкая разведка довольно быстро пришла к заключению, что немцы недооценивают военные возможности Советского Союза.

Тем временем Геринг обратился к шведскому промышленнику Б. Далерусу, сыгравшему в 1939–1941 годах особую роль в германо-английских отношениях. Далерус возвратился в Стокгольм и тотчас же связался с английским послом Маллетом. Германия, сообщил он, опасаясь наступления времени, когда СССР станет слишком сильным, намерена предъявить ему ультиматум, который составил якобы Геринг: демобилизация, создание сепаратного правительства на Украине, контроль за нефтяными месторождениями Баку и, возможно, получение выхода к Тихому океану. Далерус утверждал, что эти требования будут предъявлены

советскому правительству в ближайшем будущем, возможно, в течение недели. Эта информация была передана и американскому посольству. Госдепартамент оценил предстоящее как избранную Германией «тактику давления». С. Уэллес сказал британскому послу Галифаксу, что Россия согласится почти на все требования, за исключением демобилизации.

Такова была дезинформация немцев. Никаких ультиматумов в Берлине никогда не составлялось.

Министр иностранных дел Англии А. Иден 13 июня в очередной раз пригласил к себе Майского: «За последние сорок восемь часов к нам поступила существенная информация. Концентрация войск может быть использована в целях войны нервов. Я не знаю точно, но мы были обязаны прийти к заключению в свете этого огромного военного строительства, что конфликт между Германией и Россией возможен». Присутствовавший при встрече глава британской разведки Кавендиш-Бентинк убеждал Майского: «Немцы собираются напасть, и это нападение будет иметь место 21/22 или 28/29 июня. Я поставил бы деньги на 22 июня». По словам Идена, Майский «предпочел не поверить в возможность германского нападения». Кавендиш-Бентинк подтверждал: «Майский отказался поверить в это». Увы, была названа «провокацией» и информация дезертировавшего 18 июня германского военнослужащего.

Не нужно было уже ожидать сведений из особо доверительных источников — в Москве за двенадцать дней до начала войны началась эвакуация германского посольства. Вывозились жены, дети, домашние животные. Об этом 11 июня было сообщено Сталину, как и о том, что в посольстве начали жечь документы. К 22 июня в посольстве осталась лишь одна женщина — жена экономического советника Хильгера. Молотов 21 июня вызвал Шуленбурга и спросил о причине отбытия семей. Шуленбург указал на суровость московского климата и время отпусков. Молотов пожал плечами.

Немцы методично обрывали экономические связи. С 17 июня началось отплытие германских торговых судов из советских портов. В то же время прибытие новых германских судов в советские порты откладывалось под самыми различными предлогами. 21 июня советский порт покинуло последнее германское судно.

Откуда неверие

Нарком ВМФ Кузнецов делится: «У Сталина были соображения на тот счет, как вести войну, но, будучи патологически недоверчивым, он держал их в секрете от тех, кому пришлось бы осуществлять их. Ошибаясь относительно сроков начала столкновения, он считал, что у него имелось достаточно времени, и когда ход исторических событий набрал обороты, он не смог перевести эти идеи в ясные стратегические концепции и конкретные планы. Такие планы, разработанные до мельчайших подробностей, были совершенно необходимы».

Историк А. Буллок ищет рациональное в мыслительном процессе Сталина, с порога отвергающего все предположения о возможности германского нападения: Сталин убеждал себя, что Гитлер не такой дурак, чтобы представлять себе возможность победы над СССР одним ударом в духе блицкрига. «Никто, находясь в здравом уме, не попытается завоевать громадные пространства России, прежде чем не проведет многомесечную подготовку и не соберет запасы стратегических военных материалов. Немецкое наращивание сил, по мнению Сталина, имело целью оказать давление на Россию и увеличение размеров поставок. Сталин видел, что британцы и американцы старались столкнуть Россию и Германию: отсюда предупреждения, которые они слали Москве в надежде, что Россия предпримет оборонительные шаги, которые спровоцируют Гитлера на нападение. Любой ценой советские войска должны избежать провокаций».

План «Барбаросса» не мог быть подготовлен незаметно. Речь шла о концентрации огромных людских масс и техники. Советская разведывательная сеть была одной из наиболее крупных и эффективных, она выдерживала сравнение с любой разведкой. Сообщения о концентрации немецких войск стали поступать в Москву на довольно ранней стадии. Но Сталин, судя по всему, полагал, что в интересах Германии иметь дружественный тыл и Гитлер не пойдет на силовое решение.

У Сталина были свои предрассудки, свои ложные представления, свои заблуждения. Он видел в национал-социализме прежде всего орудие капиталистических монополий Германии, направленное на борьбу за рынки и инвестиции, а не независимое националистическое движение, направленное на реванш и на территориальную экспансию. Он стал жертвой собственных убеждений, что, предоставляя Германии рынки и

сырье, СССР может сильнейшим образом повлиять на Берлин. Идеология искажала его видение мира в значительной мере, как и видение Гитлера. К 1941 году у Сталина было множество доказательств того, что помощь Гитлеру в Европе не создает ощутимых стимулов к сближению. И вина была не в злостном заговоре капиталистов Германии и западных стран, а в принципиально враждебном для коммунистической России видении мира германскими националистами.

После публикации в 1994 году британских документов периода войны стало ясно, что британский посол сэр Стаффорд Криппс невольно усугублял недоверие Сталина, постоянно повторяя ту мысль (полностью нарушая данные ему инструкции), что действия Советского Союза могут повлиять на отношение Британии к германским мирным предложениям^[11].

Знания Сталина частично базировались на сообщениях из Интеллидженс сервис и Форин оффис. Многие из этих сообщений противоречили предостережениям Черчилля Сталину. «Эти сведения предполагали, что Гитлер мобилизует немецкие силы вдоль советской границы ради оказания давления на Сталина с целью достижения территориальных уступок»^[12]. Черчилль не представлял, до какой степени советская разведка проникла в британскую — но все же не до того ее уровня, где разглашался источник сведений от «Энигмы». Посол Майский говорил англичанам 2 июня 1941 года: «Все это часть войны нервов».

Особую настороженность Сталина, как уже говорилось, вызвал эпизод с парашютной высадкой заместителя Гитлера по НСДАП Гесса 10 мая 1941 года в Шотландии. Эпизод с перелетом Р. Гесса, заместителя Гитлера по партии, вызвал особое подозрение Сталина. В ходе войны он постоянно выпрашивал Черчилля и Идена о смысле прибытия Гесса в Шотландию и о предложениях, которые тот выдвинул. В мемуарах англичане (в частности, У. Черчилль и А. Иден) объясняют все сверхподозрительностью Сталина. Но дело представляется не столь простым. Возможно, у Сталина были свои сведения о том, с чем прибыл Гесс к англичанам. Известно, что адъютант Гесса одиннадцать лет был в советском плену и что он дал важные показания. Фактом является и то, что англичане засекретили дело Гесса.

Жуков, тесно контактировавший со Сталиным в это время, пишет, что Сталин скептически воспринимал информацию, исходящую от империалистических кругов, а Черчилль вызывал у него особое подозрение. Одному из кембриджской пятерки — Киму Филби была поставлена задача узнать об условиях, предлагаемых Гессом. В кратком

сообщении в Центр Филби 18 мая доложил, что «Бивербрук и Иден навестили Гесса, и это отрицается официальными источниками». Из Берлина агенты «Юн», «Франкфуртер» и «Экстерн» сообщили, что Гитлер послал Гесса с мирными предложениями. Филби был осторожен, он считал, что «время для переговоров еще не пришло, но в процессе дальнейшего развития военных событий Гесс, возможно, станет в центр интриг, направленных на заключение сепаратного мира, он будет полезен и для партии мира в Британии, и для Гитлера»^[13]. Напомним еще раз, что дело Гесса в Британии не деклассифицировано до сих пор.

Возможно, на Сталина действовал опыт Первой мировой войны. Тогда политическая власть — кайзер — оказалась оттесненной от руля управления Германией уже через несколько месяцев после начала боевых действий. В Берлине воцарились Гинденбург и Людендорф. Именно их приказы имели силу законов, именно их оценки происходящего являлись официальными, именно их указания были решающими для канцлера Бетман-Гольвега.

Можно предположить, что Сталин искал аналогию во внутренней расстановке сил в Германии. Гитлер — политический руководитель, но в недрах рейха действует и власть военных. В случае кризиса военные могут занять доминирующее положение. Гитлер склонен к политическому компромиссу, военные жаждут довершить дело 1918 года — завоевать Россию. Ради избежания конфликта следует остерегаться провоцирующих германский генералитет действий. Неизвестно, была или нет у Сталина такая (или подобная) схема, но без нее трудно понять логику действий обычно в высшей степени подозрительного Сталина.

Увы, Сталин не знал подлинной истории взаимоотношений Гитлера и военной касты в Германии. В тишине каюты линкора «Дойчланд», спешившего из Киля на маневры в Кенигсберг весной 1934 г., недавно назначенный канцлер Гитлер заключил соглашение с военным министром фон Бломбергом. Гитлер стремился занять пост престарелого президента Гинденбурга. Бломберга, представлявшего военную касту, пугали вооруженные отряды нацистской партии СА. Бломберг пообещал поддержать президентские амбиции фюрера национал-социалистов, если тот разоружит параллельную вооруженную силу в Германии.

Гитлер задерживал выполнение своего обещания — речь шла о камрадах, приведших его к власти. Тогда его вызвали в имение Гинденбурга Нойдек. Здесь, стоя несколькими ступеньками выше, облаченный в парадный военный мундир, Бломберг жестко отчитал канцлера: «Если правительство Рейха не сумеет осуществить ослабления

напряженности, президент введет военное положение и передаст контроль над страной армии». Во время четырехминутной аудиенции президент Гинденбург повторил ту же идею. Бломберг стоял рядом. Канцлера отпустили. То был последний раз, когда армия продиктовала свою волю Гитлеру. В течение десяти дней руководство СА было уничтожено — это сделали отряды СС, а армия оставалась в казармах. Начиная с августа 1934 г. каждый военнослужащий вооруженных сил должен был принести присягу на личную верность «Адольфу Гитлеру, фюреру Рейха и германского народа, верховному главнокомандующему вермахта».

С этого времени оспаривать первенство Гитлера в Германии стало смертельно опасно. Армия не заступилась за своих прежних вождей, таких как генерал-лейтенант Курт фон Шляйхер, а вскоре смерть Гинденбурга подкосила главный инструмент ее воздействия на национальные дела. Провозглашенная Гитлером задача перевооружения армии «заняла» военные круги. 17 марта 1935 г. тот же Бломберг оценил ситуацию в стране так: «Преодолев внутренний конфликт, армия расчистила почву для Богом посланного архитектора. Вооруженный волей и духовной силой, этот человек преуспел там, где потерпело поражение целое поколение». Запоздалое признание первенства Гитлера не спасло лично Бломберга от отстранения и национального позора. А декрет от 4 февраля 1938 г. объединил все три рода вооруженных сил под единым командованием Гитлера: «Отныне я лично осуществляю непосредственное руководство всеми вооруженными силами». Гитлер противопоставил руководимое им ОКВ подчиненному командованию армии (ОКХ). В Оберкомандо Вермахт верные Гитлеру Кейтель и Йодль стояли над всей традиционной армейской кастой.

Всего этого не знал (или не смог оценить) Сталин, постоянно ожидавший самостоятельного слова той касты, что возобладала над гражданскими в Первой мировой войне. Лишь через двадцать лет после окончания войны английский историк А. Кларк напишет: «Структура Рейха не являла собой более дуумвирата, совместного правления гражданской администрации и власти военных; возникла пирамида власти с Гитлером на самой вершине».

При этом Гитлер испытывал к военной касте нечто вроде презрения. По его словам, в ходе четырехлетия Первой мировой войны всемогущие военные, допущенные к управлению государством, делали одну ошибку за другой. Они настояли на губительной неограниченной подводной войне, приведшей к вступлению в конфликт Соединенных Штатов. Военные вожди не сумели заключить сепаратного мира с царской Россией, когда это

было возможно. Они настояли на создании марионеточного Польского королевства, что отсекло всякую возможность примирения с Россией. Бездумный аннексионизм военных вождей Германии в отношении Бельгии и Франции лишил смысла мирную инициативу папы римского. Гинденбург и Людендорф совершили катастрофическую ошибку, позволив Ленину прибыть в Петроград. Привязавшись к Вердену, генерал Фалькенгайн потерял шанс подлинного удара по Франции. Порыв Людендорфа на Западном фронте весной-летом 1918 года был столь кровавым для германской армии, что в дальнейшем Германия не сумела обеспечить оборону своих рубежей. Гитлер полагал, что подключение военных к стратегическим решениям может только ослабить его государство.

В то же время, начиная с зимы 1940 года, военные руководители Германии отбросили всякие претензии на самостоятельность в вопросах стратегического планирования. «Все эти представители ОКВ и ОКХ, — вспоминает генерал Гудериан, — с которыми я говорил, излучали неистребимый оптимизм и были просто неспособны к критике или возражениям». И главный аргумент Гитлера остался без критического анализа: «Надежда Британии покоится на России и Соединенных Штатах. Если Россию ликвидировать в этом уравнении, Америка тоже будет потеряна для Британии, потому что ликвидация России в огромной степени увеличит мощь Японии на Дальнем Востоке. Решение: крушение России должно быть частью этой борьбы — и чем скорее будет сокрушена Россия, тем лучше».

Беспредельная вера Сталина в то, что он сможет избежать рокового конфликта, является одним из самых трагических обстоятельств 1941 года. Захваченные документы германских архивов говорят о гигантской операции по введению в заблуждение противоположной стороны, проведенной Гитлером. Операции, увы, успешной.

Как пишет английский историк А. Буллок, «Сталин осознавал возможность войны с Германией, но не сумел понять идеологическое, можно смело сказать, — мифологическое значение ее для Гитлера, для которого эта война выходила за рамки разумного расчета. Сталин убедил себя в том, что раз уж он подписал нацистско-советский пакт, то Гитлер так будет занят остальной Европой, что для него станут очевидны обоюдные выгоды сохранения этого пакта».

Советская сторона достаточно ясно видела происходящее в Восточной Европе и периодически протестовала, если немцы нарушали статус-кво. Так, СССР достаточно быстро и недвусмысленно отреагировал на ввод германских войск в Румынию и Болгарию. Последовали решительные

протесты советского правительства в связи с нападением Германии на Югославию и Грецию, что рассматривалось в Москве как нарушение советско-германского пакта и угроза непосредственным советским интересам. В Кремле не могли не видеть, что действия вермахта являются показателем нечувствительности Гитлера к обеспокоенности, выраженной Молотовым в Берлине. Германское руководство не только грубо указало, что и Румыния, и Болгария войдут в германскую зону влияния, но и не посчитало нужным проявить минимум внешней деликатности в предупредительности — оповестить о своих возможных инициативах на Балканах. А ведь Молотов говорил ни больше ни меньше, как об «интересах безопасности» Советского Союза.

Между тем Сталин, как это ни странно, задушив собственную бешеную гордость, становился все обходительнее. Германский посол фон Шуленбург 13 апреля 1941 года, описывая обстоятельства отбытия из Москвы японского министра иностранных дел Мацуоки, подчеркивает «замечательную дружественность манер», проявленную Сталиным в отношении не только японцев, но и немцев. На вокзале, провожая Мацуоку, Сталин повернулся к исполняющему обязанности германского военного атташе полковнику Кребсу, удостоверился, что это немец, и затем сказал ему: «Мы всегда будем друзьями с вами — что бы ни случилось!» Германский уполномоченный в делах фон Типпельскирх посчитал необходимым срочно уведомить Берлин о демонстративном поведении Сталина на вокзале, ибо это приобретало особое значение «в свете постоянно циркулирующих слухов о неизбежном конфликте между Германией и Советским Союзом». Проявляя нарочитую дружественность, советское правительство безоговорочно приняло тот вариант советско-германской границы, который выдвигался немцами (это произошло 15 апреля 1941 года). Гибкая, склонная к компромиссу позиция Советского Союза, отметил Типпельскирх, «весьма примечательна».

Окружающие, прошедшие страшную школу 30-х годов, вольно или невольно подыгрывали Сталину. Глава ГРУ генерал Голиков инструктировал (!) резидентов заграничных филиалов: «Все документы, сообщающие о возможной войне, должны рассматриваться как подделки, имеющие британское или даже немецкое происхождение». Голикову было запрещено обсуждать свои данные с наркомом Тимошенко и начальником генштаба Жуковым.

Заведомая готовность к компромиссу

Но самый большой восторг по поводу дружественности Кремля выражал германский представитель на торговых переговорах Шнурре. Он, ликуя, сообщает 5 апреля в Берлин, что охлаждение января — февраля уступило место безусловной сердечности, выразившейся в подписании торговых соглашений, в поставке сырья, причем «это особенно касается зерна, нефти, марганцевой руды, неметаллических руд и драгоценных металлов». Просьба об увеличении поставок каучука получила немедленный положительный отклик — выделено несколько дополнительных эшелонов с Дальнего Востока. Шнурре в высшей степени доволен: «Заказанные сырьевые поставки осуществляются русскими пунктуально, несмотря на тяжелое бремя, которым ложатся эти поставки на них... У меня сложилось впечатление, что мы можем увеличить экономические запросы в Москве, выходя даже за пределы соглашения от 10 января, с целью обеспечения германских потребностей в продовольствии и сырье».

В то же время германские поставки продукции машиностроения с каждым месяцем 1941 года замедлялись. Следует сказать, что внутри Германии были силы, выступавшие в поддержку дружественных отношений с СССР, или, по крайней мере, против восточной авантюры. К ним принадлежала часть офицерства и дипломатического корпуса. Этого мнения придерживался, в частности, посол Германии в СССР граф фон Шуленбург. У германского посла сложилось твердое убеждение в мирных намерениях советского правительства. Именно в этом хотел убедить Шуленбург Гитлера во время их встречи 28 апреля. «Россия очень чувствительна к слухам о германском нападении. Я не могу поверить в то, что Россия когда-либо атакует Германию... Если Сталин не был в состоянии выступить вместе с Англией и Францией в 1939 году, когда обе они были еще сильны, то определенно он не примет такого решения сегодня, когда Франция сокрушена, а Англии нанесены суровые удары. Наоборот, я уверен, что Сталин готов пойти на еще большие уступки нам».

Во время аудиенции с фюрером он постарался убедить того в политической и иной целесообразности тесных советско-германских отношений, в том, что СССР намерен всячески сохранять дружбу с Германией. По поводу закрытия в Москве посольств завоеванных немцами стран посол Шуленбург писал в Берлин 12 мая 1941 года: «Эти проявления

намерений правительства Сталина строго рассчитаны... на ослабление напряжения в отношениях между Советским Союзом и Германией и на создание более благоприятной атмосферы на будущее. Мы должны иметь в виду, что лично Сталин всегда был сторонником дружественных отношений между Германией и Советским Союзом». Поддержкой этих взглядов характеризовалась позиция государственного секретаря по иностранным связям Вайцеккера. Он убеждал политическое руководство не поворачивать с Запада на Восток, с британского направления на советское. Он считал, что конфликт с СССР лишь подорвет силы вермахта, заставит Германию рассредоточить свои войска, но не ослабит противостоящих англосаксов. Вайцеккер писал Риббентропу: «Если бы каждый русский город, обращенный в пепел, был бы для нас столь же ценен, как потопленный британский корабль, я бы выступил за начало германо-русской войны этим летом. Но я полагаю, что мы будем в России победителями только в военном смысле и потеряем при этом экономически».

Но Гитлер 30 мая утвердил точную дату начала войны против Советского Союза — 22 июня.

Шуленбург 6 и 7 июня снова убеждал свое руководство: «Россия будет сражаться только в том случае, если будет атакована Германией... Русская политика, как и прежде, направлена только на то, чтобы иметь возможно наилучшие отношения с Германией... Все наблюдения показывают, что Сталин и Молотов делают все, чтобы избежать конфликта с Германией. Поведение советского правительства в целом, равно как и отношение прессы, подтверждает эту точку зрения. Лояльное выполнение экономического договора с Германией говорит о том же». Все эти послания со свидетельствами желания Сталина сохранять дружественные отношения с Германией не оказали ни малейшего влияния на Гитлера.

У фюрера были свои особенности восприятия информации. Так, Гитлер в целом считал разведку «бессмысленным занятием». Не большим было уважение к дипломатам. Когда граф фон Шуленбург в критический час — 28 апреля 1941 года — прибыл в Берлин с меморандумом, призывающим к сдержанности, он попросту встал, положил документ в ящик своего стола, пожал послу руку и поблагодарил за интересное экспозе.

Гитлер, в частности, вопреки всему не верил в быструю и эффективную мобилизацию СССР — в этом ему «помогли» оценки генерального штаба. В то же время попытки уверить его в миролюбии русских наталкивались на контраргументы: «Какой дьявол заставил

русских заключить договор о дружбе с Югославией?» От волнения Гитлер стал спать всего 3–4 часа в сутки. Его внутреннее напряжение передавалось окружающим.

В Москве тоже росло напряжение. Раздражительность Сталина была видна многим. В начале мая Сталин занял пост Председателя Совета Народных Комиссаров — это очевидный показатель того, что он чувствовал приближение кризиса и был готов взять на себя ответственность. Сталин был явно недоволен развитием отношений с Германией. Частично он возлагал вину на Молотова. Мнение Шуленбурга было таково: «Определенно можно предположить, что Сталин сам поставил перед собой политические цели огромной важности... которые он надеется достичь собственными усилиями. Я твердо верю, что в международной обстановке, которую он считает серьезной, Сталин поставил перед собой цель предотвращения конфликта Советского Союза с Германией». Затем последовала кампания, совершенно очевидно рассчитанная на то, чтобы сохранить дружбу Германии. ТАСС 8 мая выступил с опровержением сообщений о якобы имеющей место концентрации германских войск у границ СССР. На следующий день советское правительство отказало в признании и сохранении дипломатических представительств Бельгии, Норвегии и Югославии; 12 мая Советский Союз признал поддержанное немцами правительство Рашида Али в Ираке. Через месяц, 14 июня, ТАСС в самых категорических выражениях отрицал наличие осложнений в советско-германских отношениях. Именно в этот день Гитлер провел последнее совещание со своими командующими. С каждым из них он разговаривал отдельно. А Жуков в этот день убеждал Сталина привести войска в боевую готовность. «Вы предлагаете проведение мобилизации, — отвечал ему Сталин. — Вы представляете себе, что это означает войну?» А Молотов, звуча в унисон, произнес: «Только дурак может напасть на нас».

В субботу, 21 июня, из Виши через советское посольство пришла телеграмма с сообщением о предстоящем нападении 22 июня Германии на СССР. Сталин в Москве и Деканозов в Берлине критически отнеслись к этой информации: провокация англичан.

А Гитлер накануне великого события решил вместе с Геббельсом проехаться по Берлину. На коленях у него лежал текст объявления войны Советскому Союзу. Геббельс записал свои впечатления: «По мере приближения решающего момента, фюрер, кажется, избавляется от своего страха. Вот так всегда. Видно, что он расслабился и его утомление совсем прошло». Гитлера волновало, какие музыкальные заставки будут теперь

звучать перед передачами с Восточного фронта. Он остановился на нескольких тактах из «Прелюдий» Листа. Своему архитектору Шпееру он сказал: «Ты теперь часто будешь слышать эти звуки. Нравится тебе?... Мы сможем вывозить гранит и мрамор из России в любых нужных нам количествах». Перед отходом ко сну фюрер германского народа объявил окружающим: «Не пройдет и трех месяцев, и мы увидим крах России, такой, какого мир не видел за всю свою историю».

Границу перешли еще два дезертира. Их сведения нельзя было опровергнуть, германские войска выступали к границе. Нарком С. К. Тимошенко, начальник генерального штаба Г. К. Жуков и его заместитель Н. Ф. Ватугин пришли к согласию в том, что следует просить Сталина о разрешении объявить тревогу. Они прибыли в Кремль. Сталин спросил: «А что, если немецкие генералы посылают нам дезертира, чтобы спровоцировать конфликт?» Но отрицать очевидное становилось все труднее. Была подготовлена директива об объявлении тревоги. И снова в последний момент Сталин перебил Жукова: слишком рано, вопрос еще может быть решен мирным путем. Не нужно длинных телеграмм, послать короткую, что нападение может быть спровоцировано действиями германских войск. Войска приграничных округов не должны поддаваться на провокации. Двусмысленная телеграмма, приди она даже раньше, собственно, мало что меняла. Но она была отправлена (напомним, в ней были все же ключевые слова «неожиданное германское нападение возможно») в штабы округов в половине первого ночи 22 июня.

Ошибка Сталина заключалась в твердой уверенности, что Германия, не покончив с Англией, не начнет кампании на Востоке. Сталина неимоверно страшила возможность той или иной степени согласия между Германией и Британией. Он готов был сделать все что угодно, чтобы избежать примирения на Западе, — тогда его позиции действительно становились уязвимыми. Он не знал, что лидер, подобный Черчиллю, никогда не пойдет на компромисс с Гитлером. Эпизод с Гессом мучил Сталина всю войну, и он откровенно не верил личным объяснениям Черчилля, данным во время визита последнего в Москву в 1942 году.

Свое мнение об отношении правительства к сигналам о грядущей опасности Литвинов выразил, уже будучи послом СССР в США 13 декабря 1941 года. «Мое правительство получало предупреждения о предательских намерениях Гитлера в отношении Советского Союза, но оно не воспринимало их всерьез и делало так не потому, что верило в священность подписи Гитлера или считало его неспособным нарушить подписанные им договоры и часто повторяемые им торжественные обещания, но потому,

что считало безумием с его стороны начинать войну на востоке против такой мощной страны, как наша, не завершив войны на Западе».

Историческая вина Сталина состоит в том, что во главе Красной Армии он поставил людей, чьим главным достоинством было знакомство с вождем. Такие фигуры, как маршал Кулик, никогда бы не взошли на военный Олимп, если бы не давние связи со Сталиным. Бывший портной Щаденко едва ли был способен руководить армиями. Ворошилов и Мехлис не отличались стратегическими талантами. Чистка в армии была ее первым разгромом. К лету 1941 года 75 процентов командиров Красной Армии занимали свои должности менее одного года.

Покинув в 1939 году т. н. «линию Сталина», войска не создали новых укреплений. Только 1000 из 2500 бетонных огневых позиций были оснащены артиллерией. План постройки 190 новых аэродромов в западных районах СССР был одобрен лишь в феврале 1941 года. А НКВД начал работу над расширением всех имеющихся сразу, в результате чего большая часть самолетов была переведена на гражданские аэродромы, расположенные близко к границе и слабо защищенные.

Войска не получили предварительного уведомления. Чего стоит потеря 1811 самолетов в первый же день войны — причем почти всех на земле! Но еще важнее другое — обстановка всепроникающего страха перед репрессивной машиной буквально парализовала наших офицеров и солдат. Она резко ограничила их способности к гибкому маневру, право на личную инициативу, доверие друг к другу, без которых невозможно ведение современной войны, где каждый должен брать на себя ответственность в сложных обстоятельствах и доверять решениям, принятым соратником.

Сталинизм демонстрировал жесткость, наказывая за незначительные, малейшие проступки, и при этом ослаблял лучшие качества нашего солдата: способность не пасовать перед обстоятельствами, умение полагаться на себя, действовать автономно и одновременная вера в коллективную борьбу. Несчастьем стала изоляция страны от остального мира. Борьба против «поклонников Запада» обернулась неумением армии извлечь уроки из польской и западной кампаний германской армии. Страх не позволил прямо указать на самое слабое место наших войск — отсутствие надежной связи и координации (а это подразумевает наличие радио и телефонной связи, постоянной авиационной разведки, действенной службы тыла). Наши инженеры сумели создать танки и самолеты, превосходящих немецкие. Воины показали готовность отдать жизнь. Но чтобы соединить передовую технику и самоотверженность солдата, нужен был третий элемент — координация войск и техники, а то означало

самостоятельность подразделений и частей при общем учете их действий фронтовыми центрами (так действовали немцы, предоставлявшие, скажем, Гудериану полную возможность тактической инициативы, но строжайшим образом координировавшие действия его танков с продвижением других частей армейской группировки). Потребовался кровавый опыт для того, чтобы найти систему эффективного управления войсками, чтобы выделились независимые характеры, самостоятельные командиры всех рангов.

Нетрудно, просмотрев более ста конкретных случаев предупреждений о «Барбароссе», прийти к выводу, что Сталин собственное видение происходящего поставил выше хладнокровного анализа реальности. Но Сталин был не единственным среди тех, кто не пришел к безусловному выводу о неминувности германского вторжения. Пожалуй, среди первостепенных государственных деятелей того времени это поняли лишь британский премьер Черчилль, американский президент Рузвельт, руководители госдепартамента США Хэлл и Уэллес. Среди деятелей «второго эшелона», пришедших к аналогичному выводу (и ждавших именно нападения, а не блефа или ультиматума), были папа Пий XII и чехословацкий экс-премьер Бенеш. Профессионалы-разведчики, разделявшие эту точку зрения, — глава итальянской военной разведки Чезаре Аме, председатель британского Объединенного комитета по разведке В. Кавендиш-Бентинк, посол Японии в Берлине Осима. В то же время такие первостепенные фигуры, прямо заинтересованные в том или ином повороте событий, как Муссолини и Чиано в Италии, Коноэ и Мацуока в Японии, Петэн в вишистской Франции, Франко в Испании, Хорти в Венгрии отнюдь не пришли к выводу о решимости Германии начать войну против СССР. А они знали о перемещении войск и тому подобном.

Напомним при этом, что Гитлер определенно сообщил Риббентропу о «Барбароссе» только 20 апреля 1941 года, своему главному союзнику — Муссолини — лишь 22 июня, а японцам вообще не посчитал нужным сообщить о выступлении на Востоке.

Рассуждения западных специалистов о судьбе России не отличались однозначностью. Показателен своего рода диспут ведущих американских журналистов, имевший место в Американском клубе в Токио в середине мая 1941 года. Дж. Нойман из «Нью-Йорк геральд трибюн» получил от Бранко де Вукелича (французское агентство «Гавас») сведения о том, что Гитлер нападет на Россию в конце июня, до начала сбора урожая. Нойман решил проверить, как относятся к этим сообщениям знающие люди —

Томас из «Нью-Йорк таймс», только что переведенный из Берлина, Дюранти, представлявший лондонскую «Таймс» и американскую «Нью-Йорк таймс», недавно прибывший из Москвы, а также специалист по СССР (тоже недавно переведенный из Москвы) — будущий посол Чарльз Болен. Болен — самый сведущий — сказал, что версия выглядит неправдоподобной, поскольку Гитлер может получить все, что хочет от Сталина, выдвинув ультиматум, так как Сталин знает, что нападение Германии будет означать конец его режима. Дюранти напрочь исключил возможность войны между Германией и Россией. Подавленный мнением признанных авторитетов, Нойман отложил публикацию своей статьи, а когда она вышла 1 июня 1941 года, то была «разжижена» сомнениями самого автора и вследствие невыразительности помещена на 21-й странице газеты.

Превентивная война или агрессия?

Как пишет классик английской дипломатической историографии А.-Дж.-П. Тейлор, Гитлер решил вторгнуться в Советскую Россию не потому, что она представляла опасность, а потому что ей будет очень легко нанести поражение^[14]. Вопрос о превентивной войне тогда даже не обсуждался. Как не обсуждался он и позже в нацистской Германии на стадии первых двух лет германской агрессии. Геббельс стал использовать эту идейную карту только при переходе Германии к тотальной войне. Даже наиболее убежденными идейными противниками Советской России этот тезис не использовался в пик холодной войны. Лишь несколько германских ученых используют тезис о превентивной войне, внесенный в российскую публицистику В. Суворовым^[15].

Нацистская пропаганда и (немногочисленные) сторонники версии о превентивном характере нападения Гитлера на СССР опирались и опираются на одни и те же аргументы: Красная Армия концентрировала свои силы для удара; советская стратегическая доктрина была наступательной; Сталин в своей речи 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий говорил о необходимости быть готовыми к войне.

Что доказывают эти аргументы? Ожидание Сталиным войны в будущем не означает, что Советская Россия готовилась ее начать. И прежние и открытые в 90-е годы документы подают советские стратегические оценки и планы 1941 года как реакцию на германские приготовления на границе с СССР. Даже ревизионисты (скажем, немецкий историк Гофман) признают, что до июня 1941 года Красная Армия мобилизовала свои части лишь в западных военных округах^[16].

Что касается речи Сталина, то сразу же напрашивается вопрос, стал ли бы предельно скрытный Сталин излагать свои смертельно опасные планы перед сотнями молодых офицеров? Стоит ли забывать, что в середине июня 1941 года Сталин отказался принять предложение маршала Тимошенко объявить полномасштабную военную готовность войск в прифронтовых округах. Генеральный секретарь обратился к маршалу: «Но это означало бы войну, вы это понимаете?»^[17].

Красная Армия находилась в состоянии глубокой трансформации. В войсках был недокомплект офицеров (до одной трети). Координации действий между артиллерией и бронетанковыми частями практически не существовало, что принципиально обесценивало бы любые наступательные

планы. Но их не было вовсе. Немецкие историки задают вопрос: «Если бы вермахт начал наступление против Красной Армии, тоже готовой к наступательным операциям, то можно было бы ожидать огромного числа свидетельств этой наступательной готовности в дневниках и мемуарах — тем более охотно это фиксировалось бы, что помогало бы отрицать преступления самой германской армии»^[18]. Но признаков готовящегося похода на Запад немцы не видели. Потому что такой подготовки не производилось.

Что не менее важно: ни на каком этапе в 1940–1941 годах германское военное командование никогда не осуществляло планирование, базирующееся на предпосылке необходимости предотвращения нападения Красной Армии. (В апреле 1940 года германская разведка (Fremde Heere Ost) не могла найти даже выдуманного, сфабрикованного аргумента о возможности выступления Красной Армии против Румынии. На всех этапах планирования все немецкие генералы были уверены абсолютно в превосходстве вермахта и не ограничивали это превосходство некой датой в будущем (как, к примеру, перед Первой мировой войной немцы нередко предусматривали потерю своего превосходства где-то в 1917–1918 годах). Известны слова Гитлера, обращенные к Кейтелю (об этом последний свидетельствовал на Нюрнбергском процессе): «Первоклассный состав высших советских военных кадров истреблен Сталиным в 1937 году. Таким образом, необходимые умы в подрастающей смене пока еще отсутствуют». Немцы были абсолютно (и справедливо) уверены в том, что элитарные боевые части Красной Армии (бронетанковые дивизии и бригады) не окажутся способными осуществить крупномасштабные операции.

Военный атташе германского посольства в Москве генерал Кестринг придерживался твердого мнения, что в непосредственном будущем агрессивная наступательная политика для СССР невозможна. Генералы Маркс и Лоссберг, ответственные за германское планирование в 1941 году, безусловно исключали наступательные действия Красной Армии даже в случае нападения на нее. Гитлер во всех своих беседах этого периода говорит об «исключительной благоприятности момента». В его словах не было обеспокоенности некой русской угрозой. 8 мая 1941 года Верховное командование вермахта подчеркнуло, что состояние Красной Армии «не улучшилось, ей не хватает хорошего руководства»^[19]. Именно тогда Оберкомандо Вермахт — германский генеральный штаб пришел к выводу, что «расположение советских войск носит оборонительный характер ввиду схемы расположения мобильных частей в тылу, что определяет их функцию

противостояния германским танковым дивизиям, когда те прорвутся сквозь русскую оборону. Такие мобильные русские дивизии были размещены в Пскове, Вильнюсе, Барановичах, Проскурове и Южной Бессарабии, то есть примерно в 140 км от границы, а псковская группа даже в 500 км»^[20].

Военный дневник ОКВ не содержит ни малейшего намека на угрозу предупреждающего удара Красной Армии. Запись за 22 июня гласит: «Сегодняшние доклады повсеместно подтверждают, что неожиданность достигнута повсюду. Враг только сейчас начинает организовывать сопротивление. Больших движений войск противника не замечено»^[21].

Офицерская честь, пишет генерал Варлимонт, страдала от слов Гитлера о якобы «угрожающем характере расположения советских войск». От этих слов находившийся в штабе сухопутных сил генерал Варлимонт «испытывал неловкость и дискомфорт»^[22].

Глава ОКВ фельдмаршал Кейтель выступал против войны с Советским Союзом — он не видел в этом необходимости. В августе он направил меморандум с этой идеей Гитлеру: нет никаких оснований предполагать, что Россия готовится к нападению на рейх. Кейтель пытался в этом отношении заручиться поддержкой Риббентропа. Той же идеи придерживался генерал-полковник Гудериан^[23]. На вопрос, на какой день он намерен войти в Минск, Гудериан ответил Гитлеру — на пятый после начала войны (и вошел в Минск 27 июня). Можно ли представить большее доказательство неготовности Красной Армии? Можно ли продвигаться с такой скоростью в глубь территории противника, если он готов тебя атаковать?

Генерал Лоссберг, помощник Йодля в Вермахтсфюрингштабе — штабе командования вермахта — слышал вопрос Гитлера, сможет ли он нанести удар по Советскому Союзу после победы над Британией^[24]. Это не был вопрос об опасности русского удара в спину.

Немецкие историки упрекают ревизионистов, сторонников теории превентивной войны в том, что, во-первых, те отказываются учитывать нацистскую идеологию, критически важную при определении военных целей Гитлера. Во-вторых, Гитлер видел в уничтожении любой силы на континенте сокрушение Festlandsdegen — континентального меча Британии. В-третьих, известная речь Сталина о необходимости быть готовым к войне никак не взволновала германских военных. Именно по этому поводу генерал Типпельскирх (оберквартирмейстер германского генерального штаба) пишет, что «в высшей мере маловероятно, что Советский Союз будет вести войну против Германии в обозримом

будущем»[\[25\]](#).

Международные специалисты

Необходимым оспорить точку зрения о превентивном характере войны посчитал целый ряд историков, начиная с Г. Городецкого (Израиль), Д. М. Проектора, Й. Цукерторга, Б. Петровой^[26]. В целом историографические звезды первой величины в данном вопросе — Хью Тревор-Ропер, Герхард Вайнберг, Эберхард Екель, Аксель Кун, Андреас Хильгрубер считают, что намерение фюрера напасть на Советский Союз никоим образом не может быть объяснено в монокаузальной манере в ситуации 1941 года. Ответ на этот вопрос может быть дан лишь в контексте его Восточной программы, выработанной еще до 1933 года с целью захвата Лебенсraum — жизненного пространства на Востоке. Существует подлинное согласие в том, что в июне 1941 года «была начата не превентивная война, а началась реализация подлинных намерений Гитлера, которые были идеологически мотивированы»^[27]. Гитлером владел не страх перед Красной Армией, а выполнение программы расширения германского жизненного пространства, войны на уничтожение, расово-геополитическая войны. Война Германии против Советского Союза была заранее спланированной агрессивной войной.

Ведущие историки Второй мировой войны на Западе и Востоке не видели и не видят элемента реализма в перекладывании вины гитлеровской Германии на ее жертвы. Многолетний убежденный противник сталинизма, коммунистической идеологии, которого трудно заподозрить в симпатии к сталинской России — американец А. Даллин призывает высказываться с точки зрения здравого смысла: «Можно найти идеологические элементы в стандартных советских декларациях о ведении войны на территории противника, о том, что следует полагаться на помощь мирового пролетариата в случае войны — включая рабочий класс Германии. Но утверждение о реальности советского нападения на Германию в 1941 (или в 1942) году абсурдно»^[28].

Он аргументирует: «В конце концов, это было время, когда Красная Армия продемонстрировала серьезную слабость в ходе Зимней войны с Финляндией, а Германия только что завершила удивительно легкое завоевание всего европейского континента от норвежского арктического севера до греческих островов в Средиземноморье; Советская Россия страдала от последствий лет чисток и террора — которые, помимо прочего, привели к уничтожению высшего армейского командного состава, страдала

от последствий насильственной коллективизации. Правда, что Сталин мог не в полной мере ощущать длительный эффект этих событий и абсурдность решений иногда была присуща ему. И все же характер расположения советских вооруженных сил и документальные свидетельства, равно как и мемуары, находящиеся в нашем распоряжении, касающиеся дискуссий по данному вопросу на самой вершине советской системы, — делают эту гипотезу абсолютно незащищенной и уязвимой для критики»^[29].

Начальник оперативного отдела ОКХ генерал Хойзингер вспоминает разговор между Гальдером и начальником разведки восточного направления (Fremde Heere Ost), во время которого Гальдер задал вопрос, есть ли признаки того, что СССР готовится напасть на Германию? Ответ был таков: «По моему мнению, способ размещения сильных советских войск связан с опасениями относительно наших намерений». Гальдер: «Я согласен...»^[30]. Фельдмаршал Кессельринг дает хорошую характеристику превентивной войне в гитлеровской интерпретации. «Гитлер хотел войны — превентивной войны! Строго говоря, положение дел не заставляло Гитлера прибегать к превентивному нападению. Но нужно признать, что государственный деятель должен иметь особую интуицию, чтобы различить необходимость принятия решения, имеющего такие гигантские последствия». При таком подходе козырный туз доказательств просто вынимается из обшлага. Получается: никакой необходимости в настоящем, но подчеркивается возможная необходимость в будущем. А что, если бы немцы создали в 1944 году ядерное оружие? Или реактивную авиацию? Суждение «что было бы, если...» историографически труднозащитимо.

Главное ответственное лицо — начальник штаба сухопутных сил генерал Гальдер характеризует расположение советских войск как строго оборонительное. Во время беседы в Цоссене 4 июня 1941 года он «не думал, что широкомасштабное наступление Красной Армии вероятно»^[31]. И уже после начала боевых действий: Красная Армия готовилась к оборонительным действиям на границе, о чем свидетельствует оборонительный характер расположения войск^[32].

Германские документы и аргументы

О мнимой превентивности и о высшей степени самоуверенности Гитлера говорит проект его директивы № 32 под названием «Приготовления к действиям после осуществления плана Барбаросса», подготовленный 11 июня 1941 года. После завоевания Советского Союза предусматривалось: 1) сокрушение стратегических позиций Британии на Ближнем Востоке ударами с трех направлений — через Ливию и Египет к Суэцкому каналу, через Болгарию и Турцию к британским владениям на Ближнем Востоке, через Кавказские горы к Ирану и Ираку; 2) создание оперативной базы в Афганистане для броска в Индию со стороны северо-запада (надеясь при этом на выступление Японии, как минимум, против Сингапура); 3) завоевание стратегических позиций в Северной Африке посредством захвата Гибралтара, испанских и португальских островов в Атлантическом океане; 4) создание базы в Западной Африке — Дакар, Конакри, Фритаун — для создания угрозы Соединенным Штатам. Гитлер называл это проведением *Weltblitzkrieg* — молниеносной войны в мировых масштабах.

Это планирование лучше всего прочего отвечает на вопрос о превентивной войне. Были ли подобные планы у жертв германской агрессии? В свое время лучший германский историк Первой мировой войны Фриц Фишер разрубил гордиев узел спора о виновниках развязывания той (Первой мировой) войны обращением к целям сторон. Анализ показал, что только у Германии они были сугубо наступательные и завоевательные. Вооружась тем же методом, посмотрим на Вторую мировую войну. И мы увидим, что лишь Германия планировала захват и оккупацию в глобальном масштабе. Это, собственно говоря, ставит точку на вопросе о превентивности. Страна, которая после победы над Россией готовилась к битвам на трех континентах, решала задачу не превентивного удара против СССР, а задачу мирового владычества. Обороняющаяся сторона не создает концепции *Weltblitzkrieg*.

Война против Советской страны была начата не потому, что Гитлер боялся Сталина, а потому что Гитлер выполнял программу, намеченную еще до 1933 года.

И, как пишет германский историк М. Мессершмидт (из Института военной истории во Фрайбурге), «нет сомнений в том, что, если бы Сталин нанес удар перед 21 июня 1941 года, он начал бы превентивную войну в

подлинном смысле понятия *praeventire* — предотвращать»^[33].

В последнее десятилетие появились свидетельства по меньшей мере одного случая, предполагавшего предварить германское вторжение в Россию предупреждающим ударом. Согласно сведениям, представленным историком Д. Волкогоновым и писателем В. Карповым, начальник генерального штаба Красной Армии генерал Жуков 15 мая 1941 года, безусловно убедившись в неминувости германского нападения, предложил предварить его выступлением Красной Армии. И Волкогонов и Карпов, согласно их утверждениям, видели соответствующий документ в личном досье Жукова в Министерстве обороны^[34]. Жуков предлагал использовать 152 дивизии. «Использовать эти войска к югу от Бреста-Демблина и в результате тридцатидневного наступления выйти к северу от Остроленки, реки Нарев, Лович, Лодзь, Крайтсбург, Опелеон, Оломоуц». В документе указывались направления и других ударов, прилагалась подробная карта. Если бы Сталин внял совету Жукова (поддержанного — подписанного маршалом Тимошенко и адресованного Сталину и Молотову), война началась бы иначе. Впрочем, заместитель начальника генерального штаба (в 1991 г) генерал-полковник А. Клейменов утверждал, что документ этот не был подписан и никогда не обсуждался.

По-видимому, Жуков был в отчаянии от бездействия Сталина. Его предложение не было выражением философии наступления на Центральную и Западную Европу, но смотреть спокойно на германские приготовления Жуков, как представляется, не мог. Категорический отказ Сталина даже рассматривать это предложение стоит в ряду его других действий, направленных на умиротворение Берлина. В данном случае он не решился на шаг, оправданный с многих точек зрения. Ведь речь шла о судьбе страны, о жизнях миллионов ее жителей.

Канун

Руководители рейха отбирали союзников по степени надежности. Япония по важности была союзником номер один. Гитлер и Риббентроп были полны решимости подтолкнуть Токио к захвату Сингапура, нанося критический удар по Британской империи. 5 марта 1941 года фельдмаршал Кейтель подписал директиву Гитлера № 24 — о сотрудничестве с Японией: «Целью сотрудничества, инициированного Трехсторонним пактом, должно быть привлечение Японии к активным действиям на Дальнем Востоке так скоро, насколько это возможно». Операция «Барбаросса» создаст «особенно благоприятные политические и военные условия для этого». И тем не менее, Гитлер приказал: «Никакого намека на „Операцию Барбаросса“ японцам дано не должно быть». Их главная задача была «удержать США от участия в войне»^[35]. Посол Японии Хироси Осима 13 июня пришел к выводу, что выступление Германии против Советского Союза произойдет в недалеком будущем. Он сообщал в Токио, что Риббентроп сказал ему: Германия приветствовала бы присоединение Японии к борьбе против СССР^[36].

Гитлер был занят урегулированием связей с сообщниками в мае. Румынский диктатор Антонеску прибыл в Мюнхен и лично обещал Гитлеру принять участие в нападении. В конце мая в Германию прибыл начальник штаба финской армии. В течение недели он обсуждал обстоятельства германо-финского военного сотрудничества. Трудно объяснимым фактом является молчание Гитлера в отношении предстоящего выступления при встрече с итальянцами. Он ничего не сказал Муссолини во время майского приезда последнего в Берхтесгаден. Риббентроп 15 июня позволил себе сделать намек. В Венеции, сидя в гондоле с Чиано, он так ответил на вопрос о слухах, касающихся возможностей советско-германской войны: «Дорогой Чиано, я ничего не могу вам сказать, потому что всякое решение замкнуто в груди фюрера. И лишь одно определено: если мы выступим, Россия Сталина исчезнет на карте мира в течение восьми недель».

Из Венеции Риббентроп послал телеграмму в Будапешт с указанием венграм обеспечить боевую готовность своих войск. «Ввиду большой концентрации русских войск на восточной границе Германии фюрер, возможно, будет вынужден не позже начала июля осуществить выяснение германо-русских отношений и в связи с этим выдвинуть определенные

требования». Гитлер 18 июня в письме Антонеску обговорил последние детали. В этот же день был заключен пакт о ненападении между Германией и Турцией.

Итак, о нападении на СССР были уведомлены Финляндия и Румыния, на чьи войска немцы полагались, чьи хром, никель и нефть необходимы были для германской военной машины. В последний момент сообщения о походе на Восток получили Италия, Венгрия, Словакия и Хорватия. Только София отказалась предоставить свои войска. Союзники были уверены в скорой победе Германии и спешили занять лучшее место в новой германской Европе и спешили проявить союзническую верность, чтобы быстрее оказаться «за столом победителей».

Все основные пункты плана «Барбаросса» уже выполнялись. Строго по расписанию происходили концентрация войск, перемещение техники, поступление боеприпасов, приход в порты назначения кораблей. В военноморском журнале 29 мая появилась запись: «Началось подготовительное движение кораблей по плану „Барбаросса“». Переговоры с генеральными штабами Финляндии, Румынии и Венгрии закончились. Находясь в Берхтесгадене, Гитлер 9 июня вызвал на совещание в Берлин командующих тремя родами войск. Это было последнее предвоенное совещание такого ранга.

Цвет вермахта собрался в рейхсканцелярии 14 июня 1941 года. Генералы и адмиралы пришли выслушать последние установочные указания Гитлера. Конференция длилась с одиннадцати утра до половины седьмого вечера. Присутствующие на конференции, позднее в мемуарах поведавшие о своих сомнениях, имели хорошую возможность поделиться ими. Никто этого не сделал. Следовательно, они были солидарны с фюрером, разделяли его оценку России и цели Германии в войне с ней. Фюрер достаточно внимательно слушал соображения военных и утвердительно кивал головой.

На этом последнем большом совещании перед началом «Барбароссы» головы властителей Германии занимала возможность мирных предложений СССР в последний момент. Было решено, что в любом случае советские дипломаты не смогут «пробиться» к Гитлеру и Риббентропу. Чиновникам было предложено отвечать, что обоих нет в данный момент на месте и они находятся вне зоны досягаемости. Даже персоналу их собственных железнодорожных вагонов были даны инструкции реагировать таким немудреным способом. (Впрочем, эти приготовления оказались излишними: 18 и 21 июня посол Деканозов удовлетворился беседой с Вайцеккером, и его поиски Риббентропа 21 числа не имели вида

«отчаянных» усилий, ему было поручено вручить очередную ноту протеста.)

Подводя итоги подготовки к «Барбароссе», Гитлер еще раз подчеркнул особый характер разворачивающегося конфликта. Кейтель вспомнит об этой речи в Нюрнберге: «Главной темой было то, что предстоит решающая битва между двумя идеологиями и что практика, к которой мы как солдаты привыкли... должна определяться по совершенно иным стандартам». Гитлер, по словам Кейтеля, отдал приказы по осуществлению в России беспрецедентного террора «брутальными» методами. Ни один из присутствовавших генералов не выразил ни своего несогласия, ни своего неодобрения.

16 июня 1941 года Геббельс записал в дневник: «Фюрер заявляет, что мы должны добиться победы, не важно, правы мы или нет. Мы должны любым путем достичь победы, в противном случае немецкий народ будет сметен с лица земли»^[37].

Наконец, 21 июня Гитлер продиктовал письмо Муссолини: «Дуче! Я пишу это письмо вам в момент, когда оканчиваются месяцы беспокойных размышлений и продолжительного нервирующего ожидания перед принятием самого трудного решения моей жизни. Я полагаю — после просмотра последних карт, указывающих на положение в России и после оценки многочисленных других документов, — что я не могу взять на себя ответственность ждать дольше, и, прежде всего, я полагаю, не существует иного пути избежать опасности — если он не заключается в дальнейшем ожидании... Что бы ни случилось, дуче, наше положение в результате этого шага не может стать хуже: оно может лишь улучшиться. Даже если я обязан буду в конце этого года оставить шестьдесят или семьдесят дивизий в России, это будет лишь часть войск, которые я ныне сохраняю на Восточном фронте».

Дуче жаловался на позднее прибытие письма Гитлера: «Я не беспокою ночью даже слуг, но немцы заставляют меня вскакивать с постели в любое время без малейших предупреждений». В те минуты, когда Муссолини читал письмо Гитлера, тишина на Востоке уже взорвалась.

Прочитав письмо, Муссолини тотчас же распорядился об объявлении войны Советскому Союзу. Теперь он был более чем когда-либо зависим от немцев. Но он не мог не понимать грандиозного характера предпринимаемой ими авантюры: «Я надеюсь только на то, что в ходе этой войны на Востоке немцы потеряют немало перьев», — сказал он Чиано. У дуче пока не было сомнений в том, что немцам удастся превозмочь сопротивление своего противника, но он был уже уверен, что эта кампания

не будет для вермахта легкой.

К началу войны Гитлер построил себе центр управления восточной кампанией в сосновом лесу Мауэрвальд в Восточной Пруссии. Ближайшим городом был Растенбург, бывшая цитадель тевтонского ордена. Гитлер назвал этот центр «Волчье логово» — Вольфшанце. В глухом и мрачном лесу был создан подземный бункер. Никакие химикаты не могли летом уничтожить мириады комаров. Зимой над местностью расстилался туман — вокруг были озера и болота. Центр был окружен тремя рядами колючей проволоки. Сверху бункер был выкрашен под местную зелень, камуфляж скрывал постройки от железной дороги. Дальние подходы к Вольфшанце были заминированы, повсюду стояли посты охраны и слежения. Радиостанция, узел телефонной связи, железнодорожная станция. Шесть метров бетона для сотрудников, семь метров для фюрера. (Самое поразительное во всем этом то, что немцы смогли взорвать Вольфшанце в 1944 году.) Гитлер намерен был провести здесь короткий период восточной кампании, но обстоятельства, как известно, задержали его.

Характерно, что Вольфшанце не нравилось никому из его обитателей, в том числе и Гитлеру. Генерал Йодль определил его как «нечто среднее между монастырем и концентрационным лагерем». Большинство же видело в нем скорее второе. Это место размещения Гитлера так и не было обнаружено разведками противостоящих Германии стран. Служба Геббельса сообщала, что фюрер находится «в полевых условиях», и большинство немцев думало, что Гитлер перемещается между фронтами. В малом пространстве среди минных полей, отдавая приказы даже когда он был один (тренируя овчарку), Гитлер провел три с половиной года. Здесь, среди туманов и снегов, Гитлер пытался реализовать план «Барбаросса». Он прибыл в Вольфшанце в ночь на 22 июня 1941 года. В маленькой комнате с достаточно неприятной дубовой мебелью на стене висел портрет Фридриха Второго. В его компании Гитлер проведет годы осуществления и агонии «Барбароссы».

Для официальной пропаганды Гитлер выдвинул два тезиса: Россия готовилась выступить против Германии летом 1941 года; нежелание Британии признать свое поражение базируется на вере в конечное вступление в войну России и Америки, фактически Британия уже вступила в негласный союз с Россией. Гитлер молчал о том, о чем так красноречиво писал пятнадцать лет назад: о призвании немцев покорить Восток, о том, что туда «Германию влечет судьба», о том, что в его планы входило аннексирование территории до Урала. Но все германские офицеры и солдаты читали «Майн кампф», им дарили власти это сочинение на

свадьбах и юбилеях, это евангелие нацизма имелось в каждом доме. Рейх был идеологически вымуштрован, армию не нужно было убеждать.

Теперь предстояло убедиться в возможности покорения России в ходе одной скоротечной кампании. Фельдмаршал Клейст скажет после войны: «Надежды на победу базировались в основном на том, что вторжение произведет политический взрыв в России... и что Сталин, если последуют тяжелые поражения, будет свергнут своим собственным народом». Гитлер заверял Йодля: «Нам нужно только постучать в дверь, и вся прогнившая структура рухнет». Как пишет английский историк А. Буллок, «Гитлер не был слеп в отношении численного превосходства русских, но он был убежден, что политическая слабость советского режима и техническое превосходство немцев обеспечат ему быструю победу в кампании, которая, по его мнению, должна была длиться не дольше, чем та, в ходе которой он сокрушил Францию годом раньше. А когда он выйдет к Уралу и захватит Кавказ, его противнице Британии не поможет присоединение к ней Америки. Гигантская Евразия будет у его ног, и не будет на земле силы, способной совладать с Германией, контролирующей самый обширный континент Земли». Итак, на пути к мировому господству стояла лишь Россия, и это препятствие следовало ликвидировать в течение краткосрочной кампании.

У верховного командования вермахта не было дурных предчувствий. Грандиозность предстоящей операции странным образом лишь возбуждала. Накануне нападения, ночью, фон Браухич вернулся после инспекции войск, подготовившихся к нападению по плану «Барбаросса». Он был в высшей степени удовлетворен. Гальдер записал его оценки в дневник: «Офицеры и солдаты находятся в пике формы».

20 июня 1941 года Альфред Розенберг заявил, что СССР не является более субъектом европейской политики, он является объектом германской Weltpolitik — мировой политики. «На Западе ничто не угрожает интересам Германии, а на Востоке Германия вольна делать все что угодно по желанию фюрера — frei fur alles und jedes, was der Fuhrer wunscht»^[38].

Для Гитлера день 22 июня имел символическое значение. Именно в этот день год назад он добился своего величайшего военного триумфа: в историческом спальном вагоне Фоша среди Компьенского леса он принял капитуляцию Франции. Автор наиболее полной биографии Гитлера Й. Фест назвал решение выступить против СССР «последним и наиболее серьезным среди самоубийственных решений фюрера»^[39].

Отметим особо, что, согласно директиве ОКВ, скрупулезные и

методичные немцы должны были всячески маскировать свои приготовления только до 18 июня. Предполагалось, что из-за гигантской концентрации войск советская разведка неминуемо «прочтает» намерения германской стороны и поэтому дальнейший камуфляж будет излишен. В любом случае 13 часов 21 июня — это последний срок, после него вообще не нужно было придерживаться маскировочных усилий. Армия получила два пароля: «Альтона» — отмена операции, «Дортмунд» — начало операции.

ОКВ послало в войска пароль «Дортмунд» вечером 20 июня. Военная машина развернулась с немецкой пунктуальностью в 3.00 22 июня. Началась война на уничтожение России как страны, ее населения как неполноценных биологически и психологически индивидов.

Было ли у Сталина предчувствие? Едва ли. Судя по его и Молотова действиям, они предпочли закрыть глаза на все предупреждения. На то у них были свои резоны. На Западе Германия еще воевала с Британией, партизанская Югославия не была покорена. Вооруженные силы Германии были распылены по всей Европе, новые образцы германского вооружения еще не были запущены в производство. Импровизация на западных рубежах России отчасти, по меньшей мере, выглядела как авантюра. План «Барбаросса» строился на идее блицкрига, это был план войны без резервов, без больших материальных запасов — план одноактной операции. С точки зрения не одного только Сталина, Германия, даже с учетом ресурсов всех ее сателлитов, в потенциале уступала Советскому Союзу в соотношении материальных и военных сил. И если делать расчет на трезвомыслящего противника, то он должен был предусмотреть вариант затяжной войны с СССР. Но Гитлер был авантюристом. У него был другой опыт. Опыт Первой мировой войны был слишком лестным для германской армии. Нацизм создал мощное государство. Его критика была в Советском Союзе односторонней — здесь с трудом представляли себе умного, твердого, рационального немецкого рабочего как неколебимого солдата вермахта, а не лояльного стране трудящегося классового союзника. Вина Сталина, что он этого не учел и не предусмотрел.

В половине десятого вечера 21 июня Молотов пригласил посла Шуленбурга. Сидя в своем кремлевском кабинете, Молотов упомянул о нарушении воздушного пространства СССР немецкими самолетами. Советский посол в Берлине должен указать на эти нарушения Риббентропу. И это все. Молотов как бы сам уходил от неприятного разговора. Не таков он был в Берлине в ноябре, когда его прямые вопросы рвали словесную сеть Гитлера. Сейчас он был настроен примиренчески, если не сказать

больше. Душной ночью Шуленбург передал содержание этой беседы в Берлин. «Существует целый ряд указаний на то, что германское правительство недоволено советским правительством. Распространяются даже слухи, что между Германией и Советским Союзом готовится война... Советское правительство не в состоянии понять причин недовольства Германии... Он (Молотов) был бы признателен мне, если бы я смог объяснить ему, что создает такую обстановку в германо-советских отношениях. Я ответил, что не могу ответить на его вопросы, так как не располагаю необходимой информацией». А из германской столицы тем временем шло зашифрованное послание — длинная телеграмма Риббентропа. Она датировалась 21 июня и несла на себе гриф «очень срочно, государственный секрет, для посла лично»: «По получении этой телеграммы все зашифрованные материалы, еще имеющиеся в посольстве, должны быть уничтожены. Радиоточка должна быть выведена из строя. Пожалуйста, информируйте герра Молотова сразу же по получении моей телеграммы, что у вас есть для него срочное сообщение... Затем, пожалуйста, сделайте следующее заявление».

Накануне, двадцать первого июня, члены политбюро собрались на даче у Сталина. После обеда смотрели кино, и именно оттуда Молотов поехал на первую встречу с Шуленбургом.

В кабинете Сталина Тимошенко и Жуков ссылались на данные, представленные немецкими дезертирами и уже более жестко предлагали привести войска в состояние боевой готовности. Тем временем собрались члены политбюро. Сталин обратился к ним: «Что делать?» В ответ — молчание. Жуков вынул заранее приготовленный приказ. Сталин приказал его зачитать. Когда Жуков кончил, Сталин отреагировал нервно — «Еще рано давать такой приказ. Пожалуй, вопрос можно уладить мирным путем. Войска не должны поддаваться на провокации». Тимошенко и Жукову пришлось продемонстрировать всю свою уверенность в необходимости приказа. Они согласились на незначительные поправки, и последние возражения Сталина были сняты. Утомленный и раздраженный Сталин отправился на ближнюю дачу.

А по телефону в Кремль уже пытался прорваться адмирал Кузнецов: немцы бомбили Севастополь. В половине четвертого ночи сообщение о налете на Минск и Киев получили Тимошенко с Жуковым. У последнего был телефон дачи Сталина, и вождь был разбужен. Сталин приказал через час быть у него в кабинете в Кремле, куда Поскребышев уже созывал членов политбюро. «Собрались все члены политбюро. Сталин с белым лицом сидел за столом. В руках у него была набитая табаком трубка».

Между тем около трех ночи 22 июня в секретариат Молотова позвонили из германского посольства с просьбой о приеме. Кабинет Молотова находился в двух-трех минутах от кабинета Сталина, он выходил углом на колокольню Ивана Великого. Здесь, видя русские святыни Молотов услышал слова германского объявления войны.

Глава восьмая

Начало Великой Отечественной войны

Германская декларация об объявлении войны превосходит даже прежние лживые немецкие документы. В ней говорится, что в то время как Германия лояльно выполняла положения советско-германского договора, Советский Союз постоянно нарушал его, прибегая к «саботажу, терроризму и шпионажу» против Германии. Советский Союз подрывал «германские попытки установить стабильный порядок в Европе». Советскому Союзу вменялись в вину попытки закулисного сговора с Британией «с целью выступления против германских войск в Румынии и Болгарии... Все русские войска были сконцентрированы на широком фронте от Балтики до Черного моря, угрожая рейху... Из Англии получены сообщения относительно переговоров посла Криппса о более тесном сотрудничестве между Англией и Советским Союзом.

Суммируя все это, правительство рейха заявляет, что Советское правительство, вопреки взятым на себя обязательствам,

1) не только продолжало, но интенсифицировало свои попытки подорвать позиции Германии и Европы;

2) проводило все более и более антигерманскую внешнюю политику;

3) сконцентрировало все свои силы в состоянии боевой готовности на германской границе. Тем самым советское правительство нарушило свой договор с Германией и готовится атаковать Германию с тыла в то время, когда та борется за свое выживание. Фюрер вследствие этого приказал германским вооруженным силам устранить угрозу всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

Геббельс записал в дневнике: «Мы должны победить и сделать это быстро». При этом Геббельс отдал приказ не публиковать крупномасштабные карты Советского Союза, чтобы не нервировать население.

Германия наносит удар

Переодетые в крестьян артиллеристы в Восточной Пруссии подвозили последние артиллерийские снаряды. Радиомолчание сохранялось на огромной территории от Балтийского до Черного моря. С орудий снимали маскировочные сети. Конские упряжки подвозили орудия к границе. Здесь уже находились офицеры-корректировщики. В свои бинокли они хорошо видели советских пограничников. Чуть в отдалении офицеры поднимали бокалы с шампанским. Солдатам раздали разговорники с русскими фразами. Из немецких позиций слышались звуки аккордеона. Читавшие Коленкура офицеры размышляли над задачей, решение которой не далось Наполеону. Они были задумчивы — слишком велика страна, на которую они вскоре обрушат смерть. Русские наблюдательные пункты, лагеря и палатки были молчаливы.

Первый залп германской артиллерии раздался в три часа двенадцать минут по берлинскому времени.

Шуленбург зачитал текст германской декларации Молотову на рассвете. Нарком был у Сталина, когда пришло сообщение об экстренной просьбе германского посла о встрече. Очень вероятно, что Сталин ждал ультиматума германской стороны, он созвал членов политбюро. Молотов отправился в свой кабинет, который был в сотне метров, чтобы встретить германского посла. Услышав зачитанный Шуленбургом текст, Молотов долго молчал, затем сказал: «Это война. Вы считаете, мы ее заслужили?» Посол Германии (который будет позже казнен в связи с заговором против Гитлера 20 июля 1944 г.) был сторонником бисмарковской линии избежания войны с Россией, он читал объявление войны со слезами на глазах. От себя он осмелился добавить, что не одобряет решения своего правительства.

В германской столице посол В. Деканозов приложил много сил, чтобы встретиться с Риббентропом во второй половине дня 21 июня. Он многократно звонил на Вильгельмштрассе с целью договориться о встрече с рейхсминистром — из Кремля ему было поручено вручить еще один протест по поводу нарушения немцами воздушного пространства СССР. Ему отвечали, что министр находится за пределами Берлина. Наконец, последовало сообщение, что Риббентроп примет его в два часа ночи 22 июня. Деканозов прибыл в точно назначенный час. В огромном кабинете рейхсминистра полоса узорчатого паркета вела к затерянному в углу столу. Бронзовые статуэтки стояли у стен. Его встретил Риббентроп,

который, по словам переводчика Шмидта, «никогда еще не был таким взволнованным». Шмидт вспоминает: «Он ходил по своему кабинету взад и вперед как загнанное животное... Вошел Деканозов и, ничего не подозревая, протянул свою руку Риббентропу. Мы расселись, и Деканозов приступил к порученным ему вопросам, нуждавшимся в разъяснении. Но как только он начал, Риббентроп с каменным выражением лица прервал его словами: „Сейчас это не вопрос“». Переводчик Бережков отметил, что «лицо Риббентропа опухло и покраснело, глаза стали тусклыми и невыразительными». Бережков подумал о действии алкоголя.

Риббентроп вручил послу копию документа, который в это время Шуленбург читал Молотову. В настоящий момент, сбивчиво сказал Риббентроп, германские войска предпринимают «военные контрмеры» на советской границе. «Враждебное отношение Советского правительства и концентрация советских войск на восточной границе Германии, представляющая серьезную угрозу, вынудили правительство Третьего рейха предпринять военные контрмеры». Затем министр неожиданно быстро встал и проговорил о поручении фюрера — он «поручил мне официально проинформировать вас о предпринятых нами оборонительных мерах».

Как пишет Шмидт, пораженный посол довольно быстро пришел в себя и выразил «глубокое сожаление» по поводу происходящего: «Вы пожалеете о том, что совершили это разбойное нападение на Советский Союз. Вы за это дорого заплатите». Возложив ответственность на Германию, он «поднялся, поклонился и покинул комнату, не пожав руки». Провожая посла, Риббентроп шептал: «Я был против этого нападения». У советского посольства на Унтер-ден-Линден войска СС уже оцепили комплекс посольских зданий. Все телефонные линии были отключены. Радио же Москвы передавало обычные мирные вести. Офицеры НКВД и ГРУ на верхнем этаже посольства за тяжелой бронированной дверью жгли в специальных печах секретные документы.

Впрочем, и здесь нацизм остался верен себе. Канонада на советской границе началась за полчаса до предъявления германской ноты в обеих столицах. Получив германскую декларацию, Молотов поспешил в расположенный в Кремле неподалеку кабинет Сталина, где на него обратились взоры всех членов политбюро. Сталин опустил на стул, словно силы покинули его. Похоже, на этот раз мастера психологической интриги обошли. В своем дневнике генерал-полковник Гальдер пишет, что «русские попросили Японию быть посредником в политических и экономических отношениях между Россией и Германией».

Последняя интрига Кремля была феерической. Сталин, так долго ждавший немецкого ультиматума, решил сам проявить инициативу. Вместе с Берией и Молотовым он обсудил возможность повторения Брест-Литовска в новых очертаниях: отдать Германии значительную часть Украины, Белоруссии и всю Прибалтику. Посредником попросили быть вызванного в Кремль посла Болгарии И. Стоянова. Тот оказался большим оптимистом, чем его собеседники: «Даже если вам придется отступить до Урала, вы все равно в конце концов победите». И только когда это последнее дипломатическое усилие не дало результатов, на войну в Москве стали смотреть как на неотвратимое историческое испытание. Только когда стало окончательно ясно, что попытки восстановить статус кво ante bellum бессмысленны, советское правительство объявило о нападении Германии.

Заявление Гитлера было прочитано немецкому народу Геббельсом в семь часов утра ярким утром 22 июня. «Принужденный месяцами молчать, я наконец получаю возможность высказаться свободно. Германский народ! В этот момент начинается марш, который по своим масштабам может быть сравнен с величайшими, виденными миром. Я решил сегодня вручить судьбу и будущее Рейха и нашего народа в руки наших солдат». Гитлер, раньше стращавший силой России, теперь говорил только о ее слабости. Шести недель было достаточно для разгрома Франции, чья армия считалась сильнейшей в мире; с Россией дело пойдет легче. Гитлер утверждал, что Россия не обладает даже той силой, которой обладала во время Первой мировой войны. Ее экономическая система находится в состоянии хаоса, коммунистическая диктатура вызывает ненависть. «Нужно только громко хлопнуть дверью».

В тринадцать ночи командующий Черноморским флотом сообщил в Москву о налете германской авиации на Севастополь — за два часа до вручения послом Шуленбургом декларации об объявлении Германией войны.

Шесть тысяч жерл германских пушек уже раскалились до крайности. Четыре группы танковых армий — Клейста, Гудериана, Гота и Хепнера бросились сквозь оцепеневшую русскую оборону. Две величайшие армии мира столкнулись насмерть. Германская авиация первые полгода царил в воздухе, что позволяло говорить о классическом блицкриге.

Немцы удивительным образом не испытывали дурных предчувствий. Им не приходило в голову, что в конце концов, как пишет американский историк Вайнбергер, «попытка теснить Красную Армию по территории всей СССР могла оказаться безуспешной хотя бы потому, что гусеницы немецких танков не могли не износиться в стране таких размеров. Согласно

германским планам, советское сопротивление должно было прекратиться после достижения вермахтом линии, соединяющей Архангельск с Астраханью. Хотя эта блестящая идея держалась в секрете от русских, германские штабные карты не предусматривали ведения боевых действий за пределами этой мифической линии — более того, неясно было, что делать даже значительно западнее этой линии. Первые удары должны были оказаться решающими; в этом анализе немцы даже не знали, насколько они правы. Концепция кампании, которая будет решена в течение нескольких недель, предлагалась ими только для немцев — они победят к этому сроку. Оказалось, что первые удары не сокрушили Красную Армию, не погребли советскую систему. Германские победы были потрясающими, захваченное — огромным, военнопленные — бесчисленными; но война продолжалась на все более расширяющемся фронте. Не заключалось ли в этом нечто иное: если немцы не победят за шесть недель, смогут ли они вообще победить? Над этой простой мыслью никто в германской военной иерархии не задумывался... Гитлер не только исповедовал наиболее дикие расовые глупости, но он верил в них и основывал на них свою политику. Они предопределяли необходимость в жизненном пространстве, которое требовало ведения войны; предпосылка — предрассудок о расовой неполноценности славян с неизбежностью обуславливал порочные и ошибочные военные планы и приготовления»^[40].

Первая реакция

Уже в первые часы битвы германская авиация бомбила пять советских городов — Каунас, Ровно, Минск, Одессу и Севастополь. Начали действовать засланные диверсионные группы, их интересовали прежде всего мосты, железнодорожные развязки, места скопления советских войск. Но первое слово сказала германская авиация. Основной удар германские бомбардировщики нанесли по шестидесяти шести советским аэродромам. В первый же день критически важный мост через Неман у Алитуса был захвачен нетронутым. Гальдеровский дневник: «Русские части захвачены в их собственных бараках, самолеты стояли нетронутыми на взлетных полосах, а атакованные нашими войсками части запрашивали свое руководство, что им делать». Через пятнадцать минут после трансляции речи Гитлера Жуков издал директиву «атаковать и уничтожить врага». Но советским войскам при этом приказывалось не пересекать границу Германии. Бомбардировке должны были подвергнуться несколько немецких городов (в том числе Кенигсберг и Мемель), но не глубже 150 километров от советской границы. Советская радиосвязь с германским министерством иностранных дел сохранялась. В девять пятнадцать маршал Тимошенко отдал приказ советским войскам близ границы начать наступление и продвинуться на территорию Германии.

В полдень 22 июня московское радио, наконец, нарушило свое мирное вещание. По свидетельству Микояна, Сталин отказался выступить по радио с обращением к стране. Ему «нечего сказать народу». Заикающийся Молотов сказал притихшим огромным толпам, собравшимся у тарелок громкоговорителей: «Сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу и без объявления войны германские войска напали на нашу страну». Свое лаконичное выступление Молотов завершил словами, которые отозвались в миллионах сердец. «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

23 июня Гитлер на своем поезде «Америка» отправился в специально подготовленную военную штаб-квартиру в Вольфшанце, в Восточной Пруссии. Он поделился с окружающими: «В начале каждой кампании открываешь дверь в темную незнакомую комнату. Никогда не знаешь, что прячется внутри». Тем временем Италия и Румыния объявили войну Советскому Союзу. Вечером этого дня в Москве был создан Совет по эвакуации. Его задачей стала передислокация полутора тысяч военных

заводов и фабрик с территории Белоруссии и Украины на Урал и в Казахстан.

Руководство страны

Россия на этот раз вступила в борьбу с очередным захватчиком не имея главнокомандующего (пост главкома был отменен семнадцать лет назад). На второй день войны советское правительство и Центральный комитет ВКП(б) создали Ставку Верховного Главнокомандования. Слово ставка говорило о восстановлении традиции — последней ставкой было верховное командование России в 1914–1917 годах. Ставка, как отмечает английский историк Дж. Эриксон, была «одновременно и институтом и месторасположением». Как институт, установление, она включала в себя маршалов Советского Союза, начальника Генерального штаба, руководителей военно-морских и военно-воздушных сил, а со временем и глав родов войск. Ставка принимала решения стратегического характера, основываясь на утренних и вечерних сводках Генерального штаба. Она размещалась в комплексе кремлевских зданий. Именно здесь отмечались перемещения основных войсковых единиц. Здесь же находились и шифровальные комнаты, в распоряжении которых были три независимых батальона и несколько рот, отвечавших за связь между основными военными органами.

С 10 июля 1941 года председателем Ставки Верховного Главнокомандования стал И. В. Сталин. Он, вспоминает Жуков, «командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным и обжалованию не подлежало». Но, делится полководец, «в начале войны со Сталиным было очень и очень трудно работать. Он тогда плохо разбирался в способах, методике и формах ведения современной войны, тем более с таким опытным и сильным врагом». Маршал Василевский: «На первых порах войны Сталин явно переоценивал свои силы и знания в руководстве войной».

Оперативный контроль осуществлял Оперативный отдел Генерального штаба во главе с генерал-лейтенантом Г. К. Маландиным. Когда маршал Тимошенко возглавил Западный фронт, он взял Маландина с собой. Оперативный отдел возглавил генерал-майор Четвериков.

Реакция Запада

Британский посол Криппс, зная о предстоящем, был уверен, что немцы предварят свое выступление суровым ультиматумом и Сталин согласится с любыми условиями германского ультиматума. Посол даже не собирался возвращаться в Москву. В случае, если война все же начнется, британский посол давал Советской России не более месяца. Британская разведка определяла срок сопротивления СССР в десять дней. Британский маршал Дилл полагал, что русские могут продержаться не более шести недель.

Когда Черчилль проснулся утром 22 июня, ему сообщили о пересечении немецкими войсками границы Советского Союза. Стратегическая ситуация радикальным образом изменилась. Премьер тут же распорядился предоставить ему микрофоны Би-Би-Си в 9 часов вечера того же дня. Он начал составление речи еще утром, и весь день обдумывал каждую фразу. У него не было времени консультироваться с военным кабинетом, да Черчилль и не ощущал необходимости в этом. В процессе подготовки речи секретарь спросил, как может он идти на установление союзных отношений с СССР — не помешает ли этому вся его прошлая деятельность? Черчилль ответил: «Ни в малейшей степени. У меня только одна цель — разбить Гитлера. Если бы Гитлер вторгся в ад, то я нашел бы, как защитить дьявола в палате общин». Составив текст, Черчилль, как обычно, отошел к послеобеденному сну. А вечером, выступая перед страной и всем миром, он сказал: «Никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я за последние 25 лет. И я не отказываюсь ни от одного сказанного мною слова. Но все это бледнеет перед той гигантской картиной, которая разворачивается перед нами. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге родной земли, охраняющих поля, где их отцы работали с незапамятных времен. Я вижу их, защищающих дома, где матери и жены молятся — да, да, бывают времена, когда молятся все, — за безопасность своих близких, за возвращение кормильца, своего защитника, своей опоры. Я вижу 10 тысяч деревень России, где средства к существованию добываются на земле с таким трудом, но где все же существуют человеческие радости, где смеются и играют дети. Я вижу надвигающуюся на все это ужасающую мощь германской военной машины. Отныне у нас одна цель, одна единственная — уничтожение нацистского режима. Мы никогда не будем вести переговоры с Гитлером. И

пока мы не освободим народы, находящиеся под его ярмом, любой человек или правительство, которое сражается против нацизма, получит нашу помощь, любой человек или государство, которое сражается против Гитлера, будет нашим союзником. Такова наша политика... Из этого следует, что мы окажем любую возможную помощь России и русскому народу, и мы будем призывать наших друзей и союзников во всех частях мира занять ту же позицию и следовать ей до конца».

В контексте мировой борьбы представляет интерес позиции США. После получения известия о нападении Германии на СССР чиновники государственного департамента США провели сутки в непрерывных дебатах. В заявлении американского дипломатического ведомства говорилось, что «коммунистическая диктатура» так же недопустима, как и «нацистская диктатура». В заявлении не было никаких патетических слов по адресу жертвы агрессии, но заканчивалось оно выводом, что США помогут русским, поскольку Германия представляет собой большую угрозу. Через два дня президент пообещал помощь Советскому Союзу, но подстраховал это обещание указанием, что официально Советское правительство ни о чем еще не просило и что главным получателем американской помощи остается Англия.

Но не все было так просто в Лондоне и Вашингтоне. Как пишут англичане (историк А.-Дж.-П. Тейлор), «заявление Черчилля было встречено рабочим классом с энтузиазмом. На более высоком уровне ситуация была иной. Лидеры лейбористов превзошли консерваторов в недоверии к России, они не верили ни в ее искренность, ни в ее силу. В Военном кабинете только Бивербрук горячо поддержал Россию. Черчиллю и в голову не пришло (и в еще меньшей мере другим министрам), что Великобритания и США приобрели союзника, который выигрывает для них войну против Германии.»

Но и в Москве не сразу восприняли дружественность Запада. Американский посол Стейнгард цитирует слова Криппса, сказанные Сталину: «Десять лет взаимного недоверия не могут быть нейтрализованы в десять дней»^[41].

Британской военной миссии было поручено узнать о военных потребностях Советского Союза. Ведущие английские военные эксперты разделяли германскую точку зрения, что сопротивление России в 1941 г. не будет долгим. (Напомним, что даже те из германских генералов, которые впоследствии высказывали сомнения в мудрости фюрера, в то время полагали, что Россия будет покорена до конца года). В середине июня 1941 г. британские официальные оценки сводились к тому, что германские

армии достигнут Кавказа в конце августа или, в крайнем случае, в начале сентября 1941 г. (Историческим фактом является требование британских военных уничтожить кавказские месторождения нефти, чтобы немцы не смогли ими воспользоваться).

Британские военные специалисты питали скепсис относительно военных возможностей СССР, но сковать часть сил Германии было очень желательным. Восточный фронт должен был держаться настолько долго, насколько это возможно. Бывший военный атташе Британии в Берлине генерал Мейсон-Макфарлейн был 24 июня назначен осуществлять функции координации в Москве. В первые дни своего пребывания в советской столице он не питал особых надежд на выживание России. Но постепенно его взгляды менялись.

Американский военный министр Г. Стимсон увидел в германском вторжении «почти жест провидения», защитивший Британию и позволяющий Соединенным Штатам надеяться на выигрыш в «битве за Атлантику», позволяющий оккупировать Исландию. Франклин Рузвельт сказал лорду Галифаксу, что Гитлер «сделал свою первую большую ошибку», теперь у демократий появилось время вооружиться^[42]. Если Красная Армия, сказал президент, продержится до октября, то зима вынудит немцев отложить решающие операции до весны, и в этом случае их победа будет проблематична, более того, резко увеличится шанс германского поражения. «А чтобы этого добиться, я пожму руку самому дьяволу»^[43].

Президент Рузвельт в большей мере, чем его советники верил в способность Советского Союза выстоять. Одним из источников этой веры в способность России была дружба со старым (со времен кабинета Вудро Вильсона) приятелем Джозефом Дэвисом, бывшим американским послом в Москве в 1937–1938 годах. С другой стороны, Гарри Гопкинс, самый близкий друг президента посетил советскую столицу в конце июля 1941 года и возвратился с твердым убеждением, что Россия выстоит. На заседании кабинета министров 1 августа 1941 года Рузвельт провозгласил, что «помощь России имеет чрезвычайную важность для безопасности США». 11 сентября Объединенный комитет армии и флота пришел к выводу, что русский фронт дает самые большие шансы для наземного наступления против Германии, поскольку только Россия обладает адекватной наземной мощностью и находится «вблизи центра германской военной мощи».

Но не стоит забывать и того, что ленд-лиз был распространен на

Россию только в ноябре 1941 года. (В течение лета и осени Рузвельт постоянно подчеркивал, что Соединенные Штаты не будут втянуты в войну. А это было время, когда Россия нуждалась в помощи более всего.)

Со стороны советского правительства на изменение позиций Запада в сторону дружественности не последовало никаких особых комментариев, но «Правда» опубликовала выдержки из речи Черчилля. Не получив официального ответа, Черчилль написал письмо Сталину 7 июля 1941 г. 10 июля через Криппса он передал еще более детализированное письмо Сталину, в котором говорилось о принципах совместных действий. 19 июля 1941 г. Черчилль, наконец, получил первое личное послание от Сталина. Оценивая в целом последовавшую обширную переписку со Сталиным, Черчилль замечает, что отношения с советским руководством складывались далеко не просто. Он пишет, что в их переписке «было слишком много упреков. Во многих случаях мои телеграммы оставались без ответа в течение нескольких дней». Разница в политических и культурных взглядах была слишком велика. Тем не менее, Черчилль воздал должное своему союзнику: «Сила советского правительства, твердость русского народа, неисчерпаемые запасы русской мощи, огромные возможности страны, жестокость русской зимы были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии».

12 июля 1941 года СССР и Великобритания подписали в Москве соглашение о сотрудничестве. Обе страны пообещали друг другу не заключать сепаратного мира — в требовании подписания такого соглашения сказались подозрительность Сталина в отношении страны, которую тот всегда преувеличивал как противника России.

Но значимость этих факторов отнюдь не была очевидной в 1941 г. Посетившие Чекерс (резиденцию британского премьера) сэр Джон Дил и американский посол Вайнант полагали, что России удастся сопротивляться лишь шесть недель. Другие, включая Идена и Стаффорда-Криппса давали чуть больший срок. Черчилль слушал все это и резюмировал по-своему: «Готов побиться об заклад, что русские будут сражаться, и сражаться победоносно, два года после этого дня». В своих оценках потенциала Советского Союза, его возможностей выстоять в борьбе с Германией Черчилль ставил мощь СССР гораздо выше, чем его военные эксперты. Черчилль полагал, что Россия выстоит, хотя борьба и будет долгой. Но и он тогда едва ли мог себе представить, что между 1941 и 1944 годами три из четырех миллионов германских войск будут сражаться на Восточном фронте, что из 13,6 млн. общих германских потерь на Россию придется десять миллионов.

Подготовка западной союзнической помощи Советскому Союзу началась в середине августа 1941 года. Первый из сорока караванов кораблей в северные советские порты отправился 21 апреля 1941 года из Исландии в Мурманск. Примерно сто из восьмисот кораблей будут потоплены немцами в холодных арктических водах, но это была помощь в нужный час, в час, когда решалась судьба страны, — и мы не должны ее забывать. Другим возможным путем получения помощи был Иран. Чтобы обеспечить этот путь, советские и британские войска в августе 1941 года оккупировали Иран. По этому пути пройдет некоторая часть английской помощи и четверть американской помощи России. Переведенные в Средиземноморье самолеты Кессельринга — вот вклад англичан в битву под Москвой.

В сентябре 1941 года Бивербрук и представитель Рузвельта Гарриман посетили Москву. Речь шла о подписании политического соглашения с Россией. При этом англичане и американцы отказались подписать соглашение, гарантирующее СССР предвоенные границы, хотя права России на балтийские государства и восточную часть Польши были (цитирую знаменитого английского историка А.-Дж.-П. Тейлора) «более обоснованными по сравнению с правом Соединенных Штатов на Нью-Мексико. Фактически англичане и американцы применяли к русским нормы, которых они не применяли к себе».

18 ноября английские войска нанесли удар по войскам Роммеля в Северной Африке, что тоже было вкладом в борьбу с Германией в решающие для России дни. Долговременность предстоящей борьбы требовала тщательно координированных усилий, и Черчилль приступил к выработке стратегии антигитлеровской коалиции. Он полагал, что на текущем этапе СССР должен связать силы немцев, а США — японцев. Нападение Германии на СССР сразу же давало англичанам шанс сохранить за собой Египет и Суэцкий канал. И о России Черчилль в ноябре 1941 года говорит, что она в текущий момент больше нуждается в Британии, чем Британия в ней. Он рассматривал возможность посылки на юг советско-германского фронта двух британских дивизий, но обострение обстановки в Ливии изменило его планы. Через своего резидента Кима Филби советская разведка знала о британских планах. Под давлением Москвы Лондон порвал дипломатические отношения с Финляндией, Венгрией, Румынией.

Рузвельт со своей стороны готовил общественное мнение к идее необходимости помощи России. Не забудем и другое. Читая японский радиокод, зная детали переговоров стран «оси», Вашингтон наблюдал за попытками японцев помирить Германию и Россию с тем, чтобы совместно

обрушиться на англичан. Особенно упорно Токио убеждал немцев подписать сепаратный договор на Восточном фронте.

Смятение

Главной ошибкой советского командования было размещение частей Красной Армии таким образом, который удовлетворял вермахт более всего, — при впечатляющей общей массе советских войск не было организовано оборонительных порядков в глубине обороны. Войска покинули фортификационно прикрытые позиции 1939 года, но не укрепились на новых, выдвинутых вперед позициях. Рассредоточенные на огромных территориях, части Красной Армии не были связаны между собой коммуникационно, не имели четкой системы снабжения. Между частями и подразделениями существовали грандиозные прорехи, позволявшие противнику легко рассекать фронт. В течение решающих первых дней московское руководство не обеспечило управление войсками, которые как раз в эти часы нуждались в координации и управлении более, чем когда бы то ни было. Даже оповещение о начале войны последовало спустя много часов после фактического начала боевых действий. Вершиной этой смеси иррациональности и преступной несобранности был поступивший вечером первого дня войны приказ «немедленно отбросить войска противника на его территорию». Это было свидетельством того, что кремлевские стратеги потеряли связь с реальностью. Этот приказ имел отнюдь не чисто психологические последствия, армейские части бросались туда, где их ждало заведомое поражение, где смерть косила лучшие — кадровые части армии. Много пройдет месяцев, прежде чем новая, молодая поросль обретет необходимый опыт, профессиональную выучку.

Одним из наиболее популярных суждений по поводу плана «Барбаросса» является указание на потерю месяца-полтора из-за битвы на Балканах, что якобы и спасло Россию с ее ранней зимой. Далеко не все историки разделяют это суждение. Такие специалисты, как англичанин А.-Дж.-П. Тейлор, считают подобные послышки «легендой, придуманной немецкими генералами для оправдания своего поражения в России и фактически ни на чем не основанной. Лишь 15 из 150 немецких дивизий, предназначенных для первого удара, были отвлечены на Балканы, вряд ли это серьезная потеря. Планы мобилизации в Германии для Восточного фронта не были выполнены к 15 мая по совершенно другой причине: вследствие недостатка снаряжения, особенно автотранспорта. Гитлер пытался начать тотальную войну, опираясь на экономику мирного времени. Даже при месячной отсрочке 92 немецкие дивизии, т. е. 40 % общего числа,

пришлось снабжать из французских ресурсов. Отсрочка, возможно, даже оказалась кстати, поскольку после весеннего таяния снега земля просохла к середине июня».

Первый страшный удар по Советскому Союзу нанесла германская авиация. В нападении были задействованы 2700 самолетов люфтваффе (60 % всей военной авиации Германии). Их эффективность была страшной. В течение первой недели войны немецкие самолеты уничтожили на земле и в воздухе более 4000 советских самолетов. Небо на долгие месяцы стало немецким, что обеспечивало танковым колоннам, не боясь воздушных ударов, сосредоточиться на земных целях.

Генерал-полковник Франц Гальдер, начальник штаба ОКХ — лицо, ответственное за ежедневную оценку Красной армии, — записал в дневнике 22 июня 1941 года: «Общая картина первого дня наступления такова: противник был захвачен немецким нападением врасплох. Тактически он не был развернут для обороны. Его войска в приграничной зоне находились в своих обычных местах расположения. Охрана границы в целом была плохой. Тактическая внезапность привела к тому, что вражеское сопротивление непосредственно на границе оказалось слабым и неупорядоченным, а потому нам удалось повсюду захватить мосты через приграничные реки, прорвать находившиеся вблизи границы позиции пограничной охраны (полевые укрепления). После первого шока противник вступил в бой. Наступлением наших дивизий на всех участках противник был отброшен с боями в среднем на 10–12 км. Тем самым был открыт путь моторизованным соединениям».

Смятение в Москве длилось несколько дней. Из столицы не поступало четких приказов. Собственно, действовал лишь один приказ — сражаться до последнего. Генералы, отдавшие приказ отступить или просто вынужденные отступить, были расстреляны. 29 июня вышла основополагающая директива правительства и партии: «Война радикально изменила всю ситуацию, наша родина находится под страшной угрозой, и мы должны быстро и решительно перевести всю нашу работу на военные рельсы». Теперь речь пошла о борьбе за выживание. Руководство страны призвало «не оставлять врагу ни единого локомотива, ни грузовика, ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозы должны уводить свой скот... вся имеющая ценность собственность, включая металл, хлеб и горючее, которые не могут быть взяты с собой, должны быть все без исключения уничтожены». То было первое указание на то, что западная «прогулка» в России не повторится. Врага ждала выжженная земля.

Вскоре же был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО). В

него вошли всего восемь высших руководителей государства, но его функции стояли над всеми законами. Члены ГКО имели право заседать в ставке. Так обозначилась сверхцентрализация управления в стране, вступившей в смертный бой. (Одним из теоретиков, подготовивших систему «ГКО — ставка», явился маршал Шапошников, предсказавший эффективность этой системы еще в начале 30-х годов). Сталин, ушедший ото всех на трое суток сразу после начала войны («в плохом настроении и нервный», по словам очевидца), выступает снова на первый план.

Но пока в Москве не было серьезной оценки быстро меняющихся событий. Сталин и его помощники на этом этапе теряют время, обсуждая, какой тип винтовки (стандартная или кавалерийская) выдавать войскам, нужен ли штык, каким должен быть этот штык и т. п. Маршалы Советского Союза и генерал Жуков, возглавлявший генеральный штаб, разъехались по фронтам. Характерной своей беспардонностью маршал Кулик приземлился 24 июня в расположение генерала Болдина около Белостока, чтобы увидеть своими глазами 10-ю армию, пытающуюся в условиях нехватки горючего и боеприпасов выйти из-под готового замкнуться германского окружения. Не зная ожидаемого совета и руководства, Кулик посоветовал «продолжать действовать» и улетел, что командир корпуса Никитин прокомментировал как «странный визит». Неподалеку Шапошников и Ворошилов видели своими глазами, как контроль над критически важным Западным фронтом ускользает из рук его командующего — генерал-полковника Павлова.

Командование Северо-Западного фронта (генерал-полковник Кузнецов) строило свою тактику на контрударах — особенно в отношении танковых ударов немцев в приграничном районе. Просчеты такой тактики сказались быстро. 11-я армия генерала В. И. Морозова отступила от старой крепости Каунаса к месту сосредоточения относительно боеготовых дивизий и начала контратаку. Атакующие, прямолинейно действующие нападающие при умелой огневой обороне теряют гораздо больше. И в данном случае части Морозова понесли огромные потери, не добившись при этом желаемых результатов. Когда Морозов 25-го июня позвонил Кузнецову, тот отказался с ним разговаривать и назвал его «немецким шпионом». В пику атакующему его 4-му танковому корпусу немцев, Кузнецов призвал свои танковые части «осуществлять операции небольшими подразделениями». Такая тактика свела на нет большие танковые резервы Красной Армии. 690 танков полковника Черняховского 23 июня стояли без горючего, а в ходе трехдневного боя 23–26 июня 250 советских танков встали на пути 1-й танковой дивизии вермахта. Немцы довольно быстро справлялись со старыми моделями советских танков, но

огромные, тяжелые КВ («Клим Ворошилов») поразили германских танкистов. Атака советских КВ заставила элитарную первую танковую дивизию сначала обороняться, а затем отступить. Но немцы вели себя гораздо энергичнее и маневреннее, они разместили на соседних высотах батареи тяжелых орудий и буквально расстреляли танки, против которых не действовали обычные противотанковые ружья.

Это был первый случай столкновения советских и германских сил, и в какой то-момент немцы дрогнули. Да, они быстро вышли из положения, Манштейн мчал вперед, оставляя позади огромные массы советских войск. Но на мгновение в эти жаркие июньские дни они усомнились в своей безусловной непобедимости. И все же даже для самых критичных немцев реальность уже была обескураживающе благоприятна: в районе Двинска (Даугавпилса) зияла дыра, сквозь которую Лееб вводил все новые силы. Северо-Западный фронт терял способность организованного сопротивления. Как будто советские военачальники никогда не слышали о минных полях, о бетонированных огневых точках «линии Маннергейма», о способах остановить рвущегося врага иным, кроме как контратака, способом. Еще об одной удивительной слабости вспоминает начальник связи Северо-Западного фронта Т. П. Каргополов: «Офицеры штаба продолжали рассматривать телефон как главное средство связи. В случае обрыва линии у них как бы автоматически отключалась связь с подведомственными войсками, хотя радио еще работало. В этих случаях, когда им предлагалось использовать радио для передачи критически важной информации, они всячески выражали сомнение в отношении этого вида связи». Все это препятствовало изобретательной и скоординированной обороне.

Манштейн взял Двинск, захватил мосты через Западную Двину и стал укреплять плацдарм на правом берегу Западной Двины. Маршал Тимошенко приказал устроить рубеж обороны по берегу Двины, но было поздно — немцы расширяли плацдарм. Направившиеся из резерва 98 танков Лелюшенко позволили Кузнецову думать вновь о контратаке, и он назначил ее на 10 часов утра 29 июня: направление удара — даугавпилсский плацдарм немцев. Манштейн назначил свое наступление на 5 часов утра. Вечером этого дня немцы взяли под свой контроль мосты через Западную Двину у самой Риги. У Лелюшенко осталось лишь семь танков. Тимошенко приказал Кузнецову закрепиться на следующей реке — Великой. Наспех собранные части контратаковали еще раз и были снова разбиты танковой атакой немцев, обходящих очаги сопротивления, а не стремящихся к лобовой схватке.

Неправильно думать, что Москва не ощутила несчастья мгновенно. Уже 28 июня прибывшему в Ставку Еременко маршал Тимошенко с большим реализмом описывает грандиозный масштаб разворачивающейся близ границы катастрофы. Тимошенко признал, что попытки организовать контрудары лучшими — регулярными — частями Красной Армии провалились.

Самоуверенность агрессора

Германский лейтенант 29-й моторизованной дивизии писал о том, что «русская оборонительная система представляет собой ряд стеклянных домов». Впереди двигались мотоциклисты и бронированные автомобили, поддерживаемые легкими танками, средняя скорость составляла до сорока километров в час. Вслед за ними продвигалась основная масса танков, поддерживающая между собой постоянную радиосвязь. За ними двигалась моторизованная пехота и дивизионная артиллерия. Лишь за ними шла германская пехота. Между танковыми командирами и германскими пехотными частями возникло жесткое противоречие. Главы танковых групп требовали от пехоты быстрого продвижения, пехотные командиры настаивали на замедлении движения танков, требуя помощи в уничтожении окруженных советских войск.

Как уже говорилось, 26 июня немцы пересекли нетронутые мосты через Двину, их войска были уже на расстоянии 250 километров от границы. В тот день Финляндия объявила войну Советскому Союзу. А в далекой Вероне Муссолини устроил смотр итальянской дивизии, отправляемой на советский фронт. В тот же день Жуков, возвратившийся в Москву из Тернополя, предложил создать оборонительный рубеж по линии Дрисса-Полоцк-Витебск-Орша-Могилев-Мозырь. Стало ясно, что в Москве серьезно думают об отступлении. В Ленинграде было остановлено строительство всех гражданских объектов, и 30 тысяч строителей стали создавать оборонительные сооружения в районе Луги.

По оценке Г. К. Жукова, «для нас оказалась неожиданной ударная мощь немецкой армии, для нас оказалась неожиданностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях; для нас оказались неожиданностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара»^[44].

И все же Красная Армия, в отличие, скажем, от французской, не была деморализована первыми потрясающими успехами немцев. Сопrotивление продолжали даже разбитые батальоны. Импровизация, разумеется, не всегда означала разумное руководство, но Москва продолжала искать ключи к собственной системе руководства армией, к упорядоченному характеру действий. Сотни тысяч гражданских лиц безропотно вышли на изнурительные фортификационные работы не потому, что их гнала туда репрессивная система, а потому что было нечто, чего не нужно было

объяснять. Траншеи, рвы, блиндажи чаще всего не были использованы, фронт быстро катился на восток, но жертвенное чувство к своей стране не могло уничтожить ничто. Это чувство практически не зависело от имени тех, кто подписывал высокие приказы, кто на жестоких ошибках учился воевать с лучшей армией мира. Это чувство было бездонным. Уже летом 1941 года стало ясно, что Россию можно уничтожить, но нельзя поставить на колени.

И о государстве. Можно говорить о сталинском режиме все, что угодно, но даже западные историки признают, что, несмотря на масштабность жесточайших поражений, «контролирующая система (пишет американский историк Г. Вайнберг) советского государства функционировала если и не эффективно, то достаточно эффективно в сравнении с царским режимом и режимом Временного правительства в Первую мировую войну, достаточно эффективно по сравнению с тем, что уверенно ожидали от него немцы во Второй мировой войне». А в тылу разворачивались такие производственные мощности, о которых немцы ничего не знали и что повергло бы их в ужас, знай они о них.

Новый реализм медленно, но верно овладевает советским командованием в Москве. Уже в начале июля Ставка приходит к выводу, что Северо-Западный фронт слишком слаб, чтобы суметь решить одновременно две задачи — сохранить военно-морскую базу Таллин и оградить подступы к Ленинграду. После всех (колоссальных) потерь, этот фронт имел 1442 орудия. В дивизиях осталась треть первоначального состава. Генерал Кузнецов был снят с поста командующего фронтом, его 4 июля заменил генерал Собенников, начальником его штаба стал Н. Ф. Ватутин. Козлом отпущения стал прежний начальник штаба фронта генерал-лейтенант П. С. Кленов. Интенсивно укрепляемой стала линия Нарва — Луга — Старая Русса — Боровичи. Укрепления строились на глубину до десяти километров, антитанковые препятствия строились интенсивно. Здесь, в ста километрах от Ленинграда, была создана «Лужская оперативная группа» (ЛОГ) во главе с генералом Пядышевым. А за его спиной уже создавалась еще одна оборонительная линия: Петергоф — Гатчина — Колпино. Более того, готовилась линия боя, идущая по самому Ленинграду. Но главные усилия сосредоточились вокруг Луги. Записи генерала Зайцева: «Половина прибывших копает траншеи и ставит антитанковые надолбы. Другая половина работает на сотнях огневых точек, создаваемых из бетонных блоков, бревен, дерева, камней в зоне укрепленных препятствий. Ничего не хватает — грузовиков, лопат, десятников. Но каждый стремится обеспечить армию оборонительной

линией как можно скорее. Они работали дни и ночи напролет, они спали на брустверах и в траншеях, и они спорили о глубине и ширине укреплений, где разместить колючую проволоку».

В Москве уже видели слабости. Оперативный отдел жаловался на отсутствие достоверных сведений о продвижении германских частей. 8 июля восьмая танковая дивизия немцев вышли к реке Великой. Саперы взорвали железнодорожный мост с немецкими танками на нем. Но 9 июля немцы все же вошли в Псков. Утром 10 июля о падении Пскова узнали защитники Лужского оборонительного района. Теперь после оборонительной линии по Великой наступила очередь Луги. Сталин послал возглавлять Северо-Западный фронт своего старого протеже — маршала Ворошилова.

Центральное направление

И все же главные события развивались на Западном фронте. Здесь командующий генерал-полковник Павлов ввел в действие резервные силы уже 25 июня, чтобы создать оборонительную линию Лида — Слоним — Пинск. Павлов был полон решимости преградить путь немцам на Москву, позади стояла резервная армия маршала Буденного. Немцы действовали стремительно. Танковая группа Гудериана пробилась через Барановичи, а севернее третья танковая группа (Гот) пошла к тому же Минску через Вильнюс — Молодечно. У Павлова не было выбора, как отдать приказ отступить на подготовленную за спиной оборонительную линию. Уже 23 июня атакующие немцы вошли в Гродно и пересекли Неман. К 26 июня лучшие командиры Красной Армии стали жаловаться на нехватку горючего и боеприпасов. Утром 25 июня офицер связи обнаружил у Барановичей три бронированные машины, в средней сидел командующий фронтом генерал Павлов. Он еще не потерял надежды: Западный фронт несколько отступает, но под его прикрытием восточнее, на Днестре, концентрируются резервные войска. Но до Днестра было еще далеко, а в предполагаемом укрепленном районе Слуцк не оказалось ни войск, ни вооружений — их несколько дней тому назад отослали в Брест.

В семь часов вечера 25 июня немецкая танковая колонна была обнаружена в 50 километрах к северо-западу от Минска. Утром следующего дня Павлов перевел свой штаб в несчастливый (память о ставке Первой мировой войны) Могилев. Минск уже представлял собой скопище стремящихся на восток автомобилей и находящегося в шоке населения, смятение и всеобщие поиски субординационных связей. В этот день войскам вокруг Минска оставался лишь 50-километровый коридор, позволявший вырваться из столицы Белоруссии на восток.

Незнакомый с удачей Тимошенко уже знал о катастрофических событиях на Западном и Северо-Западном фронтах. Вечером 26 июня маршал собрал офицеров инженерного корпуса и приказал им взрывать все мосты, ведущие на восток, разрушать ведущие в глубину страны дороги, всячески препятствовать продвижению немцев. Прибывший из генерального штаба генерал Маландин мог сообщить только «самую общую» информацию. Никто не знал, где имелись мины и сколько их. Офицеров поразило, что Тимошенко не упомянул в своем ориентировочном сообщении товарища Сталина. В штаб-квартиру Западного фронта

Тимошенко послал Шапошникова и Ворошилова, а Буденный получил приказ подготовить оборонительную линию от Западной Двины по Днепру. Из Москвы прибыли три специальные подразделения по уничтожению мостов и любых оставляемых ценностей. Бдительная охрана одного из мостов приняла их вначале за немецких диверсантов.

Гот и Гудериан сомкнулись в Минске 28 июня, оставляя за собой грандиозную массу оказавшихся в окружении частей и соединений. А потерявший связь с реальностью Павлов именно 28 июня приказал уже невозможное: «Нарком и Военный совет Западного фронта подтверждают 13-й армии, что Минский укрепленный район должен удерживаться даже под угрозой окружения». В жизни же было иное. Гордость Павлова — 6-й механизированный корпус был разбит, лишь одна дивизия (Яшин) вырвалась на восток от Минска. Генерал Болдин объединил ряд частей и, не зная где линия фронта, прорывался по компасу на восток.

Павлов приказал держать оборону по Березине «так долго, насколько это возможно». Очевидцы описывают потрясенного событиями Павлова (глаза впали, тело исхудало), отчитывающего подчиненных за слишком легко сданные города. Рано утром 29 июня в Могилев прибыл А. И. Еременко. Ему сказали, что Павлов завтракает в лесной столовой. Еременко положил перед Павловым приказ о его снятии, на что тот спросил: «Куда мне идти?» Последовал ответ — в Москву. Последовала горькая беседа с упреками и горестными вопросами. Тут же собрались штабные офицеры. Ворошилов высказал главную мысль: «Павлов плохо руководил войсками». Шапошников давал советы, где разместить резервы, Ворошилов готовил партизанскую войну. Тимошенко прислал приказ: «Остановите германское наступление». Еременко пришел к заключению, что информация о противнике абсолютно недостаточна. Главная задача — удержать рубеж по Березине.

Характер боевых действий

Немецкому солдату предписывалось быть «носителем безжалостной расовой концепции» («Träger einer unerbittlichen volkischen Idee»). Германское руководство ожидало, по словам американского историка Вайнберга, что «низшая раса славян, управляемая некомпетентными еврейскими большевиками, не сможет ни организовать, ни повести за собой эффективно действующие вооруженные силы». Реальность оказалась несколько иной. Уже 22 июня бросившиеся вперед немцы ощутили отличие их нового противника от всех прежних.

Начальник штаба четвертой немецкой армии генерал Блюментрит: «Первые сражения в июне 1941 года показали нам, что такое Красная Армия. Наши потери достигли 50 процентов. Пограничники защищали старую крепость в Брест-Литовске свыше недели, сражаясь до последнего человека, несмотря на обстрел наших самых тяжелых орудий и бомбежку с воздуха. Наши войска очень скоро узнали, что значит сражаться против русских».

Англичанин А. Кларк пишет о «скорости и глубине танкового удара; безостановочной вездесущести люфтваффе; блестящая координация всех родов войск придавала немцам ощущение непобедимости, неведомое нигде со времен Наполеона. Но русские, казалось, не знали этого, как не знали они правил германских военных учебников... Словно гигантские кедры стояли они прямо, хотя корни их уже были подорваны, они стояли будучи обреченными, чтобы вскоре погибнуть». И они предпочитали погибнуть, они не гнулись.

24 июня генерал Гальдер отметил появление на фронте нового танка — Т-34. («Новый тяжелый танк у противника!») Немцы уже захватили большую территорию, но в воздухе витало нечто новое для немецких мастеров блицкрига. Русские были согласны отдавать десять своих жизней за жизнь одного немца. Именно тогда полковник Берндт фон Клейст написал примечательные слова: «Германская армия сражается в России как слон, атакующий гнездо муравьев. Слон убивает их тысячами, возможно миллионами, но в конечном счете их масса одолеет слона, они его обглодают до костей».

Уже 23 июня Гальдер жалуется, что нет пленных. На следующий день он пишет об «упорном сопротивлении отдельных русских частей». По виду все напоминало кампанию во Франции — ликующее движение вперед,

солнце над головой и потрясенные лица в окнах и за заборами. Различие прежде всего показали дороги — бесконечная смена шин на конфискованных французских грузовиках. Но было и нечто бесконечно более важное, о чем записал капитан 18 танковой дивизии: «Несмотря на огромные пройденные расстояния, не было чувства, которое у нас было во Франции, не было чувства, что мы входим в побежденную страну. Напротив — здесь было сопротивление, всегда сопротивление, каким бы безнадежным оно ни было. Стоящее одиноко орудие, группа людей с винтовками... однажды из дома выбежал на дорогу парень с гранатой в руке». 29 июня Гальдер записывает: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека... Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. Теперь наши войска должны сражаться в соответствии с учебниками ближнего боя. В Польше и на Западе они могли пренебречь правилами, но здесь снова пришлось вспомнить о них».

Танковый гений Германии — генерал Гудериан напомнил, что «еще Фридрих Великий сказал о русском солдате, что его нужно два раза застрелить и потом еще толкнуть, чтобы он, наконец, упал. Он правильно оценил стойкость этого солдата. В 1941 году мы должны были прийти к такому же выводу. С негибимой стойкостью удерживали эти солдаты свои позиции». Озадаченная упорством обреченных русских, дивизия СС «Мертвая голова» издала приказ особо жестоко обращаться с теми, кто предпочитает сражаться, но не сдаваться. 140 партизанских отрядов уже начали действовать между Львовом и Ровно.

Английский историк М. Гилберт приводит описание того, как 27 июня в деревне Низвеж немецкий солдат избивал «невысокого русского военнопленного с монгольскими чертами лица. Пленный не знал, за что его подвергают избиению и чего желает от него немец. Он стоял молча, не защищаясь от ударов. Внезапно пленный поднял свою руку и нанес страшный удар в скулу избивающему его немцу. Кровь выступила на лице немца. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, один — кипя негодованием, другой спокойно. Несколько немцев оттащили пленного за забор. В воздухе эхом отозвались выстрелы».

28 июня, когда немцы были в Минске, финны и немцы обрушились на Карелию. Изучая итоги боев «Мертвой головы», Гальдер заметил: «Информация с фронтов подтверждает, что русские обычно сражаются до последнего солдата». Он отметил повсеместное истребление мостов и переправ. Нацистский офицер «Фелькишер Беобахтер» сообщал своим читателям 29 июня, что русский солдат «превосходит наших противников

на Западе в своем презрении к смерти. Терпение и фатализм заставляют его держаться в окопах, пока его не подорвет граната, либо его поразит смерть в рукопашном бою».

29 июня Москва приказала уничтожать скот и все движущееся, «не оставляя врагу ни единого паровоза, ни одной автомашины, ни единого куска хлеба, ни литра горючего». Россия приступала к практике «выжженной земли». В то же время началась эвакуация детей из Ленинграда. Пал Львов.

30 июня Гальдер праздновал в ОКХ свой день рождения. Спустившись в столовую, начальник штаба армии получил от коллег букет полевых цветов. Браухич преподнес розы. Сам фюрер благосклонно пожаловал на чай и подарил ведерко со сливками. Но более всего радовали новости из России. Накануне русские потеряли двести самолетов — в основном старые бомбардировщики ТБ-3. Значит противник собирает из центральных областей остатки авиационных средств. Их войска отступают. Лучшая минута праздника наступила, когда Гальдер произнес: «Русские потерпели поражение в этой войне в течение первых же восьми дней».

На Украине Кирпонос отдал приказ отходить к старой «линии Сталина». В Белоруссии основная часть войск Павлова окружена у Минска и Слонима. Именинник приказал готовиться к форсированию Днепра. Он смотрел в будущее: консерваторы свергнут Черчилля в Англии, чтобы избежать коммунистической революции; после войны Германия должна будет объединить всю Европу. На востоке будет создан некий гибрид Римской и Британской империй, вырастет особая раса вице-королей, задачей которых будет господство над миллионами славянских илотов.

В ночь на 1 июля шедевры Рембрандта, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Рубенса, Эль Греко отправились из Эрмитажа в глубь страны. А в Могилеве сразу два маршала — Ворошилов и Шапошников — инструктировали остающихся за линией фронта партизан. «Взрывайте автомобили с солдатами и офицерами. Постарайтесь замедлить движение врага на фронт. Взрывайте поезда с войсками, оборудованием и оружием. Взрывайте их базы и склады». Пала Рига. 2 июля сталеплавильный завод в Мариуполе начал отгрузку своей техники в Магнитогорск. Государственный комитет обороны приказал отгружать заводы из Киева, Харькова, Москвы, Ленинграда и Тулы на восток.

3 июля — на одиннадцатый день войны, обращаясь на этот раз к «братьям и сестрам», Сталин признал тяжелые потери (Литва, Латвия, Западная Белоруссия, часть Западной Украины). Он оправдывал заключенный в 1939 году Пакт с Германией: «Была ли это серьезная

ошибка? Конечно, нет». Он сказал об опасности нависшей над страной. «Военные трибуналы будут судить всех, кто совершил просчеты в нашей обороне, кто впал в панику и допустил предательство». Сталин призвал к созданию партизанских отрядов и к созданию на пути захватчиков выжженной земли. Горизонт не совсем темен: Британия и во все большей степени Америка становятся союзниками Советского Союза. Наступившая война — патриотическая, народная.

Сталин, свидетельствует К. Симонов, говорил бесцветным голосом, с сильным грузинским акцентом. «Один или два раза во время его речи можно было слышать, как звенит стакан, когда он пил воду. Его голос был низким и мягким, и он казался бы абсолютно спокойным, если бы не его тяжелое, усталое дыхание и то, что он продолжал пить воду... Сталин не описывал ситуацию как трагическую; трудно было бы представить его, произносящим такое слово; но то, о чем он говорил — ополчение, партизаны, оккупированные территории, — означало конец иллюзий».

Наступила новая эпоха. «Сталин, — пишет Дж. Эриксон, — человек с посеревшим лицом, находясь в кремлевской Ставке, принял на себя главенство в качестве руководителя боевых фронтов, организатора чрезвычайной мобилизации; человека, к которому сходится вся информация, ответственного за огромные массы людей; он мстительно относился ко всем поражениям, с нетерпением требовал побед, не соглашавшийся признавать реалии даже за счет жертв целых армий и фронтов, он не знал еще искусства войны, не знал, как остановить и как уничтожить Ostheer — германскую армию». Но жестокая для страны учеба постепенно стала давать результаты.

А немцы ощутили близость триумфа. В тот же день, 3-го июля, начальник штаба германской армии Франц Гальдер записал в свой красноречивый дневник: «Наблюдающиеся перед фронтом группы армий „Юг“ признаки отступления и развала наверняка объясняются не желанием командования отвести войска, а тем, что противник, вследствие жестоких ударов по нему, расчленен и большей частью разбит. В общем и целом можно сказать, что задача уничтожения массы русской армии на пространстве от Двины до Днепра выполнена. Считаю достоверным мнение пленного русского командира корпуса, указавшего, что восточнее Двины и Днепра мы можем столкнуться лишь с силами, которые по своей численности и вооружению помешать немецким операциям не в состоянии» Умиротворенный Гальдер записал в дневнике нечто такое, чего он уже никогда не повторит: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России была выиграна за четырнадцать дней».

Гитлер в том же духе живописал прелести Крыма («это будет наша Ривьера») и указывал на необходимость построить соединяющий Крым с Германией автобан. Восточную границу Рейха он теперь определял по Уралу. Что касается политической системы, то «большевизм будет искоренен. В случае необходимости, если возникнут новые очаги сопротивления, мы возобновим наступление. Москва, как центр распространения марксистской доктрины, должна исчезнуть с лица земли сразу же после изъятия ее богатств.» В день, когда был взят Псков, Гитлер в Вольфшанце сказал слова, занесенные в дневник Гальдером: «Фюрер полон решимости сравнять Москву и Ленинград с землей, полностью выселить население, которое, в противном случае, нам пришлось бы кормить зимой».

Британская разведка, дешифровавшая код «Энигмы», узнала, что немцы читают зашифрованные послания советского военно-морского флота, о чем было сообщено в Москву. Соединенные Штаты, пользуясь занятостью немцев, расширили спектр своего влияния в Северной Атлантике. Американские военно-морские пехотинцы высадились в Исландии. Черчилль написал Сталину, что англичане «делают все, что позволяют время, география и наши растущие ресурсы».

Июль сорок первого

На Западном фронте у Еременко было сто пятьдесят самолетов и 145 танков в первом эшелоне. Его время испытаний наступило 2 июля, когда 18-я танковая дивизия вермахта вышла к Березине и уничтожила все оборонительные сооружения на западном берегу. Неудачи на Березине стоили Еременко его поста. 2 июля 1941 года Сталин назначил Буденного и Еременко своими заместителями, а во главе важнейшего — Западного — фронта поставил наркома обороны Тимошенко. Германская авиация впервые с начала войны отметила действенные попытки создать оборонительный вал — между Западной Двиной и Днепром. Наблюдательные самолеты и радиоперехват немцев зафиксировали прибытие свежих советских армий между Оршей и Витебском. Новый фронт находился примерно в 250 километрах от старой границы.

Москву держала, помимо прочего, в напряжении неизвестность относительно стратегических планов Японии — дальневосточные армии готовились к худшему. Но 6 июля Зорге сообщил в Москву, что Токио сделал выбор и этот выбор — битва за английские и голландские владения в Азии. Япония устремляется в южном направлении, она не поддастся нажиму Риббентропа выступить против СССР с востока. Другое дело германский фронт. Здесь румыны начали свое наступление в общем направлении на Винницу. 7 июля в войну против СССР вступила соперница румын — Венгрия.

На фоне гигантских потрясений СССР и Британия подписали соглашение о союзе, о взаимопомощи. Они пообещали друг другу не заключать сепаратного мира. Очень важно и следующее обстоятельство: английские криптографы на своей базе в Блечли прочитали германский код, используемый на Восточном фронте. Черчилль отдал приказ сообщать русским ценные сведения, не раскрывая источника их получения. Офицер британской разведки Сесил Барклай, служивший в британском посольстве в Москве, связался по этому поводу с советской разведкой. Расшифрованная «Энигма» стала просвещать советское командование относительно планов немцев под Гомелем и Смоленском. А из Ленинграда к фронту шло ополчение, вооруженное «коктейлями Молотова» и даже косами и серпами — не хватало оружия.

Итак, первая операция немцев на Восточном фронте завершилась примерно в первую декаду июля 1941 года. Германская армия замкнула у

Минска свои первые гигантские клещи. По их данным, в это первое большое окружение попали 288 тысяч военнопленных, 2585 танков.

Попасть в плен для солдат и офицеров Красной Армии было величайшим несчастьем — германский плен означал для советских солдат и офицеров невероятные лишения и часто смерть. Но и выход с боями имел жестокие последствия. НКВД сурово проверял вышедших, спрашивая, как те могли попасть в плен живыми. Жестоко платил Сталин и за промахи, за некомпетентность, за растерянность, за непонимание своего места и задачи в огромной политической и военной игре без правил. Подвозивший Павлову взрывчатые вещества полковник Старинов видел арест генерал-полковника Павлова и людей из его окружения. Теперь «никто не мог быть уверенным в будущем и все хорошо помнили 1937 год».

Немцы приступили к своей следующей задаче. Перед ними на центральном участке стоял Западный фронт во главе с маршалом Тимошенко. В него входили семь армий, 24 дивизии, примерно 200 танков и около четырехсот самолетов. Позади 16-я армия Лукина, переведенная с Дальнего Востока, концентрировалась в районе Смоленска. Сам город немцы уже жестоко бомбили. Тимошенко решил контратаковать на своем правом фланге — именно здесь он видел самую большую угрозу со стороны третьей танковой группы немцев. Ставка поддержала его план. Войскам было приказано: «Твердо удерживая Западную Двину и Днепр, утром 6. 7. 41. перейти в решительное наступление».

Третья танковая группа немцев в это время с семьюстами танками без надежного авиационного прикрытия сражалась на захваченном плацдарме по северному берегу Двины. В десять утра советские танки успешно вонзились в захваченную германской армией территорию. Это была элита предвоенной Красной Армии, танкистов учили воевать быстро и мужественно. Хуже было с общим взаимодействием, командной игрой. Семьдесят два часа длилась эта танковая битва — предвестие Прохоровки. Именно с этих июльских дней советские высшие командиры начинают воспринимать танк в качестве главного «действующего лица» этой войны. Еременко, на правах любимца Сталина в данный момент, просит танков и танков. Он предлагает придать по два танка каждой роте пехотинцев. Тимошенко издает директиву об антитанковой борьбе. С этого времени — на военном ходу — начинается перестройка Красной Армии в сторону акцента на танковый элемент. Первая директива такого характера выпускается Ставкой 15 июля. Впервые всерьез заходит речь о «реорганизации тыла», начинаются поиски противоядия от танкобоязни.

В битве на Западной Двине дело решили 200 германских

штурмовиков, нещадно нанесших удар по танкам и укреплениям правого фланга советского Западного фронта. Битва в городских кварталах Витебска была нещадной. 10 июля немцы активизировали свой правый фланг — Гудериан рванулся к Днепру. Находившийся неподалеку Шапошников порекомендовал Сталину начать создавать новый Резервный фронт. Косвенно Шапошников признавал, что судьба Западного фронта Тимошенко обречена. За первые две недели июля группа армий «Центр» взяла в плен под Оршей и Смоленском еще 300 тысяч советских военнопленных.

Уверенность немцев сказывалась в том, что они не имели — и не предусматривали — использования резервов. Они были уверены, что битва будет жесткой, кровавой, короткой, решительной, решающей, но ни в Берлине, ни в Растенбурге никто не беспокоился по поводу ее исхода. Война шла строго по немецкому плану. Американский историк Герхард Вайнберг пишет, что самой поразительной чертой германских военных карт «является отсутствие на них указаний на значительные, на существенные резервы — черта, которая будет свойственна германским картам начиная с первых дней войны на востоке»^[45]. Примерная самоуверенность. 16 июля Гитлер прилюдно сказал, что Германия никогда никому не отдаст завоеванных на востоке территорий (может быть, в виде исключения часть территории получают финны, но те, в свою очередь, так или иначе будут ассимилированы немцами). Местное население не получит никаких прав самоопределения. Все подозрительные лица будут расстреляны. Польские историки опубликовали документы германского планирования: «Немцы не имели ни малейшего намерения „освободить“ кого бы то ни было. Напротив, балтийские государства и Украина, равно как и прочие оккупированные территории должны были быть заселены немцами, и вовсе не случайно то, что первый серьезный план заселения восточных территорий (Generalplan Ost) был создан в июле 1941 года»^[46].

Показательно, что именно в это время — 14 июля 1941 года — Гитлер отдал приказ переориентировать программу вооружений, уменьшив разработки военных вооружений и увеличив производство военно-морских и военно-воздушных вооружений. Новый громадный германский флот должен был получать сырье и материалы из оккупированных (уже и в будущем) российских земель.

Но, несмотря на все поражения, Советская Россия стояла. Как обобщает Г. Вайнберг, «советская система явственным образом держалась, и слухи распространялись о том, что всех политработников Красной Армии

убивают на месте, слухи о бойне среди взятых в плен, об ужасном обращении с остальными, об убийстве десятков тысяч гражданских лиц — евреев, партийных работников, пациентов психиатрических клиник, всех, кто хотя бы внешне не понравился немцам, — эта судьба попавших под германскую оккупацию становилась известной советским гражданам по обе стороны фронта. Со времен Первой мировой войны оставалась память о том, что германская армия сражается жестоко, но она в общем и целом обращается с военнопленными и гражданскими лицами достойно; было ясно, что теперь это все драматически изменилось»^[47].

На Юго-Западном фронте (командующий генерал Кирпонос) немецкие танки вызвали меньший ужас — их здесь было меньше. А масса советских войск была построена удачнее своих северных соседей. Но общий сценарий повторился. Танки фон Клейста уже 23 июня взяли Берестечко и ринулись к Дубно, увеличивая зону прорыва для пехотных частей вермахта. Естественно, Кирпонос 24 июня приказал контратаковать. Координация и здесь была слабым местом. Контакта между крупными танковыми частями практически не было. Машины двух танковых дивизий так и не соединились в Дубно, что позволило германским войскам осуществить прорыв. Кирпонос несколько раз пытался нанести удар во фланг Клейсту, но без особого успеха. (Следует отметить удар 1-го механизированного корпуса из Коростеня во фланг 1-й германской танковой группе с целью предотвращения выхода танков Клейста на житомирскую дорогу). 30 июня Ставка согласилась на отход Юго-Западного фронта на линию Новоград-Волынский — Каменец-Подольский.

В отличие от фельдмаршала Бока, его южный сосед Рундштедт не имел точной цели наступления. Имея руки свободными, группа армий «Юг» двинулась на северо-восток от начальных позиций. Оттуда армии генерала Кирпоноса, базирующиеся вокруг Киева (750 тысяч человек), виделись соблазнительно неприкрытыми.

На самом юге генерал Тюленев с 24 дивизиями выступил 1 июля против румыно-германских войск, пересекших границу. Для позиционной войны Красная Армия не использовала даже оружие Первой мировой войны — минные поля и пулеметные гнезда. В маневренной же войне 1941 года равных германской армии в мире не было. Шаг за шагом южные советские части отступали перед натиском германских танков, ничуть не боявшихся оторваться от основных частей своей пехоты и раз за разом создававших бреши в советской обороне.

В пятницу 11 июля Кирпонос собрал большой военный совет в Броварах. Присутствующим стало ясно, что, пользуясь «житомирским

коридором», Клейст стремился прямо к Киеву, чтобы захватить мосты через Днепр и выйти на Левобережье. Соответственно, задача — прикрыть Киев и не допустить немцев к Днепру. Стоя у большой карты, генерал Кирпонос огласил приказ об очередном контрнаступлении. Следует «закрыть житомирский коридор», взять Житомир, Радомысль и Каменец-Подольский.

Несчастья Красной Армии на Украине начались тогда, когда, потеряв связь с тылом, танки Кирпоноса потеряли свою ударную силу и оборонительная линия Ровно — Дубно — Тернополь начала крошиться. 10 июля Ставка объединила Южный и Юго-Западный фронты под началом маршала Буденного. Сталин категорически отказался даже обсуждать возможность оставить Киев. Войска Буденного концентрировались вокруг двух центров: Киев и Никополь — Кривой Рог. Советские танки у Киева страдали от недостатка бензина. Немцы двигались по периметру вокруг Киева как волки в поисках бреши. А Буденный хвалился «мощными оборонительными сооружениями».

Созданная в ОКХ аналитическая оценка состояния армии противника № 14 (середина июля) вела к однозначному выводу: «Положение Красной Армии начинает становиться критическим». На севере началась битва в пригородах Ленинграда (по «линии Луга»). Германская группа армий «Центр» начала битву за Смоленск, и танки Гудериана пересекли Днепр. На юге группа армий Рундштедта сокрушила правое крыло оборонительных линий Кирпоноса и подошла к Киеву. Собственно, Сталин со своей стороны высказал схожие с приведенными немецкими мысли, когда 10 июля объявил о новой конфигурации вооруженных сил на фронтах.

Страна ощутила себя над бездной. У Ставки были проблемы с резервами. Генералы воочию увидели мощь танков. Сталин больше и больше советовался с маршалом Шапошниковым, определенно стремившимся восстановить некоторые традиции старой России, дореволюционной армии. Более суровыми стали требования к передаваемой в центр информации. Создавались новые дивизии, лихорадочно готовились офицеры, осмысливался горький опыт. Шеститысячные дивизии военного времени были вдвое меньше кадровых дивизий, с которыми страна встретила 22 июня, но набор в эти дивизии шел спокойно и уверенно — общее понимание сложности переживаемого момента было очевидным.

Упрощенное руководство войсками Ставкой его теперь уже не устраивало. Никакой коллегиальный орган не был способен быстро и

адекватно реагировать на калейдоскопическую смену обстановки. В критических обстоятельствах была образована Ставка Верховного Командования под председательством Сталина. (Тремя неделями позже Сталин примет титул Верховного главнокомандующего советскими вооруженными силами). Три главкома взяли на себя ответственность за три основные направления: Ворошилов за северо-западное (Северный и Северо-Западный фронты, Северный и Балтийский флоты); Тимошенко за западное (Западный фронт и Пинская флотилия); Буденный — за юго-западное (Юго-Западный и Южный фронты, Черноморский флот). Было создано отдельное Командование ВВС Красной Армии, воссоздан пост Главнокомандующего артиллерией.

Конструкция армия — корпус — дивизия не показала свою надежность в управлении. Инструкция № 1 от 15 июля 1941 года гласила: «Опыт войны показал, что существование больших и громоздких армий с большим числом дивизий и большим административным аппаратом мешает организации боевых операций и управлению войсками в бою, особенно ввиду молодости и неопытности наших штабов. Ставка полагает, что следует осуществить постепенный и не вредящий текущим операциям переход к системе небольших армий с пятью, максимум шестью дивизиями, не имеющими корпусного управления и с прямым подчинением дивизий командиру армии. Ставка требует от фронтовых командиров принятия во внимание этих соображений по поводу опыта трехнедельной войны с германским фашизмом и ввести их в практику». Танковые дивизии теперь не подчинялись механизированным корпусам. При этом было также решено увеличить число кавалерийских корпусов — как дань традиции. К концу июля на фронте были 240 дивизий из общего числа 350 дивизий, которыми располагал Советский Союз.

Во всей стране водился всеобуч. ГКО специально обсуждал слабости противотанковой борьбы. Особое внимание в этот горький и трагический час уделялось новым видам вооружений. Было решено опробовать новую ракетную установку «Катюша» близ Смоленска, и уже рассматривались возможности массового производства этого вида оружия. Именно в июле была осуществлена централизация военного производства, служб тыла, транспортных и медицинских служб. Отставлено было достигнутое маршалом Тимошенко в 1940 году единоначалие; в армии снова вводился институт политических комиссаров как (директива № 81 от 15 июля) ответственных за дисциплину, за сдерживание паники, за предотвращение проявлений трусости и паникерства. Отчасти это был знак определенной потери веры Сталина в офицерский корпус. 27 июля всем военнослужащим

был прочтен приговор военного трибунала, осудивший девятерых генералов начиная с генерала Павлова. Все они были расстреляны. 20 июля Сталин издал приказ о «чистке нежелательных элементов» с целью выявления «германских шпионов». Все выходящие из окружения военнослужащие должны были пройти тщательную проверку Особых отделов. В один лишь день 25 июля НКВД рассматривало дела более 1000 «дезертиров» и приговоры были нередко неимоверно суровы.

В письме Черчиллю 19 июля Сталин признал сложность положения. Но, по его словам, оно было бы еще хуже, если бы Красная Армия не встретила вермахт на рубеже Кишинев — Львов — Брест — Каунас — Выборг. Десятью днями позже, стараясь не обескуражить посланца президента Рузвельта Гарри Гопкинса, Сталин сказал, что линия Одесса — Киев — Смоленск — Ленинград оптимальна для обороны. Разумеется, он бравировал. По прогнозу Сталина, фронт должен был стабилизироваться к 1 октября, а в середине октября погода остановит все активные действия. К этому времени фронт будет «не более чем в ста километрах к востоку от нынешней линии фронта». Москва, Ленинград и Киев будут в русских руках. Красная Армия удержит свои позиции на протяжении всей зимы, а весной она начнет свое контрнаступление. Неизвестно, поверил ли этим словам Гопкинс, но ему определенно хотелось в это верить. И на него произвели впечатление реализм и суровая уверенность советского руководства, о чем он не преминул сообщить Рузвельту.

Немцы не сомневаются

14 июля 1941 года Гитлер уверовал в победу настолько, что приказал несколько сократить военное производство. Вставала задача управлять завоеванным. Гитлер выразил свои идеи относительно эксплуатации Востока 16 июля 1941 года — в день, когда германские войска начали окружение Смоленска. «Хотя германские цели и методы должны быть скрыты от мира в целом, все эти необходимые меры — расстрелы, выселения и пр. — мы должны осуществлять в любом случае. Порядок должен быть таков: завоевать; установить свою систему правления; наладить систему эксплуатации». Гитлер заявил, что «к западу от Урала никогда более не будет никакой военной державы, даже если нам придется воевать сто лет». 17 июля Гитлер доверил задачу «полицейской безопасности на недавно завоеванных землях» шефу СС Гиммлеру.

Ставленники Гитлера отнеслись к делу с ревностью и педантизмом. Прежний железнодорожный служащий Кох стал наместником Украины со следующей программой: «Наилучшим было бы убить всех мужчин старше пятнадцати лет, а молодых послать в лагеря СС». Кох всегда ходил с кнутом. Он хвалился, что является «первым арийцем, владеющим империей от Черного моря до Балтийского». Гиммлер учил Коха: «Словно жировая пленка на кипящем бульоне, существует тонкий интеллектуальный слой на поверхности украинского народа; избавься от него — и лишенная лидеров масса станет покорной как беспомощное стадо». Гитлер беспокоился относительно сентиментальных мотивов: «Всякий, кто благосклонно высказывается о местных жителях, о цивилизирующем влиянии на них, должен быть отправлен прямо в концентрационный лагерь... Единственное, чего я боюсь, — это того, что Министерство восточных земель попытается цивилизовать украинских женщин».

Но не все было радужно для ликующего врага. 14 июля 1941 года под Оршей капитан Флеров впервые использовал «Катюшу», многоствольный миномет — 320 ракет, запускаемых за 25 секунд. В далеких гарнизонах свежестриженные юноши вставали в строй, страна напрягла свои силы — понимание критической важности момента наконец вытеснило глупое шапкозакидательство первых дней. Огромная страна остро почувствовала угрозу своему бытию, и инстинкт самосохранения стал действовать ощутимо.

Советская пехота проходила в среднем тридцать пять километров в сутки. Воздух принадлежал немцам, а германские танки покрывали вдвое большее пространство. Немудрено, что передовые части Гудериана первыми вышли 18 июля к Ельне, достигли правого берега Десны и создали Смоленский Kesselschlacht — котел. Фронт маршала Тимошенко оказался в страшной опасности. 16 июля Тимошенко докладывает в Ставку: «У нас нет подготовленных сил, недостаточно войск для прикрытия направления Ярцево — Вязьма — Москва. Главная слабость — отсутствие танков». Это был канун битвы за Смоленск, традиционные ворота Москвы.

Гудериан ощутил себя завоевателем России. Он был уже уверен в результате Смоленского сражения, он уже смотрел в будущее, его целью теперь была Москва.

Однако не все складывалось согласно немецким желаниям. Восемь дивизий Красной Армии вырвались из смоленского окружения. Танки генерала Гота ринулись на восток, чтобы перехватить ускользающих русских, но, как жалуется Гот, «это была устрашающе трудная страна для движения танков — огромные девственные леса, болота повсюду, ужасные дороги и мосты, не выдерживающие веса танков. Соппротивление стало более жестким, и русские начали прикрывать свой фронт минными полями. Это тем легче для них, что приходится блокировать ограниченное число дорог».

Говоря о дорогах, следует сказать, что германская разведка более или менее точно отразила состояние дорог на прежней польской территории, но ее карты собственно России — России за Минском — точностью не отличались. Как пишет генерал Блюментрит, «наши карты не соответствовали реальности. Большая автомобильная дорога, ведущая от границы к Москве не была завершена — а это была единственная дорога, которую на Западе могли бы назвать собственно „дорогой“. На наших картах все основные дороги были отмечены красным, и казалось, что их много, но они чаще всего оказывались лишь земляными дорогами. Почти весь наш транспорт был на колесах, его нельзя было использовать на дорогах без покрытия. Земля слишком быстро превращалась в грязь. Пара часов дождя останавливала движение танковых войск».

Но 19 июля в директиве № 33 Гитлер выразил свою обеспокоенность способностью русских вырваться из планируемых вермахтом мешков. «Целью следующих операций является предотвращение отхода значительных сил противника в глубину России». Возвратившийся из Вольфшанце адмирал Канарис сделал примечательное признание, что «не все идет по намеченному плану. Увеличиваются признаки того, что эта

война не только не вызовет ожидавшийся в России внутренний коллапс, но напротив, приведет к укреплению большевизма». В кругу близких сотрудников Канарис заметил, что «никто еще не сумел нанести поражение или победить Россию». Слушавший его лейтенант Фабиан фон Шлабрендорф еще в 1938 году пытался убедить фельдмаршала фон Клюге арестовать Гитлера и лишить его всех постов в государстве. Оппозиция начинает задумываться, хотя теперь о противодействии Гитлеру с Клюге говорить было невозможно.

А германское командование склонно было думать, что вермахт свою задачу уже выполнил. 23 июля Гитлер заявил, что еще в этом году дойдет до Волги и вступит на Кавказ. Логика многих германских военачальников была довольно проста: если 200 советских дивизий уже уничтожены, то с кем остается сражаться? Военное руководство рейха 27 июля 1941 года пришло к выводу, что «основная масса готовых оперативно быть использованными (operationfahig) частей русской армии уже уничтожена». Триумф германской военной мысли и мощи виделся немецким генералам бесспорным. Германское командование считало, что у противника осталось только 20 пехотных, 13 бронетанковых, 2–3 кавалерийских дивизии. Единственная надежда русских возлагается на усталость германских войск. В Берлине начали работать над «реорганизацией армии после завершения операции „Барбаросса“».

У Сталина именно в эти дни были другие цифры: 240 советских дивизий на фронте и 20 в резерве.

Наш самый трудный час

Уже переводя взоры на иные потенциальные фронты будущего, немецкие военачальники были вынуждены признать, что они впервые встретили противника, который продолжал сопротивление даже будучи окруженным. «Русские не ограничивают себя противостоянием фронтальным атакам наших танковых дивизий. Они пытаются найти любую возможность ударить по флангам тех клиньев, которые создали наши моторизованные части... С этой целью они используют свои танки. Они стремятся отделить наши механизированные части от пехоты, которая следует за ними». Именно тогда, в битве за Смоленск, генерал Гальдер отметил «фанатичное и зверское» (*fanatisch und verbissen*) сопротивление советских солдат. «Их воля к сопротивлению не сломлена».

Согласно приказу Сталина от 20 июля, следовало «очистить все части от нежелательных элементов». Отныне все рядовые и офицеры, вышедшие из окружения, подвергались жестоким допросам об обстоятельствах их попадания в окружение. Были созданы «заградительные отряды», стоявшие за линией окопов и укреплений Красной Армии. Только за один день, 25 июля, перед строем солдат были расстреляны семеро военнослужащих как «предатели родины». Сеяние паники, дезертирство, «оставление оружия и боевых позиций» были названы преступлениями, за которые платятся жизнью. В то же время некоторые командиры Красной Армии, подвергшиеся репрессиям еще в предвоенные годы, были освобождены из лагерей и посланы на фронт.

22 июля немцы начали авианалеты на Москву и продолжали их пять ночей подряд. Геббельс утверждал, что «Кремль превратился в груды дымящихся руин». Москва официально объявила о расстреле девяти крупных военачальников — Павлова, Климовских, Коробкова и других. Спустя несколько дней Красная Армия оставила Кингисепп — чуть более ста километров до Ленинграда.

29 июля, разложив карты перед Сталиным, начальник Генерального штаба Жуков сделал обзор стратегического положения на фронтах. Он начал с севера и двигался на юг. Он предсказывал цифры наших потерь и возможный курс германских операций. Начальник политуправления Красной Армии Мехлис перебил маршала: откуда тот знает о планах германской армии? Жуков ответил, что не знает о планах немцев, но, глядя на расположение сил на фронтах, он может представить себе ход их

мыслей. «В направлении Ленинграда немцы не смогут взять город и соединиться с финнами без привлечения дополнительных войск. На Украине главные сражения достигнут пика в районе Днепропетровска — Кременчуга, куда проникли танковые части группы „Юг“. Самым опасным и наиболее слабым сектором нашей линии является Центральный фронт, так как армии, прикрывающие Унечу и Гомель, слабы и плохо экипированы — немцы могут использовать слабость их позиций и нанести удар во фланг и тыл Юго-Западного фронта».

«Что вы предлагаете?» — спросил Сталин. Жуков предложил укрепить Центральный фронт не менее чем тремя армиями, дополнительной артиллерией и возглавить фронт опытным командиром, скажем Ватутиным. Жуков предложил отозвать с Дальнего Востока восемь полностью экипированных дивизий, они перекроют путь на Москву. «Вы предлагаете отдать Дальний Восток?» — спросил Сталин. Жуков не ответил на этот вопрос и поставил вопрос о том, чтобы отвести войска Юго-Западного фронта за Днепр и перевести на север пять дивизий этого фронта. «А что о Киеве в этом случае?» — спросил Сталин. Жуков изложил аргументы в пользу исправления линии фронта и важности Центрального фронта. В последовавшем споре Жуков сказал, что, если он способен говорить лишь «чепуху», то недостоин своего поста. Через сорок минут после того, как он ушел со своими картами, Сталин снова вызвал его. Начальником генерального штаба будет маршал Шапошников, а Жуков посылается командовать Резервным фронтом, но останется членом Ставки. А «чепуха», о которой говорил Жуков, стала уже в ближайшие недели лучшим стратегическим советом для нашей отступающей армии, вступившей в кризисную фазу конфликта.

Предпоследняя линия обороны

В конце июля между Ржевом и Вязьмой частями Красной Армии была создана новая линия обороны. 30 июля германская директива № 34 повелела окружить советские части, расположенные к северо-западу от Днепра. 2 августа, после сорокадневного постоянного отступления Красная Армия начала двадцативосьмидневную битву в районе Ельни. Гитлер отметил успехи Гудериана тем, что его танковой группе было присвоено название «Группа армий Гудериан». Это давало ему большую свободу маневра. Прибывший к Гудериану адъютант Гитлера полковник Рудольф Шмундт украсил его Рыцарский крест дубовыми листьями. Разговоры Гудериана с Шмундтом представляют интерес. Согласно Шмундту, Гитлер рассматривал три цели: 1) захват Ленинграда сделает Балтику немецким озером, обеспечит бесперебойное поступление шведской железной руды, надежную связь с армейской группой «Север»; 2) захват Москвы, «чья промышленность имеет важное значение» лишит русских важнейшего транспортного узла; 3) овладение Украиной обеспечит Германию углем и хлебом. Гудериан со всей страстью уговаривал Шмундта обратиться прежде всего к Москве, «сердцу России». До нее оставалось примерно двести пятьдесят километров.

6 сентября советские войска в жестокой контратаке возвратили себе Ельню. Даже не ведающий сомнений Гитлер «оговорился» 4 сентября после посещения штаба группы армий «Центр» в Борисове: «Если бы я знал, что у них столько танков, я бы дважды подумал, прежде чем начать вторжение». Потом, в октябре, у Ельни советские войска будут окружены и уничтожены, но их доблесть, доблесть обреченных, отодвинет дату решающего наступления немцев на Москву.

Совещание высших немецких офицеров в Борисове требует особого внимания. Штаб группы армий «Центр» ощущал себя элитой германского офицерства. И эта элита позволяла себе видеть в действиях Гитлера отстранение германского рыцарства, лучших представителей прусской касты, от решений, определяющих судьбу Германии. Группа офицеров во главе с генерал-майором Хеннингом фон Тресковым и Фабианом фон Шлабрендорфом, узнав о намерении фюрера посетить штаб фельдмаршала Бока, решила арестовать «ефрейтора», судить военным судом и восстановить традицию, когда армия является арбитром государственных дел Германии, высшим аналитическим советом и средоточием власти в

Рейхе. Шлабрендорф и Тресков решили остановить автомобиль с Гитлером и посадить вождя нацизма под стражу. Гитлеру предстояло предстать перед независимым военным судом. О дальнейшем офицеры предпочитали не задумываться. (В определенном смысле это была подготовка к выступлению 20 июля 1944 года.)

А. Кларк полагает, что заговорщики персонифицировали «лучшие качества своей страны, рациональный интеллектуализм в союзе с самоотверженной смелостью. Их целью было создание „достойной Германии“... Будучи немцами, они считали военную мощь и конституционный порядок основными элементами „достоинства“. На фронте, будучи на расстоянии восьмисот километров в глубине России, им было легче оценить реальности данной кампании. Они могли видеть, что неукротимая мощь вермахта столкнулась с неколебимым объектом и „... когда наши шансы на победу испарятся очевидным для всех образом, уже ничего нельзя будет поправить“»^[48]. Заговорщики пытались найти подход практически к каждому армейскому генералу, и никто из касты военных не предал их, не позвонил Гиммлеру. Вера в то, что вооруженные силы должны стать арбитром и руководителем нации, была достаточно широко распространена среди германских офицеров. Возможно, если бы заговорщики преуспели, фельдмаршал Бок согласился бы их возглавить. Но в текущей ситуации он не хотел рисковать — ведь он и без того возглавлял группу армий «Центр», он будет национальным героем — покорителем Москвы. И Бок не принял активного участия в захвате Гитлера. Талант Гитлера сказался в том, что он сумел разъединить генералов. Три раза он откладывал время визита в Борисов. 3 августа прибыл конвой из эсэсовцев, привезших свои собственные автомобили. И когда самолет Гитлера приземлился, войска СС прикрыли его на всем пути продвижения. На протяжении всего визита молодым германским офицерам не удалось даже приблизиться к Гитлеру, не говоря уже о том, чтобы произвести выстрел. Гитлер же вызывал военачальников по одному, сидя в кабинете фельдмаршала Бока вместе с адъютантом Шмундтом и двумя адъютантами из СС. Пред ним предстали прежде всего Бок, Гудериан, Гот, Хойзингер.

Обсуждался вопрос, что является первостепенной целью вермахта. Выслушав поток мнений, Гитлер вынес свое суждение. Он объявил первой целью захват Ленинграда. Его захват отрежет русских от Балтики и обеспечит бесперебойное поступление шведской железной руды. Далее по шкале ценностей должен быть сделан выбор между Москвой и Украиной. Гитлер дал понять, что Украина — его приоритет. Ее завоевание даст рейху огромные ресурсы. Фюрер приказал после оккупации Крыма осуществить

десант через Керченский пролив и двигаться в направлении Батуми.

В прежние времена Гудериан был способен открыто протестовать против решения фюрера, с которым не был согласен. На этот же раз он пишет: «Как только решение атаковать Украину было подтверждено, я делал все возможное, чтобы выполнить приказ как можно лучше. Я упрямил Гитлера не разбивать на части мою танковую группу, а бросить ее в бой целиком». А. Кларк полагает, что «трудно определить, в какой степени увод целой армейской танковой группы повлиял на неудачу наступления на Москву... Но это был катастрофический спор, последствия которого для итогов войны едва ли даже можно измерить»^[49].

Посетив штаб группы армий «Юг» в Бердичеве, Гитлер возвратился в Вольфшанце. Штаб-квартира войск СС в Берлине получила донесение командующего германской полицией на центральном участке фронта фон дем Бах Зелевского, что его подразделения уничтожили с начала войны 30 тысяч человек. Глава гестапо Мюллер потребовал держать в курсе массовых экзекуций фюрера.

И все же в конце июля немцев посетили первые сомнения. Победы вермахта перестали быть безусловными. Завершение первой фазы «Барбароссы», при всем триумфализме, не дало необходимых результатов. Красная Армия не была сокрушена. Разведка обнаруживала новые и новые дивизии. Русские сражались, а не бежали и не сдавались.

Август

В начале августа появились первые признаки того, что не все подвластно германской армии. По крайней мере, оккупация Кавказа и Мурманска стали казаться уже недостижимыми в ходе данной кампании целями. Германская военная машина начала перестраиваться на ходу. Обнаружилось нечто странное для педантичных немцев — у них не было планов на период, непосредственно следующий за вторжением на территорию СССР. Да, они ворвались в ворота Советского Союза, но вот что делать с противником, не желающим складывать оружие после первых поражений, они не знали. А колесный транспорт не успевал доставлять горючее танкам. Во весь рост встала задача перевода железнодорожного транспорта на русскую колею, только железные дороги могли решить проблему снабжения наступающих частей.

20 июля немцы взяли Ельню (40 км к юго-востоку от Смоленска). Но 5 сентября Красная Армия освободила Ельню — первая, пусть не очень впечатляющая победа Красной Армии в этой войне.

В это время, согласно воспоминаниям наркома ВМФ адмирала Кузнецова, Сталин «мало-помалу» овладевал началами военного искусства, началами ведения военных операций. Сталин все чаще навещал кабинет наркома в комиссариате обороны, именно там он встречал ведущих военачальников. Уже с определенным знанием дела он спрашивает Кузнецова о возможности перевода морской артиллерии с балтийских островов для обороны Таллина. 8 августа 1941 года Верховный Совет СССР назначил его Верховным Главнокомандующим всех вооруженных сил.

А в дневнике Гальдера появляются ноты сомнений, прежнее ощущение триумфа отходит на задний план. На 51-й день войны — 11 августа — он пишет с явными нотами тревоги: «Во всей обстановке на фронтах в целом становится ясным, что колосс Р о с с и я, который сознательно готовился к войне, при безудержности, присущей тоталитарным государствам, был нами недооценен. Эта констатация относится как к организационным, так и к экономическим силам, а в особенности к чисто военному потенциалу... Их дивизии, конечно, вооружены и оснащены не в нашем понимании этого слова, и командование ими в тактическом отношении во многом неудовлетворительно. Но они есть. И если дюжина их разбита, русские

выставляют новую дюжину. Они выигрывают время благодаря тому, что находятся поблизости от своих источников силы, а мы все больше от них отдаляемся. Наши раздерганные по всему огромнейшему фронту и не имеющие никакой оперативной глубины войска снова и снова подвергаются атакам противника, которые имеют определенный успех, ибо на невероятных просторах поневоле остается много разрывов между войсками».

11 августа советская стратегическая авиация осуществила свой первый рейд на Берлин. В ответ Гитлер приказал уничтожить все аэродромы, с которых был возможен вылет на германскую столицу.

На следующий день Сталин сказал эмиссару президента Рузвельта Гарри Гопкинсу: «Величайшая слабость Гитлера заключается в огромной численности поработанных народов, которые ненавидят Гитлера и аморальные методы его правительства». Эти народы, равно как и «бесчисленные миллионы людей в еще не завоеванных нациях могут получить моральную помощь, укрепить свою моральную силу, которые им необходимы, только из одного источника, а именно из Соединенных Штатов».

Сталин попросил Гопкинса прислать алюминий. Это обрадовало Гопкинса как ничто иное — терпящие крах государства просят автоматы, а не алюминий. Сталин говорил, что его страна «может сражаться в течение трех или четырех лет». Россия производит 1800 самолетов и 1000 танков в месяц. Сталин боялся, что Германия сможет превзойти СССР в промышленном производстве — особенно в производстве танков. Заметим, что, когда Сталин беседовал с Гопкинсом, Смоленск уже две недели был в руках немцев; три армии, которым Сталин приказал взять Смоленск любой ценой, окружались немцами; Верховный Главнокомандующий отдал приказ начать создавать «Можайскую линию», на гораздо большее расстояние (чем обещанные Гопкинсу сто километров) отстоящую от Смоленска к Москве.

А далеко на западе, в концентрационном лагере Освенцим, на русских военных в августе было испробовано самое дешевое средство массового убийства — использовавшийся прежде как пестицид газ «Циклон-Б». Как сказал Черчилль в радиообращении к англичанам в августе, «германские полицейские войска хладнокровно уничтожают тысячи русских патриотов, защищающих свою собственную землю. Со времен монгольского вторжения в Европу никогда еще не было такой методичной безжалостной бойни в таких масштабах».

Стараясь осмыслить стратегический замысел германского командования, Жуков, командуя Резервным фронтом, в середине месяца

отмечает «потерю интереса» немцев к центральному участку фронта. 18 августа он пишет Сталину и Ставке: «Враг, убежденный в мощной концентрации наших войск на дороге к Москве, видя на флангах Центрального фронта и в районе Великих Лук сосредоточение наших сил, временно отставил планы удара по Москве и, обратившись к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, бросил все свои мобильные ударные и танковые силы против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов. Возможные намерения противника: уничтожить Центральный фронт и, прорвавшись в район Чернигов — Конотоп — Прилуки, ударом с тыла уничтожить Юго-Западный фронт».

Чтобы предотвратить такую возможность, был создан Брянский фронт. Сталин пишет: «Вы, товарищ Еременко, назначены командующим Брянским фронтом. Поезжайте туда завтра и организуйте фронт как можно быстрее. Танковая группа Гудериана действует на брянском направлении и здесь предстоят тяжелые бои. Вы получите то, чего хотели. Вы встретите механизированные части вашего „старого друга“ Гудериана, чьи методы должны быть известны вам по Западному фронту». Увы, импровизированного фронта, сил Еременко оказалось недостаточно, чтобы предотвратить катастрофу на юге.

Судьба Ленинграда

На Северо-Западном фронте маршал Ворошилов прибыл в Ленинград в качестве главкома направления. Официально — согласно документам — в его руках были тридцать дивизий, в реальности же у него были лишь пять полностью экипированных и готовых к бою дивизий. Немцы планировали пробиться к Ленинграду через свои плацдармы в Ивановском и Сабске — до города на Неве было примерно сто километров. В начале августа Ставка отправила к Ворошилову девять пехотных и две кавалерийские дивизии.

На северо-западном направлении в девять часов утра 8 августа 1941 года германская армия начала наступление, которое ее генералы считали последним. 16 августа немцы вошли в Новгород Великий. Они перерезали в Чудове Октябрьскую железную дорогу, соединявшую Москву с Ленинградом. К 24 августа танки Рейнгарда вышли к пригородам Гатчины — сорок километров до северной столицы. Связь Ленинграда с остальной Россией была прервана. Ленинград приготовился к уличным боям, карта обороны города была уже открыта, когда прибыли Молотов и Маленков с задачей «организовать оборону города». 26 августа Сталин разрешил укреплять оборонительные позиции танками, непосредственно сходящими с заводских конвейеров города и обещал четыре авиационных полка для прикрытия города сверху. Когда слабым местом обороны города стало справедливо казаться высшее руководство, Сталин решил прислать в Ленинград Жукова. Его назначение означало только одно — Ленинград будет сражаться до конца.

Город покинула лишь та наука, без которой Россия не мыслила ни своего выживания, ни своего возрождения. Ведущие ленинградские институты двинулись на восток. Оборудование грузилось на платформы, книги складывались в грузовики. Физико-технический институт был переведен в Казань, на восемьсот километров к востоку от Москвы. Страна требовала быстрых полезных решений. Курчатов и Александров были заняты защитой судов военно-морского флота от магнитных мин. Будущий президент Академии Наук Александров отправился на Северный флот, а Курчатов остался в Севастополе. Флеров одел мундир ВВС и был приписан к Академии военно-воздушных сил в Йошкар-Оле. Он был уверен в ведущейся ядерной гонке и просчитывал шансы России. В ноябре 1941 года он послал письмо в ГКО со своей оценкой российских возможностей в создании атомного оружия.

Курчатов возвратился в Казань больным воспалением легких. Больной и слабый, он поклялся не бриться до дня победы. Мир узнал его с бородой. Курчатов приветствовал идеи Флерова (этот доклад Флерова Курчатов до последних дней держал в ящике своего письменного стола). Его страсть была дорога будущему руководителю нашего атомного проекта. У обоих этих людей столь органично соединилась любовь к отечеству с научным скептицизмом. Рядом с Курчатовым стояли изобретатели лучшего в мире танка, конструкторы прекрасных боевых машин авиации, создатели непробиваемой брони, творцы «Катюши», изобретатели радара. Эти «недочеловеки» заставили Германию задуматься. Их умом и талантом был остановлен враг.

Самое тяжелое решение

По признанию самого Гитлера, ему понадобилось почти шесть недель для принятия «самого тяжелого решения во всей восточной кампании». 21 августа он принял его вопреки мнению ОКХ. Гитлер назвал в качестве своих целей Ленинград, Крым, Донбасс. Москва следовала лишь на четвертом месте. «Приказываю следующее: 1. Важнейшей целью, которой следует достичь еще до наступления зимы, является не взятие Москвы, а овладение Крымом, промышленным и угольным районом на Донце и прекращение русского снабжения нефтью из района Кавказа, а на Севере — блокирование Ленинграда и соединение с финнами... Овладение Крымским полуостровом имеет наиважнейшее значение для обеспечения нашего снабжения нефтью из Румынии. Поэтому всеми средствами, включая также применение подвижных соединений, следует стремиться быстро форсировать Днепр в направлении Крыма, прежде чем враг подбросит сюда новые силы... Только блокирование Ленинграда, соединение с финнами и уничтожение русской 5-й армии создает предпосылки и высвобождает силы для того, чтобы с перспективой на успех атаковать и разбить вражескую группу армий Тимошенко»^[50].

По мнению германского историка Г.-А. Якобсена, «это было далеко идущее решение, больно ударившее по ОКХ, которое уже с августа с несомненной обескураженностью вынуждено было констатировать, насколько сильно оно недооценило способность Советского Союза к сопротивлению и имеющиеся у того возможности в кадровом, техническом, а также и в политическом отношении. Понимание этого пришло слишком поздно».

Это решение впоследствии приведет к весьма суровой критике немцами фюрера. Послевоенные историки теперь будут говорить то, чего не говорили самые скептические из современников: Гитлер не обладал ни военным опытом, ни соответствующим образованием, среди специалистов вермахта он был дилетант. Поначалу, — рассуждает Якобсен, — «он высказывал свои планы большей частью в виде спонтанных экспромтов или как бы случайно в разговоре. Это были молниеносные озарения и в гораздо меньшей степени — конкретные предложения, причем не вполне продуманные и не обоснованные до конца. Не владея аргументацией офицера генерального штаба, он давал полную волю всем своим интуитивным и внезапным мыслям. Импровизированно сказанное им его

военные советники должны были облекать в надлежащую форму». Но после побед на Западе в психологии Гитлера произошли глубокие изменения. Квалифицированные генералы перестали быть для него неоспоримыми профессиональными авторитетами. ОКХ теряет свое значение центра принятия решений. Немцы вручают Гитлеру право принимать роковые для себя решения. Отказ от движения на Москву был классическим примером отхода от германской доктрины «бить по критически важной точке».

В конце августа 1941 года к Гитлеру прибыл Муссолини. Он нашел Гитлера уверенным в себе. Вместе они осмотрели руины Брестской крепости. Фюрер признал, что «плохая работа разведки дала ему полностью неверные данные о размерах и качестве русских войск, а также о решимости, с которой они идут в бой». Именно в тот день русские танки у Великих Лук бросились в наступление и через сутки были остановлены. В этот вечер по ленинградскому радио поэтесса Вера Инбер процитировала слова Герцена: «Рассказы о сожжении Москвы, о битве при Бородино, о переправе через Березину, о падении Парижа были легендами моего детства, моими Илиадой и Одиссеей». В наступившие времена Россия пишет для своих внуков новую Одиссею и Илиаду. Именно в этот день отступающие советские войска взорвали плотину Днепрогэса. Финские войска взяли Выборг и вышли к границе 1940 года.

Сентябрь

Относительно дальневосточного союзника Германии 11 сентября 1941 года Риббентроп сообщал руководству рейха: «Токио очевидно намеревается отложить действия против Советского Союза, чтобы выждать дальнейших успехов Германии на Восточном фронте»^[51]. Риббентроп и Вайцзеккер предложили «оказать давление на Японию с целью побудить ее атаковать Владивосток. 1. По военным соображениям, поскольку это облегчит нашу военную задачу. 2. По внешнеполитическим соображениям, поскольку это докажет, что Япония явным образом встала на стороне „оси“. Но Гитлер был против „активного давления на Японию; он опасался того, что это будет интерпретировано как знак немецкой слабости“»^[52].

То спокойствие, с которым Сталин обсуждал проблемы войны с Гарри Гопкинсом, базировалось на нескольких объективных обстоятельствах. Во-первых, помимо донесений Зорге, советская военная разведка фиксировала факт отсутствия концентрации японских войск в Маньчжурии. Японцы не могли начать завоевание советского Дальнего Востока без серьезной предварительной подготовки. Ее пока не было. Более того, все более явственной становилась ориентация Токио на южное направление. В начале октября 1941 года можно уже было полагаться определенно на то, что СССР сможет избежать ситуации борьбы на два фронта. А это в реальности значило, что боевые порядки Дальневосточной армии становились резервом главного командования. Во-вторых, на наличии крупной армии на Украине, способной не только сохранить эту богатейшую республику Союза, но и оказать давление во фланг движущимся к Москве германским армиям.

В сентябре 1941 года война, полагали немцы, заканчивается. По оценке Эриксона, «кровавое побоище на юге, осуществленное с устрашающей эффективностью, было только преддверием — „необходимым условием“, если пользоваться терминологией Гитлера — массированного наступления против советских армий, защищающих Москву»^[53]. Но Гитлер насторожился. 11 сентября он отменяет приказ о сокращении производства для армии, военные заводы снова заработали на германскую восточную армию. Военно-морская программа, рассчитанная на битву с Британией, была отложена.

Великая страна ощутила нависшую угрозу. К последней неделе сентября 1360 крупных промышленных предприятий в западной России

были эвакуированы на Урал, в Западную Сибирь, Казахстан и Центральную Азию. Крупные заводы Харькова и Краматорска были подготовлены к переезду за несколько дней. Полтора миллиона вагонов перевозили целую индустрию на восток, а навстречу, на запад продвигались два с половиной миллиона солдат.

На северо-западном направлении 8 сентября немцы окончательно взяли станцию Мга, и Ленинград попал в страшное кольцо блокады. Кейтель уведомил фон Лееба, что Гитлер не имеет ничего против бомбардировки и обстрела великого города. Гитлер не хотел боев в городских кварталах, но он уже решил, что Ленинград будет сметен с лица земли. Под давлением немцев финны, остановившиеся было на старой советско-финской границе, в сентябре 1941 года, после нового наступления немцев на Ленинград, снова бросились вперед и пересекли реку Свирь. Прямой путь из Мурманска в Москву был перерезан, но действовала обходная ветка. Над Ленинградом нависла угроза прорыва врага.

Утром 13 сентября самолет с Жуковым взлетел с Внуковского аэродрома на север. На Ли-2 с ним были генералы Федюнинский и Хозин. Ударные части немцев неуклонно приближались к Ленинграду, они штурмовали Пушкин, Тосно, Мгу и Шлиссельбург, дошли до реки Волхов, где в южном течении реки Свирь надеялись встретить наступающих на юг финнов. Подавленный Ворошилов сдал командование и отбыл в Москву. Под бортом его самолета лежали 700 километров противотанковых надолбов, 5000 огневых точек, 25 километров баррикад. И город, готовый пожертвовать собой.

Жуков сократил периметр обороны, оставив прежнюю «линию Луги». На западном направлении Таллин был оставлен, Балтийский флот возвратился в Кронштадт. Против устремившихся из Красного Села к Урицку немцев он послал последний резерв. В координационной комнате Жуков демонстративно сгреб в угол всевозможные карты и схемы, оставив в центре внимания одну: карту собственно города. Линию Пушкин — Гатчина — Колпино приказал защищать до последнего патрона. Все силы были сконцентрированы на поисках резервов и укреплении оборонительных линий. Он издал также приказ № 0098, требовавший расстрела всех отступающих как «пособников» немцев. Ни у кого не оставалось сомнения, что город будет сражаться до последнего дыхания. Знаменитые ленинградские мосты были заминированы — от минеров потребовали взорвать их до 17 сентября. 40 тонн взрывчатки привезли на основные заводы. Последние позиции перед городом были обозначены между Пулковом и собственно городом. Но пал Пушкин, немцы вошли в

Слуцк и Кузьмино, но Колпино держался. К 19 сентября фронт стабилизировался по линии Пулково — Кузьмино — Парголово.

А германское ОКХ создало обзор стратегического положения, одобренный Гитлером. «1. В данный момент еще нельзя сказать, как можно будет высвободить крупные силы с наступлением зимы на Востоке и сколько их потребуется в следующем году для ведения операций при тяжелых погодных условиях.

2. Если поход на Восток в 1941 г. еще не приведет к полному уничтожению советской силы к сопротивлению (как на то рассчитывало высшее командование), военное и политическое воздействие этого на общее положение может быть таковым:

а) Выступление Японии против России может задержаться. С другой стороны, Америка может дать Японии непосредственный повод для вторжения (вероятно, нет!).

б) Объединению сил России и ее союзников через Иран воспрепятствовать не удастся.

в) Турция отнесется к этому ходу событий с большим недовольством. Несмотря на это, она будет выжидать до тех пор, пока не убедится в крушении России...

Разгром России — ближайшая и решающая цель войны, которая должна быть достигнута применением всех сил, без которых можно обойтись на других фронтах».

Катастрофа на Украине

В группе армий «Центр», выполняя приказ, Гудериан повернул свои танки под углом 90 градусов на юг. Он нашел двухсоткилометровую щель между войсками Тимошенко и Буденного и ринулся в южном направлении. Тем самым он уходил от опасности быть атакованным пятой советской армией и войсками, выходящими из-под Гомеля. Гудериан шел впереди с двумя танковыми дивизиями, за ним следовала ошущающая близость победы основная масса его войск. На третий день пути, пройдя примерно сто километров, Гудериан взял нетронутый мост через Десну у Новгород-Северского, преодолевая тем самым последний естественный рубеж между северными силами и движущимися с юга, со стороны Черкасс и Кременчуга танками Клейста. Огромные силы, сосредоточенные под командованием Буденного в районе Киева, могли двигаться лишь со скоростью человеческого шага. Вокруг же ревели моторы моторизованных германских частей. 16 сентября германские танковые колонны сомкнулись в Лохвице.

Сталин сместил Буденного, но разрешил общее отступление лишь двумя днями позже немецкого окружения. Поздним вечером 17 сентября Шапошников связался с Кирпоносом. «Главнокомандующий позволил вывести войска из Киева». Но как выйти из окружения? Генерал Бурмистенко утром 18-го посоветовал Кирпоносу полагаться лишь на себя. После четырех дней непрерывного отказа разрешить отступление, маршал Тимошенко разрешил генералу Кирпоносу отводить войска. Пробились на восток 15 тысяч, более полумиллиона попали в плен. В течение 24 часов Киев пал. Кирпонос приказал прорываться. Большие и малые группы начали прорываться на восток. Кирпонос попал в засаду 20 сентября и погиб. К этому времени огромная масса советских войск была лишена общей координации, у нее уже не было горючего, необходимых боеприпасов, общего планирования на случай создания брешки. С последними патронами шла пехота в контратаки, чтобы лечь навеки в украинских полях — германская артиллерия твердо знала свои цели. После пяти дней массового уничтожения немцы начали брать пленных. Их было ни много ни мало шестьсот пятьдесят пять тысяч — треть боевой силы Красной Армии в начале войны. 19 сентября немцы вошли в город — «мать городов русских». Берлин объявил, что с начала Восточной кампании германская армия потеряла только 86 тысяч убитыми.

Под Киевом замолкли последние выстрелы. На запад потянулись неслыханные эшелоны вагонов из-под скота, переполненных советскими военнопленными. Потери Красной Армии после начала войны были неслыханными. По оценкам ОКВ она к концу сентября потеряла два с половиной миллиона человек, 18 тысяч танков, 22 тысячи орудий, 14 тысяч самолетов. Такую оценку сделала германская разведка. Но она же, несколькими месяцами ранее именно такими (или меньшими) цифрами оценивала совокупную мощь Советского Союза. На чем же держалась его мощь после потрясающих поражений? В любом случае, считали немцы, еще одно такое поражение, и у русских просто не будет солдат.

Берлин прислал сонм фотографов, и сейчас мы можем взглянуть в лица тех, кто потерпел крушение, на обожженные танки, на горы оружия, на трупы наших солдат до горизонта.

Как пишет английский историк А. Кларк, «столь любовно собранный, этот документальный „материал“ раскрывает меру тевтонского садизма, германского восторга перед насилием и брутальностью. Фотографии выдают ужасающий характер снимавших. Упоенные победой, немцы даже не старались проявить хотя бы некую меру неприятия дикости и безжалостности. Ничто не может трогать больше, чем фотографии военнопленных. Эти длинные, молчаливые колонны брели мимо усеянной кратерами земли. В глазах русских видна глухая, „бычья“ обреченность людей, которые сражались за свою родину и потерпели поражение. Могли ли они представить себе, что ждет их впереди? Сознательно подготовленный голод, лагеря, пораженные тифом, двадцатичасовой рабский труд на заводах Круппа под ударами бичей эсэсовцев. „Медицинские эксперименты“, физические муки, четыре года сознательной жестокости самого ужасающего и непростительного вида. Могли ли они предположить, что лишь тридцать из каждой тысячи увидят снова свои дома. Но пока мы задаем эти риторические вопросы, задумаемся на секунду. Понимали ли немцы, наблюдая за почерневшими тракторами в степи, что они, сея ветер, пожнут бурю?»^[54].

Сталин ликвидировал Юго-Западное командование. Тимошенко (последний главком после потерявших свои посты Ворошилова и Буденного) был назначен командующим Юго-Западным фронтом. В конце сентября ради укрепления Крыма Сталин приказал эвакуировать Одессу. Москва начинала терять надежду. Не только она. Стажировавшийся при Германском штабном колледже между 1936 и 1938 годами американский майор Альберт Ведемейер предсказал 11 сентября 1941 года, что к 1 июля 1942 года Германия будет владеть всем к востоку от Белого моря, Москвы,

Волги. Россия к этому времени будет в военном отношении бессильна.

Увы, Рундштедт с Гудерианом разбили в прах успокаивающее Сталина ощущение, что в районе Киева еще стоят нетронутые кадровые войска. Видя потерю Украины, Сталин впервые заколебался. Мы впервые видим признаки отчаяния Верховного Главнокомандующего. По личному приказу Сталина посол Майский передает премьер-министру Черчиллю 3 сентября его личное послание, в котором содержится просьба, во-первых, открыть в текущем году театр военных действий «где-нибудь на Балканах или во Франции, что отвлекло бы 30–40 германских дивизий с Восточного фронта». Во-вторых, предоставить Советскому Союзу к началу октября 30 тысяч тонн алюминия и ежемесячную минимальную помощь в 400 самолетов и 500 танков. «Без этих двух форм помощи Советский Союз будет либо разбит, либо ослаблен до такой степени, что надолго потеряет способность помочь своим союзникам активными операциями на фронте против гитлеризма».

13 сентября Сталин идет еще дальше. Англичанам предлагается «высадить 25–30 дивизий в Архангельске или в южной части Советского Союза через Иран для военного сотрудничества с советскими войсками подобно тому, как это делалось в последней войне во Франции». Американцам Сталин предлагает занять американскими войсками любой сектор на советском фронте под американским командованием. Американцы и англичане решили не связываться с тонущим кораблем.

Германский посол во Франции Отто Абец прибыл к Гитлеру в Вольфшанце 16 сентября 1941 года. Гитлер поделился с ним планами на Востоке. Ленинград будет сметен с лица земли — это «ядовитое гнездо», откуда уже долгое время «распространяется азиатская злоба». Азиаты и большевики будут вышвырнуты из Европы. «Будет положен конец двумстам пятидесяти годам азиатской заразы». Урал станет новой границей поверженного врага. Россия к западу от Урала станет германской Индией. Железорудные месторождения Кривого Рога обеспечат Германию миллионом тонн руды в месяц. При этом экономически самодостаточном новом порядке Франция получит свою долю. Условием является ее участие в разгроме Британии.

Но в тот же день фон Лееб убедился в невозможности пробиться к Ленинграду и начал отгружать танки на московское направление. Обеспокоенный Гальдер записал в дневник: «Отныне дренаж наших сил под Ленинградом будет продолжаться. Противник сконцентрировал значительные силы и большой объем боеприпасов, такая ситуация сохранится до тех пор, пока голод не выступит нашим союзником». А

Гитлер продолжал делать экскурсии в будущее. Крым обеспечит Германию цитрусовыми, хлопком и резиной. «Мы будем снабжать зерном всю Европу». Среди русских «мы найдем человеческий материал, необходимый для обработки пашни. Немецкие поселенцы и надзиратели будут жить в замкнутом сообществе как в крепости. Но наши конюшни должны быть лучше, чем у туземцев».

Дикие мечтания Гитлера имели основания — за спиной германских солдат стояли ворота Киева, впереди — Москва.

Но и это страшное поражение Красной Армии не было решающим. Советские войска сумели — страшными усилиями — восстановить линию фронта. Потеряв Харьков, они все же сомкнули ряды восточнее. Немцы бросились к Азовскому морю и сумели взять ключ к Кавказу — Ростов-на-Дону. Но на дальнейшее германская армия не была способна — силы концентрировались на севере, в направлении Москвы. Германское командование уже не могло всерьез думать о захвате северокавказских нефтяных месторождений, они не могли и препятствовать потоку горячего по волжскому пути.

В это же время финны, видя, что немцы, при всех усилиях, не могут выйти к Неве, следуя безошибочному внутреннему чувству, остановились в сентябре на старой границе Финляндии и СССР. Поворачиваясь к Москве, Гитлер решил задушить город русской славы в блокаде, бросая основные силы на центральное направление. Об этом решении Сталин узнал от разведывательной сети в Германии — «Красной капеллы», когда признаки ослабления давления на Ленинград еще не ощущались. Но 23 сентября Пулковско штурмовали лишь 12 танков. Жуков зафиксировал ослабление этого давления 25 сентября. В городе уже во второй раз уменьшили рацион хлеба.

На Ленинград в этот день обрушилась самая большая с начала войны масса снарядов и бомб. 276 германских бомбардировщиков убили тысячу мирных жителей. Пострадал Кронштадт и его верфи. Миллион ленинградцев двадцать четыре часа в сутки копали окопы. Великий город готовился дорого отдать свои жизни. Немцы думали, что делать с северной русской столицей. Генерал Варлимонт составил следующий меморандум. Оккупация как таковая места иметь не будет. Детей и пожилых следовало выпустить из города, а остальных оставить умирать. Наилучшим решением было бы запереть жителей в город, окружить город колючей проволокой с пропущенным в ней током, поставить на высотах пулеметы. Были предложения «филантропу Рузвельту» вывезти жителей Ленинграда. Варлимонт завершил свой анализ так: «Замкнуть Ленинград герметически,

ослабить население посредством террора и усиливающегося голода. Весной мы оккупируем город, уберем выживших в глубину России и сравняем Ленинград до нулевого уровня взрывчатыми веществами». Йодль поощрил подчиненного: «Это увеличит хаос и поэтому облегчит нашей администрации эксплуатацию оккупированных территорий». Германские бомбардировщики постоянно бомбили Ленинград. Бадаевские склады уже сгорели. Пострадала главная верфь.

В октябре группа армий «Север» предприняла еще одну попытку пробиться к Ленинграду — удар был нанесен к востоку от Тихвина; немцы надеялись на восточной стороне Ладожского озера встретить финнов. Удачей было то, что финны остановились на своей прежней границе. Немцы всячески уговаривали Маннергейма, но у финнов были свои соображения. Гитлер приказал считать Ленинград «второстепенным театром операций». Гитлер начал осуществлять блокаду шестью или семью дивизиями и перенацеливать основные силы на Москву.

Поворот к Москве

В английском поместье Блечли 1500 английских специалистов по дешифровке продолжали свою работу. Мы уже знаем, что они прочитали варианты кода «Энигма», применяемого немцами в радиообмене между Берлином и Восточным фронтом. По приказу Черчилля в Москву были доставлены дешифрованные данные о дислокации германских войск на Восточном фронте. Кроме Сталина эти данные получал только один человек — начальник Генерального штаба маршал Шапошников. На вопросы об источнике этих сведений английский связной — Сесил Барклай отвечал, что у английской разведки есть свой человек в германском военном министерстве.

Советская разведка имела свои источники. Наверное, самым важным из них была «Красная капелла» — разведывательная сеть, базировавшаяся на германском министерстве авиации. В нее входил Шульце-Бойзен, глава разведывательной службы люфтваффе, Дольф фон Шелиа из министерства иностранных дел, Арвид Харнак из министерства экономики. Используя секретную радиостанцию, «Красная капелла» снабжала Москву сведениями о главных операциях германских вооруженных сил, особенно детально об их планах. Так советское руководство узнало о том, что после взятия Киева Клейст не собирается к кавказским предгорьям, о том, что Гитлер решил взять Ленинград измором, а не прямым штурмом.

В Токио группа Зорге была близка с помощником премьера Коноэ. Уже в конце июня Зорге докладывал, что Япония решила оккупировать французский Индокитай и голландскую Ист-Индию — они устремляются на юг, а не к советским границам. Третьим важнейшим источником была группа «Люси» в Швейцарии. Историк Эрикссон отмечает: «Информация, поступавшая в Москву, была столь точной и невероятно детализированной, что вызвала сомнения, что работает опытный специалист по дезинформации из Абвера, что это гигантская западня. Но в конечном счете Москва признала аутентичный характер информации „Люси“ о планах германских вооруженных сил, ее способность ответить на самые сложные вопросы относительно обсуждений самого высокого уровня в германской армии»^[55]. (В то же время немцы не имели ни малейшего представления об основных процессах в Советском Союзе; они оставили сами попытки организовать подлинно стратегическую разведку и полагались лишь на допросы военнопленных, на слежение за перемещением полков и дивизий.

Воздушная разведка давала тоже мало — советские части перемещались преимущественно ночью, их тылы не были глубокими, они быстро исчезали из поля зрения.)

Пока немцы наступали, работа разведки была менее заметна и значима. Но когда речь зашла о стратегической обороне, незнание противника становилось для вермахта существенно значимым. На фронтах полевые командиры получали информационную помощь со стороны партизан, чего немцы никогда не имели. И хотя немцы ввели практику убивать 50 советских людей за одного немца, они не могли остановить рост партизанского движения. Расстреливая, немцы старались попасть жертвам ниже пояса, часто хороня заживо мучающихся раненых. Как пишет А. Кларк, «немцы получали от репрессий садистское удовольствие. Он совмещали долг и спорт; совмещали рвение крестоносцев и специфическое физическое удовольствие, которое столь многие немцы извлекают из причинения боли другим. В долгие летние вечера „охота на людей“ предпринималась по малейшему поводу; деревни окружались, а жителей избивали прямо на улицах. В Германию отсылали „сувениры“. Один из оккупантов отослал в Германию „локон волос русской девушки-партизанки. Они сражаются как дикие кошки и это явные недочеловеки“»^[56].

Часть планировщиков Берлина уже начала считать поставленные в России цели достигнутыми. Ленинград был изолирован, Украина завоевана, Донбасс отрезан от советской экономики. Военное министерство стало планировать возвращение в Германию восьмидесяти дивизий, половину которых предполагалось уже расформировать. Военное управление на Востоке будет иметь в своем распоряжении «мощные мобильные силы в главных индустриальных и коммуникационных центрах; каждая воинская группировка, помимо своих обычных оккупационных обязанностей, будет в состоянии посылать быстро действующие боевые группы в центры неоккупированных территорий с целью сокрушить любую попытку сопротивления еще до того, как она стала представлять опасность». Нужно сказать, лишь Рундштедт (с пассивным сочувствием Браухича) в эти дни и недели эйфории стоял за то, чтобы остановить германскую армию на Днестре и дожидаться весны 1942 года. Другие — Бок, Гудериан, Гот, Клюге — и слышать не хотели о паузе в войне, для них сама мысль о замедлении операций была абсурдной.

На оккупированной территории, следуя указаниям непосредственно Гитлера, Гиммлер, Борман и Кох действовали по принципу: мы — господа, они унтерменши. Немцы должны господствовать и управлять. Как отмечает

немецкий историк Г.-А. Якобсен, «любую попытку считаться с чувствами и образом жизни русских они отвергали как сентиментальничанье». Рейхсфюрер СС сформулировал свое отношение одной фразой: «Что касается русских... мне совершенно безразлично, живут ли они в достатке или подымают с голода; меня они интересуют лишь постольку, поскольку мы нуждаемся в них как в рабах для нашей культуры, а до остального мне дела нет». По оценке германского историка М. Геринга, Германия «ярчайшим, потрясающим образом показала всему человечеству, в результате каких обстоятельств культурный народ смог с гордой высоты погрузиться в самую мрачную бездну. На его примере подтвердился опыт истории, на его примере была доказана незыблемость твердых, имманентных природе вещей законов». Эти законы исключали безнаказанность массового насилия.

Постепенно, капля за каплей, две простые идеи стали навещать головы немцев: Россия огромна, русских много. Ответом на зверскую жестокость немцев стала бездонная ненависть русских.

Глава девятая

Битва за Москву

К середине октября 1941 года историческая судьба России приближается к нижней точке. Многие из жизненных центров были уже потеряны, многие не могли работать, находясь в смертельной опасности. В армию уходила самая деятельная часть населения, из деревень уходил кормилец, под пули шла лучшая часть нации. Ее ум, ее интеллигенция копала противотанковые рвы, записывалась в истребительные батальоны, бессловесно — как и весь народ — жертвовала собою.

На территориях, уже захваченных немцами или находившихся под ударом, находились не менее 45 процентов всего населения — не менее 88 миллионов людей. Одна треть промышленного производства СССР находилась здесь, 62,5 процента добычи угля, более двух третей металлургии, 68 процентов выплавляемой стали, 60 процентов алюминия. 303 крупных завода европейской России не действовали, будучи демонтированными с прежнего места производства. 47 процентов пахотной земли оказались в руках немцев, равно как и 41 процент железнодорожных путей.

При этом не следует преувеличивать степень предвоенной готовности к переводу промышленности на восток. Современные данные говорят, что у советского правительства были самые общие наметки, но не было конкретного плана перевода стратегической индустриальной базы на Урал и за Урал. Этот перевод был результатом колоссальной импровизации, потребовавшей величайшей жертвенности. Только после нападения Германии начала работать Комиссия академика Комарова «по мобилизации ресурсов Урала для оборонных целей».

Можно прямо сказать, против мобилизованной Германией мощи всей Западной и Центральной Европы поздней осенью сражалась половина России, раненная, потрясенная, в муках собирающая свои последние силы.

Советский Союз и Германия столкнулись в смертельной схватке. Эта схватка происходила у самой сонной артерии России. Как пишет Дж. Эрикссон, «задачей вермахта было: разбить Красную Армию в полевых сражениях одновременно уничтожить источники индустриальной мощи, которые позволяли продолжать сопротивление; русские, охваченные фатальным спазмом ужасного конфликта, обязаны были спасти хотя бы

часть своих вооруженных сил и, платя любую цену, сохранить жизненно необходимый минимум производства, работающего на фронт»^[57].

«Поведение русских...»

До Москвы оставалась одна треть уже проделанного немцами пути, на юге завершалось окружение миллионной русской армии под Киевом, впереди — у Вязьмы — в клещи попадет еще один миллион наших солдат. Но реальность уже бросила свою тень на безумные планы тех, кто хотел сделать нас рабами.

Немецкие генералы — возможно, лучшие профессионалы в мире — начали осознавать особый характер борьбы, особый характер противостоящего им противника. Генерал Блюментрит, наступавший на Минск, отметил: «Поведение русских войск даже в этой первой битве являло собой поразительный контраст с поведением поляков и западных союзников, когда те терпели поражение. Даже будучи окруженными, русские держались за свои позиции и сражались». И они не собирались сдаваться. Взятый в плен в июле 1941 года сын Сталина Яков ответил допрашивающим его немцам именно так. На фоне массового страха и паники, на фоне головокружительных потрясений «решительное меньшинство» (определение Дж. Эриксона) было настроено идти до конца. 17 сентября 1941 года командование 39-го армейского корпуса направило Гитлеру памятную записку «О возможности подрыва большевистского сопротивления изнутри»: «Предшествующий ход Восточной кампании показал, что большевистское сопротивление и ожесточение далеко превзошли все ожидания. Красная Армия имеет такой, особенно унтер-офицерский, корпус, который постоянно крепко держит в своих руках рядовых как в наступлении, так и в обороне... Любая попытка переворота была бы в конечном счете ликвидирована самой жесткой силой в самом зародыше. Никто не должен предполагать, что война приведет к революции в Советском Союзе. Большевистское государство проявляет в борьбе такую же силу сопротивления, что и КПГ в борьбе за власть в рейхе».

И уже выделилась плеяда военных вождей, способных встать вровень с современной военной наукой: стратег Жуков; военачальники полевых армий Рокоссовский, Конев, Ватутин; военные специалисты в своей сфере Воронов и Говоров; энергичные и мужественные командиры Катуков, Ротмистров, Богданов, Новиков.

Германия не сумела верно оценить противника. Его вооружение было гораздо лучше, чем полагали немецкие военные специалисты. И численность советских войск едва ли не вдвое превосходила ожидаемую.

Генерал Гальдер занес в свой дневник 11 августа: «Мы недооценили силу русского колосса не только в экономической и транспортной области, но прежде всего в военной. Вначале мы рассчитывали встретить 200 дивизий противника, но теперь мы идентифицировали уже 360 дивизий». Командующий группировкой армий «Юг» фельдмаршал Рундштедт уже после войны сказал: «Я понял вскоре после нападения, что все, что было написано о России, является глупостью».

Даже господство в воздухе не было абсолютным. Если во Франции у немцев было 10 самолетов на каждый километр фронта, то в России — один. Вообще сравнение в Францией, столь популярное среди немцев в этот период, имело очень мало смысла. В Советском Союзе расстояния были как минимум в пять раз больше, чем в ходе войны с Францией. Кейтель позднее признал: «Гитлер говорил так, будто русская кампания — дело верное... Но теперь, оглядываясь назад, я вижу, что это был страшный риск». Гитлер самоуверенно утверждал, что политическая система Советской России рухнет после первых же сражений. Неизбежно возникал вопрос о том, что должно ее заменить. Немцы не знали на него ответа.

Английский историк А. Кларк считает, что прежде всего «следует сказать об обычном русском солдате. Неадекватно руководимый, недостаточно обученный, плохо экипированный, он изменил ход истории благодаря своему мужеству и твердости в этот первый год войны». Германский офицер рассказывает о русском танке, подбитом в ходе боя. Обгорелый, он стоял на гребне холма, тогда как германские части в течение десяти дней пытались двигаться вперед, но не находили нужного пути. «Никакие запасы не могли быть доставлены нам, так как подвозящие их солдаты встречали шквал артиллерийского огня. Мы изменили время доставки, но это не улучшило ситуацию. Снаряды часто падали и на наши позиции. В глубине ночи (русский) патруль пробился через лес и бросил ручные гранаты прямо в наши орудия. Мы спрашивали себя, какой дьявол сделал все это возможным. Тайна открылась случайно... В один из дней армейский повар в поисках танковых приборов открыл люк русского танка. От зловония он едва не потерял сознание, но он увидел два стоящих на коленях скелета. Мы вытащили их. Один из них — капитан, потерявший глаз — находился рядом с разлагающимся трупом. Раненый, он посылал по радио сообщения своим войскам о наших перемещениях». Даже сухой Гальдер пишет о «дикой решимости» русских солдат.

Возможно, германские солдаты первыми ощутили особый характер противника, особый характер территории, особый тип войны. Однообразную равнину пересекали похожие друг на друга реки. И на

каждом берегу отступающий противник стремился создать рубеж обороны. Именно германские солдаты создают грозный и трагический фольклор: русского всегда нужно убивать дважды; всякий, кто пролил русскую кровь, не смог уйти живьем из этой земли. Из уст в уста передавались описания того, как ведут себя советские раненые. «Они не кричат, они не стонут, они никого не проклинают. Без сомнения, в этом есть нечто мистическое, нечто непостижимое относительно их жесткого, упорного молчания». Так немецкий автор Двингер описывает советских военнопленных, которым сознательно не оказывали медицинскую помощь. «Некоторые из них обожжены огнеметами, и ничто у них не напоминает человеческого лица. У многих шрапнель вырвала куски мяса. У одного пуля вырвала нижнюю челюсть. Кусок мяса у раны не закрывает трахеи, сквозь которую дыхание вырывается пузырями и хрипом. Пять пулеметных пуль вошли в плечо и руку другого пленного, лишенного всякой одежды. Казалось, что его кровь вытекает через несколько трубок... За моими плечами пять кампаний, но я не видел ничего похожего. Ни крика, ни стопа из губ этих раненых, которые сидели на траве».

«Тайфун»

К востоку от Киева Клейст и Гудериан завершали окружение пятидесяти советских дивизий. Тридцать советских дивизий были заперты в Ленинграде. 25 сентября немцы начали наступление на юге — в направлении Харькова и Крыма. (Хотя на пути немцев встали танки Т-34, дивизия СС «Мертвая голова» пыталась найти способы уничтожения этих танков — обычные противотанковые средства их не брали. Через два дня германские части взяли Перекоп — ворота в Крым).

Но Гитлер отставил свои черноморские и прочие увлечения. Находясь в штаб-квартире Бока, он приказал остановить продвижение и на ленинградском направлении. Следует сказать, что в германских военных кругах начала ощущаться реальность того, что одногодичной кампании для крушения России недостаточно. А если предстоит еще один военный год, не лучше ли укрепиться на продвинутых оборонительных позициях и за минными полями и колючей проволокой подготовиться к решающим битвам следующего года? Но основные действующие лица — Гитлер, главнокомандующий сухопутными войсками Браухич, его начальник штаба Гальдер и командующий группой армий «Центр» Бок — выступали за решение стратегического вопроса в текущем — 1941 году. С взятием советской столицы армия получит лучшие зимние квартиры. Главный железнодорожный узел страны будет парализован. Индустрия огромного московского района будет выведена из строя. А если готовиться к новой весне, то как создавать укрепления в чистом поле?

Едва ли можно подвергнуть сомнению то положение, что германская разведка, стратегическая в первую очередь, была неадекватна стратегическим задачам. У германского командования не было ни малейшего представления о грандиозных усилиях противника по обеспечению работы новой промышленности в тылу, о мобилизуемых армейских резервах, о маршруте движения дальневосточных армий. Невозможно отделаться от впечатления, что к зиме, к декабрю германское командование было в полной уверенности относительно невозможности для Красной Армии «восстать из пепла». Согласно директиве № 35, немецкая военная машина стала концентрироваться в направлении Москвы. Взятию Москвы было присвоено кодовое название «Тайфун» — это был апофеоз германской «битвы на уничтожение». Генерал фон Вальдау записал в свой дневник: «Мы входим в зимнюю кампанию. Я верю

в окончательную победу».

Операцию должны осуществить три пехотные армии (вторая, четвертая и девятая). Три танковые группы (Гот — 3-я, Гудериан — 2-я, Гепнер — 4-я) приготовились к удару. У фельдмаршала Бока, возглавившего наступление на Москву, было больше танков, чем в начале осуществления операции «Барбаросса», — 14 танковых и 9 моторизованных дивизий. Теперь три четверти германских войск собирались ради удара по советской столице, поддерживаемые с воздуха лучшими силами люфтваффе.

Британские криптологи дешифровали германские приказы об операции «Тайфун». Черчилль постоянно спрашивал, получил ли Сталин дешифрованные сведения («покажите мне последние пять отосланных сообщений»)? Они говорили об отчетливой подготовке немцев к прыжку на Москву.

У противостоящих «Тайфуну» трех советских фронтов были 80 пехотных дивизий, 2 моторизованные и 1 танковая дивизия, 9 кавалерийских дивизий и 13 танковых бригад. (Численность одной дивизии к этому времени составляла 7–5 тысяч человек). 18 сентября в Красной Армии появились гвардейские части. Ими стали 100-я, 127-я, 153-я и 161-я дивизии. Это была попытка выделить наиболее эффективные части — отражение понимания того, что масса в этой войне не равна качеству. Да и массы на советской стороне уже не было. В июне 1941 года кадровый состав армии равнялся 4 700 000 солдатам. Поздней осенью 1941 года численность армии упала до 2 300 000 воинов.

2 октября Гитлер объявил о завершающей стадии «Барбароссы»: «Сегодня начинается последняя великая и решающая битва войны». В германских руках уже находятся «три величайших индустриальных центра большевиков. Наконец мы создали предпосылки для финального сокрушительного удара, который до начала зимы приведет к крушению врага». Восемь русских армий были в котле вокруг Вязьмы и Брянска — 673 тысячи солдат и офицеров взяты в плен, 1242 танка и 5432 пулемета захвачены или уничтожены. Выступая в берлинском «Шпортпаласте», Гитлер заявил онемевшей толпе, что «началась операция грандиозных размеров. Она приведет к сокрушению врага на Востоке. Противник уже отступает и он никогда не восстановит свою силу». Огромный зал взревел. Гитлер в тот же день возвратился в свое «Волчье логово».

Против Бока стояла последняя из советских воинских масс войск — отступавшие от границы остатки войск и мобилизованное ополчение. (Только к началу 1944 года армия восстановит необходимый

профессионализм). Противостоящие немцам Конев и Еременко имели под своим командованием пятнадцать пехотных армий — примерно полмиллиона солдат. Их мобильность была прискорбно низкой, их техническое оборудование желало много лучшего, у них была недостаточная огневая мощь, чтобы упорно и умело защищать свои позиции. В войсках уже редкостью были кадровые части. Резервисты повсюду — это был грозный знак роковой слабости. Оставались личное мужество и физическая неприхотливость. Эти резервисты не могли выдержать танкового блицкрига.

Полоса наступления немцев была необычно широкой — около 250 километров, что в пять раз меньше июньского фронта 1941 года. Согласно германскому плану, танковая группа Гепнера вместе с дивизиями СС «Дас Райх» и «Гроссдойчланд» должна была расколоть противостоящий советский фронт на две части — одна в районе Вязьмы, другая около Брянска. В бой против Красной Армии бросились две тысячи немецких танков. Их марш продолжался десять дней.

Уже на третий день, пишет Гудериан, «был осуществлен решающий прорыв». Еще через сутки немецкие танки вошли в Орел, где явно не ожидали такого поворота событий — горело электричество и ходили трамваи. На станции грузили эвакуируемый на Урал завод. Хепнер оттеснил Западный фронт Конева к верховьям Днепра. Гот вел свои танки по шоссе Вязьма-Гжатск, далеко оставив позади основной массив советской пехоты. Полмиллиона советских солдат будут сражаться отчаянно, но они обречены. Теперь путь на Москву был открыт. В Берлине министр пропаганды Геббельс объявил иностранным журналистам, что «уничтожение группы армий Тимошенко окончательно привело войну к концу».

Настроение у германских генералов было приподнятое. Главный квартирмейстер армии Э. Вагнер записал 5 октября: «Теперь все устремилось к Москве. Складывается впечатление, что впереди окончательный коллапс противника и что к вечеру Кремлю придется паковать чемоданы». О Гитлере у Вагнера в этот момент было самое лестное мнение. «На этот раз он вмешался — и вмешался самым решающим образом — в проведение операции и до сих пор он был прав во всем. Большая победа на юге — его индивидуальная заслуга». На юге, в районе Бердянска, немцы взяли в плен более ста тысяч советских солдат, они вышли к Азовскому морю. 8 октября в руки немцев попал Мариуполь. Глава пресс-службы Гитлера Отто Дитрих возвестил собравшимся иностранным журналистам, что «в военном смысле Советская Россия

уничтожена». В растенбургском «Вольфшанце» 10 октября Гитлер говорил о законах природы, «которые не поощряют безостановочное убийство, чтобы лучшие могли выжить». В тот же день командующий шестой армией фельдмаршал Рейхенау издал директиву: «Самой главной целью кампании против еврейско-большевистской системы является полное уничтожение его инструментов мощи и ликвидация азиатского влияния на европейский регион».

Доля советских военнопленных была ужасна. В одном лишь Заксенхаузене между серединой августа и серединой октября гибло более трехсот человек в день, 18 тысяч в целом. 12 октября под Вязьмой попали в плен 665 тысяч советских военнослужащих (германские цифры). Они были обречены. А до Можайска отсюда дошли лишь 90 тысяч.

Но Бог не покинул Россию. 12 сентября с небес пали первые снежинки. Через несколько дней с севера подул неуютный ветер. Даже «Вольфшанце» неожиданно оказалось засыпанным снегом. И чем дальше к востоку и северу, тем более ощутимой была эта ранняя пурга.

В ночь на 2 октября генерал Еременко умолял Шапошникова позволить «более мобильную оборону». Начальник Генерального штаба был неумолим: «Осуществляйте упорную оборону своей линии фронта». Войска продолжали занимать губительную линейную оборону (которую инициировавший ее Сталин со всей присущей жесткостью позднее осудит). Но Брянский фронт под ударами немцев уже распадался на части. Немецкие танки уже перерезали жизненно важные железнодорожные линии, оставляя фронт без подвоза припасов и продовольствия. Утром 6 октября заклинания Еременко встретило молчание Сталина. А через пять часов немецкие танки появились перед командным пунктом командующего фронтом, которого спасли лишь три быстроходных штабных танка. В этот же день Брянск был захвачен немцами, мосты через Десну оказались в немецких руках.

По мере продвижения германских войск крестьяне жгли запасы зерна, уводили скот, взрывали дома в самых скромных поселках и деревнях. Немцев встречал запах пожарищ, выжженная земля и всеобщая ненависть. Би-Би-Си по-немецки напоминала Германии: «Каждые семь секунд немец гибнет в России. Может быть, это ваш муж? Или сын? Или ваш брат?» 7 октября упал настоящий первый снег. Гудериан послал за зимней одеждой, но посланцам сказали, что в нужное время им выдадут эту одежду.

Но и результаты впечатляли. 3 октября был оккупирован Орел. 4 октября Сталин приказал ускорить вывоз заводов из Ленинграда, особенно производителей тяжелых танков. На юге комиссар тяжелой

промышленности Тевосян требовал 13 383 вагона для вывоза оборудования из Донецка, а в наличии было 3460 вагонов. И погрузку прервали вступившие в город немцы. Гордость индустриализации, Днепрогэс, был взорван, чтобы не достаться врагу. На восток были отправлены 1523 завода — 455 на Урал, 210 — в Западную Сибирь, 200 — в Поволжье, 250 — в Казахстан и Центральную Азию. Использованы были полтора миллиона вагонов. В Саратове станки привезенного издалека завода уже работали, а стены завода только начали возводиться. Через десять недель после демонтажа Харьковского танкового завода — 8 декабря 1941 года — с нового конвейера сошли первые 25 танков Т-34. Через четырнадцать дней после разгрузки последнего вагона авиационного завода с конвейера вышли первые истребители. И хотя производство стали упало на две трети, броня для танков продолжала литься. Пожалуй, хуже было дело с алюминием, медью, никелем. По государственному плану уже в январе 1942 года уральские и сибирские заводы должны были давать дополнительные тысячи тонн металла. 14 ноября ГКО наметил на 1942 год произвести 2500 самолетов и 22 тысячи средних и тяжелых танков (удвоение самолетного производства и увеличение вчетверо производства танков). 1100 ученых были вывезены из Ленинграда в Казань. Страна знала, в чем ее сила.

Немцы в Калуге

12 октября немецкие танки вошли в Калугу — 160 километров от Москвы. Генерал Роммель пишет жене: «Превосходные новости из России! Мы можем ожидать быстрого наступления на восток и исключения возможности создания там значительных новых сил». 5 октября один из московских летчиков-истребителей увидел на дороге, ведущей к Юхнову, внушительную — почти в двадцать километров — колонну немецких танков. Новость была столь невероятна, что офицер Генерального штаба не принял ее всерьез и в дневной сводке не отметил «тревожных новостей». Но разведывательный самолет подтвердил первую новость. Маршал Шапошников попросил не тревожить его по пустякам (но московский гарнизон был поднят по предварительной тревоге). Третий разведсамолет не оставил никаких сомнений — никем не преследуемые немецкие танки почти что мирно катят к Москве. Вначале Шапошников был все так же скептичен, но почувствовав нечто, он прервал телефонный разговор. Через четыре минуты в штаб Московского округа звонил Сталин. Надежна ли информация? «Хорошо. Мобилизуйте все, что можете, но врага нужно остановить на 5–7 дней, пока мы не задействуем резервы Ставки».

Началась чрезвычайная сессия ГКО. Теперь «Можайская линия» была признана главной оборонительной линией Москвы. В Можайск были отправлены шесть пехотных дивизий и шесть танковых бригад. Днем позже «Можайскую линию» защищали 14 пехотных дивизий и 16 танковых бригад. Возможно, впервые думать о дальневосточных дивизиях стало стратегической необходимостью. Зорге сообщал очень к месту и времени: японцы ринулись на юг, их решение необратимо.

14 октября пал Калинин. Но ртуть в термометрах опускалась все ниже. Снег опустился на Ленинград. Гитлер объяснил своему окружению, что «предсказание погоды не является точной наукой». Перед дивизией «Мертвая голова» расстилалось тридцатисантиметровое снежное одеяло. Именно в этой грязи и снегах широкие гусеницы Т-34 увеличивали мобильность советских войск. А командующим разбитым вдребезги Центральным фронтом стал неведомый немцам Жуков.

Промежуточные итоги

Германские войска подошли на расстояние менее ста километров от столицы Советского Союза. Под их владычеством уже была территория, на которой проживали 65 миллионов жителей СССР. В немецких лагерях уже были три миллиона советских пленных. Полковник Лахаузен говорит о нескончаемой «полубезумной толпе животных». По его воспоминаниям, «генерал фон Рейхенау отдал приказ расстреливать всех ослабевших пленных. К сожалению это делается на обочинах дорог, даже в деревнях, так что местное население видит эти инциденты».

Гитлер 21 октября живописал будущую столицу Рейха. «Ничто не может быть в этом случае слишком хорошим, когда речь заходит об украшении Берлина. Всякий входящий в рейхсканцелярию должен чувствовать, что он находится у хозяина мира. В Берлин будут вести широкие проспекты, ведущие через Триумфальную Арку, Пантеон Армии, Площадь народа — все это заставит всякого затаить дыхание». Монумены будут из гранита, «потому что они будут стоять вечно».

Личный архитектор Гитлера Альберт Шпеер попросил у фюрера тридцать тысяч советских военнопленных для использования в строительстве новых монументальных зданий в германской столице. Строить следует еще до победы в войне. Гитлеру понравился проект нового здания канцелярии, офис Геринга. Гитлер тут же своей ручкой нарисовал монумент, который он хотел бы видеть в городе своего рождения — Линце.

Адмирал Канарис интересовался более актуальными вопросами: какова погода на фронте? «Плохая», — ответил Гитлер. Шесть недель оставалось до наступления настоящей зимы. Генерал-лейтенант Байерляйн вспоминает: «Уже ставшие плоскими, лучи солнца, низко стоящего над горизонтом и равнинами, обманывали нас. Каждый вечер многозначительное черное облако поднималось на большом отдалении, возвышаясь над степью. Эта темная масса приносила через атмосферу дождь, лед и снег наступающей зимы. Утром облако уходило и, казалось, возвращалось еще более огромным в сумерках вечера».

Но Гитлер жил в ослеплении. «Если Россия падет, Европа будет простираться до восточных границ германской колонизации. На восточных территориях я заменю славянские географические названия немецкими. Крым, например, будет именоваться Готенландом». Германские саперы в эти дни взорвали кафедральный собор Киева. Над Ленинградом немцы

разбрасывали листовки следующего содержания: «Идите в ванные комнаты. Оденьте белые одежды. Съешьте все, приготовленное для похорон. Ложитесь в свои гробы и приготовьтесь к смерти. 7 ноября небо будет синим — синим от взрывов германских бомб».

12 октября Хепнер пересек реку Угру, давшую когда-то независимость князю Ивану Третьему. Москва должна была решить задачу, куда дальше пойдут немцы — направо — к Калуге, замыкая еще один котел, или пойдут прямо на Москву через Малоярославец. Надежда возлагалась на идущие со стороны Гжатска танки Лелюшенко. Угрозу столице представляли два страшных клина — со стороны Калинина и Волги шла северная группа; со стороны Орла рвался Гудериан. Западный фронт советских войск владел 824 танками, лишь половина из них шла своим ходом, лишь несколько Т-34 и КВ, способных успешно вступать в бой с немецкими танками. Выходящие из Москвы батальоны (675 человек) имели 295 ружей, 120 гранат, 9 автоматов, 145 пистолетов и 2000 бутылок с «коктейлем Молотова».

15 октября власти Москвы посоветовали дипломатическим представительствам подготовиться к эвакуации в Куйбышев. Молотов посоветовал британскому и американскому послам покинуть столицу. Грузовики развозили 584 тонны взрывчатки для минирования 56 мостов. Противотанковые взводы залегли у ворот столицы. Приказ гласил: взрывать мосты при виде противника. Внутри самой Москвы мины были подложены под шестнадцать городских мостов. Двести поездов и 80 тысяч грузовиков вывезли посольское и государственное имущество из Москвы. 500 московских заводов были перемещены на восток.

В Москве даже квалифицированные рабочие принимались в истребительные батальоны. Более полумиллиона москвичей рыли мерзлую землю. 14 октября 1941 года танки Гота вошли в Калинин и остановились на берегу Волги, у водохранилища Московское море. Стокилометровый канал Москва-Волга вел прямо в Москву. Немцам нужно было только дожидаться, когда мороз скует водную преграду. Жукову нужно было продержаться до настоящих холодов. Еще одного крупного окружения армия могла уже не выдержать. Мобилизована милиция — совместно с рабочими батальонами они держат укрепленные деревни и небольшие города. У них один приказ — держаться до последнего. Инициатива отдана небольшим отрядам, кавалерии, тревожащей немцев своими перемещениями и внезапными атаками. Спасительны леса, щедро окружившие Москву с запада и севера. Немецким танкам было нелегко прорваться сквозь лесной русский пейзаж да еще в условиях, когда

светлого времени было только десять часов. Пренебрегающая снежными заносами советская кавалерия нападала на тыловые части немцев. Даже ошеломивший Жукова Гот, взявший с ходу Калинин, старинную русскую Тверь, вынужден был замедлить темп своего продвижения.

Но на юге леса редуют. И, несмотря на близость идущего по Волоколамскому шоссе врага, подлинная угроза стране зрела на юго-западе. Здесь у России не было ни лесов, ни танков. Отсюда Гудериан грозил одним смертельным ударом выйти к Кремлю. Впрочем одну танковую часть Жуков найти сумел. Организованная на основе харьковской танковой школы (инструкторы и ученики), получившая в сентябре танки Т-34, 4-я бронетанковая бригада полковника Катукова дважды в последний момент сумела выскочить из окружений. Она прошла через Орел за несколько часов до того, как группа Гудериана в очередной раз прорвала фронт. На более чем стокилометровом фронте между Окой и Мценском это была единственная боеспособная танковая часть. Правда, ее боевой опыт (в отличие от опыта отступления) был невелик, лишь раз она вплотную столкнулась с дивизией «Гроссдойчланд».

Катукову была поставлена задача любым способом остановить двинувшуюся на Тулу группу Гудериана. Своей контратакой бригада, согласно отчету 4-й танковой дивизии Гудериана, «заставила пережить несколько мучительных часов и понести суровые потери». Возможной ошибкой было то, что Катукоев не развил свой успех и отошел, справедливо полагая, что сохранение драгоценных танков важнее славной смерти в сражении со всеми дивизиями Гудериана. Последний отметил: «Это был первый случай, когда огромное превосходство Т-34 над нашими танками стало совершенно очевидным... Быстрое продвижение к Туле было остановлено».

Гудериан как любимец вермахта и Гитлера мог многое себе позволить. Он призвал специалистов по созданию танков и, наступив на горло собственной гордости, потребовал создания германского издания Т-34. «Я представил доклад о сложившемся положении, новом для нас. Я описал в ясных терминах заметное превосходство Т-34 над PzKw IV и сделал необходимые выводы для дальнейшего процесса создания танков. Я потребовал присылки комиссии на мой сектор фронта — состоящую из сотрудников министерства вооружений, Отдела поставок армии, дизайнеров танков, представителей фирм, строящих танки... Они могли бы изучить подбитые на поле боя... это помогло бы в создании более совершенных новых танков. Я потребовал также быстрого создания тяжелых противотанковых ружей, способных поражать Т-34». Требуемая

комиссия прибыла довольно быстро (20 ноября 1941 года). Некоторые способы улучшения новых германских танков были сделаны. Но создать аналог Т-34 немецкие инженеры, при всех их талантах, не смогли. Это оказалось невозможным по нескольким причинам. Немцы не сумели имитировать дюралюминиевый мотор (легкий и обеспечивающий скорость) и тип броненепробиваемой стали созданного конструктором Кошкиным в Харькове танка.

Придя в себя, немцы возобновили движение к Москве и вышли к Мценску, но напряжение было столь велико, что танковые командиры потребовали передышки, пополнений и отдыха, в результате чего ударные танковые части возвратились в Орел сквозь грязь, мрак и снег со скоростью десять километров в час. Второй заход на маленький провинциальный Мценск оказался не более успешным, чем предшествующий. Растянувшаяся более чем на двадцать километров по однополосной дороге колонна немецких танков была лишена пехотного прикрытия и не могла развернуть свою мощь. Представилась превосходная возможность 300 спартамцам нашего времени — тем молодым танкистам, которые ощутили мощь своей брони. На склоне дня непролазная осенняя грязь полей стала подмораживаться и быстрые тридцатичетверки ринулись в бой на нелепо выставившую себя колонну. Их лихости добавлял каждый отскок немецких снарядов от сваренной на Украине стали. Немецкий сержант Имбоден: «Нет ничего более ужасающего, чем танковая битва против превосходящего тебя врага. Дело не в цифрах превосходства или потерь — мы привыкли к ним. Но превосходство в технике — это ужасно... Ты заводишь мотор, а он заводится слишком медленно. Русские танки настолько маневренны, что могут быстро взобраться на холм и пересечь часть болота быстрее, чем ты поворачиваешь танковую пушку. Сквозь шум и вибрацию ты слышишь удар снаряда о броню. Когда они попадают в один из наших танков, слышен долгий взрыв, рев взрывающегося горючего, рев настолько сильный, что, слава богу, мы не можем слышать криков гибнущего экипажа». Гудериан оправдал репутацию честности и прямоты: «До сих пор мы владели танковым превосходством. Отныне ситуация изменилась на противоположную».

Судьба Москвы

Уже в конце июля Москву покинул миллион человек. Но лихорадка исхода наступила между 16 и 21 октября, когда из города вышли двести поездов с москвичами. Еще примерно два миллиона москвичей покинули столицу. 80 000 грузовиков вывезли 498 заводов. Из 75 тысяч токарных станков в Москве были оставлены 21 тысяча, но из них 14 тысяч использовались для производства снарядов. Своего рода шок стал ощутим в Москве после падения Калинина. Город обезлюдел. Грабежи мародеров пришли вместе с крахом системы снабжения продуктами. Но никто еще не сумел указать на попытку Москвы договориться о сепаратном мире. 20 октября в столице было введено осадное положение, это вызвало панику. И еще. В телефонном разговоре с Жуковым Сталин сказал, что тот назначается командующим Западным фронтом.

Жуков считал, что Западный, Брянский и Резервный фронты потеряли бездарно шесть недель. «Они имели достаточно времени, чтобы подготовиться к германскому наступлению». Они не сумели определить численность немецких войск и направление их удара. Они не создали системы противотанковой обороны. Они не нанесли упреждающий удар. Они не использовали авиацию, когда враг изготавился к броску. На это Конев указывает: немцы постоянно владели стратегической инициативой по всему фронту, заставляя советские войска реагировать, не давая времени для проявления собственной инициативы. Немцы превосходили своего противника по численности танков, германская авиация царила в воздухе. Открытые германскому бомбометанию, наши части не могли сконцентрироваться. Фронты не получали подкреплений, их снабжение было беспорядочным и недостаточным. Владея Спас-Деменском, немцы постоянно угрожали выйти в тыл обороняющим Москву силам.

И все же назначение Жукова было эквивалентно решению защищать Москву всеми возможными силами. Слова Сталина Жукову: «Быстро организуйте Западный фронт и предпримите необходимые меры». Фронт находился в 120 километрах от Красной площади. 17 октября по московскому радио было объявлено, что Сталин не покидает города.

В распоряжении Жукова на тот момент было примерно 90 тысяч человек, совсем не много для обороны 250-километрового фронта. 316-я дивизия Панфилова встала на Волоколамском шоссе. Двадцать восемь самых верных сынов России еще не знали о своей судьбе. А четверть

миллиона москвичей копали траншеи. Специалисты создавали противотанковые надолбы, закапывали танки, создавали доты и дзоты. Оборонительная линия делилась на две части — главную и городскую. Вторая создавала полукольцо по городским окраинам Москвы.

А немцы все чаще жаловались на тридцатисантиметровый снег, на смену сурового мороза и кратких оттепелей. На главной дороге, ведущей в Москву, 18 октября была взорвана бомба, оставившая десятиметровый кратер. Генерал Блюментрит свидетельствует о перемене в моральном состоянии наступающих германских войск. «Большинство командиров спрашивает: когда мы остановимся? Они помнят, что случилось с армией Наполеона. Большинство из них перечитывает мрачные мемуары Коленкура о 1812 годе. Эта книга оказала сильное влияние на критическое время 1941 года. Перед моими глазами стоит фон Клюге, пробирающийся через грязь от своей квартиры к штабу и рассматривающий карту с книгой Коленкура в руке. Так продолжалось день за днем».

Во второй половине октября спасительное бездорожье, снег и холод проявили себя в полную силу. На северном участке, в районе Калинина и Можайска, температура ниже нуля держалась чаще всего и днем. В условиях лесистой местности, наличия болот и отсутствия дорог с покрытием достаточно было заминировать одну полосу, выставить в нужном месте батарею, чтобы на день остановить идущую фронтально к Москве армию Клюге. И даже быстроходные танковые колонны на флангах. Послушаем генерала Байерляйна, имевшего в своем распоряжении двадцать пять танков модели III и IV, мотоциклистов, противотанковую роту, артиллерийскую батарею и две роты на грузовиках. «К началу ноября мы вошли в большую лесистую местность к востоку от Рузы и к северу от главной автомагистрали Смоленск-Москва... После непрекращающегося дождя почва стала влажной, а затем она подмерзла. Согласно карте на местности должны были быть хорошие дороги. Это оказалось иллюзией. Дорога Руза — Воронцово зашла в густой лес, и ею можно было пользоваться только в самом ее начале... Танки едва двигались по болоту. Движение колесного транспорта стало невозможным. Наступление, однако, должно было продолжаться при любых обстоятельствах. После пройденных первых десяти километров у Панов даже танки остановились. Разведчики стали строить дорогу от Воронцова до Панова, но по ней передвигаться можно было лишь на полупустом грузовике... Мы потратили несколько дней, чтобы доставить пехоту и создать заграждения вокруг Моденова».

Прибывшего в Москву генерала Власова Сталин спросил, что

необходимо для сохранения столицы. Тот ответил: резервы. Главнокомандующий обернулся: «Любой идиот может защитить город, имея резервы». Резервы истощились. Власов получил для своей армии пятнадцать танков, и это было все. Маленков проверил еще раз. Да, осталось пятнадцать танков.

А далеко на западе в германском плену уже находились три миллиона в русских гимнастерках, их доля была печальна. Немцы вели дело к истреблению, но и свои не видели в них братьев по несчастью. Из 3,2 млн. русских пленных конца 1941 года 2,9 млн. погибло.

Самые лучшие твои сыновья

Снег, глубокий снег пал на Москву. Она уже слышала канонаду — 28 октября немцы вошли в Волоколамск. Из Можайска немцы могли видеть огонь зенитных орудий над Москвой. А список германских приобретений увеличивался стремительно: Ржев, Белгород, Донецк, Таганрог. Манштейн ворвался в Крым. Пал Харьков. Немцы уже вошли в Малоярославец и Тарусу, горел Можайск. Жуков надеялся, что, пока Калинин и Мценск держались, слабый центр мог держаться. Но Калинин пал. 20 октября полмиллиона москвичей были мобилизованы для рытья траншей и окопов по всему периметру столицы. 250 километров колючей проволоки опоясали город.

И все же после сражения на историческом поле Бородина, где сибирские полки Лелюшенко беззаветно сражались с элитой войск СС (Лелюшенко был ранен и его сменил Говоров), немцы прорвались до Можайска, превращенного люфтваффе в руины. Их танки прорвались в Малоярославец — еще одно напоминание об Отечественной войне 1812 года. Все имевшиеся резервы были брошены в бой. В конце октября немецкая авиация многократно вторгалась в небо над Москвой.

Два главных столпа России — население и территория — начинали иссякать. Для Жукова обмен людей на пространство закончился. Отступить было уже некуда. Смесь обреченности, отчаяния и растущего дерзкого вызова стала новым выражением лица России. Отрешенная апатия стала уступать место отчаянной решимости. Словами А. Кларка, «лишения и жертвы были в течение столетий обычным образом жизни; и теперь в германских захватчиках они видели воплощение своих несчастий и своего жалкого положения»^[58]. Английский историк приводит слова из присланного ему из России письма. «Даже те из нас, кто знал о пороках нашего правительства... кто презирал лицемерие политики — мы чувствовали, что мы должны сражаться. Потому что каждый русский, переживший революцию и тридцатые годы, почувствовал легкий бриз надежды, впервые в истории нашего народа. Мы чувствовали себя как росток, пробивающийся сквозь столетия каменистой почвы. Нам казалось, что до открытого неба осталось совсем немного. Мы знали, что мы, конечно же, погибнем. Но наши дети получают два дара: страну, свободную от завоевателя, и время, в котором возникнут идеалы»^[59]. И если Гитлер утверждал, что главной ценностью является волевое начало, то немцы уже

проиграли войну. Что они могли противопоставить решимости русских? Стремление захватить территории и рабов, доктрину расового превосходства, ненависть к коммунизму? «Эти ценности ничто в сравнении с глубоким патриотизмом, с заставляющей себе подчиняться верой русских. Вермахт держался своим мечом. Но однажды меч ослабнет».

После падения Волоколамска в штаб 16-й армии (Рокоссовский) прибыла комиссия штаба Западного фронта. Ставка больше не потерпит «сдачу одного города за другим» у ворот самой Москвы. Рокоссовский чувствовал несправедливость упреков по адресу своих дивизий, потерявших половину состава, но как он мог возразить? Он тоже знал, что «велика Россия, а отступать некуда».

К началу ноября потеря трехсот военных заводов лишила Красную Армию ежемесячных поставок восьми с половиной миллионов снарядов, трех миллионов мин, двух миллионов авиационных бомб. Потеря химических заводов резко сократила поступление взрывчатых веществ, прежние запасы быстро иссякали. Производство боеприпасов резко сократилось в августе и это падение продолжалось до конца года. Производство самолетов сократилось с 2339 в сентябре до 627 в ноябре (за весь 1941 год СССР произвел 15 874 самолета). Новых, современных машин было еще очень мало — 1542 штурмовика Ил-2 и 207 истребителей Як-7. За вторую половину 1941 года была создана лишь половина запланированного количества танков, а общее число произведенных в 1941 году танков составило 6542 машины (2996 — Т-34). Большая часть военных заводов еще перемещалась на восток. Но Уралмаш уже сократил время производства одного танка со 110 часов до 30; Челябинский тракторный завод уже принимал Харьковский дизельный и цеха Кировского завода.

6 ноября, выступая по поводу 24-й годовщины Октябрьской революции на платформе станции метро «Маяковская», Сталин назвал германскую армию «людьми с моралью зверей... Если они хотят получить войну на уничтожение, они получат ее».

Будет ли Москва отмечать свой главный праздник? В начале ноября Сталин в Ставке задал Жукову вопрос, каковы ближайшие планы немцев. Жуков ответил, что противник не в состоянии начать наступление в ближайшие дни — в их рядах идет перегруппировка. Возможен, однако, воздушный налет, поэтому следует укрепить противовоздушную оборону. В годовщину Октябрьской революции Сталин принял парад, стоя на Мавзолее, на Красной площади. Немцы были в восьмидесяти километрах. По брусчатке главной площади страны шли старые танки Т-26, но за ними

прогрохотали новые «тридцатьчетверки». Снег слепил глаза, но водителям не было сложно определять маршрут — все дороги в тот день вели к фронту. Сталин призвал покончить с мифом «о непобедимости немцев». В восемнадцатом году Красная Армия была в худшем положении, но страна восстала — так будет и на этот раз. В горький час, когда все висело на волоске, Сталин призвал помнить имена тех, кто создал и защитил Россию — ее исторических героев, Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Английский историк Дж. Эриксон: «Его фразы были одновременно и бросающими вызов, и мрачными — он взывал к памяти осознание русских свершений и исторического самоуважения. Он давал знать, что Untermensch, недочеловеки будут сражаться и отразят врага»^[60]. Несмотря ни на какие потери, несмотря на растущие трудности, наш народ выразил свою решимость выстоять.

Здесь не место оценивать роль Сталина в русской истории, роль трагическую и огромную. Но позволим высказаться Уинстону Черчиллю, оценившему этого жестокого, подозрительного и масштабного человека восемнадцать лет спустя так: «Сталин был человеком необычайной энергии и нестигаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным... Он обладал способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов... Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, как и в моменты торжества, Сталин был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имевшим себе равных в мире диктатором, который принял Россию с сохой, а оставил ее с атомным оружием».

А Гитлер говорил через два дня на юбилее пивного путча так: «Сколько бы ни длилась эта война, последним батальоном в поле будет германский батальон. Мы решаем судьбу Европы на следующие тысячу лет». Союзники немцев по войне обозначили себя, прибыв на годовщину подписания антикоминтерновского пакта: Германия, Италия, Венгрия, Испания, Болгария, Хорватия, Дания, Финляндия, Румыния, Словакия.

В Ленинграде вечером 9 ноября Симфонический оркестр ленинградского радио исполнил Девятую симфонию Бетховена. Шла прямая трансляция на Лондон. В самом начале третьей части мир услышал вой сирен и разрывы германских бомб. Ведущий пожелал слушателям

доброй ночи. А Гитлер в этот же день в Вольфшанце рисовал картины послевоенного рая: «Мы дадим местным жителям еду. Но если они не будут работать, мы пошлем их в концентрационные лагеря и мы лишим их алкоголя... В этой стране растет все, от апельсинов до хлопка».

9 и 12 ноября Жуков получил 12 тысяч новых войск и немедленно передал их все в шестнадцатую армию Рокоссовского.

В германской армии между тем происходило нечто новое. Возвратившийся из Заксенхаузена на фронт — в дивизию «Мертвая голова» — генерал СС Айке пожаловался впервые на солдат, наносящих себе раны, чтобы избежать невыносимых ужасов войны. Его дивизия потеряла за четыре месяца боев половину личного состава. Знаменитый германский ас — Эрнст Удет, ответственный за снабжение люфтваффе, совершил самоубийство. Немцы ближе и ближе знакомились с боевыми качествами танка Т-34. За ними шли сибирские боевые части в новом белом камуфляже. Германский доклад впервые говорит о панике: «Во время русской кампании это случилось впервые, это свидетельствует о том, что боевые способности нашей пехоты подошли к концу, она более не может выполнять сложные задачи».

К Москве вели три основные дороги. Ключе двигался по смоленской дороге. Гот — по дороге Клин — Москва; Гепнер пошел по калужской дороге. Гудериан нашел свою дорогу севернее Тулы. Три недели отчаянного продвижения сквозь грязь и минные поля, сквозь потери и постоянные бои измотали элиту германской ударной силы. Бок не мог не прийти к заключению, что его войска нуждаются в перегруппировке. 12 ноября он созвал в штаб-квартире армейской группы «Центр» в Орше совещание своих командиров. На кону стояла судьба великого конфликта.

После войны немецкие военачальники будут валить все шишки на бесноватого фюрера, но историческая правда не во всем позволяет с ними согласиться. В Орше в середине ноября 1941 года Гитлера не было. Совещание происходило в специальном поезде начальника штаба германской армии Гальдера (чей дневник является первостепенным источником для историка данного периода). Генералы, прибывшие из всех трех групп армий, чувствовали себя в привычной среде и имели возможность говорить откровенно. Сохранилось два описания происшедшего на этом совещании. Первое — записи самого Гальдера. Они лаконичны и не отражают всего спектра мнений. Главное, они служат апологией априорной *idée fixe* самого Гальдера: операцию по взятию Москвы проводить, фронт не фиксировать, весны не дожидаться. Гальдер придает данному совещанию вид обсуждения привезенного им

(преднамеренно расставившего все необходимые акценты) документа под названием «Приказы для осеннего наступления, 1941».

Второй источник — более подробное описание совещания в Орше, данное начальником штаба Клюге, Блюментритом, во время допросов западными союзниками в 1946 году. Блюментрит дает более пространное и яркое описание этого совещания. Главное — он указывает на отсутствие единства в германских кругах. «Начальник штаба группы армий „Юг“ фон Зодерштерн выразил в самой эмоциональной форме свое отрицательное отношение к предполагаемому наступлению. С таких же позиций выступил начальник штаба группы армий „Север“. Представлявший группу армий „Центр“ фон Грайфенберг занял менее четкую позицию, указывая на существующий риск, но не выражая оппозицию наступлению. Он был в сложном положении. Фельдмаршал фон Бок, под чьим командованием он находился, был очень способным солдатом, но очень амбициозным — его глаза были устремлены на Москву». Никто иной, как он сам в октябре вместе со своим старым другом Браухичем уговаривал Гитлера сконцентрироваться на Москве. После окружения частей Красной армии под Вязьмой им казалось, что у Кремля уже нет сил. Согласно всем оценкам, Красная Армия была уже уничтожена. А может ли германская армия закрепиться на надежных оборонительных рубежах? Как сдавать города, только что взятые такой кровью? Все это не укладывалось в сознании тех, кто надеялся решить судьбу войны еще в 1941 году.

На совещании звучали весьма резкие мнения. Когда генералу Либенштайну поручили овладеть железнодорожной станцией в Горках, тот вскричал: «Сейчас не месяц май и мы сражаемся не во Франции!» Но Гальдер завершил дискуссию словами, что наступление на Москву — воля Гитлера, а станцией Горки следует овладеть, так как «у ОКХ имеются сведения, что на ней разгружаются сибирские дивизии». Высшие офицеры вермахта без видимого ропота приступили к битве, которая погубит их.

Многие из них хорошо знали о трудностях германской стороны, но они рассчитывали, что трудности советской стороны не меньше. Германским генералам почти невозможно было отделаться от мысли, что Россия стоит на грани полного коллапса.

Итак, пехотные армии Штрауса и Вейхса перемещались на фланги. Рейнгард, возглавивший танковую группу Гота, как и Гепнер, были по левую руку от Клюге, а Гудериан — по правую. Клинья должны были обогнуть основные силы Красной Армии и сомкнуться за Москвой. Гудериан наступал на северо-восток к Коломне. Он пытался обойти Тулу с юга, чтобы выйти к Серпухову и перерезать железнодорожную магистраль.

Третья танковая группа выходила к каналу Москва-Волга и поворачивала к Москве. Северная группа начнет движение 15 ноября, южная — 17-го. Четвертая армия будет ожидать результаты ударов по флангам и, ощутив эти результаты, начнет свое движение. Гитлер как всегда ругал профессионалов, по его мнению танковым клиньям следовало заходить за Москву. Он объяснял Муссолини: «Мы возьмем город, не потеряв ни одного человека». В бетонном бункере на лощеных картах битва казалась управляемой.

Сибирский резерв

В районе Бородина, не в первый раз видевшего завоевателей России, появились сибирские части, чтобы вступить в сражение с элитной эсэсовской дивизией. Зорге уже пытали в японских застенках, 45 человек его организации встали на порог смерти, но этот верный России немец сумел передать главное — японская военная машина развернулась в противоположном направлении; и сотни тысяч сибиряков спешили к столице. На станцию Цветково прибыла 310-я моторизованная сибирская дивизия. Привычные к холодам, крепкие и обученные солдаты смотрелись лучше спешно обмундированных резервистов.

В СССР вооруженные силы традиционно делились на две части. Помимо ориентированной на Европу основной массы армии, вторая практически автономная часть была ориентирована на Японию. 750 тысяч хорошо обученных и хорошо оснащенных солдат и офицеров были частью регулярной армии. В течение десяти лет здесь стабильно находились 30 пехотных дивизий, три кавалерийские бригады, 16 танковых бригад, более 2 тысяч танков и самолетов. Силы к востоку от Байкала составляли первый ударный эшелон, к западу от Байкала — второй эшелон. Местные танкисты отличались высоким профессионализмом, что было доказано в боях против японцев у озера Хасан и при Халхин-Голе. Танковые атаки с пехотным сопровождением позволили Жукову разбить японцев еще в 1939 году. Это были крепкие, дисциплинированные, обученные части, готовые на любые жертвы. Страна могла положиться на них.

Через два дня после нападения Германии на СССР имперский генеральный штаб Японии изложил свои цели в особом докладе «Обзор японской национальной политики в условиях изменившейся международной ситуации». Главной идеей доклада было утверждение приоритета южного направления. О северном направлении говорилось, что оно требует независимого решения. Впервые сформулированный еще в 1937 году военный план (подвергнутый ревизии в 1940-м году) имел отдельный раздел, предполагавший начало боевых действий против Советского Союза. Исходя из него, министр иностранных дел Мацуока на имперской конференции 2 июля 1941 года выступил за начало боевых действий против Советского Союза, даже если «результат войны еще не ясен». Но военные вожди выступили против немедленного японского вмешательства. И все же Квантунская армия, находившаяся в Маньчжурии,

получала постоянные подкрепления. Были добавлены две новые дивизии (к прежним двенадцати), численность самолетов достигла 600, численность вспомогательных частей была удвоена — с 350 до 700 тысяч. Были также укреплены Корейская и Северная (Южный Сахалин и Хоккайдо) армии. Мощностъ японских войск достигла к сентябрю 1941 года своего пика.

Наиболее ценным источником советской разведки в Токио был Рихард Зорге. Только в конце сентября Зорге пришел к выводу, что идеи августовской военной конференции возобладали окончательно. В октябре он был уже уверен, что до весны 1942 года переориентация на северные территории практически невозможна. Именно эта информация оказала решающее воздействие на Сталина. Токио повернул на юг. Сведения об этом пришли в критическое время. И сибирские полки стали драгоценным достоянием страны. Теперь он мог (вначале очень осторожно) воспользоваться дальневосточным резервуаром военной мощи. И на поле Бородина дальневосточники впервые обнажили оружие на западе страны. В октябре и ноябре 1941 года десять дальневосточных дивизий вместе с тысячей танков и тысячей самолетов прибыли под Москву.

Страна собирала все мужские силы — подготовка резервов на Урале становилась стратегической задачей. Прибывшему с южного фронта генералу Тюленеву (заметно разочарованному своей посылкой в тыл) Сталин сказал: «Положение на фронте полностью зависит от того, как быстро и эффективно мы сможем приготовить наши резервы».

Война становилась народной. Местные жители пересекали линию фронта в обоих направлениях, чтобы оповестить военное командование о расположении германских войск. Свидетель этих событий Байерляйн: «У русских имелись все сведения о всех наших оборонительных позициях... Они использовали все гражданское население — женщин, детей и калек, которые вначале не выглядят подозрительными». Немцы в один голос упоминают об огромной разрушительной силе «катюш», вышедших на боевые позиции под Москвой. В небе после летнего разгрома впервые появляется советская авиация. «Они атакуют единственным самолетом любого типа при самых неблагоприятных погодных условиях, когда мы не получаем никакого прикрытия от люфтваффе».

Велика Россия, а отступать некуда

Жуков и его окружение начали думать о широкомасштабном перемещении войск с Дальнего Востока еще в октябре. В первые дни ноября уже началось их перемещение. Это была страшная игра, страшный риск: начать операцию преждевременно означало потерять основной ее эффект. Нужно было втянуть в ледяные русские просторы как можно больше германских солдат, растянуть их линии коммуникаций, дать выдохнуться элитным частям вермахта, спалить как можно больше танков. Только тогда наступит верный час. Военный атташе Германии в Москве часто говорил о русских, как прирожденных игроках в шахматы. Эта игра стоила продуманной партии. А ведь в этот критический день русской истории советские войска были численностью и по качеству еще слабее рвущихся вперед немцев. Что произойдет, если Жуков затаит партию? Ужас непоправимого не мог не леденить сознание. Пока же ставка забирала резервы и боевые части со всех фронтов — у Тимошенко с юга, везде где можно.

8 ноября штаб Западного фронта обсуждал возможное поведение немцев. Хотя часть немецких войск строго соблюдала правило радиомолчания, общий немецкий замысел был уже ясен — два ударных крыла на севере и юге от Москвы. Рокоссовский: «Меры, предпринимаемые германским командованием, говорят о подготовке к наступлению против крыльев Западного фронта с целью обойти с флангов Москву; на правом крыле в направлении Клина и Дмитрова, на левом — Тулы и Коломны. Нам следует также ожидать фронтального удара в районе Наро-Фоминска».

Последовало указание активизироваться под Ленинградом, чтобы немцы не смогли взять части оттуда. Но главным и решающим был дальневосточный резерв. Весь ноябрь Россия собирала свои последние силы в кулак.

10 ноября Жуков пригласил из Серпухова генерала Белова обсудить проблемы обороны. В послеобеденный час они с Жуковым прошли сквозь Боровицкие ворота Кремля, обошли образованную немецкой бомбой воронку, и стали спускаться в подвальное помещение. Они прошли по длинному коридору, плотно охраняемому, с дверями, выходящими на правую сторону («как в спальном вагоне»). Жуков и Белов вошли в «отделение для кровати». Один из пришедших секретарей повел их в конец

коридора в хорошо освещенную комнату. Рядом с огромным столом, заваленным картами, стоял Сталин, которого Белов видел в 1933 году. «Он очень изменился с этого времени; передо мной стоял человек небольшого роста с усталым, измученным лицом... Казалось, за эти восемь лет он прожил двадцать лет». Что удивило Белова, так это поведение Жукова. «Он говорил резко, в очень властной манере. В результате он казался старшим из присутствующих офицеров. Сталин воспринимал это как естественное поведение. Ни разу признаки неудовольствия не появились на его лице». Сталин пообещал Белову 500 автоматов и две батареи 76-мм орудий.

Жуков и Шапошников полагали, что немцы предпримут еще одну наступательную операцию. Они тоже расположили основные свои силы на флангах. В их руках на московском направлении были 890 танков (800 из них устаревшего типа Т-26). Подмерзшие дороги давали танкам обеих сторон новые возможности. На севере войска концентрировались у Загорска, на юге — у Рязани и Каширы. Сибирские дивизии концентрировались за линией фронта. Сколько времени понадобится для их подготовки? Пока же с непревзойденной смелостью ставка позволила немцам приблизиться на максимально возможное расстояние.

Ожидаемое наступление немцев началось 15 ноября. Выбор времени и места принадлежал немцам. Накануне на Западном фронте был взят пленный немецкий солдат и он назвал время немецкого наступления. 14 ноября советские командиры были предупреждены. Шесть армий Жукова — 5-я, 16-я, 43-я, 33-я, 49-я и 50-я — ждали своей участи. Этот день по-разному отложился в памяти участников. Большинство вспоминает сырое и туманное утро, покрытые еще легким снегом леса. В памяти Гудериана отложилось солнце, которое сияло в небе «ни голубом, ни сером, но странно кристальном и совсем без тепла или поэзии».

18 ноября Гальдер беседует с командующим группой армий «Центр» фон Бок. «На мой вопрос, какие еще перспективы имеет идея наступления на Москву, получаю ответ: в качестве возможной первоначальной цели для северной части 4-й армии рассматриваются Клин — Истра. В остальном же фельдмаршал Бок, как и все мы, проникся мыслью, что оба противника сражаются уже на пределе своих сил и предпринимают последние усилия, а потому верх одержит тот, у кого сильнее воля. У противника тоже нет больше оперативной глубины, и дела у него наверняка идут еще хуже, чем у нас».

На следующий день Гитлер еще полон надежд: «Успех в политическом отношении неслыханный. Потеря важных источников сырья, особенно угля, нанесла тяжкий ущерб военному потенциалу русских, и теперь они

быстро встать на ноги в военной экономике не смогут».

Зимние бури еще не наступили, мороз лишь сковал покорную землю. Немцы в последний раз в этом году ощутили, что ветер дует в их паруса. После первых суток боя в 17-й кавалерийской дивизии осталось 800 человек. Правый фланг Жукова начал крошиться. Здесь, в белоснежных полях под Москвой, погибли тысячи и тысячи безымянных героев, грудью принявших отчаянный штурм немцев. 21 ноября Жуков передал по телеграфу генералу Рокоссовскому: «Клин и Солнечногорск — жизненно важные центры». От белолицей женщины-телеграфистки в здании почты Рокоссовский узнал свою судьбу: сражаться до последнего. Как только на телеграфной ленте появились последние слова, немецкий снаряд почти разнес здание вдребезги.

Фельдмаршал Бок лично руководил битвой за Москву со своего передового командного пункта. Как пишет 22 ноября Гальдер, «со своей невероятной энергией он всеми силами гонит войска вперед. Однако, как кажется, из наступления на южном фланге и в центре полосы 4-й армии и 3-й танковой группы ничего путного уже не получится. Войска здесь выдохлись... Но на северном фланге 4-й армии и 3-й танковой группы возможности для успеха еще имеются, и они используются до предела. Фон Бок сравнивает это сражение с битвой на Марне, когда все решил последний брошенный в бой батальон. Враг и здесь подбросил новые силы. Фон Бок вводит в бой все, что только может».

23 ноября Гот вошел в Клин. Пал Солнечногорск. Полки Рокоссовского насчитывали по 150 человек. (Именно в этот день Гальдер отмечает в дневнике, что в германской армии полками стали командовать оберлейтенанты, а батальонами — младшие офицеры). Немецкие командиры докладывают, что их войска «предельно измучены». Услышав о падении Клина, Жуков сказал: «Час от часу не легче». 28-го немецкие танки Рейнгарда вышли к каналу Москва-Волга. Германские войска подошли к Москве на расстояние 30 с небольшим километров. В частях Рейнгарда были те же люди, которые несколько месяцев назад видели вдалеке золото Зимнего дворца в Ленинграде. Немецкое командование пришло к выводу, что русские находятся *um die letzte Krafteanstrengung* — при последнем издыхании.

Если Москву придется сдавать, будет ли владение ею дольше наполеоновского?

Лишь три армии Жукова держались твердо — 5-я, 33-я, 43-я. Но главные его опасения были связаны с югом, с перемещениями танков Гудериана, который захватил Новомосковск. Теперь Тула была отрезана от

центра. Немцы подошли к Кашире на Оке. Задачей Жукова было защитить Каширу — он приказал генералу Белову нанести контрудар со стороны Серпухова. Каширу обильно бомбили и Белов пришел к правильному выводу: «Если немцы бомбят, значит они намереваются захватить». Сталин звонил в Каширский горком, обещая прислать два танковых батальона.

У Истры столкнулась элитная нацистская дивизия «Дас Райх» и сибирские войска генерала Белобородова. Истра пала 27-го ноября. После падения деревни Пешки генерал Рокоссовский отдал знаменитый и горький приказ, который нам было бы стыдно забыть: «Последней точкой отступления является Крюково. Дальше отступить нельзя. Дальше отступить некуда.»

7-я танковая дивизия немцев застала мост у Дмитрова нетронутым. К вечеру четыреста немецких солдат с помощью тридцати танков и двух артиллерийских батарей постарались создать плацдарм на восточном берегу канала. Они даже не подозревали, что вторглись в расположение недавно прибывших сибирских войск.

С юга Гудериан пытался форсировать Оку. К этому времени Тула была превращена в своего рода крепость. Немцы продвигались с трудом. На свою униформу они надевали униформу большего размера, а между ними прятали для сохранения тепла бумагу. Один из солдат вспоминает: «Газетные новости были хорошим материалом, но их не просто было добыть. Более доступными были листовки, адресованные русской армии. Я помню, как старался в течение недели утеплить себя листовками типа „Сдача в плен является единственным здравым способом поведения в условиях, когда общая судьба битвы решена“». Германские войска не могли найти в русском поле жилищ. Они не были готовы к битвам в условиях русской зимы. Немецкий врач из 276-й дивизии пишет о смятении немцев. «Русские чувствуют себя абсолютно как дома в этих диких местах. Дайте им топор и нож, и через несколько часов он сделает что угодно вплоть до санок, лестницы, жилища из снега... Он сделает печь из пары старых банок из-под бензина. А наши люди жалко стоят вокруг костров, где сжигают драгоценный бензин, чтобы согреться. Ночью они собираются в немногочисленных деревянных домах, еще стоящих поблизости. Несколько раз мы находили заснувших часовых, в буквальном смысле замерзших до смерти. Ночью артиллерия противника бомбардировала деревни, нанося нам тяжелые потери». На таком морозе автоматическое оружие немцев могло делать лишь первый одиночный выстрел.

Гудериан характеризует советскую тактику ноября как выборочные набег и быстрые отходы с целью сберечь силы для решающего удара. Он

пишет жене в Германию: «Ледяной холод, отсутствие помещений, недостаток одежды, тяжелые потери в людях и оборудовании, нарушенное обеспечение топливом — все это делает задачи командира невыполнимыми, и чем дольше все это длится, тем больше я разбит огромной ответственностью... Мы только приближаемся к конечной цели в этом лютом холоде вместе со всеми войсками, страдающими от ужасающего состояния дел со снабжением. Наши трудности со снабжением постоянно увеличиваются — а без горючего наши машины не движутся... Только тот, кто видел бесконечные пространства русских снегов этой зимой нашей беды и ощущал пронзительный ледяной ветер, хоронящий в снегу все на своем пути, кто час за часом вел машины по нейтральной полосе, чтобы прибыть к жалкому жилищу вместе с недостаточно одетыми полуголодными людьми, может справедливо судить о произошедших событиях».

Прибыв в штаб-квартиру Бок в Орше 24 ноября, Гудериан потребовал, чтобы «приказы, которые я получил, были изменены, поскольку я не вижу способа их выполнить». Нездоровый фельдмаршал Бок ответил, что передаст жалобы танкового героя в ОКХ. Сам Бок, переутомленный и больной, в конечном счете запросил Браухича об остановке операции. Браухич, постоянно испытывавший сложности в общении с Гитлером, ответил, что «не в его компетенции принимать такое решение». Он лишь ограничил задачи Гудериана достижением Зарайска и выходом на железнодорожную линию Москва-Рязань. Фактически это было признание того, что южная «клешня» германского охвата Москвы достигла предела. Отныне надежда германского командования была связана с центральным участком (Клюге) и танками третьей и четвертой танковых групп, движущимися на Москву с северо-запада (Рейнгард).

Острые северной «клешни» составляли теперь лишь две танковые дивизии и одна моторизованная. Серьезного успеха они могли достичь лишь во взаимодействии с пехотными дивизиями Клюге. Блюментрит был в эти дни в штабе четвертой армии. Трудности танковых дивизий на севере «поставили вопрос, должна ли четвертая армия участвовать в наступлении. Каждую ночь Гепнер выходил на телефонную связь и требовал ее наступления; еженощно фон Клюге и я садились за стол и обсуждали, разумно ли идти на выручку Гепнера. Фон Клюге решил лично узнать мнение передовых частей — он был очень энергичным и активным командиром, любившим навещать атакующие войска, — и он прибыл на передовые посты, чтобы поговорить с младшими офицерами. Командиры верили в то, что смогут достичь Москвы и хотели осуществить эту

попытку». После пяти или шести дней дискуссий и расследований фон Клюге решил, что четвертая армия предпримет финальную попытку.

А в своем Волчьем логове Гитлер впервые усомнился в победе на людях. Вспоминает майор Энгель: «Фюрер выразил большое беспокойство по поводу русской зимы и погодных условий; он сказал, что начал войну на один месяц позже. Идеальным решением была бы сдача Ленинграда, завоевания на юге, а затем захват Москвы с юга и с севера, действия и в центре». От себя Энгель добавил: «Время становится величайшим кошмаром».

Здесь, в Растенбурге, Гитлер издал приказ, обращенный к каждому германскому военнослужащему: наступать. Логика Гитлера была проста: если лучшая в мире армия находится в довольно сложном положении, тогда неповоротливые русские должны быть вообще за пределами своих боевых возможностей. Бок, работавший из-за болезни три-четыре часа в день, полагал, что в этой битве следует, в отличие от битвы на Марне в 1914 году, верить в победу — и тогда она придет. Он так и сказал своему штабу.

Сражение за Москву

Фельдмаршал фон Клюге двинул свою армию вперед после неожиданной артиллерийской подготовки и авианалета между 5 и 9 часами утра 1 декабря 1941 года. В его штабе размышляли схожим образом — на каком-то этапе (скорее всего недалеко) Красная Армия согнетса под ударом. Вперед пошел 20-й корпус. Сокрушив оборонительные рубежи 33-й советской армии близ Наро-Фоминска, немцы завладели шоссе, хотя мины на отрезке Наро-Фоминск — Кубинка задержали их продвижение. Начальник штаба группы армий «Центр» Грайфенберг собрал в наступление еще сохранившие внушительность силы. И снова родные небеса не подвели. Столбик термометра опустился до минус сорока по Цельсию. Затворы винтовок и автоматов примерзали. Горючее в баках становилось желеобразным. Моторы не заводились. В некоторых местах немецкая атака началась в пургу, при видимости 15–20 метров. Кларк называет эти бои «последним спазмом». Жуков же послал к району Наро-Фоминска танковый батальон и батарею «Катюш».

27 ноября Жуков смог доложить Сталину о немецких пленных — они были взяты на нескольких участках, где доньне победоносная германская армия отступила на несколько километров. Только теперь Гальдер занес в дневник нечто новое: «Новые русские силы проявили себя в направлении реки Оки, противник очевидным образом вводит в действие новые войска... Они прибывают с бесконечной последовательностью и постоянно замедляют действия наших истощенных сил». Но через несколько дней Гальдер успокоился. 2 декабря он с облегчением записывает: «Противник достиг пика своей способности держать оборону. У него больше нет подкреплений».

На севере, захватив Красную Поляну, немцы сражались уже за метры территории, хотя до Кремля оставалось 25 километров, а одно немецкое подразделение прорвалось в Химки. В эту ночь, в спящую зимнюю пургу немецкий разведбатальон прошел сквозь Химки и вышел на северо-западные пригороды Москвы — пятнадцать километров до Кремля. Судьба нашей родины была в руках тех военнослужащих, которые выдворили прорвавшихся немцев. После двух дней практического топтания на месте германские командиры стали говорить о возможности лишь локальных успехов. Эти последние германские попытки овладеть Москвой с запада и северо-запада не дали результатов.

На юге Гудериан споткнулся о Каширу. Его непосредственный начальник Клюге сказал ему: «Твои операции висят на волоске». В центре Клюге был близок к успеху, но нескольких дней боев оказалось достаточно, чтобы он очевидным образом выдохся. Между 16 ноября и 4 декабря 1941 года немцы потеряли 85 тысяч человек — столько же, сколько за весь предшествующий период войны. В последующие дни немцы потеряли еще 30 тысяч близ Тулы. Третий рейх впервые увидел очертания силы, с которой он не мог совладать.

В деревне Петрищево немцы казнили восемнадцатилетнюю Зою Космодемьянскую. Ее последние слова на эшафоте были обращены к немецким солдатам: «Вы не можете повесить все сто девяносто миллионов».

...Уже пятьдесят девять пехотных и семнадцать кавалерийских дивизий ждали приказа выступить из-за плечей сил обороны. 30 ноября 1941 года Жуков представил Сталину план контрнаступления под Москвой. На первой стадии предполагался удар по северной группировке германских войск, удар по Клину и Солнечногорску в направлении на Истру. Речь шла о продвижении на запад примерно на сорок километров. На этой же фазе советские войска выступали на юге во фланг Гудериану с трех сторон и оттесняли его части примерно на восемьдесят километров. Войска центрального сектора сдерживали противника и не позволяли ему оказывать помощь атакуемым флангам.

После окончания первой фазы наступления центральный участок выходил вперед, и наступление на подмосковную группировку немцев становилось всеобщим. Целью было «общее уничтожение немецких войск». В тщательно подготовившемся контрнаступлении приняли участие семнадцать армий, которые вела плеяда новых военачальников — Конев, Рокоссовский, Говоров, Катуков, Доватор, Кузнецов. Их боевые части как бы «выходили из-за спины» у обороняющихся войск и обрушивались на все три германские колонны, стремившиеся к Москве. Советская сторона задействовала все сошедшие с конвейера танки Т-34, всех подоспевших с Дальнего Востока солдат, все наличные снаряды и патроны.

Чтобы не допустить утечки информации, Жуков сообщил различным войскам не совсем точные сведения. Подлинная карта с приказом по войскам хранилась лишь в его сейфе. Постоянным обдумыванием операции были, помимо Сталина, заняты Шапошников и Василевский. Конев, которому на севере предстояло начинать первым, получил разъяснения от Василевского: «Расстроить германское наступление на Москву и в то же время не только спасти Москву, но положить начало серьезному разгрому

врага, который возможен только посредством наступательных операций. Если мы не сделаем этого в ближайшие несколько дней, будет слишком поздно. Калининский фронт находится в благоприятном оперативном положении, и вы должны сделать все возможное».

Сталин стоял за то, чтобы отложить начало наступательной операции еще на некоторое время, и только сообщения о том, что немцы подвозят огромные осадные орудия в Красную Поляну для прямого обстрела Москвы, убедили его в опасности задержки. Итак, предстояло сражение, которое решало судьбу России на целую историческую эпоху. Поражение Красной Армии ставило страну на грань выживания.

Общее соотношение сил было таким. 1 декабря 1941 года на фронте против германских сил СССР имел 219 дивизий (213 в октябре). Неважно обстояло дело с техникой и оборудованием. На Западном фронте были лишь три танковых и три моторизованные дивизии. Наступление поддерживали лишь 612 орудий. Особенная нехватка ощущалась в отношении грузовиков, тракторов, стрелкового оружия, радиопередатчиков — и даже подков.

Германское командование в начале декабря 1941 года полагало, что Красная Армия выдохлась полностью, что у нее нет никаких резервов, что это структура с очень ненадежным основанием. 1 декабря в приложении к докладу Браухича о «Задачах на зимний период 1941/42 гг.» боевая мощь Красной Армии оценивалась в 200 пехотных дивизий, 35 кавалерийских дивизий и 40 танковых бригад, «хотя известно наличие резервных формирований в волжском районе и в Сибири». Общая численность — 265 наличных дивизий, 40 кавалерийских дивизий и 50 танковых бригад. В европейской России вермахту, по его оценке, противостояли 900 самолетов. «В настоящее время не существует резервов значительного масштаба». 2 декабря Гальдер сделал примечательную запись того же содержания: Россия достигла вершины своих возможностей, ей не на что более полагаться. *Keine neuen Kräfte mehr verfügbar* — «Подкреплений у них более нет». Разведывательный отдел полковника Кинцеля подготовил обобщенную оценку силовых возможностей России, а также перспективы до мая 1942 года. Красная Армия сможет укрепить себя 35 танковыми бригадами и двадцатью механизированными частями — но лишь к весне 1942 года.

Дальневосточные войска немцы оценили в 24 пехотные дивизии, одну кавалерийскую часть и десять танковых. В обобщенной оценке советских возможностей говорилось, что Красная Армия будет вынуждена перейти к позиционному типу ведения боевых действий; немецким командованием не

предполагалась концентрация сил для наступательных действий. Пилоты люфтваффе обнаружили перемещение первой ударной армии и другие маневры частей под Москвой, но в Растенбурге (Гитлер), Берлине (Браухич) и Орше (Бок) их сведениям не придали значения. Что подлинно беспокоило немцев, так это то, что на фронте глубиной в тысячу километров у них не было стратегических резервов.

В непосредственном подмосковном резерве у самих немцев была лишь одна дивизия, и прежде всего поэтому командующий группой армий «Центр» оценил 1 декабря 1941 года ситуацию как весьма серьезную. В телеграмме главному командованию сухопутных сил генерал-фельдмаршал фон Бок указывал: «На неоднократно посылавшиеся главному командованию сухопутных войск запросы и донесения группы армий с указанием на угрожающее состояние войск был получен ответ: наступление следует продолжать даже при наличии опасности, что войска полностью сгорят. Для крупных маневров с целью охвата противника сил нет, а теперь нет и возможности в большом объеме перебрасывать войска. Наступление приведет к дальнейшей кровавой борьбе за ограниченный выигрыш территории, а также к разгрому частей противника, но оперативное воздействие оно вряд ли окажет.

Представление, будто противник перед фронтом группы армий был „разгромлен“, как показывают бои за последние 14 дней, — галлюцинация. Остановка у ворот Москвы, где сходится система железнодорожных и шоссейных путей почти всей Восточной России, неизбежно ведет к тяжелым оборонительным боям с численно превосходящим врагом. Силы группы армий уже не могут противостоять ему даже ограниченное время. И если бы даже случилось невероятное, а именно захват новой вражеской территории, то для окружения Москвы и окружения ее со стороны юго-востока, востока и северо-востока не хватило бы сил. Таким образом, наступление представляется не имеющим ни цели, ни смысла, поскольку приблизился тот момент, когда силы группы дойдут до предела. Предвосхитить возможное развитие событий следует сейчас. В настоящее время группа армий действует на фронте протяженностью свыше 1000 км, имея в резерве всего лишь несколько слабых дивизий. Учитывая большую убыль старшего офицерского состава и сокращение численности активных штыков, она уже не в состоянии противостоять планомерно ведущемуся наступлению противника. При неспособности железных дорог обеспечить потребности группы армий, нет также никакой возможности подготовить растянутый фронт для оборонительной борьбы или даже просто обеспечить эту борьбу».

Весьма реалистическая оценка. Но Гитлер и верховное командование ОКХ отдало приказ предпринять все, чтобы ценой последнего, крайнего напряжения сил достичь поставленной цели. Этой целью была Москва.

Рационализм иногда называют родовой чертой немцев. Где был их рационализм в час, когда решалась их судьба? Немецкая стратегическая разведка не сумела предвидеть нападения японцев на Пирл-Харбор. Важнее всего — и это главное, — немецкая разведка и командование не усмотрели самой возможности активизации действий советских войск, решительного наступления пятнадцати советских армий на фронте перед Москвой.

Германское командование не увидело в 45-летнем генерале Жукове таланта первой величины, уже проявившего себя на Халхин-Голе и под Ленинградом. Его план был стратегическим шедевром, он верно рассчитал время, место и характер удара. Он не начал вводить резервы панически рано, он проявил чутье мастера. Он понял, что дать немцам закрепиться на подмосковных позициях означало бы резко увеличить их способности к обороне. Следовало уловить момент общей истощенности немцев, следовало в то же время использовать фактор протяженности коммуникаций, суровости зимы, неожиданности удара.

1 декабря 1941 года Красная Армия насчитывала 4 196 000 военнослужащих действующей армии, 32 194 орудий и гаубиц, 1984 танков, 3688 самолетов. В вермахте наличествовали 1453 танка, 2465 самолетов, 36 000 орудий. В собственно битве под Москвой на советской стороне были 718 800 солдат и офицеров, 7985 орудий, 720 танков против 801 тысячи солдат и офицеров вермахта, 1000 танков и 615 самолетов, 14 000 орудий. Существовало примерное равенство. Настроенность войск и талант полководцев должны были решить судьбу противостояния.

Контрнаступление

В 3 часа утра в пятницу 5 декабря, при температуре — 30 по Цельсию и толщине снежного покрова в один метр, на передовые позиции германской армии обрушились войска стратегического резерва. 88 советских дивизий начали оказывать давление на 67 немецких дивизий на довольно широком фронте — от Калинина на севере до Ельца на юге. Специальная директива предупреждала от фронтальных атак — «негативные оперативные меры будут играть на руку врагу»; следовало обходить врага, заходить в тыл, проникать сквозь оборонительные рубежи противника.

Эффект внезапности сработал в полной мере. Первым результатом был обрыв связей между Гепнером, Клюге и Гудерианом. Вторым — оставление танкистами на флангах Клюге своих танков (речь идет о сотнях машин). Через две недели у Гудериана было только сорок машин, у Гепнера — пятнадцать. Третий результат — ежедневные потери примерно в три тысячи солдат (не считая обмороженных). В целом наступление продолжалось без перерыва почти три месяца.

Сказалась общая непродуманность немецкого стратегического замысла. За июнь-ноябрь 1941 года потери германских войск оказались в три раза больше утраченного вермахтом за всю кампанию в Польше и на Западном фронте — во Франции, Бельгии и Голландии. К декабрю этого года офицерский корпус нацистской Германии потерял 27 тысяч офицеров — в пять раз больше, чем в 1939–1940 годах. Восстановить эти потери полностью было уже невозможно. Вложив все силы в первый внезапный удар, германское командование оставило себя без резервов. Поэтому у стен Москвы оно не смогло восполнить потерь. Путь от границы до Москвы — путь в четыре фронтовые наступательные операции — не был обеспечен и материально, поскольку на Западе и в Польше противник терпел поражение от первой же операции. Германская армия при этом была армией «летнего наступления», она не была обеспечена зимним обмундированием.

Генерал Гальдер поверяет дневнику 7 декабря: «Ужасный день. Правое крыло 3-й танковой группы начало ночью отступать. Вклинения противника на севере этой танковой группы очень неприятны. На правом фланге 9-й армии противник тоже значительно расширил свой прорыв... Русские сумели настолько усилить наши транспортные трудности разрушением почти всех строений на главных железнодорожных линиях и

шоссе, что фронт оказался лишенным самого необходимого... В ошеломляюще короткий срок русские поставили на ноги разгромленные дивизии, бросили на угрожаемые участки фронта новые — из Сибири, Ирана и с Кавказа, они стремятся заменить свою потерянную артиллерию множеством ракетных орудий. В противоположность этому сила немецких дивизий уменьшилась более чем на половину; боеспособность танковых войск стала и того меньше... Приказы продвигаться вперед, не считаясь ни с чем, были заблуждением, и теперь группа армий вынуждена в самых тяжелых условиях переходить к обороне».

Верхушка рейха сразу начала поиск козла отпущения. Дневник министра пропаганды Й. Геббельса: «Большая вина лежит на Браухиче. Тщеславный, трусливый тип, оказавшийся неспособным понять ситуацию, не говоря уже о том, чтобы справиться с ней. Своими постоянными возражениями и вечным неповиновением он опошил и испоганил весь план похода на Восток, кристально ясно разработанный фюрером. У фюрера имелся план, который должен был привести к победе. Сделай Браухич все, что от него требовалось, мы стояли бы на Востоке не там, где стоим сейчас. У фюрера вовсе не было намерения идти на Москву. Он хотел отрезать Кавказ и тем поразить советскую систему в ее самом чувствительном месте... Но Браухич все время гнал войска на Москву: хотел престижных успехов вместо фактического успеха. Фюрер характеризует его как труса и бездарь... Впрочем фюрер питает к советскому военному руководству определенное уважение. Жестокое вмешательство Сталина спасло русский фронт. Мы должны в своем ведении войны найти аналогичные методы».

Гитлер снял со своих постов тридцать пять корпусных и дивизионных командиров. Его презрение к высокобровым интеллектуалам в мундирах, к самовлюбленной касте военных достигло пика. Он лично теперь руководил боевыми действиями и в запальчивости сказал Гальдеру: «Этой маленькой штукой — оперативным командованием — может овладеть каждый». После взятия Красной Армией Калинина Гитлер издал приказ, в принципе запрещающий отступать. Но в тот же день тридцать девятая армия прорвала фронт к северо-западу от Ржева...

Хладнокровно судящий об этих роковых событиях американский историк Г. Вайнберг призывает подняться над конкретными обстоятельствами, оценить характер борьбы в целом. Он предлагает осознать, что «немцы не сумели мобилизовать свое общество так, как мобилизовал его Советский Союз; советское руководство не только сохраняло эффективный контроль над неоккупированными территориями

страны, но сумело сосредоточить людские и материальные ресурсы для сокрушительного удара по силам вторжения».

Сами особенности России оказались спасительными для нее. Как пишет Дж. Эриксон, «тесные связи между людьми предотвращали крах всего; взаимосплетенные административные сети приводили в смятение, но они же давали шанс как-то выпутаться из тенет инструкций; способность абсорбировать огромный урон и все же жить в состоянии импровизированных норм и лишенных строгого порядка жизненных клише; и, прежде всего — несмотря на годы сталинских репрессий и принуждения НКВД — их базовая моральная упругость, которую патриотическая война усилила. Своей бесчувственной и самоубийственной приверженностью идее низшей расы людей, недочеловеков-славян, германская пропаганда, злонамеренно применяемая войсками СС, придала звериные формы буйству массовых убийств специальных команд, видевших в русских лишь „конгломерат животных“. Гром германских побед не мог не усилить наиболее экстремистские взгляды на более низкие свойства русских; германское командование, хотя и ощущало тяжесть своих потерь, игнорировало более трезвые взгляды».

И это обрекло Германию, ибо из горького чувства поражения, унижения и неистребимого чувства любви к своей стране в России выковывалось нечто непобедимое. Горящее в глубине русского характера чувство сопротивления стимулировалось не усилиями пропаганды, а знанием реальностей «нового порядка» немцев с его массовыми зверскими убийствами. Население, привыкшее к лишениям, не ждало справедливости и жертвенность воспринимало естественно. Искони присущая русским беззаветная любовь к отечеству стала частью их существования. И в самоотверженной борьбе проявился своего рода генетический код, срабатывающий многие столетия.

Что же касается зимы, то она бывает в России ежегодно. Гитлер потому и не начал войну в 1940 году, что посчитал август-сентябрь недостаточными для победы. И русским солдатам было так же холодно, как и немцам. Тайна заключалась не в метеорологии. Немцы взяли в плен командующего 6-й советской армией и допросили его со всем пристрастием. И тот указал им на подлинное состояние страны и ее армии: «Когда дело касается судьбы России, русские будут сражаться — потеря территории ничего не означает, и указывать на недостатки режима бессмысленно». В громадных просторах России царила скорбь. Однако, несмотря на ужасающие потери и невероятные жертвы, ее сыны и дочери скорбели не о запрошенной судьбой цене. Собственно их жизнь потеряла

цену перед великим патриотическим чувством. Именно этого не учли генералы механизированной армии вторжения.

Русские партизаны показали на Западе неожиданные и поразительные для них черты героизма, хладнокровия, выносливости, исключительной способности к выживанию, превышающие самые высокие человеческие мерки. Белоэмигрант Г. Газданов, впервые увидевший бывших соотечественников — наблюдавший русских партизан во Франции (и опубликовавший книгу на эту тему в 1946 г.) характеризовал русского как человека коллективистского сознания, привыкшего жить «под крылом у государства» (с полным к нему доверием), как человека, у которого нет быта, который не знает частной собственности и не понимает ее значения в жизни Европы (для него французская расчетливость — своего рода помешательство). «В поведении русских партизан во Франции прежде всего поражает абсолютная одинаковость их поступков и побуждений». Западные писатели и психологи вначале полагали, что такими их сделали пропаганда и коллективистская экономика. Но позднее, наблюдая русских партизан, западные специалисты пришли и к более глубоким выводам. Как пишет британский историк Эриксон, «никогда, кажется, в истории России не было периода, в котором таким явным образом все народные силы, все ресурсы, вся воля страны были бы направлены на защиту национального бытия... Все: экономическая и политическая структура страны, быт ее граждан, ее социальное устройство, ее чудовищная индустрия, ее административные методы, ее пропаганда — все это как будто было создано гигантской народной волей к жизни».

Это было похоже на проявление массового инстинкта самосохранения. В час своего самого трудного испытания, пишет Г. Газданов, «с непоколебимым упорством и терпением, с неизменной последовательностью, Россия воспитала несколько поколений людей, которые словно были созданы для того, чтобы защитить и спасти свою родину. Никакие другие люди не могли бы их заменить, никакое другое государство не могло бы так выдержать испытание, которое выпало на долю России. И если бы страна находилась в таком состоянии, в каком она находилась летом 1914 года, — вопрос о восточном фронте перестал бы существовать. Но эти люди были непобедимы... Они умирали в чужих европейских пространствах, окруженные со всех сторон вражескими войсками, в таком страшном русском одиночестве».

Благодаря их человеческому самоотрешению, благодаря их мученическому подвигу мы имеем свободу исторического выбора.

И несмотря на всю браваду, наши враги почувствовали неумолимую

поступь истории. Уже накануне нашего контрнаступления под Москвой Гитлер сказал своему ближайшему военному советнику Йодлю: «Если дело пойдет так и дальше, если оно затянется, победы нам не одержать». В свете невыносимой жестокости агрессора, стремления к тотальному уничтожению славян, евреев, всех «унтерменшей» восточноевропейского мира бледнела сталинская антикапиталистическая пропаганда. Осознание этого трагическим образом изменило представление русского народа о соседях на Западе в целом. Если страна Гете способна на нечеловеческую жестокость, то может ли быть страна Шекспира лучше? Отныне русские связывали представление о западной эффективности с бомбардировками мирных городов, сожженными селами, увезенными в неволю соотечественниками, с тотальным истреблением людей. Понадобится еще немало времени, прежде чем в генетическом коде восточноевропейских народов ослабнет это представление.

Складывание великой коалиции

Еще до японского выступления на Гавайях Гитлер 4 декабря предложил Японии то, в чем он надменно отказывал в месяцы быстрого продвижения по советской территории, — согласился на подписание договора, который выводил бы двухстороннее военное сотрудничество выше обязательств по Трехстороннему пакту. Но узнав о нападении Японии на американскую базу в Пирл-Харборе, Гитлер не сразу пришел к решению о присоединении к дальневосточному агрессору. Фюрер не без горечи сказал одному из приближенных: «Мы воюем не с тем народом. Нам следовало сделать Англию и Америку своими союзниками. В силу обстоятельств мы совершили всемирно-историческую ошибку». Но в целом аморализм японских действий ему импонировал, он обратился к японскому послу со словами: «Вы объявили войну правильно. Это единственно правильный метод. Надо бить как можно сильнее и не терять времени на объявление войны».

После четырех дней колебаний Гитлер принял очень важное решение, он объявил войну Соединенным Штатам. 11 декабря он сказал: «Я могу быть лишь благодарен Провидению за то, что оно доверило мне руководство в этой исторической борьбе, которую в течение грядущих пятисот или тысячи лет будут считать решающей не только для истории Германии, но и для всей Европы и, конечно, для всего мира. Создатель повелел нам изменить историю». (Под давлением немцев днем позже — после Германии и Италии — войну Соединенным Штатам объявили Болгария, Румыния и Венгрия).

Это германское высокомерие граничило с безумием, оно автоматически сделало защитников Москвы союзниками огромной заокеанской республики. Пройдут месяцы, годы — и наши воины получат столь ценимые «виллисы», «студебеккеры» и «спитфайеры».

Мир раскололся на две коалиции. Сложились предпосылки для формирования второго (после 1914 г.) союза России с Западом. Во многом этому способствовал тот факт, что британское правительство возглавлял Черчилль, который ни при каких обстоятельствах не был согласен на компромисс с Гитлером. 22 июня 1941 г. он сказал слова, которые, будучи обращенными к Москве, заложили основу великой коалиции: «Отныне у нас одна цель, одна единственная — уничтожение нацистского режима. Мы никогда не начнем переговоров с Гитлером. Мы окажем любую возможную

помощь России и русскому народу». После Пирл-Харбора Америка встала в строй антигитлеровской коалиции.

Россия оправдала надежды западных союзников. 16 декабря 1941 года Черчилль писал Рузвельту, что германские «потери в России являются первостепенным фактором в войне. А впереди немцев ждет зимняя бойня»^[61].

Союз складывался медленно по нескольким причинам. Во-первых, Сталин органически не доверял Западу, а Запад в свою очередь не доверял режиму, который считал искусственным и в устойчивости которого сомневался. Когда западные союзники подписали в августе 1941 года Атлантическую хартию (о правилах поведения в мире), советский посол в Лондоне И. Майский возмущенно выговаривал министру иностранных дел Идену: «Англия и США ведут себя так, словно всемогущий Бог призвал их судить дела остального грешного мира, включая и мою страну»^[62]. Сталин назвал Атлантическую хартию алгеброй, в то время как он предпочел бы практическую арифметику. У союзников должны быть общие цели, в противном случае «союз просто не состоится»^[63].

Во-вторых, ведущие английские и американские эксперты в основной своей массе разделяли точку зрения немцев относительно того, что сопротивление России в 1941 г. будет недолгим. Согласно британским официальным оценкам середины июня 1941 г., немецкие армии достигнут Кавказа в конце августа или в крайнем случае в начале сентября.

Но совместную борьбу надо было начать не откладывая. 19 июля 1941 г. Сталин послал первое личное письмо У. Черчиллю. Оценивая впоследствии обширную переписку со Сталиным, Черчилль заметил, что отношения с советским руководством складывались далеко не просто, так как велика была разница в политических и культурных взглядах: в переписке «было слишком много упреков». Тем не менее Черчилль воздал должное своему союзнику: «Сила советского правительства, твердость русского народа, неисчерпаемые запасы русской мощи, огромные возможности страны, жесткость русской зимы были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии».

Третьим (после личностных различий лидеров и враждебного прошлого) препятствием были стратегические соображения. Они были различными у СССР и двух главных держав Запада — Великобритании и США. Уже в декабре 1941 г. Черчилль писал министру иностранных дел Идену в Москву: «Никто не может предсказать, каким сложится баланс сил и где будут стоять победоносные армии в конце войны. Вероятно, однако,

что Соединенные Штаты и Британия, не истощив своих сил, будут наиболее вооруженным и экономически самым мощным блоком, который когда-либо видел мир, а Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи значительно больше, чем мы в его». Такова была оптимистическая для Запада картина будущего. Не исключалась и пессимистическая картина. Например, в беседе с издателем «Таймс» Баррингтон-Уордом в марте 1943 г. Черчилль изложил концепцию создания в Европе конфедерации малых стран: «Я не хочу однажды остаться один на один с медведем». Именно в свете этого видения Запад хотел использовать до конца силы Советской Армии, а высадку союзнических войск в Западной Европе осуществить лишь на этапе коллапса либо СССР, либо Германии.

Четвертым препятствием в формировании союза были культурные и прочие различия. Ф. Рузвельт полагал, что, хотя Сталин возглавляет «очень отсталый народ», но Россия — огромная страна, и будущий мир можно построить только в союзе с ней. Черчилль считал, как и после Первой мировой войны, что «гранды» современного мира могут обеспечить свои интересы посредством союза наций в организации, охватывающей все страны. Предполагалось создание мировой организации, в которой крупнейшие державы-победительницы имели бы особый статус. Но сохранится ли равенство среди главных победителей?

Увы, это было не так. В ходе войны достаточно быстро изменялось и соотношение сил среди стран Запада. Соединенные Штаты выходят на передовые, главенствующие позиции, а лидером Запада становится президент Рузвельт. Это лихорадило внутриамериканские отношения, сказывалось и на отношениях Запада с восточным союзником из-за видения ситуации Британией: в случае победоносного исхода войны Соединенные Штаты будут стремиться вытеснить Британию с доминирующих позиций в Европе, Азии, Африке и Австралии. В то же время США постараются найти общий интерес с СССР. Чтобы предотвратить это, Британия лавировала, стремясь противопоставить союзников друг другу. К примеру, Черчилль весной 1942 г. был склонен сблизиться с Россией, поскольку осознал значимость советско-германского фронта и важность того, чтобы Россия выстояла и была сохранена в составе коалиции, а в начале лета он как бы начал сомневаться в способности СССР выстоять и все более подчеркивал стратегическую значимость США, военная промышленность которых методично наращивала свои мощности.

Менялась также и американская точка зрения. Если в 1939 г. Ф. Рузвельт «возлагал» на Англию задачу «спасения цивилизации», то в 1942 г. он и его помощники уже предусматривали главенство в дуэте

Соединенных Штатов. Англичане, находясь под прицелом гитлеровцев, приветствовали принятие Америкой роли мировой державы, но они осознавали неизбежность того, что рост могущества США, принятие ими на себя безусловного лидерства на Западе будет происходить, в частности, за счет западноевропейских союзников.

В то же время произошло обретение Россией веры в свои возможности. В конце концов Россия победила в первую очередь потому, что создала такую военно-индустриальную машину, которая превзошла германскую. Помощь союзников была очень существенной, но не решающей: более 90 % военной продукции Россия произвела сама, многократно превзойдя по основным военно-промышленным показателям Германию. Оказалось, что Россия способна на глобальное соревнование с Западом, если ее танки и самолеты оказались качественно лучше западных образцов. К тому же благополучные западные союзники России не учли, что любая страна, потерявшая более десятой части своего населения, должна испытать национальный шок, стать болезненно восприимчивой, чувствительной в отношении зарубежного воздействия.

Самым большим — пятым препятствием на пути создания союза России с Западом была неравномерность военных усилий. Известие о том, что в 1942 г. настоящий второй фронт не будет открыт, явилось, по мнению британского премьера, подлинным «шоком» для Сталина. Британский посол А. Керр так оценивал решение своего правительства о переносе на будущее открытия второго фронта в Европе: «Мы не представляем себе того напряжения, которое испытывают русские. Советская Армия и в целом русское руководство — боятся, что мы создадим гигантскую армию, которая сможет однажды повернуть свой фронт и занять общую с Германией позицию против России». Посол счел нужным сказать Черчиллю, что в Британии «высказываются мнения, которые прямо или косвенно поддерживают это опасение русских». Да и сам Черчилль полагал, что две крупнейшие континентальные державы, борясь и ослабляя друг друга, действуют — с точки зрения интересов Запада — в «нужном направлении». Часть американской элиты предлагала позволить немцам и русским использовать друг против друга свои лучшие силы. Провозглашая на словах решимость быстро открыть второй фронт, президент США Рузвельт на обсуждениях 1942–1943 гг., когда вопрос ставился конкретно, соглашался с тем, что следовало из долгих и красноречивых выступлений Черчилля: не делать окончательных обязательных выводов, не сокращать возможностей выбора, который еще многократно предоставит война.

Не открыв фронта на европейском Западе, союзники нарушили

договоренности в критический для СССР момент, когда немцы захватили Севастополь, вышли к порогу Кавказа и подошли к Сталинграду. Это оказало большое влияние на советско-западные отношения. Телеграмма Сталина Черчиллю от 23 июля 1942 г. заканчивалась суровым упреком: «Вопрос о создании второго фронта в Европе не был воспринят с той серьезностью, которой он заслуживает. Полностью принимая во внимание нынешнее состояние дел на советско-германском фронте, я должен указать наиболее серьезным образом, что советское правительство не может согласиться с откладыванием второго фронта».

Последствиями этого была пятидесятилетняя холодная война — гигантская трата средств и ресурсов в свете нежелания Запада принять Россию в западный лагерь, вследствие нежелания России стать подчиненным членом западного лагеря.

Глава десятая

Сражения 1942 года

Многие из тех, кто пережил страшный тысяча девятьсот сорок первый год, утверждают, что следующий — сорок второй — был еще более жестоким. Исчезло частично «извиняющее» обстоятельство поражений Советского Союза и его армии — фактор германской внезапности. Менее убедительным стало оправдывание, апеллирующее к отсутствию военного опыта. После битвы под Москвой неубедительным стало фаталистическое утверждение, что немцы принципиально непобедимы с 1914 года. В 1942 году стало много труднее отрицать, что немцы, действуя за тысячи километров от своих баз, преодолевая русское бездорожье, сражаются эффективнее, с большим умением, с большим искусством и волей. Сражаются лучше. Осознание этого — это проклятье способно было довести до безумия и солдата и генерала. Оно определенно выводило из себя Сталина. Предельно жестокая учеба Красной Армии продолжалась. Так продолжалось весь этот чудовищный по своим потерям, по своей становящейся привычной безнадежности — почти весь 42-й год. До Сталинграда.

Новый военный год

В горьких битвах 1941 года наша армия потеряла 3,1 миллион человек убитыми и более 3 миллионов человек, попавших в плен. То большое преимущество в танках и самолетах, которое имела Красная Армия в начале войны, растаяло. Фактически нужно было заново и на новой основе создавать техническую базу вооруженных сил. Но при этом советская экономика 1942 года была только частью большой довоенной экономики СССР. Потерян был самый плодородный клин пахотной земли. 130 миллионов человек, живших на неоккупированной территории, имели теперь вдвое меньше хлеба и мяса на душу населения, чем год назад. Треть железнодорожных путей была захвачена противником. Производство жизненно важных для военной индустрии алюминия, меди, марганца упало на две трети. Миллионы квалифицированных рабочих были либо убиты, либо мобилизованы.

Драма московского контрнаступления Красной Армии теперь уже никогда не покидала Гитлера и его генералов, но они сделали из своего опыта, демистифицировавшего германско-прусскую непобедимость, весьма своеобразные выводы. Во-первых, если Германия перенесла зимнее контрнаступление русских, то это должно их, русских, обескуражить — им уже не удастся повторить опыт 1812 года, сделать из вермахта бредущую по русским снегам армию Наполеона.

Во-вторых, если немецкие войска понесли столь значимые потери, то какими же должны быть потери Красной Армии? Не бездонен же русский резервуар? Наверняка наступит момент, когда — если подобный же уровень потерь сохранится — советская военная машина начнет останавливаться от обескровливания, от естественной анемии.

Оба вывода были надуманными, они явились результатом высокомерного германского воображения и едва касались русской реальности. Никто в политбюро, окружении Сталина, в Ставке или Генеральном штабе не проводил прямо аналогии с наполеоновским нашествием на Россию. Эта аналогия напрашивалась в общем, так сказать, философском смысле, но не как компонент стратегического провидения, как вторая попытка, как повторение Кутузова. Тоталитарная нацистская Германия не была похожа на наполеоновскую Францию, а Советский Союз после пятилеток индустриализации не походил на Россию императора Александра Первого. Никто из военачальников, видевших страшную силу

вермахта и его поразительную организованность, не ожидал дезинтеграции лучшей армии Запада лишь вследствие морозов, отсутствия снабжения или отступления, пусть даже на центральном участке фронта. Никакого — даже эмоционального — ожидания повторения движения по старой Смоленской дороге (с коляской Наполеона, спешащей в Париж) не ожидал даже самый большой оптимист в руководстве страны и армии.

Что же касается потерь, которые действительно были огромными (особенно если учитывать потери профессиональных военных кадров), то нижайшая точка численности Красной Армии уже была преодолена в последние месяцы 1941 года. В запасных полках, в скромных наших военных училищах худые стриженные вчерашние школьники не блистали физической силой, но они, как и их отцы, органически впитали патриотизм и никогда не противопоставляли дар жизни жертве за родину. Жизнь для этого поколения была возможна лишь в своей стране, и никакая жертва не была слишком большой для защиты Родины. В Советском Союзе 1942 года не менее, а более, чем в предшествующем году, цвет страны, надевший гимнастерки, готов был пойти на все ради достижения перелома, ради свободы своей страны. СССР испытывал много сложностей. Он потерял едва ли не треть своего населения на оккупированной территории. Он потерял практически половину индустриальной базы. Он был прижат к Ладоге и Волге, он потерял миллионы солдат и офицеров, он испытывал унижение от краха предвоенных иллюзий («бить врага на его территории»), но он не испытал морального шока, равного французскому (уже на третьей неделе кампании 1940 года), когда французы имели дивизии, но не имели воли. Потери 1941 года, напротив, были фактором за продолжение войны, а не против гибели молодежи страны. Московская победа в этом плане вызвала не призрак Наполеона, а веру в то, что учеба, хотя и страшно дорогостоящая, дает свои плоды, что немцев можно бить их же оружием — танковыми ударами с артиллерийской преамбулой и авиационным сопровождением.

Вызрела школа современных военачальников, политические генералы и герои тачанок ушли в тень. Централизация страны в этом смысле была эффективным положительным фактором, способным мобилизовать ресурсы в очень короткое время.

Если 1812 год и был релевантным историческим намеком, то, главным образом в плане разразившейся на оккупированной территории народной войны, не всегда эффективной, очень кровопролитной, жертвенной, жестокой. Она не могла быть поднята кучкой «засланных комиссаров», она явилась проявлением здорового чувства патриотизма, который немцы

вначале отрицали, а затем признали одним из решающих обстоятельств оказавшейся продолжительной войны.

А Гроссдойчланд, Германия в границах Третьего рейха 1942 года, была самым мощным европейским образованием со времен Наполеона. Германская экономика была в четыре раза более мощной, чем советская. Она опиралась на индустриальную мощь и сельскохозяйственные возможности почти всей Центральной и Западной Европы. Восемьдесят миллионов немцев, предельно организованных и дисциплинированных, опирались на людские и природные ресурсы союзной Италии, Скандинавии, Бельгии, Нидерландов, Франции, Польши, Балкан, стран Пиренейского полуострова и захваченных у Советского Союза Прибалтики, Украины, Белоруссии, части европейских областей Российской Федерации. Триста миллионов жителей Европы прямо или косвенно содействовали нацистской Германии в союзе с Италией, Финляндией, Венгрией, Румынией, Хорватией, Словакией в восточном походе против Советского Союза.

Неравным было сопоставление экономической мощи находящейся на пике индустриальной мощи Германии и отступающего Советского Союза. Цифры, характеризующие индустриальный потенциал главных мировых соперников, мобилизовавших самые могучие вооруженные силы в мире, таковы.

Советская Россия потеряла две трети областей с залежами железных и марганцевых руд. Новая мощная индустриальная база по ту сторону Урала, развитие которой началось незадолго до войны, еще не могла компенсировать потерю основных промышленных районов. Американская помощь была еще очень слабой. Важные сельскохозяйственные области перешли в руки немцев. Один лишь захваченный Донецкий бассейн давал до войны две трети общей добычи угля. Военно-промышленный потенциал страны заметно снизился. Русские потеряли из 170 миллионов населения 35 миллионов.

Весной 1942 года производство угля составляло в СССР 57 процентов от довоенного, добыча железной руды — 68 процентов, производство стали — только 58 процентов, алюминия — 60 процентов, зерна — 38 процентов. А многократно усилившаяся Германия приобрела такие первоклассные производственные мощности как чешские заводы «Шкода», теперь выпускавшие для вермахта танки. Германия обрела военных союзников, которых у нее не было еще два года назад. Третий рейх взошел в зенит своего геополитического могущества, безусловно преобладая от Нордкапа на севере до Северной Африки на юге, от французского Бреста до

украинского Запорожья. Теперь железную руду в Германию везли из Швеции и Кривого Рога, уголь из Польши, уран из Норвегии, зерно с Украины, нефть из Румынии, оливки из Греции, финики из Ливии, грузовики и вино из Франции, древесину из Финляндии, овощи с Балкан. Сотни тысяч «остарбайтеров» обслуживали сельское хозяйство и индустрию рейха, миллионы военнопленных и узников лагерей холокоста работали на джаггернаут нацизма.

Мог ли устоять против этой мощи ослабленный потерями (чего стоила потеря в 1941 году лишь одного кадрового состава Красной Армии) Восток Европы, встретивший это жестокое испытание после всего лишь десятилетней эпопеи скоростной индустриализации, когда страна, где 80 процентов населения впервые увидели автомобиль, электричество, самолет? Не только в Берлине этот вопрос звучал как сугубо риторический.

В горьком 1941 году страна потеряла колоссальное число стальных машин — был потерян практически весь двадцатитысячный первоначальный парк танков. Гораздо хуже было то, что потерянными оказались заводы-производители. Два главных центра производства танков — в Харькове и Орле — были захвачены врагом. Важные компоненты танков раньше производились на заводах Донбасса. Производство тяжелых танков КВ в Ленинграде было заметно сокращено и сходящие с конвейера машины шли на свой собственный Ленинградский фронт. На всю огромную страну работали два танковых завода — в Свердловске и в Челябинске. Но весной 1942 года они только начинали разворачивать свое производство, и пока Германия лидировала в танковом производстве. Придут иные времена, и танковый конвейер страны станет крупнейшим в мире, но в судьбоносные первые месяцы 42-го этот конвейер работал на малых оборотах.

И все же. Оставалось нечто, чего нельзя было просто игнорировать. Потрясающий первый удар вермахта принес территории и пленным, сырье и базу для следующего удара. Но он не стал смертельным, он не поразил центры жизнедеятельности жестоко обескровленной страны. Не сломил патриотического духа страны, жертвенной готовности. Даже неистребимо высокомерные немецкие генералы (в данном случае Курт Типпельскирх) признали «совершенно невероятную способность русских к сопротивлению. Они понесли тяжелые потери не только летом 1941 г., но и во время своего зимнего наступления, в котором приняли участие крупные массы войск. Но все это не могло сломить стойкость Красной Армии. У нее оставалось еще достаточно кадров, чтобы укомплектовать командным составом новые формирования и обеспечить их боевую подготовку... Все

население, способное носить оружие, удалось своевременно эвакуировать. В своей массе русские, стихийно вставшие на защиту своей родины, были надежными бойцами».

Достигнув точки почти коллапса, наша промышленность благодаря невероятной самоотверженности советских людей совершила чудо — при общем резком сокращении национального производства выросла численность и качество производимого оружия. Наши танки и самолеты обогнали немецкие и по количеству и по качеству. И, как это ни удивительно, в СССР была выше производительность труда. Английский историк Э. Бивор признает, что «даже труд заключенных на военных заводах в России был гораздо производительнее, чем труд квалифицированных рабочих на аналогичных заводах Германии. Случаев саботажа почти не было. Узники ГУЛАГа свято верили в победу над немецко-фашистскими захватчиками». Феноменальными усилиями наших инженеров и рабочих, тружеников нашего тыла страна, брошенная в пучину поражений второй половины 1941 года, восстала из пепла. Одно из чудес мировой истории — она начала производить танков и самолетов больше, чем в наполовину предвоенном 1941 году.

Увы, оценка начальника штаба сухопутных войск (ОКХ) Гальдера в 700 танков на данном этапе была завышенной. А ленд-лиз только набирал обороты. Прибывающие в Мурманск и по Каспию модели западных танков часто, как это ни горько слышать союзникам, фактически не соответствовали стандартам современной войны. Единственная модель, которая удовлетворяла требованиям боя, — американский танк «Шерман» — начала поступать в СССР осенью 1942 года. (Как признает английский историк А. Кларк, «большинство западных танков были распределены на спокойных участках фронта, где фактически не велось боевых действий — на финском фронте и на Дальнем Востоке — и играли второстепенную роль, освобождая более эффективные части для критически важных битв»). К этому времени конвейерное производство нашей лучшей модели — Т-34, превосходящей «Шерман», осуществлялось уже восемнадцать месяцев.

Вопреки всему, вопреки тому, что тяжелая промышленность, у ополовиненной страны становилась все меньше германской, численность танков и самолетов, выходящих из неприглядных заводских дворов, становилась больше, чем у всей остальной Европы. Ни с чем не сравним подвиг тех, кто из меньшего объема производства извлек больше оружия для фронта, для победы. Советское командование доподлинно знало, сколько самолетов и танков производит рейх, и сравнивало германское производство со своими результатами. Немцы же не знали о масштабах

советского производства. Когда Гальдер назвал в сентябре цифру 1200 (число производимых танков в месяц), Гитлер потерял самообладание и свирепо ударил кулаком по столу. Истина заключается в том, что ежемесячное производство танков в СССР уже тогда составило 2200 танков).

В тылу царила поистине железная дисциплина, заводы работали круглые сутки. Прибывавшие на многие военные заводы посетители испытывали подлинное потрясение — за станками стояли женщины и дети. Они не произносили патетических речей. Но они беззаветно работали за своих мужей и отцов, за свою страну. И их продукция не была примитивной. Первое место в ее оценке по праву должно принадлежать танкам. Столицей танковой индустрии становится Челябинск, куда перевели мощности двух заводов — из многострадальных Харькова и Ленинграда. Здесь, в «Танкограде», на крупнейшем в мире (до 1990 года) танковом заводе была выпущена преобладающая часть лучших танков мировой войны — КВ, ИС, Т-34.

Нельзя не обратиться с низким поклоном к великому Т-34, впервые сошедшему с заводского конвейера в Харькове в 1939 году. Рекордная скорость — до 50 километров в час, превосходная способность передвигаться по пересеченной местности, особо удачный наклон броневых листов, фантастически мощное орудие с высокой первоначальной скоростью снаряда (пробивавшее броню любых немецких танков), дизельный двигатель объемом 38 литров и мощностью 500 лошадиных сил, повышенная стойкость к возгоранию — все это сделало Т-34 лидером мировой танковой технологии. Теперь, в 1942 году, у него окрепла лобовая броня, 76-мм пушка могла поразить любого соперника — она была мощнее любой германской танковой пушки. Сложности были связаны с отсутствием радиоустановки (они тогда были только у командиров дивизионов). Это ослабляло командную борьбу. В сравнительно небольшой башне место было только для двоих — командир танка должен был заряжать пушку и владеть пулеметом, что разумеется, напрягало его в условиях, когда так важна была координация действий. Оптические приборы не были первоклассными, «выглядывать» из танка, отложив несовершенный перископ, было опасно и неудобно. Прекрасный дизельный мотор страшно дымил, что выдавало местоположение танка. Но со временем гениальные и скромные наши конструкторы (имен которых в мире — в отличие, скажем, от немца Порше мало кто знает) изменили к великим танковым битвам многое. В кабине теперь помещались трое, видимость резко улучшилась, наконец-то повсеместно введенное радио

связало экипажи.

Немцы не сразу обнаружили великий танк — первоначально Т-34 были разбросаны среди менее совершенных моделей. Но уже осенью 1941 года они стали внимательно смотреть на машины со скошенной лобовой броней башни. Можно себе представить, насколько непросто было гордецу-танковому герою вермахта Гудериану писать в штаб группы армий «Центр»: «Офицеры, имеющие боевой опыт, сходятся во мнении, что Т-34 необходимо просто скопировать, чтобы самым быстрым образом исправить крайне неблагоприятную ситуацию, в которой оказались немецкие танковые группы на Восточном фронте». Танкист-фельдмаршал Клейст определил Т-34 как лучший танк в мире. Генерал-танкист Меллентин признал, что у немцев не было ничего подобного. Генерал Блюментрит признает, что боевой дух немцев при появлении этих танков падал. 5 тысяч «тридцатьчетверок», выпущенных в 1942 году, стали фактором перелома в войне.

Заметим, что в случае окончания снарядного боекомплекта экипажу советского танка предписывалось идти на таран вражеских машин. Этот приказ отдавался в уверенности, что в великой войне советские воины и не могут повести себя иначе. Тяжелые танки КВ и обе модели ИС в полную меру покажут себя в эпоху перелома военных судеб. Позже в строй войдут мощные самоходные орудия. Да, в 1941 году Советский Союз потерял 17 тысяч танков, огромные потери. Но в следующем году он произвел почти 25 тысяч машин, и это поколебало весы военной фортуны.

Крупные изменения произошли начиная с весны 1942 года в авиации. Руководителем перемен стал молодой офицер А. Новиков, назначенный в апреле главнокомандующим всех военно-воздушных сил СССР. Произошла аналогичная танковой концентрации военно-воздушных сил. Отныне советские армии напоминали германские воздушные армии. В них входили подразделения истребительной авиации, бомбардировщиков и штурмовиков — отныне строго контролируемые, имеющие необходимые резервы, оснащенные радаром, радиосвязью и всеми элементами взаимозаменяемости. Обозначилась очередность задач: уничтожение воздушной мощи противника, поддержка с воздуха армейских частей, удары по болевым стратегическим точкам противника с воздуха. Огромным успехом было создание нашими конструкторами штурмовика «Ильюшин-2», во многом обошедшего и «Штуку» и «Юнкерс-88». В воздушных частях возникло то, что ранее было заведомо слабым местом, — большая наземная база, освобождающая воздушных соколов от земных тревог, позволяющая им наращивать летное мастерство. Наконец-то

полевые аэродромы прикрылись камуфляжем, а радар занял подобающее ему место. В мастерских теперь велись подлинно качественные ремонтные работы, и боевые машины быстро возвращались в строй даже после серьезных повреждений. Теперь они не стояли готовой целью на прифронтовых аэродромах — для них создавались либо легкие ангары, либо летом их укрывали наши леса. Новые модели самолетов могли взлетать почти с любых полевых площадок.

Безусловно слабое место вооруженных сил — коммуникации посредством прежде всего радио — стали обретать новую силу в безумно тяжелом 1942 году. Инстинктивное прежнее желание замолчать в эфире (поскольку немцы немедленно пеленговали командную точку и наводили на нее самый страшный возможный огонь) было преодолено, и новая поросль командиров уже не мыслила себе боя без переговорной связи, без коллективной ориентации в нем. Это момент непреходящей важности: нужно сказать доброе слово союзникам — по ленд-лизу Красная Армия получила 35 тысяч радиостанций, 380 тысяч полевых телефонов, более полутора миллиона километров телефонного кабеля. И в том же 1942 году Красная армия организовала службу перехвата вражеского радиообмена (пять радиобатальонов), что поставило воздушную и наземную борьбу на качественно новую ступень. Теперь командиры Красной Армии лучше ориентировались в ведущемся бое, они значительно больше знали о противнике и осмысленнее вели бой.

Танковые соединения, созданные впервые в ноябре 1941 года, были воссозданы весной 1942 года. Теперь «бронетанковые бригады» состояли обычно из двух батальонов танков KV и Т-34, моторизованного батальона автоматчиков, роты минометчиков и роты противотанковых орудий калибра 75 мм. К концу 1942 года произошел переход на калибр 76,2 мм. Эти бригады должны были стать основным ударным элементом наступательных операций. К началу мая 1942 года Ставка создала двадцать таких бригад. Они — и тридцать воссозданных дивизий — представляли собой главный резерв советского командования.

Но весной 1942 года были начаты и более глубокие преобразования структуры вооруженных сил. Немцы воочию продемонстрировали мощь собранных в кулак (а не разбросанных по пехотным частям, как тачанки) танковых армий. То, что демонстрировали Гудериан, Клейст, Гепнер и Гот, не могло не произвести впечатления на советское командование — на полевых генералов и штабистов, на Генеральный штаб. В результате новая структура Красной Армии стала базироваться вокруг новых танковых образований — танковых корпусов. В них стали входить 168 танков,

противотанковые батальоны, подразделения «катюш» и зенитные батареи, плюс несколько стрелковых подразделений («оседлавших» — по восемь человек — танки) и вспомогательные части. Два танковых корпуса стали составлять танковую армию — самодостаточную мобильную единицу, обладающую огромной ударной силой. В сентябре 1942 года были созданы моторизованные дивизии — опять же германский военный опыт оказался убедительным. В них было больше стрелковых частей и меньше танков, названы они были механизированными корпусами и отличались (значительно) от просто стрелковых пехотных частей многократно большей мобильностью и огневой силой.

С декабря 1942 года в состав механизированных корпусов были введены самоходные артиллерийские установки, что значительно увеличило мобильность армии, которой предстояло отстоять страну и вернуть потерянное. Теперь эта задача падала во многом на созданные в ходе (и после) 1942 года 43 танковых и 22 механизированных корпуса. Эта армия очень отличалась от встретившей врага в июне 1941 года. Стали уменьшаться невероятные прежде потери. Если в 1941 году на каждый подбитый германский танк приходилось шесть-семь наших танков, то в 1944 году соотношение дошло до одного к одному.

Между тем стратегическая ситуация оставалась тяжелой. К весне 1942 года практически до конца был исчерпан резерв сибирских войск, которые так отличились под Москвой. (Теперь уже определенно было ясно, что Япония бросилась на юг и советские границы они едва ли нарушат — если не желают получить еще одного мощного соперника, готового предоставить свои аэродромы американской бомбардировочной авиации). Если немцы предпочитали создавать новые боевые части, то советское командование укрепляло свои силы за счет обновления прежних военных структур с сохранением костяка ветеранов. Велики были потери в безрезультатных наступлениях января, февраля и марта 1942 года. Армия теряла практически последний кадровый довоенный состав. В войска приходили зеленые юноши и немолодые бойцы, только что призванные. В строй вошли полмиллиона резервистов, которых еще предстояло знакомить с военной подготовкой. И все же за первое полугодие 1942 года низшая точка численного состава была пройдена, и состав армии начал медленно расти, достигнув цифры в пять миллионов человек. Большинство из них располагались на передовой и на прилегающих к передовой участках огромного — самого протяженного в мире фронта.

И стоял огромный — от моря до моря фронт, защищаемый 160 дивизиями. Убежденность в качестве и силе советских танков и артиллерии

давали основания верить в лучшие времена. В то, что в грядущих суровых испытаниях Красная Армия проявит себя достойным образом. В Москве и в тысячах мест дислокации верили, что германская армия понесла крупные потери и теперь ей будет тяжелее справиться с опаленной огнем армией страны, получившей в течение месяцев возможность познакомиться с современным способом ведения операций.

Германия, 1942

А что же немцы на втором году страшной войны на уничтожение? Красной Армии в 1942 году противостояла та германская армия, для которой 1941 год не прошел безнаказанно. Несмотря на огромные усилия нового министра вооружений Шпеера, германская армия в июне 1942 года имела меньше танков и самолетов, чем год назад. В германской армии на Восточном фронте было три с четвертью миллиона немецких солдат и семьсот тысяч в войсках союзников. Людские потери и потери в технике были таковы, что германская армия 1942 года была меньше армии вторжения лета 1941 года.

Самонадеянность наказывается. Лето и ранняя осень предшествующего года видели коронный блицкриг, и германское руководство надеялось, что наличных средств, имеющегося вооружения будет достаточно. Только в декабре 1941 года стало ясно, что одного удара, одной кампании против Советской России недостаточно. Война принимала затяжной характер, и при таком обороте вещей долгосрочные факторы начали выходить на первый план.

Напомним, что самоуверенность нацистского режима сказалась, в частности, в том, что в ходе Второй мировой войны Германия так и не достигла уровня военного производства кайзеровской Германии в 1918 году. На период начала агрессии Германии против Советского Союза военная промышленность Германии производила, если верить министру вооружений Альберту Шпееру, четверть производившегося Германией в последнем году Первой мировой войны.

Особый характер самоуверенности Третьего рейха сказался в том, что, даже вступив в смертельную борьбу с Россией, Германия во многом готовилась к следующей войне, строя корабли и самолеты для битвы против англосаксов. Отрезвление принес Жуков. Только в январе 1942 года Берлин по-настоящему оценил способности Красной Армии и после подмосковного отступления вынужден был сделать стратегический поворот к производству наземных вооружений, перенеся акцент с удовлетворения нужд военно-морского флота и авиации дальнего радиуса действия к нуждам вермахта на Восточном фронте — к производству танков, самоходных орудий и бронемашин. Признав высокие качества танка Т-34 и другой советской военной техники, немецкое руководство было вынуждено потребовать от своих конструкторов модернизации

германских наземных вооружений.

Очутившись перед перспективой долговременного конфликта, руководство Третьего рейха обратилось к возможностям обойти Красную Армию на фронте передовой технологии, особенно там, где вермахт уже ощутил слабые места в процессе шести месяцев войны. Что противопоставить новым советским танкам? Германским ответом было решение создать и запустить в серию тяжелый — 60-тонный танк «тигр» и более легкий танк весом 35–45 тонн, названный впоследствии «пантерой». В январе 1942 года Гитлер приказал довести производственную мощность танковой промышленности до ежемесячного выпуска 600 танков. И все же даже в мае 1942 года германская промышленность производила всего лишь 125 танков в месяц. В марте 1942 года фирма Хеншеля и Порше получила заказ на производство танков весом в 100 тонн, с тем чтобы наладить серийное производство к весне 1942 года. Новый министр вооружений Шпеер 19 марта доложил Гитлеру, что к октябрю 1942 года будет выпущено 85 танков «тигр», а к весне 1943 года — еще 135 «тигров». В апреле Порше и Хеншель выпустили первые образцы новых танков с пушками калибром 75 и 88 мм. В мае 1942 года Гитлер санкционировал выпуск фирмой МАН танка «пантера», с тем чтобы довести их производство до 100 единиц в месяц. Инженеры Гроте и Гакер получили заказ на строительство танка-гиганта весом в 1000 тонн, Порше пообещал выпустить такой танк к весне 1943 года.

В сентябре 1942 года «тигр» был впервые применен в бою. Но атака под Ленинградом не имела ожидавшегося эффекта. В ноябре 1942 года Гитлер потребовал увеличить выпуск «тигров» с 13 до 25 единиц в месяц, а самоходных орудий — до 100 в месяц (вместо танков Т-III). Все эти цифры, разумеется, блекнут в сравнении с советским производством танков новых моделей.

Была ли германская армия слабее? Для Гитлера она была, во-первых, недостаточно вынослива, недостаточно молода, неагрессивна, инертна. Он все сводит в своих застольных беседах в Вольфшанце к пассивности немолодых военачальников: «Достаточно бросить взгляд на список наших генералов, чтобы понять, что эти люди слишком стары». В условиях современного боя командиру роты должно быть 26 лет, командиру полка — 35, а командиру дивизии — 40 лет. Во-вторых, слабое место — транспорт. Он утверждает в январе 1942 года, что «самое трудное в нашем положении отнюдь не зима сама по себе. А вот иметь в достаточном количестве людей, но не иметь возможности транспортировать их на фронт; иметь боеприпасы и не иметь возможности их доставить; иметь оружие и не мочь

направить его туда, где оно необходимо!.. Горе железной дороге, если в следующий раз она не будет работать по-новому!»

Если уж мы коснулись вопросов транспорта, то о лошадях стоит сказать отдельно, потому что во Второй мировой войне лошадиная тягловая сила играла большую роль. Это для вермахта было особенно существенно в свете того, что зимой 1941–1942 годов германская армия потеряла особенно много колесной техники. Часть автопарка погубили русские дороги. В то же время тяжелые ломовые лошади, тащившие повозки в германской армии, требовали тяжелых зимних подков и подыхали при температуре минус 15 градусов. (В те же месяцы Красная Армия увеличила число кавалерийских дивизий с 30 до 41. Правда, лошади все чаще тащили пулеметы, а всадники шли рядом).

После битвы под Москвой, похоронившей блицкриг, Гитлер не переставал говорить о необходимости жертв. Вот его слова, сказанные 27–28 января 1942 года: «Настоящее мировое господство может быть основано только на собственной крови... Как только представишь себе, что Фридрих Великий противостоял двенадцатикратно превосходящему его врагу, сразу чувствуешь себя настоящим подонком! А ведь на этот раз превосходством в силах обладали мы! Ну разве это не позор?... Если эта война будет стоять нам четверти миллиона убитых и 100 тысяч калек, эти потери будут восполнены нами ростом рождаемости, которого немецкий народ может достигнуть после того, как мы станем хозяевами на Востоке. Эти люди во множестве возродятся у нас в тех поселениях, которые я создам для германской крови на Востоке». На жертвы противника обращать внимания не стоит. «Русские до старости не доживают, только лет до 50–60. Зачем же делать им прививки? Не давать мыться. Шнапса пусть пьют сколько угодно, и табак пусть курят сколько хотят... Образование им на пользу не пойдет. Лучше всего было бы научить их языку жестов. По радио музыка в неограниченном количестве. Вы когда-нибудь видели, чтобы европейская культура там вознаграждалась? Возникает духовный анархизм! Счастливее всего эти люди живут будучи предоставленными самим себе».

Записные книжки немецких солдат, их письма домой, офицерские впечатления, зафиксированные в дневниках, говорят о том шоке, который испытывали немцы, прибывая на необласканные историей просторы нашей страны. Первое, поверхностное — это земляные дороги, некрашенные дома, следы постоянной борьбы за выживание. Германские представления о нормальном рушились со скоростью знакомства с завоевываемой страной. Даже специалисты по России испытывали культурный шок. Индоктринированным немцам пропаганда указывала на их культурную

миссию в отсталой восточной стране.

Каков характер этой миссии, офицеры и солдаты узнавали довольно быстро — айнзацкоманды на советской территории не стремились к особому камуфляжу своих действий, и вермахт очень быстро становился свидетелем того, к чему не все были готовы. Горели школы и больницы, вымирал голодный народ, на виселицах болтались юные девушки, в лощинах расстреливали евреев, русские военнопленные в лагерях питались травой. Ни тени сочувствия или жалости при физической ликвидации низшей расы! Более того, намек на сочувствие влек за собой наказание — письменных свидетельств тому не счесть, немецкая педантичность непреодолима. Один из многих примеров: молодой офицер вермахта, прибыв в Россию, получил приказ расстрелять три с половиной сотни гражданских лиц, якобы партизан, но имевших в своих рядах женщин и детей, собранных в большой амбар. Офицер некоторое время колебался, но потом ему напомнили, что невыполнение приказа карается смертью. Он попросил десять минут на размышления и затем выполнил приказ, используя пулемет. Он был так потрясен этим эпизодом, что, будучи вскоре раненым, поклялся никогда не возвращаться на Восточный фронт. Такими историями изобилуют дневники германских военнослужащих.

Нацистская Германия вела войну на истребление. Один эсэсовец так описывает «обращение» с русскими пленными: «Они выстраивались в ряд по восемь человек на краю глубокого противотанкового рва. Прогредел первый залп и восемь человек свалились на дно, словно сбитые ударом огромного кулака. Следующая восьмерка уже занимала их места. Мы были изумлены, как эти люди проводят последние минуты жизни на земле... Один пленный печально снял шинель и аккуратно сложил ее на землю... Другие жадно затягивались в последний раз самокруткой, свернутой из клочка грязной бумаги; никто не писал писем домой; слез не было».

Три типа (само)извинений господствуют. 1. Благородная цель — создание «новой Европы». 2. Жертвы — коммунисты в той или иной степени, и их уничтожение служит делу свободы. 3. Приказ есть приказ; обязанность выполнять приказы освобождает исполнителя жестоких акций от моральной или уголовной ответственности.

10 мая 1942 года немцы неподалеку от Минска начали строительство концентрационного лагеря Малый Тростенец. Узников привозили от железнодорожной станции в специальных грузовиках. К моменту прибытия в лагерь они уже были мертвы. Специальные команды заключенных хоронили прибывших в огромных ямах. Факт существования Малого Тростенца был засекречен, только несколько лиц в рейхе знали о его

существовании. Не все знал огромный мир в темном мраке войны. В маленькой телефонной книжке ленинградской девочки Тани Савичевой значилось: «Женя, умер 28 декабря». «Бабушка, умерла 25 января». «Лека, умер 17 марта». «Дядя Вася, умер 13 апреля». «Дядя Леша, 13 мая». Последняя запись в телефонной книжке на букву «М»: «Мама, 13 мая в 7.30 утра. Савичевы умерли. Все мертвые. Осталась только Таня». Эвакуированная в Горький, Таня тоже умерла летом 1942 года. Все Савичевы умерли. Что, кроме скорби, ненависти к врагу и жажды мести могли оставить нам миллионы Савичевых нашей страны?

Москва. Победный декабрь

Официально зарегистрированные 133 тысячи случаев обморожения, естественно, ослабили германский фронт. Погода благоприятствовала советской стороне, например, в том, что обледеневшие германские самолеты стояли в чистом поле, в то время как, по меньшей мере, часть советских самолетов стояла в отапливаемых ангарах. Советская пехота имела громоздкие, но теплые ватники, неведомые немцам валенки, она перевозила часть своих пулеметов и боеприпасов на санках, некоторые части целиком встали на лыжи. Но изменение ситуации на фронте перед Москвой сделала возможным не погода, а неожиданное для немцев восстановление живой силы Красной Армии после невероятных потерь лета и осени. Резерв Жукова — двенадцать армий, собранных преимущественно из восточных частей страны — вот что ошеломило Федора фон Бока и его окружение, категорически не веривших, что русский гигант способен подняться.

Только через неделю после начала успешного контрнаступления под Москвой 13 декабря 1941 года Совинформбюро сообщило об ослаблении угрозы Москве. Самым счастливым днем советского наступления было одиннадцатое декабря 1941 года. В целом за шесть дней наступления советские войска возвратили четыреста городов и деревень. Продвигаясь по Волоколамскому шоссе, они освободили Истру. Полностью освободили зону канала Москва-Волга. К югу от Москвы была освобождена родная деревня Жукова Стрелковка. Наступающим войскам открылась потрясающая жестокость армии врага. Возникает то, что Илья Эренбург назвал «подлинной ненавистью к врагу». Один из немецких солдат вспоминает, что советские воины в атаке «ревели как нападающие быки». Хладнокровные англичане впервые в мировом конфликте увидели забрезживший свет. Выступая в палате общин, Уинстон Черчилль произнес впечатляющие слова: «Шесть месяцев боев показали, что Гитлер совершил одну из самых больших в истории ошибок». На весах мировой истории следовало оценить факт: более 55 тысяч немецких солдат погибло в битве под Москвой.

13 декабря в советской прессе появились фотографии военачальников, чьи войска успешно действовали против врага под столицей — Жуков, Рокоссовский, Говоров, Лелюшенко, Кузнецов, Болдин, Белов, Власов. Успех на крыльях почти улетевшей удачи вдохновил миллионы. На

несколько месяцев перечень освобожденных городов и весей позволил забыть общую едва выносимую картину. 15 декабря немцы были выбиты из Клина. На следующий день освобожден Калинин. 20 декабря германские войска были вынуждены оставить Волоколамск. Здесь, на Волоколамском шоссе, наступающие войска увидели качающиеся на ветру тела восьми комсомольцев, перешедших линию фронта с целью налаживания связи с партизанами. Немцы захватили юношей и постарались утратить местное население. Шесть недель их обмороженные тела говорили местным жителям не о неминуемой каре, а о немеркнущем мужестве молодых защитников страны. В Ясной Поляне, разграбленной и опустошенной, солдаты наступающих частей обнаружили горящие рукописи великого мыслителя, кладбище немецких солдат вокруг могилы русского гения. В Клину, в доме Чайковского, народ меломанов устроил мотоциклетный гараж.

А в лагерях для советских военнопленных гибли многие тысячи наших солдат. Часто гибли молча. «Русский солдат знал, — пишет английский историк М. Гилберт, — что для него плен означает смерть. Он знал и о ежедневном убийстве советских гражданских на оккупированных территориях. Он упорно сражался, чтобы отбить захватчика и избежать пленения». В лагере Хола (Польша) сто тысяч наших отцов были изгнаны в поле огромной толпой и предоставлены зимней стихии без питания и крова. Всех жителей окрестных польских деревень, пытавшихся бросить умирающим людям кусок хлеба, немцы убивали беспощадно. Умирающие пытались вырыть ямы в земле, чтобы укрыться от лютого холода, они жевали траву, они проявляли все виды инстинкта выживания. К концу декабря всех их приняла польская земля.

Окрыленная успешным зимним наступлением, Ставка уже 10 декабря попыталась спасти гибнущий от голода Ленинград. Жданов и генерал Хозин подтвердили, что сохранение германской блокады погубит Ленинград, где голод уже вел население на Голгофу. Давала надежду операция под Тихвином, освобожденным 9 декабря. Сталин вызывает в Кремль генерала Мерецкова и усаживает все командование обороной Ленинграда, начиная с Жданова, вокруг круглого стола. Шапошников начинает общую дискуссию. Главная выработанная в конечном счете идея сводилась к тому, чтобы к востоку от реки Волхов создать Волховский фронт, задачей которого было ослабление германского пресса на город. Следовало уничтожить немецкие части на восточном берегу Волхова, форсировать немалочисленные в болотистых этих краях реки, измотать германскую группу армий «Север» с конечной целью снятия блокады.

Неунывающий Мерецков возглавил Волховский фронт, ему были даны две армии, снимаемые с ярославского направления. Сталин пообещал Мерецкову, что после форсирования Волхова он получит еще одну армию и двадцать лыжных батальонов из резерва.

Гитлер — главнокомандующий

2 декабря Гитлер отбыл в Полтаву, чтобы обсудить отход танковой армии Клейста из Ростова. Клейст хотел занять более удобные оборонительные позиции в устье реки Бахмут, но Гитлер категорически запретил ему это. На юге Гитлер начинает практику приказов «стоять и не отступать», которая очень ему пригодится через несколько дней, когда гроза грянет под Москвой.

Происшедшее далее лишило Германию нескольких выдающихся военачальников. Главнокомандующий сухопутными войсками Браухич переживал период депрессии и униженности, которые преследовали его всегда, когда он находился рядом с фюрером. Следуя приказам последнего, Браухич потребовал от командующего группой армий «Юг» фельдмаршала фон Рундштедта вцепиться в свои позиции и прекратить отступление. Рундштедт, не зная, что его ответ попадет непосредственно в руки Гитлера, ответил, что выполнить данный приказ он не в состоянии. Слишком легко отданное распоряжение должно быть изменено, в противном случае он готов уйти с поста командующего группой армий. Ефрейтор поймал фельдмаршала на слове. Ранним утром 30 ноября Гитлер снял Рундштедта и вручил его пост фельдмаршалу Вальтеру фон Рейхенау. (Стоит заметить, что Рейхенау вечером того же дня сообщил, что не может удержать прежних позиций и просит о возможности отхода. Гитлер разрешил ему то, в чем несколько часов назад отказал Рундштедту). Рейхенау был более близок нацистам, его распоряжения не имели налета «аполитичности» юнкерской гвардии вермахта. Именно в его окружении восходит звезда Паулюса.

Первые дни советского контрнаступления Гитлер воспринимает как досадную задержку выполнения своих планов. Во всем виновата погода. Размышления Гитлера в эти дни достойны цитирования. «Большевиков можно смело сравнить только с животными; животные тоже временами нечувствительны, а поскольку Советскому Союзу не приходится заботиться о своем населении, он в определенном смысле превосходит нас». Но «завершение этого конфликта континентальных размеров не вызывает сомнений». Он еще благодушествует примерно до 15 декабря. Пока, как он говорит, нужно благодарить даже дурную погоду под Москвой — без нее германские войска продвинулись бы слишком далеко от своих баз и пришлось бы решать неразрешимые проблемы.

9 декабря Геббельс после беседы с Гитлером отмечает в дневнике: «Фюрер не воспринимает слишком трагически события восточной кампании». Погода играет против германской армии, но с весной она восстановит наступательные операции — на юге советско-германского фронта в апреле и против центрального сектора в середине мая 1942 года. Эти наступательные операции будут подготовлены столь тщательно, что одним ударом принесут Германии победу. Когда Геббельс говорит о недостатке зимней одежды, он видит, что Гитлер его уже не слушает, он уже весь в весеннем наступлении 1942 года.

Во второй половине дня 12 декабря Гитлер выступил перед своими гауляйтерами — его любимая аудитория, старые камрады, никакого снобизма, жадно ловят его слова. И опять он предпочитает говорить не о сложившейся под Москвой критической ситуации, а о весеннем наступлении. Да, он признал, что германские войска впервые в таких масштабах были отброшены назад, впервые они обороняются практически на всех фронтах. Но войска сохранены для грядущего весеннего наступления, для летнего решающего удара. В Германии создается новая танковая армия, конструкторы выпускают новые виды противотанковой пушки — прежние были неэффективны в противостоянии русским танкам. Главный тезис: в наступающем 1942 году Советская Россия будет сокрушена, а граница с ней пройдет по Уралу. «Тогда Европа будет стабилизирована» — Гитлер имел в виду, что Европа будет существовать как самодостаточная, хорошо вооруженная крепость, позволяющая в то же время вермахту производить операции на других фронтах. Посягательства на собственно Европу будут уже практически невозможными. А учитывая прогресс в деле создания зенитного оружия, можно надеяться на то, что британские авианалеты станут невозможными.

В доверительном тоне Гитлер объявил, что за годы войны он стал сильнее — испытания закалили его. Его ждут большие стройки. После войны он осуществит в Германии строительную программу, масштаб которой будет исключительно широк благодаря изобилию дешевого труда из завоеванных стран. Да, германский государственный долг составит колоссальную сумму в 200–300 миллиардов марок, но он будет покрыт «в основном народами, потерпевшими поражение». Низкооплачиваемые рабочие будут строить дома, которые будут продаваться с большим доходом для государства. В результате военный долг германского правительства будет выплачен за 10–15 лет. Самым большим призом Германии будет Восточная Европа. К востоку от Германии, на месте прежней России, будет лежать «новая Индия», которую предстоит «полностью германизировать на

протяжении жизни трех или четырех поколений». В этой Индии не будет места для христианской религии. По поводу последнего Геббельс записал в дневнике: «Совершенно ясно, что после войны будет найдено общее решение этого вопроса... Существует непримиримое противоречие между христианским и германско-героическим взглядом на мир».

На следующий день Гитлер не мог возвратиться в Вольфшанце из-за церемонии награждения японского посла Осимы Большим Золотым Крестом Ордена Германского Орла. В Восточной Пруссии, на своем командном пункте он оказался только утром 16 декабря. Как оказалось, с «новой Индией» придется подождать. Перед ним была реальность куда менее розовая, чем картина, нарисованная им верным гауляйтерам. Жуков бросил в бой решающие силы и добился желаемого перелома. Особенно беспокоился штаб вермахта (Оберкомmando вермахт — ОКВ) по поводу прорыва частей Красной Армии в стык 2-й и 4-й германских армий. Даже доблестный Гудериан докладывал о «потере в частях доверия к руководству» и об отчаянном состоянии германских войск. Фельдмаршал фон Бок дал реалистическую оценку соотношения сил группы армий «Центр» и советской стратегической группировки под Москвой. Если не придут значительные резервы, его войска ждет грозное будущее. Нужно признать, что Гитлер довольно быстро понял, что германская армия стоит на грани величайшей катастрофы.

С этого дня (16 декабря) на первый план германского командования выходит Гитлер. Еще на подъезде к Вольфшанце, в купе своего поезда (с нехарактерным для нацистского режима названием — «Америка») он пишет свой первый приказ «держаться и не отходить... Любое крупномасштабное отступление крупных частей армии в зимнее время, учитывая ограниченную мобильность войск, недостаточное военное оснащение и отсутствие заранее подготовленных позиций в тылу, неизбежно будет иметь самые суровые последствия».

Первый приказ Гальдеру в Вольфшанце: «Воля выстоять должна овладеть каждым воинским подразделением». Всеми силами держаться на имеющихся позициях и не отступать. Отступление возможно лишь там, где за плечами подготовлена линия обороны. Эти приказы немедленно поступили к командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу фон Боку (и к тому, кто скоро сменит Бока, — фельдмаршалу фон Клюге). Бок представил своему другу Браухичу прошение об отставке, «поскольку он не преодолел последствий болезни». Бок отстранен. Но новый командующий германской группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге немедленно стал испрашивать разрешения начать общий отход. Адьютант

Шмундт посылается вместе с Браухичем в штаб-квартиру группы армий «Центр» для выяснения обстановки на месте.

Но Гитлер не пожелал дожидаться их отчета и даже с начальником штаба сухопутных сил Гальдером не вступил в дискуссию. Он призвал командующего резервной армией генерал-полковника Фридриха Фромма с вопросом, какие войска могут быть немедленно посланы на Восточный фронт. Герингу и начальнику транспортной службы генерал-лейтенанту Герке было поручено организовать транспортное сообщение. С невероятной скоростью в Германии были найдены четыре с половиной дивизии резерва, еще девять дивизий переводились с Западного фронта и с Балкан.

В хорошую русскую пургу Гудериан за двадцать два часа прибыл этой же ночью к Браухичу в Рославль и потребовал приказа отступить. В этот вечер погруженный в депрессию главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич изложил по телефону Гитлеру свою точку зрения: группа армий «Центр» не сможет удержать свои позиции. Именно тогда Гальдер назвал Браухича «клерком, менее значимым, чем почтальон» — Гитлер с ним уже не совещался и связывался напрямую с командующими на местах по прямому телефону. Смысл приказов был однообразен и центральной группировке, и группам армий «Север» и «Юг»: отхода не будет, оборонительные линии держать, подкрепления уже в пути.

Гитлер объявил о «личной ответственности командиров, подчиненных им военачальников и офицеров осуществлять фанатическое сопротивление, отстаивая свои позиции, не обращая внимания на прорывы противника по флангам или в тыл». Этот приказ Гитлера поступил в войска в ночь с 16 на 17 декабря. «Не может быть вопроса об отступлении. Только в некоторых местах имеют место глубокие проникновения войск противника. Создавать оборонительные позиции в тылу — фантазия. Фронт страдает только от одного: у противника больше солдат. У него не больше артиллерийских орудий. Он воюет гораздо хуже, чем мы».

Бока было недостаточно. На примере Московской битвы он покажет спесивым прусским профессионалам, что может сделать человек, вооруженный волей. Гитлер отправляет в отставку командующего сухопутными силами Браухича (его сразило, помимо прочего, больное сердце и положение посредника между постоянно конфликтующими Гитлером и Гальдером). Своим наследником на посту главнокомандующего Браухич видел Клюге или Манштейна. Гитлер не любил Манштейна, несмотря на все его таланты. Некоторое время рассматривалась фигура фельдмаршала Альберта Кессельринга, известного оптимистическим и в то

же время твердым характером. Но нет.

Здесь следует неожиданность. В ночь с 16 на 17 декабря Гитлер назначает на пост главнокомандующего сухопутными войсками Германии себя. То ли чтобы подбодрить себя, то ли чтобы унижить своих генералов, Гитлер заявил, что «эта маленькая штучка оперативное командование не такая уж и сложная и этим ремеслом может овладеть каждый». Гальдер, понимая, что почва начнет гореть уже под ним (как последним представителем непосредственно управляющих войсками кадровых офицеров) внешне выразил полное одобрение. Его питали иллюзии. Гальдер полагал, что, будучи рядом с дилетантом, он не может не усилить своего влияния. (Как убедился Гальдер тотчас же, в этом стремлении воздействовать на фюрера он немедленно встретил сопротивление Кейтеля).

Но и Гитлер сделал рискованный ход. Как когда-то российский император Николай, став главнокомандующим, Гитлер не мог уже валить вину на других, он лишился удобной позиции «стоять над схваткой». Так или иначе, начиная с этого времени Гитлер начинает перегружать себя все новыми бездонными задачами, что в конечном счете неизбежно стало отражаться на качестве принимаемых им решений. Пожалуй никто из лидеров воюющих стран не напрягал себя в такой степени вхождением в детали и мелкие обстоятельства, что, с одной стороны, лишало его стратегического видения, а с другой, предопределило его физическое истощение в дальнейшем.

Массовое обморожение солдат стало первой конкретной задачей нового главнокомандующего. 20 декабря 1941 года Гитлер обратился к германскому народу с просьбой собрать теплые вещи для солдат на Восточном фронте. Геббельс перечислил, что необходимо в первую очередь. Это вызвало шок. Армия в Германии до сих пор была символом предусмотрительности. А теперь бравирующая своим профессионализмом военная элита, как оказывается, не предусмотрела даже распределения теплой одежды в холодной северной стране.

А Гитлер распался страсти в посланиях группе армий «Центр». «Фанатическая воля защищать свои позиции должна внушаться всем военнослужащим всеми возможными способами, даже жестокими... Где эта воля отсутствует, фронт начинает крошиться, теряя всякие возможности своей стабилизации на подготовленных позициях. Каждому офицеру и солдату должно быть ясно, что отход войск откроет опасность русской зимы в значительно большей степени, чем защита собственных позиций, сколь неадекватно экипированы ни были бы войска... Разговоры об

отступлении Наполеона могут превратиться в реальность. Поэтому отходить следует лишь на подготовленные в тылу позиции. Если войска будут отступать к позициям, худшим, чем их прежние, это породит кризис доверия к военному руководству».

На покидаемых участках фронта немцы прибегли к тактике «выжженной земли». Характерно, что совсем недавно Гитлер говорил о варварах, уничтожающих все при отходе. Теперь он приказывает своим отступающим войскам: «Каждый участок территории, отдаваемой противнику, должен достаться ему в таком состоянии, чтобы он не мог использовать его так долго, насколько это возможно. Все виды жилья должны быть сожжены дотла, уничтожены безо всякого внимания к нуждам местного населения ради лишения наступающего противника возможности отдыха». Еще раз Гитлер взывает к чувству расового превосходства. «Нет никаких оснований терять свое чувство превосходства над противником, постоянно доказываемое до сих пор. Напротив, следует укрепить повсюду справедливую уверенность в себе, мобилизовать волю справиться с врагом и со всеми трудностями, созданными погодой, дожждаться прихода подкреплений, необходимых для стабилизации фронта».

Было немало фанатиков, раболепно жертвовавших жизнями солдат. Но такие командиры, как Гудериан, предпочитали игнорировать самоубийственные приказы. Теоретик и практик танковой войны был известен тем, что отдавал собственные приказы, а объяснялся задним числом. 20 января Гудериан уведомил Гитлера, что необходим отход (он не сказал новому главнокомандующему, что его войска — вторая танковая армия — уже отступают). Гитлеру первый танкист вермахта говорит о возможных огромных потерях. Фюрер воззвал к прусскому Фридриху Великому: «Вы что же, думаете, что гренадеры Фридриха Великого очень хотели умирать? Они хотели жить, но король был прав, прося их принести себя в жертву. Я полагаю, что просто обязан просить германского солдата пожертвовать жизнью». Непокорность Гудериана привела к тому, что через неделю Клюге запросит о его отставке, что и было санкционировано. И не один Гудериан покинул военный Олимп Германии в этот страшный для нее декабрь. Помимо вышеупомянутых Гитлер снял со своего поста фельдмаршала Лееба (командующего группой армий «Север»), генералов Форстера, графа фон Шпонека, танкового генерала Гепнера. За отход войск они заплатились не только постами, но и военными пенсиями. Но Гитлеру уже более всего нужен был не признанный во всем мире немецкий профессионализм, а фанатическое самоисступление, пример которого он

подавал сам.

На других фронтах

Ценой великого упорства и больших жертв Красная Армия потеснила противника там, где немцы держались особенно упорно — именно на флангах. На правом фланге Жукова, где три реки, Москва, Руза и Лама покидают болотистую заводь, направление движения советских войск приобретает стратегическое значение. Не менее значимым по мере прохождения коротких зимних дней становится южный участок наступления. Здесь Жуков требует взять маленький Боровск, когда-то большой спутник Москвы, обойденный в прошлом веке железной дорогой и заснувший в печальном отдаленье. Еще более жадными глазами Жуков смотрит на Калугу, куда опасный Гудериан отошел со своими танками, но всегда мог вернуться.

Германское командование придавало особое значение южному — калужскому сектору. Для оттесненных от Волоколамска немцев, битва на лесисто-гористом, пересеченном текущими с Валдая реками северном участке казалась менее перспективной, чем маневренная война на плоском плато вокруг Калуги. Германское командование хотело видеть советские дивизии в поле, оторванными от своих баз, чтобы в очередной раз продемонстрировать свое превосходство в маневренной войне. В свою очередь Жуков хотел использовать оторванность Гудериана от центральной — четвертой германской армии и ринуться в прорыв, ведущий к Вязьме и шоссе, ведущему на Смоленск, и пробиться в германской тыл четвертой танковой армии. Кавалеристы генерала Белова получили особый приказ: «В ознаменование дня рождения товарища Сталина 21 декабря взять Одоев». Белову предписывалось далее форсировать Оку в секторе Лихвин — Белев и начать движение на Козельск во исполнение замысла прорыва в тыл четвертой германской армии. Впереди у кавалеристов были полторы сотни километров белого зимнего русского поля.

Первой в Калугу ворвалась 31-я кавалерийская дивизия; много конников, жаждавших битвы в чистом поле, погибли от упорно сопротивлявшихся в городских кварталах немецких пехотинцев. Жуков сообщает генералу Болдину: «24 декабря Ставкой получена информация о том, что немецкому гарнизону в Калуге отдан категорический приказ держаться в городе и не сдаваться. Верховное главнокомандование подчеркивает необходимость особой осмотрительности с нашей стороны. Необходимо мобилизовать всю энергию, чтобы разбить врага в Калуге на

отдельные части, не давать ему послабления и не позволить закрепиться ни в одном квартале». Складывается впечатление, что Сталин не очень хотел повторения клинских событий, когда наши части вынудили противника поднять белый флаг. В этой войне, в этой страшной битве за выживание на организованную сдачу войск — реликт прежнего рыцарства — стали смотреть с недоумением. Предпочтительнее стала казаться недельная жестокая битва в городской тесноте, не пощадившая ни города, ни бойцов обеих сторон. 30 декабря Калуга была освобождена.

Печаль и радость соседствовали рядом. Печаль от страшных разрушений великой битвы — сожженные избы, обгоревшие кварталы, порушенные мосты, вывороченные столбы, гарь и тлен. Радость от взгляда на живую технику, только что служившую врагу, — танки, пушки, минометы, кое-где нетронутые склады. Но триумфальные ноты погасли достаточно быстро, и грустная реальность неумолимо напомнила о себе. Да, немцы отпрянули от белокаменной, но общее состояние дел — итог горестного 1941 года — могло смутить кого угодно. Взгляд на карту радовать не мог. Протянувшаяся от моря до моря линия фронта имела устрашающий вид. Эта линия пролегла от пригородов Ленинграда по подмосковным лесам до устья Дона на юге. Да, русская армия отступала и в трагическом 1915 году, но тогда она теряла русскую Польшу, а сейчас в руках противника находился Минск, Киев, Смоленск. Дальше продвигался только Наполеон. И немцы всеми своими действиями стремились показать, что аналогии с императором французов неуместны. Они стремились консолидировать захваченное, создавали инфраструктуру. Их зверства на оккупированной территории говорили как бы о том, что они пришли как хозяева, пришли навсегда, готовы на все военные крайности и не ждут пощады, так как сами владеют своим будущим.

Эмоциональное охлаждение постигло многих, но не верховного главнокомандующего. Сталина чрезвычайно впечатлила Московская битва. Ему, видевшему поражения русских армий, являвшемуся свидетелем страшной боевой силы германской армии в 1914–1918 и 1939–1941 годах в борьбе с лучшими армиями мира, было достаточно непривычно и отраднo видеть резко возросшую боевую мощь русской армии. Его взрывной темперамент переживал период подъема. Он воочию увидел отступление германских генералов, до того покоривших всю Европу. Теперь он был настроен оптимистически, он верил, что врага можно будет надломить до степени стратегического успеха. Сталин взял на себя личный контроль за уничтожением германской группы армий «Центр». В эти дни Сталин часами стоял вокруг карты столь знакомых русских земель, где, по его

мнению, сейчас решалась судьба войны. На него производили большое впечатление сообщения о деморализации германских войск, он верил, что этой зимой немцам не удастся закрепиться на линии обороны. Собственно говоря, так думали и многие германские генералы по противоположную сторону фронта. Эти часы молчаливого созерцания карты не могли не вызвать у Сталина реминесценций о той Отечественной войне, в которой даже гений Наполеона оказался бессильным перед русской природой и природой русского народа.

Не лобовым напором должна была решиться судьба войны. Следовало зайти армиям группы «Центр» в тыл с севера, со стороны осажденного Ленинграда. Именно из операции по снятию блокадного кольца вызревал план крушения всех германских войск. Для концентрации всех возможных сил Сталин призвал Жукова, Тимошенко и Конева — лучшее, что он имел. Им было приказано активизировать контрнаступление на северном участке и в центре. На северный фланг 16 декабря была переведена танковая армия Лелюшенко, а Жуков в центре отдал приказ выйти на рубеж Бородина и Малоярославца — такие звучные для русской армии названия. Если немцы смотрели на Калугу, Козельск и Юхнов со всей серьезностью как на центр русского контрнаступления, то Сталин видел здесь пробу потенциальных возможностей второго плана. Главным для него становится выдвижение навстречу друг другу двух фланговых крыльев — координированные наступательные действия Волховского фронта с севера на юг и северной подмосковной группировки из района Калинина с юга на север.

Утром 20 декабря танки Катуква ворвались в Волоколамск, и в тот же день погиб генерал Доватор, чья кавалерия так блистательно действовала в германском тылу. Наверное, только воля Жукова могла повести вошедшие наконец в Волоколамск войска еще дальше на запад, где истинный стратег Московской битвы не желал знать крайней точки своего великого наступления. Соответственно, Калининский фронт Конева обрел во второй половине 1941 года независимую стратегическую роль как левый фланг предполагаемой операции между Калинином и Ленинградом. Прежде чем броситься на север, следовало попытаться броском на Ржев зайти в тыл девятой германской армии. Сталин передал Коневу танковую армию Лелюшенко. Но немцы жестко уцепились за оборонительную линию по рекам Руза и Лама, замедляя в 20-х числах декабря решение местной задачи Конева. Это гарантировало 9-ю немецкую армию от обнажения своего тыла. 35 дивизий Конева затормозили свое движение к излучине Волги. Левее, на центральном участке решающей судьбу страны подмосковной битвы Западный фронт Жукова с 56 дивизиями стоял на 250-

километровом фронте от Волоколамска до Оки. Южнее Жукова 18 декабря 1941 года был восстановлен под командой генерала Черевиченко Брянский фронт в 25 дивизий, ориентированных на Орел.

Это были огромные силы, но и потери Красной Армии в этой отчаянной битве на выживание приобретали грандиозные размеры. В дивизиях насчитывалось 3–4 тысячи человек, в бригадах было уже менее тысячи бойцов, в некоторых танковых бригадах на боевом счету был лишь один танк Т-34. Рокоссовский в конце декабря докладывает, что у него в батальонах «осталось меньше дюжины людей». В 112-й танковой дивизии в строю остался один танк Т-34 и пятнадцать танков Т-26. В 3-й армии, устремившейся в составе Брянского фронта к Оке совокупная численность всех пяти дивизий составила 16 028 солдат и 82 пушки. С такими силами трудно было рассчитывать на запланированный к 5 января 1942 года выход в орловско-курский регион. Только у Конева, на которого Сталин возлагал особые задачи, в дивизиях был десяти тысячный комплект. Наилучшим образом в данном смысле обстояли дела у столь симпатичного Сталину Еременко: его Четвертая ударная армия была укомплектована на зависть соседям.

У Сталина в этот критический момент в резерве были три армии и гарнизон Москвы. Их он готовил бросить в бой только в двух случаях: если силы понадобятся Жукову для решающего захода в тыл германской группы армий «Центр», или в случае необходимости поддержки Конева в грядущей совместной операции с Волховским фронтом. Возможно, у Сталина на фоне частично беспорядочного отступления немцев (и явного отсутствия у них резервов) мелькнула радужная мысль о решении судьбы войны в эту короткую зимнюю кампанию. Но если такие иллюзии и посещали его, то ненадолго. Слишком мрачной и суровой была реальность. Немцы дрогнули, но не покатались в беспорядочном бегстве. И они не позволили крупным советским силам пробиться в свой тыл.

Между тем город на Неве вступил в страшную блокадную зиму. Следовало что-то делать. Оперативная директива Ставки по Волховскому фронту была готова 17 декабря. Северо-Западному фронту генерала Курочкина вменялось в обязанность выступить синхронно с Волховским фронтом. Курочкин — опытный генерал — был поражен широтой общего замысла Ставки. Деблокада Ленинграда была лишь первой частью операции, конечной целью являлся выход в стык северной и центральной групп германских армий, в перспективе продвижение в глубокий тыл германской группе армий «Центр», венчающееся овладением находящегося в далеком германском тылу Смоленска. Поставленная задача звучала так:

«Перерезать пути отступления противника, чтобы не дать ему возможности удержать заранее подготовленные оборонительные линии вдоль озера Отолово, Андреаполь, западный берег Западной Двины, Ярцево. Следующий удар должен быть нанесен на Рудню, с тем чтобы отрезать Смоленск с запада».

Войска Курочкина находились в самом сложном положении. Перед его фронтом стояли болота и замерзшие озера, а перемещение резервов было возможно лишь по железнодорожной колее Ярославль — Бологое, перегруженной до предела и нещадно бомбимой германской авиацией. А впереди, под Демянском, его ждало не только непроходимое бездорожье, но и пять высококлассных германских дивизий. В лютom морозе второй половины декабря две ударные и две пехотные армии Курочкина развернули кипучую деятельность по подготовке к удару, который, по замыслу Ставки, должен был венчать московскую операцию. Как мы знаем теперь, Курочкин скептически относился к предложенному плану. Слепое русское бездорожье на этот раз препятствовало готовящимся к прорыву армиям. График подвоза боеприпасов и техники нарушался настолько безбожно, что соответствующие командиры вскоре предстали пред трибуналом. В войска не завезли продовольствия. Командовавший Курочкиным под Смоленском генерал Еременко теперь возглавлял подчиненную ему 4-й ударную армию; этому любимцу Сталина прощались многое.

Пирл-Харбор

Руководство далекой азиатской страны, тысячелетия не знавшей военных поражений, сделало важнейшие для себя умозаключения: Германия окончательно побеждает в Европе, Россия исчезает как фактор мировой политики, Британия отступает на всех фронтах, изоляционистская и материалистическая Америка не сможет в одночасье превратиться в военного гиганта — такой шанс бывает раз в тысячелетие. Тем более в стране разлилось недовольство санкциями Соединенных Штатов. И Япония сделала свой выбор.

Обычно скрупулезные японцы сделали свой последний дипломатический шаг неловким. В Токио предполагали, что в полдень 7 декабря 1941 года посол Номура передаст госсекретарю К. Хэллу состоящую из четырнадцати параграфов финальную ноту. Однако Номура попросил государственный департамент об отсрочке встречи до 13 часов 45 минут. Его шифровальщики запаздывали с подготовкой ноты, объявляющей состояние войны. Государственный секретарь Хэлл, благодаря декодированию японского шифра, уже знал, что ему предстоит услышать, и согласился ждать сколько угодно. Ему трудно было представить себе степень японского коварства. В это время американские моряки Тихоокеанского флота США спали, завтракали и читали газеты воскресного Гонолулу. Немногие из них подняли голову, когда 189 японских бомбардировщиков зашли со стороны солнца над основной американской базой на Гавайских островах.

Император Хирохито включил свой коротковолновой приемник. В 1 час 5 минут по вашингтонскому времени первая эскадрилья японских бомбардировщиков увидела северную часть одного из Гавайских островов — Оаху, на южном побережье которого в Пирл-Харборе стояли на рейде основные корабли Тихоокеанского флота США — 90 кораблей, в том числе восемь линкоров, два современных тяжелых крейсера, шесть легких, тридцать миноносцев, пять подлодок. Командир эскадрильи, глядя на плотное скопление судов, подумал: «Разве американцы никогда не слышали о Порт-Артуре?» В 1 час 10 минут были открыты бомболуки. Летчики хорошо помнили огромную модель Пирл-Харбора, построенную на северном побережье Японии еще в предшествующем октябре. По радио, впервые нарушая запрет о молчании, прозвучало: «То-то-то» (это означало трижды повторенное «Атака») — и первая волна пошла на цели с разных

углов.

Уверенность японцев в успехе своей внезапной атаки была такова, что следующим в эфир, наполненный американской музыкой, понесся сигнал «Тора, тора, тора» — трижды повторенное слово «Тигр». Это было заимствование из китайского эпоса, в котором одна из пословиц гласила: «Тигр может рычать в дальнем далеке, на расстоянии трех тысяч миль, но он обязательно возвратится домой». Император Хирохито, услышав этот сигнал, выключил радио и пошел спать. Ценой потери 29 самолетов японцы вывели из строя пять линкоров, три эсминца, авианосец, тральщик, 200 самолетов. После третьего захода японцев Тихоокеанский флот Америки потерял пять тысяч моряков. Три минуты спустя после начала бомбардировки Пирл-Харбора контр-адмирал П. Беланджер получил извещение, которое передал в Вашингтон: «Воздушный рейд на Пирл-Харбор. Это не маневры». Так началась война на Тихом океане.

В стране Восходящего Солнца император обратился к нации со словами: «На нас сверху смотрят святые духи наших имперских предков. Мы полагаемся на лояльность и мужество наших подданных и надеемся, что задача, поставленная нам нашими предками, будет осуществлена». Премьер Тодзио заявил по радио, что американцы спровоцировали японское выступление. В императорском рескрипте о начале войны с США и Британией говорилось, что целью боевых действий является создание зоны мира и стабильности в Восточной Азии и защита этого региона от американско-английской эксплуатации. Эта тема сделалась основной в пропагандистской войне Токио. Во главе Великой Восточноазиатской сферы процветания должна встать Япония — лидер на всех направлениях, от военной экономики до культуры. Вокруг японского лидера должны были, согласно японским представлениям, сгруппироваться благодарные сателлиты, в большей или меньшей мере зависящие от Токио.

В мировой борьбе произошел тектонический сдвиг. Япония, военной мощи которой так опасался Сталин, своими действиями привела в лагерь противников «оси» Берлин-Токио-Рим великую заокеанскую державу. Самоослепление самураев, преступная гордыня японского милитаризма повернула события таким образом, что у стоящей на краю пропасти России появился великий союзник. Японские летчики в Пирл-Харборе топили не стальные корабли, а собственную судьбу. Черчилль, узнав о Пирл-Харборе, не смог спрятать своего волнения — в присутствии американского посла Гарримана он позвонил в Белый дом с выражением величайшего удовлетворения по поводу органически складывающегося военного союза, на что президент Рузвельт ответил: «Теперь мы в одной лодке».

Еще четверть века назад британский министр иностранных дел сэра Эдуард Грей говорил молодому тогда Черчиллю: «Соединенные Штаты — это гигантская топка. Стоит ей разгореться — и нет пределов энергии, которую она сможет породить». Позже Черчилль напишет: «Иметь Соединенные Штаты на нашей стороне было для меня величайшей радостью... Теперь я знал, что Соединенные Штаты погрузились в войну по переносицу и будут в ней до конца. Итак, мы победили в конце концов!.. Гитлер обречен. Муссолини обречен. Что касается японцев, то они будут стерты в порошок... Я пошел к кровати и спал сном спасенного и исполненного благодарности человека».

Нападение на Пирл-Харбор буквально наэлектризовало США. Адмирал Хэлен заявил, что теперь на японском языке будут разговаривать только в аду. Президент Рузвельт заявил законодателям, что дата 7 декабря «будет навсегда датой позора», поскольку Япония начала неспровоцированную атаку в то время, когда японская делегация по своей же просьбе вела мирные переговоры в Вашингтоне. «Соединенные Штаты Америки были внезапно и предумышленно атакованы». Рузвельт постарался сделать объявление войны кратким и выразительным. Его мысли лежали уже по другую сторону прежнего мира: страна входила в коалицию великих держав, которым суждено было сокрушить фашизм и установить новый политический порядок. Но входила она достаточно осторожно — Рузвельт не помянул в своей речи Германии и Италии (хотя на этом настаивал такой влиятельный член его кабинета, как Г. Стимсон). Конгресс возмущенно и дружно объявил состояние войны.

Стратеги начали подсчитывать ресурсы. Цифры говорили о примерном равенстве. В японских вооруженных силах к декабрю 1941 года насчитывалось около 2,5 миллиона человек. ВМС Японии состояли из 10 авианосцев, 10 линейных кораблей, 37 крейсеров, 110 эсминцев, 63 подводных лодок. ВВС подчинялись преимущественно флоту, не будучи выделены в особый род войск. У Японии было более 5 тысяч самолетов, из них 575 — на авианосцах. В это же время в быстро развертывающихся вооруженных силах США пока служило 1,7 миллиона человек, но эта цифра неумолимо росла. В американских военно-морских силах насчитывалось 6 авианосцев, 17 линейных кораблей, 36 крейсеров, 220 эсминцев, 114 подводных лодок, в ВВС США — 13 тысяч самолетов. Но значительная часть американских вооруженных сил была прикована к Атлантике. Собственно на Тихом океане японскому агрессору противостояли совместные силы американцев, англичан и голландцев — 22 дивизии (400 тысяч человек), около 1,4 тысячи самолетов, 4 авианосца с

280 самолетами, 11 линейных кораблей, 35 крейсеров, 100 эсминцев, 86 подводных лодок.

Авантюризм и самонадеянность стран «оси» сказались, помимо прочего в отсутствии хотя бы минимальной координации на глобальном уровне. Награждая друг друга немислимыми орденами, японцы и немцы не доверяли друг другу самые общие сведения о направлении своих стратегических ударов.

Гитлер узнал о японском нападении на Пирл-Харбор вечером в воскресенье, 7 декабря, и немедленно позвонил Геббельсу, восторженно оценивая произошедшее. Его восторг был искренним: «Теперь мы не можем потерпеть поражение в войне. С нами союзник, который не знал поражений 3 тысячи лет». Теперь японцы полностью свяжут Соединенные Штаты на Тихом океане и американцам будет не до европейского театра военных действий. Британия будет ослаблена на Дальнем Востоке и на восточных подходах к Индии. Америка и Британия не смогут оказать помощь изолированной Германией и Японией России. У вермахта абсолютно развязаны руки сделать со своим противником все, что угодно. Геббельс размышлял в том же ключе: «С началом войны между Японией и США произошло полное смещение сил на мировой арене. Соединенные Штаты отныне будут не в состоянии предоставлять военные материалы Британии, не говоря уже о Советском Союзе».

Гитлер приказал созвать сессию рейхстага. 8 декабря он покинул Вольфшанце, отправился поездом в Берлин и прибыл на вокзал Анхальтер утром 9-го. Во время полуденной встречи с Геббельсом Гитлер сиял. Геббельс записывает: «Так хорошо после многих дней неприятных новостей встретиться с ним сейчас». Предстояло решить, как отреагировать на благоприятно изменившуюся мировую ситуацию.

Весной 1941 года Гитлер дал прибывшему в Берлин с визитом министру иностранных дел Японии Мацуоке обещание «сделать соответствующие выводы», если Япония вступит в конфликт с США. В сложившихся обстоятельствах он, в принципе, мог игнорировать трехсторонний пакт, нарушать свое слово ему уже приходилось. Да и потом, если следовать тексту этого пакта буквально, Германия и Италия должны прийти на помощь Японии только в случае нападения на нее. Пирл-Харбор никак не был случаем такого нападения. Это был не столь частый в истории случай, когда у Германии руки, строго говоря, не были связаны. Гитлер не был обязан объявлять войну Соединенным Штатам. Так и советовали некоторые приближенные. Немалое число влиятельных немцев не хотело иметь США открытым врагом, их у Германии было

достаточно. Скажем, Риббентроп колебался в выборе позиции. Между 8 и 11 декабря 1941 года в Берлине шли ожесточенные споры.

Но дьявол уже увлек Гитлера, и он не мог ни думать, ни говорить ни о чем другом. Если Германия держалась в Европе в 1914–1918 годах, имея против себя и Америку и Японию, то сколь выгоднее положение Германии, когда Япония на ее стороне и крушит американские и британские позиции! Ведь это оставляет Советскую Россию один на один с Германией. Это шанс, и им нужно воспользоваться. Уже в ночь с 8 на 9 декабря Гитлер отдал приказ германским подводным лодкам топить американские суда. Риббентроп явно цитировал Гитлера, когда сказал своему заместителю Вайцеккеру, что «великая держава не позволяет, чтобы ей объявляли войну, она сама объявляет ее». Все опасения перевесило то обстоятельство, что Япония завяжет США на тихоокеанский регион, давая Германии большие возможности в Европе. Согласно обнародованным в Нюрнберге документам, Гитлер утверждал, что «главной причиной» объявления войны Соединенным Штатам было то, что те «уже топили наши корабли. Они стали мощным фактором в этой войне и своими действиями они уже создали ситуацию военного характера». Важным было и то, что Германия никак не отвлекала сил на помощь Японии на Тихом океане. Следовательно, рассуждал Гитлер, объявление войны Америке не будет означать дренажа столь необходимых ресурсов. По этой логике Японию нужно было поддержать. (Отметим, что даже в этот момент провозглашения союзной солидарности Гитлер не без презрения говорил о желтых, возомнивших себя равными белым. Что касается Америки, то нацисты всегда рисовали ее иудаизированной и смешанной с негроидной расой).

Все эти обстоятельства и соображения сфокусировались в речи Гитлера перед рейхстагом в четверг, 11 декабря 1941 года, которая продолжалась полтора часа. Первая половина этой речи была посвящена оценке положения в мире до декабря 1941 года. С началом войны против Советского Союза Германия потеряла, сообщил Гитлер, 160 тысяч солдат (явное преуменьшение). Но она овладела грандиозными пространствами и почти поставила Россию на колени. Вторая половина речи была посвящена Рузвельту и «сатанинским махинациям евреев». В конечном счете, Германия воюет за свои права. «И она обеспечит себе эти права даже если тысячи Черчиллей и Рузвельтов вступят в заговор против нее... Сегодня вечером американский поверенный в делах получил паспорта». Весь состав рейхстага вскочил на ноги, слова вождя потонули в овациях. По мнению Геббельса, речь Гитлера оказала «фантастическое» воздействие на

германский народ.

Между тем происшедшее говорит только о том, что нацистские главари жили в собственном мире. Человек, от которого зависела судьба Германии, сделал еще один роковой шаг к своей гибели. Объявление войны Соединенным Штатам означало, что все ресурсы этой огромной страны будут направлены на дело победы над агрессорами. СССР получил мощного союзника. Не потерявшие ориентации в мире немцы не могли не ощутить нового характера войны на Востоке, и их едва ли радовало появление у Германии еще одного мощного противника. Сам Геббельс начинает ощущать понижение морального уровня.

Получив из Берлина объявление войны, Рузвельт послал письменную просьбу в конгресс, и тот признал состояние войны между США и Германией. Многие американцы (и не только они) с большим основанием посчитали данные действия Гитлера глупостью колоссальных пропорций. Гитлеровское объявление войны разрешило трудности тех американцев, которые рассматривали Германию в качестве наиболее опасного звена «оси», но не видели возможности убедить сенат объявить ей войну. «Наконец-то наши враги с неподражаемой глупостью разрешили наши дилеммы, заставили отбросить сомнения и колебания, объединили наших людей для долгой и тяжелой работы, которую требовали наши национальные интересы», — пишет Черчилль.

Итак, Соединенные Штаты вступили в мировую борьбу. Президент Рузвельт послал в конгресс военный бюджет небывалого объема: 109 миллиардов долларов — никто нигде и никогда не расходовал в год столько средств на военные нужды. Крупнейшие корпорации распределили между собой заказы — «Боинг» стал готовиться к выпуску Б-17 («Летающая крепость»), а позднее — Б-29 («Сверхкрепость»); «Консолидэйтид» производила бомбардировщик Б-24 («Либерейтор»); компания «Норт Америкен» — П-51 («Мустанг»).

Не менее важным стало более тесное сотрудничество Америки с уже воюющими противниками стран «оси». Особенно активно происходило сближение военного планирования и материального обмена между США и Британией. Накануне Рождества 1941 года двое (из трех) ведущих лидеров антигитлеровской коалиции — Рузвельт и Черчилль — начали секретные переговоры стратегического характера. Сутью этих первых тайных дипломатических усилий по сближению позиций США и Британии стало определение того, «кто есть кто» в коалиции, направление стратегического планирования, определение целей войны. Рузвельт постарался избежать употребления в создаваемом документе слов «военный союз». С самого

начала он (подобно президенту Вильсону в 1917 году) стремился дать понять, что Америка не считает себя жестко связанной союзническими обязательствами. Существенными виделись лишь следующие договоренности: не заключать сепаратного мира и рассматривать фашистскую «ось» как единое целое.

Разумеется, западные союзники делились своими оценками той страны, которая в данный момент сдерживала основную мощь Германии, той страны, от выживания которой зависело будущее и англосаксонского мира. Президент и премьер-министр обратились к анализу положения третьего из главных участников складывающейся коалиции — России. Разведка и радио сообщали о жестоких боях на советско-германском фронте, об отступлении немцев под Москвой. Рузвельт сказал, что Сталин возглавляет «очень отсталый народ», и это многое объясняет. Но Россия — огромная страна, и мир будущего можно построить только в союзе с ней.

Черчилль, как и после Первой мировой войны, считал что «гранды» современного мира могут обеспечить свои интересы посредством союза наций в организации глобального охвата — идея, чрезвычайно близкая и Рузвельту. Этой организацией предстояло стать ООН. Вечером первого дня 1942 года президент Рузвельт, премьер-министр Черчилль, посол СССР М. М. Литвинов и китайский посол Т. Сунг подписали в кабинете Рузвельта документ под названием «Декларация Объединенных Наций». Так складывалась антигитлеровская коалиция. Название «Объединенные нации» пришло к Рузвельту когда он вкатился в покои Черчилля на коляске, а премьер-министр, только что принявший душ, нашел новое название более впечатляющим, чем «Ассоциированные нации». Черчилль тотчас же извлек из своей бездонной памяти строки Байрона, воспевавшего «меч объединенных наций будущего».

Главным практическим итогом встречи Рузвельта и Черчилля было создание англо-американского объединенного комитета начальников штабов для «определения общей стратегии». Две страны объединяли ресурсы для совместных действий. В случае возникновения противоречий, говорил совместный документ, «президент и премьер-министр обязуются разрешить их между собой». Создавался Объединенный совет распределения военных материалов (с отделениями в Вашингтоне и Лондоне), ответственный за сырьевые ресурсы, промышленную продукцию, морской транспорт, распределение продуктов питания.

На том этапе Черчилль был согласен обсуждать мировую стратегию лишь с Рузвельтом. Такое состояние дел в выработке союзнической стратегии не устраивало многих. Пожалуй, первыми это выразили

китайцы. Генералиссимус Чан Кайши получил звание верховного главнокомандующего союзными войсками на китайском фронте, и он немедленно выразил желание участвовать в выработке большой союзной стратегии. Напрасные усилия. С точки зрения статуса наиболее привилегированного союзника у Англии в США не было конкурентов. Когда правительство Чан Кайши попыталось превратить дуумвират и триумвират, эти «поползновения» были отвергнуты на том основании, что, находясь в отдаленном и плохо связанном с внешним миром регионе, Китай не может быть членом клуба, главной задачей которого является мировое распределение ресурсов. Созданные в Вашингтоне органы не пошли на включение в свое число и других Объединенных наций, в частности Советского Союза.

Цунами

Пока американский гигант расправлял плечи, потрясенный мир увидел нечто труднообразимое — безудержную и эффективную японскую экспансию — на взлетных полосах Манилы горели самые современные бомбардировщики США в Азии — Б-17, японские десанты овладевали территориями в колоссальном радиусе — от Алеутских островов до Бирмы. 10 декабря 1941 года 400 японских солдат морской пехоты десантировались на побережье американского острова Гуам (Марианские острова), и после трехчасового боя 430 военно-морских пехотинцев США сдались. А через несколько часов отборные части японцев высадились на главном острове Филиппин — Лусоне, в его северной части. Американцы предпочли без боя переместиться на юг.

Началось воздушное и наземное наступление на крупнейшую в мире базу англичан в Сингапуре и на стоящий «на пути» Гонконг. В южном Таиланде генерал «тигр» Ямасита, быстро увеличивая плацдарм, двигался к дороге, соединяющей Бангкок с Сингапуром. Около ста американских самолетов было разбито японской авиацией во время налета на филиппинские базы. Япония овладевала контролем над воздушным пространством огромной азиатско-тихоокеанской зоны. В небе не было истребителей, равных японским «Зеро», а бомбардировщики «Мицубиси» вовсю использовали свой китайский опыт. Основные аэродромы американцев и англичан либо были разгромлены, либо находились под постоянным прицелом. Отступление англо-американцев в Азии было обескураживающим.

Японцы ошеломили всех своей мобильностью, упорством, самопожертвованием, технической оснащённостью. К концу декабря 1941 года японские десантные силы приблизились к коралловому атоллу Уэйк, находящемуся на пути клиперов с Гавайских островов к Филиппинам, и после кровопролитного боя взяли в плен примерно полторы тысячи американцев. 15–16 декабря пали два британских протектората — Саравак и Бруней; 18 декабря под прикрытием дыма от горящих нефтехранилищ японцы форсировали пролив и ворвались в Гонконг. Между 23 и 25 декабря японские части высадили десант на Лусоне, бомбардировали Рангун в Бирме, продвинулись вплоть до голландского Борнео.

Японцы продолжали феноменальную череду побед на протяжении всех первых месяцев 1942 года. Они высадились на Борнео и продолжали

распространять влияние над голландской Ист-Индией, взяв при помощи воздушного десанта город Манадо на Целебесе. Через несколько дней они вошли в филиппинскую столицу Манилу, начали наступление против американских войск на Батаане и нанесли удар по Рабаулу — стратегически расположенной базе англичан в архипелаге Бисмарка. В Малайе британские войска оставили Куала-Лумпур.

Все эти сообщения наполняли германское руководство восторгом. Они не ошиблись. Их союзник завладел стратегической инициативой, и расчет Гитлера на то, что японская ярость полностью поглотит самонадеянных янки, казалось, сбывался. Вермахт получал необходимое время для того, чтобы прийти в себя после Московской битвы и решить судьбу войны против СССР в тщательно подготовленной летней кампании.

Уверенность Сталина

25 декабря завершилась первая фаза — победная и наступательная — советского контрнаступления под Москвой. Для понимания последующей фазы битвы под Москвой следует сказать, что обе стороны весьма неточно представляли себе конфигурацию противостоящих сил. Жуков полагал, что немцы сильнее всего на флангах. Он был прав относительно немецкого левого фланга — сил, сосредоточенных на западе от Калинина. Германские силы концентрировались наиболее мощно именно здесь и в центре, от Лотошина до Наро-Фоминска. Советское командование завывало силы, противостоящие советскому левому флангу на калужско-тульском направлении. Именно здесь Красная Армия в 20-х числах декабря 1941 года была ближе всего к тому, чтобы обратить немцев в безнадежное паническое отступление. Район Козельск — Сухиничи едва не оказался гибельным для германской армии — на этом направлении наступающие советские войска встретили практически импровизированную оборону, едва сколоченную из полка дивизии СС «Гроссдойчланд», четырех рот железнодорожных войск и роты полевой жандармерии. Давление в этом направлении могло иметь для немцев непоправимые последствия. Наверное, если бы Жуков знал эту диспозицию, он усилил бы именно левый свой фланг и нанес удар там, где немцы были заведомо слабее. Но центр советского наступления пал на линию Лотошино — Волоколамск — Руза. Сталин и Жуков стали считать продвижение до линии Ржев — Вязьма своей главной задачей.

После первых дней заслуженного и ослепительного успеха наступающих в подмосковных лесах войск Сталину стало казаться, что возможно все, что становится достижимым немислимое вчера. Что лишенный серьезной резервной базы вермахт может рухнуть в России так же быстро, как и поднялся над нею. Велик был соблазн верить в скорый финал невиданной драмы. Никто кроме него не посмел бы придать самым немислимым своим мечтаниям очертания практических действий. Только Сталин — и никто другой — мог выдвинуть идею покончить с центральной группировкой немцев уже сейчас, на крыльях осенившей всех московской победы. Только Сталин мог приказать готовиться к финальному уничтожению всего того, что фельдмаршал Бок привел под Москву. Соответственно, директивы командующим фронтами предлагали устроить немцам почти наполеоновский финал.

Идея широкого наступления с решающими результатами дала толчок общему стратегическому видению. В критический для страны час, когда судьба Москвы висела на волоске (4 декабря) Сталин демонстрирует немалую силу характера. Он уже не спрашивает Жукова, выстоит ли Москва. Мы видим Сталина вновь уверенным в будущем, размышляющим о послевоенных границах СССР, обеспокоенным (именно так рано) непримиримостью лондонских поляков. Он старается заглянуть за горизонт непосредственных событий. Сталин при прибывшей в Москву польской делегации генерала Сикорского отчитал генерала Панфилова за плохое снабжение польских войск. На обеде в честь польской делегации он почти дружески уговаривает польских генералов, уводящих из России столь нужные в данный момент дивизии, созданные из прежде заключенных в советских лагерях поляков воинские части, которые могли бы усилить советский фронт: «Мы вместе определим нашу новую общую границу еще до мирной конференции... Давайте пока прекратим обсуждать этот вопрос. Не беспокойтесь, мы не обидим вас... Я пожилой человек, и у меня есть опыт. Я знаю, что, если вы выходите в Персию, вы уже никогда не вернетесь. Я вижу, что у Англии большие планы, и она нуждается в польских солдатах».

Жесткость польских генералов в конечном счете его раздражила. «Получается, что русские могут лишь угнетать поляков и не могут сделать им ничего хорошего. Тогда убирайтесь! Мы справимся и без вас... Мы решим свои проблемы сами. Мы отвоюем Польшу и вернем ее вам». Что касается английских планов в отношении польских воинских частей, то Сталин почти пророчески предупредил поляков еще 3 декабря: «Завтра японцы нанесут удар, и поляки будут умирать в Сингапуре». После этого Сталин довольно неожиданно развернул острие своего гнева против англичан и стал убеждать присутствующих, что лучшими летчиками являются славяне — «...молодая раса, еще не утомленная... Немцы сильны, но славяне сокрушат их». Сталин не согласился с утверждением Сикорского, что «французы — конченный народ». Уход поляков через Каспий не мог не огорчать Сталина, внутренне он явно испытывал горькие чувства. Позже Сикорский скажет Черчиллю, что Сталин уже подозревал в уходе столь необходимых на советско-германском фронте поляков «интриги англо-американцев».

Еще более отчетливо стало ощущаться зарождение будущих противоречий во время визита в Москву британского министра иностранных дел Идена в середине декабря. Британский Форин-офис уже был обеспокоен опасениями советского руководства в отношении особых

отношений Британии с США. Мы впервые в ходе войны видим достаточно жесткого в отношении союзников Сталина. Он потребовал от Лондона объявления войны Финляндии, Румынии и Венгрии, равно как более четкого определения целей войны и послевоенных планов. Одновременно и черчиллевское руководство проявило первые опасения. В Лондоне уже бродили слухи о будущих советских базах в Норвегии, Финляндии и Прибалтике, о ревизии конвенции Монтре (о Босфоре и Дарданеллах), о требовании выхода к Персидскому заливу. Посол Майский старался развеять эти ранние тревоги, смягчить тяжелые впечатления, он напоминал сталинскую самооценку, данную в беседах с поляками: «Я грубый».

Но дипломатия лишь ненадолго отвлекла руководство страны. Война на выживание не терпела отвлечения. Верховный Главнокомандующий уже весь был во власти сходящихся ударов Волховского и Северо-Западных фронтов. Оба фронта уже активно осуществляли подготовительные работы, собирая силы для удара по германским войскам.

Увы, не все в руководстве советскими вооруженными силами могли позволить себе роскошь непомерных мечтаний. Прибывший в Кремль из Крыма генерал Батов (он заменит генерала Кузнецова в качестве заместителя командующего Западным фронтом) увидел начальника Генерального штаба маршала Шапошникова мрачным и предельно озабоченным состоянием дел на фронтах. Безднадежные (в плане проходимости) дороги и дефекты организации лишали наступающие дивизии самых необходимых материалов. Трудности снабжения не могли не сказаться на наступательном порыве войск — Шапошников предпочитал не закрывать глаза на это обстоятельство. Маршал рассуждал без всякой бравады, трезвое чувство реализма ощутимо в его словах: «Мы все еще нуждаемся в усвоении опыта современной войны». У Шапошникова не было сталинской веры в возможность определения исхода войны в ходе одной, решающей зимней кампании. Да, немцы отброшены от столицы, но «судьба войны будет решена не здесь, не сейчас... кризис еще не преодолен».

Лучшие советские военачальники отнюдь не потеряли головы от общей удачи московского контрнаступления. Тот же Батов не одобрял «интоксикации» первыми в этой войне успехами. Красная Армия воюет еще «не по-научному», она борется не всегда профессионально, встречая страшную эффективность германских войск. Жуков клеймил сторонников фронтальных атак, так дорого обходившихся армии. Генерал Горбатов, совсем недавно чудесным образом сумевший выйти из лагерного заключения, был поражен низким уровнем командования, неадекватностью

процесса принятия решений. Он хорошо знал, сколько подлинных профессионалов военного дела томится в лагерях в то время, когда далеко не лучшие ученики репрессированных командиров ведут за собой корпуса и армии.

Поздней ночью Батов посетил заседание Ставки. Сталин, вопреки тяжким ожиданиям, не корил его за гибель керченского десанта. Он говорил о полученном суровом уроке и назначил Батова командовать 3-й армией Брянского фронта — под начало командующего Брянским фронтом генерала Черевиченко, руководствовавшегося пока еще кавалерийскими представлениями о «неудержимой атаке». Атакующий стиль был в фаворе. Группа прямых эмиссаров Сталина, таких как Маленков, Булганин, Мехлис, далекая от военного образования и военного опыта, продолжала надзирать над процессом принятия решений даже лучшими из выдвинутых войной командиров.

Но страшный молох войны все больше давал шанс тем, кому обстановка предвоенного самодовольства не позволяла выдвинуться, чей талант раскрылся в горестной обстановке отчаяния и отступления. Эти подлинные лидеры сохранили хладную голову и ясное видение происходящего. Речь прежде всего идет о Жукове, Василевском, Еременко, Мерецкове, Коневе, Рокоссовском, Воронове, Говорове. Жукова в эти короткие декабрьские дни волновал, прежде всего, вопрос мобильности войск второго эшелона наступающей армии, вспомогательных частей, не успевающих за бросившимся вперед авангардом. Он спешно воссоздает парашютные войска (40-й парашютно-десантный корпус) для активной помощи передовым частям, для нанесения ударов за линией фронта в непосредственном тылу германских войск.

На декабрь 1941 года приходится и первое важное проявление союзнической солидарности. Прибывший в Мурманск на крейсере «Кент» вместе с советским послом в Британии Майским британский министр иностранных дел Антони Иден заранее подготовил для Сталина меморандум, который должен был ослабить опасения Сталина в отношении возможности англо-американского «сговора». Британия и Россия будут вместе сражаться до любого конца.

Сталин показал Майскому два заранее заготовленных проекта документов. В первом англичанам предлагалось советско-английский Договор 1941 года продлить на послевоенное время. По предлагаемым условиям второго документа Югославия, Австрия, Чехословакия и Греция восстанавливались в предвоенных границах. Право стать независимым государством предлагалось Баварии. Германия теряла Рейнланд на западе и

восточную часть Пруссии. Литва (в составе СССР) получала немецкие земли к северу от Немана. Если Франция не восстанавливала свои силы, Британия получала право содержать базы в Булони и в Дюнкерке, а также вооруженные силы в Бельгии, Нидерландах, Норвегии и Швеции. За Советским Союзом сохранялись границы 1941 года, граница с Польшей проходила по «линии Керзона».

Советско-британские переговоры начались в Кремле во второй половине дня 16 декабря 1941 года — битва под Москвой была в самом разгаре. Вышеназванные документы Сталин извлек на свет в начале второго заседания, предложив Идену добавить «небольшой документ» к англо-советскому заявлению о принципах послевоенного мироустройства. Майский замер: переговоры теперь обязаны были вестись не об отвлеченных принципах, а о совершенно конкретных территориях. Иден сразу же затребовал консультаций с Лондоном. На третьем заседании, в ночь с 17 на 18 декабря, когда почти слышны были раскаты дальней артиллерийской перестрелки, Сталин попросил внесения ясности в существенный для СССР вопрос. Многозначительным выглядело то, что первый западный союзник — Британия, даже будучи безусловно зависимой от СССР в смертельной и бескомпромиссной борьбе на двух океанах и двух театрах военных действий, не пошла на признание довоенного статус-кво. Трудно назвать удивительным то, что позиция Британии заставила Сталина задуматься о степени ее лояльности союзу. О степени надежности западных союзников.

Майского одолевало нетерпение узнать, почему Сталин предсказал Идену, что война будет длиться еще лишь год. Каковы основания для такого оптимизма в условиях, когда враг едва отошел от ворот столицы? Он подошел к Сталину во время одного из перерывов с этим вопросом. Сталин пожал плечами, нужно же было сказать нечто, что подняло бы общий тонус. Но Майский не поверил. «Сталин не был человеком, бросающим слова на ветер».

Германия: после блицкрига

Немцы стояли перед суровой дилеммой: стоять на промерзших позициях до конца или отступить — по возможности упорядоченно. Именно в тот момент — после первой недели советского наступления — вмешательство Гитлера в оперативное руководство войсками стало постоянным, жестким и недвусмысленным: стоять до последнего, удерживать старые позиции, невзирая на потери и риск окружения. Немалое число германских военных авторитетов видело в гитлеровской бескомпромиссности упрямое своеволие, губительное для германской армии. Лишь позже среди генералов вермахта стало почти общепризнанным, что линия на удержание войск от хаотического отступления была единственно верной тактикой. Неорганизованный отход назад выгонял германские войска в чистое поле, где они становились еще более уязвимыми, отход мог превратиться в неудержимое бегство. Судьба Наполеона присутствовала в беседах читающих офицеров.

Этот новый год начался без обычных в последние годы для Германии триумфальных новостей. 2 января 1942 года Гитлер отдал своей девятой армии приказ «не отдавать ни дюйма территории», и ценой потерь немцы ослабили продвижение Жукова вперед. В Крыму немцам все же удалось потеснить керченский десант. Но на центральном участке фронта 39-я армия все же пробилась сквозь линию германского фронта у Ржева. Части в белых маскхалатах наступали теперь гораздо грамотнее. Ориентация на местности и работа разведки становились значительно профессиональнее. Помогали и местные жители. По оценке руководства второй танковой армии вермахта, «многократно было замечено, что противник хорошо информирован о слабых местах в нашей обороне и часто ведет прицельный огонь по разделительным линиям между нашими корпусами и дивизиями». Немцы полагали, что информацией советское военное командование снабжали, рискуя собой, жители подмосковных деревень и поселков.

Критический характер ведущегося сражения в рейхе ощущали не все. Часть нацистской машины уже уверенно осваивала новый «лебенсraum». Именно во исполнение планов эксплуатации новых обширных земель нацисты послали на Украину и в Польшу восемнадцать тысяч членов «гитлерюгенда» — осваивать новые приобретения рейха. К ним присоединились несколько сот сторонников «нового порядка» из Голландии, Норвегии, Дании, здесь был объявлен «Год службы на

Востоке». Германскому руководству эти мероприятия представлялись началом огромного процесса освоения колоссальных восточных просторов, куда после победоносного окончания войны съедутся ветераны боевых частей, бауэры из Германии и стран-сателлитов (предпочтительно скандинавских, арийских).

Но сквозь цифры ежедневных сводок, эмоционально окрашенные дискуссии в ОКВ и ОКХ, вождение карандашами по картам стал просматриваться кардинальный по важности факт — блицкриг и в летнем и в осенне-зимнем варианте не удался. Стратегические цели Германии не достигнуты. Следовало готовиться к затяжному конфликту, в котором особую значимость приобретали обстоятельства военного производства в противостоящих друг другу странах. Здесь в столь любимое немцами планирование неожиданно вмешались новые обстоятельства. Военно-строительные работы и военное производство в Германии возглавлял пользовавшийся значительным авторитетом доктор Тодт. Этот деятель нацистского режима, немало ездивший по завоеванным землям, все более проникался скептицизмом. Он был под большим впечатлением от виденных им «остановившихся поездах-госпиталях, в которых раненые замерзают до смерти, войска в деревнях и на хуторах имеют жалкий вид, будучи отрезанными от мира снегом и холодом». В это же время в рейхе строят монументы и дороги, которые не имеют никакого касательства к местам, где действительно решается судьба Германии, где, как на Украине, войска не получают необходимого продовольствия и боеприпасов и где среди немецких солдат растет недовольство условиями снабжения в России.

Тодт начинает бить тревогу. Все германские ресурсы должны быть направлены на военные усилия, иначе рейх ждут тяжелые времена. Встает вопрос о том, кто заменит рабочую силу, мобилизуемую в армию. 25 декабря он получил от Гитлера в Растенбурге приказ об использовании двух с половиной миллионов человек «достойной употребления русской рабочей силы» для вспомогательных строительных работ. «С такой рабочей силой, — сказал Гитлер, — мы сумеем преодолеть кризис в столь необходимом для нас машиностроении».

Накануне нового, 1942 года Гитлеру доставили новый граммофон, музыка неизбежного Вагнера и веселого Штрауса полилась в «Волчьем логове». Обслуживающий персонал обычно завершал веселье самого большого праздника у Гитлера. На этот раз он испортил им компанию. Трехчасовой разговор по телефону с фельдмаршалом Клюге, в ходе которого Гитлер яростно настаивал на том, чтобы «стоять и держаться», в

буквальном смысле лишил его сил. Пришедшей компании он уже ничего хорошего сказать не мог, и разочарованные секретарши разбрелись по своим кельям. Одну фразу он все же сказал, узкому кругу своих приближенных в «Вольфшанце»: «Будем надеяться, что 1942-й год принесет мне так же много удачи, как и 1941-й». Обращаясь к германскому народу, он объявил: «Тот, кто сражается за жизнь нации, за ее хлеб насущный и ее будущее, непременно победит; но тот, кто в этой войне со всей своей еврейской ненавистью желает уничтожить целые нации, потерпит поражение».

Накануне нового года все три германские группы армий — «Центр», «Север» и «Юг» — получили еще один категорический приказ: оказывать «фанатическое сопротивление» и, платя любую цену, сохранять завоеванные прежде позиции. Столкнулись две воли. Немцы взрывами создавали на центральном участке оборонительные позиции. Их поредевшие части еще сурово подчинялись дисциплине почти нечеловеческого приказа, вгрызаясь в промерзшую русскую землю.

В эти дни в Ленинграде от голода ежедневно умирали три-четыре тысячи человек. Они умирали на улицах, в своих скромных комнатах, они падали и не поднимались, они засыпали и не просыпались. На Пискаревское кладбище тянулись молчаливые люди с санками, на которых лежали ушедшие из этого мира близкие. И нередко, спустив в братскую могилу своего покойника, хоронящие сами в бессилии падали вслед за ним. Это было молчаливое падение, смерть сделала всех немymi. Эта немота требовала мщения.

На фронте в последний день года Красная Армия, не жалея себя, рвалась по белым полям. Немецкие пулеметы раскалялись до предела, но только смерть могла остановить это суровое мщение. Накануне Красная Армия взяла Козельск, еще месяц назад стоявший по немецкую сторону линии Медынь — Орел. Далеко на юге, на Керченском полуострове, войска при температуре минус двадцать уже третий день бились за плацдарм в Феодосии. Убитые немедленно становились блоками льда и немедленно использовались как защита. Но жертвы имели смысл — немцы были вынуждены прекратить концентрацию сил против Севастополя, чья жизнь продлевалась еще на полгода.

Самоотверженность и стойкость Красной Армии, ее лучших частей, давала свои результаты. За семь месяцев войны германские войска потеряли не менее 200 тысяч солдат и офицеров убитыми. Не все потери восстановимы. Немцы теряли офицеров и солдат профессиональной выучки. Им на смену часто шли новички. Помимо погибших — в

наступившей зиме даже относительно небольшая рана оказывалась смертельной — германская армия теряла сотни тысяч раненых. Мороз вносил свою лепту. У четырнадцати тысяч солдат под Москвой были ампутированы конечности. 62 тысячи случаев обморожения классифицировались как увечье «средней серьезности» — что означало, что данные солдаты уже не могли участвовать в боевых операциях. Вермахт — высококвалифицированная армия короткой войны — попал в положение, когда исход грандиозного противостояния не мог быть обеспечен несколькими кинжальными ударами. Война на выживание становилась долговременным противостоянием двух волей, двух организаций, двух экономик. Но прежде всего Вторая мировая война превращалась для Советского Союза в Великую Отечественную войну. Грабитель ворвался в наш дом, он дошел до жизненных центров, он поставил страну на грань выживания. Он вызвал у великого народа инстинкт самосохранения, теперь никакие жертвы не были слишком большими. Вермахт вступил в войну, решающим обстоятельством которой стало то, что невозможно было рассмотреть в лучший цейссовский бинокль, — решимость принести в жертву свою единственную жизнь. Новый военный опыт учил, как принести эту жертву дороже.

Новый союзник — Соединенные Штаты — «примеривался» к военной судьбе. Президент Рузвельт смотрел на грядущую битву серьезно. Шестого января 1942 года Рузвельт предстал перед объединенной сессией конгресса с традиционным посланием «О положении в стране». Президент призвал к войне до победного конца. «Этот конфликт не может завершиться компромиссом. Никогда не было — и не может быть — успешного компромисса между добром и злом. Только полная победа удовлетворит сторонников терпимости, достоинства, свободы и веры». Обрисованная Рузвельтом перспектива создания невиданной доселе военной машины была поистине захватывающей.

Война моторов требовала огромных индустриальных усилий, но именно это не пугало первую промышленную державу мира. В военном строительстве и военном производстве на 1942 год еще несколько недель назад американское руководство поставило цели, которые многим казались запредельными. Пирл-Харбор заставил мобилизовать фантазию. Военно-индустриальный взлет на 1942 смотрелся почти нереалистичным. Согласно планам президента, США уже в 1942 году должны были выпустить 60 тысяч самолетов (среди них 45 тысяч боевых), а в 1943 году довести общее число собираемых на конвейерах самолетов до 125 тысяч. Число танков для 1942 года — 25 тысяч, для 1943 года — 75 тысяч. Тоннаж спускаемого со

стапелей флота должен был равняться в 1942 году 6 миллионам тонн, а в 1943 году — 10 миллионам тонн. Военного строительства в таких масштабах мировая история не знала ни до, ни после.

Военные программы президента на 1942 год стоили 56 миллиардов долларов — беспрецедентная для Америки сумма за всю ее историю. Рузвельт довел эти цифры до указанных выше пределов одним росчерком карандаша прямо перед произнесением речи. На укоризненный взгляд Гопкинса он ответил почти беспечно: «О, люди на производстве сделают все, если постараются». Капитаны промышленности выразили скепсис: только люди, никогда не сводящие концы с концами, могут замахиваться на подобное. Заволновавшемуся конгрессу Рузвельт сказал следующее: «Эти цифры дадут японцам и нацистам некоторое представление о том, какую ошибку они совершили в Пирл-Харборе». Теперь Америке следует работать двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Закljučая речь на высокой ноте, Рузвельт сказал: «Милитаристы Берлина и Токио начали эту войну, но закончат ее возмущенные массы объединившегося человечества». В середине января 1942 года Рузвельт создал Совет военного производства, что означало невероятную для Америки централизацию руководства экономикой. Восемь членов совета могли принять практически любое решение, касающееся ресурсов США.

Начала меняться общая мировая стратегическая ситуация. Как суммирует ее английский историк И. Кершоу, «цель, которую поставил себе Гитлер летом 1940 года при помощи своих военных стратегов, заключалась в том, чтобы заставить Британию пойти на соглашение, держать Америку вне войны и быстро нанести поражение Советскому Союзу. К концу 1941 года Германия не смогла нанести поражение Советскому Союзу и была втянута в долгую, исключительно ожесточенную и дорогостоящую войну на востоке. Британия не только не пошла на сговор, но теперь воевала вместе с американцами и заключила соглашение о взаимной помощи в Москве 12 июля 1941 года — союзное соглашение, несмотря на все трения, с Советским Союзом... Гитлер всегда утверждал, что время работает против Германии в ее претензии на доминирование. Его собственные действия, более чем чьи-либо иные, сделали положение Германии именно таковым».

Ставка планирует наступление

Средняя температура под Москвой в эту зиму была, слава Богу, минус двадцать по Цельсию, несколько раз она опускалась еще ниже. Снег занес дороги, и обе военные системы — наступающая и обороняющаяся — ощутили недостаток снабжения в полной мере. В один из дней наступающий Западный фронт имел продуктивное довольствие, но не имел подвезенных боеприпасов. На стыке Калининского и Западного фронтов страдала без снарядов противотанковая артиллерия. У ударных частей Еременко окончились запасы продовольствия. Главной была надежда захватить провиантские запасы противника. Но общий дух армии, которая отступила до своей столицы, а потом нашла силы для отчаянной операции по собственному спасению, был высоким у всех — от маршала до рядового.

5 января 1941 года, как обычно поздно вечером, состоялось расширенное (с приглашением членов Государственного комитета обороны — ГКО и представителей Генерального штаба) заседание Ставки. Маленков и Берия представляли ГКО, Шапошников и Василевский — Генштаб, Вознесенский — военную промышленность. Заседание было необычным в том смысле, что на нем рассматривались не рутинные проблемы содействия войскам, а критический по важности вопрос долгосрочного планирования — каким будет главный стратегический замысел советской стороны на многие месяцы предстоящей борьбы. Общее настроение было приподнятым, после долгих месяцев отступления сводки Информбюро приносили вдохновляющие сообщения об освобожденных городах и весях.

Общий прилив чувств сказался на выдвигаемых идеях. Маршал Шапошников сделал общий обзор стратегической ситуации. Вывод из сказанного сделал, разумеется, Сталин: «Немцы в разброде в результате поражения под Москвой, они плохо подготовлены для зимних условий. Данный момент является очень благоприятным для общего наступления». Было намечено, ни много ни мало, как осуществить наступление на всех основных фронтах. Калининско-Волховские клещи переходят в общий выход войск Западного фронта в тыл всей германской группе армий «Центр»; Северо-Западный фронт деблокирует Ленинград; Юго-Западный и Южные фронты нейтрализуют группу армий «Юг» и освободят Донбасс.

Лишь несколько человек, взвешивая возможности Красной Армии и

степень боеспособности вермахта, скептически смотрели на эти непомерные планы, отражающие, наверное, черту национального менталитета — быстрый переход от полуотчаяния к безудержной вере в удивительное будущее. Самым видным среди сторонников осторожности, среди тех, кто не поддался общему эйфорическому подъему, был генерал Жуков. Когда Сталин спросил его мнение, он глухо высказал свои сомнения в достижимости «наступления повсюду». Жуков считал возможным развить успех лишь в центре великого противостояния. «На западной оси, где имеется наиболее благоприятный набор условий и где противник не сумел еще восстановить боевую эффективность своих частей, мы обязаны продолжить наступательные операции, но для их успеха важно укрепить наши силы на центральном участке людьми и оборудованием, нарастить наши резервы, прежде всего танковые части, без которых у нас нет оснований надеяться на успех. Что касается наступательных операций наших войск у Ленинграда и на юго-западном направлении, то следует указать, что наши войска стоят перед огромными оборонительными системами противника... Я за то, чтобы укрепить Западный фронт и провести наиболее основательные наступательные операции здесь».

Если бы в своей блестящей военной карьере Жуков не сделал ничего особенного, кроме этого отрезвляющего анализа, способного сохранить достигнутое в декабре 1941 года плюс наступательные резервы армии, одного этого было бы достаточно для внесения его имени первым в летописи великой войны. Он не терял голову в отчаянные дни отступления, он не потерял голову и в час успеха. Но в политическом раскладе сил великий полководец, ненавидя интригу, ослаблял свои позиции. Анализ одной лишь позиции Шапошникова должен был сказать ему, что наступательный порыв Сталина вызрел не в Генштабе — средоточии стратегических талантов, — а в кабинете Сталина. Сам Шапошников — своего рода передаточное звено между военным опытом Первой и Второй мировых войн — вел себя, в отличие от Жукова, предельно осторожно. Он не выдвигал противоположные сталинским стратегические идеи, но, с его точки зрения, Советский Союз еще нуждался в «усвоении опыта современной войны... Не здесь и не сегодня будет решен итог войны..., кризис еще не преодолен».

Получалось так, что Жуков не разделял наступательные надежды Сталина, немедленно поддержанного Маленковым и Берией. (Жукова поддержал лишь Вознесенский, чья послевоенная судьба незавидна). Жуков ощутил 5 января 1942 года свое одиночество. Оканчивалась первая неделя января 1942 года, и маршал Шапошников подтвердил худшие

опасения Жукова: обсуждение было проформой, директивы войскам уже ушли командующим фронтам. Они были подписаны Сталиным и Василевским и приказывали действовать согласно наступательным планам.

Агония Ленинграда, переживавшего в январе пятый месяц блокады, была непомерной. Уже умерли 200 тысяч его жителей. Все надежды в городе связывались с ледяной дорогой по Ладожскому озеру. 22 января была открыта более короткая дорога, и начиная с этого дня в течение трех месяцев из города были вывезены более полумиллиона жителей.

Большой замысел Сталина деблокировать Ленинград и взять в клещи немцев между двумя столицами лучше выглядел на глянцевой карте, чем в чистом поле. Генерал Мерецков правдами и неправдами добился отсрочки выступления неподготовленного Волховского фронта. Посланный с инспекцией Мехлис, сурово и грубо подталкивавший всех к бою, подтвердил все же докладываемые командованием фронта сложности подготовки к наступлению. У Мерецкова была лишь четверть необходимых боеприпасов и продовольствия. (Телеграф сохранил дух тех дней. «Сталин и Василевский на проводе. Согласно имеющейся информации, вы не будете готовы к наступлению до одиннадцатого числа. Если положение таково, необходимо отложить наступление на один или два дня, чтобы в дальнейшем наступательными операциями прорвать оборону противника. Есть русская поговорка: поспешишь, людей насмешишь»).

Мерецков едва ли мог оценить юмор русской пословицы, он знал, что его действия значатся первыми в рабочих планах главнокомандующего. Тот был еще милостив. Пока Сталин откладывал им же инициированное наступление на несколько дней. Помощь из Центра была усилена. Генерал-полковник Говоров привез прицелы к орудиям и полевые телефоны. Не хватало квалифицированных командиров. Несмотря на весь свой апломб, командующий второй ударной армией генерал Соколов, бывший замнаркома внутренних дел, на военном совете 6 января не мог указать месторасположение своих частей, и 10 января его сменил генерал Клыков.

7 января, продолжая серию успешных прежних зимних ударов, Красная Армия нацелилась на Новгород. Фельдмаршал фон Лееб запросил разрешения вывести войска из Демянского котла, но Гитлер отказал ему. В результате фон Лееб вышел в отставку, и мы о нем в этой войне уже не услышим. А голова Гитлера была занята другим. 15 января он делится в Вольфшанце со своими гостями: «Я обязан что-то сделать для Кенигсберга. Я построю в нем музей, в котором мы соберем все, что найдем примечательного в России. Я построю также величественное здание оперы

и библиотеку». Намечено также было создание нового Музея Германистики в Нюрнберге, новый город на норвежском берегу в Тронхейме.

А восточнее, в сожженных избах порушенных средекрусских деревень командиры Северо-Западного, Калининского, Западного и Брянского фронтов колдовали над сталинской директивой от 7 января, приказывавшей наступать с еще необжитых позиций в общем направлении на Вязьму, что предполагало перехват линий отступления группы армий «Центр» на запад. Во исполнение директивы Ставки приказ командующего Северо-Западным фронтом Курочкина указывал на Андреаполь и Торопец; Конев ориентировал войска на Сычевку, приказы Жукова вели войска на Гжатск, Можайск и Медынь.

Красная Армия учится в жестоких боях, учатся ее командиры. В умах советских стратегов наконец-то, после отчаяния тысячекилометровых отступлений, начинают происходить серьезные изменения. Артиллерия начинает воспринимать свои функции гибче — с каждым месяцем страшные уроки войны совершенствовали науку эффективного использования артиллерийского огня. В пехотных войсках стали выделяться ударные части, берущие на себя функцию прорыва фронта. Да, они несли страшные, невиданные в Первой мировой войне потери, но терпеливо сносили все в этой великой народной драме. И армия восприняла как естественный приказ Сталина от 10 января: «Гнать противника на запад без передышки, заставить их растратить свои резервы еще до весны, до того времени, когда мы введем в действие свежие основные резервы именно в момент отсутствия у немцев значительных резервов с тем, чтобы завершить полный разгром гитлеровских войск в 1942 году». Этот приказ требовал невероятных жертв, но армия, как и весь народ, готова была отдать в этой борьбе все без остатка.

И вермахт еще владел огромной силой, опытом и удивительной организацией. Три редута встали перед Западным фронтом Жукова Демянск, Ржев и Сухиничи. На всей почти двухтысячекилометровой линии фронта не было пунктов важнее, чем эти три маленьких русских городка. И немцы их удерживали несмотря на все атаки Красной Армии. Угроза Москве (да, уже отдаленная, гораздо менее реальная) все же еще сохранялась.

А что мог сделать в ответ Сталин? Накануне продолжения смертного марша на Запад он наградил и повысил в звании значительную группу своих военачальников, офицеров армии, выдвинувшихся в отчаянные дни полководцев. Он проявил по отношению к некоторым из своих командиров нехарактерную сердечность. Назначая Еременко командующим 4-й ударной

армией, подчиненной командующему Северо-Западным фронтом Курочкину, он спросил его, не обидно ли ему быть подчиненным своему прежнему подчиненному офицеру? И вспомнил, как в гражданскую войну, уже будучи дважды народным комиссаром, оказался подчиненным у заместителя Троцкого Складского. Сталин привыкает делать неожиданные звонки фронтовым командирам, приводя их в состояние немоты, погоняя их своим суровым образом. Формируется группа его помощников, таких как Булганин, Маленков и Мехлис, которые едут в войска с особыми полномочиями. По возвращении они получают возможность влиять на личную оценку вождя.

Наступательный порыв угасает

Силы вермахта еще не были подорваны, и советские командиры вскоре вполне это ощутили. На юге невезучий бывший нарком Тимошенко яростно бросился в направлении Курска, чтобы в ходе битвы обнаружить, что одной жертвенностью немцев не взять. На правом его фланге без особых успехов рвался к Орлу Брянский фронт. А на севере Северо-Западный фронт Курочкина попытался пробиться к узловой для немецких войск железнодорожной станции Старая Русса. На лед озера Селигер 9 января вышли две ударные армии — 3-я Пуркаева и 4-я Еременко. В течение четырех суток они шли без огней и продовольствия по лесам, где царил сорокаградусный мороз. Шли тихо, без всякой артиллерийской подготовки, скользя на лыжах, вытягивая из оврагов свои провалившиеся танки. Питание — буханку хлеба — получали лишь в конце изнурительного дня. Генерал Еременко, преодолевая нечеловеческие трудности, надеялся пройти в «ничейную территорию» между германскими группами армий «Север» и «Центр», решая тем самым замысленную стратегическую задачу.

По пояс в снегу, выдвинув две дивизии как «кулак», страхуемый по дивизии с каждого фланга, Еременко бросился на немецкие пулеметы, прикрывавшие поселок Пено. Первая схватка с германскими войсками СС, первый прорыв в германской системе обороны. Он прошел сквозь Андреаполь (16 января) и приблизился к намеченному в качестве первостепенной цели Торопцу. Снабжение безнадежно запаздывало, но ударные силы Еременко все равно через четыре дня взяли Торопец. Отсюда — из Андреополя и Торопца, с германских военных складов, а не со своих баз, кормились и поились дошедшие живыми советские воины. Помимо продовольствия были взяты в качестве трофеев шесть танков, 723 грузовика, полмиллиона снарядов, сотни автоматов.

Ударная 4-я армия Еременко торопилась расширить образовавшийся «витебский разрыв» в обороне немцев — ничто не могло так убедительно угрожать тылам германской группы армий «Центр», как эта зияющая брешь в их фланговой обороне. Но сохранение этой бреши стоило советским войскам жестоких потерь. Восемьтысячные дивизии Еременко сократились до двух тысяч каждая.

В результате наступления фронта Курочкина (с его авангардом — армией Еременко) в котел у города Демянск попали сто тысяч немцев —

шесть дивизий. Запертые среди холмов Валдая, они могли стать как призом победителей, так и направленной против Красной Армии ударной силой — они могли нанести удар во фланг наступающим советским частям. 17 января Курочкин пишет Сталину отчет о начальном периоде наступления, двумя главными идеями которого было: наглухо запереть окруженные в Демянске войска; продолжать движение на запад. Ставка в ответ предложила не забывать о главном, о сходящейся с Волховским фронтом дуге. Демянский приз стал довольно дорогостоящим подарком — немцы достаточно хладнокровно начали снабжать свою окруженную группировку у Демянска. Выкрашенные в белый цвет Юнкерсы-52 («Тетушки Ю») деловито выгружали продовольствие и боеприпасы для этой крупной группировки, которую германское командование ценило как авангард грядущего наступления.

Подобным же образом — за счет сбрасываемых с самолетов припасов — держалась пятитысячная группировка немцев к западу от Холма. Ценность окруженных группировок заключалась для немцев в постоянной угрозе с их стороны тылу рвущейся вперед шестнадцатой армии. Такую же функцию выполнял в отношении соседнего — Калининского фронта оставленный позади и свирепо обороняемый немецким гарнизоном Ржев. Немцы защищали Ржев во многом потому, что без этой крупной железнодорожной станции страдало их научное ведение войны — своевременный подвоз боеприпасов и продовольствия, сохранение мобильности, авангардное положение города. В результате генерал-полковник Конев был задержан Ржевом не менее, чем на неделю — очень важную, может быть, решающую неделю. И претерпел жестокие потери. На весь его громко звучащий Калининский фронт было 35 танков, в артиллерийских полках осталось по 10–15 орудий.

Германское командование хладнокровно использовало очаги сопротивления своих войск за плечами наступающих советских частей. Новый командующий девятой германской армией танковый генерал Модель (которому предстоит еще многое совершить на советско-германском фронте) использовал Ржев как плацдарм, откуда в 10.00 22 января части 6-го германского корпуса при классической поддержке танков и штурмовиков соединились с основными силами, разрезав таким образом Калининский фронт надвое. А две ударные советские армии — 3-я и 4-я оказались на исходе своих сил. Из сообщения Еременко Коневу следует, что горючее и боеприпасы атакующих сил на исходе. Особую их обеспокоенность вызывала нехватка сигнальных ракет — без них оторвавшиеся войска чувствовали себя, имея в виду оголенность обоих

флангов и тыла (и отсутствие коммуникаций), как в пустыне.

Перед Великими Луками остановилось это великое и героическое наступление, незаслуженно заслоненное последующими грандиозными событиями. И все же оно не прошло даром — ни в плане отбрасывания немцев от столицы, ни в плане учебы современному мобильному бою. Кровавой и дорогостоящей, но учебы. В ходе этих боев заметно росло мастерство воинов. Это было заметно даже чисто внешне. Скажем, на захваченных в Торопце мотоциклах связные советских частей теперь колесили по зимним импровизированным дорогам. Оприходованные германские рации сослужили неоценимую службу в деле координации войск. Война на советско-германском фронте стала принимать современные контуры.

Жуков, увы, не был в состоянии помочь преодолевающим все товарищам. Его Западный фронт сражался с основными силами группы армий «Центр». В середине января 1942 года фронт вел жестокие бои, с великой силой продвигаясь на запад. В центре 20-я армия генерала Власова вела за собой остальных, устремляясь на Можайск и Гжатск с дальним прицелом на Вязьму. Две батареи ракетных минометов «Катюша» помогали здесь наступлению. Рядом стояли Рокоссовский с 16-й армией и Говоров с 5-й. (Трудно тогда было предсказать, что через четыре с лишним года Рокоссовский и Говоров будут маршалами Советского Союза, а Власов, за которым они шли сейчас, будет повешен как изменник родины).

Жуков не разделял январской уверенности Сталина в том, что германская группа армий «Центр» дышит на ладан — о чем и говорил в Генеральном штабе Шапошникову и Василевскому. Последним значительным успехом Западного фронта на этом этапе было взятие неулыбчивым генералом Говоровым 20 января Можайска, венчавшего его шестидесятикилометровое наступление. Говоров шел прямо по шоссе, ведущему от Москвы на запад — первые решительные шаги к Берлину. Но двигаться далее было уже выше человеческих сил, к концу месяца дивизии, чей боевой состав дошел до двух с половиной тысяч человек, потеряли значительную долю боевых возможностей. Пятая армия устремилась к Гжатску, но ее боевое давление было уже недостаточно убедительным.

Не случилось того, чего начальник штаба 4-й германской армии генерал Блюментрит боялся более всего: советские войска не перерезали магистраль Москва-Варшава с тыла, что в высшей степени осложнило бы жизнедеятельность всей группы армий «Центр» (как и все германские войска, воевавшей «от вокзала»). Кавалерия генерала Белова была близка к достижению этой цели, но замысел верховного командования усилить

действия Северо-Западного фронта за счет Западного в решающей степени ослабил Жукова, и без того латавшего дыры в своем поредевшем наступательном эшелоне. В слабеющем давлении на Вязьму Жуков призвал к бою родимое детище казненного маршала Тухачевского (чье имя не посмел бы произнести самый смелый генерал) — парашютные войска, так лихо продемонстрировавшие свою мобильность на учениях 1935 года.

В самый пик зимы — в ночь на 16 января 1942 года 416 парашютистов опустили на головы немцам в районе немецкого аэродрома в полутора километрах от поселка Мятлево. Они захватили летное поле, но расширить плацдарм помешало яростное сопротивление немцев и очень глубокий снег. Увы, эта операция не возымела необходимого эффекта. Жуков предложил бросить парашютные войска в пространство между Вязьмой и Юхновым. В ночь на 18 января майор Солдатов вместе с 451 своим десантником бросился в морозную январскую ночь на этот недалекий тыл противника. На подготовленную ими взлетно-посадочную полосу приземлились еще тысяча десантников с вооружением и боеприпасами. Наши войска продолжили наступательный порыв.

Но главную аэродесантную операцию Жуков предложил осуществить силами всего 4-го парашютного корпуса генерала Левашова для окружения занимающей ключевое положение перед Москвой Вязьмы. Незавидная судьба ждала этот корпус. Немцы достаточно хорошо знали калужский аэродром (который они совсем недавно активно использовали), с которого должны были взлетать десантники-парашютисты. Немцы нанесли по нему сокрушительный упреждающий бомбовый удар. Тем не менее парашютный десант был высажен к юго-востоку от Вязьмы, замыкая кольцо советского окружения этого старинного русского города. Именно здесь решалась судьба январской фазы московской битвы — прозвучит ли ее финал или германская группа армий «Центр» обратится в бегство?

Чтобы предотвратить последнее, германское командование бросило основные силы на укрепление «трезубца» Ржев — Юхнов — Сухиничи, главного, согласно германскому стратегическому замыслу, щита подошедшей к пределу своих возможностей германской ударной силы под Москвой. Именно в этот момент — 19 января — небольшая, но слаженная танковая группировка (часть второй немецкой танковой армии), базируясь на Орле и Брянске, прячась в лесах и на занесенных снегом озерах, нанесла удар по левому флангу Западного фронта Жукова. В небольшом поселке Людиново на улицах произошла страшная сеча, после которой немцы заново утвердились в поселке и в своем оборонительном «трезубце».

Положение несколько поправила 16-я армия Рокоссовского, сумевшая

в отчаянной схватке овладеть Сухиничами. В общем и целом обе воюющие стороны были опустошены многодневной смертельной схваткой. Ее результаты к февралю 1942 года были уже более или менее ясны. У Вязьмы германское командование не утратило инициативу, от 100 до 150 транспортных самолетов ежедневно питали Демянский котел немцев. Ржев оставался германским бастионом, откуда Модель, восходящая звезда вермахта, планировал восстановить утраченные в декабре-январе позиции. Немцы отступили от ворот советской столицы, но они избежали худшего — панической потери организации, неупорядоченного бегства.

Наступательный порыв нашей армии угасал практически повсюду.

На севере недавно созданный Ленинградский фронт двинулся на Тосно. Мерецков, преодолевая все и вся, рвался в направлении Новгорода. У озера Ильмень дивизии Морозова устремились к Старой Руссе. Батальоны лыжников пересекли замерзший Волхов и закрепились на его западном берегу. Немцы более всего держались за станции железной дороги Новгород — Чудово, пользуясь которой их части могли вести мобильные боевые действия. Ставка напомнила, что положение в осажденном Ленинграде отчаянное, и войска пошли вперед не щадя себя. Надежда страны — 2-я ударная армия предприняла мощную атаку в ночь на 24 января и, вопреки всему, пробила брешь в германских оборонительных линиях. Кавалерии и лыжникам, устремившимся в прорыв, был дан единственный приказ — расширить зону вторжения в германские тылы. Обе стороны сражались отчаянно: Мерецков стремился расширить брешь, противостоящие немцы хотели заманить его в окружение. Все возможные средства были использованы в этой невероятной по жестокости борьбе. Части Мерецкова пользовались огнеметами и минировали огромные площади. Немцы сражались с крайним ожесточением. Фронт начал стабилизироваться.

На юге Брянский фронт бросился вперед одновременно с центральными и северными фронтами. Но продвижение было медленным, и не счесть критических замечаний в адрес его командующего Черевиченко, медленно вращавшего «колесо войны» на запад. И Тимошенко был отбит. Его Юго-Западный фронт напрасно тратил силы, устремившись в направлении Курска и Обояни. Не знакомый с военным счастьем Тимошенко вводил в бой дивизию за дивизией, но немцы уже видели направление советского наступления и без промедления создавали оборонительные районы, негусто насыщенные войсками, но опирающиеся на минные поля, доты и дзоты, на сокрушительный огонь вовремя подвезенных орудий.

Повернувший после безрезультатных боев на юг Тимошенко (6-я и 57-я армии) был остановлен под Славянском и около Белгорода. Немцы в силу необходимости приобрели немалое мастерство в превращении небольших поселков в непробиваемые укрепрайоны. Продвижение советских частей вперед было страшно кровавым. Нужно помнить, что стояла суровая зима. Как пишет английский историк Дж. Эриксон, «русские сражались из своих снежных фортов, а немцы отогревались в тепле подготовленных заранее изб, так что, пока высокое командование думало о стратегических целях, пехотинцы защищали и бились за простое и спасительное тепло».

При этом неудачи как бы не смущали бывшего наркома. У Тимошенко была своего рода мания докладывать в ставку о своих очередных великих замыслах, не вспоминая о них впоследствии. Так, 24 января он оповещает Ставку о намеченном им движении в направлении Харькова с выходом к Краснограду. Разумеется, для этого требовались новые танки, пушки, дивизии — и они были предоставлены Ставкой, руководствовавшейся стратегической аксиомой о наступлении повсюду. 26-го ему действительно удалось перерезать железнодорожный путь Харьков-Лозовая, достичь реки Орель и на следующий день взять Лозовую. (Здесь советские воины в первый раз освободили германский лагерь для советских военнопленных и увидели страшную картину своих вымиравших в нацистской неволе товарищей). Но Харьков был прикрыт немцами достаточно надежно, хотя войска Юго-Западного фронта и закрепились на правом берегу Донца. О ярости боев говорит хотя бы тот факт, что, обороняя Славянск, немцы отбили двести советских атак.

28 января был создан Крымский фронт, командующему которым генералу Козлову была поставлена задача десантными операциями с моря и суши окружить прорвавшуюся в Крым группировку немцев. Но сказались отсутствие координации, необходимого опыта, недостаточная работа разведки, ясность для всех участников операции общего замысла. Фельдмаршал Манштейн (возможно, самый талантливый среди гитлеровских полководцев) сумел выбить советские войска из Феодосии, а задача запереть немцев в Крыму реализована не была.

Глобальная война

Ощущение потери базовых позиций, необратимого поворота фортуны стало ослабевать в рядах вермахта, германская военная машина стала возвращаться в упорядоченное русло ежедневной кропотливой деятельности. В середине января Гитлер согласился на ряд предложений Клюге об отступлении на некоторых участках центрального фронта. Коммуникации Красной Армии удлинились, задача снабжения осложнилась, резервы истощились, продвижение вперед замедлилось. Постепенно немцы стали приходить к выводу, что худшее для них уже позади. Произошла стабилизация огромного фронта. Приободрившийся Гитлер упивался еще одним «триумфом воли». Всем желающим он рассказывал историю о генерале, который явился к нему в декабре с просьбой позволить ему отступить. На что Гитлер ответил вопросом: «Неужели вы думаете, что пятьюдесятью километрами западнее вам будет теплее?» Отступление готовило нам, воодушевленно говорил Гитлер, «судьбу Наполеона. Но я вышел из этой трясины! То, что мы пережили эту зиму и находимся сегодня в положении, из которого можем продолжить победный марш, основывается на моей воле, чего бы это ни стоило».

Лично Гитлеру эта зима стоила многого. Окружающим были видны следы огромного физического и психологического пресса. Шок несбывшихся фантастических надежд был замечен всем видевшим его в это время. Геббельс после очередного визита в Вольфшанце пишет о том, как поседел и постарел Гитлер. И тот признался своему министру пропаганды, что напряжение зимы было временами просто невыносимым.

Восемнадцатого января 1942 года Япония, Германия и Италия разграничили пространственную сферу своих военных операций. «Подведомственной» зоной Японии становились «водные пространства к востоку от 70 градусов восточной долготы вплоть до западного побережья американского континента, а также континент и острова Австралия, голландская Восточная Индия и Новая Зеландия», плюс доля евразийского континента восточнее 70 градуса восточной долготы. Предполагалось, что, если США и Англия уведут все свои ВМС на Атлантику, Япония пошлет туда часть своего флота. В случае же концентрации американцев и англичан на Тихом океане, немцы и итальянцы придут на помощь своему союзнику.

Позиция американцев на Филиппинах была отчаянной. Перед лицом

высадившихся японских войск под командованием генерала Хомма американцы быстро отступили, генерал Макартур вынужден был признаться «обороняемым» им филиппинцам, что он будет сражаться лишь на полуострове Батаан. Отошедшие на этот полуостров американские войска оказались зажатыми в кольце японской осады. Генерал Макартур избежал плена только благодаря спешному уходу в Австралию. Он не верил, что Вашингтон согласится на гибель небывалого в американской истории контингента войск. Такое начало войны могло подорвать престиж Ф. Рузвельта как верховного главнокомандующего. Он ошибся, Вашингтон пошел на эту жертву. Согласно союзническим планам, согласованным между Вашингтоном и Лондоном во время визитов Черчилля на американский континент, предполагалось, что действия против Японии будут возложены главным образом на США. Намечалось остановить японскую экспансию в середине 1942 года, а затем блокировать Японию и начать войну на истощение.

А феноменальное расширение зоны влияния императорской Японии продолжалось. В январе 1942 года десантные войска японцев захватили нефтяные месторождения Борнео. Главные порты Голландской Ост-Индии — гавани Борнео и Целебеса — были теперь в их руках. Они высадились и в Новой Гвинее — территории, находившейся под юрисдикцией Австралии, — и взлетные площадки Рабаула стали отправной точкой наступления японцев на Австралию. Четырнадцатого февраля 1942 года пала гордость Британской империи — крепость Сингапур. Унижение Британской империи было непомерным, шестидесятитысячная японская армия взяла в плен 130-тысячную английскую армию. Шестнадцатого февраля Суматра (остров, больший, чем Калифорния, по площади и вдвое больший по населению) был захвачен десятью тысячами японцев. Через три дня воздушному налету японских летчиков — «героев Пирл-Харбора» подвергся австралийский порт Дарвин. Президент Рузвельт приказал Макартуру возглавить оборону Австралии. Макартур уже знал, что 20 тысяч британских солдат сдались японцам в Бирме. Двадцать пятого февраля фельдмаршал сэр Арчибалд Уэйвел, командующий союзными войсками в Индонезии, покинул свою штаб-квартиру и удалился в Индию. Эскадра, в которую входили американские корабли, была потоплена в Яванском море — то была крупнейшая морская битва со времен Ютландского сражения англичан и немцев (1916), и в ней японцы не потеряли ни одного корабля, уничтожив пять крейсеров противника. Японский флот и армия начали подготовку к высадке войск в Австралии.

Чтобы внести долю поколебленной уверенности в дома потрясенных

американцев, президент Рузвельт решил в радиообращении к стране проанализировать перед всей страной низкий старт, с которого они начинают борьбу в глобальном масштабе. Рузвельт призвал американцев запастись картами большого масштаба. «Я собираюсь говорить о незнакомых местах, о которых большинство никогда не слышало, о местах, которые ныне являются полем битвы цивилизации... Если они поймут суть проблемы и то, куда мы движемся, тогда можно будет положиться на то, что любые плохие новости будут восприняты ими спокойно». 23 февраля 1942 года более восьмидесяти процентов взрослого населения страны, вооруженные картами, осмысливали отступление последних недель. Нынешнему поколению уготована нелегкая судьба, и американцы должны быть готовы к потерям, «прежде чем закончится отлив. Эта война — особого характера, она ведется на всех континентах, в каждом море, на всех воздушных просторах мира». Впереди лежащая дорога будет трудной, но творческий гений Америки «способен обеспечить преобладание в военных материалах, необходимых для конечного триумфа».

В первые два месяца 1942 года Белый дом превращается в командный пункт воюющей страны. Отныне здесь разрабатывается стратегия, регулируются экономическая жизнь страны и ее военные усилия. Подъезды к Белому дому отгородили цепями, появилась караульная служба. На крыше президентского особняка установили зенитные орудия, хотя трудно было себе представить, откуда, с какого аэродрома мог вылететь самолет, чтобы поразить резиденцию американского президента. В эти самые тяжелые, с точки зрения положения на всех фронтах, первые недели и месяцы 1942 года американцы начинают строительство той колоссальной зоны влияния, которую американцы обретут к концу войны. В дни быстрых побед японцев австралийское правительство решает, что полагаться только на Лондон опасно и, минуя Черчилля и английского главнокомандующего в азиатском регионе Уэйвела, австралийский премьер Дж. Куртан просит американского президента, во-первых, оградить северное побережье Австралии, во-вторых, помочь основным силам австралийской армии, сконцентрированным в Малайе. «Армия в Малайе должна получить защиту с воздуха, иначе произойдет повторение Греции и Крита». Падение Сингапура ослабило связи Австралии с метрополией, ее премьер объявил о независимости Австралии от Лондона: «Я хочу со всей ясностью сказать, что Австралия смотрит на Америку, свободная от всех уз, традиционно связывавших ее с Соединенным Королевством».

Генерал Эйзенхауэр, возглавлявший отдел планирования военного министерства, предложил создать в Австралии американские базы и

именно там построить «азиатский редут». Военный министр Стимсон полагал, что для Америки важно укрепиться в двух ключевых азиатских регионах — в Китае и в Австралии, — это гарантирует американское преобладание во всей огромной Азии в целом. Рузвельт пообещал австралийскому премьеру военную помощь и покровительство. Одной из особенностей стратегического видения Рузвельта была вера в боевой потенциал чанкайшистского Китая. Президент спрашивал Черчилля, какой будет мощь пятисот миллионов китайцев, если они достигнут уровня развития Японии и получат доступ к современному оружию? Черчилль в мощь Китая верил гораздо меньше. Но Рузвельт хотел превращения китайского фронта — далекого и труднодоступного — в один из главных фронтов войны. Уже в декабре 1941 года Рузвельт обещает Чан Кайши помощь.

Возможно, Рузвельт не без удовлетворения взирал в это время на ссору Чан Кайши и англичан (генерал Уэйвел допустил лишь одну китайскую дивизию к охране бирманских коммуникаций, англичане конфисковали все поставки по ленд-лизу, скопившиеся в Бирме). Президент хотел воспользоваться этими осложнениями с целью показать Чан Кайши, что у того нет союзника лучше, чем США. Еще на конференции «Аркадия» он убедил Черчилля сделать Чан Кайши верховным главнокомандующим союзных сил в Китае, Таиланде и Индокитае, создать связи между штабом Чан Кайши и союзными штабами в Индии и юго-западной части Тихого океана. Президент Рузвельт назначает американского генерала Дж. Стилуэлла командующим американскими войсками в Китае, Индии и Бирме, а также начальником штаба при Чан Кайши. Здесь виден дальний прицел: опираться в Азии на Китай, сковать динамизм Японии, создать противовес СССР в Евразии. Уезжающему в Китай Стилуэлли Рузвельт сказал: «Передайте Чан Кайши, что мы намерены вернуть Китаю все потерянные им территории». В начале 1942 года китайцы в Чунцине получили заем в 50 миллионов долларов.

Делу укрепления Китая (и позиций США в нем) должно было служить и принятое в это время Рузвельтом решение о создании воздушного моста, ведущего к практически окруженному союзнику. Идя на издержки и жертвы, Рузвельт распорядился открыть воздушную дорогу через Индию. Черчилль уже тогда, в начале 1942 года, пришел к заключению, что Рузвельт многое желаемое выдает за действительное и упрощенно рассматривает китайские возможности, «придавал Китаю значимость, почти равную Британской империи», приравнивая возможности китайской армии к боевой мощи СССР.

В марте 1942 года американцы и англичане, по предложению Ф. Рузвельта, разграничили сферы ответственности — мир делился на три зоны. В районе Тихого океана стратегическую ответственность брали на себя США; на Ближнем Востоке и в Индийском океане — Англия; в Атлантике и Европе — совместное руководство. В Вашингтоне под председательством Ф. Рузвельта (заместитель Г. Гопкинс) был создан Совет по делам ведения войны на Тихом океане, куда вошли представители девяти стран.

В начале марта в Токио состоялось заседание высших руководителей страны, на котором был принят документ «Основные принципы будущих операций», в котором вожди милитаристской Японии пришли к заключению, что ей грозит перенапряжение, избежать которого она может лишь консолидацией захваченных территорий. Определились линии основных боевых действий: для армии — бирманский фронт с выходом на равнины Индии; объединенные силы армии и флота овладевают контролем над Новой Гвинеей и Соломоновыми островами с целью изоляции Австралии от США; флот адмирала Ямамото разворачивается против американского флота в Тихом океане.

В апреле 1942 года авианосцы и линкоры адмирала Нагумо, известные операцией против Пирл-Харбора, опустошили Бенгальский залив и заставили англичан уйти к Африке. Теперь Япония осуществляла военноморской контроль от Мадагаскара до Каролинских островов. Двадцать второго января 1942 года премьер-министр Тодзио заявил в японском парламенте: «Нашей целью является осуществить военный контроль над теми территориями, которые абсолютно необходимы для защиты Великой Восточноазиатской сферы». В Вашингтоне пока ставили скромные задачи: «Удерживать то, что мы имеем, отбив любые атаки, на которые способны японцы». Но и эти задачи выполнялись с большим трудом. Семьдесят тысяч американско-филиппинских военнослужащих на Батаане сдались японцам; в марте 1942 года были захвачены в плен или погибли 112 тысяч человек — это на шесть тысяч больше, чем все потери американцев в Первую мировую войну. Для военнопленных американцев начался ад японских лагерей. Японское руководство поощряло зверства своих солдат, полагая, что сами они будут панически бояться плена противника и поэтому станут сражаться с отчаянием обреченных.

Даже чисто психологически следовало что-то противопоставить лавине японских побед. Утром 18 апреля 1942 года, с расстояния 668 миль к востоку от Токио, эскадрилья из шестнадцати бомбардировщиков Б-26 под командованием полковника Дж. Дулитла, базирясь на двух

авианосцах, осуществила воздушный рейд на Токио, имея запас топлива лишь в одну сторону. Японцы не ожидали налета авианосной авиации, имеющей ограниченный радиус действия. Дулитл на собственном самолете миновал императорский дворец, который ему было приказано не бомбить, и сбросил «груз» в самом центре густонаселенных кварталов Токио. Шестнадцать бомбардировщиков в общем и целом причинили непропорционально большой ущерб, попав в замаскированное нефтехранилище, повредив авиазавод фирмы «Кавасаки» и многое другое. Это был первый удачный маневр американских вооруженных сил в войне против Японии. Впервые японцам показали, что и они уязвимы.

Атомный проект: оружие будущего

1942 год невозможно понять без обращения к процессу создания нового вида оружия, к которому в этом роковом году обратились участники мирового конфликта. Весной 1942 года американские ученые увидели реальные перспективы работы по атомному проекту. Девятого марта ответственный за этот проект В. Буш доложил Рузвельту: «Мы создаем нечто гораздо более эффективное, чем предполагали ранее». В Америке соизмеряли возможности германского продвижения в этой сфере с тем, что становилось известным о прогрессе англичан. А английский прогресс в деле создания управляемой термоядерной реакции был в 1941–1942 годах существенным. Следовало предположить, что и у немцев дела идут не хуже. Все это стимулировало американцев удвоить темпы. В марте 1942 года В. Буш впервые обозначил окончание работ 1944 годом. Рузвельт потребовал от Буша, чтобы программа «продвигалась вперед не только по собственной внутренней логике, но и учитывая фактор времени. Это чрезвычайно существенно». Теперь и в узком кругу американского руководства говорили о необходимости сделать атомное оружие фактором уже в ходе текущих боевых действий. Звучали опасения, что германские физики лидируют, обгоняя американцев на два года, что судьба мировой войны решится в этой гонке.

Говоря о начавшейся атомной гонке, мы не можем не привести хотя бы краткой предыстории, объясняющей позицию Советского Союза. Еще в далеком 1910 году В. И. Вернадский доложил Российской Академии наук об открытии явления радиоактивности, обещающем «новые источники атомной энергии, превосходящие в миллионы раз все источники энергии, какие только человеческое воображение способно представить». Геологи Российской Академии в том же году нашли месторождение урановой руды («Верблюжье горло») в Ферганской долине. Первые граммы радия советский радиохимик В. Г. Хлопин извлек из «Верблюжьего горла» в 1921 году. В основанном годом ранее Физико-техническом институте (Физтех) в Петрограде академик Иоффе взял на себя теоретическую сторону исследования проблемы расщепления ядра. Академик Вернадский создает в 1922 году в Петрограде Институт радия.

Большевистская партия взяла на себя поддержку новой отрасли науки, имея всегда в виду прикладную значимость исследований. Она же придала идейное обоснование. В середине жесточайшей войны с крестьянством,

представлявшей собой гражданскую войну и насильственную модернизацию, — в жестоком октябре 1931 года Сталин произнес слова, для многих в СССР ставшие символом веры. «Тех, кто отстает, бьют. Мы не хотим быть битыми. Нет, мы не хотим быть битыми. Старую Россию били из-за ее отсталости. Ее били монгольские ханы, ее били турецкие беи, ее били шведские феодалы, ее били польско-литовские паны, ее били англо-французские капиталисты, ее били японские бароны, ее били все — из-за ее отсталости. Из-за военной отсталости, из-за культурной отсталости, из-за сельскохозяйственной отсталости. Ее били, потому что это было выгодно и проходило безнаказанно. Вы помните слова дореволюционной песни: „Ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь“. Мы отстали от развитых стран на срок от пятидесяти до ста лет. Мы должны преодолеть отставание в течение десяти лет. Либо мы совершим это, либо нас сокрушат».

Много лет спустя академик Иоффе вспоминал: «Я пошел к Серго Орджоникидзе, который был председателем Высшего Совета Национальной Экономики, изложил перед ним проблему и буквально через десять минут ушел из кабинета с подписанным им приказом выдать мне сумму, которую я просил для института (Радиа. — А.У.)» Возглавлять новую программу Иоффе назначил И. В. Курчатов. В 1934 году Курчатовым был построен второй в мире (после Беркли, США) циклотрон. В это время П. Капица уже был любимцем Э. Резерфорда, а Л. Ландау изучал физику в Германии вместе с венгром Э. Теллером (который создаст в США водородную бомбу), а Ю. Харитон защищал диссертацию в Кавендише (Англия). Пораженный увиденным на обратном пути в нацистской Германии, Харитон создает лабораторию взрывчатых веществ в Институте физической химии. С огромным риском эти получившие западный опыт ученые переживут страшное время «великих чисток» второй половины 30-х годов. В апреле 1938 года, навестив «немецкого шпиона» Ландау в тюрьме, Капица представил Молотову и Сталину ультиматум: если Ландау не будет освобожден немедленно, то он, Капица, покидает все свои посты. Вскоре Ландау был освобожден.

Возможно, этот удивительный поворот событий (освобождение Ландау) объясняется сведениями, сообщенными французским ядерным физиком Жолио-Кюри своему коллеге Иоффе: немецкие радиохимики открыли фундаментально новую ядерную реакцию, бомбардируя уран нейтронами. Академик Флеров вспомнит много позже: «В воздухе запахло ядерным порохом». Уже в 1940 году Флеров наблюдал за спонтанным распадом урана и думал о регулируемой реакции. «Мы немедленно сделали расчеты ядерной реакции, — вспоминает Харитон, — и вскоре поняли, на

бумаге по крайней мере, что цепная реакция возможна, реакция, которая может высвободить неограниченный объем энергии». Для создания атомной бомбы необходим стал изотоп урана U235. Непосредственно проблемой ядерного распада Курчатов начал заниматься в ленинградском Физико-техническом институте в начале 1939 года.

Советские ядерные физики жадно читали специальную западную литературу — им было очень важно знать, идет ли еще кто-нибудь той же дорогой. И если идет, то какие видит для себя перспективы? Неудивительно, что американское «Физическое обозрение» за апрель 1940 года было прочитано с пристальным вниманием. Физики из Чикагского университета поместили статью об эффективности использования «тяжелой воды» в качестве среды, отражающей нейтроны. Группа энтузиастов — Харитон, Зельдович, Курчатов, Флеров пришли к выводу, что (вспоминает Харитон) «следует продолжать работать с материалом».

Весной 1940 года преподававший русскую историю в Йельском университете Г. В. Вернадский прислал своему отцу, академику В. И. Вернадскому, статью из «Нью-Йорк таймс» об исследованиях в области ядерной энергии. Последовало письмо В. И. Вернадского в Академию наук. Это было нечто вроде советского варианта письма Эйнштейна президенту Рузвельту. Результатом было создание Специального комитета по проблемам урана. В него вошли директор Института урана Хлопин, Вернадский, Ферсман, Иоффе, Капица, Курчатов, Харитон. Комитету поручалось создание исследовательской программы, ведущей к контролируемой ядерной реакции, к созданию атомного реактора. Финансировалось создание трех новых циклотронов — двух в Ленинграде и одного в Москве. Ферсман был направлен в Среднюю Азию за ураном. Планы были одобрены в октябре 1940 года.

Курчатов в ноябре 1940 года сделал обзор осуществляемых в мире усилий на этом направлении и перечислил материалы и оборудование, в которых нуждалась советская ядерная физика. Отвечая на вопрос о возможности создания ядерной бомбы, он уверенно ответил утвердительно, но сказал, что она будет стоить примерно столько, сколько стоит гидроэлектростанция. Очевидец передает атмосферу дебатов: «Ситуация во время выступления Курчатова сложилась драматическая. Заседание происходило в помещении Коммунистической Академии на Волхонке, в большом зале с амфитеатром, переполненном участниками (Всесоюзной конференции). По мере выступления волнение аудитории продолжало расти и к окончанию у всех создалось впечатление, что мы находимся на пороге великого события. Когда Курчатов завершил свое выступление и

вместе с председательствующим на собрании Хлопиным вышел в прилегающую к президиуму комнату, Иоффе, Семенов, Лейпунский, Харитон и другие, один за другим, двинулись туда. Дискуссия по докладу Курчатова продолжалась и в холле... Перерыв был отложен.»

Было очевидно, что требуются большие расходы. Но идея уже стала частью национальной стратегии выживания. Полагая, что бомба будет создана из урана U235, группа Курчатова изучала различные способы обогащения урана — газовая диффузия, избирательно обогащая уран, работая в скоростной центрифуге. Резиденты НКВД за рубежом получили задание следить за процессами изучения ядерной реакции. Работавший на советскую разведку американский химик Гарри Голд начиная с 1935 года сообщал о таких процессах. Особый приказ внешней разведке был отдан искать признаки такой работы за рубежом в начале 1940 года. В фокусе была германская научная сцена. Г. Флеров вспоминает: «Нам казалось, что если кто-нибудь и способен создать ядерную бомбу, то это будут не американцы, не англичане, не французы, а немцы. У немцев превосходная химическая промышленность; у них есть технология производства металлического урана; они производят эксперименты по отделению урановых изотопов на центрифуге. И, в конце концов, у немцев есть тяжелая вода и запасы урана. Нашим первым впечатлением было то, что немцы способны осуществить этот проект. Было ясно, какими будут последствия их успеха».

Страх перед могуществом германской науки имел под собой реальные основания. Захватив Бельгию, немцы получили доступ к самому большому в мире месторождению урана — в Бельгийском Конго, к огромным запасам урановой руды в самой Бельгии (тысячи тонн), к бельгийской фабрике, производящей дейтерий — «тяжелую воду». Бельгия обладала в этом плане ни с чем не сравнимыми ресурсами. Уже в июне 1940 года германская «Ауэр» заказала шестьдесят тонн очищенной урановой руды у бельгийской фирмы «Юньон миньер». В то же время лучшие умы немцев — Гейзенберг и фон Вайцеккер из Института кайзера Вильгельма — начали координировать свои усилия. В июле 1940 года они создали проект лаборатории на территории Института кайзера Вильгельма. Чтобы отбить у любопытных охоту совать нос в свой исследовательский центр, они назвали его Вирусным. Здесь предполагалось создать урановый реактор. В квалифицированных химиках и физиках не было недостатка, необходим был полигон проведения их опытов — циклотрон.

Поражение Франции должно было помочь. Курт Дибнер из военного министерства ринулся в оккупированный Париж. Там он узнал, что звезды

первой величины французской физической науки — Перрэн, фон Альбан и Ковальски — бежали в Англию и взяли с собой двадцать шесть емкостей с дейтерием. Но Жолио Кюри предпочел остаться в Париже. Немцы довольно долго допрашивали Жолио. Переводчик — Вольфганг Гентнер, работавший прежде в Институте радия, был прислан из Гейдельберга. Гентнер не был нацистом. Он постарался встретиться с Жолио в студенческом кафе, чтобы предупредить: создаваемый во Франции циклотрон может быть реквизирован оккупационными войсками. Был выработан компромисс, циклотрон останется во Франции, но немецкие ученые получают возможность периодически им пользоваться в сугубо научных целях.

«Вирусный дом» был завершен в октябре 1940 года. Он имел весьма удобные современные лаборатории. К декабрю Гейзенберг и фон Вайцеккер завершили первые из ряда своих экспериментов с урановой рудой и парафином. Некоторые выводы о возможности цепной реакции они уже сделали. В январе 1941 года в гейдельбергской лаборатории Вальтера Боте (который позже получит Нобелевскую премию) были проведены важные опыты с графитом. Немцы несколько «ушли в сторону», увлекшись термальной диффузией и не думая об альтернативах. И все же в марте 1941 года Хартек доложил Военному министерству, что создание атомного оружия возможно на пути разделения изотопов урана. Следует начать опыты с «тяжелой водой». Прежде всего следует добиться реализации реакции распада, а способ применения будет найден потом.

А в Японии в октябре 1940 года подполковник Судзуки поставил в докладе генерал-лейтенанту Ясуде задачу найти надежные источники урановой руды. Таковая имела в Корее и Бирме, урана будет достаточно. В Токио ученик Нильса Бора — Йосио Нишина, пятидесятилетний директор лаборатории Рикен, построил в 1940 году циклотрон с 250-тонным магнитом (в планировании принимал участие американец Эрнст Лоуренс). Более сотни самых талантливых молодых японских физиков работали здесь. В апреле 1941 года Рикен получила приказ от императорских военно-воздушных сил осуществить исследования возможностей создания атомной бомбы.

Англичане двигались в своих разработках с примерно одинаковой скоростью с немцами. 16 июля 1939 г. в Британии вышел сверхсекретный доклад об «урановой бомбе». Британские специалисты пришли к выводу, что «идея создания урановой бомбы имеет практическое значение и, вероятно, приведет к решающим результатам, влияющим на исход войны». Работа над бомбой «должна быть высочайшим приоритетом».

В сентябре этого года личный секретарь министра без портфеля лорда Хэнки Джон Кейнкросс передал советской разведке информацию о англо-американском атомном проекте — анализ встречи Британского уранового комитета 16 сентября и «Доклад Комитета по использованию урана для создания бомбы», предполагавших возможность создания урановой бомбы в течение двух лет. Фирма «Виккерс» и «Империэл Кемикал Индастриз» уже готовили необходимое оборудование. Критическая масса урана будет где-то между 10 и 43 килограммами. (Харитон и Зельдович теперь могли узнать, что метод газовой диффузии, оставленный ими, назван англичанами самым перспективным). Еще один важный источник — физик Клаус Фукс — пришел к выводу: «Когда я узнал цель работы, я решил информировать русских». В том же месяце сведения о ядерном проекте начали поступать из Нью-Йорка.

К концу 1941 года объем поступившей по данной проблеме информации из Британии, Франции, Германии и Америки был уже так велик, что потребовалось свести его воедино и обобщающее донесение KZ-4 за № 1 поступило Сталину. Тот передал доклад Молотову, а Молотов познакомил с ним комиссара химической промышленности М. Г. Первухина. Молотов выразил обеспокоенность тем, что другие страны «могут достичь значительных результатов в этой области, поэтому, если мы не продолжим нашу работу, мы можем серьезно отстать... Вы должны поговорить с учеными, которые заняты в этой области».

Здесь мы вступаем в 1942 год, решающий для уранового проекта. Курчатов был эвакуирован на Кавказ — небольшое судно перевезло его в Поти. Но оттуда он, будучи экстренно вызванным, двинулся по 700-километровому пути по Волге на север, в Казань. Сюда на несколько дней приехал из Йошкар-Олы Флеров на семинар, который (воспоминания очевидца) «оставил впечатление, что все очень серьезно и фундаментально, что работа над урановым проектом должна быть восстановлена. Но продолжалась война. Неясно было, можно ли отложить исследования, нужно ли было браться за дело немедленно или можно было подождать год или два». Ситуация была сюрреалистическая. Холод и дискомфорт не вязались с идеями выхода на передовую линию современной науки. Согласно воспоминаниям участников атомного проекта, более всего в Казани им мешали грызуны. Ученые спали, завязав свои уши полотенцами — чтобы их не отгрызли крысы. Таков был старт одного из самых фантастических проектов в истории науки. Того решающего в истории России проекта, который в будущем сделает страну неуязвимой для внешней угрозы.

Флеров говорил прямо: необходима работа над быстрыми нейтронами

— она приведет к бомбе. Для ее создания необходимы два с половиной килограмма чистого U235, что составит сто тонн тринитротолуолового эквивалента. Он предложил эскиз огромной пушки. Навстречу друг другу движутся с большой скоростью две полусферы с ураном-235. Флеров предложил идею «компрессии активного материала».

Невидимо для всех началась еще одна битва. По мере того, как британские и американские ядерщики начали продвижение своего атомного проекта, их коллега Клаус Фукс, бывший коммунист, покинувший гитлеровскую Германию еще в 1933 году, начал передавать сведения об этом проекте сотруднику советского военного атташе. Чуть позднее связным Фукса стала некая «Соня» — жена летчика королевских военно-воздушных сил. 3 октября результаты британских исследований были доложены американскому руководителю проекта Конанту, который передал основное Рузвельту: взрывающаяся основа атомной бомбы будет весить примерно двадцать пять фунтов, взрывной эквивалент — 1800 тонн тринитротолуола. Проект будет довольно дорогостоящим. Все это было уже доложено Сталину.

Но немцы стояли под Москвой, обстановка была критическая, и несколько месяцев донесения, пришедшие от Фукса (который до отъезда в США для совместной работы с американскими ядерщиками шесть раз встречался с представителями советской военной разведки) лежали под спудом. Мы видим, что советское руководство обращается к его информации, из которой следует, что проблема атомной бомбы в принципе — в теории — уже решена и что следующим этапом будет практическая реализация этой теории.

В мае 1942 года правительственные органы обращаются в Академию наук с запросом, существует ли реальная основа для практического применения атомной энергии и насколько велика вероятность создания атомной бомбы другими странами. Ответ был осторожным и, в основном, сводился к тому, что завеса сугубой секретности должна наводить на мысль о проводимых в ряде стран практических работах. В апреле 1942 года представители разведки передали в Научно-технический совет записную книжку немецкого офицера, найденную на южном берегу Азовского моря, в которой содержался список материалов, необходимых для создания атомной бомбы. В записной книжке, прибывшей из 56-й армии, приводились вычисления выхода энергии, высвобождаемой критической массой урана-235. Советские эксперты пока еще скептически отнеслись к идее расходовать в 1942 году миллионы рублей на исследования, которые дадут результаты лишь через 10–20 лет. И лишь письмо Флерова Сталину

укрепило точку зрения Кафтанова и Балезина, что, имея доказательства работы немцев в данном направлении, следует начинать работу над советским проектом — они направили соответствующее письмо в ГКО, рекомендуя создать ядерный исследовательский центр. Кафтанова, представлявшего научно-технический совет, вызвали к Сталину (конец весны или начало лета 1942 года), и разговор был конкретный. Кафтанов признал, что проект, стоимостью 20–100 млн. рублей, может не сразу дать результаты, но отказ от работ будет еще более опасен.

В августе 1942 года Флеров, написавший Сталину письмо о возможности создания атомного оружия, направляется в Казань. В Москве тем временем Вавилов, Вернадский, Иоффе, Хлопин и Капица обсуждают целесообразность продолжения ядерных исследований. Проект предложено возглавить Иоффе, но тот, ссылаясь на свои 63 года, предлагает поручить его Курчатову и Алиханову. Оба они приезжают в Москву 22 октября 1942 года. Курчатов приехал уже с проектом проведения подобных работ, и тогда именно ему поручили проехать по русским городам — чтобы определить, кто может быть полезен в атомном проекте. В списке Курчатова стояли Алиханов, Кикоин, Харитон, Зельдович. Курчатов возвратился в Казань именно в день осуществления Энрике Ферми цепной реакции в Чикаго. Курчатов убеждается в реализуемости проекта, он перестает бриться «до победы над немцами» и отныне окружающие (а затем и весь мир) знают его с бородой. По свидетельству Молотова, Сталин хотел знать мнение о проекте наркома химической промышленности Первухина — именно тот посоветовал ознакомить с секретными данными физиков. Именно тогда разведка знакомит Курчатова с материалами Фукса и прочими данными о работе над атомным оружием за рубежом. Возможно, решающее значение имела беседа Первухина с Курчатовым, который указал на «возможность осуществления мгновенной реакции в уране-235 с выделением громадной энергии». Видимо, немцы уже идут по этому пути, они могут получить в свои руки оружие громадной разрушительной силы. Курчатов поддержал предложение Флерова возобновить работу над урановой проблемой. Письменно изложенные соображения Курчатова, Алиханова и Кикоина (из лаборатории Уральского политехнического института) были переданы Молотову. Тогда-то Молотов и сообщил Курчатову о назначении его руководителем атомного проекта. Молотов: «Вызвал к себе Капицу, академика. Он сказал, что мы к этому не готовы, и атомная бомба — оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивали Иоффе, он тоже как-то неясно к этому отнесся. Короче, был у меня самый молодой и еще никому не известный Курчатов. Он произвел на меня хорошее впечатление».

В один месяц с завершением Сталинградской битвы — в феврале 1943 года — создается организация исследований по использованию атомной энергии. Поразительно, но план советской наступательной Сталинградской операции получил название «Уран». Но это будет позже. Мы же находимся в том периоде, когда зимний порыв Красной Армии, демистифицировавший вермахт (впервые после Семилетней войны показавшей возможность бить немцев), начинает ослабевать. Немцы приходят в себя и, ожесточенные, начинают готовить реванш за декабрь 1941 года.

Германия: подготовка

Нацистский режим все более последовательно превращал войну на Восточном фронте в расовый конфликт, в войну на уничтожение. Уничтожение «еврейского большевизма» стало главной темой нацистской пропаганды. Мир еще никогда не видел войны, где армейские подразделения открывали бы дорогу айнцацкомандам, спешащим уничтожить расово враждебное население. Напомним, что «Общий план для Востока», принятый Гиммлером через два дня после начала реализации «Барбароссы», предполагал переселение в течение тридцати лет 31 миллиона славян за Урал, в Западную Сибирь. Жестокой была доля 6 миллионов евреев Советского Союза — их ждало полное физическое уничтожение.

Программа индустриального убийства в 1942 году шла уже полным ходом. В марте 1942 года Рейнхарду Гейдриху было поручено послать специализированные айнцацкоманды на оккупированную территорию Советского Союза. Гитлер требует в марте этого года: «Большевистско-еврейская интеллигенция должна быть уничтожена». Приказ этим группам со стороны шефа гестапо Мюллера от 1 августа 1942 года гласил: «Постоянные доклады о деятельности айнцацгрупп на Востоке должны быть представлены Фюреру». Гитлер лично получал детальные отчеты о «проделанной работе» всех четырех айнцацгрупп. И говорил японскому послу Осиме о «животном характере русского народа».

Фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау, командующий вначале 6-й армией, а затем группой армий «Юг», обращается к своим войскам: «Германский солдат в восточной сфере является не только бойцом согласно правилам ведения военных действий, но и носителем безжалостной расовой идеологии, мстителем за все злодеяния, которые были причинены германскому и родственным этнически нациям... Только на этом пути мы выполним наше историческое обязательство освободить германский народ от азиатско-еврейской угрозы раз и навсегда». Командующий 17-й армией генерал-полковник Герман Гот в приказе по армии говорит о борьбе «двух внутренне непримиримых философий... Германское чувство чести и расы, пронесенных сквозь столетия германских солдатских традиций, против азиатского способа мышления и примитивных инстинктов». Солдаты должны действовать, исходя из «веры в перемены, когда лидерство в Европе перешло — ввиду превосходства расы и ее достижений — к

германскому народу... Это миссия спасения европейской культуры от нашествия азиатского варварства». Красная Армия зверски убивает германских солдат. Любая симпатия к местному населению должна быть изжита. Высококобый фельдмаршал Манштейн: «Война с большевистской системой идет не по традиционным европейским правилам... Еврейско-большевистская система должна быть уничтожена раз и навсегда».

После первого своего крупного поражения — под Москвой — Гитлер только ужесточил свою программу установления расового господства в Европе. 20 января 1942 года на озере Ванзее состоялась имперская конференция, посвященная «окончательному решению» еврейского вопроса. Присутствовали министры восточных территорий, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, промышленники, военные, разведка, тайная полиция — гестапо, «практики» из восточных территорий. Эта конференция открыла дорогу к созданию индустрии массового убийства «неарийцев». Битва под Москвой показала, что борьба может быть долгой и уничтожение «неарийцев» нельзя откладывать на некое туманное будущее — оно должно происходить в ходе войны. Основные лагеря истребления будут созданы на территории Варшавского генерал-губернаторства.

30 января 1942 года, выступая по случаю девятой годовщины своего прихода к власти в Германии, Гитлер сказал, обращаясь к огромной аудитории берлинского Шпортпаласта: «Пусть будет всем ясно, что эта война может завершиться либо уничтожением арийских народов, либо исчезновением в Европе еврейства... Я уже заявлял 1 сентября 1939 года в германском рейхстаге — а ведь я воздерживаюсь от поспешных пророчеств, — что эта война не окончится так, как представляют себе евреи — уничтожением европейско-арийских народов, но ее итогом будет уничтожение еврейства».

Уже в начале сентября 1941 года несколько сот советских военнопленных погибли от газа в Освенциме — тогда еще сравнительно небольшом лагере для поляков и русских военнопленных. Газ «Циклон-Б» был впервые применен против советских военнопленных. Его массовое применение начинается в 1942 году. Массовое убийство в Бельзене начинается весной этого года, огромный масштаб убийства в Освенциме приобретают летом 1942 года.

Германия же постаралась проявить себя в том, в чем она была всегда традиционно сильна — в тщательном планировании, в оптимизации своих ресурсов. 1 февраля министр вооружений и военной промышленности Фриц Тодт провел в Берлине первое заседание по координации

деятельности всех министерств, вовлеченных в создание, производство и распределение вооружений в масштабах рейха. На следующий день Тодт вылетел в Растенбург, чтобы рассказать Гитлеру о решениях совещания. Главное — 55-процентное увеличение военной продукции. Важным обстоятельством явилось то, что на обратном пути самолет с Тодтом разбился и его преемником стал тридцатилетний личный архитектор Гитлера Шпеер. Он показал себя эффективным организатором, равно как и пользователем рабского труда в массовом масштабе.

К концу февраля центральный руководящий элемент германской военной машины, расположенный в «Волчьем логове», начинает как бы заново оживать. По внешним признакам этому способствовала наступившая (очень поздняя в этом году) весна. Гитлер многократно говорил, что ему мучительно переносить зиму. Эта была худшей в его жизни, наконец-то она подошла к концу. Он был чрезвычайно ожесточен и при малейшей возможности разражался филиппиками по поводу бесталанности военных вождей вермахта, бездарности планировщиков, бесхребетности военачальников, неловкости транспортников, зависимости всех от его, фюрера, воли. Каждый кризис он теперь сводил к испытанию на прочность своей воли, воли германского народа, стойкости германской расы.

Критическое осмысление происходящего, открытая постановка вопроса о возможности одержать победу, о степени стабильности Советского Союза, рациональности «Барбароссы» с самого начала — никогда не поднимались на том последнем этапе, когда еще (разумеется, мобилизовав все воображение) можно было представить себе пат, если бы Германия пошла на *status quo ante*. В дальнейшем любой вариант мира уже был практически исключен. И это при том, что германские военачальники уже знали, с кем они имеют дело, видели, что весной, даже при наиболее благоприятном стечении обстоятельств, наступление на Восточном фронте по всей его колоссальной протяженности уже невозможно. У Германии уже просто не было сил повторить 1941 год.

Вермахт не просто растянул свои коммуникации в бездорожной стране, он встретил отпор оккупированного населения. Немцы ощутили на себе всю тяжесть народного гнева. Первостепенным по значимости обстоятельством партизанская война в тылу врага становится в первом же месяце 1942 года — об этом говорит германский отчет за 1 февраля 1942 года: «Отсутствие фиксированной линии фронта позволяет Советам наладить движение через имеющуюся линию фронта в обоих направлениях. Инфильтрируются новые партизанские банды.

Сбрасываемые русские парашютисты осуществляют общее руководство». Популярной немецкой песней стало сочинение следующего содержания: «Русские впереди, русские позади, а посередине стрельба».

Сообщения о партизанских действиях отныне становятся частью оперативных сводок германского военного руководства. Командир танковой дивизии вермахта сообщает 20 февраля 1942 года: «Территория к востоку от Днепра полна хорошо вооруженными партизанами, организованными под единым командованием. Дороги плотно заминированы. Все мужское население рекрутировано и получило подготовку в специальных лагерях. Представляется, что партизаны постоянно усиливаются военно-воздушными частями». Засекреченный доклад об оперативной ситуации в СССР от 23 февраля говорит о партизанском лагере к востоку от Минска, на котором базируются от четырехсот до пятисот человек. Их вооружение включает в себя тяжелые пулеметы и противотанковые ружья. В другом лагере неподалеку от Минска «партизаны заказывают все танцы». В районе Червеня «партизаны получают четкие указания по началу любых действий по уничтожению германских поисковых групп». Широкая зона партизанских действий была создана в районе оккупированного Смоленска. Здесь функционировал свой аэропорт, и партизаны были нацелены на уничтожение поступающих к германским фронтам подкреплений как на восток, так и на юго-восток. Немцы признают, что эти партизанские действия сказывались крайне депрессивно на морали германских войск.

Равновесие

В первый же день февраля Сталин пришел к выводу, что в приостановке реализации его смелых планов виновато медлительное руководство войсками, и предпринял весьма радикальные меры по оптимизации этого управления. Было воссоздано (первоначально созданное на короткое время еще ранней осенью предшествующего года) Главное командование Западного направления. Его возглавил Жуков, сохранивший при этом за собой командование Западным фронтом. Заместителем Жукова стал генерал Голиков. От них Сталин, заметно отходящий от январского оптимизма и мегаломании (завершение войны в 1942 году, наступление на полуторатысячекилометровом фронте, клещи от Москвы до Ленинграда и прочее), потребовал решения «зауженной» проблемы — сокрушить боевую силу группы армий «Центр».

Но достижение и этой, гораздо менее масштабной цели, уже лежало в области мечтаний. В феврале 1942 года мощь советского наступления иссякает. Сибирские дивизии, так много сделавшие для успеха битвы под Москвой, понесли тяжелые потери. Оканчивалась зима, оказавшаяся нам на удачу самой суровой за 140 лет. Не обещало позитивного и то, что советские военачальники, словно забыв зимний опыт, снова стали истязать свои силы в безумных контратаках, когда двух германских пулеметчиков хватало, чтобы сдерживать батальон храбрых, но прямолинейно наступающих войск. Красная Армия начала ощущать тяжесть непрерывных двухмесячных наступательных боев и ее боевой порыв начал иссякать.

На севере февраль прошел в отчаянных попытках Мерецкова найти уязвимые места в германской обороне под Ленинградом. 2-я ударная армия брала Красную Горку, Сталин посылал Ворошилова разобраться в причинах замедления наступательных операций, его целью была недостижимая Любань — однако резервных войск Мерецкову он не выделил. Гнев вождя, видящего, что германская группа армий «Север» выстояла зимние испытания, пал на группу генералов — Визжалина, Пахомова, Алферьева. Его доверенные люди (прежде всего Ворошилов и Маленков) инспектировали Ленинградский, Волховский и Северо-Западный фронты. Но машина зимнего наступления все же в изнеможении остановилась. Ленинград продолжал быть окруженным. Сталин страстно искал человека, которому он мог бы доверить (как, скажем, Еременко южнее) важнейшую миссию прорыва блокады. Этого человека он стал

видеть в показавшем себя грамотным командиром под Москвой генерале Власове. Его пригласили на заседание ГКО, обсуждавшем хаос на Волховском фронте, а затем вручили командование 2-й ударной армией с главным заданием разомкнуть кольцо ленинградской блокады.

24 февраля советские войска взяли Старую Руссу, но было ощущение, что это один из последних ярких бликов зимней победной удачи. Январский порыв гас и в центре великой драмы, на Западном фронте, где 11-й кавалерийский корпус находился в десяти километрах от Вязьмы и продвигался прямо на запад по магистрали Москва — Минск. Прихотливое воинское счастье отвернулось от лихих конников. Более существенную роль теперь играли огромные мортиры, подвезенные немцами по железной дороге. Германская сторона, к великому огорчению офицеров и солдат Красной Армии, переживших эмоциональный подъем контрнаступления, становилась все сильнее и решительнее. Поезда с запада методично подвозили боеприпасы, резервы, технику. Германский солдат снова поверил в своего фюрера, в превосходство германской организации, германского военного искусства, да и всего германского. Перед обескровленными, переутомленными войсками Жукова стояли не панически озирающиеся части, а переживший свою внутреннюю драму вермахт, способный не только выстоять, но и навязать свою игру. Вязьма так и осталась германской крепостью. В излучине Волги Модель начинает восстанавливать агрессивную боеспособность германских войск.

Как полагает британский военный историк Б. Лиддел Гарт, «поскольку Красной Армии не удалось подорвать оборону городов-бастионов (Шлиссельбург, Ржев, Вязьма, Брянск, Орел, Курск, Харьков, Таганрог. — А.У.) в такой мере, чтобы вынудить их сдаться, глубокие клинья, вбитые советскими войсками в промежутки между ними, позже обернулись для Красной Армии помехой. Оборонять эти клинья было труднее, чем города-бастионы». Весной 1942 года карта советско-германского фронта начинает напоминать фиорды Норвегии.

В Ставку постепенно проникает леденящее чувство безрезультативности огромных и дорогостоящих усилий по перехвату стратегической инициативы. Здесь еще, следуя своего рода инерции, продолжают требовать захвата треугольника Ржев-Вязьма-Юхнов к 5 марта, но тон приказов становится все мрачнее. Сталин шлет подкрепления Жукову и Коневу, но уже без прежних наставлений по проведению наступательных операций. И Жуков, теперь ответственный за все западное направление, отдает приказы в центральном секторе взять Юхнов, а южнее дойти до Брянска, но приказы его звучат все более обреченно. К утру 20

февраля в районе Юхнова высаживается семитысячный десант, но только половина десантников находит друг друга и образует боеспособную часть. Немцы начинают учиться преследовать парашютные десанты. Тем временем генерал Модель окружает 29-ю армию к западу от Ржева, оставшиеся живых 6 тысяч бойцов которой тщетно пытаются пробиться к своим.

Здесь, в глухих русских лесах к западу от столицы, идет страшная, иногда пронзительная, иногда безмолвная борьба двух армий, обожженных морозом, часто с трудом ориентирующихся на местности, голодных, полных рвения выполнить свой долг и не всегда знающих, как сделать это лучше. Наступление немцев на Москву, перекрытое советским контрнаступлением, превратившееся почти в бегство, становится в февральские дни снова осмысленным профессиональным делом германского командования. Преодолевая прежнюю панику, германские генералы восстанавливают боеспособность своих войск и ужесточают сопротивление движущимся вперед почти по инерции слабеющим советским дивизиям. В истории величайшей из войн битва германской девятой армии и двух армий Конева (29-я и 39-я) в излучине Волги, как нам кажется, не занимает подходящего ей места, а ведь это была беспримерная демонстрация отчаянного мужества.

А на юге, в Крыму, генерал Козлов всерьез сразился с Манштейном. На Керченский полуостров поступили танки Т-34 и другие подкрепления. Но германская воздушная разведка достаточно внимательно следила за развертыванием сил Крымского фронта, она фотографировала кавказские аэродромы, откуда поднимались грузовые самолеты, направляющиеся на полуостров. 23 февраля с немецких самолетов были сброшены листовки, в которых говорилось, что советское наступление начнется 27 числа. Ошибки не было, именно в этот день началось советское наступление. Сталин желал знать, что происходит в Крыму и делегировал на местный фронт Мехлиса, и тот, как заместитель народного комиссара обороны, настоял именно на этой дате. Мокрый грунт остановил советские танки, а германская артиллерия остановила пехоту. Две недели повторялись попытки продолжить наступление, и они ничего не дали.

А в Берлине Гитлер призвал выпускников училищ СС «остановить красный прилив и спасти цивилизацию». В частности, это означало постоянную работу зондеркоманд, приступивших к массовым убийствам. На протяжении лишь одного дня (как докладывалось в Берлин) в Крыму были расстреляны 1515 человек — русские, украинцы, евреи, цыгане. Это была часть гитлеровского спасения цивилизации.

Тяжелые времена наступили для всей антигитлеровской коалиции. Западные союзники отступали на всех фронтах, и надо было обладать душой Черчилля, чтобы говорить в это время: «Наступил момент показать спокойствие и уравновешенность, сплетенные с суровой решимостью... Мы посредине великой битвы... Двинемся же в шторм и пройдем сквозь него».

В это время на Тихом океане последовал невероятный каскад военных успехов японцев. 10 декабря 1941 г. сотня лучших японских пилотов атаковала английские корабли на стыке Индийского и Тихого океанов. Первым был потоплен крейсер «Рипалс», вторым — через сорок две минуты — линкор «Принц Уэльский», о котором Черчилль писал И. В. Сталину, что он способен потопить любой японский корабль. Японцы передали оставшемуся в одиночестве на плаву английскому миноносцу: «Мы сделали свое дело, продолжайте свой путь». Захватив контроль над воздушным пространством, японцы стали хозяевами и океанских просторов. Теперь они устремились к контролю над материком и островами. Им противостояли довольно значительные английские силы — на Малаккском полуострове англичане собрали 137 тыс. солдат, в голландской Ист-Индии к бою были готовы 60 тыс. человек. Но белая раса оказалась посрамленной. Сингапур был взят через десять недель, голландская Ист-Индия — через тринадцать.

В Европе дела обстояли не лучше. 12 февраля 1942 года два лучших германских крейсера — «Шарнхорст» и «Гнейзенау» неожиданно вышли из гавани французского порта Брест и прошли через Ла-Манш в Северное море. Англичане пытались поразить корабли с воздуха, но лишь потеряли свои самолеты. Секретарь премьера Черчилля Элизабет Лейтон пишет своей матери о битве в Ла-Манше. «Я зашла в три часа дня в комнату заседаний кабинета для диктовки. Премьер перемещался прыжками, взад и вперед, он держался на самой грани. Он продиктовал четыре телеграммы со скоростью урагана, а затем много раз говорил по телефону. Я постаралась ускользнуть, но меня немедленно позвали назад. Еще одна телеграмма, он марширует вперед и назад, рассуждает сам с собой, это масса спрессованной энергии. Наконец он сел напротив меня и сказал: „Там идет кровавая жестокая битва“. Я спросила: „Вы думаете, мы их одолеем?“ Он ответил: „Не знаю, мы их ранили, но они еще живы“».

На следующий день британский премьер получил телеграмму от Уэйвела. В Сингапуре, докладывал генерал Персиваль, японские войска «приблизились к городу», а британские части «уже не способны осуществить контратаку». Черчилль предоставил Уэйвелу право отдать

приказ Персивалю сдаться, «когда и если в Сингапуре уже нельзя будет достичь никакого результата». 15 февраля крупнейшая британская база была сдана противнику. День падения Сингапура был черным днем для Британской империи. В самых отдаленных частях империи слышали вечером этого дня впервые появление фаталистических нот в речи Черчилля — чего не было даже в худшие дни, когда Британия стояла одна против всего захваченного Гитлером континента. «Я выступаю перед вами вслед за жестоким военным поражением. Это поражение Британии и ее империи. Пал Сингапур. Весь Малайский перешеек захвачен. Возможно, мы не сумеем противостоять здесь японцам. Это один из тех моментов, когда британская нация может показать свой характер и свой гений. Это один из тех моментов, когда само поражение должно дать нам импульс победы. Это тот момент, когда мы должны собрать всю свою решимость, которая не так давно вытаскила нас из челюстей смерти. Мы должны помнить, что мы не одиноки. Мы находимся в огромной коалиции — 3/4 человеческой расы стоят сейчас вместе с нами. Все будущее человечества, возможно, зависит от наших действий. Мы держались до сих пор, и мы выстоим впредь».

Германское командование: новая фаза

Зимний пессимизм начал понемногу уступать место новым надеждам германского генералитета. Вопрос об уходе к довоенным границам уже не стоял. Остановить войну теперь было не менее трудно, чем выиграть. Германское руководство начинает подспудную — а затем и открытую дискуссию о способах ведения войны на советско-германском фронте в новый теплый период. Перед стратегами встала дилемма: можно ли вывести Советский Союз из войны одним ударом или это несбыточная мечта — безответственное прожектерство и противника следует посредством нескольких операций в решительной степени ослабить?

На всех фронтах завершалась одна фаза и наступала другая. Для Ставки и для Вольфшанце наступило время заново оценить потенциал противостоящей стороны и, главное, его намерения. От этого зависел характер решающей — весенне-летней кампании 1942 года. Пока было ясно одно: в 1942 году германское наступление начнется позднее, чем в предшествующие годы. В 1940 году вермахт начал наступательные действия нападением на Скандинавию 9 апреля, в 1941 году выступлением на Балканах 6 апреля. В наступившем 1942 году начало кампании, как убеждали все разведданные, было отложено на более поздние сроки. Германские военные специалисты доказывали, что для наступления им необходимы дополнительные 800 тысяч солдат. Министр вооружений Шпеер утверждал, что освободить такое число людей с заводов для службы в армии невозможно. В конечном счете в германской армии произошло изменение организации. В пехотных дивизиях вместо девяти батальонов стало семь, численность пехотной роты была сокращена со 180 человек до 80. В течение зимы за счет преобразования двух кавалерийских дивизий были созданы две новые танковые дивизии (всего их стало двадцать). Было увеличено число танков в мотопехотных дивизиях.

В германском генералитете сложились две школы, два подхода к войне, которая оказалась более сложной и продолжительной, чем ожидалось.

Первая школа исходила из того, что самое худшее позади, что Германия пережила страшную зиму, что впереди вермахт получит все возможности для реализации всех тех качеств, которые его отличали в 1939–1941 годах. Следует положиться на прежнюю маневренность, атаковать при первой возможности, добить смертельно раненного, как

казалось многим германским офицерам, противника. Ведь германские войска стоят не на Буге и не в Карпатах, а под Ленинградом и недалеко от Москвы и Ростова. Рейх прирос Украиной, Прибалтикой, Белоруссией. Теперь танковым колоннам не нужно преодолевать фантастические пространства великих русских просторов. Найти ключевое место и нанести решающий удар. Выбор велик — Москва, Ленинград, Кавказ. И никому уже более не отдавать инициативы вплоть до предсмертных конвульсий врага.

У второй школы уже не было прежнего залихватского настроения, не было ожиданий того, что Советский Союз рухнет на одном из этапов жестокой борьбы просто ввиду перенапряжения. Решимость советского народа выстоять, его безусловное отныне единство, готовность перенести любые испытания ради национального спасения стали очевидными в кругах тех, кто еще недавно роковым образом недооценивал мощь восточного гиганта. Немецкий генерал Блюментрит вспоминает об этом времени: «Ряд генералов пришел к выводу, что возобновление наступательных операций в 1942 году невозможно и что было бы мудрее обеспечить удержание уже завоеванного. Гальдер испытывал очень большие сомнения относительно продолжения наступательных действий. Фон Рундштедт шел еще дальше и даже настаивал на том, что германская армия должна уйти на свои первоначальные позиции в Польше. Фон Лееб соглашался с ним. Хотя другие генералы не заходили так далеко, большинство из них были очень обеспокоены тем, к чему должна вести новая кампания». Теперь здравый смысл диктовал: законсервировать Восточный фронт и обратиться к британо-африканским задачам.

1 марта фельдмаршал фон Клюге, только что назначенный командующим группой армий «Центр», информировал Гитлера, что, несмотря на огромные потери, русские войска еще способны подтянуть необходимое количество резервов для блокирования германского весеннего наступления — у них есть возможности создавать новые армии к востоку от Москвы. Россия, если и не бездонна, то обильна людскими ресурсами. В то же время вермахт уже понес значительные потери. Начальник штаба сухопутных войск генерал Гальдер в тот же первый весенний день дал цифры потерь германских войск за восемь месяцев войны — 202 357 убитых, 725 642 раненых, 112 617 потерпевших от обморожения. В плен были взяты 400 тысяч немецких военнослужащих. В день гибли две тысячи немцев. Не лучше ли для рейха было бы остановить эту «утечку» ее самых боеспособных сил?

Итак, перед германским руководством стоял выбор: нанести основной

удар года по Советскому Союзу или заморозить операции здесь и решить задачи консолидации захваченного, обратившись при этом к Западу. Вопрос выбора между двумя подходами решался в резиденции Гитлера в Восточной Пруссии в «Вольшанце». Более пространно об этом выборе говорит генерал Блюментрит, занявший пост заместителя начальника штаба сухопутных сил 8 января 1942 года.

Вторая альтернатива (замораживание фронта на Востоке) по существу всерьез никогда не рассматривалась. Редер и Дениц не имели решающего влияния на Гитлера, да и на дворе стоял не 1940-й год. Были ли стратегические наметки такого калибра у фон Браухича — мы не знаем, его более всего в эти решающие недели возможного выбора волновала прежде всего собственная военная судьба. В дальнейшем он уходит в военно-политическое небытие. Гальдер также не выказал широты кругозора, предполагающей возможность радикального пересмотра приоритетов. Остальные генералы вообще не в счет. Что касается самого Гитлера, то он рассматривал Средиземноморье как зону преимущественного влияния Муссолини, а вот европейский Восток — как собственную зону влияния.

Идея отступления даже на выгодные и хорошо укрепленные позиции казалась Гитлеру, как пишет Лиддел Гарт, «отвратительной». Сомневающимся Гитлер, по существу, сместил. «Но с уходом фон Рундштедта, равно как и Браухича, — пишет Блюментрит, — сопротивление давлению Гитлера стало ослабевать, а Гитлер выступал за возобновление наступательных действий». Рундштедт ушел в отставку в конце ноября 1941 года, Браухич — 19 декабря 1941 года, Бок — 20 декабря, чуть позже подал в отставку Лееб. Сменившие их Рейхенау, Клюге и Кюхлер были склонны получать приказы непосредственно от Гитлера и не претендовать на принятие стратегических решений. Все это понизило значимость Гальдера в его должности начальника штаба сухопутных сил. И когда он сообщил, что, по сведениям разведки, русские производят на Урале по 600–700 танков в месяц, Гитлер ударил кулаком по столу и сказал, что не нуждается в фантастике.

На этом этапе на Гитлера оказали влияние его советники по экономическим вопросам, утверждавшие, что Германия не сможет продолжить войну, не получив кавказскую нефть, украинскую и северокавказскую пшеницу и криворожскую руду. Поэтому первый вариант вызрел естественно. Вопрос стоял так: не на каком фронте, а на каком участке Восточного фронта нанести удар? Все это предопределило решение на 1942 год: наступать на Восточном фронте.

Что привело к абсолютной победе сторонников решительных действий

на советско-германском фронте? Скорее всего, общий взгляд на развернувшиеся колоссальные процессы по всем азимутам. До Московской битвы и вступления в войну Соединенных Штатов, имея на Западе лишь почти замершую в ожидании своей участи Британию, Берлин мог с меньшей тревогой смотреть на календарь. Но в условиях, когда Красная Армия показала возможности своего выживания и нечто большее — способность укрепления и насыщения новой техникой; когда огромная индустриальная мощь США оборачивалась для Германии негативным фактором; когда Британия показала цепкость в районе Суэцкого канала, германские военные вожди стали смотреть в будущее как на уходящий от них поезд. Задачу разгрома России теперь нельзя было откладывать; владение огромной русской территорией приобретало зыбкий характер — русскую проблему следовало решить в текущем году.

По мере стабилизации фронта и накопления резервов военные вожди нацистской Германии стали склоняться к тому, чтобы продолжить наступательные операции, а степень их «смертельности» для СССР определить по ходу действий.

Складывается впечатление (по крайней мере, исходя из «противоречивости» дальнейшего планирования), что Гитлер в это время — как и в 1941 году — лелеял неистребимую надежду на то, что на каком-то еще не ведомом ему и всему миру этапе ослабнет и рухнет великая русская «потемкинская деревня». Ее все более признаваемая мощь окажется такой же зыбкой, как и все в России — от климата до характера людей. Гитлер твердо верил — от этого впечатления не уйти, — что где-то в природе (а скорее всего, где-то очень близко) лежит предел сопротивляемости огромной, но плохо контролируемой, неважно руководимой, отвратительно снабжаемой, несущей неоправданные потери Красной Армии. Не бездонны же ее ресурсы, если самой Германии приходится так напрягаться? В ожидании этого чуда — падения русского колосса (в которое Гитлер безусловно верил) фюрер германского народа провел много часов, дней и недель. Надежда на это чудо согревала его тогда, когда у профессионалов военного дела начинали опускаться руки.

Шпеер

Для тех, кто не принимал участия в стратегических дебатах, пребывание в Вольфшанце — бетонном городе среди болот — было мукой. Монотонность жизни была непередаваемой. Секретарши Гитлера ежедневно совершали прогулку до соседней деревни, вечером их ждало кино, после обеда они приглашались на чаепитие к фюреру. Гитлер запрещал говорить о политике во время этих чаепитий. О войне никто и не рискнул бы и вспомнить. Свою словесную экспансию фюрер проявлял во время ланча и в предзакатные часы. Разумеется, основное напряжение создавал не климат и не уединенное местоположение штаб-квартиры Гитлера, а важность момента, ощущение того, что неудача на этот раз может быть уже неисправимой.

Для выбора любой стратегии следовало прежде всего мобилизовать германскую индустрию и использовать возможности оккупированных стран и территорий. Один из самых талантливых нацистов — доктор Фриц Тодт (рейхсминистр вооружений) кризисной зимой 1941–1942 годов пришел к выводу об ошибочности оценки советского экономического и общего стратегического потенциала. В декабре-январе Тодт предпринимает существенные шаги по увеличению производства вооружений, и Гитлер поддерживает его инициативы. Самоуверенность гаснет. Приоритет авиации и военно-морскому флоту (данный в расчете на краткость Восточной кампании) был отменен в пользу вооружений сухопутных войск — именно от них теперь зависела судьба Германии.

Утром 7 февраля 1942 года Тодт вылетел в Растенбург, чтобы обсудить с Гитлером результаты его переговоров с представителями военной промышленности. Несмотря на постоянные и весьма дружественные отношения, данная встреча не отличалась единством мнений. Протоколов не сохранилось, но известно, что Тодт вышел от фюрера взвинченным и вылетел в Мюнхен не на своем личном «Юнкерсе-52», потребовавшем ремонта, а на двухмоторном «Хейнкеле-III» — личном самолете маршала авиации Шперле. Вскоре после взлета самолет внезапно сделал поворот, направился к взлетной полосе, загорелся и рухнул на землю. Причина гибели Тодта так и не была определена специальной комиссией по свежим следам инцидента, неизвестна она и сейчас. Но стало известно, что Тодт, пользуясь старой дружбой, постарался доказать Гитлеру, что эту войну выиграть уже невозможно.

Сказанное не представляет собой намек на коварство Гитлера (впрочем, общеизвестное), речь идет о том, что непосредственно занятые обеспечением вермахта специалисты стали приходить к выводу, что германская экономика не позволяет надеяться на выигрыш в войне, где экономика определяет столь многое.

Хотя Гитлер мог просто уволить Тодта, поразительной является быстрота, с которой он назначил находившегося в это время в Вольфшанце своего личного друга архитектора Альберта Шпеера. Который, заметим, отказался лететь вместе с Тодтом на одном самолете. Гитлер говорил о Шпеере: «Он — артист, и в нем дух, подобный моему... Он строитель как и я, интеллигентный, скромный и не похож на твердоголовых военных». Шпеер же утверждает, что он был ближе, чем кто-либо другой к тому, чтобы быть названным другом Гитлера. Через четыре часа после смерти Тодта тридцатисемилетний Шпеер был назначен министром вооружений.

Все эти дни и недели Гитлер и его окружение спорили о стратегическом планировании на 1942 год, но уже не о выборе фронта, а на каком участке Восточного фронта должна нанести Германия свой самый большой удар в текущем году. Наиболее убедительными стали казаться (и в конечном счете затмили собой все прочее) идеи наступления на южном направлении советско-германского фронта. Целью стало нанесение удара на широком пространстве от Сталинграда до Баку. Захватить одно из крупнейших мировых месторождений нефти и одновременно лишить нефти своего главного военного противника. Первоначально вокруг Гитлера сложилось мнение, что после взятия Сталинграда следует повернуть на север — в тыл советских армий, сгрудившихся вокруг Москвы. Однако на следующем этапе возобладала та точка зрения, что после взятия Сталинграда следует броситься на Урал. Но Гальдер сумел убедить Гитлера, что такой поворот событий приведет вермахт лишь к перенапряжению. Пусть Сталинград будет крайним левым опорным пунктом войск, которые завоюют советский Юг, лишат Россию горючего, поставят преграду на южном пути ленд-лиза, выведут вермахт на Средний Восток.

Март

Внутренний круг германского руководства знал о слабостях Германии. Геббельс пишет в дневнике о том, что запасы продовольствия достигли минимума, что дальнейшее сокращение рациона скажется на общем моральном состоянии воюющей страны. Ввиду дефицита ряда товаров «черный рынок» в Германии уже процветал. Попытка Геринга — координатора «четырёхлетнего плана» — запретить его законодательно встретила непреодолимые препятствия. Выход из положения Геббельс обсуждал с Гитлером в Вольфшанце 19 марта. И дело свелось к планированию грабежа — увеличить численность составов, везущих продовольствие с Украины.

Берлин упивался цифрами союзных потерь на море. Этот месяц был самым тяжелым для союзных морских перевозок — в море были потоплены 273 торговых судна общим водоизмещением 34 148 тонн. Адмирал Редер так и говорил Гитлеру в марте 1942 года: нужно топить не менее 600 тысяч тонн в месяц, чтобы связь США с Англией была полностью прервана. Гитлер, прежде несколько скептически относившийся к возможностям подводных лодок, был приятно поражен. Адмирал Дениц собрался посылать дополнительные подводные лодки (у немцев готовилась новая серия исключительно эффективных подлодок «шноркель») в Атлантику. Его остановил Гитлер, объявив, что не океанские маршруты, а зона к северу от Норвегии будет «зоной судьбы» для рейха. Дениц доказывал, что всего десяток подводных лодок сможет остановить поток американских перевозок, но Гитлер повторил: лучшие подводные лодки пойдут к побережью Северной Скандинавии. Пути снабжения СССР интересовали его гораздо больше, чем выживание Англии.

По мере продолжения военных действий на моральное состояние немцев все более действовало потрясающее открытие, что не все мировые достижения в технике принадлежат немцам. Конкретно это касалось русского танка Т-34 и многоствольного ракетного миномета, который весь мир знал как «Катюша». Немцы спешно стали создавать свой многоствольный миномет, ускорили процесс создания новых образцов танков. Последовали организационные реформы. В германских войсках по сравнению с 1941 годом увеличилась численность автоматчиков в пехотных частях. Танковые части учли опыт боев в России и стали более гибкими в своих формированиях. В танковых частях немцев появились

батальоны 88-мм орудий, называемых зенитными, а на деле очень эффективных в противоборстве с советскими танками. Батальоны мотоциклистов были отменены, вместо них появились первые прототипы бронетранспортеров, способных преодолеть пересеченную местность. В них сидели «панцергренадиры» и скоро этим новым термином стали называть все войска, приданные танковым подразделениям. Огневая мощь танковых батальонов была значительно увеличена, вместо старой 37-мм пушки на танк PzKw III устанавливали 50-мм орудия. В каждом танковом батальоне появилась дополнительная четвертая рота.

Напомним, что в предшествующем 1941 году танковое производство Германии составило 3 тысячи 256 танков. Почти все они погибли в России — потери за 1941 год составили почти 3 тысячи танков. Оказалось, что не все немецкие танки способны сражаться с советскими машинами. Такие старые танки, как PzKw II и I, переводились на антипартизанские и полицейские операции. Спешно проводятся испытания «тигров», строятся конвейерные линии их производства. Все новые типы танков теперь посылаются на юг, на тот театр военных действий, который чем дальше тем больше становился наиболее вероятным местом решающих боев. Это место приложения германской мощи. А время?

20 марта 1942 года Геббельс в результате долгой беседы с Гитлером в Вольфшанце пришел к выводу, что «наступление начнется, вероятно, в конце мая — начале июня и будет вестись с огромной истребительной силой. У фюрера нет намерения перейти в наступление по всему фронту, он хочет посредством наступательных операций прорвать его и затем нанести удары действительно решающего значения. Первый натиск на большевиков будет предпринят уже через несколько дней в Крыму». Кейтель в это же время отмечает, что Гитлер «избрал целью операции прорыв на северном крыле группы армий „Юг“».

Если Германия мобилизует все свои силы, то то же следует потребовать от союзников. Итальянцы, финны, венгры, румыны, хорваты, словаки подвергаются давлению своего германского лидера с целью увеличить свои усилия на Восточном фронте. 28 марта по поручению фюрера рейхсминистр Иоахим фон Риббентроп предпринял яростную попытку уговорить японского посла в Берлине графа Осиму выступить перед императорским правительством в Токио в пользу нападения на Советский Союз с востока. Германское военное руководство сделало специфические — и весьма конкретные — предложения по захвату советского Дальнего Востока вплоть до озера Байкал. Но японцы, сами находящиеся в процессе колоссальной территориальной экспансии,

ожидали гарантий, более очевидного смещения баланса в борьбе двух титанов — СССР и Германии.

Гитлер, выступая в день поминовения героев в Шпортпаласте перед курсантами военных училищ Берлина, указал, что прошедшая зима была самой холодной за сто пятьдесят лет, и она явилась главным препятствием на пути вермахта. С поворотом зимы на лето все войдет в естественное русло. «Одно мы знаем сегодня определенно. Большевистские орды, которые не смогли нанести поражение германским солдатам и их союзникам этой зимой, будут сокрушены нами до полного уничтожения грядущим летом». Он поклялся, что Россия будет «сокрушительно разбита» летом 1942 года.

Требовалось ободрить ту молодежь, которая завтра вольется в Восточный фронт. Гитлер напомнил, что в свое время весь мир ополчился против Фридриха Великого и канцлера Бисмарка. «Сегодня я имею честь оказаться в их положении, потому что я стремлюсь к созданию из Германского Рейха мировой державы». Последовали бешеные овации будущих офицеров, которых этот человек вел на погибель, а Германию к поражению.

Укрепление фронта напрямую зависело от заботы непосредственного тыла. В этом отношении Берлин встретил неожиданные сложности. Германское военное командование все более серьезно испытывало эффект партизанского движения. Берлину с оккупированных территорий сообщали о том, что Советы сражаются и за линией фронта. Геббельс отмечает в дневнике 16 марта: «Активность партизан выросла значительно за последние недели. Они ведут хорошо организованную партизанскую войну». Для их усмирения было создано специальное воздушное подразделение, базировавшееся в Бобруйске. Во второй половине марта была проведена специальная широкомасштабная антипартизанская операция под кодовым названием «Мюнхен». Целью этой операции, начатой 17 марта, было уничтожение партизан в районе Ельня — Дорогобуж. Десятки деревень были сожжены, более трех с половиной тысяч крестьян убиты. Но эти зверства порождали лишь неутолимую ненависть. Представитель третьей танковой армии докладывает через несколько дней: «Есть все признаки того, что партизанское движение в районе Великие Луки, Витебск, Рудня, Велиж теперь организовано в еще большем масштабе. Боевая сила партизан получила поддержку части регулярных войск».

А Гитлер в преддверии дополнительной мобилизации и решающих операций требовал увеличения рабской рабочей силы для использования ее

в германской промышленности. 21 марта 1942 года он дал Заукелю, ответственному за мобилизацию рабочей силы, право использовать любые методы для приведения германской экономики в состояние максимальной эффективности. Рабочую силу отныне можно было черпать из любых доступных германскому оружию районов — даже путем захвата, если это потребуется. Т. н. «рабочий закон» от 31 марта 1942 года предполагал отбор «годных» к производительному труду и «негодных». В отличие от Бельзена и Треблинки (где смерти сразу же подлежали все), такие лагеря, как Аушвиц, делили заключенных на работоспособных — они работали на полях и на фабриках — и непригодных (пожилых, больных, слишком молодых), которых уничтожали сразу в газовых камерах. Первая партия евреев прибыла в Аушвиц-Освенцим из Словакии 26 марта 1942 года. На следующий день пришел поезд из Парижа. «Ни одно другое правительство, — пишет Геббельс с гордостью в дневнике, — ни один другой режим не имел силы для такого глобального решения, как мы».

Германия интенсифицировала работу своих фабрик по уничтожению людей. Все больше и больше гибли гражданских лиц, приговоренных германским режимом к уничтожению. 7 марта Геббельс отметил в своем дневнике, что «ситуация теперь созрела для окончательного решения еврейского вопроса». На следующий день: «У последующих поколений уже не будет ни достаточной воли, ни организованной силы. Задача должна быть решена сегодня». У нацистов были пособники. 12 марта десять советских парашютистов приземлились близ литовского села Бирзаи, имея с собой радиопередатчик. Все они были найдены. Выданы и расстреляны.

Западные союзники

Рузвельт надеялся, что его советский союзник выстоит, но при всем этом готовился к худшему. Военный министр Стимсон и генерал Маршалл представили президенту план действий на случай коллапса советско-германского фронта. Согласно идеям автора этого плана — Эйзенхауэра, западные союзники должны быстро подготовить 48 дивизий и 5800 самолетов на случай необходимости в экстренных действиях на европейском континенте до 1 апреля 1943 года. Если же события потребуют более быстрого вмешательства, то предлагались массированные воздушные налеты и рейды на европейское побережье Атлантики.

Если советский фронт не выдержит в 1942 году, то ради самосохранения Соединенным Штатам и Британии придется спешно создавать свой фронт на континенте. Предполагалось в этом случае вторгнуться на европейский континент осенью, задействовав для этой высадки от восемнадцати до двадцати одной дивизии. Сосредоточение этих войск — на случай быстрых и неожиданных перемен на советско-германском фронте — должно было быть реализовано к осени 1942 года и окончательно завершено в апреле 1943 года (если обстоятельства благоприятствовали бы такой задержке). Первого апреля 1942 года Стимсон и Маршалл предстали со своими планами перед президентом. Все трое пришли к твердому заключению, что главной задачей на данный момент является поддержка Советского Союза. Стратегическая обстановка требовала не только помощи в снабжении, но и операций с целью отвлечения части главных сил немцев на Восточном фронте.

Президент считал необходимым согласовать стратегическую линию с англичанами и с этой целью решил послать в Лондон своего ближайшего советника Гарри Гопкинса и генерала Маршалла. Данное им письмо президента отстаивало ту мысль, что «необходимо создание фронта, который ослабил бы напряжение, оказываемое на русских. Наши народы достаточно мудры, чтобы видеть, что русские сегодня убивают больше немцев и уничтожают больше их материальных ресурсов, чем наши страны взятые вместе. Эта цель должна быть главной».

Начиная с 1942 года главным экономическим рычагом Рузвельта становится ленд-лиз. У администрации был годичный опыт связей с союзниками, и Белый дом уже ощутил значимость этого орудия американской внешней политики и внутреннего роста. Но обозначились и

сложности. Президент Рузвельт сказал, что только англичане оказались для России еще менее надежными союзниками. «Они обещали предоставить в распоряжение русских две дивизии и не предоставили вовсе. Они обещали им помощь на Кавказе. И не оказали ее. Все обещания, данные англичанами русским, оказались невыполненными... Единственная причина, почему мы до сих пор ладили с русскими, заключается в том, что мы пока выполняли свои обязательства». Не совсем. Согласно советско-американским договоренностям, США должны были поставить к 1 апреля 1942 года 42 тысячи тонн стальной проволоки, а поставили лишь 7 тысяч; нержавеющей стали — 22 тысячи тонн вместо 120 тысяч, холодного проката — 19 тысяч тонн вместо 48 тысяч и т. п.

Давая принципиальное согласие на высадку на континенте в формальных обстоятельствах, английский премьер имел перед собой совсем другую шкалу военных приоритетов и его стратегическое видение значительно отличалось от концепции Рузвельта. Он стремился к успеху на европейской периферии, выступал за относительно небольшие операции, предполагал полностью задействовать силы Советской Армии, чтобы самим вмешаться в события на этапе резкого ослабления немцев. При всем понимании того, где решалась судьба войны, Черчилль ни на минуту не забывал о своей миссии охранителя имперской мощи. Когда американские посланцы докладывали в Вашингтон о согласии Черчилля с их планом, премьер-министр думал о том, как предотвратить отход от Британской империи четырехсотмиллионной Индии, как уберечь путь в Индию через Ближний Восток, как сохранить жизнеспособность империи. Его видение будущего предполагало сохранение главных имперских путей (в частности, защиту Египта), действия на европейской периферии, относительно небольшие операции, использование до конца сил Советской Армии и высадку в Западной Европе лишь на этапе коллапса либо СССР, либо Германии. В Европе же, считал Лондон, достаточно будет обеспечить десант и сопутствующие операции в Северной Норвегии.

В определенном смысле весна 1942 года была более тяжелым для Черчилля периодом, чем любой другой период времени с начала войны. Глубоко чувствуемая им патетика держала его на поверхности, когда Британия стояла одна против коричневой Европы. Но вот осуществились необходимые условия — два величайших государства, СССР и США, вступили в борьбу на стороне Британии. Угроза национальному существованию отодвинулась. Но естественной стала угроза ослабления и потери влияния Британии в мире. Несмотря на гигантское напряжение, роль британской промышленности уменьшалась, а британские войска

несли неслыханные поражения. В Сингапуре шестьдесят четыре тысячи англичан сдались меньшему числу японцев — величайший удар по британской империи со времен отпадения североамериканских колоний. Фотографии сдачи генерала Персиваля были невыносимы для любого англичанина. Может быть, как пишет видный деятель эпохи Николсон, два десятилетия, на протяжении которых интеллектуалы и либералы всех сортов «сокрушили принципы и силу, на которых была построена наша империя, ослабили боевой дух британцев?» Сдача Сингапура, прославленной «лучшей крепости в мире», была символом этого отхода Британии и от штурвала своей судьбы, от героики британской выдержки и мужества. Черчилль начал спрашивать, той ли крови британские солдаты, что их отцы и деды. Вайолет Бонэм-Картер записывает, что впервые видела Черчилля в состоянии глубокой депрессии, неспособным сконцентрироваться в столь знакомой ему палате общин.

Отныне сдерживать процесс падения веса Британии должна была более искусная, чем прежде, дипломатия, гибкая и маневрирующая между США и СССР. Черчилль говорит о необходимости добиться доверия Сталина. Он отозвал посла сэра Стаффорда Крипса, не вызывавшего доверия Кремля, потребовал более пунктуального соблюдения поставок восточному союзнику и сообщает Идену (6 марта), что готов встретиться со Сталиным в Тегеране, Астрахани или любом другом месте. 7 марта Черчилль говорит о необходимости начала планирования «второго фронта» и сообщает Сталину, что квоты военных поставок в Россию не подлежат сокращению. В этот же день он пишет Рузвельту, что «не может отрицать за Россией права на границы, которые она имела к моменту нападения Германии». В этом же письме он просит Рузвельта поделиться американскими планами на текущий год. Ответ президента удовлетворил его, и Гопкинс прочитал такие адресованные ему слова Черчилля: «Счастливые дни еще вернуться». То было название любимой песни президента Рузвельта.

Британская разведка представила премьер-министру данные о грядущем полномасштабном наступлении немцев весной на советско-германском фронте. Расшифрованная «Энигма» сообщала англичанам, что немцы ремонтируют и строят железнодорожные пути и аэродромы на Украине, особенно активно к югу от Харькова. Объединенный комитет по разведке британского военного кабинета пришел к выводу, что следующее большое германское наступление произойдет на юге советско-германского фронта. Время выступления — май 1942 года. И в этой ситуации западные союзники отказали России во втором фронте. Компенсацией западные

союзники посчитали массированные бомбардировки германской территории.

Гитлер в Берлине 15 марта 1942 г. заверил своих слушателей, что Россия близка «к абсолютному поражению». Черчилль воспринял это как признак подготовки немцев к крайним усилиям на Восточном фронте. Ожидая кульминации мировой борьбы, Черчилль интенсифицирует переписку со Сталиным. В телеграмме от 12 марта 1942 г. упоминаются «четкие указания» избегать задержек в поставках британских военных припасов России. Черчилль также обещал, что «с улучшением погоды английская бомбардировочная авиация увеличит число своих рейдов на Германию». Россия начинает доминировать в стратегическом мышлении Черчилля. Он размышляет о переводе части британских войск с Ближнего Востока и Северной Африки (численность которых была в то время 635 тыс. человек) на более значимые фронты, а именно на Северный Кавказ. Он пишет генералу Окинлеку, командующему войсками в Северной Африке, о необходимости перевода 15 эскадрилий на русский левый фланг на Кавказе, сообщает своим ближайшим сотрудникам, что Сталин доволен увеличением британских поставок (они увеличились на 50 % по сравнению с июлем 1941 г.).

Москва определяет летнюю кампанию

Сталин сгруппировал войска у Москвы, он был уверен, что при первой же возможности немцы ринутся на столицу. Стратегическую разведку трудно упрекнуть — она давала весьма точные сведения о том, что немцы смещают центр своего внимания на юг, в направлении Донбасса, южной нефти, Кавказа. На Москву немцы пойдут после, а не до выполнения этих своих задач. Это уже знали западные союзники. Один из «кембриджской пятерки» — Кернкросс по воскресеньям садился на велосипед и передавал сведения, полученные британскими дешифровальщиками в Блечли, резиденту советской разведки. Сам Черчилль периодически передавал сведения «Бонифаса» Сталину. Эти сведения говорили: вермахт смотрит на юг и планирует сомкнуться на Среднем Востоке с победоносными японцами.

В перемену фортуны верить не хотелось. Ставка еще слала приказы ласкающего слух содержания. К примеру, в директиве Западному и Калининскому фронтам от 20 марта приказано достичь линии Дорогобуж-Красное (тридцать километров до Смоленска) к 20 апреля и окопаться на новых позициях. Взять Гжатск к 1 апреля. Войти в Ржев к 5 апреля. И Ставка не только приказывала. Она слала на оба эти фронта драгоценные резервы. В результате разочарования сменяли еще более глубокие разочарования. Истощенность войск, беспримерная усталость, оглушающее перенапряжение сказались в том, что Красная Армия так и не смогла взять основного редута группы армий «Центр», опирающегося на Вязьму и Ржев. Беда и трагедия советского командования заключались в том, что они замкнули себя на идее, что с падением Ржева и Вязьмы германский «Центр» обрушится, поскольку дороги предполагаемого беспорядочного отступления перекроют советские войска, наступающие с юга и севера — Брянский и Северо-Западный фронты. Издалека кажется более рациональным остановиться на этапе неоправданных потерь, распространить опыт современной войны на грядущий период, когда в армию по следам отцов и старших братьев придет молодая поросль, когда численное превосходство Советской России будет восстановлено, а военная промышленность, ее уральская и сибирская базы наладят производство вооружения, превосходящего германское. Но Кремль спешил. И безмолвные поляны вблизи подмосковных городков хранят память о бесчисленных невозвратимых жертвах.

На севере — на Волховском фронте Мерецков и Власов постарались оживить замершую в ледяных болотах славную 2-ю ударную армию и она продолжила свое движение в направлении Любани. Однако первый же «послезимний» опыт убедил командиров, что форсирование болот и изматывающая весенняя слякоть неизбежно подорвут боевой дух армии, несмотря на приданный Ставкой ей в помощь новый пехотный корпус. Дело все равно не пошло, и Ставка удивила многих, ликвидировав Волховский фронт как таковой. Мерецков был послан заместителем Жукова на Западный фронт. В штаб-квартиру Волховского фронта прибыл генерал Хозин — командующий Ленинградским фронтом с директивой Сталина трансформировать Волховский фронт в «оперативную группу», которая в составе Ленинградского фронта должна была деблокировать Ленинград.

Мерецкова более всего волновала судьба Второй ударной армии, находившейся теперь в руках генерала Власова. Как только представился случай, Мерецков открыто выразил свое мнение на заседании Ставки: «Вторая ударная полностью отработала свое. Она не может ни атаковать, ни защитить себя. Ее линии коммуникаций в данном случае зависят от действий немцев. Если не помочь ей, катастрофы не избежать. Для выхода из сложившейся ситуации я предлагаю не снимать 6-й гвардейский пехотный корпус с фронта, а, напротив, укрепить эту армию. Если этого сделать нельзя, тогда Вторая ударная армия должна быть вытащена из болот и лесов назад — на дорогу Чудово-Ленинград и к железнодорожным линиям». Слушавший Мерецкова Сталин не внял его словам, и Вторая ударная армия продолжала стоять в нечеловеческих условиях, теряя свою боевую силу, будучи обреченной и фактически покинутой, открытой растерзанию противника. Ее командующего ждет незавидная судьба.

В конце марта 1942 года германские войска, в свете неудач Красной Армии и восстановления собственных сил, начинают переходить к активным действиям. На рассвете 27 марта группа Зейдлица после внушительной артподготовки начинает прорыв к осажденной под Демянском немецкой группировке (обильно снабжаемой по воздуху) — наносит удар в стык 11-й и 1-й ударной армий и, совершенно неожиданно для Курочкина, проходит одну за другой оборонительные линии между Старой Руссой и Демянском. Противостояние едва ли могло быть более суровым. Под постоянным прицелом господствующих в воздухе немецких штурмовиков советские войска оборонялись отчаянно. И все же происходящее не было похоже на 1941 год. Зейдлицу понадобилось тридцать дней, чтобы выйти к реке Ловать, где он соединился со 2-м

германским корпусом.

Апрель

9 апреля 1942 года Гитлер начал обед в Вольфшанце словами: «Господа, пришла весна!» Гитлер ненавидел снег, а в том году он в Восточной Пруссии долго не таял и Гитлер стал говорить, что попросит Муссолини о местечке в африканской пустыне. Но с исчезновением этого символа подмосковной катастрофы все отмечают подъем его настроения. Теперь он готов решать даже проблемы отступления. «Как поступить, если военные части отходят без приказа и остановить их невозможно? Нет иного выхода, кроме как прибегнуть к расстрелам. Но расстреливать надо не простого пехотинца, этого жалкого червяка, нет, расстреливать надо командира отходящей части».

У Гитлера ослабевает депрессия и просыпается страсть к философствованию, к рассуждениям о проблемах блестящего германского будущего. Во время обеда 5 апреля в Вольфшанце Гитлер согласился с Гиммлером, что дети германского происхождения должны быть изъяты из семей их родителей на оккупированной территории и отданы в специальные немецкие школы. Нацисты создали третий лагерь массового уничтожения — в средневековом городке Замойшче.

10 апреля нацисты еще более засекретили массовое убийство евреев, отныне приписывалось именовать их депортацию к печам и газовым камерам «транспортировкой евреев в направлении Восточного фронта».

Но чтобы полностью воплотить в жизнь такие теории и практику, нужно было победить противника. ОКВ и ОКХ приступают к рационализации наступательных действий в России, «когда она проходима».

Апрель 1942 года был месяцем самой большой смертности в Ленинграде — 102 тысячи 497 человек ушли молча из этого мира. И никто не назовет эту цифру точной, множество обмерзших людей уходило безымянно.

В начале апреля в командовании Ленинградским фронтом (как помнит читатель, инкорпорировавшем Волховский фронт) произошли большие перемены. Редкая «белая ворона» среди генералов (непартийный командир) — генерал Говоров стал новым командующим Ленинградским фронтом. Войска, стоящие между озерами Ладожским и Ильменем, были объединены командованием Ленинградского фронта, но общая координация усилий на таком большом участке была весьма сложной.

Тремя армиями, замкнутыми в самом Ленинграде командовал генерал Говоров. Шесть армий, растянувшихся между озерами, контролировались непосредственно из Ленинграда. Дублирование действий не способствовало их эффективности. Хозину поручили командовать «операционной группой» близ волховской Малой Вишеры — то, чем был прежде Волховский фронт Мерецкова, многострадальную волховскую группу. Говоров был артиллеристом и стремился оптимизировать артиллерийскую оборону города. Но сил разомкнуть блокаду у него не было, и великий город умирал на виду у всей страны.

В начале апреля Жуков сделал общую оценку ситуации на своем Западном фронте. «Фронт имеет протяженность более 300 километров. Мощь противника: на линии Милятино — Ельня разведка определила шесть дивизий. В направлении Ельни созданы фортификационные укрепления, ведущие к Рославлю и Смоленску. К западу от Днепра не оцененные точно силы держат оборонительные позиции. К северу — Ярцево, Землево, Волоста Пятница — подходы к железнодорожным путям прикрыты несколькими частями, среди которых 35-я и 23-я пехотные дивизии... Протяженность фронта вынуждает меня обратиться к оборонительным действиям. Инициатива явно переходит в руки противника. Резервов нет». Жуков предложил несколько операций, но речь уже не идет о январского масштаба фантазиях, обещающих победоносное окончание войны в 1942 году.

В глухих лесах генерал Ефремов вместе с группой охраны под суровым огнем пробивался 18 апреля из окружения местного масштаба на Западном фронте. Не имея возможности помочь своим людям и не желая попасть в плен, генерал обратился к окружающим: «Ребята, мне наступают конец, но вы продолжайте сражаться». И застрелился.

Глобальная война требовала хотя бы минимальной координации усилий. Рузвельт пишет Сталину письмо с выражением сожаления относительно того, что огромные расстояния препятствуют их встрече. Возможно, хорошим местом для такой встречи была бы Аляска. Суровая реальность весны 1942 года не позволяла откладывать согласования стратегических целей. Если визит Сталина, как главнокомандующего, невозможен по причинам занятости, то необходим посредник, который пользовался бы доверием главы советского правительства. Рузвельт предложил Сталину послать народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова для обсуждения «предложений, предполагающих использование наших вооруженных сил с целью помощи критически важному Восточному фронту». Последовал ответ, что Молотов прибудет в

Вашингтон «для обмена мнениями» в деле организации второго фронта в Европе. И прибудет он в Вашингтон через Лондон.

Во время ужина с Гопкинсом и Маршаллом 14 апреля 1942 года Черчилль признал, что наиболее эффективным способом помощи русским была бы высадка в Северной Франции. Но Британию сдерживают два обстоятельства — оборона Индии и оборона Ближнего Востока: «Мы можем потерять армию в 600 тысяч человек и весь человеческий резервуар Индии. Нельзя допустить также падения Австралии». Услышав изложение сдерживающих Британию мотивов, Гопкинс резюмировал: «Каждая страна сражается за свои собственные интересы».

Планирование в Москве

По мере того как зимнее наступление Красной Армии выдохлось (что особенно заметно стало в марте 1942 года), руководство страны и высшее военное командование вынуждено было планировать будущее в значительно менее радужных тонах. Именно на этом этапе Сталин откладывает все прочие дела и становится в центр руководства и планирования Красной Армии. Сложный для него период времени. Никто не видел Сталина самобичующимся, но многим внимательным наблюдателям за ним этого периода виден определенный душевный надлом. Привычный скептик, он слишком позволил себе увлечься радужными перспективами на изломе Московской битвы, которые, казалось, открылись в декабре-январе, когда вождь поверил в крутой поворот военной фортуны. Он сделал, по меньшей мере, три ошибки: недооценил врага; не сумел сконцентрировать силы на решающих направлениях; не наладил эффективной службы стратегической разведки. Ежедневные бдения в Кремле не имели элемента дискуссии — кто, кроме очень узкого круга людей посмел бы спорить с человеком сталинской власти и сталинской нетерпимости? Обращение к радиотелефону, к прямому контакту с генералами близ передовой не всегда давало позитивные результаты. Тем сильнее депрессивные явления. В апреле-мае 1942 года он находится в подлинном психологическом и интеллектуальном тупике, никто не знает, какой должна быть, какой будет летняя стратегия.

В то же время восточная военная промышленность стала давать первые результаты. Вставал вопрос об использовании первых поступающих военных ресурсов. Нечеловеческое напряжение тыла, круглосуточная работа новых заводов на Урале и за ним позволила произвести более 4500 танков, 3000 самолетов, 14 тысяч пушек, 50 тысяч минометов. (Вызрела идея создания самоходной установки). Модели танков были уже апробированы в боях — Т-34, КВ, Т-70. Каждый из четырех танковых корпусов, скажем, прибывших в апреле 1942 года на Брянский фронт, имел 24 танка КВ, 88 танков Т-34, 69 легких танков.

В Ставку и Генеральный штаб вызываются все более независимо мыслящие генералы, лучшие из военачальников. Вопрос один: какой должна быть оптимальная стратегия на весну-лето текущего года? Сам генштаб подготовил весьма реалистический обзор основных процессов и реалистических возможностей. В нем уже сложившийся дуэт —

Шапошников и Василевский — в достаточной мере критично оценил мощь Красной Армии, арсенал имеющихся вооружений, поток оружия и боеприпасов, производимых военной промышленностью. Главное в этом документе было (словами Василевского) определение оптимальной стратегии на раннее лето 1942 года как «временной стратегической обороны». Переход к ней объяснялся несколькими обстоятельствами, среди которых главными были истощение наличного состава, отсутствие обученных резервов, незавершенность процесса обучения командного состава основам ведения современной войны. Стратегическая оборона должна была осуществляться за счет активной оборонительной деятельности, способной измотать самоуверенных немцев. Одновременно шел процесс подготовки новых боеспособных частей, вступление в строй которых даст армии новый, более надежный шанс в будущем.

Олицетворяя собой лучшую стратегическую ориентацию в сложившейся обстановке с советской стороны, старый (еще царский) офицер Шапошников и его лучший ученик Василевский представили свою стратегическую оценку Сталину в середине марта 1942 года. Двумя месяцами ранее Сталин отбросил бы документ с подобными выводами, но в марте на фоне затормозившегося на всех фронтах наступления ему пришлось преодолевать собственную бешеную гордость. Теперь его молчание означало не презрение к осторожным, а признание справедливости и адекватности точки зрения Шапошникова, Василевского и Жукова, не разделявших январской самоуверенности и не одобрявших чрезмерных по масштабам операций, ориентированных на временную оборону. Войска, едва избежавшие кровавого Молоха германской армии, которые несколько месяцев находились в состоянии чудовищного напряжения, только начинали учиться основам современной войны.

Трезвым головам в Ставке приходилось останавливать не только максимализм вождя, но и беспредельную лихость его эпигонов. «Красные орлы» гражданской войны — Тимошенко, Ворошилов, Буденный, Голиков — еще лелеяли надежду на успех посредством сабельного прорыва в тыл противника. Лихой порыв вперед конных масс — а не топтание и заумное колдовство возле карт — вот путь к победе русской армии. Опыт Первой мировой, опыт Жоффра и Френча, горький опыт французского «элан виталь» был им почти неведом. Они жили в мире тачанок и «даешь!», они были поклонниками броска вперед, «а там посмотрим». Сила Тимошенко, Голикова и всей старой гвардии была в том, что они предлагали дело, а не почти невыносимое ожидание ошибок противника, наступление у того немислимого истощения (почему оно должно было наступить само

собой?). Действие обычно привлекательнее, и Сталин ценил порох в старых пороховницах.

В середине марта 1942 года маршал Тимошенко представил Ставке план наступления трех фронтов — Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов с целью уничтожения основной массы войск германской группы армий «Юг» и нечто такое, что не могло не взволновать, — выхода в результате наступательных операций на линию Гомель-Киев-Николаев. Нудные специалисты Ставки указывали на недостаточную оснащенность войск, на усталость войск, на отсутствие детализированного планирования, на элемент безрассудности и слепой отваги (если не авантюризма) в подходе к делу, от которого зависело само выживание государства. Но что предлагали взамен эти, пользуясь терминологией гражданской войны, военспецы? Ждать у моря погоды в расчете на растянутые немецкие коммуникации, ждать массовых результатов возрождаемой на Востоке военной промышленности, ждать взросления и мужания нового набора, молодых командиров? Но ведь так можно и просчитаться. Просчитался же генштаб в 1941 году, ожидая главного удара на Украине, ведь потом пришлось ценой невероятных усилий перебрасывать огромные массы войск навстречу идущему прямо на Смоленск врагу. Нет, бездеятельность губительна для армии.

Идея, подвергнутая критике в Генштабе, не померкла. Тимошенко и его окружение (политкомиссар — член военного совета фронта Хрущев, начальник штаба фронта Баграмян) произвели на свет укороченный вариант наступательного плана, согласно которому задачей ставилось освобождение индустриальной столицы Украины — Харькова. Предлагалось буквально напрашивающееся само собой наступление со стороны Изюмского выступа в северо-западном направлении. В результате планирования Тимошенко и одобрения Сталина возник заманчивый замысел — возникла и получила развитие Харьковская операция, так много значившая для хода событий в 1942 году. Ее притягательной стороной было возвращение в лоно страны Харькова — крупнейшего индустриального и железнодорожного центра (являвшегося своеобразной осевой основой германской стратегии на Юге), получение с его захватом возможности походом на Днепропетровск и Запорожье вернуть себе индустриальное сердце Украины. Сомнительной стороной подготовки и реализации этой операции явилась стратегическая некомпетентность проектантов — командования Юго-Западным фронтом, слабые организационные способности, отсутствие должной материальной подготовки, момент импровизации — лихое конное «авось» в борьбе с врагом, который не

прощал ошибок. В вопросе, от решения которого зависела судьба только что подготовленных резервов 1942 года.

План стремительного наступления в Северной Украине курсом на Харьков и Полтаву был сверстан и одобрен в конце марта; время исполнения — май. Сталин рассчитывал на фактор прекращения эвакуации промышленности на восток, на благоприятное обстоятельство сохранения московского индустриального района, на созданные новые дивизии. С его точки зрения возможность наращивания производства боеприпасов, боевой техники и амуниции следовало использовать немедленно — немцы ведь не дремлют, они владеют арсеналом всей Европы. ГКО наращивал планы производства танков, самолетов, орудий. Эта техника должна была укрепить боевую мощь Красной Армии. В Ставке стало признаком дурного тона «осторожничать» в перспективных наметках. Здесь начали разрабатывать пусть менее амбициозные, чем прежние, планы операций (скорее локального характера: разомкнуть блокаду Ленинграда; взять Вязьму с прицелом на Смоленск; отвоевать Харьков с прицелом на Днепропетровск-Запорожье; со стороны Керчи нанести поражение немцам в Крыму). Но не стоять, не отдавать немцам инициативу, не болеть более прошлогодней апатией первых дней и недель войны.

Это важный рубеж. В осмыслении опыта войны выявились два подхода. Первый, олицетворяемый Жуковым, предлагал перейти к стратегической обороне, к позиционной войне на тот период. Пока военная промышленность освоит новые образцы вооружений и решительно превзойдет германскую промышленность (о масштабах работы которой в Москве знали). Этот подход исходил из опасности ошибиться во второй раз, бросить последний мощный людской резерв в непродуманные импровизированные авантюры и позволить немцам проявить себя там, где они сильнее всего, — в маневренной войне. Эти мастера перемещений и согласований деятельности всех наличных сил, воспитанные на Мольткестаршем и Людендорфе периода Танненберга, получили в лице танков и штурмовой авиации желанное средство обнажать уязвимые места цепкого, жертвенного, смекалистого, но не склонного видеть всю картину битвы в целом, противника, каковым была Красная Армия. Первая школа базировала свои умозаключения на том, что время работает на Советский Союз, на большую антигитлеровскую коалицию, против ресурсов Германии и ее маломощных союзников.

Шапошникова в его особом мнении поддерживал Жуков. Он полагал, что немцы у Ржева и Демянска — это постоянная и не спадающая угроза столице, угроза рокового поворота в войне. Жуков подозрительно

относился к грандиозным операциям, ослабляющим решающий все центр. Поэтому делом первостепенной важности он считал отбросить немцев до Смоленска. Генеральный штаб видел главную угрозу в двух потенциальных плацдармах немцев — орловско-тульском и курско-воронежском, откуда механизированные колонны вермахта могли бы прорваться, окружая Москву с дальних подступов. Наличие такой угрозы, способной повернуть весь ход событий на советско-германском фронте, почти автоматически требовало избегать крупных операций вдали от нервных узлов войны.

Не в характере Жукова было прятаться за чужие спины. Он доложил о своих взглядах Сталину и предложил провести мощную операцию по уничтожению германских войск в локальных масштабах — в районе Ржева — Демянска, используя силы Западного и Калининского фронтов, вводя в действие зрелищное авиационное прикрытие — авиацию Оборонительного командования Москвы. Такое наступление выбьет немцев из равновесия и ослабит их летние наступательные приготовления.

Второй подход игнорировал стратегию, основанную преимущественно на наблюдениях за противником. Надо навязать им свою игру. Ведь получилось же под Москвой? Русский солдат в окопных сидениях теряет свои лучшие качества. Зрелище распластавшихся в апатии командиров его деморализует. Упорная сдержанность не его стихия. Его эмоциональное состояние либо на подъеме, либо на спаде. Отказ от наступательных операций деморализует его. Все сказанное, увы, не новость, с этой особенностью русской армии мир познакомился с момента ее появления на европейской арене под Полтавой. Так сделайте хоть что-нибудь! Сталин в конце марта выдвигает тезис «обороняться и наступать одновременно». Он страшился «оставлять» германское командование «без дела», он боялся новой концентрации германской мощи. И всеобщим было мнение о том, что главной является угроза нового германского наступления на Москву.

Видя разногласия среди своих военачальников, Сталин созвал сессию Государственного комитета обороны. Военачальников представляли Ворошилов, Шапошников, Тимошенко, Жуков, Василевский и Баграмян. Как обычно, общий обзор сделал уважаемый всеми Шапошников — олицетворение синтеза старой просвещенной военной школы и молодой крови советского периода. Шапошников никогда не выжил бы в той среде, где он находился, если бы не его природная осторожность и колоссальная интуиция. В общем и целом многоопытный и потерявший много иллюзий Шапошников стал в конечном счете склоняться к мнению конногвардейских ортодоксов, хотя он делал несколько отличные от ставших ортодоксальными умозаключения. Существующее германское

превосходство в силах и отсутствие «второго фронта» предполагали господство на текущий момент «активной обороны». При этом главные стратегические резервы должны были быть сконцентрированы на центральном участке огромного по протяженности фронта. Именно здесь, по мнению генерального штаба, произойдут главные события летней кампании 1942 года. Все это бросало критический свет на бывший у всех на уме южный план Тимошенко. Но не предлагало альтернативы.

И Сталин почувствовал это, возможно, острее всех. Он прервал монотонную речь Шапошникова нетерпеливым восклицанием: «Не давайте нам уйти в оборону, скрестить руки, давая немцам возможность атаковать первыми! Мы должны сами предпринять серию ударов, предваряя их наступление на широком фронте и противодействуя их приготовлениям... Жуков предлагает предпринять наступление на западном театре, сохраняя оборонительные позиции на всех других фронтах. Я считаю это полумерой». Прояснение позиции Сталина указало, какая линия одерживает верх. Мнение Сталина не оспаривалось, и сомневающимся в постулате «обороняться и наступать одновременно» пришлось действовать исподволь. Шапошников был осторожен. Он надеялся, что «ограниченная активная стратегическая оборона» ослабит германские войска к началу лета, что создаст предпосылки для дальнейшей активизации Красной Армии — когда будут подготовлены резервы, военная промышленность развернется во всю мощь, а немцы в полной мере ощутят растянутость своих коммуникаций.

Это был благоприятный момент для Тимошенко. Маршал встал и изложил свою точку зрения на предлагаемое наступление Юго-Западного фронта. Нельзя давать немцам преимущество первого удара, как в 1941 году. Если машина вермахта покатится вперед, то останавливать эту силу будет сложнее. Его люди готовы и ждут приказа; только предваряющее наступление расстроит планы немцев на Юге; что же касается наступления Западного фронта, то оно чрезвычайно целесообразно, оно отвлечет значительные силы немцев.

То было впечатляющее изложение взглядов. Маршал Тимошенко предлагал рискнуть силами своего — а не чужого фронта, он излагал разумные аргументы. Противостоять им могла лишь логика Жукова, но лишь поддержанная Генштабом. Однако Шапошников молчал, и главенствующей снова стала доктрина «одновременного наступления и обороны», что в конкретике момента означало смещение баланса мнений в сторону Тимошенко. Строго говоря, Шапошников пытался переубедить Сталина, но, как вспоминает Жуков, в конечном счете замкнулся в

молчании. Возможно, Шапошников знал мнение Сталина, что Красная Армия всегда слаба в длительной обороне (психика людей отличается от немецкой методичности, немецкая оборонительная наука вызрела еще в Первую мировую войну). Поэтому Шапошников не стал бороться с неизбежным и своим молчанием фактически одобрил идеи Тимошенко — для одобрения которых при этом достаточно было мнения одного Сталина.

Впрочем Сталин, как и многие члены Ставки, не спорил с Жуковым о том, что Москва в 1942 году будет так или иначе целью немцев номер один. Немцы могут варьировать направление, подбираться с разных флангов, но они должны понимать, что без падения Москвы для СССР еще ничто не потеряно. Большинство наиболее значимых советских военачальников считало, что Гитлер так или иначе построит свои планы на ударе в направлении советской столицы и всего центрального региона. Отсюда следовало, что группировку советских войск вокруг Москвы не нужно ослаблять. Более того. Сталин приказал в максимальной степени сконцентрировать наличные войска и резервы на фронтах, прикрывающих столицу. Особенно опасным для столицы весной 1942 года стало считаться тульско-орловское направление, тот юго-запад, откуда танки Гудериана осенью 1941 года могли совершить бросок к советской столице. Соответственно, Брянский фронт, переданный в самом начале апреля ближнему Сталину генерал-полковнику Голикову, подлежал укреплению. Голиков получил 23 дивизии и три танковые бригады. Он сам и его начальник штаба Казаков считали, что немцы могут начать наступление на обоих направлениях — Орел-Тула и Курск-Воронеж, разрезая Брянский фронт пополам. Чтобы предотвратить такой оборот событий, следовало создать особую группировку, прикрывающую Воронеж.

Но посмотрим, куда указывала советская стратегическая разведка. Она владела превосходными источниками. Как признает, скажем, английский историк Дж. Эриксон, Сталин имел в своем распоряжении, возможно, самый эффективный в мире разведывательный аппарат. И после скептицизма 1941 года Сталин мог убедиться, какой мощной силой он в данном случае располагает. Он стал придавать сообщениям «Люси» и «Вертера» первостепенное значение. Разведка указывала не на Москву, она указывала на другое направление — на юг. Как всегда, когда его мнения оказывались расходящимися с реальностью, Сталин неприязненно воспринял информацию о сосредоточении основных германских войск на юге. Но каждый день приносил свидетельства именно этой направленности германских усилий в предстоящей летней кампании, и Сталин был уже обязан переориентировать свое видение летних баталий. Именно

информация «Люси» о концентрации германских войск на юге послужила основанием для придания Тимошенко дополнительных сил, для поддержания идеи предваряющего удара на дальнем юго-западе, на харьковском направлении. В конечном счете под началом Голикова оказалось полторы тысячи танков, у Тимошенко — 1200 танков. Увы, эти танки ждала не совсем счастливая доля. Молодые танкисты еще не знали, что в предстоящие месяцы судьба отвернется от них.

Но случилось несчастье. Самолет с командиром 48-й армии генералом Самохиным, который вез секретные документы, касающиеся харьковской операции, из-за ошибки пилота сел на германский аэродром в Мценске. Генерал и его документы исчезли. Получили ли немцы данные о грядущих операциях Красной Армии? Это отныне оставалось большим и тревожным вопросом.

Германское планирование

Нужно сказать, что немцы довольно быстро пришли в себя после похоронного настроения конца декабря — начала января. Их примерная работоспособность на фоне ослабления давления утомленной Красной Армии стала давать результаты. Фронт стабилизировался. У вермахта появилась возможность навязать свой ход развития событий, свою логику продолжения войны. Для этого следовало навязать русским свой путь, свою маневренную тактику. Словом: если германская армия возвратит себе прежний боевой дух, а русские наконец ослабнут окончательно, тогда бог войны выберет Берлин.

В Вольфшанце повеселевший Гитлер старается в воображении перепрыгнуть этап непосредственного столкновения. Ему доставляло удовольствие размышлять, как немцы поступят со своей русской Индией. Отвлекаясь от практических дел, Гитлер 5 апреля 1942 года мечтал: «В Центральной полосе России первым делом нужно будет засадить все бескрайние заболоченные земли камышом и т. д., чтобы с наступлением следующей зимы легче было перенести страшный русский холод. Кроме того, следует завести плантации селекционных сортов крапивы, так как, по данным научных исследований, проведенных одной гамбургской фирмой, из волокна крапивы можно изготавливать целлюлозу, по качеству во много раз превосходящую хлопковую. Наконец, крайне необходимо провести на Украине лесопосадки, чтобы там не выпадали больше сильные ливни — истинное бедствие для тех мест... В дальнейшем Нева станет границей между финнами и нами. Ленинградские порты и верфи придут в упадок. Балтийское море превратится во внутреннее море Германии. И поэтому следует раз и навсегда позаботиться о том, чтобы на периферии нашего рейха не было никаких крупных портов». Но чтобы воплотить в жизнь все эти фантазии, следовало, как минимум, победить в текущей войне.

Мы уже говорили, что Гитлер с порога отверг идею превратить захваченное на Востоке в огромный бастион, создать укрепленные районы и защищать этот бастион всеми средствами, предоставляемыми развитой технической цивилизацией. Пассивность противоречила самому его духу, она явилась бы молчаливым признанием и его поражения и непобедимости России. К тому же русские, судя по их поведению, не впали в своего рода военно-политический буддизм, их энергия не подорвана, решимость не в ступоре, а разведка говорит о разворачивающемся военном производстве на

уральской границе Европы и Азии.

Но для того, чтобы начать наступление, германское руководство должно было хотя бы примерно знать о планах Москвы, иметь сведения, минимальное представление о сильных и слабых сторонах советской оборонительной системы. В Оберкомmando Хеер (ОКХ) за сбор и анализ данных и сведений о Советском Союзе отвечал весьма невидный спокойный офицер с негромким голосом и невысоким рангом — оберстлейтенант Гелен. (Его мемуары сегодня приоткрывают завесу над работой верхушки германской военной машины). В его работе были сильные и слабые стороны. Именно он готовит основные стратегические оценки к плану «Барбаросса» и разделяет все слабости оценки СССР как военного противника. Гелен обрабатывает полученные разными путями письма с советского фронта, он неутомим в сборе статистики, в изучении местной советской прессы и самых разнообразных источников. Он активно использует Funkspiele — радиообман советского Центра с помощью передач захваченными советскими агентами фальшивых сообщений, рассчитанных на дезинформацию советского командования.

Еще в ходе подготовки к «Барбароссе» он использовал своих агентов в Прибалтике, в Крыму, на Украине. Но еще большее признание планировщиков гитлеровской Германии Гелен получает после начала германского вторжения, когда обнаружился его своеобразный талант в вербовке агентов среди военнопленных. Гелен создал специальные «сборные» лагеря, куда помещал тех советских военнопленных, которые выразили готовность сотрудничать с немцами. В нескольких случаях его действия были успешными. Так, в его руки 13 октября 1941 года попал в ходе «великой московской паники» некто В. Минишкий, одетый в форму капитана Красной Армии. Люди Гелена довольно быстро определили, что перед ними немалая птица. Минишкий работал в аппарате ЦК ВКП(б), а с началом войны был определен в штаб Западного фронта Жукова в качестве войскового комиссара. В немецком лагере он согласился работать на немцев. Помимо прочего был использован тот факт, что жена и двое детей Минишкия оказались на оккупированной территории. Предатель был подготовлен Геленом лично, был проведен через линию фронта с убедительной легендой о побеге из немецкого плена. Операция была проведена успешно. Минишкий, теперь имеющий кодовое имя «Фламинго», получил работу в Москве, близкую к военному командованию. В Москве на него работал агент с радиопередатчиком «Александр». Именно этот высокоценимый немцами источник, начавший работать в ГКО, сообщил об исключительно важных советских

конференциях, на которых обсуждались планы летней кампании 1942 года. В марте-апреле 1942 года, удвоив усилия, Гелен изучал все возможные части информации (донесения японского военного атташе из Куйбышева, германского военного атташе из Анкары, перехваты радиопередач и прочее), которые в целом дали ему ценную мозаику состояния армии, военной промышленности, перемещения частей и материалов, которая позволила уловить общую логику происходящего.

Итог этой кропотливой работы заключался в том, что русские опасаются за судьбу центрального — московского региона, они концентрируют силы по его защите. Удар здесь сопряжен с большими трудностями, с преодолением глубокой оборонительной системы. Логично искать более уязвимое место на русском фронте.

Первого апреля 1942 года в знак признания своих заслуг оберстлейтенант Гелен стал главой Отдела Восточного фронта ОКХ (Fremde Heere Ost). Каждый день Гитлер получал от него полторы страницы оценки существующей ситуации с точки зрения разведки. Высокоспециализированная служба перехвата Stab Walli зафиксировала беседу члена центрального комитета ВКП(б) Носенко с одним из редакторов «Правды», в которой обсуждалась необходимость вырвать у немцев военную инициативу и начать наступление на советско-германском фронте примерно 1 мая 1942 года. (Позднее, в майском обращении сам Сталин сделал намек на то, что война может окончиться в текущем году.) Папка Гелена «Наступление на Харьков» увеличивалась буквально с каждым днем. 10 апреля Гелен выступил перед руководством вермахта с докладом о предстоящей стратегии советского руководства. Он исключил общее наступление советских войск, но указал на очень высокое вероятие наступления советских войск на одном из участков фронта. Попытки снять германскую блокаду с Ленинграда очень вероятны. Слабым местом советской обороны будет южный участок огромного фронта.

1 мая Гелен представил германскому руководству одиннадцатистраничный доклад, из которого следовало, что советские позиции в общем и целом будут иметь оборонительный характер, но предпринято будет несколько наступательных операций с целью измотать германские войска. Главной такой операцией будет использование Изюмского выступа, где уже намечается движение 28-й советской армии, разворот 6-й и 38-й армий в общее наступление на Харьков.

При всех своих недостатках германская стратегическая разведка настаивала на нескольких важных обстоятельствах. Наиболее значительным среди них было утверждение, что советская военная

промышленность без донецкого угля, криворожской железной руды и индустриальных мощностей Харькова — Днепропетровска не угасает, а напротив, заметно интенсифицирует свою работу. Шоком для Гитлера были слова начальника штаба сухопутных войск Гальдера, что военные заводы, расположенные на Урале и за ним, производят 600–700 танков в месяц. Гитлер вскричал, что это невозможно, и ударил по столу. Если эти цифры отражали реальное положение дел, то тогда — с точки зрения Гитлера — тем более нельзя было откладывать дело на потом. Теперь уже абсолютно неправы были наблюдатели вроде генерала Блюментрита, который говорит, что Гитлер «не знал, что теперь делать, — поскольку он не желал слышать об отходе. Он чувствовал, что следует предпринять что-то, и единственное что-то могло быть только наступлением». Неправильно. Вот теперь-то Гитлер знал определенно, что наступление — его единственный необходимый элемент планирования, без него он проигрывал. Собственно, и окружающие генералы не вставали в оппозицию к нему, они стали видеть в ускользающем от них времени все менее благожелательный фактор.

Гитлер и руководство вермахта приходят к мысли о необходимости приложить все силы, чтобы постараться сокрушить Россию одним смертельным ударом. Если в прошлом году не удалось ее нокаутить, то в текущем, 1942-м году ей следует перерезать сонную артерию. Гитлер делает ареной своих стратегических размышлений не ОКХ (верховное командование сухопутных сил), а ОКВ — верховное командование вооруженных сил, где сервильные Кейтель и Йодль знали, когда восхититься гением, посетившим Германию. ОКХ — Оберкомандо хеер — становится разработчиком диктуемых стратегических идей, значение и влияние Гальдера ослабевают (что в не столь уже отдаленном будущем и приведет к логическому концу — его уходу). Но пока Гальдер и его коллеги получают поручение рассмотреть ряд прежних и новых стратегических схем исходя из фактора диктуемого обстоятельствами удара.

Гальдер двинулся вперед по накатанным рельсам — еще в ненастную зимнюю пору отступления его ОКХ предложило в будущем ограничить зону активных боевых действий против казавшейся тогда неукротимой Красной Армии южной частью огромного фронта. Тогда речь шла об ограниченных действиях на участке восточнее Днепра (главным образом для того, чтобы обезопасить германское владение запасами марганца близ Никополя). Напомним, что первые идеи смещения центра тяжести на юг обсуждались на совещании в Орше, где Паулюс присутствовал в качестве заместителя Гальдера, а сам Гальдер определял стратегическую задачу так: «Когда погодные условия позволят нам, мы будем считать оправданным

всеобщее движение на юге в направлении Сталинграда с целью оккупации района Майкоп — Грозный как можно скорее, с тем чтобы улучшить наше положение в отношении нефти».

Теперь, в ставшем относительно спокойным апреле, вперед выходит название, которое многое определит в германской и советской истории, — Сталинград. Вот первое обоснование необходимости его захвата: «Открыть город огню нашей артиллерии, с тем чтобы лишить его значимости в качестве центра военной промышленности и коммуникаций». Привлекательным стал казаться захват территории между Доном и Волгой, отделяющей Юг Советского Союза от Севера. Гитлер видел в захвате Сталинграда не самоцель. После его захвата он предполагал получить возможность выхода на столь любимый им стратегический простор. Открывалась возможность повернуть на север вдоль приволжских индустриальных центров к Москве — или сделать резкий поворот к нефтеносному Югу. Не исключена была и экспедиция к столь значимому в военном отношении Уралу. Все казалось возможным после захвата Сталинграда. Но, по мысли Гитлера, все эти возможности откроются реально лишь в том случае, если на пути к Сталинграду и в битве за него Красная Армия понесет невосполнимые потери, будет решающим образом ослаблена и в дальнейшем не сможет стать действенным щитом ни на одном из обозначенных направлений.

Итак, главной задачей вермахта на предстоящую кампанию стало нанести Красной Армии в районе Сталинграда поражение даже более серьезное, чем летом-осенью прошлого года. Далее туман неизвестности стал постоянно рассеиваться с каждым днем, поскольку Гитлер все более стал склоняться к повороту от Сталинграда именно на юг. В конечном счете Гальдер получил определенное и достаточно ясно выраженное поручение. «В письменном распоряжении мне поручено приготовить плановые разработки наступления в Южной России на лето 1942 года, целью была названа Волга у Сталинграда. Мы видели в достижении этой цели фактор защиты левого фланга наступающей в районе Дона армии».

Не нужно оканчивать школу германского генерального штаба, чтобы увидеть противоречие этого замысла основополагающим канонам. Гитлер в данном случае, с точки зрения пуристов германской военной науки, уходит за пределы военной рациональности. Эту точку зрения мы можем найти и у зарубежных специалистов. По оценке англичанина Лиддел Гарта (с которой трудно не согласиться), «замысел глубокого прорыва на одном фланге без одновременного давления на центр противника противоречил канонам стратегии, которым немецких генералов обучали в молодости. Он

не устраивал их еще и потому, что при таком способе наступления немецкие войска оказывались между основными силами русских и Черным морем. Еще большее беспокойство вызывал у них тот факт, что прикрытие их сухопутного фланга должно было зависеть в основном от румынских, венгерских и итальянских войск». В ответ на все эти беспокоившие генералов вопросы Гитлер отвечал указанием на необходимость овладеть кровью войны — нефтью, если Германия желает победить в текущей войне.

«Синий» план

Германия могла смело планировать и готовить крупномасштабную операцию, целью которой было уничтожение российского государства, только потому, что Советская Россия сражалась в одиночестве. При всем уважении к военным усилиям наших союзников стоит напомнить, что даже западные военные историки (скажем, английский историк А. Кларк) признают, что к рассматриваемому моменту «для германской нации война означала войну на Востоке. Бомбардировки городов, битва подводных лодок, подвиги Африканского корпуса были просто эпизодами в сравнении с битвой двух миллионов отцов, мужей, братьев, вовлеченных днем и ночью в борьбу с недочеловеками». Да, рос поток ленд-лиза, британская авиация все более масштабно выходила в боевые походы против германских городов, но само понятие «война» весной и летом 1942 года означало в Европе битву Красной Армии с вермахтом.

Аргументы Гелена убедительно говорили об опасности нового наступления на Москву. В то же время советский Юг казался ослабленным, а нефтяная река из Баку чрезвычайно важной.

Где сонная артерия русских? Какой удар можно нанести, пока они обложились своими силами вокруг неприступной Москвы? Нефть — вот подлинная черная кровь войны моторов и течет она в русскую военную машину из одного места, из скважин вокруг Апшерона, из спасительных для русских бакинских нефтяных полей. Нанести удар по полуобнаженной артерии, лишить русские танки и самолеты горючего, остановить эту машину и поставить на колени. Примерно так, должно быть, рассуждал Гитлер, обращаясь на русский Юг, к Волге, к Грозному и кавказским перевалам. Выйти к Волге, перерезать нефтяную артерию советского промышленного комплекса — и увидеть как гигант, спазматически сопротивляющийся, начнет клониться и рухнет к ногам Германии. Для Гитлера — это финал долгих размышлений. Беседуя с любимцем — танковым героем фон Клейстом, Гитлер 1 апреля доверительно сообщает, что его танковым войскам поручено захватить нефтяные богатства Кавказа и ликвидировать способность Красной Армии к мобильным действиям. Без горючего людской вал противника беспомощно замрет в окопах.

Идея: перерезать волжскую транспортную магистраль, выйти в предгорья Северного Кавказа, завладеть Майкопом, Грозным, Баку. Заставить воевать на своей стороне Турцию, поставить под удар

Персидский залив и сомкнуться с японцами в предгорьях Индии. Результатом этих размышлений стал «Синий» план. Он не требовал колоссальной и многомесячной концентрации сил. Этот план обращался к наличным ресурсам, к уже показавшим свою боевую выучку войскам.

Вот как характеризует «Синий план» фельдмаршал Кейтель. «Действуя в первом наступательном направлении в направлении Воронежа, примерно на полпути между Москвой и районом Донецка, ввести русских в заблуждение относительно собственно замысла, дезориентировать их, внушить им впечатление о намерении повернуть на север, на Москву, чтобы сковать там их резервы. Далее Гитлер хотел перерезать различные железные дороги (север-юг) между Москвой и промышленными и нефтяными областями, неожиданным и максимально быстрым поворотом войск вдоль Донца на юг захватить Донецкий угольный бассейн, овладеть нефтяным районом Кавказа и у Сталинграда преградить путь водному транспорту по Волге, по которой с помощью сотен танкеров шло обеспечение войск нефтью из Баку. Войска союзных государств (Румынии, Венгрии и Италии) должны были своими примерно 30 дивизиями прикрывать растянутый северный фланг этой операции вдоль служившего водной преградой Дона, где они казались защищенными от предполагаемых наступлений через его русло».

Это завораживало, это удивляло. Это не было плодом сухой прусской военной науки и Гитлер хотел еще раз поставить этих хлыщей с моноклями в идиотское положение.

Центром сосредоточения мобильных резервов был назван Армавир.

В параметрах людской мощи и вооружений вермахт образца весны — начала лета 1942 года находился примерно на уровне своего вторжения в СССР. Увеличили свои военные контингенты германские союзники — венгры и румыны. С учетом этого (и некоторых других) фактора подготавливаемая сила была значительнее, чем нацистская армия июня 1941 года. Численность танковых дивизий увеличена с 19 до 25, боевая мощь и оснащение отдельно взятой дивизии увеличились.

За Германию играл «фактор проделанного». За спиной вермахта пролегли тысячи километров советской территории, к эксплуатации которой Германия усиленно приступила. Гитлер в Мюнхене в апреле 1942 года обсуждает возможность создания двухэтажного сверхпоезда на колее в четыре метра, идущего со скоростью 200 километров в час между Верхней Силезией и Донецким угольным бассейном. Сотни тысяч остарбайтеров стали прибывать в вагонах для скота на работу в германской экономике. Ведущие германские фирмы пользуются даровой рабской силой. Для

увеличения численности этих рабов немцы начинают заигрывать на захваченной территории Советского Союза с националистами всех мастей.

Гитлер начинает добиваться лучшего взаимодействия с союзниками и сателлитами. В конце апреля 1942 года он ведет в замке Клессхайм переговоры с Муссолини. Согласно мемуарам итальянского министра иностранных дел Чиано, главной задачей (быстро седеющего, по мнению Чиано) Гитлера было «преисполнить Муссолини энтузиазмом относительно войны на востоке». Советы лишились колоссальных индустриальных мощностей. Военные возможности Красной Армии сократились. Ситуация для Германии будет постоянно улучшаться, а для России — ухудшаться. Все присутствовавшие в замке Клессхайм утверждают, что «глаза Гитлера были зафиксированы только на России». Именно там будет решена судьба мировой войны. В том же ключе беседует с итальянцами Риббентроп: «гений фюрера» позволил преодолеть худшие последствия русской зимы; грядущее наступление в направлении Кавказа лишит русских горючего и приведет военный конфликт к окончанию. Победа на востоке вынудит Британию пойти на немецкие условия мира. Британские надежды на Америку обернутся колоссальным блефом. Отдельный день был отведен для согласований планов военачальников и общей дискуссии по военному положению.

Гитлера в таких обстоятельствах часто тянуло заглянуть в будущее (разумеется, в свое победное будущее). Комплексы однотипных зданий в Германии строиться больше не будут. Хватит этих стерильных районов одинаковых зданий до горизонта, всех этих Цвикау, Гельзенкирхенов, Биттерфельдов. В германскую архитектуру следует внести «элемент культуры». Пусть Германия малых и средних городов будет достойна своих героев. Вечером 8 мая 1942 года Гитлер рассуждает в планетарных масштабах: «Земля — это переходящий кубок и стремится попасть в руки сильнейшего. Вот уже многие тысячелетия на этой земле идет непрерывная борьба. И если люди за последние 300 лет не осели на Европейском континенте, то это объясняется открытием Америки и вытеснением ее жителей европейцами. Создавая в России новую „Восточную марку“, следует, основываясь на историческом опыте, подходить к ней с той же меркой, что и когда-то к старой „Восточной марке“, то есть к землям, лежащим к востоку от Эльбы».

Вечером 12 мая Гитлер делает такие наброски: «Цель восточной политики — в перспективе — освоить это пространство для заселения его ста миллионами представителей германской расы. Нужно приложить все усилия и с непоколебимым упорством направлять туда один миллион

немцев за другим. Не позднее чем через десять лет я хочу получить донесение о том, что на присоединенных к Германии или же занятых нашими войсками восточных землях живет как минимум двадцать миллионов немцев». На западе Франция может «присоединиться к державам „оси“ и тем самым сохранить для себя большую часть своей европейской территории, а также компенсировать неизбежные территориальные уступки Германии, Италии и Испании продвижением в глубину Центральной Африки». В полдень 20 мая: «Если нам удастся воспитать германскую молодежь фанатично преданной друг другу и рейху, то тогда Германский рейх вновь окажется сильнейшей державой в Европе, как это уже бывало на протяжении тысячелетия, прошедшего после падения Римской империи».

Практическая плановая разработка германскими военными специалистами заданий отдельным частям началась 8 мая. Предпосылкой оптимистических планов было предположение, что Красная Армия перенапряглась в ходе зимней кампании 1941–1942 годов и ее боевая сила в дальнейшем будет только убывать. Теперь Гитлер не хотел территории, он желал переломить хребет «восточному зверю». Теперь в процессе продвижения на юг его интересовали прежде всего цифры потерь Красной Армии. На определенном этапе она должна побледнеть, а потом и посинеть от малокровия. Без нефти Кавказа это произойдет быстрее и надежнее — останутся танки и замрут моторы самолетов.

Нужно сказать, что те высоколобые специалисты ОКВ и ОКХ, которые отдавали дань сомнению, под напором Гитлера, пользуясь немецким выражением, «зажали хвосты между ног». Никто из кадровых специалистов, имеющих колоссальный опыт двух мировых войн, не выдвинул идей, хотя бы как-то конкурирующих с идеями Гитлера, всегда бравировавшего лишь окопным опытом Первой мировой войны, считавшего, что этой маленькой штучкой — стратегическим мышлением можно вооружиться без половины жизни, проведенной у пыльных карт былых сражений. В «Синем» плане безошибочно виден почерк самого Гитлера, на счастье (нам) презиравшего разведку, носившегося со своей интуицией до граней презрения к профессионалам. В таком немецком военном планировании не было, как минимум, одного важного элемента — варианта, когда дело не пойдет, варианта «худшего развития событий». Презумпция экономической, политической и военной слабости Советского Союза затмевала критическое отношение к собственным возможностям.

Были у этой высокомерной армии горькие предвкушенья? Лишь после войны германские солдаты — особенно те, кто уже получил страшный

зимний опыт, — стали делиться чувствами, которые владели ими накануне эпохальных событий летнего сезона 1942 года. «Да, мы были героями. Все старались сделать нам что-то хорошее дома и газеты были полны историями о наших подвигах. Восточный Фронт! В этих словах было нечто, когда ты говорил о нем, окружающие реагировали так, словно ты признался в своей смертельной болезни. Каждый был так дружелюбен, почти насильственно дружелюбен — но в их глазах был особый блеск животного любопытства, словно они смотрели на нечто обреченное... И где-то там, в глубине, столь многие из нас тоже верили в это. По вечерам мы обычно говорили друг с другом особенно откровенно. Чьи-то узкие монгольские глаза снайпера ожидали каждого из нас. Иногда для нас главным было то, чтобы наши тела перевезли в Рейх так, чтобы наши дети могли посетить наши могилы».

Геббельс впервые видит Гитлера отбросившим сомнения во время подготовки выступления фюрера к речи в рейхстаге в конце апреля 1942 года. 25 апреля фюрер был «полон уверенности относительно хода событий на Восточном фронте». Уроки прошедшей зимней кампании учтены. Подготовка к удару на Восточном фронте идет полным ходом. В распоряжении фюрера данные о каннибализме и голоде в Советском Союзе, о чрезвычайно низком уровне вооруженности солдат Красной Армии, о шатком положении политической системы в СССР. Геббельс признается дневнику, что он далеко не так твердо уверен в близости германской победы.

Депутаты сервильного рейхстага с послушным энтузиазмом аплодировали в нужных местах, что заметно воодушевляло Гитлера. Но потрясающим образом запомнился всего лишь один речевой оборот фюрера: следует максимально хорошо подготовиться к зимней кампании 1942–1943 годов. В зале на секунду воцарилась тишина. Как? Еще одна зимняя кампания? Разве 1942 год не будет решающим и последним? Толпы берлинцев стояли на улицах, подняв в арийском приветствии руки. Но новая мысль отныне стала частью немецкого национального самосознания. Впервые Гитлер лично и публично выразил мысль, сделавшую ноги немцев холодными.

А ведь более внимательное отношение к столь любимой немцами статистике должно было заставить более реалистически взглянуть на складывающееся положение и шансы рейха. Войну 1941 года Германия начала с армией в 3,2 миллиона солдат и офицеров. За прошедший неполный год вермахт потерял более миллиона из них. К концу марта 1941 года только 5 процентов германских дивизий находились в состоянии

полной оперативной готовности — именно эти цифры Гальдер предоставил Гитлеру 21 апреля 1942 года. Далее: из потерянных после осени 1941 года 900 тысяч человек только 50 процентов оказались замененными. На момент начала немецкого наступления по «Синему» плану германская армия на советско-германском фронте нуждалась (по официальным запросам) в 625 тысячах солдат. В армию были мобилизованы все двадцатилетние, и был сделан серьезный мобилизационный задел в среде квалифицированных рабочих. Замененными оказались лишь 10 процентов потерянного за год войны транспорта. Массовыми оказались потери вооружений.

Поскольку упор был сделан на южном участке фронта, то размещенные здесь шестьдесят восемь дивизий стали основной ударной силой Германии в 1942 году. 48 из них были перестроены вследствие прежних потерь. Возможно, Гитлер ошибся в том, что условием всех наступательных действий 1942 года сделал очищение Крымского полуострова — Керченской и Севастопольской частей — от советских плацдармов. Так, мол, Красная Армия не сможет нанести удар во фланг бросившемуся вперед вермахту. Издалека глядя трудно представить себе превращение Крыма в советский «авианосец», в плацдарм флангового удара — для такого удара сюда следовало высадить несколько армий. Это было едва ли возможно, а оборонительный характер севастопольских укреплений всемирно известен. Но Гитлер настоял на своем, а фельдмаршал Манштейн исполнил его приказ — но это принесло потерю половины лета. Герои Севастополя гибли за свой город, спасая при этом всю страну, собравшуюся на смертный бой с отчаянной решимостью и на фронте и в тылу. Они отняли у вермахта несколько критически важных недель — роль Балкан 1941 года. Как минимум, одиннадцать дней отобрала у немцев Керчь и тридцать дней Севастополь. Помимо драгоценного в наших широтах времени, немцы потеряли в Крыму не менее ста тысяч своих солдат. Их-то и не хватило Паулюсу и Готу близ Волги.

Союзники

Общую оценку сложившейся мировой ситуации британский премьер Черчилль дал на секретной сессии палаты общин 23 апреля 1942 г. Он нарисовал мрачную картину того, что случилось в мире начиная с декабря 1941 г. При этом Черчилль подчеркнул, что война с Японией была «меньшей войной», а боевые действия против Германии и Италии — «главной войной». Именно в Европе «сталкиваются главные силы и происходят главные события». Здесь предстоит новое германское наступление против России, и помощь этому союзнику приобретает критическое значение. Что может сделать Великобритания для России, которая истекает кровью на фронте шириной 2 тыс. миль на Востоке? Пока лишь осуществляя бомбардировки Германии. «Полдюжины германских городов уже в полной мере испытали судьбу Ковентри. Еще 30 городов находятся в нашем боевом списке». Но бомбардировки не решают исхода войны. «Следовательно, мы должны быть готовы к освобождению захваченных стран Западной и Южной Европы посредством высадки британских и американских армий, чтобы обеспечить восстание населения». Это был первый случай, когда Черчилль публично выразил такую идею. Он подчеркнул, что освобождение континентальной Европы равными силами англичан и американцев является главной военной задачей двух наций. Но сделал при этом оговорку, что время, масштабы и способ высадки будут зависеть от многих обстоятельств. Палата общин слушала речь затаив дыхание.

Военным авторитетам Черчилль предложил разработать операцию «Юпитер» — высадку британских войск в Северной Норвегии. Посмотрим, какого масштаба операцию предполагал осуществить Черчилль в качестве помощи России в тот решающий час. На севере Норвегии находилось примерно 70 германских бомбардировщиков и около сотни истребителей. Они базировались на двух аэродромах, их защищали 10 или 12 тыс. солдат. (Именно отсюда немцы бомбили британские конвои, направляющиеся в Мурманск). Если бы англичане сумели захватить оба аэродрома, указывал Черчилль, то можно было бы установить здесь военную базу, и северный путь в Россию был бы открыт. «Мы могли бы открыть второй фронт в малом объеме. Если в дальнейшем все пошло бы хорошо, мы постепенно начали бы двигаться на юг, меняя нацистскую карту Европы, начиная с Крайнего Севера».

При всем желании трудно представить себе высадку в Норвегии альтернативой второму фронту во Франции. Этого не нужно было аргументировать, это было ясно всем посвященным. Ход мышления Черчилля говорит о том, что на решающем этапе войны он как азартный игрок сделал «пас» тогда, когда от него требовались самые большие ставки. Ужас наступлений 1916–1917 годов явственно витал над ним. Теперь он хотел предоставить эту участь другим. Это была позиция, не лишенная цинизма, но Черчилль видел свой пафос в том, чтобы сохранить живые силы своей страны.

Рузвельт предложил Сталину послать В. М. Молотова для обсуждения «очень важного военного предложения, предполагающего использование наших вооруженных сил с целью помощи критически важному западному (советско-германскому. — А. У.) фронту». Советский ответ последовал через неделю: Молотов прибудет в Вашингтон «для обмена мнениями» по организации второго фронта в Европе в ближайшем будущем.

Керчь и Харьков

Германия между тем готовится к наступлению. Гитлер вручает Железные кресты рабочим, которые в 14-часовых сменах создают оружие вермахта. Гитлер все больше думает об обустройстве оккупированных и будущих оккупированных территорий. 9 мая 1942 года он указывает, что «Кавказ играет большую роль в наших расчетах в силу своей роли крупного источника нефти. Если мы хотим ее получить, мы должны взять Кавказ под самый строгий надзор, ибо этот чреватый кровной мстью регион из-за вражды между отдельными племенами сделает невозможной его выгодную эксплуатацию. Не следует давать им невыполнимые обещания, следует воздерживаться от всякой болтовни о сотрудничестве. Насколько трудно осуществить коллаборацию, показывает пример Румынии и Венгрии, создающих запасы на случай войны между собой... Следует удовлетворять наши народно-германские интересы с беспощадной жестокостью... О способности славян к германизации ничего обобщенного сказать нельзя, так как само понятие „славяне“ является обобщающим обозначением совершенно различных в расовом отношении народностей».

В мае Гитлеру доставили советскую хронику, посвященную победе под Москвой. Для привыкшего к другому типу подаче политического материала было весьма необычно слышать звон колоколов московских соборов, хождение в полном облачении православных священников, призыв русской православной церкви отразить врага. Когда показали Кремль, Гитлер, как это неоднократно бывало и ранее, восхитился гением Сталина. В ярость его привели бесконечные ряды замерзших германских танков, грузовиков и орудий, брошенных при отступлении.

При вручении звания фельдмаршала командующему группой армий «Север» фон Кюхлеру Гитлеру было интересно мнение того о русской армии. Кюхлер исключительно высоко отозвался о русском боевом духе. Новорожденный фельдмаршал сказал, что «русские солдаты дерутся как звери, до последнего дыхания, их приходится уничтожать одного за другим. Явлений, имевших место в 1916–1917 годах, когда русские при наступлении втыкали штыки в землю и прятались в окопах, теперь нигде наблюдать не приходилось». Другой офицер поразил Гитлера словами, что русские — «гладко выбриты и аккуратны».

Но даже Кюхлер не мог испортить общего состояния подъема. Бытописатели Вольфшанце сообщают, что в мае-июне «у всех здесь просто

великолепное настроение». Гитлера радовало, что «русские пытаются скрыть свои поражения разного рода теориями, подобно тому как любой неудачник выдумывает всякие глупые теории, чтобы оправдать себя». Адмирал Кранке доложил Гитлеру о достижениях подводной войны против Британии. «Для обеспечения своего импорта Англии требуются корабли общим водоизмещением 11 миллионов тонн, между тем как тоннаж имеющихся в ее распоряжении кораблей составляет только 9 миллионов брутто-регистрационных тонн». Гитлер в связи с этим заметил, что Америке не удастся компенсировать эти потери.

Растенбург был воодушевлен и нашим керченским несчастьем. Еще 29 декабря 1941 года Красная Армия высадила десант в районе Керчи и Феодосии, овладела всем Керченским полуостровом и заставила противника отложить осаду Севастополя. На Керченском полуострове, где плотно друг к другу стояли три советские армии (47-я, 44-я и 51-я), немцы сумели отвлечь внимание командования (Козлов и Мехлис) на северный фланг. Сработали радиообман и имитация ложного направления немецкого удара. Группировка наших войск, призванная оттянуть германские силы от Севастополя, развернулась на север, когда Манштейн утром 8 мая нанес удар с южного фланга. Сталин пишет Мехлису: «Вы требуете, чтобы я снял Козлова и прислал кого-то вроде Гинденбурга. Но вы же знаете, что у нас нет в запасе гинденбургов. Вам бы следовало лучше использовать штурмовики и не против второстепенных целей, а против танков и пехоты врага, тогда бы он не прорвал фронт. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять это».

Уже утром 10 мая Ставка дала Крымскому фронту приказ отойти назад, на новые оборонительные позиции. Но несмотря на большую концентрацию войск здесь не оказалось резервов. Всякий порядок в войсках практически исчез, и вечером 14 мая 11-я армия Манштейна вышла к пригороду Керчи. Шесть дней продолжалась отчаянная переправа людей и техники на Таманский полуостров. Хаос и отчаяние царили над фронтом, патронировавшимся номинально с Северного Кавказа главкомом маршалом Буденным. Пользуясь исключительно плохой ориентацией Красной Армии здесь (результат плохой работы разведки) и трагическим смятением, немцы взяли в плен 176 тысяч солдат и офицеров, в качестве трофеев — три с половиной тысячи орудий, 350 танков, огромное количество боеприпасов. Это было очень плохое предзнаменование перед главными событиями летней кампании.

В штаб-квартире Буденного провели расследование. Офицер разведки, некто Копалкин, еще 5 мая предупредил свое руководство об опасности

поворота войск и резервов на север. В момент удара Манштейна передовые штабы, незамаскированные и открытые с воздуха, были практически полностью уничтожены германской авиацией. Отдавать приказы оказалось некому. Полное господство в воздухе обеспечило немцам все возможности уничтожать дивизии, готовые умереть за Родину, но не наученные ориентации, организации, принятию на себя инициативы. Большой кровью училась наша армия побеждать.

Мехлис был понижен в звании, Козлов и окружающие его офицеры потеряли звания и посты. Особенно наглядно это сражение показало слабость авиации Красной Армии — немцы полностью владели воздухом, терзая наши части вплоть до кромки моря и за ней. Теперь Севастополь стоял одинокой крепостью, нашей последней опорной базой в Крыму.

Но главные надежды Кремля были связаны с северо-восточной Украиной.

Сталин скептически относился ко всем данным, говорящим о выборе советского Юга в качестве главной цели Германии в 1942 году. Относительно упорства предубеждения Сталина английский историк Дж. Эриксон пишет: «По мнению Сталина, германское движение в направлении юга было только трюком, рассчитанным на отвлечение советских резервов от жизненно важного московского района. Даже имея в руках оперативные приказы, точно фиксирующие движение войск по „Синему“ плану, Сталин не верил в серьезность этих германских намерений и обвинял своих агентов разведки в том, что они не распознали „подлинных“ германских намерений».

Но постепенно бессмысленное распыление сил на трех направлениях в первые месяцы 1942 года к лету уступило место более здравому пониманию того, что противник страшится концентрации сил в отдельно взятом месте. Он боится удара кулаком, а не растопыренной пятерней. Такое место предложил старый соратник Сталина, проявивший себя в современной войне наступлением в Карелии (ставший после этого наркомом обороны) — Тимошенко. Активность и желание проявить инициативу были оценены должным образом. Верный маршал Тимошенко был назначен Сталиным не только командующим Юго-Западным фронтом, но и ответственным за все южное направление действий Красной Армии. Наиболее важная и привлекательная цель перед ним был крупнейший индустриальный центр советского Юга и первоклассный железнодорожный узел — миллионный Харьков.

План наступательных действий был таков: 6-я армия генерала Городнянского нанесет удар по Харькову с юга; синхронно армейская

группа генерала Бобкина начнет боевые действия с Изюмского выступа в направлении на Красноград и тем самым обеспечит безопасность 6-й армии с юго-запада. Северное крыло наступления составит 28-я армия генерала Рябышева и части 21 и 38-й армий, задача которых — движение на Харьков с северо-востока, поворот налево и смыкание с южной атакующей группой. В это время Южный фронт Малиновского обязан был обеспечить безопасность движущихся к Харькову войск с юга.

Для удара на Харьков Тимошенко собрал 23 пехотные дивизии, две кавалерийские дивизии и два танковых корпуса. Совместные силы Юго-Западного и прочих фронтов южного направления имели в своем составе 640 тысяч человек, 1200 танков, 13 тысяч орудий и минометов, 926 самолетов. Он спешил и датой наступления назначил 12 мая. Одновременно Голиков во главе Брянского фронта начинал в те же дни движение на Орел, что отвлекало бы силы немцев. Сейчас, много лет спустя, можно, не обижая тех, кто смог быть героями в любое время, указать на фатальные слабости харьковской операции. План Тимошенко отличался примитивностью, его весьма нетрудно было разгадать. Сработала и разведка немцев. К тому же, как указывает генерал Типпельскирх, немцам способствовало то обстоятельство, что «русские имели обыкновение упрямо придерживаться однажды поставленной цели — свойство, из которого немецкое командование извлекало большую пользу». Советские войска были плохо подготовлены и некоторые не вышли даже на подготовленные позиции. Эта операция поглотила слишком большую долю советских резервов, что позволило немцам ощутить свободу действий на юге Советского Союза. Противостоящий Тимошенко фон Бок постарался заманить советский ударный кулак в западню и одновременно подготовил собственное контрнаступление.

Часовая артподготовка предшествовала наступлению войск маршала Тимошенко утром 12 мая 1942 года, начатого севернее и южнее Харькова. Южное и северное клинья его фронта вонзились в шестую германскую армию генерала Паулюса, который долго еще не сойдет с наших страниц. Три дня и три ночи продолжался этот штурм германских позиций, и весы удачи колебались в обе стороны. Особенность (и трагедия) ситуации заключались в том, что Тимошенко неукоснительно вводил дополнительные — и очень значительные — войска именно в Изюмский выступ, желая сделать его плацдармом удара в тыл германской группе армий «Юг». В этой географической точке столкнулись два стратегических замысла, один из них должен был окончиться неудачей. В Изюмский выступ (напомним, образованный в ходе успешного контрнаступления

Красной Армии зимой) вошла 9-я армия генерала Харитонов и 6-я армия генерала Городнянского. Им была поставлена цель: действуя с выступа как с плацдарма, нанести удар непосредственно в западном направлении, войти в Донбасс и освободить Красноград. Затем повернуть на север с дальнейшей ориентацией на Харьков. Предполагалось, что после прорыва германского фронта Харитонов устремится к Полтаве, а Городнянский, повернув на север, обратится к Харькову.

(Возможно, если бы немцы ударили первыми, то их встретили бы почти 600 советских танков, что не могло бы не вызвать изумления у неготовых к встрече с такой танковой мощью немцев. Складывается абсолютное впечатление, что ОКХ не знало о советских приготовлениях и в дальнейшем должно было рассчитывать на собственную импровизацию и на инициативу своих выдвинутых вперед военачальников. Но Тимошенко опередил немцев ровно на неделю. Наверняка он хотел предвосхитить наступление противника).

В районе Белгорода советским войскам удалось добиться значительного успеха. Стартовавшая из Волчанска 28-я армия продвинулась на 65 километров. На юге армия Харитонova успешно прорвала охраняемый румынами фронт, по пятам за ней шла армия Городнянского. Войска Городнянского (6-я армия) выдвинулась на тридцать километров. Наступление с общей точкой схождения в Харькове, хотя и замедленное германским сопротивлением, продолжалось — до Харькова оставалось менее двадцати километров. Южнее Харькова советские войска продвигались по обеим берегам реки Северный Донец. Они прорвали оборону немецких войск в районе Чугуева и левым флангом продвинулись до Мерефы.

В ходе начавшегося наступления почти сразу же выявились два очень отличных друг от друга участка наступающего фронта. В результате быстрых и энергичных действий южной группировки советским войскам удалось вклиниться на значительную территорию и взять Красноград. Сложнее было положение на севере, где четырнадцать свежих дивизий генерала Паулюса без особого труда сдержали порыв советских войск. Но на юге уже существовала брешь и Тимошенко приказал освободить находящийся на севере Харьков. Начало складываться впечатление, что удача на нашей стороне и Харьков — в пределах досягаемости. На юге советские войска почувствовали волю и начали обходить Харьков с запада. Городнянский начал следовать заранее оговоренному плану. Он достиг Карловки, далеко отстоящей от Харькова к западу. До желанной Полтавы осталось всего пятьдесят километров. Именно 17 мая Харитонов

и Городнянский разделились, решая каждый в отдельности поставленную перед ними задачу.

Германский ответ под Харьковом

Увы, ориентация на местности, хладнокровие и инициативность в это время войны еще не обжили нашу сторону. В последовавшем пятидневном ожесточенном сражении (приходится признать) противник сориентировался быстрее. Немцы в ответ на харьковскую операцию приняли весьма рискованное решение — не контратаковать на центральном участке харьковского наступления, а нанести удар южнее и севернее Изюмского выступа во фланг наступающим советским войскам. Немецкая стратегическая идея заключалась в том, чтобы двумя синхронными ударами «подточить» основание Изюмского выступа, выправить линию фронта, обезопасить Донецкий бассейн и создать предпосылки для последующего решающего удара. Теперь германскому командованию было важно, чтобы в Изюмский выступ вошло как можно больше советских войск — после он намеревался завязать мешок прежде всего силами двух танковых армий на левом фланге немецких войск. 1-я танковая армия немцев наносила удар из района Харькова, 4-я танковая армия — из-под Курска. Лишь за ними шли пехотные дивизии.

Еще в начале мая немцы заменили свои противостоящие Изюмскому выступу части румынской 6-й армией, усиливая за счет этого маневра находящуюся севернее, в районе Белгорода, армию Паулюса и находящуюся южнее, в районе Павлограда, армию Клейста. Паулюс отбил натиск наступающих советских войск и приготовился к наступлению на юго-востоке от Харькова. Тимошенко обязан был следить за всей панорамой и получить первый сигнал о неблагополучии в складывающейся ситуации.

17 мая фельдмаршал Бок, старый знакомый советских генералов по Московской битве, а теперь командующий группой армий «Юг», в районе Славянска сосредоточивает сильную ударную группу — ударный рубеж, с которого и началось наступление немецких колонн 17 мая. Бок направляет удар в район северного и южного фланга Изюмского выступа. В три часа пятнадцать минут ночи штурмовые отряды немцев бросаются во фланг устремленным на запад советским войскам — немецкие танки ударили во фланг бесшабашно двинувшихся вперед колонн Харитонов и Городнянского. К полудню они уже углубились на 15 километров в позиции 9-й советской армии. Советские же танки были в ста километрах впереди, ликуя при виде освобождаемых украинских городов и сел. Чем-то этот

победный танковый марш был похож на продвижение немцев по громадным просторам Советского Союза прошлым летом. Тот же разлет, чувство всепобедимости, минимум внимания к тылу.

Однако ситуация только внешне напоминала успешное танковое наступление. Сзади, на флангах хладнокровный и осмотрительный враг уже оценил предоставившиеся возможности. У рвущихся вперед танков не было защиты с воздуха, их запасы горючего и питания подходили к концу, а помочь им в этом становилось все труднее. Опасность рваться на запад в момент, когда за тобой сзади захлопываются двери, стала проникать в сознание наших военачальников. Вечером 17 мая немецкие пленные, взятые в южном секторе, были идентифицированы как принадлежащие к танковой армии фон Клейста. Сталин беседует с Тимошенко в первую же ночь немецкого контрнаступления, но их оптимистические планы разбиваются об информацию, пришедшую 18 мая: танки Клейста с юга пробили шестидесятикилометровую брешь в позициях 9-й армии и в эту брешь входят значительные германские силы.

Левый фланг Харитонова почуял беду. Для укрепления начавшей терпеть бедствие советской обороны генерал Малиновский выделяет 5-й кавалерийский корпус, пехотную дивизию и танковую бригаду из своего резерва. Военный совет во главе с Тимошенко вечером этого же дня шлет в Ставку просьбу о помощи в удержании Изюмского выступа и о разрешении остановить движение на Харьков. Ставка соглашается прислать подкрепления, но для принятия, санкционирования этого решения потребуются критические три дня. В течение этого времени германская авиация создает своего рода бомбовый заслон на пути подкреплений, идущих к Тимошенко с юго-востока.

Ситуация в Изюмском выступе выходит из-под контроля. Член военного совета Юго-Западного фронта Хрущев просит связать его со Сталиным, но тот делегирует к телефонному аппарату Маленкова с твердым наказом взять Харьков. Всего за один день Клейст переходит Донец и Оскол в том месте, где они сливаются, сужая брешь советского прорыва до тридцати километров. Василевский в Ставке снова выступает с предложением остановить движение на Харьков, но получает отказ. К вечеру этого ужасного дня Харитонов теряет контроль над своей начинающей на глазах слабеть, терять управление и разбежаться армией, в то время как Городнянский с упорством, достойным лучшего применения, продолжал осуществлять давление в направлении Харькова. На нем затягивалась петля, а он не обращал внимания на исчезающий тыл, прежде прикрытый Харитоновым. Начальник штаба фронта Баграмян просит

Москву остановить подступ к Харькову, а та предлагает держаться мужественно, словно в этом было дело.

В Ставке надеются на помощь попавшему в сложное положение Тимошенко со стороны соседних фронтов, прежде всего Брянского. Но Паулюс 19 мая бросает на перекрытие наступательной брешки свои танки (два танковых корпуса), и даже несведущие в стратегии люди видят опасность для убежавших далеко на запад наших войск. Только вечером 19 мая Сталин соглашается отдать приказ Тимошенко остановить приступ Харькова — становится ясным, что наступающие на Харьков колонны советских войск оказались под угрозой ужасающего окружения. С севера Паулюс все сильнее закручивает серповидное движение, охватывая советские армии своим движением навстречу танкам Клейста. Две немецкие армии соединились 23 мая в Балаклее. Английский историк Эрикссон пишет, что «наступающие на Харьков советские войска стали похожи на ос, запертых в бутылке».

Тимошенко посылает к окруженным генерала Костенко с задачей спасти то, что можно, а остальным организовать грамотную оборону. То были тяжелые бои. Удручала легкость германских и тяжеловесность неуклюжих советских военных усилий. Попытки основной массы войск Городнянского и Харитонова пробиться к своим встретили завесу хладнокровно организованного немцами артиллерийского и пулеметного огня. Генерал Городнянский, один из героев обороны Смоленска в 1941 году, о котором солдаты говорили, что «его и пуля не берет», в отчаянии, видя страшное побоище своих солдат, застрелился. Отдельные части пробивались все же к своим — в конечном счете из окружения вырвались четверть 6-й и 9-й армий. Но основная масса направленных на освобождение Харькова войск оказались в германском плену. Успехи немцев были триумфальными: 240 тысяч военнопленных, 1249 захваченных танков, 2026 орудий.

Печально смотреть кадры военной немецкой кинохроники, обозревающей десятки, сотни километров брошенной и захваченной немцами советской военной техники. Неуклюжесть маневра, незрелая организация операции, безумный порыв в никуда на фоне спокойно выжидающих немцев — все это производит грустное впечатление. Пытающийся рационализировать произошедшее, Тимошенко пишет в отчете, что «следовало остановить наступательные операции 6-й армии 18 мая и отвести на восток не только танковый корпус, но и целиком 6 и 57 армии». Поздно. Крушение главных атакующих сил советской летней кампании 1942 года состоялось. До конца мая германские войска

методично уничтожали эту собранную после Московского сражения мощь, лишая нашу страну возможности перехвата стратегической инициативы. Остановили ли погибшие известные и безымянные воины начавшееся германское наступление на южном направлении? После войны германские генералы будут утверждать, что остановка по времени была минимальной.

Советское командование с нехарактерной откровенностью признало жестокое поражение в Северной Украине, указывая, конечно, на огромное превосходство германской армии в живой силе, артиллерии и авиации. Но утверждалось, что в принесенных жертвах есть и позитивное — предупреждено и сорвано немецкое наступление на Кавказ. Между тем, как оценивает ситуацию немецкий военный историк генерал Типпельскирх, «для запланированного немецкого наступления попытка русских помешать ему была только желанным началом. Ослабление оборонительной мощи русских, которого было не так-то легко добиться, должно было теперь облегчить первые наступательные операции вермахта. Но требовались еще дополнительные приготовления, которые заняли почти целый месяц, прежде чем немецкие армии, произведя перегруппировку и пополнив все необходимое, смогли начать наступление».

Визит Молотова

Именно в этот критический момент В. М. Молотов по пути в Вашингтон прибыл в Лондон, чтобы заключить договор с Великобританией о дружбе и военном сотрудничестве. По его поводу Сталин телеграфировал Черчиллю: «Я уверен, что данный договор будет иметь величайшее значение для укрепления дружественных отношений между нашими двумя странами и Соединенными Штатами». Это был хороший момент для сплочения всей антигитлеровской коалиции. Для СССР в данной ситуации речь шла о национальном выживании, и безусловно важнейшим фактором помощи было бы открытие второго фронта в 1942 г. Благодарность за такую помощь была бы бесценным основанием для послевоенного сотрудничества.

22 мая Молотов говорил в Лондоне о необходимости отвлечь с восточного фронта по меньшей мере 40 германских дивизий. В своем ответе Черчилль указал на сохраняемое Германией превосходство в воздухе и на то, что «значительная часть континентальной прибрежной линии не дает возможности для массированной высадки». Но планы на этот счет, добавил Черчилль, изучаются. Сделаны приготовления для высадки в районе французских Шербура и Бреста. Пик напряжения в переговорах был достигнут в середине дня 22 мая, когда Молотов спросил у Черчилля, какой будет позиция Англии, если Советская армия потерпит поражение в 1942 году. Черчилль ответил, что «если, вопреки всем ожиданиям, Советская армия будет разбита, мы будем сражаться с помощью Соединенных Штатов, стараясь создать преобладающие военно-морские силы, которые в течение 18 месяцев или 2-х лет дадут нам возможность осуществить разрушительные воздушные рейды на германские города и нанести ущерб немецкой промышленности. Мы будем поддерживать блокаду и осуществим высадку на континенте, преодолевая сопротивление слабейшего противника. В конечном счете мощь Великобритании и Соединенных Штатов возобладает». Черчилль описал все эти обстоятельства как сугубо гипотетические. Поражение русской армии было бы для человечества величайшей трагедией. Лично он не верит в такой исход.

23 мая Черчилль информировал Сталина о приеме им Молотова: «Мы дали ему полный и искренний отчет о наших планах и о наших ресурсах. Что касается предложения заключить советско-английский договор, —

писал Черчилль, — то он (Молотов) объяснит вам наши трудности, исходящие из того, что мы не можем не учитывать наших прежних соглашений с Польшей, позиции нашего и американского общественного мнения». В этот сложный момент Москва предоставила Черчиллю новый вариант договора, в котором уже не было пунктов, касающихся прибалтийских государств и Польши. В позитивном восприятии нового варианта, как считают некоторые западные историки, во многом была заслуга Идена. Договор был подписан и, как сказал Черчилль, «мы теперь союзники и друзья на 20 лет».

В день подписания советско-британского договора британские военные специалисты поставили Черчилля перед выбором: твердо закрепленные пирсы для приема десантных кораблей в Северной Франции или плавающие? У премьера не было колебаний: «Они должны подниматься и опускаться вместе с приливом». По требованию Черчилля 27 мая начальники штабов снова обсуждали возможность высадки на континенте в августе или сентябре 1942 г. Генералы были настроены скептически, один из них сказал, что атака будет возможна и необходима «только в случае, если мораль германских войск рухнет». Генерал Портал указывал, что высадка необходима, прежде всего, в случае «ухудшения обстановки на восточном фронте». Англия потерпела значительные поражения в Азии. Английская крепость Мальта близка к тому, чтобы сложить оружие. Окинлек отступал перед Роммелем в Северной Африке. Казалось, что завтра ареной боев с немцами будет долина Нила. Империя находилась в чрезвычайном напряжении. Индия требовала независимости. Мнение английских военных сводилось к тому, что Англия перенапрягла свои силы и крупномасштабная операция в Европе может быть осуществлена лишь за счет ослабления общих имперских позиций, ослабления положения Англии в ряду великих держав. Черчилль желал сохранить силы для сохранения имперских позиций в мире, он не желал расходования сил на том поле битвы, где Германия и Россия ослабляли друг друга.

Черчилль старался закрыть глаза на порождаемые им опасности. Он прятал свои опасения. Как всегда, он был полон энтузиазма — этим объясняются фантастические проекты и всевозможные варианты, которыми он пытался прикрыть бездействие на решающем участке во Франции. Поэтому он снова приказал изучить возможность проведения операции в Северной Норвегии для обеспечения безопасного прохода конвоев к русским северным портам. Он предложил силами примерно двух дивизий высадиться неподалеку от германских аэродромов. Генералы,

сидевшие за столом, в общем и целом понимали сложности британской дипломатии, и один из них, (а именно Брук, чьи мемуары впоследствии стали одним из важнейших источников изучения британской дипломатии этого периода) заявил на штабном совещании 1 июня 1942 года, что, «если дела пойдут очень плохо для русских, необходимо предпринять отчаянную авантюру — быструю высадку десанта во Франции, которая могла бы продлиться неделю или две, с тем чтобы отвлечь силы немцев». Идея была принята и предлагаемая операция получила название «Император». Черчилль и его генералы внимательно слушали представителей военной разведки, которые предупредили 1 июня, что между августом и сентябрем 1942 г. на Восточном фронте возможен резкий поворот к худшему для союзников.

Основным способом помощи истекающему в приволжских степях союзнику стали массированные бомбардировки Германии. 30 мая 1942 года британские военно-воздушные силы впервые совершили налет силою более 1 тысячи бомбардировщиков. Черчилль всегда был сторонником воздушной мощи, он верил в нее. Начало Второй мировой войны, особенно бомбардировки Варшавы и Роттердама, казалось, подтверждали его веру в эффективность воздушных ударов. Но в ходе операций британской бомбардировочной авиации против Германии ему пришлось убедиться, что удары с воздуха не всемогущи. Техника бомбометания была еще таковой, что бомбы падали на расстоянии многих километров от цели. К тому же многие бомбардировщики становились жертвой германских истребителей и полеты пришлось перенести на ночное время — что опять же не способствовало точности попадания. В конце 1941 года Черчиллю предоставили доклад, из которого следовало, что только две трети бомбардировщиков находили свои цели и из них лишь одна треть бросала бомбы в радиусе ближе, чем пять миль. Это означало, что бомбометание было дорогостоящим и недостаточно эффективным методом борьбы. Последовал вывод о необходимости изменения способа бомбометания. Британская авиация начала бомбардировки не объектов, а площадей, стремясь, уничтожая целые города, подорвать волю противника к борьбе. В конечном счете полномасштабное разрушение немецких городов началось в 1944 году, когда от истребительной авиации Германии мало что осталось. Но сознание Черчилля не было спокойным. Шестьсот тысяч немцев погибло в бомбардировках, и в основном это было гражданское население. Однажды, смотря документальный фильм о бомбардировках, он сказал при всех: «Да что мы, звери? Не слишком ли далеко мы зашли?»

Молотов прибыл в Вашингтон во второй половине дня 29 мая 1942

года далеко не в лучшем настроении. Советские войска терпели поражение в Крыму и под Харьковом. В Лондоне Молотов ощутил внутреннее нежелание Черчилля приступить к решающим операциям на континенте в текущем году. Советская сторона не могла не испытывать неудовлетворения по поводу затяжек в американских военных поставках. В Вашингтоне Молотова поселили в тех комнатах Белого дома, где прежде останавливался Черчилль — напротив комнаты Гопкинса. Возвратившаяся из поездки Элеонора Рузвельт, как она пишет, с самого начала ощутила симпатию к Молотову: «Он был открытым, теплым человеком». Обслуживающий ужин для Молотова, Рузвельта и Гопкинса слуга президента Алонцо Филдс вспоминает, что Молотов выглядел «как умная сова... Однажды во время разговора его глаза начали бросать вокруг себя молнии и он, словно лиса, начал готовиться к прыжку». Столь нужный и ценный Рузвельтом персональный контакт установить оказалось непросто. Первая официальная встреча, на которой присутствовали посол Литвинов, госсекретарь Хэлл, Гопкинс и два переводчика, была далекой от сердечности. Главная идея Молотова была очевидна: четкое определение даты открытия второго фронта в Европе. Языковой барьер, усугубляемый паузами перевода, ослабил главный элемент «шарма» президента — его речь.

Помимо прочего, Рузвельт хотел понять Молотова как человека. Видимо, и линия разговора, избранная Рузвельтом, не была оптимальной. Рузвельт начал с идеи выработки советско-германской договоренности по поводу обращения с военнопленными обеих сторон. Учитывая тогдашнее официальное отношение советского руководства к попавшим в плен офицерам и солдатам как к предателям, это была едва ли удачная тема. Молотов абсолютно исключил для своего правительства официальные переговоры с Берлином по вопросу о военнопленных. Рузвельту осталось только присоединиться к мнению Молотова — он упомянул об американских солдатах в японском плену, умирающих от голода, поскольку японский рацион абсолютно недостаточен для белого человека.

Вечером Рузвельт мобилизовал свои силы. Он широкими мазками нарисовал картину послевоенного мира, в котором произойдет всеобщее разоружение. Германия и Япония окажутся под эффективным контролем. Мир будет обеспечен минимум на двадцать пять лет, и уж, по меньшей мере, на время жизни поколения Рузвельта — Сталина — Черчилля. После войны возможность возникновения нового агрессора будет пресекаться совместными действиями США, Советского Союза, Англии и, вероятно, Китая, чье вместе взятое население превысит миллиард человек.

Беспомощную Лигу Наций заменит организация, во главе которой встанут четыре указанных «полицейских». Рузвельт развивал также тему распада колониальной системы. Прежние колонии будут взяты под международную опеку, а затем, подготовленные к самоуправлению, получат независимость.

Атмосфера советско-американских переговоров несколько потеплела. Будущий посол в СССР Чарльз Болен пишет, что «осознание ноши русских создало у нас комплекс вины в отношениях с ними». То, что говорил Молотов, могло лишь усугубить это чувство: сдача Харькова, отступление к Волге, неизбежная потеря Крымского полуострова. То, что услышали американцы, свидетельствовало, что Молотов не намерен питать иллюзий — он дал жесткую и реалистическую оценку положения на советско-германском фронте. Предстоящим летом Германия могла здесь бросить в бой столько сил, что возможность поражения Советской армии исключить нельзя. Стратегическое положение Германии укрепилось за счет захвата Украины, являющейся житницей и источником сырьевых ресурсов. На Кавказе немцы могут захватить месторождения нефти. Надежда для советской стороны заключалась в том, что американцы и англичане создадут второй фронт и отвлекут в 1942 году примерно сорок немецких дивизий. В этом случае СССР смог бы или нанести Германии в 1942 году поражение, или сместить общий баланс таким образом, чтобы открылась подобная перспектива. Основные усилия следует приложить именно в 1942 году, потому что к 1943 году Германия сумеет извлечь выгоды из своего господства в большей части Европы, и задача СССР усложнится многократно.

Молотов повернулся прямо к президенту, желая знать, какова позиция США в отношении открытия второго фронта. Рузвельт предпочел, чтобы Молотов услышал ответ от менее софистичных политически, более прямолинейных в существе дела военных. Полагает ли генерал Маршалл, что президент США может пообещать советскому руководству открытие второго фронта в текущем году? Начальник штаба американской армии ответил утвердительно. Тогда, минуя оговорки, президент США попросил передать главе советского правительства, что можно ожидать, открытия второго фронта «в данном году». Лицо Молотова выразило удовлетворение. Впервые у Рузвельта возникло ощущение, что лед между ним и Молотовым тронулся. Это было серьезное обещание, данное в самой серьезной обстановке, и никакие дополнительные комментарии генерала Маршалла и адмирала Кинга о сложности концентрации войск не могли наложить тень на безусловно данное обещание. Тонус советско-американских переговоров повысился.

Во время обеда Молотов рассказал о встрече с Гитлером и Риббентропом, «двумя самыми отвратительными людьми», с которыми ему «приходилось иметь дело». Рузвельт провозгласил тост за мастерское руководство страной, осуществляемое Сталиным, с которым президент надеялся встретиться. Во всех этих славословиях над присутствующими витало важнейшее: США пообещали вступить в борьбу в Европе в текущем году. Рузвельт не предоставил разъяснений, как, где, когда, какими силами это будет осуществлено, но он дал исключаящее двусмысленность обещание. По тону обсуждений и комментариев военных каждый читатель документов этих дней может прийти к заключению, что речь шла о высадке через Ла-Манш, а наиболее вероятным временем виделись август-сентябрь 1942 года. В текущий момент немцы рвались к Волге и Кавказу, ситуация носила все мыслимые черты экстренности.

Несмотря на то, что Молотов считал импорт таких «невоенных» товаров, как рельсы, исключительно важным для предстоящих сражений, президент сократил их поставки Советскому Союзу на две трети, мотивируя свое решение необходимостью быстрого и полного снабжения Англии в качестве предпосылки создания второго фронта. Рузвельт сказал Молотову, что подготовка к открытию второго фронта заставит США сократить поставки по ленд-лизу с 4,1 до 2,5 миллиона тонн грузов в 1943 году. (В исторической перспективе видно, что США ускользнули от несения подлинного союзнического бремени в самое критическое для СССР время. Это не могло не наложить отпечаток на общее состояние советско-американских отношений, на формирование видения будущего в Москве и в Вашингтоне).

Рузвельт отметил, что каждый транспорт, отправляющийся в Англию, приближает открытие второго фронта. Оправдывая свою репутацию скептика, Молотов задал вопрос, оказавшийся пророческим: «Что будет, если США сократят свои поставки Советскому Союзу и при этом так и не откроют второй фронт?» Рузвельт указал, что американские штабные офицеры уже обсуждают практические вопросы высадки на континенте. Не ограничившись личным приватным обещанием, данным в ходе секретных переговоров, президент включил его в публично оглашенное коммюнике: «В ходе переговоров было достигнуто полное понимание в отношении неотложных задач создания второго фронта в 1942 году». Рузвельт обозначил год вопреки сомнениям некоторых своих ведущих военных авторитетов и кунктаторской тактике Черчилля. Нужно ли говорить, что советский представитель покидал Вашингтон в приподнятом настроении. У президента Рузвельта, как ясно сейчас, были сомнения в отношении

излишней легкости в подходе к проблемам, вплотную вставшим перед СССР. Через несколько дней он размышляет с лордом Маунтбеттеном о бессмысленности посылки в Англию миллиона американских солдат, если произойдет крушение советского фронта — десант во Франции станет невозможным.

Утром 9 июня 1942 г. Молотов, возвратившись из США в Англию, показал Черчиллю совместное советско-американское коммюнике, в котором говорилось об «исключительно важной задаче создания второго фронта в Европе в 1942 году». Вечером этого дня, во время ужина Черчилль объяснил Молотову сложность проведения десантной операции. По этому поводу Иден записал в дневнике, что англичане подготовили почву для отступления. Черчилль вручил Молотову памятную записку, в которой объяснялось, что проблема десантных судов не разрешена и это делает высадку на континенте в 1942 году проблематичной. Британия «поэтому не может дать прямого обещания». Черчилль обещал послать на советский фронт самолеты, танки и другое военное оборудование на этот раз дорогой через Персию, «а не через опасный норвежский путь». Чтобы спасти лицо, Черчилль обещал бомбить «германские города и индустрию, а также объекты оккупированной Франции». Черчилль с несвойственной ему мелочностью подсчитывал в этой записке, сколько немецких войск прямо или косвенно отвлекают на себя англичане: 2 германские дивизии в Ливии и 33 дивизии, оккупирующие Западную Европу. Переходя к решающему моменту — высадке в Европе, британская памятная записка говорила, что английские войска готовятся к полномасштабному вторжению в континентальную Европу в 1943 г.

Молотов вылетел из Лондона в Москву ночью 10 июня. На следующее утро Черчилль приказал провести небольшую показательную операцию — силами примерно 6 или 7 тыс. человек с высадкой на континенте и быстрым возвращением. Подготовка к более масштабным операциям откладывалась. Ближайшему окружению были сообщены слова, сказанные Молотову: «Высадка на континенте в этом году невозможна». Прибыв в Москву, Молотов огласил коммюнике с обещанием Америки на сессии Верховного Совета СССР.

Мы видим, как весной и в начале лета 1942 г. Черчилль мечется между двумя своими великими союзниками. Весной он был склонен сблизиться с Россией, поскольку ощущал важность советско-германского фронта и важность того, чтобы Россия выстояла и была сохранена в составе коалиции. В начале же лета он как бы начинает сомневаться в способности Советского Союза выстоять и все более подчеркивает стратегическую

значимость Соединенных Штатов, чья военная промышленность методично наращивала свои мощности. 12 июня 1942 г. в беседе с лордом Маунтбеттенем (только что прибывшим из Вашингтона) Черчилль размышлял над своей американской и советской стратегией — кому отдать предпочтение, где сосредоточить усилия. Маунтбеттен сообщил о внутренней борьбе в Соединенных Штатах, о колоссальном росте военного потенциала Америки, о том, что в Вашингтоне дебатруется вопрос, куда прилагать мобилизуемые вооруженные силы США.

Черчилль пришел к заключению, что ему необходимо в ближайшее же время встретиться с Рузвельтом и определить основные линии развития взаимоотношений англосаксонских союзников. 13 июня он пишет Рузвельту, что «поскольку нынешняя ситуация порождает много сложных вопросов, я считаю своей обязанностью снова навестить вас». Колебания между Россией и Америкой продолжаются, но крен все более явственно делается в пользу последней. При этом супруги как бы поделили свои обязанности: Клементина Черчилль собирала деньги для помощи сражающейся России, а Уинстон Черчилль отправился через Атлантику к американскому президенту. Одним из стимулирующих моментов в принятии решения о поездке в Вашингтон была битва американского флота с японским у атолла Мидуэй в начале июня 1942 года, в ходе которой японцы потеряли 4 своих авианосца — свою ударную силу на Тихом океане. Эта битва остановила невероятное по скорости продвижение японских войск по всему тихоокеанскому периметру. Но именно после этих событий стали проявлять себя опасения Черчилля в отношении нового внешнеполитического курса Рузвельта. Американский президент, становясь главнокомандующим величайшей армии (мобилизуемой в эти месяцы), руководствовался собственной стратегией и вовсе не намеревался в каждом конкретном случае советоваться с имперским Лондоном. Генерал Брук, ближайший к Черчиллю военный в это время, записал беседу с премьер-министром по поводу предстоящего визита: «Он считает, что Рузвельт немного сошел со своих рельсов и что хорошие переговоры абсолютно необходимы».

Ситуация на южном фланге советско-германского фронта все больше настораживала западных союзников, в том числе Рузвельта и его окружение. В письме от 19 июня 1942 года, подписанном министром Стимсоном и одобренном начальниками штабов, обсуждалась возможность поражения СССР. Видя начало наступательных операций немцев на советско-германском фронте, Рузвельт ощущал необходимость в консультациях с главным союзником — Черчиллем. Западные союзники

решили сепаратно обсудить стратегические вопросы.

Обстановка встречи была действительно драматической. В Африке в этот день (19 июня) Роммель приказал двум колоннам танков направиться к египетской границе, а в Китае японские войска начали наступление против Чан Кайши. Но оба главных деятеля Запада наблюдали прежде всего за началом наступательной операции немцев на советско-германском фронте. За день до приезда Черчилля встревоженный Рузвельт приказал высшим военным руководителям — Стимсону, Ноксу, Маршаллу, Кингу — сделать что-нибудь для помощи русским. Если Советская армия начнет общее отступление в июле, то возникнет угроза сдачи немцам Москвы, Ленинграда и Кавказа уже в августе. Президент желал знать, что могут сделать вооруженные силы США для «оттягивания» германских дивизий с русского фронта. Вопрос приобретал критическое звучание. «Если русские продержатся до декабря, союзники будут иметь преимущественные шансы выиграть войну, если же они „свернутся“, шансов на победу будет меньше половины». Выбор встал между высадкой в Европе, высадкой в Северной Африке в начале сентября и посылкой американских войск на помощь англичанам в Египет и Ливию.

Черчилля поместили в той же комнате Белого дома, где он находился в январе. После завтрака премьер-министр вошел к Рузвельту в то самое время, когда президенту вручили листок розовой бумаги, на котором значилось: «Сдан Тобрук, потеряны 25 тыс. человек военнопленными». Это был второй по объему ущерб удар по Британской империи после падения Сингапура. Черчилль испытал шок, он вначале не поверил в истинность сообщения и запросил Лондон. Уточненные данные были еще менее утешительными: 33 тысячи плененных англичан. Под ударом находилась египетская Александрия. Черчилль позднее вспоминал, это был «очень горький момент. Одно дело — поражение, другое — позор». Позиции английской дипломатии были подорваны в тот самый момент, когда Черчилль пытался укрепить их соглашениями с американцами. Теперь центр усилий сместился для него в Северную Африку, где следовало помочь колониальному напарнику — Франции и одновременно ослабить давление на английские войска в дельте Нила.

Как пишет английский историк Дж. Чармли, «тот факт, что немцы снова в ходе своего наступления в западной пустыне нанесли поражение англичанам, был последним в длинном ряду военных поражений, и тот факт, что он пришелся на пик задержки британских поставок Советам, которые, казалось, по меньшей мере, были способны нанести поражение германским армиям, дал критикам Черчилля благоприятную возможность

для упреков, которой они не преминули воспользоваться».

Более определенно, чем прежде, Черчилль возглавил движение в сторону от «второго фронта». Теперь, по его мнению, высадка во Франции могла обернуться катастрофой. Она не поможет в конечном счете русским, приведет к репрессиям немцев против французов и, главное, заставит отложить главные операции 1943 года. «Ни один ответственный английский военачальник не в состоянии подготовить такие планы на сентябрь 1942 года, которые имели хотя бы минимальные шансы на успех... Есть ли такие планы у американских штабов?» В ходе дискуссий следующего дня (21 июня 1942 года) союзники пришли к выводу о приоритете текущего года: большая операция, «отвлекающая немцев», в 1942 году и «второй фронт» в 1943 году. Наиболее эффективные средства помощи советскому союзнику на текущий момент — бомбардировочные рейды против Германии. Кульминацией военных событий года должна стать высадка в Северной Африке — операция «Гимнаст».

Надир

В Москве майская битва под Харьковом во многом подорвала порожденные зимой надежды и потребовала пересмотра стратегических воззрений. Инициатива снова переходит в руки вермахта. Какими будут дальнейшие действия немцев? После взятия Изюма перед немцами открылась бескрайняя степь, на противоположной стороне которой стоял Сталинград. Лето 1942 года, видимо, является самой низкой точкой не только для СССР, но и для всех стран антигитлеровской коалиции. Европа почти целиком находилась в руках нацистов, а в Азии японцы устремились к Индии и Австралии. С запада навстречу им танки Клейста вышли на первую гряду разделяющих страны «оси» гор — Кавказских.

А на юге стоял насмерть наш Севастополь. Севастополь стоял как очевидная следующая германская цель. Город-крепость уже выдержал одно германское наступление в октябре 1941 года. Севастополь, прикрываемый многочисленными оборонительными сооружениями, можно было атаковать только после основательной артиллерийской и авиационной бомбардировки. Сейчас его судьба решалась окончательно — немцы подвезли тяжелую осадную артиллерию, в том числе 650-мм мортиры. (Напомним, что 15 мая пал город Керчь). Утром 17 мая вице-адмирал Октябрьский собрал руководство Черноморского флота, гарнизона и властей, чтобы открыть страшную правду: битва через несколько дней. Октябрьский, не преуменьшая значения случившегося, рассказал о керченской трагедии и о незавидном положении военного оплота России на юге. Гарнизон в 106 тысяч человек встал навстречу своей судьбе.

Манштейн полагал, что обычная бомбардировка способна пробить лишь очень узкую брешь в гигантской оборонительной системе Севастополя. Здесь обычная тактика не срабатывала. Призвана была гигантская (с трехэтажный дом) «Большая Дора» и король гаубиц «Карл». «Дору» перевозили шестьдесят железнодорожных вагонов, радиус полета ее многотонных снарядов составлял 45 километров. Эти орудия должны были сокрушить бетон превосходных севастопольских фортов. Вот план Манштейна: бомбить пять дней самым жестоким образом и ворваться в крепость, пока не осядет пыль. Реальность оказалась еще более жестокой. Начатая утром 7 июня бомбардировка длилась непрерывно двадцать семь дней. Предполагалось, что защитников останется уже немного.

Севастополь доблестно принял на себя удар, форты стояли насмерть.

Но начали подаваться — их снабжение было практически прекращено. Моряки и солдаты сражались в противогазах. Главный удар немцев был нанесен с севера и в направлении Северной бухты. А вторая германская атака последовала юго-востока.

13 июня пал форт «Сталин», 17 июня — форт «Сибирь». Самый большой форт, «Максим Горький», пал только 18 июня — его защитники были выжжены германскими огнеметами. 20 июня пал форт «Ленин», и все же Севастополь держался. Еще тринадцать дней. После 20 июня только лидер «Ташкент» — последний раз — привез припасы и подкрепление. Он взял на свой борт раненых и возвратился в Новороссийск. Теперь в бухту Севастополя могли войти лишь подводные лодки, они доставляли боеприпасы и медикаменты.

29 июня немцы пробились со стороны Северной бухты. На следующий день адмирал Октябрьский собрал последний военный совет. Ставка только что приказала сдать город. По личному приказу Сталина две подводные лодки должны были забрать с собой руководителей обороны. Адмирал Октябрьский вылетел самолетом а генерал Петров в последний момент воспользовался подводной лодкой. Уходящие взрывали батареи, но повсюду оставались очаги сопротивления, где защитники предпочитали гибель отходу. Береговая батарея взорвала себя только тогда, когда в нее вошли немцы. В прибрежных пещерах защитники сражались до последнего патрона. Гарнизон умирал, но не сдавался. Только такое мужество порождает непреодолимую силу мужества, перед которой блекнет даже профессиональное мастерство.

Только 3 июля город-крепость пала. В руках немцев были 100 тысяч пленных, 622 орудия, 26 танков, 141 самолет. Сталин воспринял поражение под Харьковом и потерю Крыма как, во многом, поражение его собственной стратегии и дипломатии. Он ожесточился надолго.

Но жертвы не были напрасны по многим причинам. Во-первых, после него (и еще до Сталинграда) вызревает национальная решимость превзойти врага в его же науке. Во-вторых, победа Манштейна, как многое в жизни, имела невидимые тогда результаты, которые Германия увидит лишь значительно позже. Главное среди них: немцы вынуждены были отложить свое главное летнее наступление. Понадобится немало дней, прежде чем германские самолеты смогут перелететь из Севастополя в Курск, прежде чем Гитлер начнет главное наступление этого кровавого лета. Герои, защищавшие город, сыграли свою роль — начало летней кампании немцев оказалось отложенным до конца июня. Севастополь пал, но это была такая жертва, которая породила цепную реакцию внутреннего возмущения. Рабы

ли мы? Чего стоит жизнь, если ее цена рабство? Неужели мы не способны овладеть боевой наукой не хуже врага? То не были риторические вопросы. Но наш народ пришел к развилке сознания — либо мы усомнимся в себе, либо наша кровавая учеба даст результаты. В сторону уйдут фанатики и теоретики. Вперед выйдут умелые и самоотверженные. Способные сбить немца в воздухе, обойти его на земле, выстоять в танковом противостоянии. Медленно, но верно в народном духе происходит своего рода самоотрешение. Либо мы способны научиться, либо мы бесталанные жертвы этой войны.

Когда в обеденном зале «Волчьего логова» по радио объявили о падении Севастополя, все застольное общество во главе с Гитлером вскинуло руки и вскочило со своих мест. На фоне сдачи британского Тобрука это поднимало германское самомнение до невозможных высот. В Британии специальная сессия палаты общин как раз обсуждала эти обстоятельства, и Гитлер ликовал по поводу «севастопольского подарка». Теперь Гитлер ждал реакции на захват Крыма со стороны турецкого правительства. Победа прогерманской фракции в Анкаре могла очень осложнить положение и Советского Союза на юге своего фронта и англичан на Ближнем Востоке.

И злая сила приблизилась к обладанию абсолютным оружием. Геббельс пишет в дневнике: «Исследования в области атомного оружия достигли той точки, когда результаты уже могут быть использованы. Грандиозные размеры разрушений могут быть осуществлены минимальными усилиями... Современная техника дает в руки человеческих существ невероятные средства разрушения. Германская наука находится в авангарде исследований в этой области. Важно, что мы находимся впереди всех, ибо тот, кто осуществит революционный прорыв в научных изысканиях, имеет наибольшие шансы добиться победы».

Не открыв фронта на европейском Западе, союзники нарушили свое слово в критический для СССР момент. Несколько месяцев назад Рузвельт резко сократил военные поставки Советскому Союзу, объясняя это подготовкой к высадке в Европе, потребностями открытия второго фронта. Одновременно англичане перестали посылать конвой в Мурманск. Большие потери, писал Черчилль, «ставят под угрозу наше господство над Атлантикой». Именно тогда, в конце июля 1942 года, Сталин в ярости ответил Черчиллю, что войны без потерь не ведутся, что Советский Союз несет неизмеримо большие потери. «Я должен еще раз подчеркнуть, — писал Сталин, — что Советское правительство не может терпимо отнестись к переносу открытия второго фронта в Европе на 1943 год».

Нельзя сказать, что Рузвельт не осознавал, какой ущерб наносит новое англо-американское решение союзнической солидарности. Он говорил Черчиллю о том, в какой «сложной и опасной ситуации оказался Сталин. Я думаю, мы должны попытаться поставить себя на его место. Мы не можем ожидать ни от кого, чья страна отражает вторжение, некоего общемирового воззрения на войну». Благодарный президенту Черчилль, которого в это дни более всего заботила охрана британских ближневосточных позиций, вызвался изложить новую точку зрения западных союзников Сталину. (Он вылетит в Москву из Кипра позже — 10 августа 1942 года).

Обратим внимание на то, что в критической для СССР обстановке конца июня 1942 года американская сторона оказала немедленную помощь не ему, а Англии, чье поражение при Тобруке было скорее громким, чем существенным. В итоге 300 новейших американских танков типа «Шерман» (среди западных танков «Шерман» был наиболее ценим советскими танкистами) и 100 крупных самоходных орудий получил английский союзник, охраняющий «сонную артерию» своей империи, а не Советский Союз, подошедший к пределу своих сил. Характерна реакция нескольких ближайших сотрудников президента: когда Рузвельт предложил рассмотреть возможность приложения крупных американских сил в пространстве между Тегераном и Александрией, возмущенный председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Маршалл заявил: «Это такой уход от всего, планировавшегося прежде, что я отказываюсь обсуждать новые планы, по крайней мере, в это время ночи». Маршалл демонстративно покинул зал. Стимсон и Маршалл полагали, что поведение Рузвельта в данном случае безответственно («он говорит с фривольностью и с тем отсутствием ответственности, которое свойственно лишь детям»).

Война на океанах

В начале мая 1942 года остатки американских войск на Филиппинах сдались японцам. Их было ни много ни мало, а двадцать тысяч человек со всей амуницией. Вероятно, это был наиболее унижительный для США момент во всей Второй мировой войне. Каскад японских побед продолжался безостановочно примерно до 8 мая, когда удача и везение императорских войск, наконец, встретили настоящее американское сопротивление. Оно связано в истории войны на Тихом океане со сражением в Коралловом море. Это сражение происходило в окруженном рифами водном пространстве между Новой Гвинеей, Соломоновыми островами, Новыми Гебридами, Новой Каледонией и северо-восточным побережьем Австралии.

Дешифровка японских радиосообщений дала командующему Тихоокеанским флотом (после Пирл-Харбора им стал адмирал Нимиц) сведения о том, что японцы собираются высадить десант на Новой Гвинее и захватить Порт-Морсби, главную австралийскую базу в этом регионе на подходе к собственно австралийскому континенту. Оставалось сделать засаду, ударной силой этой засады стали тяжелый крейсер «Лексингтон» и авианосец «Йорктаун». В направляющуюся к Порт-Морсби японскую эскадру входили два тяжелых авианосца «Цуйкаку» и «Сойкаку», а также легкий авианосец «Сохе».

Встреча двух эскадр пришлось на 8 мая 1942 года. Лучшие японские асы, отличившиеся в Пирл-Харборе, добились на этот раз лишь частичного успеха. «Лексингтон» был потоплен, но поднявшиеся с его палубы бомбардировщики и самолеты авианосца «Йорктаун» нанесли японскому флоту суровый удар. Они заставили японскую эскадру отступить, неся потери в самолетах и поврежденных судах. На фоне прежних очевидных японских побед это было определенное изменение тенденции. Японцы еще владели преимуществом в истребительной авиации — их модели «Зеро» превосходили по технико-маневренным данным американские истребители. Но общий план захвата Новой Гвинее был сорван — первая удача США в борьбе с Японией. Более того, в стратегическом отношении наметился перелом: эра «безнаказанных» японских побед приблизилась к концу. Для США это означало, что верфи и доки двух американских побережий получают больше времени для реализации того, во что американцы свято верили, — технического и индустриального

превосходства колоссальной экономики Соединенных Штатов.

Ареной следующего этапа в борьбе США и Японии за Тихий океан стал Мидуэй. Этот остров, одиноко лежащий в северо-западной части Тихого океана — примерно на трети пути между Пирл-Харбором и Токио, он был важен для американской воздушной разведки, осуществлявшей облеты океана, а также ввиду своей радиостанции, перехватывающей депеши японцев. Императорское командование, со своей стороны, решило захватить Мидуэй как трамплин в продвижении к Гавайям, Панамскому каналу, Калифорнии. В Токио надеялись, что осуществление плана захвата Мидуэя, помимо прочего, послужит делу подрыва американо-английского союза и внутренних позиций президента Рузвельта.

Битва за Мидуэй является своеобразным водоразделом между сплошным триумфом японцев в первые месяцы и последующей затяжной войной на истощение, в которой США с их индустрией и ресурсами получили предпочтительные шансы. Япония выступила на захват крохотного Мидуэя с невиданными для военно-морской истории силами. Флот адмирала Ямамото состоял из восьми авианосцев, десяти линкоров, двадцати одного крейсера, семидесяти миноносцев и пятнадцати крупных подводных лодок (не считая вспомогательных судов). На палубах авианосцев стояли 352 истребителя «Зеро» и 277 бомбардировщиков. Соединенные Штаты располагали лишь тремя авианосцами, восемью крейсерами, четырнадцатью эсминцами и двадцатью пятью подводными лодками — соотношение один к трем в пользу японцев. Неоценимым преимуществом американской стороны было знание военного кода японцев. В радиограммах японцев в качестве цели захвата фигурировало некое АФ. Адмирал Нимиц полагал, что речь идет о Мидуэе, а в Вашингтоне считали, что так обозначены Гавайские острова. Тогда Нимиц послал ложную телеграмму о том, что на Мидуэе вышла из строя станция дистилляции воды, и японские радиограммы отметили, что на АФ намечается нехватка пресной воды. Ситуация прояснилась и в результате основные американские силы были заранее брошены к Мидуэю.

Задача поднявшихся с авианосцев в воздух американских бомбардировщиков была ясна и опасна: либо авианосцы пойдут ко дну, либо США лишатся своих ударных сил на Тихом океане. Между 7 и 10 часами утра семьдесят восемь американских бомбардировщиков на низкой высоте обрушились на те самые авианосцы, чья авиация осуществила налет на Пирл-Харбор. Результаты были плачевны — 48 самолетов рухнули в океан, не нанеся ощутимого урона японским кораблям. Но эти жертвы были не напрасны. Перегруженные самолетами и занятые подготовкой ко

второму налету на Мидуэй авианосцы адмирала Нагумо фактически позволили трем американским авианосцам — «Энтерпрайз», «Хорнет» и «Йорктаун» — приблизиться к японскому флоту.

Японский адмирал полагал, что уже все самолеты противника задействованы в бою. Уверенный в окончании налета Нагумо приказал перевооружить свои бомбардировщики торпедами — против американских кораблей. Но он фатально ошибся. Когда на палубах японских авианосцев производилась громоздкая операция перевооружения самолетов, в небе неожиданно появились семнадцать старых бомбардировщиков с «Йорктауна» и тридцать два с «Энтерпрайза». В течение шести минут японский флот понес исключительные по значимости потери — были потоплены четыре ударных авианосца «Кага», «Акаги», «Сорю» и «Хирю». В результате битвы у Мидуэя японский флот потерял половину своих авианосцев, 55 процентов своей авианосной ударной силы. (За все оставшееся время войны Япония сумела построить лишь еще пять авианосцев.) Такого страшного удара императорская Япония еще не знала. Возможно, не менее важной для Японии была потеря на палубах тонущих кораблей почти половины авиационных асов, показавших свою квалификацию в Китае, над Пирл-Харбором, в Малайе и на Яве. Остановился тот безумный порыв, в ходе которого японцы между декабрем 1941 и июнем 1942 года овладели контролем над огромной зоной Восточной Азии. Была создана важнейшая предпосылка для мобилизации американских сил.

Союзники ослабляют помощь

В арктических морях конвой PQ-16 повел транспортные суда в советские гавани и подвергся налету 260 германских самолетов. Потеряв в холодных водах семь кораблей, конвой прибыл в Мурманск и Архангельск. 23 марта британское командование, не разглашая источника своей информации (это была расшифрованная «Энигма»), сообщило в Москву детали, цели и средства летнего наступления вермахта. Но Лондон надолго приостановил движение северных конвоев.

Лишь в июньские дни в полярных морях решалась судьба печально известного конвоя PQ-17, который перевозил 200 тысяч тонн военных припасов из Исландии в Архангельск. Его крестный путь начался 27 июня 1942 г. С торговыми судами шел 21 корабль сопровождения, включая 6 эсминцев и 2 подводные лодки. (Им в помощь были приданы 2 британских и 2 американских крейсера. Впервые был образован совместный англо-американский эскорт). Утром 4 июля первый торговый корабль был потоплен торпедами, запущенными с германских самолетов. Адмирал Дадли Паунд — первый лорд адмиралтейства — отдал приказ кораблям эскорта немедленно и на самой большой скорости возвратиться в безопасные порты. Грузовые корабли оказались предоставленными самим себе, а вернее ярости немецких подводных лодок и самолетов. В конечном счете из всего груза военных материалов только 70 тысяч тонн были доставлены в Мурманск, лишь одиннадцать кораблей достигли Архангельска. Черчилль, узнав об этих потерях, написал Рузвельту, что судьба конвоя PQ-17 усложняет сообщение с Россией и требует нахождения — помимо северного — новых путей связи с Россией.

После неудачи с конвоем PQ-17 Черчилль отказался посылать суда в Россию. «Верьте мне, — писал Черчилль Сталину, — не существует ничего, что бы мы и американцы не пытались сделать для помощи вам в вашей великой борьбе. Президент и я безостановочно изыскиваем средства, чтобы преодолеть препятствия, которые география, морские воды и вражеские воздушные силы ставят между нами». Прекращение помощи было суровым ударом — ведь корабли топили в те дни, когда Германия начала свое летнее наступление против Советского Союза. Советское руководство полагало, что главная помощь России должна была последовать в виде незамедлительной англо-американской высадки в Европе.

Нужно сказать, что в этот сложный для всех союзников, в том числе и для Англии, час ее восточный союзник не препятствовал наращиванию английских усилий по охране имперских путей. Сталин не выразил несогласия с пожеланием послать в Египет 3 дивизии поляков и согласился на переадресование 40 американских бомбардировщиков, находившихся на пути в СССР, на египетский фронт англичан. В течение нескольких дней английская армия в Египте была усилена до такой степени, что теперь уже вдвое превосходила войска Роммеля, и у Черчилля появились значительные основания полагать, что Каир выстоит. Черчилль писал английскому главнокомандующему Окинлеку весьма драматические письма: если англичане не уничтожат армию Роммеля, тогда «нам не избежать полной зависимости от удержания фронта русскими».

Американцам казалось, что имперский Лондон в конечном счете подспудно не против взаимоослабления двух крупнейших континентальных сил, России и Германии. Премьер-министра уже предупредили, что, по мнению генерала Маршалла, английское руководство сознательно затягивает дело союзной высадки в Европе, что Черчилль не желает этой высадки и что английская дипломатия в данном случае лицемерит. Доверенные корреспонденты писали Черчиллю: «Маршалл убежден в том, что в Лондоне не существует подлинного внутреннего желания подготовить высадку во Францию в ближайшее время». В возникающем англо-американском споре Черчилль прибег к цифрам, которые были, по меньшей мере, спорными. Объединенный комитет по разведке представил документ, в котором говорилось (якобы на основе точного знания немецких военных планов), что, если даже Германия не уничтожит Россию осенью 1942 года, она, тем не менее, сможет «перевести на Запад значительное число наземных войск», чтобы предотвратить «любое союзное вторжение в Европу». В то же время, если Россия будет продолжать сражаться до конца 1942 года, тогда (советовала английская разведка) западным союзникам следует «скопировать германскую политику и оккупировать нейтральную территорию». Имелась в виду Северная Африка. В этом случае Средиземное море станет «ахиллесовой пятой» Германии.

Не открыв фронта на европейском Западе, союзники нарушили свое слово в критический для СССР момент. Немцы, захватив Севастополь, приступили к своей главной на 1942 год операции против СССР. Несколько месяцев назад Запад резко сократил военные поставки Советскому Союзу, объясняя это подготовкой к высадке в Европе, потребностями открытия второго фронта. (Именно тогда Сталин в ярости ответил Черчиллю, что

войны без потерь не ведутся, что Советский Союз несет неизмеримо большие потери). И вот, в наихудший для существования России и для союзнической солидарности момент — 14 июля 1942 года — Черчилль, получив поддержку американцев, взял на себя тяжесть сообщения решения об отсрочке открытия второго фронта Сталину. Тот ответил через 9 дней. Во-первых, напоминалось в советском ответе, «британское правительство отказывается продолжать посылку военных материалов в Советский Союз северным путем, во-вторых, несмотря на совместное коммюнике относительно создания второго фронта в 1942 году, британское правительство отложило его до 1943 года». Телеграмма Сталина от 23 июля завершалась горьким упреком: «Вопрос о создании второго фронта в Европе не был воспринят с той серьезностью, которой он заслуживает. Полностью принимая во внимание нынешнее состояние дел на советско-германском фронте, я должен указать наиболее серьезным образом, что советское правительство не может согласиться с откладыванием второго фронта». Произошло очевидное нарушение союзнических договоренностей. Недоверие советской стороны к западным союзникам получило дополнительные основания.

Нет сомнений в том, что летом 1942 года президент Рузвельт много думал об исторической перспективе. Он очень ограничил круг тех, с кем откровенно обсуждал проблемы будущего. Наиболее доверенное лицо президента тех лет Гарри Гопкинс писал в июне 1942 года: «Мы попросту не можем организовать мир вдвоем с англичанами, не включая русских как полноправных партнеров. Если ситуация позволит, я бы включил в это число и китайцев». В этих нескольких фразах основа стратегического замысла Рузвельта. В мире будущего не обойтись без СССР, эта страна будет играть слишком большую роль, чтобы игнорировать ее на мировой арене. Меньшее, чем на равный статус, русские не согласятся. Важно сделать так, чтобы США имели достаточное сдерживающее СССР и позволяющее преобладать в мире влияние. Его можно достичь за счет двух факторов: поддержки клонящейся к дезинтеграции Британской империи и опоры в Азии на Китай как на противовес Советскому Союзу.

Складывается впечатление, что в целом ситуация лета 1942 года, отчаянная для сил, ведущих прямую борьбу со странами «оси», не могла в некоторых своих аспектах не нравиться президенту Рузвельту. На его глазах Вашингтон становился подлинной мировой столицей. Гордый британский премьер откликнулся по первому зову. Посланец из Москвы просил об открытии второго фронта. Руководители Китая слезно умоляли о военной помощи. Вожди индийского движения за независимость просили о

поддержке их чаяний. Ничего этого не было еще год назад. Рузвельт явно входил во вкус мирового лидерства, стал привыкать быть «всеобщей надеждой», дарователем спасения, источником неоценимой помощи, факелом моральной и физической поддержки.

Но вставал критически важный вопрос, сколько времени можно рассчитывать на Советский Союз, в одиночку сдерживающий нацистскую Германию. Не окажется ли отстраненная позиция самоубийственной?

Власов

Не только жесточайшие бои в Крыму, а затем под Харьковом занимали ум Сталина в начале июня 1942 года. Невозможность разомкнуть кольцо вокруг Ленинграда и сопутствующие события обсуждались в Кремле не менее эмоционально. Великий город на Неве погибал. Для его спасения следовало активизировать уже посланные под Ленинград силы и послать подкрепления. Этого оказалось недостаточно и уже вскоре на этом отрезке огромного советско-германского фронта проявили себя значительные сложности. Вторая ударная армия блистательно проявившего себя под Москвой генерала Власова оказалась в конце мая 1942 года во второй раз отрезанной от основных сил и отброшенной в болотистую местность к западу от Волхова. В составе армии были девять дивизий и шесть бригад. Их положение вскоре стало почти невыносимым. Голод превратился в мор, жестокая природа добивала людей. Требовались экстренные меры.

Сталин на заседании Ставки с редкостной для себя самокритичностью признал неправильность применяемой тактики и организационных решений: «Мы совершили большую ошибку, объединив Волховский и Ленинградский фронты. Хотя на Волхове у нас был генерал Хозин, дела у него пошли плохо. Он не выполнил приказа относительно возвращения назад Второй ударной армии». Верховный главнокомандующий предложил реформировать Волховский фронт и послать туда Мерецкова и Василевского. 8 июня Сталин вызвал на заседание Ставки генерала Мерецкова и поставил перед ним задачу спасения второй российской столицы. Шапошников подготовит соответствующую директиву.

Прибывшие в Малую Вишеру Мерецков и Василевский с трудом разобрались в обстановке. Части Власова медленно откатывались на восток, положение его армии стало отчаянным. Прибывшее начальство 10 июня отдало приказ ударным войскам пробиться к гибнущей армии и за дело взялись 59-я и 52-я армии, но без особого успеха. Немецкие штурмовики эффективно пресекали эти попытки пробиться к Второй армии. После недельных боев танки 29-й бригады за счет невероятной самоотверженности сумели пробить коридор к Второй ударной. Увидев просвет, ее бойцы невольно бросились в спасительную брешь и тем самым создали немалую панику, использованную и усиленную пикирующими немецкими самолетами. В конечном счете просвет исчез и армия снова осталась предоставленная самой себе и теснящим ее с запада германским

войскам. Немцы полностью овладели положением, они простреливали всю территорию, занимаемую Второй армией. На 11 часов вечера 23 июня было назначено решающее усилие по спасению попавших в трагическую ситуацию советских войск.

Ради выхода из смертельной пропасти все тяжелое оружие и припасы должны были быть уничтожены, все, что отягчало движение — брошено. Кое-кому удалось просочиться сквозь спасительные щели, но основная масса войск безнадежно застряла. По словам Мерецкова, к половине десятого утра 25 июня 1942 года «все было кончено». Специальную группу парашютистов решили послать для спасения командующего армией. Довольно неожиданно эта группа получила сигнал отбоя.

Накануне Власов отдал своим войскам приказ пробиваться к своим «кто как сможет». Разбившись на небольшие группы, бойцы пошли заповедными тропами между немцами и болотной трясинной. Контакт с командованием армии был потерян. Немцы нашли генерала Власова 12 июля 1942 года в крестьянском амбаре, убитого происходящим и затаившим гнев. Он был помещен в специальный лагерь для высокопоставленных пленных неподалеку от штаб-квартиры Гитлера в Виннице. Окружающие не раз отмечали «немецкую», даже «прусскую» внешность генерала — высокий, грузный, с тщательно зачесанными назад волосами, с очками в металлической оправе, никогда не носивший никаких наград. До вступления в Красную Армию в 1919 году он окончил духовную семинарию. Орден Ленина вместе с золотыми часами он получил тогда, когда у будущих военных героев наград почти не было, — в 1940 году. Власов последним вышел из Киевского мешка в 1941 году и отличился на крайнем правом фланге обороны Москвы.

Мы можем познакомиться с материалами допросов Власова немецкими офицерами, представлявшими военную разведку — абвер. Эти немцы единодушны в высокой оценке интеллекта и характера плененного генерала. Власов вспоминал «опеку» Берии, досмотр в его генеральской квартире, террор конца тридцатых годов. Идеологическое обоснование власовского движения вышло позже. Первый манифест Власова датируется третьим августа 1942 года и в нем личное прямо соседствует с обобщениями. Власов утверждает, что тактика Сталина заключается прежде всего в том, чтобы сохранить режим, который гарантирует его всевластие, что вождь использует русский патриотизм в собственных целях. Германское командование жило уже не в высокомерном 1941 году, теперь оно пыталось воспользоваться именем, званием и престижем бывшего советского генерала для раскола рядов противника, для создания

дополнительных сил. Во Власове германская разведка наконец нашла ожесточенного высокопоставленного командира, согласного воевать против своих. Он написал германскому командованию письмо, предлагая создать Русскую Освободительную армию, предлагая использовать антикоммунистические настроения среди части пленных.

Власовское движение было основано в декабре 1942 года в Смоленске. Власов персонифицировал зло в Сталине и объявил себя борцом с режимом. Власов попытался создать русское национальное движение «без Сталина и против него». Он обратился к своему народу с такими словами (растиражированными немецкой пропагандой): «Друзья и братья! Большевизм является врагом русского народа. Он принес нашей стране неисчислимые несчастья. Много крови было пролито. Достаточно голода, принудительного труда и страданий в большевистских камерах пыток. Вставайте и присоединяйтесь к борьбе за свободу! За мир с честью вместе с побеждающей Германией!».

В коде каждого национального характера есть свои табу, свои неприемлемые границы. Пусть историк будущего среди погасших страстей взвесит меру приемлемости предательства, степень справедливости такой борьбы с тиранией. Но в России 40-х годов двадцатого века действовала мораль, выработанная столетиями тяжелой судьбы. Власов изменил Родине в минуту ее страшных несчастий, когда личная судьба каждого человека оказалась неразрывно связанной с долей всей страны. Страшный грех предательства в таких условиях не мог быть оправдан ссылками на характер политического режима. Страна стояла на краю пропасти, и ее историческое выживание зависело от жертвенности каждого. Призывать к бунту в этих условиях, к раздору среди своих тогда, когда враг готовил общую историческую могилу для всех, — было святотатством. Это шло вразрез с национальным мировоззрением и воспринято быть не могло. Святая кровь невинных людей взывала к мести. Жизнь и свобода зависели от общих усилий. Отступник в этих условиях был врагом. Так воспринял власовское движение наш народ. И иным это восприятие быть не могло — иное противоречило бы инстинкту самосохранения.

Ведь бывшие советские солдаты, перешедшие на германскую сторону, занимались тем, что убивали простых русских солдат, жгли русские деревни, ослабляли свою собственную страну. Это было несколько больше, чем борьба с коммунизмом. А позволил ли бы Гитлер, если бы он победил Россию, корректировать свою политику в ней какому-то русскому генералу-изменнику? Все, что мы знаем о Гитлере, говорит, что это было невозможно. Он бредил только германской империей и делить ее с кем бы

то ни было не собирался. Более того, в русском антибольшевистском движении, равно как в украинском и прибалтийском, Гитлер видел лишь угрозу германским интересам. Никакого либерального русского государства создавать он не собирался. Никогда его война не была войной за «эмансипацию» Восточной Европы. Германские управляющие должны были править завоеванными территориями не как некие местные освободители. Здесь должны были стоять германские гарнизоны, прямой задачей которых было не допустить никакого местного самоуправления. Миллионы славян должны были трудиться здесь как рабы на германских господ. Никаких иллюзий иного рода Гитлер не поощрял. «Избыток» населения должен был отправляться в некую «Славляндию» за Уралом или предоставлен процессу вымирания.

Фактически Власов сам дает ответ на поставленный его поступком вопрос своим же манифестом, заглавная идея которого — русский патриотизм. И нет сомнения в том, что генерал видел достаточно ясно, что его используют. Власов сам отвечает на этот вопрос обращенными к немцам просьбами отправить его в концлагерь, многократными посягательствами на самоубийство.

А как оценивали Власова те немцы, от которых зависела его судьба? Их мнения разделились. Часть из них считала, что поддержка Власова несет Германии выгоды. По мнению Геббельса, Власов «весьма интеллигентный человек и энергичный русский военачальник, производящий очень солидное впечатление. Он считает, что Россия может быть спасена только если вместо большевистской идеологии создаст себе такую, какую немецкий народ имеет в виде национал-социализма... В нашей восточной политике мы достигли бы весьма многого, если бы еще в 1914 и 1941 годах руководствовались теми принципами, которые отстаивает в ней Власов».

Ослабление в войне заставило немцев прибегнуть к помощи добровольцев власовского типа. Немцы, как свидетельствуют документы (и подтверждают такие западные историки, как англичанин Р. Овери), стали особенно полагаться на военнопленных из кавказского региона и Средней Азии. Часть из них была даже экипирована в германскую униформу и поступила под командование германских офицеров (только 74 освобожденных из германского плена получили право на статус германского офицера). Исламские части имели имамов, священников суннитов и шиитов, для которых были созданы специализированные школы в Дрездене и Геттингене. Часть этих солдат была придана германским частям. В частях СС служили примерно 150 тысяч латышей, литовцев и

эстонцев. Было две украинские дивизии и одна дивизия из Средней Азии. По некоторым оценкам около миллиона нашлось таких, кто поднял оружие против своей страны. Англичанин Овери: «Многие сделали это из-за отчаяния — единственная возможность избежать смерти в лагерях для военнопленных».

Сторонники противоположной точки зрения полагали, что поддержка Власова бессмысленна и может бумерангом обернуться против Германии. Послушаем, что говорит германским гауляйтерам Гиммлер: «С этим генералом обращались ужасно вежливо, ужасно мило. В соответствии со своими особенностями, славяне охотно слушают, когда им говорят: „Это вы знаете намного лучше нас“, они любят быть любезно выслушанными, немного подискутировать. Этот человек выдал все свои дивизии, весь свой план наступления и вообще все, что знал. Цена за измену? На третий день мы сказали этому генералу примерно следующее: то, что назад пути нет, вам, наверное, ясно. Но вы — человек значительный, и мы гарантируем вам, что, когда война закончится, вы получите пенсию генерал-лейтенанта, а на ближайшее время — вот вам шнапс, сигареты и бабы. Вот как дешево можно купить такого генерала... Но это дело показалось мне опасным в тот самый момент, когда я стал получать от немецких солдат письма, в которых говорилось: мы недооцениваем русского человека. Он — не робот и не ублюдок, как нам говорит наша пропаганда. Это не знающий порядка народ, который подвергается угнетению. Мы должны привить ему национал-социализм и создать русскую националистическую партию. У русских есть свои идеалы. А тут подоспели идеи г-на Власова: Россия никогда не была побеждена Германией; Россия может быть побеждена только самими русскими. И вот эта русская свинья г-н Власов предлагает свои услуги. Кое-какие старики у нас хотели дать этому человеку миллионную армию. Этому ненадежному типу они хотели дать в руки оружие и оснащение, чтобы он двинулся с этим оружием против России, а может, однажды, что очень вероятно, и против нас самих!.. В русских целая шкала всяких чувств, какие только может иметь человек: от самой истовой молитвы Богородице до людоедства, от готовности помочь и братского поцелуя до коварства убить любого или мучить его самым жестоким образом. На какой регистр нажмет эта bestия — дело счастья».

Немецкая администрация оккупированных территорий с самого начала указала своим пособникам националистам, что не собирается делиться с ними властью ни сейчас, ни в будущем, ничего не обещает им и даже в пике смертельной борьбы смотрит на них как на пособников и не более. Гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох сознательно избрал в качестве

«столицы» управляемой им Украины ничем не примечательный в украинской истории Ровно. Кох, нужно отдать ему должное, был откровенен с самого начала. Он заявил по прибытии в Ровно своим коллегам: «Меня знают как злого пса... Наша работа здесь заключается в том, чтобы вывезти из Украины все ценное, что может оказаться в нашем распоряжении... Я ожидаю от своих подчиненных предельной жестокости по отношению к местному населению». На украинцев немцы смотрели, по оценке английского историка Овери, «как на худший вид человеческих существ».

Особую ненависть нацистов вызывала украинская интеллигенция. Заместитель Коха закричал на немецкого чиновника, вознамерившегося сохранить начальное образование на Украине: «Вы хотите создать образованный класс украинцев в то время, когда мы собираемся уничтожить всех украинцев!» Немцы уничтожили на Украине 250 сел, чтобы запугать оставшееся население. В таких городах, как Киев, они ввели недельный рацион хлеба в 200 грамм. В одном Харькове от голода умерли 80 тысяч человек. Колхозы не были распущены, теперь ими управляли немецкие полномочные лица. Квота сбора в качестве сельхозналога была удвоена по сравнению с советским временем. В первые несколько недель оккупации немцы объявили о наборе на работу в Германию, но обращение с согласившимися было таким, что желающие-добровольцы исчезли, и немцы прибегли к политике квот, налагаемых на каждый отдельный район. Людей в Германию везли в теплушках, не обеспечивая их едой и питьем. В Германии они жили на огороженной территории в бараках худшего сорта и подвергались нещадной эксплуатации.

Особо нужно сказать о том, что в 1942 году Гитлер издал личный указ о депортации в Германию полумиллиона украинских женщин в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет с целью их германизации. Он утверждал, что нигде не видел столько блондинок с голубыми глазами, как в Полтаве. К концу войны депортированные рабочие с Украины составляли четыре пятых всей рабочей силы с Востока.

Партизаны

На огромной захваченной территории летом 1942 года немцев более всего стали беспокоить партизаны. Согласно записям в дневнике Геббельса, они «взрывали железнодорожные пути на центральном участке фронта между Брянском и Рославлем в пяти точках — еще одно доказательство их беспокоящей деятельности». К югу, пишет Геббельс, венгерские войска «испытывают большие трудности... Они должны теперь захватывать деревню за деревней и умирять их, что не всегда венчается успехом. Но когда венгры докладывают, что они „замирили“ деревню, это обычно означает, что в ней не осталось ни единой живой души и мы не можем рассчитывать на проведение сельскохозяйственных работ в данном районе».

Весной 1942 года Сталин создал основные структуры партизанской войны. 30 мая был сформирован Центральный штаб партизанского движения, который возглавил секретарь белорусской компартии П. Пономаренко. Централизация увеличила эффективность партизанского движения. Была усилена дисциплина и улучшено снабжение — особенно крупных партизанских отрядов. Учебник партизанской борьбы был отпечатан в Москве тиражом 50 тысяч экземпляров. К концу 1942 года в партизанском движении участвовали не менее 300 тысяч человек. Но только десятая их часть имела радиосвязь с Москвой. В августе 1942 года созывается совещание командиров партизанских отрядов в Москве и оглашаются три правила: энергичная агрессивность, постоянные действия, бдительный антифашизм. В некоторых частях Белоруссии, вокруг Смоленска и Брянска образуются целые районы, где немцы боятся появляться.

Немцы встретили трудности, которых они не ожидали, — отсутствие безопасности передвижения, обязательность конвоев при любых перемещениях, покушения в городах и селах. Уязвимыми стали все мосты и дороги, стрелок мог оказаться за любым деревом. Жестокость карательных мер была одиозной, но ненависть к оккупантам, к политике расового превосходства, экономической эксплуатации, угона на рабские работы была могучим стимулом партизанского движения.

Сложным оказалось положение на Украине. К 1943 году, по оценкам самих немцев, 60 процентов северо-западной Украины были в руках партизан, но иногда особого рода — это в ряде случаев были боевые части

националистического характера, возглавляемые ОУН, Организацией украинских националистов, которая частично сотрудничала с немцами, частично противостояла им в вопросе о будущей власти на Украине. Но постепенно росла значимость и сила тех украинских патриотов, для которых Отечеством было общее государство — Советский Союз. Они сражались за независимую Украину в составе союзного с Россией, Белоруссией и другими республиками государства.

Немцы, готовясь к решающим событиям, стремились разделаться с партизанским движением на захваченных советских территориях. В «операции Котбус», начатой 3 июня, участвовали шестнадцать тысяч германских солдат; удар был нанесен по партизанской республике в районе Полоцка и Борисова. Еще пять тысяч немецких солдат начали операцию под Брянском. В четырехнедельных боях погибло более тысячи партизан. Но они унесли с собой жизни немецких солдат. Через два месяца партизаны полностью восстановили контроль над этим районом. Чтобы избежать удара по своим линиям коммуникаций в период решающего наступления летом 1942 года, немцы предприняли операцию под кодовым названием «Ганновер» — операцию с участием 45 тысяч германских солдат, включая эсэсовцев. В брянских лесах беззаветно погибли тысячи партизан, в буквальном смысле вставших грудью на пути нового германского удара по России. Их кровь сохранила нашу свободу.

Как и кровь тех разведчиков, которые передавали в Москву исключительно ценные сведения о планах германского руководства и перемещении войск. В Брюсселе в эти дни был арестован Йоханн Венцель, радиооператор важнейшей для Советского Союза разведывательной сети, которая позднее стала известной всему миру как «Красная капелла».

Не следует забывать, что условия содержания советских военнопленных не шли ни в какое сравнение с условиями пленения западных пленных.

А Германия искала секрет военного успеха, помимо прочего, в военной технологии. На Балтийском море, в Пенемюнде, тридцать пять прибывших из Берлина высших чиновников рейха наблюдали за испытаниями двенадцатитонной ракеты, предназначенной нести боевой заряд в одну тонну на расстояние в четыреста километров. Ракета V2 удачно стартовала, но в дальнейшем отклонилась от предназначенной траектории и рухнула в двух километрах от места запуска. Однако неудача только добавила ожесточения отчаянным поискам рейхом финального оружия, оружия «возмездия», оружия, которое решит судьбу войны.

Выступая 31 мая 1942 года перед выпускниками военных училищ в

Берлине, Гитлер убеждал новичков вермахта: «Я ни секунды не сомневаюсь в том, что в конечном счете нас ждет победа. Судьба не могла выбрать меня, неизвестного солдата, фюрером германской нации и фюрером германской армии просто так, из прихоти. Она не могла просто посмеяться надо мною и оставить в последний момент, забрав то, что было получено в столь жестокой борьбе». Для выживания и процветания германской нации требуются жестокие меры на Востоке.

Но германское население могло ощутить на себе уже и другие аргументы. Над Кельном появилась тысяча британских бомбардировщиков с полутора тысячами бомб. В дневнике маршала авиации Германа Геринга появилась такая запись: «Конечно же, эффект воздушных бомбардировок ужасен, если смотреть на дело с индивидуальной точки зрения, но мы должны воспринимать происходящее все в целом». Черчилль сказал своему командующему стратегической авиацией Харрису, что «теперь Германия знает, что ее ждет, что она получит, город за городом, отныне и до конца». Гитлеру Шпеер говорит в Вольфшанце: «Вся Германия говорит только о Кельне».

Гитлер

Через несколько дней Гитлер встретил с безграничным восторгом сообщение о том, что из 38 судов союзнического конвоя в Архангельск прибыли лишь шесть судов. Он снова становится многословным и преисполненным удивительных интеллектуальных открытий: «Россия — это большая песочница, но Украина — неслыханно прекрасна и с самолета она смотрится как „земля обетованная“. Климат на Украине мягче, чем в Мюнхене, земля невероятно плодородна, а люди — особенно мужчины — ярко выраженные лодыри. Повсюду видишь спящих людей». По поводу противостоящих государственных деятелей: Черчилль — шакал, а Сталин — это тигр. В будущем Германии не будет хватать только никеля и поэтому следует создать запас никелевых монет. Сказано это было в те дни, когда немецкие танки — эти, по словам Гитлера, «слоны современных армий», готовились прорвать советский фронт на юго-восточном направлении. И никель Таймыра, никель и медь Норильска теперь не выглядел недосягаемым.

Если был в мировой войне период, когда Гитлер считал, что все идет как следует, то именно в конце весны и летом 1942 года. Вступление в войну Японии на востоке России было фактором неизвестности, но за первую половину 1942 года страна «восходящего солнца» добилась столь невероятных военных успехов, что ориентация на нее стала казаться безусловно оправданной. Вся Восточная Азия стала зоной преобладания Токио, и до вышеописанной битвы при атолле Мидуэй японские вооруженные силы не знали поражений. Объявление войны Соединенным Штатам развязало руки германскому подводному флоту, и тот за первую половину 1942 года добился феноменальных результатов. На дно пошло почти на треть больше тоннажа кораблей противостоящей коалиции, чем за весь 1941 год. При этом погибло относительно незначительное число немецких подводных лодок.

Гитлер на короткое время впадает в своего рода благодушие, он все больше стремится предстать перед нацистскими соратниками «исторической личностью», поднимающейся над преходящими обстоятельствами. Он высказывает суждения о своих противниках. Как раз в это время Гитлер (выступая во второй половине дня 23 мая 1942 года перед своими гауляйтерами) назвал Сталина «фигурой, возвышающейся над демократическими лидерами англосаксонских стран». Войну на

Восточном фронте Гитлер назвал непохожей на войны прошлого. Здесь речь не идет о победе или поражении, здесь одну сторону ждет триумф, а другую — полное крушение (Triumph oder Untergang). Собственно, с его точки зрения, война зимы 1941–1942 годов была выиграна, сейчас речь идет о том, чтобы добить врага. В той же речи Гитлер пообещал после окончания войны полностью сокрушить в Германии христианство.

Перед партийными лидерами Гитлер любил рисовать масштабные картины. В данном случае он не считал нужным скрывать своих вожделий на Востоке. Здесь произойдут самые масштабные германские приращения, рейх получит уголь, нефть, пшеницу. «Мы должны будем решить на востоке этнический вопрос». (Практика в Освенциме уже началась). После консолидации германских побед здесь будут построены мощные крепости. В течение 70–80 лет здесь будет расселено новое, прибывшее из нордических земель население в 250 миллионов человек. «В этом заключается подлинный смысл данной войны. Большие жертвы кровью могут быть оправданы только тем, что грядущие поколения получают благословение бескрайних полей». На завоевываемых восточных территориях «мы найдем чернозем и железную руду, основу нашего будущего богатства». Как только война закончится — а произойдет это скорее всего этим летом, «мы начнем боевые действия против англосаксонских стран, и те не смогут устоять».

30 мая 1942 года Гитлер выступает перед 10 тысячами выпускников военных училищ в берлинском Шпортпаласте. Тон был другой, но суть сходной. Керчь и Харьков — только «прелюдия» к тому, что последует летом. Что произошло бы, если бы победило азиатское варварство? Немецкие женщины пали бы первой жертвой этих зверей. Германскую интеллигенцию утопили бы в крови. Все, что делает нас высшей формой человеческой расы, было бы уничтожено. Но победа на Востоке даст нам «жизненное пространство», снабдит будущие поколения немцев зерном, углем, рудой, нефтью, резиной, древесиной. Геббельсу: «С наступлением на Кавказ мы наступим советской системе на адамово яблоко». Потери Советов при Керчи и Харькове уже невосстановимы. Сталин достиг предела своих ресурсов — в Советской России наблюдаются сложности с продовольствием и падает мораль.

Особый восторг Гитлера вызвал успех генерала Роммеля в Северной Африке, в ливийско-египетской пустыне. Вечером 21 июня пришло поразительное сообщение о взятии Роммелем Тобрука — ворот к Каиру и Суэцкому каналу. В ходе трехнедельной кампании Роммель сумел неожиданными маневрами обойти неважно экипированную армию

англичан и поставил их контроль над Суэцом под вопрос. 33 тысячи англичан попали в плен. Военные трофеи на фотографиях выглядели восхитительно, и фюрер германской нации немедленно произвел Роммеля в фельдмаршалы. Через несколько дней германские войска оказываются в поразительной близости от Александрии. Гитлер уже смотрит по карте с неммым вопросом: каково расстояние от устья Нила до Кавказа. Если два молодых германских фельдмаршала — Клейст и Роммель — сомкнут руки в устье Евфрата, то англичанам придется забыть о веках своего преобладания на Ближнем Востоке.

На Севере дела идут не менее восхитительно. Верные финны празднуют 75-летие маршала Маннергейма (только о финских частях Гитлер говорил, что они, возможно, лучше германских). Гитлер нанес союзнику молниеносный визит — первый случай пребывания Гитлера за пределами рейха и оккупированных вермахтом областей. В вагоне поезда, стоявшего в лесу близ аэродрома Иммола, Гитлер и Маннергейм, в присутствии финского президента Рюти и благообразного Кейтеля, обсудили ход мирового конфликта и непосредственные задачи сторон. Гитлер вручил ветерану борьбы с большевизмом высшую награду рейха — Большой Золотой Крест Германского Ордена Орла. Вопреки просьбам Гитлера, финны записали дискуссию на магнитофонную пленку и из глубины трагического времени слышен австрийский акцент германского канцлера. Его речь звучит более живописно, чем ее изложение в письменном виде. Гитлер заверил финнов в неизменной германской помощи. Он не сообщил союзникам о грядущем германском наступлении на юге СССР — он сделает это во время ответного визита Маннергейма, за день до начала этого наступления.

Гитлер был очень доволен визитом в Финляндию. Никогда еще будущее не было столь многообещающим. От Балкан, Апеннин и Пиренеев на юге до Скандинавии и полярных широт на севере Германия стояла как гегемон Европы, принимая почтение малых сих. Только остров Британии, теряющей Египет, и прижатая к Уралу Россия отказывались признать германское главенство. И все же нота «благоразумия» на крайний случай прозвучала; приказание на случай поворота фортуны было высказано Геббельсу как ближайшему идейному соратнику: если дела на Восточном фронте, вопреки всему, пойдут худо и это вызовет взрыв возмущения в самой Германии, то следует первым делом расстрелять узников тюрем и лагерей. По меньшей мере, говорит Гитлер Геббельсу, повторения 1918 года не будет. Одно точно — рабочий класс, приверженный национал-социализму, будет в этот раз на нашей стороне.

Если накануне летней кампании германской армии 1941 года — накануне «Барбароссы» — соотношение танковых сил СССР и Германии было 5:1 в пользу советской стороны, то к лету 1942 года на участке грядущего германского наступления оно стало 1:10 в пользу немцев. На всем огромном советском юге накануне решающей кампании, должной определить судьбу страны, было всего двести наших танков. Можно сказать, что дорога к Волге если и не открылась, но оказалась неприкрытой. В нее и ринулся обретший прежнюю самоуверенность противник.

Вермахт поворачивает на юг

Напомним, что Гитлер выступал теперь в качестве главнокомандующего германских вооруженных сил и ему не терпелось проявить свой гений на поле брани. На лето 1942 года Гитлер планировал ни более ни менее, как окончательное уничтожение жизненных источников советской мощи («die wichtigsten kriegswirtschaftlichen Kraftquellen»). Вопреки всем опасениям Сталина, Гитлер направил основные силы не против московского региона, а против нефтяной артерии и самих источников нефти — Северного Кавказа и Баку — Durchbruch in den Kaukasusraum. Его план отличался масштабностью, он как бы уже смотрел поверх голов противостоящих советских армий. Вытолкнуть Красную Армию в бескрайние степи, подорвать здесь ее боеспособность, загнать в кольца окружений, уничтожить ее людскую силу и техническое оснащение в харьковских масштабах, вызвать коллапс вооруженных сил России южнее Воронежа и встретиться с победоносными японцами на Ближнем Востоке.

Стратегическими целями стало завоевание плодородных южных земель России (хлеб), овладение углем Донбасса и нефтью Кавказа, превращение Турции из нейтрала в союзника, перекрытие иранских и волжских путей ленд-лиза. Первоначально вторжение в грандиозный район между Черным и Каспийским морями носило название «Зигфрид», но, по мере разработки и детализации, план получил название «Синего». Он предполагал, во-первых, взятие Воронежа; во-вторых, взятие Сталинграда; в-третьих, выход через Кавказский хребет на юг.

На данном этапе Гитлер твердо верил, что хребет Красной Армии будет разбит где-то между Доном и Волгой, здесь подойдут к концу необъятные людские резервы Красной Армии. Иначе трудно объяснить ту легкость, с которой Гитлер фривольно планирует то поворот после Сталинграда к Саратову и Казани, то рейд всех сил на Кавказ, то молниеносный поход на Урал. Для выполнения подобных планов необходимо было лишь одно, но существенное условие — чтобы вермахту уже никто не мешал, чтобы сопротивление русских войск в дальнейшем носило чисто символический характер. Чтобы Россия вступила в состояние агонии. Агонии предсмертной.

Колебания с выбором азимута движения после прорыва советского фронта завершились довольно быстро. основополагающая Директива № 41 (апрель 1942 года) уже в преамбуле прямо называет это направление —

захват нефтяных месторождений Кавказа в качестве основной стратегической цели. Отсюда и построение войск. Южная их группа оказывается поделенной надвое, на группу армий «А» (под руководством фельдмаршала Листа, ориентированную на Кавказ) и группу армий «Б», ответственную во главе с генералом Вейхсом, за взятие Сталинграда и прикрытие группы армий «А» со стороны северных, подмосковных сил Красной Армии. В группе армий «Б» было значительное число войск стран-сателлитов, и она во многом смотрелась как некая вспомогательная сила, пособляющая кавказскому авангарду германской армии.

Наступает пик германских военных усилий в мировой войне, «Синий» план являет собой этот пик. Начало реализации этого плана — 28 июня 1942 года. Предполагались четыре этапа:

- Вторая пехотная армия и Четвертая танковая армия прорывают советскую оборону западнее Воронежа и движутся к Дону;

- Шестая армия пробивается западнее Харькова и уничтожает советские силы к западу от реки Дон;

- достигнув реки Дон, Четвертая танковая армия поворачивает на юг;

- захватив Сталинград, все наличные силы обрушиваются на Кавказ.

Что скажут генералы? Еще до своего переселения в винницкий «Вервольф» (1 июня 1942 года) Гитлер собрал своих военачальников в Полтаве и произнес одну из самых впечатляющих речей военного времени. Даже наиболее критично настроенные господа с моноклями не нашли контраргументов его стратегическим построениям. Стоявший рядом с фюрером генерал Паулюс и не искал таких аргументов, он полностью воспринял стратегический план фюрера. Южный вариант возобновленного блицкрига вермахта решит судьбу России. Сталин в простоте своей может отсиживаться в защищенной Москве, а в это время германская армия решит его судьбу, судьбу режима и страны посредством контроля над волжской магистралью, путем отсекования российского севера от энергетических кладовых юга.

Ощущали ли советские войска, что над ними занесен молот страшной силы?

В середине июня 1942 года воздушная разведка Брянского фронта обнаружила значительную концентрацию германских войск в районе Курска и Щигры. Генштаб попытался успокоить командующего фронтом генерала Голикова: четыре танковые и шесть пехотных германских дивизий концентрируются у Юхнова — напротив ближайшей возможной точки германского наступления на Москву. Потерявший значительную долю ориентации, пребывавший в недоумении Голиков на всякий случай укрепил

дорогу, ведущую на Тулу. Советские военачальники никак не хотели представить себе вермахт развернувшимся на юг. А могли — немцы невольно подготовили подсказку.

Через четыре дня после интенсивных переговоров Генштаба с Голиковым советской стороне выпала удача, которой стоило бы воспользоваться. 19 июня 1942 года небольшой самолет «Шторх», на котором летел начальник оперативного отдела штаба 23-й танковой дивизии вермахта майор Райхель, был сбит над нейтральной полосой — между линиями фронта. Гитлер строжайшим образом запретил перевоз секретных бумаг таким образом, но танковый офицер пренебрег правилами и в данном случае поплатился. При нем были оперативные приказы 40-му танковому корпусу генерала Штумме. Фактически это было описание первой фазы «Синего» плана. Обнаружив пропажу офицера, немцы бросили вперед, через линию фронта несколько разведгрупп, но те нашли лишь обломки самолета Рейхеля. Рядом были две могилы, лишь в одной было тело и это было тело без униформы. (Все основные начальники Райхеля были преданы суду — дело слушалось в Имперском военном суде под председательством Геринга).

В планшете Райхеля был основной боевой приказ об использовании в предстоящем крупном наступлении по «Синему» плану корпуса генерала Штумме. Портфель с документами был отослан в штаб фронта. Здесь сумели оценить карту (масштаба один к ста тысячам) и отправили почерпнутые сведения соседям — в штаб Брянского фронта, а оригинал — в Москву, в генштаб. Теперь Голиков знал, что 40-й танковый корпус (три танковые дивизии), одна моторизованная и две пехотные дивизии будут атаковать его со стороны Волчанска в направлении на Новый Оскол. Главной целью будет Воронеж. Германский ударный кулак будет метить в стык Брянского и Юго-Западного фронтов.

Аналитиков генерального штаба портфель Райхеля ошарашил, он противоречил их предсказанию будущего, и им ничего не оставалось, как выслать разведывательные самолеты для воздушной разведки над указанными на картах районами. Золотой шанс предугадать вражеский удар уплывал. Сталин и Шапошников не санкционировали предлагаемое Голиковым создание специальной группы войск «Воронеж». Профессиональным скептикам не верилось в свою удачу. Им мерещилась западня. Кроме того, собранная немцами боевая группа не поражала своими размерами, что и самого Голикова не насторожило в должной мере. Наступило означенное в немецких планах 22 июня, и ничего не случилось. Тут и менее подозрительный, чем бывший глава ГРУ Голиков военачальник

заподозрил бы фальшивку. Зря Голиков перевел свой штаб из милого Ельца в некомфортабельный Малоархангельск.

И все же стратегической разведке Сталин теперь верил больше, чем в канун войны, а она давала бесценные результаты. Из Швейцарии Александр Радо выходил на прямой контакт с Рудольфом Ресслером (кодовое имя «Люси») — бесценный источник информации, исходящей из самых высоких военных кругов рейха. В течение суток «Люси» сообщала о самых важных решениях, принятых Гитлером. «Люси» с удивительной точностью обрисовала планы Германии, связанные с южным наступлением и одновременным проведением операции на Ленинградском фронте. Из Парижа Леонард Треппер руководил «Красной капеллой», имевшей источники в военной и деловой среде Германии. Советская стратегическая разведка добыла «Синий» план чрезвычайно быстро. Служивший в штабе оперативного руководства Главного командования военно-воздушных сил обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, а также старший правительственный советник Арвид Харнак, возглавлявшие разведывательную сеть «Красная капелла», предоставили «Синий» план в распоряжение советского командования. (Немного времени осталось им для разведывательной работы, в декабре 1942 года «Красная капелла» будет раскрыта, а ее участников ждет жестокая участь. Ей недолго осталось жить — немецкая контрразведка уже шла по пятам, — но сообщения наших немецких друзей отличались точностью и скрупулезностью).

Атомное оружие — 42

Научный руководитель американского атомного проекта Дж. Конант (в общем и целом, как и Рузвельт, оптимист по натуре) определил, что немцы, возможно, на год опережают американцев, тогда как даже «трехмесячное отставание было бы фатальным». Следовало ускорить исследовательские и конструкторские работы, следовало почерпнуть все полезное у англичан.

Рузвельт и Черчилль на встрече летом 1942 года немало часов посвятили «трубочным сплавам», как согласно английской терминологии назывался проект военного использования атомной энергии. Именно в эти дни, видя реальную опасность дезинтеграции Британской империи, Черчилль согласился на главенство американцев в атомном проекте. В июне 1942 года Рузвельт поручил военному министерству взять проект в свои руки. Здесь в рамках корпуса армейских офицеров был создан особый отдел, перед которым стояла задача осуществить крупномасштабные разработки и исследования в наглухо отгороженных от внешнего мира лабораториях и на дальних полигонах. Свое название проект «Манхеттен» получил в августе 1942 года. Рузвельт определенно знал, что германские физики идут той же дорогой, и судьбы войны во многом зависят от научных успехов их конкурентов.

В конечном счете проект «Манхеттен» обошелся в 2 миллиарда долларов. Было построено тридцать семь испытательных установок в одиннадцати штатах США и в Канаде. В реализации проекта участвовало примерно 120 тысяч человек (такие оценки давал Р. Патерсон Г. Стимсону 25 февраля 1945 года). С целью централизовать организационные усилия Рузвельт назначил бригадного генерала Лесли Гровса главным ответственным за реализацию проекта «Манхеттен». Тот стал руководить всеми задействованными силами и средствами. Те или иные действия президента в данном проекте стали осуществляться через военного министра Г. Стимсона. Отношение Рузвельта к проекту «Манхеттен» говорит о его интуиции, свободном от предубеждений восприятии революционных перемен в мире науки как фактора построения искомой системы международных отношений в будущем. Рузвельт без экзальтации и мыслительной агонии рассмотрел важнейшее силовое средство двадцатого века. Он, полагает американский историк М. Шервин, «думал, что бомба может быть использована для создания мирного мирового порядка, он, по-видимому, считал, что угроза ее применения более

эффективна, чем любые возможности международного сотрудничества». И, по мнению Рузвельта, хотя мир будут контролировать «четверо полицейских», только один из них будет владеть атомным оружием.

Во время Нюрнбергского процесса Шпеер сообщил, что Гитлер обсуждал с ним возможность создания атомной бомбы. Шестого мая 1942 года Шпеер поставил перед фюрером вопрос о судьбе атомного проекта, он предложил назначить Геринга главой имперского исследовательского совета, чтобы придать делу необходимую важность. Возможно, решающим днем в германском подходе к атомному оружию было 6 июня 1942 года, когда Нобелевский лауреат по физике Гейзенберг встретился с министром военных запасов А. Шпеером (близким к Гитлеру) и доложил ему о ходе исследований в области использования урана. Он сказал, что Германия определенно имеет необходимые знания для получения атомной энергии из урана и что теоретически возможно создание атомного оружия. Но впереди лежало решение сложных технических проблем: нахождение критической массы, исследование цепной реакции — огромные дорогостоящие эксперименты. Шпеер пришел к выводу, что работы следует продолжать, но учитывать при этом ограниченность германских ресурсов. В этом Шпеер прямо повторял Гитлера: тот, будучи на данном этапе уверенным в победоносном для себя окончании войны, приказал закрыть все проекты, касающиеся новых видов оружия, за исключением тех, которые будут готовы к полевым испытаниям в течение шести недель.

Гитлер не пришел к окончательному решению этого вопроса и на новом обсуждении — 23 июня 1942 года. Он показал свою заинтересованность, но не был убежден в достижимости цели. Его страшил временной фактор. Речь шла о трех-четырёхлетней программе. В конце концов Шпееру было приказано направить исследования на создание уранового мотора для танков или подводных лодок, после чего Гитлер, как видится, потерял интерес к проблеме. Так именовавший себя революционером Гитлер не сумел увидеть единственное средство, которое всерьез могло повлиять в его пользу на исход той смертельной борьбы, в которую он вовлек свой народ, всю Европу и Северную Америку.

Реализация «Синего» плана

В конце июня на фронте от Курска до Таганрога стояли изготовившиеся к бою пять полностью укомплектованных, хорошо оснащенных германских армий, перед которыми была поставлена цель разбить русские войска на юге — от курских перелесков до Азовского моря. Германское движение в направлении Ростова-на-Дону было в стадии последних приготовлений. 26 июня 1942 года Гитлер наградил командира дивизии СС «Мертвая голова» генерала Эйке Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту за многодневное сохранение Демянского котла.

В этот день бритоголовый генерал Голиков, как когда-то в предвоенный период, сидел в Кремле перед Сталиным. Для Сталина были откровением полученные из разведывательных источников сведения о повороте Гитлера в сторону от Москвы, его намерении нанести удар в район Воронежа — на этот раз в Москве знали о «Синем» плане в деталях. Но Сталин все же заподозрил подвох. Сталин демонстративно отодвинул документы злосчастного германского майора. Немцы блефуют. Сталин не поверил ни слову о мифическом «Синем» плане. Разведка слишком легковерно клюет на такие грубые фальшивки. Хватит с этим, обратимся к нашим задачам. «Врагу не дано ни одного шанса бить наши части одну за другой, а поэтому нам самим нужно нанести удар по врагу». Голиков предложил провести операцию по освобождению Орла силами Брянского и Западного фронтов. Сталин одобрил идею, и уже на следующий день Голиков развил кипучую деятельность к подготовке к 5 июля орловского наступления. Сам план был готов к трем часам утра 28 июня.

Но утренний полет советского самолета-разведчика принес поразительные новости: на стыке 13-й и 40-й армий обнаружена огромная концентрация германских войск. Штаб Брянского фронта удостоверился, что имевшиеся в его распоряжении немецкие документы вовсе не блеф. «Синий» план оказался подлинным результатом германского планирования — он предполагал начало выступления именно 28 июня 1942 года. Именно в этот грозный ливнем летний день подлинная беда обрушилась на Русь. Ровно в 10 часов утра советско-германский фронт взорвался — вермахт начал осуществлять свой «Синий» план. Германские штурмовики обрушились на советские позиции. Германская артиллерия была без пауз, танки и сопровождающая их пехота бодро двинулись в битву, финал которой обязан был решить судьбу войны. Специальная группа из тридцати

германских бомбардировщиков, прикрываемых «мессершмиттами», крушила дальние подходы к месту прорыва.

Итак, реализация «Синего» плана началась 28 июня 1942 года. Одиннадцать дивизий генерала Гота (4-я танковая армия) устремились восточнее и южнее, на Воронеж — крупный индустриальный центр и важный железнодорожный узел, за которым лежали донские плесы.

К полудню 28 июня Голиков облился холодным потом: он стоял на пути главного удара вермахта. К вечеру он знал, что в прорыве на его линии фронта участвуют не менее десяти германских дивизий, из них две или три — танковые. Теперь Ставка снимала танковые корпуса у Тимошенко, бросая их на путь противостояния германскому передвижению. Теперь к Голикову спешила 5-я танковая армия Лелюшенко. Успеют ли? 24-я танковая дивизия немцев наткнулась на вагончики штаба 40-й советской армии, только что оставленные, с работающими радиостанциями. Этот штаб потерял всякую связь с подопечными дивизиями и ретировался. Войска, лишённые руководящей руки, создавали лишь дополнительный хаос. Ночью 30 июня Сталин связывается с Голиковым: «Два вопроса интересуют нас. Первое, слабость вашего фронта на реке Кшень и к северо-востоку от Тима. Мы обеспокоены исходящей отсюда опасностью, потому что противник может зайти в тыл 40-й армии и окружить ее части. Во-вторых, мы испытываем беспокойство по поводу слабости вашего фронта у Ливен. Здесь противник может зайти в тыл 13-й армии. В этом районе Катукон (1-й танковый корпус) будет введен в действие, но у Катукон нет резервов. Считаете ли вы эти угрозы реальными и что вы предлагаете противопоставить им?»

С точки зрения Голикова, наихудшим оборотом событий было бы поражение 40-й армии, боевой и испытанной, одной из лучших. 13-я и 48-я армии были резервными. По мнению Сталина, самым важным было удерживать радиосвязь с частями — без этого «весь фронт быстро дегенерирует в сброд». Сталин приказал использовать танки не с флангов, а в лоб наступающим германским войскам. Ставка продолжала напоминать Голикову, что ему была передана тысяча танков, что он обязан с умом распорядиться этой силой. У противника лишь 500 танков. «Теперь все зависит от вашего умения использовать полученные войска и использовать их по-человечески». Увы, танковые корпуса Голикова были разбросаны по всей округе. Это не был единый стальной кулак. Противостояние германским частям выглядело проблематичным.

Германское наступление 28 июня поразило советское командование своей стремительностью. Тучи над страной стали черно-синими. В этот

трагический час больного Шапошникова на посту начальника Генерального штаба заменяет генерал-полковник Василевский. 1 июля он выговаривает Голикову: «Ставка недовольна тем, что на вашем фронте танковые корпуса перестали быть танковыми частями и действуют пехотными методами — вот вам пример: Катюков вместо уничтожения вражеской пехоты провел день за окружением двух полков, и вы, очевидно, потакаете этому... А где эти танки? Должны ли они действовать подобным образом? Вы должны строго контролировать их всех, давать им конкретные задания, которые должны выполнять именно танки».

30 июня гроза разыгралась и на юге — Паулюс с 6-й армией стартовал через два дня после Гота. Он прикрывал правый фланг танкистов и начал крушить части РККА к югу от Воронежа. Две германские армии, Вейхса и Паулюса под общим командованием фельдмаршала Федора фон Бока (несколько отошедшего от подмосковного нервного кризиса) обрушились на советский фронт севернее и южнее Курска. Линия обороны оказалась разрушенной полностью, и мобильная сила германской группировки начала проявлять себя.

Южная часть группы армий «Юг» нанесла свой удар южнее Харькова, и фон Клейст форсировал реку Донец. Немцы смяли правый край Тимошенко и ринулись на Новый Оскол. Чтобы сориентироваться, штабные офицеры 40-й армии поднялись на самолете («кукурузнике») в воздух, но общей организации это не добавило. Войска спешно отступали, и порядка в этом отступлении было все меньше. За Паулюсом теперь была вся Украина, впереди лежал донской край, где-то за горизонтом и правее высились горы большого Кавказского хребта. Мир был чарующе подвластным, все казалось возможным. Беды прошлой зимы забыты напрочь, вся Европа — да что там Европа, весь мир изумленно наблюдал за новыми усмирителями скифов, за потомками Александра Македонского, раздвигающими восточные границы европейской ойкумены.

Но не все пошло по немецкому плану. Гитлер с самого начала не хотел брать Воронеж приступом, он хотел его обойти и броситься всей силой южнее. По замыслу Гитлера, основную часть войск Красной Армии следовало окружить в степях (про леса он после Московской битвы не хотел и думать). Но германские части настолько легко вышли к пригородам Воронежа, что захват города показался делом часов, и решимость фюрера была поколеблена. Он отдал право окончательного решения командующему группой армий «Б» фельдмаршалу фон Боку. Тот явно не был Людендорфом и, получив неожиданное право на инициативу в исключительно важном вопросе, вначале заколебался, но затем решил все

же взять Воронеж. И направил в город две танковые дивизии.

2 июля Голиков расставил приданные ему 6-ю и 60-ю армии на севере и юге Воронежа так, чтобы отступающие части «осели» на новое твердое основание. Ставка не скупилась слать подкрепления в Воронеж, чтобы закрыть страшную брешь шириной в семьдесят километров между Брянским и Юго-Западными фронтами. Сталин не отходил от телефона, ожидая вестей из Воронежа. Его надежды покоились на 600 современных танках (КВ и Т-34), готовых дать бой четвертой танковой армии Гота. Но налет штурмовиков буквально смел прекрасные машины, созданные умом наших лучших инженеров и самоотверженным трудом танковых заводов. А те, что остались, частями бросались на танки Гота, словно пехота времен гражданской войны. И горели превосходные машины как жертвы, как очередные мишени на германском танковом полигоне.

Но уже через несколько дней немцы стали называть Воронеж «проклятым городом» — наши солдаты, получив подкрепление, учинили немцам бой на выживание в городских кварталах. В то же время основные силы Красной Армии, благодаря самоотверженности защитников Воронежа, стали отходить в юго-восточном направлении, на плато между Доном и Донцом. И хотя Гитлер в обычной истерической манере начал требовать от Гока «нагнать и окружить» отступающих русских, слишком много быстрых немецких танков горело в воронежских катакомбах. Они нужны были германскому командованию в южных степях, но ОКХ уже позарилось на Воронеж. Истекающие кровью его защитники спасали отечество, спасая отступающую к местам русской вольницы армию. Ведь с нею у нас есть надежда.

Данный момент очень важен для судеб войны. Советское командование здесь принимает более правильное, чем германские военные вожди, решение. Германское руководство позарилось на природные богатства попираемой страны, предполагая, что вопрос о защищающих эти естественные ресурсы вооруженных силах СССР будет решен каким-то образом и способом позже, когда лишившаяся энергетического сырья страна начнет задыхаться от его нехватки. Москва же совершенно справедливо и стратегически правильно более ценила армию, те вооруженные силы, которые, при их патриотизме и растущей оснащенности, защитит и вернет утерянное. Следует стратегически правильный приказ командующим фронтам отводить войска, «разменивать» теряемое пространство на сохраняемую живую силу. Согласно выводу германского военного историка Типпельскирха, «новая тактика русских, конечно, больше способствовала сохранению их сил, чем

попытка оборонять словно специально созданную для танков обширную открытую местность между реками Северный Донец и Дон». История довольно скоро покажет, кто оказался прав.

Немецкие войска вели крупные фронтальные бои, их танки, отрываясь от пехоты, рвались вперед, по внешности вермахт шел к триумфу. Но под поверхностью зрели новые обстоятельства. На восток вела лишь одна значительная железнодорожная магистраль, местность становилась все менее обжитой. Наши войска вели по виду бесплодные бои. Но по существу они растягивали германские коммуникации, заставляли ОКХ вводить в дело далеко не безграничные резервы. Но в руках у наступающих немцев были прекрасные ранним летом южные степи, а не потоки бредущих с опустошенными глазами военнопленных — что было характерно для этого времени год назад. Фактом является то, что, при всей мобильности танковых колонн, германскому командованию не удалось создать ни одного крупного окружения. Ничего похожего на Киев и Вязьму 1941 года. Советская армия несла потери, она отходила, она терялась в степном мареве как мираж, оставляя немцам степные просторы и горькую полынь родных степей.

Летняя кампания

Гитлер, в ожидании окончательной победы над Россией, переводит свою ставку из болотного туманного Вольфшанце в солнечную украинскую Винницу. Когда Гитлер и его ближайшее окружение 16 июля 1942 года вышли на аэродром Растенбурга, шестнадцать транспортных самолетов с уже заведенными моторами ждали их для броска на благословенные украинские степи. В иллюминаторах видна была огромная территория, которую вермахт уже присоединил к рейху. Через три часа после взлета самолетный караван начал снижаться. Присланные с немецкой точностью автомобили уже ожидали на аэродроме — Гитлер прибыл в свою южную резиденцию, где ему предстояло пробыть следующие три с половиной месяца.

Это убежище фюрера было названо «Вервольф» — оборотень. Несмотря на «мириады мух и комаров», складывалось впечатление, что Гитлер устраивается в своей южной военной резиденции надолго. Гитлеру нравилось слово «вольф» — волк — и он приносил его повсюду, где это было уместно. «Вервольф» представлял собой комплекс деревянных зданий, построенных за очень короткий период времени к северу от Винницы, близ шоссе Винница-Житомир. Имелись и деревянные дома и подземное бетонное убежище — очень тщательно построенный бетонный бункер, где с немецкой тщательностью было припасено все — от продовольственных припасов до баллонов с кислородом на случай пожара и нехватки воздуха. Разумеется, нацисты постарались нейтрализовать запах от сожженных строителей «Вервольфа».

Сосновые бревна, из которых был построен дом фюрера, был просторным и уютным, и все претензии Гитлера как архитектора-любителя не касались строений. Отметим исключительную охрану данного объекта. Рентгеновские лучи просвечивали все приносимое, продукты подвергались строгому химическому анализу, шеф-повар отбирал необходимые продукты сам, а химики охраны производили анализ всего, включая минеральную воду. Масштабный огород специализированной немецкой фирмы снабжал стол вегетарианца Гитлера овощами и обязательными для него яблоками. Все обитатели «Вервольфа» ежедневно принимали лекарство от малярии.

Распорядок дня у Гитлера оставался неизменным. Главное, что нервировало Гитлера на Украине, было необычайно жаркое в 1942 году лето. Климатические особенности данного региона со столь отличным от

германского континентальным перепадом температур нервировали Гитлера, он не выносил жары. Хотя «Вервольф» постоянно поливали, особенного облегчения Гитлер не чувствовал. Жаркая погода отрицательно сказывалась на неврастенике, она влияла на его эмоциональное состояние. Его сотрудники нередко вяли от солнца, безделья и отсутствия развлечений. Положение несколько смягчал ежедневный просмотр фильмов и посещение местного театра.

И все же эмоциональное состояние Гитлера было значительно лучше, чем в проведенную в Восточной Пруссии зиму. Секретарши в своих ежедневных записях сообщают о его хорошем настроении. Утомительными для окружающих признаками этого были, в частности, бесконечные монологи за обеденным столом о пользе вегетарианства и вреде курения. Застольные беседы фюрера зафиксированы. Он называет Сталина современным Чингисханом, говорит о необходимости сохранить низкий жизненный уровень среди завоеванных народов, о преимуществах частной инициативы над контролируемой государством экономикой, о мастерстве англичан во владении огромной Индией и необходимости у них учиться. Ведь русская Индия распростерлась на весь колоссальный континент, а русские индейцы ждут хозяйского решения немцев. Контрапунктом звучали только сводки с южного фронта, из которых значилось, что русские не поняли, что разбиты.

В первый же день пребывания в «Вервольфе» Гитлера посетил глава СС Гиммлер, расположившийся неподалеку — в Житомире. Гиммлер записал на следующий день, что речь шла о судьбе Кавказа. Фюрер не желал инкорпорировать этот регион (он слишком пестр этнически, местные племена непримиримы во взаимной вражде) в рейх, он хотел оставить его военным протекторатом с базами в местах нефтедобычи. О чем еще говорили творцы «окончательного решения», неизвестно, на следующий день Гиммлер вылетел в Освенцим, где наблюдал высадку заключенных из железнодорожного состава, татуирование отобранных на работы, методическое удушение прочих, разбор тел, очистку газовой камеры, приготовления к приему новой партии заключенных. Он пожелал показать, как наказывают палками, «чтобы убедиться в необходимом эффекте». Весьма буднично и прозаически проходил инспекционный тур. Рвение не поощрялось, высоко оценивалась профессиональная методичность. Блестело пенсне Гиммлера, звучал негромкий голос, вопросы задавались самые прозаические, безостановочно дымил крематорий. И эти люди собирались взять в свои руки наши судьбы.

Гитлер не отвлекался на прозаические вопросы. Он смотрел только на

восток, и возбуждение охотника все более владело им. Обстановка на южном фронте оправдывала самые оптимистические ожидания германского командования. Ширина фронта прорыва между Курском и Таганрогом достигла полутысячи километров. Ко второй половине июля 4-я танковая армия вышла в большую излучину Дона западнее Сталинграда. 17-я германская армия 17-го июля взяла Сталино и Ворошиловград, затем она сумела выйти к Дону по обе стороны Ростова. Никогда враг не углублялся так в российскую территорию. Впервые за весьма долгое время сводки Информбюро стали принимать буквально трагический характер.

Гитлер мог позволить себе предаться стратегическим мечтаниям. Население России составляло уже не 170, а примерно 110 миллионов человек, в то время как население рейха неизменно и быстро увеличивалось — уже не 80 миллионов, а более 200 миллионов человек. История сделала фантастический поворот. Уже не Россия, а (впервые в истории) Германия была самой населенной страной Европы. Это население владело всеми необходимыми атрибутами могущества. На Германию работал почти весь огромный потенциал Западной и Центральной Европы. Россия же откатилась к Северо-Востоку Евразии. Немцы практически перекрыли пути подхода с моря к Мурманску и Архангельску. Они неуклонно шли к тому, чтобы оборвать и южную нитку, связывающую Россию с внешним миром.

Впервые не обескураживали союзники. Японцы находятся в пике боевой формы. Императорская армия изгнала американцев из Филиппин, а англичан из Гонконга и Сингапура. Страны «оси» наступали повсюду — на Кавказе, в Северной Африке, в Бирме, на атоллах Тихого океана. В ходе войны наступил решающий момент. Следующее обстоятельство стало казаться критическим: Россия не сможет продолжать войну за Уралом, если внутренние водные пути и пути западного ленд-лиза будут перерезаны вследствие потери нижней Волги. За океаном старались трезво оценить слова посла СССР в США М. М. Литвинова: «Он полностью отверг теорию о том, что, коль скоро Россия имеет бескрайние просторы, она может сражаться до бесконечности. Потеряны районы, производящие продовольствие и сырьевые материалы, возникла угроза нефтеносным регионам». На виду у западных лидеров коалиции Литвинов скептически отнесся к мнению, что «Россия имеет большие нефтяные резервы». Так советские дипломаты еще не говорили.

Расположившись в винницком бункере, Гитлер каждый день занимал металлическое кресло в обитой деревом комнате заседаний и заставлял себя выслушать человека, чей внешний облик давал представление о

классическом прусском (хотя по происхождению он не был пруссаком и фоном) офицере. Начальник штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер, поблескивая очками, рисовал картину большого южного наступления германской армии. Гальдер не питал симпатии к фюреру, но он был лояльным офицером и прилагал максимум стараний. Перемены настроения Гитлера он воспринимал стоически. Гитлера Гальдер раздражал своим вольным и невольным скепсисом, своими подчеркнута корректными манерами, в которых видел прямой упрек себе. Постепенно взаимная неприязнь приняла стойкие формы и дело пошло к развязке. Гальдер не верил в декларируемую Гитлером окончательную дезинтеграцию армии противника. Что касается его взглядов на собственную армию, то Гальдер полагал, что зимнее поражение под Москвой лишило ее некоего основополагающего элемента — потеря почти восьмидесяти дивизий (восьмисот тысяч человек) не прошла бесследно для боевой мощи вермахта. До начала реализации «Синего» плана, то есть до лета 1942 года, боесостав германских дивизий был на уровне 50 процентов от штатного расписания. Основных целей вермахт не достиг: Ленинград вымирал, но стоял; Москва продолжала сохранять положение центра национальной жизни России; советская индустрия работала; моральный дух советского народа поколеблен не был.

Важное сообщение 14 июля передал германский агент «Фламинго» — Минишкий. Гелен с помощниками сидели всю ночь, подготавливая отчет по этому сообщению наиболее важного германского агента в СССР. Утром Гальдер получил этот отчет: «Ночью 13 июля в Москве завершилась сессия военного совета. Присутствовали Шапошников, Ворошилов, Молотов и главы британской, американской и китайской военных миссий. Шапошников сказал, что отступление будет продолжаться до Волги, с тем чтобы заставить немцев провести зиму в этом регионе. Во время отступления все будет уничтожаться, чтобы не попасть в руки противника; вся промышленность будет эвакуирована на Урал и в Сибирь. Британский представитель потребовал советской помощи в Египте, но получил ответ, что советские резервы не столь велики, как думают союзники. У них не хватает самолетов, танков и артиллерии отчасти потому, что часть вооружения, предназначенного для России, была через Басру в Персидском заливе переведена в Египет. Было решено провести наступательные операции в двух секторах фронта: севернее Орла и севернее Воронежа с использованием танков и воздушного прикрытия. Отвлекающая операция будет произведена у Калинина. Важным считается удержать Сталинград, Новороссийск и Кавказ». Гальдер отметил в своем дневнике, что

информация Гелена отличается исключительной точностью. Этот доклад был передан Гитлеру в первый же день его прибытия в «Вервольф».

Гитлера нельзя было обвинить в незнании этих базовых фактов. Но он не делал трагических выводов. Собственно, он делал другие, очень отличные от гальдеровских выводы. Главный их пункт заключался в том, что, по мнению Гитлера, СССР стоял, но стоял из последних сил. Гальдер не мог понять, почему Советский Союз должен был вот-вот рухнуть — ничто из того, что он знал, не предполагало такой удачи. А Гитлер, одновременно ненавидевший и разведку и военных профессионалов, считал «от германских потерь». Если осторожная, дисциплинированная, умелая и хладнокровная германская армия понесла чудовищные потери, то какими же должны были быть потери противоположной стороны — лихой, бесшабашной, идущей часто навалом, не считающей в бою потерь, слепой от жажды мщения, не воспитавшей еще ответственно-осмотрительных командиров? Гитлер знал о трех с половиной миллионах пленных. Сколько же русских надели шинели? И что можно ждать от новобранцев и от без году неделя командиров, окончивших трехмесячные курсы? В конечном счете Гитлер непререкаемо верил, что германский расчет, неимитируемая эффективность, умение концентрировать силы в нужном месте, опыт офицерской касты, убеждающая сила национал-социалистической идеологии окажутся решающими в этой, оказавшейся затяжной и бесконечно кровавой, войне.

Июль

Гитлер действовал как думал. 3 июля 1942 года, прилетев в штаб-квартиру командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Бока в Полтаве, он объявил, что Красная Армия исчерпала свои резервы. Беспokoящим обстоятельством были советские партизаны, но и с этими дикарями организованная армия может бороться. Через три дня, 6 июля, германские войска начали крупную антипартизанскую операцию под кодовым названием «Болотный цветок» с целью уничтожения партизанского движения в районе Дрогобыча (получившего подкрепления со стороны регулярных войск Красной Армии).

Партизаны были всего лишь помехой. Все внимание было обращено к процессу реализации «Синего» плана. Утром 5 июля немцы ввязались в бои на западной окраине Воронежа. Сталин продолжал персонально управлять обороной города. 7 июля он задает Голикову прямой вопрос: «Вы можете дать определенные гарантии того, что Воронеж будет удержан?» Преодолев многое, Голиков ответил, что это едва ли возможно. В ярости и отчаянии Сталин делает несколько важных назначений. Ватутин перенимает у Голикова командование переименованным и в то же время новым Воронежским фронтом. Он ответствен отныне только перед Москвой. Молодой танкист Черняховский возглавляет 60-ю армию, полковник Полубояров получил в командование 17-й танковый корпус. Только что оправившийся от раны Рокоссовский назначается командующим Брянским фронтом. Фактически все людские ресурсы страны переданы в руки этих молодых командиров, столь жестко обострилась общая ситуация.

Судьба задержавшего ударные германские силы Воронежа была решена лишь после того, как 48-й танковый корпус немцев форсировал Дон, оставляя Воронеж позади, как теряющий стратегическую значимость. Главный вопрос, который поставили немецкие танки (обогнувшие Воронеж) перед Москвой: что собираются делать немцы после последней демонстрации своего блицкрига к югу от Воронежа? Что собираются они делать, когда овладеют Воронежем, когда пересекут Дон? Куда они стремятся, в чем их цель? Рассматривался вариант того, что Паулюс и Клейст повернут на север с целью овладеть Ельцом и Тулой — подкрадываясь к Москве с юга. Однако довольно скоро выяснилось, что германские планы имеют другую географическую направленность.

Центр внимания Винницы, а потом и Москвы постепенно смещается

на казачий юг, в те края русской вольницы, которая была главной опорой державы в этих краях многие века. Но сейчас казачество оказалось частично ослабленным гражданской войной, частично расколотым призывами прибывших сюда Краснова и Шкуро. Немцы же показали фантастическую силу. На приобретающем все большую важность Юго-Западном фронте германская Шестая армия на фронте шириной в 250 километров захватила Острогожск и продвинулась на 120 километров, после чего повернула на юг, что означало выход в тыл Юго-Западному и Южному фронтам. Весь замысел «Синего» плана обнажился перед всеми, кто хотел знать правду, во всеурашающем объеме.

Но дальнейшее германское продвижение из-за отчаянного сопротивления Красной Армии было приостановлено. Наши войска постоянно контратаковали. Левое крыло наступающих немцев на определенное время оказалось привязанным к доблестно обороняющемуся Воронежу, что отложило выход элиты вермахта на оперативный простор. И дало шанс Тимошенко, отступая пересечь, сохраняя армию, Оскол и Донец, а затем и Дон. Германские генералы единодушно отметили мастерство русских в арьергардных боях. Возможно, в первый в этой страшной войне раз советские войска отступали если и не в полном порядке, то соблюдая необходимую дисциплину, сознательно ища место, где можно основательно закрепиться, а не просто показать готовность умереть. Ободряющим было и достаточно долгое владение проходящей с восточной стороны Воронежа важной железной дорогой север — юг, обеспечивающей маневр подкреплениями.

В главной нацистской газете «Фелькишер Беобахтер» описывается новая странная война. «Русские, которые до сих пор сражались упорно за каждый километр, отошли, не сделав и выстрела. Наше наступление замедляется только разрушенными мостами и авиацией. Если же советские арьергарды все же настигались, то отступающие советские части занимали позиции, позволяющие им продержаться до темноты... Обескураживающим является вторжение в этот огромный район, когда ты не встречаешь и признака своего противника».

Это был не случайный ряд эпизодов. 6 июля новый начальник генерального штаба Василевский добивается от Сталина отказа от тактики 1941 года — стоять, сражаться, погибать, но не отступать. Теперь войскам вменялось именно отступать и отступать по-умному, не теряя людей, технику и общее присутствие духа. Они не всегда делали это в строгом порядке, но фактом является, что армия, так или иначе, сохранила живую силу.

Но в долгие летние дни, когда германские генералы ощутили свою игру, по большому счету новая советская тактика разумного отступления оправдывала себя все меньше. Это не значит, что слепой навал был бы убедительнее, это просто говорит, что немцы провели игру на высоком подъеме. «Синий» план реализовывался с германской методичностью, хотя сопротивление советских войск и вынудило германское командование перенаправить острие своего наступления — Шестую армию — южнее задуманного, вдоль реки Дон. Центром притяжения этой атакующей армии логикой событий становится — в перспективе — Сталинград. А перед ним красивое пустое поле.

В эти дни у Гитлера было прекрасное настроение, теперь он был абсолютно уверен, что судьба восточной кампании решена. В состоянии полной уверенности, что наиболее важный для него участок фронта уверенно решает свою задачу, Гитлер обратился к меткам на время после «Синего» плана. Согласно его директиве, начинается планирование «Операции Блюхер» — германского наступления со стороны завоеванного Крыма через Керченский пролив на Кавказ в обход Ростова и Новороссийска. Убедительным свидетельством этой уверенности стоят по сию пору быки моста, который германские инженеры начали возводить через Керченский пролив.

Союзники, жалуется Гитлер, не только не помогают Германии, но своими внутренними дразгками и сомнениями мешают концентрации германской энергии. Гитлер обеспокоен судьбой итальянского Южного Тироля после войны и находит выход в присущей лишь ему одному импровизации: германоязычные тирольцы будут переселены из фашистской Италии в Крым. На фоне взятой 10 июля Россоши, переправы германских войск на восточный берег Дона и взятия Лисичанска на реке Донец, такое планирование вовсе не казалось плодом необузданной фантазии. Провидец смотрел на три шага вперед. Лыстецы вроде Кейтеля смотрели восхищенно.

Однако прежде чем решать судьбу тирольцев в Советском Крыму, нужно еще было победить в решающей схватке. Для этого нужно было разместить наступающие силы в оптимальном порядке. 10 июля происходит перегруппирование группы армий «Юг». Фельдмаршал Бок возглавил группу армий «Б» (6-я армия, 2-я венгерская армия, 8-я итальянская армия, 3-я румынская армия). Фельдмаршал Лист возглавил группу армий «А» (17-я армия, 4-я и 1-я танковые армии). Согласно директиве № 41 группа армий «А», продвигаясь из Таганрога и Артемовска по низовью Донца, соприкасается в Миллерове с группой армий «Б»,

продвигающейся вниз по Дону. 40-й танковый корпус устремляется к Ростову. Паулюс быстро решает дела в Сталинграде и потом он присоединяется к вторжению в Закавказье. Полные оптимизма планировщики из ОКВ решили, что Паулюс возьмет Сталинград сам, особая помощь ему не нужна. Пусть танковая армия Гота сместится южнее, здесь его ждут великие дела и великие горы.

Вообще говоря, фон Бок хотел бы встретиться с Ватутиным как можно раньше. По прежнему опыту и, в частности, по опыту лета — осени 1941 года он знал, чем грозят неприкрытые фланги. Сейчас Бок не хотел бы предельно растянуть линии своих коммуникаций. Но русские отступали, а вермахт с той же скоростью двигался вслед за ними. Представитель старой прусской школы фон Бок чувствовал себя неуютно, новому времени требовались более смелые герои, и Гитлер смещает Бока. Дважды этот военачальник продвигался дальше всех в русские просторы, и дважды его на этом этапе снимали. Такова природа диктатур.

После снятия Бока сложилась неприемлемая для старой военной школы ситуация, над которой Гитлер только смеялся, — две группы армий после ликвидации группы армий «Юг» стали фактически независимыми друг от друга. Гитлера это только радовало, он мог рассчитывать на лояльность молодых воинских волков без престарелых посредников. Да и к чему они нужны были, эти посредники-перестраховщики? Дела продвигались в высшей степени благоприятно, у Гитлера, повторяем, не было лучше настроения со времен капитуляции Франции.

Единственное, что омрачало настроение Гитлера в эти дни, — все более отчужденное и жесткое поведение генерала Гальдера, с которым ему приходилось иметь дело ежедневно. Главной причиной споров становится несравненно (особенно по отношению к 1941 году) малое число военнопленных. Уже 12 июля Гальдер утверждает — и далее это становится постоянным мотивом, — что противник разгадал замысел германского командования и всячески стремится избежать лобового столкновения, отходя на юг и восток, растягивая германские коммуникации. Гитлера такое объяснение не устраивало абсолютно, он утверждал, что Красная Армия находится при последнем издыхании и требовал от своих полевых командиров ускорить движение.

Гроза на юге

Мысль повести немцев как можно дальше в степи и заставить зимовать на открытом русском раздолье — не новая. Лучше всех ее реализовал фельдмаршал Кутузов. Немцам не нравилась аналогия с Наполеоном, и они бросились вперед действительно «очертя голову». 13 июля Сталин одобряет план отхода до сталинградского берега. Через несколько дней Сталин звонит в Сталинградский обком ВКП(б) и довольно неожиданно для слушающих его партийных деятелей приказывает им приготовить город к осаде. 21 июля практически все население города выходит с лопатами и носилками рыть земляные укрепления — подобие полукольца с западной стороны.

Разумеется, отход не был задуманно-планомерным, он был вынужденно-отчаянным. Гитлер ставит вопрос о контроле над Волгой в практическую плоскость — германская директива от 12 июля повелевала прекратить транспортное движение по Волге. Германское наступление на юге ширилось, немцы как бы бежали врассыпную. К 12 июля советский Юго-Западный фронт, ввиду поворота Паулюса на юг, теряет свою цельность и начинает крошиться на части. В большой, почти отчаянной спешке создается Сталинградский фронт.

Сталин назначает 12 июля командующим новым фронтом, которому поручается оборона Сталинграда, маршала Тимошенко. Этому герою гражданской войны дается еще один шанс проявить себя. (Строго говоря, это назначение можно объяснить лишь личными пристрастиями Сталина; у военного руководства страны имя Тимошенко не вызывало воспоминаний о победных делах). В Ставке уже начинают понимать, что Красной Армии грозит несчастье масштабов Киева и Вязьмы 1941 года. Мудрость Генштаба пока сводится к необходимости удерживать Воронеж — в противном случае освободившиеся немцы ринутся в район Тамбова и Саратова, опасно близко выходя на позиции, с которых возможен охват Москвы с юга. Искусство создания мобильной обороны пока почти недоступно деморализованной отходом и потерями армии.

Ставка едва ли не в оцепенении придает Тимошенко 38 дивизий, но что это за дивизии! Более чем в половине насчитывается менее двух с половиной тысяч бойцов. В четырнадцати дивизиях боевой состав менее тысячи человек. А боевой дух тех, кто держал винтовки? Потрясенные грозными испытаниями, выпавшими на них с конца июня, лишенные

строгой логики поведения из-за фактического коллапса войскового командования, они постепенно начинают терять рационально-эмоциональную опору в своем крестном пути на восток. Фронт на Волге! Кто бы не усомнился в своей судьбе, если блеск и гордость городов русских — Киев, Смоленск, Минск, Воронеж упали к ногам врага, а тот, в свирепой самоуверенности, решил затянуть петлю над Россией между Каспием и Черным морем, владея Днепром во всем его течении, начинает выходить к Волге там, где великая река отрешенно поворачивает к морю?

Сталин в эти дни раздражен в предельной степени. Ему ничего не остается как согласиться на отход на юго-востоке. (Гелен получает информацию о решении Ставки 13 июля санкционировать этот отход). Мехлис освобождается от поста руководителя главного политического управления Красной Армии (пост занял Щербаков). Создается Совет военно-политической пропаганды.

Одним из важных источников информации об устремленности немцев становится расшифрованная англичанами «Энигма». 15 июля криптографы Блечли раскрыли код, использовавшийся германскими зенитными частями (ему дали кодовое имя «Визель»). Там где использовались зенитные орудия — жди танков и самолетов, жди серьезных событий. Англичане (чаще всего это Черчилль) не раскрывают секрета — источника своей информации, но начинают регулярно делиться своими сведениями. 16 июля в Москву были переданы детали южных замыслов немцев. Складывалась картина, в которой германские войска, остановившись в районе Воронежа, перенаправили основные части в долину между реками Донец и Дон. На следующий день Москва получила копии инструкций, данных трем германским армиям. Но знание не всегда переливается в силу. Создать стабильную вторую линию обороны на юге пока не удастся. Остается более или менее организованный отход.

По восточным областям Украины, по жаркой южной степи кружил вихрь. Теплая южная пыль взлетала в воздух от двигателей моторов. Это элитная 6-я армия вермахта вышла на оперативный простор. Ее боевая репутация в текущей войне была безупречной. Она рассекла Польшу и ее основанную на сабле армию, именно 6-я армия прижала англичан к Дюнкерку. Ей предназначалась заглавная роль в планировавшейся высадке на Британских островах — высадке на побережье она училась всю осень 1940 года. И теперь в жарких украинских степях эта армия чувствовала близкую агонию противника — очевидна была его растерянность, потеря внутренней связки, фаталистическая отрешенность. Танки моделей III и IV, покрытые пылью, дружными группами катили по летней степи, все дальше

отбрасывая 62-ю стрелковую и 1-ю танковую армии РККА в восточном направлении. Периодически танковые орудия, обнаружив цель, производили выстрелы. Но, собственно, настоящее организованное сопротивление уже почти оборвалось.

На коротких стоянках офицеры изучали новые для них карты местности, отдавали приказы мотоциклистам, осуществлявшим связь между отдельными частями и с уверенностью смотрели на восток. Не для России отныне будет всходить отсюда солнце. Пехотинцы платками закрывали нос и рот, спасаясь от всепроникающей невиданной пыли. В дорожную пыль летели сигаретные окурки. Серо-зеленая униформа под южным солнцем быстро теряла свой цвет. Пот потоками лил за воротники защитного цвета рубашек. Из грузовиков доносились ненатужные песни — солдаты были захвачены почти величественным зрелищем отступающего в состоянии агонии противника.

Военнопленные обреченно плелись на запад, о них в эти дни предвкушаемого триумфа армейское начальство немцев думало мало. Все внимание было приковано к предстоящим крупным водным преградам — Дону и Волге. Много забот доставляли лошади — их в 6-й армии было более 25 тысяч, они тащили за собой артиллерийские орудия и бесчисленные припасы. Да, они замедляли общее движение, но вся жизнедеятельность армии зависела от этих выносливых животных. Рядом шагали колонны, которым не досталось места в грузовиках. Усталость заставляла не обращать внимания на горящие в степи танки, на воронов, указывающих, где в родной степи полегли русские воины. Позади деревянные немецкие кресты отмечали конец пути тех, для кого южнорусская степь стала концом этого страшного военного приключения.

В сорока с лишним километрах позади передовой колонны двигался штаб 6-й армии. Планировщиков занимали две вещи — как быстро форсировать Дон и как взять в клещи две безнадежно уставшие и деморализованные русские армии. Но — в глубине сознания — их даже более интересовал следующий этап: семидесятикилометровый бросок от Дона к Волге.

Горячие головы среди немцев ликовали, осторожные указывали на огромность предстоящих задач. Но общая уверенность была неколебима. Лишь немногие разделяли сомнения, о которых позже напишет Типпельскирх: «Действия немецких войск, казалось, еще раз увенчались блестящим успехом. Но при ближайшем рассмотрении этот блеск меркнул. Русские армии были, может быть, деморализованы, но не разгромлены. Количество пленных и трофеев существенно не увеличилось... Хватит ли у

немцев и их союзников сил обеспечить 600-километровый фланг от Воронежа до Сталинграда, дойти до Сталинграда и Волги, а также повести наступление на юго-востоке, в ходе которого войска должны были пройти самое меньшее от 350 до 750 километров в глубину при ширине фронта наступления от Туапсе до Моздока, равной 600 км?» Общий южный фронт немцев в этом наступлении от северного Воронежа до южного Туапсе имел протяженность почти 2 тысячи километров.

Наши войска продолжали отступать. 15 июля оставлено Миллерово (важный пункт на дороге Ростов-Воронеж) и Каменск, стоящий близ моста этой дороги через реку Донец. На пути немцев к Волге стояли две битые врагом армии — 62-я и 64-я. Их задача была продержаться на западном берегу Дона и ни при каких обстоятельствах не позволить врагу прорваться к великой русской реке. Постепенно, медленно форсируя Дон в восточном направлении, советские дивизии заполняли пространство 350-километрового Сталинградского фронта. А одинокий белый город на Волге лежал без прикрытия с неба — его зенитные орудия были брошены на донские переправы в тщетной надежде остановить германских степных волков — их неудержимые и неуязвимые танки, чей рокот отзывался похоронным звоном для прижимаемых к своей реке русских.

22 июля германские войска форсировали Дон, в наступлении ими было пройдено уже 400 километров. Преодолев оборонительные рубежи, они с двух сторон подошли к Ростову, перерезав тем самым главную линию снабжения Кавказа из центра страны. Теперь обеспечение огромной страны нефтью зависело от ее доставки танкерами по единственному пути, по Каспийскому морю к Астрахани и оттуда по быстро построенной железной дороге восточнее Волги в северный центр страны, к военным заводам Урала, к вновь создаваемым танковым армиям.

Директива № 45

Именно в этой ситуации Гальдер оказался пророком, которого изгоняют. Он видел смысл происходящего в непаническом, планомерном отходе Красной Армии. Земли у русских хватает. Сейчас они обменивали эту землю на удлинение коммуникаций вермахта, на истощение его в местных стычках. Однако стоило Гальдеру рассказать Гитлеру о своих дурных предчувствиях, как тот при всех начал издевательски смеяться над узколобым генералом. Вот тебе и классическая военная наука! Германские войска несутся вперед, осененные орлами победы, а мрачные заскорузлые генеральские умы каркают невпопад. Немцы на этот раз со всей силой и умением взялись за ключ к Кавказу — Ростов, а Гальдера это не радует. Лично Гитлеру после падения Ростова определенно казалось, что ничто не сможет его остановить. Этой уверенностью проникаются многие. Гитлер именно в эти дни (20 июля) произносит слова, что на этот раз с Россией покончено определенно. На что даже критический его оппонент — Гальдер отреагировал соответственно: «Я должен признать, что дело выглядит именно так». Немцы не знали, что в своем дьявольском самомнении именно в эти дни они готовят себе могилу. (Их не обеспокоил тот факт, что при взятии Ростова они не сумели повторить свой успех 1941 года — да, они взяли город, но на этот раз без масс военнопленных. Части Красной Армии в боевом порядке отошли на новые оборонительные рубежи.)

За день до взятия Ростова Гитлер издал, возможно, самую главную в своей жизни директиву № 45 (23 июля). Она предполагала раздвоение сил. Теперь «Синий» план был переименован в «Операцию Брауншвейг». Ее смысл был выражен уже в преамбуле. «В кампании, которая длится немногим более трех недель, широкие цели, поставленные для южного фланга восточного фронта, в своей основе достигнуты. Только слабым остаткам армий Тимошенко удалось избежать окружения и достичь южного берега Дона. Мы должны теперь иметь дело с спешащими к ним подкреплениями со стороны Кавказского региона».

В ходе грандиозной операции происходило большое перегруппирование войск. Группа армий «А» под командованием фельдмаршала Листа пересекает Дон и следует в южном направлении во главе с 17-й пехотной армией, 1-й и 4-й танковыми армиями. Им приказано захватить Северный Кавказ, Черноморское побережье и нефтяные месторождения Майкопа, Грозного и Баку.

Группа армий «Б» под командованием фельдмаршала Вейхса — авангард наступающих германских войск, повинувшись приказу двинулась в направлении Сталинграда с задачей закрепиться на Волге. После разрушения расположенных здесь военных заводов следовало повернуть моторизованные части на юг и двинуться к Астрахани и далее.

Прежде с советскими войсками предполагалось расправиться (директива № 41) после захвата стратегически важных позиций на Волге в районе Сталинграда. Теперь обе задачи (перерезать коммуникации и уничтожить советские войска) следовало осуществлять одновременно. Теперь группе армий «А» было приказано взять Майкоп, пройти Кубань, оккупировать Грозный и найти в себе силы дойти до Баку. А группа армий «Б» не только возьмет Сталинград, но двинется после этого на юг, сокрушит все расположенные в устье Волги — в районе Астрахани — дивизии и овладеет Каспием с севера. Такое расписание действий для вермахта смотрелось слишком хорошо, чтобы быть правдой. Только безумно оптимистическая оценка ситуации могла придать этой смелой фантазии статус плана германских вооруженных сил на лето 1942 года.

Пораженный Гальдер не хотел верить своим ушам, он не мог поддерживать эту ошибку стратегического масштаба. В новой директиве не было спасительных оговорок типа «перекрыть Волгу при помощи огневого фактора», кавказские цели более не ограничивались Майкопом и Пролетарской, а включали в себя весь кавказский регион. Уединившись в своей комнате, он заносит в дневник вещице слова о «хронической тенденции недооценивать способности противника, принимающей гротескные пропорции... Серьезная работа становится здесь уже невозможной. Это так называемое руководство характеризуется патологической реакцией на впечатления текущего момента». Гальдер приходит к выводу, зафиксированному в его дневнике в тот же день, 23 июля: недооценка противника на определенном этапе бумерангом обернется против командного легкомыслия.

Гальдер просматривал всю цепочку: снятие Бока, изменение приоритетов на Дону, создание новых групп армий — все это делалось без согласования с ОКХ и во многом против позиции Оберкомандо хеер. Во время послевоенных допросов заместитель Гальдера Блюментрит также укажет на импровизированный характер принятых на этом этапе решений. Руководство ОКХ предполагало менее масштабные действия. «У нас никогда не было намерения продвинуться далее Воронежа и продолжать это прямое движение в южном направлении. Заготовлены были приказы остановиться на Дону около Воронежа и занять оборонительные позиции

здесь как прикрытие для продвижения соседних сил в юго-восточном направлении — которое должно было быть осуществлено 4-й танковой армией и 6-й армией».

Перегруппировка на ходу (Гитлер отдал 4-ю танковую армию из группы армий «Б» кавказскому направлению, группе «А») вызвала смешение танковых частей, заторы на дорогах, сумятицу в снабжении. Получив приказ, дающий ему дополнительные танковые войска, фельдмаршал Лист, по свидетельству очевидцев, долго его перечитывал, не веря своим глазам. В результате Клейст и Гот прибыли к донским переправам почти вместе и одновременно — и непонятно зачем, поскольку на Дону больших оборонительных линий советских войск не было. Тимошенко уже ушел, о нем говорила лишь дымка в степи. Словами английского историка А. Кларка, «два огромных молота ударили по маленькому гвоздику». Едкий в своих высказываниях Клейст утверждает, что «4-я танковая армия (Гота. — А.У.) могла взять Сталинград без борьбы в конце июля, но ее придали мне для форсирования Дона. Я не нуждался в помощи, и эта армия просто запрудила дороги, в которых я очень нуждался».

Так говорит фельдмаршал. А вот мнение сержанта 14 танковой дивизии. «Прибыв на Дон, мы увидели, что большинство мостов разрушено, но признаков противника было немного. Жара стояла удушающая... По всей длине правого берега плыли облака пыли, растущие по мере того, как прибывали все новые и новые танки. Русское сопротивление было таким слабым, что многие солдаты сняли мундиры и начали купаться — точно так мы делали на берегу Днепра год назад. Будем надеяться, что история не повторится! Пока работали инженеры, мы находились здесь в течение двух дней. Мы привлекли к себе немалое внимание русских самолетов, они прилетали парами и поодиночке в сумерках и на рассвете, когда поблизости не было самолетов люфтваффе. В некоторых местах русская артиллерия держалась довольно крепко..., их можно было слышать, на рассвете... плоские лучи с востока освещали наши позиции в подробностях, затрудняя в то же время фиксирование их местоположения».

Обе танковые армии растянулись вширь, вдоль берега Дона в поисках нетронутых мостов или хороших переправ. Смешение ослабляло дисциплину. Командный танк Клейста пересек Дон 25 июля, но переправа, дозаправка и суэта позволили большинству его танков перейти через реку только 27 июля. Группа армий «А» (в ее составе, помимо немцев, были румыны и словаки) начала наступление 25 июля и, чтобы пробить

советскую оборону, ей понадобилось всего двое суток. Она быстро пересекла Дон, ринулась на Кубань и вышла на Северный Кавказ. Дороги загрохотали беженцы, потрясенные пронесшейся мимо германской мощью. Кубань была оккупирована за две недели и ударные части фельдмаршала Листа начали рваться к кавказским перевалам, вышли на черноморское побережье. Намеченные для захвата еще в октябре 1941 года Грозный и Баку оказались в пределах скорой досягаемости вермахта. Фотографии немецких солдат на верандах советских санаториев обошли весь мир.

Когда эта сумятица завершилась, 4-я танковая армия Гота помчалась 29 июля к станице Цимлянской. Паулюс остался стоящим в степи с пустыми баками своих танков, наблюдая как арьергард советских войск исчезает в знаменитой пыльной южной степи. Потеряно важное время, упущен ослабленный противник, требуется новая переориентация.

Но не готовит ли противник там, за горизонтом, новую линию обороны? Лишь Гитлер был невозмутим и спокойно отодвинул предоставленные ему Гальдером данные о миллионном резерве Красной Армии за Волгой. Взятие Ростова теперь казалось Гитлеру важнее всех заволжских фантомов. Почти беспечно он переводит «победителя Севастополя» Манштейна (с пятью дивизиями) из Крыма под Ленинград. Две элитные дивизии — «Гроссдойчланд» и «Лейбштандарт» переводятся на фактический отдых во Францию.

Генерал Гальдер постарался внести ноту трезвости. Он достал старую карту и пытался объяснить фюреру, что именно в этих местах Сталин сражался в 1919 году против белых армий генерала Деникина и победил. Теперь прежняя главная база красных на Волге носила имя Сталина. На Гитлера это произвело некоторое впечатление, и он пообещал внимательнее следить и за судьбой 6-й армии Паулюса, и за армиями, брошенными на Кавказ. Нужно при этом сказать, что собственно выбор Сталинграда в качестве цели произошел почти случайно. Гитлеру доложили, что, согласно данным разведки, у русских на западном берегу Волги насчитывается совсем немного войск. Что еще важнее, транспортное движение по Волге не активизировалось, что означало, что советское Верховное командование не собирается бросать в данный регион войска из восточной части страны. Согласно оценкам Верховного командования вооруженных сил Германии, между Доном и Волгой имелись лишь сугубо примитивные оборонительные укрепления и лишь несколько батальонов возводили (бессмысленно) в необъятной степи противотанковые заграждения. Все это привело Гитлера к мысли, что Красная Армия не собирается с особой силой сражаться за город на Волге. 6-й армии было приказано взять

Сталинград как можно скорее и присоединиться к решению больших задач на Кавказе.

Южный и Северокавказский (недавно образованный) фронты прогибались под деловитым и безапелляционным напором. Защищать 200-километровый прорыв было нелегко. Многим казалось, что невозможно. В их составе было 112 тысяч человек, 2160 орудий, ничтожное число танков — 121. 28 июля маршал Буденный получил приказ слить Южный и Северокавказский фронты воедино, а объединенные силы поделить надвое: Малиновский (четыре армии — Донская группа) прикрывает Ставрополь; Черевиченко прикрывает Краснодар. На юге Закавказский фронт Тюленева получил приказ строить укрепления на Тереке. В страшной спешке оборудование заводов Армавира, Майкопа и Краснодара грузилось на платформы и грузовики, направляясь как можно дальше на восток, в сторону каспийских пристаней.

А Первая танковая армия фельдмаршала Клейста форсировала Дон и развила невероятную скорость. 29 июля Клейст взял станицу Пролетарская (крайняя точка его продвижения по прежним планам ОКХ). Через два дня он в Сальске. Отсюда часть его сил пошла на Краснодар — прикрывая левый фланг 17-й армии и перерезая стратегически важную железную дорогу. Затем армия Клейста повернула на юго-восток в долину реки Маныч, связанной каналом с Каспийским морем. Советские войска взорвали плотину и затопили долину, временно задержав немецкие танки. Немцы не долго стояли у водной преграды, их разведка постоянно искала обходные пути, нашла их и «панцерн» продолжили наступление на Кавказ на широком фронте.

Вторая половина его войск пошла сквозь жаркие степи прямо на Ставрополь. Все дальнейшее просто создано для триумфальной арки: 5-го августа пал Ставрополь, 6 августа подвижные подразделения немцев вышли к железной дороге Ейск-Баку на участке от Ейска до Армавира. Затем германские войска ворвались на Кубань. 8-го — Армавир. Правая колонна Клейста повернула прямо на юг и, пройдя Армавир, 9 августа вышла к центру нефтедобычи Майкопу, с его первыми для рейха советскими нефтяными месторождениями, находящемуся в 300 километрах южнее Ростова. Это было самое малое кавказское месторождение нефти, и оно было основательно разрушено отступающими войсками — но все же первый этап «нефтяного плана» оказался выполненным. В тот же день авангард Клейста ворвался в Пятигорск, находящийся в 250 километрах восточнее Майкопа. Но здесь им пришлось много дней ожидать поставок горючего (немцы для подвоза горючего стали использовать даже

верблюдов), что явило собой драгоценную возможность для советских войск собраться с силами и организовать более внушительное сопротивление. И когда 26 августа германским войскам удалось взять Моздок, они уже ощутили силу ужесточившегося сопротивления.

Левая колонна Клейста продвигалась восточнее — на станцию Буденновскую. Теперь фронт Клейста простирался от реки Лаба до Каспийского моря. Непосредственной задачей стал захват горного участка крупной шоссейной дороги, идущей из Ростова на Тбилиси с последующим выходом к отдаленному Баку. Ожесточение обеих сторон приняло невероятные размеры. Клейст стоял в 80 километрах от Грозного, он форсировал Терек у Моздока и начал углубляться в предгорья. Советские войска, чтобы приостановить Клейста, жгли леса. Немецкие части перерезали и в значительной мере уничтожали дорогу, ведущую от Астрахани к Баку. Теперь перед вермахтом раскинулось новое море — впереди синело Каспийское море. Отдельные немецкие отряды прорывались к его побережью, и они не встречали особого сопротивления. Противник окончательно ослаб или что-то задумал?

В это же время, предоставив танкам рваться к перевалам, 17-я армия немцев в пешем строю направилась на юг от Майкопа и Краснодара через западную оконечность Кавказского хребта с целью захвата черноморских портов Новороссийск и Туапсе, и последующей задачей выхода к Батуми. На дорогу от Туапсе к Батуми была брошена специальная воздушно-десантная дивизия вермахта, горные стрелки пытались прорваться к Туапсе через труднопроходимые перевалы. На этом этапе в ходе войны происходит нечто почти неуловимое. Немецкое наступление, столь решительное на протяжении нескольких недель, начало в конце июля замедляться. Как вспоминают Жуков, Гречко, Петров и прочие участники и руководители операций в этом районе, советские военачальники наконец-то поняли, что на горные перевалы только в определенной степени можно полагаться как на естественные препятствия, преодолеть которые негорному народу едва ли по силам. Эта точка зрения была опрокинута бешеным натиском немцев в горах. Стало ясно, что, если не присовокупить к естественным препятствиям военные гарнизоны, перевалы будут взяты немецкими горно-стрелковыми частями. И тогда советское командование — и на местах и в центре — убеждается в том, что география географией, а надежные точки обороны умножат выгодный рельеф местности.

Страшное наступило время. Вермахт пересек уже порог Кавказа и находился на подступах к Сталинграду. Через Керченский пролив немцы десантировались на Тамань и, создав кубанский плацдарм, начали

наступление на Новороссийск. Германское командование пытается наладить взаимодействие между находящимися здесь частями 17-й армии и горными стрелками, пресекающими горы в направлении Туапсе. Именно в этом положении динамичное развитие событий в северокавказском регионе замедлилось. Красная Армия начала сражаться с отчаянием людей, которым уже нечего терять, немцы не имели подкрепления, их коммуникации были растянуты, и бурное развитие событий постепенно вошло в несколько менее быстрое русло. Центр внимания начал постепенно перемещаться несколько севернее, к тем частям вермахта, которые изготовились к броску с Дона на Волгу.

Именно на этом этапе самоуспокоившийся Гитлер снова «рокируется», передает 4-ю танковую армию «северянам», генералу Паулюсу. Гитлер одним мановением руки опять изменил маршрут 4-й танковой армии, она развернулась с кавказского направления и снова присоединилась к германским силам, рвущимся к Волге, — на этот раз с незащищенной стороны — через Котельниково, форсируя реку Аксай. В последнюю неделю июля 1942 года Гот находился со своей 4-й танковой армией в станице Цимлянской, на нижнем Дону и размышлял о силе фантазии руководства, за короткое время перенаправивших его армию на Волгу, затем на Кавказ и теперь снова на Волгу близ Сталинграда. (При этом ему пришлось частично поделиться — отдать часть своих танков, зенитной артиллерии и авиации 1-й танковой армии Клейста). Гальдер сожалел о потерянных 4-й танковой армией днях и неделях, но он был теперь удовлетворен тем, что его друг Паулюс наконец-то имеет надежную танковую опору.

От Дона к Волге

Сам командующий 6-й армией вначале поддавался всеобщему ажиотажу и поверил в то, что с выходом к Сталинграду проблем не будет. Его армия попыталась легко и свободно широким фронтом выйти к городу. Не тут-то было. Обнаружилось прибытие советских подкреплений, дело приобретало более серьезный характер. Перед Паулюсом на реке Чир стояла 62-я армия, руководимая тогда генералом Лопатиным. У Паулюса было безусловное преимущество в технике, подкрепленное прибытием вначале трех, а потом еще четырех пехотных дивизий.

Теперь немцев отделяли от Волги всего пятьдесят километров голой степи. В следующие три дня 62-я армия Колпакчи и 64-я армия Чуйкова оказались под жестоким огнем. То было боевое крещение двух самых известных сталинградских армий. Сменивший Лопатина Чуйков бросил в бой за железнодорожный мост через Дон танки, артиллерию и морскую пехоту. В конечном счете мост у станции Нижне-Чирской был взорван, а Чуйков перевел армию на восточный берег. Положение 62-й и 64 армий оказалось сложным с самого начала, и Василевский с Гордовым занялись их спасением. 62-я армия отступала, но отступала с боями, и это убедило педантичного штабного генерала Паулюса, что Дон ему без поддержки не перейти. (Паулюс 23 июля своей передовой частью пробил сопротивление 62-й армии и вышел на западный берег Дона у Каменска, но основные части его армии стояли еще на западном берегу Дона).

Василевский видел выход только в контратаке и с трудом уговорил осторожного в данном случае Сталина дать соответствующее разрешение. 550 танков (более половины из них — КВ и Т-34) были собраны в один кулак и 23-го июля под руководством генерала Москаленко пошли вперед и в неведомое будущее. На этом этапе немцы испытывали спортивную легкость: их самолеты просматривали всю степь и по радио давали соответствующую информацию своим танкам. 25 июля немцы противопоставили советским частям свое наступление, началось генеральное наступление Паулюса. Впервые командующий тогда 64-й армией генерал Чуйков встретил атаку атакой. В излучине Дона завязалась кровавая сеча. Легкие танки Т-60 пришлось прятать в канавах и специальных окопах, лишь тяжелые КВ смело и успешно встречали германские танки. Немецкие специалисты признавали, что у КВ гораздо большая дальность. «Мы не могли атаковать их на равнине, поэтому

я убрал свои танки с открытой местности... Для меня было истинным потрясением узнать, сколь маломощны танковые орудия Германии».

К четырем утра пополудни 27 июля лишь семнадцать танков 22-го советского танкового корпуса форсировали Дон, являя собой превосходную цель для германских штурмовиков (тысяча вылетов против армии Москаленко). В последующие дни 6-я армия немцев сумела в значительной мере окружить части Красной Армии, прикрывающие Дон в том месте, где он начинает сближаться с Волгой. В германском отчете говорится о пленении «более пятидесяти семи тысяч русских военнослужащих, уничтожено более тысячи танков». Генерал Паулюс обратился к своей 6-й армии: «Русская шестидесят вторая армия и значительная часть первой танковой армии уничтожены... Благодаря смелому наступлению заложены основания победы... Мы готовы выполнить следующую задачу Фюрера». Ему придется еще не раз убедиться, что 62-я армия не уничтожена.

Первая неделя августа прошла для 6-й армии в подготовке к форсированию главной казачьей реки. То, что этому уже никто не сможет противостоять, было очевидно по гигантским германским трофеям. Наиболее волнующими ежедневными новостями стали сообщения о продвижении танковой армии Гота через Котельниково к Сталинграду с юга.

Итак, для советских войск с юга возникла новая жестокая угроза — заново перенацеленная на Сталинград 4-я танковая армия немцев. Их новое направление — северо-восток, станица Цимлянская, вдоль железнодорожного пути Тихорецк-Сталинград, за Калач, во фланг бьющимся у Дона дивизиям. Гот двигался несколько медленнее своего извечного соперника Клейста, в качестве компенсации он первым выйдет к величайшей реке Европы. Немцев в эти дни огорчало только одно — они захватывали территории, но не людей. Уже завершились три быстротечных, окружающих противника удара, но в плен попало лишь от 100 до 200 тысяч наших солдат. Это мало походило на 1941 год. Боевая сила противника ускользала. Деморализованы ли они? Потеряли ли волю к победе? Или эти хитрые азиаты увлекают блистательную армию в свою хмурую страну, где угасали силы не одного завоевателя?

В приволжской степи

Продвижение немцев было впечатляющим. Оно не стало всесокрушающим лишь благодаря самоотверженному сопротивлению 62-й и 64-й армий Красной Армии, сумевших замедлить бросок немцев к Волге. Обороняющиеся дивизии и пришедшие к ним на спасение танковые бригады в значительной мере ослабили поступательное движение Шестой армии Паулюса.

Немцы в полной мере ощутили палящий жар степей. 22 июля в 6-й армии была официально зарегистрирована температура 53 градуса по Цельсию. Офицер этой армии записывает в дневнике: «Здесь жарко, как в Африке, а вокруг огромные клубы пыли». Но жар приносило не только дневное светило. В дневнике командира 384-й пехотной дивизией мы находим под датой 2 августа: «Русские оказывают жестокое сопротивление. В основном это свежие силы, совсем молодые солдаты». Запись за следующий день: «Русские яростно сопротивляются и постоянно получают подкрепления. Вчера наш саперный батальон бежал с поля боя».

Советские летчики не знают усталости, они даже обедают в боевых машинах, но пока фортуна к ним не очень благосклонна. Не привел к перелому в характере воздушных схваток даже прилет пополнений из центральных районов. Среди смело бросившихся в сталинградское небо «рыцарей воздушного боя» мы видим летчиков-героев, предтеч великого авиационного переворота, который случится примерно через полгода. Характерно строгое расписание полетов наших асов — они предпочитали вылетать с нерусской методичностью — всегда ровно в полдень (можно было проверять часы). Бомбардировщики больше любили ночное небо, более свободное от германских воздушных профессионалов. Увы, «мессершмитты» пока выглядели страшнее и эффективнее. Печальным было не только то, что гибли наши лучшие асы, но и то, как они гибли. Между отдельными частями не существовало связи, их действия могли быть свободными только в ночное время, так как днем самолеты с крестами владели казачьим небом.

Для многих из них главной задачей было уничтожение наземных целей. В этом плане советские летчики как бы шли по следам немцев, наводивших в 1941 году ужас на все жавшееся к земле от неимитируемого воя немецких воздушных моторов. Увы, дела и в воздухе и на земле в этот летний сезон никак не радовали.

Прошел пик лета, но жаркое солнце, такое щедрое у нас, словно перестало светить для России. Словно оставила ее судьба. Оторопевшее руководство страны заворуженно смотрело на то, как немцы лихо, за несколько недель расплавили тот фронт, на котором недели и месяцы безнадежно топтались наши дивизии. Кто бы не оторопел от взрыва энергии танковых колонн вермахта, без особых усилий преодолевших природные и рукотворные рубежи, обошедших краснозвездных генералов и устремившихся к Кавказу с такой легкостью, словно советских армий и фронтов не существовало вовсе. Если был в Великой Отечественной войне период, когда все стало валиться из рук, когда вера в себя казалась поколебленной, когда удача отвернулась, а рок стал зловещим — так это тогда, когда Лист и Клейст бросились на Кавказ, а Паулюс и Гот — на Волгу. Ничто, казалось, уже не могло их остановить. Мало что можно было им противопоставить.

Многое решала политическая воля. Звонком в Сталинградский горком Сталин ввел в городе военное положение. Были созданы восемьдесят истребительных батальонов, рассчитанных, в основном, на борьбу против предполагаемого парашютного десанта. 180 тысяч сталинградцев рыли траншеи, окопы, ловушки для танков. Возобновилась эвакуация заводов. 21 июля генерал Гордов возглавил Сталинградский фронт. Василевский от имени Ставки вылетел в Сталинград, чтобы подготовить город и одноименный фронт к предстоящим боям и чтобы на месте оценить ситуацию.

Сумели ли русские воспользоваться паузой, созданной немцами в самом конце июля и начале августа, когда переправа через Дон отвлекла Паулюса от «бега в Азию»? Теперь мы знаем, что по дороге к Волге и Кавказу советские войска, плохо снабжаемые, отвратительно неорганизованные, выбитые из колеи, лишённые плана и руководящей руки, отступали словно в шоковом дурмане. У немцев на ими же избранном направлении прорыва было значительно больше танков и пушек, самолетов и — новинка! — бронетранспортеров. Четыре противостоящие им советские армии стремились сохранить то, что делает армию армией — организованную силу многих, — но теряли в силе каждый день. 40-я армия приняла на себя всю силу удара танкового кулака Гота, устремившегося к Сталинграду с юго-запада. Первые же двое суток сражения едва ли не поставили ее на колени. В значительной мере деморализованная и разьединенная, 40-я почти беспорядочно отступала по родным степям на восток. 13-я армий Голикова (южная часть Брянского фронта) пыталась увернуться походом на север (чем частично спасала себя), но косвенно

содействовала выполнению германских планов — она своим уходом невольно расширила брешь германского прорыва, даруя инициативу необычно сильной по составу армии Паулюса. 21-я и 28-я армии, едва оправившиеся от майского фиаско под Харьковом, отступая, теряли внутреннюю связь и практически дезинтегрировали. Здесь, в вольной казацкой степи, не было ни болот, ни лесов, ни озер, ни холмов, никаких естественных преград, позволявших сражаться и в болотистой Белоруссии и в лесистом Подмоскowie. Практически бессмысленно было, разбившись на отряды, останавливать врага на дорогах. Во-первых, этих дорог здесь не было; во-вторых, враг легко мог обойти тебя и справа и слева.

Немецкий сержант-танкист делится в письме: «Все происходящее здесь очень отличается от военных действий прошлого года. Это скорее как в Польше. Русские не могут уцепиться за землю. Они стреляют из пушек как сумасшедшие, но они не наносят нам ущерба». Впереди германских колонн шли танки. Их строй представлял собой каре, внутри которого шли бензовозы, артиллерия и вспомогательные службы. Немецкие журналисты на все лады воспевали этот строй как «неудержимого мастодонта», крушащего все, что попадалось ему на пути в южных степях. Фонтаны пыли отмечали этот ход германских танков. Впереди лежала добыча и слава, до них нужно было просто дотянуться рукой.

Возможно, никогда — ни до, ни после — германская пресса не ликовала столь громко и самозабвенно. Сравнение с римскими легионами превратилось в расхожий штамп. «Это построения римских легионов, возрожденных в двадцатом веке для усмирения монголо-славянской орды!» Бесконечными стали дискуссии о неполноценном характере низшей расы. Арийцы на решающем фронте шли вперед, и периодически им пытались противостоять «смесь низкой и нижайшей части человечества, истинные недочеловеки... дегенеративно выглядящие восточные люди». Читатель рейха млеял от азиатского фольклора, от описаний неопасного путешествия германских наследников Марко Поло по восточным степям.

Пресса Геббельса содрогалась от ужаса при виде «монгольских физиономий в лагерях для военнопленных». Издательство СС начало публиковать специальный журнал с незатейливым названием «Недочеловек», главное место на страницах которого занимали фотографии, должны, по замыслу авторов, показать животный вид и животный характер врага на германо-советском фронте. Майор СС Эдвин Двингер писал: «Будь то при татарах, Петре или Сталине, эти люди рождены для рабского ярма». Наиболее возмутительной для «сверхчеловеков» в этих животных была извращенная злость, с которой

они встречали немецких носителей цивилизации. «Они сражаются, когда вся борьба уже бессмысленна», — типичная жалоба арийца на никому не нужный навоз истории.

Именно в эти страшные для нашей родины дни расцвел «легальный» аргумент, объясняющий, почему с русским можно обращаться плохо. Россия не подписала Женевской конвенции о защите прав военнопленных, поэтому она сама виновата в муках своих бывших солдат. Интересно, что говорит Женевская конвенция о газовых камерах, айнзацкомандах, насильственном переселении и т. п.? Инструкция ОКХ гласила: «В соответствии с престижем и достоинством Германской армии, каждый немецкий солдат обязан соблюдать дистанцию и занимать такую позицию в отношении русских военнопленных, которая учитывает злобу и нечеловеческую брутальность русских в бою... Убегающие военнопленные должны расстреливаться без предварительного предупреждения. Всякое сопротивление пленников, даже пассивное, должно быть ликвидировано силой оружия».

Геринг, чей внешний вид уже давно не напоминал типично воинский, со смехом говорил министру иностранных дел Италии графу Чиано: «После того как военнопленные съедят все пригодное в качестве пищи, включая подошвы своих сапог, они начнут есть друг друга и, что более серьезно, немецких часовых». Гиммлер предлагал расстрелять два миллиона советских военнопленных, чтобы увеличить рацион оставшихся и заставить их «более производительно работать на Германию». В клетках близ передовой пленные неделями размещались рядом с разлагающимися от жары трупами. Иногда в такие, с позволения сказать, камеры входили «санитары» с огнеметами, отражавшими исконный страх немцев перед эпидемиями. Одних только официально зафиксированных умерших в плену — 1 981 000 человек; погибших при транспортировке — 1 308 000.

Представь, читатель, что наша с тобой судьба оказалась бы в руках этих хладнокровных убийц. А ведь между такой участью и нами в жаркое лето 1942 года находилась всего лишь горстка потемневших от горя, злой доли, унижения отступления, многодневной жизни впроголодь, не знавших ни сна, ни отдыха солдат Красной Армии. Они отступали, но не сдавались. Они, может быть, уже даже не надеялись. Но они любили свою страну, и им не страшно было умереть. И доколе будет течь тихий Дон и не забудут нас украинские и другие братья, которые защищали нашу общую, свою страну, финал нашей истории будет отодвинут и мы соберемся с силами. Ведь была же искра надежды даже в то страшное лето?

Гальдер

Начальник штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер не мог полностью противиться стратегии и тактике Гитлера, ведь ОКХ и сам он активно участвовали в планировании 1942 года. Это был факт, закрыть глаза на который профессиональные военные никак не могли. Но у них, у этой касты, создавшей Германию, было меньше того, что в изобилии порождал верховный главнокомандующий — авантюристического желания поставить все на одну карту в надежде на немотивированную благосклонность судьбы. В то же время Гальдер не мог предложить Гитлеру альтернативу и весь этот парадокс несказанно раздражал Гитлера. В качестве примера приведем доклад Гальдера от 15 августа 1942 года. Он начинается словами: «Общая картина: не взяли ли мы на себя слишком большой риск?»

Мало что могло возмутить Гитлера более. Группа армий «А» уже прошла в своем движении на юг более полутысячи километров. Ее потрясающий полет замедлился только сейчас, когда она вошла в лесистые предгорья Кавказских гор. Майкоп был взят с ходу, хотя все скважины были уничтожены отступающими советскими войсками. 19 августа Гитлер говорит Геббельсу, что операции на Кавказе проводятся «исключительно удачно». Вслед за Майкопом будет взят Грозный и Баку. Нефть из рук СССР перейдет во владение Германии. Выйдя за границы Советского Союза, вермахт оккупирует Малую Азию, войдет в Иран и на территории Ирака перережет нефтяные артерии Британской империи. Через пару дней он прикажет взять Сталинград. Для взятия города понадобится максимум восемь дней. Через два дня флаг со свастикой взвился над Эльбрусом, самой высокой вершиной Кавказа (5642 метра). Гитлер требовал не ослаблять темпа и приступить к взятию Сухуми.

По всем внешним показателям Германия достигла пика своего могущества. Ее войска стояли от Нордкапа на севере до Тобрука на юге, от французского Бреста на западе, до Каспийского моря на востоке. Огромная часть Европы покорена. Англия унижена в Сингапуре и Тобруке. Соединенные Штаты бессильно смотрят, как гибнут американские защитники Батаана. Над нашей родиной сгустились тучи. Враг терзает наши южные пределы, его боевой напор кажется неудержимым. Что могло противостоять победоносному завоевателю?

Глава одиннадцатая

Сталинград

Во второй половине 1942 года численность Красной Армии, несмотря на все потери, несмотря на голод и агонию оккупированных территорий, начинает увеличиваться. Еще один набор нескладных подростков покинул школьные парты, места у станков и колхозное поле, чтобы влиться в единую и многонациональную Красную Армию. Ее численность начинает приближаться к шести миллионам человек, в то время как численность вермахта и его сателлитов-союзников довольно стабильно остается на цифре четыре миллиона. Приближается момент, когда атакующая армия должна либо добиться решающего успеха, либо начать ощущать, как время перестает быть фактором, стоящим на ее стороне, как оно начинает работать против сил вторжения.

Фридрих Паулюс

Пятидесятидвухлетний генерал-полковник Фридрих Паулюс, осторожный и спокойный интроверт, считал Адольфа Гитлера превосходным вождем германского народа. Строго говоря, он оставлял политику политикам и стремился к профессионализму в своем собственном ремесле. Победы в Польше, Франции, Скандинавии убедили его в безусловном превосходстве германской военной мысли и германского оружия. Паулюса в позитивном плане впечатляла и поражала спонтанная уверенность фюрера, его способность молниеносно оценить обстановку, его огромное импровизаторское мастерство. Для Паулюса Гитлер был гением. Победа в войне была лишь вопросом времени. Восточный соперник бездумно жертвовал всем, но делал это неумело, неэффективно, самоубийственно.

В своей серой палатке Паулюс, высокий и темноволосый офицер, удовлетворенно изучал карту прежде неведомых ему степей, пересекаемых редкими реками. Да, не хватало дорог, но плоская как стол степь — прекрасный полигон для танков; тяжелее приходится пехоте и службам снабжения, но ощущение близости конца поднимает боевой дух. Каждый день он соприкасался с германскими гениями — находил несколько минут, чтобы послушать при помощи граммофона обожаемого им Бетховена. Он не мыслил себе жизни без классической музыки. Но еще более его завораживала выпавшая на него потрясающая роль покорителя неведомых колоссальных пространств, где его части сминали соперника, двигаясь по всем направлениям с легкостью, в которой было нечто спортивное. Наверное, Александр Македонский испытывал нечто подобное.

У генерала были все основания испытывать благодарность в отношении своей армии. Окружающие отличались примерным послушанием и дисциплиной. Кроме одного человека — жены, урожденной Елены Констанс Розетти-Солеску, происходившей из румынской королевской семьи. Один эпизод отложился в его памяти: осенью 1940 года он, вопреки правилам, принес домой карты, на которых синие стрелы пронзали территорию СССР. Супруга обнаружила эти карты и попыталась воздействовать на него, дисциплинированного штабного офицера: разве справедлива эта агрессия? После всех его неопровержимых и утешительных аргументов она сказала нечто вещее: «Что будет со всеми нами? Кто выживет в конце?» Утешая жену, Паулюс сказал, что война

продлится шесть недель. Зимой 1941 года она имела право смотреть на мужа с укоризной. Но Паулюс был непоколебим. Да, планы требуют коррекции, но финальный результат неизменен, Германия неимитируема в своей военной мысли и в военной мощи.

С точки зрения военной карьеры Паулюсу, покинувшему штабные карты ради подвигов в битвах, неожиданно повезло. Он наконец получил то, о чем он мечтал всю жизнь, командование полевой армией. Теперь он стал подлинным полководцем, в его руках оказалась элитная боевая единица, и грядущее влекло его неудержимо. У него были фантастическая память и методичный ум. Как бы наследуя покойному фельдмаршалу Рейхенау, Паулюс подружился с военной удачей. Когда Красная Армия в мае постаралась первой начать наступление и разрушить планы немцев под Харьковом, 6-я армия, как мы помним, спокойно восприняла инициативу противника, избежала весьма возможного поражения и сумела смелым маневром окружить более двухсот тысяч советских солдат. Ветераны Первой мировой признали его полководческий талант. У Паулюса появился свой стратегический почерк, и многие в верхушке вермахта отныне предрекали ему блистательную карьеру. Следующим рангом для него мог быть лишь фельдмаршальский жезл.

По характеру и манерам Паулюс был аккуратным, методичным, склонным к самоанализу, не отличающимся любовью к простецким проявлениям «воинского братства» офицером. В личном поведении он отличался беспримерной чистоплотностью. Он носил перчатки даже летом (от пыли), принимал душ ежедневно и дважды в день менял мундир.

Вместе со своим начальником Рейхенау он придал войне оттенок расовой войны на выживание. В подписанном еще Рейхенау приказе по 6-й армии говорилось: «Главной целью кампании является полное уничтожение источников силы еврейско-большевистской системы и сокрушение азиатского влияния на европейскую цивилизацию... На этом восточном театре военных действий солдат должен сражаться не только в соответствии с предписанными ему правилами, но должен быть безжалостным носителем национальной концепции... По этой причине солдат должен полностью осознать необходимость жестокого, но справедливого дела». Шестая армия помогала истребительным айнзацкомандам. С целью экономии боеприпасов было предписано расходовать на каждого еврея и прочего врага рейха не более двух патронов. Мы видим фотографии солдат 6-й армии в купальных костюмах, фотографирующихся на фоне массовых экзекуций. Другим отсылались фотографии с веселыми лицами солдат, позирующих на фоне рвов,

заваленных трупами казненных гражданских лиц.

А генерал-полковник Паулюс разъезжал на своем автомобиле по бескрайней степи. Он просто жаждал настоящего боя, настал его час. В письмах домой в эти дни Паулюс писал: «Мы значительно продвинулись, и Харьков уже в 500 километрах позади нас. Важно было бы нанести русским удар такой силы, от которого они не оправились бы очень долгое время». Его солдат пишет 29 июля домой письмо, полное надежд на компетентное руководство. «Командир роты говорит, что русские войска полностью сломлены и не могут больше держаться. Для нас не трудно достичь Волги и взять Сталинград. Фюрер знает, где у русских слабый пункт. Победа не за горами».

Талант Паулюса был помножен на действительно эффективный штаб, возглавляемый генералом Шмидтом, неутомимым, находчивым, обладающим опытом еще Первой мировой войны. Генералы Паулюса выделялись в германской армии. Генерал Хайц был известен Германии как руководитель похорон фельдмаршала Гинденбурга. Генерал Зейдлиц-Курцбах был пятьдесят четвертым немцем, удостоенным Дубовых листьев к рыцарскому Железному кресту. Генерал Хюбе был единственным в германской армии одноруким генералом на активной воинской службе. Все звали его «Der Mensch» («Настоящий мужчина»).

Особо нужно сказать о германских союзниках, находившихся здесь же, рядом с 6-й армией. Венгерские союзники на северном фланге уже достигли Дона. Рядом шли итальянцы и румыны. Румынская третья армия контролировала особенно обширный участок германского фланга — от города Серафимович до станицы Клетской — жаркая пустынная степь. Немцы удивлялись нравам и обычаям союзников. Офицеры, наказывая подчиненных, вынимали бич. Они были вооружены винтовками прошлой войны. Лишь итальянские фашисты послали на Восток лучшее из того, что имели, — альпийских стрелков. Те вели с собой мулов, а красно-белозеленые кокарды делали их просто живописными. Но между собой немцы были чрезвычайно критичны в отношении союзников. Фельдмаршал Рундштедт: «Румынские офицеры и нижние чины не выдерживают никакой критики; итальянцы просто ужасны, а венгры только и мечтают поскорее возвратиться домой». Однако до сих пор восточное приключение не было особенно обременительным или опасным, и слабостью союзников можно было до определенной степени пренебречь.

Август

Один из руководителей люфтваффе фон Рихтгофен записал 2 августа: «Русские перебрасывают силы к Сталинграду со всех направлений». Но на пути к городу стоял маленький городок Калач, далее до самой Волги простиралась ровная степь. В немецких танках пели. Действительность, казалось, оправдывала эту скрытую радость.

Но Гальдер успокоился только 5 августа, когда разведывательные данные, полученные в Виннице, подтвердили, что неповоротливые русские генералы не оценили всей степени опасности германского бега к Волге. Вечером этого дня Гальдер сообщил Гитлеру, что Паулюс близок к тому, чтобы замкнуть в своих клешнях две советские армии. Немцам удалось прорвать правый фланг 62-й армии и стремительно выйти к великой казачьей реке, что вызвало немалую панику у стоявших перед Доном советских войск. Паника охватила понтонные переправы и, как степной пожар, она проникла и в боевые позиции. Что радовало еще более — 4-я танковая армия вошла в Котельниково, большой город в ста с небольшим километрах к юго-западу от Сталинграда. Германским танкистам осталось совсем немного, чтобы выйти к волжским плесам. За ужином Гитлер сиял.

Для торможения паники Чуйков собрал офицеров и направил в боевые части загасить смятение. В этот момент небо заполнили германские штурмовики, их налет дорого обошелся обеим армиям — 62-й и 64-й. Но и они, эти две армии, находясь на дальних подступах к Сталинграду, сумели нанести незаживающие удары самоуверенным немцам. И лишь 11 августа советские войска начали определенно переходить на восточный берег Дона. Но еще долго немцы вели бои с выходящими по ночам из окружения солдатами и офицерами отступающих дивизий. Бои отличались крайним ожесточением. Немцы героизировали солдата-артиллериста, который стоял у своей пушки 29 часов кряду. В письме домой другого немца содержатся слова вдохновляющей его надежды: «Единственным утешением является то, что в Сталинграде нас ждет мир и покой. Там у нас будут зимние квартиры и, вполне возможно, особо отличившихся отпустят в отпуск». Неизвестно, дождался ли этот артиллерист зимней квартиры в Сталинграде, но в любом случае он мечтал о немного другой квартире.

Ночью 1 августа 1942 года Сталин принимает у себя в Кремле коренастого, сидящего, сорокадевятилетнего генерала Еременко. Перед входом в кабинет генсека тот решительно отставляет палку, на которую

опирается после ранения (у него их было восемь). Сталин сразу же приступил к существу дела: «Ввиду сложившихся в районе Сталинграда обстоятельств необходимо предпринять незамедлительные меры по укреплению этого наиболее важного участка фронта и улучшить контроль над войсками». Еременко было предложено командованием защищающим Сталинград фронтом — возглавить Юго-Восточный фронт и остановить натиск 4-й германской армии, развернувшей свои машины после Котельникова на Сталинград. «Следует остановить немцев». Еременко хотел получить Сталинградский фронт, располагавшийся севернее города, но противоречить Верховному главнокомандующему не приходилось. Сталин проводил его до дверей и посоветовал принять жесткие меры для восстановления дисциплины. Новоиспеченный командарм немедленно удалился в расположенный недалеко Генштаб, чтобы детальнее ознакомиться с обстановкой. Весь день 2 августа он провел над топографическими картами, особенно обращая внимание на участок максимального сближения Волги и Дона. Именно здесь должны сосредоточить свои войска немцы, если их цель — максимально быстрый захват Сталинграда.

Перед отбытием на фронт Еременко еще раз посетил кабинет Сталина, где Василевский делал рутинную для него оценку положения на фронтах. Прилетев на место новой службы, Еременко немедленно позвонил в Кремль. Его словесный оптимизм не обманул Сталина, немецкие танки преодолевали линии сопротивления и рвались к городу. Итак, в августе Сталин разделяет Сталинградский фронт на два. Во главе протянувшегося от центра Сталинграда до степей Калмыкии Юго-Восточного фронта становится Еременко. Тот, вначале (в Кремле) согласившийся, прибыв на место, видит ошибку. В дальнейшем он видит ошибку и страстно возмущается делением обороны города по самому его центру. Через несколько дней Сталин исправляет это положение тем, что назначает Еременко командующим обоими фронтами. Еременко 13 августа получил командование над обоими фронтами — Юго-Восточным и Сталинградским. (В Кремле Сталин принимает министра иностранных дел Великобритании Идена и узнает о своем континентальном одиночестве: в 1942 году западные союзники, вопреки прежде данному обещанию, не высадятся на евразийском континенте. В ярости Сталин ставит под вопрос союзничество, при котором русская кровь льется так щедро.)

Штаб-квартира командующего фронтом генерала Еременко располагалась в самом центре города, недалеко от набережной. Один выход его штаба вел в устье высохшей речки Царицы, другой — прямо в центр

города, на Пушкинскую улицу. Тяжелые двери прикрывали каждый из выходов. Стены штаба были не по-русски шикарными, обитыми деревянными панелями. Еременко немедленно приступил к изучению местности. Ее главной особенностью была плоскость степи, зеленой весной, выжженной к концу лета. Не за что зацепиться, благодать для танковых гусениц. Меняли ли положение четыре кольца противотанковых рвов в сорока-пятидесяти километрах к Западу от города? На пути от занятого немцами Котельникова к Сталинграду стояла 208 сибирская дивизия, подвергшаяся жестокому налету германской авиации и направлявшаяся к поселкам Кругляков и Абганерово. Последний пункт привлекал особое внимание — здесь небольшие холмы поднимались над неизменной плоскостью степи. Немцы пойдут через Чилеко и указанные городки. Следовало создать там противотанковые надолбы. Но уже становилось ясным, что зацепиться едва ли есть за что, придется защищать город в его собственных кварталах.

Еременко на подступах к Сталинграду бьется с внутренними и внешними проблемами. Внутри города распался его гарнизон; на улицах стоят брошенные орудия и автомашины. Вовне — очевидно для Еременко — Паулюс и Гот готовят его двум фронтам классические Канны, обход с двух сторон. Но более всего волновала Еременко плохая работа разведки. Командующий фронтом не знал, где находится противник и каковы его силы, не говоря уже о его планах. Темным местом с точки зрения знания происходящего являлась огромная Калмыкия, безбрежная степная страна. Представлявший морскую пехоту Лев Лазарев выразился по ее поводу так: «Это не Россия, это Азия. Непонятно, почему мы должны сражаться за эту территорию, и в то же время все знают: мы обязаны либо выстоять, либо умереть».

А речной порт города был забит эвакуирующимися и прибывающими. Много моряков — они прибывают даже с Дальнего Востока. Ими командовали курсанты первого курса Ленинградской морской академии — мальчишки, прошедшие трехмесячный курс. По счастью, этим веселым парням в красивой морской форме неведомо будущее. В живых останутся двое.

В Сталинграде команды зенитных батарей, ограждающих город с воздуха, были сформированы из девушек, которые подолгу всматривались в небо, пока такое мирное и прекрасное. Батареи устанавливаются у объектов, носящих никому не ведомые имена заводов северной части города, электростанции в Бекетовке. Скоро все эти имена будет повторять весь задержавший свое дыхание мир.

Но и в мирном городе множатся признаки грядущего несчастья. Имевшие прежде стопроцентную броню рабочие производящего танки тракторного завода получили предписание освоить танководение. Колхозники свозили зерно из своих скромных закромов в общий запас. Дезертиров судили скоро и на месте. Отказ эвакуироваться становится уголовным преступлением.

Сталинград, находясь в смертельной опасности, продолжал помогать стране. Двадцать семь тысяч вагонов пшеницы уже послал этот благодатный край на восток. Грузились девять тысяч тракторов, два миллиона голов скота. Тысячи горожан рыли рвы, город еще не знал убийственных авианалетов. То был последний, двенадцатый час его существования. Беспечность спасительна для русских; если бы они знали, что их ждет, они ушли бы с набережной и широких площадей. Судьба хранит простые и кроткие души, но не следует их обижать. Их гнев беспределен, их жертвенность безгранична.

Не Паулюс, а Гот, не запад, а юг представлял для Еременко первостепенную опасность. Он решает сосредоточиться на Абганерове, на холмах, неожиданно вздымающихся в степи. 9 августа он приказывает врыть последние противотанковые орудия в эти холмы, беря под контроль проходящую рядом дорогу. Он бросает в бой последние пятьдесят девять танков — им не остановить Гота, но жизни русских танкистов дадут родине лишний день. И это уже кое-что. На западном направлении ключевое значение приобрел маленький городок Калач — находясь на берегу Дона, он хранит драгоценный мост через казацкую реку — ближайшая для Паулюса дорога к Волге. Сохранить или взорвать мост (в зависимости от обстановки) послана 20-я моторизованная бригада Ильина. Его люди падают от усталости, но другой воинской части поблизости нет. Они вкапываются в родную землю в столь милых русскому сердцу садах и огородах маленького провинциального городка. Они не особенно верят в то, что их фланги прикрыты, что немцы не смогут с ходу обойти их. Они предоставлены своей судьбе, собственному — не вымученному — чувству долга и успокаивающему самоотрешению. Никто ночью не покинул позиций, которые сейчас стали главными в национальной истории. Именно здесь, среди мирных и неброских полевых цветов маленького городка, лежала дорога в историческое никуда или к спасению отечества.

Царило удивительное спокойствие. Цвели коротким цветом наши цветы за убогими серыми палисадниками, налились первые яблоки, тихое ликование лета позволяло забыть, что там, на противоположном высоком берегу Дона, в бинокли на них, возможно, смотрят как на игрушечные

цели. Полковник Ильин приказал прикрыть землей последнее артиллерийское орудие, расставил пулеметные гнезда. Его разведчики тихо пересекли реку. Они возвратились 15 августа с встревоженными лицами: «Немцы идут». И, словно иллюстрируя их слова, на противоположном берегу обозначились немецкие каски. Ильин решил не ждать ни минуты. Подложенный под мост заряд уничтожил его западную половину и зажег восточную. Ильин определенно знал, что ни справа, ни слева его никто не боится и он предоставлен своей судьбе. Но он уже остановил врага. Хотя бы на день. Его люди постараются остановить его как можно дольше. Никто не хотел умирать в этих яблоневых садах, жизнь прекрасна в этом зеленом золоте. Но есть вещи важнее жизни, что бы ни говорили отчаянные жизнелюбы. И главная их них — наша общая собственная доля. И эти молодые ребята, многие из которых не перешагнули через двадцатилетие, следовали безусловному инстинкту своего народа — неприятию чужого насилия. Сложили они свои буйные головы в цвете лет и в цвете невыразимо прекрасного мира на донском берегу Калача.

Своим огнем эти солдаты в первые же часы уничтожили надувной флот форсирующей Дон германской пехоты. Они не знали, что в сорока километрах выше по течению деловитые германские инженеры уже наладили переправу и по двум понтонным мостам танки 6-й армии уже переходят на восточный берег Дона.

Паулюс ненавидел суетливость. Пусть эти азиаты увидят немецкую методичность. Он остановил основные свои силы на западном берегу Дона, потребовал привести в порядок технику, восстановить запасы, дать отдых пропыленным солдатам. Те стучали алюминиевыми мисками, рядом авиамеханики создавали походный временный аэродром, в танках приводили в порядок оптические прицелы. Поздним вечером 22 августа командиры получили приказ — выступать в половине пятого утра. Кто-то не смог удержаться от слов: «следующая ночь — в Сталинграде».

Ни шагу назад

Как старший по званию, генерал-полковник Паулюс взял на себя руководство всей операцией вермахта в районе Сталинграда и подчинил себе танкового героя Гота. Но разведчики командующего 4-й танковой армией Гота, человека с «лошадиным» лицом — генерала Гота подчиненные за глаза звали «папой» — были уже в тридцати километрах от волжского города, и Гот лелеял надежду войти в Сталинград раньше «везунчика» Паулюса. Холмы у Абганерова и сведения о растущей цепкости русских вначале не беспокоили его. Он твердо шел южной дорогой и не видел чего-то, что могло бы его остановить. Немецкие «Штуки» владели небом, степь не давала особых возможностей для тотальной обороны, погода благоприятствовала. Но реальность оказалась в конечном счете несколько серьезнее, и Гот, встретив отчаянное сопротивление обреченных в голой степи красноармейцев, застрял между Абганеровом и озером Сарпа. Никто не сомневался, что страшная мощь его танковых дивизий способна преодолеть почти любые препятствия, досадна была сама «нелепая» заминка у юго-восточных пределов Европы.

Не удался в донской степи блицкриг и Паулюсу. Между Доном и Волгой, на западных подходах к Сталинграду, 62-я и 64-я армии (одиннадцать стрелковых дивизий) сражались со всей возможной самоотдачей. Паулюс все же постепенно теснил красноармейские дивизии, у него было девять пехотных дивизий в центре, две танковые и две механизированные дивизии на северном фланге и три танковые и две моторизованные дивизии на южном фланге. Конечный результат не вызывал у него сомнений.

В великой войне наступил особый момент. Наша армия, наша страна подошли к черте, далее которой независимое национальное существование приобретало призрачные очертания. Пятидесятипятичасовая отчаянная битва за Ростов, вторая (после ноября 1941 года) потеря Ростова — ключа к Кавказу, смертельные бои на таганрогской дороге, отход за Дон, триумфальный выход германских войск к кавказским предгорьям, захват немцами большого моста через Дон, ведущего и на Кавказ и на Волгу, создали особую обстановку. Так тяжело не было даже в августе 1941 года.

28 июля 1942 года Сталин издал свой знаменитый приказ «Ни шагу назад!». Он поручил Василевскому подготовить текст, внес в этот текст много поправок, а затем подписал. Приказ был прочитан всем бойцам

Красной Армии. Повсюду его чтение сопровождалось тяжелыми размышлениями — такие приказы издают лишь в момент величайшей опасности государству.

Велика огромная Россия, но отступить уже некуда. Речь идет о выживании страны, и никакие меры не являются излишними для ее спасения. Реальность стояния на краю открылась, будучи провозглашенной с самой высокой трибуны. Долгом каждого солдата и офицера Красной Армии является сражаться до последней капли крови, теперь каждый должен держаться за любой клочок земли, потому что он для него последний. Приказ призывал к патриотическому долгу тех, кому невыносима мысль о ставшем реальным поражении. Приказ сурово указывал на меры наказания того, кто забывает о сыновнем долге. Сеятели паники и трусы должны расстреливаться на месте. «Ни шагу назад без приказа свыше! Командиры, комиссары и политические работники, оставившие боевые позиции без приказа, являются изменниками Родины и с ними необходимо обращаться соответственно». Отныне всякий сдавшийся в плен считался изменником Родины. Командиры, допустившие отход своих частей, тотчас же лишались своего воинского звания и отсылались в штрафные части. Появились заградотряды, начали работать особые отделы. Особому обращению подверглись побывавшие в окружении. В то же время маршалу Шапошникову было поручено модернизировать воинские уставы. Штабным офицерам предлагалось учитывать требования современной войны. А всем, взявшим оружие, помнить свой священный долг.

Но смог бы подействовать приказ № 227, если бы его дух не отвечал внутреннему настрою нашего народа. Как пишет английский историк Овери, «влияние приказа номер 227 легко преувеличить. Он касался прежде всего офицеров и политработников, а не простых солдат, которые всегда должны были подчиняться жесткой дисциплине. И приказ касался несанкционированного отступления, а не всех видов отступления... Было чувство, что отчаянное положение требовало отчаянных мер. Один из солдат позже охарактеризовал свою реакцию на приказ „Ни шагу назад!“ такими словами: „Не сам текст, а дух приказа произвел моральный, психологический и духовный прорыв в сердцах и сознании тех, кому этот приказ зачитывали“. Сталин на этот раз встал не на сторону контрреволюционных фантомов, но на сторону простых солдат, погрузившихся в кошмар поражения и отчаянной неясности. Факты террора являются очевидной исторической истиной, но они способны исказить наше понимание советских военных усилий. Не все солдаты

стояли, чувствуя ствол, упершийся ему в спину; не каждый случай самоотверженности и мужественного сопротивления был результатом насилия и страха. Исключительный героизм тысяч обыкновенных советских мужчин и женщин, их приверженность своей власти едва ли может быть подвергнута сомнению. Летом и осенью 1942 года советских людей воодушевляло нечто большее, чем страх перед НКВД... Это была патриотическая борьба против наводящего ужас и ненавидимого врага. На протяжении 1942 года война стала войной за спасение исторической России, национальной войной против ужасающего, почти мистического врага».

Эгалитаризм Красной армии был отставлен. Новые ордена и медали возвеличили военных героев российского прошлого. Государство попросило помощи у Русской православной церкви. Глава церкви, митрополит Сергей, обратился к верующим с призывом сделать все для победы. Были опубликованы послания с призывом сражаться за свое государство. Даже Сталин сказал британскому послу, что «тоже верит в Бога». Газета «Правда» стала печатать слово Бог с большой буквы — этого не было за все время существования газеты. (А в следующем году будет воссоздан чин патриарха — впервые с 1926 года.) В очень холодный день сибирский крестьянин, прибывший на Казанский вокзал, услышал по репродуктору голос Сталина и невольно перекрестился. С ним вместе перекрестилась вся Россия — неважно, кто бы ни был ее сын, атеист, мусульманин или иудей. Цитируя слова Черчилля, сказанные им 22 июня 1941 года, «бывают времена, когда молятся все». Молятся, дают молчаливый обет погибнуть, но спасти. Спасти Родину, дом, семью, память предков. Это был страшный молчаливый обет миллионов, и если бы удачливый захватчик услышал его, то не ликовал бы более.

Не благость и всепрощение царили в храмах. С жестоким временем росла неистребимая ненависть к врагу, который ворвался в наш дом и принес столько несчастья. Ярость благородная стала народной религией. Писатель Вячеслав Кондратьев говорит о «чистом взрыве любви к своей родине. Это жертвенное горение и готовность отдать свою жизнь за нее забываемы. Никогда ничего подобного не происходило».

На этом переломном рубеже в советской армии вызрела новая элита, те генералы и офицеры, которым страшный год войны преподал урок ведения современных мобильных операций, взаимодействия брони, авиации и артиллерии. Со Сталинградского фронта генерал-полковник Говоров написал специальное письмо в Центральный комитет ВКП(б) с аргументами в пользу единоначалия командиров, которым приходится

оглядываться на некомпетентных политработников. «Есть только одна дорога, которой нужно следовать, — единоначалие». Многих офицеров возмущала система Военных советов фронтов, придававшая такую силу мнению дилетантов. В условиях современной войны подобная жертва на алтарь политической доктрины непростительна. Начался серьезный разговор об основном слабом звене — разрыве уровня фронтов и дивизионного уровня, что лишало смысла всякие попытки рационализировать руководство, сохранить не только жесткую вертикаль, но и самостоятельность командиров на местах. Открыто стала высказываться критика в адрес системы директив Ставки и Генерального штаба, не учитывающих местные условия, часто попросту запаздывающих, игнорирующих мнение полевых командиров, тех, чей новый опыт был бесценен.

Вызрела система контроля и руководства на самом верху. Такие военачальники, как Василевский, свидетельствуют, какой тяжестью было иметь дело со Сталиным в этот период отступления. Вечно с телефонной трубкой, бесконечно утомленный, теряющий иногда нить событий, свирепо наказывающий прямо на месте, бесконечно самоуверенный, Сталин владел безусловным последним словом. Но лишь сейчас он начинает признавать собственные недосмотры и ошибки, начинает ценить помощь, терпеливее выслушивать нелестную информацию. Он начинает более скромно прислушиваться к мнению подчиненных офицеров. Сталин все больше опирается на двоих фактических заместителей: Василевский принял на себя командование Генеральным штабом (стратегия), а Жуков координирует работу всей вооруженной системы страны (непосредственное руководство). В этой системе уже не было места героям далекой Гражданской войны, в ней получали шанс молодые генералы, такие как Рокоссовский и Черняховский, чье становление было связано с текущей войной. Связь Центр — фронты начинает работать более эффективно. Во многом это заслуга Жукова и Василевского.

Василевский и Жуков, два эти имени становятся важным компонентом новой военной системы России. Младший офицер императорской армии, Василевский вступил в Красную Армию в 1919 году и оказался среди самых талантливых офицеров эпохи 20–30-х годов. Он работал под руководством Триандафиллова в системе подготовки кадров Красной Армии. В систему генерального штаба его ввел маршал Егоров. В тридцатые годы он пишет серию статей об особенностях современной, предстоящей войны, оканчивает академию генерального штаба. Война застала его заместителем начальника оперативного отдела генерального

штаба, и он не потерял голову тогда, когда сбой давали даже очень сильные характеры. Полковник Василевский становится генерал-полковником, но остается внимательным, вдумчивым, открытым новым идеям. Кризис лета 1942 года поднимает его над средним уровнем, среди верных сынов отечества он один из самых талантливых.

Жуков — легенда своего времени, он не нуждается в презентации. Унтер-офицер царской армии, георгиевский кавалер Первой мировой войны довольно поздно нашел признание — между 1936 и 1939 годами, когда безумная чистка в армии потребовала выдвижения новых командиров. Люди с таким характером, памятью, хваткой, умением увидеть всю огромную картину — не частое явление в не всегда ценящей таланты жизни. Первый же дарованный ему шанс обернулся разгромом японцев на Халхин-Голе — грамотной операцией, показавшей в Жукове совмещение стратега и организатора. Россия по праву поклонилась в пояс этому великому человеку, одному из немногих, кто не дрогнул ни в заснеженной осажденной Москве 1941 года, ни в бредовом поту бесконечного отступления пыльного лета 1942 года.

Как обобщает систему перемен английский историк Дж. Эриксон, «после года не имеющего параллелей полевого опыта Красная Армия едва не рухнула в отчаяние поражений, но удержалась на грани превращения в более гибкую и современную машину, начала медленно воспринимать уроки войны, болезненно приспосабливаться к ее требованиям в отношении овладения новой техникой, системой подготовки и опытом управления». Предстоит возвращение армейского единоначалия, поощрения автономности действий отдельных командиров, военное руководство снова становится делом искусства и самоотверженности, а не готовности выполнить любой приказ. Масса огромной армии начинает набирать военную эффективность, равную своей массе. Старое и неизбывное — готовность положить свою жизнь — начинает сочетаться с умением положить свою жизнь достойным самоотверженного дела образом.

Фактом является, что ни на каком этапе войны — а июль-август 1942 года претендуют на самый критический период — Россия не повернулась к самоубийственному забытию, к прострации как форме выживания, к потере базовых национальных ценностей. Истекая кровью, теряя ориентацию в бескрайних южных степях, сыновья страны не потеряли главного — внутренней ориентации, веры в осмысленную жертву, в праведность своего дела.

Планы Гитлера в отношении Сталинграда не очень отличались от его

планов в отношении Москвы и Ленинграда. В дневнике Верховного командования вермахта значится: «Фюрер приказал, чтобы по приходе в город со всем мужским населением было покончено (beseitigt), поскольку Сталинград, с его проникнутым коммунистическим духом населением в миллион человек, является особенно опасным». В дневнике Гальдера читаем: «Сталинград: мужское население уничтожить (vernichtet), женское население депортировать».

Особой военной проблемы германское командование во взятии города не видело. Генералу фон Вейхсу Гитлер говорит 11 сентября, что полный захват всего города завершится за десять дней.

Визит Черчилля

Далеко не все американцы и англичане с легкостью соглашались с логикой «оставить русских самим решать проблему своего выживания». Один из несогласных — посол США в Лондоне Г. Вайнант — критически относился к стратегии английской дипломатии, демонстративно ставящей в качестве основного приоритета укрепление своей империи. Для наиболее дальновидных политиков и тогда было ясно, что принесение в жертву Советского Союза означало его эвентуальное ожесточение и подозрительность в отношении западных союзников, покинувших Россию в критический момент ее истории. Эта точка зрения была понятна и ряду английских дипломатов в Москве, которые осознавали, чем может в конечном счете обернуться для англичан ожесточение их восточного союзника. Иден показал Черчиллю телеграмму от нового английского посла в Москве сэра Арчибальда Керра, в которой говорилось, что ухудшение англо-советских отношений чревато долговременными негативными последствиями и поэтому желательно как можно скорее организовать встречу премьер-министра и Сталина. В своем дневнике Иден записал, что «получив телеграмму, Уинстон подскочил с места». Другой старинный друг Черчилля — А. Кадоган предупреждал, что главная опасность подстерегает Англию тогда, когда «русские почувствуют отчуждение». 30 июля 1942 г. Черчилль написал Сталину, что изучает возможности посылки нового «большого конвоя» в Архангельск и думает о встрече на высшем уровне.

На следующий день Черчилль предложил Сталину встретиться в Астрахани или в любом другом месте: «Мы могли бы вместе обозреть события войны и принять совместные решения». По получении этой телеграммы Сталин официально пригласил Черчилля в Советский Союз. Наиболее удобным местом была названа Москва, поскольку ни члены правительства, ни Генеральный штаб не могли покинуть столицу в момент исключительного напряжения военных усилий. Черчилль быстро согласился. Речь шла о жизненных интересах Великобритании, и он намерен был сделать все возможное, чтобы избежать отчуждения России.

Путешествие в Москву было в те времена делом нелегким — на высотном самолете следовало пересечь всю горящую Европу. Вечером 31 июля Черчилль и его жена на машине прибыли в Фарнборо (где сейчас проходят известные авиационные салоны), и в полночь Черчилля

проверили на способность переносить большую высоту. Он надел кислородную маску и противогаз — в специальной камере имитировали высоту примерно 5 тыс. метров. Здесь он находился в течение четверти часа, используя для дыхания кислород. Клементина смотрела на мужа через небольшое отверстие. После испытания у Черчилля измерили кровяное давление и пришли к заключению, что у 67-летнего Черчилля оно в норме. Тут же было принято решение: лететь следующей ночью.

В Москву Черчилль решил взять только двух своих помощников — генерала Брука и сэра Александра Кадогана. В ночь на 1 августа 1942 г. британский премьер взшел на борт самолета — неотопливаемый четырехмоторный бомбардировщик «Либерейтор». Здесь были лишь две металлические полки и большой запас одеял. Черчилль занял одну полку, а его доктор вторую. Сосредоточиваясь на мыслях о русском союзнике, он весьма отчетливо понимал, что едет к Сталину практически в положении просителя. Для создания более благоприятной обстановки Черчилль, во-первых, потребовал от адмиралтейства подготовить конвои в Архангельск и Мурманск в сентябре 1942 г. Во-вторых, Черчилль решил ослабить свою ответственность за неосуществление обещания открытия второго фронта, переложив часть этой ответственности на американцев. Он попросил Рузвельта позволить Гарриману — восходящей звезде американской дипломатии — сопровождать его в Москве. Согласие Рузвельта было получено, и 8 августа А. Гарриман прибыл в Каир. Вскоре после полуночи 10 августа самолет Черчилля взял курс на Тегеран. Летчик сказал премьер-министру, что самолет полетит на высоте 9 тысяч футов, но Черчилль тотчас же обнаружил на карте горную вершину высотой 10 тысяч футов и приказал лететь на высоте 12 тысяч футов, хотя это означало использование кислородных масок. Это задержало полет, Черчилль не смог отправиться тотчас же из Тегерана в Москву. Вместо этого он обедал с шахом, обещавшим ему, что Персия будет следовать в фарватере английской политики.

Рано утром 12 августа Черчилль на том же «Либерейторе» покинул Тегеран. Он видел место, где Волга впадает в Каспийское море, по течению Волги самолет летел в направлении Москвы. Внизу, именно по курсу самолета, германские войска продвигались к Кавказу, севернее они вышли в районе Сталинграда к Волге. Позже Черчилль вспоминал: «В ходе этой моей миссии я размышлял о мрачном большевистском государстве, которое я когда-то пытался задушить в колыбели и которое до тех пор, пока не появился Гитлер, я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что же являлось моей обязанностью сказать им сейчас?» А сказать ему

предстояло следующее: хотя Советскому Союзу приходится в одиночестве сражаться с основной массой германских войск, Запад в эти решающие месяцы не поможет Советскому Союзу. Оценивая свою миссию, Черчилль применил такую метафору: «Это было вроде того как везти большой кусок льда на Северный полюс».

После десяти с половиной часов полета «Либерейтер» приземлился в Москве. Нарком иностранных дел Молотов и начальник Генерального штаба маршал Шапошников встретили Черчилля в аэропорту. На государственной вилле № 2 премьера поразила исключительная роскошь обстановки и подчеркнутое внимание окружающих. «Меня провели через столовую, где стоял стол, уставленный деликатесами, а затем, через большую комнату приемов, в спальню и ванную комнату одинаково огромных размеров. Яркие электрические лампы подчеркивали белизну стен, холодная и горячая вода были в моем распоряжении». Но потомок герцогов не привык к простому — готовить собственными руками ванны и раздеваться самому. А в государстве рабочих и крестьян услуги такого рода не было. Больших трудов стоило премьеру овладеть русской системой смешения горячей и холодной воды. Ситуацию сгладил ужин «непревзойденной роскоши».

После ужина, в 7 часов вечера этого же дня, Черчилль прибыл в Кремль. На следующее утро он телеграфировал военному кабинету, что «первые два часа были мрачными и неинтересными». Сталин, «откинувшись и пыхтя трубкой, полузакрыв глаза и извергая поток оскорблений», обрисовал ситуацию на Южном фронте как неблагоприятную и сообщил о том, что немцы «прилагают огромные усилия, чтобы вырваться к Баку и Сталинграду». Стороны зашли почти в тупик. Сталин, не подбирая слов, обрушился на трусость осторожных людей. Словами Черчилля: «Мы достигли такой точки, перейдя которую, государственные деятели уже не могут вести переговоры».

Сталин вручил Черчиллю и Гарриману памятную записку, в которой напоминалось, что решение открыть второй фронт было окончательно подтверждено во время визита Молотова в Вашингтон, что советское командование планировало операции летом и осенью 1942 года, исходя из определенности открытия второго фронта. Американцы и англичане фактически нанесли удар в спину своему главному союзнику, поглощенному невероятным напряжением войны. Черчилль пытался оправдать отказ западных союзников от высадки во Франции, а Сталин говорил о том, какие это может повлечь за собой последствия.

Оживление интереса Сталина Черчилль отметил лишь тогда, когда

премьер-министр обрисовал ему основные черты предстоящей операции «Торч» — высадки в Северной Африке 250 тысяч англо-американских войск. Западные союзники намерены были захватить все побережье французской Северной Африки. Сталин начал довольно детально расспрашивать о приготовлениях к этой операции. В этом месте Гарриман вмешался в беседу и сказал, что президент Рузвельт полностью одобряет операцию «Торч». Американские войска находятся в процессе активной подготовки. Черчилль нарисовал на листке бумаги крокодила и пытался объяснить при помощи своего рисунка, что западные союзники намерены атаковать мягкое подбрюшье крокодила, а не бить по панцирю. «Если мы захватим Северную Африку, Гитлер должен будет бросить свои военно-воздушные силы в этот регион, иначе он рискует потерять своих союзников, к примеру, Италию. Операция окажет воздействие на Турцию и на всю Южную Европу. Мы победим в этом году в Северной Африке и нанесем смертельную рану Гитлеру в следующем году». Он и Рузвельт внимательно следят за ситуацией на советско-германском фронте и готовы прийти на помощь, если опасность будет угрожать Каспийскому морю и Кавказу. Сюда можно будет послать мощные англо-американские военно-воздушные силы. Антигитлеровской коалиции, — говорил Черчилль, — «помогают нейтралитет Турции и Кавказские горы, которые прикрывают нефтяные поля Абадана, потеря которых была бы смертельна для позиций Англии в Индии и на Ближнем Востоке».

Первая встреча Черчилля со Сталиным длилась три часа сорок минут. В фазе ее окончания Черчилль мобилизовал все свое красноречие. Поток феноменальных фраз лился безостановочно, а премьер, ускоряя темп, лишь спрашивал переводчика, сумел ли тот донести суть. Сталин рассмеялся: «Не важно что вы говорите, важно как вы говорите». И все же Черчилль ушел подавленным.

Вторая их встреча, последовавшая через несколько часов, явилась, пожалуй, низжайшей точкой в отношениях двух стран за период войны. Сталин сказал Черчиллю, что, стоя перед неизбежным, он так или иначе вынужден принять англо-американское решение об отказе от высадки на континенте в 1942 году. Он произнес немало горьких слов по поводу англичан, которые не желают сражаться с немцами, и в одном месте Черчилль вынужден был перебить его, сказав, что он «извиняет эту ремарку только учитывая исключительное мужество русских войск». Совершенно неожиданно для Черчилля (самолет для отлета из Москвы был уже готов) Сталин в конце второй беседы пригласил поужинать вместе с ним: «Почему бы нам не зайти в мою квартиру в Кремле?» Он повел

Черчилля через многие ходы и выходы, пока, находясь в пределах Кремля, они не зашли в квартиру Сталина. «Он показал мне свои комнаты, которые были довольно скромными. Их было четыре: гостиная, кабинет, спальня и большая ванная. Вначале появился пожилой слуга, а несколько позже девушка с рыжими волосами. Она поцеловала отца, приготовила стол и вскоре на нем появились тарелки. Сталин открыл несколько бутылок и разместил в одном ему известном порядке, а затем сказал: „Позовите Молотова, он беспокоится о своем коммунике. По крайней мере одно можно сказать про Молотова — выпить он умеет“. Вскоре прибыл Молотов и они расселись с двумя переводчиками.

Этот поздний ужин продолжался с половины девятого вечера до двух тридцати ночи, т. е. более семи часов. Было очевидно, что ужин импровизирован, поскольку еда прибывала по мере течения времени. Молотов был в своем лучшем настроении, а Сталин старался сделать так, чтобы за столом не скучали. Он попросил Черчилля прислать дополнительное число грузовиков — в Советском Союзе налажен выпуск достаточного числа танков, но с грузовиками большие сложности. Промышленность выпускает 2 тысяч грузовиков в месяц, а необходимы 25 тысяч. Черчилль пообещал оказать помощь (скоро на фронте увидели американские „студебеккеры“). Черчилль обрисовал диспозицию основных британских вооруженных сил. На Ближнем Востоке у Великобритании 15 дивизий, 10 дивизий в Индии и 30 дивизий в самой Англии. По расположению британских войск было ясно, какое значение придавалось Ближнему Востоку и Индии — на них приходилась половина контингента британских войск.

Обращаясь к прошлому, Черчилль сказал, что в начале 1938 года, еще до Мюнхенского соглашения, у него возник план создания союза трех великих государств: Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза, которые могли тогда повести за собой мир и предотвратить войну. Между этими странами не было антагонистических противоречий. Сталин ответил, что он всегда надеялся на подобную коалицию, хотя при правительстве Чемберлена ее создание было невозможным. Он вспомнил уничижительную ремарку леди Астор о Черчилле как о конченом политике. Черчилль ответил, что для такой оценки в то время было много оснований. Сталин утверждал, что ответил леди Астор таким образом: „Если случится кризис, английский народ вернется к старой боевой лошадке“. Черчилль, в общем и целом чувствительный человек, спросил, простил ли его Сталин, на что последовало утешающее: „Все это в прошлом. Не мне прощать. Бог

простит“. Он вспомнил визит в Москву британской делегации в 1939 году. Английские и французские военные представители не могли ответить на простой вопрос: какие силы они выставят в случае конфликта против Германии на Западе. Черчилль напомнил, что он был вне правительства в течение 11 лет и что всегда предупреждал об опасности германского реваншизма. Да, западные делегации в 1939 году не имели достаточных полномочий.

Описывая предстоящую операцию в Средиземноморье, Черчилль отметил, что успех в Северной Африке, возможно, заставит немцев оккупировать южное побережье Франции (равно как Сицилию и Италию), что отвлечет их самолеты и войска в противоположную от Англии (где готовится высадка союзных войск на континенте) сторону.

Во время ужина Сталин предложил Черчиллю обмениваться информацией о военных изобретениях. Он говорил о последних достижениях советской артиллерии, информация о них могла помочь англичанам. В нужный момент Черчилль поблагодарил Сталина за то, что тот позволил передать сорок американских бомбардировщиков типа „Бостон“, направлявшихся в Россию, командование английских войск в Каире. Сталин как бы отмахнулся: „Это были американские самолеты, вот когда я вам дам русские самолеты, вы меня и поблагодарите“. Черчилля волновала степень укрепленности перевалов на Кавказе, могут ли немцы пробиться сквозь них. Сталин сказал, что здесь находится примерно 25 дивизий и что перевалы, конечно, укреплены. Нужно удержаться примерно еще 2 месяца, после этого снега сделают горы непроходимыми. Черчиллю было важно то, что Сталин не выражал никакого сомнения в том, что Россия будет продолжать сражаться и в конечном счете союзники победят. Сталин еще раз заверил Черчилля в том, что Красная Армия выстоит и немцы не выйдут к Каспийскому морю, им не удастся захватить нефтяные месторождения вокруг Баку и они ни в коем случае не выйдут к английской зоне влияния через Турцию и Иран. Развернув карту, он сказал: „Мы остановим их здесь, они не пересекут горы“. Сталин намекнул премьеру, что у него есть план контрнаступления в больших масштабах, но попросил держать эту информацию в самом большом секрете.

Черчилль был благодарен своему новому переводчику майору Бирзу, лингвистические способности которого позволяли быстро вести беседу и использовать главное оружие Черчилля — живость его мышления, его способность импровизировать, его способность выдвигать нужные аргументы и действовать в соответствии с обстановкой. Возможно, в ударе был Кадоган, замещавший от Форин-офиса Идена. Пытаясь спасти дух

солидарности, этот аристократ провозгласил тост: „Смерть и проклятье немцам!“ Это имело успех. Фотографии на память. Сталин провожает до автомобиля. На следующий день Черчилль написал Эттли: „Мне кажется, что я установил личные отношения, на которые так надеялся“.

На обратном пути, высадившись в Тегеране, Черчилль телеграфировал Сталину: „Я очень рад, что побывал в Москве, во-первых, потому, что моей обязанностью было рассказать вам то, что я вам рассказал, во-вторых, потому, что я чувствую, что наши контакты будут играть важную роль в нашем общем деле“. Черчилль посчитал необходимым тотчас сообщить президенту Рузвельту о реакции Сталина на сообщение о том, что высадка в Европе откладывается: „Они проглотили эту горькую пилюлю. Теперь для нас самое главное ускорить выполнение операции „Торч“ и разбить Роммеля“. Черчилль убеждал Рузвельта в том, что „Россия не позволит западным союзникам потерпеть поражение или быть выбитыми из войны“.

Как уже говорилось выше, расшифровка кода „Энигма“ (т. е. „тайна“) позволяла Черчиллю знать, сколько войск имел Гитлер в Восточной и Западной части Европы, маршруты перемещения германских войск и кораблей, и многое другое. Тотчас по возвращении из Москвы в Лондон Черчилль получил чрезвычайно важные сведения о том, что германское командование не планирует перенаправить центр наступления со Сталинграда на кавказское направление. По мнению англичан (в частности, выраженному генералом Бруком), Гитлер выиграл бы гораздо больше, если бы „бросился на Кавказ и постарался пересечь Кавказские хребты, чем сконцентрировав все свои элитные воинские части вокруг Сталинграда“. Черчилль тоже боялся такого перенаправления германских войск. Уже создано было отдельное командование (а именно средневосточное), которое готовило войска в Иране и Ираке на тот случай, если немцы все-таки пересекут Кавказ.

Антигитлеровская коалиция переживала тяжелые времена. Василий Гроссман с блеском суммирует положение, сложившееся в конце лета 1942 года. „Немецкие войска были на Нордкапе и на Крите, в Северной Финляндии и на берегу Ла-Манша. Народный маршал, солдат на солнце, Эрвин Роммель, стоял в 80 километрах от Александрии. На вершине Эльбруса горные егеря водрузили знамя со свастикой. Манштейн получил приказ двинуть гигантские пушки и верферы — новую реактивную артиллерию — на цитадель большевизма — Ленинград. Скептик Муссолини разрабатывал план вступления в Каир, тренировался в езде на арабском жеребце. Солдат на снегу, Дитль, стоял в тех северных широтах, до которых не доходил ни один европейский завоеватель. Париж, Вена,

Прага, Брюссель стали провинциальными немецкими городами. Пришла пора осуществлять самые жестокие планы национал-социализма“.

Да, лето 1942 года, видимо, является самой низкой точкой для стран антигитлеровской коалиции. Европа почти целиком находилась в руках нацистов, а в Азии японцы устремились к Индии и Австралии. В середине 1942 года антигитлеровская коалиция пережила своего рода критический период, связанный с тем, что противники на всех фронтах теснили великую коалицию, и переломить эту тенденцию никак не удавалось. В Атлантическом океане германские подводные лодки грозили изолировать Америку от основных полей сражений в Европе. В Тихом океане японцы, несмотря на большие потери у острова Мидуэй, не сбавили скорости своего продвижения на юг и на восток, к Австралии. На южном фланге советско-германского фронта вермахт не прекращал давления, тесня Красную Армию к кручам Кавказа и волжским берегам.

Подводная война и снабжение союзников

Военная промышленность Германии снабжала Деница все новыми и новыми подводными лодками — по 17 подводных лодок в месяц на протяжении всего 1942 года. Если в начале мировой войны Германия владела 91 подводной лодкой, то к концу 1942 года в мировом океане плавали 212 подводных кораблей. И хотя за это время были уничтожены 87 германских (и 22 итальянских) подводных лодки, верфи Германии работали быстрее истребительной авиации и кораблей союзников.

Значительные усовершенствования в конструкции и техническом оснащении подводных лодок привели к тому, что теперь подводные крейсера имели водоизмещение до 1600 тонн и могли находиться в автономном плавании в маршрутах до 50 тысяч километров. Теперь подводные лодки немцев, выходящие в Атлантику, не нуждались в присутствии неподалеку вспомогательных крейсеров, они опускались на глубину до 200 метров (а иногда и глубже), что увеличивало возможности спасения даже от глубинных бомб. Подводные немецкие танкеры дозаправляли немецкие подводные лодки в глубинах океана. И поскольку в 1942 году Америка, вступив в войну, резко увеличила помощь союзной Британии и Советскому Союзу, действия германских подводных лодок приобрели стратегическое значение.

Во главе подводного флота Германии становится адмирал Дениц — по почти всеобщему мнению, талантливый организатор и стратег, обладавший особым талантом видеть слабые места противника. Весной 1942 года немецкие подводные лодки начали топить гигантское количество кораблей (общим водоизмещением до 800 тысяч тонн в месяц). В Берлине уже калькулировали, что при таком объеме западных потерь связь США с неоккупированными частями Европы, Африки, Азии и Австралией вскоре почти прекратится. Адмирал Редер так и говорил Гитлеру в марте 1942 года: нужно топить не менее 600 тысяч тонн в месяц, чтобы связь США с Англией была полностью прервана.

Действовали германские подводные лодки обычно „стаями“ — группами и отличались исключительной маневренностью и эффективностью. На протяжении 1942 года подводные корабли Германии и ее союзников потопили 1160 кораблей водоизмещением 6266 тысяч тонн. Активность германских подводных лодок росла особенно заметно с июля 1942 года, и пик ее пришелся на ноябрь, когда было потоплено 119 судов

общим водоизмещением 729 тысяч тонн. Это сократило импорт Британии — ниже уровня в 34 млн. тонн. Резко сократились британские запасы топлива. Ситуация была близка к кризисной. Битва за Атлантику в условиях коалиционной войны и ленд-лиза стала критическим обстоятельством мирового конфликта.

Избегая воздушного наблюдения и стремясь оптимизировать свои действия, Дениц во второй половине 1942 года меняет тактику. Он концентрирует свой подводный флот к югу от Гренландии и ставит задачу обнаруживать конвои союзников до их выхода в эти районы. Затем следовало быстро и концентрированно нанести торпедные удары и немедленно отойти (с целью избежать обнаружения британской авиацией).

Ни у англичан, ни у американцев не было эффективных средств обороны на морях, и свою надежду они (в частности, президент Рузвельт) возложили на интенсификацию строительства новых судов. Следовало строить на верфях кораблей больше, чем Германия будет топить в океане. Посредством огромных усилий, используя стандартизацию производства кораблей, американцам удалось совершить невероятное. Судно типа „Либерти“ создавалось на конвейере за шестьдесят с небольшим дней. Г. Кайзер, проектировщик многих американских плотин, нашел еще более рациональную схему. В марте 1942 года он, получив в свои руки верфи в Калифорнии и Орегоне, сократил срок строительства „Либерти“ до сорока дней и вскоре построил сухогруз „Джон Фиг“ водоизмещением 10 тысяч тонн за двадцать четыре дня. К концу года американцы начали перекрывать свои потери на морях. Но только к концу, а в середине ужасающего 1942 года весы истории колебались.

Вотируемые конгрессом в первые десять месяцев 1942 года 160 миллиардов долларов начали давать весьма ощутимые результаты. Летом 1942 года важной задачей становится не только собственно производство, но и адекватное распределение продукции крупнейшей в мире экономики по всем многочисленным фронтам. Одновременно Соединенные Штаты довольно быстро превращаются в великую военную державу, с первоклассным флотом, совершенной авиацией и огромной армией. В январе 1942 года Рузвельт определил в качестве цели на конец года доведение численности армии до 3,6 миллиона военнослужащих. Весной 1942 года президент приходит к выводу, что такая армия для глобальных операций недостаточна, он планирует создать в текущем году пятимиллионную армию. (Его главные военные советники идут еще дальше. Генерал Маршалл поставил цель в 1943 году довести численность армии до девяти миллионов человек). Армия США в конечном счете

увеличилась на четыре миллиона человек, достигнув уровня пяти с половиной миллионов. Боеспособными стали тридцать семь новых дивизий — удвоение прежнего числа. Авиация увеличилась вчетверо. Призывной возраст понизился с двадцати до восемнадцати лет.

Часть советников рекомендовала Рузвельту не заглядывать слишком далеко вперед, ограничить планирование примерно годом. Эти „жрецы осторожности“ исходили из того, что важнейшие стратегические обстоятельства будущего еще не определены. Так, весной 1942 года во влиятельных кругах Вашингтона сильны были сомнения в отношении того, вынесет ли СССР летнее наступление немцев. Рузвельт полагал, что возможно также резкое ухудшение положения США на Тихом океане, считал реальным захват Германией Северной Африки. Не будучи уверенным во многих факторах мировой политики, Рузвельт на практике отверг соблазнительное долгосрочное планирование. В военном производстве и выработке планов оптимальным сроком „предвосхищения событий“ стал для него период в один год. Именно по такой системе работали основные ведомства Вашингтона.

Роммель в Африке

Фронт в Северной Африке, в Ливии, образовался с вступлением Италии в войну на стороне Германии. В Ливии маршал Грациани командовал 200-тысячным контингентом. Его двенадцать дивизий базировались на Триполи, в ближайшей к Сицилии точке. Его определившийся противник, генерал Уэйвел, командовал 63 тысячами своих войск из Александрии — главной базы британского флота в Средиземном море. Англичанам помогала военно-воздушная армия на Мальте. Итальянцев тревожили стоявшие в Тунисе французские войска и французский флот в Тулоне. Но 24 июня 1940 года Петэн подписал условия окончания войны с Муссолини, и в условиях нейтрализации французов итальянцы получили значительный шанс. Шесть итальянских линкоров стали самой грозной военно-морской силой в Средиземноморье (у англичан пять), а итальянская армия в 4 раза превосходила английский контингент.

Но военная судьба переменчива. Авианосец „Илластриес“ сумел 11 ноября 1940 года в бухте Таранто серьезно повредить четыре итальянских линкора. Наступление итальянцев против Египта захлебнулось в сентябре 1940 года из-за растянутых коммуникаций атакующих, и итальянцы отступили в свои ливийские пределы. Англичане взяли в плен 130 тысяч итальянцев, уравнив таким образом шансы двух сторон. Гитлер послал на подмогу африканским войскам Муссолини две германские дивизии во главе с генералом Роммелем, а англичане отвели часть своих войск в свете начавшейся войны Германии против Греции. 24 марта 1941 года Роммель начал операции в пустыне, возвратив итальянцев на их прежние позиции. Черчилль 5 июля 1941 года заменил Уэйвела генералом Окинлеком.

18 ноября 1941 года Окинлек выступил с 700 танками против 400 германо-итальянских и нанес им поражение при Тобруке, оттеснив немцев к Эль-Агейле — к тому месту, откуда Роммель начал свое продвижение вперед. Англичане потеряли 440 танков, германо-итальянцы — 340. Наступила патовая ситуация. Весы повернулись в германскую сторону со сдачей осажденного немцами Тобрука — тяжелый удар по престижу англичан. 15 августа 1942 года Черчилль сместил Окинлека и назначил на его место генерала Александера. Под его началом 8-й британской армией начал командовать генерал Монтгомери, имевший репутацию командира безжалостного и заботящегося лишь об эффективности своих атак.

Поставки американцев, появление у союзных войск танков „Шерман“ — первых, способных на равных сражаться с германскими „Марк-4“, создали условия для союзного наступления в пустыне. Ко 2 сентября Роммель потерял на британских минных полях 50 своих танков, а Монтгомери начал готовить к наступлению одиннадцать дивизий, четыре из которых были танковыми (1030 танков) плюс 900 орудий и 530 самолетов. С германо-итальянской стороны им противостояли десять дивизий Роммеля (только четыре германские и из них лишь две танковые), поддерживаемые 500 орудиями и 350 самолетами.

Отправленному в германский госпиталь Роммелю позвонил Гитлер предлагая отложить лечение и вернуться в Африку. Здесь разворачивалась битва у Эль-Аламейна.

Смыслом ее было то, что Монтгомери решил отказаться от практики одиноких молниеносных ударов — немцев в их собственном ремесле не переиграешь. Монтгомери решил соорудить более сложную конструкцию, в которой было бы место для истощения ударных сил немцев, для конечного истощения их наступательных сил. В происшедшей битве при Эль-Аламейне английский генерал постарался обрушить на танки и лучших солдат Роммеля огонь своей артиллерии. В Битве при Эль-Аламейне Монтгомери оставил Роммелю своего рода „тропу спасения“, по которой африканский корпус немцев неизбежно должен был пройти; здесь его ожидала британская артиллерия и авиация. Так и случилось. Отступая, Роммель достиг Бенгази 20 ноября, а Триполи — 23 января 1943 года, теряя при этом 40 тысяч солдат из своего стотысячного корпуса. У него осталось только 80 танков.

А в тылу Роммеля, на североафриканском побережье 8 ноября 1942 года началась высадка западных союзников, американцев и англичан. Теперь Соединенные Штаты могли в значительной мере использовать мощь развернутых в стране 90 дивизий. Американцы сумели договориться с североафриканским главнокомандующим Петэна — адмиралом Дарланом о переходе вишистских войск на союзную сторону, и после трехдневных боев, стоивших жизни нескольким тысячам, американский авангард стал закрепляться в Касабланке и других североафриканских городах. Петэн осудил действия Дарлана, его премьер Лаваль посетил Гитлера, но это не спасло вишистскую Францию от оккупации, а Петэна от домашнего ареста (в сентябре 1944 года он был препровожден в рейх). Но Гитлер, ощущая важность происшедшего, начиная с 16 ноября 1942 года начал слать в Тунис (где войска французов подчинились приказу Петэна содействовать немцам) 5-ю танковую армию. Закрепившись в Атласских горах, они

начали операцию по сдерживанию западных союзников в Северной Африке.

Бег к Кавказу

К середине августа немцы перегруппировали силы и приступили к второй фазе своего наступления, согласно перешедшей из „Синего“ плана „Операции Брауншвейг“. Теперь четко определенными целями немцев были каспийский Баку и черноморский Батуми. Авангарду Восточного похода — Первой танковой армии предписывалось наступать по линии Грозный — Махачкала — Баку. Семнадцатой пехотной армии — на Новороссийск и далее по черноморскому побережью на Сухуми — Батуми. 79-й корпус альпийских стрелков двинулся через кавказские горные перевалы на высоте трех тысяч метров, чтобы зайти закавказским советским войскам в тыл.

Горы влекут. Что-то вроде этого испытывал фельдмаршал Клейст. Его августовский темп впечатлял, но немцам, при всех их феноменальных успехах, не удавалось завязать в кольцо основные — не столь уж многочисленные — силы Буденного. Все маневры танкистов Клейста и пехоты Руоффа пока не давали желаемых немцам результатов. Наиболее устойчивыми виделись укрепления по Тереку с опорными пунктами в Кизляре, Моздоке, станицах Староцедринская и Пришибская. В это время железная дорога Ростов — Баку была переполнена и работала в лихорадочном темпе. А по Военно-Грузинской дороге грузовики везли в Закавказье оборудование заводов; беженцы заполнили все дороги. Отступая, Красная Армия создавала обстановку выжженной земли. Дома разрушались, мосты взрывались, запасы уничтожались, зерно обливали бензином, трактора и скот перегонялись на восток. Навстречу им шли усталые воинские колонны. В этих, доводящих до изнеможения переходах в горах немцы в своих шортах (артиллеристы) чувствовали себя вольготнее наших воинов в кирзовых сапогах.

Но более страшной, чем проблема снабжения, поиска подходящих оборонительных позиций, обкатки новых воинских соединений была опасность взрыва горских народов. Пишет английский историк: „Здесь были мятежные движения антисоветской направленности, способные проявить свое недовольство в тылу и принять вторгшихся немцев с энтузиазмом... И Германия, и Советский Союз должны были учитывать позицию Турции, чьи интересы среди тюркских народов Юго-Востока были постоянными и отчетливо выраженными; и русские и немцы конкурировали в деле приобретения лояльности горских народов, среди

которых Берлин нашел мусульман самыми активными сторонниками немцев, тогда как Москва увидела в них опасность, требующую решительных мер, с целью осуществления которых Сталин послал в августе 1942 года на Закавказский фронт Лаврентия Берия. Берия прибыл со своими „ребятами“ — Кобуловым, Мамуловым, Пияшевым и Цанавой, организовавшими параллельный штаб НКВД для обороны Северного Кавказа“. Берии были даны огромные полномочия, он подчинялся лишь одному человеку в Кремле. Однажды он пригрозил командующему фронтом Малиновскому, что арестует его, если тот не окажет необходимого содействия. И у генерала Малиновского не было на этот счет никаких иллюзий.

В вышедшей на защиту побережья 46-й советской армии командующий Закавказским фронтом генерал Тюленев не чувствовал себя хозяином в собственном регионе — находящийся рядом Берия был по иерархии гораздо выше — все же он был членом Государственного комитета обороны (ГКО) и наркомом. К востоку от Берии и Тюленева прибывший из Москвы Маленков создавал „северную группу“ Закавказского фронта во главе с генералом Масленниковым. В страшной спешке меняя организационные основы, Сталин приказал верному и пассивному Буденному перекрыть немцам путь на черноморское побережье.

Между тем час пробил. 18 августа танки Клейста начали теснить Масленникова на реке Кума, и тому ничего не оставалось, кроме как начать отступление на подготовленные заранее оборонительные позиции на реке Терек. Ставке не оставалось ничего иного, кроме, как бросить в бой 58-ю армию, спешно переведенную из Махачкалы. И все же немцы неудержимы, Клейст словно не ощущал препятствий, он опробовал силу укреплений на Терекке и без особого смущения вышел 30 августа на южный берег казавшегося тогда неприступным, контролируемого советскими орудиями Терека у Ищерской. Ко 2 сентября затеречные силы немцев были уже значительными. В тылу, в пыли и жаре, создавались десять линий обороны от Махачкалы до Баку.

Соседи Клейста справа тоже не теряли времени зря. Со стороны Керчи немецкие силы высадили десант на Таманский полуостров, и положение Новороссийска осложнилось до критической степени. Начались ожесточенные городские бои. Немцы буквально стерли с лица земли все эти карточные домики Буденного, называвшиеся „Новороссийской зоной обороны“. Ярость гарнизона Новороссийска и Азовской флотилии Горшкова, знаменитой своей самоотверженностью „черной смерти“

(выражение немцев) — морской пехоты достигла невозможного предела. В Туапсе военную базу готовил к скорому бою контр-адмирал Жуков. В горький и грозный час командиры даже не самого высокого ранга понимали цену поражения на пути южнее Новороссийска: в войну вступит Турция (что означало немедленный разворот на юг 45-й советской армии (17 дивизий). Черноморский флот потеряет порт базирования, Юг России будет потерян со страшными общими последствиями для страны. Врага нужно было остановить на пути к Поти и Батуми всеми возможными способами. Морские пехотинцы бросились умирать за Туапсе, а с гор на них уже спускалась дивизия „Эдельвейс“.

Немцы на Волге

Ранним утром 23 августа основные силы 6-й армии начали переходить на восточный берег Дона. Аккуратно и методично танки проходили понтонный мост, за ними тяжелогруженные грузовики везли пехоту, запасы вооружения, полевые госпитали и цистерны с горючим. Небо в предрассветный час было серым, затем восход окрасил дивный огромный мир, и танки сбросили тормоза. В сиянии восходящего южного солнца они покатали по широкому степному приволью. Плоская как стол степь позволяла развивать максимальную скорость. Командиры стояли в башнях, чтобы вовремя увидеть какой-нибудь овраг, не видимый водителю снизу. Скорость сразу же породила смерч пыли, и танкисты повязали носы и рты платками. А сверху штурмовики „Штуки“ сиренами возвещали танкистов о своем прикрытии, те приветственно махали руками в ответ. По радио танкисты 16-й танковой дивизии 14-го танкового корпуса генерала Витерсхайма передавали в штаб Паулюса об обстановке в авангарде наступающих войск. Пока их внимание не было привлечено ничем особенным. Вот сообщение, полученное Паулюсом в девять сорок пять утра: „Русские, по-видимому, захвачены врасплох и не оказали особенного сопротивления между Доном и Россошкой“. Удивительное приключение: стоя в башнях, мчатся в двух тысячах километров от Германии по степи, видевшей скифов, Чингисхана и Ермака».

Танкисты осознавали важность момента. Именно здесь и сейчас творится мировая история. Сюда не доходили с Запада даже римские воины. Александр Македонский прошел значительно южнее. Кир и Ксеркс в бессильной ярости отчаялись завоевать эти степи. Это хинтерланд мира, путь к центру Евразии. Если Германия овладеет этим краем, ее уже не остановит никто в мире. Русский колосс рухнет, он не устоит на одной северной ноге. Справа — через Каспий — жертвой немцев станет самый чувствительный и важный (нефть) регион Британской империи. Здесь, сейчас и навсегда творится мировая история. И ее рычаги — это упругие рычаги германских танков, не встретивших еще себе равных в этой войне.

Довольно неожиданно однорукий генерал Хюбе приказал весело катящей колонне остановиться. Хюбе был безусловно колоритной фигурой в германской армии. Изборожденное морщинами лицо, острый взгляд. Он носил протез вместо руки, которую потерял еще в Первую мировую войну. Он отличался не только смелостью, но и педантизмом, удивлявшим самих

немцев. В положенное время он спал прямо рядом со своим штабным танком, даже если шло сражение. Так же независимо от обстановки он питался раз в каждые три часа, поглощал строго определенную норму калорий и витаминов. Им в германской армии восхищались все, включая Гитлера. Педант Хюбе не мог понять некоторых вещей. В частности, почему у русских рации в танках были исключением, а не безусловным правилом, почему у командиров русских танков не было биноклей, почему русские следуют всегда в бою лишь одной тактической схеме, почему они не обращают внимание на рельеф местности, почему у замечательной во всех отношениях машины Т-34 такой слабый прицел?

Этот герой и педант всегда помнил, что следует беречь горячее. В небе немедленно появился немецкий самолет. Сделав несколько кругов, он приземлился у штабного танка. Лихой командующий 4-й воздушной армией генерал Рихтгофен, в рубашке с закатанными рукавами, лично приветствовал доблестных танкистов. Официальная задача, поставленная смещенному к Сталинграду 4-му воздушному флоту — «полностью раздавить русских». Рихтгофен не без патетики сказал Хюбе: «Воспользуйтесь сегодняшним днем! Вас поддержат 1200 самолетов». И эти слова вскоре получили подтверждение — над башнями танков в сторону Сталинграда пролетели сотни машин Рихтгофена. Облитая солнцем степь оказалась в тени от армады воздушных машин. Воздушная армия Рихтгофена в тот день совершила 1500 вылетов, сбросила тысячу тонн бомбогруза и потеряла всего три машины.

В первую же неделю бомбардировок в переполненном беженцами Сталинграде было убито сорок тысяч безоружных людей. Нам как бы сразу показали, с кем мы имеем дело и что нас ждет. Со стороны немцев то был грубый психологический просчет. Немцы хотели деморализовать всех, утратить неумолимостью движущейся военной машины. На деле же даже самые далекие от общих забот и мыслей пришли к мысли: этот безжалостный враг иррационально жесток и поймет лишь тех, кто не покорится. Не смирение овцы, а ярость раненого русского медведя пробудили летчики с закатанными рукавами, обрушившие огонь на десятки тысяч мыкающихся беженцев и мирных жителей. Не робость затравленного зверя, а выдохнутое умирающими «Отомсти!» породили они.

Вторым эшелоном по гладкой степи катила 3-я моторизованная дивизия вермахта, ей было трудно угнаться за быстрыми танками, трудно ориентироваться в торнадо степной пыли. Еще дальше в тылу (как бы третьим эшелоном) следовала 60-я моторизованная дивизия. В Голубинке

(которая станет «столицей» Паулюса) передовой отряд не обнаружил ничего особенного: «1 час пополудни. Еще одно подтверждение того, что противник захвачен врасплох». Через несколько часов командиры танков увидели впереди и чуть правее маковки церквей и здания белого цвета. В микрофонах прозвучало: «Справа по курсу Сталинград». Это был район Гумрака, окраина города. Молоденькие девушки из техникумов и вузов совсем недавно встали за прицелы зениток. Их взоры были устремлены в небо, когда неожиданно для себя они увидели движущиеся на них танки наземного врага. Большинство из этих девушек никогда не стреляли вообще, а как стрелять по наземным движущимся целям, они не знали даже в теории. Но что-то стучало в их сердцах, и они не бросились врассыпную. Жерла зенитных орудий наводились на танки. Едва ли много орудий сумели произвести выстрелы. Передние танки ударили по нескольким мазанкам в степи. Спешились, увидели растерзанные снарядами части женских тел и пошутили, что русские выставили вперед своих женщин. Шутка понравилась не всем, кровь облила убогое жилье, где некому уже было молиться. Первые выстрелы в Сталинграде, кровь несведущих и невинных, грубое высокомерие.

Солдат 389-й пехотной дивизии вермахта пишет домой с гордостью: «Вы не можете себе представить с какой скоростью продвигаются вперед наши моторизованные части. И при этом постоянная поддержка люфтваффе. Мы в полной безопасности, ведь в небе наши асы. Русских самолетов я вообще еще не видел... После захвата Сталинграда русская армия на юге будет полностью уничтожена». У этой дивизии будет хорошая возможность познакомиться с русскими поближе.

Августовское солнце еще не начало садиться на западе — было четыре часа пополудни — когда первый германский танк с ревом затормозил над волжским утесом. Командир — лейтенант Готтфрид Адемайт объявил: «Мы в центре Азии». Танкисты в основной своей массе не видели реки шире Рейна и дивились речному простору. Сбрасывая мундиры и черные комбинезоны, германские танкисты полезли в холодную волжскую воду. Один из них размышлял, почему лишь война открывает нам глаза на величественную красоту мира? Капитан Лорингоффен: «Мы смотрели на простирающуюся за Волгой степь. Отсюда лежал прямой путь в Азию, и я был потрясен». Большинство поражалось этому дню: «Утром мы были на Дону, а вечером стоим на Волге». Желание сделать исторический снимок было повсеместным. К рапорту штабу 16-й дивизии был приколот снимок «Волга достигнута». Летчики знаменитой эскадрильи «Удет» облетали Сталинград и их удивление, а затем и ликование при виде танков с

крестами, стоящих на берегу Волги было безмерным. Они испытывали «чувство невыразимой радости за боевых товарищей на земле». Задрвав голову, танкисты следили за фигурами высшего пилотажа, исполняемыми для них.

Прямо за спиной немцев (если смотреть на город с севера) находился старинный парк. Видавшие века дубы, каштаны и олеандры вызвали восхищение немецких танкистов, которые нашли время и для посещения соседней бахчи. Штаб 16-й танковой дивизии стоял прямо в диковинном саду под экзотическими деревьями.

Второй эшелон немецкого наступления врезался прямо в город. Немцы вошли в район Рынка и помчались по трамвайным путям. Пассажиры трамваев недоумевали по поводу странной формы солдат. Когда страшная правда дошла до их сознания, они начали выскакивать из трамваев. Вослед им несся веселый смех победителей. Так в шесть вечера 23 августа передовые немецкие части вышли к Волге и овладели плацдармом в северной части города. Грузовики разворачивались вслед за танками, а радисты спешили передать потрясающую новость в штаб Паулюса. Немецкий бог войны должен был ликовать. Как ликовал обычно сдержанный генерал-полковник Паулюс. Итак, 23 августа немецкие танки вышли к Волге, на советско-германском фронте наступил критический этап. И Паулюс, и его прямой начальник Вейхс полагали, что Сталинград уже в пределах досягаемости. Учитывая, что Витерсхайм уже стоит на Волге, а железнодорожная колея у рынка находится в радиусе артиллерийского огня, трудности снабжения советского гарнизона в городе представлялись непреодолимыми, а позиции — непригодными к обороне.

Командующего фронтом генерала Еременко в этот страшный день разбудили телефонные звонки, фиксирующие перемещение танковой колонны 6-й армии. Он разбудил офицеров штаба и приказал принести завтрак. Смелость германского выпада — прорваться к Волге узкой колонной поразила его. В половине десятого утра, когда Еременко еще не притронулся к завтраку, позвонил заместитель командующего восьмой авиационной армией. «Только что вернулся самолет воздушной разведки. Летчики говорят, что видели сражение в районе села Малая Россошка. На земле все горит. Они видели две колонны примерно по сто танков в каждой, а за ними компактные колонны грузовиков с пехотой. Они направляются в направлении Сталинграда». Еременко приказал послать в воздух максимально возможное число самолетов. Прибыл генерал-майор Коршунов с известием о сожженной немцами в степи неподалеку от Сталинграда цистерне с горючим. Коршунов был так возбужден, что нервы

у Еременко не выдержали, и он прервал генерала: «Выполняйте свою работу. Прекратите эту панику».

Неожиданность поразила двух генералов инженерных войск, которые, с достоинством за проделанное, пришли докладывать об успешном завершении строительства понтонного моста через Волгу в районе Сталинграда. Командующий фронтом поблагодарил их за службу и приказал немедленно уничтожить мост. Пораженным генералам пришлось повторить, что им приказывается уничтожить только что построенный ими мост и сделать это как можно скорее. Немцы не должны получить готовой переправы через Волгу.

На дальней окраине Сталинграда машинист паровоза Лев Дило оказался сброшенным на землю первыми немцами, которых он видел в жизни. Те связали ему руки, отобрали ручные часы и повели через поле. Благодаря их беспечности машинист скользнул в первый же попавшийся на пути овраг. Выстрелов вслед не последовало. Три километра до тракторного завода мелькнули незаметно. Опешившие вначале товарищи в конечном счете не растерялись. Здесь же был создан первый рабочий батальон. Тот, кто записывался в него, получал винтовку. Батальон занял позицию вдоль речки Мокрая Мечетка — первая городская линия обороны.

В городе прозвучал сигнал воздушной тревоги, но большинство горожан нетронутого еще войной города восприняло его за сигнал учебной тревоги. Тем прискорбнее было дальнейшее. Шестьсот германских самолетов летели безупречным журавлиным клином. «Штуки» и «Юнкерсы-88» ринулись в пике. Воздушный налет 23 августа 1942 года был самым концентрированным германским авианалетом с 22 июня 1941 года. Половина сброшенных бомб были зажигательными, что обрело многочисленные деревянные дома. На расстоянии 70 километров от Сталинграда ввиду пожара можно было ночью читать газету. Солдат 94-й германской дивизии описывает виденное: «Весь город в огне; по приказу фюрера наши люфтваффе устроили пожарище. Это именно то, что нужно русским — остановить всякое сопротивление». То был чисто устрашающий налет — убить как можно больше, напугать, деморализовать. Бомбы поразили центральную телефонную станцию, городской водопровод, здание городской газеты, нанесли разрушения, особенно видимые на улицах Пушкина, Гоголя, Медведицкой. Известный германский ас Фрайхер фон Рихтгофен суммировал итог налета 4-го авиационного флота: «Мы просто парализовали русских». Вторжение войны не могло быть более ужасным, город хоронил сразу сорок тысяч жертв воздушного налета.

Но шли дни, город видел всякое, но одного не было точно — не было

массового стремления купить мир и покой любой ценой. Напротив, на стенах домов появились тексты призыва местного горкома. «Товарищи и граждане Сталинграда! Мы никогда не сдадим город, где мы родились, на милость германского захватчика. Каждый из нас должен полностью отдать себя обороне нашего любимого города, наших домов и наших семей. Построим баррикады на каждой улице, превратим каждый квартал, каждый дом в неприступную крепость».

Стоять насмерть

Выйдя на связь со Сталиным, Еременко обрисовал ситуацию в самых мрачных тонах. Местные власти считают, что следует взорвать некоторые заводы, перевезя оборудование других на восток. Сталин взорвался. «Я не желаю обсуждать этот вопрос. Эвакуация и минирование заводов будет понято как решение сдать Сталинград. Государственный комитет обороны запрещает делать это».

Жесткость Сталина, угроза переправе через Волгу, общее ощущение конца света принудили Еременко к жестам отчаяния. Он начал понимать, что Паулюс бросил вперед три дивизии к Волге, чтобы создать коридор, который, с одной стороны, отсечет Сталинград от внешнего мира — от жизненно важных связей с Севером, а с другой, создаст тот мост, по которому основные контингенты его армии спокойно переместятся к волжскому городу. Первый этап реализации этого плана осуществлялся достаточно успешно. Но в плане был и определенный элемент авантюры — он заведомо предполагал, что Красная Армия не сумеет оказать должного сопротивления. Боготворящему плановое ведение дел Паулюсу довольно трудно было внести в свое калькулирование тот фактор, что жизнь, особенно в России, таит значительный элемент непредвиденного.

Сложности немцев начались с того, что три следующие друг за другом колонны имели разную скорость перемещения. Танки, вышедшие к Волге (16-я танковая дивизия), примерно на двадцать километров обогнали следующую за ними колонну (3-я моторизованная дивизия), и та заночевала в степи. Пятнадцатью километрами сзади, западнее остановилась третья колонна (60-я моторизованная дивизия). Три острова в степном море не могли не стать мишенью ударов советских частей.

Еременко бросился на северный «протокоридор» пока тот не был укреплен в достаточной степени. Ширина его составляла тогда всего четыре километра неукрепленной территории. Сталинградская артиллерия начала обстреливать его. Немцы отвечали осторожно, запасы их горючего и снарядов были на исходе. В ночь на 25-е летчики Рихтгофена сбросили своему сталинградскому плацдарму на парашютах запасы продовольствия.

Немцы постарались предвосхитить окружение своих, отделившихся друг от друга воинских частей посредством ярко выраженных наступательных действий. В 4.40 утра 24-го августа передовая танковая колонна начала бешеный обстрел пока еще импровизированных советских

оборонительных позиций на севере Сталинграда — у предместья Спартановка. Ударная группа Крумпена после тщательной артподготовки бросилась туда, где разрушения казались максимальными. Не тут-то было. Окопы, вырытые за ночь, встретили их огнем. Рабочие в гражданском учились передовой военной тактике прямо на ходу. Они грамотно создавали окопы, проводили ходы сообщения, не тушевались при виде рычащих танковых громад немцев. Как пишет об этом эпизоде американский историк У. Крейг, «одетые в рабочие робы и в светлые воскресные костюмы рабочие вступили в бой с лучшей танковой армией мира». Эти рабочие жили трудной жизнью, танками их было трудно напугать — они производили их сами, а известие о зверском авианалете уже подготовило их морально. Эти люди сражались за свою землю, за свои семьи, за только начавшийся обустроившийся быт пятилеток. Немцы встретили в их лице не индоктринированных идиотов, а самоотверженных мужчин, людей, истинно, по коду исторической памяти любящих свою страну и готовых ради нее на любые жертвы. Спортивно-расовой лихости танкистов противостояло жертвенное сознание людей, в которых немцы вызвали ненависть сами. Город хоронил сорок тысяч убитых мирных людей — половина семей сталинградцев несла своих близких на кладбище. Отмщения стал требовать даже самый кроткий.

Отходящая от невзятых позиций группа Крумпена должна была отбивать контратаку еще даже недокрашенных тридцатьчетверок, только что сошедших с заводского сталинградского конвейера. На эти машины еще не успели поставить оптический прицел и бить они могли только прямой наводкой. Заряжающий следил за положением ствола в момент поворота башни. И все же эти танки стреляли. Окаменевшие от горя и решимости люди почти не нуждались в оптике, их наводила на цель неукротимая ярость. В их мирный город пришел враг и сразу показал, что никаких правил не признает, что желает вызвать лишь страх и подчинение. Жизнь не настолько хороша, чтобы ради нее пасть ниц перед этими убийцами.

«Настоящий мужчина» — командир 16-й танковой дивизии однорукий Хюбе — должен был по радио запрашивать Паулюса о поддержке отставших дивизий. Хюбе послал мотоциклетный батальон изучить северную часть города. «Мы дошли до железной дороги, захватили эшелон с оружием, который русские не успели разгрузить. 3-й германской моторизованной дивизии повезло — она оказалась „первым получателем помощи по ленд-лизу“ — захватила на станции Кузьмичи товарняк со „студебеккерами“ и „виллисами“». А также взяла много пленных, половину

из которых составляли женщины. Горечь советской стороны вызывали «Яки», бледнеющие перед «Мессершмиттами-109». Бронированные советские истребители были малоповоротливы. Это позволяло немцам уничтожать город планомерно, день за днем.

Но у германских частей возникли свои сложности. Вначале за присланным из Америки трофеем с севера пришла 35-я гвардейская советская дивизия и она увеличила барьер между танками Хюбе и подразделениями наземной пехотной поддержки. Советская гвардия сражалась мужественно и умело, что сразу же заставило немцев начать корректировать свои замечательные планы. Наша пехота шла в атаку с песней, разрывы германских снарядов создавали страшные бреши в их рядах, но они шли и шли вперед. Трава обагрилась их мученической кровью, но гвардия продолжала оказывать давление на немцев.

В очередной раз против немецких танков выступили девушки — именно они обслуживали зенитные орудия и именно они с широко открытыми глазами увидели на севере родного города танки с крестами. Очередная зенитная батарея открыла огонь по немецким танкам. В отчете немцев: «До самого вечера нам пришлось биться против 37 вражеских батарей». Один из германских участников боев пишет в дневнике: «Русские женщины — это настоящие солдаты в юбках. Они готовы сражаться по-настоящему и в военном деле могут заткнуть за пояс многих мужчин».

Паулюс принял радиограмму Хюбе. Вчерашнее мажорное настроение оказалось испорченным. Туннеля-барьера от Дона до Волги не получалось. Более того, Паулюс рисковал потерей одной из трех брошенных так смело вперед частей. Его первым шагом было требование к люфтваффе сбросить боеприпасы сражающимся частям — и прежде всего танкистам одорукого Хюбе. И в подсознании появились первые сомнения относительно возможности завладеть городом одним броском. Но были и компенсирующие импульсы. Немцы полагали, что выходом к Волге они подорвали моральную крепость противника. В Растенбурге получают примечательную телеграмму: «Много дезертиров, некоторые прибывают вместе с танками».

Было ли это — оставим на совести летописцев 6-й армии. Но фактом является, что отступавшие сотни километров солдаты не могли не быть под впечатлением от потрясающей эффективности немцев, от трудности совладать с ними. Это действовало на слабых духом и ослабленных телом. Теперь мы знаем, сколь жестокие меры были предприняты в нескольких воинских частях. Только внутреннее моральное чувство и история как цельный этап способны помочь в суждениях о правоте или излишней

жестокости этих мер. Но Паулюс уже не слал телеграмм о прибывающих к нему от русских гостей с танками в придачу.

Над городом отныне летали разведывательные самолеты немцев и докладывали о событиях городской жизни (главным образом, о потоке беженцев в Заволжье) на базы люфтваффе в Морозовской и Тацинской. Штурмовики начали бомбить гражданские переправы, это станет фирменным знаком рыцарственных пилотов. Отныне переправа в Сталинграде была постоянно мокрой и красной от крови. С этого времени германская авиация методически превращает красивый белый южный город в серо-черный ад на нашей земле. Авиация немцев висит над городскими кварталами постоянно, а их танки и пехота рвутся к городскому центру.

Еременко бросил свои резервы на северную окраину города, чтобы заблокировать танки Ганса Хюбе. Сердцевиной этих резервов была шеститысячная бригада полковника Семена Горохова, направленная из Заволжья прямо на тракторный завод с задачей строить укрепления. Ближе гороховцев линию укреплений, смотрящих на однорукого «мужчину», построила на речке Мокрая Мечетка морская пехота Тихоокеанского флота. Именно здесь завязались первые в городе бои. Немцам Хюбе удалось захватить речную переправу, рассчитанную на перевозки людей и грузов в Северный Казахстан. Но стоило немецким танкистам повернуть в сторону города, как их встретил шквальный огонь, и без поддержки пехоты они попросту не могли выдержать продолжительный бой. Три следующих дня прошли, так сказать, однообразно: немцы были активны на севере (Хюбе) и на юге (Гот). Еременко отбивался и на первом и на втором направлении, но было ясно, что долго сохранять такое положение он не сможет. Это ощутили в Москве и там начали искать выход.

В немецком наступлении на Сталинград было, по самой упрощенной схеме, два этапа. На первом, когда немцы находились еще на окраинах города, они могли использовать свое превосходство в авиации и танках. Мобильные, быстрые, почти неуязвимые, германские части во многом диктовали свои условия и наносили удары там, где это им подсказывала висящая над городом «рама» (самолет тактической разведки) и их разведотряды, по-спортивному быстро перемещавшиеся на любой местности.

Второй этап наступил, когда люфтваффе сожгли практически все деревянные дома, а пехота плотно вползла в город, практически ликвидировав нейтральную полосу и превратив понятие «фронт» в нечто аморфное, зыбкое и неточное. Произошло это тогда, когда движущийся по

центру 28-й танковый корпус немцев к вечеру 31 августа достиг железнодорожной ветки Сталинград — Морозовская, что давало шанс окружить все, что осталось от 62-й и 64-й армий, встречавших противника на западном направлении. Но Паулюс отказался отдать приказ 14-му танковому корпусу Хюбе замкнуть кольцо с севера. Ему показалось слишком рискованным покидать облюбованный волжский берег на севере. Удастся ли в дальнейшем с такой же легкостью выйти к Волге практически в пределах самого города? Хюбе получил приказ северного маневра не осуществлять и укрепить свой плацдарм. Это-то и спасло отступающие дивизии, которые в конечном счете влились в городскую систему обороны. За ними в город «влились» немцы, круша четкие разграничительные линии. Война постепенно начинает приобретать особый, сталинградский характер.

Этот характер немецкий генерал Доер определил так: «Время для проведения крупномасштабных операций прошло навсегда; с широких равнин степной страны война переместилась на рваные края волжских оврагов и холмов с их траншеями и ходами, в фабричную зону Сталинграда, раскинувшуюся на неровной по своему рельефу территории, покрытой железом, бетонными и каменными строениями. Километр как мера пространства был заменен на метр. В главной штаб-квартире картой боевых действий стала карта города. За каждый дом, цех, водонапорную башню, железнодорожную платформу, стену, подвал, за каждую грудку руин велась упорная борьба, не имеющая аналогий даже в Первой мировой войне с ее огромными тратами на артиллерийскую подготовку. Расстояние между армией противника и нашей стало минимальным. Несмотря на концентрированную активность авиации и артиллерии, не было никакой возможности вырваться из района прямого противостояния. Русские превосходили немцев в мастерстве использования рельефа местности, в искусстве маскировки, они были более опытны в баррикадной войне за каждый отдельный дом».

Благословенным был небольшой, но очень важный поворот Волги между находящимися на севере Рынком и Красной Слободой. Этот поворот слегка прикрывал маленькие суденышки, несущие защитникам города оружие и рацион, одновременно позволяя вывозить раненых. Мать-Волга словно заслонила своих сыновей от цейссовских оптических прицелов. После войны аналитики пришли к заключению, что немцам следовало бросить свою энергию на блокаду города со стороны реки, что обессилило бы сталинградский гарнизон, а не прилагать безумные силы для штурма очередных руин, чтобы завтра оказаться в соседних. Все три страшных городских наступления немцев, обрушивших на защитников море огня,

завершались бессмысленным выходом на еще несколько метров волжского берега, оставляя защитников готовыми к новой битве за соседним поворотом.

Но это мнение кабинетных стратегов, хладнокровно пытающихся воспроизвести события шестидесятилетней давности. В таких размышлениях всегда отсутствует мираж — неперенный атрибут жизни. Скажем, зачем русским сражаться за безнадежное дело? Еще немного — и результат за углом. Германский научный метод не может спастись перед дикими жильцами подвалов. Вермахт примет бой в любом новом Вердене и победит. Русские глупо расходуют свои силы. Приковав столько сил к Сталинграду, русские оголили другие участки. Превосходство в воздухе неизбежно скажется. Глупо бросать дело, когда до Волги осталось сто-двести метров. Прогресс постоянен: русские один за другим теряют Центральный вокзал, Мамаев курган, элеватор, Сталинградский тракторный завод и т. д. Мираж притягивает. Наше счастье в том, что мираж стер грань между важным и неважным, между эмоциональным и рациональным, между стратегией и тактикой. Мираж значимости и достижимости приковал германских стратегов к обильно политой кровью полоске сталинградской земли, зашорил их стратегическое видение и в конечном счете позволил лучшему маршалу Великой Отечественной обойти сталинградский выступ немцев с флангов. Но много еще крови прольется до этого финала. Драма Сталинграда только начиналась.

Сталин требовал почасовых сообщений из города. Ставка делала регулярную оценку складывающейся в Сталинграде ситуации. Более тысячи рабочих сталинградских заводов вступили в ряды ополчения, немедленно отправившись на фронт. (Совсем недалеко. Часто на соседнюю улицу). Городской комитет обороны начал возводить баррикады на улицах города, а особенно на территории крупнейших заводов, превращая их в крепости. Пока бои шли на внешнем кольце обороны, Еременко хотел перевезти через Волгу максимально возможное число солдат и подготовить свои части к уличным боям.

У наших войск была определенная возможность ослабить (если сконцентрировать на этом усилия) давление на юго-западе, где наши войска, сдерживая Гота, сражались отчаянно. Но еще больший шанс был прижать 14-й корпус немцев, который (Хюбе и прочие) попал в настоящий переplet. Оттуда Паулюсу сообщали нечто совсем безрадостное: «Если нынешнее положение сохранится, то уже можно определить день, когда наше сопротивление станет невозможным». Но немцам улыбнулась фортуна. Их грузовой состав пробился сквозь все заслоны и 28 августа

подошел к танкистам генерала Хюбе в самый нужный момент — в течение пяти дней те не могли пробиться на тракторный завод и уже строили планы отхода обратно к Дону. Теперь, получив орудия и минометы, Хюбе обрушил смерч на защитников заводских укреплений и тем отныне приходилось постоянно прятаться в степных оврагах — балках. Теперь 3-я моторизованная дивизия немцев наконец-то сомкнулась с 16-й танковой дивизией, и Еременко ощутил это немедленно.

В центре Еременко мог рассчитывать только на сильно потрепанную в начале августа 62-ю армию, здесь оборонительный потенциал составлял примерно 25 тысяч бойцов. Все хуже складывалась обстановка на юго-западе. Вначале холмы Абганерова сыграли роль маленьких крепостей, войска стояли насмерть, и «папа» Гот ревел от ярости. Но немцы сумели перегруппироваться и, как доносила разведка, что-то задумали. Правильно. Ночью Гот перевел свои танки на позиции пятьюдесятью километрами западнее. Чтобы сбить с толку нашу разведку, он подвел на фронт свежие войска, чтобы происходящее напоминало простую ротацию войск.

28 августа германские войска рассекли линию советской обороны к юго-западу от Сталинграда. Гот обошел холмы Абганерова и двинулся к Сталинграду. Как оценивает ситуацию американский историк У. Крейг, «папа Гот нашел ключ к воротам Сталинграда... Теперь он послал свои танки на север для встречи с танками Паулюса». Штаб группы армий «Б» информировал Паулюса о многообещающей возможности: «В свете того факта, что Четвертая танковая армия сегодня в 10.00 захватила плацдарм в Гавриловке, все отныне зависит от способности Шестой армии сконцентрировать максимально возможные силы и начать наступление в южном направлении». К счастью для защитников города, Паулюс не шелохнулся. Все свои силы он отныне (и надолго) направил на сдерживание атак трех советских армий с севера, направленных на его стратегически важный коридор. Пока штабы обменивались советами, Еременко сумел разместить между Доном и Волгой более двадцати тысяч своих солдат. 72 часа нерешительности Паулюса сделали план «приволжских Канн» уже невероятным.

И еще оставалась старая линия обороны, столь умело обойденная Паулюсом. Полковник Петр Ильин продолжал держаться на юго-восточной окраине Калача. Под его командой осталось всего сто человек, и он не мог уже даже препятствовать переправе немцев через Дон на лодках. Первое направленное именно ему — после нестерпимо долгой паузы — радиообращение он услышал лишь 28 августа. Радист из 62-й армии не верил, что они продолжают сражаться в Калаче — ведь в нем немцы. После

паузы голос на короткой волне спросил, в каком месте Калача стоит Ильин. Полковник понял, что ему не верят и быстро объяснил, где находятся его солдаты. Голос из 62-й армии поздравил его с мужественным сопротивлением. На тридцати восьми грузовиках под носом у немцев Ильин и его бригада в ночной степи ушла в сторону Сталинграда. Ильин последним влез в кузов грузовика. Его — и его людей — доблесть измотала 6-ю армию частично еще тогда, когда она была в пике своей формы. Доживут ли солдаты этой бригады до светлых дней? Едва ли они рассчитывали на это. Но их беззаветная любовь к нашей общей матери была тем кирпичиком, на котором можно было строить Сталинградскую битву. В бригаде Ильина были люди многих национальностей великой страны, но для всех это была наша страна, и в этом была наша главная сила. Что скажут их дети? Окажутся ли они верны священной дружбе отцов, или вместе пролитая кровь уже ничего не значит?

В эти дни, рассматривая возможность потери Советским Союзом военно-морских сил на Черном море, Черчилль предложил своим командующим штабам послать 200 танков в Турцию. «Это, — писал он, — могло бы подтолкнуть турецкое правительство к сопротивлению, если немцы станут полностью контролировать Черное море». Тонус Черчилля поднимали дешифровщики из Блечли. «Энигма» позволила англичанам между 15 и 27 августа 1942 г. потопить танкеры, направлявшиеся к фельдмаршалу Роммелю, и запас топлива его танковых частей уменьшился до боезапаса на 4 суток. После нескольких дней боев Роммель вынужден был отойти на прежние позиции. Дорога на Александрию была по-прежнему закрыта. В начале сентября Черчилль, для того, чтобы улучшить свои отношения и с Советским Союзом, отдал приказ о посылке конвоя PQ-18. 12 сентября 27 кораблей (из 40) этого конвоя пришли в Мурманск.

В конце августа Советский Союз лишился надежного источника информации, доходившего до самого Гитлера, — разведывательной сети «Красная Капелла». Эти люди сообщили о движении германских колонн на Майкоп, рискуя жизнью передали в Москву сведения о расположении материалов для ведения Германией химической войны, сообщили о решимости Гитлера захватить Сталинград. В группу входили выдающиеся немцы — друзья и защитники нашей страны. Их было сорок шесть человек, и нацисты всех их расстреляли. Но не прекратился поток ценнейшей информации — теперь он шел через не приметного люцернского издателя католической литературы Рудольфа Ресслера, о котором в Москве знали как о «Люси». Через Люцерн сведения поставлял генерал из ОКВ Фриц Тиле, от которого в «Вервольфе» и Вольфшанце

практически не было секретов. Благодаря этому немецкому другу наше командование читало ежедневные германские боевые приказы.

Жуков

Но подлинный стратег битвы еще не знал о своем историческом предназначении. Вечером 26 августа генерал Жуков поднял телефонную трубку — звонил Поскребышев из секретариата Сталина. Он назначен заместителем Верховного главнокомандующего — вторым человеком в военной иерархии страны. Вечером 27 августа штабная машина отвезла прибывшего во Внуково Жукова в Кремль. В кругу членов Ставки стоял Сталин, но его приветствие в адрес Жукова не отличалось сентиментальностью. После краткой характеристики сложившегося в районе Сталинграда положения становится ясным смысл вызова Георгия Константиновича Жукова — Сталин отправлял его в Сталинград. Сталин, весь во власти тяжелых чувств, спросил Жукова, сколько ему нужно времени на сборы. Тот ответил, что сутки потребуются для изучения карт и последних сообщений с мест боев.

Сталин удовлетворенно кивнул и спросил генерала, не голоден ли он. Затем пригласил к чаю и кратко обрисовал ситуацию на восемь часов вечера 27 августа. Против созданного Паулюсом коридора Дон — Волга следует бросить три армии — 1-я гвардейская армия (Москаленко), 24-я (Козлов) и 66-я (Малиновский) нанесут удар с севера, вдоль Волги по германским частям, прижимающим наши войска к Волге. Это наступление окажется успешным, «или мы можем потерять Сталинград». Если их попытки взломать «коридор» не увенчаются успехом, следует поискать более рациональное решение.

29 августа Жуков приземлился в Камышине, где его встретил начальник генерального штаба Василевский. Вместе они прибыли в штаб Сталинградского фронта в Малой Ивановке. Доклад Москаленко и Гордова несколько укрепил самочувствие первого заместителя Верховного, единственного нашего полководца, никогда не знавшего поражений. Эти генералы верили в возможность сдержать немцев. И они видели происходящее в ясном свете, не обольщаясь, но и не отчаиваясь. Однако предполагаемое наступление трех армий с севера вдоль Волги виделось из Москвы убедительнее, чем на месте. Ударные части будут готовы (сообщает Жуков в Кремль) только к 6 сентября. Нет горючего, немолодые резервисты нуждаются в отдыхе. Сталин не говорит ни слова против, но следом посылает телеграмму, которая буквально дышит отчаянием: «Положение в Сталинграде ухудшается. Враг находится в трех верстах от

Сталинграда. Немцы могут взять город сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Отправьте командиров подразделений на север и северо-запад от Сталинграда с тем, чтобы без задержки атаковать противника и ослабить давление на сталинградцев. Промедление нетерпимо. Задержка в данный момент равна преступлению. Бросьте все самолеты на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации слишком мало. Докладывайте о принятых мерах».

Мы опускаем просьбы Жукова о дополнительном времени для подготовки удара и свирепое давление Сталина. Главным вкладом Жукова на данном этапе была организация взаимодействия пехоты с буквально возрождающейся (или нарождающейся) авиацией и танковыми войсками. Разумеется, пятеро суток были еще очень малым сроком для подготовки серьезной наступательной операции. Скрепя сердце Жуков приказывает начать наступление — следуя договоренности со Сталиным, Жуков в течение недели пытался пробиться к Сталинграду силами трех армий с севера. 5 сентября 1-я гвардейская армия под личным наблюдением Жукова нанесла новый удар и была жесточайшим образом отброшена назад. К 10 сентября даже самым отчаянным стало ясно, что это практически невыполнимая задача. Наверное, Жукову стоило немалых усилий послать Сталину телеграмму следующего содержания: «Мы не в состоянии пробиться через коридор и связаться с войсками Юго-Восточного фронта в самом городе... Дальнейшие атаки бессмысленны и принесут лишь тяжелые потери. Мы нуждаемся в подкреплениях и во времени для перегруппировки для более концентрированного фронтального наступления. Армейские атаки сейчас не в состоянии поколебать противника».

Наиболее обескураживающим и настораживающим был доклад авиационной разведки о том, что в районе Гумрака, Орловки и Большой Россошки немцы собирают ударную группировку. Ставка бросила в бой все резервы авиации. Бомбардировщики дальней авиации бомбили немецкие тылы. Жуков дал авиации «неограниченное право для маневра». Сталинград к этому времени был поделен на три части — Северный, Центральный и Южный сектора. В Центральном секторе у советских войск было 40 тысяч человек и 100 танков.

Сталин предложил Жукову прибыть в Москву и лично доложить о состоянии дел. Жуков вез с собой составленный на месте отчет: «Мы не сумели связаться с защитниками Сталинграда, потому что мы слабее противника в артиллерии и в военно-воздушных силах... Включение войск в боевые действия по частям и без поддержки ведет к тому, что мы не

пробьемся через оборону противника и не свяжемся с защитниками Сталинграда, хотя наши быстрые удары и заставляют противника отвлекать свои главные силы от Сталинграда. Мы предлагаем начать новое наступление 17 сентября. Характер операции и время ее проведения будут зависеть от прихода свежих дивизий, доведения танковых частей до полного состава, укрепления артиллерии и доставки боеприпасов... Мы считаем необходимым даже в этих сложных условиях продолжать наши наступательные операции, перемолоть силы врага, несущего не меньшие потери, чем мы».

Мы видим, что посланные для ослабления давления на Сталинград три армии потребовали отвлечения части германских сил, бодро бросившихся на Северный Кавказ. К Паулюсу присоединились армии сателлитов — итальянцев, венгров и румын. Их общее давление на Сталинград начало нарастать. После необычно тихой ночи, утром 13 сентября немецкие штурмовики в совокупности с артиллерией обрушились на центральный и южный сектора обороны города. Генерал Вейхс по-солдатски приказал «очистить весь правый берег Волги». В восемь утра ударные части германских войск пошли на штурм центрального участка. По ярости атакующих это была невиданная еще атака.

Обороняющиеся держались за высокий правый берег Волги на протяжении сорока пяти километров вдоль течения реки — от Сухой Мечетки на севере до Красноармейска на юге. Нигде глубина обороняемой территории не превышала 3000 метров. Все деревянное сгорело от авиабомб. Большинство каменных и бетонных домов представляли собой руины. В северной части города выделялись своего рода три бастиона — тракторный завод, завод «Баррикады» и завод «Красный Октябрь». На юге прочно стояло здание электростанции. После германской атаки 9 сентября в ряды защитников влились 7 тысяч рабочих сталинградских заводов. Все мужское население города стало непосредственным резервом обороняющихся частей. А 62-я и 64-я армии стояли с великим мужеством, определенно зная, что выживание — не для них, что их жизнь оборвется здесь — они не знали только когда. В пучине горькой отрешенности эти две армии стояли как наша единственная надежда, как последний оплот тонущей страны.

Оставалось внутреннее кольцо обороны. Конечно, уже не было света, воды, связи, тепла. Оставались камни домов, и умирать надо было за эти камни. Детей и женщин вели гуськом к Волге, где они в оврагах и траншеях ожидали лодок и небольших пароходов, чтобы переправиться на левый, пустынный и плоский берег. Не военной доблестью было для немецких

летчиков топить эти утлые суденышки, видя с безопасного верха гибель беззащитных людей. Матери теперь ждали ночи, чтобы под ее покровом переправиться туда, где могли еще выжить их дети.

Большие цели на воде были почти обречены. Пароход «Бородино» пошел на волжское дно с несколькими сотнями раненых. Вслед за ним туда же отправился и «Иосиф Сталин». С высокого берега Волги крики прощания слышали солдаты, зубами вцепившиеся в родную землю. Место, где в седой древности многие столетия назад степные люди хоронили своих вождей, — высота 102, ставшая более известной под именем «Мамаева кургана», стало важнейшей на планете точкой. Не будет преувеличением сказать, что судьба всей антигитлеровской коалиции, судьба Америки и Англии, судьба не знавших тысячелетие поражений наций зависела от того, кто будет владеть шапкой Мамаева, самым высоким местом округи, откуда удобнее всего было корректировать огонь по городу и окрестностям.

Василий Иванович Чуйков

Основную часть города защищала 62-я армия. Она стояла от тракторного завода на севере до элеватора на юге. Десятитысячная (по штатному расписанию) дивизия у командарма Лопатина насчитывала лишь 1500 человек. Некогда превосходная 35-я гвардейская дивизия ныне насчитывала в своем составе 250 солдат. В танковой бригаде был один танк. Из 666 человек личного состава танковой бригады лишь 200 человек имели минимальную военную выучку. И все же они стояли.

Здесь проходила линия «Г». Безмерно утомленный и бездонно преданный делу полковник Лопатин, талантливый военачальник, устанавливал свой командный пункт, когда в телефонном разговоре он посчитал необходимым поделиться своими сомнениями с командармом Еременко. Его участь была решена самым прискорбным образом, его личные опасения послужили причиной отставки. Сталин не умел прощать неудачливых, по его мнению, командиров. Кто выстоит? Еременко представил генерала Василия Чуйкова как надежного и твердого командира. В двадцать пять лет тот окончил Военную академию РККА имени Фрунзе. Он прибыл на советско-германский фронт из китайского Чунцина, где служил военным советником. Расчет был на то, что тлен и скорбь войны меньше затронули этого офицера, его нервы и выдержка требовались в этот решающий час более всего. Он был решительным, упорным, уверенным в себе командиром и презирал трусов. Широкоплечий и невысокий, он был безразличен к одежде и из-за его солдатской гимнастерки его периодически принимали за солдата.

В город вместе с Чуйковым были назначены для вхождения в 62-ю армию резервные части, расквартированные прежде вокруг Тулы, — четыре стрелковые дивизии, две моторизованные и две бронетанковые бригады. Пересаживаясь на семи станциях, они прибыли в Сталинград после последнего этапа — форсированного марша в двести километров. Вопрос — может быть, главный вопрос — заключался в том, поверят ли воины в свою способность устоять там, где с мая безостановочно бьют их товарищей, а те лишь соревнуются в скорости отступления? Заставить бойцов поверить в смысл жертвы было не менее важно, чем правильно расставить артиллерию.

Не убеждал людей и командующий фронтом генерал Гордов: «Его волосы седели, и у него были усталые серые глаза, которые, казалось,

ничего не видели и чей холодный вид, казалось, говорил: „Не рассказывайте мне о сложившемся положении, я знаю все и ничего не могу поделать, если уж так повернулась судьба“.

Простое, что называется рубленое лицо Чуйкова, его простота, его лихость, его ярость, его безыскусное и верное чувство долга были находкой. Человек с лабильной психикой просто сошел бы с ума в этой жесточайшей битве мировой истории. Природа и судьба сделали так, что блестящий Паулюс со своим патефоном и набором пластинок с классической музыкой не вынес напора страшных событий и на определенном этапе в известном смысле „спрятался“ за приказы, лояльность, чувство долга, веру в чье-то высшее разумение. И в конечном счете вышел, подняв руки, из подвала Центрального сталинградского универмага. А другой, не избалованный ни судьбой, ни доверием вождя, ни бликами невероятной воинской славы, ни простым комфортом, ни чувством защищенности скромно живущей в Куйбышеве семьи, выжил в этом аду, чтобы увидеть погибель врага, бросившегося на Россию, дойти до Берлина, чтобы сделать самое свое имя символом живучести и не бросающейся в глаза, но готовой на любую погибель верности своему миру, беззаветной верности матери Родине.

Чуйков прибыл в Сталинград 11 сентября 1942 года. Все, что он видел на переправе, переполнило его гневом. Раненые лежали в ожидании переправы часами, порядок отсутствовал в деле, от которого зависела судьба города. Еременко приветствовал его тепло и предложил вместе позавтракать. Чуйков отказался, и оба они сели за крупномасштабные карты. „Василий Иванович, я пригласил вас, чтобы предложить новое назначение, место командующего шестьдесят второй армией. Что вы об этом думаете?“ — „Назначение очень ответственное, — ответил Чуйков. — Я не подведу вас“.

На командный пункт 62-й армии на Мамаевом кургане Чуйков прибыл непосредственно перед решающим выступлением немцев. Накануне 62-я армия подверглась неслыханному расстрелу с воздуха. В дивизиях, чей нормальный состав был 10 тысяч, осталось по сто бойцов. В танковых бригадах было чуть больше десятка танков, а в целом танковом корпусе генерал-майора Попова было меньше пятидесяти машин, и большинство из них стреляло только в неподвижной позиции. Первостепенной задачей было укрепление оборонительных позиций, защита флангов, закладка мин. Лишь одна тема отныне и навсегда не обсуждалась в бункере Чуйкова — как покинуть свои боевые позиции.

Главная задача перед Чуйковым — сделать так, чтобы рядовой его

армии понял свою задачу, увидел командира принимающим его пулю, а не прячущимся за штабные двери. Тактика была в 1942 году уже создана задолго до Чуйкова: сражайся пока можешь, если давление угрожает смертельно — уйди, отдай врагу часть нашей необъятной территории, но с первыми же лучами следующего дня начни новый бой, действуй так бесконечно долго, доведи врага до истощения, пусть он временно владеет твоей землей. Пока ты жив сам, враг не будет ею владеть долго. Истоци его. Пусть его сотая победа в битве за десяток метров территории окончится в его пользу. Но в сто первый раз ты одолеешь его, даже если на его стороне мысль, техника, расчет, навык, высокое умение. Ты окажешься сильнее его тем, что не усомнишься, не изменишь, не станешь прятать шкуру. Ведь гибли и до нас, ведь на нашей великой и незащищенной равнине, на наших просторах от Бреста до Владивостока было всякое, но не иссякало наше упорство, наша вера, наша сыновья любовь.

Если бы иссякло это чувство, то не помогли бы ни Сталин, ни идеология, ни милый мороз. Но мы рождены в этой вере и необъяснимой и чаще всего невысказанной любви к стране, где столько народов, но где человеческая симпатия ценится более всего в жизни, где жизнь тяжела, но где наш дом, наши могилы, наше небо. И мы тоже умрем не осквернив память предков, не обманем ожидания всей страны, вдруг затихшей при слове „Сталинград“. Множество западных исследователей указывают на заградотряды, штрафбаты, идеологическую муштру. Справедливо указывают. Но никакая индоктринация не объясняет сверхчеловеческой стойкости защитников священного для нас города. Чужой — пусть даже самый благожелательный — взгляд не видит простого, как вода, как дыхание, необъяснимого в конечном счете чувства, которое в простом приволжском городе восстало против мастерства лучших профессиональных воинов, до того завоевавших почти всю Европу.

Чуйков, Лопатин, Ильин, Петраков, Родимцев, Вдовиченко, Драган, Батюк, Людников, Горохов, Жолудев, Павлов, Зайцев, Саша Филиппов, Баданов. Стоявшие „за други своя“, за нас, живущих. Не все выжили, не всех посетила слава. Но все стояли за нас, за отечество, за великую страну. Нехорошо нам забыть их имена.

И еще. Приведем мнение английского историка А. Кларка. „Фактом является, что, в то время как русские показали великое искусство и гибкость в приспособлении своей тактики к условиям развернувшегося сражения, Паулюс допустил ошибки с самого начала. Немцы были в ступоре перед ситуацией, не имевшей места в их прежнем военном опыте, и они отреагировали характерным образом — прилагая грубую силу во все

более и более крупных дозах“. Еще больше снарядов и бомб. Но тут методический германский ум противопоставил стойкости защитников только то, чего они уже давно решили про себя не бояться. Два мира жили в разной системе морально-физических координат. Защитников можно было убить, их нельзя было заставить устрашиться того, что уже не парализовывало их страхом.

В определенном недоумении, немцы все же пытаются рационализировать происходящее. И к чему же они приходят? Их главный вывод безнадежен (и в этом смысле неконструктивен): враг иррационален. День за днем немцы повторяют этот вывод, никуда кроме лютого страха не ведущий. Вот каталог оценок противника немецким солдатом за весь период осады. 1 сентября: „Неужели русские действительно собираются воевать на самом берегу Волги? Это сумасшествие“. 8 сентября: „Нездоровое упрямство“. 11 сентября: „Фанатики“. 13 сентября: „Дикие звери“. 16 сентября: „Варварство..., это не люди, а дьяволы“. 26 сентября: „Варвары, они используют бандитские методы“. 27 октября: „Русские — не люди, это какой-то тип созданий из железа; они никогда не устают и не боятся огня“. 28 октября: „Каждый солдат смотрит на себя как на уже приговоренного человека“. Да, каждый приговорил себя, если надо, умереть. Есть ценности важнее жизни.

Винница и Москва

Гитлер, меряя шагами свой кабинет в Виннице, не мог понять, что пошло не так, как было замыслено в „Синем“ плане и продолжено в „Брауншвейге“. Взяв ключевой пункт — Ростов, германские войска имели все возможности реализовать самые смелые планы на русском юге. И внешняя сторона дела казалась удовлетворительной. Фельдмаршал Лист срывал цветы в предгорьях Кавказа. 1-я танковая и 17-я армии миновали пустыню, прошли поля с двухметровой кукурузой и, начиная с 9-го августа, вели бои на фоне величественных гор. Нефть Майкопа уже в германских руках (если не считать того, что месторождение выжжено русскими едва не дотла). Паулюс вышел на волжский откос.

Но русские бесконечно и упорно растягивали коммуникации германских войск. Наносили ответные удары при малейшей возможности и вообще не казались побежденным народом. Вот что самое главное: в отличие от сорок первого года, германские войска не создавали новых котлов и не захватывали пленных в прежних объемах. Фельдмаршал Кейтель объясняет невроз в „Вервольфе“ и истерики Гитлера именно этим. Он пишет о „невысказанном осознании того факта, что огромный расход сил, который уже больше не повторить, ни в коей мере не отвечал сравнительно незначительному до сих пор расходу сил русскими. Гальдер почти ежедневно ожидал Гитлера с цифрами в руках, показывая, какие еще соединения имеются у противника в качестве оперативных резервов, сколько у него танков, как увеличивается число этих танков — приводил данные о мощностях военной промышленности Урала“. Складывалась впечатление (а далее и убежденность), что при столь растянутых коммуникациях порыв немецких колонн на определенном этапе ослабнет. Снова фельдмаршал Кейтель: „Противник своевременно избегал грозящих охватов и в своей стратегической обороне использовал большой территориальный простор, уклоняясь от действия задуманных нами ударов на уничтожение“.

Гитлера уже невыносимо нервировал начальник штаба сухопутных сил генерал Гальдер с его бесконечными предостережениями об обнаженных флангах и безнадежно растянутых коммуникациях. Так воевать ни в Сталинграде, ни на Кавказе, по мнению этого ортодокса, нельзя. Большое значение имел эпизод с командующим группой армий „Центр“ фельдмаршалом фон Клюге, который прибыл в Винницу, чтобы просить

своего главнокомандующего отменить приказ штурмом взять расположенные в 250 километрах от Москвы Сухиничи, намечаемые как плацдарм будущего наступления на Москву. (Группа армий „Центр“ терпела большие потери, и Клюге просил перевести две дивизии, нацеленные на Сухиничи, в район Ржева, где Красная Армия явно готовила свой удар). Беседа чрезвычайно накалилась, и все видели, как Клюге, как на плацу меряя шаг, вышел из конференц-зала со словами: „Вы, мой фюрер, отныне принимаете ответственность за все это“.

Даже восславляемый всеми эффективный фельдмаршал Манштейн прибыл под Ленинград не для взятия северной русской столицы, а для того, чтобы со своей 11-й армией отбить советское наступление южнее Ладоги. Но наиболее громким был разрыв с Гальдером, начальником штаба сухопутных войск. 24 августа, видя резкое ухудшение положения немецких войск под Ржевом, Гальдер попросил Гитлера об отходе расположенной здесь 9-й армии на более выгодные оборонительные позиции. В присутствии всех участников послеполуденного совещания Гитлер в бешенстве обратился к Гальдеру: „Вы всегда приходите с одним и тем же предложением об отходе. Я требую от руководства такой же стойкости, которую проявляют солдаты на фронте“. Глубоко оскорбленный Гальдер (прозвучал очевидный намек на отсутствие у него непосредственного окопного опыта) не сдержался: „У меня есть твердость, мой фюрер. Но в данном случае brave солдаты и лейтенанты гибнут тысячами бессмысленной жертвой в безнадежной ситуации только потому, что их командирам не позволено принять единственное рациональное решение, только потому, что их руки связаны за спинами“. Гитлер потерял самообладание. „Что можете вы, герр Гальдер, просидевший на стуле Первую мировую войну, говорить мне о войсках? Вы, у которого нет даже черного знака о ранении?“ Это было уже слишком, и присутствующим стало ясно, что дни Гальдера в руководстве ОКХ сочтены.

Гитлер стоял на грани депрессии. Сложности в осуществлении „Синего“ плана (и его продолжения — „Операции Брауншвейг“), замедление продвижения германских колонн на Кавказе и трудности Паулюса в Сталинграде безмерно его раздражали. Гитлер не мог, не рискуя обвалом всего Восточного фронта, перевести все свои ударные силы на юг. Буквально в дурмане Гитлер вызвал командующего группой армий „А“ фон Листа в Винницу для дачи объяснений, почему в кавказских предгорьях забуксовала столь хорошо смазанная германская военная машина? Как объясняет сложности вермахта на Кавказе сам Лист? Он говорит о разочаровании его войск результатами сверхчеловеческих усилий. „На

ранней стадии я не встречал организованного сопротивления. Но по мере того, как русские силы остались позади, большинство в войсках стало думать преимущественно не о продолжении борьбы, а о дороге домой. Ситуация была очень отличной от того, что мы имели в 1941 году. Входя в кавказские предгорья, мы встретили силы, которые сражались более упорно, потому что они защищали собственные дома. Их упорное сопротивление становилось все более эффективным, потому что рельеф местности усложнился“.

Как уже говорилось выше, сложности продвижения в горах побудили ОКВ направить правое крыло войск Листа к черноморскому побережью, на Туапсе. Идея была простая: походом на Батуми запереть Черноморский флот СССР, обеспечить безопасность немецкого Крыма и побудить Турцию отказаться от своего глупого нейтралитета. Но идеи всегда выглядят на бумаге привлекательнее, чем неизменные „овраги“ жизни. У Листа на черноморском берегу блицкриг не задался тоже, и в сентябре Гитлер посылает к нему генерал-полковника Йодля (ОКВ) с целью разобраться в сложностях Листа. „Фюрер испытывает нетерпение“.

По возвращении в начале сентября Йодль, видимо, переоценил благожелательность к себе фюрера. Он начал поток объяснений непростительным оборотом: „Лист действовал в точном соответствии с приказами Фюрера, но русское сопротивление было равно упорным повсюду, и при этом следует учитывать сложность местности“. Йодль предложил законсервировать ситуацию на время отдыха и подкреплений. Результат опытный царедворец мог бы предсказать. Йодль понял свою ошибку поздно. Гнев, копившийся в отношении Гальдера, выплеснулся на верного Йодля. Гитлер вскипел, кровь бросилась ему в голову, и он заявил, что Лист самовольничает, его приказы искажены. И немедленно покинул конференц-зал. В Винницу была вызвана группа стенографистов, чтобы в дальнейшем фиксировать обсуждения и исключить двусмысленное трактование принятых решений.

Ярость же Гитлера теперь не мог остановить никто. Нарушение субординации, своеволие и генеральское чванство теперь он видел во всем. Он отменил процедуру традиционного пожатия рук высшим военным после долгих обсуждений в штабной комнате. Теперь ему докладывали о положении на фронтах в его собственном помещении в „Вервольфе“. Своим адъютантам Шмундту и Энгелю он говорит, что с удовольствием снял бы военную форму и растоптал бы ее. Энгель пишет об этом времени: „Он не верит ни одному из своих генералов, он готов произвести любого майора в генералы и сделать его начальником штаба армии, если бы только

он знал такого майора. Ничто теперь не устраивало его, и он проклинал себя за то, что начал войну с такими жалкими генералами“. Теперь он „не будет отступать ни на каком направлении“. Через день после стычки с Йодлем Гитлер снял фельдмаршала Листа с поста командующего группой армий „А“ и взял на себя командование этой группой армий. Теперь он сам вел дневник боевых действий группы армий „А“. Сложилась парадоксальная ситуация — Гитлер был отныне командующим вооруженными силами, командующим одним из родов войск вооруженных сил и командующим одной из групп этого рода войск.

Недовольство Гитлера своими военными советниками проявилось в том, что Гитлер прекратил всяческие застолья (прежде дважды в день) с ними. Гитлер никогда уже — до самого конца войны — не обедал со своими генералами. Только овчарка Блонди разделяла его отныне одинокие трапезы. А смысл нервного срыва Гитлера был в том, что ни одна из целей, поставленных на 1942 год, несмотря на все внешние успехи, не осуществлялась в задуманной им степени.

Главная его надежда была в том, что „русские находятся на пределе своих возможностей“, что сопротивление в Сталинграде — „явление локального характера“. Ведь, несмотря на все сложности, в целом немцы продвигались вперед. С выходом через Купоросное к Волге они отъединили 62-ю армию от 64-й. Отныне доблестная 62-я армия взвалила на себя главное бремя этой великой эпопеи, бремя величайшей в истории битвы в городских кварталах и в цехах заводов.

Хрущеву — члену военного совета фронта — пришлось долго убеждать Сталина разрешить штабу фронта пересечь Волгу и обосноваться на левом берегу. Сталин противился: „Если войска узнают, что их командир покинул свой штаб и выехал из Сталинграда, город падет“. И лишь под давлением обстоятельств он пошел на попятную: „Хорошо. Если только вы уверены, что фронт удержится и наша оборона не рухнет“. Не желая подвергать руководство фронтом ежедневной опасности, генерал Еременко 9 сентября бесшумно пересек Волгу и обосновался на левом берегу в Ямах. Командующему соседним фронтом Голикову Хрущев сказал, что Сталинград, видимо, обречен.

Немцы свято верили в свое интеллектуальное превосходство — в данном случае и прежде всего — в области создания нового вида оружия. Но и в этой сфере 42-й год давал смешанные результаты. Немецкие фирмы так и не смогли создать в Германии аналога советского танка Т-34. Весь год шли опыты с тяжелым танком „Тигр“ и самоходной пушкой „Пантера“. Гитлеру не терпелось увидеть мощный танк „Тигр“ в деле. Напрасно ему

напоминали об ошибках Первой мировой войны, когда использование отдельных единиц танков — а не крупных соединений — не дало значимых результатов. Шесть „Тигров“ пошли в атаку в болотистой местности на центральном участке советско-германского фронта. Проектировщики и генералы затаили дыхание. Но русские спокойно пропустили танки над собой, а потом, пользуясь слабостью тыльной брони и отсутствием в болотистой местности возможности маневра, расстреляли новую диковинную птицу. Гитлеру об этом предпочитали не напоминать. Не дал особых успехов этот год и германской авиации. Долго ожидавшийся бомбардировщик „Хейнкель-177“ оказался неудачной моделью — его подводил выходящий из строя мотор. Разъяренный налетами британской авиации Гитлер приказал строить больше истребителей, из-за чего производство эффективного штурмовика „Юнкерс-88“ — своего рода символа блицкрига — сократилось.

Между тем на сталинградском направлении два главных генерала Гитлера — Паулюс и Гот — наконец-то сомкнули ряды и Гот направил свой танковый удар между 62-й и 64-й армиями, обороняющими город. 62-я, как уже говорилось, осталась в одиночестве, но и немцы испытали сложности. Танки Гота застряли в находящихся рядом со Сталинградом небольших индустриальных предместьях — Купоросном и Красноармейске. Гот не мог не сделать обескураживающих выводов: ушли в прошлое многокилометровые броски по пустынным степям, каждый метр отныне давался ценой немалой крови. Хуже всего было в городских кварталах, где „коктейль Молотова“ ожидался из каждого окна, где германское искусство маневра нивелировалось русским упорством и выдумкой. Новой проблемой стали советские снайперы. Их не было в стремительных танковых прорывах, но они множились в узких пространствах между коробками городских зданий. Их огонь уносил целые взводы солдат. Близость противника поощряла сибирских охотников и уральских пушных заготовителей. Советские „охотники за головами“ научились различать погоны офицеров. Немецкий солдат пишет в дневнике: „Теперь мы часто воюем без командиров рот и даже без командиров взводов... и мы даже можем теперь сказать, кто будет следующей жертвой“.

В тот же день, когда генерал Чуйков был назначен командующим 62-й армией — 12 сентября 1942 года — Фридрих Паулюс пролетел 800 километров из-под Сталинграда в Винницу. В „Вервольф“ прибыли также Гальдер и командующий группой армий „Б“ фельдмаршал Вейхс. Они провели с Гитлером несколько часов, обсуждая ситуацию на Волге. Единодушия в освещении этой встречи нет, практически каждый из ее

участников дает свою версию. Паулюса (как он утверждает) беспокоил неприкрытый левый фланг, протянувшийся от низовий Дона до Воронежа. Он просил у своего главнокомандующего подкреплений. Гитлер был максимально сердечен с командующим 6-й армией и обещал немедленно выполнять его запросы. Его видение ситуации базировалось на неколебимом убеждении, что у русских ресурсы подходят к концу. (И теперь уже мало кто мог осмелиться попытаться его разуверить.) На защиту левого фланга Паулюса будут призваны союзные армии. Со своей стороны Гитлер спросил, когда будет взят Сталинград? Паулюс обещал, что через несколько дней, точнее — десять дней боев и две недели на перегруппировку.

Вечером Паулюс ужинал с генералом Гальдером. Оба ценили хорошее вино и находились в дружбе. Паулюс рассказывал о деталях летней степной кампании. Жаловался на слабость союзных войск, указывал на слабость флангов. Франц Гальдер также пообещал не оставлять вниманием, и коллеги расстались удовлетворенные друг другом. Гальдер (после спора с Гитлером, о котором ниже) возвращался в Германию, а Паулюс вернулся в нее лишь в 1950-е годы.

А в Москве Жуков обсуждал сложившуюся обстановку при личном свидании со Сталиным в тот же день, 12 сентября 1942 года. Жуков предварительно встретился с начальником Генштаба Василевским. Втроем они обсудили степень вероятия новых подкреплений у немцев. Эти подкрепления шли через единственную железнодорожную ветку, через Котельниково. Отчаянные бои шли в Новороссийске, собиралась гроза над Грозным. Но Сталин обратился к Жукову с вопросом о Сталинграде. Жуков говорил о пересеченной местности, препятствующей трем армиям пробиться в город с севера, но особенно указал на огромное превосходство в воздухе, делающее немцев хозяевами положения. Прорыва с севера едва ли следует ждать. Как же все же можно было бы осуществить прорыв, спросил Сталин. Жуков потребовал 400 гаубиц, танковый корпус и усиленную пехотную армию.

Сталин достал свою собственную карту с обозначением резервов и долго ее изучал. Отойдя от стола, Жуков и Василевский тихо говорили между собой в углу комнаты. Внезапно Сталин поднял голову и спросил: „А нет ли здесь другого решения?“ Генералов поразил тонкий слух Сталина явно слышавшего их разговор. „Идите в Генеральный штаб и подумайте основательно, что должно быть сделано в районе Сталинграда. Подумайте о том, какие нужны войска и откуда их можно взять для укрепления сталинградской группировки, но не забывайте и про кавказский фронт. Мы

встретимся здесь в 9 часов вечера завтра“.

Бывший и нынешний начальники Генерального штаба провели 13 сентября за изучением того, что трое ответственных за судьбу страны назвали „иным“ решением. Очевидным образом речь шла об операции крупного масштаба. Накал борьбы был таков, что было ясно: речь идет не о заурядном явлении, а об операции, которая повлияет на весь ход войны. Базовые основания были таковы: Шестая армия Паулюса и Четвертая германская танковая армии как магнитом льнут к Сталинграду, это отрывает их от устоявшихся за год линий снабжения и связи. Более того. Сосредоточение 6-й армии на Сталинграде сделало защиту ею огромного 650-километрового фронта (от Воронежа, вдоль Дона и до самого узкого места сближения Дона с Волгой — сталинградского „перешейка“ — и далее через калмыцкие степи до Терека) делом, чрезвычайно трудным. Здесь у немцев образовалось слабое место. При этом следовало учитывать, что советские войска сохранили плацдармы на Дону у Серафимовича, в 150 км западнее Сталинграда, и в районе Клетской. Разведка установила, что фланги германских войск прикрывают слабые союзники Германии (венгры к югу от Воронежа, итальянцы при повороте Дона на юг у Новой Калитвы, румыны при последнем повороте реки в южном направлении). Здесь дивизии противника занимали оборону на фронте до 65 километров.

В 10 вечера следующего дня Жуков и Василевский стояли с испещренной стрелами картой в кабинете Сталина. Вечерняя беседа со Сталиным вечером 13 сентября началась необычным жестом Сталина — он пожал руки обоим генералам. При этом начало его беседы было далеким от душевного тепла. „Десятки и сотни тысяч советских мужчин и женщин гибнут в борьбе против фашизма, а Черчилль в ответ шлет лишь несколько десятков „Харрикейнов“. А эти „Харрикейны“ просто груды металла, наши летчики их не любят...“ Это была своего рода преамбула, Сталин быстро изменил тон и перевел разговор на соображения пришедших генералов. Кто будет докладывать? Василевский ответил, что, поскольку они с Жуковым придерживаются единых взглядов, это несущественно. Сталин посмотрел на принесенную карту. „Это ваша?“ Василевский сказал, что это план контрнаступления в районе Сталинграда. Что за концентрация войск у Серафимовича? „Новый фронт“. „Его нужно создать, чтобы нанести мощный удар по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда“. Именно он ринется в тыл германской группировке, завязанной на Сталинград. Но у нас нет достаточных сил, — прокомментировал Сталин. Жуков вмешался со словами, что такие силы можно собрать. Необходимы сорок пять дней. Сталин: „Не лучше ли

ограничиться более простой операцией — вдоль Дона с юга и севера?“ Жуков не согласился — тогда немцы просто отведут назад свою танковую армию из-под Сталинграда. „В этом случае немцы могут быстро повернуть из-под Сталинграда свои бронетанковые дивизии и парировать наши удары. Удар же наших войск западнее Дона не даст возможности противнику из-за речной преграды быстро сманеврировать и своими резервами выйти навстречу нашим группировкам“. А будучи далеко за Доном, наступающие колонны свяжут инициативу немцев.

Чтобы заблокировать убийственную сталинскую иронию, скрывающую его сомнения, Жуков и Василевский предложили проведение единой операции, состоящей из двух этапов. На первом будет окружена сталинградская группировка противника; на второй, после закрепления кольца окружения, наши войска отразят попытки прорвать кольцо извне. В архиве Генерального штаба хранится эта карта, свидетельница одного из самых славных замыслов войны, приблизивших наше национальное выживание.

Они попали в десятку, они ощутили суть. Всего лишь несколько часов назад Паулюс объяснял Гитлеру в Виннице слабости позиций шестой армии — растянутые коммуникации, опасно обнаженные фланги. И Гитлер уловил идею. Он возвратил внимание присутствующих к 1920 году, когда Красная Армия осуществила „стандартную операцию“ — начала внезапное наступление вдоль Дона до Ростова, разрезав фронт белых на части. Гитлер высказал надежду, что Сталин далек от исторических параллелей.

В чем два аналитических центра в эти дни, в середине жаркого сентября 1942 года не сходились полностью, так это в оценке потенциала групп „А“ и „Б“. Гитлер и стоящие рядом с ним Кейтель и Йодль верили в достижимость обеих поставленных перед ними задач — взятия Сталинграда и успешного штурма Кавказа. Сталин и обсуждающие вместе с ним стратегическую обстановку Жуков и Василевский постепенно приходят к выводу, что вермахт не решит ни одну из этих главных задач. Видя собственные страшные потери, два будущих маршала проникались уверенностью в том, что германская военная машина тоже понесла невосполнимые потери и германский стратегический план на 1942 год нереален. Они не видели, откуда немцы собираются черпать резервы, как восстанавливать боевую мощь своего боевого авангарда, встретившего отчаянное сопротивление в сталинградской степи, в долинах Ставрополья, в Цемесской бухте, на побережье Черного моря, в отрогах Большого Кавказского хребта.

К менее радужным реалиям стратегов вернул голос Поскребышева.

Еременко прорывается по телефону из Сталинграда: немецкие танки активизировались в городе, их следующую атаку следует ожидать 14 сентября. Сталин приказал Василевскому перевезти 13-ю гвардейскую дивизию генерала Родимцева через Волгу на передний край сталинградской обороны. Жуков отдал распоряжение поднять в воздух всю наличную авиацию, а Гордову атаковать на рассвете, с целью отвлечения части германских сил с севера.

Эта беседа важна указанием на слабость хищника, рванувшегося к Сталинграду, пренебрегая своими флангами. Именно здесь следовало нанести удар, которого перенапрягшийся враг не выдержит. Немедленно в воображении вставляли румынские части, которые погнались на восток менее убежденными и многократно менее обученными. Именно им Паулюс поручил охрану своего левого, обращенного к русскому северу фланга. Но ударить по войскам слабого сателлита немцев Красная Армия сможет только поздней осенью, до той поры не собрать критической массы войск. Было решено, что „тайна троих“ не покинет сталинского кабинета, что Жуков немедленно вылетает в Серафимович и в станицу Клетскую, а Василевский через день отправится изучать обстановку на Юго-Восточном фронте. Через час Жуков был уже в воздухе.

Третий штурм

Накануне самой яростной атаки немцев на плацдарм Чуйкова в центре города войска участвующих в битве Сталинградского и Юго-Восточного фронтов насчитывали в своем составе 65 пехотных и 4 кавалерийские дивизии, 34 танковых и 6 моторизованных бригад, четыре укрепрайона и пять военных училищ. Собственно город и пригороды защищали 62-я, 64-я, 57-я и 51-я армии. Две первые армии, занимавшие позиции в центре и на южной окраине города, включали в себя 16 пехотных дивизий, две танковые бригады и один укрепленный район — 90 тысяч солдат, 2 тысячи орудий и минометов, 120 танков. Сталинградский район протянулся вдоль Волги на 65 километров, от Рынка на севере, до Малых Чапурников на юге. Район максимального напряжения — от Рынка до Центрального железнодорожного вокзала защищала 62-я армия генерала Чуйкова — тридцатикилометровый участок, защищаемый на 13 сентября 54 тысячами солдат с 900 пушками и минометами и 110 танками. В дивизиях осталось по 2000–3000 солдат, а три дивизии (87-я, 98-я, 196-я) имели наличный состав менее 800 человек.

После возвращения из Винницы Паулюс постарался достичь максимальной концентрации войск на сравнительно небольшом участке городского фронта. Против трех советских стрелковых дивизий, малых остатков еще четырех частей и двух танковых бригад он выдвинул одиннадцать своих дивизий, три из которых были танковыми. Перед армией Чуйкова стояли вдвое превосходящие его по численности силы немцев, вдвое превосходящие по артиллерийской мощи, в пять раз по танкам. Учтем, что со взятием Готом Красноармейска 62-я армия оказалась разъединенной с 64-й армией. Она стала своего рода очень узким островом двадцатикилометровой длины, расположенным вдоль полотна железной дороги Сталинград-Ростов, расположенного вдоль волжского берега.

В ночь перед предполагаемым немецким натиском Чуйков пересек Волгу из Бекетовки и встретился с командующим фронтом Еременко и членом военного совета фронта Хрущевым. Возвращался он к рассветной заре, хотя светло было всю ночь — Паулюс, готовясь к решающему наступлению, бомбил город. Небо было светлобурого цвета от поднявшейся к небесам кирпичной пыли. Один из немецких участников боев пишет домой, в Германию: „Трудно поверить, что после такого авиационного налета здесь живой осталась хотя бы мышь“. О чем думал

командарм? „Каждый, у кого нет военного опыта, подумал бы, что в горящем городе нет никого, все уничтожено и выжжено... Но я знал, что на этой стороне реки ведется битва, идет титаническая борьба“.

13 сентября в половине седьмого утра две ударные группировки немцев обрушились на позиции 62-й армии Чуйкова. На левом — со стороны немцев — фланге 295-я германская пехотная дивизия атаковала Мамаев курган, в то время как на правом фланге 71-я и 76-я пехотные дивизии пошли на штурм Центрального железнодорожного вокзала. Командующий армией встретил наступающего врага на своем командном пункте — в простой пещере с земляными полами (и более чем простой кроватью в углу) на юго-восточном отроге Мамаева кургана. Всего лишь раз за день ему удалось связаться с Еременко, затем командный пункт армии замолк, связь с ним была прервана, курган был облит сталью и свинцом со всех сторон. Посыльные были обреченными людьми, они немедленно становились легкой живой мишенью.

Добычей немцев в этот день стала станция „Садовая“, их успехом — выход в пригород Минин. На западной окраине города немцы захватили небольшой аэродром и бывшие армейские казармы. Немецкие танки заставили немногочисленные тридцатьчетверки возвратиться в „Баррикады“ и на „Красный Октябрь“. Но не больше и не далее. Никакого немецкого продвижения на севере. Заводы мрачно и сурово держали оборону. Остались на боевых позициях и сорок танков. В резерве у Чуйкова были девятнадцать прекрасных танков КВ, но у него не было в запасе пехоты.

Размышления по итогам дня не обнадеживали, но немцам пришлось в этот день, возможно впервые, подумать, не ждет ли их здесь зима.

В течение ночи Чуйков перевел свой штаб на старое командное место, хорошо служившее 62-й армии в августе, — тоннель от устья реки Царицы с запасным выходом на Пушкинскую улицу. „Царицынский бункер“ фактически был пещерой с выходом к старому руслу реки Царицы. Оттуда была хуже видна панорама всей битвы, но штаб уже не являлся всеобщей мишенью. (Примечательно, что штаб армии был ближе к линии фронта, чем дивизионные штабы). Времени на обустройство не было, в половине четвертого ночи командующий фронтом Еременко приказал начать упреждающую немцев атаку. Рано утром 14 сентября Чуйков приказал контратаковать. Он тоже рассчитывал на фактор неожиданности — немцам едва ли придет в голову, что едва отдышавшиеся русские бросятся вперед. Эта атака успеха не принесла в основном потому, что немцы немедленно вызвали свои штурмовики и те создали огненный смерч, остановивший 62-

ю армию. Атакующих остановил немецкий огонь, и такое начало дня ничего хорошего не обещало.

С рассветом германская артиллерия обрушилась на расположение 62-й армии. После „работы“ артиллерии и авиации авангард немцев — их 71-я дивизия — пошел вперед. Немцы ворвались в собственно центр города на грузовиках и на танках. Из подвалов, из развалин домов, из убежищ выжившие воины нашей 62-й армии видели выскакивающих из грузовиков пьяных немецких солдат, играющих на губных гармошках, сбрасывающих каски и пляшущих на сталинградских мостовых. Праздник продолжался недолго. Первые же выстрелы отрезвили германскую пехоту и она начала методичное выдавливание советских войск из трущоб разбомбленного города к Волге. Чуйков и его штаб были в паре сотен метров от рвущегося вперед врага. Немцы взяли в плен нескольких курьеров с записками командарма. Это означало, что у русских не работает телефон; стало быть, они расщеплены на отдельные фрагменты. Дойти пару сотен метров до Волги в таких условиях не представлялось чем-то особенным. Ключевой стала битва за Центральный городской речной причал — именно оттуда к Чуйкову могли прийти обещанные подкрепления. Без них он просто истечет кровью.

Со стороны здания банка, Дома специалистов, пивзавода немцы практиковались в русском языке: „Рус, рус, Вольга буль-буль!“ Заодно и недвусмысленное обещание утопить в Волге. И могли это сделать. Нужно было только пройти пару сотен метров. В них-то и была загвоздка. Для этого нужно было убить каждого защитника города. На меньшее они не соглашались.

Во второй половине дня бои завязались вокруг Мамаева кургана, на берегах реки Царицы, около элеватора близ Авиагородка — с очевидной общей целью — разрезать единую оборонительную линию 62-й армии на отдельные фрагменты. Два этапа их продвижения были особенно важны: захватив вершину Мамаева кургана и высокое здание железнодорожного вокзала, немцы получили возможность обстреливать место высадки заволжских войск в городе. И как ни применяли дымовые завесы наши солдаты, противник держал то место, от которого зависело выживание защитников Сталинграда, под прицелом.

В „Вервольфе“ сообщение о прорыве в центре Сталинграда было встречено с ликованием. В Кремле это сообщение, пришедшее в момент обсуждения Сталиным военных планов с Жуковым и Василевским, вызвало тревогу. Весы истории колебались.

Чтобы оберечь причал, причал жизни и смерти, Чуйков бросил вперед

последний резерв — девятнадцать движущихся танков. Майору Зализюку было поручено с шестью танками перекрыть дорогу, ведущую от вокзала к пристани; подполковнику Вайнрубу приказано было выбить немцев из башни железнодорожного вокзала. Для этого ему дали три танка. Вот журнал боевых действий 62-й армии за 14 сентября 1942 года:

- Враг на Академической улице.
- 1-й батальон 38-й механизированной бригады отрезан от основных войск.
- Сражение у Мамаева кургана и на подступах к вокзалу.
- 08.00. Железнодорожная станция в руках врага.
- Станция отбита.
- Станция в руках врага.
- Враг на Пушкинской улице — 600 м от командного пункта армии.
- 11.00. Две роты противника с 30 танками движутся к дому инженеров.
- Станция в наших руках.

На следующий день судьба войны оказалась в руках никому не ведомого полковника Петракова, которому поручили охранять переправу до прибытия дивизии Родимцева. Петраков был смелым человеком, он лично прошелся по немецким тылам и составил собственное впечатление о сильных и слабых сторонах противника. Своих шестьдесят бойцов он расставил на пути к переправе, откуда, как ни вглядывался в заволжскую даль полковник, не было видно каравана родимцевских судов и барж. Раздобыв пушку, Петраков принялся ее осваивать и в нужное время сделал несколько внушительных выстрелов. Он поразил один из оплотов немцев — банк, заставил залечь их пехоту.

Судьба огромной страны в эти несколько часов зависела от нескольких десятков молодых парней, почти безнадежно залегших на последних метрах многократно залитой кровью дороги к главному волжскому причалу. Ослабей их решимость — и немцы возьмут единственное место, куда с пользой могут причалить люди Родимцева. Жизнь им была дорога не менее, чем всем нам, и была эта жизнь у них тоже одна. Ждать помощи было неоткуда, немцы рвались вперед с остервенением — их решимость покончить с этим смрадом и адом была уже почти неукротимой. А Волга позади текла спокойно, и не на кого было положиться, кроме как на самого себя.

И в момент, когда земное существование, казалось, начало подходить к горькой развязке, к берегу причалила первая лодка с боеприпасами. Немцы тоже видели хрупкую флотилию русских подкреплений и истово крестили

огнем новопришельцев. Но не все ушли под волжскую воду — один за другим родимцевцы прыгивали в воду близ источника огонь берега.

Немцы не пробились к камням пирса только потому, что их ударный батальон (3-й батальон 194-го полка 71-й дивизии) потерял за день боев больше половины своего состава. Двести солдат в серо-зеленой форме лежали на земле, о существовании которой год назад они и не догадывались. В вечерних сумерках остатки этого батальона собрались в недостроенном правительственном здании. Осталось в строю, как пересчитал лейтенант Мойнш, лишь пятьдесят дееспособных бойцов. В таком составе выполнить задачу захвата пристани батальон не мог, и лейтенант приказал выставить дозор и отдыхать.

На восточном же берегу Волги все это время основная масса гвардейцев Родимцева ждала сигнала к переправе через реку в центральный сектор города. Их привезли к противоположному от Сталинграда берегу Волги с северной стороны — из Камышина на грузовиках, в радиаторах которых кипела вода. На марше они покрылись толстым слоем приволжской пыли. В панику впали вьючные животные, но не сосредоточенные гвардейцы. Но и им приходилось разбегаться, заслышав характерный гул „мессершмиттов“. Наконец бездонная степь окончилась, и показавшиеся купы деревьев указали на близость воды. На берегу Волги стояла стрелка с надписью „Паром“. А на противоположном берегу зловещее зарево создавало невиданную доселе картину. Еременко приказал им влиться в 62-ю армию. Но у них не было тяжелого вооружения, и из десяти тысяч одна тысяча не имела даже винтовок. В семь вечера 14 сентября Чуйков по радио приказал дивизии Родимцева сконцентрироваться на восточном берегу у Красной слободы. Нервная экзема покрыла пальцы командарма, пот струился по лицу и рукам, но взгляд был спокойным.

Одной из его проблем была самостоятельность 10-й стрелковой дивизии НКВД действовавшей в экстремальных условиях самостоятельно. Чуйков, которому уже нечего было терять, решил на крайнее средство. Он призвал к себе командира этой дивизии полковника А. А. Сараева и пригрозил сообщить о его неподчинении в штаб фронта. После паузы Сараев ответил: „Я в вашем распоряжении“. Его бойцы были посланы на Мамаев курган и на основной путь, ведущий немцев к Волге и к центру города. Выиграно было важное время, позволившее ожидать прибытия дивизии Родимцева. При этом батальон бойцов НКВД снова отбил у немцев Центральный железнодорожный вокзал.

Бойцы первого батальона дивизии Родимцева сгрудились на месте

посадки в кромешной тьме. На фоне местами горящих зданий город выглядел призрачно. К несчастью, немцы подожгли одну из волжских барж, и она стала путеводной звездой для немецких снайперов и минометчиков. Чем ближе западный берег, тем сильнее был немецкий огонь по груженным лодкам. Гвардейцы, чтобы не быть живой мишенью, опустились в воду, благо берег был уже невдалеке и начиналось мелководье.

Только медленно двигаясь шаг за шагом к северу, гвардейцы сумели расширить площадь высадки своей дивизии. Ночью гвардейцы, естественно, потеряли ориентацию и лишь в молочном рассвете они разобрались, где свои и где чужие, и образовали линию обороны. Рассвет принес лишь жуть полного господства в воздухе люфтваффе. Летчики охотились буквально за каждым движущимся предметом. А их, движущихся, становилось все меньше. К счастью для родимцевцев они прибыли неожиданно. И все же путь на суше уже лежал через подавление немецких автоматных и пулеметных гнезд, через кинжальные схватки и яростные рукопашные бои. Перед высаживающейся дивизией стояли лучшие силы шестой германской армии — 71-я и 295-я. Их поддерживали 24-я и 14-я германские танковые дивизии. И все же гвардейцы показали себя сразу — они отбили у немцев большую мельницу, сложенную из красного кирпича. Второй десант — 39-й гвардейский полк — атаковал железнодорожную ветку, проходящую мимо Мамаева кургана. За первые же сутки боев дивизия Родимцева потеряла тридцать процентов своего личного состава. (А всего из 30 тысяч к концу битвы выжили 320 человек).

Родимцев, высадившись на сталинградский берег, с трудом приходил в себя. Тридцатишестилетний Александр Ильич Родимцев имел опыт, которому позавидовали бы многие. В 1936 году он как Павлито Гешос воевал в Испании, его помнили по боям за Гвадалахару — за что получил драгоценное тогда звание Героя Советского Союза. Личная преданность его бойцов командиру была исключительной — самым большим наказанием было отправить служить в другую дивизию. Сейчас, утром 15 сентября, генерал Родимцев видел нечто незабываемое — город ярко горел в ярких лучах встающего солнца. На его глазах германский снаряд прямым попаданием отправил на волжское дно шестьдесят пять его солдат.

Быстрым шагом Родимцев направился в „туннель“ полковника Петракова, где теперь должен был разместиться его штаб. Высадившиеся раньше помощники докладывали, что очевидной целью немцев является захват пяти километров волжского побережья, еще удерживаемого армией Чуйкова. Взяв с собой пятерых офицеров, Родимцев отправился к

командарму. Для этого нужно было сесть на суденышко и отправиться в западном направлении, где неподалеку от берега Чуйков обустроил свой новый штаб. Трое сопровождающих погибли от осколков. Но генерал прибыл в штаб Чуйкова во второй половине дня четырнадцатого сентября, и Чуйков сердечно обнял облепленного грязью командира дивизии. На вопрос, как он оценивает ситуацию и свою миссию, Родимцев ответил кратко: „Я не намерен покидать город“. Вообще-то Родимцев выглядел мрачным после многочасовой тряски в грузовике, побоища на волжской стремнине и в окружении руин. Он помнил лапидарный приказ: все тяжелое остается на левом берегу, с собой брать противотанковые ружья и минометы, очистить от немцев центр города и прогнать немцев с Мамаева кургана. Не всякий спокойно воспринял бы такое задание.

Перед дивизией Родимцева, повторяем, стояла германская военная элита — здесь находилась 71-я пехотная германская дивизия, и у наших солдат не было иллюзий относительно того, какую цену они должны заплатить за вокзал и Мамаев курган. Их неминуемая гибель дала Чуйкову всего лишь несколько дополнительных часов. Их жизни, их молодые жизни спасли Отечество в час великой беды.

Гвардейцы Родимцева сумели очистить пристань, пробиться к железнодорожному вокзалу и захватить его — в пятнадцатый раз за время битвы в городе. На рассвете 16 сентября они штурмовали Мамаев курган и заняли его северный и северо-восточные склоны. В воспоминаниях одного из участников событий „разрывы снарядов были словно иглы, которыми тебе прокалывают ушную перепонку и пронзают мозг“. После десятиминутной артподготовки батальон гвардейцев капитана Кирина занял германские позиции на северном склоне, на северо-восточном взвод лейтенанта Вдовиченко при помощи гранат и штыковой атаки уничтожил пулеметное гнездо немцев. Один из гвардейцев сумел сорвать установленный 295-й германской дивизией флаг со свастикой.

Из тридцати атакующих в живых осталось только шестеро, и их внимание сразу же обратилось на небо, откуда вынырнули германские штурмовики. Но гвардейцы лежали настолько близко к германским позициям, что летчики не смогли их атаковать. Против них двинулись немецкие танки, и два из них были подбиты. Шедшая за танками немецкая пехота залегла. Наши солдаты стояли насмерть, им на смену приходили новые и новые. Чаще всего они умирали вместе, так и не зная имен друг друга. Потом, когда выпадет снег, он никогда не сделает курган по-русски бело-красивым, огонь отовсюду взметал фонтаны земли и постоянно вспаханный Мамаев курган всегда был цвета нашей родной земли. И цвета

крови наших солдат.

Особую роль в германской армии играли огнеметчики. В городских боях огнемет был страшным и эффективным оружием, но специальность эта была очень опасной — один меткий выстрел и огнеметчик превращался в столб неукротимого огня. Немцы платили огнеметчикам большие деньги, и все равно найти согласных на эту опасную работу им было очень трудно. Советские солдаты, в случае пленения носителей этого страшного оружия, часто расстреливали их на месте.

Чуйков пришел к печальному, но реалистическому на то время выводу, что наши части пока не могут соревноваться с немцами в огневой мощи. А это значило, что противопоставить им следовало мобильные группы, наносящие удары в разных местах и быстро меняющие позиции. Рабочие, местные жители подходили для таких „ударных групп“ чрезвычайно: зная местность, ориентируясь в своих кварталах, они были способны обойти немцев не лавиной огня, а постоянством напора и ущерба. В середине сентября не менее полутора тысяч таких бойцов не давали немцам покоя ни днем, ни ночью. Озверев от тревожащих наскоков, немцы по законам своей военной науки выставляли вперед танки и шли проторенной тропой — по основным городским магистралям. Здесь их и поджидали немногочисленные пушки 62-й армии. Очень важным было и то, что, сражаясь в непосредственной близости от противника, „ударные группы“ ставили в тупик немецкую штурмовую авиацию, нейтрализуя тем самым эту сторону германского превосходства.

Жуков впоследствии вспоминал, что „то были очень тяжелые для Сталинграда дни“. Посольство США в Москве утверждало, что город практически потерян. Вечером 16 сентября Сталин получил радиоперехват немцев: „Несокрушимые германские войска захватили Сталинград. Россия разрезана на две части — север и юг — и скоро прекратит свое существование как суверенное государство“. После длительного и тягучего молчания, когда Сталин не отрываясь смотрел в окно, последовал приказ соединить со Ставкой. По телефону было отдано распоряжение: „Еременко и Хрущеву немедленно доложить обстановку в Сталинграде. Действительно ли город захвачен немцами?“

В эти же часы, выскочив передохнуть и глотнуть воздуха, Чуйков у входа в свой штаб наткнулся на молодого офицера. Кто такой? „Антон Кузьмич Драган, командир 1-й роты 1-го батальона 42-го полка 13-й гвардейской дивизии“. Последовал короткий приказ: собрать своих людей и „оборонять центральный железнодорожный вокзал“. Драган, как было приказано, собрал своих солдат и двинулся в сторону вокзала. Лишь

встретив шквальный огонь, Драган понял, что, прежде чем защищать, ему придется отбить вокзал у немцев. Последовал короткий инструктаж шепотом. Со стороны перрона его люди пробились в здание собственно вокзала и наши ручные гранаты действовали не хуже немецких, автоматные очереди окончательно изгнали „прежних жильцов“. Место было, по-сталинградски оценивая, живописным. Паровозы, вагоны всех типов, платформы, искореженный металл вперемежку с кирпичными завалами. Ободрившийся Драган не почивал, он ждал немедленной контратаки. Ему было бы трудно понять, почему его на время оставили в покое. А дело было в том, что немцы подсчитали потери и, поскольку эти потери превысили шестьдесят процентов личного состава, то „изгнанные“ ожидали либо замены, либо подкреплений — научное ведение военных действий.

Но жертва педантизму не была долгой. Их час пришел скоро. Германская авиация начала подготовительную работу. Вокзальный потолок опал, стены задымились. Железные прутья открыли нутро железобетона. Драган забрал своих людей и перешел в соседнее здание — фабрики по производству гвоздей, из которой открывался хороший вид на Волгу и подходы к ней — настоящая панорама города. Проблемой стала вода. Можно было жить без еды, можно было экономить боеприпасы (или взять их у врага), но жажда на фоне волжского речного простора убийственно действовала на самых отважных. Выстрелы по водопроводу ничего не дали, трубы пересохли. Люди пока еще держались. С наземным противником они умели совладать, но враг из поднебесья огорчал очень.

Общим местом стало упоминание того, что немцы обладали превосходством в воздухе. Эта констатация достигла Кремля. На аэродром левого берега Волги был прислан секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков. Офицеры-летчики ждали наградных листов и тем большим было их изумление, когда Маленков вызвал вперед невысокого майора с зачесанными назад волосами и обратился к нему с немыслимой речью: „Майор Сталин, боевое мастерство ваших истребителей никуда не годится. В последнем бою не было сбито ни одного немецкого самолета. Что это? Вы забыли, как нужно сражаться? Как мы это должны понимать?“ Командующий 8-й воздушной армией генерал Хрюкин получил разнос по всей форме. (Жукову пришлось защищать боевого генерала.) Но в дальнейшем сыграли роль не подобные разносы, а растущая смена отважных пилотов и прибывающие новые прекрасные модели самолетов.

Борьба в городе

Сталинградская битва, в которую входили две воюющие державы, очень отличалась от великих битв прошлого. Ближе всего по характеру к ней подходит Верден, где в Первую мировую войну начальник германского генерального штаба Фалькенгайн решил обескровить французскую нацию. Но есть и большое различие. В фортах Вердена минные заслоны и пулеметные гнезда так или иначе разъединяли противников (частично помогали непробиваемые могучие бетонные стены казематов и соединительных ходов). Люди гибли, в основном, от пулеметного огня и артобстрелов, не видя лица противника. В Сталинграде все сплелось. За тонкой стеной фабричного дома можно было слышать дыхание того, кто собирается тебя через минуту убить. Иногда один дом представлял собой „слоеный пирог“ — первый и третий этажи принадлежали советским воинам, а второй и четвертый — немцам. Финка, штык, нож стали популярными орудиями борьбы — меньше шума и неизбежной погони. Граната была самым удобным оружием, необходимо было только подползти к нужному окну. Противники по очереди взрывали соседние комнаты.

Германская авиация работала с невиданным напряжением. Один из летчиков подсчитал, что за три месяца он совершил 228 вылетов — столько же, сколько за весь предшествующий период войны в Европе. Иногда германские пилоты проводили в воздухе по шесть часов кряду. Взлетая со степных аэродромов, они должны были ориентироваться в море пожарищ, в потоках дыма и огня. Самолеты готовились техниками к вылету по пять раз на день. Летчиков нервировали приказы сравнивать с землей то, что уже несколько раз было сметено с лица земли. Временем отдыха люфтваффе были лишь предрассветные часы.

Боевая форма немецких солдат, воюющих в руинах, была настолько изношена, что им приходилось иногда надевать форму противника. Еще три особенности; раненым для получения помощи следовало дожидаться темноты; вода стала бесценной; повсюду царил запах разлагающихся тел (одна свидетельница утверждает, что даже спустя полгода после битвы в городе стоял этот невыносимый запах войны).

Город превратился в руины, но в этом был и свой позитивный резон. Танки немцев не могли двигаться вперед, немецкая авиация потеряла разграничительную линию. В трупобах же с приближением воя самолетов

уже ничто не шевелилось. И если день, благодаря люфтваффе был немецким, то ночь, наша добрая волжская ночь, была свидетелем упорных бросков вперед отдельных групп бойцов, отбиривших у захватчика то, что когда-то было комнатой, подвалом, подъездом, лестницей. Без сна и еды, с редким глотком бесценной волжской воды, защитники Сталинграда превратили жизнь немцев в худший вариант ада, в непрерывный жестокий бой, в вечную схватку за жизнь, в кровавую смерть среди обожженных кирпичей. Все могли эти люди в нечеловеческих условиях. Кроме одного: они не встали на колени. Они стояли насмерть, они стояли уже много суток, чтобы имя России не померкло...

Для ванны и моциона генералу Паулюсу не нужно было прыгать на паром, его штаб-квартира располагалась в шестидесяти километрах от сталинградского ада. Патефон играл классику, повар заботился о пищеварении. Донимали репортеры — каждый хотел первым зафиксировать величайший триумф германского оружия, взятие Сталинграда. Паулюс был мил с прессой, но от определенных суждений отходил. Когда будет взят город? „Этого можно ждать в любое время“. Произошел казус. Несколько германских газет уже вышли со специальными выпусками „Stalingrad Gefallen!“ Кипы газет ждали письмонош, но Геббельс решил перепроверить радостную информацию. Однако Паулюс, при всей улыбочивости и любезности, не мог дать утвердительный ответ. Газеты уничтожили.

Германская полевая разведка желала знать, каковы людские ресурсы русских. Если немцы несут такие потери, то какими же должны быть потери советских воинских частей? Именно на этот вопрос пытался ответить начальник разведки 71-й дивизии полковник Гюнтер фон Белов (брат военно-воздушного адъютанта Гитлера). И единственным ответом было: колоссальные. Несколько тысяч гвардейцев лежали на склонах Мамаева кургана, чтобы на несколько дней продлить время подготовки нашей промышленности, наших военных училищ, наших матерей, чтобы встали завтра в строй младшие братья.

Потрясая мир эффективность вермахта начала снижаться по мере смещения на восток зоны германской оккупации, дошедшей до Волги. Здесь эта линия остановилась, и вот уже месяц держалась на одном месте. Вермахт прошел тысячи километров от французского Бреста до калмыцкой Элисты, но несколько сот метров от Мамаева кургана до Волги он пройти не смог. Самый страшный период, когда весы истории колебались — между 13 и 25 сентября 1942 года. Те, кто выстоял в эти дни в Сталинграде, — люди необыкновенной отваги, люди безграничного самоотвержения.

Склоним перед ними голову, лихая им досталась доля.

Немцы при этом допустили ряд ошибок, им прежде не свойственных. Сузив зону решающих боевых действий до масштабов города, они сами же ограничили свободу своих действий. Такое сужение фронта помогало защитникам города быстрее перебрасывать резервы на критически важные участки резко сократившегося фронта. Теперь уже ни о каких отвлекающих ударах не могло быть и речи. Воля стояла против воли, русская готовность к самопожертвованию противостояла яростному немецкому неверию в переменчивость судьбы.

Отдельными эпопеями стали бои за Центральный универмаг, за отдельные здания в центре города. Теперь линия фронта проходила в тридцати метрах от позиций противников. Разрывы авиабомб и снарядов вызывали фонтаны кирпичных осколков, летевшие и в сторону атакующих, и в направлении обороняющихся. Летчикам сверху трудно было рассмотреть красный флаг со свастикой, распластав который немцы обычно обозначали свои позиции. Сигнальные ракеты применялись для обозначения „своих и чужих“ все чаще, но и это мало помогало. Крики раненых оказались незабываемыми. Немецкий ефрейтор пишет в дневнике: „Это нечеловеческие звуки. Тупой крик раненого зверя — вот что это такое“. Для эвакуации раненых дожидались ночи, что для многих было поздно.

Сравнивать письма немецких солдат и советских весьма сложно. Доминирующая тема германских писем — тоска по дому, семье, оставленному миру. В письмах советских солдат есть очевидное желание подняться над горем бытия и неизменно присутствует если не стоическая, то более светлая нота. О доме почти ни слова, много о том, что „немцам нас не одолеть“, о том, что на войне очень тяжело, о том, что „все в порядке“. Разумеется, пишущие знали о цензуре. Но собственно стиль общения, стиль восприятия горя, войны, разлуки, мироощущение при помощи цензуры не изменишь.

А в Германии, будучи уже не в состоянии держать население в неведении, германское министерство пропаганды объявило битву в Сталинграде „величайшей битвой на истощение, которую когда-либо видел мир“. Различие в восприятии войны сказывалось, в частности, в подаче хода сражения. Каждый день немецкие пропагандисты аккуратно складывали столбцы цифр потерь обеих сторон и при помощи этих цифр доказывали всей Германии, что Россия теряет гораздо больше своих воинов и недалек тот момент, когда ей некого будет выставлять перед немецкими танками. А главным идеологическим мотивом советской стороны было

утверждение бездонности преданности советских солдат своему долгу, дому, родине. Советские комментаторы не делали акцент на подсчете потерь, они подавали случаи героизма, изображали войну как очень тяжелую работу, сделать которую за нас никто не сможет. Так что два стиля освещения войны удивительным образом попросту не состыковывались. Цифровым выкладкам противостояла стоическая убежденность — без бравады, с великой горечью и решимостью.

28 сентября 1942 года Гитлер в берлинском Шпортпаласте заверил 12 тысяч молодых офицеров, что после трудностей зимы 1941–1942 годов ничто уже не может быть большим испытанием для Германии. Сталинград будет взят в ближайшее время, „и, можете быть уверены, уже никто не сдвинет нас с этих мест“. А затем последует общий бросок через кавказские перевалы. Зал взорвался овациями, но впервые немалое число присутствующих позволили себе „роскошь сомнения“. То был один из первых случаев, когда Геббельс доверяет дневнику скептицизм в отношении слов Гитлера. А авиаадъютант Гитлера фон Белов впервые приходит к выводу, что фюрер начинает обманывать сам себя относительно становящейся все более жесткой реальности.

Магнитом всеобщего внимания продолжал оставаться Сталинград. При этом немцам не хватило критического чутья в отношении трясины, в которую они опускались все глубже. Как справедливо указывает британский историк Б. Лиддел Гарт, „оказаться втянутыми в уличные бои — всегда не в пользу наступающего, но особенно пагубно это было для армии, основное преимущество которой в маневренности. В то же время обороняющаяся сторона мобилизовала отряды рабочих, которые сражались с яростью людей, домам которых угрожала непосредственная опасность... Войдя в пределы города, наступление немцев раскололось на множество частных атак, и это тоже уменьшило мощь их удара“.

В критической обстановке следовало беречь резервы, ведь подлинной развязки не видно даже на горизонте. Между 1 сентября и 1 ноября — в критическое время битвы бессмертная 62-я армия получила в качестве подкреплений только пять стрелковых дивизий. А в далеких городах и лесах Жуков набрал за этот период 27 новых стрелковых дивизий и девятнадцать бронетанковых бригад, оснащенных новым оружием и имеющих в качестве командного состава достаточно опытных офицеров. Постепенно их приближали к зоне подготовки — в район между Саратовым и Поворино. И когда резерв Германии стал иссякать, резерв Советского Союза начал постепенно увеличиваться — ведь Жуков обязан был думать о будущем. И во многом поэтому он был скуп даже в

отношении Чуйкова.

17 сентября Чуйков запросил дополнительных подкреплений — у немцев они прибывают постоянно. „Мы истекаем кровью“. Вечером этого дня через Волгу переправилась морская пехота Балтийского и Северного флотов, а затем 137-я танковая бригада. Они блокировали продвижение немцев к устью Царицы, часть войск уцепилась за железнодорожные пути к востоку от Мамаева кургана.

Потомкам издали не понять самого страшного в окопной войне. В полночь на 18 сентября Чуйков с помощниками потеряли терпение и отправились (что можно было сделать лишь по воде) в Красную слободу, где, по сведениям, была баня. Пар, усталость и наркомовские граммы сделали свое дело, и удерживающие вермахт командиры едва не проспали рассвет. Бег к Волге завершился гигантским прыжком командарма на последний уходящий паром. Паромщик был немало удивлен, рассматривая документы генерала, но вынужден был возвратиться и подобрать всю компанию. Через несколько часов посвежевший Чуйков перенес свой штаб на довольно открытое пространство на берегу Волги между „Красным Октябрем“ и „Баррикадами“. На его беду рядом находился резервуар с нефтью, по поводу которого все легкомысленно утверждали, что он пуст.

День 18 сентября начался с наступления безуспешно пробивающихся с севера армий. В полшестого утра две наши дивизии выступили в качестве авангарда наступления. Но танки со слабой броней, Т-70 и Т-60, „горели как свечки“. Когда во второй половине дня штурмовики и бомбардировщики возвратились в небо 62-й армии, для Чуйкова это был ясный признак плохих дел у северных армий. Жизнь пошла как прежде. Ударные роты среди вокзальных путей встречали германские контратаки, на Мамаевом кургане шел неизменный смертный бой.

Напомним, что морские пехотинцы взяли штурмом огромное здание хлебного элеватора. (Парадоксально германское командование на специальном знаке участнику сталинградской эпопеи изобразило именно этот элеватор, который по праву можно назвать символом советской стойкости в битве). Дальнейшее в отчете советской морской пехоты: „Танки и пехота противника, примерно в десять раз превосходящие нас по численности, начали атаку с юга и запада. Первая атака была отбита, но началась вторая, затем третья, а координирующая огонь рама висела над нами. Она корректировала огонь и вела наблюдение за нами. В целом на протяжении 18 сентября были отбиты десять атак... Имевшееся на элеваторе зерно загорелось, вода в пулеметах испарилась, раненые мучались от жажды, но поблизости воды не было. Мы защищались в

течение трех дней. Жара, дым, жажда — наши губы потрескались. В течение дня многие из нас залезали на высокие точки элеватора и оттуда стреляли по немцам; ночью мы спускались вниз и образовывали кольцо обороны вокруг здания. Наше радио было выведено из строя в первый же день, и у нас не было связи с нашими частями“.

Моряки шутками встречали очередной снаряд, они демонстрировали безумную лихость. Враг признал их бравое презрение к смерти. К территории элеватора подошел танк с белым флагом. Защитникам элеватора предложили сдаться „героической германской армии“. Но на дворе был не 1941 год, размышления о сдаче не входили в круг мыслей героев в матросских тельняшках. В ответ немцев послали к черту, а когда они решили удалиться на танке, то подорвали танк. Матросы военно-морской пехоты не были глупы, и они знали, как ответят уязвленные немцы. Но о сдаче не могло быть и речи. В течение трех дней германская артиллерия нещадно била по огромному бетонному зданию. Зерно они зажгли зажигательными бомбами, стены проббили динамитом. Но когда их пехота начала громоздиться на металлические лестницы, моряки пустили в ход кинжалы. Не страх и не смерть мучили морских пехотинцев, а лютая жажда. В отчаянии они пробрались по полю к германской батарее и натиск их был столь стремителен и ужасен, что немцы бежали стремглав. Бидоны с водой — вот к чему бросились измученные храбрецы. Вода сморила их быстрее любого хмеля, и часть из них очнулась в германских подвалах. Немцы же быстро оприходовали оставшееся зерно, оно им понадобится позже.

А вот как та сторона воспринимала битву в городе, особенно упорную у элеватора.

„16 сентября. Наш батальон вместе с танками атакует элеватор, из которого вьется дым — горит находящееся в нем зерно, русские, кажется, сами его зажгли. Варварство. Батальон несет тяжелые потери. В каждой из рот осталось не более шестидесяти человек. Элеватор защищают не люди, а дьяволы, которых не может уничтожить ни пламя, ни пули.

18 сентября. Борьба продолжается внутри элеватора. Русские, которые находятся внутри, обречены; командир батальона говорит: „Комиссары приказали этим людям умереть в элеваторе“. Если все здания в Сталинграде будут защищаться, как это, тогда никто из наших солдат не вернется в Германию.

20 сентября. Битва за элеватор продолжается. Русские стреляют со всех сторон. Мы продолжаем сидеть в нашем подвале; на улицу выйти просто невозможно. Старший сержант Нушке был убит сегодня, когда

перебегал улицу. Бедняга, у него осталось трое детей.

23 сентября. Соппротивление русских в элеваторе преодолено. Наши войска движутся в сторону Волги. Мы нашли в элеваторе около сорока мертвых русских. Половина из них в морской форме — морские дьяволы. Тяжело раненый русский, который не может даже говорить, взят в плен“.

Этот тяжелораненый — Андрей Хозяинов — выжил. Вот выдержка из его описания тех же событий, но с другой, нашей стороны.

„Пришло 20 сентября. В полдень двенадцать вражеских танков пошли на нас с юга и запада. У нас заканчивается боезапас для противотанковых ружей, и не осталось больше гранат. Танки приблизились к элеватору с двух сторон и начали стрелять по нашему гарнизону прямой наводкой. Но никто не дрогнул. Наши пулеметы и автоматы продолжали стрелять по пехоте противника, не давая ей войти в элеватор. Снаряд попал в пулемет „Максим“ и его пулеметчика, во второй пулемет попал осколок. У нас остался лишь один легкий пулемет.

Разрывы снарядов повредили бетон и зажгли зерно. Нам не видно друг друга из-за пыли и дыма. За танками немцев появились автоматчики, их около двухсот. Они ведут себя очень осторожно, бросая гранаты прямо перед собой. Это позволяет нам схватить несколько гранат и швырнуть их назад. Немцам удалось войти в элеватор с широкой его стороны, но мы немедленно направили наши автоматы на то место, куда они ворвались. Стрельба вспыхнула внутри здания. Мы чувствовали и слышали дыхание и звук шагов вражеских солдат, но мы не видели их из-за дыма. Мы стреляли по звуку. Ночью мы пересчитали наши запасы. Оказалось немного: полтора барабана на пулемет, по двадцать патронов на каждый автомат, от восьми до десяти патронов на каждую винтовку. Для защиты этого не хватало. Мы были окружены, но решили пробиваться на юг, в район Бекетовки, поскольку к северу и востоку стояли вражеские танки.

В ночь на двадцать первое, прикрываясь автоматами, мы начали выход. Начало было удачным, немцы этого не ожидали. Мы прошли через овраг и пересекли железнодорожную линию, когда наткнулись на минометную батарею, которая только что, под покровом темноты, заняла новую позицию. Мы захватили три миномета и ящик с минами. Немцы разбежались, оставив не только семерых мертвых, но и хлеб с водой. А мы умирали от жажды. Мы могли думать только о воде. И мы пили в темноте до изнеможения. А затем съели оставленный немцами хлеб и продолжили путь. Что случилось с моими товарищами, я не помню, потому что я открыл глаза только 25 или 26 сентября в мокром и темном подвале... Открылась дверь, и вошел автоматчик в черной форме. Я попал в руки

врага“.

Оборона элеватора произвела такое впечатление на немцев, что Паулюс, как уже говорилось выше, избрал элеватор в качестве эмблемы частей, сражавшихся в городе, — был создан специальный шеврон с его изображением.

Для помощи рвущейся с севера армии Москаленко Чуйков собрал особую группу с несколькими танками. Приказ им: удар навстречу в северо-западном направлении. Но вторая атака 1-й гвардейской, 66-й и 24-й армий, начатая 19 сентября была не более успешной, чем предшествующая (днем ранее). Защитники города отныне могли полагаться лишь на себя. 20 сентября немцы сконцентрировали свои усилия на железнодорожном вокзале, уже представлявшем собой груды металла и бетона. Стены опали, металлические переборки прогнулись, железо треснуло, а войны продолжали сражаться. Но батальон дивизии Родимцева — а это был он — начал ощущать свою отрезанность от основных сил. Немцы продвигались с трех сторон. „Положение с боеприпасами серьезное. О сне и пище не может быть и речи. Хуже всего жажда. В поисках воды — прежде всего для пулеметов — мы подорвали помпы, надеясь, что в них есть немного воды“. Ночью немцы взорвали стену, за которой укрывались наши бойцы и забросали помещение гранатами. 21 сентября остатки батальона разделились надвое.

На пути первого отряда — в соседнем „Универмаге“ — завязался рукопашный бой, окончившийся только с гибелью последнего нашего солдата. Батальон медленно, метр за метром отступал к Волге. Последний на этом пути дом находился на углу Краснопитерской и Комсомольской улиц. Здесь последние сорок человек держались пять дней и ночей. „В узком просвете полуподвального окна мы установили тяжелый пулемет с последними патронами... Две группы по шесть человек каждая отправились на третий этаж. Их задачей было взорвать стены и приготовить кирпичи, чтобы бросать их в немцев. Место для тяжелораненых устроили в подвале“.

Ухаживавшая за ранеными Люба Нестеренко умирала от раны в грудь. Не было воды, пищей была горсть зерна. В своей домашней крепости Антон Драган установил пулемет на пути возможных неожиданных гостей. Когда послышался звук танкового двигателя, Драган послал своего солдата вниз с противотанковым ружьем и тремя последними патронами к нему. Увы, немцы перехватили его. Вскоре зелено-серые мундиры появились в пролете, в котором их ждал молдаванин Драган. И тяжелый пулемет в нужное время ударил по колонне немцев — последняя лента в 250

патронов — они были использованы с толком. Потом он лежал, раненный в руку, глядя на ставший бессмысленным пулемет, безучастно глядел на холм немцев перед своим пулеметом.

Их осталось девятеро. Немецкая речь привлекла их внимание, и они осторожно выглянули из того, что прежде было окнами. Немцы вели на расстрел их товарища, раздались выстрелы. Обняв друг друга, девятеро попрощались. Кто из них тогда спрашивал национальность друга? Разве это не общая наша героическая история, которая дает смысл жизни? На стене Драган написал слабеющей рукой: „Здесь сражались и умирали за свою родину гвардейцы Родимцева“. Читатель, если ты не дрогнул, глядя на эту запись, на это великое признание в любви к своей стране девяти простых парней, стоящих на пороге смерти, закрой эту книгу.

На дом пошли немецкие танки, и стены рухнули. Драган и его товарищи оказались в чем-то, похожем на подвал. Воздух заканчивался, и надежда была связана с поиском выхода из темного подземелья. Они начали разгребать завал. Надежда не умирает даже последней. Поток воздуха ворвался в некое подобие склепа. И кто-то увидел в осеннем сталинградском небе звезды. Драган послал наиболее сильного из своих ребят разведать округу. Тот вернулся примерно через час и доложил обстановку. Дом окружен немцами, и выходить надо по одному. Слева от себя они слышали непрекращающуюся канонаду на Мамаевом кургане. Но Комсомольская улица, принадлежавшая теперь немцам, была пустынна и тиха. Первая попытка покинуть руины оказалась неудачной — они почти наткнулись на немецкий патруль и отпрянули назад. А вскоре темные тучи заволокли луну, и шестеро гвардейцев — все раненые — постарались выбраться из руин. На пути к Волге оказался немецкий патруль, но шум был бы убийственен. И в дело пошли ножи. Драган послал одного из гвардейцев прокрасться к немецкому патрулю и вскоре тот, надев плащ-палатку убитого немца, подошел ко второму немецкому патрульному — и путь был свободен. У кромки воды их уже не мог остановить никто. Они не могли утолить жажду, их потрескавшиеся губы прильнули к холодной воде. Никогда Мать-Волга не поила более преданных своих сыновей.

Наверху немцы обнаружили обоих своих покойников и подняли тревогу. В такой обстановке Драган и его друзья сумели соорудить некое подобие плота, благо бревна и доски валялись повсюду, и оттолкнулись от берега. Течение, такое легкое и свободное, подхватило своих сыновей, а немцы неприцельно стреляли в осеннюю темень. За мгновения перед рассветом плот причалил у острова Сарпинский. Наши артиллеристы обнаружили изможденных, раненых, но живых людей. После завтрака

Драган написал рапорт. Из Первого батальона осталось шесть бойцов. Остальные полегли на Центральном вокзале и на Красной площади Сталинграда, выполнив свой долг до конца. Центральной частью города владел враг.

Теперь гарнизон города защищал только северный индустриальный район. Лишенные хода, советские танки закопаны по башню в землю. Защитники города сознательно пропускали и направляли немецкие танки под огонь этих башен. Немцы перестали посылать танки — в разбитом городе это были слишком приметные и хорошие цели. В прижатых к реке кварталах дымилось немало их черных остовов. Чуйков рассредоточил оставшихся солдат по небольшим мобильным группам, предназначенным для быстрых атак и незамедлительного отхода. На юге его позиции еще продолжал защищать многострадальный элеватор, но рядом 24-я танковая дивизия немцев вышла на главную пристань. Теперь 62-я армия могла ожидать удара с тыла, не надеясь при этом на помощь с противоположного берега Волги. Пришлось организовать временную пристань у завода „Красный Октябрь“ и еще севернее — в поселке Спартановка. Теперь следовало ожидать наступления немцев вдоль берега Волги с юга на север.

Помощь, как всегда, подошла со стороны Волги. Рано утром 23 сентября 284 пехотная дивизия полковника Батюка (сибиряки) переправилась в распоряжение 62-й армии. Немцы запускали осветительные парашюты, чтобы увидеть, кто еще встал на смертный путь. Приход этой дивизии предотвратил немецкое движение параллельно реке. Батюк — симпатичный украинец среднего роста, стройный, темноволосый, страдал тяжелой болезнью, связанной с дефектами кровотока. Он периодически мучился так ужасно, что не мог идти и солдат нес своего командира, но делал это только ночью — Батюк ни за что бы не показал своей слабости перед строем. Батюк, украинский парень, сражался за свою Родину и не было силы, способной его остановить в этой борьбе. Как и Родимцев ранее, он пришел в нужный час — положение было ниже критического.

История России — это история смешения наций и национальностей. Славяне, угро-финны, тюркские народы — только жестокий и коварный враг мог пытаться поссорить, разорвать это единство, оно выстрадано невероятной кровью. Неуместен даже пересчет гениев в едином венке единой страны. Мы прожили тысячелетнюю общую историю, и эта наша общая дорога сплотила, сделала единой всю семью исторически объединившихся и смешавшихся народов. И украинец Батюк, преодолевая смертные муки, закусив губы, встал в единый строй, который делает всех

нас непобедимыми. Он, его потомки и родные владеют нашей страной по самому большому праву. Сталинград еще раз самым очевидным образом слил воедино нашу кровь, нашу историю, наше психологическое восприятие мира, наше будущее. Святотатством было бы забыть этот наш общий опыт ради предательских сирен сепаратизма.

Батюку поставили задачу выбить немцев с Центрального причала и сомкнуться с теми частями, которые оказались в изоляции южнее реки Царицы. Сибирские солдаты оттеснили немцев к уже неузнаваемому внешне Центральному железнодорожному вокзалу. В центре прежнего города образовалось кровавое месиво, ярость обеих сторон стала достигать невозможного человеческого предела. Отвратительным было попадание немецких зажигательных бомб в нефтеналивную баржу, что зажгло саму реку. Дым горящей нефти заволок то, что осталось от города и его защитников. Чад горящей реки едва не погубил штаб армии.

24 сентября 1942 года германские войска окружили Сталинград с трех сторон, и, казалось, они уничтожают последние линии обороны города. Паулюс перегруппировал свои части так, чтобы всей мощью обрушиться на отбитый непокорный центр и северную часть города. Здесь огромные три завода, о которых мы говорили выше, стояли как три крепости с предмостными укреплениями в виде жилых кварталов рабочих. Подъездные железнодорожные пути образовывали своеобразные петли, и эти подобиа теннисных ракеток, *der Tennisschlager*, очень скоро станут кошмаром для германских атакующих частей.

Почти уничтоженному городу в эти дни более всего требовались саперы и минеры. Чуйков стал создавать кольцо обороны от танков, и мины устанавливались на основных направлениях, прежде всего от устья реки Мечетка, вдоль ее левого берега к Вишневому оврагу, минуя лес, и по северному склону Долгого оврага до Волги. Особые части готовились на случай неожиданного немецкого прорыва. Позади работали переправщики — без них защитникам города было не выстоять. (После взрыва 18 сентября прибывших боеприпасов на месте выгрузки, на берегу Волги, Чуйков приказал прятать оружие и боеприпасы в траншеях, точнее, в специальных пещерах не ближе 500 метров от берега.)

Впервые мы начинаем видеть не только самоотверженную, но и все более эффективную работу советской авиации — она сверху начинает прикрывать путь поступления вдоль левого берега Волги боеприпасов. Шестьдесят вылетов в день вдоль линии Красный Кут — Астрахань и тридцать вылетов на ветке Верхний Баскунчак — Сталинград. Встает заря поворота в германском всевластии в воздухе. Встает медленно, и

боеприпасы приходится выгружать за двести с лишним километров от мест погрузки на баржи и перевозить грузы на грузовиках. Пехоте приходилось бесконечно долго шагать по безжизненной заволжской степи. Затем наступило время укрепить силы переправы. Давно прошло то время, когда командующий Волжской флотилией контр-адмирал Рогачев жаловался в начале 1942 года адмиралу Кузнецову, что, назначенный командовать речной флотилией, он „пропустит войну“. Никому еще из морских офицеров не досталось более плотного знакомства с ней. Ежедневно германские асы выискивали и топили все движущееся по Волге. А уцелевших ждали аккуратные немецкие артиллеристы.

Ставшая активной силой начиная с 10 июля 1942 года, Волжская флотилия состояла, во многом, из прежних мирных речников и рыбаков. Без самоотвержения этих людей Сталинград задохнулся бы в стальных объятьях вермахта. Каждый причал имел свою собственную группу, обеспечивающую путь через Волгу, быструю разгрузку и уход от небесного зверя. Инженеры 62-й армии были ответственны за содержание и ремонт судов и барж переправы. Боеприпасы и продовольствие везли на правый, западный берег, раненых — на левый, плоский, заволжский.

После 25 сентября генерал Чуйков реорганизует свои силы, зная, что решающий германский штурм не за горами. Укрепляется район вокруг Мамаева кургана и окрестности реки Мечетки. Ночью по балкам и оврагам перемещались бойцы, чтобы замереть днем. Ожидание становится нестерпимым.

Опасения

Германские войска вошли уже не только в пригороды Сталинграда, но захватили значительную часть его центра. Из своего бункера в Виннице Гитлер требовал „сконцентрировать все возможные людские резервы и захватить в максимально короткое время весь Сталинград и берега Волги“. Но дни превращались в недели, а шестая армия генерала Паулюса так и не владела контролем над Сталинградом. Напряжение было таково, что и в вашингтонском Белом доме, и в московском Кремле октябрь 1942 года называли самым критическим временем всей войны.

В Москве не знали, что и в штаб-квартире Гитлера летняя эйфория постепенно уступает место растущей обеспокоенности, что у немцев свои сложности. Истерия фюрера, замкнувшего на себя решение задач, к которым он профессионально не был готов, усугубила германскую ситуацию. Гитлер считал, что группа армий „А“ целенаправленно тормозит осуществление поставленных перед ней задач. Выше мы уже говорили о снятии со своего поста фельдмаршала Листа — этого первоклассного германского фельдмаршала-профессионала и о назначении Гитлером на его место себя. Главное отличие Гитлера от тех военачальников, которых он вызывал к себе в Винницу заключалось, как полагал фюрер, в том, что они не знали еще, что с русскими уже все покончено. Возможно, такое радостное знание стимулировал маршал авиации и наследник фюрера Геринг, который ссылался на доклад командующего четвертым воздушным флотом фон Рихтгофена о ситуации в районе Сталинграда: вблизи нет достойной упоминания боевой части.

Гитлер уже отдал приказ заменить в ОКВ Йодля, но помедлил, а потом то ли простил, то ли забыл о наказании. (Йодль поделился выводами из полученного урока с генералом Варлимонт: „Диктатору, исходя из психологической необходимости, не следует никогда напоминать о его собственных ошибках — ради поддержания его уверенности в себе, конечного источника его диктаторской силы“. Гитлер прежде хотел заменить Йодля Паулюсом, а во главе 6-й армии (о которой он говорил, что с нею „он может штурмовать небеса“) поставить генерала Зейдлица. Но Кейтель-„лис“ и прочие друзья Йодля сумели отвести от него грозу.

От Паулюса неустанно требовали взятия Сталинграда, чем только усугубляли тик левой стороны его лица. Наблюдатели, не имеющие опыта городских боев, не могли понять сложностей Паулюса. Почему город не

взят до сих пор? Не все представляли себе, что он воевал в городе восемью дивизиями, а одиннадцать дивизий прикрывали фронт в двести километров. Особенно велико напряжение на севере, где корпуса 11-й дивизии Штрекера, 8-й дивизии генерала Гейтса и 14-й танковой дивизии Хюбе сдерживали напор четырех советских армий, рвущихся к защитникам Сталинграда с севера.

Все неудачи Гитлер перекладывает на касту узколобых военных. „Профессионализм“ становится в его устах бранным словом. Здесь нужно сказать, что не все в этой касте разделяли веру в правоту и необходимость сталинградской бойни. Командующий 14-м танковым корпусом генерал Витерсхайм, чьи танки в свое время разрезали Францию, соревнуясь с Гудерианом (и которые первыми вышли на берег Волги), подал докладную, требуя убрать его части из района Рынка, где они постепенно уничтожаются советской артиллерией. (С ним поступили жестоко — он лишился должности и жил в качестве частного лица в Померании, взяв во второй раз оружие лишь как простой боец ополчения — фольксштурма — в 1945 году.) Еще одной жертвой настроя на упорное выжигание противника из сталинградских развалин стал командующий 4-м танковым корпусом генерал фон Шведлер, так успешно действовавший против Тимошенко в мае 1942 года. Он был первым принципиальным критиком сосредоточенности на развалинах неживого города, сторонником выхода из сталинградской западни, пока русские не воспользовались слабостью германских флангов. Как пораженца его лишили командных постов и воинской пенсии.

Давно уже назревал конфликт между Гитлером и начальником штаба сухопутных войск Гальдером. Побывавший в Виннице Манштейн был поражен натянутостью их отношений. Гитлер распекал педантичного Гальдера как человека не имеющего подлинного боевого опыта, — намекая на свой окопный опыт Первой мировой войны. В ответ Гальдер едва различимо говорил, что для управления войсками требуется специализированное образование. Непосредственный конфликт не стоил выеденного яйца. Речь зашла о дате определения номера одной из советских дивизий, переводимой на юг. Гальдер присовокупил к спору аргумент о необходимости укрепить войска фельдмаршала Клюге (группа армий „Центр“).

Гальдер уже в конце сентября отметил „постепенное истощение“ шестой германской армии. Дилемму Гальдера его тогдашний коллега и военный историк К. Типпельскирх определяет так: „Какое значение имел бы захват всех нефтяных районов Кавказа и Волги, которую стремились

представить как важнейшую коммуникацию русских, когда к тому времени они уже создали восточнее Волги другие коммуникации?“ Оценка возможностей противника, произведенная в штабе сухопутных сил (как вскоре выяснилось, вполне правильная), внушала серьезные опасения. На эти соображения и наблюдения и опирался генерал-полковник Гальдер в своих докладах». За это и не терпел его жрец «волевого фактора» Гитлер. Ледяным тоном главнокомандующий вооруженными силами Германии объявляет своему начальнику штаба сухопутных сил, что оба они нуждаются в отдыхе и приведении в порядок нервов. Один из них не может помочь другому. Гальдер молча поклонился и пошел паковать чемоданы со словами: «Я убываю». Последнее, что он сделал в винницкой штаб-квартире Гитлера, — написал короткую записку тому, кого считал своим учеником и другом, — командующему 6-й армией. «Сегодня я оставил мой пост. Позвольте мне поблагодарить вас, мой дорогой Паулюс, за вашу лояльность и дружбу и пожелать вам дальнейших успехов как вождю, которым, как вами доказано, вы являетесь».

Насущной для Гитлера задачей было нахождение нового начальника штаба сухопутных войск. Его выбор остановился на предложенном адъютантом Шмундтом генерал-майоре Курте Цейтцлере, энергичном сорокасемилетнем офицере, амбициозном и динамичном, верном поклоннике фюрера, успешно справившемся с обязанностями начальника штаба у фельдмаршала Рундштедта на Западе. 24 сентября изумленного Цейтцлера, отличавшегося маленькой головой и быстрой реакцией, вызвали к Гитлеру и, возведя в ранг полного генерала от инфантерии, предложили пост, прежде занимавшийся Гальдером. Цейтцлер был моложе и пользовался репутацией очень волевого человека. Гальдер принадлежал к верхнему слою германского генералитета и имел авторитет, превышающий влияние командующих группами армий, чего у Цейтцлера не было. Ему нужно было этот авторитет еще завоевать. В определенном смысле Цейтцлер был антитезой Гальдера, у него были свои достоинства, но среди генералитета этот маленький плотный человек, которого называли «состоящим из трех шаров», не пользовался престижем Гальдера. Он участвовал в польской войне начальником штаба корпуса, в войне против Франции — начальником штаба танковой группы Клейста. В дальнейшем он в основном занимался береговой обороной на западе. Гитлер попросту считал, что высокий пост оглушит неизбалованного судьбой генерала. Как полагает Лиддел Гарт, «Гитлер учитывал то обстоятельство, что ему будет легче обсуждать срочную проблему наступления к Каспийскому морю и Волге хотя бы потому, что Цейтцлер первое время окажется под влиянием

внезапного назначения на высший пост».

При этом Цейтцлера не следует считать простым сикофантом. Уже на первом совещании с участием Гитлера и двадцати высокопоставленных офицеров он, как и все, выслушав диатрибу против штабного состава, обратился к Гитлеру со следующими словами: «Мой фюрер, если у вас есть претензии к штабу, скажите мне об этом наедине, но не в присутствии такого числа офицеров. В противном случае вам придется искать другого начальника штаба армии». Отдал честь и вышел из комнаты. Все ожидали бури, но Гитлер на удивление обмяк и обратился к окружающим с блуждающей полуулыбкой: «Он ведь вернется, не так ли?» Но те, кто ожидал появления в руководстве новой твердой руки, ошибся. В первом же обращении к сотрудникам ОКХ Цейтцлер сказал: «Я требую следующего от каждого штабного офицера: верить в Фюрера и в его метод командования. Он обязан испытывать уверенность в отношении каждого находящегося в его окружении офицера. Я не нуждаюсь ни в ком из штабных офицеров, которые не могут подчиниться этому требованию». Цейтцлер при этом постарался ослабить влияние на Гитлера Кейтеля и Йодля, стремясь обсуждать события на Восточном фронте с глазу на глаз с Гитлером.

Назначение взятого с Запада генерала Курта Цейтцлера с точки зрения мирового конфликта было важным потому, что Гитлер окончательно меняет систему управления германскими войсками. На начальной стадии осуществления «Барбароссы» сухопутные войска, возглавляемые Браухичем и Гальдером, работают как традиционно эффективный прусский военный механизм. Кризис под Москвой пожирает Браухича и всех командующих группами армий, ослабляет при этом ОКХ как управленческий комплекс. Назначение Гитлером себя главнокомандующим потрясло систему. На пути к всевластию и интуитивному руководству стоял последний принципиальный выразитель технических доблестей старой школы — генерал-полковник Гальдер. Разумеется, он мог раздражать Гитлера и по личным характеристикам, но прежде всего потому, что Гитлер не видел в нем признания себя в качестве верховного главнокомандующего. Если прусская каста не признает нового военного гения, тем хуже для касты. Ее представители уходят в тень. Влияние приобретают нацистские «младотурки» типа адъютанта Гитлера Шмундта, о которых, в плане стратегических способностей, сказать нечего.

Цейтцлер был призван потому, что никогда не видел Гитлера просящим совета у своих генералов, он был заведомо подчинен Гитлеру как «творцу истории». Аппарат ОКХ уже деградировал. В ОКВ Кейтель

(скорее) и Йодль (несколько позже) превращаются в простых проводников «гениальной интуиции фюрера». Гитлер демонтирует принятую в 1933 и оформленную в 1936–1938 годах систему симбиоза с позднекайзеровским генералитетом. Нацистские выдвиженцы не породили гениев, они оказались способны лишь бестрепетно вести немецких солдат в горнило потерявшей стратегическую нить войны. Тип генерала-стратега, тип, знакомый от Шарнхорста до Людендорфа, уходит в тень. Нацистскому режиму оказались нужнее такие поверхностные «герои», как Роммель, и такие рабочие лошадки, как Модель.

Отныне все важнейшие решения будут приниматься на ежедневных конференциях — совещаниях с военными, где мнение Гитлера равносильно финальному выводу. Оттого-то Гитлер и заводит практику абсолютного фиксирования всех мнений. Специально набранные стенографисты фиксируют ход обсуждения и мнение каждого. Теперь никто не увильнет от документально фиксированного исторического свидетельства. Как будто дело в точном следовании параноидальному упрямству, а не в раскрепощенном воображении независимого ума. На этих многочасовых конференциях сидит лишь один человек — Гитлер. Остальные почтительно толпятся вокруг стола с картами. Гитлер демонстрирует свою память и невообразимый объем деталей. Но он уже не задает роковых вопросов, не смотрит в суть дела и сводит все не к замыслу, а приказной механике. Цейтцлер прибыл уже в устоявшуюся систему ежедневных конференций, и Гитлера устраивало то, что он никогда не видел его почтительно задающим вопросы этим высокомерным фельдмаршалам и генералам с моноклями. Но германская армия начинает от этого терять суть своей прежней мощи.

С назначением Цейтцлера оканчивается целый период в истории, в композиции вооруженных сил Германии времен Третьего Рейха. До сих пор традиционная военная каста так или иначе управляла вооруженными силами ведущей мировую войну страны. Теперь эта каста была отстранена. Основные решения отныне принимал Гитлер, окруженный группой сикофантов и второстепенных специалистов. Государством, созданным Бисмарком и Мольтке, теперь управлял в качестве первого Гитлер, а в качестве второго группа исполнительных офицеров, не имеющих ни характера Мольтке — Людендорфа, ни отчетливо обозначенного собственного стратегического видения. Война а outrance, война беспредельного кровопролития, теперь стала основополагающим принципом. Гитлер верил, что первым ослабнет, осядет и рухнет русский колосс. Германский генералитет, заглушив исконно присущее стратегическое чутье, тоже захотел в это поверить. События осени и зимы

1942 года принесут первые сомнения в адекватности такого поведения германской военной касты.

Немалое влияние приобретает прежний главный адъютант Гитлера генерал Шмундт, назначенный Гитлером во главу отдела персонала сухопутных войск — ведомства, ответственного за все важнейшие назначения. Убежденный нацист более чем многие его военные коллеги ценит партийную лояльность и идейную цельность как главные — вместо прежних компетентности и эффективности — качества генералитета Третьего рейха. (В частности, находящийся в центре событий Паулюс «чувствовал, что должен послать Шмундту свои поздравления»). Паулюс косвенно впервые просит о ревизии своей миссии, ведь согласно директиве № 41 он должен был сделать Волгу простреливаемой, что он уже и сделал. Шмундт заинтриговал Паулюса сообщением, что место во главе Оберкоммандо Вермахт — Верховного командования вооруженных сил Германии, занимаемое Йодлем, может оказаться вакантным. И Паулюс, при определенном стечении обстоятельств, может претендовать на этот пост. Этого намека оказалось достаточно, чтобы высший германский офицер, который вскоре получит маршальский жезл, подобострастно заглушил свое критическое восприятие происходящих судьбоносных для Германии событий.

Шмундт затронул чувствительную струну. Эту сторону событий никто не знал в сталинградском окружении Паулюса, она, известная нам теперь, дополнительно объясняет дисциплинированность Паулюса, ослабление в нем внутреннего стержня в наступивший несколько позже критический период. Относительно молодой генерал, фактический любимец Гитлера, одновременно признанный такими людьми военной касты, как Гальдер, жаждал великой карьеры. (Примерно так же в ноябре-декабре 1941 года фон Бок жаждет славы овладения Москвой и закрывает глаза на все прочее). Долг и честолюбие в нем несколько разошлись. Теперь Паулюс готовит четвертое наступление в Сталинграде (на этот раз против района индустриальных гигантов Сталинграда). Он ненавязчив, понятлив, умеренно активен, дисциплинирован, лоялен. В обычные времена этих качеств — при общем везении — достаточно для продвижения по лестнице власти. Но вокруг шел страшный бой, решались судьбы мира, и иные качества нужны были для исторических свершений.

Уважение к профессионализму не помешало бы Гитлеру. По сведениям руководителя военной разведки Гелена (Fremde Heere Ost) у Красной армии имелись реальные резервы — примерно семьдесят дивизий и около восьмидесяти моторизованных частей, сведенные в практически единый

резерв. Военная промышленность СССР увеличивает производство, среди военной продукции первоклассные танки Т-34 и КВ. И окружающие Гитлера генералы не отличались тупостью, для них достаточно остро стоял вопрос, где советское командование начнет отвлекающее наступление, где находятся резервы Красной Армии? Одновременно германские фронтовые командиры указывали на слабые места — левый фланг шестой армии Паулюса излишне протяжен и недостаточно защищен (мнение самого Паулюса, выраженное перед фюрером еще 12 сентября). Группа армий «А» излишне растянула свои коммуникации и обнажила левый фланг. Это будет малозначимым обстоятельством, если стоящие левее советские войска ослабнут. Все это означало, что Сталинград должен был быть либо быстро взят, либо следовало проявить стратегическую широту, не допуская решающего перенапряжения в одном, потерявшем уникальную стратегическую значимость месте.

И уж в самом худшем случае (процитируем Кейтеля), «осуществить стратегическое отступление на самую кратчайшую линию фронта, то есть от Черного моря или Карпат до Чудского озера и удерживать его всеми имеющимися средствами». Возможно, дальше других в своем реализме и пессимизме в 1942 году в германской верхушке дошел начальник VI управления имперской безопасности (РСХА) Вальтер Шелленберг, начавший уговаривать Гиммлера выйти на дорогу поисков сепаратного мира. В изложении самого Шелленберга разговор с главой сил СС проходил «крайне бурно. Гиммлер ругал всех экспертов, но постепенно мои спокойные аргументы все же начали действовать на него, и под конец о моем аресте речи уже не шло. Передо мной сидел задумавшийся Гиммлер. „Да, — протянул он, — если мы на этот раз не справимся с Востоком, нам придется уйти с исторической сцены“».

Всепожирающий гнев Гитлера в отношении усомнившегося Гальдера лишил Паулюса могущественного покровителя в штабе сухопутных сил. Паулюс получил прощальное письмо Франца Гальдера как раз в тот момент, когда его солдаты устанавливали огромную свастику над полуразрушенным зданием универмага в самом центре Сталинграда. Не все из присутствовавших журналистов посещали советские универмаги, и кое-кто назвал универмаг университетом. Мероприятие было праздником для фотокорреспондентов рейха, но не для Паулюса, который знал, что за шесть недель боев, прошедших после броска от Дона к Волге было убито более семи с половиной тысяч солдат, а тридцать пять тысяч было ранено. Его армия потеряла за полтора месяца десять процентов боевой силы. А что она приобрела? Он знал, что, если даже он возьмет этот невозможный

Мамаев курган, основные битвы будут его ждать в районе северных индустриальных заводов-гигантов. А если он возьмет и заводы, начнется битва за подвалы. Он взорвет все подвалы, но не исчезнет вопрос: где русские резервы? Ведь их нет в лунном пейзаже Сталинграда. Одно он уже знал точно, русские не поднимут белый флаг. Ожесточение войны, превращенной нацистами в этническое уничтожение, перешло все грани, и дороги назад нет.

Вернувшись с церемонии перед универмагом, Паулюс включил свой граммофон и постарался успокоиться — тик его щеки теперь был виден всем. В штаб группы армий «Б» была послана телеграмма: «Численность пехотных войск в городе уменьшается быстрее, чем прибывают пополнения. Если ослабление армии не прекратится, битва окажется продолжительнее ожидаемого». Едва ли кто знал в этот момент, что главнокомандующий думает о мантии Йодля, о руководстве ОКВ. Ведь прежняя обеспокоенность Паулюса тающими ресурсами разделялась большим числом его офицеров. Ценность представляло мнение лейтенанта Отля — передового наблюдателя на передовой в нескольких километрах севернее тракторного завода, который каждый день пробирался на укромную позицию почти на нейтральной полосе и следил за процессами в стане противника. В свой цейссовский бинокль он видел, что первоначальное ополчение заменено регулярными войсками. Дни и недели артиллерийского огня не «размягчили» русскую армию, ее решимость сражаться была очевидной. Ночью из-за Волги поступали подкрепления. Ничто не предвещало неожиданного ослабления русской армии. Напротив, все говорило о том, что здесь, в центре своей земли, русские будут сражаться до конца. А качество немецких войск, по мнению Отля, со временем ухудшалось. Молодые офицеры не имели квалифицированного представления о правилах ведения боевых действий в городских условиях. Решающий поворот в пользу немецких сил был в таких обстоятельствах маловероятен.

Германские офицеры отмечали, что их войска в северных секторах находятся в антисанитарных условиях, не получают достаточного питания. И главное: они теряют смысл происходящего, слабеют характером, начинают сомневаться в победном финале. Их нервирует характерное поведение русских — постоянный артиллерийский обстрел и небольшие по масштабу наступательные операции. Эти операции не продвигали русских вперед, но они определенно ослабляли немцев. Подполковник Кодр предсказывает и жалуется одновременно: «В Сталинграде немцы получают шок на всю оставшуюся жизнь, потому что русские еще далеко не разбиты.

Постоянным источником беспокойства для нас стали плохие коммуникации через Украину. Для выживания 6-й армии требуется 750 тонн подвоза в день, и все это идет по единственной колее, оканчивающейся на станции Чир».

Готовясь к отбытию в Харьков для лечения обострившейся желтухи, полковник Гюнтер фон Бюлов прощался с товарищами в штаб-квартире 6-й армии в Голубинке. Вокруг не было радостных лиц. Цена Сталинграда уже превышала мыслимые пропорции. Будучи офицером разведки, Бюлов знал общую стратегическую ситуацию. 6-я армия распласталась в приволжской степи, и ее фланги не были укреплены. В этом с ним согласился даже начальник штаба армии генерал Шмидт, сказавший, что и Паулюс испытывает опасения. Отправляясь в тыл, Бюлов оставался при твердом убеждении, что взять Сталинград удастся, но что будет, если русские воспользуются завязанностью армии на городские бои и нанесут удар во фланг?

Обеспокоенность испытывал и ответственный за левый немецкий фланг генерал Карл Роденберг (настоящий немецкий генерал, с моноклем), который видел прорехи на своем протяженном фронте. Его 76-я дивизия понесла невероятные потери, и упорство русских контратак наводило его на грустные мысли. Ввиду постоянных утрат кадровых офицеров, ему приходилось возводить в офицерский чин не очень опытных унтер-офицеров, что, конечно же, снижало качество управления войсками. Стоя каждую неделю над свежевырытыми могилами, генерал начал испытывать серьезные сомнения в успешности финала прыгнувшей к Волге 6-й армии.

Но у немцев были и такие обстоятельства, которые убаюкивали их. Взгляд на карту вызывал неписанный восторг, калмыцкие впечатления создавали иллюзию пребывания в глубокой Азии и все казалось возможным. Германский фронт твердо стоял в Центре и на Севере, смертельно сжимал Ленинград — и это тоже казалось фактором стабильности. В конце концов Паулюс может и отступить, но русским, неспособным продвинуться на отдельных участках фронта, уже никогда не отнять завоеванного вермахтом за последний год. Генералы полагались на внутреннюю крепость рейха. Там лето баловало теплом, где-то в рейхе проходили выставки лошадей, жизнь шла по мирным законам. Да, англичане бомбили города — но лишь потому, что люфтваффе занят под Сталинградом. Осталось последнее усилие — и вся Европа признает германское доминирование. Пока мешают лишь эти упорные полуазиаты. Но их упорство знает предел, разве не было в прошлом году Киева и Вязьмы?

Немцы с любопытством рассматривали трехметровый Татарский вал, протянувшийся в степи на двадцать с лишним километров. Очень чужая история. Теперь этот вал прикрывал немецкие танки. В тылу пользовались успехом камышинские арбузы и дыни. Щедрая осень таила едва ли не негу, трудно было помыслить, что верный немецкий бог войны предаст эту великую армию. Ничто пока не предвещало перемены в его очевидном патронаже. И этот артиллерийский гул, исходящий от Сталинграда, не может длиться вечно. В некоторых письмах немецких солдат домой ощутима даже скука. Они ожидали более волнующих событий, чем это глупое упорство в руинах. На что рассчитывают русские? Их территориальные и людские потери уже превзошли все мыслимое и немислимое. Их сопротивление лишь продлевает их агонию. Пусть складывают оружие и уходят за Урал. Их тупое упрямство — лучшее свидетельство человеческой обделенности этих унтерменшей.

Конечно же, в мирных степях вокруг госпиталей росли деревянные кресты с ранающей сердце последней датой — 1942. Но войны без жертв не бывает, и не сравнить германские потери, засвидетельствованные на аккуратных кладбищах, с неприметными, но огромными могилами русских. А Паулюс потребовал «финального» усилия в городе.

Вахта на Востоке

Немцы никогда не были настроены более серьезно и ожесточенно, чем в этот раз. Один из германских офицеров заносит в дневник: «Дни становятся короче, это очень ощутимо. По утрам воздух очень прохладен. Действительно ли мы собираемся воевать еще одну ужасную зиму? Я думаю о ценности уже содеянного. Многие из нас думают, что ужасные усилия стоили того, если мы завершим свое дело до зимы». С угрюмой решимостью даже самые недовольные готовились нанести безумным русским последний удар.

На 62-ю армию теперь нацелились одиннадцать германских дивизий. Среди них три танковые (14-я, 24-я, 16-я), две моторизованные (29-я и 60-я), шесть пехотных (71-я, 79-я, 94-я, 100-я, 295-я, 389-я). Танки 14-й и 24-й дивизий готовились наступать с юга, танки 16-й танковой германской дивизии стояли против правого фланга нашей 62-й армии. Две германские дивизии занимали Центральный вокзал и Центральную пристань. Сотая горнострелковая дивизия (Jager) немцев нацелилась на Мамаев курган. Ударная 71-я германская дивизия встала напротив завода «Красный Октябрь». Мамаев курган сохранял свою исключительную значимость. Его владелец смотрел сверху на главные бастионы обороны — сталинградские заводы.

Никогда еще у Паулюса не было столько специалистов по борьбе в городских условиях, инженеров-подрывников, ударных сил специального назначения. Но советская сторона, можно сказать, уже воспитала целые части бойцов, не теряющих голову в самых отчаянных ситуациях. Постепенно и они сами и окружающие начинают убеждаться в том, что русские обходят немцев в темной городской борьбе, где малые «ударные группы» и целые подразделения снайперов способны поспорить со стальными машинами и на земле и в воздухе. Чуйков создает специальные заминированные зоны, куда только его люди знают подход, где путь ударных немецких колонн во главе с танками можно заранее предугадать.

Теория Чуйкова проста, но эффективна: «Держись ближе к позициям противника; действуй по всем направлениям, используй воронки и развалины; рой свой окоп ночью, маскируйся днем; готовь ударную позицию для атаки незаметно и без шума; неси свой автомат на плече; бери с собой от десяти до двенадцати гранат. Выбор времени и неожиданность будут на твоей стороне... Бросай гранату в каждый угол комнаты, только

затем двигайся вперед! Произведи очередь по тому, что осталось; продвись немного дальше и бросай еще одну гранату, затем двигайся снова! Еще одна комната — еще одна граната! Поворот — еще одна граната! Проверь автоматной очередью и двигайся вперед. Внутри объекта наступления противник может прибегнуть к контратаке. Не бойся. Ты уже овладел инициативой, она в твоих руках. Действуй более жестко со своей гранатой, своим автоматом, кинжалом и саперной лопаткой! Борьба внутри домов всегда таит неожиданность. Будь всегда готов к неожиданному повороту событий. Смотри внимательно».

Немец на противоположной стороне записывает свои впечатления. «Мы сражались в течение пятнадцати дней за один-единственный дом, применяя минометы, гранаты, пулеметы и штыки. Уже на третий день пятьдесят четыре немецких трупа лежали в подвалах, в проходах, на лестницах. Фронт пролегает между выжженными комнатами; фронт — это тонкий потолок между двумя этажами. Помощь приходит из соседних домов через пожарные лестницы и камины. Идет бесконечная борьба от полудня до глубокой ночи. От этажа к этажу, лица черные и в поту, мы бомбардируем друг друга гранатами среди взрывов, облаков пыли и дыма, груд минометов, потока крови, фрагментов мебели и человеческих существ. Спроси любого солдата, что означают полчаса рукопашной схватки в таком бою. И представь Сталинград: восемьдесят дней и ночей рукопашных боев. Улицу больше не измеряют метрами, измеряют трупами... Сталинград больше не город. Днем — это огромное горящее облако, слепящий дым; это огромная печь, освещенная бликами огня. А когда приходит ночь, одна из этих кровавых ночей, собаки бросаются в Волгу и отчаянно пытаются достичь противоположного берега. Животные бегут из ада; самые твердые камни не могут вынести этого долго; держатся только люди».

Ранним утром 27 сентября Чуйков начал атаку, традиционно рассчитанную на то, чтобы сорвать методичные приготовления немцев к штурму. А Еременко все еще бился с севера вдоль Волги о стальную стену оказавшейся непреодолимой германской обороны. Несколько часов наступления Чуйкова ни к чему ни привели, и 62-я оцепенела, когда в воздухе появились эскадрильи штурмовиков генерала Фибига. Через два часа в тех же небесах обозначились очертания германских бомбардировщиков. Верхушка Мамаева кургана была в очередной раз вспахана и полита металлом. Зарывшиеся здесь в землю гвардейцы 95-й дивизии генерала Горышнего теперь уже точно ждали атаки. И она последовала. Танковая, горнострелковая и пехотная дивизии устремились на Мамаев курган и на завод «Красный Октябрь». Со стороны Городища

шли 150 немецких танков. Они, несмотря ни на какие потери, преодолевали минные поля и вели за собой пехоту. К двум часам дня они дошли до Банного оврага, т. е. уткнулись в северный забор «Красного Октября». Люди Горышнего держались лишь за северный и восточный склоны Мамаева кургана.

А на южном фланге вести были столь же неутешительны. Войска Паулюса продвинулись на юг от реки Царицы и вышли к Волге. В их руках теперь было не менее семи километров побережья реки в пределах самого города. Немцы днем отвоевывали то, что теряли ночью. Немцы вообще не любили ночь, когда их патрульных мог ждать за каждым поворотом кинжал или штык. Но днем, когда германская авиация владела небом, их полевые части получали ценную картину происходящего на сталинградских улицах, а бомбометание прижимало русских к родным развалинам.

Редкий случай, когда Чуйкова охватило почти отчаяние, — 27 сентября он обращается к командованию Юго-Восточного фронта: гвардейцы на Мамаевом кургане разъединены, восемьдесят танков движутся на «Красный Октябрь», левый фланг смят, противник нагло владеет небом Сталинграда. К вечеру этого дня, потеряв две тысячи человек и пятьдесят танков, немцы продвинулись на тысячу метров. Более всего Чуйков хотел прикрытия с воздуха. Хотя бы на несколько часов в день. В ночь на 28-е через Волгу переправились остатки 193-й пехотной дивизии полковника Смехотворова. В свете желто-зеленых вспышек, теряя товарищей уже на берегу, они тащили с собой оружие и боеприпасы в лунном пейзаже города-призрака, где уже не видно было признаков ничего живого. Они шли к фантастическому зданию завода «Красный Октябрь», периодически освещаемому разрывами снарядов. Тот, чья психика переживала этот шок, был уже иным человеком. Человеком обреченным, но отвердевшим до степени отключения восприимчивости, без чего жизнь в этом варианте ада была невыносима. 193-ю разместили у заводской столовой. Напротив, в школе № 5, находились немцы.

С растаявшим утренним туманом блеснул погожий сентябрьский день. (Тот случай, когда больше радовала плохая погода). Немцы бросились в бой, словно завтрашнего дня для них уже не было. Чуйков приказал наличным минометам и орудиям безостановочно бить по вершине Мамаева кургана — единственный способ не допустить немцев к визуальному контролю над всей схваткой. Непонятно как ориентированные, немцы обрушили бомбометание на армейскую штаб-квартиру, если так пышно можно назвать развал среди битых барж. Текущая рядом нефть горела, этот ее запах въелся в легкие окружающих — он стал знаком битвы: горящая

холодная волжская вода.

Два батальона 284-й дивизии Батюка бросились к вершине царящего надо всеми кургана и достигли ее. Но не удержали, слишком хорошо эта вершина простреливалась. Триста человек Батюка и Горышнего полегли в этой битве. Триста спартанцев у наших Фермопил. Путник, не забудь, как они погибли.

Но и зеленоватые мундиры немцев валялись повсюду. В этот день германские силы пробились на «Красный Октябрь», и бои велись в мрачных корпусах. 29 сентября немцы сломали плацдарм возможного наступления Чуйкова на северо-востоке зоны обороны (оттуда осажденные намеревались ударить в случае подхода давно ожидаемых армий Сталинградского фронта с севера). Плацдарм Орловка защищался 250 солдатами 112-й пехотной дивизии генерала Сологуба. Паулюс видел опасность выхода армии Москаленко к Чуйкову, это сразу же отсекало левый фланг его войск, и он бросился вперед с осознанием этой опасности. В течение дня протяженность плацдарма сократилась вдвое. На следующий день немцы почти смели Орловку с лица земли, что позволило выйти к огромному Сталинградскому тракторному заводу и к «Баррикадам». Последовали обращения Чуйкова к левому берегу.

Ставка направила из Саратова для форсирования Волги две танковые бригады. Готовые переплыть реку стояли 87-я и 315-я бригады из непосредственного резерва Ставки. Они отправились в сталинградскую сторону вечером 30 сентября, чтобы немедленно разместиться в северо-западном секторе города.

Винницкая жара неблагоприятно действовала на Гитлера, и он решил возвратиться в свое «Волчье логово». Огромный «Юнкерс-52», глухо урча моторами, вылетел на север. Проклятье русского лета не оставляло Гитлера на всем пути. Да, немецкие танки направили жерла на вершины Кавказа и долину Волги, но стратегических целей германская армия не добилась. Противник сопротивляется, и ослабевает ли он — этого с достоверностью утверждать не мог никто. Как оценивает ситуацию спустя много лет американский историк У. Крейг, «степной блицкриг застрял на улицах Сталинграда».

Но мастер пропаганды должен доказать обратное. Гитлер 30 сентября, обращаясь к огромному залу в Шпортпаласте, начал рассуждать об искажении в восприятии очевидных вещей. Достойными заочного диалога фюрер всегда считал лишь англичан, лишь с ними он вел свой вечный спор. «Когда мистер Иден и ему подобные объявляют о наличии у них убеждений, нам становится трудно говорить с ними, потому что их

представление об убеждениях разнится с нашим... Они убеждены, что Дюнкерк был одной из величайших побед в мировой истории... Ну что мы можем на это сказать? Если мы продвинулись на 1000 километров, то это так себе. Это просто поражение... Если мы смогли пересечь Дон, дойти до Волги, атаковать Сталинград — и он будет взят, вы можете быть уверены в этом, — это просто детские игрушки. Для них мало что значит, если мы дошли до Кавказа, оккупировали Украину и Донецкий бассейн... У нас были три цели: 1) отнять у русских последнюю часть территории, на которой они производят пшеницу; 2) отнять последнее месторождение коксующегося угля; 3) приблизиться к нефтеносному району, парализовать его и, как минимум, изолировать его. Наше наступление довело нас до великой транспортной артерии — до Волги и Сталинграда. Вы можете быть уверены, что, если уж мы оказались здесь, никто не сможет выбить нас отсюда».

В окончании речи все присутствующие спели «Песню Восточной кампании»:

Мы стоим на страже Германии,
Держим вечную вахту.
Теперь, наконец, солнце стало всходить с Востока,
Призывая миллионы на битву.

Но на немецкой «вахте» на востоке уже не было единодушия. Из окружения Розенберга пришел тринадцатистраничный меморандум Отто Бройтигама, жившего некогда семь лет в России. Своей жестокостью и своими целями, писал Бройтигам, «наша политика свела большевиков и русских националистов в единый лагерь, борющийся с нами. Русские сражаются сегодня с исключительной отвагой и самопожертвованием ни за что большее, как за признание своего человеческого достоинства». Неизвестно, читал ли Гитлер этот меморандум, но ясно то, что он решил вести и выиграть войну на своих условиях.

Он все больше игнорировал то обстоятельство, что растущие потери, возникающее и растущее ощущение невозможности победить в преддверии суровой зимы прямо и непосредственно ослабляют моральный дух германской армии. Их резервы истощались все более, растянутые фланги перестали быть надежным прикрытием. Как формулирует Типпельскирх, «Сталин со злобной силой следил за наступлением немецких войск на Сталинград и Кавказ. Он расходовал свои резервы очень экономно и только

тогда, когда было действительно необходимо помочь обороняющимся в их крайне тяжелом положении. Вновь сформированные, а также отдохнувшие и пополненные дивизии пока не вводились в бой: они предназначались для того, чтобы как карающим мечом Немезиды разрубить слишком растянутый фронт немецких армий и их союзников и одним ударом внести коренной перелом в положение на юге».

На горизонте нашей судьбы едва пока заметно забрезжил просвет. Им следовало воспользоваться.

Глава двенадцатая

План «Уран»

В Москве Сталин 28 сентября 1942 года обсуждал «Уран» с Жуковым и Василевским. Он снова обрел уверенную форму и в деталях расспрашивал своих собеседников о волжских военачальниках. Именно тогда в разговоре с ним вошла звезда Константина Константиновича Рокоссовского, совсем недавно жестоко пытаемого, потерявшего зубы на ночных допросах. Теперь Сталин одобрил его назначение командующим Донским (прежде Сталинградским) фронтом. География региона тоже подверглась обсуждению. Для успеха замысленного, решили трое, необходима активность на всех остальных фронтах — немцам нельзя позволить перегруппироваться, снять боевые части с других фронтов. Так же, как в конце августа напор под Ржевом едва не привел к разрыву германского фронта на центральном его участке (что отвлекло часть германских сил, ориентированных на Сталинград), так и теперь, с осенней непогодой, должно было усилиться давление на всех фронтах, что исключило бы массивную помощь Гитлера Паулюсу.

Напомним, что к этому времени весь свой фронт советская сторона поделила на фронты, непосредственно подчиняющиеся Ставке Верховного Главнокомандующего. Из Ставки на фронты на постоянной основе делегировался один из генералов со специальным штабом, координирующим действия фронтов, каждый из которых состоял из четырех армий. Армии эти по численности были меньше западных, и каждая из этих армий непосредственно руководила дивизиями (без прежнего промежуточного звена — корпус). В корпуса теперь были сведены бронетанковые и моторизованные войска, в действительности представлявшие собой крупные дивизии, подчиненные непосредственно командующему фронтом.

Самое торжественное случилось в конце встречи. Жуков и Василевский подписали план контрнаступления. Последним поставил свою подпись после слова «одобрено» Сталин. Жуков и Василевский приготовились к вылету на места будущей операции, до начала которой трое определили срок в сорок пять дней.

Октябрь

Чтобы удался план, возникший первоначально у Жукова и Василевского, нужно было сохранить прикованность немцев к Сталинграду, нужно было связать их уличными боями, зашорить их стратегическое видение, занять их руки, дестабилизировать эмоционально. Это означало, что тысячи известных и неизвестных защитников Сталинграда должны были умереть за камни, принести на алтарь отечества свою жизнь именно здесь, в этих мрачных руинах, ощущая себя стоящими на последнем рубеже Отечества. 5 октября Сталин отдает командарму Еременко особый приказ: стоять в Сталинграде до последнего. В Москве не очень верили, что немцев можно будет сдержать на унылом плоском левом берегу Волги, где возводить укрепления поздно и бессмысленно (так велик окружающий простор), выйдя куда немцы, — мастера маневра, смогут ускользнуть от карающего меча. На всякий случай Ставка начала посылать сюда, на левый берег Волги эшелоны войск и вооружений. Из московского оборонительного района сюда посылаются зенитные орудия. На волжских островах создается специальная оборонительная зона.

К октябрю Чуйков получил около ста тысяч человек — почти семь дивизий, огромная сила. Но потери были столь велики, что в 62-й армии осталось только 53 тысячи человек, способных носить оружие. Потери за месяц составили восемьдесят тысяч человек. К 12 октября Сталинградский фронт получает 7-й стрелковый корпус и две кавалерийские дивизии (61-ю и 81-ю). Второму танковому корпусу генерала Попова поручается укрепить острова Спорный, Зайцевский, Голодный и Сарпинский, а также непосредственно лежащий напротив города левый берег. Значит, в ставке знали о бездонной воле защитников Сталинграда и все же сомневались в их сверхчеловеческой способности удержать погруженный в страшный мрак город.

Напрасно. Сталинград жил и боролся. Его гарнизон уже сделал свой выбор, он не надеялся увидеть сам светлые дни, но он покинет этот мир только с жестоким врагом. Удивительно: на дальнем южном фланге рабочие восстановили СтальГРЭС и стали подавать электричество в цеха мастерских и заводов. Разумеется, здесь, под носом у немцев, работа шла только ночью, но восстанавливались и ремонтировались танки. Немцы заметили дым и последовали свирепые бомбардировки. Здесь же рядом скрытно ремонтировали волжские суда, катера, баржи. Немцы начали

выселять из обломков города последних жителей. Судьба их печальна, наступающей осенью их гнали в никуда. И не забудем, что даже в огневом августе тракторный завод выпустил 400 танков. В октябре он умудрился ремонтировать машины под шквальным огнем. Жители города, хорошо знающие свои кварталы, вступали в бессмертную 62-ю армию, чтобы в самом прямом смысле защитить свой дом.

Чуйков, преодолевая чудовищную экзему, отказывался покинуть город хотя бы на день. Он стремился создать более безопасные каналы сообщения с левым берегом. Особый — узкий переходной мост соединил его с Зайцевским островом. Но его приходилось постоянно восстанавливать, он был хорошо виден германским корректировщикам.

А в это время весь огромный советско-германский фронт как бы замер, замороженный битвой на Волге. На севере германское наступление на почти вымерший Ленинград выдохлось еще до настоящих холодов. Перед Москвой немцы отбили несколько наступлений Красной Армии, но было ясно, что не здесь будут задействованы главные силы. Мало кто знал тогда, что эти бои имеют лишь жертвенную ценность. Нельзя было позволить врагу перевести часть сил на решающий — сталинградский — участок огромного фронта.

Сталинград («это место», как сказал о нем перед публикой Гитлер) держался. В начале октября 62-я армия Василия Чуйкова держала двадцатикилометровый фронт. Глубина защищаемого им анклава колебалась от двух с половиной километров до 250 метров. Все движение в этой хорошо простреливаемой зоне осуществлялось только ночью. Переправа стала еще более опасным делом, так как немцы просматривали реку и с позиций севернее Мамаева кургана, и с устья реки Царицы. В центральной части города 13-я гвардейская дивизия Родимцева держала оборону от Пензенской улицы на севере до Крутого оврага на юге. Немцы между тем как бы раскусили значимость оврагов в этой странной для них местности. В ночь 1 на 2 октября несколько сот человек из 295-й немецкой пехотной дивизии, таща за собой минометы, прошли через Крутой овраг к Волге. Они зашли в тыл 34-му гвардейскому полку. Понадобились чрезвычайные усилия, чтобы Родимцев ликвидировал замешательство и восстановил порядок.

В начале октября 1942 года основные битвы в Сталинграде велись в северных пригородах — вокруг заводов «Красный Октябрь», «Баррикады», СТЗ — Сталинградского тракторного завода. В первую октябрьскую ночь 39-я гвардейская дивизия генерала Гурьева (4000 бывших авиадесантников парашютных войск) заняла позиции к западу от завода «Красный Октябрь».

Они получили приказ превратить завод в неприступную крепость.

2 октября германские бомбардировщики наконец попали и взорвали казавшуюся безобидной, пустой и брошенной баржу с горючим в непосредственной близости от штаба Чуйкова. Черный едкий дым повис над Волгой. Немцы не бомбили штабные помещения командующего армией по простой и убедительной причине — они не верили в выживаемость в таком чаду людей.

Страшным был пожар, начавшийся с попадания германских снарядов в нефтеналивные баржи, стоявшие в затоне. Как уже говорилось, о них практически забыли, и уже никто не предполагал наличия в них горючего. Но будучи воспламененными, они дали удушающую огневую волну и страшные картины сгорающих заживо людей в лодках посередине Волги открылись взору. В штабе Чуйкова сгорели все телефонные линии. Выскочивший из своего укрытия командарм был ослеплен бушующим пламенем и нестерпимым чадом. Начштаба Крылов громким голосом отдавал приказания, но, обернувшись к Чуйкову прошептал: «Думаете, выстоим?» На что командующий ответил: «Безусловно. Но на всякий случай надо почистить пистолеты». На противоположном берегу какое-то время все были уверены, что правый берег просто выжжен. Радио нудно задавало один и тот же вопрос: «Где вы? Где вы?» Через полчаса последовал ответ: «Мы там, где больше всего огня и дыма».

Эту радиобеседу немцы запеленговали и град снарядов и мин посыпался в раскаленное облако. Люди вокруг Чуйкова падали, а он взбирался на берег и спешил в центр обороны — к заводам. С севера новости не обескураживали. Люди Горохова держали в своих руках свои восемь квадратных километров отрезанной северной территории. Они отбили все посягательства на северную оконечность Рынка, отстояли Спартановку и сохранили пристань у реки Мечетки.

Авиационный налет на три крупных завода-крепости оставил от них по существу голые почерневшие стены. Груды кирпича превращали путь по заводским путям в лабиринт. И в эти катакомбы прибывали все новые защитники. В распоряжение 62-й гвардейской армии в восемь вечера 2 октября поступила 37-я гвардейская дивизия генерала Жолудева. Ей был назначен северо-западный угол тракторного завода. Прибыли 49 танков 84-й бригады. Отряды вооруженных рабочих, до сих пор сражавшихся независимо, влились в армейские ряды. Те, кто до сих пор ремонтировал технику, взялись за автоматы.

По расчетам Чуйкова, на тракторный завод двигались две танковые и три пехотные дивизии немцев. Ликвидация Орловского выступления позволила

немцам освободить дополнительные силы. 2000 вылетов немецкой авиации против тракторного завода на протяжении 5 октября. В этот день Сталин указывает командующему фронтом генералу Еременко: «Противник в состоянии реализовать свои планы, поскольку оккупирует причалы на Волге на севере, в центре и к югу от Сталинграда. Чтобы ликвидировать эту угрозу, необходимо оттеснить противника от Волги и заново завладеть теми улицами и домами в Сталинграде, которые противник отнял у вас. Поэтому необходимо превратить каждый дом и каждую улицу Сталинграда в крепость... Я требую от вас предпринять все необходимые меры для обороны Сталинграда. Сталинград не должен быть взят противником, а захваченная часть Сталинграда должна быть освобождена».

В тот же день, 5 октября, замглавкома Сталинградского фронта Голиков привез приказ Сталина не только сражаться, но и вернуть захваченное немцами в Сталинграде Чуйкову. Молчание Чуйкова было красноречивее любых слов. Сталинградская жизнь отбивала страх перед начальством, даже если речь шла о приказе самого Сталина. На грани между жизнью и смертью Чуйкова больше заботила непрекращающаяся работа заволжской артиллерии.

Мы видим, что 6 октября советское военное руководство фактически впервые усомнилось в своей способности сдержать немцев в Сталинграде, отстоять город, не отступить на левый берег Волги. Василевский ведет долгий разговор с командующим фронтом Еременко и обсуждает возможности укрепления позиций на островах посередине Волги — Спорном, Зайцевском, Голодном и Сарпинском. Сюда следовало поместить орудия, минометы и зенитные орудия. Сюда посылали 45-ю стрелковую дивизию. Четырьмя днями позже Еременко получил приказ разместить 300-ю стрелковую дивизию на оборонительных позициях левого берега от озера Тужилкино до поймы реки Ахтубы.

Приметное место в сталинградской эпопее занимает прибытие «черных дьяволов» (название, данное немцами) — одетой в черные морские бушлаты и неизменные полосатые тельняшки военно-морской пехоты, элитной 37-й дивизии генерала Жолудева. Высаживаясь на правый волжский берег, они видели последних жителей, покидающих Сталинград. Старые рабочие открыто рыдали, покидая город своей нелегкой юности, революционной молодости, город жарких ночных смен, бесконечного упорного труда и немногих простых человеческих радостей. Один из седовласых рабочих сказал при всех — указывая на вышедшие к реке трущобы — вещице слова: «Мы вернемся и все восстановим». И никто из лишенных всего людей, стоящих у кромки воды и жизни, не усомнился в

этом. В этом ключ ко всему в жизни. Если у нас есть это чувство, то все возможно. Мы все восстановим и сделаем краше.

На следующий день немцы, с присущей им целенаправленностью, сосредоточились на СТЗ — тракторном заводе. 14-я германская танковая дивизия атаковала с юго-запада, а 60-я моторизованная — с запада, 16-я танковая дивизия — с севера. Все три сталинградских завода-гиганта представляли собой комплекс цехов, подсобных помещений и внутренний небольшой город с домами для рабочих, столовыми, банями и т. п. Несмотря на самоотверженное сопротивление 37-й гвардейской дивизии Жолудева, немцы продвинулись весьма значительно в районе жилого массива и приблизились к стадиону. Но люди Жолудева легли костями, но не пропустили ударную группу Паулюса, устремившуюся прямо к Волге. Дивизия Смехотворова защищала банный комплекс завода «Красный Октябрь». От потоков огня с обеих сторон он почернел и своими руинами менее всего походил на нечто, куда могут войти люди. А от реки Мечетка пришли ободряющие новости — здесь залп реактивных минометов «Катюш» буквально подорвал атакующую силу немцев. Ракетные установки стояли прижатыми прямо к волжскому берегу. Ради максимальной дальности стрельбы пришлось поднять передние колеса грузовиков. Вихрь их ракет накрыл целый немецкий батальон. Это несколько замедлило поступь немцев, но следует помнить, что у Чуйкова осталась лишь небольшая полоска земли. Которую он хотел продать дорого.

В сложившихся условиях особую ценность приобрел узкий понтонный мост, который соединял восточный берег с западным через Зайцевский остров, сооруженный моряками из Ярославля, — та тропа, по которой ночью пробирались в город солдаты, груженные боеприпасами и продуктами. Узость цели в какой-то мере спасала этот мост от германского огня, да и рабочие латали его ночью, после дневных попаданий. В то же время на восточном берегу создавался настоящий городок — с банями, пекарнями, полевыми столовыми. Работа этого городка являла собой реальную помощь, это был подлинный тыл сталинградского фронта. Еще одним связующим звеном между передним краем и непосредственным тылом был небольшой пароход «Ласточка», на котором эвакуировали раненых. Корпус судна был стократно перелатан, но судно жило и спасало жизни.

Штурмовые дни не прошли для немцев даром. Роты 6-й армии теперь насчитывали по 60 человек. Армейская техника, непригодная к боям в городских условиях, гибла без особой пользы. Даже возглавивший ОКХ

генерал-полковник Цейтцлер в первых же своих размышлениях пришел к выводу о необходимости приостановить наступательные действия Паулюса. Многое зависело от самого командующего шестой армией. Он колебался. Он жаловался на потери и неадекватное снабжение, на неукротимое поведение русских, на удаленность его фронта от баз поддержки. Но с другой стороны, адъютант Гитлера Шмундт без излишней щепетильности намекал ему на почести, которые ждут победителя Сталинграда, и Паулюс сжал челюсти. Он потребовал три дополнительные дивизии. Вместо них ему прислали саперные батальоны специалистов по боям в городских условиях. План был прост — выжечь путь через сталинградские заводы к Волге. Он не колеблясь снял с должностей генералов фон Шведлера (4-я танковая дивизия) и фон Витерсхайма (15-й танковый корпус) за критику его стратегии. Реальность, однако, не радовала. Один дом мог переходить из рук в руки, но общая картина оставалась прежней — немцам не удавалось сбросить 62-ю советскую армию в осеннюю Волгу.

У немцев произошел своего рода разлад. Командующий 4-м германским авиационным флотом Фрайхер фон Рихтгофен, энергичный, подвижный, язвительный, становится все более критичным в отношении талантов и стратегии Паулюса. Германские летчики изо дня в день видели под своими крыльями нескончаемые бои, и они начали задавать вопрос, где же германская рациональность? По мнению Рихтгофена, город давно бы пал, если бы не отсутствие воображения у полевых командиров. 3 октября Рихтгофен указал Альберту Ешоннеку (заместителю командующего люфтваффе Геринга), что «нам не хватает ясного мыслительного процесса и хорошо определенных целей. Бесплезно наносить удары то здесь, то там — а мы поступаем именно так. Это дважды бессмысленно, когда ты не имеешь достаточно сил. Дела нужно делать одно за другим, окончил одно — принимайся за другое, это же очевидно». Оба германских летчика встретились с Паулюсом и генералом Зейдлиц-Курцбахом. Летчики указали на неприемлемые потери. Обстановка разрядилась, когда Паулюс признал частичную правоту авиаторов и пообещал, после получения подкреплений, предпринять решительные действия.

Гитлер дал своему любимцу, потерявшему сорок тысяч солдат за неделю, 29-ю моторизованную дивизию и 14-ю танковую дивизию Гота плюс часть войск, расположенных на Украине. Он требовал результата, он требовал уничтожить горстку людей, воюющих несмотря на отсутствие малейших шансов.

А защитники города недоумевали, почему замолкли немцы? Разведка

не знает отдыха, Чуйков организовал грамотную разведывательную работу, его очень интересовали планы Паулюса. Разведгруппы каждый день выходили на нейтральную полосу, стараясь увидеть в приготовлениях противника его планы. 9 октября разведвзвод спрятался в одиноко стоявшем на путях между Мамаевым курганом и «Красным Октябрем» железнодорожном тендере. Взвод, стараясь не привлечь к себе внимания простоял здесь целый день и по радио характеризовал деятельность немцев. Те деловито подтягивали артиллерийские орудия и минометы, основная их часть прикрывалась Мамаевым курганом. Разведчики видели перемещение вперед полевых пушек пехоты, сотни грузовиков с боеприпасами. Ощущалось массовое передвижение, подготовка к чему-то большому. Но чтобы знать наверняка, им нужен был язык. В наступившей темноте они перерезали телефонный провод и начали дожидаться прихода телефониста. Ждали недолго и застрелили его. Один из разведчиков переделался в немецкую форму и встал на железнодорожных путях. Огни фонарика не заставили себя ждать, и рядовой Вилли Брандт был сбит с ног. Окружившие его разведчики быстро задавали вопросы. Под дулом автомата солдат рассказал, что в городе только что 24-я танковая дивизия перенацелена на район заводов, 94-я дивизия прибыла из южной части города. Адольф Гитлер приказал взять город к 15 октября. Разведчики предупредили Брандта, что он выдал военную тайну и ему лучше помалкивать о происшедшей встрече. Указали дорогу к своим. Немец ждал выстрела в спину, но его не последовало. Отойдя на почтительное расстояние, благодарный немец крикнул: «Спасибо, товарищ!»

Нерадостные вести принесли ночные и дневные бойцы: на тракторный завод нацеливается невиданная еще сила немцев. Чуйков нанес сведения разведки на свою карту, он мог твердо предполагать, что на 9 октября Паулюс назначил «финальное наступление», к которому следовало основательно подготовиться. Картина получалась невеселая. Теперь он знал, что основной удар придется по заводам. Наступила своего рода четырехдневная пауза. Чуйков при помощи разведчиков подсчитывал силы противника. Против него стояли 9 германских дивизий, общей численностью в 90 тысяч человек. 2 тысячи орудий и пулеметов. Триста танков. Четвертый воздушный флот с тысячей самолетов. Им Чуйков мог противопоставить 55 тысяч солдат, 950 орудий, 500 минометов, 80 танков и 188 самолетов (24 истребителя, 63 штурмовика, 101 бомбардировщик) 8-й авиационной армии. Периметр его обороны обозначали собой Рынок на севере, часть жилого комплекса тракторного завода, северо-восточный склон Мамаева кургана, остатки позиций на Центральном вокзале. Он люто

смотрел в небо — все эти месяцы оно принадлежало противнику. Его задача была предельно проста: как можно дольше удержать три завода и часть городского центра.

Численность его войск уменьшалась, квадрат обороны сужался. Волга была в нескольких сотнях метров за спиной. Одна роковая ошибка — и оборона Сталинграда завершится. Горишнему приказано спуститься с Мамаева кургана к стенам «Красного Октября». На СТЗ перекинута 112-я дивизия (2300 человек). 12 октября с левого берега прибывает еще полтысячи человек. Позже Чуйков признает, что ничего не было хуже, чем сидеть и ждать неизбежного удара. (О грядущем ударе говорили ежедневно захватываемые «языки». Пленные обычно говорили весьма охотно. План немцев заключался в ударе по тракторному и кирпичному заводам с последующим выходом к Волге.) В тайной надежде расстроить или затормозить реализацию немецких планов, он приказал нанести упреждающие удары именно в местах подготовки вермахта к наступлению. Он приказывает гвардейцам Жолудева нанести предваряющий удар со стороны западного крыла тракторного завода. Те бросились со всей своей отчаянной силой, но быстро натолкнулись на многократно превосходящие силы противника, явно готовящегося к крупным событиям. Собранная 6-й германской армией сила была слишком велика, чтобы просто огрызаться на отдельные выпады советской 62-й армии.

Это решающее и поразительное по своей ярости наступление началось в восемь часов утра в понедельник 14 октября 1942 года. В этот день немцы потеряли всякую сдержанность в свирепом решающем штурме Сталинграда. День был солнечный, но светило слишком быстро оказалось закрытым дымом и 4-м воздушным флотом Рихтгофена. Вылетевший полностью этот флот своими черными машинами затмил небо. Впечатления солдата германской 389-й пехотной дивизии: «Все небо заполнено самолетами, артиллерия наносит удары, с неба сыплются бомбы, режут сирены. Сейчас мы поднимемся из окопов и примем участие в этом чудовищном представлении». Паулюс создал наступающую колонну из пяти дивизий — двух танковых (14-я и 24-я) и трех пехотных (94-я, 389-я, 100-я горнострелковая). Рокот трехсот танков перекрывался ревом авиационных моторов. Задача немцев была предельно проста — пробиться сквозь эту мешанину кирпича, бетона, полуживых людей и стреляющего железа к широкой русской реке. Пять немецких дивизий двинулись на остовы домов, на индустриальную часть того, что некогда было городом. Их фронт был узок — четыре километра, направление движения — тракторный завод. Что могло остановить эту силу?

Германский офицер: «Огонь нашей артиллерии был необычайно сильным. Батареи шестиствольных минометов и бомбардировщики обрушили на русских лавины огня, но они продолжали сопротивляться с невиданным фанатизмом». Ближайшие посты Красной Армии были смяты довольно быстро. Ближе к полудню сопротивление «индивидуальных» точек сопротивления практически прекратилось. Осеннее солнце Сталинграда заволок горький дым. Видимость сократилась до 20–30 метров и главным источником света стал серо-желтый отблеск от взрывов. Лавина стали и огня неудержимо двигалась вперед, сметая все на своем пути. Под прикрытием ураганного огня немецкие автоматчики делали перебежки от одной груды развалин к другой. Среди клубов пыли, смрада и воя пуль их встречали солдаты Жолудева и Горишнего (37-я и 95-я дивизии) гранатами, бутылками с зажигательной смесью и ружейным огнем. Пространство между заводами «Баррикады» и СТЗ переходило из рук в руки несколько раз. В цехах тракторного бой шел за каждое помещение, за каждый этаж, за выемку в стене, за угол на лестнице. А несколько позади немецкие танки огнем своих орудий гасили линию сопротивления.

В половине двенадцатого дня двести германских танков пробились сквозь оборону тракторного завода. 389-я пехотная дивизия генерала Енекке ворвалась в двухкилометровый лабиринт цехов. Стекло потолков рухнуло вниз, порох и гарь вытеснили воздух. В столовых завода борьба шла буквально за каждый стол и стул. Восемь тысяч отборных советских десантников из 37-й гвардейской дивизии встретили штурмовые войска немцев не с отчаянностью обреченности, а как люди, чья задача подороже отдать свою жизнь. Пути назад уже не было, был простой выбор, кто кого.

Вскоре после полудня около двухсот немецких танков прорезали линию защиты Жолудева, прижали остатки его дивизии к стене тракторного завода и повернули в тыл 112-й дивизии. Через час 112-я и 37-я дивизии оказались окруженными. Несколько прямых попаданий сразу же похоронили живьем доблестного командира дивизии генерала Жолудева в его же командном пункте. Но генерал не погиб — несколько оставшихся в живых солдат сумели откопать его из обвала камней. За последующие двое суток пять тысяч солдат Жолудева сложили головы.

В штабе Чуйкова несколько офицеров погибло на своих боевых местах. Телефонная связь сгорела. Из отдельных частей прибегали гонцы за указаниями. Для связи со своими частями Чуйков передавал сигналы на левый берег, и уже оттуда эти сигналы направлялись в гибнущие дивизии и полки. Попавшие в окружение также сообщали о себе через восточный берег Волги. Главным сигналом было сообщение об оканчивающихся

боеприпасах. И хуже всего было слышать прекращение этих сигналов. Одним из сообщений было такое: «Орудия уничтожены, батарея окружена. Мы продолжаем бой, в плен не сдадимся. Прощайте все». Чуйков отдал короткий и понятный всем приказ, который вполне мог оказаться последним: «Сражаться и выстоять». Его командный пункт был в 300 метрах от наступающих немцев. Тридцать человек из его штаба погибли на его глазах. Охрана только и делала, что копала могилы.

Что могли сделать командиры? Они щедрее раздавали награды. За каждый подбитый танк — орден «Красной Звезды», такой редкий в предвоенные годы. Командиры стали получать только что введенные ордена Суворова и Кутузова. Но не эти знаки отличия были тем, что хранили свято, — более всего ценились письма. Именно тогда на теле убитого лейтенанта нашли письмо с такими словами жены: «Я очень рада, что ты хорошо сражаешься и что тебя наградили медалью. Бейся до последней капли крови и не дай фашистам захватить тебя в плен». А солдатское письмо звучало клятвой: «Мария, я надеюсь ты помнишь наш последний вечер. Сегодня ровно год, как мы расстались. Мне было так трудно сказать тебе „прощай“. Это очень грустно, но мы должны были расстаться — таков приказ Родины. Родина требует стоять до конца, и мы выполним этот приказ». Здесь нет пропагандистских штампов. Немцам, перехватывавшим эти письма, было трудно понять эту решимость. «Прочитав это письмо, люди могут спросить, почему я сражаюсь за тебя? Да потому, что я не могу отделить тебя от Родины. Ты и Россия для меня одно и то же».

Немецкие письма домой отличались тональностью, и дело здесь не в различии подходов военной цензуры. Недоуменная боль сквозит в письмах германских солдат и офицеров. Немецкий лейтенант спрашивает: «Зачем нам эта война? Зачем нам все эти страдания? Люди сошли с ума? След этого ужасного времени навсегда останется в каждом из нас». И из Германии письма идут без бравурности. «Я очень тревожусь. Я знаю, что ты постоянно в бою. Я буду всегда верна тебе. Моя жизнь принадлежит тебе, нашему с тобой миру».

К полуночи германские войска окружили тракторный завод и раскололи силы его защитников на три части. К Волге потянулась струя выползающих из развалин раненых, где их в ночной осенней мгле встречали молчаливые лодки, отчаливая в путь на восток. Позади стоны умирающих и страшный запах войны. За эту ночь через Волгу были перевезены три с половиной тысячи раненых. Такого потока не было за всю сталинградскую эпопею. Танки немцев продолжали свой, казалось,

неудержимый ход вперед, помеченный периодически взрывами установленных на их пути мин. В танковые бреши бросались автоматчики германских атакующих колонн. Их сопровождаемый ревом и разрывами маршрут вывел их к Волге в полосе шириной несколько сот метров, разрезая тем самым армию Чуйкова на две части. Полковник Горохов, командир 124-й бригады, возглавил правый фланг у Мокрой Мечетки, в его распоряжении были 115-я, 124-я, 149-я стрелковые бригады. У них была лишь одна проблема — знать, откуда появится враг. Он появился с трех сторон: слева, по фронту и справа. Лишь позади была Волга.

Слева от смертельной полосы, раздавившей гвардейцев Жолудева, находились чудовищно ослабленные люди Горишнего и 84-я танковая бригада. Отдельные солдаты Жолудева еще вели бой из страшных подворотен тракторного завода. Общая мольба была такой: «Где наши самолеты?» А в 8-й воздушной армии, охранявшей Сталинград с воздуха, имелось лишь около двухсот самолетов, из них чуть более двадцати истребителей.

И все же гарнизон Сталинграда выстоял зверский, иначе не назовешь, штурм 14 октября. Это значимый день в нашей национальной истории. Немцы продвинулись вперед, раскололи линию обороны, завладели высотами, вышли к Волге. Но не больше. Они не уничтожили 62-ю армию и не подорвали ее боевой дух. Один из немцев пишет в эти дни домой: «Я не могу понять, как люди выживают в этом аду? Русские прочно засели в руинах, норах, подвалах, в хаосе металлических конструкций, которые когда-то были заводами». Другой немец пишет лаконичнее: «Эти собаки сражаются как львы». Защитники Сталинграда подошли к последней черте, но они ее не перешагнули. Они выжили в пламени и крови, в дневном ужасе и в ночной тревоге. Они жили и преграждали Гитлеру выход на Волгу с последующим поворотом на кавказские хребты. Они сорвали стратегический замысел врага. Их жертвы были не напрасны. Враг распластался у нашей великой реки, он уже не мог повторить 14 октября. Ему не дали те, кто погиб под гусеницами, кто умер с открытыми глазами. Кто отдал свою молодую жизнь за нас.

В тот же день, 14 октября 1942 года, в далеком Пенемюнде произошло второе испытание ракеты Фау-2. Ракета прорезала серое балтийское небо на высоту 100 километров, пролетела по траектории в 200 километров и нанесла удар в радиусе 4 километров от цели. В руки Германии поступало оружие, которого тогда не было ни у кого в мире. Гитлер, скептический вначале, пришел в неопикуемый восторг и приказал поставить производство ракет на конвейер. Только когда их будет пять тысяч, следует

нанести удар по противнику — таков был его приказ. Тридцатилетний Вернер фон Браун пообещал завершить все научные разработки летом 1943 года. И когда его советские сверстники погибали в сталинградском лабиринте, они берегли дни, по прошествии которых Германия Гитлера может стать непобедимой.

Битва за большие сталинградские заводы приняла грандиозные размеры. Отступая, 62-я армия искала следующий надежный рубеж. Битва за СТЗ была закончена, началось сражение за «Красный Октябрь». Немцев отбили, и те бросились на «Баррикады». Они вцепились в северо-западный угол завода и постепенно усиливали натиск на юг. Страшная даже по меркам Сталинграда последовала сеча. Имея в руках Мамаев курган, немцы могли обозревать все окрестности. Имея в руках тракторный завод, они могли концентрировать войска. К вечеру 18 октября ударные группы немцев, невзирая на потери, пробились сквозь Трамвайную улицу «Баррикад». Теперь рабочие сражались в одном строю с регулярной армией. В живых из рабочих осталось пятеро.

Мало кто знал тогда, что в страшный день 14 октября началось первое крупномасштабное мероприятие подготовки контрудара: Рокоссовскому и Еременко было приказано выселить всех мирных жителей из 20-километровой зоны вокруг их линии фронта, из бекетовского «колокола», восточного берега Волги напротив Сталинграда, с волжских островов. В образовавшейся «пустой» зоне создавались три линии обороны. (Такие мероприятия дезинформировали немцев — те видели, что русские отчаянно готовятся к обороне. Их самоуверенное сознание не позволяло им видеть в строящихся объектах плацдарм грядущего наступления). Соседние фронты демонстрировали активность, не позволяя немцам перегруппироваться.

Еременко уже не был уверен в том, что Чуйков выстоит. Возникает впечатление, что в эти дни Сталин разочаровывается в Еременко. Он заподозрил, что командующий армии посылает Чуйкову не все предназначенные для того части и боеприпасы. Последовал приказ командарму лично явиться в расположение Чуйкова и удостовериться, в чем особо нуждается городское сопротивление, каковы нужды 62-й армии. Узнать также, сможет ли Чуйков продержаться до «часа X», до начала большой операции. Так ли это, или Еременко хотел сам проверить, насколько крепко стоит Чуйков и стоит ли ему давать подкрепления, — он направился на правый берег Волги.

В наступившую ночь через Волгу переправилась лишь одна часть — 138-й полк полковника Людникова, он присоединился к защитникам

«Баррикад». Приказ Сталина посетить Чуйкова многократно раненный, опирающийся на палку генерал Еременко выполнить не смог, немцы не пропустили 15 октября ни одного транспорта через Волгу. Вечером 15 октября Чуйкову позвонил член военного совета Юго-Восточного фронта Хрущев. В чем более всего нуждаются защитники Сталинграда? Больше боеприпасов. Может ли Чуйков укрепить остатки сил, сражающихся за тракторный завод? Только если отведет туда все наличные силы, но это будет означать оголение подступов к Волге в других местах и концентрацию наших войск в одном-единственном месте, удобном как мишень.

Ночью 16 октября Еременко, тяжело хромя, вместе со своим заместителем Поповым сумел высадиться у завода «Красный Октябрь» (пришлось предпринять сложное движение через Ахтубу на одном из судов Волжской флотилии). Берег был странным образом оживленным — сюда сходились раненые, высаживалась пехота, распределялись боекомплекты. Еременко прошел семь-восемь километров, прежде чем нашел штаб 62-й армии. За время поисков погибло несколько сопровождавших его офицеров, но сам он оказался невредим. Он сел за столом Чуйкова и стал ждать хозяина. Генерал Жолудев не смог сдержать слез, рассказывая как вчера погибли его люди. Чуйков, обследовавший в это время берег чуть севернее, встретил Еременко, когда уже стало светать. Первый вопрос командующего фронтом — выстоит ли 62-я армия? Еременко пообещал Чуйкову «всю возможную помощь» — прислать новые части и необходимое вооружение. Но сократил норму снарядов заволжской артиллерии, помогавшей Чуйкову с противоположного берега. К чему бы это?

В общем и целом Еременко возвратился в лучшем настроении, чем при отбытии. Теперь он был уверен — Сталинград выстоит. Чуйков не потерял присутствия духа, даже потеряв за три дня тринадцать тысяч человек — четверть своей армии.

Новый день — 17 октября — не принес ничего хорошего, да хорошего уже и не ожидали. Германские штурмовики били по пространству между «Баррикадами» и СТЗ. Германская пехота всей мощью развернулась фронтом на юг. Документы пленных говорили о предстоящей атаке на «Красный Октябрь». Но прибывших людей Людникова Чуйков отправил на «Баррикады», этот завод Чуйков хотел оставить последним бастионом. Он приказал «упорно защищать» его. «Ни при каких обстоятельствах не пропустить врага к выходу на Ленинский проспект и на завод „Баррикады“». 650-му полку майора Печенюка 138-й дивизии занять позиции на

„Баррикадах“, установить огневые точки и не допустить проникновения врага на завод». Подписано: генерал-лейтенант В. Чуйков.

Удар пришелся на 84-ю механизированную бригаду полковника Вайнруба, по приказу которого танки Т-34 были в ожидании врага врыты в землю. Немецкие танки, сопровождаемые пехотой появились на Трамвайной улице через считанные минуты после последних приготовлений. Их подпустили на несколько десятков метров и последовал залп тридцатьчетверок. Более десяти немецких танков остановились подбитыми, серозеленая пехота залегла. Последовал убийственный залп расположенных неподалеку «Катюш» и артиллерии, наводимой из Заволжья. Дивизия Людникова не успела окопаться и занять боевые позиции, как с севера, со стороны тракторного завода на них устремилась колонна германских танков. Прямо перед ними штурмовики буквально вспахали землю, не оставляя ничего живого. Горели дома и горела земля. В тот день, 17 октября, весь плацдарм 62-й армии был в огне. Когда германские автоматчики ворвались в Спартановку, командование защищавшей ее бригады попросило разрешения перебраться на остров Спорный посреди Волги. Чуйков категорически отказал: любая попытка покинуть позиции будет рассматриваться как измена. Сам он перенес свой командный пункт на берег Волги напротив Мамаева кургана.

Среди всего этого невероятного, нечеловеческого ужаса блеснул ободряющий симптом — со всех фронтов в течение десяти дней были взяты отдельные авиационные части, и их присутствие стало ощутимым для защитников города. Это вызвало понятную нервозность немецких солдат, впервые побывавших в шкуре постоянно, два месяца атакуемого с воздуха противника. Советская авиация любила ночной воздух, она чувствовала себя уютнее в ночном небе. А немцы жаловались (ежедневный доклад командования 6-й армии): «Отмечается неоспоримое ночное воздушное доминирование русских... Оно выросло, превосходя все возможные пропорции. Войска не могут отдыхать, их боеспособность уменьшается до опасного предела. Потери нашего личного состава и потери материальных средств чрезвычайно велики. Армия просит группу армий „Б“ осуществить дополнительные атаки против аэропортов противника и днем и ночью с тем, чтобы помочь войскам, сражающимся на линии фронта».

В штаб-квартире германских вооруженных сил 14 октября был издан Оперативный приказ № 1, который приказывал остановить все наступательные действия вермахта на Восточном фронте за исключением района Сталинграда и Кавказа. На остальных фронтах предписывалось

перейти к решительной обороне, одержать успех в зимней кампании и заложить основания для «окончательного разгрома» Красной Армии в 1943 году. Подразумевалось, что Россия стоит на краю могилы. В пояснении к вышеназванному приказу генерал Цейтцлер подчеркивал (23 октября), что «русские не владеют силами, дающими им возможность крупного наступления, имеющего далеко идущие цели».

В Германии было предписано обозначить в городах расстояние до Сталинграда — чтобы подчеркнуть, как далеко продвинулся на восток вермахт за шестнадцать месяцев войны.

Союзники

В Англии начало возникать ощущение, что Черчилль переиграл и что давление на советско-германском фронте достигло такой точки, когда восточный союзник не выдержит. В Лондоне начали обсуждать возможности посылки на восток тяжелой авиации Англии для того, чтобы бомбить немцев на Сталинградском фронте, «если даже это может означать ее потерю». Имея возможность читать германские сообщения, Черчилль узнал в конце сентября о немецких планах провести военно-морские операции в Каспийском море сразу же после того, как германские войска пересекут Кавказ. Черчилль немедленно сообщил информацию о германских намерениях Сталину: «Я получил эту информацию из того же источника, который позволил мне предупредить вас о намечающемся нападении на Россию полтора года назад. Источник этих сведений абсолютно достоверен». (В перехваченном немецком сообщении говорилось о назначении адмирала, который будет командовать военно-морскими операциями в Каспийском море. Махачкала была избрана в качестве основной военно-морской базы. 20 военных судов, включая подводные лодки, торпедные катера и минные тральщики предполагалось транспортировать по железной дороге из Мариуполя).

Учитывая эту опасность, Рузвельт согласился с предложением Черчилля, чтобы 20 англо-американских военных эскадрилий были посланы в район Каспия и Кавказа. Черчилль объяснил Сталину, что эти эскадрильи будут действовать под началом советского Верховного командования и придут в самом начале следующего года.

В Вашингтоне начинает воцаряться уверенность. Английскому королю Георгу Рузвельт пишет в середине октября 1942 года: «В целом ситуация для всех нас осенью 1942 года лучше, чем она была прошлой весной, и хотя на протяжении 1943 года мы еще не достигнем полной победы, события повернулись в положительную для нас сторону, в то время как страны „оси“ уже почти миновали пик своей эффективности». Историческая истина вынуждает сказать, что в этот самый суровый час для СССР его союзники — американцы и англичане — застыли в выжидательной позиции. Стало ясно, что обещанный второй фронт в Европе открыт не будет. Политический соперник Рузвельта на президентских выборах Уэнделл Уилки говорил тогда в Москве, что невыполнение решения об открытии второго фронта порождает «страшный

риск». Между тем замену операции в Европе Рузвельт и Черчилль нашли в идее высадки в Северной Африке.

Когда американский дипломат Р. Мэрфи прибыл в Вашингтон 31 августа 1942 года, он увидел, что Северная Африка получила почти полный приоритет в работе военного и внешнеполитического ведомств правительственного аппарата. Его тотчас же принял президент. «Рузвельт был более ответствен за принятие плана африканской операции, чем кто-либо другой». Восстановление французской империи и политическое признание французских властей не соответствовали тому курсу, которым следовала американская сторона в своих взаимоотношениях с французами. Это и привело впоследствии к недоразумениям, противоречиям и столкновениям. Осенью 1942 года политические разногласия еще крылись за военной стороной дела, за подготовкой к операции «Торч». Мэрфи ознакомил Рузвельта с кандидатурой генерала Жиро как будущего высшего французского администратора.

В Шангри-ла Рузвельт в нервном нетерпении ждал первые сообщения о высадке американских войск в Северной Африке, которой с гибралтарской скалы командовал генерал Эйзенхауэр. На шестидесяти судах семьдесят тысяч американских пехотинцев изготовились к броску на север африканского континента. Среди них был и сын президента Франклин Делано Рузвельт-младший, офицер-артиллерист на эсминце «Мейрант». Десант был оснащен лучшим американским оружием, танками «Шерман», амфибиями, только что появившимися базаками. Впечатляло снабжение отдельного десантника: черные баскетбольные ботинки, дополнительные шерстяные одеяла, респираторы от пыли, антимоскитные сетки, носки для сна, увеличительные стекла, резиновые сапоги, велосипеды и многое другое.

Испытав большие опасения, и Черчилль начинает верить в способность советских вооруженных сил выстоять в районе Кавказа. Он пишет в эти дни, что «в целом кампания Гитлера против России в 1942 г. является для него, видимо, большим разочарованием». И хотя ежедневные сообщения говорили о том, что немцы все еще рвутся вперед в южной России, Черчилль пришел к выводу, что германские военные планы здесь не выполняются. 8 октября Черчилль информировал Сталина: «Последние сведения говорят о том, что немцы отложили посылку военных судов на Каспийское море по железной дороге».

Тайна троих

Именно наступление, о принципиальной невозможности которого говорил начальник штаба ОКХ генерал Цейтцлер, обсуждали Жуков и Василевский со Сталиным. Была специально отмечена слабость румынских войск, оборонявших фланги германской группировки на Волге. Пришли к выводу, что предпосылкой успеха является способность защитников Сталинграда выстоять в период подготовки контрнаступления. «Тайна троих» базировалась на убежденности, что немцы непродуманно выдвинули свои ударные силы и сделали их уязвимыми для операции окружения. Фронт Паулюса был растянут почти на семьсот километров, от Павловска до Халкута. Не много ли? Румынские, итальянские и венгерские компоненты группировки «Б» едва ли могли сравниться по боевым качествам с германским ядром. Пятьдесят дивизий (девять механизированных) находились в огромном выступе, не видеть который мешал лишь фанатизм Гитлера (Гальдер покинул свой пост именно потому, что отказывался закрыть свои глаза).

Исключительную важность приобретало то обстоятельство, что оказать оперативную помощь забравшемуся слишком далеко на юго-восток Паулюсу было чрезвычайно сложно. Германия была далеко, а на фронтах советско-германского фронта советские части демонстрировали активность, связывая возможные силы помощи. Единственная железнодорожная линия и авиационные перевозки — вот на что рассчитывали в германских штабах.

Жуков и Василевский тщательно изучали местность, инспектировали войска и формировали резервы. Жуков на Сталинградском фронте изучал ситуацию на севере, особенно его интересовала возможность для советских войск использовать плацдармы на западном берегу Дона у станицы Клетская и у города Серафимовича. Здешний плацдарм был десятикилометровой глубины, что позволяло советским войскам в случае наступления меньше опасаться германской артиллерии. Делу помогало и то, что оба фронта — Сталинградский и Юго-Восточный — подчинялись теперь одному командующему — генералу Еременко. Возможно, Еременко чувствовал, что нечто витает в воздухе, он спросил заместителя Верховного главнокомандующего о возможности «мощного удара». Жуков свел разговор к тому, что нечто подобное будет возможно в будущем.

Василевский инспектировал южный участок — 57-ю и 51-ю армии

Юго-Восточного фронта. Для него важным было наличие в районе Бекетовки плацдарма на правом берегу Волги. 4-я танковая армия немцев давно бы ликвидировала эту «аномалию», но постоянное отвлечение танков на бои в Сталинграде не давало Готу времени решить эту задачу. Выступ в виде колокола (двенадцать километров в длину и три в глубину) опирался на озеро Сарпа, за которым следовали еще двое соленых озер — Цаца и Барманчак. Здесь Волга в своем величавом течении поворачивала на юго-восток. Василевский настоятельно посоветовал иметь в виду укрепление опорных позиций в районе этих озер.

Убедившись, что концентрация войск на севере и на юге сталинградского выступа принципиально возможна, Жуков и Василевский в конце сентября возвратились в столицу. Они верили теперь, что данное румынским союзникам задание охранять немецкие фланги было со стороны немцев упущением. Несколько офицеров оперативного отдела Генерального штаба — специалисты по южно-волжскому региону — были призваны осуществлять теоретические выкладки и изложить свою точку зрения на практические проблемы, связанные с предполагаемым наступлением. Действующие в районе Сталинграда фронты были переименованы. Прежний Сталинградский фронт стал 28 сентября Донским фронтом, а новый фронт — Юго-Западный вобрал в себя то, что было правым флангом прежнего Сталинградского фронта. (О перегруппировке и соответствующем переименовании ничего не сообщалось до конца октября). Шли поиски наиболее эффективных командиров, вобравших в себя опыт современной войны. И Жуков и Василевский способствовали выдвижению на пост командующего фронтом генерал-лейтенанта Рокоссовского. Еременко сохранил свое положение командующего фронтом — новым Сталинградским фронтом. Командующим Юго-Западным фронтом стал генерал Ватутин. Заместитель Еременко генерал Голиков получил в руки Воронежский фронт.

Ситуация, стабильная с немецкой точки зрения, стала в Москве рассматриваться как подверженная весьма серьезным изменениям. Конец сезона для немцев означал начало сезона для русских. Тогда считать мы стали силы, товарищей считать. В большой округе Сталинграда уже были сосредоточены 78 стрелковых дивизий, 6 кавалерийских дивизий, 5 танковых корпусов, 18 независимых танковых бригад — общая численность 771 тысяча солдат, 8100 орудий и минометов, 525 танков и 448 самолетов. На севере у Рокоссовского было 39 стрелковых дивизий, 3 кавалерийские дивизии, 3 танковых корпуса, 9 независимых танковых бригад, 2 моторизованные стрелковые бригады; его фронт протянулся на

триста километров от Павловска на севере до Волги к югу от Ерзовки. Центральную позицию занимали плацдармы на южном берегу Дона. Донской фронт охранял плацдармы на Дону у Ново-Григорьевской и Сиротинской, охраняя при этом кратчайшее пространство между Волгой и Доном.

Только-что сформированный Юго-Западный фронт (Ватутин) соединился с Донским фронтом в станице Клетская и простирался вдоль Дона до Верхнего Мамона. В него входили 63-я и 21-я армии, а также танковая армия из резерва Ставки. Центром приложения сил этого фронта должен был стать плацдарм у города Серафимович. Сталинградский фронт (Еременко) пролегал вдоль Волги, от Рынка в Сталинграде до бекетовского «колокола» и оттуда до поворота Волги к степям (пять армий — 62-я, 64-я, 57-я, 51-я, 28-я).

В первой половине октября наступило бабье лето. Немцы деловито строили блиндажи для зимнего стояния. Приказ Гитлера укреплять свои позиции им был не нужен — они и так знали, что зимовать в голой степи равносильно гибели. Военнопленные копали траншеи и ходы сообщения, за кирпичами расположенные за пределом города немецкие части ездили на грузовиках в Сталинград. Между Доном и Волгой было немало другой тягловой силы — более полутораста тысяч лошадей, много быков и верблюдов. В конце октября в немецкие войска поступило зимнее белье — типично немецкие тона, белый и светлосерый. Для солдат — беззащитных жертв безжалостных насекомых — это было своего рода издевательство. Светлые тона постоянно напоминали о нашествии паразитов, которых немцы называли «маленькими партизанами». (С конца июля немецкие врачи фиксировали резкий рост инфекционных болезней. Возраст 17–20 лет был самым уязвимым, 55 процентов умерших от инфекционных болезней).

На рубеже октября-ноября атаки германских войск в Сталинграде начали ослабевать, сказывалось отсутствие боеприпасов и продовольствия. 6-го ноября 1942 года штаб Сталинградского фронта докладывал: «В последние два дня противник изменил тактику. Возможно, это связано с большими потерями, которые немцы понесли за предыдущие три недели. Вермахт больше не атакует крупными силами». Немцы начали закрывать окна мелкими решетками, в ответ защитники города стали прикреплять к гранатам крючки. На кораблях Волжской флотилии стали устанавливать башни от Т-34 и расстреливать немецкие позиции прямо с воды. Но если немцами уже не владели великие стратегические идеи, то советская сторона упорно искала единственный наилучший вариант.

Замысел

Стратегический замысел советского Верховного командования базировался на двух ударах. Первый — со стороны среднего течения Дона в южном направлении. Второй — со стороны левого крыла Сталинградского фронта (к югу от Сталинграда) в северо-западном направлении, ориентируясь на излучину Дона. Нанося основной удар по менее фанатично воюющим румынам, зажать в кольцо 6-ю армию Паулюса и 4-ю танковую армию, всего более 300 тысяч элитарных германских войск, сгрудившихся в районе Сталинграда. План был одобрен Ставкой в конце сентября. Через месяц в своем окончательном виде он получил кодовое название «Уран». Успокоения в Москве не было. Жуков снова вылетел в излучину Дона, в район Серафимовича и Клетской. Ему предписывалось также обеспечить все меры, чтобы «измотать и еще более ослабить врага». Параллельно Василевский навестил Еременко к югу от Сталинграда. «Тайна троих», несмотря на широкомасштабную подготовку, оставалась достоянием авторов, и Сталин запретил раскрывать план даже командарму Еременко, пользовавшемуся прежде его особым расположением. Даже Генеральный штаб, не имея четко поставленной задачи, разрабатывал операцию скорее местного значения, а вовсе не удар сразу трех фронтов. Сталин боялся утечки информации, в конспирации ему не было равных.

На свой транспортный самолет «Ли-2» Жуков взял Рокоссовского. Сразу же после посадки оба генерала отправились на выдвинутый вперед командный пункт в Ерзовке. Лишь через несколько дней этот доблестный и милый, вызывавший всеобщую симпатию офицер узнал о своем назначении командующим Донским фронтом. Его назначение никак не назовешь осененным сверху — вечером 29 сентября окончилось тяжелой неудачей очередное наступление 1-й гвардейской и 66-й армий, так и не сумевших с севера преодолеть кордон Паулюса на пути к истекающим кровью в городских боях защитникам Сталинграда. Именно тогда Жуков вынужден был поставить на место геройского, но несдержанного в словах и поступках генерала Гордова, распекавшего своих подчиненных. Командир должен вести себя «достойно» — слова нашего самого славного маршала. Присутствующие оценили слова самого главного среди них генерала, хотя, возможно, и не без некоторого поднятия бровей — ведь все знали, что сам заместитель Верховного главнокомандующего был

непревзойденным мастером словесных характеристик и словесного избиения. Присутствующие знали его тяжелой (словесно, естественно) руку. По крайней мере, Рокоссовский мог оценить новый тон Жукова.

Жуков мог сдерживать своих офицеров в тональности, но он свирепо требовал не терять наступательного духа ни при каких обстоятельствах. И Рокоссовскому он наказал подготовиться к еще более интенсивным наступательным действиям. Да, Донской фронт еще не располагал необходимыми резервами, терял людей в нескончаемой борьбе вдоль Волги с севера, но он не имеет права позволить немцам зализать свои раны. Одной лишь многострадальной 1-й гвардейской армии позволили отойти на некоторое время в тыл. Задача Рокоссовскому была неизменна, как и в предшествующие два месяца: оттянуть на себя максимальное число германских войск; приложить все человеческие и нечеловеческие усилия для сближения с осажденным Чуйковым.

В Москву Жуков отправился на самолете, пилотируемом самим командующим авиационной армией Головановым, собственный «Ли-2» Жукова летел позади. Но, поскольку судьба капризна и закон подлости не отменен, самолет Голованова из-за обледенения совершил вынужденную посадку. До Москвы главный стратег Сталинграда долетел на собственном «Ли». А Василевский продолжал осматривать местность на фронте Еременко, сопровождаемый генерал-полковником Вороновым, командующим артиллерией Красной Армии, и генерал-лейтенантом Ивановым, начальником оперативного отдела Генерального штаба. Только тогда, в штабе Еременко, расположенном на левом берегу Волги в селе Красный сад, Василевский обрисовал командующему Сталинградским фронтом основные контуры намечаемой операции. Еременко были даны 24 часа на представление своих соображений, после чего Василевский на рассвете 6 октября отбыл в штаб 51-й армии — в сотне километров к югу от Сталинграда. Здесь, в степи, 51-я армия уже закрепились среди соленых озер Сарпа, Цаца и Барманчак. Василевский удовлетворенно отметил, что румыны, видимо, сделаны из более податливого, чем немцы, теста. (Они уже сумели потерять всю свою артиллерию). Но в целом Василевский был молчалив, хотя такие генералы, как Толбухин, нутром ощутили, что нечто затевается. В конце концов начальник Генерального штаба не будет посещать приволжскую степь из прихоти или любознательности.

Между 6 и 9 октября Еременко и Рокоссовский высказали свои соображения Верховному. План операции приобретал конкретные черты, его масштаб воодушевлял, будоражил воображение. Масштабы задуманного превосходили все, что Красная Армия осуществляла на своем

фронте против Германии до сих пор. Из глубоких тылов, из невидных российских городов и весей начинали свой путь части, которым предназначалась стратегическая роль. В конце сентября отводятся в тыл для дополнительной подготовки 3-я и 5-я танковые армии. Ставка реформирует 43-ю армию. Далее темп убыстряется. Создаются пять новых армий, сходят с конвейеров в учебные центры наши прекрасные танки, взмывают в учебные полеты фантастические самолеты, отирают пот тысячи известных и неизвестных героев труда, чья жизнь между станком и кроватью дает Родине воздушные крылья и железные руки.

По приказу Ставки Воронежский фронт отдал два танковых корпуса (17-й и 18-й), и танки эти спешат по бездорожью к излучине Дона, в Ново-Анненскую и Урюпинск. Еременко получает танковую бригаду огнеметов. Организуется 13-й механизированный корпус. Едва залечившие свои раны танкисты — эти самые большие герои нашей великой войны — отправляются к местам дислокации новых танковых колонн. Именно им предназначена главная роль в предстоящей операции. За двадцать дней октября создается 4-й механизированный корпус генерал-майора Вольского — 20 тысяч человек, 220 танков, 100 бронированных машин и — это новое и спасибо союзникам — 2 тысячи грузовиков. Без шума, прикрываясь и маскируясь, Вольский пришел холодеющими ночами с низовьев Волги к Бекетовке, форсировал тайно Волгу и замер в бекетовском «колоколе».

Генеральный штаб не был безмерен в числе запрашиваемых для наступления танков: 900 машин. Главный артиллерист страны Николай Воронов находился в районе Сталинграда с сентября, он, так сказать, мысленно пристрелялся к вырвавшейся к Волге вражеской группировке. Теперь следовало наилучшим образом использовать традиционно сильную российскую артиллерию. Как это ни странно, но Воронов в процессе подготовки к главной битве своей жизни использовал изданное в годы Первой мировой войны «Наставление по прорыву укрепленных зон противника». Противник был тот же, традиции артиллерии тоже свято передавались из поколения в поколение, и созданное талантливыми специалистами наставление сыграло свою позитивную роль в новой мировой войне. Эти старые инструкции были попросту переизданы для офицеров-артиллеристов, имеющих дело с тяжелыми орудиями. Своего рода расплата за Восточную Пруссию августа 1914 года и великое отступление 1915 года. (Напомним, что в германской армии было трудно найти офицера, который не имел бы опыта Первой мировой войны. На этот раз тот же опыт пригодился их прежним противникам).

Времена, конечно же, изменились радикально. Не всегда в худшую

сторону. На этот раз Государственный комитет обороны (ГКО) теснейшим образом сотрудничал с Главным артиллерийским управлением (ГАУ). ГАУ через ГКО попросту обязывало Госплан и Совнарком планировать и производить ежемесячно определенное число орудий и снарядов. Осенью 1942 года наступает время, когда предельно напрягшаяся страна может удовлетворить не только оборонительные, но и наступательные потребности своих артиллеристов. Снабжение шло по трем линиям: по водному волжскому пути, по двум железнодорожным путям — по левому и правому берегам великой реки. Да, враг непрерывно бомбит эшелоны, а Волга заминирована. Но героизм людей не знал предела, все сгрудились в великой беде, и каждый подставил плечо. Ночами грузовики везли эти грузы по невообразимым ухабам, днем всякое движение замирало. Передвижение от Саратова к фронту занимало до шести суток, иногда больше. Снабжение 62-й армии — настоящая сага о безмолвном и естественном героизме всех — от заводчан до речников, плывущих между минами и бомбами. Дважды в октябре германские бомбы настигали артиллерийский груз непосредственно, но это уже не могло быть основанием для уныния. Хватит скорби, уныние убили и унесли две победоносные летние кампании немцев. Остался героизм и фатализм.

В психологической атмосфере произошло нечто. Нечто неосоздаваемое и в то же время почти всеми осязаемое. Мы отступили до Волги. Хватит. Если мы никчемный народ и не можем себя спасти, то и жизни такой цена невелика. Совершенно тихо, спокойно и неожиданно исчез панический страх, упала пелена обреченности. Они не пройдут, пусть даже мы не увидим их бегства, их срама и позора. Это наша земля. Она не всегда нас грела, она не всегда была ласкова к нам. Но мы ее дети. В этой земле прах наших предков. Здесь будет и наш прах, раньше или позже. Умереть за эту землю не страшно. Страшно ее отдать. Страшно осквернить эту нашу землю позором отступления, сдачи ее врагу, собственной немощью, низким бессилием, презренным неумением, трусливым отходом. Это наша граница между рабством и свободой. Мы не отступим, живые или мертвые. Здесь и сейчас мы остановим отход, здесь и сейчас Россия восстанет или ее имя унесет ветер. Молитвы пусты, если ты щадишь свою кровь. Как и наши предки, восстанем и не дрогнем.

Этот феноменальный поворот — главный ключ к сталинградской загадке. Армия, которая в июле и августе не знала приюта и уходила в отчаянии и растерянности, обрела невидимое, но бесценное качество: фаталистическое спокойствие и внутреннее убеждение, что на свете нет тебя сильнее, если ты способен заплатить любую цену за правое дело, за

очаги близких, за могилы предков, за небо и твердь родной земли. Отпали вопросы казенной дисциплины. Вот я, вот моя жизнь — все это на алтарь святого дела, на алтарь святой любви к своей земле, не заслужившей этого поругания. Танкист в жестокой броне, летчик под прицелом, моряк в беззащитном волжском просторе, обмотанный патронташем рабочий Сталинграда, шофер, не спавший третьи сутки, молодой парень в пилотке или бескозырке в окровавленных сталинградских камнях — все они стали частью огромной силы, которая отныне начинает возобладать над германской организованностью, военным искусством профессионалов и фанатизмом нацистов. Искусственно вызвать это чувство невозможно. Оно возникает спонтанно и охватывает как степной пожар, как запах полыни, как майский ветер, как очистительная гроза. Эта цепная реакция великого патриотизма охватывает страну не по приказу, а по внутреннему велению. Именно это чудо случилось с почти угасающим пульсом страны проклятой и священной осенью 1942 года, когда немцы вышли к Волге и когда мы почувствовали самоотречение.

Оружие Родины

Посмотрим на цифры. В августе во всем большом районе Сталинграда насчитывалось 123 зенитных орудия. К октябрю их число было доведено до тысячи. Сюда пошли полмиллиона винтовок, 80 тысяч автоматов, 17 тысяч пулеметов, 16 тысяч противотанковых ружей, 9 тысяч артиллерийских снарядов, 1000 «катюш».

В ночь с 19 на 20 октября германское командование ввело в город подкрепления, что сразу же сказалось на интенсивности атак в районе Спартановки, «Баррикад» и «Красного Октября». Земля 62-й армии съезживалась как шагреневая кожа. К вечеру 23 октября в руках немцев была северо-западная оконечность «Красного Октября». На следующий день немецкие автоматчики вошли в центральную часть «Баррикад». Между атакующими и обороняющимися дистанция была два-три десятка метров. Копоть въелась и в тех и в других. В развалинах разлагались трупы, чад пожарами смешался с едким запахом пороха, горящий кирпич плавился от огнеметов. Пыль царила в воздухе, штукатурка неизменно посыпала всех, свет божий позабыл это место. Оружием в каждом из домов последовательно были пулеметы, гранаты, автоматы, штыки и ножи. Днем немцы вытесняли русских. Ночью, обмотав, чтобы приглушить слышимость, сапоги, защитники возвращались с кинжалами в руках и взведенным оружием.

Улыбчивый и непосредственный сержант Павлов из 13-й гвардейской дивизии стал хозяином четырехэтажного дома на Солнечной улице, доминировавшего над целым кварталом. Вначале он и трое подчиненных словно невзначай бросили гранаты в окна первого этажа этого «принадлежавшего» немцам дома. В подвале дома он обнаружил наших раненых и послал гонца с известием о взятии дома. Но гонец, остановленный германской контратакой, возвратился. Тогда Павлов, самый улыбчивый среди героев Сталинграда, сам отвел раненых в тыл и вернулся с двадцатью новыми «жильцами». Они разбили стены между подвальными помещениями и организовали круговую оборону — пулеметы в окнах, минометы в укрытиях, снайперы в укромных местах. «Семья» росла. В ней были украинцы, казахи, узбеки, грузины — и никто ни на секунду не усомнился в том, что здесь, на берегу Волги, в забытом богом доме южнорусского города они сражаются за Родину. Почему потомки этих героев забыли это — лучшее, самое великое в своей, в нашей

национальной истории?

В углу неожиданно был найден граммофон с единственной пластинкой, которую заиграли (хотя никто не знал этой мелодии) до потери звука. А «Дом Павлова» стоял на пятикилометровой полосе фронта, идущего от северных железнодорожных путей и северного склона Долгого оврага к «Нефтесиндикату», поворачивая к Волге недалеко от центрального причала. Волею архитекторов и обстоятельств этот дом доминировал над окружающей местностью. Глубина фронта стоявшей здесь 13-й гвардейской дивизии варьировала от 500 до 300 метров. Ошибкой немцев было их постоянное стремление взять непокорный дом лобовой атакой, а не разрушить с воздуха или артиллерийским огнем (может быть, дом был спасительно близок к передовой?). Здесь все становилось предсказуемым. Павлов умело минировал непосредственные подходы к своему дому, а «жилыцы» дома, числом до шестидесяти человек, держали в своих руках минометы, тяжелые пулеметы, противотанковые ружья и снайперские винтовки. С высоты третьего этажа «жилыцы» видели приближающиеся танки и автоматчиков, они корректировали огонь и не забывали о снайперских прицелах. Немцы упорно долбили дом прямой наводкой. Дом закоптел, потерял окна, но словно был заговорен. «Жилыцы» менялись, погибших замещали новые бойцы, а дом, недалеко за спиной которого мирно текла река Волга, стоял как славный витязь из былин.

Он стоял пятьдесят восемь дней. Германская армия завоевала почти всю Европу, прошла с боями десятки стран, оккупировала все пространство между Парижем, Ираклионом, Осло и Ростовом, но пройти несколько десятков метров, ведущих к «дому Павлова», она не сумела. Этот невзрачный в общем дом в сердцевине Сталинграда — наш общий дом. В нем пролита кровь всех населяющих нашу страну народов. Он в лихой час стал символом страны, не приемлющей поражения, не спрашивающей о цене, покорной в своей решимости, непокорной в признании кого-либо хозяином своей судьбы.

Вся эта умытая кровью земля бесстрашных гвардейцев Родимцева просматривалась немцами. Сильным пунктом германского фронта был Дом железнодорожника, равно как и Дом специалистов. Родимцев дважды пытался вернуть себе Дом железнодорожника, но так и не смог. Немцы наблюдали за русскими из Дома железнодорожника, а те наблюдали за немцами из обращенного к площади 9 января дома сержанта Павлова. В обстановке установившегося своеобразного равновесия важным успехом нашей стороны было отбитие 24 октября 1942 года Военторга (западные исследователи, видя на фронте надпись «Универсальный магазин»,

принимают его нередко за университет). Помогли подведенные к этому зданию ночью 45-миллиметровые орудия, минометы и пулеметы. После неожиданной огневой подготовки в Военторг ворвались солдаты 39-го гвардейского полка. Так защитники города завладели углом улиц Солнечная и Смоленская.

Немецкий солдат пишет домой: «Мы часто говорим себе, что русские вот-вот сдадутся, но эти грубые невежественные люди никак не хотят понять, что их положение безнадежно». Удивительная непонятливость. За нее было заплачено в Великой войне много миллионов жизней.

В здании химической фабрики умельцы оборудовали учебный тир. Мастера своего дела приходили сюда учить новичков снайперскому искусству. На дальней стене нарисовали немецкие каски и очертания фигур. Щедрые советы перемежались многочасовой учебной стрельбой, и из здания, занимавшего целый квартал, постоянно раздавались глухие выстрелы. «Выпускники» немедленно пропускались к «ничейной земле». Их прицельный огонь стал для немцев кошмаром. Особую славу приобрел рядовой Василий Зайцев, учившийся в Магнитогорске, служивший на Тихоокеанском флоте и прибывший в Сталинград с 284-й дивизией. Здесь неожиданно раскрылся его природный стрелковый талант — в течение десяти дней он поразил сорок движущихся мишеней. Его глаз был как бы натренирован на витые офицерские погоны. В панике немцы вызвали из Германии своего суперснайпера — майора Конинга. Зайцев узнал о новоприбывшем немце, который внимательно обходит боевые позиции немцев. Полковник Батюк рассказал снайперам о стрелковом асе. Зайцев запросил времени изучить привычки нового противника.

А на другой стороне немецкая разведка изучала (в основном по листовкам и газетам, прославляющим меткого стрелка, а также у пленных) все что можно о Зайцеве, давая Конингу пищу для размышлений. Вскоре к Батюку поступили сведения о двух погибших снайперах. Чувствовалась опытная новая рука. Теперь Зайцев хотя бы примерно знал, где его ждут. Он выполз на ничейную землю между Мамаевым курганом и заводом «Красный Октябрь». На третий день удивительной охоты на людей к Зайцеву и его помощнику (прикрывающему тыл) Куликову приполз политрук Данилов. Развиднелось, и началась обычная артиллерийская перепалка. Внезапно Данилов встал с криком: «Я покажу тебе, где он!» — и немедленно получил от Конинга пулю в плечо. Двое солдат на носилках оттащили Данилова в медчасть.

Зайцев затаился, шаря биноклем по противоположной стороне. Возле подожженного танка он видел безобидную груду кирпича и постепенно

пришел к выводу, что это идеальное место для опытного снайпера. Чтобы проверить свою теорию, он слегка поднял варежку и та немедленно оказалась пробитой пулей. Теория получила подтверждение. Зайцев постарался зайти к Конингу со стороны солнца и, зайдя с запада, оказался «прикрытым» лучами послеобеденного солнца. Именно здесь Зайцев обозначил позицию, которую он занял утром следующего дня. Слева волжские переправы стонали от несущейся к ним целенаправленной гибели. Чтобы дезориентировать Конинга, Зайцев выстрелил по груде кирпичей и железа, где предположительно находился немецкий майор. После полудня солнце погрузило Зайцева в тень, откуда он не отводил телескопического прицела, направленного на груду мусора. Внезапно блеснул оптический прицел противника и Зайцев попросил Куликова поднять свою бескозырку. Конинг выстрелил немедленно и Куликов правдоподобно вскрикнул якобы от попадания. Ликуя, Конинг поднял голову, что было его смертельной ошибкой — пуля прошла между глаз.

А Зайцев набрал «школу» из тридцати желающих и сделал снайперское дело одним из главных орудий городской борьбы.

Советская артиллерия, занимая позиции на левом берегу Волги, все чаще наносила удары по немцам. Здесь расположились и подразделения «Катюш», приводивших немцев в состояние, близкое к шоку. На волжских островах теперь уже стояли гаубицы, глубоко и серьезно взламывающие германскую линию обороны. В середине октября на левый берег прибыли орудия невиданной еще мощности (203 мм и 280 мм). В городе, как уж говорилось, 62-я армия нашла оптимальным создание т. н. «штурмовых групп» — шесть или восемь человек, вооруженных автоматами, гранатами, ножами и остро заточенными саперными лопатками для использования в ближнем бою. Позади «штурмовых групп» располагались группы поддержки, которые входили в дома, как только передовые отряды позволяли это, и располагали в данном доме, подъезде или комнате тяжелые пулеметы, минометы, противотанковые ружья, взрывчатку. Сюда немедленно приходили саперы и снайперы. Особые группы охраняли фланги.

Обычно «заправка» этих групп происходила густой ночью. Тогда в осеннем мраке передавались еда и патроны, вода и боекомплект. По десяткам и сотням ходов, тропинок, лазов, труб, траншей и бомбовых кратеров осуществлялось лихорадочное движение. Саперы стирали ногти, готовя траншеи в максимальной близости от ударных позиций немцев, чтобы коротким броском из подземелья вспрыгнула пехота. Они копали ходы и под германскими передовыми пунктами, закладывая под них

взрывчатку.

С дневным светом оживлялась вражеская авиация, немецкие наблюдатели с Мамаева кургана и остовов высоких зданий получали довольно полную картину происходящего. Позиции Чуйкова замирали. Немцы теперь начинали бить прежде всего по снайперским гнездам. Активизировалась артиллерия обеих сторон. Немцы целились в волжские суда, в построенные за ночь баррикады. Русские били по местам скопления немецких войск, опасаясь организованной атаки. Ставка, испытывая опасения в отношении боеспособности 62-й армии, снова послала Еременко проверить укрепления на левом берегу Волги и на волжских островах. Здесь уже стояла 300-я стрелковая дивизия, которую в качестве резерва подпирали 87-я и 315-я стрелковые дивизии.

В конце октября советские позиции в городе представляли собой ряд кварталов индустриальных зданий протяженностью несколько километров вдоль берега и несколько сот метров в глубину. Заваленный немецкими трупами «Красный Октябрь» оправдал свое название, но он был уже оставлен. Потеряна половина артиллерийского завода «Баррикады». Тракторный завод разделен немцами на три части. Несколько очагов сопротивления еще действуют здесь. Однако и немцы ослаблены до такого предела, когда об очередном их наступлении не могло быть уже и речи. Весь вермахт не мог начать значимого наступления — протяженность линии его обороны с начала лета удвоилась. А психологически уйти из страшных мест неоправданных потерь он уже не мог. Паулюс — в умственном ступоре. Штаб группы армий «Б» фактически потерял смысл происходящего. Гитлер, наконец-то лишившийся корректирующей оппозиции военных-профессионалов, самодовольно роет себе могилу. Еще не проглянули основные линии будущего, но они обещали все меньше армии, захватившей территории больше, чем она могла реально контролировать.

Ночью 26 октября в Сталинград переправилась 45-я дивизия «Щорс» во главе с полковником Соколовым. Она заняла позиции между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады». Командарм 62-й воевал без традиционной роты прикрытия — она была послана на передовую, до которой самому Чуйкову было рукой подать. Собрал легкораненых, взял остатки людей из штабов всех уровней и отремонтировав три танка, Чуйков поставил задачу выбить немцев с того края Волги, куда выходила Самаркандская улица. Радиоперехват передал изумление немцев при виде новых русских танков. 27-е октября было за нами. Некоторое дополнительное и спасительное время дали настойчивые атаки

Рокоссовского с севера, частично отвлекавшие немцев от решения их сталинградской задачи. Хотя Чуйков едва ли чувствовал особое послабление: пятнадцать дней колоссальной германской настойчивости не могли не сказаться на его боевых порядках. Признаки того, что напор германской армии несколько ослабевает, стали ощутимы 29 октября. А 30-го октября произошло и вовсе нечто удивительное — на городском фронте интенсивность стрельбы стала заметно менее интенсивной. Складывалось представление, что у Паулюса уже не было прежних сил. Он не мог требовать от своих солдат большего, был достигнут своего рода физиологический предел. До Волги оставалось несколько метров, но преодолеть их 6-я армия Германии уже едва ли могла. Однако в окопах Сталинграда этого еще никто не знал, и защитники ожидали повторения ужаса 14–18 октября.

Операция «Уран»

Никто не ожидал от Чуйкова стойкости больше, чем крестные отцы плана «Уран». От собственно планирования они перешли к стадии дислокации, размещения сил. Определелись направления ударов. С севера — в направлении к юго-западу от Серафимовича. С юга — в район к юго-западу от рек Кривой и Чира. Цель северян (Юго-Западный фронт) — уничтожить третью румынскую армию и вырваться к Калачу. Главное: на третий день наступления сомкнуться с войсками Сталинградского фронта у поселка Советский. Задача Сталинградского фронта — атаковать со стороны озера Сарпа, уничтожить 6-й румынский корпус и повернуть на северо-запад (Советский), где сомкнуться с братьями по оружию (Юго-Западный фронт). А затем, наконец, поспешить на спасение Сталинграда. Донскому фронту предназначалось двинуться вперед из станиц Клетская и Калашинская в общем направлении на хутор Вертячий, чтобы окружить и уничтожить противника в излучине Дона. Затем найти взаимодействие с Юго-Западным фронтом для окончательного окружения всей сталинградской группировки. Юго-Западному фронту предписывалось пройти в течение трех дней более 100 километров; Сталинградскому фронту — более 80 километров за два дня; в тылу противника следовало блокировать его линии снабжения по реке Чир и др. Согласно плану «Уран», основная тяжесть падала на Юго-Западный фронт, именно он должен был, в основном, окружить вражескую группировку между Волгой и Доном.

Вермахт становится слабеющей стороной, трезвое восприятие событий требовало этого признания. Германская армия еще отдает дань привычке методических усилий, но их смысл становится все более туманным. Возможно, при господстве здравого смысла стоило бы подумать об уходе из негостеприимных краев. Зима на Чире или даже Миусе, возможно, сохранила бы динамику сил вторжения. В этот момент германский военный талант должен был бы признать, что Советский Союз не показывает ощутимых и растущих признаков слабости по мере хода Сталинградской битвы и, если уж очень хотелось верить, что «дело решит последний батальон», то этот батальон — как становилось все яснее, не обязательно будет немецким. Но нацистский режим держался не на национальном здравом смысле, а на пафосе всемогущества. Отказаться от доктрины расового превосходства вожди Третьего рейха не могли, это было

бы их политическим самоубийством. Но еще более самоубийственным было славословить и надеяться на победу там, где потеря контроля и перенапряжение создавали вакуум, который обороняющаяся сторона не преминула заполнить.

Самая притягательная германская иллюзия — «русские теряют еще больше». Возможно, на конкретных участках это было и так. Но на большом полотне истории огромный народ, обладающий жертвенной природой, только начинал входить в состояние раскрытия внутренней динамики, извлечения невиданной энергии из растущей ненависти к самоуверенному врагу. Этот народ начал с кристальной отчетливостью проявлять свое чувство национального самосохранения. Разочарованное отчаяние первого года войны уступает место убийственной и необратимой решимости отдать все и выстоять. Наверное Гитлер в принципе был неспособен трезво оценить другие народы и владеющий этими народами пафос. А стоявшие рядом были либо индоктринированы, либо корыстны, либо малодушны.

Как пишет английский историк А. Кларк, «в Сталинграде на кону была не только сила воли русских, но всемирная оценка германской мощи. Уйти с поля битвы было бы признанием поражения, которое, может быть, и было приемлемым для отстраненно калькулирующего военного профессионала, но было абсолютно немыслимым для „космической ориентации мировых политических сил“. Невозможно для грубого национализма нацистских властителей.

Паулюс способствовал своему краху бодрым изложением цифр и фактов, которые не были адекватной оценкой сложившейся ситуации. Требовалось нечто большее, чем римское спокойствие Сципиона Африканского, сжегшего свои корабли. Вермахт еще обладал колоссальной силой, но он уже начал терять спасительную связь с реальностью. Паулюс хотел выглядеть невозмутимым полубогом на краю пропасти, но он поступал так, рискуя полумиллионом солдат. Паулюс постоянно переоценивал численность массы войск, управляемых Чуйковым. Это создавало у вождей рейха чувство, что 6-я армия осуществляет грандиозную миссию, привязывая к себе столь большие русские формирования. Паулюс постоянно подчеркивал, что его военная машина перемалывает огромную массу советских войск. Это давало дополнительное обоснование сторонникам концепции „держаться на Волге до конца“, так как, если 6-я армия поглощает все живые силы Красной Армии, то вопрос о наступательных действиях последней отпадает. Одного этого аргумента было достаточно для „сидения на Волге“ как лучшего

метода исключить советское контрнаступление.

Расовая кичливость исключила тесное взаимодействие Паулюса с балканскими и итальянскими союзниками. Прикрывавшие фланги 6-й армии румыны были организованы по модели французской дивизии периода Первой мировой войны и вооружены оружием, захваченным немцами у французов в 1940 году. Немногочисленные противотанковые пушки были безнадежно устаревшими. Только в октябре 1942 года румыны получили 75-мм орудия (по шесть на дивизию). Все немецкие наблюдатели отмечали, что румыны строят хорошие блиндажи офицерам, но плохие оборонительные сооружения для основной массы войск.

Что говорила битва интеллектов? Справедливости ради следует сказать, что уже в конце августа Гелен представил высшему германскому командованию анализ возможных инициатив русских. По мнению руководителя военной разведки, таковых было пять:

- получение контроля над городом Сталинградом;
- удар во фланг шестой немецкой армии с дальнейшим продвижением на Ростов;
- наступление на германский фланг в районе Серафимовича и Коротояка;
- наступление на Воронеж;
- атака в западном направлении со стороны Астрахани.

13 октября Гелен изложил ту точку зрения, что ни одна из потенциально возможных наступательных операций русских не начнется раньше осенней распутицы. Однако отметил скопление советских войск, „возможно для операций против фронта Дон“. Германская воздушная разведка подтвердила факт скопления советских войск к северу от Дона.

Постепенно волнения стали проявлять фронтовые разведчики. 27 октября лейтенант разведки Карл Остархильд обратился к двум ведущим фигурам 6-й армии — генералам Паулюсу и Шмидту со своими предупреждениями об опасностях со стороны собирающего силы противника. Лейтенант в течение нескольких недель собирал разведданные разного рода, он опрашивал военнопленных, смотрел фотографии авиаразведки, слушал радиоперехват, наблюдал за линией фронта. В результате он пришел к выводу, что „большая численность войск и вооружения концентрируется в районе Клетской... Это ударная армия, вооруженная до зубов, имеющая впечатляющую численность... Ее наступательные планы простираются вплоть до Черного моря“. Паулюс, внешне никак не отреагировавший, попросил о дополнительной информации. И спросил, известно ли все это его армейской разведке.

Шмидт, предупредил молодого офицера, что на подобный вопрос лучше ответить утвердительно. Остархильд сказал, что известно, но в меньших деталях. Тогда Паулюс сказал своим обеспокоенным собеседникам, что будет просить о дополнительных резервах. После отъезда Паулюса разочарованный Остархильд возвратился к своим картам. Ему не было ясно, восприняло ли руководство 6-й армии смысл его предупреждений.

Перебежчики сообщали о прибытии крупных подкреплений Красной Армии не только на Дон — на севере, но и южнее Сталинграда, напротив германской 4-й армии — в Бекетовке и близ озера Цаца. Обеспокоенность проявила и румынская разведка. Румынские части примерно в десятых числах октября окончательно закрепились на позициях, прикрывающих фланги 6-й армии. Почти сразу же румынская разведка обнаружила скопления сил Красной Армии. Румынский командующий дошел со своими опасениями до Винницы, до „Вервольфа“, до Гитлера. Параллельно 27 октября командующий румын, генерал Думитреску, направил Вейхсу доклад, в котором отмечалось возросшее число переходов Дона со стороны советского фронта, постоянные атаки с советской стороны, которые легко можно было интерпретировать как поиск слабого места в румынских позициях, слова военнопленных о прибывающих пополнениях. Паулюс послал в небо разведывательные самолеты, они не сообщили ничего сенсационного, и прилетевший к Вейхсу Паулюс не выразил особой тревоги. При этом нужно учесть, что румыны, взявшие на себя и прежний итальянский сектор, „курировали“ по двадцать километров глухой степи каждой дивизией — весьма неплотная стена. И тем не менее немцы не выразили обеспокоенности и постарались успокоить румынского союзника.

Из своего штаба в Голубинке Паулюс обратился к своим войскам, стремясь подвести итоги и обозначить перспективы. „1. Летнее и осеннее наступление успешно завершилось взятием Сталинграда... Шестая армия сыграла значительную роль в контроле русских войск. Действия руководства и войск во время наступления войдут в историю как преисполненная славы страница. 2. Приближается зима, и русские постараются воспользоваться ее наступлением. 3. Маловероятно, чтобы русские сражались с той же силой, как это было в прошлую зиму“. Штаб Паулюса „позитивно идентифицировал“ наличие в Клетской „трех новых пехотных дивизий с танками; одна новая бронетанковая, одна новая моторизованная и два новых пехотных формирования“. Поблизости от Блинова „два новых пехотных формирования с несколькими танками“. Но советское наступление будет не сильнее тех многочисленных попыток наступать, которые вермахт без особого труда отбивал в прошлом.

Почему генерал Паулюс, опытный штабной работник и полководец, пренебрег серьезными предупреждениями? Прежде всего, следует учесть психологический груз, довлевший над ним. Он потерял огромное число солдат, так и не выполнив до конца поставленной перед ним задачи. Возможно, задним числом он думал о необходимости всеми силами захватить Сталинград еще в сентябре. Он, безусловно, излишне надеялся на ОКХ и штаб армий „Б“ как на всеведующее руководство, думающее о его флангах. Он не мог заранее представить себе степени слабости союзных румынских и итальянских войск. Не зная будущего, он придал слишком большое значение „Германии, которая смотрит на нас“. Германия же не могла поверить в беззаботность одного из лучших своих генералов.

Паулюса раздражала критика, подобная жестким высказываниям генералов люфтваффе. 1 ноября Фрайхерр фон Рихтгофен приступил к нему с прежними высокомерными критическими замечаниями, действовавшими на самолюбие Паулюса. „Подлинным объяснением (отсутствия успеха. — А.У.) является усталость как войск, так и командования, а также жесткий армейский консерватизм, который приемлет в качестве нормы наличие одной тысячи солдат на фронте там, где полагается быть двенадцати тысячам, который ведет генералов лишь к самодовольному оглашению своих приказов“. Паулюс не очень легко воспринимал эти косвенные и прямые упреки от воздушных сил, которые теряли контроль в воздухе, не подвозили достаточно припасов и в то же время сурово судили солдат, державшихся в сталинградских катакомбах из последних сил.

В отличие от многих германских военачальников, командующий воздушным флотом генерал Рихтгофен делал все возможное, чтобы затормозить концентрацию советских войск. Его самолеты бомбили Серафимович и Клетскую, он всячески стремился нарушить движение поездов по единственной железнодорожной ветке, служащей снабжению русских армий. Его летчики видели, что русские на понтонах пересекают только начинающий замерзать Дон. В его дневнике мы читаем о недавнем его беспокойстве. „12 ноября. Русские решительно осуществляют свои приготовления к наступательным действиям против румын... Их резервы уже сконцентрированы. Интересно, когда же начнется наступление?... Орудия уже занимают боевые позиции. Я могу надеяться только на то, что русские пробьют не слишком много отверстий в нашей обороне!“

Интуиция не подводила и злого гения германской пропаганды — Геббельса. 15 ноября официоз — газета „Дас Райх“ — поместила его статью, весьма отличающуюся от царящей бравады. Складывается

впечатление, что Геббельс исподволь начал готовить немцев к не всегда триумфальным новостям. Впервые министр пропаганды говорит, что „на кону стоит национальное существование. И дороги назад нет“. Даже начальник штаба сухопутных сил Цейтцлер позволил себе пессимистическую ноту: „Если мы не сможем найти решение сейчас, когда русские испытывают реальные трудности из-за блокирования Волги льдом, тогда мы не сможем найти его никогда“.

А приготовления советской стороны уже шли полным ходом. Со стороны Москвы и Урала гремели тяжело груженные составы с техникой и людьми. Прибыло более двухсот тысяч человек. Пришла 5-я танковая армия, на юг сдвинулись десять стрелковых дивизий, один танковый и два кавалерийских корпуса, двадцать артиллерийских полков, шесть полков „Катюш“. По однокорейному пути прибыли десять тысяч лошадей кавалерии, сотни танков — 900 новых Т-34, тяжелая артиллерия. Прибыли 115 дивизионов „Катюш“, 110 авиаполков — 1100 самолетов, половина артиллерийского резерва страны. Собиралась огромная сила. Разгрузочными пунктами были Серафимович и Клетская — в 200 и 160 километрах к северо-западу от Сталинграда. Солдаты принимали присягу у полковых знамен, новобранцы получали оружие. В свободное время они много пели. Деморализованные войска не поют.

Проблема подготовки осложнялась тем обстоятельством, что и Юго-Западный и Донской фронты имели, как уже говорилось, всего лишь по одной железнодорожной линии и вся подготовка к сражению висела на волоске: любой удачливый немецкий летчик мог сбросить бомбы на подлинную линию жизни огромного фронта. Юго-Восточное и Рязань-Уральское направление железной дороги взяли на себя основной груз перевозок. В начинающую подмерзать землю вонзились топоры и лопаты, началось строительство дополнительных веток. В районе вокруг Сталинграда теперь крутили баранку водители 27 тысяч грузовиков, проклиная податливый чернозем. Именно в это время Сталин просит Черчилля о грузовиках.

В конечном счете войска были сведены в четыре танковых корпуса, три механизированных корпуса и четырнадцать независимых танковых бригад. И все это на фронте в семьдесят километров, что представляет собой самую большую плотность войск во всех имевших до сих пор место кампаниях на советско-германском фронте.

Жуков подводил войска к городу, а город застыл в смутном ожидании. „Иногда тишина обескураживала больше, чем грохот разрывов над городом, который казался вымершим. Но город продолжал наблюдать, хотя

никто уже не мог отличить ночь ото дня. Даже в эти короткие периоды тишины каждый завод, каждый разрушенный дом пристально рассматривали все окружающее. Всевидящие глаза снайперов следили за малейшим мановением, за любым маневром противника. Группы снабжения, нагруженные минами и снарядами, спешили вдоль окопов, зигзагообразно расположенных между руин. С высоты верхних этажей следили за местностью артиллерийские наблюдатели. В подвалах командиры склонились над картами, помощники печатали на машинках, передавали сообщения, давали солдатам указания. Минеры, занятые своей опасной работой, копали подземные ходы, стараясь найти ходы противника“.

За пределами города Рокоссовский и Еременко строили три линии обороны. Третьим их партнером — командующим Юго-Западным фронтом (63-я, 21-я, 5-я танковая, 17-я авиационная армия) стал генерал-лейтенант Ватутин. В его фронт вошли лучшие, проверенные части из Донского и Воронежского фронтов. Начальником штаба у Ватутина стал генерал Стельмах — один из лучших артиллерийских офицеров. Командующим танковой армией — генерал Романенко, который еще в далеком 1940-м году выступал перед командованием Красной Армии об операциях прорыва, который весь 1941 год грудью встречал немецкие танки. По просьбе Ватутина командующим его авиацией стал генерал Красовский.

Генерал Батов принял командование 4-й танковой армией. Естественно, первым же вопросом начальнику штаба армии был вопрос о численности его армии. Тот ответил, что его армия по праву может называться „четырехтанковой“, так как в ней ровно четыре танка. Но недолго. Ночью по полустанкам гремели эшелоны с уральской броней, родина на этот раз бросила в бой все свои силы. И молодые танкисты с любопытством смотрели на неистребимое зарево на горизонте. То горел и стоял на смерть Сталинград. Батов занял место на крайнем правом фланге Рокоссовского, его задача была едва ли не самой важной во всем раскладе сил. Рядом стояла 24-я армия Галанина и 66-я армия Жадова.

Но продержится ли город? Чуйков перешел в четвертый (за семь недель) командный пункт. На этот раз построенный капитально в форме буквы Т в глубине большого утеса, позади 284-й дивизии, с выходами к Волге, прикрытый десятиметровой толщей земли. Но армия его таяла. Шли жестокие рукопашные бои. Единицы оставшихся в живых людей Жолудева влились в 118-й полк полковника Ивана Людникова, как и остатки 308-й дивизии Гуртьева. В Сталинград в эти тяжелые дни пришли всего семь тысяч защитников. А Чуйков знал, что Паулюс готовит новое наступление,

направленное на промышленную зону. К нему прибыла известная австрийская дивизия „Хох унд Дойчмайстер“, перед которой была поставлена задача прорваться на „Баррикады“. Чуйков переформировал свои силы, но заволжская артиллерийская поддержка начала слабеть. Она начала перемещаться в неизвестном направлении. Что-то происходило поблизости. В воздухе повисло ожидание.

Полковник Людников открытым текстом, без всякого кода говорил о своих невероятных трудностях Чуйкову (не называя того по имени). Тот обещал помощь, но как-то не твердо. И Людников мог понять командарма — по Волге плыли нарождающиеся льдины, суда в этой ледовой обстановке не могли осуществлять обычные рейсы. Левый берег терял свою спасительную значимость. Нашествие „пионеров“, выжигавших подвалы, ослабило героический гарнизон. Появились и свои герои. Среди них „Ролик“ — группа из четырех отчаянных бойцов, о чьих подвигах передавали из уст в уста. Но все это мало утешало. 14 ноября Чуйков докладывает командованию фронта: „Не прибыло ни одно судно. Поставки припасов сокращаются три дня подряд. Подкрепления не прибывают, и наши войска ощущают острую нехватку в боеприпасах и продовольствии... Дрейфующий лед полностью перерезал связи с левым берегом“.

Переправа из-за германской авиации занимала вместо мирных 50 минут — 5 часов. По Волге поплыли нарождающиеся льдины, это, как уже говорилось, грозило полностью парализовать проход через Волгу. Но инженеры-путейцы уже наладили выше и ниже битвы пятьдесят понтонных мостов. Нужно было спешить, северный ветер уже обещал ледостав. До 15 ноября эксплуатация переправ осуществлялась только ночью, но затем — ввиду поджимающего времени — поток пошел во все время суток. И все же ночью автомашины и танки шли без огней, а днем они тщательно камуфлировали себя от воздушных неожиданностей. Решено было, что за танками Батова, решающими основную задачу быстрого прорыва и окружения в пятикилометровой полосе наступления, последуют войска на грузовиках — новая черта этой механизированной войны. Толбухин пробивал фронт на 25-километровой полосе наступления. 16-я авиационная армия Руденко прикроет танки Батова сверху. Пожалуй, впервые в этой войне мы серьезно учились решающему взаимодействию брони и дюралюминия. Танки и кавалерия получили название „эшелон развития успеха“. Их скорость и точность решали все.

Канун

Начиная с 25 октября подготовка вступает в решающую стадию. Жуков, Василевский и Воронов покинули войсковые порядки, их задачей отныне было следить за общей картиной, фиксировать стратегические изменения, осуществлять главную схему. Они уже знали состояние дел у Рокоссовского, Еременко и Толбухина и верили в русское счастье. В конце октября Ставка называет днем „X“ 9-е ноября. Танки и ударные части выдвигаются на ударные позиции. Но подвели редкие русские коммуникации, не все танки получили дизельное горючее, не все ударные группы — боекомплект.

Москва собирает силы страны в пружину. Частью этого процесса стало введение 9 октября единоначалия, ликвидация комиссарских должностей на всех уровнях — от взводов и рот вплоть до армий и фронтов. Теперь виза комиссаров на оперативных приказах отменялась. 122 тысячи политработников просто влились в армию. Офицерское положение было теперь укреплено, их инициатива теперь поощрялась. Общий дух армии и народа в целом был таков, что рассусоливание передовиц, оглядка командиров, невольный разброд среди подчиненных стали мешать святому делу. Новый замполит уже не претендовал на часть командирских функций. Офицеры надели новые мундиры — традиционные кители русских офицеров. А скоро золото погон напомнит старые добрые традиции. Не следует, разумеется, думать, что золотой погон немедленно раскрепостил командира, над которым долгие годы довлела лютая дисциплина, субординация до пределов атрофии воли. Но постепенно новые руководители войск мобилизовали лучшие качества просвещенного народа, их волю теперь скрепило самоуважение, вера в собственные силы. Стал рассеиваться туман ужаса перед врагом, часто бывшим гораздо быстрее, энергичнее, инициативнее. Гордое чувство самодостаточности, веры в свои силы сменило окрашенное фатализмом молчание.

Здесь, пожалуй, есть смысл сказать о наконец-то найденных самородках — начальнике Генерального штаба и начальнике оперативного отдела Генерального штаба. Впервые за многие годы характер стал критерием выхода в руководство. В июле 1942 года генерал Александр Василевский становится во главе главного планирующего органа армии. За его плечами опыт Первой мировой войны и сражений гражданской войны. Его быстрый ум позволял молниеносно оценивать обстановку, позволял

подняться над второстепенными обстоятельствами и определить главное, определяющее. То был прирожденный стратег, его взгляд видел следующий шаг противника. В то же время колоссальная память фиксировала все необходимые детали, все обстоятельства будущего боя.

Семерых генералов — одного за другим сменил Сталин, прежде чем нашел нужного начальника оперативного отдела генерального штаба. 11 декабря 1941 года им стал сорокашестилетний Алексей Антонов. Калибр человека определился сразу — приехав в Москву, молодой генерал не бросился к вседержителю, а провел неделю в тщательном изучении карт и данных. Только во всеоружии знания он пришел к Верховному главнокомандующему, и трудный Сталин нашел с ним общий язык, не гнетущий раскрепощенное воображение и волю стратега новой армии. Спокойный и разумный главный штабист ценил спасительные и действенные идеи, его работоспособность и уравновешенность смягчали порывы Верховного. И заместитель Антонова генерал Штеменко был цельной и уравновешенной натурой. Руководство вооруженными силами обрело цельные личности, в которых здравый патриотизм при всех обстоятельствах свято стоял над жгучим авторитетом власти. И хотя новые руководители Генштаба были предельно требовательными людьми, им чужда была паранойя, суровая сдержанность их только мобилизовывала. Общий коллективный разум поглощал периодические вспышки Сталина, молчаливо (несвойственно для себя) уступившего важные командные высоты. Только эта трансформация военной власти смогла искоренить истерию и чувство ущербности у многострадального командного состава, прошедшего страшное горнило 30-х годов.

В этом порыве самосохранения Жуков, Василевский и Антонов стали олицетворять то лучшее, что породила оказавшаяся над бездной страна. Светлый ум, твердая воля, широта кругозора, смелость в принятии решений, отрешенное безразличие к интригам, фатализм личного мужества — таковы черты этой спасительной для России плеяды, принявшей тяжкий груз командования не под литавры побед, а под бессмертно торжественную „Священную войну“, гениальный гимн-молитву целого поколения, клятвенное обещание этого поколения выиграть смертный бой — или погибнуть на этой русской Голгофе. Но не сдать страну, не прервать национальную историю.

А рядом Новиков формирует новую авиацию, а адмирал Кузнецов — флот, которому предстоит стать океанским. Ротмистров, Катукон, Лелюшенко — герои на фоне Гудериана, Роммеля или Паттона. Документы рисуют нам образы Цейтцлера, Кейтеля, Йодля — и любой непредвзятый

человек увидит разницу в людях, в калибре, в самостоятельности, достоинстве лиц, противопоставивших друг другу две самые большие военные машины своего времени. Нам не стыдно никакое сравнение, оно выдерживает любые сопоставления. Мелочные характеры уступили место на исторической сцене подлинным героям.

Теперь Москва хотела, чтобы вся армия подумала над характером ведомой войны и увидела свои слабые места. Приказ Верховного главнокомандующего за номером 325 (16 октября), при всех оговорках и длиннотах, прямо призывал всех — до уровня роты — проанализировать причины прежних неудач, найти пути ликвидации слабых мест, оптимизации управления войсками, взаимодействия между отдельными родами войск, обеспечения наступательного порыва. Предлагалось осмыслить новую роль танков и механизированных частей. Да, воистину претерпевшие хорошо учатся. Напрашиваются и слова о воздействии на неготового до Божьего грома перекреститься мужика. Страшный опыт 1941-го и 1942-го годов наконец начали давать плоды.

России приходилось рассчитывать на себя, западные союзники не открыли в 1942 году обещанный „второй фронт“ и надежда на отвлечение 40 германских дивизий не оправдалась. Из общего числа в 333 дивизии и 16 бригад 258 дивизий сражались на Восточном фронте Германии против СССР (из них 66 дивизий союзников). Пятимиллионная германская армия стояла в наших пределах, владея едва ли не половиной европейской территории страны.

Но противостоящая ей Красная Армия вышла из нижней точки и начала набирать естественную силу. В ее рядах насчитывалось уже 6124 тысяч человек, ее артиллерия насчитывала 77 734 орудия и миномета, ее танковая мощь — 6956 танков, ее авиация — 3254 самолета. На своем германском фронте Москва выставила 391 дивизию (из них 247 стрелковых), 15 танковых и механизированных корпусов. В резерве Ставки, прямо обращенном к Сталинграду, стояли 25 дивизий. К участию в операции „Уран“ было привлечено 60 процентов всей танковой мощи Красной Армии. Каждый день по железнодорожному полотну новой железной дороги Саратов — Астрахань проходило полторы тысячи вагонов. Нацию лучших в мире железнодорожников обошли в их собственном ремесле.

Особенностью подготавливаемой операции была ее исключительная засекреченность. По оценкам германской разведки, Красная Армия за летний период 1942 года сформировала пять новых танковых армий (армия примерно равна германскому танковому корпусу) и пятнадцать танковых

корпусов (каждый равен германской дивизии). Это была огромная недооценка бронетанковой мощи Красной Армии. И Москва тщательно берегла подлинные цифры. Даже немцы признавали искусство советских войск в маскировке. Переговоры танкистов по рациям были сведены к абсолютному минимуму. Приказания отдавались в устной форме и непосредственному лицу. Имитация активности на центральном фронте была более чем правдоподобной. Участники операции совершали свои марши по ночам, а днем тщательно прятались в убежищах. Только для того, чтобы обмануть пилотов люфтваффе, через Дон были построены семнадцать мостов, из которых лишь пять были подлинными — по ним-то и переправлялись к своим боевым позициям 5-я танковая армия и 4-й танковый корпус, не говоря уже о стрелковых и кавалерийских дивизиях. На боевые позиции южнее Сталинграда через Волгу были переброшены 160 тысяч солдат, 430 танков, 550 орудий, 14 тысяч автомобилей, более 10 тысяч лошадей.

7 ноября 1942 года Сталин выступил в Москве на собрании, посвященном годовщине Октябрьской революции. Прошло семнадцать месяцев страшной войны на уничтожение, обе стороны потеряли миллионы солдат. Сталин говорил о восьми миллионах убитых немцев. Но присутствующим более всего запомнились его слова о том, что „будет и на нашей улице праздник“. До этого праздника было еще очень далеко. Страна жила в страшном напряжении, она ковала оружие, учила военному делу вчерашних детей, бросила лучших своих защитников к волжской твердыне.

Немцы достаточно внимательно изучали речь Сталина, посвященную годовщине Октябрьской революции. Обратили внимание на горькие сетования в адрес изменивших решения западных союзников, отказавшихся от обещания открыть второй фронт в 1942 году. Британская армия „воюет только с четырьмя — да, четырьмя германскими и одиннадцатью итальянскими дивизиями“ в Ливии. Главной целью немцев в 1942 году была Москва, для этого — для отвлечения войск от Москвы они стремились оттянуть советские силы на юг. Попытка поймать двух зайцев сразу — и Москву и нефть — привела к тому, что немцы сконцентрированы у Орла и Сталинграда. Успехи немцев на юге связаны с отсутствием второго фронта. Это был жесткий язык, но разве западные союзники не нарушили данного слова?

Между тем западные партнеры начинают сомневаться в жизнестойкости своего восточного союзника. 6 ноября 1942 года в докладе разведывательной службы президенту США за номером 48 констатируется: „Красная Армия оказалась неспособной выбить захватчиков из города

(Сталинграда. — А.У.), и нацисты получают выигрыш, упорно продвигаясь к грозным нефтяным месторождениям“. Напрасны ли жертвы России? Газета „Нью-Йорк таймс“ писала в эти дни: „Американцы могут бросить взгляд на спокойные улочки своих городов и попытаться представить их в условиях страшных разрушений, которые обрушились на Сталинград. Они могут взглянуть на своих соседей и представить себе мужчин и женщин Сталинграда, сражающихся за каждую пядь земли пригородных улиц... Сталин убивает тех, кто убивал бы американцев“. Вице-президент Уоллес: „Сталинград — это первая линия обороны Чикаго“.

А сами союзники, как они воспользовались тем, что ношу 1942 года нес прежде всего Советский Союз?

В начале ноября 1942 года, после трех лет поражений и отступлений, английская армия наконец добилась успеха в решающей битве в египетской пустыне у Эль-Аламейна. Впервые с того времени как Черчилль стал премьер-министром, он получил поздравления по поводу победы. Генерал Александер телеграфировал из Западной пустыни: „Пусть звонят колокола, число захваченных военнопленных превышает 20 тысяч, танков 350, орудий 400, несколько тысяч грузовиков“. Разумеется, это были значительные успехи, хотя при любом сопоставлении этих цифр с теми гигантскими массами войск и техники, которые были введены в боевые действия на восточном фронте, — это была просто незначительная операция и этого не мог отрицать никто, в том числе и Черчилль.

По приказу Черчилля в Англии действительно ударили во все колокола. Но премьер-министр призвал трезво оценить ситуацию: „Война будет длиться еще долго, пока мы не разобьем Германию. Нам потребуется затем еще два года, чтобы разбить Японию. Мы будем держаться вместе в Америкой до тех пор, пока не установим мир в Европе и, если я все еще буду жив, я поведу всех на битву в Тихом океане“. Отметим „держаться с Америкой“. А ведь не Америка крушила 6-ю армию Паулюса, которая в свое время предназначалась быть авангардом высадки вермахта на Британских островах. Да и Японию поразить можно было только лишив ее континентального плацдарма, а это значит, что только Советский Союз мог нейтрализовать огромную армию японцев в Китае.

Успешная высадка англо-американцев в Северной Африке позволила Черчиллю уже 9 ноября 1942 г. заявить, что возникает „в целом новая ситуация, целый ряд новых возможностей для наступления против Гитлера в 1943 году“. Он предполагал подготовку к вторжению в Западной Европе и нанесение ударов по Италии. Эти операции он хотел провести в сочетании с „различными формами давления“ на Турцию, чтобы заставить ее

вступить в войну, а также „взаимодействовать в наземных операциях с русскими на Балканах“.

Именно в эти дни Черчилль провозгласил главную цель своей дипломатии. Выступая 10 ноября в Мэншн-хаузе, Черчилль сказал: „Британия начала войну не для территориальной экспансии, но мы удержим все то, что принадлежит нам. И я стал первым министром не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи“. Намеком на то, как он реализует это свое обещание сохранить империю, было упоминание в речи о „новых связующих звеньях англоговорящих народов“. Тогда же Черчилль сказал, что „это еще не конец, даже не начало конца, но это определенно конец начала“. В определенном смысле это был и конец героического периода, блестяще сыгранного мастером. В серых буднях грядущего от него уже зависело все меньше и меньше. Старые доблести мужества и веры уступали место потоку индустрии, массе войск, тем макрореличианам, в которых Британия уступала с каждым годом.

Тем временем „Энигма“ давала Черчиллю бесценную возможность следить за стратегическим планированием германского командования как на Западе, так и на Востоке. В начале ноября стало ясно, что немцы, хотя они и захватили Владикавказ, не в состоянии достичь Каспийского моря или захватить Баку. Черчилль облегченно вздохнул: опасность англичанам на Ближнем Востоке уменьшалась.

Но не успела отойти на второй план одна забота, как стала возникать новая — капитальная, терзавшая Черчилля до конца войны. О дальних подходах к этой проблеме мы читаем в „невинных“ по виду документах. Так, в эти дни сын премьера Рэндольф беседовал с прежним министром иностранных дел Франции Фланденом и изложил свои соображения отцу: „Мы должны атаковать Европу через Италию и Балканы. Чрезвычайно существенно, чтобы британские и американские войска достигли Вены, Бухареста и Будапешта до того, как туда придут русские“. От Волги до Дуная лежали тысячи километров, на этих просторах располагались еще самые дееспособные силы вермахта, но в Лондоне уже задумались над судьбой Восточной Европы.

В это же время Черчилль размышляет над своей политикой в Азии. Он всегда считал Чан Кайши слабым правителем и в конечном счете союзником Рузвельта, а не собственным союзником. Когда Чан Кайши попросил присылки 7 британских дивизий для „помощи в возвращении Бирмы“, Черчилль сообщил Рузвельту, что операции в Северной Африке и оборона Индии не позволяют помочь китайцам.

Проблема, которая прежде всего беспокоила Черчилля в ноябре 1942

года — потери британского флота от германских подводных лодок. В ноябре было потеряно 722 тысяч тонн английских и американских судов — самая большая цифра за все время войны. Но англичане наконец-то разгадали „потерянный“ год назад военно-морской вариант „Энигмы“. Дешифровка донесений капитанов подводных лодок сразу осветила картину присутствия немцев в мировом океане. Это позволило определить места нахождения германских подводных лодок, и после этого, с увеличением числа кораблей сопровождения, тоннаж потопляемых судов стал уменьшаться.

На заседании кабинета Черчилль зачитал слова Сталина о необходимости открытия второго фронта в 1943 году. „Наши действия в Средиземном море, как ни важны они, — сказал Черчилль, — несопоставимы с усилиями России“. Черчилль определил грядущий 1943 год как „суровый и ужасный, мы должны встретить его вооружившись твердой волей, скрепив сердце“.

Но все это отстояло в невероятно отдаленном будущем, путь в которое лежал через Сталинград. Советское руководство по достоинству оценило десант союзников на африканский континент. Успешная высадка англо-американцев в Северной Африке позволила Черчиллю уже 9 ноября 1942 г. заявить, что возникает „в целом новая ситуация, целый ряд новых возможностей для наступления против Гитлера в 1943 году“. Он предполагал подготовку к вторжению в Западной Европе и нанесение ударов по Италии.

Нужно сказать, что Черчилль достаточно быстро оценил эффект разворачивающейся Сталинградской битвы на общий ход войны. В ноябре 1942 года, в самом начале грандиозной операции, он писал: „Мне кажется уже невозможным, чтобы Гитлер мог перевести какие-либо силы с Востока на Запад. Битва на русском фронте в значительной мере изменила мировую ситуацию“.

Глава германской дипломатии Риббентроп стал ощущать шаткость положения Германии в мире с высадкой западных союзников в Северной Африке. В день высадки он спешно присоединяется к поезду, везущему Гитлера на ежегодную встречу участников „пивного путча“ 1923 года. На этот раз Риббентроп умоляет Гитлера позволить ему начать пробные подходы к советским дипломатам в Стокгольме, чего очевидным образом нельзя сделать без обещаний широких уступок на Восточном фронте. Гитлер резко отвел эту идею — но аргумент был особенный: мир не просят в момент слабости. Какое-то время Гитлер, видимо, обдумывал эту идею и пришел окончательному выводу, который огласил перед пивными

камрадами. „Отныне и в будущем мы не будем выдвигать предложений о мире“. Западные союзники оценили неисправимость нацизма. Через три месяца Черчилль в марокканской Касабланке в присутствии президента США выдвинет правило „безоговорочной капитуляции“. Борьба принимает максимально ожесточенный характер.

Гитлер двигался в Мюнхен из Восточной Пруссии на замедленной скорости из-за разбомбленных западными союзниками путей. На пути он видел эшелоны с ранеными, прибывшие с Восточного фронта. Он приказал задернуть занавески своего вагона. В штабном вагоне обсуждали направление, в котором пойдут союзные транспорты, только что прошедшие Гибралтар. Гитлер сказал, что на их месте он постарался бы захватить Рим — там их ничто в данный момент остановить не могло. Еду в вагоне-ресторане подавали на изысканном фарфоре. Спать фюрер отправился на рассвете.

В Германии Гитлер 8 ноября произвел оценку стратегической ситуации на традиционном сборе в „Левенбройкеллер“, перед ветеранами нацистского движения. В громадной пивной над аркой главного зала висела неимоверных размеров свастика, над сценой свисали золотые орлы. Гитлер, в коричневой рубашке с нарукавной свастикой, буквально ворвался в знаменитую пивную под рев камрадов, певших партийный гимн „Хорст Вессель“ с тройным „Зиг Хайль“ после. Его слова о Сталинграде запомнились многим. (В Сталинграде эта речь транслировалась по радио). Было что послушать. „Я хотел взять этот город — вы знаете, что мы скромные люди, — мы владеем им. Осталось только несколько небольших кварталов. Некоторые спрашивают, „почему все не происходит значительно быстрее?“ Потому что я не хочу создавать второй Верден, а предпочитаю делать дело небольшими ударными группами... Важно то, что корабли больше не поднимаются по Волге“. Гитлер объявил, что он не Вильгельм Второй — этот слабый человек, который умудрился отдать огромные завоевания германского народа на Востоке из-за того, что кучка предателей внезапно пожелала улучшить свои отношения с Западом. „Все наши враги уверены, что Германия сдастся без четверти двенадцать, но я принципиально ничего не сдам до пяти минут первого“. Германскому народу дорого обошлась эта бравада. В пять минут первого огромное государство в центре Европы на себе испытало некоторые аспекты сталинградской реальности.

„Небольшими группами“, обещанными Гитлером сражающейся на берегу Волги армии, стали прошедшие курс обучения специалисты по борьбе в городских кварталах. Они стали прибывать в Сталинград после

нажима Рихтгофена на Ешоннека, который обратился к Гитлеру. Эти инженерно-подрывные части называли „пионерами“-первопроходцами. Пять батальонов „пионеров“ прибыло в Сталинград. С собой они везли аккуратные упаковки динамита, автоматы, огнеметы — все для „грязной работы“.

Первым обозначенным пунктом для „работы“ одного прибывшего подразделения — 336-го батальона — стали окрестности завода „Баррикады“. Остальные четыре батальона были распределены вдоль всей линии городского фронта. „Пионеры“ были поражены колоссальными разрушениями Сталинграда. Стальные листы в разрушенных цехах странно скрипели, противник был почти невиден. Новоприбывшим объясняли, что он прячется в подвалах и выходит на поверхность через канализационную систему, что в руинах предстояло пройти практику на ориентацию. Но „пионеры“ при этом проявляли самоуверенность, деловитость, углубленность в себя. Они, мол, и не такое видели в Воронеже. Вскоре после первого знакомства с местностью в месторасположении „пионеров“ внезапно раздался взрыв, и новичкам пришлось хоронить восемнадцать своих товарищей. Это несколько отрезвило подрывников-„пионеров“.

Прежде всего им поручено было взять два опорных пункта защитников „Баррикад“: во-первых, химический цех; во-вторых, т. н. „дом комиссаров“ в нескольких сотнях метров от химического цеха (дом из красного кирпича, странным образом почти уцелевший и доминировавший над местностью). В половине четвертого утра, после стандартной артподготовки „пионеры“ бросились на химический цех. Огнеметы сделали свое дело, здание попало в руки немцев. Проблему представил собой „дом комиссаров“. Утром последовавшего за взятием химического цеха дня „пионеры“ обрушились на него с полной верой в успех. Защитники укрылись в подвалах. В ярости „пионеры“ стали заливать в подвалы бензин и поджигать его. Вниз были брошены динамитные шашки. Можно было праздновать победу, только делать это было уже некому — не раненым среди „пионеров“ остался лишь один человек. Он вызвал к берегу Волги большой патруль. От немецкого патруля через три часа осталось три человека.

Пять батальонов (общим числом три тысячи человек) в течение нескольких дней потеряли треть своей силы. Но они нанесли защитникам города ощутимые удары. Погиб в схватке с ними 118-й полк, жестоким образом пострадала 138-я дивизия полковника Людникова — в ней осталось лишь несколько сот человек. Прижатый к реке, Людников просил Чуйкова о помощи. Превратности жизни известны. В Москве свирепую

привязанность немцев к боям местного значения теперь едва ли что не приветствовали. Глядя в одну сторону, враг терял полный обзор, терял широкую картину, в которой местные успехи „пионеров“, поджигавшие страсти руководства 6-й армии, являлись фактическим условием неприметного броска трех фронтов к горлу волжской группировки вермахта.

9 ноября наступила холодная погода — минус 18 градусов. Немцы начали мерзнуть в окопах, советские солдаты оборачивались глазами на реку — стоит Волге начать замерзать, и подвоз с левого берега остановится. Чуйков: „Теперь нам придется вести войну на два фронта: враждебная река сзади и враг, атакующий впереди“. Оставалось изучать систему германской сигнализации и использовать немецкие сигнальные ракеты для вызова огня германской артиллерии на германские же позиции. Новое явление, теперь перебежчики шли с той стороны. Последовал приказ № 55 о гуманном обращении с перебежчиками. 11 ноября немцы в последний раз масштабно атаковали позиции 62-й армии. Снова традиционный авианалет, рухнули последние трубы в промышленной зоне. Целью, а затем и центром наступательных операций стал химический комбинат „Лазурь“ и все та же железнодорожная станция. Уже привычная картина: несколько взятых немцами зданий вскоре были отбиты людьми Батюка. Жестокая то была сеча — по тридцать патронов на каждого солдата и по пятьдесят граммов хлеба в день. 12 ноября немцев остановили в семидесяти метрах от Волги. Взвод, в котором осталось лишь четверо, послал нарочного с запиской: „Перед нами крупные силы противника. Открывайте огонь по нашей позиции. Прощайте, товарищи, мы не отступили“.

И, хотя противник сохранил долю бравяды, ощутимыми становились новые веяния, наиболее достоверными свидетелями чего стали ранее немислимые немецкие перебежчики. В своем дневнике простой русский солдат резюмирует происшедшее с абсолютной точностью: „Это уже не те немцы, с которыми мы дрались в августе. Да и мы уже другие“.

Германские оценки и советская подготовка

На самом жестоком участке мировой борьбы, на советско-германском фронте, германская военная разведка во главе с фанатиком разведдела, создателем обширной информационной базы, энтузиастом работы с советскими военнопленными, покровителем власовского движения Геленом оказалась неспособной правильно оценить складывающуюся вокруг 6-й армии ситуацию. Гелен не сомневался в предприимчивости советского командования, он, собственно, исходил из того, что русские что-то готовят. С непогодой пришла их пора. Они, русские, явно постараются предпринять масштабное наступление против германских войск. Русские будут стремиться к „решающему успеху“. Но сил и боевого духа у них хватит лишь на одно подобное наступление, на краткую, ограниченную во времени и пространстве операцию. Где же ее ожидать? 6 ноября 1942 года Гелен дает оценку сложившегося стратегического положения и представляет варианты возможных действий советского командования. Атаке подвергнется группа армий „Центр“, причем сердцевиной военных усилий русского командования будет Вторая танковая армия, расположенная на левом фланге „Центра“. На юге „ситуация неясна“. Но что можно твердо исключить, так это два советских наступления одновременно. И если первого следует ожидать на московском направлении, то о втором можно не заботиться. Роковая ошибка, построенная на самонадеянном расчете.

Никак нельзя сказать, что у немцев не было вовсе никакой предостерегающей информации. В одиннадцатый германский корпус, расположенный на Дону, довольно методично поступали сведения о концентрации русских войск. И румыны видели активизацию противостоящего фронта. Воздушная разведка подтверждала предупреждения о создаваемом Красной Армией наступательном кулаке. Четвертая танковая армия немцев идентифицировала новые части в бекетовском „колоколе“. Ее командующий видел оживленное перемещение колонн противника перед его фронтом. К юго-западу от Сталинграда, непосредственно перед третьей армией румын, происходило нечто, более всего похожее на подготовку к наступлению. А у немцев в резерве здесь была лишь 48-я танковая дивизия. Имевшиеся же на вооружении у румын 100 чешских танков Т-38 мало что значили против русских Т-34.

12 ноября Гелен представил командованию сухопутных сил

специализированную оценку деятельности Красной Армии на юге и возможные потенциальные угрозы. „Хотя пока невозможно дать общую оценку положения противника в нынешней неясной обстановке, мы можем ожидать в недалеком будущем их наступления против румынской третьей армии, что может принести обрыв железнодорожного сообщения со Сталинградом и поставить в опасное положение все германские силы, расположенные восточнее, целью чего будет стремление заставить нас уйти из Сталинграда“. Но, делает фатальную оговорку подполковник Гелен, скорее всего стратегических решений здесь русские принимать не будут. Возможно одно из двух: либо русские обрушатся на Третью румынскую армию, либо они постараются предпринять наступление против итальянцев и венгров на Дону. Мысль о более масштабном решении была неприемлема для Гелена, и он постарался убедить в этом главных адресатов своих аналитических материалов.

А советская сторона, как раз наоборот, расширяла радиус своего обзора. Резиденту советской разведки „Люси“ пошла в Швейцарию телеграмма следующего содержания: „Где находятся тыловые укрепления немцев к юго-западу от Сталинграда и вдоль Дона? Построены ли оборонительные позиции в секторе Сталинград — Клетская и Сталинград — Калач? Их характеристики?“

Через два дня после того, как Гитлер и начальник штаба сухопутных войск генерал Цейтцлер прочитали успокоительные соображения Гелена, в советские армии начали поступать боевые приказы. И поступали они, разумеется, к армиям южного направления. Главной задачей на данном этапе было скрыть процесс концентрации. Скажем, у Юго-Западного фронта не было ничего более важного, чем укрыть от чужих глаз 5-ю танковую армию генерала Романенко. По мере того, как падали ноябрьские листы календаря, советские танки по ночам продвигались все ближе к фронту. Были и несчастья: один из корпусов Первой танковой армии не успел пересечь Дон ночью и подвергся бомбардировке, но противник посчитал это дежурным происшествием.

5 ноября Жуков вместе с Ватутиным прибыл к танкистам Романенко. Им предназначалось практически главное в предстоящей операции. Родина ожидала, что они выполнят свой долг. Жуков долго инструктировал танковых командиров. Задачи были расписаны по дням. На следующий день Жуков вместе с генерал-полковником Вороновым был уже в Серафимовиче у Рокоссовского. Затем он посетил Ватутина, Чистякова, Батова. Главный вопрос — координация действий между Юго-Западным и Донским фронтами, а точнее, между 65-й танковой армией Батова и

соседями. Батов ознакомил присутствующих с показаниями военнопленных, и Жуков немедленно связался со Сталиным. „Ваши предположения о существовании связки между двумя группировками в районе Клетской подтверждены. Разведчики Батова взяли пленных из 376-й германской дивизии и 3-й румынской дивизии“. Жуков был суров к Батову, припоминая его „первую ошибку в Крыму“. Но за обедом он долго беседовал с танковым командармом, ценя его советы о расположении артиллерии. Ватутин планировал сразу ввести в дело 500 танков.

Приказ наступать был подписан 8 ноября, но в течение наступившей ночи пришло распоряжение об отсрочке наступления на неделю: запаздывали войска, задерживались боеприпасы. Жуков у Еременко беседует с его генералами, начиная с Толбухина. Он обрисовывает общую схему операции, что для части генералов было откровением.

Тем временем русский мороз пришел в волжские просторы, и река начала покрываться первым ледком. Транспортировка танков становилась проблемой. 10 ноября Еременко собрал военный совет своих генералов, который шел всю ночь. Задача: сохранить связь со Сталинградом и прийти на спасение его обессмертивших себя защитников. 38 инженерных батальонов готовились к наведению понтонных мостов. За последние три недели они уже переправили в Сталинград 420 танков, 111 тысяч солдат, 556 орудий, семь тысяч тонн боеприпасов. Впервые здесь наши авиаторы готовились завладеть сталинградским небом и прикрыть наступающие колонны. Теперь танки могли по радио вызывать воздушную поддержку. Чтобы научиться этому, понадобилось полтора года войны.

На трамплинных позициях теперь присутствовал Василевский, общая координация продолжалась. Главной идеей было следующее — избежать фронтальных стычек, идти своим путем, ценить расчет, местность, время, а не упиваться безрассудной храбростью. И для этого понадобилось полтора года войны. Василевский (как вспоминает один из участников этих встреч) „был умным генералом, обладающим большими талантами и не отрицающим талантов у других“. Он выслушивал соображения специалистов и вникал в процесс их планирования. И еще раз, и еще раз повторял, что нужно обходить те места, где противник действительно силен, двигаться дальше, вперед и вперед.

11 ноября Жуков сообщает Сталину о необходимости должным образом одеть 51-ю и 57-ю армии не позднее 14 ноября. В этот же день он оценивает перед Сталиным степень готовности к операции. Вместе с верным Василевским они развернули карты Генерального штаба. Главным было следующее положение: „Главные силы немцев, их 6-я и 4-я танковая

армии, втянуты в тяжелые бои в районе Сталинграда. На флангах, на основных направлениях нашего наступления стоят румынские войска. Общее соотношение сил в районе Сталинграда благоприятствует успешному выполнению заданий, выдвинутых Ставкой“.

Наиболее проницательные среди немцев начинают в ноябрьской мгле усматривать нечто устрашающее. Германское Верховное командование в эти последние дни постаралось предпринять некоторые действия по укреплению мягких флангов сталинградской группировки. Расположенный в 80 километрах к юго-западу от Клетской и Серафимовича 48-й танковый корпус, возглавляемый генерал-лейтенантом Фердинандом Хаймом (близким другом Паулюса), получил приказ выдвинуться на слабые фланги. Случилось абсолютно непредвиденное. Через несколько километров после начала пути на нескольких танках начался пожар и колонна остановилась. Обеспокоенные механики бросились к боевым машинам и достаточно быстро поняли в чем дело. В период военного бездействия, когда танки стояли без движения, полевые мыши нашли себе невиданное место зимовки в моторах и сгрызли электроизоляцию. Это на несколько дней затормозило прибытие 48-го корпуса на новое место дислокации. И прибыл он в плохом технически-моральном состоянии. Более половины танков — 62 из 104 танков были в небоевой кондиции. Примечательно, что командование фронта не сообщило об этом ОКХ и в Вольфшанце, типичное прикрытие коллег. В результате там не знали, что у 6-й армии ослаб один из немногих резервов.

Но тщательно выработанные планы и грандиозные усилия по подготовке к их реализации могли сорваться, если бы немцам этой поздней осенью удалось все же подавить чуйковский очаг сопротивления в самом Сталинграде.

В шесть тридцать утра 11 ноября 1942 года Паулюс начал последнее наступление на уже пристрелянную полосу земли. Получив 48-й танковый корпус, командующий 6-й армией приступил к выполнению приказа Гитлера о решающем наступлении в момент, когда замерзшая, но еще непроходимая река сделала положение 62-й армии Чуйкова особенно уязвимым. Тракторный завод уже был в немецких руках, трудности начинались на территории Рынка — той самой территории, которую весело пересек авангард 6-й армии в далеком августе. Сейчас самую тяжелую работу на территории Рынка выполняла 16-я танковая дивизия. Она медленно продвигалась на юг, сражаясь с орудиями, минометами, противотанковыми ружьями, отчаянными обитателями подвалов, выскакивающими в самый неожиданный момент. При этом наши

сталинградские бойцы заведомо шли на жертву, но уводили с собой в небытие и нескольких немцев. Туманы и появившийся снег слепили оптику немецких танков, они грозно урчали, продолжая свой убийственный ход с обеих сторон (с севера и юга) города в направлении Рынка.

К полудню яростная атака немцев дала свои результаты — немцы во второй раз прошли по трупам наших гвардейцев к Волге, рассекая силы Чуйкова теперь уже на три части. К югу от завода „Баррикады“ в одиночестве сражалась дивизия Людникова, в которой осталось полтысячи человек. И дождь и снег пали на обезлюдевшие роты, а раненые гибли в негромких стенаниях. Кончились автоматные патроны и гранаты — своего рода „хлеб“ сражений в городских кварталах. Через несколько часов их уже всего четыреста человек. Вывезти их на „большую землю“ не было никакой возможности.

Но по большому счету это наступление Паулюса было „галочкой в боевом плане“. Германские части безропотно и иногда почти механически шли вперед, но в их действиях, в действиях надорвавшихся танкистов и пехотинцев уже не было прежней истовости.

Наиболее устойчивой и эффективной силой Чуйкова была 13-я гвардейская дивизия, численностью в 1500 человек и 193-я дивизия с боеспособной тысячей солдат. Во всей же 62-й армии, после подкреплений насчитывалось 47 тысяч солдат и командиров при 19 танках. Горохов держался за рынок и Спартановку, южнее стояли 13-я и 39-я гвардейские, 95-я, 45-я и 384-я дивизии. Борьба в руинах уже обросла своими правилами, появились своего рода традиции, выработались приемы дальнего и ближнего боя. Появились знатоки городских лабиринтов, некоторые проводники феноменально ориентировались в этой огромной гряде городских развалин. Могло ли это помочь в готовящемся последнем бою? 17 ноября армада германских танков (16-я танковая дивизия) пошла на людей Горохова, и трудно было представить себе силу, способную на этот раз сдержать немцев. Горохов собрал всех — поваров, водителей автомашин, солдат из ремонтных мастерских — всего числом триста. Приказ держаться до последнего патрона передали и Еременко и Чуйков. Новой, поразительной нотой была концовка их приказа: „Держитесь, и к вам придет такая помощь, о которой вы никогда даже не мечтали“.

Чуйков думал об этих словах, владея всего лишь десятью процентами городской территории Сталинграда. Со стороны замерзшей Волги приток жизненных сил практически прекратился. Командарм был доволен лишь наличием для экстренного случая двенадцати тонн шоколада. Если Волга не покроется быстро крепким льдом, то этого запаса должно хватить по

половине пачки каждому в день на протяжении двух недель. Ежедневная доля каждого солдата — сто граммов водки. В пронизывающем холоде начинающейся зимы лишь единицы отказывались от своей порции. Тем более, что общая численность армии неизменно уменьшалась. Страшным врагом солдат и офицеров были вши.

Узнав о критическом положении Сталинграда, Сталин приказал Василевскому вылететь на левый берег Волги и наблюдать за разворачивающимся сражением, освободив Еременко для координации всей обороны города и помогающих городу сил. Развеивая сомнения одних, сдерживая темперамент других, Василевский разместился у основания пружины, готовой рвануться вперед. Чувство своего рода отрешенности посетило его. Проделан огромный труд, и все же впереди неизвестность. Но взгляд на карту, цифры задействованных сил, общий настрой новой военной элиты плавили неизбежные сомнения. Для участия в операции „Уран“ изготовился миллион человек в шинелях, 13 541 орудие, 894 танка, 1115 самолетов. Три фронта синхронизировали процесс последних приготовлений. В войсках не было проклятой июльско-августовской обреченности, войска рвались в бой. Рождалась новая армия.

15 ноября Васильев (Сталин) пишет Константинову (Жукову): „Вы можете определить такую дату начала для Федорова и Иванова (Ватутина и Еременко), которая кажется вам подходящей, и дайте мне знать, когда вы возвратитесь в Москву. Если вы считаете необходимым, чтобы один из них выступил на день или два раньше, я даю вам право решить этот вопрос по вашему усмотрению“. Жуков и Василевский уже определили дату выступления для северного сектора — 19 ноября, а для южного — на день позже.

Жуков опасался, что немцы сумеют снять крупные силы с центрального участка фронта, он предложил одновременно „разгромить немцев в районе ржевского выступа. Для этой операции мы (Жуков и Василевский. — А.У.) предложили привлечь войска Калининского и Западного фронтов“. Руководить этой операцией взялся лично Жуков.

Далее произошел так называемый „казус Вольского“. Генерал Вольский, командующий 4-м механизированным корпусом, готовился повести за собой правый фланг наступающих с юга советских танковых колонн. Он косвенно участвовал в планировании „Урана“, внимательно слушал Жукова и делился соображениями по поводу достижения наиболее эффективного удара — тем самым как бы разделяя ответственность за готовящуюся операцию. Буквально за считанные часы (за 36 часов до начала операции) он представил Верховному главнокомандующему

Сталину буквально паническое письмо: сил Красной Армии недостаточно; предстоящее наступление ни к чему не приведет; более того, оно изначально обречено на жестокое поражение. Он, „как честный коммунист“, не может молчать и выносит свое искреннее мнение на суд самой высокой инстанции. Сталин велел затормозить ход уже „вставшей на автоматический режим“ операции и немедленно вызвал в Москву Жукова и Василевского. Оба они постарались погасить эмоции и привели цифры войск и вооружения, определенно дающие надежду на успех. Сталин связался с Вольским и, стараясь спрятать эмоции, заверил генерала в излишней, необоснованной критичности его позиции; наступление подготовлено с должным тщанием и имеет значительный шанс на успех. Пораженные тактом Сталина, Жуков и Василевский слушали, как он выслушивает извинения генерала Вольского и завершает беседу едва ли не на сердечной ноте. Свидетели описывают сцену завершения разговора с противоположной стороны. Бледный как смерть Вольский от напряжения истекал потом, он вынул платок и прокашлялся. Платок был ало красным.

Наиболее вероятная причина этого эпизода — застарелый туберкулез генерала. Борясь с ним, он питался лишь чаем с галетами, но не желал уйти с передовой. В одном из приступов страшной меланхолии он написал письмо, столь сильно смутившее Сталина. Оно привело к сенсационной приостановке огромного механизма подготовки наступления, но уже никак не могло остановить его. Это был также тот редкий случай, когда Сталин — сам о себе говоривший „я грубый“ — проявил удивительную и несвойственную себе деликатность. Эпизод не имел исторически значимых последствий. Возможно, что главная его причина вовсе не слабое здоровье советского генерала, а ужасный опыт первых восемнадцати месяцев войны, когда столько советских наступательных операций оканчивались трагически.

Вечером 16 ноября генерал Рихтгофен беседовал с начальником штаба германской армии генералом Цейтцлером. „Надо либо бросить все силы, либо остановить наступление вовсе. Если мы не проясним ситуацию сейчас, когда Волга блокирована и русские испытывают подлинные трудности, мы уже никогда не сможем сделать этого. Дни становятся короче, а погода хуже“. Цейтцлер согласился с общей линией этих рассуждений, но конкретных решений не принял.

Погода действительно менялась довольно резко. Короткое и жаркое наше лето сменилось в одночасье туманами и холодами, степная трава стала холодной. С небес пошел холодный дождь, быстро сменившийся тающим на лету снежком. Теплая погода октября довольно быстро

сменилась заморозками ноября.

Нужно сказать, что немцы извлекли из первой русской зимы — из жестокого для них 1941 года — определенные выводы. Квартирмейстер 6-й армии удачно приказал использовать степные овраги — балки — для строительства „нор“, используемых как всепогодное прикрытие для зимовки личного состава. Здесь же складировалось продовольствие и зимнее обмундирование, прибывшее по единственной железной дороге из находящегося почти в шестистах километрах Харькова. Вдоль линии железнодорожного пути было создано десять складов, основа жизнедеятельности 6-й армии и танковой армии, застрявшей на Кавказе. Это была нелегкая миссия, советские партизаны уже получили приказ препятствовать поставкам в восточном направлении. Железнодорожное сообщение между Харьковом и Сталинградом стало прерывистым, опасным, ненадежным.

И помимо этого, вся диспозиция войск Паулюса говорила об устремленности на Сталинград, а главные запасы, которые питали его войска, находились далеко на западе, на западном берегу Дона, где их сохранность далеко не гарантировалась близрасположенными войсками. Самым важным немецким хранилищем стал Чир — почти сто километров до Сталинграда. Именно оттуда, с Чира, немецкие войска получили в начале ноября зимнее обмундирование. Оно развозилось на грузовиках по необъятной степи, равно как и боеприпасы и продовольствие.

Военнопленные советские воины в лучшем случае получали семечки поздних донских подсолнухов. Они брели в отрепьях летнего обмундирования, с потухшими глазами и седеющими головами, их судьба была трагичной. Немцы смотрели как вчерашние красноармейцы роются в отходах, они безучастно взирали на чистое людское горе наших плененных воинов. Даже звуки угасли в степи, только дальний гул на востоке говорил о продолжающейся в Сталинграде битве. Да растущие аккуратные немецкие кладбища поблизости от военных госпиталей.

Немецким лошадям явно не нравился континентальный климат, и армейское руководство постаралось послать значительную их часть на Украину. Немцы стали использовать невысоких русских лошадок, неприхотливых и выносливых. На них, а не бельгийских першеронов, они надеялись в грядущую зиму, обещавшую быть суровой. Пехотинцы слушали рассказы летчиков о виденных ими в районе Клетской колоннах русских танков, среди которых скоростью и огневой мощью выделялись танки Т-34. Для восстановления душевного равновесия солдат, каждые двадцать дней они получали право на поездку в Германию. Нужно сказать,

что в рейхе с трудом понимали, что происходит близ берегов Волги.

9 ноября в расположении 384-й пехотной дивизии немцев была захвачена переписка немцев со своими родными в Германии. Копии переводов были отправлены в Москву и прежде всего Сталину. Того очень интересовало моральное состояние германских войск. В данном случае речь шла о частях не побывавших в сталинградском пекле, но они были рядом и у них были свежие впечатления. Генерал Габленц пишет командирам 384-й пехотной дивизии: „Я знаю о состоянии дел в дивизии. Мне известно, что сил уже не осталось... Идет жестокая битва, и с каждым днем будет все тяжелее. Изменить ситуацию к лучшему невозможно. Но вялость большинства солдат может быть преодолена активностью руководства. Командирам следует быть строже... Дезертиров должен судить военный трибунал. Солдат, уснувший на боевом посту, заслуживает расстрела на месте. Пора начать жить по законам военного времени... Эту зиму мы проведем в России. О доме лучше на время забыть“.

12 ноября пошел первый большой снегопад. В белых маскхалатах разведчики партия за партией уходили по свежему снегу в тыл противника. Они обнаружили, что на линии предстоящего наступления румыны строят сеть бетонных бункеров, но пополнений к ним не поступило и строительство по всему фронту еще далеко от завершения. Разведчики привели с собой немецких строителей бункеров. Радостная новость о человеческой корысти и беспечности — основная часть бетона пошла на строительство штаба румынской армии, а сооружения в далекой степи остались в первозданном виде, слегка начатыми.

13 ноября Жуков и Василевский сделали вместе со Сталиным последний обзор предстоящего масштабного предприятия. Впечатления Жукова: „Сталин, можно сказать, был доволен. Он не спеша попыхивал трубкой, поглаживал усы и выслушал нас не перебивая“. К наступлению были готовы более миллиона солдат, подготовлены 119 полевых госпиталей с 62 тысячами коек. В войсках стало ощутимо возбуждение. В канун рокового дня у немцев прозвучала необычно краткая погодная сводка: „По фронту без значительных изменений. Ледяной покров на Волге несколько ослабел“.

Глухое унынье безбрежных русских степей прятало в себе нашу удачу. Мелкий колючий снег кружил по степи, навевая на противника дрему. Но волнение жгло кровь молодых танкистов и артиллеристов, замерших в траншеях автоматчиков (по восемь человек на танке). В их руках была судьба родины.

16 ноября по Дону пробежали первые метели. Еременко уже

передвинул свой командный пункт ближе к фронту (маскируя свой командный пункт под административное учреждение). Командующий танковой армией Батов был буквально в нескольких десятках метров от передовой, куда ожидалось прибытие генерала Рокоссовского. Панорама внешне была почти идиллической. Впереди широкое южное поле, за ним покрывающийся первым льдом Дон, на его дальнем берегу — покрытые первым снежком кусты. Затем, для отрезвления, две линии траншей, а за ними пулеметные гнезда, доты, системы траншейного сообщения.

Роты разведки уже работали за линией фронта. В их задачу входило определение объектов вражеской обороны, целей для артиллерии, путей продвижения для танков, проходов в минных полях. И хотя командирам высокого ранга поступил суровый приказ оповестить своих людей о наступлении лишь за три часа до его начала, в воздухе реяло ожидание. Блестели глаза, росла уверенность, что должно произойти нечто важное. 18 ноября командиры частей получили „личный и срочный“ приказ начинать в 7.30 утра 19 ноября артподготовку.

Танки Романенко вышли на исходную позицию, когда в 16.17 восемнадцатого ноября пришло кодовое сообщение: „Пошлите посыльного забрать меховые перчатки“. Это означало, что пехоте и танкам атаку начать в 8.50 девятнадцатого ноября. В полночь 18 ноября Чуйкову было приказано находиться поблизости от радиопередатчика. Он недоуменно смотрел на приемник. Внезапно его замполит Гуров ударил себя по лбу. „Я знаю, это приказ о большом контрнаступлении!“ Пока догадка не подтверждалась, но волнение охватило всех присутствующих. О чем думал Чуйков? Контрнаступление для его людей — если оно начнется — случится тогда, когда даже сверхчеловеческая отвага защитников города подошла к опасному пределу. Когда „пионеры“ динамитом выбивают солдат Людникова из последних опорных пунктов, а те, словно лишившись инстинкта самосохранения, сражаются с полной самоотдачей. Шестьдесят восемь дней их прекрасной отваги прошли не зря. Фаталистическое самоотвержение принимало строгий смысл.

Темнота опускалась на степь в эти поздние ноябрьские дни рано. Уже в четыре часа стало темнеть. На темном фоне привычно вспыхивали зарницы с востока, со сталинградской стороны. Нашей удачей была почти абсолютная прикованность немцев — и солдат и генералов — к волжскому берегу, к окопам Сталинграда. Они не увидели, что центр исторического действия сместился на отдаленные фланги, на сто шестьдесят километров от „дома Павлова“. Именно там теперь решалась судьба самого продвинутого в глубину нашей территории авангарда вермахта.

Строго говоря, румыны видели, что происходит нечто загадочное и тревожное. Командующий 3-й румынской дивизией генерал Думитреску несколько раз обращал внимание на небывалую активность на противоположной стороне. Лучшим вооружением румын были 37-мм пушки, которые в частях Красной Армии называли „пушки-колотушки“. Наиболее детальным являлся доклад Думитреску от 29 октября 1942 года. Он спровоцировал маршала Антонеску обратиться к Гитлеру с указанием на потенциальную опасность ситуации, в которой южный берег Дона не является надежно прикрытым. Но Гитлер был, что называется, „зациклен“ на самом Сталинграде. Как и все германское командование. Шахматы более популярны среди русских, немцы решают свои проблемы последовательно, по мере поступления.

Паулюс 9 ноября 1942 года придал румынам специальную группу поддержки во главе с полковником Симонсом. Но танки румын были безнадежно устаревшими — чешские 38-Т. Боеспособность расположенной неподалеку 14-й танковой дивизии была невелика — всю свою боевую мощь она выложила и потеряла в уличных сталинградских боях. Учитывая все это, окружающим офицерам не была понятна почти абсолютная невозмутимость высшего руководства их армии. Знали ли их командиры нечто, что их успокаивало? Переоценивали боевую мощь (неведомо для них) ослабленного 48-го танкового корпуса? Возможно, Паулюс некритически верил в способность этого корпуса отбить любую попытку советской стороны изменить статус-кво.

Капитан Бер вспоминает, как за месяц до описываемых событий его предшественник на штабном посту подошел к крупномасштабной карте, распростер руки над ней и показал места, где русские постараются нанести наступательные удары. „Их клинья встретятся здесь“, — и офицер-провидец указал на город Калач. Бер поднимал трубку телефона. Фронт стоял нетронутым, но активность русских была недвусмысленной. Эфир, обычно столь молчаливый на русской стороне, взорвался тысячами голосов. Передавались зашифрованные сообщения. Падал легкий снежок, а капитан Бер фиксировал новые угрожающие сигналы.

В эти дни второй половины ноября румыны, при всей их беспечности (почти национальной черте), все же заметили небывалую активность противостоящих сил. В их штабах зазвенели телефоны, поступили доклады о реве сотен моторов, о танках, выходящих на боевые позиции, о сотнях артиллерийских орудий, подтягиваемых к Серафимовичу и Клетской. Румынские разведчики сообщили о колоннах красноармейцев, собирающихся под прикрытием боевой техники. Офицер связи при

румьинском штабе — лейтенант Шток (бывший олимпийский чемпион) связался с германским штабом в Голубинке. Его телефонограмму принял капитан Бер, служивший в штабе генерала Шмидта. Он нанес сведения о перемещении советских войск на большую оперативную карту. Пленный советский офицер тоже говорил о предстоящем наступлении. Первым из значимых немецких офицеров о грядущем советском наступлении узнал лейтенант Герхард Шток, прикомандированный к третьей румынской армии около Клетской. Занесенная в штабной журнал, его телефонограмма свидетельствует: „Согласно показаниям русского офицера, взятого в плен в расположении 1-й румынской кавалерийской дивизии, ожидаемая атака Красной Армии должна начаться сегодня в пять утра“. Других сообщений не было, и дежурные офицеры решили не будить начальника штаба армии генерала Шмидта. Но позже все же сведения были доложены генералам Паулюсу и Шмидту.

В это время советские саперы в белых маскхалатах разминировали путь танкам.

Первый снег

К полуночи начинающегося 19 ноября набежали темные тучи. Температура достигла нуля, с неба повалил снег. Быстро прошла бессонная ночь, в 7.20 Юго-Западный и Донской фронты послали в эфир кодовое слово „Сирена“ — приказ зарядить три тысячи пятьсот орудий. Десятью минутами позже в белое как молоко небо полетел первый залп. Первыми в небо взметнулись оранжевые полосы огня ракетных минометов — „Катюша“ вышла на волжский берег. То был сигнал. Через секунду по врагу били все 3500 орудий и минометов; их огонь был направлен на три полосы прорыва (общая ширина — примерно двадцать километров). С небес на врага валил бездонный русский снег и ярость нашего народа — жертвы жестокой и неспровоцированной агрессии. Воистину настал час расплаты.

Канонада длилась восемьдесят минут. Румынские солдаты оглохли в своих передовых окопах. Даже укрепленные бункеры были снесены огнем смерчем. Прикомандированный к румынам лейтенант Шток, следя за событиями, связался с капитаном Винрихом Бером, офицером штаба Паулюса в станице Голубинка и объяснил ему, что звуковой сигнал — вышеозначенная сирена — означает подготовку к артиллерийской канонаде. „Я думаю, румынам не выстоять“. Наступила желанная тишина, и вдали раздался нарастающий рокот моторов. Когда танки 5-й танковой армии и пехота 47-й гвардейской, 119-й и 124-й стрелковых дивизий подошли к румынским окопам, артиллерия перенесла свои залпы на 300 метров в тыл противника. В 8.48 прозвучал последний залп, и двумя минутами позже танки и пехота наконец-то рванулись вперед. 76-я стрелковая дивизия генерал-майора Табаркеладзе выступила вперед под музыку дивизионного оркестра из девяноста человек. Милые грузины, вы забыли эту музыку? А ведь тогда и в смертельном бою, и на краю братской — братской! — могилы никто не спрашивал вашу национальность. Вы, как и десятки, сотни народов сражались за нашу единую Родину. Можно было сомневаться даже в исходе войны, но сомневаться в нашей Родине было невозможно.

Когда утро вступило в свои права, туман рассеялся и в воздух взметнулись славные соколы — новая поросль авиаторов, заставивших забыть о нашем фактическом уходе с небес в первые месяцы войны. Картина внизу далеко не была триумфальной. Румыны не заслуживают

презрительных интонаций. Они вели бой, и это был жестокий бой. Именно сила сопротивления заставила Романенко (5-я танковая армия) ввести в полдень основные танковые силы. Кавалеристы генерала Плиева бросились в прорыв. Конники неслись вперед вместе со стальными тридцатьчетверками. В периодически опускавшемся тумане и кавалеристы и танкисты смотрели на компас — на юго-восток. Пехота смотрела на танковый след.

Храбрости и силы румынам хватило примерно до полудня. Затем их 9-я, 13-я и 14-я дивизии теряют силу организованного сопротивления, в их ряды, ошеломленные и потрясенные, проникает паника. Практически вся 3-я румынская армия под ударами с запада и востока бросилась прочь от советских танков в бездонную донскую степь, где у нее, впрочем, не было запасных линий обороны. Воспоминания советского очевидца: „По пути следования русских танков дорога была устлана трупами врагов. Стояли брошенные орудия. В балках в поисках растительности бродили отощавшие лошади; некоторые из них тащили за собой сломанные повозки. От горящих грузовиков поднимались клубы серого дыма. Повсюду валялись каски, ручные гранаты и коробки из-под патронов“. Штаб румын ретировался столь поспешно, что на вешалках еще висели шинели штабных офицеров. А рядом — документы и, главное, запасы горючего. Что до пленных, то был отдан приказ оставлять деморализованного противника позади.

Примерно в пятнадцати километрах к югу находились первые посты метеорологической службы германской армии, и сержант Вольф Пеликан собирался проверить свои метеорологические приборы. Он был одет и готовился к завтраку, когда в дверь постучал гонец из соседней роты и возбужденно стал показывать на север: „Там Иваны!“ Пеликан попытался урезонить солдата. „Ты сошел с ума“. Выскочившие из бункеров солдаты старались высмеять паникера. В него бросали снежки, но он, теперь уже молча, продолжал указывать на север. Пеликан посмотрел в этом направлении и обмер. На секунду ветер прогнал туман и на горизонте обозначились силуэты больших темных танков. Они были примерно в двух километрах, и Пеликан замер от ужаса. В эти минуты на плацу появились первые румынские солдаты, их истерия говорила красноречивее слов. Один из них выкрикнул, что русские следуют прямо по пятам. Благодушные немцев развеялось, как и утренний туман.

Если бы пресловутая немецкая „рама“ традиционно вылетела для рекогносцировки местности, то летчик увидел бы три колонны танков, делающих серповидное движение, означавшее для немцев только одно —

окружение в русской степи. Но небо, благословенное серое небо, было пустынным.

Среди румын и даже немцев началась паника. Командир одной из немецких частей сел в легкий самолет и улетел на юг. Солдаты бросали свои вещмешки в кузов грузовика, но тот на морозе не заводился. Наконец мотор нагрелся. Не дожидаясь русских танков, немцы погрузились в грузовики и отбыли подальше от жуткой угрозы. Они благодарили своего бога за своевременное оповещение.

Армейские наблюдатели в густом тумане не могли ничем помочь советской артиллерии, но это и не было необходимым — основные цели были уже определены и пристреляны. Гул был слышен в 30 километрах. Бер бросился к Паулюсу и Шмидту. Согласно сообщениям лейтенанта Штока, третья румынская армия дезинтегрировалась, и ее остатки отступают в направлении Голубинки. Итак, Паулюс узнал о советском наступлении в пять часов утра, находясь в Голубинке, где располагалась его штаб-квартира. Он воспринял сообщение спокойно. Бер был горд своим командующим и его начальником штаба Шмидтом, спокойно и деловито размышлявшими о контрмерах. Шмидт пришел к выводу: „Мы можем удержаться“. Паулюс согласился с ним. Впрочем, видимо, главнокомандующий и его ближайшее окружение были еще склонны думать, что атака 3-го гвардейского кавалерийского корпуса на левый фланг дивизии Штрекера и есть главный русский удар. Пусть лошадки порезвятся. Ближайший же поход немецких танков из-под Сталинграда остудит буйные головы.

Лишь на протяжении дня 19 ноября стало пронзительно ясно, что речь идет не о рядовой операции. Поток новых — непрерывных — сообщений рисовал гораздо более грозную картину. Только сейчас Паулюс понял, что речь идет об окружении всей его армии. Один из его подчиненных напишет: „Паулюс и Шмидт ожидали атаки, но не такой. Впервые русские использовали танки столь же массово и эффективно, как мы“. После полудня основная часть штаба Паулюса перебазировалась к узловой станции Гумрак, откуда было значительно ближе к войскам. А Паулюс и Шмидт вылетели в Нижне-Чирскую, чтобы вместе с генералом Готом определить ситуацию. В Голубинке догорали костры из армейских документов.

Удивительно пустынным было небо. Нелетная погода связала по рукам и ногам обе стороны. Помимо прочего, генерал Рихтгофен находился в небе Предкавказья, где восхитительная погода давала простор его асам. Сообщение с севера, давно, собственно, им ожидавшееся, его все же

поразило. Чтобы поддержать дух окружающих, он сослался на небесные силы. И все же командующий авиафлотом Рихтгофен был менее оптимистичен, чем обычно: „Опять русские мастерски воспользовались плохой погодой. Дождь, снег, ледяной туман сделали полеты невозможными. Не удалось бомбовыми ударами помешать противнику перейти Дон... Будем надеяться, что русские не достигнут железной дороги — главной артерии нашего снабжения“. Пока мысль, что задумано полное окружение 6-й армии, никому даже не приходила в голову. О передислокации в район небесных штормов над теперь далеко не тихим Доном не могло быть и речи.

Капитан Бер осуществлял в штабе Паулюса связь с лейтенантом Штоком — главным источником сведений о происходящем в стане румын. Он сообщает об особенностях поведения румынских офицеров, покинувших своих солдат, о блуждающих в степях неорганизованных группах румын, о панике, парализовавшей союзника.

Взоры обратились на 48-й танковый корпус — свободную, запасную ударную силу Паулюса в занимаемом периметре. Все отметили замедленный темп его продвижения. Хайм двинулся на Клетскую. Лишь примерно через час немцы поняли, что перед ними явление не рядового масштаба. Быстро строится первый немецкий план: Хайм направляется восточнее первоначального приказа, румынские дивизии направляются на северо-восток и северо-запад. Во второй половине дня 48-й танковый корпус немцев наконец достиг Блинова, но советские части избегали (это вам не 1941-й год) лобовой встречи с немецкими танками. Они наносили удары и отходили, чтобы через некоторое время вернуться вновь. Хайм в погоне за ускользающим противником вывел свои танки из Блинова.

22-я германская танковая дивизия бросается в охоту на Романенко. Поздно. Танки генерала Родина на рассвете 20 ноября без единого выстрела занимают расположение штаб-квартиры 1-й румынской моторизованной дивизии в Перелазовской. 22-я германская танковая дивизия генерала Оппельн-Брониковского так и не нашла искомым советских танков и под тяжестью общих нарастающих ударов артиллерии и пехоты откатилась к реке Чир. Одно время она двигалась параллельно тем самым танковым колоннам, которые так упорно искала.

Только вечером 19 ноября штаб группы армий „Б“ начал осознавать сложность складывающегося положения. В 22.00 он отдал Паулюсу приказ предпринять необходимые „радикальные меры“. Стабилизировать ситуацию на участке 3-ей румынской армии, восстановить крепость левого фланга. Ситуация требовала прояснения, время стало бесценным, но ни

Лист, ни Паулюс не знали, что их ждет через несколько часов.

Наконец-то город-великомученик почувствовал ослабление того жесточайшего пресса, что давил на него с такой неумолимой жестокостью столько месяцев. У немцев было другое настроение — вечером 19 ноября части удобно устроившихся в балках солдат пришлось расстаться со своим уютом. После наступления темноты они получили приказ оставить злополучный Рынок (с него-то все и началось в Сталинграде). Механики срочно осматривали машины и грузовики, заполняемые пехотинцами, получившими сухой паек и боеприпасы. Новый приказ — закрыть пробитую русскими брешь на северном фланге. Все чувствовали себя неуютно, северный ветер гнал поземку по замерзшей земле. Вокруг ходили румыны, хуже всех себя чувствовали коллаборационисты, те самые хиви (Hilfewillige), которые прислуживали оккупантам. Складывается впечатление, что более всего их презирали немцы.

В штабе Паулюса генерал Шмидт пытался определить объем ущерба, ширину северной пробоины. Это была весьма сложная задача, так как слухи неразделимо смешались с реальностью. Авиация не могла помочь, полковой разведке такие обобщения не по плечу. В половине одиннадцатого вечера немецкая пунктуальность победила, и Шмидт объявил, что отправляется спать. Окружающим оставалось лишь восхищаться хладнокровию генерала.

В Вольфшанце первые беспокойные ноты (alarmierende Nachrichten) проникают через два-три часа. Но центр принятия стратегических решений не здесь, он сместился вместе с Гитлером на юг Баварии (Гитлер находился в Бергхофе уже две недели). Полковник Гелен, строго говоря, предупредил об известном вероятности активных действий Красной армии, но в это среди горного величия трудно верилось. Гитлер хотел смотреть на события „сверху“, не отвлекаясь на детали. Рейх правил тремя сотнями миллионов европейцев, и эту силу никому не разбить. И горе тому, кто попытается. Он сладко спал среди Баварских Альп, когда через Растенбург, Вольфшанце к нему начали поступать первые сведения о советском наступлении. Цейтцлер по телефону сообщил о прорыве Красной Армии на северо-западе и на западе от Сталинграда, где фронт сдерживала 4-я румынская армия.

Утром фюрер немецкого народа принялся рассматривать карты восточной оконечности своей империи. В конференц-зале было тихо и покойно. (Его адъютант Энгель запишет в дневнике: „Фюрер попросту не знает, что делать“). Он расслабился и без знакомой истерии спрашивал о погоде в районе боев, о возможностях германских военно-воздушных сил.

Масштаб событий еще не определен, иначе не последовал бы около десяти часов утра приказ Паулюса генералу Фердинанду Хайму: 48-м танковым корпусом выдвинуться против советской 5-й танковой армии и восстановить статус-кво ante. Отдадим должное немцам, они увидели нависший над ними меч в виде 5-й армии, хотя и не полностью оценили его критическую значимость. 48-й корпус в это время двигался против советской 21-й армии в районе южного течения Дона. Приказ Паулюса переориентировал его, направляя на городок Блинов, в районе которого 5-я советская армия продвинулась далее всего. Это был поворот в противоположное направление и, нужно сказать, Хайм был раздражен. Теперь на пути немецких танкистов попадались остатки румынских частей и Хайм стремился как можно прочнее включить эти фрагменты в свой корпус.

Гитлер все же рассвирепел, когда узнал, что посланный навстречу наступающим советским войскам 48-й танковый корпус генерала Хайма не сдержал наступающих советских войск. Он без околичностей уволил Хайма и, если бы не вмешательство адъютанта Шмундта, судил бы его. Поезд Гитлера отправился в Восточную Пруссию вечером 22 ноября 1942 года, но уже 21 ноября фюрер отдал приказ Паулюсу: „6-й армии держаться несмотря на угрозу временного окружения“. Вечером 22-го ноября: „Армия временно окружена русскими войсками. Я знаю 6-ю армию и ее командующего, и знаю также, что они поведут себя смело в этой трудной ситуации. 6-я армия должна знать, что я предпринимаю все для помощи ей и ее освобождения“.

К югу от Сталинграда командарм Еременко в жестоком холоде ночи завершал подготовку к наступлению. От Бекетовки на юг — до соленых озер Сарпа, Цаца и Барманчак на двухсоткилометровом фронте — сжимали пружину три советские армии — 64-я, 57-я и 51-я. Им противостояла разбросавшая свои силы 4-я румынская армия, прикрывавшая правый фланг 6-й германской армии Паулюса. Замысел заключался в быстром прорыве румынских позиций и выходе навстречу северным армиям, идущим от Дона.

Сам командующий фронтом находился в 57-й армии. Срочно зарывались кабели связи, чтобы танковые гусеницы не прервали связь с подведомственными частями. Саперы рыли тайные ходы под позиции неприятеля и закладывали в них заряды. Москва справлялась, начнет ли Еременко атаку вовремя. Командующий фронтом не смог заснуть ни на час. Что касается главного, то в дело властно вмешалась природа. Густой туман парализовал авиацию, да и артиллерия лишалась необходимой

прицельности. Если туман поредет, докладывал Еременко, артподготовка начнется вовремя. Из Ставки настаивали, но Еременко ответил, что он не сидит в удаленье, а смотрит на передний край и видит, что начинать наступление в такой мгле безответственно.

На ветру красноармейцы чистили (в очередной раз) оружие. Вообще говоря, хитрый Еременко, возможно, хотел дожидаться ухода немцев на север — для закрытия северной брешы, а самому начать потом, ударом по уже ослабленным позициям. Но Ставка категорически возражала, настаивая на оговоренной заранее синхронности действий. Возможно, Еременко не был уверен в успехе наступательной операции. Густой туман окутал его позиции, ударным группам было сложно ориентироваться в этом молоке. Танки наезжали друг на друга. Самолеты не летали. Еременко взял на себя смелость отложить начало наступления. Ставка требовала объяснений, и командующий фронтом, обливаясь потом, выдвигал свои аргументы. Но Ставка неумолимо настаивала на своем прогнозе погоды, обещавшем ее улучшение. Вопрос решился в 9.30, когда командующий фронтом, уже подступая к грани нарушения субординации, приказал начать артиллерийский барраж через полчаса.

Южная артподготовка началась несмотря на густой туман. Начали — уже традиционно — ракетные установки. После сорока пяти минут пламени, обрушившегося на систему обороны противника, румыны не могли не дрогнуть. По полям неслось громовое „ура“, а навстречу уже шла толпа пленных. Еременко был несказанно удивлен, когда ему доложили о десяти тысячах военнопленных. (В Ставке не поверили и потребовали пересчета, который, к всеобщему удивлению, подтвердил эту цифру). Американский историк У. Крейг приводит воспоминания одного из участвовавших в наступлении солдат — Спитковского. „То тут, то там русские солдаты стреляли в неровные ряды румын и, когда Спитковский подумал о неделях и месяцах отступления, о жизни среди трупов, о блохах, он тоже выхватил автомат и начал стрелять в толпу. Когда он остановился, чтобы перезарядить автомат, он посмотрел на ряд мертвых тел — и онемение охватило его“.

Затем удар нанесли войска, сконцентрированные в бекетовском „колоколе“ и в районе озер Сарпа и Цаца. Как поминальные свечи, загорелись пять „тридцатьчетверок“, но товарищи уже несли мщение. Дело, однако, продвигалось тяжело. Несколько командиров растерялись в бездонной открытой степи, артиллерия запаздывала, неожиданно появившиеся немцы начали создавать мощный оборонительный щит. И только несказанная мощь обрушившихся сил поставила все на свои места.

Вот выдержка из дневника офицера румынской метеорологической службы: „Утром противник открыл мощный артиллерийский огонь по сектору, который приходился на 13-ю Прутскую дивизию... Дивизия сметена с лица земли... Никакой связи с высшим командованием... В настоящий момент окружены войсками противника. В окружение попали 5-я, 6-я и 15-я дивизии, а также остатки 13-й дивизии“.

Но первый день принес и свою долю разочарований. 4-й механизированный корпус генерала Вольского не выполнил задачу дня. Он потерял пятьдесят танков, его левый фланг стал ощущать давление 29-й моторизованной дивизии немцев (Лейзер). Но его солдаты двигались всю ночь и подошли к станции Абганерово. В обороне румын и немцев была пробита 30-километровая брешь. Его танки показали способность зайти в тыл главной мобильной силе немцев — 4-й танковой армии, чей штаб на протяжении всей ночи пытался достоверно оценить складывающуюся ситуацию.

В конечном счете Жуков вводит в две гигантские бреши шесть своих армий и сопротивление „дежурных по прорыву“ — группы Симонса и 48-го танкового корпуса — глохнет. Немецкий 48-й танковый корпус встретил советские танки Т-34 у деревни Песчаной, в пятидесяти километрах от Серафимовича. Немцы сражались отчаянно, они подожгли 26 „тридцатьчетверок“, но с каждым часом их положение становилось все более сложным. В конечном счете танки немцев оказались окруженными, и во второй половине дня их положение превратилось в безнадежное.

К вечеру 20 ноября, с доброй зимой, заморозившей немцев, части Красной Армии осуществили немалое. Удары и с северо-запада и с юго-востока имели успех, наши части продвинулись в среднем примерно на тридцать километров. Северный фланг германской Шестой армии и восточный фланг Четвертой танковой армии оказались под ударом. 26-й танковый корпус Родина захватил поселок Перелазовский и вышел к батюшке-Дону. 65-я танковая армия Батова уже вонзилась в бок 6-й армии Паулюса.

Складывается впечатление, что разместившийся в станице Голубинской командующий 6-й армией генерал Паулюс, один из непосредственных планировщиков „Барбароссы“, осознал сложность положения в котором очутилась его армия, только 20-го ноября (а, может быть, и позже — 21-го ноября). Генерал Шмидт детально обрисовал своему командующему складывающееся положение. Два важнейших пункта: 24-я танковая дивизия встретила трудности на пути к стратегически важному мосту у Калача; обнаружена русская танковая колонна, движущаяся к

Голубинке. Возможно, решающим аргументом для Паулюса стало появление в полдень 21 ноября советских танков у его „столицы“ — Голубинской. В этом месте фон Паулюс прервал своего начальника штаба. „Ну, Шмидт, я не буду больше оставаться здесь. Мы должны двигаться“. У Паулюса появились признаки волнения, и он на какое-то время потерял свою всегдашнюю невозмутимость. Складывание чемоданов не было долгим. Его самолет приземлился вначале на аэродроме Гумрак (семь километров от Сталинграда) и здесь он обсудил складывающееся положение с генералом Зейдлиц-Курцбахом. Затем Паулюс взял курс на юго-запад по направлению к коммуникационному центру в Чире, откуда он хотел по радио детально обсудить обстановку с вышестоящими инстанциями.

В конечном счете Паулюс перебрался на свою зимнюю штаб-квартиру в Нижне-Чирской на нижнем Дону, а оттуда (по приказу Гитлера) как бы „возвратился“ на близкую к Сталинграду железнодорожную станцию — в район Гумрака. Эти метания, скорее всего, отражают смятение самого хладнокровного из молодых немецких генералов высшего эшелона. На данный момент его действия были таковы: 29-я моторизованная дивизия отправлена к югу от Сталинграда. Она встретила правый фланг 57-й дивизии советских войск, и контратака остановила советское продвижение на этом участке. Немецкие танки благодаря внезапно улучшившейся видимости обнаружили направляющийся на запад поезд с теплушками, набитыми нашими войсками. Эту сравнительно легкую цель немцы не могли проигнорировать, и они сделали несколько сот выстрелов, нанося ужасающий ущерб гибнущим в вагонах людям. Отметим также, что пока многие советские танки стреляли неумело и дуэли, увы, далеко не всегда заканчивались в их пользу. 90 танков 13-го механизированного корпуса РККА запылали, наезжая друг на друга. Немцы готовились завершить его уничтожение, но из штаба группы армий „Б“ поступил приказ направиться в Старобельск — в трехстах километрах, для того, чтобы подстраховать важнейшие тыловые объекты и коммуникации 6-й армии на Дону. Вольский зря остановил свой 4-й танковый корпус и запросил подкреплений — его противник, командир 29-й германской моторизованной дивизии генерал Лейзер уже отправился в противоположном от него направлении.

Только теперь мы видим у генерала Паулюса шок от двойного удара Красной Армии. Он запрашивает у командования группой армий „Б“ разрешения отвести 6-ю армию от Волги и Сталинграда на полтораста километров западнее — к нижнему Дону и Чиру. Командующий группой

армий „Б“ фон Вейхс переправил просьбу Паулюса в Вольфшанце, препроводив ее своим полным одобрением. Вейхс разделял мнение Паулюса, что отступление является единственной альтернативой полному поражению.

Гитлер, которому переслали в Берхтесгаден предложение Паулюса, поддержанное Вейхсом, категорически воспротивился. Его ответ был быстрым и категоричным. В секретном приказе он запрещает даже обсуждать подобное. „Шестая армия будет защищать свои позиции несмотря на угрозу временного окружения... Сохраняйте как можно дольше контроль над железнодорожной линией. Последуют специальные приказы относительно предоставления помощи по воздуху!“ Паулюс и Шмидт получили этот радиоприказ почти немедленно. Пока генералы обсуждали его, раздался телефонный звонок от генерал-лейтенанта Мартина Фибига, командующего 8-м авиакорпусом. Фибига интересовала судьба моста через Дон в Калаче. Шмидт не видел пока непосредственной угрозы этому мосту. „Главкомандующий размышляет о создании круговой обороны“. — „А как вы собираетесь решить проблему снабжения армии?“ — „Это должно быть сделано по воздуху“. Фибиг, авиационный генерал, был несказанно удивлен. „Всей армии? Это абсолютно невозможно! Я советую вам не быть столь оптимистичными“.

После этого разговора Фибиг немедленно позвонил своему начальнику — генералу Рихтгофену, который затем связался с Альбертом Ешоннеком (заместителем Геринга): „Остановите все это! При той плохой погоде, которую мы имеем здесь, нет никакой надежды снабжать 250-тысячную армию по воздуху. Это очевидное безумие“.

Соперник Паулюса по военному планированию — генерал Василевский в эту ночь обошел немецкого противника — 21-го он шлет Сталину весьма обнадеживающий отчет. И не без основания. На протяжении 21 ноября глубина проникновения советских колонн Юго-Западного фронта достигла ста километров, они успешно двигались в направлении Калача. Мобильные войска Еременко продвинулись на пятьдесят километров. Советская кавалерия в нескольких местах перерезала идущую от Калача на запад железнодорожную линию. Наши танки были на великой казацкой реке уже утром 21-го, выйдя к высотам, окружающим станицу Голубинскую (прежнюю „столицу“ Паулюса).

Войска Еременко в конечном счете раскололи 4-ю германскую армию генерала Гота надвое. Сам Гот был полуокружен в небольшом доме неподалеку от села Бузиновка. Свирепый ветер бил в окна, и не помогали вставленные для утепления в оконные рамы бумага и одежда. Внутри дома

горели свечи, предельно уставшие штабные офицеры окружили „папу“ Гота. Тот понимал, что его сил недостаточно для того, чтобы остановить лавину советских танков. Он уже успел понять грандиозность советского замысла. Противостоять его реализации могли лишь гораздо более крупные силы. Цветные стрелки на его боевой карте показывали направление движения основных советских колонн, становился ясным план окружения.

Ночью 21 ноября авангард германской 16-й танковой дивизии, покинувшей пригороды Сталинграда двумя днями раньше, прибыл на Дон для прикрытия частей в большой излучине Дона. Но дивизия прибыла слишком поздно, теперь максимумом возможного для нее было сохранение нескольких мостов для отходящих германских и румынских частей. Толпа обессиленных солдат устремилась по степи к спасительным переправам. Температура опустилась ниже нуля, небо было темным от снежных туч, окружающее не обещало приюта — плоская открытая степь во все стороны.

Донской городок Калач и его мост через Дон, в боях за который летом прошлого года погибали отступающие наши воины, снова стал в центр противостояния. Здесь немцы построили временный мост вместо взорванного летом Красной Армией, а на высоком берегу Дона располагалась немецкая учебная школа противотанковой войны, где в качестве мишеней использовались танки Красной Армии. Через этот мост в 6-ю армию поступали последние рационы питания и боезапасы. Мост был подготовлен к взрыву — инженерный взвод стоял здесь весь день 23 ноября, и немцы готовились его защищать. Если немцы его не удержат — кольцо замкнется и огромная группировка окажется окруженной между Волгой и Доном. Калач стал сценой действия, преисполненного огромного драматизма.

Командующий 26-м танковым корпусом генерал-майор Родин приказал полковнику Филиппову с 19-й танковой бригадой захватить мост, ведущий в Калач. Танковая бригада полковника Филиппова на полном ходу и с включенными фарами начала приближаться к мосту. В 6 часов утра Филиппов остановил русского старика на телеге, позади которой шли два немца в форме. Филиппов прошептал приказ пулеметчику и немцы упали замертво. Затем он спустился из танка к повозке. „Дядя Ваня, какой путь ведет к мосту?“ Старик был несказанно удивлен, он взобрался в танк, и Филиппов помахал свои товарищам — следуйте за мной. До моста было 15 минут.

В Калаче еще не сумели разобраться с быстро меняющейся ситуацией и жили в обстановке слухов, ожиданий и страхов. Тренировочный центр

полковника Микоша располагался на холме, здесь видели поток отступающих, слышали артиллерийскую стрельбу и ждали помощи. У гарнизона и его руководства не было представления о роковой значимости происходящих событий. Именно здесь готовящиеся к отправке в Сталинград „пионеры“ проходили последнюю подготовку для боев в условиях города. Захваченные „тридцатьчетверки“ стояли на видных местах. Корреспондент из отдела пропаганды Шредер снимал учебный фильм. Когда наши танки пересекли мост, корреспондент сделал их хорошие фотоснимки. Командир саперов лейтенант Видеман заподозрил было подход русских, но его убедили, что идущие впереди этих танков бронетранспортеры „Хорьх“ идут с солдатами 22-й танковой дивизии — с ее опознавательными знаками. На посту № 3 сержант Видеман сидел за зенитным орудием. В помещении спали восемь немецких солдат. Видеман в конечном счете не придавал значения проследовавшим танкам.

Германский гарнизон работал в обычном режиме. Снегопад прекратился — и развиднелось. Игра в снежки не входила в боевую подготовку, но командиры смотрели на небольшие развлечения снисходительно. Танки были приняты немецкой охраной за очередную порцию мишеней. В результате этой безалаберности ценнейший мост попал в нужные руки относительно легко. Заметим, что у Филиппова было всего пять танков и несколько грузовиков с пехотой. У него не было даже карты местности. Многие немцы и румыны принимали его за своего и дружески махали руками.

Пока немцы разобрались что к чему, заработали советские танковые пулеметы, это и привело немцев в чувство. Видеман протрезвел: „Это русские танки!“ Он начал колотить по латунной гильзе, будя товарищей. Два танка уже переправились через Дон. Один из них был подбит 88-миллиметровой немецкой пушкой. Второй танк сполз к замерзшему Дону. Но мост был наш. Утром немцы в ближней округе поняли трагизм своей ошибки и пытались отбить мост, владение которым во многом влияло на судьбу дела. И Филиппов по радиации вызывал подмогу. Его люди убрали взрывчатку из-под моста. Теперь нужно было держаться, и танкисты не отдали этой единственной переправы через Дон. Им, несомненно, помогла неразбериха, охватившая немцев. Но ключевым обстоятельством стало прибытие 26-й моторизованной бригады, проследовавшей через мост и присоединившейся к Филиппову в восточной части Калача.

Ошалевшие немцы в конце концов взорвали мастерские, погрузились на грузовики и отбыли в сторону Сталинграда. На улицах попытка германского сопротивления была подавлена. 22 ноября, в протестантский

день поминаения усопших, идея завоевания Германией России ушла в мир усопших. Западнее, у станицы Акимовской, стоял мост, через который пролегал путь на запад — в сторону противоположную невозможному Сталинграду. Английский историк Бивор: „На мосту у Акимовского разыгрывались просто безобразные сцены. Солдаты толкали друг друга, дрались и даже стреляли, стремясь прорваться на восточный берег, слабых и раненых затаптывали насмерть. Офицеры угрожали друг другу оружием, споря о том, чья часть пройдет первой. Отряды полевой жандармерии, вооруженные автоматами, даже не пытались вмешаться. Некоторые солдаты, чтобы избежать давки, пробовали перейти Дон по льду. Однако лед был относительно крепок только у берега, ближе к стремнине смельчаков подстерегали коварные полыньи. Провалившиеся под лед были обречены, никто и не думал подать им руку помощи. На ум невольно приходило сравнение с переправой наполеоновской армии через Березину“. Те, кто не смог перейти этот мост, оказались отрезанными и запертыми в неуютном зимнем пространстве между Волгой и Доном.

Но 26-я бригада не желала стоять в бездействии, когда товарищи сражаются насмерть, она не осталась и на ключевой переправе — уже к вечеру часть ее переправилась через Дон навстречу советским войскам, спешащим с юга.

Для завершения окружения, для создания кольца Красной Армии оставалось взять поселок Советский — в двадцати с лишним километрах от Калача. Против немцев, обороняющих поселок, бросились танки Т-34. Сталин звонком из центра удостоверился во взятии Советского и сказал пророческие слова: „Завтра вы можете сомкнуться с Юго-Западным фронтом, которые взяли Калач“. Утром 23 ноября, вступая в хорошую русскую зиму, разведчики генерала Вольского еще утверждали, что Калач — в немецких руках. Над идущим с юга 4-м механизированным корпусом генерала Вольского периодически взлетали предупредительные зеленые ракеты — свои. В 15.30 разведка зафиксировала обнаружение колонны танков на северо-западе. Подготовка к атаке стала рефлексом, но передний танк выстрелил зеленой ракетой. Около 4-х часов дня 23-го ноября зеленая ракета взлетела на северо-западе, и танки Вольского увеличили скорость до максимальной. 4-й механизированный корпус встретил 26-й танковый корпус. Петля затянулась. Юго-Западный фронт встретился со Сталинградским в 4 часа пополудни 23-го ноября 1942 года.

А более чем в двадцати километрах к югу от Калача, в поселке Чир был организован штаб сталинградской группировки немцев. Неугомонный авиатор Фибиг еще раз позвонил генералу Шмидту с целью подчеркнуть

нереалистичность планов рассчитывать на сугубо воздушную поддержку. „И погода и противник представляют собой фактор неопределенности“. Из Бузиновки сюда прибыл танковый генерал Гот. Он был свидетелем пикировки начальника штаба армии Шмидта с генералом Вольфгангом Пикертом. Шмидт прервал долгие рассуждения Пикерта: „Пикерт, предлагайте свое решение с самым кратким обоснованием“. Пикерт: „Убраться отсюда к чертовой матери!“ У Шмидта не было особых возражений в принципе, но была важнейшая оговорка: „Мы не можем сделать этого по одной простой причине, у нас нет горючего“. Пикерт предложил помощь своих зенитных войск. Нести оружие в руках, создать узкий, но надежный коридор. Шмидт: „Мы, конечно же, рассматривали возможность пробиться сквозь кольцо окружения, но выход к Дону означает пятидесятикилометровый поход по степи без воздушного прикрытия... Нет, Пикерт, это имело бы наполеоновскую концовку... Армии приказано держать свои позиции в Сталинграде. Следовательно, мы укрепим наши позиции и будем ожидать помощи по воздуху“. Пикерт выразил крайнюю степень сомнения. „По воздуху? При такой погоде? Это исключено. Вы должны выходить отсюда. И начинать нужно прямо сейчас“.

Строго говоря, генерал Паулюс склонялся именно к такой точке зрения. Он надеялся, что Гитлер обратится к реализму, и Паулюс ждал такого приказа. Армии был отдан приказ быть готовой к немедленному выступлению. В штаб группы армий „Б“ 22 ноября в 7 часов вечера от Паулюса поступила следующая радиограмма. „Армия окружена... Южный фронт остается еще не закрытым к востоку от Дона. Река Дон замерзла и пересечение ее стало возможным... Осталось мало горючего; как только оно закончится, танки и тяжелое оборудование потеряют мобильность. Боеприпасы невелики, продовольствия осталось еще на шесть дней... Прошу свободы действий... Ситуация может принудить оставить Сталинград и северный фронт“.

Военный совет в Чире закончился. Гот вылетел в западном направлении собирать остатки своей танковой армии. Паулюс и Шмидт возвратились в Гумрак, на окраину Сталинграда. Под крыльями их самолета распростерлась вся поверхность вновь образованного котла. В кострах сжигалось все ненужное на случай скорого выступления. В одном из мест уничтожения тяжестей сжигали запасы продовольствия и одежды. Один из офицеров не мог безучастно смотреть, как гибнет французское шампанское. Он сделал несколько рейдов в горящий склад и стал заводить свой „Фольксваген“. Офицер интендантской службы потребовал от

офицера заплатить за взятые бутылки и получил следующий ответ: „Вы что, не видите, что деньги больше ничего не значат!“ С чем и отбыл в степь, выдавшую всякое, кроме этого.

По мнению англичанина Бивора, „настоящая ошибка Паулюса как главнокомандующего состояла в том, что он не подготовился к достойной встрече противника. Ему следовало вывести большую часть танков из бесполезного боя в городе и создать сильную механизированную группу, способную быстро отреагировать на удар русских. В германских частях началась страшная неразбериха со снабжением, и Паулюсу следовало взять все поставки под личный контроль, чтобы быть уверенным — по первому же приказу техника двинется вперед“.

Гитлер провел всю вторую половину этого дня (22 ноября) в дискуссии с прилетевшим из Растенбурга начальником штаба сухопутных войск Куртом Цейтцлером и заместителем Геринга — генералом люфтваффе Альбертом Ешоннеком, которые прибыли в Бергхоф с целью отговорить Гитлера от идеи массивной воздушной помощи окруженным. Они указывали на проблемы погоды и отсутствие адекватных аэродромов в расположении 6-й армии. Гитлер после многочасовых пререканий уже согласился с необходимостью для группировки Паулюса пробиваться на запад, даже если это будет означать выход из Сталинграда и оставление волжских позиций. Иначе рейх постигнет крупномасштабная катастрофа. Узнав о деталях бесед, командующий военно-воздушными силами Германии Герман Геринг приказал Ешоннеку ослабить напор на Гитлера, который срочно поездом отбыл в Лейпциг, откуда на самолете направился в свою военную резиденцию Вольфшанце. Гитлер покинул Оберзальцбург 22 ноября и прибыл в Вольфшанце 23 ноября 1942 года.

В ту же ночь не спал, яростно пытаюсь найти спасительный вариант решения проблемы, начальник штаба группы армий „Б“ генерал фон Зоденштерн, располагавшийся в старинном местечке Старобельск. Все было решено в хладнокровных лучших традициях прусской военной школы: смириться с обстоятельствами и отходить на позиции, которые можно оборонять.

Но достаточно неожиданно с таким вариантом не пожелал согласиться верховный вождь. Выведенный из себя Гитлер резко изменил свою точку зрения и начал путать карты. Видимо, Гитлер вспомнил страшный для него декабрь 1941 года и то, как он, вопреки мнению генералов с моноклями, заставил готовые оставить свои позиции дивизии под Москвой перейти к активной обороне, вгрызться в землю и не превратить отход в паническое бегство. (Аналогии, однако, как любил повторять Сталин, „вещь опасная, а

данная вообще бессмысленна“). Положение вокруг Сталинграда было уникальным и ничем не напоминало прежнюю, подмосковную катастрофу группы армий „Центр“, но что-то не позволяло Гитлеру смириться с катастрофическим поворотом событий.

Через три часа после вышеприведенной радиограммы Паулюса фюрер германской нации радировал непосредственно симпатичному ему Паулюсу, чтобы тот оставался на нынешних позициях и держался крепко. Германия обеспечит его всем необходимым и позаботится о спасении его группировки. „Шестая армия должна знать, что я делаю все для помощи ей и для ее освобождения“. О таком подвиге безответственности можно было лишь мечтать. Презрев сухую науку, Гитлер предпочел иррациональные действия, обрекая тем самым авангард своего восточного похода на гибель.

Паулюс не мог позволить себе благодущия и героической позы. На этом этапе он был неутомим, и его позиция не изменилась: собрать силы и попытаться вырваться. В полдень 23-го ноября он радирует в штаб группы армий „Б“: „Кровавые атаки на всех фронтах... Доставка достаточного объема припасов по воздуху возможной не представляется, даже если погода улучшится. Состояние дел с боеприпасами и горючим сделает войска беззащитными в самом близком будущем“. Фон Вейхс был полностью согласен с умозаключениями Паулюса и переслал радиограмму со своим одобрителем комментарием в Вольфшанце.

У себя — к западу от Сталинграда — Паулюс в течение суток методично и выверенно, как дисциплинированный и аккуратный штабной работник, создавал — на картах и в приказах — ударный кулак для выхода из окружения. Пехота получила маскхалаты, танки заправлены, артиллерия на грузовиках. У поселка Советского еще слишком тонка линия советской обороны — идеальное место для прорыва. Немцы были готовы испробовать эту возможность в ближайшее же время. Все ждали приказа командующего армией. А тот ждал изменения жесткой позиции своего руководства. В половине десятого вечера генерал Паулюс отсылает Гитлеру новую радиограмму. „Мой Фюрер, со времени получения вашей радиограммы от 22 ноября ситуация менялась с исключительной быстротой... Оканчиваются боеприпасы и горючее... Своевременное их восполнение не представляется возможным... Я вынужден в связи с этим отвести все дивизии из Сталинграда и значительные силы с северного периметра... В свете складывающейся ситуации я прошу вас предоставить мне полную свободу действий“.

Один из подчиненных Паулюса — генерал Зейдлиц-Курцбах попытался ускорить отход с берегов Волги и начал несанкционированные

командованием действия в этом направлении. Он приказал 94-й пехотной дивизии освободить свой сектор в северо-восточном углу окруженной группировки. Он хотел „подтолкнуть“ замершего в ожидании приказов Паулюса.

В ночь с 23 на 24 ноября защитники волжской твердыни увидели нечто совершенно неожиданное. Огонь и взрывы следовали один за другим на германской стороне фронта. Это немцы взрывали свои крупные запасы в балках. Документы сжигались в печах. Брюки с красной полосой германского генерального штаба летели в печку. Ручные гранаты взрывали подземные ходы. Квартирмейстер 94-й дивизии пишет: „В тысячи наспех разложенных костров мы швыряли шинели, униформу, ботинки, документы, карты, пишущие машинки и съестные припасы. Генерал (Зейдлиц. — А.У.) сжег свое имущество сам“.

Но как только 94-я немецкая дивизия начала плановый отход, 62-я сталинградская армия быстро оправилась от изумления и начала немедленное преследование. В чистом поле это сделать было легче, чем против защищенных городских позиций. „Ура“ раздавалось то тут, то там, хотя многострадальная армия снова несла большие потери, Но и немцы — теперь без подготовленных оборонительных позиций — теряли значительную часть своих войск. До такой степени, что к утру значительной части 94-й дивизии немцев уже не существовало. Остальные, видя результаты поспешного отступления, замерли в своих норах. Однако истинный пруссак Зейдлиц-Курцбах не потерял уверенности в правоте своих действий. По его мнению, гибель дивизии была приемлемой платой за спасение армии. (О действиях Зейдлица-Курцбаха, неведомых пока Паулюсу, доложили по авиационному радио Гитлеру, и тот пришел в неопишемую ярость. Не разобравшись в происшедшем, он обвинил во всем Паулюса).

В восемь часов тридцать восемь минут утром 24 ноября 1942 года в 6-ю армию пришел „Führerbefehl“ — приказ фюрера, равный закону Рейха: образовать строго определенные оборонительные линии, создать Festung — крепость. „Шестая армия займет круговую оборону... Нынешний фронт по Волге и северный фронт будут удерживаться любой ценой. Снабжение будет осуществляться по воздуху“. Гитлер принял еще одно спорное решение, он разделил командование в „котле“ между „большинством“ Паулюса и меньшей — северной частью группировки, во главе которой он поставил того же фон Зейдлица. Паулюс не получит желаемой свободы маневра. Запрещалось ориентироваться на уход и прорыв. Никакой стратегической самостоятельности. Гитлер был уверен, что Паулюс

подчинится приказу, и в этом не ошибся. Паулюс прекратил приготовления к прорыву и возложил надежды на авиаснабжение и наземную поддержку.

Получив приказ, Паулюс сам отправился в штаб Зейдлица и протянул ему телеграмму, сопроводив ее таким комментарием: „Теперь, когда вы сам себе главнокомандующий, можете вырываться из окружения“. (Несуразицу в соподчинении в последующем ликвидировал командующий группой армий „Дон“ фельдмаршал Манштейн.)

Почему Гитлер с такой уверенностью пригвоздил мощную германскую группировку к мало что значащим в масштабах глобальной войны городским развалинам? Да, отступить всегда нелегко, особенно человеку с психикой Гитлера. Да, стояние на Волге создавало избыточные представления о возобновлении наступления весной. Да, у немцев уже были случаи относительно успешного пребывания в окружении: наиболее яркий пример — Демянский котел. Там русские не только не решили своей задачи, но задействовали непомерно большие массы войск, столь нужных в других местах. Гитлер мог думать, что пока над значительной частью Сталинграда свастика, возможен кавказский поход. С дорогими идеями расстаются с трудом. Несомненно, что на прибывшего из Берхтесгадена в Вольфшанце Гитлера оказал воздействие шеф люфтваффе Геринг, слишком легко пообещавший предоставлять окруженным войскам по воздуху по 500 тонн ежедневно.

Мы видим в немецкой еженедельной хронике, как набравший еще больше веса, весь в праздничном белом, Геринг прибывает в довольно спартанского вида Вольфшанце, олицетворяя собой уверенность, надежность и веру в светлые дни. Скорее же всего на Гитлера подействовало то обстоятельство, что ни ОКВ, ни ОКХ, ни штаб группы армий „Б“, ни сам Паулюс не предложили подлинно разумного, реалистического плана спасения попавшей в беду элиты вермахта. Оставалось „консервативное“ решение — держаться и ждать ошибки русских. Так что те, кто подчеркивает в данном случае упорство и фанатизм фюрера, — правы. Но только частично. На данный момент он не видел — а его военные помощники не сумели еще выработать — более убедительного плана. Но справедливо и то, что если бы Гитлер думал прежде всего о спасении 6-й армии, а не о потере своих волжских позиций, он должен был бы сразу же готовить Паулюса к прорыву, а группу армий „Б“ поставить на дыбы. Как и всю благодушествующую Германию. Пока не поздно.

Советские радиостанции глушили попытки разбросанных по широкой степи германских частей найти друг друга и консолидироваться. Наиболее

активными в эти часы со стороны немцев были злополучные танкисты 48-го корпуса генерала Хайма. Они ввязались в несколько сражений, но отсутствие общей ориентации и координации делало их усилия практически бессмысленными. Пал последний румынский оплот между Чиром и Клетской. Остатки четырех румынских дивизий получили с советской стороны предложение сдаться. Румынский генерал Ласкар запросил мнение группы армий „Б“, но было поздно — войска развалились — и генерал с бравыми кавалерийскими усами отправил неготовых к сдаче четыре тысячи своих солдат искать пути связи с 48-м танковым корпусом генерала Хайма. Последние впечатления Ласкара перед сдачей: „Фантастический вид умирающих лошадей... Некоторые из них еще частично живы, они стоят на трех обмороженных ногах, потряхивая разбитой последней“.

Отпущенные Лазаром солдаты открыто просили милостыню у дорог и брели в неведомом направлении. Их трупы отмечали общее направление движения к „Романия маре“, Великой Румынии. Часть румын дошла до Хайма и вместе они все-таки пробились на юг через реку Чир. Триумф и отдых генерала Хайма были недолгими. Через несколько часов его арестовали по приказу Гитлера по обвинению в пренебрежении служебными обязанностями, сказавшимися в неспособности остановить советское наступление. Хайм, утверждал Гитлер, не выполнил приказ, отданный ему по радио в первые часы советского наступления, когда его корпус находился в степи и был способен встать на пути наступающей Красной Армии. Военный трибунал в Германии уже ожидал его. Историки полагают, что сверхжестоким обращением с малоповинным Хаймом Гитлер хотел показать всей офицерской касте — единственному своему организованному оппоненту в Германии — что „штаны с широкими лампасами не гарантируют власть“, что военной машиной Германии владеет национал-социализм во главе с Гитлером. Ряд противников режима среди военных (такие как Гросскурт) полагают, что отныне ОКВ и ОКХ — уже недостойны называться генеральным штабом вермахта, поскольку от этих штабов уже ничего не зависело — как от придатка фантазий Гитлера.

В Ростове начальник штаба румынских войск генерал Штефlea, в ужасе от судьбы своих 3-й и 4-й армий, горько упрекал немцев. „Все предупреждения, которые я на протяжении многих недель представлял германским властям, остались без внимания... Штаб-квартира германской армии не выполнила наши просьбы. Вот почему уничтожены две румынские армии“.

Триумф

По русскому обычаю командиры танковых бригад, Родионов и Жидков, трижды расцеловались. Недалеко были поселок Советский и деревня Мариновка. Мост в Нижне-Чирской и временный мост у Акимовской видели толпы голодных и почерневших людей, которые несколько суток знали только одно: их поражение подорвет замысел, от которого будут зависеть не только они сами, но и мы, их незадачливые потомки. По обе стороны реки, давшей название бессмертному роману, в глубоком снегу незнакомые друг другу солдаты открыто плакали, смеялись, плясали, бесконечно обнимались, суетились, кричали, рыдали и сияли чистой радостью, эти люди в белых маскхалатах — не сентиментальные неженки, а закаленные солдаты, видевшие смерть в упор. Менее чем за сто часов они окружили авангард вермахта в России. Будет многое впереди, но сегодня — праздник на нашей улице.

По оценке лучшего английского военного историка Лиддел Гарта, „за несколько дней быстрого маневрирования русские изменили стратегическую обстановку в свою пользу и в то же время сохранили преимущество, которое дает оборонительная тактика. Немцы были вынуждены продолжать атаки, но теперь не для того, чтобы прорвать оборону противника, а чтобы вырваться из окружения. Однако эти попытки оказались столь же безуспешными, как и предпринимавшиеся до этого попытки продвинуться вперед“.

Генерал Василевский, как и большинство в Генеральном штабе, приученном двумя этими пламенными годами к суровому реализму, скромно надеялось получить в мешок в первые 100 часов операции 85–90 тысяч солдат и офицеров противника. Начальник разведки Донского фронта полковник Виноградов представил доклад, в котором общая численность окруженных войск противника определялась „между 80–90 тысячами человек“. Когда Виноградова попросили быть точнее, он остановился на цифре 86 тысяч — пять пехотных дивизий, две моторизованные дивизии, три танковые дивизии и три „боевые группы“. Тогда никто не знал точно численности окруженных частей. Ситуация стала проясняться в начале декабря, когда советское воздушное командование начало охотиться за транспортными самолетами противника. Стало вестись наблюдение за численностью курсирующих самолетов, отдельные части истребителей были „приписаны“ к грузовым германским

самолетам. 235-я эскадрилья истребительной авиации полковника Подгорного стала перехватывать грузовые воздушные машины немцев. Стало ясно, что стратегический замысел оправдался по максимуму и в сталинградский котел попали гораздо больше неприятельских солдат.

На одном из посаженных на контролируемую Красной Армией территорию германских самолетов были обнаружены мешки с воинской почтой — 1200 писем немецких солдат домой. Просматривая номера частей, откуда писали немецкие солдаты, генерал-полковник Воронов окончательно убедился, что численность попавших в кольцо немцев гораздо больше ранее предполагаемой. То, что рассматривалось как роты заграждения, оказалось полновесными германскими дивизиями. Только тогда впереди замаячила цифра триста тысяч человек, что превосходило все мыслимые надежды и реалистические ожидания. Итак, как оказалось, внутри „крепости Сталинград“ находились около трехсот тысяч человек, 100 танков, две тысячи орудий и десять тысяч грузовиков (последнее придавало германской группировке мобильность). Разумеется, новые сведения повысили тонус в Москве.

В основном, разумеется, в городе и окрестностях Сталинграда находились немецкие воинские части. Но здесь были и остатки двух румынских дивизий, хорватский полк, группы технических специалистов, военная полиция, сотрудники и рабочие „организации Тодта“, хиви — приспешники немцев. Не повезло, скажем, транспортной колонне итальянцев, которые прибыли в город разжиться дровами, а стали заложниками великой войны.

На карте довольно отчетливо видно, что кольцо окружения было неправильной формы. С востока на запад его протяженность составляла пятьдесят с лишним километров, с севера на юг — тридцать. В том, что было названо Гитлером „крепостью Сталинград“, находились двадцать две дивизии противника. Это была внушительная сила, и немало „стратегически мыслящих“ голов хотело выдвинуть свой план оптимальных действий.

Во-первых, противодействие вызвал приказ Гитлера держаться за волжский берег. Ряд германских офицеров подняли подлинный бунт (на коленях), не смея открыто противостоять этому приказу, но во внутренних обсуждениях резко критикуя его. Так, генерал Зейдлиц охарактеризовал как „полное безрассудство“ занятие армией, имеющей двадцать две дивизии, круговой обороны — ведь этим ослаблялась главная особенность военного превосходства вермахта — высокая степень мобильности, согласованность в маневре, отлаженность взаимодействия различных частей. Именно

свобода маневра требовалась 6-й армии более всего: оказавшись в кольце, она вовсе не сразу подверглась растущему давлению со всех сторон, для создания такого давления Красной Армии требовалось время. А немцы — четверть миллиона — уже приняли (говорили критики) оборонительную позу, косвенно облегчая задачу Жукова и Василевского.

Во-вторых, критически было воспринято поведение внешних по отношению к кольцу сил. Вместо того, чтобы немедленно, не теряя часа, создавать предпосылки удара извне, стратеги из Старобельска и Растенбурга переложили ответственность на люфтваффе, чьи руководители под взглядом Гитлера дали сверхоптимистические обещания.

В-третьих, мишенью дискуссий стал и Паулюс. Германский генерал должен уметь рисковать не только своими войсками, но и карьерой. Оправдана ли покорность генерал-полковника Паулюса в условиях, когда все вокруг начали прятаться за спинами друг друга? Не должен ли был подлинный талант (а Паулюс претендовал на такую репутацию) найти в себе силы для самостоятельного решения — ведь в Вольфшанце хуже, чем он, знали подлинные обстоятельства, в которых находились 6-я пехотная и 4-я танковая армии?

Как бы там ни было, а немецкая военная наука дала сбой. Легко было в условиях наступления и побед принимать логику ефрейтора, объявившего себя главнокомандующим. Но вот наступили испытания, и военная каста Германии безропотно пошла за вождем, которого в частных беседах поклонники традиции Клаузевица и Мольтке-старшего ставили так низко.

Сталин, Жуков и Василевский считали самым важным после встречи двух фронтов укрепить внешнее кольцо окружения. У них не было иллюзий относительно того, что германское командование сделает все возможное для спасения так далеко зашедшей на восток элитарной группировки Паулюса. Первые приказы: 1-я гвардейская и 5-я танковая армии создадут мощный заслон на восточном берегу рек Кривая и Чир. Линия внешней обороны пойдет вдоль железнодорожного полотна к Обливской, Суровикино, Рычковской. Эта линия обороны должна была прикрыть кольцо обороны с запада и юго-запада. На юге пять дивизий 51-й армии и 4-й кавалерийский корпус займут позиции от Громославки до Уманцева. Сталин довольно долго говорил об этих планах с Василевским в ночь с 23 на 24-е, и Василевский составил соответствующие директивы. Приказ без малейшего промедления занять указанные позиции был отдан уже утром 24 ноября.

Удивительно, но никаких проявлений радости не было видно со стороны Сталина. Он в эти часы пришел к выводу, что окружение могло

быть более масштабным. Северокавказская группировка немцев стоит без движения, и этим нужно воспользоваться. Броситься вперед, взять Ростов и замкнуть еще и кавказское кольцо. 23-го ноября Сталин делится своими соображениями с Василевским, а затем (мы цитируем) с Рокоссовским: „Как следует из доклада Михайлова (Василевского), 3-я моторизованная и 16-я бронетанковая дивизии противника либо целиком, либо частично выведены с вашего фронта... Это обстоятельство благоприятствует осуществлению армиями вашего фронта новых операций... Скажите Жадову, чтобы вел себя более активно и связал противника. Подтолкните Батова; он в текущей ситуации мог бы действовать более энергично“.

Но говорить о Кавказе в эти дни можно было только в плане перспективного планирования. Жесткая задача сегодняшнего дня — ликвидировать сталинградскую группировку противника, поймать его в западню — это только полдела. Поздним вечером 28 ноября 1942 года Сталин позвонил Жукову в штаб Калининского фронта с вопросом, какие, по его мнению, меры следует предпринять для ликвидации сталинградской группировки немцев. Это была особенная ночь в такой особенной жизни Жукова. Рано утром он отвечает Сталину: „Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская — Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут. Немецкое командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград — Вертячий — Мариновка — Карповка — совхоз Горная поляна и в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская — Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск, образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору. При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка — Ляпичев — Верхне-Чирская фронтом на север. Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, — по линии Цыбенко — Зеты — Гниловская — Шебалин“.

Чтобы не допустить соединения Нижне-Чирской и Котельниковской группировок противника со Сталинградской и образования коридора, необходимо:

— как можно быстрее отбросить Нижне-Чирскую и Котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская — Тормосин — Котельниково. В районе Нижне-Чирская — Котельниково держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой, в качестве резерва;

— окруженную группу противника под Сталинградом разорвать на две

части. Для чего... нанести рассекающий удар в направлении Бол. Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининской, высота 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника.

После раскола окруженной группы противника на две части нужно... в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда».

Добавим также, что, хотя Жуков и не добился успеха на гжатском направлении, но главного из задуманного он достиг — немцы не только не сняли отсюда части для спасения Паулюса, но и, более того, направили сюда (а не Паулюсу) четыре танковые и одну механизированную дивизии.

По сведениям генерал-лейтенанта разведки П. А. Судоплатова, советское командование использовало «двойного» агента (Макс, он же Гейне), которого очень ценили люди Гелена — он был немалым лицом в штабе Рокоссовского и якобы ненавидел сталинский режим за два года, проведенных перед войной в заключении. За сведения о наступлении Красной армии под Ржевом он получил от германского командования Железный крест. А от советского командования — орден Красной Звезды. Главное же в этой операции по дезинформации было выполнено — немцы были отвлечены от Сталинграда, поскольку Макс оповестил Берлин о начале 15 ноября операции подо Ржевом. Но не под Сталинградом.

Новые идеи

Никого не удивишь сентенцией, что аппетит приходит во время еды. Советское командование не знало об агонии в умах германских штабистов, об отсутствии в данном случае плана у германских генералов (имеющих планы на все случаи жизни), о роковом волюнтаризме Гитлера, оставившего приволжские дивизии вермахта фактически на заклятие. Утром того же дня, когда посуровевший Паулюс читал предписание своего главнокомандующего, отчаянного исторического игрока, о создании «Festung Stalingrad», руководство сил окружения — мозг Сталинградской операции — Василевский, Говоров и командующий военно-воздушными силами РККА генерал Новиков — отправились к генералу Голикову в его штаб Воронежского фронта. Речь шла о быстрой выработке плана «Сатурн» — развитию сталинградского успеха силами Воронежского и Юго-Западного фронтов посредством незамедлительного наступления по линии Миллерово-Ростов. Это замкнуло бы германскую группировку на Северном Кавказе и в целом обрубало бы южный фланг вермахта в России. Открылся бы выход на Украину, к углю Донбасса, к днепровскому индустриальному району.

Напомним, что советская военная промышленность испытывала реальные трудности в обеспечении углем. Добыча угля по сравнению с 1941 годом упала вдвое (об этом со всей серьезностью напоминает ответственный за оборонную промышленность секретарь ЦК ВКП(б) Вознесенский в ноябре 1942 года). Критически важный Челябинский танковый завод не мог использовать все свои мощности из-за отсутствия необходимой энергии. Чернозем Северного Кавказа был не менее важен для голодающей страны. Как и нефть Грозного и Майкопа.

Не все идет по плану в России. Главком ВВС Новиков лично инструктировал летчиков ночной бомбардировочной авиации по поводу малейших деталей переброски начсостава Ставки на поля грядущих битв юго-восточнее Сталинграда, вдоль течения Дона. Семь бомбардировщиков По-2 отправились со столичных аэродромов в глухое ноябрьское небо со снегопадом и метелицей. Тяжелые машины вскоре после взлета потеряли друг друга и шесть из них приземлились в экстремальных условиях. Василевский, хорошо знавший о лютом нетерпении Сталина, желавшего реализации «Сатурна», приземлился на колхозном дворе у Калача. Осоловевшие от неожиданности местные власти предоставили грузовик, и

начальник Генерального штаба РККА выехал к ближайшей телефонной линии. Нужно сказать, что в целях конспирации офицеры Генштаба передвигались без специфических регалий и под вымышленными именами (Василевский был, как когда-то Петр Великий, Михайловым). Он в эти тяжелые часы думал только об одном — о судьбе генерала Ручкина, который вез с собой все оперативные документы. Но как раз к Ручкину судьба была благосклонна, и он единственным из всей группы благополучно сел на аэродром в Бутурлиновке (еще одно историческое имя, связанное с Переяславской Радой, давшей историческую жизнь полонизуемой Украине), где летающих генералов генштаба давно ждал прежний глава ГРУ РККА Голиков, столь влиятельный накануне войны.

Страхам, упрекам и неурядице было не место, мелочность могла погубить все. 25 ноября 1942 года состоялся общий сбор группы генштабистов и представителей Ставки в штабе 6-й советской армии генерала Харитонова. (Этот генерал был одним из «крестников» Василевского; после неудач под Харьковом Сталин хотел предать его суду военного трибунала, но Василевский сумел защитить его, и Харитонов получил командование 6-й армией). Общая установка: забыть все передраги и думать только о «Сатурне». Это продолжение Сталинграда может решить судьбу всего советского Юга.

Военспецы осмотрели местность и отправились на совещание с Ватутиным. 27 ноября состоялась окончательная оценка района предстоящей масштабной боевой операции, возможностей советских войск, вероятных действий немцев. Поздним вечером этого дня Василевский шлет Сталину свои предложения. «Первой непосредственной целью операции должно быть уничтожение 8-й итальянской армии и оперативной группы „Холлидт“, для подавления которых Юго-Западный фронт создал две ударные группировки: одна на правом фланге в составе 1-й гвардейской армии (шесть стрелковых дивизий, один танковый корпус и подкрепления) для атаки с плацдарма южнее Верхнего Мамона на юг, в направлении Миллерово; вторая — на фронте 3-й гвардейской армии к востоку от Боковской (пять стрелковых дивизий и один механизированный корпус) для одновременного наступления с востока на запад также в направлении Миллерово и закрепления окружения на Северском Донце, для захвата переправ в районе Лихой и создания благоприятных условий с целью возобновления наступления в направлении Ростова. С целью защиты операции с северо-запада и запада ударная группа 6-й армии Воронежского фронта (пять стрелковых дивизий и два танковых корпуса) должны атаковать юго-западнее Верхнего Мамона в направлении Кантемировка —

Волошино. Готовность войск к операции — 10 декабря».

Сталин одобрил эти предложения. Непосредственное оперативное планирование было поручено Голикову и Ватутину. К началу декабря следовало суммировать все планы. «Сатурн» приобретал первостепенную значимость, и два военачальника, Василевский и Ватутин, были освобождены от прочих обязанностей, сосредоточившись на данной операции. Огромные надежды связывались в эти дни с «Сатурном», но предпосылкой его успеха была ликвидация сталинградской группировки немцев. Сталин многократно употребляет именно это слово. Одновременно — и быстро — создаются впечатляющие резервы, стоящие за спинами 60 советских дивизий, непосредственно завязанных на Сталинград. Основу этих новых сил составляла 2-я гвардейская армия (район Тамбова — Моршанска) — мощная новая группировка, которой под водительством генерала Малиновского было приказано выдвигаться в район Сталинграда на максимально большой скорости.

Но своенравная военная судьба приготовила этой мощной армии иную задачу.

Попытки спастись

В Вольфшанце дребезжали телефоны, имитация активности была повсеместной, но решение — стоять на Волге или пробиваться сквозь кольцо окружения — принято еще не было. Представляется, что начальник штаба сухопутных войск Цейтцлер сумел убедить Гитлера позволить 6-й армии начать подготовку к прорыву. Цейтцлер даже уведомил штаб группы армий «Б» о необходимости готовиться к такому повороту событий и о грядущих приказах в развитие этой идеи.

Германское военное руководство должно было окончательно оценить возможности люфтваффе, способность немецких летчиков, игнорируя блокаду и климат, поддержать, сохранить и по возможности укрепить боевую мощь 6-й армии. Если германская армия на это не способна, тогда нужно отдавать инициативу самому Паулюсу и готовиться к его поддержке, к поддержке его прорыва извне. В Вольфшанце, дребезжа грандиозным набором медалей, прибыл рейхсмаршал авиации Герман Геринг — номинально второе лицо в Третьем Рейхе. Его репутация поблекла после массированных бомбардировок германских городов, которые он клятвенно обещал защищать. К ночным бомбардировкам осуществляемым англичанами, днем присоединялись американские бомбардировщики. Провал защиты Германии с воздуха ослабил влияние Германа Геринга, и «узник Каринхалле» жаждал восстановить благосклонность Гитлера. Он одним движением отошел от осторожной позиции, занимаемой своим заместителем генералом Ешоннеком, и был готов за возвращение в фавор обещать все мыслимое и немыслимое. Массивный Геринг появился в зале заседаний как раз тогда, когда генерал Цейтцлер предупреждал против завышенных ожиданий: «Люфтваффе должны использовать каждый имеющийся в наличии аэродром и поставлять исключительно топливо и боеприпасы. Только таким путем мы сможем прорвать блокаду».

Напомним, что 6-я армия запрашивала ежедневную доставку 750 кубометров припасов, из которых 380 тонн приходилось на продовольствие, 250 тонн на боеприпасы, 120 тонн на горючее. В 4-м воздушном флоте, обслуживающем данный регион, было 298 самолетов — вдвое меньше запрашиваемого Паулюсом минимума.

Гитлер спросил мнение Геринга. Ответ сорвался незамедлительно: «Мой фюрер, люфтваффе осуществят все снабжение Шестой армии по воздуху». Геринг твердо обещал доставку 500 тонн в сутки. Мемуаристы

называют это обещание, как минимум, «мальчишеским». Вообще говоря, это были самые важные слова, сказанные за весь период Второй мировой войны. К нашему счастью, они оказались бравадой и пустым обещанием. Впрочем, отдадим должное германским генералам, многие из них поняли это тотчас. Цейтцлер пришел в ярость. «Люфтваффе не могут осуществить этого. Знаете ли вы, рейхсмаршал, сколько ежедневных вылетов необходимо армии в Сталинграде?» Кровь бросилась в лицо Геринга. «Лично я не знаю, но мой штаб знает это». Цейтцлер: «Семьсот тонн! Ежедневно! Даже считая за данность, что все лошади в районе окружения пойдут на кухню, останется еще пятьсот тонн. Каждый день пятьсот тонн». На что Геринг ничтоже сумняшеся ответил: «Я могу сделать это». Фельдмаршал Кейтель назвал это решение «фривольным». Но протесты Цейтцлера уже мало что значили, обещание Геринга работало на схему Гитлера — держаться, не сдаваться, помощь придет, русские дадут слабинку и на этот раз.

Гитлер ворвался в спор. «Рейхсмаршал сделал обещание, и я обязан верить ему. Право окончательного решения принадлежит мне». Будущий натовский генерал Адольф Хойзингер видел абсолютно счастливого Геринга, идущего рядом со счастливым Гитлером. Оба они шли к военному поражению и вели Германию в пропасть. Роковое для Германии решение было принято в обстановке истерического пренебрежения реальностью. Немедленно из Вольфшанце последовал приказ 4-му воздушному флоту обеспечить доставку в район окруженной группировки трехсот тонн ежедневно, а с прибытием новых самолетов довести объем поставок до требуемых Паулюсом пятисот тонн. Гитлер послал особое радиосообщение генералу Паулюсу (не зная еще об особой инициативе по приготовлению к уходу фон Зейдлица). «Северная часть оборонительной зоны Сталинграда должна быть поставлена под единым военным командованием. Этот командующий будет ответствен перед фюрером за оборону укрепленной зоны любой ценой. Ответственность возложить на генерала Зейдлица». Паулюс молча положил радиограмму перед седовласым генералом и спросил его, что он намеревается делать. Тот кратко ответил: «Я полагаю, что мне не остается ничего другого, кроме как подчиниться».

Паулюс перегруппировал свои войска. Теперь они не были расположены ударной колонной, а расположились вдоль периметра окружения. В мобильном резерве он оставил 14-ю танковую и 9-ю зенитную дивизии. Ближайшие немецкие части за кольцом были в 37 километрах.

Попытка немцев вернуться в оставленные балки и на оставленные

позиции не везде увенчалась успехом. Советские войска уже укрепили новоприобретенные позиции. В немецких рядах впервые можно было услышать: «Они продали нас». Но это было мнение пока лишь незначительного меньшинства. Большинство еще было абсолютно уверено, что верховное командование найдет способ их спасти, хотя идея воздушного моста уже тогда вызвала массовый скептицизм, сомнения в воздушной поддержке уже были значительными.

Немцы начали организацию того, что Гитлер назвал *festung Stalingrad* — крепости на берегу Волги. Последние сознательно попавшие в кольцо окружения части прорвались ранним утром 29 ноября 1942 года через Дон с запада на восток, чтобы присоединиться к основной массе группировки Паулюса. После полудня этого дня, когда вся колонна немцев перешла мост у Лещинской на восточную сторону реки, лейтенант Мутиус взорвал мост и огромное оранжеевое пламя взмыло к небесам. Это пламя странным блеском осветило отходящие к Сталинграду автомашины и повозки. Словно давая знак — пути назад нет.

Немецкие части в Сталинграде отныне ждали неминуемого. Долгие месяцы они были неудержимой атакующей силой, прижимающей противника к его самой большой реке. И вдруг характер происходящего изменился почти радикально. Теперь сталинградская полоска земли стала авангардом всей большой Родины, бросившей силы на дошедшего до священной реки захватчика. Теперь патрули немцев с величайшей опаской наблюдали, как Иван высаживает к югу от Сталинграда свои танки и артиллерийские установки. И немцы молчали. Окончилось их время. Теперь они экономили каждый патрон. И наступающие русские танки они встретили уже с заметным отчаянием обреченных.

Ночью новые советские бойцы заполнили «дом комиссаров» и стоящие рядом дома № 78 и 83. Теперь они, пользуясь ослаблением давления немцев, начали расширять зону своего городского контроля. В окна соседних домов летели гранаты. Немцы держались отчаянно, но обычно смены бойцов им хватало лишь на три дня. Погибших следовало менять — или нужно было сдавать очередной дом. Пришедшая смена — в основном молодые австрийцы — более или менее держались до конца ноября. С фанатизмом новообращенных австрийцы шли напролом. За одну из комнат битва шла два дня. И все же дом № 83 пришлось оставить. Возможно, это был последний успех вермахта в Сталинграде.

Мораль окруженных страдала не только от сознания отчуждения, но и от половинного рациона в холодном зимнем Поволжье. Их главные запасы размещались на той стороне Дона, которая была теперь захвачена Красной

Армией. Теперь у 6-й армии оставался запас всего на шесть дней. Немцы пересчитывали наличные головы скота, мешки с мукой, ящики с мясными консервами, коробки масла. И бельгийские кони-великаны и малорослые русские лошадки (которых немцы звали «пони») шли теперь под нож мясника. Начальство ликовало от того, что четыреста лошадей, направлявшихся на Украину, были задержаны. Правда, у лошадей, давно не видевших сена, торчали ребра. Меланхолия царила в кругу солдат, измождение вело к потере боевой формы. Написанные в эти дни солдатские письма рисуют картину падения боевого духа, первый подлинный затяжной кризис прежней лучшей европейской армии. Офицеры испытывали наибольшую депрессию, когда писали похоронные извещения на своих солдат.

Немцы строили блиндажи. Популярным «проектом» было строительство под подбитым танком. В землянках сказывалась германская сентиментальность — фотографии близких на стенах, рождественские открытки. Но далеким от сентиментальности было заставлять под дулом автомата долбить для блиндажа промерзшую землю советских военнопленных. Такие генералы, как фон Даниэлс, создали под землей «мини-дворцы», целые комплексы помещений. А у командира 16-й танковой дивизии в блиндаже даже стоял рояль. Из-под замороженной земли летели звуки великих германских музыкальных гениев. «Первая патетическая» соната Бетховена была на первом месте. И неважно, что рядом рвались авиабомбы. Генерал продолжал играть даже тогда, когда к нему приходили с докладом.

Постепенно в моду входил советский воинский стиль — немецкие солдаты стали ценить стеганые штаны, ватники, фуфайки. Большой проблемой были головные уборы. За полтора года войны с северной страной дизайнеры вермахта так и не сумели создать на голове у своих солдат нечто зимнее. Пилотки смотрелись просто издевательством. В конечном счете на голове у немцев можно было увидеть все что угодно. Иногда даже русские портянки. Но хуже всего доставалось оголодавшим собакам, за которыми немцы гонялись едва ли не на танках. Пользовались успехом поддевки не только из собачьего меха, но и из лошадиных шкур.

«Маленькие партизаны» донимали национально помешанных на чистоплотности немцев как большие. Двести блох в каске стало нормой. Борьба с ними было бесполезно. Особенно там, где солдаты спали, прижавшись друг к другу под открытым российским небом в ноябре, будучи прикрытыми только брезентом. Они отчаянно завидовали советским солдатам, которые, по их представлениям, жили привольно и

питались отменно. В данном случае аргументы психологической войны основывались на полном невежестве. Истинную ситуацию с двух сторон знали только советские дивизионные разведроты (разбитые на разведгруппы по несколько человек). Они смело переходили линию фронта и довольно глубоко проникали в глубь «котла». Их главная задача заключалась в слежении за перемещением частей противника и в традиционном захвате «языка». Шиком считалось оставить чучело Гитлера с плакатом, предлагающим выстрелить в фюрера. Обычно под чучелом пряталась мина. В последние недели возобладала чья-то идея, что томные танго психологически добьют измучившихся немецких солдат, и советские установки устроили своего рода «Латинскую Америку» с ее ритмами. Вместо объявления следующего танго звучало приглашение сдаться. Либо услышать танго в последний раз.

Лестное мнение об условиях жизни по советскую сторону фронта стало приближаться к правде после завершения окружения — на фронт поступили новые стеганные ватники, овчинные тулупы, рукавицы из кроличьего меха, шапки-ушанки. В каждой роте была гармонь, после наркомовских ста грамм следовало пение — в каждой части были на то свои таланты. Остальные компенсировали талант рвением и дружно помогали. Вышедший на экран в этом году фильм «Два бойца» подарил солдатам «Темную ночь», своего рода ответ на немецкую «Лили Марлен» (хотя по лиричности, поэзии и мелодии песня Бернеса была сильнее шлягера Андерсен, но немцам этого «рассказать» было невозможно, и бедная Лили Марлен, феноменально популярная в вермахте, продолжала ждать своего солдата под фонарем).

Связь с внешним миром была у Паулюса ограниченной. Но его инженеры сумели решить одну очень важную техническую задачу. В юго-западном углу контролируемой территории они возвели 40-метровую антенну, которая связала Гумрак с Новороссийском посредством комбинации радиотелефона с коротковолновой радиостанцией. Эти передачи советские технические средства не могли ни перехватить, ни глушить. Радиотранслятор работал относительно надежно весьма продолжительное время. Затем, с приближением советских воинских частей, его реле начали попадать под советские танки, и радиотелефонная линия рухнула. Остался телепринтер — он и служил Паулюсу до конца.

А связь, взаимопонимание и взаимовыручка были сейчас важны для немцев как никогда, поскольку мораль и дух германских солдат страдали также и оттого, как, каким образом в самой Германии подавали это крупнейшее испытание вермахта. Советские фанфары 23 ноября заставили

молчавшее немецкое командование выступить с коммюнике о ходе событий в районе Сталинграда. В сообщении ОКХ не было сказано об окружении армии Паулюса, а только о том, что русские войска прорвали линию немецкой обороны к северо-западу и к югу от 6-й армии. Это было подано как очередная несуразица в поведении русских, которые «безответственно расположили свои войска и военную технику».

И современники и нынешние германские историки утверждают, что у Гитлера не было дурных предзнаменований, он был абсолютно уверен в крепости позиций шестой армии. «Der Führer ist hinsichtlich der Lage der 6 Armee zuversichtlich».

В штаб-квартире фон Паулюса появился неожиданный посланец ОКХ — майор Колестин фон Зицевиц. Он получил перед отбытием в Сталинград устный приказ генерала Курта Цейтцлера: «Вы вылетите в Сталинград с сектором коммуникаций. Вы будете докладывать непосредственно мне все возможные сведения максимально полно и максимально быстро. У вас не будет оперативных обязанностей. Собственно, мы не волнуемся, генерал Паулюс делает все очень умело... Скажите генералу Паулюсу, что все будет сделано для восстановления эффективного контакта».

Паулюс спросил Зицевица, как верховное командование намеревается ликвидировать окружение. На этот вопрос ответа не было. По мнению Паулюса, его армия сыграла бы более важную и полезную роль, если бы ему было позволено уйти с берегов Волги на запад и занять более удобные позиции, скажем, близ Ростова. Подчиненные ему генералы разделяют эту точку зрения. Зицевиц испытывал симпатию к говорившему с ним вежливо и корректно генералу, старающемуся скрыть нервный тик на своем приветливом лице. Было видно, какой на него обрушился груз.

Но все планы — держаться или уходить — зависели от решающего, критического обстоятельства, от способности германской транспортной авиации наладить мост снабжения. Генерал авиации Фибиг налаживал работу наиболее близких к Паулюсу аэродромов в районе Тацинской и Морозовской. Летом это были хорошие авиабазы, откуда вылетали сотни самолетов в день. Но зимой трехмоторные транспортные «Юнкерсы-52» с трудом поднимались с этих снежных полей. Часть транспортной авиации оказалась изношенной, у некоторых самолетов не было пулеметов и пушек, немалое число воздушных машин лишилось радиоточек. Ощущался профессиональный недокомплект. Ветераны-пилоты переমেжались со вчерашними выпускниками летных училищ, одетыми в легкие летные комбинезоны, не годящиеся для температуры ниже нуля.

25 ноября первые грузовые самолеты вылетели для посадки на

аэродроме «Питомник» внутри кольца окружения. В течение двух дней к Паулюсу поступало горючее, боеприпасы и продовольствие, но на третий день — 27-го ноября — погода заставила прекратить все полеты. В первые 48 часов к Паулюсу поступило 130 тонн (вместо запрошенных 600). Фибиг пишет в дневнике: «Отвратительная погода. Мы пытаемся летать, но не можем. Здесь, в Тацинской, одна снежная буря следует за другой. Ситуация отчаянная».

Авиационный герой Германии — маршал Рихтгофен в звонках Цейтцлеру и Ешоннеку предложил, чтобы 6-я армия полагалась на себя и провела операцию по своему спасению до того, как у нее иссякнут запасы. Это мнение он просил довести до Гитлера. На того мнение Рихтгофена не произвело ни малейшего впечатления. 6-я армия выстоит, чего бы ей это ни стоило. Если она покинет Сталинград, «она никогда уже не вернет его назад». Рихтгофен ворчал, но, как и абсолютное большинство недовольных, подчинился приказам человека, который гордился тем, что его ум не омрачен образованием.

Геринг прилагал старания. 30 ноября к привычным транспортным «Юнкерсам-52» присоединились сорок бомбардировщиков «Хейнкель-111». В их бомболюках были продовольствие и боеприпасы. Им понадобилось сорок минут, чтобы преодолеть нашу снежную бурю в степи и, следуя за радиомаяком, приземлиться на посадочной полосе в Питомнике, ставшем главной опорой воздушного моста. После приземления к самолетам стремглав бежали авиамеханики, разгрузка транспортов происходила быстро. Из боковых самолетных бензобаков горючее немедленно шло в баки танков и бронемашин. То был рекорд — тысяча тонн грузов за день. Даже скептики поверили во всемогущество люфтваффе. Тем горше было разочарование двух последовавших дней, ни одна машина не преодолела грозового фронта и не села в Питомнике. В течение первых семнадцати дней блокады в Питомник поставлялось в среднем в день 84, 4 тонны припасов — цифра весьма далекая от обещанной (примерно двадцать процентов от торжественно обещанного).

История этих усилий свидетельствует, что авиамост к Паулюсу фактически не сработал. Сталинградская группировка начала голодать. Каждый день из Питомника вывозили двести раненых. Пока дисциплина в крепости Паулюса соблюдалась, но наступали дни критических испытаний. Примерно к 11 декабря 1942 года Паулюс начал терять надежду. Всегда сдержанный, он буквально взорвался, когда генерал люфтваффе Фибиг начал объяснять ему причины авиационных недопоставок. «С тем, что она имеет, моя армия не может ни существовать, ни сражаться».

Осада

Советскому военному командованию следовало исходить из того, что протяженность внешнего кольца окружения составляет более 300 километров, и оборона этого периметра стала главной задачей вооруженных сил страны. Расстояние между внутренним и внешним кольцами, замкнувшими сталинградскую группировку, составляло примерно 15 километров (в некоторых местах до 40 километров). К югу и юго-западу от сталинградского кольца в степи собирались остатки разбитых гитлеровских частей и частей союзников-сателлитов. Они могли быть использованы в качестве авангардных сил внешнего наступления. В то же время немцы уже начали снабжение своих окруженных частей по воздуху. Неужели повторится злополучный Демянский котел, одно лишь воспоминание о котором заставляло холодеть ноги у советских военачальников? Тогда германским войскам удалось из своего несчастья (окружение под Демянском) сделать очевидное достоинство — Демянский котел был, во-первых, неприступен; во-вторых, он отвлекал очень большие силы Красной Армии; в-третьих, советские войска не могли развивать наступательные операции, имея позади страшный груз в виде демянской группировки немцев. Если «Сталинградская крепость» сыграет такую же роль, то не стоило предпринимать грандиозных усилий по окружению.

На советской стороне лихорадочно собирали силы, чтобы скрепить созданное кольцо и не позволить немцам его прорвать. Перед советским командованием был круг неправильной формы, сорок пять километров шириной и более тридцати километров с севера на юг. Никогда в русской военной истории в окружение не попадало столь огромной силы противника. Только Жуков решал в какой-то мере схожую проблему во время окружения японцев под Халхин-Голом — но там их было в четыре раза меньше. Опыт требовалось компенсировать, в основном, умелой импровизацией. 28 ноября 1942 года Сталин призывает Жукова обсудить сложившееся положение. Плоды гигантских трудов, итоги невиданных жертв не должны быть утеряны. Жуков отвечает телеграммой. «Маловероятно, что захваченные германские силы постараются прорваться без помощи внешних сил... Германское командование, очевидно, постарается сохранить свои позиции в Сталинграде... Оно соберет силы спасения для создания коридора, по которому пошла бы помощь, с тем чтобы в конечном счете эвакуировать окруженные войска... Окруженная

сталинградская группировка должна быть разбита надвое».

Выскажем еще одно соображение. Жуков руководствовался, во многом, опытом зимней кампании 1941 года, и он помнил как грандиозность планов Сталина обернулась тяжкими потерями и конечной потерей инициативы. Он не хотел повторения этого под Сталинградом. Каждое движение каждой крупной части в эту первую неделю операции было им тщательно выверено. Жуков знал и ценил своих командиров, но он знал и их слабости. Их величайшей слабостью была недостаточная ориентация на местности, что проявлялось особенно в текущей флюидной ситуации. Сколько раз немецкий перехват фиксировал слова командиров танковых и прочих частей: «А что будем делать сейчас?» Жуков не желал отдаваться на волю удачи. Он многократно проработал каждый важный маневр с конкретными исполнителями. Он не хотел знаменитого русского полагания на «авось». Именно в свете своего опыта Жуков не был страстным поклонником «Сатурна». Разумеется, он хотел развития успеха, но он столько раз видел безалаберность в минуты, когда требовалась исключительная дисциплина и организованность, что бросок к Ростову был и желанен и страшил его. 6-я армия, цвет ударных сил вермахта, была прекрасным призом для лучшего нашего полководца.

Повторим, он слишком хорошо помнил громадность планов января — марта 1942 года, обернувшихся жестоким разочарованием и у Демянского котла, и у Ленинграда, и на Волховском фронте, и под Москвой и — венец отсутствия расчета — провал у Харькова. Он не хотел давать полководцам типа Тимошенко еще одну возможность сыграть в гражданскую войну с лихим кавалерийским навалом и «Даешь!». Перед ним стояла самая сильная армия мира, и Жуков хотел сокрушить ее умом, а не кавалерийской атакой, не ажиотажем на всех фронтах. Аргумент, который всегда казался надежным Жукову, — это его две тысячи орудий вокруг 6-й германской армии. Приятные излишества казались ему опасными. Немцы были чемпионами в мобильной борьбе, Жуков ждал когда наши командиры преуспеют в этой науке, а до того предпочитал войну позиционную.

Между тем немцы в Сталинграде занимались тем, что обновляли старые городские позиции. Легендарная 62-я армия Чуйкова привычно стояла на смерть, но ее силы были расколоты на сегменты (в общий строй возвратился лишь прежде отъединенный на севере Горохов со своей бессмертной бригадой). Волга еще не замерзла, и куски льда щадили плавсредства — помощь Чуйкову была затруднена. Впрочем, к иному он и не привык. Лишь в середине декабря лед встал окончательно, и Волга, как все наши реки зимой за последнюю тысячу лет, стала каналом сообщения,

своего рода российским автобаном.

Москва требовала действий. Еременко и Рокоссовскому было поручено не оставлять окруженного врага ни на секунду. Семь армий — осуществляли наступательные операции. 66-я и 24-я армии оказывали давление с севера, 21-я и 65-я армии преграждали путь на запад; 57-я и 64-я — наступали с юга; 62-я не давала покоя в самом Сталинграде. 21-я армия генерала Чистякова (Юго-Западный фронт) нанесет удар с востока на запад, а 66-я армия Донского фронта ударит с севера совместно с 65-й и 24-й армиями. Многострадальные 62-я, 64-я и 57-я армии Сталинградского фронта начали вести активные операции против немцев в самом городе. Их атаки были спроецированы прежде всего на Гумрак, как на центр коммуникаций, и были рассчитаны на расщепление вражеской группировки. На севере и юге советские армейские части начали сжимать кольцо окружения.

Им противостояли на севере 24-я и 16-я танковые дивизии немцев; на западе стояли 60-я моторизованная и 116-я пехотная дивизии; на северо-западе — 76-я, 384-я, 44-я дивизии (очень потрепанные в боях); в крайнем западном углу заняли оборонительные позиции 376-я и 3-я механизированная дивизии; на юге 29-я механизированная дивизия. В резерве находились 14-я танковая и 9-я дивизии. Две румынские дивизии и полк хорватов стояли к югу от Сталинграда. В самом городе находились потерявшие значительную долю своего состава в сентябрьско-октябрьских боях 71-я, 79-я, 100-я, 295-я, 305-я и 389-я германские дивизии. Высокомерие немцев по поводу своей безусловной способности выстоять и обратить поражение в победу стало ослабевать и бледнеть достаточно быстро. Уже через несколько дней после завершения окружения мы слышим жалобы немецких офицеров на изменчивость военной фортуны.

Противостоящий эти последним дивизиям Чуйков был в нервном состоянии. Где-то в полях советские войска творили историю, а он здесь в подвалах и руинах несет свою страшную, неослабеваемо тяжелую долю. 27-го ноября он жалуется руководству своего фронта: «Течение Волги к востоку от Голодного и Сарпинского островов полностью блокировано плотным льдом... Никакие боеприпасы не доставляются и никто из раненых не эвакуирован». Нервы бессмертного командира, вынесшего ад на земле, дрогнули. Он стоял насмерть и был тверд как скала, когда сгибались самые сильные. Но теперь, когда напуганный противник затих в ожидании своей доли, Чуйков уже не мог ждать. Ведь наступление в степи пока никак не сказалось на его положении великого заложника этой самой страшной из войн. Его сыны, его солдаты жили на голодном рациионе.

Чуйков рвал и метал: «Когда каждый солдат сердцем и душой стремится расширить плацдарм, чтобы шире вздохнуть, такая экономия является несправедливой жестокостью».

Но улучшение его положения было возможно только с ускорением ликвидации «котла». Василевский сообщает Еременко и Рокоссовскому ночью с 4 на 5-е декабря, что для операций внутри кольца окружения прибывают свежие силы. На севере котла немцам были видны приготовления к советскому наступлению. В бинокли отчетливо просматривались нагромождения техники; производил впечатление и бодрый вид буквально преобразившихся русских солдат. 4 декабря началось атакой советских войск с севера и северо-запада. Удар приняла 44-я германская дивизия, к которой немедленно поспешила резервная 14-я танковая дивизия. Ярость боя была необыкновенной. Обеим сторонам нужна была только победа. Пока у немцев хватило сил не пропустить русских внутрь котла. Требовались более методичные действия.

8 декабря командующий 2-й гвардейской армией Малиновский участвует в заседании военного совета Донского фронта, посвященном операциям против Паулюса. Совместная работа в конечном счете была обобщена в послании Сталина Василевскому от 11 декабря. «Операция „Кольцо“ будет осуществлена в два этапа. Первый этап — прорыв в районе Басаргино, Воропоново и ликвидация западной и южной группировок противника. Второй этап — общее наступление всех армий обоих фронтов для ликвидации основной части войск противника к западу и северо-западу от Сталинграда. Операции первого этапа начать не позже, чем это было условлено в телефонном разговоре между Васильевым (Сталин) и Михайловым (Василевский). Операции первого этапа завершить не позднее 23 декабря».

Миссия Манштейна

Фельдмаршал фон Манштейн был несомненно незаурядной личностью. Многие называют его лучшим германским полководцем той войны. Он был нонконформистом по своей природе. Обученная хозяином, его такса встречала гостей нацистским приветствием. Фельдмаршал говорил близким друзьям о своих еврейских родственниках. Но, с другой стороны, он не был тираноборцем ни в коей мере. Когда один из его офицеров, проводя аналогию с Гинденбургом, спросил присутствующих за столом, кто из фельдмаршалов данной войны будет новым «спасителем отечества», Манштейн без тени иронии отрезал, что «только не он».

Пребывание лучшего полководца Германии в далеко не самом важном Витебске — еще одно доказательство неважной работы германской стратегической разведки и общего ошибочного представления руководства вермахта относительно советских зимних планов. В Витебске ему предназначалась роль «наказующего» в случае удара Красной Армии со стороны Москвы. Но военная судьба распорядилась иначе — покорные исполнители нужны в спокойные времена, а кризисы требуют нонконформистов. Провал под Сталинградом заставил нацистских бонз и ручных фельдмаршалов шарить глазами в поисках человека, способного на нестандартное решение. Лавры французской кампании и Крыма делали Манштейна логичной кандидатурой на незавидную должность исправителя чужих ошибок.

ОКВ теперь посылало его «для целей более тесной координации армий, вовлеченных в ожесточенные оборонительные бои к югу и западу от Сталинграда». Его новое назначение — командующий вновь создаваемой группы армий «Дон», дислоцируемой в основном в излучине Дона на стыке групп армий «А» и «Б», в которую вошли части расположенных «по ту и эту» сторону «кольца» подразделений 4-й танковой армии Гота, окруженной 6-й армией, остатков румынских дивизий. Ему поручалось пробить коридор к 6-й армии с тем, чтобы обеспечить германские войска на Волге необходимыми припасами, восстановить боевой дух 6-й армии, спасти честь германского оружия. Перед Манштейном даже не ставилась задача увести 6-ю армию из котла, в который она угодила. Поставленная задача звучала воистину оптимистически: «Остановить атаки противника и заново овладеть прежде принадлежавшими нам позициями». Самоуверенность Гитлера более всего сказалась в том, что он не

предусмотрел даже теоретическую возможность действий на тот случай, если Манштейну все же не удастся разрушить все, что сделали Жуков и Василевский.

Манштейн подчинился приказу и оповестил об этом Паулюса. «Приму командование 26 ноября. Сделаю все, что в моих силах, для облегчения вашего положения... Тем временем было бы чрезвычайно важным, чтобы Шестая армия, удерживая берег Волги на северном фронте в соответствии с приказом Фюрера, сформировала силы, которые, в случае необходимости, могли бы создать мост в направлении юго-запада».

Из-за хмурой погоды, установившейся на всей великой русской равнине, перелет по воздуху был исключен. Манштейн вместе со штабом погрузился на поезд, который в семь утра 21 ноября с максимальной возможной скоростью отправился на юг. Поезд Манштейна, роскошный прежний поезд югославской королевы, состоял только из спальных вагонов. Перед его окном проплывали места, где десять лет назад германские и советские офицеры, скрытно от всего мира, вместе ковали оружие будущего, вместе вырабатывали тактику ведения новой войны, войны моторов, войны маневренных действий, где танки и пикирующая авиация будут острым мечом, преодолевающим все преграды. Теперь их, напарников времен Веймарской республики, разделяла линия фронта. И более всего разделяла нацистская идеология, прервавшая взаимосвязи двух жертв Версальской системы, сделавшая их непримиримыми врагами.

Вечером этого же дня на платформе Орши фельдмаршала Манштейна ожидал командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге вместе со своим начальником штаба генералом Волером. В тоне и словах Клюге не было ничего ободряющего. Он сообщил, что советское командование ввело в Сталинградскую операцию две танковые армии «в дополнение к значительной массе кавалерии — в общем и целом примерно тридцать войсковых формирований». Клюге был угнетен указующим перстом Гитлера — «вы обнаружите, что невозможно перевести какое-нибудь воинское соединение, большее чем батальон, без консультаций по этому поводу с Фюрером». Клюге намекнул на главный источник возможных будущих сложностей Манштейна: «Будьте очень осторожны. Спасение армии под Москвой он приписывает исключительно собственному гению». Последнее — вмешательство Гитлера в оперативные планы и их реализацию — уже стало фактом жизни германской армии на подступах к Сталинграду. Гитлер через офицеров по особым поручениям уже осуществлял непосредственный контроль над операциями в данном регионе.

Размышления Манштейна не были радужными. Он, судя по всему, еще даже не приступая к делу, без особой надежды смотрел на возможности 6-й армии выбраться своими силами из сталинградского окружения. По мнению американского историка У. Крейга, «фельдмаршал был убежден, что Паулюс уже потерял шансы с достоинством и без потерь выйти из своих сложностей». Какие козыри были в руках у Манштейна? 48-й танковый корпус — мобильный германский резерв на Северном Дону — был уже задействован в приносящих не так уж много полезного акциях. Он столкнулся со Второй советской гвардейской танковой армией, что ослабило его безмерно. Основная надежда — 4-я танковая армия Гота — уже пострадала от южного удара советских сил, и думать всерьез можно было лишь о той ее части, которая располагалась в районе Котельниково. Нетронутой оставалась 16-я моторизованная дивизия, стоявшая в Элисте, в 250 километрах от Дона, но у нее была важная функция — контролировать огромное пространство между кавказской группой армий «А» и запертой в Сталинграде основной массой группы «Б». Манштейн, еще только приближаясь к полям сражений, увидел критическую ограниченность своих ресурсов.

Задача «возвратить позиции, прежде принадлежавшие нам», уже казалась фельдмаршалу Манштейну абсурдной. Прямо из вагона своего устремившегося на юг поезда Манштейн обратился в Главное командование сухопутных сил со следующим: «Ввиду масштабности военных усилий противника, наша задача в Сталинграде не может быть просто делом восстановления укрепленных участков фронта. Для восстановления прежнего положения мы нуждаемся в еще одной армии — и эта армия не должна быть использована в контрнаступлении до тех пор, пока ее организация не будет завершена полностью».

Манштейн сделал остановку в Старобельске, где располагался штаб группы армий «Б». Его (отмечавшего в тот день свое 55-летие) встречали командующий группой армий генерал Вейхс и его начальник штаба фон Зоденштерн. Вейхс развернул перед будущим спасителем Сталинграда карты. Фронт группировки, в которую входили семь армий, превышал 350 километров, но Манштейн, по всеобщим отзывам, был настроен лихо. Даже 175-километровая брешь между войсками в Сталинграде и северокавказской группировкой не смущала его. Пессимизм Зоденштерна раздражал Манштейна, и он пробыл в Старобельске лишь несколько часов. Он разговаривает с начальником штаба сухопутных войск Цейтцлером. Он утверждает главе ОКХ, что для 6-й армии, «вероятно, возможно еще сейчас» пробиться на юго-западном направлении. Остаться в

Сталинграде для Паулюса означает подвергаться страшному риску. Прорваться могут, по крайней мере, мобильные соединения. Но и риск быть застигнутыми в открытой степи был велик. Манштейн утверждает, что он завершил беседу с Цейтцлером словами, что, если доставка боеприпасов и продовольствия в Сталинград не будет гарантирована, «не следует рисковать оставлением шестой армии в ее нынешнем положении даже на короткое время».

Манштейн спешил в старую казачью столицу Новочеркасск, куда он вез свой проверенный штаб 11-й армии. 24-го ноября Манштейн взбирается в свой фельдмаршалский вагон — впереди двадцать четыре часа последнего перегона до Новочеркаска. Неполная готовность железнодорожного пути и активность партизан сделали путь Манштейна весьма долгим — три дня и две ночи. Еще будучи в пути, фельдмаршал на станции города Днепропетровск получил ответ Цейтцлера из ОКХ. Тот обещал «бронетанковую дивизию и одну или две пехотные дивизии». В условиях, когда Жуков вводил в дело армии, скупые обещания Цейтцлера просто говорили об истощении ресурсов рейха. Сопоставим: с начала советского наступления через Дон перешли тридцать четыре дивизии (двенадцать через плацдарм в Бекетовке и двадцать две через станицу Кременская). Эти силы уже подорвали боевую мощь 48-го танкового корпуса и теперь громили остатки того, что отходило в прежний германский тыл. Пока советские танки отгоняли любые силы, способные разомкнуть кольцо извне, советская пехота с яростью долбила мерзлую землю, создавая серьезные укрепления на пути любого прорыва изнутри. По всему периметру окружения советские войска устанавливали противотанковые ружья (более тысячи), тягачи тащили 76-мм орудия. В то же время огромное скопление советской артиллерии за Волгой постоянно обрушивало смертельный металл на забившихся в городские норы гренадеров 6-й армии.

По прибытии фельдмаршалского поезда в Новочеркасск его ожидали два письма. В первом, написанном генералом Паулюсом от руки, обрисованы были сложности его группировки. «Оба моих фланга обнажены уже на протяжении двух дней, и чем это все закончится — неизвестно. В этой тяжелой ситуации я попросил фюрера о свободе действий... Я не получил прямого ответа на свою просьбу... Через несколько ближайших дней положение с запасами приведет к кризису исключительной тяжести. Я все еще однако верю, что армия сможет продержаться. С другой стороны, если даже ко мне будет пробито нечто вроде коридора, невозможно предсказать, позволит ли нам ежедневное

ослабление армии в районе Сталинграда продержаться продолжительное время... Я был бы благодарен получить информацию, которая укрепила бы боевой дух моих людей». Встает вопрос, почему Паулюсу понадобилось целых четыре дня, прежде чем запросить о свободе действий. Даже если бы Паулюсу даровали такую свободу, он не смог бы уже выступить ранее 28 ноября. Кольцо вокруг 6-й армии к этому времени уже затвердело бы.

Прибывший в Новочеркасск доверенный офицер Паулюса Айсман доложил Манштейну, что, по его мнению, сталинградская группировка вырваться своими силами не сможет. Манштейн выразил понимание сложностей Паулюса. И все же не оказывает ли на Паулюса негативное влияние генерал Шмидт, его начальник штаба? Не слишком ли Шмидт категоричен, отказываясь даже думать о помощи в деблокировании без адекватной помощи по воздуху? Ведь теряется драгоценное время.

Паулюс немедленно предложил своему новому командиру воспользоваться радиотелефоном. С созданием линии прямой связи два германских военачальника могли совещаться напрямую. Паулюс не без волнения стоял у телепринтера в оперативном бункере Гумрака, ожидая движения аппарата. Вопрос Паулюсу поступил вполне ожидавшийся — «Какова возможность наступления в западном направлении, в направлении Калача? Сейчас противник концентрирует свои войска на южном направлении». Паулюс ответил через несколько минут: «Выступление в южном направлении в настоящее время видится более удобным..., здесь русские слабее, чем на западе, в районе Калача».

Второе письмо было от маршала Антонеску, диктатора Румынии, который горько жаловался на грубое отношение немецких офицеров к его войскам.

Стратегия Жукова

Наступило время, когда и армия Чуйкова ощутила приход иной эры. 138-я дивизия полковника Ивана Людникова воссоединилась с основным контингентом 62-й армии. Страшное время «пионеров» из 305-й германской дивизии кануло в лету. Прибыли припасы и питание — ледовое покрытие Волги позволяло. 24 декабря Чуйков выпил последнюю рюмку за тех, кто не дожил, кто склонил буйную голову на этих волжских кручах, за известных и безымянных героев обороны Сталинграда — самого видного символа несгибаемой воли и несмиримого духа нашего народа. Его обнимали Виктор Григорьевич Жолудев, чьи гвардейцы умерли без вздоха, защищая тракторный завод; Федор Никанорович Смехотворов, чьи солдаты погибли — все до единого — в цехах завода «Красный Октябрь»; Иван Петрович Сологуб, сражавшийся за город с первых дней обороны. Пришли они когда-то с двадцатью тысячами молодых парней, а уходили с двумя тысячами поседевших ветеранов. Что бы ни случилось в их дальнейшей жизни, Сталинград останется их самым большим жизненным подвигом. Грузовики из города пересекли Волгу на восток, а навстречу им двигались тяжелые грузовики с сталинградской сменой. Хотя сменить их не мог в этом мире никто.

А рядом — на Брянской улице Сталинграда немцы повесили пятнадцатилетнего Сашу Филиппова, одного из немногих оставшихся в живых сталинградских жителей, который устроился чистить немецким офицерам обувь, добывая ценные сведения своим. Мальчик молча взошел на эшафот. Этот самый юный герой битвы принес своей Родине единственное, что имел, — свою молодую жизнь. Он жил и боролся, зная о смертельной опасности, он встретил печальный конец как настоящий сталинградец. И если бы не он, не десятки и тысячи таких как он, страна не вынесла бы страшного удара умелого врага, не совладала с их наукой, организацией и дисциплиной. Всем преимуществам врага Саша — и такие как он — противопоставили единственное нержавеющее оружие — неугасимую любовь к родине. На это оружие можно было положиться. Именно этим оружием и была одержана наша победа.

Наш лучший стратег — Жуков вел наступление столь искусно, что ни у Манштейна, ни у кого бы то ни было другого, практически не было шансов перехватить инициативу. Предоставим слово всемирно признанному эксперту — Лиддел Гарту. «Контрнаступление русских велось

с большим искусством. Генерал Жуков выбирал направления ударов, учитывая в равной степени как моральный фактор, так и условия местности. Он нащупывал наиболее уязвимые в моральном отношении пункты в боевых порядках противника. Если его войска, наносящие удар, не добивались немедленного частного успеха и теряли шанс вызвать общий разгром противника, Жуков умел создавать альтернативную угрозу. Поскольку сосредоточение наступательных усилий только в одном направлении облегчает ведение обороны, Жуков наносил удары в нескольких пунктах одновременно, не давая противнику передышки и вынуждая его напрягать все свои силы».

Дав своим танкистам своего рода недельный отдых, Жуков нанес удар там, где немцы были ближе всего к Паулюсу — у Нижне-Чирской. 7 декабря две его бронетанковые бригады пересекли Чир в южном направлении, повернули на запад и прошли примерно тридцать километров до наступления темноты. Именно здесь вечером 7 декабря завязался жестокий бой с, возможно, лучшим танковым командиром немцев на Восточном фронте — командиром 11-й танковой дивизии Балком. Две лучшие танковые части — авангард 5-й гвардейской армии РККА и 11-я танковая дивизия немцев столкнулись у т. н. «Государственной фермы № 79». Это был жестокий бой, и потери 5-й гвардейской армии составили 53 танка.

Именно тогда, в боях за берега сравнительно небольших казацких рек, немцы поняли то, что будет их преследовать до конца войны, — цепкость советских солдат в боях на речных плацдармах. Куда как лучше других приобрел этот опыт начальник штаба 48-го танкового корпуса немцев: «Плацдармы в руках русских представляют собой подлинную опасность. Абсолютно неправильно не беспокоиться по поводу плацдармов и откладывать операции по их уничтожению. Русские плацдармы, какими бы малыми и безвредными они ни казались, имеют тенденцию вырастать в очень опасные позиции за очень короткое время и вскоре превращаться в несокрушимые опорные пункты. Русский плацдарм занимается ротой солдат обычно вечером, на следующее утро там уже расположен полк, а к следующему вечеру — это уже неприступная крепость, в которой имеется тяжелое вооружение и все необходимое для обороны. Самый плотный артиллерийский огонь не сокрушит русского плацдарма, выросшего за ночь. Ничто меньшее, чем хорошо спланированная атака, не поможет. Русский принцип создавать плацдармы повсюду представляет собой чрезвычайную опасность, которую невозможно преувеличить. Есть только одно определенно действующее средство, которое должно стать

принципом: если плацдарм только формируется, следует атаковать и атаковать его. Промедление будет фатальным. Откладывать на час — получить головную боль, отложить на несколько часов — получить большую головную боль, отложить дело на день означает катастрофу. Даже если у вас всего один взвод и всего один танк — атакуйте! Атакуйте, когда русские еще не вгрызлись в землю, когда их еще можно увидеть и воздействовать на них, когда у них еще не было времени организовать свою оборону, когда у них еще нет тяжелых вооружений. Несколько часов спустя все будет потеряно».

Операция спасения

Возглавив новосозданную группу армий «Дон» со штабом в Новочеркасске, Манштейн немедленно приступил к решению задачи спасения 6-й армии. Выработанный им план состоял из двух частей, предполагавших два этапа. На первом — отвлекающем — его войска со стороны запада бросались на Калач, отвлекая основную массу русских войск. Он полагал, что русские неизбежно будут рассматривать плацдарм у Нижне-Чирской как естественный путь спасения армии Паулюса извне — и привлекут сюда свои лучшие силы. В течение нескольких часов они могут увеличить эти силы многократно.

На втором — решающем этапе танковый кулак Гота нанесет подлинный удар — с юго-запада, со стороны Котельникова, расположенного в ста двадцати километрах от котла. Этот удар должен был быть решающим. Двигаясь от Котельникова, его войска обязаны были пересечь только две водные преграды, причем меньшие, чем Дон, — его притоки Аксай и Мышкова. Далее следовали пятьдесят километров открытой степи, ведущей прямо к южной кромке «сталинградской крепости». Здесь можно было ожидать встречных шагов Паулюса. Если Гот приблизится к Паулюсу до уровня, сравнимого с плацдармом у Нижне-Чирской, 48-й танковый корпус пересечет Дон и у Паулюса будет выбор — уходить с Готом на юге или с 48-м корпусом на западной границе котла.

Подлинный удар по Красной Армии в ее родной степи требовал тщательного подбора сил. На станции Котельниково уже разгружались прибывшие из Франции авангардные части 6-й танковой дивизии — 160 танков с лучшими в рейхе экипажами. Через несколько дней прибудет 17-я танковая дивизия. Манштейн запросил также 16-ю механизированную дивизию, в текущее время заполнявшую брешь, образованную крахом 4-й румынской армии. Он затребовал 23-ю танковую дивизию. Фланги привычно поручили румынам, которые представили для этой цели два своих корпуса. К югу несли вахту оборонительные силы полковника Вальтера Венка, который лишь несколько дней назад прибыл с кавказского направления. Именно он стоял на пути к Ростову, куда указывал вдохновленный успешным окружением сталинградской группировки Сталин. 27 ноября он встретился с Манштейном в Новочеркасске, и фельдмаршал сказал ему с предельной прямоотой: «Венк, вы отвечаете своей головой за то, что русские не пробьются к Ростову. Доно-Чирский

фронт должен устоять. В противном случае не только Шестая армия в Сталинграде, но и вся группа армий „А“ на Кавказе будут потеряны».

Назначение Манштейна на определенное время взбодрило немецких солдат в Сталинграде. Слова «Манштейн идет» звучали как заклинание. Для поколебленных немцев требовался своего рода допинг, и он пришел с рассказами о военном гении Манштейна, проявившего себя у «линии Мажино», во взятии Севастополя и участием в ленинградской блокаде. Генерал Паулюс анализировал разведданные: шестьдесят советских дивизий стояли по периметру сталинградского «котла». Еще восемьдесят советских дивизий на юго-западе готовы были отбить «силы спасения». 25 ноября до ближайших немецких войск Паулюс отстоял минимум на тридцать пять километров.

Между тем у Манштейна нарастало раздражение против непредвиденных сложностей в организации операции по спасению 6-й армии. Своим приказом Гитлер изъял из ударной группировки Манштейна 17-ю танковую дивизию. Он расположил ее к западу от окруженных сил Паулюса, опасаясь продвижения Красной Армии в западном направлении. Армия Венка, переименованная в «боевую группу Холлидт», подвергалась между тем растущему давлению со стороны тех частей, которые Москва собирала для реализации плана «Сатурн».

Началась гонка со временем. Советское командование спешило воспользоваться благоприятной возможностью и запереть миллион немцев на Юге. Манштейн спешил (подготовленный план он назвал «Wintergewitter» — «Зимний шторм»), куда запертые окруженные войска не потеряли боеспособности. Манштейн определенно понимал, что отсрочка даже на несколько дней может быть фатальной.

Гитлер имел свои мании и фобии. Одной из них было нежелание уходить с Кавказа. 18 декабря его в Вольфшанце посетили министр иностранных дел Италии Чиано и командующий итальянскими вооруженными силами маршал Уго Кавальеро. Никогда прежде союзническая встреча не происходила в бункерах близ Растенбурга. Гитлер сдержался — лишь раз упомянул о 8-й итальянской армии, растаявшей под советскими ударами. Он попросил итальянцев требовать больше жертв от населения и отвечать за Северную Африку. Чиано отметил «печаль сырого леса и скуку коллективной жизни в командных бараках». Чиано обладал достаточной трезвостью ума, чтобы понять: самоуверенные немцы перенапряглись. Теперь министр (и зять Муссолини) лелеял лишь одну идею — попытаться договориться с Советским Союзом, пока не поздно. Гитлер, на удивление, даже не вскипел. Его аргумент: все равно в очень

короткое время ему придется, даже в случае достигнутого компромисса, воевать с тем же Советским Союзом — но уже усилившимся, если позволить войне остановиться на текущем эпизоде.

В Германии не знали о сталинградском окружении, и население в общем и целом полагало, что русское наступление севернее и южнее Сталинграда отбито. Но продолжаться до бесконечности игра в невежество не могла. Через три недели после начала советского наступления ведомство Геббельса произвело преднамеренную «утечку информации». Но и тогда сведения были столь искаженными, что никакой существенной тревоги среди германского населения это не вызвало. Так продолжалось весь декабрь 1942 года.

Офицерский корпус, взволнованный происходящим между Волгой и Доном, разделился на две фракции. Одни говорили, что русские никогда не упустят такую возможность и не упустят добычу ни при каких обстоятельствах. Другие, вопреки всему, продолжали верить обещанию Гитлера прийти на помощь. Генерал Паулюс принадлежал ко вторым. Во внутренних беседах Паулюс уже сказал вещице слова: «Я знаю, что военная история уже вынесла мне свой приговор». Но в практической жизни Паулюс действовал пока еще так, словно ничего экстраординарного не случилось, словно все поправимо. Более того, Паулюс придал смысл высочайшему безумию словами, обращенными к солдатам: «Держитесь! Фюрер спешит нам на помощь!» Для неподчинения приказу сверху — для неподчинения Гитлеру и самостоятельных действий — нужен был более твердый характер и сильная воля, собственное мировидение. Почивавший на чистых простынях (!) в отделанном деревом блиндаже, имевший железную печку Паулюс — штабной офицер-везунчик — не подходил на роль прусского генерала фон Вартбурга, неподчинившегося приказу Наполеона в декабре 1812 года. На эту роль скорее мог претендовать фон Манштейн, но все подходы к нему с целью направить ход событий по пути неподчинения приказу Гитлера, встречали с его стороны твердый отказ. «Прусские фельдмаршалы не бунтуют», — так он сказал во время встречи с представителями группы армий «Центр». Германская военная элита предпочла погубить армию и страну, но выполнить самый безумный бефель — приказ вышестоящего. (Манштейн спасет свою жизнь после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, но вскоре потеряет все остальное).

Во второй половине дня 19 декабря Паулюс инспектировал часть своего фронта. Апатия солдат, медленные движения, безучастные взгляды — все это говорило о том, что боевая сила его войск стремительно убывает.

Наступившие морозы внесли чувство обреченности. Главный паталогоанатом 6-й армии доктор Гиргензон вскрывал умерших и видел, что не раны и не контузии вызывают летальный исход. Солдаты умирали от странной причины, так и не выявленной лучшими армейскими медиками — сочетание недоедания, переохлаждения и нервного стресса. В этом отношении будущее вообще не обещало «крепости Сталинград» ничего хорошего.

Увеличилась эффективность советской пропаганды, деятельное участие в которой стали принимать немцы-антифашисты Вилли Бредель, Вальтер Ульбрихт, Эрих Вайнерт. Усилители передавали тиканье часов, а скорбный голос оповещал, что каждые семь секунд гибнет один немецкий солдат. Солдаты теперь читали советские листовки, особенно действенными были те, где говорилось о покинутом доме. Германская армия порушила десятки тысяч советских домов, но теперь ее заставили вспомнить о собственном. Теперь немецкие солдаты серьезно относились к обещаниям сохранить в плену жизнь. Инстинкт самосохранения силой природы вышел все же из-под рабской покорности режиму, лояльности идеологии.

В Гумраке, по возвращении, Паулюса ожидал начальник разведки группы армий «Дон» майор Айсман (близкий друг генерала Шмидта), посланный Манштейном для координации действий затаившегося Паулюса и рвущегося к нему Гота. Айсман прибыл в Гумрак без десяти восемь утра 19 декабря. Присутствовали начальник штаба Шмидт, два командующих корпусами, помощник Паулюса по оперативным вопросам и генерал-квартирмейстер 6-й армии. То была драматическая беседа. Много прояснилось, но многое осталось и «за скобками». Айсман обрисовал ситуацию, какой она виделась из Новочеркасска. Спасительная операция Гота, лишенная авиа- и прочей поддержки, может продлиться всего лишь еще несколько часов. Центр внимания смещается на поражение итальянских войск, Гот может понадобиться для их спасения, а это значит, что Паулюса предоставят собственной судьбе. Но даже если Готу несказанно повезет и он пробьется к Сталинграду, это будет означать не снятие блокады, а весьма краткосрочное приоткрытие двери для заблокированного гарнизона. И надежда на это весьма призрачна: продвижение 4-й танковой армии остановлено между реками Мышкова и Аксай. В лучшем случае Гот сможет пробиться на 30–40 километров за реку Мышкова к Бузиновке, где Паулюс надеялся встретить его. Айсман просил Паулюса постараться продвинуться еще на двадцать пять километров южнее — навстречу Готу.

Паулюс признал, что на него произвело впечатление это экспозе. И Паулюс и Шмидт горячо поддержали идею ухода с берегов Волги. Но этот отход надо самым точным образом синхронизировать с действиями извне и операцией по воздушному вывозу. Только в этом случае можно будет сконцентрировать силы и добиться успеха общими силами. Поддерживаемый Шмидтом, Паулюс пообещал пробить кольцо в самое ближайшее время. Но 6-я армия (и Паулюс подчеркнул это «но») не будет боеспособной без получения горючего, боеприпасов, продовольствия. Танки, при всей их малочисленности, должны получить горючее. Ныне в их баках горючего ровно на двадцать километров пути, что не позволяет даже участвовать в прорыве кольца.

Спор шел по следующему моменту: Айсман просил участвовать в прорыве кольца при любом раскладе сил, а Паулюс и Шмидт абсолютно настаивали на предварительном снабжении ослабевших войск. Шмидт выразился предельно ясно: неудача помощи по воздуху делает самостоятельные боевые действия 6-й армии невозможными. «Армия будет оборонять свои позиции до Пасхи, если ее будут лучше снабжать». Присутствовавшие генералы обрисовали ужасающую картину ослабления армии, ее тающую боеспособность.

Айсман слышал артиллерийский огонь, здание сотрясалось от разрывов. Жалкий обед тоже произвел должное впечатление. Мрачный и раздраженный, Айсман тем не менее желал донести основную идею Манштейна — настаивал на необходимости активного прорыва изнутри, навстречу танкам Гота. Погоду ругать бессмысленно, малые объемы помощи по воздуху — практически неизбежная участь. В этом обсуждении Паулюс терял свою знаменитую безмятежность. В конце долгого разговора он выразил мысль, что прорыв изнутри является «очевидной невозможностью». Да и в любом случае фюрер запретил эвакуацию Сталинграда.

После прощания с Айсманом Паулюс взялся писать письмо супруге. Как обычно, в его письме не было жалоб. Он постарался даже закончить письмо на оптимистической ноте. «У нас сейчас действительно тяжелые времена. Но мы переживем. А после зимы наступит еще один май».

После отчета Айсмана первым порывом Манштейна было снять Паулюса и Шмидта со своих постов и заменить их офицерами своего штаба. Затем его привлекла мысль возвести на эти посты старших офицеров самой 6-й армии. Но времени было в обрез, и заниматься кадровыми перестановками тогда, когда Гот стоял на реке Мышкове, было рискованной игрой в плохую бюрократию. Да к тому же ОКХ (и, конечно

же, Гитлер) не одобрит подобных шагов. Манштейн предпочел сделать звонок Цейтцлеру, с которым он пока еще, казалось, находил общий язык. «Я считаю, что прорыв в юго-западном направлении является последней возможностью сохранить хотя бы основу войск, хотя бы мобильные элементы 6-й армии». Ответа не поступало несколько долгих часов, и Манштейн передал по телепринту прямо Паулюсу: «Шестая армия начнет операцию „Зимняя буря“ в максимально короткий срок».

В последовавшие сутки Паулюс выходил на связь с Новочеркасском многократно. Он излагал возражения. Во-первых, для подготовки прорыва понадобятся минимум шесть дней. Во-вторых, перегруппировка создаст для 6-й армии критически рискованную ситуацию на севере и на западном направлении. В-третьих, употребленные в пищу лошади предопределили нехватку тягловой силы. Особенно в условиях исключительного мороза. В-четвертых, топлива у него всего на тридцать километров. 21 декабря Манштейн, разговаривая с Вольфшанце, сделал последнее усилие уговорить Гитлера приказать 6-й армии двинуться на юг. В ответ Гитлер повторил аргумент Паулюса, что у того бензина недостаточно для того, чтобы дотянуться до Гота. «Он говорит, что в настоящее время не может прорваться».

Теперь и Манштейн ослабил напор. Он понял две вещи: 6-я армия нужна Гитлеру для того, чтобы сковать семь советских армий, вопрос о ее спасении в Вольфшанце стал уже неуместен; привязанность к Готу грозит ослаблением его собственного левого фланга — его самого начали обходить слева советские войска, его лучшие танки гибли бессмысленно на крайней восточной оконечности его фронта, ему грозил Сталинград в квадрате.

В рождественское утро, когда температура пала до минус двадцати пяти и вода в бомбовых воронках промерзла до дна, дежурный офицер 6-й армии сделал следующую запись в штабном журнале: «За последние двое суток не прибыло ни одного самолета. Горючее и боеприпасы на исходе». Паулюс посылает Цейтцлеру телеграмму: «Если в ближайшие дни мы не получим сверхнормативного продовольствия, в войсках следует ожидать резкого скачка смертности в результате истощения». Главнокомандующий еще питал иллюзии, что летчиков задерживают снежные бури, он не знал о походе танковой группы генерала Баданова, лишившего немцев аэродрома в Тацинской, а вместе с ним и последней надежды на подлинную помощь «крепости».

Василий Гроссман описывает ситуацию в 6-й армии так: «Они сидят там как пещерные люди каменного века, пожирая поджаренную на костре

конину, среди руин прекрасного города, который они сами разрушили». Письма — эти личные и самые доверительные документы — говорят об одном: у осажденных и осаждающих было различное восприятие жизни. Знойная тоска по дому и растущая уверенность в победе, вот два главенствующих мотива писем немецких и советских солдат. «Мы начали теснить фрицев и загнали их в окружение. Каждую неделю несколько тысяч немцев сдаются в плен, а еще больше гибнет в боях». Начальник медслужбы 6-й армии запретил эвакуацию обмороженных на том лихом основании, что они могли это сделать специально. Русских пленных перестали кормить вообще — каждый день среди них умирало в среднем двадцать человек. Отмечены были случаи людоедства.

Восход «Сатурна»

19 декабря генерал Чуйков впервые за два месяца пересек Волгу. Его взгляд на город с середины реки, когда он внезапно обернулся, описан многократно. Этот город был для него братской могилой боевых соратников. Больше он не оглядывался, не было сил. На левом берегу уже ждали командира 62-й. Здесь были артиллеристы, поддерживавшие его огнем в самое тяжелое время. Здесь раненые хотели увидеть своего командира. Русский праздник продлился за полночь, и славный генерал возвратился в город-призрак поздно. Снег хрустел под ногами, наступала хорошая волжская зима, время, когда русскому человеку хорошо.

Обидно прозевать достижимое. Одним ударом решить гигантскую задачу — освободить не только Волгу, но и весь Дон, Северный Кавказ, выйти к Украине. Советские генералы уже рвались к «Сатурну». Тактика была отработана прошлой зимой под Москвой: наступление на достаточно широком фронте с тем, чтобы рассредоточить силы противника, не злоупотреблять концентрацией войск на узком участке, учитывая великое искусство немцев в маневренной войне.

Голиков и Ватутин представили свои планы довольно быстро, и Ставка уже 2 декабря утвердила их. В качестве координатора действий двух фронтов от имени Ставки выступал генерал Воронов. Но он же и потребовал отложить начало «Сатурна», первоначально назначенное на 10 декабря. Проблемы снабжения для Красной Армии стояли не менее остро, чем для вермахта. Перемещение огромных масс войск требовало значительного времени. По новой схеме «Сатурн» должен был начаться 16 декабря. И начался бы, если бы, во-первых, не действия танковой группы Гота, посланной Манштейном освобождать Паулюса. Во-вторых, если бы 5-я танковая армия Романенко сумела вовремя очистить район нижнего течения реки Чир. Здесь взятие Тормосина и Морозовской виделось предпосылкой начала операции «Сатурн». Только полностью гарантировав себя от неожиданностей прорыва Паулюса в этом месте, на западном направлении, можно было думать о броске к Ростову. Для этого нужно было выйти к Лихой — тогда в руках Красной Армии оказался бы главный железнодорожный центр группы армий «Дон» и путь на Ростов открылся бы во всей желанности.

Начнем с Романенко. Он начал свое наступление на юго-запад 30 ноября 1942 года на фронте в 50 километров силами 50 тысяч человек, 900

орудий и минометов при поддержке 72 танков. Цель — взять к 5 декабря территорию от Морозовской до Лозной, лежащей в сорока километрах от Морозовской. Недельные бои не дали желаемых результатов, но они произвели большое впечатление на Манштейна, и он был вынужден выделить на защиту нижнего Чира бесценный для Паулюса 48-й танковый корпус. Советское командование, видя сложности Романенко, выделило в помощь ему 5-ю ударную армию, 7-й танковый корпус генерала Ротмистрова (252 танка) из резерва Ставки и ряд других частей. Весь день 10 декабря Василевский изучал соотношение сил. «Дон», стоящий на пути «Сатурна», имел, как теперь знал Василевский, тридцать дивизий, семнадцать из которых стояли непосредственно перед Юго-Западным фронтом и частью Сталинградского фронта. Теперь прямо перед советской 5-й ударной армией стоял 48-й танковый корпус немцев. От пленных Василевский узнал, что 17-я танковая дивизия расположена в резерве и дислоцирована в Тормосине.

Если Василевский смотрел на Тормосин, то Еременко все свое внимание обратил на восточный фланг, на Котельниково. В начале декабря посланные сюда две кавалерийские дивизии были уже жестоко ослаблены в боях местного значения и уже не могли быть прочным заслоном на пути того, кто избрет именно Котельниково отправной точкой марша на Сталинград.

11 декабря Василевский провел весь день в командном пункте Ротмистрова (7-й танковый корпус), и было решено в идеале разъединить котельниковскую группировку немцев от нижнечирской, используя для этого неожиданный бросок 7-й танковой и двух стрелковых дивизий для захвата немецкого опорного пункта в Рычковской. (Котельниково в этой схеме прикрывала 51-я армия генерала Труфанова — довольно сильно ослабленная предшествующими боями). Именно в эту картину неожиданно вошел Гот, устремившийся через Котельниково к сталинградскому котлу.

В соответствии с планом Манштейна действительно значимые исторические события германские силы спасения начали осуществлять на южной границе котла — в 75 километрах от ближайшей точки сталинградского кольца окружения. 17-я (наконец-то отданная Гитлером Манштейну) и 6-я танковые дивизии вермахта заняли место в авангарде группы Гота, который изготовился для форсированного движения на северо-восток, с отчаянным самоотвержением стремясь пробиться к Паулюсу. Манштейн получил от Гота сообщение, что к тому прибыла 17-я танковая дивизия и теперь Гот более спокоен — теперь его 4-я танковая армия имела три танковые дивизии и необходимые силы сопровождения.

Теперь Гот, по мнению Манштейна, был сильнее любых советских войск, идентифицированных на его пути на данный момент. Если он ворвется в Сталинград и получит поддержку 22 дивизий Паулюса — он станет самой неудержимой силой на юге России. Баланс сил сместится на глазах. А Красная Армия, даже если она победит на всех фронтах, но выпустит Паулюса, окажется в неизбежном проигрыше.

Именно здесь грянул гром, группа спасения «Сталинградской крепости» начала свой марш из Котельникова. Выкрашенные в белый цвет танки и грузовики 6-й танковой дивизии 57-го танкового корпуса, укрепленные наземной частью летчиков и охраняемые с флангов остатками 4-й румынской армии, после довольно короткой артподготовки рванулись на северо-восток в раннее темное время — в пять часов пятнадцать минут 12 декабря 1942 года. «Покажите-ка им, ребята!» — напутствовал всех головной танк полковника Хунерсдорфа. До собственно Паулюса было 115 километров. Гитлер очень рассчитывал на батальон новых танков — 56-тонные «Тигр-1», вооруженные гораздо более мощной, чем у прежних стандартных германских моделей, 88-миллиметровой пушкой. В арьергарде автомашины различного типа везли три тысячи тонн боеприпасов, горючего и продовольствия.

Гитлер в эти часы 12 декабря совещался с Цейтцлером и Хойзингером в Вольфшанце. Цейтцлер сделал общий обзор ситуации на Восточном фронте. Сталинград должен быть сохранен в немецких руках, — снова приказал Гитлер. Его впечатлило общее число вылетов в Сталинград. Ему особенно не разъяснили, что не все самолеты доносили свой груз в Питомник, что возросла активность советской авиации, что зенитные орудия русских работают все лучше, что степь застлана обломками германских самолетов. Все глаза были обращены на Котельниково.

Танки весело катили вперед с приличной скоростью в двадцать километров в час. Мороз сковал землю, слегка запорошенную снегом. Дорога была почти плоской. Немцам противостояла 51-я советская армия, потерявшая в ходе ноябрьского окружения немцев половину своего состава, и три танковые бригады. Периодически эти танковые бригады пытались нанести удар по противостоящим немецким частям, но без особого успеха. Что реально беспокоило немцев, так это серо-свинцовое небо, исключавшее применение авиации. Еще их беспокоил длинный «хвост» вспомогательной колонны (восемьсот тяжелогруженных грузовиков), отстававшей от головной части на двадцать-тридцать километров. Немцев поразила легкость первых успехов — ничего серьезного не было им противопоставлено на весьма большом по

протяженности участке их танкового пути. Первые же выстрелы заставляли русских отходить, это было неожиданно. Но лично Гота это настораживало: в условиях отсутствия авиационного контроля танки русских могли вывернуть неожиданно.

Немцы не могли тогда знать, что начало «Сатурна» назначено вначале на 10 декабря, а затем перенесено на 16 декабря и глаза советских генералов прикованы к долине Дона — значительно западнее. Взятие Тормосина и Морозовска будет впечатляющей прелюдией к «Сатурну», затем наступит очередь Тацинской и Лихой. Тогда уже на горизонте обозначится Ростов — ключ, который замкнет миллион немцев на русском юге.

Еременко предупреждал о слабости котельнических позиций. Сюда в конце ноября были переброшены две кавалерийские дивизии из 4-го корпуса, но они были довольно сильно потрепаны в декабрьских боях. Более всего Еременко беспокоила отгрузка в район Котельникова 6-й танковой дивизии. Немцы танковыми дивизиями не разбрасываются. Просьба к Сталину о подкреплениях на котельническое направление была отклонена, того (как и всех вокруг) магнетизировал «Сатурн».

Когда движение немецких танков было окончательно идентифицировано, Еременко гораздо более настойчиво обратился к Сталину и услышал в ответ: «Держитесь, мы пошлем вам подкрепления». Смысл драмы, как представляется, понят не был.

То была самая азартная игра Второй мировой войны. Победитель получал все. Сейчас, по прошествии времени, мы можем смело сказать, что ни Гитлер, ни ОКХ во главе с Цейтцлером, ни Паулюс в своем окружении не видели исторической важности момента. Представляется, что Сталин был отвлечен. Особую, спасительную роль сыграл Василевский. Если бы руководство вермахта прозрело, оно, как минимум, должно было отдать приказ 6-й армии пробиваться навстречу Готу. Если бы 200 тысяч германских войск, даже будучи ослабленными и теряющими надежду, рванулись в южном направлении, судьба крупнейшей битвы Второй мировой войны повисла бы над неизвестностью.

17 декабря 1942 года 17-я танковая дивизия немцев укрепила движущуюся на север ударную силу. Следующей целью был переход через реку Мышкову.

На четвертые сутки операции, 18 декабря, Манштейн обращается непосредственно к Цейтцлеру, требуя «предпринять немедленные шаги по организации прорыва 6-й армии навстречу 4-й танковой армии» (и в этот же вечер посылает к Паулюсу начальника своей разведки майора Айсмана

для координации действий Паулюса и Гота).

В полдень 19 декабря Гот взял станицу Верхне-Кумскую и немедленно получил приказ: двигаться на Васильевку — в двадцати с лишним километрах, где через реку Мышкову стоял мост. Оттуда до «котла» оставалось всего 35 километров. Немцы мчались по зимней степи, воодушевленные быстрым взятием Верхне-Кумской. Довольно внезапно они попали под артобстрел, но был приказ «не останавливаться», не втягиваться в бои, где они неизбежно застряли бы. На большой скорости им удалось проскочить опасную зону, оставляя после себя несколько горящих танков. Манштейн постарался немедленно успокоить Паулюса: «Все нормально с 6-й танковой дивизией сегодня, она захватила сектор реки Мышкова».

Это был воодушевлявший германских танкистов момент. Звездная ночь опустилась над пустынной степью. Ночной воздух бодрил, луна освещала дорогу, снег мягко стлался. В десять вечера — короткая передышка и дозаправка топлива. Впереди гряда невысоких холмов. Далее произошло нечто странное. Из расположенных неподалеку окопов и укрытий к танкам высыпали советские пехотинцы, сыпя шутками и прибаутками. Немцы затаили дыхание. Русские явно были уверены, что находятся среди своих. Немцы в ответ молчали. Кто-то повел танковым пулеметом. Внезапно ударил пулемет и наших солдат словно сдуло ветром. Германские танки бросились вперед, бой на подступах им был ни к чему.

Когда предрассветные огни окрасили горизонт 6-я танковая дивизия немцев вошла в небольшую деревушку на берегу реки Мышковы. Наступало 20-е декабря. В неясном освещении буквально из-под гусениц германских танков выскочил советский штабной легковой автомобиль и вырулил к драгоценному мосту, ведущему к расположенной на противоположном берегу Васильевке. Все это случилось так неожиданно, что немцы обомлели. На заднем сидении автомобиля виден был офицер в каске. Был и исчез.

Немцам уже повезло. Мост был цел, и вся колонна быстро прошла по нему на северный берег, сразу же образовав круговую оборону. Ждали грузовики с горючим и боеприпасами. Но на этом боевое счастье 6-й танковой дивизии немцев окончилось. Впереди стояла столь бесценно поднятая Василевским к бою Вторая гвардейская армия, посланная предотвратить прорыв кольца извне. Вот дневник боевых действий 11-го танкового полка немцев за 20-е декабря 1942 года (6 часов утра). «Постепенно возрастающее сопротивление становится все более жестким с каждым часом... Наши силы недостаточны — двадцать один танк без

горючего и две слабые наступательные роты — этого недостаточно, чтобы расширить плацдарм».

А Паулюс и Шмидт продолжали переговариваться по своей уникальной линии связи. Завышенные ожидания с одной стороны, неясное представление о целях и возможностях сталинградской группировки — с другой. Между тем в Сталинграде начали умирать первые жертвы голода. Мороз опустился до минус тридцати градусов. Прошли времена, когда устрашающие городские руины представляли собой одновременно укрытия. Теперь это были пещеры ледникового периода, спрятаться в них означало, как минимум, отморозить конечности. А войска окружения становились все более активными. Журнал 6-й армии живописует отчаянные бои на разных направлениях кольца окружения.

Между тем в Москве уже знали о планах Манштейна. Из Швейцарии «Люси» добывала ценнейшие материалы, благодаря которым Жуков и Василевский знали о предстоящих действиях фельдмаршала. Но знание не всегда оборачивается пользой.

Как уже говорилось выше, узнав о продвижении Гота, Еременко немедленно позвонил Сталину — ситуация менялась кардинально, немцы нашли-таки силы для действий по спасению Паулюса. Теперь стало ясно, где они решили приложить эти силы. (Сталин был жестко краток: «Держитесь, мы пришлем вам подкрепления»). Еременко почувствовал, как из-под него уходит земля. Первым делом он постарался создать ударную группировку во главе со своим заместителем генералом Захаровым, чтобы остановить движение врага, уже переходившего Аксай. В ночь с 12 на 13 декабря Вольский всего с 70 устаревшими танками занял позиции севернее Аксая в Верхне-Кумской.

Василевский — ключевой в данной ситуации человек — был в Аксае в день начала немецкого броска вместе с Хрущевым, членом военного совета Сталинградского фронта. Узнав грозную весть, Василевский поспешил в штаб Донского фронта, где уведомил Рокоссовского и Малиновского о грянувшей с юга грозе. Василевский потребовал от командующих фронтами — и прежде всего от Рокоссовского — выделения частей, которые встанут на пути Гота. Но приказать им Василевский мог только через Сталина. Однако установить связь с ним оказалось невозможным на протяжении нескольких часов. В Верхне-Царицыне шел военный совет, где Рокоссовский защищал своих танкистов. Рокоссовский отказывался посылать свою Вторую гвардейскую армию от Сталинграда на юго-запад. Он аргументировал свои действия опасениями ослабить давление на немецкий «котел», ослабить его стенки. Долгая словесная битва была

бессмысленной, Рокоссовский подчинится только приказу Сталина. Василевский знал, какая гроза движется с юго-запада, но был пока бессилён. Он нервно ходил по двору и спрашивал относительно связи с Москвой. Немцы к тому времени подошли к первой из двух водных преград — реке Аксай.

Глубоко ночью Василевский наконец связался со Сталиным и пытался объяснить опасность, исходящую от Манштейна. Сталин не разобрался в ситуации и достаточно грубо отчитал Василевского за якобы имевшее место самоуправство, за приказы Рокоссовскому без их предварительного согласования с Москвой. Сталин был груб в худшей своей форме. Он обвинял в разбазаривании резервов Ставки. Относительно предложения направить 2-ю гвардейскую армию Сталин обещал «подумать».

Обычно несколько флегматичный Василевский вскипел — ведь решалась судьба страны. Сталин пообещал, что Ставка (главой которой он являлся) рассмотрит его предложение в течение ночи и грубо опустил телефонную трубку. Настроение Василевского, сидящего в маленьком Заварыкине, можно себе представить. Немцы готовились к штурму позиций севернее Аксая. Советские войска готовились отразить атаку. А если их сил окажется недостаточно? Только в пять часов утра просвещённый разведкой Сталин позвонил и полностью согласился с идеями Василевского. Второй гвардейской армии было приказано выступить навстречу тому, кто хотел украсть плоды Сталинградской победы, против южного кулака немцев. В течение тридцати шести часов все планы как в отношении Паулюса, так и в отношении «Сатурна», были пересмотрены.

В общем и целом именно бросок Гота смешал карты хорошо подготовленного плана. В ночь на 14 декабря Воронов, Голиков и Ватутин получили от Сталина объяснение изменения стратегического замысла. Словами того времени: от «Большого Сатурна» к «Малому Сатурну» — перенаправить направление атакующих войск с юга на юго-восток, фактически в тыл танкам Гота. В отсутствие других частей Труфанов со слабыми стрелковыми частями (51-я армия) старался остановить неукротимых немецких танкистов.

Возможно, немалую роль сыграл Жуков, весьма опасавшийся в погоне за большим («Сатурн») упустить свой самый большой приз — замерзающего Паулюса.

Сталин писал:

«Первое. Операция „Сатурн“, направленная на Каменск — Ростов была замыслена тогда, когда общая ситуация складывалась в нашу пользу,

когда у немцев не было более резервов в районе Боковской — Морозовска — Нижне-Чирской, когда 5-я танковая армия успешно наступала на Морозовск и когда казалось, что наступление с севера будет поддержано наступлением с востока, устремленным к Лихой. В этих обстоятельствах предполагалось, что 2-я танковая армия двинется в район Калача и разовьет успешное наступление в направлении Ростова — Таганрога.

Второе. За последнее время ситуация начала развиваться не в нашу пользу. 5-я танковая армия Романенко и 3-я гвардейская армия Лелюшенко перешли к обороне и не могут наступать; с запада выступают несколько пехотных дивизий и танковых формирований, сдерживающих советские войска. Следовательно, наступление с севера не получит прямой помощи Романенко с востока, вследствие чего наступление в направлении Каменска — Ростова не обещает успеха. Я должен сказать, что 2-я гвардейская армия не может более быть использована в операции „Сатурн“, поскольку она задействована на другом фронте.

Третье. В свете всего этого необходимо пересмотреть операцию „Сатурн“. Пересмотр заключается в том, что главный удар должен быть нанесен не в южном направлении, но в юго-восточном направлении, на Нижний Астахов с выходом к Морозовску для того, чтобы ворваться в тыл армейской группировки противника...».

Голиков (возможно в свете опыта 30-х годов) немедленно согласился с пересмотром стратегии. Но более молодой Ватутин всячески пытался спасти «Большой Сатурн». Он настаивал на подчинении ему 17 танкового корпуса. По его убеждению, 6-я армия должна была нанести удар в направлении Марковка — Четковка, а 17-й танковый корпус на Волошино — к западу от Миллерово. Жаркое взаимное объяснение в ночь на 14 декабря показало, что Ватутин полон решимости «действовать по максимуму». Но днем 14-го Генеральный штаб вмешался довольно решительно: переходим к «малому Сатурну». Теперь судьба Малиновского была теснейшим образом связана с судьбой Гота. Кто-то из них должен был выиграть или проиграть вчистую. Малиновский получил помощь — немцев останавливала не только его Вторая гвардейская армия, грудью вставшая на пути танков Гота, но и «Малый Сатурн», обещавший зайти в тыл танкистам Гота.

И где сам Гот? Не вырвался ли он на стратегический простор, оставив позади русских зевак, главный герой фольклора которых спал тридцать три года на печи? Как пишет в воспоминаниях Еременко, «восточнее линии Ивановка — Аксай не было ни одного человека. Если бы противник нанес удар вдоль железнодорожной линии на Абганерово и со стороны Цыбенко

на Зету, это поставило бы наши войска в исключительно тяжелое положение».

Но даже слабые части сражались. Против новых германских «Тигров» выкатились модернизированные 57- и 76-мм противотанковые пушки. 13-й танковый корпус горел, но не отходил. Еременко передал отправляющемуся на дорогу Гота Малиновскому 4-й механизированный и 4-й кавалерийский корпуса.

Паулюс, начиная с 12 декабря, также с огромным нетерпением ждет сведений о движении Гота. Дневник 6-й армии за этот день свидетельствует о грозных для командования процессах внутри сталинградского котла, о признаках начинающегося распада. «Пищевые рационы уменьшаются, начиная с 26 ноября. В результате очередного сокращения 8 декабря боевые способности войск ослаблены. В настоящее время военнослужащим выдается одна треть нормы. Отмечаются потери ввиду истощения». Понятно, что выход танков Манштейна в 8 часов утра 13 декабря на северный берег реки Аксай был воспринят в 6-й армии как луч надежды. Для советского кольца вокруг группировки Паулюса это был удар в набат. Весы истории опять покачнулись в страшном для нас направлении.

Генерал Паулюс приказал десяти радиооператорам не отрываясь следить за радиоэфиром. Сигналы слабых танковых раций звучали победным громом для «крепости Сталинград». В эфир вошли советские глушители, было сделано несколько попыток дезинформировать замерших в ожидании защитников «крепости». Но важнее были не эти эпизоды психологической войны, а те боевые действия, которые продолжала вести словно восставшая из пепла 62-я армия в Сталинграде. Хотя и здесь психология была важна. Из заснеженного Куйбышева, где в лишениях и тревоге жила семья генерала Чуйкова, где тяжело болела его ослабевшая дочь, жена писала своему мужу: «Дорогой Василий! Я знаю тебя двадцать лет и знаю твою силу. Невозможно представить себе, что какой-то Адольф победит тебя. Этого никогда не случится. Бабушка, наша соседка, встречает меня каждое утро и говорит: „Молю Господа за Василия Ивановича“». И когда Чуйков демонстрировал несгибаемый дух непокоримого народа, в этом была заслуга всех тех, кто не жаловался на лихолетье военной поры и, скрепя сердце, ободрял своих близких, вышедших на смертный бой.

Сейчас они нуждались в ободрении. Умелый враг смело шел навстречу сталинградскому кольцу, грозя обесценить месяцы боев в городе и ноябрьский успех окружения. Успех или неудача зависели от способности советских частей остановить «группу спасения». Триста советских танков встретили утром 14 декабря авангард германской колонны. Вначале немцы

из 6-й танковой дивизии, увидев покрашенные в белый цвет танки, приняли их за свои. Дистанция сближения составляла менее полукилометра, когда командир первого танка закричал в микрофон «ахтунг!». Тридцать два наших танка дымились в поле у села Верхне-Кумское, из которого противник так и не был выбит. Но и этот бой задержал врага. А Паулюс готовил силы поддержки, готовые ударить по советским войскам в месте подхода передовых частей Манштейна. Авангардом направляющейся на юго-запад группы стал 53-й минометный полк. Паулюс смог придать ему только восемьдесят танков. Два строительных батальона должны были очистить узкую дорогу в добротных минных полях. Инженерный батальон строил дорогу.

Танкисты Гота видели зарево над Сталинградом. Все казалось доступным. Но сражение продолжалось, а русские умирали без паники. Нанося ощутимые удары, Гот после четырех дней боев довольно резко ослабил ритм своего продвижения. Верхне-Кумская оставалась неприступной. Немцы действовали достаточно просто. Они решили обойти деревню с запада. Но прибыв после флангового движения в поселок Заготскот, немецкие танкисты увидели укрепленные позиции, систему окопов и минных полей, остановивших их танки. Русские сражались отчаянно, они умирали, но не сдавались, даже когда танковые пушки били по их головам с расстояния в несколько метров. Практически обреченные, они все же дождались своих танков. Урча как затравленные звери, исчерпав боезапас и горючее, немецкие танки откатили в сумерках 16 декабря к негостеприимной земле между реками Аксай и Мышкова.

В небе были видны летящие к Питомнику грузовые самолеты, они увеличили получаемые Паулюсом припасы на пятьдесят тонн в день, что было существенно, но недостаточно. Немцы в кольце начали есть собак и стреляли по мышам. Одежда стала примерзать к телу. А 6-я танковая дивизия в семидесяти километрах от котла лихорадочно искала слабые места в советской оборонительной системе. А прибывающие с северо-востока советские части стремились вернуть Верхне-Кумскую. Для обеих сторон целью была река Мышкова. 17-я танковая дивизия немцев 17-го декабря наконец-то нагнала своих товарищей, и ее свежие силы позволили пересечь степную речушку тридцатиметровой ширины. Лед был прочен для перехода по нему солдат, но недостаточно надежен для танков. Два целых моста имелись в деревнях Шестаково и Ромашкино — где железная дорога, идущая с Кавказа, пересекала реку. Ночью слышна была перестрелка в Сталинграде — примерно в пятидесяти километрах к северу.

Следующие четверо суток были решающими. В общую картину

наконец-то врывается непосредственно за рекой Мышковой 2-я гвардейская армия. А правее и южнее 16 декабря начинается «Малый Сатурн». И было уже менее важно, что передовые танки Гота видят в студеном зимнем воздухе всполохи Сталинграда. На правый фланг группы армий «Дон» направляется гроза, способная обесценить проход танков Гота.

Когда очередной отряд «тридцатьчетверок» ворвался в село, немецкий офицер запросил разрешения оставить его. Но получил жесткий отказ — у немцев начали иссякать снаряды. На помощь авангарду Гота направился полковник Хунерсдорф с пятью ротами солдат и несколькими танками. Приказ: «Двигаться вперед на максимальной скорости, не обращая внимания на потери». Верхне-Кумское снова стало опорной базой движения к Сталинграду.

Неизвестно, подозревали ли немцы, но Жуков пристально наблюдал за движением Гота. В своем штабе в Старо-Черкасске он дважды в день получал сообщения о движении немецких танковых колонн к Сталинграду. Мы не знаем насколько хладнокровно Жуков воспринимал довольно легкое пока продвижение немцев — в это трудно поверить, зная сколь дорога ему была сталинградская операция и зная его темперамент. Но он все же хладнокровно выжидал — ведь и немцы играли ва-банк, страшно рисковали. (Во-первых, бросив вперед вовсе не максимально возможные силы; во-вторых, не организовав встречное движение Паулюса). Но Жуков достаточно хорошо знал о невероятной эффективности немцев, о таланте Манштейна, о превратности военной фортуны. Никогда — на протяжении всей войны, вплоть до берлинского бункера — Ставка и генеральный штаб не страдали недооценкой мощи вермахта, шапкозакидательством довоенного пошиба. Воплощая в себе эту осторожность и высокое представление о способностях противника, Жуков не мог бестрепетно смотреть на марш германских танковых колонн к Сталинграду.

Но он пока выставил против Гота лишь 130 танков — одну танковую, одну механизированную бригаду и две стрелковые дивизии. Почему? В нем, очевидно, тоже билась жилка того стратега, который не мог не надеяться на то, что, если советские войска нанесут достаточно успешный удар вдоль восточного берега Дона на юг и покажут реальность своего продвижения в немецкий тыл, то Манштейну — хладнокровному игроку — будет не до спасения 6-й армии. Над ним повиснет такой меч, который охладит самое горячее желание спасти сталинградскую группировку. Возможно, Жуков рассчитывал также на удар в стык центрального и южного участков советско-германского фронтов — здесь к наступлению спешно готовились две армейские группы во главе с Голиковым и

Ватутиным, сюда спешили последние три резервные армии.

При всех этих более отдаленных замыслах, Жуков, как мы уже говорили выше, ни за какие призрачные отдаленные триумфы не отдал бы главный приз своей достойной жизни — Сталинград. Он поручил дело остановки Гота человеку, которого поднял несмотря на предвоенные дикие обвинения, — генералу Рокоссовскому, который одной своей судьбой показал возможность большой дружбы с польским народом. Тот выделил лучшее, что имел, — 2-ю гвардейскую армию. В решающий момент, в период огромного напряжения — 19 декабря 1942 года на тропу Гота к Сталинграду вышла, совершив незабываемый степной подвиг, 2-я гвардейская армия Малиновского. Напомним, она стартовала от Бекетовки и после многодневного марша устремилась прямо в бой.

Снег слепил танковые жалюзи, переутомление стало едва ли не главным врагом, люди спали стоя, но никому не была позволена роскошь даже минутной паузы. В жизни Рокоссовского уже была неприметная и самая значимая в нашей истории подмосковная деревня Крюково. Теперь немцы делали вторую попытку, и Рокоссовский знал твердо — на реке Мышкова стоит его рубеж.

Несколько обстоятельств остановили Гота. Во-первых, его силы были относительно невелики, их могло хватить, может быть, на прорыв линии, окольцевавшей 6-ю армию силы, но дойти до Сталинграда и благополучно совершить обратный путь — для этого Готу нужна была еще одна танковая армия. Учтем при этом, что германская 4-я танковая армия несла неслыханные потери. 6-я танковая дивизия за один только день потеряла тысячу сто человек. Во-вторых, угроза левому флангу всей группы армий «Дон» могла перерасти в прорыв типа бадановского и в реализацию плана «Сатурн» во всем его объеме — в выход крупных сил Красной армии к Ростову, что, как уже говорилось, грозило запереть немецкие войска на Северном Кавказе. Манштейн не мог держаться за свой план, на кону была уже судьба не только Паулюса, но и всех германских войск на юге.

Манштейн уже четыре дня убеждал Гитлера и Цейтцлера издать приказ о начале операции «Donnerschlag» — «Удар грома», операции по эвакуации сталинградской группировки, интегральной частью которой была активная попытка самого Паулюса пробиться сквозь кольцо. Одновременно он, Манштейн, помог бы с внешней стороны окружения. Такой ход событий представлялся фельдмаршалу единственной возможностью спасти 6-ю армию, поскольку создание подлинного воздушного моста провалилось. Даже если танки Гота пробьются сквозь советский заслон, это практически будет означать лишь существование на

протяжении нескольких коротких дней узкого коридора спасения, по которому, увы, сумеют пройти далеко не все.

Генерал Цейтцлер в общем и целом соглашался с аргументами Манштейна. Это дало Манштейну надежду на согласие Гитлера, и фельдмаршал 17 декабря приказал главе своей разведки — майору Айсману отбыть в Сталинград для согласования деталей с Паулюсом. Но фюрер не был готов уйти с Волги. Для Гитлера в эти дни важнейшей была лишь одна мысль: «Слишком много крови пролито здесь немцами». В результате он категорически запретил Паулюсу покидать свою «крепость». Отступить, проиграть вторую зимнюю кампанию — ну, нет. Гитлер предпочел пожертвовать 6-й армией.

Какой смысл тогда было биться из последних сил, создавая «тропу спасения»? Чтобы передать Паулюсу рождественскую открытку? Укрепить сталинградскую группировку до степени ее самодостаточности Манштейн не мог — не хватало сил. В этих обстоятельствах Гот приказал 23 декабря своим танковым войскам отойти назад.

«Малый Сатурн»

В двухстах километрах к северо-западу от рвущегося к Сталинграду танкового кулака Гота началось второе советское наступление против северного фланга группы армий «Дон». Ширина фронта от Новой Калитвы на севере до Нижне-Чирской на юге была более 300 километров. В боевых действиях участвовали 425 тысяч человек (36 дивизий), 1030 танков, 5 тысяч орудий и минометов. Учитывая отвлечение Манштейна на операции по облегчению ситуации Паулюса, трудно было себе представить, откуда немцы возьмут силы для противостояния советскому движению на юго-восток.

Выполнение этой операции началось ранним утром (8 утра) 16 декабря 1942 года с традиционных артиллерийских залпов. Видимость была плохой и авиация осталась на своих аэродромах. Главная задача выпала на плечи 1-й (Кузнецов) и 3-й (Лелюшенко) гвардейских армий. Они по льду перешли Дон. Здесь эта ударная группировка советских войск во взаимодействии с Воронежским фронтом нанесла сокрушительный удар по 8-й итальянской армии. Успех обозначился уже в первый день. Ночью советские войска перегруппировались, снова выдвинули вперед артиллерию и расчистили минные поля. 17-го наступление продолжилось с новой силой. Танки получили новое топливо, и их моторы рычали далеко впереди.

5-я танковая армия Романенко нанесла впечатляющий удар по Нижне-Чирской. 72 часа наступления оказались достаточными для итальянских частей. Зрелище было впечатляющим. Тысячи итальянских солдат в полном беспорядке отступали по русскому морозу в южном направлении. Эти дороги были усеяны трупами замерзших. Бегство началось спонтанно, и оно было необратимо. Вместо рождественских каникул итальянцы получили возможность брести в необозримой степи неведомо откуда неведомо куда.

Советские войска несколько изменили направление наступления — теперь более к востоку с задачей достичь станицы Тацинской к 22 декабря, а Миллерова — к 24 декабря. Семидесяти двух часов оказалось достаточно, чтобы сокрушить весь румынский контингент. Дело пошло лучше, чем ожидалось. В свете этого Ставка 19 декабря придала Ватутину 6-ю армию и, что весьма важно, согласилась расширить рамки «Малого Сатурна».

На следующий день фельдмаршал Манштейн обедал в Новочеркасске с маршалом авиации Рихтгофеном. Ярость раздирала двух лучших

немецких командиров. Без согласования с ними Гитлер перевел две эскадрильи бомбардировочной авиации со сталинградского направления, что усугубляло положение «крепости». Рихтгофен: «Это предоставляет 6-ю армию своей судьбе». Оба они пришли к выводу, что представляют собой «двух санитаров в сумасшедшем доме».

Но через пару часов стало яснее, почему смертельно необходимые бомбардировщики сняты со сталинградского направления. Советское командование приступило к реализации плана «Малый Сатурн». В восьмидесяти километрах от Серафимовича советское наступление обратило в бегство две итальянские дивизии. Немцы пока не увидели всей широты советского замысла и направленности его на позиции немцев восточнее Ростова, воспринимаемые пока немцами глубоким и надежным тылом. Но Манштейну уже сейчас было ясно, что обращение в бегство итальянцев заставит немецкое командование прийти им на помощь, лишая таковой Паулюса. 6-я армия станет жертвой союзнической лояльности. Гитлер не бросит Муссолини.

Вечером 18 декабря Василевский, видя грядущий успех операции, предложил Сталину осуществить еще одну наступательную операцию. Речь шла об окружении 2-й германской армии, осуществление чего ликвидировало бы группу армий «Б» полностью. Намеченная дата — 24 декабря. В этот день Москаленко двинулся вперед в страшную зимнюю бурю при температуре минус двадцать. Танки 4-й танковой армии Кравченко двинулись вперед, и маленькие У-2 ночью сбрасывали им цистерны с горючим. Утром 28 декабря в наступление перешли войска Воронежского фронта, и два из трех корпусов германской 2-й армии оказались окруженными. На большом расстоянии — между Курском и Купянском германский фронт теперь держали только пять немецких дивизий (еще три были в резерве у Харькова). 31 января Василевский и Голиков убеждали Сталина начать движение в направлении Харькова. Идея была одобрена, и началось планирование операции «Звезда». Голиков сказал двум своим молодым офицерам — Черняховскому и Чибисову, что тот из них, кто возьмет Касторное, получит право наступать на Харьков.

17-й танковый корпус генерала Полубоярова ворвался в Кантемировку, представлявшую собой важный транспортный узел между Воронежем и Ростовом. Наступление было столь неожиданным, что на станции стояли вагоны с боеприпасами, а на улицах блестели никелем новенькие автомобили спешно бежавших офицеров. Отсюда произошел заметный поворот всех — начиная с 1-й и 3-й гвардейских армий — на юго-восток. Успех Полубоярова окрылил. Особенно ощутимо это было в действиях 24-

го танкового корпуса генерала Василия Михайловича Баданова. Пусть его героизм и хладнокровие не будут забыты. Бадановский корпус пошел почти прямо на юг сквозь деморализованные итальянские дивизии. Именно в этот день, 20 декабря, фельдмаршал Манштейн, привыкший видеть самостоятельность и удачу лишь у Гудериана и Гота, а не у русских танковых генералов, сообщает в ОКХ, что разгром итальянцев открывает русским дорогу на Ростов. Немцы лишь смутно начинают догадываться о масштабности действий Красной Армии и о продуманности ее действий.

Мимо советских танкистов, потеряв всякое впечатление о реальности, брели сотни итальянских солдат. Они были мало похожи на бравых берсальеров, которые прошлым летом любовались нашими гигантскими южными подсолнухами. Многие шли к местечку под названием Калмыков (пятьдесят километров к югу от Серафимовича). Все тяжелое вооружение отступающими уничтожалось. Депрессия была общим знаменателем на всех уровнях итальянского контингента. К утру тысячи итальянцев, забывших о дисциплине, добрались до маленького Калмыкова. Следующим пунктом сбора бегущей итальянской армии был назначен городок Мешков — еще далее к югу. Но в центре Мешкова уже были созданы советские оборонительные линии с тем, чтобы полностью выбить итальянский элемент из великой борьбы. Несколько неудачных атак — и итальянцы побрели уже назад, к Калмыкову. 21 декабря многих из них здесь пленила советская конница.

Что задумали русские? Ведь трудно предположить, что их действия — спорадическое и спонтанное проявление боевой удали. Каков план? Догадки немецких военачальников получили довольно неожиданное подтверждение. Утром 21 декабря офицеры разведки группы армий «Дон» допрашивали исполняющего обязанности командующего третьей гвардейской армией генерал-майора И. П. Крупенникова, довольно нелепо попавшего в немецкий плен накануне. Немцев прежде всего (и более всего) интересовал стратегический план советской стороны в сложившейся обстановке. Немцы обманули Крупенникова, сказав, что его сын ранен, но находится в немецком плену в хороших условиях. Генерал потерял самообладание. Крупенников признал, что у него в начале войны появились сомнения в отношении победы СССР, но когда он увидел, в каких нечеловеческих условиях содержатся советские пленные в германских лагерях неподалеку от Москвы, он более уже не считал немцев «сверхчеловеками». И ныне он не верит, что Германия может выиграть войну.

Самое важное. Генерал Крупенников — осознавая или не осознавая

важность того, что он сообщает немцам, — рассказал о «Сатурне», плане запереть в еще более грандиозное кольцо всю кавказскую группировку немцев посредством удара в направлении Ростова. Первая волна наступления 19–20 ноября между Серафимовичем и Клетской (к югу от Сталинграда) имела ограниченную задачу — взять в западню 6-ю армию Паулюса. Но вторая фаза, начавшаяся сейчас, направлена на то, чтобы «прорвать фронт итальянской восьмой армии к востоку от Серафимовича на Дону и обрушиться на германские войска у Морозовской». Окончательный приказ начать наступление на юг — на Ростов — еще не издан, но в свете успеха первого этапа и разгрома итальянцев, такой приказ скорее всего будет дан. Показания Крупенникова заставили Манштейна немедленно возвратиться в Новочеркасск.

Двумя днями позже командир 15-го стрелкового корпуса генерал-майор П. П. Привалов и его заместитель по артиллерии полковник Любинов были взяты в плен на дороге близ Кантемировка. Привалов отличился еще под Тихвином прошлой зимой и был послан на штабные курсы, по окончании которых ему вручили 15-й корпус. Теперь его, с осколками гранаты в голове, допрашивала германская разведка. От него немцы впервые узнали о введении с нового года офицерских погон и других мерах по укреплению престижа офицерского корпуса. Более важно для немцев было то, что они утвердились в знании главного замысла советского командования. Перед ними по Дону гуляла не танковая вольница, а происходило скрупулезное воплощение смелого и грандиозного замысла с далеко идущими последствиями. Взлетевшие в небо «рамы», как и радиоперехват, быстро распознавший 3-ю танковую армию, подтвердили целенаправленность происходящего — взятием Ростова была бы «окольцована» миллионная германская группировка.

Но преступная слабость одного или нескольких человек, даже занимающих столь важное положение, значила не так много по сравнению с тем, что происходило в решающем месте — на пути к тыловым коммуникациям армейской группировки «Дон». А здесь на арену отчаянной борьбы вышел доблестный генерал Баданов. Его танковый корпус проник в тылы противника на 200 километров, круша все на своем пути. 22 декабря 1942 года танки Баданова подошли к станции Тацинской, представлявшей собой один из главных опорных пунктов немцев на юге России. Здесь размещался крупный аэродром (отсюда Паулюс получал боеприпасы и провизию) и стратегически важный железнодорожный перевалочный пункт. И хотя от «своих» Баданова отделяли уже 250 километров и иссякало горючее и припасы, он рискнул и прошел сквозь

станцию Скосырскую — непосредственно к северу от Тацинской.

В 7 часов 30 минут утра 24-го декабря бадановский 24-й корпус произвел традиционную артиллерийскую подготовку, круша взлетающие самолеты противника в момент их взлета. Танки пошли вперед с бесшабашной русской смелостью. Один из них врезался в большой транспортный «Юнкерс-52» и оба исчезли в столбе пламени. Были разбиты 72 самолета противника, успели спастись 52 «Юнкерса» и 16 тренировочных самолетов.

Когда Баданов вышел к большому германскому аэродрому у Тацинской, от немецких летчиков поступили требования эвакуировать авиацию. Находясь на контрольной башне, генерал люфтваффе Фибиг (командир 8-го воздушного корпуса) видел, как русские снаряды уничтожили два огромных «Юнкерса-52». Лишь видя приближающихся русских, генерал нарушил приказ и приказал начать общую эвакуацию. Мимо контрольного пункта Фибига промчался Т-34. В шесть утра доложили, что русские окружили Тацинскую, и через восемь минут сам Фибиг был в воздухе. Последняя надежда спасения Паулюса лежала в обломках на взлетной полосе.

Решив дела на аэродроме и на железнодорожной станции, Баданов в половине седьмого вечера радировал командованию фронта, что боевую задачу он выполнил. Но позади, на пути к своим, уже стояли немцы, отошедшие от первого шока и полные решимости отыграться на Баданове. Тот докладывал 25-го, что в 24-м корпусе остались в строю всего 58 танков, что горючего мало, «корпус испытывал серьезную нехватку боеприпасов. Заменители дизельного топлива истощились. Прошу вас прикрыть с воздуха и ускорить движение пехоты, чтобы закрепиться на новых позициях. Прошу по воздуху сбросить боеприпасы». После этого он еще пятеро суток был отрезанным от своих. Но не было растерянности.

Ранним утром (в 5 часов утра) 26-го декабря ударная группа — небольшая колонна из пяти бензозаправщиков и шести грузовиков с боеприпасами, эскортируемая пятью тридцатьчетверками, пробила себе дорогу к Баданову. Через час генерал по радио узнал, что его корпус стал гвардейским, а он лично стал первым кавалером только что введенного ордена Суворова.

Немцы посчитали постыдным упустить жертву и ввели в дело все возможные наличные силы. Всю ночь немцы ожесточенно преследовали 24-й корпус, то же продолжалось и весь день 27-го декабря. В 6 вечера Баданов радирует Ватутину: «Ситуация серьезная. Нет снарядов. Тяжелые потери в личном составе. Не могу более удерживать Тацинскую. Прошу

разрешения прорвать кольцо окружения. Самолеты противника на аэродроме уничтожены». Но Ватутин приказал удерживать Тацинскую и «только если произойдет худшее», постараться вырваться. Ватутин доложил Сталину: «У Баданова 39 Т-34 и 15 Т-70. Я приказал Баданову защищать Тацинскую, но, в случае ухудшения положения, действовать по своему усмотрению».

После 23 декабря Манштейн выдвигает значительную часть своих сил против Баданова и его товарищей. Непосредственно на лихого советского генерала выдвинулась 11-я танковая дивизия. 6-я танковая дивизия отправилась на Нижний Чир. Теперь Гот не мог пробиться к Паулюсу. А если бы и пробился, то горстка его танков уже ничего не решала, поскольку Манштейн из-за «Сатурна» не мог стать его надежной базой и опорой. А как он мог пробиться, если к рассматриваемому времени против него, Гота, стояло уже девятнадцать с половиной дивизий — 150 тысяч солдат, 635 танков и более полутора тысяч орудий и минометов?

Сталин обсуждал радиogramмы Ватутина с Жуковым и вскоре к командующему фронтом была послана следующая радиogramма: «Ваша первая задача — не допустить уничтожения Баданова, пошлите ему на помощь Павлова и Руссиянова. Вы поступили правильно, когда позволили Баданову покинуть Тацинскую в случае ухудшения положения... Для превращения „Малого Сатурна“ в „Большой Сатурн“ мы уже послали вам 2-й и 23-й танковые корпуса. На следующей неделе вы получите еще два танковых корпуса и три или четыре стрелковые дивизии». Сталин добавил несколько позднее: «Помните о Баданове, не забывайте о Баданове, за любую цену вызволите его». Во втором часу ночи 29 декабря Ватутин приказал Баданову пробиваться к своим — никто уже с севера не смог пробиться к нему на помощь. Через полчаса Баданов отдал приказ идти на прорыв. Танкисты смешивали немецкое горючее с авиационным октаном и заливали смесь в баки немногих оставшихся машин. Под покровом ночи 24-й танковый корпус сумел пробить брешь в германском окружении. Они не бросили раненых, везли с собой кухни, штаб работал спокойно, их движение было «слева направо и обратно справа налево». Они уходили. Они не хотели бессмысленных жертв. Немцы вызвали авиацию. Достигнув линии Надежевка — Михайловка, Баданов мог чувствовать себя в безопасности. Но он не успокоился — послал начальника тыла полковника Гаврилова добавить танкам боекомплект.

30 декабря генерал Баданов восстановил контакт с основными силами. В ходе его рейда погибли 12 тысяч немцев, он привел с собой 4769 военнопленных, уничтожил 84 немецких танка, 106 орудий и 431 самолет.

В войне происходит нечто важное. К традиционной жертвенности наших воинов добавляется хладнокровие и расчет, к отваге — умение. Рождается новая армия, с 1 января ее офицеры наденут традиционные российские офицерские кителя со стоячим воротничком, но это лишь малый знак признания бесценности военных знаний и полководческого таланта.

Уверенность Запада

Когда 15 декабря 1942 г. посол Великобритании Керр, вернувшись из Москвы, узнал о планах британского командования на 1943 год, он буквально впал в отчаяние. По мнению Керра, «мы не представляем себе того напряжения, в котором находятся русские. Советская армия и в целом русское руководство боится, что мы создадим гигантскую армию, которая сможет однажды повернуть свой фронт и займет общую с Германией позицию против России». Фантастичен ли такой поворот событий? Посол посчитал нужным сказать Черчиллю, что в «Британии высказываются мнения, которые прямо или косвенно поддерживают это опасение русских». Известие о том, что в 1943 году не будет открыт настоящий второй фронт, явится подлинным «шоком» для Сталина. «Невозможно предсказать, какими будут результаты этого». Но аргументы Керра не заставили Черчилля пообещать предпочтение в 1943 году высадки во Франции (как это было обещано Сталину) проведению средиземноморской стратегии (как рекомендовали начальники британских штабов). Полагая, что две крупнейшие континентальные державы, борясь и ослабляя друг друга, действуют в «нужном направлении», премьер-министр поставил во главу угла задачу сохранения основы вооруженных сил и укрепления связей Британской империи в наиболее уязвимом месте — Средиземноморье.

К этому времени Черчилль уже не сомневался в том, что немцы не пробьются через Кавказский хребет. Поэтому он задумывается над тем, как использовать немалые английские силы генерала Окинлека в Иране и Ираке. Теперь Черчилль считал, что их можно будет послать в Восточное Средиземноморье (или в Турцию, если та вступит в войну). А если возможно переместить эти силы в Восточное Средиземноморье, то почему бы не использовать их в Южной Европе?

В это время американские военные аналитики полагали, что Германии скорее всего удастся нанести Советскому Союзу ряд тяжелых поражений и вероятность выхода Советской Армии за пределы своих границ еще крайне отдаленно. Разумеется, поведение Лондона, отнюдь не склонного пока ринуться в бой на континенте, по-своему удовлетворенного страшным напряжением как Германии, так и Советского Союза, принималось во внимание американцами. И когда Рузвельт писал Черчиллю, что «русский фронт имеет для нас сегодня величайшее значение, он самая большая наша

опора», в это вкладывался также и тот смысл, что напряжение на Восточном фронте дает Америке время и возможности развертывания своих сил.

Координация военных усилий требовала встречи на высшем уровне. Но Западу не с чем было прийти на такую встречу. 10 декабря 1942 года премьер-министр Черчилль писал Рузвельту: «Он (Сталин) думает, что мы предстанем перед ним с идеей „никакого второго фронта в один девять четыре три“». С точки зрения Рузвельта, встреча на данном этапе, когда немцы достигли Волги, когда СССР был связан борьбой не на жизнь, а на смерть, в то время как США могли выбирать время и место своих ударов, когда США могли увеличить или уменьшить поток помощи, была бы благоприятной для американской стороны. Но Сталин по понятным причинам не прибыл на встречу Черчилля и Рузвельта в Касабланку в январе 1943 года. Первая встреча «большой тройки» состоится лишь в конце 1943 года в Тегеране.

Начали определяться перспективы создания атомного оружия. Обеспокоенность Рузвельта была несколько смягчена первыми практическими результатами американских физиков. Второго декабря 1942 года физики лаборатории Чикагского университета осуществили первую в мире управляемую ядерную реакцию. Центр тяжести в американских исследованиях начинает смещаться с теоретических и лабораторных исследований к опытно-конструкторским работам. Президент Рузвельт очертил совокупность специальных мер, направленных на сохранение секретности расширяющихся работ. В США создавалась сложная система прикрытия крупного научно-промышленного проекта. Руководитель проекта генерал Гровс предпринял необычные даже для военного времени меры безопасности. Посмотрим, от кого он хранил секрет прежде всего. Цитируем генерала Гровса: «Через две недели после того, как я взял на себя руководство проектом, у меня навсегда исчезли иллюзии в отношении того, что Россия является нашим врагом и проект осуществлялся именно на этой основе». В ходе осуществленного позже сенатского расследования генерал Гровс рассказывал о том, что президент Рузвельт был полностью осведомлен об информационной блокаде своего главного военного союзника.

Предельно централизуется руководство проектом «Манхеттен», оно становится засекреченным в чрезвычайной степени. Даже начальник штаба армии Дж. Маршалл и вице-президент Г. Уоллес отныне получали очень ограниченный доступ к ядерной информации. Кроме военного министра Г. Стимсона, прямой контакт с президентом по данному вопросу имели

Л. Гровс, В. Буш и Дж. Конант.

Эти трое держали президента в постоянном напряжении относительно возможностей германской науки и промышленности первыми прийти к финишу, первыми создать самое могущественное оружие века. Ванневар Буш прямо заявил Рузвельту, что «вполне возможно, что Германия находится впереди нас и сможет создать сверхбомбы быстрее, чем мы». Чтобы получить более ясное представление о степени возможного превосходства немцев, предлагалось послать специалиста-физика в Швейцарию под прикрытием дипломатического паспорта и постараться установить связь с германскими учеными. Американские специалисты предприняли интенсивные усилия для определения степени «зрелости» немецких исследований по статьям в научной печати, по характеру осуществляемого в рейхе строительства закрытых центров. Рассматривался даже проект похищения В. Гейзенберга, директора Института кайзера Вильгельма.

Будущее стало казаться не таким уж простым. И Рузвельт делает ставку прежде всего на резкое увеличение внутренних резервов. После детального обзора состояния дел Дж. Конант пришел к заключению, что принцип создания атомной бомбы найден и дальнейший путь будет представлять собой «решение множества проблем механики». К осени 1944 года будет создана «пара бомб». Фактом является, что в конце 1942 и в первые месяцы 1943 года Рузвельт предпринял подлинное ускорение разработки проекта.

Рузвельт и его окружение не были уверены, сможет ли атомное оружие быть использованным в ходе текущей войны. Но они полагали, что получают могущественный инструмент воздействия на послевоенный мир, получают новый фактор международных отношений. Будущую ядерную дипломатию Рузвельт обсуждал, собственно, не с американцами, а с англичанином Черчиллем. Складывается впечатление, что в ответ на согласие Черчилля быть младшим партнером коалиции Рузвельт согласился на первых порах приобщать английского союзника к атомным секретам.

Но и это вскоре показалось Рузвельту лишним на пути к невероятному военному могуществу. Как только американцы увидели реальную перспективу создания атомного оружия, это отразилось на дипломатии, в данном случае союзнической. Англичане, которые были так нужны на начальном этапе, теперь стали восприниматься помехой, нежелательными свидетелями, лишними потенциальными обладателями сверхоружия. Конант пишет Бушу, что «не видит смысла в совместных усилиях, когда речь заходит о собственно развертывании и производстве». От него

поступает предложение ограничить сотрудничество с Англией.

Главное же обстоятельство открыто пока не обсуждалось: Англия теряет силы, солнце Британской империи закатывается, стоит ли вооружать партнера сверхоружием, дающим такое могущество его обладателю? Пятнадцатого декабря 1942 года Рузвельт одобряет резкое ограничение сотрудничества американцев с англичанами в атомной сфере. Отныне английские исследователи не получают от американцев новых сведений по следующим вопросам: электромагнетизм, производство тяжелой воды, производство уранового газа, реакция быстрых нейтронов и все, что связано с расщеплением материалов. Черчилль буквально взорвался: новая американская политика (пишет он Рузвельту) ведет к краху англо-американского сотрудничества в области исследования атомной энергии и подвергает опасности общее двустороннее партнерство. Черчилль напомнил Рузвельту об обещании, данном 11 октября 1941 года относительно «координированной или даже совместно проводимой работе двух стран в атомной сфере».

Но Рузвельт уже неудержим и быстро перестраивается. К концу 1942 года главной целью работы становится не «обогнать немцев» и даже не сделать атомную бомбу как можно скорее. Главным становится использовать новое оружие для послевоенного урегулирования. Рузвельт (а вместе с ним Буш и Конант) был готов даже к тому, что англичане порвут всякое сотрудничество с США. Главные совещательные органы — Группа выработки политики и Комитет по военной политике — высказались достаточно ясно: даже с риском (не зная степени прогресса немцев) нужно уходить от многостороннего сотрудничества с Англией и Канадой, становиться на путь односторонних усилий. Некоторые специалисты полагали, что подобные действия замедляют проект «Манхеттен» примерно на 6 месяцев. Но это считалось приемлемой платой за атомную монополию.

Черчилль угрюмо молчал, так как понимал, что американское решение не могло быть принято на уровне ниже президентского. Для англичан удар был тем более тяжелым, что они пришли к выводу о нехватке собственных ресурсов. Ответственный за английскую атомную программу Андерсен информировал Черчилля, что «даже возведение и приведение в рабочее состояние атомного центра потребует крупнейшей перегруппировки всего военного производства». Он, как и Черчилль, считал стратегически обязательным добиться участия английских ученых в работе американских центров. Тогда после окончания войны они, вернувшись в Англию, смогут действовать в чисто английских интересах, но уже на том высоком уровне,

на котором идет реализация «Манхеттена». Как раз этого-то и не хотел Рузвельт.

Не только ядерная мощь стала синонимом американских военных усилий. Америка быстро становится гигантом в обычных вооружениях. Американская армия выросла после трех лет мобилизационных усилий с полумиллиона человек до четырех с половиной миллионов в 1942 году и к концу 1943 года должна была составить 7,5 миллиона — феноменальное армейское строительство. Сравнивая цифры, президент Рузвельт убедился, что за три года подготовки длина ремня в талии у солдата американской армии уменьшилась в среднем на четыре дюйма, в то время как объем грудной клетки увеличился на дюйм. Солдаты нарастили в среднем пять килограммов мышц. Рузвельт, задрав голову, наблюдал выброску десанта. В мире появилась новая, поразительная военная мощь. Место ее приложения не было еще ясным. Влиятельны были сторонники сосредоточиться на помощи генералу Макартуру на Тихом океане. Но начальник объединенного комитета начальников штабов генерал Маршалл полагал, что абсолютным приоритетом должна пользоваться Европа. Президент Рузвельт склонялся ко второй точке зрения.

Гот прекращает операцию

В Васильевке, находящейся менее чем в семидесяти километрах на пути от Манштейна к Сталинграду, немцы укрепили свой плацдарм на северном берегу последней реки на их пути к Паулюсу. Но продвижения вперед у них уже не получилось. У них заканчивались запасы двух важнейших составляющих — горючего и питьевой воды. Немецкие танкисты жадно глотали русский снег, но это им мало помогало в возвращении мобильности их остановившихся танков. Русские снайперы не позволяли немцам высовываться из танков, число раненых постоянно увеличивалось. А температура опускалась ниже нуля.

В Вольфшанце нервы у всех были напряжены. Назревал разлад между Гитлером и начальником штаба сухопутных сил генералом Цейтцлером, который предложил даже в местной столовой сократить офицерский рацион в знак солидарности с 6-й армией. Тот факт, что у этой армии было всего 140 тонн горючего (Шмидт от 21 декабря), решал многое — теперь у Паулюса не было шансов мощно выйти навстречу войскам освобождения. Его максимум — двадцать километров — означал, что основную работу должны были проделать силы спасения, собственно Гот. А у того на дороге в Сталинград осталось лишь несколько десятков боеспособных танков.

Отношения Гитлера с Цейтцлером начали напоминать отношения Гитлера с Гальдером, а это означало, что разрыв близок. Когда Цейтцлер (в отличие от Геринга, которому бы это не повредило) начал питаться «сталинградским пайком» и похудел на 12 килограммов, Гитлер приказал прекратить балаган. Цейтцлер во время обсуждений начал выходить из конференц-зала, чтобы успокоиться. Его давление прыгало вверх и вниз, он был на грани депрессии. Цейтцлера частично успокаивало то обстоятельство, что его мнение полностью разделял Манштейн. Для обоих отсутствие горючего у Паулюса было главным аргументом неспособности удерживания им сталинградского «фестунга». Но у Гитлера была своя логика, и он открыл ее вполне невинно вечером 21 декабря, когда раздраженно спросил Цейтцлера: «Что вы хотите от меня, что бы я сделал? Паулюс не может вырваться, и вы знаете это». Против этого Цейтцлер и не собирался возражать, тут их мнения совпадали. Но, спрашивается, кто довел Паулюса до состояния анемии? Тридцатью днями ранее Паулюс мог хотя бы попытаться это сделать.

И тем не менее Гитлер продолжал игнорировать предупреждения

Манштейна об опасности оставлять Паулюса одного. У Манштейна были сложные отношения не только с Растенбургом, но и с южным соседом — командующим группой армий «А» фельдмаршалом Клейстом. Тот был практически автономен со времени назначения — то есть с октября 1942 года — и по иерархической лестнице стоял наравне с Манштейном, возглавившим группу армий «Дон». Клейст получал распоряжения непосредственно от ОКХ и Гитлера, нередко вмешивавшегося напрямую в дела своего фаворита — «завоевателя Кавказа». А Гитлер вовсе не разделял ту точку зрения, что Кавказ стратегически второстепенен и может быть при необходимости покинут. Более того, Гитлер полагал, что если даже придется покинуть некоторые южнорусские позиции, то Германия соорудит на Северном Кавказе своего рода «балкон», с которого можно будет вторгаться при желании в нефтедобычу русских. Ростов не был для Гитлера важнейшей стратегической точкой, он полагал, что на «балкон» можно будет взбираться через Керчь и Таманский полуостров. Фюрер думал также о том, чтобы лишить советский Черноморский флот новороссийской базы, сконцентрировав его тем самым в единственном доступном ему порту — Батуми. А там разбомбить.

Гитлер постоянно подчеркивал, что, в отличие от своих военачальников, он смотрит на проблемы войны стратегически, а не только в плане решения оперативных вопросов. Русских следует запереть в Азовском море. И главное: «Если мы не захватим нефтяные источники Кавказа, я должен буду предстать перед тем фактом, что мы не можем победить в данной войне». У рейха останется лишь один источник нефти — румынский Плоешти. А. Шпеер в своем долгом одиночестве (20 лет) в Шпандау вспоминает, что в 1942 году германские фирмы за фантастические восемь месяцев создали три завода по производству эффективного штурмовика «Юнкерс-88» (каждый из которых был больше автомобильного гиганта «Фольксваген») и единственным препятствием столь стремительного строительства было отсутствие горючего, потребление которого сократилось до одной шестой прежнего.

Со своей стороны, Манштейн не хотел видеть Клейста независимой силой на Северном Кавказе. Собственно, он хотел подчинения Клейста, получения от него «нетронутых» дивизий, особенно 1-й танковой армии. Понятно, что Клейсту такой оборот не улыбался. Он не хотел быть ничьим «дополнением». В итоге, хотя ОКХ некоторое время и рассматривало вопрос подчинения Клейста Манштейну, оно так и не решилось на шаг, который несомненно усилил бы немцев в общем стратегическом уравнении. Но четкое соподчинение «Дона» с «А» так никогда и не было

достигнуто. И даже когда Клейст соглашался сотрудничать — скажем, он передал Готу дивизию СС «Викинг» — то пополнять баки танков Готу пришлось из собственных небогатых запасов. Клейст требовал — в случае передислокации на Дон — 155 поездов, а когда это требование было выполнено, потребовал еще 88 поездов. Потерявший самообладание Манштейн 8 января пригрозил отставкой. 18 января 1943 года он заносит в дневник: «Никто не знает, пойдет Первая танковая армия к Ростову или на Кубань». Результатом всего этого было то, что 400 тысяч хорошо экипированных, сытых и отдохнувших солдат вермахта и его союзников практически ничего не делали тогда, когда решалась судьба 6-й армии и общих позиций немцев на юге России.

Именно в это время на пути Гота показался Малиновский. Потери его авангарда — 87-й гвардейской дивизии были огромны. Танковая дуэль на плоской равнине оказалась безжалостной. Весы истории колебались. Но не долго. Находясь в тени восходящего «Сатурна», не видя контрдвижения Паулюса (выполняющего приказ Гитлера не покидать волжской твердыни), не имея возможности укрепить группу Гота, встретившего советскую 2-ю гвардейскую армию, Манштейн вынужден был думать о судьбе всего германского Юга.

Во второй половине дня 23 декабря Манштейн пришел к выводу, что он не может полнокровно помогать Готу, когда его левый фланг крушит Баданов, когда стало известно о нацеленности русских на Ростов. Вечером 23 декабря Манштейн имел суровую беседу с Паулюсом. «Ситуация на левом фланге нашей армейской группы делает необходимым отзыв Гота... Вы можете сделать собственное умозаключение по поводу того, что это означает для вас». Паулюс обратился к фельдмаршалу Манштейну как к своему непосредственному начальнику с просьбой предоставить ему свободу действий. Теперь все зависело от Манштейна. Окажется ли субординация и гипнотическое влияние фюрера сильнее понимания того, что у Паулюса отбирают последний — пусть призрачный — шанс вырваться из смертельных объятий. Ответ прозвучал смертным приговором: «Я не могу предоставить вам полную свободу действий». Манштейн говорил о возможности испрашиваемого варианта решения завтра, но завтра у Паулюса уже могло и не быть.

Командующему группой армий «Дон» ничего не осталось, кроме как приказать ослабевшей 6-й танковой дивизии покинуть Васильевку на реке Мышкове. Немецкие танкисты были мрачны, но достаточно отчетливо понимали, что пробиться к Сталинграду нереально. Советская Вторая гвардейская армия была той силой, которую несколько десятков даже очень

умелых танкистов одолеть не могли ни при каких обстоятельствах.

Не в наших силах заглянуть в души танкистов Гота. Два перехода отделяли их от Сталинграда, но на дворе был не август, и злой степной ветер дул в иные паруса. Говорят, что у танкистов Гота на глазах были слезы, что они с скрежетом зубовным поворачивали свои машины. Один из командиров танка, стоя в башне, отдал 6-й армии последний салют. К полуночи 23 декабря последний танк покинул васильевский плацдарм и двинулся на запад, где у Манштейна появились новые заботы — как уберечь остатки итальянской армии и закрыть страшную брешь, которая вела (теперь Манштейну было известно, что желанно вела) советские войска к Ростову. Потерять Ростов попросту означало обрушить весь южный этаж германской военной структуры в оккупированной части Советского Союза.

И это заставило Манштейна отвести южнее и западнее свою главную ударную силу — потрепанную в боях четвертую танковую армию Гота. Следует, конечно же, помнить, что Жуков занимался прежде всего Сталинградом — именно вокруг 6-й армии Жуков держал основную массу войск, которые могли сделать «малый Сатурн» большим только после сдачи Паулюса. Кольцо вокруг 6-й армии сжимали более половины наличных войск в данном регионе и тридцать процентов артиллерии.

В 8 часов утра 24 декабря десятиминутная артподготовка ознаменовала начало советского наступления на реку Мышкову. Трое суток понадобилось 3-му гвардейскому механизированному и 13-му танковому корпусам совместно с 51-й армией для крушения румынских частей в районе Садовое — Уманцево, что создало возможность флангового обхода с юга всей германской группировки, базирующейся на Котельниково. И Гот, еще совсем недавно — несколько дней тому назад — грозивший повернуть весь ход войны, обязан был ускорить свой отход. Его части уходили на юго-запад, где советское командование начало реализовывать свои наступательные планы. Может быть, именно в эти дни окончательно решилась судьба войны. Впереди еще будут отступления и поражения, но на данном этапе случилось знаменательное — самый талантливый германский стратег (Манштейн) отзывал самого «пробивного» танкового героя вермахта (Гота) с направления спасения продвинувшегося максимально далеко германского генерала (Паулюса). Новая картина войны.

Высшие немецкие чины удивлялись: чего ждут русские, почему они, осуществив успешное окружение, медлят с завершающей стадией? Уже упоминавшийся выше генерал Фибиг спрашивал своего начальника

Рихтгофена, «почему русские еще не раздавили 6-ю армию как перезревший плод?» О том же во все более конкретной плоскости начали думать в Москве.

Утром 19 декабря Сталин связался по телефону с представителем Ставки генералом Вороновым и потребовал ускорить планирование осуществления плана «Кольцо». Для этого не следовало корпеть над картами генштаба, а следовало отправиться в штаб Донского фронта. Здесь, в относительно зажиточном селе Заварыкино Воронов получил просторную хату рядом со штабом Рокоссовского. Воронов, Рокоссовский и Малинин были единодушны во мнении, что главную задачу должен выполнить Донской фронт. Генералы оптимистично полагали, что для выполнения задачи им понадобятся пять-шесть дней. (Между тем немцы воспользовались старыми укреплениями Красной Армии и усердно готовились отразить советское наступление — и несколько дней были слишком оптимистическим сроком). Главная идея Воронова — одно мощное наступление с запада, разбивающее лагерь окруженных на две части. Воронов настаивал на массивной артиллерийской подготовке — ведь в строю многих дивизий имелась лишь половина первоначального состава.

Проект плана «Кольцо» был готов к 27 декабря 1942 года и отправлен специальным самолетом в Москву. Воронов нервно ждал реакции. Но уже через сутки Воронов получил предписание произвести в планировании радикальные перемены. Сталин настаивал на быстром — двухдневном осмыслении идеи, и Воронов созвал совещание офицеров-планировщиков. Начальник разведки фронта по-прежнему настаивал, что в «котел» попали 86 тысяч человек — символ армейской осторожности (и причина насмешек над стратегической разведкой в будущем). Сталин настаивал на нанесении двух ударов уже на первой фазе — в секторе Карповка — Мариновка (юг) и на севере немецкой группировки. На этой фазе предполагалось отрезать от основных сил Паулюса северные пригороды Сталинграда.

Воронов болезненно переживал не только за свои стратегические идеи, но и в целом за формирование новой армии, где взаимодействие войск будет естественным, а не натужным процессом. С грустью он отмечал перелет на высоте 3 тысячи метров грузовых немецких «Юнкерсов»: зенитные орудия беспечно молчали, летчики отдыхали, а их командиры были заняты будничными делами. Пришедший в ярость Воронов «напал» на противоздушную оборону и, кажется, был сделан еще один шаг к синхронизации действий различных родов войск.

Главное командование пришло к выводу, что в этом деле должно

существовать единоначалие. Кто будет командовать операцией? На заседании ГКО Сталин осудил соперничество Еременко (Сталинградский фронт) и Рокоссовского (Донской фронт). Была выдвинута кандидатура генерал-лейтенанта Рокоссовского. Сталин спросил, почему по этому поводу молчит Жуков. Тот откликнулся: «Если Сталинградский фронт будет передан Рокоссовскому, Еременко почувствует себя ущемленным». В ответ Сталин, попыхивая неизменной трубкой, заявил, что «мы не институт благородных девиц. Сейчас не время беспокоиться о личных обидах. Позвоните Еременко и сообщите о принятом решении». Разумеется Еременко, у которого отбирали 57-ю, 64-ю и 62-ю армии, ощутил себя обиженным. Он пытался связаться со Сталиным, но его не соединили. Присутствующие рядом видели его мужские слезы.

Между тем декабрьские атаки против окопавшихся немцев не всегда вели к успеху. Немцы еще не потеряли своей боевой силы окончательно. Победительница Европы была способна на многое. Если Красная Армия хотела сохранить свои силы, она должна была ждать и действовать более умело. Командование постоянно требовало «языков». Немцы жалуются, что дня не проходило без «кражи» одного из военнослужащих. Понятное дело, важно было знать о моральном состоянии противника и о расположении частей. Важно было знать о наиболее деморализованных частях вермахта — именно туда следовало наносить удар, это сохраняло жизни советских солдат. Например, выяснилось, что 44-я и 376-я дивизии, отошедшие от Дона, не успели достаточно серьезно окопаться и ютились в норах, покрытых брезентом. В это время австрийского офицера спросили, воюют ли австрийцы хуже немцев? Тот ответил: «В этом есть доля правды. У австрийцев нет прусской дисциплины, но зато они хорошо уживаются с другими национальностями и лишены спесивой национальной гордости пруссаков».

Напомним, что первое значительное сокращение пайка произошло еще в начале декабря — начальство уверяло, что эта мера временная. Самыми большими реалистами были летчики. Вот уж они точно знали, что фюрер не освободит своих солдат к рождеству. Они уже знали о приказе вывозить медсестер и ценных специалистов. Они знали о невыполнении плана поставок, об ограниченных возможностях люфтваффе. Они знали, что советская авиация все лучше осваивает аэродром Питомник как цель для бомбометания. Между 10 и 12 декабря советская авиация совершила 42 налета на главный аэродром группировки Паулюса. Но и молодые соколы, смелеющие на глазах, не знали, даже глядя с воздуха, какой богатый улов им достался.

24-го декабря 1942 года началось решительное сужение ослабевшего кольца с одновременным отбрасыванием от кольца близрасположенных германских частей и баз. Русские деловито «собирали урожай» своего молниеносного удара по итальянцам, они объезжали окрестные села и брали поникших южан в темный северный плен. Выжившие помнят суровое «Давай быстрее» — эти слова запомнились ярче других. На дорогах лежали остатки легионов, которые дуче в своем исступлении послал неведомо куда с неясно обозначенной целью. Внезапно пошедший снег скрыл мерзость человеческой бойни, но он скрыл также горизонт, и понурые итальянцы плелись без руля и ветрил. Когда остатки итальянской армии попытались пробиться на запад сквозь долину у села Арбузовка, огонь «Катюш» разбросал их по степи. Когда итальянцы попытались взобраться на несколько германских грузовиков, то сидевшие в машинах немецкие пехотинцы попросту расстреляли их (свидетельствуют сами итальянцы).

Советская сторона концентрирует усилия. 1 января 62-я, 64-я и 57-я армии были подчинены Донскому фронту. Теперь в руках Воронова и Рокоссовского были 39 стрелковых дивизий, десять стрелковых бригад, 38 артиллерийских полков из резерва Главного командования, десять подразделений «катюш», пять танковых бригад, тринадцать танковых полков, семнадцать зенитных подразделений, шесть укрепленных гарнизонов, три бронепоезда, четырнадцать огнеметных рот. Общая численность войск — 218 тысяч при поддержке 5610 орудий и минометов, 169 танков и 300 самолетов. 3 января 1943 года Воронову, Рокоссовскому и Малинину были даны три дня для подготовки к наступлению. Но организация в России — далеко не самое сильное место, и Воронов попросил еще четыре дня. Сталин ответил: «Вы досидите там до того, что вас и Рокоссовского возьмут в плен. Думайте не о том, что можно сделать, а о том, чего сделать нельзя». Но четыре дня были даны.

Помощник Паулюса капитан Бер пишет адъютанту Гитлера фон Белову: «Мы чувствуем себя преданными и проданными... У нас нечего есть, за исключением нескольких тысяч лошадей... Наша способность сопротивляться уменьшилась. Наступает момент, когда каждый скажет: „Мне ни до чего нет дела“, — и замерзнет до смерти либо будет взят в плен. Возможно, пожертвовать нами уже решено». В Германии представители всех фронтов пели «Штилле нахт» по общегерманскому радио. Тогда немцы не знали, что подключение «армии на Волге» было сфальсифицированным. Доверчивые, как всегда, поверили, но высшие офицеры 6-й армии были возмущены этой гнусной, как они считали,

инсценировкой.

К этому моменту дециметровое реле, так долго и надежно служившее инструментом связи между Паулюсом и Манштейном, оказалось захваченным Красной Армией. Единственным средством сообщения остался тысячеваттный передатчик, настроенный на штаб группы армий «Дон». А столбик термометра опустился еще ниже — до 35 градусов ниже нуля. Утром 26 декабря Паулюс сообщает Манштейну: «Большие потери личного состава, холод, нехватка провизии и боеприпасов катастрофически снизили боеспособность дивизий». Так, 6-я армия долго не продержится. Генерал Хюбе вылетел в Новочеркасск и далее в Вольфшанце, чтобы получить мечи к Рыцарскому кресту с дубовыми листьями. Манштейну Гитлер пообещал триста танков и штурмовые орудия, но тот уже не верил обещаниям.

Именно в это время еще раз блеснул наш самый лихой танкист. На короткое время 24-й гвардейский танковый корпус генерала Баданова захватил две немецкие авиаполосы в самом Сталинграде. Отчаянным штурмом немцы вернули себе жизненно важные для их снабжения объекты, но последовавшая туманная погода обесценила их жертвы при возврате аэродрома. В дело все активнее стала вмешиваться советская зенитная артиллерия, которая стала работать четко по германскому радиомаяку. В результате на протяжении пяти недель было сбито почти триста самолетов. Самым надежным немецким аэродромом внутри кольца был Питомник, расположенный в самом центре окружения. Специальное подразделение майора Линдена поддерживало дороги внутри кольца в истинно немецком порядке. Это подразделение работало в самые глухие вьюги, когда его членам приходилось надевать противогазы, чтобы сберечь лицо. Но постепенно оканчивалось горючее, и приволжские дороги начали принимать естественный вид. Ограничителями на снежных дорогах служили конские ноги, вставленные в снег.

Самые правдивые отчеты писал в Восточную Пруссию связной офицер Гитлера — майор Колестин фон Зитцевиц. Его реализм раздражил местных офицеров, начиная с генерала Шмидта, который начал даже осуществлять цензуру посланий майора. Но Зитцевиц нашел выход, он начал отправлять свои сообщения после того, как был уверен, что Шмидт отошел ко сну. От глаз Зитцевица не могло укрыться ничего, он обходил боевые позиции, он пробирался в обстреливаемые зоны. Он видел, как живут на дне балок солдаты, как ослабевает моральный дух, сила, боеспособность армии. Он стал своего рода летописцем блокады с германской стороны. Крысы и блохи наносили такой же ущерб, как и

непрестанная канонада. По-видимому, Зитцевиц жил иллюзией, что его правдивые (и часто натуралистические) рассказы подвигнут Гитлера и его окружение предпринять крайние меры по спасению 6-й армии. Он ошибался. Геринг с величайшим недоверием читал оценки Зитцевица. «Невозможно себе представить, чтобы германский офицер посылал подобные пораженческие послания. Самое вероятное объяснение — это то, что враг захватил его передатчик и снабжает нас дезинформацией». Обитателю шикарной виллы «Каринхалле», обворовавшему все европейские музеи, переходившему уже от охоты (как главного хобби) к наркотикам, невозможно было себе представить, что обитатели сталинградских балок живут в нечеловеческих условиях. Принять реалистические описания за советскую пропаганду — это было уже признаком деградации, решительного отрыва от реальности.

Одним из проявлений тиранической природы Гитлера было то, что по его приказу «Сталинградская крепость» жила по берлинскому времени и немцы встретили новый, 1943 год на два часа позже советских частей. Обращение Паулюса к войскам было на удивление бодрим. «Наша воля к победе непоколебима, а Новый год наверняка принесет нам избавленье! Я пока не могу сказать, как это случится, но наш фюрер никогда не нарушал своего слова, не нарушит его и сейчас». Гитлер был на высоте заданного стиля: «От имени всего немецкого народа я шлю вам и вашей доблестной армии самые сердечные пожелания успеха в новом году. Я хорошо понимаю все сложности вашего положения, а героизм ваших войск вызывает у меня глубокое уважение. Вы и ваши солдаты должны вступить в новый год с твердой уверенностью в том, что вермахт сделает все возможное, чтобы вызволить вас из беды. Ваша стойкость послужит примером для германских вооруженных сил. Адольф Гитлер». Одного определенно не было в этом обращении — конкретных шагов. Гитлер и командование вермахта были уже не в состоянии спасти вырвавшуюся к Волге армию. В войне наступает великий перелом.

Имея теперь гарантию от прорыва Гота к Сталинграду, советские военачальники могли рассуждать уже в конструктивном плане. Вечером 23 декабря Василевский встретился с Еременко и Малиновским в Верхне-Царицынской для обсуждения наступательных действий за пределами кольца. Ждать оставалось недолго. И восточный и западный берега Дона отныне прочно находились в руках Красной Армии. И Манштейн обязан теперь был думать о судьбе не только группы армий «Б» (Паулюс), но и, более того, групп «А» и «Дон».

Никто не знал в те времена, что последние десять дней 1942 года

Ставка день и ночь работала над завершением планирования операции, должной запереть германские группы армий «А», «Б» и «Дон» в один суперкотел — в Москве «Сатурн» продолжал оставаться приоритетом номер один. И его реализация происходила на данном этапе удовлетворительно. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Ватутин доложил 28 декабря 1942 года Сталину, что «правый фланг итальянской восьмой армии уничтожен... Взято в плен шестьдесят тысяч человек. Примерно такое же число убито. Нашими войсками захвачены их запасы». Победные репортажи были несколько омрачены сообщениями о том, что советские войска были активно атакованы теми германскими танковыми частями, которые ушли из-под реки Мышковы. Сталин пишет Ватутину: «Мы уже дали вам Второй и Двадцать третий танковые корпуса для превращения „Малого Сатурна“ в „Большой Сатурн“... Вы должны иметь в виду, что на далеких расстояниях танковые корпуса лучше задействовать парами, чем поодиночке; в противном случае они рискуют попасть в сложную ситуацию».

Успех любой операции теперь зависел — как от неперемного условия — от активности всех фронтов, с тем, чтобы исключить перебрасывание германских сил со спокойного участка на беспокойный — ведь способность немцев использовать железные дороги и перебрасывать резервы на большое расстояние была известна русской армии с 1914 года.

В эти дни, в конце 1942 года, Ленинградский и Волховский фронты получили задание приложить все силы для снятия с Ленинграда катастрофической блокады. Мы видим, как Ставка и генштаб начинают мыслить и действовать масштабно, причем с глубокой убежденностью в необратимость свершающегося поворота мировых судеб. Судите сами: в Москве замысливают практически одновременно освободить Ленинград, известить группировку Паулюса, осуществить решающее движение в направлении Донбасса, освободить Курск и Харьков, изгнать немцев из предгорий Кавказа и начать общее освобождение оккупированных немцами территорий. В Москве пришли к выводу, что на конец 1942 года уже уничтоженными оказались не менее двадцати пяти процентов германских войск на юге Советского Союза. Ударный авангард вермахта — 6-я армия находится в плотном кольце. 8-я итальянская армия, как и 3-я и 4-я румынские армии — сокрушены. Теперь шанс одержать общую победу на юге казался определенно реальным.

29 декабря 1942 года командующему Закавказским фронтом Тюленеву было приказано принять участие в окружении группы армий «А» посредством наступления на Краснодар-Тихорецк, в то время как

переименованный в Южный (бывший Сталинградский) фронт, силами 51-й и 28-й армий двигался на Сальск — Тихорецк. Затем — совместный штурм Ростова. Черноморский флот отвечал за Тамань; его задача — перекрыть пути отступления германской группы армий «А». 7 января Василевский был послан, чтобы ускорить начало наступления и координировать его ход.

В последние дни 1942 года Ставка выделила для «Сатурна» несколько боевых частей, но для полумиллиона советских солдат главной задачей жизни было держать все стороны сталинградского кольца наглухо закрытыми. Превосходство советских войск было два к одному. За два часа до наступления нового, 1943 года советская артиллерия поздравила узников сталинградского котла. Накануне, наблюдая сверху, с волжских круч, немцы видели, как десятки грузовиков пересекают Волгу, и у них не было иллюзий относительно того, что везут эти грузовики. Советские защитники города оделись в белый камуфляж. Запах американской тушенки был почти слышен. Запас снарядов был теперь таким, что пушки палили даже по одиночным немецким фигурам. В войска, расположенные в городе, приехали актеры и певцы. Настроение было таково, что некоторые актеры шли выступать прямо в окопы.

Окружающее, несмотря на прикрытость снежным покровом, не могло не поражать. Человеческая фантазия неспособна создать картину замершего ада. В частности, повсюду на противоположной стороне лежали скелеты обглоданных до костей лошадей — признак голода противника. Сверхъестественные головные уборы немцев вносили некий трагикомический элемент. Никто уже не кричал «рус, буль-буль», хотя истерического проявления чувства юмора и трагизма было предостаточно. Немецкая сторона, в основном, молчала, и советской стороне фронта приходилось «работать за обоих», тем более, что специалисты по психологической войне верили в ослабляющее упорство и решимость воздействия музыки. Через громкоговорители музыка, пролетая над затихшим фронтом, безжалостно проникала в немецкие окопы и нация меломанов замолкала.

Наступление Нового года неизбежно было связано с боем часов Спасской башни. С слабым звуком кремлевских курантов раздались выстрелы, запуски ракет, пулеметные очереди.

Позади был неимоверно тяжелый год. Наша многострадальная родина знала тяжкие времена, но этот год был особенным. Временами надежда почти оставляла огромную русскую землю, великий Советский Союз. И она бы оставила ее определенно, если бы не те, кто не дошел до переката, кто не увидел зари. Они полегли во мгле, не видя еще зари своего

отечества, но они никогда не ушли бы так спокойно, если бы не знали, что она взойдет.

Весь мир испытал потрясение. В Сан-Франциско одна из газет написала в эти дни: «Доблесть русского народа, его умение умирать — это истонное свойство русских людей». Разведывательная служба США представила президенту Рузвельту такой вывод из прошедшего года: «История свидетельствует о том, что Россия непобедима».

Гитлер, чей фанатизм завел 6-ю армию к пределам Европы и оставил ее там умирать, поздравил своих солдат, обращаясь к Паулюсу: «Вам и вашей армии я шлю от имени всего населения Германии мои самые теплые новогодние пожелания. Я осведомлен о тяжести павшей на вас ответственности. Героизм ваших войск оценен всеми... Германский вермахт использует всю свою силу, чтобы освободить защитников Сталинграда и превратить их долгое ожидание в высшее достижение германской военной истории». Слушая все это, немецкие солдаты в котле доедали собак. В Новочеркасске мрачный Манштейн смотрел на окружающих почти виновато. Он не оправдал надежд, а объяснять ограничивающие его маневр причины он не мог. В любом случае судьба 6-й армии была решена. Но не только провал на Мышкове угнетал фельдмаршала. В предгорьях Кавказа стояла группа армий «А» — 1-я танковая и 17-я армии. Если русским действительно удастся дойти до Ростова, то их судьба будет незавидна. «Сатурн» был виден, его контуры обрисовались в ударе по итальянцам, в напряженном движении к юго-западу. Только 29-го декабря Гитлер разрешил отвести 1-ю танковую ближе к местам, где решалась их судьба. Теперь эти танки шли на север, прикрывая собой Ростов.

На южной и западной границе сталинградского котла на виду у немцев собирались ударные советские части. Сотни танков Т-34 рычали моторами, грузовики везли солдат в пункты сбора. Видны были артиллерийские орудия и «Катюши». Вдали были видны силуэты 210-миллиметровых осадных гаубиц. Немцы почти не стреляли: последний боекомплект был оставлен для решающего боя. Но более сильным оружием, чем орудия самого большого калибра, были огромные полевые кухни. Когда ветер дул в немецкую сторону, солдаты вермахта просто рвались в бой.

В Москве пришли к выводу, что наступил час решать судьбу окруженных войск. Лучший артиллерист страны — генерал Воронов — прибыл на сталинградские позиции. Он размышлял, как разместить артиллерию. Согласно его предложению, на двенадцатикилометровой полосе были установлены семь тысяч орудий, целью которых было

перебить хребет окруженной армии. К Чуйкову в его сталинградский штаб прибыл командующий фронтом Рокоссовский и, сидя на земляном приступке, объяснил, что сковывающей семь дивизий 62-й армии придется еще раз потрудиться. Предполагалось одновременное наступление с запада, севера и юга. Задачей 62-й армии было «отвлечь на себя максимально большее число немецких дивизий, не допустить их до Волги, если они попытаются прорвать кольцо окружения в этом направлении». Рокоссовский спросил, по силам ли задача? Начальник штаба генерал Крылов, воплощение русского спокойствия, ответил: «На протяжении лета и осени все силы Паулюса не смогли сбросить нас к Волге, а теперь голодные и замерзшие немцы не сдвинут нас даже на шесть шагов к востоку». Это не была бравада. Крылов знал, что говорил.

Ударные отряды 62-й армии начали выбивать немцев из городских подвалов. Немцы тем временем начали формировать боевые части из «подсобников» — писарей, интендантов, поваров, механиков и прочего вспомогательного состава армии. Без всякого энтузиазма эти новички прямого боя вышагивали на дне приволжских балок под руководством германских фельдфебелей, признанных мастеров армейской рутины. Несколько факторов лишали «новобранцев» энтузиазма. Речь шла не о принципиальной тупости муштры, а о том, что их учили завтра броситься на советские пулеметы в условиях, когда у них, оголодавших и деморализованных, не было никакого шанса приблизиться к этим пулеметам. Да и вопрос стоял, собственно, не о неких боях, сражениях и битвах, а о выборе между гибелью и пленением.

Немецкого солдата учили презирать вражескую пропаганду, и сонм листовок, обрушившийся на них в Сталинграде, прежде не пользовался успехом. Немцы равным образом скептически относились к немецким голосам, призывающим в громкоговорители сдаться. Но ускользавшее прежде внимание, теперь, напротив, жадно слушало немецкую речь. Неведомый голос говорил вещи, которые трудно было отрицать. «Каждые семь секунд в России умирает один немец. Сталинград превращается в массовую могилу». Отринуть все это голодному немецкому солдату, который не видел, чтобы его спасали, становилось все труднее. Со временем советские пропагандисты узнавали (через появившихся перебежчиков) даже имена командиров германских батальонов и рот. «Немецкие солдаты, бросайте ваше оружие. Продолжать не имеет смысла. Все, что вам говорит ваш „супер-фашист“ командир — неправда. Однажды и он поймет это».

А в Питомнике, главном аэропорту группировки, впервые лежали

незахороненные трупы, а врачи не имели уже прежней власти над подбором эвакуирующихся — пассажиров редких теперь самолетов. Теперь приоритет был отдан не раненым, а специалистам и командирам, должным составить костяк будущих новых дивизий вермахта. Так на «Юнкерсах» отбыл в полном составе штаб 94-й дивизии. Ее оставшаяся часть могла представить себе свое будущее, если ее оставляли — это немцы-то — без начальствующего состава.

Неминуемое — штурм — приближалось. Но прежде чем броситься вперед, прежде чем начать завершающие операции, следовало испробовать менее насильственный вариант. Воронов 4 января предложил послать 6-й армии ультиматум с предложением сдаться. Довольно долго шло согласование текста ультиматума. Наконец в штабе Донского фронта его перевели на немецкий язык, и группа немцев во главе с Вальтером Ульбрихтом создала необходимое стилистическое звучание. Ставка одобрила текст Воронова. 7 января с 6-й армией был установлен радиоконтакт. 8 января советские войска предложили начать переговоры со своими двумя представителями — майором Смысловым и капитаном Дятленко. Именно они, представляя, соответственно, армейскую разведку и НКВД, были выдвинуты в качестве парламентаров. Их инструктировал начальник штаба Донского фронта генерал Малинин, а затем сам Воронов. Офицеры получили новую форму (снятую с генеральских адъютантов) и на «виллисе» направились к станции Котлубань. С наступлением сумерек батареям было приказано прекратить огонь и на протяжении ночи громкоговорители возвещали о предстоящем визите парламентаров.

Итак, 8 января 6-й армии предложили сложить оружие. Ультиматум был подписан Рокоссовским и Вороновым. Немцам обещалась «почетная сдача», «полновесные рационы», «уход за ранеными», «офицеры сохранят личное оружие», «после войны последует репатриация в Германию или любую другую страну». Советские войска остановили войсковые операции и ждали до 10 января.

Утром два парламентар и сержант, который нес белый флаг и трубу отправились к немецким позициям. Пройдя половину дистанции, сержант начал играть на трубе «Внимание, слушают все». До немцев оставалось не более ста метров, когда прозвучали выстрелы, и парламентары вынуждены были укрыться. Они попытались еще раз и с тем же успехом. Стреляли явно не на поражение, но знать давали недвусмысленно. Парламентаров утешил генерал-полковник Воронов: «Ситуация такова, что просить должны они у нас, а не мы у них. Поддадим немцам жару, сами будут умолять зачитать им наши условия». Парламентары были нимало

удивлены, получив за свою неудачную попытку по ордену Красной Звезды. Его давали минимум за подбитый танк.

Удалась лишь вторая попытка. С белым флагом, сделанным из единственной в округе простыни командира 96-й дивизии, орденосные парламентары пошли вперед и остановились за двадцать метров до немецких позиций. Сержант дул в трубу, а немцы искали офицеров. «У нас письмо вашему командующему». Двое советских офицеров и сержант пересекли линию фронта. В карманах у них уже приготовлены были повязки, которыми им завязали глаза, и они были доставлены под белым флагом на германский контрольный пункт. Парламентарам развязали глаза только в блиндаже, где было холодно, а в углу стояли два мешка с уже испортившимся зерном. Они вручили предложение Рокоссовского некоему капитану Виллигу. Тем, кто сложит оружие, гарантировалось возвращение после окончания войны домой, в Германию. Солдаты сохраняют свои личные вещи. Офицерам будет оставлено даже холодное оружие. «Все офицеры и солдаты, которые сдадутся, немедленно получают пищевой рацион. Раненые, больные и обмороженные получают медицинскую помощь». На размышления давались сутки. Негативный ответ означал уничтожение. Это предложение Паулюс передал Гитлеру и запросил «свободы действий».

Сержант Сидоров, который играл прежде на трубе, а по пути часто падал на скользких местах, достал папиросы «Люкс», специально выданные перед заданием. Он попросил перевести, что участвовал в трех войнах, но никогда еще не видел более миролюбивой кампании. Однако прибывший от Паулюса полковник был мрачен. «Вам следует завязать глаза и пройти обратно на передовую. Там вы получите свои пистолеты. Пакет оставьте себе, я не имею права принимать решение». На передовой парламентарам развязали глаза и они вернулись к своим. Начальник дивизионной разведки тотчас же попросил «трубадура» Сидорова обозначить схему немецких огневых точек, и тот быстро испещрил фронтовую карту.

Истекал срок советского ультиматума. Гитлер приказал держаться. Немцы вспоминают о сталинградских условиях в это время. «Каждому в день раздавалось от двадцати до тридцати патронов с приказом использовать их только для отражения атаки. Рацион хлеба был снижен со 120 до 70 грамм — один ломоть. Воду добывали из талого снега. Килограмм картофеля делился на пятнадцать человек. Мяса не было; мы съели наших лошадей еще до Рождества». Давка около улетающих самолетов была значительной. «Пришел лейтенант люфтваффе и сказал, что самолет перегружен и двадцать человек должны выйти. Начался

страшный шум, все кричали в один голос: один кричал, что он летит по приказу штаба армии, другой — что он из СС и везет важные партийные документы; многие кричали о своих семьях, о том, что их дети были покалечены во время бомбардировок германских городов, и так далее. Только те, кто лежал на носилках, молчали, но их ужас был написан на их лицах». Для значительного, растущего числа германских военнослужащих дорога домой начиналась вот так: «Я пошел в ту часть здания, где лежали тяжелораненые и где было относительно спокойно — многие потеряли сознание, многие умерли. Одного из них я сбросил с носилок. Я сделал три выстрела в мою левую ногу и лег на носилки. Я потерял сознание. Было темно и боль была ужасной. В помещении было ни огонька. Я продолжал говорить себе: „Это продлится час или два, и мы полетим“. Прошло два дня и кровь вокруг моей раны затвердела, но я старался не привлекать ничего внимания. Двое лежащих рядом умерли. Но — о радость, они начали нас грузить». Однако пришел врач и увидел следы пороха вокруг раны и пришел к выводу, что имеет дело с самострелом — за это на Восточном фронте следовала смертная казнь. Его бросили в подвал Универмага, началась гангрена ноги, и русский врач после капитуляции спас немцу жизнь, отрезав ногу до бедра.

22 декабря Ставка заслушивала оперативный план командующего Воронежским фронтом Голикова. Ему была поставлена задача наступления между Воронежем и Кантемировкой. Он предполагал синхронизированное наступление трех колонн, успех которых означал подступ в середине января к Украине. Северная группа — 40-я армия генерала Москаленко — двигалась на Алексеевку, где она должна была соединиться с южной группой (3-я танковая армия Рыбалко). По центру же шел генерал-майор Жуков во главе 18-го стрелкового корпуса. Москаленко завершил свое планирование к 25 декабря. Планы проверял сам «большой» Жуков, к которому позднее присоединился Василевский, а также генерал В. Д. Иванов из оперативного отдела Генерального штаба. Жуков добивался тщательного предвидения мельчайших деталей. Он был свиреп в следовании всем мерам предосторожности. Войска соблюдали все средства маскировки. В результате самолеты противника не сумели разглядеть масштабных приготовлений наших войск. Венгерские командиры докладывали, что ничего особенного на фронте не происходит. Советские войска перемещались ночью, мешали снежные метели.

На Ростов советские войска устремились с северо-востока (Юго-Западный фронт Ватутина), с востока (Южный фронт — так с 1 января назывался прежний Сталинградский фронт), юго-востока

(Северокавказский фронт) и юга (Закавказский фронт). Основная задача была поручена в конце декабря 1942 года Закавказскому фронту — выход на Краснодар — Тихорецк — и Южному фронту, движение на Сальск — Тихорецк; после занятия этих позиций оба фронта штурмовали Ростов. Тогда германская группа армий «А» попадет в подлинный переплет.

Для реализации этих планов Южный фронт запросил 300 новых танков. 4 января ставка пообещала 150. Во исполнение этих планов 2-я гвардейская армия Малиновского и 51-я армия Труфанова вышли 11 января 1943 года к реке Маныч между ее устьем и железнодорожной станцией Пролетарская. Малиновский рассчитывал, что он бросит на ростовское направление на предварительном (отдаленном) этапе прежде всего 3-й гвардейский корпус; а 2-й и 6-й механизированные корпуса и 98-ю стрелковую дивизию выдвинет уже непосредственно для боев за Батайск и Ростов. Ротмистров получил распоряжение захватить плацдарм на южном берегу Маныча к утру 17 января и, если обстоятельства окажутся благоприятными и вера в удачу не ослабеет, броситься на Ростов.

Но Закавказский фронт, несмотря на все предпринимаемые усилия, так и не смог пробиться к Тихорецку. Закавказские дивизии трудового и битого генерала Петрова (Одесса, Севастополь) замедлили свой ход еще в грязи предгорий, им было еще очень далеко до Краснодара. 20 января Петров доложил Василевскому, что взятие Краснодара в сложившихся погодных и стратегических обстоятельствах не представляется возможным. Не менее важным оказалось и то, что Первая германская танковая армия ощутила холод военного поражения и заметно ошетибилась. Да и Манштейн теперь знал замысел советского командования и не мог беспечно оставлять 1-ю танковую армию слишком далеко в предгорьях. Важным обстоятельством было и то, что она наладила «оперативную кооперацию» с 4-й танковой армией. После этой координации представить себе попадание 1-й танковой армии немцев в непробиваемое окружение стало весьма трудно, месяцем раньше этот вариант развития событий имел реалистические черты.

Москва видела замедление осуществления своих планов и постаралась перестроиться на ходу. Акцент быстро переносится на север, и представляющий Воронежский фронт Москаленко выступил 12-го января и сразу продвинулся на значительное расстояние. Рыбалко атаковал 14-го в густом тумане, уже к вечеру два танковых корпуса начали двигаться на большой скорости вперед. Неожиданно успешным был рейд советской кавалерии, стремглав прошедшей по снежной дороге на Валуйки. 19 января кубанские черные папахи показались над ошеломленными итальянцами и оставили на поле боя более тысячи тел врагов. 5-я итальянская пехотная

дивизия как боевая единица перестала существовать. Наступающие советские войска взяли в окружение тринадцать дивизий. 56 тысяч солдат противника были взяты в плен, столько же убито. В руки наступающих войск попали 1700 танков, 2800 пулеметов, 55 тысяч винтовок, много грузовиков и тысячи лошадей. (Понятно, что Будапешт был в трауре. Конечная численность военнопленных дошла до 86 900 человек. Венгерский диктатор Хорти говорит о 80 тысячах убитых и 63 тысячах раненых). На фронте противника образовалась брешь в двести километров.

Касторное было взято 28 января. (Тем, кто возьмет Касторное, Голиков обещал оказать честь возглавить наступление на Харьков.) Теперь директивы становились все смелее. Успех Воронежского фронта Голикова на Дону создал жестокую прореху на широком отрезке фронта от Воронежа до Ворошиловграда. Германская оборона Донбасса оказалась чрезвычайно ослабленной, открывался путь на реку Донец в два направления — к переправам через Днепр (направо) и к побережью Азовского моря (налево). Уже ставилась задача выйти на линию Чернигов — Херсон и освободить Украину. Но что же с наиболее ценным призом — 1-й танковой армией Клейста?

После окончания войны английский историк Б. Лиддел Гарт задал Клейсту соответствующие вопросы, и германский фельдмаршал поведал свою историю. «Когда русские находились всего в шестидесяти километрах от Ростова, мои армии находились от Ростова в 700 километрах. Гитлер приказал мне не отступать ни при каких обстоятельствах. Я был словно приговорен. Через день, однако, я получил новый приказ — отступать и брать с собой все необходимое из оборудования. Это было трудно выполнить при любых обстоятельствах, но особенно тяжелым было сделать это в условиях русской зимы. Защита моего левого фланга была поручена румынской армейской группе под командованием маршала Антонеску. Слава Богу, сам Антонеску не прибыл! Вместо этого сектор взял под свою опеку Манштейн, чья группа армий включала в себя румын. С помощью Манштейна нам удалось пройти сквозь Ростов, перед тем как туда пришли русские... На Манштейна оказывалось такое воздействие, что я должен был послать ему часть своих дивизий, чтобы сдержать русских, наступавших вдоль Дона в направлении Ростова. Наиболее опасным временем отступления была вторая половина января».

Отметим сразу, что сила войск, устремившихся на Ростов, была меньше ожидаемой. Лучшими среди них была 2-я гвардейская армия, оснащенная танками и самоходками. Остальные части ощущали усталость от боев на реке Аксай, они были относительно мало мобильными. И очень

существенным было то, что Жуков ждал решения прежде всего в Сталинграде.

Генерал Еременко, обиженный на то, что не ему поручили развязать сталинградский узел, на самом деле решал гораздо более важную задачу. Теперь воплощение плана «Сатурн» зависело от его умения загнать танковую армию Гота в «угол» и дойти до желанного Ростова. Эта задача решалась с трудом. Главным новым обстоятельством было то, что немцы за последние несколько месяцев кое-чему научились. Теперь они твердо знали, что самоуверенность наказывается всегда, что русские — не тупые варвары, а талантливые люди, что они неизбежно научатся искусству управления войсками, что в отместку за Киев и Вязьму они создадут Сталинград и Кавказ. Даже Гитлер по-своему усомнился в «безграничности» своего таланта и дал в регионе широкие полномочия Манштейну. Тот немедленно отозвал с Северного Кавказа бессмысленно стоящие там танковые части. Они и должны были помочь Готу замедлить и в конечном счете остановить Еременко, который уже взял крупный железнодорожный узел Котельниково — всего в восьмидесяти километрах к северо-востоку от Ростова.

Вечером 8 января Манштейн принимал в Новочеркасске гостей — возвращающихся на фронт офицеров высокого ранга. Однорукий «Менш» — танкист Хюбе рассказал, что у Гитлера есть план спасения 6-й армии. Из Франции прибывают три танковые дивизии, и их наступление начнется в середине февраля. Но стоило ему приступить с этими рассказами к Манштейну, как тот немедленно переводил разговор в другое русло. Манштейн вообще в течение вечера ни разу не помянул о Сталинграде. На возвращающегося в «котел» полковника фон Белова окружающие смотрели как на конченого человека. На следующий день Хюбе и Белов были в Гумраке и поспешили с вариантами спасения к командующему. Но взволнованный Паулюс заявил категорически, что армия не может ждать так долго. На обещание помочь танками из Франции Паулюс только повел плечами. А Гитлер обещал только «вечную славу»: «Каждый день вашей обороны помогает улучшить положение всего фронта». Что касается переговоров с противником, то «все предложения о переговорах надо отвергать, не отвечать на них, а прибытие парламентариев должно быть отклонено, в случае необходимости с применением оружия».

Ставка запрашивала Воронова, что следующее, что предлагается сделать еще? Воронов радировал, что следует начинать «Кольцо». Воронов и Рокоссовский приехали на командный пункт Батова в 65-ю армию. Через сутки, в восемь утра 10-го января в воздух взлетела сигнальная ракета.

Семь тысяч советских орудий начали обещанное разрушение сталинградского кольца окружения. Снаряды прорезали чрезвычайно густой туман. На земле стоял гул, который Воронов назвал «долгим и непрерывным раскатом грома». Командир артиллерийского полка Игнатов сказал по поводу артподготовки: «После такого светопреставления остается одно из двух: или умереть, или сойти с ума». Немецкий солдат: «Земля ходит ходуном». Один из опорных пунктов Паулюса — село Карповка исчезло с лица земли. Одновременно на низкой высоте появились советские штурмовики и бомбардировщики 16-й воздушной армии. Главной целью бомбардировки были западные укрепления «крепости Сталинград». Особый удар был нанесен по аэродрому Гумрак. Взлетные полосы были вспаханы, неприбранные припасы разметаны, грузовики взорваны.

Затем последовал удар с нескольких направлений — с северо-запада, северо-востока и с юга. Немцев поразила незамедлительно последовавший штурм, они ожидали «более размеренных действий». Наблюдатели говорили о «море огня», в которое и бросилась пехота. На немцев обрушилась несметная масса «тридцатьчетверок». По пояс в снегу за ними шли солдаты новой армии — той, что родилась под Сталинградом. Умелые и организованные, умные и стремительные, они добавили к исконной самоотверженности умение и навык. В первый же день было пройдено в среднем семь-восемь километров. Воронов сделал свой первый доклад в ставку о состоянии выполнения «Кольца». После трех дней борьбы периметр обороны сузился значительно. Советские войска находились уже в четырехстах метрах от взлетной полосы Питомника. Любой следующий проход танков мог положить конец полетам, и немцы оставили Питомник, переместившись на несколько километров западнее, к Гумраку. На последний «Юнкерс-52» рвались раненые, видевшие приближавшиеся советские танки. Немцы сражались отчаянно, в последний момент штабы выходили на боевые позиции, сражения кончались с последним патроном. И все же и у них что-то надломилось, в первые три дня наступления число перебежчиков с германской стороны достигло сорока человек.

Это наступление заставило немцев отойти от края «котла» и основной своей массой прижаться к Сталинграду. 11 января радио 6-й армии передало: «Противник прорвал широкую полосу нашей обороны... Изолированные опорные пункты еще держатся. Мы пытаемся собрать и направить последние доступные наличные запасы и строительные отряды для образования линии обороны». В семь часов вечера Паулюс радиовал Манштейну: «Глубокое, более шести километров шириной проникновение

к востоку от Зыбенко... У нас значительные потери. Сопротивление наших войск ослабевает из-за недостаточности боеприпасов, исключительного мороза и отсутствия прикрытия от тяжелейшего артиллерийского огня противника». Утром 12 января две русские армии (65-я и 21-я) вышли к реке Россошка.

Воронова удивляла степень отчаянности немецкого сопротивления. Два пункта поражали его особенно — никто не сдавался, пленных не было; откуда у полуживых немцев взялись силы? Частично ответ давали германские приказы: умирать, но не сдаваться. Допросы пленных говорили, что немцы ужесточали дисциплину. Позже стало известным, что среди немцев пронесся слух, что Жуков, раздраженный отказом 6-й армии сдаться, приказал не брать пленных. Немцы сражались отчаянно, оставляя последний патрон для себя. Поразительным было то, что, лишившись конской силы — немцы уже съели 39 тысяч лошадей, — они тащили противотанковые пушки на себе. Но самым большим шоком были слова главного квартирмейстера 6-й армии полковника фон Куловского. Именно от него наши генералы узнали нечто неожиданное и фантастически поразившее всех: в сталинградском кольце оказалось не ожидаемые 85 тысяч, а 250 тысяч человек на 22 ноября 1942 года — гораздо больше, чем предполагали наши генералы. К 10 января 1943 года их оставалось 215 тысяч солдат и офицеров.

Страшнее всего в этой ситуации было положение наших военнопленных — из 3500 заключенных лагерей Вороново и Гумрак выжили 20. Людей стали убивать за щепотку соли, каннибализм стал обыденной частью жизни. Лагерем называлось огороженное колючей проволокой вытоптанное поле, усеянное трупами наших солдат.

12 января радио 6-й армии передало: «Продолжительный артиллерийский обстрел с семи часов утра. Мы не можем ответить тем же... В 8 часов утра мощное наступление противника по всему фронту и с применением множества танков... Армии приказано — как последнее средство сопротивления — чтобы каждый солдат сражался до последнего патрона на том месте, где он находится в данный момент».

Отважный русский Т-34 прорвался через линию обороны и в безумной отваге выскочил один на взлетное поле аэродрома в Питомнике. Окружающие немцы в панике бежали, и экипаж спокойно выбирал цель посolidнее, нанося один страшный удар за другим. Начальник штаба Шмидт, узнав о незваном пришельце, побелел от ярости. Он желал знать имена офицеров, ответственных за безопасность главного аэродрома окруженных. Была создана истребительная группа, но смелый танк, словно

почувяв опасность, удалился загодя в неведомом направлении. Вернувшийся гарнизон Питомника очистил взлетную полосу. Но обычный германский порядок при посадке исчез. Теперь раненых отталкивали, вперед шли люди со специальными билетами. Неведомый майор предложил пилоту десять тысяч марок за место в самолете. Разъяренная толпа оттолкнула майора, и летчик поспешил подняться в воздух.

Вечером этого дня Паулюс послал в Новочеркасск одного из самых доверенных своих офицеров — генерала Вольфганга Риккерта. В полете он набросал наиболее весомые аргументы, которые собирался изложить фельдмаршалу Манштейну, в особом коде — на случай, если самолет будет сбит. Но посадка оказалась гладкой, и генерал помчался в штаб группы армий «Дон». Он вернулся и кружил над Питомником, запрашивая разрешение на посадку. В этом было отказано, слишком яростным был обстрел аэродрома. Прокружив зря и видя конец запаса горючего, Риккерт приказал возвращаться в Новочеркасск. На этот раз он летел туда без всяких надежд. Никто в штабе Манштейна с ним не лицемерил. Только семьдесят самолетов было в боевой кондиции. Уже потеряны четыреста транспортных самолетов. В небе отныне царила советская авиация.

Тогда Паулюс предпринял последнюю попытку заручиться поддержкой. На специальном самолете капитан Бер полетел прямым посланником Паулюса к Гитлеру. Если кругом ложь и лицемерие, то остается полагаться только на фюрера. Паулюс рассчитывал и на прямодушие капитана Бера, пораженного выбором главнокомандующего 6-й армии. Окончательно уговорил его начальник штаба генерал Шмидт, который и вручил ему «пассажирский билет № 7» для вылета из Питомника. Через час капитан был в Новочеркасске, а затем совершил большой бросок в Восточную Пруссию.

У входа в резиденцию Гитлера его тщательно обыскали, забрав у него пистолет. 15-го января, в девять часов вечера капитан Бер вошел в конференц-зал Вольфшанце (тот самый, куда через восемнадцать месяцев войдет фон Штауффенберг). Среди двух десятков офицеров он узнавал лишь немногих — фельдмаршала Кейтеля, генерала Йодля, Мартина Бормана, генерала Хойзингера. Гитлер, обратившись к «герр гауптману», сумел очаровать молодого офицера. Он был предельно любезен и просил Бера быть предельно откровенным. «Мой фюрер, генерал Паулюс приказал мне проинформировать вас о создавшемся положении. Позвольте мне сделать соответствующее донесение». Бер постарался не предать товарищей и был действительно предельно откровенен. Он рассказал о наступившем в «крепости» голоде, об ослаблении морального духа войск, о

взорванных из-за отсутствия снарядов орудиях. 200 тысяч солдат умирают не имея помощи.

Гитлер обратился к карте. Он признал ряд сделанных ошибок, но обещал Беру через некоторое время прорвать русское кольцо и освободить 6-ю армию. Удивив всех отчаянной смелостью, Бер, при упоминании о воздушном мосте, перебил Гитлера: «Но воздушный мост не работает». Гитлер казался удивленным, он указал на цифры вылетов, которые теоретически должны были спасти 6-ю армию. Бер покачал головой. Он видел грозящего ему пальцем Кейтеля, но отчаяние было сильнее офицерской дисциплины. Капитан ответил, что многие вылеты в «кольцо» не завершались посадкой, что постоянный огонь противника препятствует посадке, что погода отвратительна и пилоты бессильны. Бер чувствовал, что выполняет свой долг, и теперь его не смущал блеск окружающих погон. «В высшей степени важно, чтобы Шестая армия знала, что необходимый объем припасов будет доставлен в крепость. Рассуждать в долгосрочном плане уже поздно. Шестая армия находится на пределе своих возможностей и требует принятия ясно выраженного решения по вопросу, может или нет она рассчитывать на снабжение и поддержку в течение ближайших сорока восьми часов».

Гитлер воззрился на младшего в зале офицера. Воцарилась звенящая тишина. Кейтель был в состоянии апоплексического удара. Гитлер нарушил тишину словами, что немедленно обсудит сложившееся положение со своими советниками. Бер отдал честь и вышел из зала. Дневник Бера: «Только тогда я понял, что Гитлер утратил всякую связь с реальностью. Он жил в фантастическом мире карт и флажков... Теперь я совершенно точно знал, что мы проиграем войну». Разговорившийся с ним адъютант Гитлера Шмундт понял, что молодого офицера нельзя отсылать назад в Сталинград и направил его в Мелитополь к маршалу Мильху.

Многих германских офицеров удивляло то обстоятельство, что в официальных сводках о Сталинграде не говорилось ни слова. У немцев между тем гибли элитные части, так была стерта с лица земли 29-я моторизованная дивизия, бывшая в 1941 году авангардом Гудериана, когда тот прошел путь от Бреста до Тулы. Госпитали уже не принимали раненых. Те просили товарищей пристрелить их на месте. Началась массовая сдача германских солдат в плен. Офицеры потеряли власть над своими частями. Часовые засыпали на своих постах. Воцарился инстинкт самосохранения. Паулюс, относясь уже как к мишуре пожалованным 15 января Дубовым листьям к его Рыцарскому кресту, сохранял выдержку, но Шмидт был язвительнее обычного.

Впервые в истории войны в плен сдался целиком батальон 295 пехотной дивизии. Его командир: «Спасаться бегством было бессмысленно. Я сказал своим солдатам — если мы хотим спастись, нужно сдать противнику». Командир второго батальона (305-я пехотная дивизия), сдавшегося через несколько дней: «Я не мог больше видеть, как мои солдаты умирают от голода и холода. Каждый день дивизионный врач принимал десятки людей с обморожениями. Положение сложилось катастрофическое, и я решил, что лучший выход — сдать на милость победителя».

Наступающие войска были под впечатлением огромного склада немецкой техники близ Питомника. На поле аэродрома стояли внушительные «фоккевульфы». Немецкие склады всегда впечатляли своей упорядоченностью, но поразительно было увидеть среди степи и хаоса строгий порядок во всевозможном оборудовании, техническую осмысленность на фоне пейзажа конца света. Своего рода культурный шок.

На южном фланге сталинградского кольца командующий Второй гвардейской армией Малиновский, воевавший в Первую мировую войну во Франции, принимал группу западных журналистов (среди них такие таланты и такие друзья России, как Александр Верт). Генерал понравился журналистам отсутствием претензий, да и внешним видом — высокий, с зачесанными назад волосами и открытым лицом. Малиновский понравился им также тем, что признал внезапный, заставший русских врасплох характер декабрьского танкового наступления Гота, критический характер выхода на его дорогу к Паулюсу Второй гвардейской армии. Он спокойно сказал слова, которые не могли не запомниться: «Впервые немцы проявляют признаки потрясения. Пытаясь прикрыть пространства прорыва, они перебрасывают свои войска с одного места на второе... Немецкие офицеры, которых мы захватили в плен, в высшей степени разочарованы своим верховным командованием и своим фюрером». Журналисты спросили генерала с типичным русским лицом: когда завершится германское сопротивление в сталинградском кольце? На что Малиновский ответил: «Сталинград представляет собой вооруженный лагерь военнопленных, его положение безнадежно».

16 января 1943 года, в день, когда Паулюс в последний раз запросил, почему не приземлилось ни одного транспортного самолета, Красная Армия возобновила наступательные операции. Она действовала как молот, кладя немцев на железную наковальню 62-й армии, которой было не привыкать сдерживать немцев. Уже вскоре 6-я армия лишилась более или менее оборудованного аэродрома в Питомнике. Оставшийся у нее Гумрак

был меньше и хуже оборудован, но туда реже долетали советские снаряды. Теперь обреченность 6-й армии почувствовали самые слепые оптимисты. Передаточная станция Гумрака сообщала последние сведения о положении окруженных. «Состояние многих частей в высшей степени неудовлетворительно. Полностью истощены офицеры и солдаты, которые в течение многих дней почти без пищи тащили за собой на расстояние 20 километров через глубокие снега пушки по бездорожным степям. Положение с запасами катастрофическое. В некоторых местах стало невозможным снабжение войск на боевых позициях из-за отсутствия топлива». 6-я армия сосредоточилась, в основном, в восточной, прижатой к городу части «котла».

Утром 17 января состоялось совещание высших офицеров, ответственных за операцию «Кольцо». Предлагалось остановиться, перегруппироваться и начать наступление заново. Все говорили о невпечатляющем числе военнопленных — всего 6896 на тот день. Но главные ответственные за операцию — Воронов и Рокоссовский — приказали продолжать наступление безостановочно.

18 января Паулюс передал войсковому летчику прощальное письмо к жене, свои награды и обручальное кольцо. Утром из кольца окружения вылетел Хюбе, тот, который первым из немецких генералов увидел Волгу, тот самый «Менш». Едва ли однорукий генерал гордился этим при взлете самолета. Лучше бы он ее не видел. В этот час из «котла» вылетали специалисты — Гитлер вознамерился воссоздать новую 6-ю армию из двадцати дивизий — был издан соответствующий приказ. В министерстве пропаганды Геббельс, готовясь к худшему, сказал своим журналистам, что «очень скоро сталинградский котел перестанет существовать».

Гитлер вмешался в игру Манштейна, прислав в Таганрог (куда из Новочеркасска переместился штаб группы армий «Дон») генерала авиации Эрхарда Мильха. Именно ему, известному своей энергией, было поручено собрать со всей Европы транспортные самолеты и осуществить еще одну попытку наладить снабжение 6-й армии. Флотилия в сто самолетов стремилась теперь наладить челночные рейды на все тот же аэродром Гумрак, куда начали отход части 6-й армии с позиций западнее Сталинграда. Но аэродром уже не отзывался. Манштейн молча показал Мильху радиограммы Паулюса. «Аэродром в Гумраке используется с 15 января, взлетные полосы приспособлены для ночных посадок... Требуем максимально быстрых действий. Самая большая степень опасности». Но специалисты Мильха категорически не соглашались с высокими оценками Гумрака. С их точки зрения, Гумрак не представлял собой аэродрома

вообще. Паулюс был весь во власти гнева. «Протесты люфтваффе рассматриваются здесь как простые отговорки... Длина посадочных полос увеличена. Полностью компетентная организация всех наземных установок». Правда заключалась в том, что перешедшие из Питомника в Гумрак техники еле волокли ноги. И они не могли сотворить чуда — за несколько дней из степной полосы сделать современный аэропорт. Посланный посредником между люфтваффе и Паулюсом майор Тиль был просто утрачен качеством взлетной полосы. Повсюду были разбросаны части сбитых самолетов и наземной техники. Между кратерами от бомб он насчитал останки тринадцати самолетов. Рихтгофен же с самого начала утверждал, что ему нужны минимум шесть аэродромов. Все остальное казалось ему простой имитацией активности.

Между тем прежде редко терявший самообладание Паулюс рычал на Тиль: «Если ваши самолеты не могут приземлиться, моя армия обречена. Прилет каждой транспортной машины спасает тысячу человек. Разбрасывание груза с воздуха бессмысленно. Мы не можем собрать канистры с горючим, люди чрезвычайно ослаблены. Они не ели четыре дня». И роковое обвинение: «Почему люфтваффе дало определенные обещания наладить снабжение? Кто виновен в мнении, что это возможно? Если бы мне было сказано, что это невозможно, я бы не обвинял люфтваффе. Я мог бы пробиться. Тогда, когда я был еще силен. Сейчас об этом говорить поздно. Фюрер дал мне твердые заверения в том, что он и весь немецкий народ чувствуют свою ответственность за эту армию... Мы находимся уже в двух разных мирах, вы говорите уже мертвым людям. Отныне мы существуем только на страницах исторических книг».

Советские танки пробивались к Гумраку с севера и запада. Паулюс приказал составлять списки наиболее ценных военных специалистов и отправлять их по воздуху. Так покинули «котел» однорукий фон Хюбе и майор Зитцевиц. Шмидт послал с ними свое завещание, а Паулюс — награды. Паулюс говорил о том, что с таким костяком 6-я армия будет возрождена.

20 января возобновилось наступление Красной Армии. Его основной целью был на этот раз Гумрак. На следующий день, когда взлетные полосы стали простреливаться, немцы стали готовиться к его закрытию. В эфир пошла радиogramма, что аэродром будет действовать до 4 часов утра 22 января. Паулюс доложил свое окончательное мнение: какая бы помощь теперь ни поступила, уже слишком поздно. Кто-то из неистребимых оптимистов начал рассказывать случаи чудесного поворота обстоятельств. Паулюс резко прервал: «Мертвецов не интересует военная история». На

рассвете 22 января у Гумрака появились цепи советских войск. Наступил последний этап. У немцев не было уже двух третей изначальной мощи.

Единственной мечтой сталинградских немцев стало наткнуться на сброшенный с воздуха контейнер с продовольствием. Их было не так много, часть из них попала в расположение советских войск. На водонапорной башне Сталинграда взвился красный флаг. А Гитлер из своего далека слал телеграмму: «О капитуляции не может быть и речи. Войска должны стоять до последнего. Соберите боеспособные части на меньшей территории и защищайте ее до конца». Двадцать тысяч раненых теперь не могли и мечтать о транспортировке в тыл. В городе, который с такой яростью разрушили немцы, их же раненым не хватало воды и света. Вши покидали только мертвые тела. Сто тысяч солдат вермахта полностью ощутили дело рук своих. Их зеленовато-желтые лица уже ничего не выражали. В 14-й танковой дивизии не было ни одного танка. Советские орудия теперь били по избранным целям прямой наводкой. 25 января Паулюс получил легкое ранение в голову. А рядом генералы уже начали серию самоубийств.

22 января Паулюс обратился по радио к командующему группой армий «Дон» (с просьбой передать копию фюреру). «Русские наступают на шестикилометровом фронте по обеим сторонам от Воропоново в восточном направлении. Закрывать образовавшуюся брешь не представляется возможным... Провизия подошла к концу. Наличествует более двенадцати тысяч раненых. Какие приказы я могу отдать войскам, у которых нет боеприпасов? Требуется незамедлительное решение, поскольку заметны уже симптомы дезинтеграции. Но войска еще не потеряли веры в своих командиров».

В кратчайшее время Гитлер ответил гибнущей армии. «Капитуляция невозможна. Войска будут защищать свои позиции до конца... Шестая армия внесла исторический вклад в самое гигантское военное усилие в германской истории». Теперь молчаливый Паулюс перебрался из бункера в Гумраке в сталинградский подвал. Этот всегда аккуратный офицер теперь поражал всех знавших его своей небритостью и безжизненными голубыми глазами. Улетающему полковнику Зелле он сказал: «Скажите им, что шестая армия предана верховным командованием».

Гитлер принял майора фон Зитцевица в манере, схожей с приемом капитана Бера. Он вышел навстречу майору и взял его правую руку в обе свои со словами: «Вы вырвались из достойной сожаления ситуации». Огромную стену занимала карта германо-советского фронта. Камин разливал тепло с противоположной стороны. Генералы Цейтцлер и Шмундт

сидели сзади Гитлера, который описывал сражения на верхнем Дону и выражал надежду на прорыв к Паулюсу с этой стороны. Когда высказаться было предложено Зитцевицу, тот прервал поток фантазий. «Войскам в Сталинграде нельзя приказывать сражаться до последнего патрона, потому что они физически неспособны сражаться, да и потому, что у них нет последнего патрона». Гитлер отпустил майора бормоча, что «людям свойственно быстро восстанавливать силы».

22 января 1943 года началось финальное наступление советских войск. Огнем советских танков было подожжено здание маленького вокзала станции Гумрак. Когда охрана аэродрома бежала в Сталинград, танки вышли на взлетную полосу. Прямой наводкой они сокрушили окружающие помещения и пошли вперед по шпалам ведущего к Сталинграду пути. К утру 24 января примерно сто тысяч немецких солдат и офицеров сгрудились в городе, который они своими руками превратили в развалины. Семь часов светлого времени использовались для планомерного похода по подвалам и укрытиям. Ничто не могло теперь остановить Красную Армию, саму когда-то защищавшую эти подвалы, а теперь добавившую к ярости свирепую решимость и признанное умение.

Большинство сбрасываемых с немецких самолетов грузов теперь попадало в руки Красной Армии. Только теперь дисциплинированные немецкие солдаты начали спрашивать: ради чего они сражаются? Военная цензура в Таганроге исследовала письма военнослужащих домой, и результаты анализа были отосланы министру пропаганды рейха Геббельсу. Скептическими и циничными в отношении ведомой войны были 57,1 процента авторов писем. Индифферентными — 33 процента. Сомневающимися в ее результатах — 4,4 процента писавших. Активно выступающих против войны оказалось 3,4 процента. Одобряли ведущуюся войну и способ ее ведения только 2,1 процента. Критиками в отношении Гитлера и верховного военного командования выступали две трети авторов. Устрашенный Геббельс приказал уничтожить все письма.

26 января советская 21-я танковая дивизия 65-й армии генерала Батова сомкнулась с бессмертной 13-й гвардейской дивизией генерала Родимцева из 62-й армии к северу от Мамаева кургана. Чуйков: «В глазах солдат стояли слезы радости». Немного осталось тех солдат, большинство из которых легли костями, чтобы настал этот день.

Рассоединение двух армий-соседей продолжалось целых 138 дней. И каких дней! Теперь героическая 62-я уже не была в привычном для себя состоянии «острова сопротивления». Родимцев заключил в объятия капитана-танкиста Усенко: «Это самый счастливый день». Счастливым был

этот день и для русского Родимцева и для украинца Усенко. Десятки людей видели как генерал Родимцев, потерявший здесь, на склонах Мамаева кургана, восемь тысяч своих солдат, и молодой капитан Усенко вместе рыдали от счастья и горя. Предать спустя полстолетия эти объятия — ради чего?

Изменилась ситуация в воздухе. Особенностью наступившего времени стало могущество советской авиации. Заводы на Урале, в Поволжье и Сибири работали не зря. Прекрасные новые модели успешно конкурировали с немецкими за господство в воздухе. Погибших летчиков 1941 года сменили молодые выпускники летных училищ, бесстрашные в своей решимости вернуть наше небо. Им порой не хватало опыта, но такие, как Иван Кожедуб — наш первый ас, — уже начали свой славный путь в сталинградском небе. Теперь их задачей было не просто славно умереть в сражении с «Мессершмиттами», но показать более классный маневр, зайти с тыла, обойти с фланга, использовать новую скорость своих машин, новую огневую мощь и победить врага в его профессиональном ремесле. Отныне — и до Берлина — господство в воздухе переходит к молодым авиаторам, абсолютное большинство родителей которых никогда не видело боевых самолетов. Теперь они смело поднимались в воздух, и их целью становятся не только заметные крупные цели на земле, но и скромные автомобили, порой даже отдельные фигуры. Ситуация лета 1941 года поменялась на противоположную. Пулеметный огонь и бомбы с неба обрушились теперь на агрессора.

18 января, в день прорыва блокады Ленинграда, Жуков стал маршалом. Наш лучший военачальник этой великой войны получил давно заслуженное признание. Он стал первым маршалом из плеяды военных мыслителей и полководцев нового поколения, за ним пойдут Василевский, Конев, Рокоссовский, Говоров, Еременко, Баграмян и другие лучшие сыны нашей родины. А советское высшее военное руководство думало уже преимущественно о «Сатурне». Войска продвинулись вперед, к Ростову, еще на пятьдесят километров. Наступление на верхнем Дону шло полосой почти в четыреста километров, от Павловска до Касторного. Основной удар и на этот раз наносился по итальянским дивизиям, не попавшим под удар в декабре, а также по 2-й венгерской армии.

Левый фланг Манштейна оказался практически обнаженным. Особенностью Манштейна было то, что он видел главное. Ростов. Можно отступать сколько угодно, но нельзя сдавать Ростов — тогда северокавказские войска окажутся в безнадежном мешке. Поэтому Манштейн отчаянно маневрировал своими истощенными дивизиями с

главной целью сдерживать, ослабить, затормозить ход сталинградского молота к ростовской наковальне.

Манштейн предложил Гитлеру позволить 6-й армии запросить противника о сдаче, поскольку «нет ничего полезного в продолжении сдерживания сил противника». Но Гитлер упрямо повторял, что каждый час сражения, принимаемого на себя шестой армией спасает весь германский фронт.

После 26-го января бои в Сталинграде, окруженном со всех сторон, приобрели эпизодический характер. Теперь немцы следили лишь за одним — как советские солдаты обращаются со сдающимися немецкими солдатами. Паулюс велел перевести свой штаб в здание главного сталинградского универмага, расположенного на Красной площади города. Бородатый Паулюс быстро прошел в подвал. Рядом радисты устанавливали радиосвязь с Таганрогом, со штабом Манштейна. 28 января советские войска разделили город на три сектора. Первый — одиннадцатый немецкий корпус в районе тракторного завода; восьмой и пятьдесят первый корпуса к западу от Мамаева кургана; остальные вокруг главного универмага.

30 января офицеры и солдаты столпились вокруг радиоприемников, чтобы выслушать речи по поводу десятилетия установления нацистского режима в Германии. Удивленная аудитория узнала, что заглавную речь произнесет не Гитлер, а Геринг. «Создана нация, твердая как сталь. Враг силен, но германский солдат стал еще тверже... Мы отняли у русских уголь и железо, без которых они не могут создавать вооружения... Возвышаясь надо всеми этими гигантскими битвами как величественный монумент, стоит Сталинград... Когда-нибудь эта битва будет признана величайшей в истории, битва героев... Как и Нибелунги, они стоят до последнего... Когда-нибудь там будет надпись: „Путник, если ты придешь в Германию, скажи немцам, что ты видел нас лежащими в Сталинграде“». В подвалах и проходах раздались проклятья по адресу «этой жирной свиньи», которая уже, собственно, считала их мертвыми. В одной из комнат прослушали последовавший «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес», но когда начался нацистский гимн «Хорст Вессель», приемник разбили прикладами автоматов.

Но Паулюс остался верен нацизму. Он послал Гитлеру следующую радиограмму: «В связи с десятой годовщиной вашего прихода к власти Шестая армия приветствует своего фюрера. Флаг со свастикой все еще реет над Сталинградом. Пусть наша битва будет примером нынешнему и грядущим поколениям, чтобы они не сдавались в безнадежных ситуациях, ибо только тогда Германия останется победоносной». Зная, что в

германской истории еще ни один фельдмаршал не сдавался противнику, Гитлер произвел Паулюса в фельдмаршалы — мечта каждого германского кадрового военного. Но в данном случае, попросту говоря, это был намек на желательность самоубийства.

В ночь на 31 января части 38-й моторизованной стрелковой бригады и 329-го инженерного батальона окружили здание «Универмага», где размещался самый молодой фельдмаршал вермахта. Телефонная связь с ним была оборвана.

Но утром 31 января переводчик Паулюса Борис фон Найдхардт подошел к стоящему недалеко от универмага советскому танку. В башне стоял молодой лейтенант Федор Ельченко. Видя приближающегося немецкого офицера, Ельченко прыгнул на землю. Найдхардт сообщил: «Наш большой начальник хотел бы поговорить с вашим большим начальником». Ельченко покачал головой: «У нашего большого начальника много дел. Сейчас до него не добраться. Так что имейте дело со мной». Вокруг Ельченко немедленно оказались четырнадцать автоматчиков. Найдхардт отказался провести Ельченко в таком сопровождении, а Ельченко не хотел идти один. Согласились на делегацию в три человека. В подвале этого мертвого дома командующему 6-й армией был представлен официальный советский ультиматум с требованием капитуляции. Новорожденный фельдмаршал германской армии сдался курносому двадцатилетнему танкисту. Согласно специальной договоренности, советская сторона подогнала штабной автомобиль для фельдмаршала Паулюса. Автомобиль помчал на юг, мимо теперь знаменитого элеватора, в Бекетовку, где в деревянном доме фельдмаршала встретил командующий 64-й армией генерал Шумилов.

Выйдя вместе с немцами на улицу, Шумилов не смог сдержаться. Он раскинул руки к синему-синему небу, облитому золотым сиянием солнца, и воскликнул: «Ах, какой восхитительный весенний день!» Вокруг стояли фоторепортеры. Перед ними был исключительный по ассортименту буфет, но Паулюс потребовал гарантии того, что будут накормлены его люди. Обещания были даны, и Шумилов вместе с Паулюсом и Шмидтом с чистым сердцем пошли к столу. За обедом Шумилов предложил тост за победу Красной Армии. Поколебавшись, Паулюс поднял свой стакан: «Я пью за победу германского оружия». Помрачневший Шумилов поставил свой стакан. Помолчал, отошел душой и примирительно сказал: «Забудьте это. Ваше здоровье!».

Следующим пунктом фельдмаршала Паулюса был командный центр Донского фронта в Заварыкине, где его уже ожидали Воронов и

Рокоссовский. После бесед с пленным фельдмаршалом советские генералы 4 февраля вылетели в Москву. Отныне Донской фронт превратился в Центральный фронт и теперь он дислоцировался между Воронежским и Брянским фронтами. В Москве Рокоссовский узнал, что именно он будет командовать этим фронтом и теперь его задачей является пробить линию германского фронта и войти в тыл группы армий «Центр». Перед ним теперь стоял старый русский город Курск.

Чуйков принимал капитуляцию других генералов. Один из них — генерал Корфес — начал рассуждать о том, какой жалостью является то, что два величайших гения эпохи — Гитлер и Сталин — не смогли найти общий язык. Этим он определенно привел Чуйкова в замешательство. Чтобы скрыть его, Чуйков заказал чай и бутерброды. Старый «Форд» перевез генералов через Волгу.

В четыре часа пополудни 2 февраля бои в городе прекратились. В руки Донского фронта попали 5762 орудия, 1312 минометов, 156 987 автоматов, 10 679 мотоциклов, 240 тракторов, 3569 велосипедов, 933 телефонных аппарата, 397 километров кабеля.

Рано утром 1 февраля московское радио сообщило о пленении Паулюса и Шмидта. На полуденном совещании Цейтцлер еще не верил Москве. Гитлер же неистовствовал. Перед огромной картой Восточного фронта он говорил Цейтцлеру, Кейтелю и прочим о поступке новоиспеченного фельдмаршала: «Итак, они сдались и абсолютно. Вместо того, чтобы сплотить ряды, образовать круговую оборону и застрелиться последним патроном... Когда нервы сдают, ничего не остается, кроме как признать неуправляемость ситуации и застрелиться». Цейтцлер предпочитал жить в мире сомнений: «Возможно, что все это не соответствует реальному положению вещей; возможно Паулюс просто тяжело ранен». Гитлер: «Нет, это правда. Их всех отвезут в Москву, прямо сейчас предоставят ГПУ и добьются от них призыва к северным секторам сопротивления также сложить оружие. Этот Шмидт подпишет все что угодно. Человек, у которого нет мужества в такое время, не сможет противостоять обстоятельствам... В Германии слишком большое внимание уделяют формированию интеллекта, вместо того чтобы формировать характер... Как он (Паулюс) мог сдаться большевикам?... Его отвезут в Москву, и он подпишет все что угодно. Он будет делать признания. Будет выступать с прокламациями. У солдат фундаментальным элементом является характер, и если мы не сумели сформировать его, если мы будем порождать только интеллектуальных акробатов и духовных атлетов, мы никогда не создадим расы, способной выстоять перед тяжелыми ударами

судьбы... Что такое жизнь? Жизнь — это нация. Индивидуум так или иначе умрет. За пределами жизни индивидуума существует нация. Как можно бояться смерти, которая освобождает нас от жалких сторон бытия...? В этой войне никто больше не получит ранг фельдмаршала».

В Германии был объявлен трехдневный траур, все развлечения были остановлены, из радиоприемников звучала только траурная музыка. Геббельс сделал первые наброски своей речи о грядущей тотальной войне.

Глава тринадцатая

Кульминация мирового конфликта

Если весна предшествующего, 1942-го года была временем значительного численного ослабления Красной Армии, то через год положение Советского Союза стало улучшаться. Надир, нижайшая точка, была пройдена и советские вооруженные силы начали крепнуть. Во многом это было следствием того, что тыл беззаветно и самоотверженно работал для фронта. Советская наука мобилизовала свои возможности в производственной сфере. Научно-технический совет при ГКО оптимизировал производство на Урале и в других отдаленных от фронта регионах. К примеру, был разработан новый способ производства алюминия. На Урале и за ним были найдены новые источники энергии. В Башкирии нашли нефть. Уральские заводы выплавляли новую броню для танков, более мощная модель «катюши» стала поступать в войска. Шпагин, Дегтярев и Токарев создали новые автоматы и другие виды стрелкового оружия. Получивший всемирную славу пистолет-пулемет Шпагина (ППШ) стал основным оружием пехоты.

Новое лицо приобрела авиация. Истребитель с превосходными данными Ла-5-ФН был поставлен на конвейер, и значительные количества этой прекрасной машины начали поступать в войска, устремленные к району Курска. А на конвейер ставили уже более усовершенствованный Ла-7 с 20-мм пушкой и скоростью более 600 км в час. Штурмовик Як-9Т стал грозой немецких танков. На конвейерные линии поступил двухмоторный бомбардировщик уже погибшего Петлякова — Пе-2. Настоящим победным фактором войны стал выход на поток знаменитого штурмовика Ил-2, оснащенного в феврале 1943 года новым мотором и пушкой калибра 37 мм. Трио Яковлев, Ильюшин и Лавочкин фактически создали военную авиацию, во многом превосходящую мировые образцы.

Основное орудие Второй мировой войны — танки — обрели к битве у Курска новый облик. 64 сборочные линии Кировского танкограда в Челябинске получали уже отлитую башню Т-34, а сам танк подвергся модернизации. Легендарный Т-34 доказал свое право быть основой танковых сил. Собственно, он пройдет всю войну без радикальных модификаций. На Уралмаше за месяц выполнили заказ пустить в серию самоходную артиллерийскую установку САУ-122, и в январе 1943 года

самоходки были опробованы на Волховском фронте. В феврале на конвейере была уже более мощная артиллерийская установка САУ-152. В целом на протяжении 1943 года советской оборонной промышленностью были созданы 21 новый танк и самоходное орудие.

Осенью 1942 года в танковые войска начинают поступать новые превосходные тяжелые машины — КВ-1С, имеющие более прочную броню, 76-мм пушку и три пулемета. В дальнейшем на шасси КВ-1с устанавливают 85-мм пушку и модель получает название КВ-85 — немцы сравнивали его с последним словом своей танковой техники — со своим «Тигром-1». Лучшим тяжелым танком созданным к сентябрю 1943 года группой Котина становится «Иосиф Сталин» (ИС-1), весом в 44 тонны. Далее следует модификация ИС-2, весом в 45 тонн, со 122-миллиметровой пушкой и тремя пулеметами. В 1943 году их произвели немного, всего 102 машины, но уже в следующем году на поля сражений выйдут 2250 таких машин. ИС-2 соединил в себе мощь тяжелого танка и относительную легкость и подвижность средних танков.

В танки постепенно устанавливается радио, что делает возможным командование боевыми машинами в бою.

Построение главного ударного орудия Второй мировой войны — танковых войск — претерпело в Красной Армии к 1943 году определенные трансформации. Напомним, что летом 1942 года советские танки снова вышли на поля сражений в крупных соединениях и, к сожалению, снова испытали печальную судьбу разбитых советских армий, откатившихся летом и осенью к Волге и отрогам Кавказа. Но поздней осенью военная мысль приходит к окончательному выводу, что разумной альтернативы крупным танковым соединениям попросту нет. Уже осенью 1942 года вдумчивые командиры, начиная с руководителя главного управления бронетанковых сил генерала Федоренко, приходят к выводу, что смешение танков с пехотой является ошибкой. Федоренко убеждает ГКО и Сталина в необходимости отделить бронетанковые войска от пехотных. И танковые армии становятся в 1943 году воистину самым грозным оружием советской армии. В январе боевые задачи на советско-германском фронте решали восемь с половиной тысяч танков, сосредоточенных в пяти танковых армиях: 1-я танковая — Катухов, 2-я — Родин, 3-я — Рыбалко, 4-я — Баданов, 5-я — Ротмистров. В резерве Ставки — еще 400 боеспособных танков; в округах, на ремонте и т. п. — дополнительные 4300 машин. Еще раз скажем: советская танковая машина, которая вынесла невероятный удар в 1941–1942 годах, понеся огромные потери, начинает возвращаться в строй. Советские танковые силы превращаются в наиболее действенный

род вооруженных сил, и так будет впредь до Берлина.

Советская пехота к середине 1943 года была лучше подготовлена к антитанковой борьбе, чем любая пехота мира. Советские пехотинцы несли с собой полтора миллиона противотанковых ружей, в их рядах были более 20 тысяч легких противотанковых пушек. Новая граната РПГ-43 была способна вывести из строя средний танк. Даже немцы высоко оценили качества советских легких противотанковых орудий — фельдмаршал Роммель был именно ими вооружен в египетской пустыне. Появились новые пулеметы. Вместо старого «максима» стандартным пулеметом становится тяжелый пулемет Горюнова. Расширяются части реактивных минометов. К концу 1943 года в составе РККА были четыре дивизии «катюш». Залп такой дивизии означал запуск 3840 ракет общим весом в 230 тонн.

В начале 1943 года оформляется военная элита. Возникает заметное разделение между ударными гвардейскими частями, способными решать проблему противостояния немцам (и решать успешно), и теми боевыми подразделениями, которые явственно отстают в своей учебе, полагаясь на массу, самопожертвование, а не умение-планирование-маневрирование. Танки начинают играть лидирующую роль, а пехота все более вспомогательную.

В советской армии исчезает чувство обреченности, сложности (едва ли не невозможности) противостоять невероятно эффективной германской военной машине. Это не означает, что появляется высокомерие и шапкозакидательство (его не будет до конца войны), но появляется нечто, утерянное еще в предшествующей мировой войне, в 1914–1915 годах: что при прочих равных условиях вперед вырвется невообразимая немецкая эффективность и что соперничество с организованными немцами практически невозможно. Более того. В конце мая 1943 года маршал Василевский говорит Толбухину и Бирюзову, что Германия ослаблена, советские войска начинают превосходить немецкие «в количестве и качестве», советское командование приобрело «солидный опыт» ведения наступательных операций, дисциплина укреплена, организованность стала законом армии.

Конечно же, цена этой перемены, цена этой великой учебы огромна. Мужчины огромной страны практически все мобилизованы, 90 процентов транспорта реквизировано, разруха освобожденных территорий и страшное напряжение тыла вбирают последнюю энергию страны. Но гудят заводы тыла, увеличивается грузопоток основных товаров и оружия, которым бедная, но полная решимости страна снабжает свою армию. Ошеломленная

горем и страданиями страна продолжала, отдавая все, наращивать военные усилия. В 1943 году она решительно превзошла в военном производстве Германию — ведущую индустриальную державу европейского Запада, покусившуюся на ее суверенитет. Промышленность даже резко сократившегося Советского Союза значительно превосходит промышленность увеличившейся Германии по основным показателям. Напрягаясь из последних сил, Советский Союз сумел обойти своего противника в производстве вооружений. Советская армия решительно лучше становится снабженной оружием, что сразу же сказывается на ее боевых возможностях.

Начинает ощущаться помощь западных союзников. Приведем цифры помощи США и Великобритании за всю войну (1941–1945 гг.). В войсках заметным явлением станут танки необычного профиля — союзные машины. К 1943 году на советско-германский фронт прибыли 2500 британских машин и 2000 американских. (За весь период с июня 1941 по апрель 1944 года РККА получила 3734 американских танка, 4292 британских и 1400 канадских). Как это ни невежливо звучит, но западные танки не произвели большого впечатления на советских танкистов; высшие оценки среди западных танков получил американский «Шерман», низшие — британские танки. Сталин открыто попросил «присылать грузовики, а не танки».

Слабое место РККА в мобильной войне — нехватка автотранспорта, прежде всего грузовиков. Значительно помог ленд-лиз — 183 тысячи грузовиков и джипов к середине 1943 года (из общего числа в 430 тысяч, поставленных к 1944 году). К лету 1943 года СССР получил товаров по ленд-лизу на 150 млн. долларов. Сталин настаивал не на танках и самолетах, а на металлосоорье и продовольствии (алюминий, стальное литье, медь, цинк, тысячи тонн масла для госпиталей).

Полученное по ленд-лизу:

- * Самолеты — 14 203
- ** Истребители — 9438
- ** Бомбардировщики — 3771
- * Танки — 6196
- * Грузовики — 363 080
- * Джипы — 43 728
- * Мотоциклы — 32 200
- * Взрывчатые вещества (тонны) — 325 784
- * Радиоустановки — 35 089
- * Полевые телефоны — 380 135

* Мясо консервированное (тонны) — 14 793 000

* Сапоги (пары) — 2 577 000

* Медь (тонны) — 339 599

* Алюминий (тонны) — 261 311

К середине 1943 года американцы отправили в СССР 900 тысяч тонн стали, 1,5 млн. тонн пищевых продуктов, 138 тысяч грузовиков и джипов. Когда Сталин проявлял ярость в отношении задержек с поставками, он имел в виду экстренную нужду даже не в танках и самолетах, а в продовольствии, химикатах, станках, алюминии, стальных листах, трубах, меди, цинке.

Страна в самых тяжелых условиях сохраняет национальную науку, особенно на многообещающих направлениях. В конце 1942 года Курчатов назначается руководителем атомных исследований с правом отзывать с фронта всех необходимых специалистов. Его цель — создание циклотрона. После освобождения Харькова в августе 1943 года в украинской индустриальной столице создается «Лаборатория № 1», а в Москве «Лаборатория № 2». Среди руин и военной бедности вызревает и развивается советский атомный проект. Синельников работает над этой проблематикой в Харькове, а Курчатов с Капицей и другими академиками в Москве.

Расклад в германской элите

В первой половине 1943 года устанавливается своего рода баланс между военными машинами Советского Союза и Германии. Германия едва ли уже могла с большой долей уверенности рассчитывать на победу в войне; СССР как будто получал шанс избежать поражения. Холод невозможного, страшное чувство впервые выскользнувшей из рук военной удачи начинает овладевать прежде неколебимым противником. Ощущая определенную утрату инициативы, германское командование обязано было спешить, пока приливная волна истории не повернет их мрачный поток.

После Сталинграда несколько ведущих деятелей рейха — Геббельс, Функ, Лей, Шпеер (к слову, те деятели верхушки германского руководства, которые имели университетское образование) — начинают ощущать тревогу — не по поводу сталинградских жертв, а по поводу военной судьбы Германии, которую они впервые начинают видеть в весьма блеклом свете. Как вспоминает Шпеер, «в одной из наших дискуссий в начале 1943 года Геббельс выдвинул то положение, что, переходя от триумфа к триумфу в начале войны, мы предприняли только половинчатые меры внутри рейха для победного ведения этой войны. У нас уже сложилось представление, что мы можем быть победоносными без приложения огромных усилий... Теперь Сталинград стал нашим Дюнкерком. Теперь войну нельзя вести без приложения особых усилий».

Требовалось мучительно преодолеть традиционную немецкую самоуверенность, чтобы на секретной конференции гауляйтеров признать (Гитлер 7 февраля 1943 года): «То, что мы наблюдаем, является катастрофой неслыханных размеров. Русские прорвали фронт, румыны сдаются, венгров вообще не поднимешь на борьбу. Если немецкий народ не сумеет преодолеть всего этого, тогда он не заслуживает нашей борьбы за его будущее».

Но для успешных действий требовался рациональный анализ. Именно здесь нацистская машина начинает давать сбои. Начиная с осени 1942 года процесс непредвзятого обсуждения начинает терять свою рациональность. Гитлер отнюдь не стимулирует самостоятельность. Олицетворением нового порядка осмысления ситуации и принятия решений стал все более превращающийся в успешного царедворца фельдмаршал Кейтель. В эти месяцы Йодль, которому, как главе штаба Оберкомандо Вермахт, полагалось вести ежедневные заседания, отдает все бразды правления

Гитлеру. Лишь по нескольким ремаркам можно судить, что генерал-полковник Йодль сохраняет критическое чутье, но, отступая перед неизбежным, смиряется с обстоятельствами, которые оказываются сильнее его.

На финальной стадии сталинградского кризиса вокруг Гитлера формируется внутреннее окружение, то кольцо, которое будет влиять на фюрера до самого конца третьего рейха. Это кольцо возглавил триумвират — Борман от партии, Кейтель от военных, Ламмерс от чиновников правительства и промышленности (он председательствовал на заседаниях кабинета министров, ставших регулярными с января 1943 года). Отныне подпись под практически любым документом могла быть поставлена Гитлером только в случае допуска этого документа к Гитлеру указанной тройцей. В ведении войны Кейтель приобретает влияние и значимость, значительно превосходящие его мало кем признанный военный талант. Как считали почти все, знакомые с внутренним кругом Гитлера, Кейтель не обладал ни инициативой, ни воображением, ни необходимым чувством ответственности. Высшие военачальники не признавали его авторитета, фельдмаршалы рейха стремились избежать зависимости от него.

Во внутренних делах Мартин Борман возвышается до положения, официально зафиксированного 12 апреля 1943 года, — он становится «секретарем фюрера». Все аудиенции Гитлера могли быть устроены только через этого малозаметного чиновника, который за восемь лет службы Гитлеру (из-за боязни потерять влияние — без отпусков и выходных) становится «тенью» фюрера. Только несколько человек — скажем, министр военного производства А. Шпеер или глава люфтваффе Г. Геринг — имеют совершенно особый допуск к Гитлеру как центру принятия стратегических решений. Так начинает выглядеть система высшей власти германского рейха, когда окончился период фанфар и горизонт покрылся грозными тучами. Когда Германия еще контролировала центральную, западную и значительную часть восточной Европы, но ощутила мощь той страны, которая не пустила ее за Волгу, поставила предел ее европейской экспансии и впервые в ходе войны заставила, если не усомниться, то задуматься над германским будущим.

Прибывший из Северной Африки Роммель пишет в январе 1943 года: «В отношении каждого немца, вне зависимости от места жительства, статуса, собственности и возраста, должна быть осуществлена тотальная мобилизация». В Берлине закрываются шикарные рестораны, отменяются массовые увеселения. 18 февраля Геббельс в берлинском Шпортпаласте произносит речь о «тотальной войне». Он обращается к фанатичной толпе:

«Вы хотите тотальной войны? Вы хотите, если уж на то пошло, еще более тотальной, более радикально проводимой, чем вы можете себе представить, войны? Рев толпы в ответ. „Является ли ваша вера в фюрера больше, надежнее, непоколебимее, чем когда бы то ни было?“ — „Да!“ — неукротимый рев толпы». Впервые Геббельс прибегает к отныне популярному германскому идеологическому приему — предупреждает Запад об опасности советского коммунизма. Впервые ставка делается на раскол антигитлеровского фронта.

Военные авторитеты рейха задумались над будущим, а администраторы и каратели еще невежественны в своей самоуверенности. Выступая в Киеве 5 марта 1943 года, рейхскомиссар Украины Кох напомнил своим слушателям: «Мы раса господ, которая должна помнить, что самый последний германский рабочий в расовом и биологическом отношении в тысячу раз более ценен, чем местное население. Русские должны работать, работать и еще раз работать». (Но русские не только работали, но и сражались. 6 марта они взяли Гжатск, худой парнишка из которого, Юрий Гагарин, переживет оккупацию, помня героев своего детства, станет летчиком и первым из всех землян вырвется в космос).

Католический архиепископ Степинац 6 марта укорил хорватского диктатора Анте Павелича за истребление евреев, сочетавшихся браком с хорватами. На прочих евреев епископская защита не распространялась. «Недочеловеки» всех кровей чувствовали на себе германскую руку. В деревне Хатынь около Минска войска СС сожгли все дома и убили всех 149 жителей. А нацисты более всего сожалели о потерях среди эсэсовских войск. В начале 1943 года они находят «решение» — создают на оккупированных территориях Европы более двадцати домов по программе «Поток жизни» — солдатам СС находят расово соответствующих партнерш для воспроизводства нордической расы. Рождены 70 тысяч юных арийцев. Немцы находят союзников среди французских коллаборационистов — в начале года во Франции Дарнан создает прогерманскую милицию в 25 тысяч человек. Расовую чистоту Европы обеспечивают, в дополнение к прежним, четыре новых концентрационных лагеря в Югославии, где славяне и евреи в начале 1943 года расстреливаются сотнями ежедневно. В первые дни года в Освенцим прибывают 24 тысячи заключенных из Бельгии и Голландии. Способным работать находят дело, а ослабевшие 20 тысяч отправляются в газовые камеры.

Следующим важным шагом в подготовке и интенсификации конфликта было создание специализированного ведомства по использованию труда рабочих, депортированных с восточных территорий,

во главе с Фрицем Заукелем (ГБА). Заукель заявил на собрании гауляйтеров рейха: «Не сравнимое ни с чем напряжение этой войны заставляет нас мобилизовывать многие миллионы иностранцев для работы в германской экономике тотальной войны и заставлять их работать максимально эффективно... В этом деле я руководствуюсь отнюдь не сентиментальностью и не романтизмом». Тысячи поездов повезли насильственно принужденных рабов из восточных — оккупированных областей на заводы и в сельское хозяйство рейха. Мы читаем едва ли не удивленные выводы отчетов: «Население реагирует особенно обостренно против отделения матерей от их детей, детей школьного возраста от их родителей». По украинским городам вели колонны мобилизованных в Германию, окруженных надсмотрщиками с бичами в руках. Генерал СС Шталеkker жалуется на то, что из 170 тысяч арестованных евреев убиты лишь 42 тысячи. «Повезло» лишь одной категории подлежащих эксплуатации в рейхе граждан: «Заклученные азиатской внешности не должны посылаться на работы в Рейх ни при каких обстоятельствах».

И все же нечто случилось — впервые и отныне неискоренимо. С Восточного фронта офицер СС пишет: «Мы доказали Иванам, что можем выстоять в их ужасной зиме. Но они больше нас не боятся». На Восточном фронте у Германии отныне заметно менее радужные перспективы. В этих обстоятельствах вермахт постарался сконцентрироваться. Немцы не стали отходить к Ростову как к единственной тропе спасения, а закрепились силою в 400 тысяч человек на Кубани и на Таманском полуострове. Отчасти эти силы, куда входили две танковые дивизии (13-я и 50-я) угрожали тылу начавших наступать на Украину советских войск, другой их функцией была охрана подходов к Крыму.

Германия начинает напрягать свои огромные военные мускулы, натренированные еще Первой мировой войной. Если взять уровень 1941 года за 100 процентов, то к июлю 1944 года военное производство поднимается до 322 процентов. (При увеличении рабочей силы только на 30 процентов.)

Требовалось не просто увеличение военного производства, а создание качественного оружия, не уступающего советскому. Чувствительным ударом по германской самоуверенности явилось признание высокого качества оружия противника. Евразийские «недочеловеки» показали себя превосходными инженерами и изобретателями. Германии теперь требовалось поднять военное производство на новую ступень. И это при том, что для компенсации сталинградских потерь Германия уже мобилизовала в вооруженные силы восемьсот тысяч квалифицированных

рабочих.

В начале 1943 года германские танковые войска, принесшие вермахту столько побед, оказались в неудовлетворительном состоянии. В течение всего 1942 года лучшие инженеры Германии бились над тем, чтобы превзойти советскую бронетанковую технику. При всех прилагаемых усилиях немцы так и не создали танк «общего назначения», они пошли своим путем, разбив задачу на три части.

1) Создать тяжелый танк, который будет превосходить Т-34 по убойной силе, хотя и уступать по маневренности. Этот танк будет идти во главе танковых колонн, его вид, мощь, броня, пушка — все будет превосходить любой танк в мире.

2) Создать подлинного «убийцу танков» — могучую пушку на механической тяге, способную быстро перемещаться и наносить убийственные кинжальные удары, способные пробить любую советскую броню.

3) Создать легкий танк разведки, быстроходную машину, способную быстро перемещаться, не очень внушительную для бронетанкового поединка, но грозную как подмога пехоте.

Третью задачу немцы так и не решили, хотя испытания легкой машины («Леопард») продолжались долго. Вторая задача частично была решена с созданием Jagdpanzer'a «Фердинанд». В этом случае незаменимый в рейхе конструктор Фердинанд Порше создал облегченную модель главного своего танка («Тигр»), поставил ее на жесткое шасси, вооружил страшной 100-мм пушкой и отдал на конвейер Круппа. Недостатки: неширокий обзор, отсутствие дополнительного пулемета, слабая броня, уязвимость. Крупп произвел 90 машин, прежде чем «Фердинанд» был опробован в бою. Он оказался не лучшей машиной германского технического гения.

Более всего надежд возлагалось на решение первой задачи. Разумеется, за ее решение взялся тот же Порше. Пожалуй, никто не отрицает талант создателя «Фольксвагена» и бившей все рекорды модели S «Бенц-Мерседеса». Однако Порше был большим талантом в выдвижении ярких идей, но не был танковым специалистом, не имел танкового опыта. Как пишет с присущей ему иронией английский историк А. Кларк, «лучше бы Гитлер сам создал необходимый танк». Доктор Порше хотел, во-первых, чтобы танк был большим. (Не один он был привержен этой идее. Инженеры Гроте и Хакер предлагали создать танк «Земельный монитор» в 1000 (!) тонн. Сам Порше вначале планировал создать танк в 180 тонн. Но такой «бегемот» явился бы жертвой собственной неповоротливости. Порше снизил вес до 60 тонн и выставил от своей компании «Крупп» на тендер с

Хеншелем. Версия танковой пушки Хеншеля — 88 мм — была воспринята и Крупном. Получился тяжелый танк с мощной пушкой, сильной броней впереди, недостаточно маневренный, требующий настоящих понтонных переправ (на речных преградах) из-за своей тяжести. Немецкое производство танков растет с 4280 единиц в 1942 году до 6000 танков в 1943 году (в 1944 году — 9161 танк сошел с германских конвейеров).

26 мая 1943 года на балтийском побережье в Пенемюнде немцами была произведена серия испытаний двух видов оружия дальнего радиуса действия — беспилотного самолета Фау-1 и ракеты с бомбовой боеголовкой — Фау-2. В войне интеллектов немцы сделали крупный шаг вперед, они приблизились к ракетной эре.

Гитлер находится в гораздо более мрачном настроении, чем год назад. Наступив на горло собственному самолению, теперь он склонен был дать больше простора для маневра лучшим германским военным профессионалам. Непосредственно после Сталинграда Гитлер нутром почуял необходимость привлечения к боевым действиям на решающем — Восточном — фронте тех полководцев, которые получили фельдмаршальские жезлы не за полное согласие с фюрером и национал-социализмом. Он обращается к двум своим офицерам, которые очевидным образом пользовались авторитетом в вермахте, — фельдмаршалу Манштейну и генерал-полковнику Гудериану.

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Эрих Манштейн всего лишь пятый день обживал свою штаб-квартиру в Сталино (Донецк), когда на местный аэродром 6 февраля 1943 года приземлился личный «Кондор» фюрера с приглашением посетить Вольфшанце. В последние дни Манштейн вел себя на юге как вице-король, он приводил в порядок фронт, ремонтировал технику и стремился свести к минимуму ущерб от волжского поражения. Зная нелюбовь Гитлера к четким ответам, он слал навверх вопросы, неотчет воспринимал как согласие и шел своим путем. Да, он сберег свои главные ударные силы, но он не спас Паулюса, и германская армия отступила к реке Донец. К русским перешли Россошка, Кантемировка, Миллерово, а Манштейн при этом хладнокровно просил права отступить еще западнее — до реки Миус. Он не знал, как его встретит Гитлер в Восточной Пруссии.

Произошла долгая беседа, основательный обмен мнениями. Гитлер мобилизовал все, что ему было известно в искусстве человеческого общения для завоевания лояльности и сотрудничества своего фельдмаршала, с которым у него были связаны столь теплые воспоминания об Арденнах 1940-го года. Практически Гитлер признал свою вину в

сталинградской трагедии, он едва ли не просил прощения. Если Гитлер и протестовал против ухода из бассейна Северского Донца, то делал это нехарактерно мягко, вежливо и учтиво. Он согласился с низкой оценкой действий воздушных войск и с неизбежностью отхода к реке Миус. И, признанный хитрец, ободренный Манштейн коснулся острой темы: войны не выиграть без укрепления верховного командования. «Вы должны найти командира, которому вы доверяете». Геринг? Но какой же из него может выйти начальник штаба? Гитлер, казалось, внимал словам человека, которому он доверился в Арденнах и в Крыму. Манштейн подпал под его обаяние: «У меня сложилось впечатление, что он (Гитлер) глубоко удручен этой трагедией не только потому, что она показала открыто неадекватность его руководства, но и потому, что она принесла такие потери». Манштейн улетел приободренный.

Следующим объектом своеобразного личностного приступа Гитлера был Гейнц Гудериан, которого Гитлер принял несколько позднее в Виннице, в своей летней резиденции. Танковый стратег был польщен, увидев на письменном столе Гитлера свои книги о значении и применении танков в современной войне. Гудериан не видел Гитлера с декабря 1941 года. «Он очень постарел... Его речь не была твердой; его левая рука дрожала». И снова Гитлер почти извинялся и взывал о помощи. «Я нуждаюсь в вас. С 1941 года наши пути разошлись. Между нами было много взаимного непонимания, и я об этом сожалею». Гудериан становится ответственным за все танковые войска рейха. В ответ на предложение стать Главным инспектором бронетанковых войск Гудериан потребовал дополнительных полномочий — он будет подотчетен только Гитлеру. Новому шефу танковых войск построили в Вервольфе специальные помещения.

В действиях Гитлера было ощутимо неистребимое желание Гитлера действовать вопреки «правильной» прусской военной машине, в которой он всегда был чужаком. И в конечном счете сближение Гитлера с Манштейном и Гудерианом дало свои результаты.

Гудериан прежде всего требует созыва специальной конференции по стратегическому планированию, и Гитлер, решающий задачу консолидации своей власти в вооруженных силах, идет на созыв такой конференции 9 марта 1943 года в винницкой резиденции. Гудериан начал ее работу вполне определенным выражением символа своей веры: «Задача на 1943 год заключается в том, чтобы обеспечить создание определенного числа танковых дивизий, обладающих полной боевой эффективностью и способных достигать ограниченные цели. В 1944 году мы должны будем

быть готовы осуществить полномасштабное наступление». Следует сказать, что конференция не явила собой желательное для Гудериана узкое собрание специалистов и ответственных лиц. На совещании, что примечательно, было сравнительно немного офицеров-танкистов. Она оказалась масштабным совещанием почти всех значимых штабных офицеров, которые вовсе не были намерены провести целый год на Восточном фронте в операциях местного масштаба — особенно жестко выступали офицеры-артиллеристы.

Гудериан шел напролом. Танковая дивизия, говорил он вопреки недружественно настроенной аудитории, «овладевает полной боевой эффективностью только тогда, когда численность танков в ней находится в правильном соотношении с другими видами оружия». Первоначально танковая дивизия состояла из четырех танковых батальонов, в каждой дивизии должно быть по четыре сотне танков. В этом заключался важный резон. «Лучше иметь несколько мощных дивизий, чем много частично оснащенных. Последние требуют большой численности подвижного транспорта, поглощают много горючего, задействуют многочисленный обслуживающий персонал — все это вовсе не способствует боевой эффективности. Напротив, это бремя для командования и для тылового обеспечения, это бремя блокирует дорогу совершенствования вооруженных сил». Гудериан получил поддержку только отдельных лиц (в частности, министра военного производства Шпеера), большинство отвергло его предложения отвести значительное время на сосредоточение сил. Против выступили и влиятельные адъютанты Гитлера. «Гитлер смотрел на меня с выражением сожаления на лице и в конце концов сказал: „Вы видите, они против вас. В такой ситуации я тоже не могу одобрить ваши идеи“».

И все же верхушка вермахта в состоянии начинающегося кризиса не могла не признать значимости танковых войск. Состоялся своего рода компромисс между теми, кто не хотел ждать еще год, и теми, кто настаивал на решающей роли концентрированных танковых сил в современной войне. В самом начале лета все танковые дивизии на юге были сняты с боевых позиций; им было дано время на отдых и ремонт техники. Те батальоны, которые получили новые виды машин — «тигры» и «пантеры», послали их экипажи в Германию для дополнительных тренировочных сборов, для более глубокого знакомства с техникой на танковых заводах.

Москва: завершение сталинградской фазы

На советском фронте послесталинградский период напоминает в значительной мере время, наступившее годом ранее после победы под Москвой. Планирование начала 1943 года в основных своих чертах напоминает планирование 1942 года: восстановленная вера в свои силы, расширившиеся горизонты, заманчивые наступательные замыслы. Советские войска наступали на собственной территории, которую немцы постарались превратить в выжженную землю. Впервые солдаты в такой большой своей массе видели, что делает враг с их народом, насколько полон он стремления ослабить минимальные условия существования местного населения — выжженные села, разрушенные поселки и города, уничтоженные средства жизнедеятельности. Взорвана минимальная сельскохозяйственная техника — даже столетней давности плуги и сеялки. Всеобщий разор и горе встречали обветренных танкистов наступающей армии. Это вызывало ярость и жажду мщения, но условия для минимального восстановления наступающих войск были незначительными.

Партизаны темными лесными тропами пробивались к местам сосредоточения германских войск и коммуникациям. В начале года немцы проводят крупномасштабные антипартизанские мероприятия вокруг Брянска, в Литве и рядом с Клетней («Полярный медведь-2», «Зимняя магия» и др.). А ведь всего лишь пять месяцев назад вермахт во всем блеске стоял на берегу Волги.

Уходом из Ржева и Вязьмы немцы отделились от Москвы еще на восемьдесят километров. Теперь линия фронта проходила в пятидесяти километрах от Смоленска. Благодаря «спрямлению» фронта (его протяженность сократилась примерно на 150 километров) стало возможным увести в резерв две советские армии и танковый корпус. Они были поставлены во второй эшелон Западного и Калининского фронтов. Успех был достигнут и под Ленинградом. Определенное затишье здесь не прошло зря. Командующий фронтом генерал Говоров тщательно готовился к операции, которая должна была спасти вымирающий город. Речь шла об ударе с двух сторон — со стороны Ленинградского фронта изнутри в направлении Волховского фронта, действующего извне. Ночью с 11 на 12 января специальные штурмовые части 67-й армии сменили стрелков на боевых позициях. В 9.30 утра 286 стволов артиллерии начали

артподготовку, продолжавшуюся более двух часов и завершившуюся залпами «катюши». Около полудня навстречу 67-й армии со стороны Волховского фронта поднялась 2-я ударная армия. Их историческая встреча произошла в 9 часов тридцать минут утра 18 января. В этот день от немцев был очищен Шлиссельбург, а к вечеру немцев заставили уйти с южного берега Ладоги. Ленинград снова влился в страну, осознать его горе и трагедию во всем объеме еще предстояло.

К 6-му февраля прошел первый поезд до Шлиссельбурга. Немцы еще находились в пределах артобстрела этой железнодорожной линии, но первый груз уже шел от страны в помертвевший город. Он вез уголь. Нужно, однако, помнить, что все атаки, направленные на взятие Мги (что открыло бы линию Ленинград-Волхов) были немцами отбиты. Деблокирующая территория была очень хрупкой и простреливаемой. День и ночь трудились батальоны ради укрепления новых позиций — без них город просто погиб бы.

Южнее Северо-Западный фронт под командованием маршала Тимошенко бился с задачей Демянского котла. Немцы «обжили» территорию внутри советских позиций, сюда регулярно садились транспортные германские самолеты. В определенном смысле это была успешная модель «северного Сталинграда», где окруженные не только чувствовали себя достаточно комфортно, но и ощущали свою военную миссию — отвлекали значительные советские войска и стояли «занозой» между Москвой и Ленинградом. Тимошенко начал операцию по очистке котла в середине февраля. Сюда подтянули Первую ударную армию.

Еще южнее Калининский фронт генерала Курочкина в январе освободил Великие Луки. Теперь ему предстояло помочь северным соседям, замучавшимся с Демянским котлом. Ощущая, что далее искушать судьбу не следует, германское командование к 28 февраля вывело свои войска из окружения, вокруг которого скопились огромные силы. Жуков (представлявший здесь Ставку) буйствовал в слепом отчаянии: командиры частей уже стояли вокруг Демянска более полугодом и тем не менее не знали лежащей перед ними территории, не имели планов на различный поворот событий, почти не знали соседей. Строго говоря, гнев Жукова касался более широких вещей, чем тупость или нерадивость отдельных командиров; он хотел, чтобы русская цивилизация быстрее решала задачу, поставленную перед страной Петром — быстрее, умнее, эффективнее ориентироваться в сложностях окружающего мира, не теряя присутствия духа, методично работать и забыть о сладкой русской полудреме. Жуков придвинул штабы к линии фронта, сделал обязательным ежедневный

анализ текущей ситуации, подробный разбор возможных движений противника, постоянный обмен разведданными с соседями. Только не спите до смерти — думайте, напрягайтесь, соображайте за противника, генерируйте внутреннюю энергию. Русский ступор должен быть проклят.

Новой силой, на которую явственно полагалась ставка, стал Центральный фронт. Сразу же после капитуляции Паулюса генерал Рокоссовский был вызван в Москву. Центральный фронт создавался на основе его Донского фронта (21-я, 65-я и 16-я воздушная армии; к ним Ставка добавила 70-ю и 2-ю танковую армии — Родин). Поставленная задача — к 15 февраля быть готовыми провести операцию глубокого проникновения против второй танковой армии вермахта в районе Смоленск — Гомель. Сверхоптимизм, как почти всегда, не оправдал себя. Снабжение Центрального фронта шло по одной-единственной железнодорожной линии; тягостная нехватка грузовиков и живой тягловой силы замедляли строительство боевых порядков. Солдаты на собственной спине тащили тяжелые пулеметы, противотанковые пушки, артиллерийские орудия. Танки Родина мучались 250-километровым движением по бездорожью, прежде чем вышли на рубеж в Фатеже. Родин руководил перемещением танков посредством деревянных У-2, летавших низко и достаточно безопасно. Фронт был относительно готов к 24 февраля.

А соседний — Брянский фронт уже начал наступательное движение. Две недели боев продвинули его вперед на 25 километров, что позволило достичь железнодорожной линии Малоархангельск — Рождественское. Именно в этой ситуации Рокоссовский бросил свои, теперь пользующиеся таким престижем, силы на Брянск и Орел, его главной целью была вторая танковая армия немцев. Впереди шли танки Родина, овеянные сталинградской славой. Но суровая реальность вносила свои коррективы. Неудачи южных фронтов заставили Центральный фронт сместить свои цели к югу. Наступление Рокоссовского было относительно успешным примерно до 7 марта, когда у танкистов Родина начал заканчиваться боезапас и топливо. Продвижение вперед было впечатляющим — до ста километров, но немцы, вопреки ожиданиям, не оставили Орел, а, напротив, укрепили свои силы в нем. Согласованного наступления не получалось снова, снабжение безнадежно запаздывало, общая координация хромала. Около дня весеннего солнцестояния Рокоссовский перешел к оборонительным действиям. Действия наших войск и отчаянная оборона немцев привели к образованию части того, что несколько позже будет названо Курским выступом, или Курской дугой.

3 марта советские войска взяли наконец Ржев, а 12 марта — Вязьму.

Ужас охватывал тех, кто видел тотальную войну во всей неприглядности: сожженные дома, замученный народ. Это не было похоже на Первую мировую войну, жестокость агрессора превосходила все мыслимые пределы. Но дальнейшие советские наступательные действия не дали результатов.

Но ситуация текуча и обещающе переменчива на южном участке советско-германского фронта. Возможно, самый видимый поворот истории наблюдается на Северном Кавказе. 3 января немцы оставили Моздок — самый восточный из захваченных немцами городов страны. На следующий день освобожден Нальчик. Зимние потери немцев весьма значительны: исчезла 6-я армия, покорены боевые порядки и техника 4-й танковой армии, 3-й и 4-й румынских армий, 8-й итальянской. 2-я танковая армия немцев ослаблена в результате ожесточенных боев близ только что освобожденного Орла.

Танки Катуква были поставлены на железнодорожные платформы и отправлены на юг, в сторону Курска. Послесталинградское настроение не было испорчено — быстрота продвижения здесь немцев прошлым летом и осенью оказалась перекрытой скоростью их отхода в конце зимы 1942–1943 годов. Особую опасность для группы армий «Дон» Манштейна представлял собой Юго-Западный фронт, стремящийся своими четырьмя армиями (1-я гвардейская, 3-я гвардейская, 5-я танковая, 6-я армия), с прикрытием 17-й воздушной армии (300 самолетов), зайти в тыл Манштейну. 29-го января 6-я армия Харитоновна совершила бросок на север от Старобельска на Балаклею; на следующий день танки 1-й гвардейской армии Лелюшенко пошли на Красный Лиман; 3-я гвардейская армия Кузнецова перешла через Донец у Ворошиловграда; через несколько часов группа Попова двинулась в общем направлении на Мариуполь, перекрывая тем самым путь отхода немцев из Донбасса.

2-го февраля вперед на широком фронте между Воронежем и Ворошиловградом выступил Голиков (40-я, 69, 3-я танковая армия). Они действовали в соответствии с планом «Звезда», предполагавшим общее наступление по фронту Курск — Белгород — Харьков. Наивысшие боевые качества проявили 40-я армия Москаленко, устремившаяся на Белгород (и далее, по возможности, на Харьков), и 60-я армия Черняховского, взявшая на себя задачу овладения Курском. 8 февраля определенно деморализованные немцы оказались выбитыми из Курска, а на следующий день — из Орла. Еще южнее скорость возрастала. Находящиеся на траверзе Донбасса Воронежский фронт Голикова и Юго-Западный фронт Ватутина начали наступление между 29 января и 2 февраля 1943 года. 12 февраля

освобождена Лозовая, а 14-го советские войска вошли в Ростов и Ворошиловград. 20 февраля взят Павлоград (оставалось всего лишь 100 километров до Запорожья, где в этот день совещался Гитлер).

Главной целью наступления советских войск — и в данном случае плана «Звезда» — был (не в первый раз) индустриальный Харьков. К 15 февраля советские войска приблизились к Харькову с трех направлений — севера, запада и юго-запада. Несмотря на категорический приказ фюрера до последнего оборонять Харьков, город был сдан. Происходила настоящая дезинтеграция южного участка фронта Манштейна, группы армий «Юг». Дело было не только в том, что на следующий день четвертый индустриальный центр страны был освобожден, не менее важно было и то, что между германскими группами армий «Центр» и «Дон» образовался своего рода просвет, величиной почти в 200 километров. Это давало хорошие новые стратегические возможности.

Советское верховное командование много ожидало от продолжения операций «Кольцо» и «Сатурн» — вплоть до коренного перелома в ходе войне. Здесь видны смелые замыслы. Директива Ставки от 6 февраля 1943 года ставит перед Воронежским фронтом задачу проникновения в Центральную Украину, выхода на линию Чернигов — Полтава — Кременчуг. Генералу Ватутину предписывалось «предотвратить уход противника в индустриальную зону Днепропетровска и Запорожья... Оттеснить Донецкую группировку противника в Крым, открыть подходы к Перекопу и Сивашу, изолировать силы противника, расположенные в Донбассе, от прочих сил противника на Украине». После освобождения Донбасса следовало сделать линией обороны Днепр между Кременчугом и Никоподем. В то же время Южному (прежнему Сталинградскому) фронту предлагалось двинуться в нижнее течение Днепра.

Дела пошли, казалось, настолько хорошо, что 17 февраля Голиков, посылая вперед 3-ю танковую армию Рыбалко, издал приказ об общем движении в направлении Полтавы. Это уже едва ли не сердцевина вчера еще полностью оккупированной Украины. А соседствующий слева от Голикова Ватутин (Юго-Западный фронт) нацелился на Днепропетровск. В Москве с замиранием сердца думали о перехвате днепровских мостов, которые оставят все германские войска на Юге отрезанными от своих основных баз.

Впереди всех шли освободители Харькова — 3-я танковая армия Рыбалко и 69-я армия Казакова. Теперь они гнали назад не замороженных солдат Паулюса, а лучшее из того, что мог выставить вермахт, — группировку Ланца и группировку Кемпфа. Южнее им помогали

чрезвычайно ослабленная страшными боями 1-я гвардейская и 6-я армии, чья задача была расширить установленный ими коридор между Изюмом и Павлоградом. Еще южнее группа Попова расположилась вокруг Красноармейского, но у нее из четырех корпусов остались лишь 50 танков. Части кавалерии этой группы и безотказная пехота в феврале 1943 года в голоде и холоде перешли через реку Миус, чтобы буквально зубами уцепиться за плацдарм на западной стороне реки на пути к Матвееву. Если бы это наступление было поддержано мощными резервными силами, то после периода весенней распутицы его плацдармы были бы бесценны. Но этого условия соблюдено не было.

Это было жестокое испытание для полевых командиров. В дивизиях оставалось по тысяче человек, численность танков насчитывалась уже единицами, сквозь слякоть обмякших полей артиллеристы тащили единицы орудий. Несмотря на потрясающие подвиги этих двух фронтов, они не могли штурмовать всю Украину с всеми теми потерями, которые принесло освобождение Донбасса. Отступающие немцы взрывали мосты через реки, уничтожали даже самые незначительные здания, вспахивали минами взлетные полосы. 21 февраля король Георг Шестой объявил о желании преподнести Сталинграду меч: «Спротивление Сталинграда повернуло направление прилива и ознаменовало собой сокрушительный удар, внесший смятение в ряды врагов цивилизации и свободы».

Манштейн вспоминает, как близок был к краху южный фланг вермахта в случае захвата Красной Армией Запорожья и Днепропетровска с их мостами и стратегическими железными дорогами. Если бы это случилось, то весь германский южный фланг превратился бы в большой Сталинград. Советское командование получило жестокий урок: оно не отличило момент беспомощного отхода немцев от периода сбора их боевых сил, не отличила — из-за плохой работы разведки и координации всех служб — контраст наступательные маневры германской танковой элиты. Сказалась излишняя уверенность в себе, вера в быстрое решение, недостаточная работа служб тыла, безнадежно отставших от передовых частей.

Отмечая 23 февраля 1943 года день рождения Красной Армии, Сталин сказал полные значения слова: «Настоящая борьба лишь только начинается». Начинается период «изгнания врага». Он будет тяжелым и продолжительным — но ясно, что Германия не отдаст без боя захваченные территории Советского Союза. Военная промышленность страны работает все более эффективно, фронт получает современное оружие и в растущих количествах. Было полно значения и словесно выраженное отношение к союзникам. Сталин без оговорок констатировал, что Советский Союз несет

на себе основную ношу войны. В Касабланке западные союзники не дали твердого обещания открыть «второй фронт» в 1943 году. Сталин ни словом не упомянул ленд-лиз.

В целом, в ходе потрясающей по маневренности, ожесточенности и драматизму зимней кампании 1942–1943 годов Красная Армия подорвала в той или иной степени боевую силу примерно 100 противостоящих ей дивизий, что равнялось примерно 43 процентам всех войск Гитлера на Восточном фронте. Были фактически выведены из борьбы 68 германских дивизий, 19 румынских, 10 венгерских, 10 итальянских дивизий. Погибли 17 германских генералов. Немцы утверждают, что потеряли за зимнюю кампанию 470 тысяч человек, итальянцы — 185 тысяч; венгры — 140 тысяч; румыны — 250 тысяч. Такого удара по Германии и ее союзникам никогда прежде не наносилось. Советская армия за три месяца боев продвинулась вперед почти на 350 километров, но встретила все сопутствующие наступлению сложности. Армейский механизм оказался отлаженным не полностью. Первый масштабный опыт наступления был ценен, но не полностью освоен. Погодные условия, отсутствие надежных коммуникаций, усталость войск, недостаточная умелость в осуществлении глубокого проникновения в тыл противника в конечном счете наложились друг на друга.

Прилетели грачи, великая зима покинула русские просторы, дороги перестали быть путями снабжения, грязь топила всякого смельчака. Общей характеристикой всех задействованных в позднезимнем наступлении войск была их чрезвычайная усталость от боев предшествующих двух месяцев, большие потери, невозстановленные резервы, недонесенные до отдельных частей боеприпасы, утомление бойцов, дерущихся всю эту зиму в открытом поле. Танковая армия Рыбалко достигла Северского Донца 4 февраля 1943 года, но пересечь реку не смогла — перед ней на противоположном берегу стояла элитарная танковая дивизия СС «Адольф Гитлер». Фронтальные атаки принесли советским войскам значительные потери. Практически всеми был ощущен конец одного этапа и наступление нового. Что-то он обещает? Взгляд на линию советско-германского фронта обнаруживал заметное выпрямление линий, что, по идее, освобождало войска обеих сторон для наступательных действий. «Закругления» на этой более прямой линии были видны в районе Ленинграда, массивный советский выступ в районе Курска, немецкий выступ в районе Донбасса (реки Донец — Миус). Советские наступающие части выдохлись. В ударной «мобильной группе» генерала Попова осталось всего пятьдесят танков. 6-й гвардейский стрелковый корпус буквально зубами держался за

железную дорогу Лозовая-Славянск, но о наступлении уже не могло быть и речи.

Касабланка

В условиях, когда мировой конфликт подошел к своему апогею, западные союзники начали 1943 год, находясь на подъеме. Они еще не участвовали в собственно европейском наземном конфликте, но их силы росли и они подбирались к Европе с юга. В Тунисе и со стороны Ливии их войска изготовились для удара по Африканскому корпусу Роммеля для окончательного изгнания немцев и итальянцев из Африки. Полторы тысячи английских дешифровальщиков, разместившихся в Блечли читали обмен сообщениями между немцами в Средиземном море, что вело к уничтожению почти всех пересекающих море судов стран «оси». Шагом на пути координации усилий антигитлеровской коалиции стала встреча Рузвельта и Черчилля в Марокко, в Касабланке. Здесь их штабы решали задачу выработки союзной стратегии на 1943 год.

Существовало определенное различие стратегических замыслов. Американские военные настаивали на долгосрочном планировании. Англичане же отвергали попытки заглядывать «слишком далеко» вперед и предлагали не связывать себя долговременными обязательствами. Война, мол, таит в себе много непредсказуемых обстоятельств. Американцы полагали, что, затерявшись в средиземноморском лабиринте, они могут опоздать на решающие поля сражений в Европе, и председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Маршалл предложил начать сосредоточение войск для высадки на европейском континенте. Одновременно американцев беспокоила судьба Чан Кайши — потеря Китая означала бы подрыв их стратегии, предполагающей наличие сильного националистического Китая как южного соседа Советского Союза. Поэтому адмирал Кинг предложил англичанам удвоить квоту помощи Китаю. Для английского командования, сосредоточенного на идее сохранения контроля над Индией, над арабским Ближним Востоком и путями к ним через Восточное Средиземноморье, предложения американцев представлялись «ненаучным» способом военного планирования, что и было высказано открыто.

У Черчилля была совершенно определенная задача: добиться от американцев отказа от открытия в 1943 году второго фронта на европейском континенте и концентрация усилий в средиземноморье, где проходят жизненно важные коммуникации Британской империи и откуда было «рукой подать» до Балкан — дорога наперерез русским. Он поучал

своих военных: «Не создавайте атмосферу экстренности, дайте американцам выговориться. Никакой непримиримости, создавайте мягкое обволакивание словами. Пусть нетерпеливым американским стратегам станет скучно». Рузвельт, со своей стороны, не сумел добиться сходного единства своих сотрудников и чувства командной борьбы. Хотя предпочтение Германии (как цели номер один) перед Японией считалось обязательным, адмирал Кинг приложил немало сил для поддержки приоритета тихоокеанской стратегии. Другой влиятельный военный авторитет, командующий авиацией генерал Арнольд, был сторонником наращивания мощностей бомбардировочной авиации, эту цель он считал более важной, чем подготовку десанта в Европе. В отличие от англичан, между американскими генералами, возглавившими отдельные роды войск, шла интенсивная внутренняя борьба. Англичанам, пораженным темпом американского военного строительства, казалось, что Соединенные Штаты готовятся контролировать весь мир, но при этом армия стремилась к достижению контроля в Европе, а флот склонялся к тихоокеанскому приоритету.

Критическое значение приобретала позиция самого Рузвельта. Однозначно поддержать Маршалла в стремлении ринуться на континент означало антагонизировать англичан, а в мире будущего они были нужны. И Рузвельт не был убежден, что позиция Черчилля — позволить немцам и русским израсходовать друг против друга свои лучшие силы — является близорукой. Провозглашая словесно свою твердую привязанность делу быстрого открытия второго фронта, президент на решающих обсуждениях, когда этот вопрос был поставлен в конкретной плоскости, гасил свой пыл. Рузвельту в конечном счете нравилось то, что следовало из речей Черчилля: не делать окончательных обязательных выводов, держать все двери открытыми, не закрывать для себя возможностей выбора, который еще многократно предоставит мировая война.

Черчилль предлагал захватить Сицилию и на следующем этапе нанести удар по слабейшей части «оси» — Италии. Возникла перспектива быстрых и в то же время менее дорогостоящих (в плане людских потерь) побед. А русским все это можно будет продать за искомый второй фронт. Уже к четвертому дню конференции оба союзника стали видеть в средиземноморских операциях логическое развитие североафриканской кампании. Это почувствовали американские военные — их главнокомандующий уже не оказывал безоговорочной поддержки идее высадки в Европе в текущем году. Рузвельту казалось, что он таким образом сохраняет расположение и лояльность Черчилля, необходимые для

союзнического будущего, для формирования выгодного соотношения сил в рамках великой коалиции. Своим же генералам — Маршаллу и Эйзенхауэру — он указал, что действия в Средиземноморье — это этап, необходимый для тщательной подготовки высадки на континенте.

На десятый день конференции был согласован список предстоящих военных операций. Главной задачей была названа не высадка в Европе (прежняя американская позиция) и не удар по «мягкому подбрюшью» (английская позиция), а сохранение морских коммуникаций в Атлантическом океане. Второй по значимости задачей была названа помощь Советскому Союзу. Заметим, что речь шла не о прямой военной помощи наиболее страдающему союзнику, а об экономической помощи и поставках вооружения. Третьим приоритетом был назван средиземноморский бассейн, где первой ступенью был захват Сицилии. И лишь на четвертом месте стояло то, что более всего соответствовало первоначальному устремлению Рузвельта и что было жизненно необходимо для СССР, — высадка во Франции. Пятое место заняли операции на Тихом океане.

Изображение конференции как «победы» английской стороны требовало бы показа, где президент Рузвельт вводил свои «тяжелые дипломатические войска» — помощь англичанам по ленд-лизу, единую линию с Маршаллом и т. п. Ничего этого не было. Да и по чисто внешним признакам эту конференцию трудно изобразить как «поражение» одной из сторон. Касабланка была одной из тех первых дипломатических битв, где мощь и возможности США ощущались всеми без исключения. Рузвельт был в превосходном настроении. Как отмечает в мемуарах Г. Макмиллан, «он чувствовал свою силу», определил более удобный шаг к вершине мировой иерархии и пошел по нему. Удовлетворенные англичане «уступили» место главнокомандующего в Северной Африке генералу Эйзенхауэру. Своему врачу Черчилль сказал, что любит «этих великодушных американцев».

Что касается французского вопроса союзной дипломатии, то, прибыв на конференцию, Рузвельт дал несколько разъясняющих указаний своему главному поверенному лицу во французских делах Мэрфи: «Вы переступили границу, давая от имени правительства Соединенных Штатов гарантии возвращения Франции всех частей ее империи. Ваше письмо может повредить мне после войны». Это было указание на планы Рузвельта значительно «сократить» французскую империю. «Он обсуждал с несколькими лицами, включая Эйзенхауэра и меня, — пишет Мэрфи, — овладение контролем над Дакаром, Индокитаем и другими французскими

владениями». Однако рядом с неспособным сопротивляться американским планам французским генералом Жиро на французском политическом горизонте возникла высокая фигура другого французского генерала — де Голля, и ее нельзя было игнорировать в свете английской поддержки. Представитель Черчилля во французской Северной Африке Макмиллан убеждал своего американского коллегу Мэрфи, что движение генерала де Голля, боровшееся с фашизмом с 1940 года и поддерживаемое англичанами в военном и финансовом отношении (была названа сумма в 70 млн. фунтов), не может игнорироваться. Де Голлю было предложено войти в объединенный французский совет, который включил в себя как алжирских так и лондонских французов.

Во время беседы Рузвельта и Шарля де Голля у султана Марокко «внимание президента, — пишет Черчилль, — было привлечено огоньками ума в глазах генерала». Но создание временного правительства Франции было анафемой для Рузвельта, не верившего в подъем этой страны и стремившегося укрепиться в ее прежних колониях. Англичан и французов окружения де Голля объединяло недовольство попаданием части французской колониальной империи в зону влияния американцев. В будущем это могло произойти не только с французскими, но и с английскими владениями. Этому решил воспрепятствовать не только де Голль, но и Черчилль.

Становилось ясным, что война входит в решающую стадию. Как сказал Черчилль, «это еще не конец, это еще не начало конца. Но это, возможно, уже конец начала». Ему осторожно вторил Рузвельт: «Поворотный пункт этой войны, вероятно, наконец достигнут». В целом Касабланка показала, что у англосаксонских союзников есть общее понимание того, что следует хранить силы до решающих событий, закрыв глаза на то, во что такая тактика обходится восточным союзникам. Чтобы избежать при этом подозрений Москвы в возможности сепаратных решений, президент Рузвельт на пресс-конференции по окончании касабланкской встречи объявил, что «мир может прийти на эту землю только в случае полного уничтожения германской и японской военной мощи... Уничтожение германской, японской и итальянской военной машины означает безоговорочную капитуляцию Германии, Италии и Японии». Требование безоговорочной капитуляции предполагало уничтожение (а не простое ослабление) военной мощи Германии и Японии. Нет сомнения, что этот шаг был сделан, по меньшей мере, частично, для того, чтобы в Москве не создавалось впечатление, что в Касабланке происходит сепаратный сговор, который при определенном развитии

событий может дать англо-американцам сепаратный мир с Германией на Западе.

В Касабланке было решено, что руководителем военных операций в Северной Франции станет представитель той страны, которая выставит больше войск. Становилось ясно, что основную массу войск составят американцы, соответственно, их генерал возглавит союзников на Западе Европы. Что касается Востока, то здесь произошло своеобразное разделение ролей: США будут отвечать за участие в войне Китая, а Великобритания будет воздействовать на Турцию.

Но боевые действия в Северной Африке несколько охладили пыл западных союзников. В течение января 1943 года немцы сумели быстрыми танковыми ударами остановить и даже повернуть вспять движение не обретших еще боевого опыта американцев и части союзных с ними французов. В битве при Кассеринском перевале немцы (февраль 1943 г.) вначале снова погнали союзников на запад, но затем их танки начали застревать в горных проходах, а союзники задействовали британскую авиацию. Американцы сражались с каждым днем все лучше, немцы же растянули коммуникации. 20 марта 1943 года танки американского генерала Паттона начали наступательные операции против войск Роммеля с запада, а Монтгомери приступил к атаке с востока, со стороны Египта. После ряда поражений 11 дивизий Роммеля стали терять боевую мощь и Монтгомери с Эйзенхауэром получили шанс взять его в клещи. Половина из 50 посланных к германо-итальянцам судов была потоплена. Над тунисскими аэропортами немцев стала господствовать союзная авиация. Весенняя распутица ограничила подвижность немецких панцерн. К 4 марта 1943 года Гитлер вынужден был признать, что в Африке «все кончено».

Западные союзники ужесточают воздушную войну. Им помогло то обстоятельство, что 25 февраля англичане разгадали главный код военно-воздушных сил Германии. Отныне, зная о месте концентрации люфтваффе и их планах, они могли себя чувствовать в небе Германии вольготнее. 3 марта был совершен грандиозный налет на Гамбург. Это было начало той практики, когда англичане бомбили германские цели ночью, а американская авиация — днем. Английские бомбардировщики обрушились на индустриальный Эссен.

Между тем западные союзники почти прекратили поставки по ленд-лизу через Мурманск. Решение об отмене очередного каравана (март 1943 года) Черчилль не посмел принять единолично и, попросил Рузвельта о моральной и политической поддержке. Рузвельт настаивал на том, чтобы Сталин не знал об отмене транспортных перевозок северным путем до

августа или даже до сентября 1943 года. Президент понимал, каким ударом по союзной солидарности будет такая новость и предложил оставить восточного союзника в неведении относительно дальнейших поставок. Неясно, чем руководствовался Черчилль, но он пренебрег запретом Рузвельта и сообщил Сталину всю горькую правду о фактическом закрытии северного пути. Может быть, это соответствовало интересам англичан и было частью стратегии Лондона, направленной на избежание «излишнего» сближения двух величайших стран в послевоенный период? Это союзническое сообщение наложилось на явные признаки нежелания западных союзников развернуться в Западной Европе. Именно в это время Рузвельт сообщает в Москву, что «дата высадки на континенте будет зависеть от оборонительных возможностей немцев». Приостановку наступления в Северной Африке он объясняет обильными дождями. Черчилль, играя в данном случае с Рузвельтом в одну игру, писал Сталину, что нехватка транспорта не позволяет перевести в Англию более восьми (из 27 прежде планируемых) дивизий.

На политику Запада в отношении СССР ложилась тень. Союзники ослабили свою поддержку Советского Союза в решающих обстоятельствах. Нетрудно представить реакцию советского руководства, только что вышедшего из Сталинграда, находящегося накануне решающей битвы на Курской дуге. Драматизм ситуации отражен в ответе Сталина: «Я рассматриваю этот неожиданный шаг как катастрофический обрыв поставок стратегических сырьевых материалов и оборудования Советскому Союзу Великобританией и США, потому что тихоокеанский канал поставок имеет ограниченные возможности и не очень надежен, а южный путь имеет небольшие пропускные способности, оба эти пути не могут компенсировать прекращение поставок северным путем. Ясно, что это обстоятельство не может не воздействовать на положение советских войск».

В переписке с западными лидерами Сталин указывает, что советские наступательные операции завершатся в феврале. Черчилль 9 февраля конкретизирует западные операции текущего года — Восточный Тунис, Сицилия, другие части Средиземноморья и приготовления к «высадке через Ла-Манш в августе». Сталин отвечает 16 февраля с обидой: из-за замедления англо-американских операций в Тунисе, начиная с декабря 1942 года Германия перевела на Восточный фронт двадцать семь дивизий, пять из которых — бронетанковые.

Во время визита в Вашингтон в марте 1943 года министра иностранных дел Британии Идена президент спросил мнение английского

министра о «тезисе Буллита», изложенном в пространном меморандуме, полученном Белым домом несколькими неделями ранее. Буллит утверждал, что СССР «коммунизирует» европейский континент, если Соединенные Штаты и Англия не блокируют «красную амебу в Европе». Иден ответил так: «Даже если бы эти страхи оказались основательными, мы все равно должны найти путь сотрудничества с Россией». Рузвельт указал — и Иден с ним согласился, — что путь к будущему основывается на идеях, противоположных тезису Буллита. Нужно найти систему сотрудничества с Россией, а не противоборства с ней. Собеседники пришли к согласию, что цели и методы советской внешней политики определяются не неким планом захвата главенствующих позиций в Европе, а оценкой американских и английских намерений. Но Рузвельт при этом полагал, что опора на Англию в Европе и на Китай в Азии будет служить американцам дополнительной гарантией.

Ключевым вопросом обсуждений стала оценка того, каким будет после войны Советский Союз и его внешняя политика. О чем бы ни говорили, какие бы проблемы ни поднимали Рузвельт с Иденом, в конечном счете они обращались к СССР. Оба были согласны в том, что прибалтийские республики войдут в Советский Союз. Рузвельт завершил дискуссию словами о том, что согласие на включение прибалтийских республик в состав СССР можно будет использовать как один из факторов в общем компромиссе с советским руководством. Данью реализму со стороны Рузвельта явилось мнение, что Советская Россия будет настаивать на предвоенных границах с Финляндией. Между американцами и англичанами было решено, что Финляндия представит собой после войны сложную проблему. Но не самую сложную — таковой станет Польша. Рузвельт и Иден пришли к согласию, что Восточная Пруссия должна войти в состав Польши. По мнению президента, жители Восточной Пруссии обязаны оставить свою территорию подобно тому, как греки покинули турецкую территорию после Первой мировой войны. Рузвельт говорил, что это суровое решение, но неизбежное. Оно необходимо для поддержания мира, пруссакам нельзя доверять.

Контрнаступление Манштейна

Состояние неустойчивого равновесия, последовавшее за взятием Советской армией Харькова, довольно неожиданно решилось достаточно благоприятно для германской стороны. С военной точки зрения, удивительным периодом для немцев оказались две последние недели февраля и первая неделя марта. Военное везение оказалось — довольно неожиданно — на их стороне. Роммель пишет жене 24 февраля: «Наконец-то коммюнике с востока снова звучат позитивно. Это луч света после таких тяжелых времен».

Наиболее важное обсуждение германского ответа на советское наступление произошло в украинском Запорожье 17–19 февраля 1943 года. Гитлер прибыл в Запорожье вместе с Йодлем и Цейтцлером на второй день после потери немцами Харькова. Ситуация была воистину драматическая: передовые танки 25-го советского корпуса рвались к городу, и дивизии генерала Попова приблизились к Запорожью вплотную — на расстояние восьмидесяти километров от Днепра. Присутствующие словно договорились игнорировать фактическое распадение левого фланга Манштейна. То было место максимальной приближенности Гитлера к частям Советской армии. Советские казаки вышли к Днепру, а танки были на расстоянии пушечного выстрела от аэродрома, на котором приземлился Гитлер, где охрана была незначительна — зенитчики и рота охраны штаба группы армий «Юг». Это заставляло нервничать даже уравновешенного фельдмаршала Манштейна.

Буквально под дулами советских пушек совещание продлилось три дня. Собственно, это был диалог Гитлера и Манштейна. Йодль и Цейтцлер по большей части молчали. Может быть впервые, оглушенный Сталинградом, Гитлер позволил Манштейну самому справиться с кризисом на Северском Донце. Свои «пожелания» Гитлер изложил сразу: вернуть Харьков, стабилизировать фронт. Осуществить контрнаступательные операции. При этом Гитлер был в своей лучшей физической форме, он позволял генералам проявлять стратегическую самостоятельность, а сам, пользуясь своей исключительной памятью, как бы оживлял обсуждение то описанием возможностей 88-миллиметровой пушки, извлеченными из памяти требованиями к обслуживанию взвода, роты, батальона; характеристикой особенностей авиационной поддержки и т. п.

Манштейн тоже был в своей лучшей форме. Он не воспринимал

трагически даже то, что части Советской армии появились буквально под окнами, и подробно обрисовал сложившуюся ситуацию. Дивизия СС «Викинг» (в которой много было добровольцев-прибалтов) не может одна сдержать Попова. 4-я танковая армия как минимум еще две недели не сможет участвовать в боевых действиях. 1-я танковая армия представляет собой фактически лишь одну танковую дивизию. Для восстановления и стабилизации фронта необходимы подкрепления. В отношении советского наступления он проявлял здоровый скепсис. Он полагал, что русские действуют механически, что у них нет плана. Что они пытаются захватить — Киев, Львов? Скорее всего, они попытаются прижать группу армий «Юг» к Черному морю. Это им не удастся. Второго Сталинграда не будет. Задачу остановить их он видел решаемой — чем дальше они отрываются от своих баз снабжения, тем легче это можно будет сделать. Русские войска истощены бесконечными боями, их порыв не может продолжаться слишком долго — пусть почувствуют сложности наступающей армии, которая (в отличие от обороняющейся) не может рассчитывать на готовые пункты реабилитации, помощи, снабжения. Когда они приблизятся к Днепру, Гот нанесет свой удар, и вермахт восстановит свои позиции. Затем наступит неизбежная шестинедельная весенняя распутица, и германская армия полностью придет в себя.

19 февраля германское командование окончательно приняло план контрнаступления, план наиболее эффективного использования своих танковых дивизий в условиях перенапряжения советских частей. Манштейн быстро переводит свой штаб в Днепропетровск, он подготавливает свои мобильные, прежде всего танковые, части для нанесения контрудара, для возврата Донбасса и очередного обескровливания советских войск у Харькова. Его хладнокровие наложило свой отпечаток на подготовку танков, обеспечило ясность общего замысла и использование нечеловеческой усталости оторвавшегося от своих баз авангарда советских частей. В руках Манштейна элитарные 1-я и 4-я танковые армии.

Германское наступление февраля-марта 1943 года — лебединая песня блицкрига, быстрых маневренных операций германской армии между 1939 и 1942 годами, между Варшавой и Сталинградом. В последний раз вермахт продемонстрировал удивительную слаженность родов войск, маневренность атакующих сил, сочетание плана и инициативы. Замысел Манштейна был достаточно прост: ударом с юга две эсэсовские танковые дивизии — «Мертвая голова» и «Адольф Гитлер» вторгаются в Харьков с юга, отрезая от своих те части, которые в отчаянной смелости устремились

на Полтаву, в глубину Центральной Украины, где на горизонте маячил Киев.

В течение пяти дней собирался ударный кулак «сталинградца» Гота; два танковых корпуса, 48-й и 57-й, стояли на острие, выдвинутом по железной дороге к Красноармейску. Одновременно южнее Харькова собирались танковые корпуса СС. Общее наступление началось 21 февраля 1943 года. 40-й германский танковый корпус начинает движение в направлении Северного, т. е. на северо-запад. На его пути обессилевшие наши лучшие части — остановившаяся из-за нехватки бензина 1-я гвардейская армия, остатки 10-го и 18-го корпусов, две бригады 3-го танкового корпуса. Главной атаке был подвергнут Попов, левый фланг 1-й гвардейской армии. Во главе дивизий СС «Дас Райх» и «Гроссдойчланд» шли новенькие «тигры», практически неуязвимые в строю и в фронтальной плоскости. Если прежде с Т-34 могла совладать лишь 88-мм пушка, то теперь орудия «тигров» пробивали броню нашего наиболее эффективного танка. Гусеницы «тигра» были столь широки, что позволяли пройти практически везде.

Печальная лихость препятствовала своевременному отводу войск на более укрепленные позиции, и 21–22 февраля 1943 года доблестный авангард Ватутина ощутил на себе удар танковых войск СС. Приказы взять Днепропетровск, Запорожье и Мелитополь сейчас смотрятся как удивительное верхоглядство. Немцы были более чем сильны, отдать эти города они могли лишь потеряв свою боевую силу. Где грань между желанием до предела воспользоваться ситуацией и чувством надвигающейся грозы? Танки советского 25-го танкового корпуса замерли из-за отсутствия горючего в двадцати километрах от Запорожья — отрыв от частей снабжения на 80 километров. По линиям этих протяженных коммуникаций уже шел 48-й германский танковый корпус. Правый фланг Ватутина трагически завис. Данью трезвости был отвод 1-й гвардейской танковой армии и 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Но корпуса Харитоновы уже в западне. С севера Голиков постарался помочь соседу. Две армии — 3-я гвардейская Рыбалко и 69-я Казакова, утомленные и понесшие значительные потери, повернули от Харькова на юг, на помощь гибнущему авангарду Юго-Западного фронта. Но навстречу им уже мчали танки дивизии СС «Гроссдойчланд». После 23 февраля ситуация на фронте ухудшается для советских войск буквально с каждым часом.

Большой проблемой для наступающих на юге советских войск была адекватная оценка расположения и намерений германских войск. С долей самокритичности следует признать, что оба фронта — Голиков и Ватутин

— фактически блуждали в тумане. С теми обескровленными частями, которые были в их распоряжении, они могли преследовать отступающего противника, но они уже не могли вести наступательные операции. Это и был главный вопрос, в каком состоянии германские войска и что они собираются предпринять. 21 февраля Сталин поручает представляющему оперативный отдел Генерального штаба генерал-лейтенанту Боголюбову определить конкретно, что происходит в Донбассе и поблизости. Оптимистически настроенная фронтовая разведка говорила о полном уходе немцев из данного региона. Но поднятые в воздух разведывательные самолеты обнаружили концентрацию германских войск в районе Краснограда, Днепропетровска и Красноармейска. Как интерпретировать авиасведения? Оптимисты говорили, что это колонны прикрытия отступающих войск. Штаб Ватутина увидел доказательства продолжающегося ухода немцев из Донбасса в направлении Запорожья. Реалисты начали предполагать худшее.

Только 25 февраля Ватутин приказывает правому флангу своего авангарда начать отход, а в Москву посылает реалистическую картину складывающейся ситуации. Иначе Ватутин не мог объяснить, обосновать свою просьбу об экстренной помощи. Чтобы помочь положению, Ставка вечером 28 февраля 1943 года передает в подчинение Ватутину (от Голикова) 3-ю танковую армию (Рыбалко). Это была настоящая сила, способная на многое, но злая судьба и ряд непродуманных решений ослабляют ее силу. Решающее обстоятельство — хорошая ориентация немцев в складывающейся ситуации. Воздушная разведка немедленно доложила Манштейну о повороте танковой армии Рыбалко в южном направлении. На этапе подготовки армии Рыбалко к атаке германские штурмовики нанесли ее прекрасным танкистам жестокий удар с воздуха. А к вечеру 2 марта 3-я танковая армия оказалась окруженной. К своим, ценой жестоких потерь, пробился только 6-й гвардейский кавалерийский корпус.

Через неделю отчаянных боев, когда наступающим советским войскам не осталось ничего иного, кроме как повернуть назад, группа Гота и танкисты СС сомкнули свои щупальца. Отсутствие у немцев достаточной численности пехоты не позволило им полностью «запечатать» окруженные советские части, и те группами пробивались на восток, благо замерзший Донец это позволял. 23 тысячи советских солдат покоились в неудобных зимних степях. Немцы взяли в плен только 9 тысяч человек, но 615 танков и 354 орудия.

Вначале Манштейн хотел одним махом перейти Донец и дойти до железной дороги у Купянска, что означало окружение Харькова и

замыкание кольца 80-ю километрами восточнее, но поддался опасениям попасть в жестокую весеннюю распутицу. Он «сократил» замыкаемое кольцо самим Харьковом. 7 марта из Краснограда на север нанесла удар старая знакомая — 4-я танковая армия вермахта, и как ни отчаянно сражались вставшие на ее пути части, германский танковый кулак сумел пробить тридцатикилометровую брешь между советскими 3-й танковой и 69-й армией. «Гроссдойчланд» зашла с севера, а Гот и Кемпф с юга. К 10 марта немецкие танки захватили Харьков и развернулись против получивших запоздалый приказ отходить авангардных частей Воронежского фронта Голикова. Это заставило Ставку, опасавшуюся повторения прошлогоднего несчастья, эвакуировать Харьков 13 марта 1943 года. Немецкие танки помчали еще далее на северо-восток — на Белгород, подходя на расстояние опасной близости от Курска. Та же судьба постигла Белгород тремя днями позже — немцы берут его 19 марта. Перед ними формируется выступ вокруг города Курска, он нависает над германскими войсками и идея ликвидации этого выступа возникает у немцев почти спонтанно.

Разделившись надвое, немцы проделали чрезвычайно успешную работу. «Мертвая голова» отрезала пути отступления советской 3-й танковой дивизии, а «Великая Германия», не останавливаясь в Харькове, проскользнула между 69-й и 3-й танковыми армиями и безостановочно устремилась на северо-восток — на Белгород, угрожая пробить страшную брешь не на периферии, а на центральном участке советско-германского фронта с угрозой зайти в тыл армиям, защищающим Москву. Если группа германских армий «Центр» также начнет равное по искусству движение, то в войне возможен перелом в пользу Германии. В Москве заметно помрачнели. Потребовались экстренные меры. Теперь уже никто не живописал миражи освобожденной Украины и тому подобное. Встал вопрос о возможности опасного разворота событий в центральном секторе военного противостояния.

Это было драматическое изменение ситуации. Еще месяц назад безнадежно отступающие германские части вернули себе стратегическую инициативу и добились почти невероятных результатов. Германская армия на юге стояла примерно на тех же позициях, что и год назад, когда она начала бег к Волге. Важнее всего для немцев было возвращение веры в самих себя.

В окруженной 3-й танковой армии Рыбалко, еще совсем недавно продемонстрировавшей прекрасные воинские качества, осталось всего 50 дееспособных машин, отчаянно пытавшихся пробиться к заколдованному

злым духом Харьков. В тяжких боях отступали 1-я гвардейская армия и злосчастная 6-я армия. А немцы приступили ко второй фазе своего контрнаступления, направленно на север — против левого фланга Голикова, против войск в районе Харькова, попавших в оттепельную распутицу. Впервые мы слышим о приданном Рыбалко батальоне чехословаков во главе с Людвигом Свободой. Тысяча чехов проливали кровь вместе с нашими воинами в этот очень тяжелый час, когда блеснувшая в небе Сталинградская победа начала меркнуть в свирепых южностепных боях.

Последовал приказ Рокоссовскому выделить «не позже 13 марта» 21-ю армию своего Центрального фронта для защиты Курска. 64-й армии выйти из привычного Сталинграда. Еще более мощное движение: 1-й танковой армии Катуква немедленно купировать выпад «Гроссдойчланд». Эти контрмеры дали определенные результаты. Еще неделю гремели на этом направлении бои, но главное было содеяно, германский порыв был остановлен, и стороны начали укреплять свои новые позиции (немцы, прежде всего, оставленный Красной Армией Белгород). Только после этого удара Гитлер и его окружение могли приступить к наступательному планированию на лето 1943 года.

Время уже не работает на страны «оси», и они, эти страны, начинают осознавать необходимость быстрых решений. Лишние месяцы войны уже означают мобилизацию невиданных ресурсов — советских, американских и прочих, которым «ось» может противопоставить только сокращающиеся ресурсы. Берлин и Вольфшанце не были в ослеплении — там видели, что возможности Германии сократились даже в сравнении с прошлым годом. Грозовой горизонт диктует: Германия должна напрячься в решающем усилии, сейчас или никогда. Важными были соображения стратегической разведки.

На фоне благоприятного для Германии поворота фортуны в конце февраля 1943 года руководитель германской военной разведки Гелен завершает большую аналитическую оценку положения на Восточном фронте. Каковы стратегические наметки советской стороны? Главными целями Москвы Гелен назвал: 1) уничтожение 17-й германской армии на Кубани; 2) удар по первой танковой армии и армейской группе Холлидт (Донбасс); 3) освобождение территории к югу от Ладоги с целью снятия блокады с Ленинграда. Давая характеристику достижимости этих целей, Гелен был достаточно оптимистичен. Операции Центрального фронта русских ни к чему особенному не привели, положение в центре и на флангах не внушало особых опасений. Гелен отмечает удачное

перемещение германских войск (16 дивизий) из долго защищаемого района Вязьма — Ржев — здесь немецкое командование ослабило свою группировку (ориентированную, при определенных обстоятельствах) на Москву) в направлении Орел — Харьков, укрепив силы, ориентированные на оборону в Северной Украине.

Германские генералы приступили к главному занятию своей профессии — к планированию операции летом данного года. Среди свидетелей процесса принятия решений в высшем военном руководстве Германии, возможно, наиболее выигрышную позицию занимал министр вооружений А. Шпеер. Личная дружба с Гитлером способствовала его несколько отстраненному и независимому взгляду на происходящее. В спартанской обстановке Вольфшанце (исключение составлял барак с мягкой мебелью, построенный специально для Геринга) заседания, на которых анализировалась обстановка на фронтах, проходили дважды в день — большое и малое заседание. На большом было шумно и душно. Группы военных переговаривались между собой довольно громко, пока Гитлер не поднимал на них недовольный взгляд. Кто-то пытался устроить систему вентиляции, но Гитлер сказал, что она создает «дополнительное напряжение», и ее включали до и после заседаний. На малых конференциях после обеда присутствовали ближайшие военные сподвижники, здесь не было места спорам, шло общее обсуждение складывающейся ситуации.

Впервые Гитлер был относительно молчалив, он не был таким уже двадцать лет. Менее, чем прежде, вмешивался в дела профессионалов, на некоторое время он — воплощение уважения к своим генералам. В воздухе в феврале-марте 1943 года незримо присутствовал дух Сталинграда. Недолго это будет продолжаться, но пока фюрер молчаливо слушал тех, кого он неизменно унижал последние годы.

Получивший в результате «возвращения Харькова» признание в вермахте, возможно, лучший германский стратег фельдмаршал Манштейн предложил два варианта германского планирования на текущий год.

Первый лично ему нравился больше: основные массы германских войск имитируют ослабление и полный отход на западный берег Днепра; нет сомнения, что воодушевленные южные фронты Красной Армии триумфально двинутся за ними; огромная масса советских войск окажется втянутой в западню, расставленную между Херсоном, Запорожьем и Днепропетровском; на следующем этапе мобильные танковые части вермахта, прячущиеся в районе Харькова (где имитируют перенапряжение) ждут своего часа; убедившись в быстром отрыве авангарда советских войск от баз снабжения, германский танковый молот выйдет из района Харькова

и обрушится всей своей мощью на тылы увлеченных к Днепру сил. В этот суперкотел попадет не менее миллиона советских солдат, элитарные советские атакующие части, множество тех соединений, которые получили бесценный военный опыт под Сталинградом. Это будет германский ответ на Сталинград.

Гитлеру в этом плане не нравилось одно, но важнейшее обстоятельство — необходимость массового отступления на весьма значительные расстояния. А если русские закрепятся на новых позициях и сумеют отбить танковый набег с севера? Не рискованно ли все положить на то, что русские, услышав позади урчание германских танков, впадут в панику? А если не впадут? На дворе не 1941 год, и русские многому научились. Характер их отступлений все менее походит на панический. Большой риск. А выигрыш? Конечно, если это будет повторение Киева или Вязьмы — игра стоит свеч, но если они не позволят себя обойти так, как это удалось сделать в районе Харькова ранним летом 1942 года?

Второй вариант требовал обращения центра внимания севернее. Здесь у русских позиции венчал стратегически внушительный Курский выступ (200 километров в ширину и в 100 километров территории, вонзающейся в германскую линию фронта — в глубину). У германского командования почти не было сомнения в том, что советские генералы попытаются с этого выступа нанести удар либо в северном направлении — в тыл группировке армий «Центр», либо на юг, пытаясь зайти в тыл группе армий «Дон». Русские собирают здесь свои резервные силы. К текущему моменту здесь уже расположена основная мощь Советской Армии — 40 процентов войск и 70 процентов танков. Есть смысл не дожидаться окончания их приготовлений и нанести мощные упреждающие удары с севера и юга в два основания Курского выступа, погребя при этом все, что Советы хотят выставить против Германии на поле брани в 1943 году. Взять эту элиту противостоящей армии клещами с двух сторон, с севера и юга, использовать маневренность германских танковых армий, обыграть «органическое единство» всех элементов машины вермахта на относительно ограниченной территории. Вот уже в двух мировых войнах германскую армию в таких сражениях не превзошел никто. Манштейн решительно настаивал только на том, чтобы не откладывать операции, не дать этим упорным русским времени подготовиться, использовать великолепную германскую способность импровизировать — то, что плохо получается у русских. Удар по Курскому выступу нужно произвести быстро и в полной мере использовать фактор неожиданности, слабость русской системы снабжения. Завершающаяся рядом Харьковская операция является

хорошим трамплином. Нанести главный удар года, начать собственно летнюю кампанию следовало сразу же после взятия Харькова в марте 1943 года. Манштейн готов был начать выполнение этого плана в апреле, в худшем случае в мае.

Идею радикально отступить к Днепру, а затем нанести решающий удар разделял фактически лишь один автор идеи — Манштейн. У прочих военачальников сработал инстинкт собственничества, отдавать колоссальные территории ради возможного успеха в будущем германские генералы были не готовы. Атака на Курск на этом фоне выглядела менее авантюрной, менее рискованной. Цейтцлер: «По меньшей мере, она (атака на Курск. — А.У.) не создаст такого напряжения на резервные силы».

Гитлер избрал второй вариант (названный им «Цитаделью», а Сталиным — «Германским Сталинградом»). Несколько обстоятельств усложнили обрисованную Манштейном схему. Во-первых, группа армий «Центр» отказалась принять максимально возможное участие — она, мол, занята своими сложными проблемами на критически важном центральном направлении и волнуется о судьбе Смоленска и прочих подступов к Москве (где русские войска и руководство наиболее чувствительны). Во-вторых, русские уже забеспокоились. Уже в конце марта 1943 года советская разведка обратила особое внимание на явно занимающие ударные позиции две группировки германских войск, расположенные по противоположным сторонам Курского выступа — у Орла (север) и в районе Харькова — Белгорода (юг). После двух лет войны у русских сработывало правило: там, где одновременно находятся сорок пехотных и двадцать танковых дивизий вермахта, места самоуспокоению быть не должно. Ради стратегического успеха ОКВ и ОКХ должны санкционировать наступательные операции как можно скорее.

Но прошедшие два года войны на Восточном фронте и Гитлера сделали менее податливым в отношении германского таланта импровизировать. На этот решающий раз и он склонен лучше подготовиться — ведь они лучше готовятся, чем природно беспечные русские. Пусть русские попытаются подготовиться. Ведь смертельно серьезно готовились они в 1941 и 1942 годах, но из этого у них так ничего и не получилось. Почему должно быть иначе в данном случае? В конечном счете два объективных обстоятельства воспрепятствовали быстрой реализации «Цитадели» сразу: наступившая весенняя распутица и неспособность фельдмаршала Клюге организовать необходимое давление на Советскую армию с севера.

Идея, выраженная в вышеописанном варианте номер два, снова

оказалась поставленной в конкретную плоскость на конференции начальников штабов, созванной Главным командованием сухопутных сил в Летцене, в апреле 1943 года. Итак, после двух неудач — под Москвой и Сталинградом — германские вооруженные силы решили попытать удачи в третий раз. Дважды немцам удавалось восстановить свои силы, на третий раз они были полны решимости приложить все возможные силы, чтобы склонить весы истории в свою пользу. Вермахт пересмотрел свою структуру, ввел новые виды вооружений, согнал в рейх миллионы трудовой силы и провел тщательную плановую подготовку. Летом 1943 года реформы должны были дать ответ на вопрос, может ли Германия рассчитывать на гегемонию в Евразии. Пехота получила «Шмайссеры», огнеметы и небельверферы, танкисты — «тигры» и «пантеры». Рабы трудились по 18 часов в день. Вермахт использовал все ресурсы науки и репрессивного государственного аппарата. Но судьба всех этих усилий зависела не только от немцев. Воины России и ее тыл трудились на пределе человеческих сил, чтобы никто и никогда не гнал наших людей щелкая бичами. Предстояло определить, где и когда произойдет схватка, которая определит судьбу исторического поединка.

Меморандум, содержащий описание крупного наступления в районе Курского выступа силами предоставленной Клюге 9-й армии Моделя (с севера) и 4-й танковой армии Гота (с юга), был дан на подпись Гитлеру 11 апреля 1943 года.

Япония остановлена

Чувствуя на себе гнев императора из-за затормозившихся наступательных операций, первый военный герой Японии адмирал Ямамото решил добиться успеха в районе Северной Австралии. Он прибыл 3 апреля 1943 года в Рабаул с 300 лучшими пилотами технически превосходных истребителей «Зеро». Это была последняя попытка японцев восстановить свое превосходство в воздухе и оказать действенное прикрытие наступающим десантным войскам. Ямамото сообщил кодированной радиোগраммой, что намерен лично посетить Северные Соломоновы острова. В районе недавно потерянного Гуадалканала японцы 7 апреля начали вторую по масштабу после Пирл-Харбора атаку против американских кораблей. 188 японских самолетов в течение нескольких дней потопили американский эсминец и новозеландский корвет, два торговых американских судна.

В шифровке, прочитанной американцами, был обозначен весь маршрут этого самого известного японского адмирала. Военно-морской министр Ф. Нокс сделал запрос у генерального прокурора ВМС о легальности операции и у церковных кругов — о соответствии предлагаемого принципам христианской религии; у командующего ВВС генерала Арнольда — о шансах на успех. Все запрошенные согласились с президентом Рузвельтом, что операция «Мечь» должна быть проведена специальной эскадрильей истребителей «Лайтнинг» в глубокой тайне. Было отобрано восемнадцать лучших пилотов: четыре для атаки, четырнадцать для прикрытия. Боясь обнаружения, эскадрилья летела на высоте десять метров над морем и около 10 часов утра 16 апреля 1943 года капитан Каннинг прошептал в молчащий эфир: «Цель на одиннадцати часах. Высоко». Адмирал Ямамото был убит пулеметным огнем, а его огромный «Мицубиси» рухнул в джунгли и сгорел. Описание операции и участия в ней Белого дома остается тайной и сегодня. Вся касающаяся этого эпизода документация строго засекречена.

Японская сторона молчала тридцать четыре дня, и лишь когда линкор «Мусаси» с кремированными останками адмирала прибыл в Иокогаму, токийское радио возвестило о гибели Ямамото. Вскоре после этого Кидо — лорд-хранитель печати и близкое доверенное лицо императора — секретно встретился с прежним премьер-министром Коноэ для обсуждения возможностей выхода из войны. Информанты сообщили Коноэ: во время

визита в Вашингтон они убедились, что «военные руководители США удивлены ростом могущества Советского Союза и в результате пришли к выводу о невыгодности абсолютного крушения Японии и Германии». Премьер и советник решили использовать до последней возможности антикоммунизм в США, использовать опасения, что японский народ, в пучине военного поражения лишенный своего богоподобного императора, может обратиться к коммунизму. Для усиления этого политического элемента император Хирохито возвращает в правительство известных противников СССР. То была попытка показать Западу, что Япония в любом случае может быть полезна и что от ее полного поражения выиграет лишь «мировой коммунизм».

Между тем британское наступление на бирманский порт Акьяб было остановлено японцами. Но в Тихом океане, в море Бисмарка, американская авиация уничтожила восемь японских транспортов, направляющихся с подкреплениями к Новой Гвинее. В море рухнули 102 японских самолета.

В тихоокеанском регионе японская военная машина еще обладала колоссальными возможностями, японский флаг развевался над необозримыми просторами Азии и Тихого океана. Однако в мае 1943 года наступает новый этап. Английский наблюдатель отметил еще отсутствие в Токио бомбоубежищ — свидетельство уверенности в том, что американские самолеты не достигнут Японских островов. Но стал ощущаться недостаток сырьевых ресурсов. С начала войны к 1943 году промышленное производство в Японии выросло на одну четверть, а в США этот рост составил две трети прежнего объема. Сказалась, помимо прочего, японская самоуверенность: за десять лет, предшествующих Пирл-Харбору, экономический рост Японии был столь бурным, что ее руководство не посчитало нужным создать особые стратегические резервы — оно полагалось на результаты этого роста. И просчиталось. Стратегическая инициатива на Тихом океане начинает переходить из рук японцев к американцам.

В конце июня американская военно-морская пехота высадилась на Новой Георгии и, базируясь на этом анклав, стала овладевать контролем над Марианскими островами. Командующий флотом подводных лодок маркиз Комацу, двоюродный брат императора, доложил Хирохито, что Соломоновы острова обречены. Император Японии поручил премьер-министру Тодзио передать войскам на Соломоновых островах приказ держаться до последнего и продать свою жизнь как можно дороже. В Японии началась тотальная мобилизация. Императрица Нагако демонстративно участвовала в подготовке перевязочного материала. Судьба

свергнутого в июле Муссолини служила предвестником будущего. Советники Хирохито говорили о неизбежности крушения Германии, о том, что Японии предстоит борьба в одиночестве. Между тем почти половина предвоенного флота Японии (3 миллиона тонн) была уничтожена, и японские верфи не могли компенсировать понесенного урона.

На фоне определенного замораживания отношений с СССР Рузвельт постарался весной 1943 года укрепить свои позиции в Китае. Здесь Чан Кайши хотел максимального вовлечения англо-американцев с тем, чтобы сохранить собственную армию для послевоенного сведения счетов с коммунистами Мао Цзэдуна. Произошло укрепление американских военно-воздушных сил, расположенных в Китае, — чисто американского рычага в воздействии США на своего гоминьдановского союзника. Периодические бомбардировки американской авиацией Японии, сказал президент, «произведут огромное моральное воздействие на китайский народ». В письме вождю гоминьдана от 8 марта 1943 года Рузвельт обещает довести численность американской авиации в Китае до 500 самолетов, обещает расширить стратегические поставки при условии открытия китайской армией более близкой бирманской дороги. Укрепляя националистический Китай и укрепляясь в нем, Америка создавала противовес в Евразии англичанам (в Индии) и евразийский противовес Советскому Союзу.

Мадам Чан Кайши, прибывшая в Америку в ноябре 1943 года, была принята в Белом доме и выступила перед обеими палатами конгресса. Внимание президента придавало ей смелости. Во время очередного обеда Рузвельт спросил мадам Чан Кайши, что бы она сделала с руководителем профсоюза, призывающим к забастовке во время войны. Мадам Чан выразительно провела пальцем по горлу. Рузвельт оценил решимость хрупкой женщины как «стальную», но странно было бы называть ее руководителем демократической страны. Сообщения о немыслимой коррупции в Китае приобретали в этом свете зловещий оттенок. Можно ли полагаться на такой режим? Рузвельт так объяснил Маршаллу свое понимание проблемы: «Генералиссимус прошел трудный путь, прежде чем стал неоспоримым лидером четырехсот миллионов китайцев — огромная, тяжелая работа по достижению единства различных групп и всех видов политических деятелей — военных, преподавателей, ученых, представителей социальной сферы, инженеров, всех, борющихся за власть и преобладание как на местном уровне, так и на национальном, и сумел создать в очень короткое время на всей территории Китая то, на достижение чего нам понадобилось два столетия. Кроме того, генералиссимусу необходимо поддерживать свое положение высшего

руководителя. Вы и я делали бы то же самое в подобных обстоятельствах. Он является главой исполнительной власти, равно как и верховным главнокомандующим, и нельзя говорить сурово с человеком такого ранга, нельзя добиваться от него обязательств так, как мы поступили в случае с султаном Марокко».

Более всего пугала американскую сторону возможность быстрого поражения Китая, это лишало Вашингтон самого большого союзника в Азии. Именно поэтому Рузвельт противостоял Стилуэллу, Маршаллу и прочим критикам чанкайшистского режима. Китай нужен был Америке для господства на Тихом океане, для политического раскола Евразии, для вторжения в сферу прежнего влияния западноевропейских метрополий, скажем, в Индокитае (здесь впервые возникает тень Вьетнама). Пусть Китай ныне слаб. Его колоссальное работоспособное население в конечном счете сделает из него великую державу, и нужно заручиться благоволением этой державы заранее. Рузвельт согласился с ликвидацией экстерриториальных прав иностранцев в Китае, что, по словам Чан Кайши, «поставило независимый Китай в равное положение с Великобританией и Соединенными Штатами».

Когда Иден в марте 1943 года прибыл в Вашингтон для обсуждения вопросов послевоенного урегулирования, его поразила прежде всего решимость, с которой президент Рузвельт настаивал на предоставлении Китаю статуса державы первой величины. Министр телеграфировал Черчиллю: «Президент утверждает, что Китай является, по меньшей мере, потенциально мировой державой и анархия в Китае была бы чрезвычайно прискорбным оборотом событий, поэтому Чан Кайши должен получить полную поддержку». Рузвельт уже тогда включал Китай в число комитета четырех держав, «который будет принимать все важнейшие решения и осуществлять мировые полицейские функции» в послевоенном мире. Он также обсуждал возможность совместной опеки Китая, США и СССР над Кореей и Индокитаем. Рузвельт намечал точки совместных послевоенных акций: «В Южной Корее можно создать мощную базу, основываясь на которой Китай и Соединенные Штаты стали бы обеспечивать мир в западной части Тихого океана». И, как сказал президент Идену, «в любом серьезном конфликте с Россией Китай без сомнения будет на нашей стороне». Если бы речь зашла о тройственном мандате или тройственной опеке некоей территории Советским Союзом, Китаем и Соединенными Штатами, то два последних участника триумvirата, полагал Рузвельт, всегда найдут необходимую степень договоренности. Тогда Рузвельт еще не исключал возможности участия СССР в оккупации не только Кореи, но и

Японии — и в этом случае он полагал, что американо-китайское понимание сработает нужным образом.

Естественно, желания потесниться на Олимпе не существует. Тем более, когда речь идет о вчерашней полуколонии европейских стран, о державе, с которой Лондон воевал в прошлом веке. Иден, с его внешностью безупречного джентльмена, на этот раз отставил и мягкость, и манеры. Англичане наотрез отказались считать Китай мировой державой. «Разумеется, — писал из Лондона Черчилль Идену, — Китай будет использован как верный исполнитель воли Соединенных Штатов в любой попытке ликвидировать заморскую Британскую империю». Как докладывал А. Иден английскому военному кабинету 13 апреля 1943 года, Соединенные Штаты «рассматривают Китай в качестве возможного противовеса России на Дальнем Востоке... Главным вопросом, владевшим умом Рузвельта, являлся вопрос о возможности сотрудничать с Россией сейчас и после войны».

Обсуждались балканские проблемы. С точки зрения Рузвельта, вражда сербов и хорватов непримирима и следует создать два независимых друг от друга государства. Должна быть восстановлена независимость Австрии. Президент с легкостью «решал» бельгийские проблемы. Франкоязычную часть Бельгии надо соединить с потерянными Францией Эльзасом и Лотарингией, северной частью Франции, а также с Люксембургом, чтобы образовать новое государство Валлония. Иден воспринимал изложение «валлонских проектов» Рузвельта скептически. Англия уже начинала ощущать определенную общность судеб старых колониальных держав перед лицом неудержимого американского динамизма.

Первостепенную значимость имели суждения Рузвельта о грядущей судьбе Германии. Он всячески хотел избежать ошибок Вильсона и в целом намеревался изменить сам подход к будущему поверженному противнику. Ему казалось необходимым содействовать всем центробежным силам германской политической арены; следовало стимулировать раскол Германии, выделение сепаратных ее частей. Именно расколотой на несколько независимых государств видел Рузвельт послевоенную Германию — оптимальный, по его мнению, вариант решения германской проблемы. Но не вызовет ли подобная перспектива анархизм и коммунизм в Германии? Рузвельт и Гопкинс считали, что нет. К моменту, когда Гитлер должен будет сложить власть, американские и английские войска уже расположатся на германской территории. Их мощь достаточна, чтобы проконтролировать любой поворот событий. Рузвельт учитывал и тот вариант, что Германия может капитулировать еще до того, как

американские войска вступят на ее территорию. В этом случае следовало загодя договориться со Сталиным и установить согласованные зоны оккупации поверженной страны.

Особое внимание Рузвельт уделял проблеме будущей всемирной организации. По мысли президента, следовало пресечь всякие попытки провозгласить ее преемственность с Лигой Наций. Грядущий форум наций надо создать заново на основе общей декларации стран-участниц. Следовало при этом прежде всего подумать о «совете управителей». Этот совет должен состоять из представителей четырех великих держав (США, СССР, Англии и Китая) и представителей шести — восьми региональных группировок. Англичанам хотелось сократить «высший круг», и Иден высказал сомнения в отношении Китая — он после войны пройдет через революцию и длительный период модернизации.

У Рузвельта сложилось впечатление, что Лондон, при всей его имперской гордости, окажется покладистым союзником в послевоенный «век Америки». Он с удовлетворением заявил после встречи с Иденом, что США с Англией согласны почти по всем основным проблемам — «от статуса Рутении до производства земляных орехов». Даже прирожденных геополитиков — англичан поразила легкость, с какой президент Рузвельт готов был обращаться с целыми странами и народами, одним росчерком пера он мог изменить их судьбу. Англичанин не скрыл, что его это насторожило. Рузвельт, по мнению Идена, беспечно манипулировал емкостями со взрывчаткой, природу которой он не знал. В вопросе, который чрезвычайно волновал Идена, — характер будущих отношений США и СССР — Рузвельт был далек от наивности и понимал, что СССР в послевоенном мире будет могучим фактором международного развития. Представлялось при этом, что Рузвельт видел пределы независимых действий своего великого восточного союзника и считал, что при помощи энергичной и конструктивной дипломатии он сумеет найти верный уровень отношений с Москвой, найдет компромисс, удовлетворяющий обе стороны. Рузвельту казалось, что роспуск Коминтерна, произошедший в период ухудшения отношений СССР с Западом из-за откладывания «второго фронта», является добрым знаком. Иден пришел к выводу, что президент питает серьезные надежды на разрешение противоречий с СССР, в том числе и по польскому вопросу. Рузвельт видел путь к решению противоречий в передаче Польше Восточной Пруссии в обмен на установление советско-польской границы по «линии Керзона».

После окончания визита Идена в Вашингтон президент, выступая на пресс-конференции, сказал, что с англичанами достигнута договоренность

на 95 процентов. Шервуд спросил Гопкинса, к чему относятся остальные 5 процентов, и тот ответил: «Главным образом к Франции». При всем желании сохранить привилегированные связи с Рузвельтом, Черчилль должен был думать о месте в будущем мире Западной Европы, и ему вовсе не хотелось низводить Францию до положения управляемой американской военной администрацией страны. Поэтому он не согласился на то, чтобы оставить де Голля. Здесь лежат исторические корни того явления, которое стало известным под названием «западноевропейская интеграция». Разумеется, то были лишь первые шаги, но помощи Черчилля оказалось достаточно, чтобы французы во главе с де Голлем выстояли перед натиском американцев.

В выработке своей дипломатической линии по отношению к СССР Рузвельт в 1943 году немало советовался с прежним послом США в СССР У. Буллитом. Тот убеждал президента, что Сталин постарается воспользоваться занятостью Америки Японией и приложит усилия, чтобы получить доминирующие позиции в Европе после поражения Германии. Чтобы предотвратить такой ход событий, Буллит рекомендовал президенту встретиться со Сталиным в июне 1943 года в Вашингтоне или на Аляске. Буллит предлагал Рузвельту предупредить Сталина, что если СССР не даст обещание начать войну против Японии сразу же после поражения Германии, не пообещает воздержаться от аннексий европейских стран, не распустит Коминтерн, то Соединенные Штаты должны будут сместить фокус своего внимания с Европы и, оставив СССР практически в единоличном противоборстве с Германией, обратиться к Тихому океану. В этом случае следует уменьшить помощь Советскому Союзу и не упоминать о займах на восстановление. Как запасной, Буллит рассматривал вариант вторжения на Балканы, чтобы преградить русским путь в Центральную Европу.

Чтобы выяснить взаимные отношения (и подгоняемый кризисом в отношениях «лондонских поляков» и советского правительства из-за Катюши), Рузвельт 5 мая 1943 года направил в Москву бывшего посла Дж. Дэвиса с целью договориться о встрече со Сталиным предположительно в районе Берингова пролива летом 1943 года. Дэвис привез в Москву личное письмо президента с предложением о встрече на высшем уровне, которая способствовала бы более близкому знакомству двух руководителей. Лучшее время для такой встречи — лето 1943 года, место — где-нибудь посередине между Москвой и Вашингтоном. В Хартуме летом жарко, а в Рейкьявик не пригласить Черчилля было бы неудобно. Наиболее подходящим местом виделись окрестности Берингова пролива,

причем Рузвельт был согласен и на Аляску, и на Чукотку. И поскольку встреча произойдет близ советско-американских границ, отпадает нужда в приглашении Черчилля. Встреча должна подготовить (сообщал Дэвис Сталину) союзников к возможному кризису Германии предстоящей зимой. Она предполагает «характер простого визита, она будет неформальной». Рузвельт возьмет с собой лишь Гарри Гопкинса, переводчика и стенографиста. Это будет то, что американцы называют «встречей умов». Ее участники не имеют обязательств выработать какой-либо итоговый документ.

Позже Рузвельт объяснял Черчиллю, что хотел таким образом избежать «коллизий» по поводу отложенного в критической обстановке «второго фронта», хотел добиться обязательств СССР вступить в войну с Японией, выяснить характер советско-китайских отношений, советские планы относительно Польши, Финляндии и Балкан. Рузвельт надеялся узнать планы Сталина «о послевоенном будущем, его надежды и амбиции настолько полно, насколько это возможно». Разумеется, самой тяжелой психологической задачей для Рузвельта было бы сообщить Сталину о том, что высадка в Европе откладывалась на неопределенное время. Для дискуссий по этому и многим другим вопросам Рузвельту на данный момент хотелось видеть не англичан, а именно советское руководство. Делясь планами с ближайшим окружением, президент объяснял: он стремится получить непосредственное представление о Сталине, найти возможности личного контакта, объяснить советскому руководству американский подход к проблемам, как они виделись из Вашингтона.

«Цитадель»

Расшифрованная «Энигма» позволила западным союзникам следить за «Цитаделью» начиная с 15 апреля, когда Гитлер объяснил своим командирам задачу предстоящей операции: «Добиться успеха быстро и тотально» с тем, чтобы перехватить инициативу на все лето. «Победа под Курском должна быть маяком для всего мира». 30 апреля англичане передали имеющиеся у них сведения Москве. Речь шла о детальной характеристике германских войск, собирающихся вокруг Курского выступа.

Итак, германское командование намеревалось решить итог войны ударом по Курскому выступу. Гитлер полагал, что двенадцати танковых дивизий для масштабного прорыва фронта будет недостаточно. Цейтцлер отвечал, что пяти с половиной танковых дивизий оказалось достаточно для возвращения Харькова, однако Гитлер склонен был объяснять харьковский успех введением в строй «тигров»: «Один батальон „тигров“ равняется нормальной танковой дивизии». Успех весенне-летнего наступления, полагал Гитлер, будет обеспечен с присоединением к «тиграм» менее тяжелых «пантер». Последние выходили с конвейера пока медленно — по двенадцать в неделю. В конечном счете даже покорный Йодль стал определенно охладевать к идее расколоть советский фронт и прорваться танками в советский стратегический тыл. Йодль, помимо прочего, боялся упустить время на Западе. Возбужденный Цейтцлер, напротив, полагал, что на Восточном фронте вермахт не может стоять и ожидать ошибок русских, так можно потерять все. Цейтцлер, как пишет Варлимонт, «все более настойчиво требовал осуществления „его“ наступления и жаловался Гитлеру на вторжение Йодля в его сферу ответственности».

Противоречия в среде руководства вермахта дошли до того, что Клюге в мае 1943 года пытался вызвать Гудериана на дуэль. Клюге был яростным сторонником «подрубить основания» курского выступа и ринуться в образовавшуюся брешь. Клюге с неодобрением и завистью следил за подъемом Гудериана в германской военной иерархии. Опасения Гудериана под Курском отражают его боязнь рисковать танковыми войсками — не самое главное соображение на фоне решающих судьбы войны событий.

Гитлер пока тоже не пришел к окончательному решению. Через своего адъютанта Шмундта Гитлер продолжал опрашивать полевых командиров: стоит ли рисковать всем танковым арсеналом? Большинство выступило адептами концепции Манштейна — Цейтцлера. Из видных командиров

только Гудериан и восходящая звезда вермахта Модель высказали сомнения. Посмотрите с воздуха на этот участок фронта и вы увидите, как русские отчаянно его укрепляют. Ему отвечали, что если русские готовы так отчаянно защищаться, то они непременно бросят сюда лучшие свои силы — самое время и место с ними разделаться. Теперь все зависело от Гитлера как верховного главнокомандующего. Гитлер колебался до начала мая. Все должна была решить конференция командующих армиями в Мюнхене 3-го мая 1943 года. Конференция продолжалась два дня. Категорически против указанной операции выступили шеф танковых войск Гудериан и руководитель военного производства Шпеер. За нее с большим энтузиазмом высказались начальник штаба сухопутных сил Цейтцлер и командующий группой армий «Центр» Клюге. Манштейн в присутствии Гитлера всегда был сдержанным, так произошло и на этот раз. Он сказал, что проведение такой операции в апреле имело превосходные шансы на успех, но в дальнейшем очертания ситуации стали расплывчатыми. Подводя итог дискуссии, Гитлер поставил все в зависимость от прихода в танковые части «пантер», хотя и отдал должное реализму Моделя. Пока в войска поступили только 130 «пантер». К 31 мая их будет 250. Шпеер внес оптимистическую поправку, к концу месяца их будет 324 единицы. Тогда-то и была назначена первая определенная дата главной операции текущего года — 13 июня.

Гудериан продолжал противостоять идее позже, когда 10 мая в Берлине в здании рейхсканцелярии он задал вопрос Гитлеру и его ближайшему окружению: зачем вообще предпринимать генеральное наступление на Востоке в текущем году? Кейтель ответил за ОКВ и ОКХ: «Мы должны наступать по политическим соображениям». Гудериан: «Как много людей, по-вашему, знают, где находится Курск? Миру глубоко безразлично, в наших руках Курск или нет». Гитлер признал, что мысль об операции «Цитадель» «заставляет его желудок выкручиваться». Складывается впечатление, что Гитлер пришел к следующему выводу: единственной альтернативой «Цитадели» является отступление на Восточном фронте. Или что лето — германский сезон. Или что время начинает работать против Германии. Алан Кларк: «Генералы утверждали, и не без основания, что им всегда удавалось проникать сквозь русские позиции первым ударом: ... огневая мощь и мобильность войск будут больше, чем в 1941 или 1942 году, степень концентрации выше, цели даже менее амбициозные. Не является ли фактом то, что никакая сила на земле не способна выдержать первый удар германской армии, когда она начинает заглавное наступление?»

Но жребий брошен. 13 мая он возвращается в Растенбург, чтобы оттуда наблюдать за разворачивающимися наступательными операциями. Шпеер сообщал ему из Берлина о резко возросшем военном производстве: «Прошлой осенью вы приказали нам создать определенное количества оружия к 12 мая. Сегодня мы можем доложить, что мы достигли всех намеченных результатов, а в некоторых случаях значительно их превзошли». Май и июнь прошли в ожидании новых «пантер», которыми снабжали прежде всего Моделя и дивизии СС — Кейтель, Цейтцлер и Клюге убедили Гитлера выпустить соответствующую директиву. В качестве даты наступления было названо 4-е июля 1943 года. Итак, к бою изготовились семнадцать танковых дивизий. На севере у Моделя были три танковых корпуса, на юге к выступлению была готова самая мощная сила вермахта — 4-я танковая армия Гота.

К этому времени внутри военной машины Германии созрели силы, достаточно трезво видящие ухудшение положения страны, увидевшие перспективу поражения Германии, ощутившие пагубность национал-социализма и склонные в свете всего вышесказанного к насильственному изменению строя, ведущего Германию в пропасть. Германский государственный механизм начинает терять цельность и солидарность периода внешнеполитических триумфов. Сталинград породил разобщенность, которая позже приведет к заговору 20 июля 1944 года. Как минимум, эти политические силы, среди которых было много представителей классической прусской юнкерской касты, вели дело к ликвидации Адольфа Гитлера. Эти силы находились под влиянием того, что можно назвать сталинградским синдромом. Они с презрением воспринимали демагогию нацизма и дилетантизм его вождей.

С целью ликвидации фюрера они решили воспользоваться визитом Гитлера к командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу Клюге в Смоленск. (Два года назад, когда германские войска вошли в Смоленск, германские офицеры не помышляли о покушении. Сейчас, потрясенные и смятенные, они лелеяли эту идею). Гитлер, чья враждебность традиционной военной элите была очевидна, как представляется, интуитивно чувствовал неприязнь всех этих высокомерных «фонов».

Фельдмаршал Вицлебен, политики типа Герделера, давние (пассивные) противники нацистского режима типа фон Трескова начали организовывать вокруг себя патриотически настроенных офицеров, способных критически взглянуть на ту войну, вести которую тотально начал призывать Гитлер. К началу 1943 года генералы Ольбрихт и Остер, занимавшие важные посты в резервной армии (расположенной на

территории Германии) разработали план одновременного захвата власти в Берлине, Вене и Мюнхене. Предпосылкой начала активных действий заговорщиков была ликвидация фюрера, на верность которому присягал весь офицерский корпус вермахта. Ликвидация получила кодовое название «Вспышка».

В начале февраля 1943 года генерал Ольбрихт говорит фон Трескову о готовности его группы заговорщиков к активным действиям — Сталинград выступил катализатором. Тресков обращается к офицерам, которые могли бы склонить в ряды заговорщиков командующего группой армий «Центр» фон Клюге, прежде всего к его адъютанту фон Шлабрендорфу. Этот молодой майор нашел в архиве своего шефа документы, датированные октябрём 1942 года, о даровании Клюге большой суммы денег и разрешения на постройку дома. Произошло нечто вроде варианта шантажа фельдмаршала, боявшегося потерять лицо в своей среде. Клюге навестил идеолог заговора Герделер (документы которому, заметим, оформила германская военная разведка). Клюге, при всем понимании тупика, в который завел страну нацизм, все же не рискнул открыто встать в ряды заговора. Колеблющийся Клюге сказал Трескову: «В это время ни немецкий народ, ни немецкие солдаты не поймут и не примут такой шаг... Мы должны выждать неблагоприятного развития ситуации, когда ликвидация Гитлера станет очевидной необходимостью». Участвовать в заговоре отказался и Манштейн.

Но заговор разрастался и без участия фельдмаршалов, офицеры остались убежденными сторонниками отхода своей страны от пути, ведущего, по их глубокому убеждению, в бездну. В какой мере приезд Гитлера в Смоленск, где находилась штаб-квартира группы армий «Центр», был спровоцирован намеренно, остается загадкой. Равно как загадочной остается и роль военной разведки — Абвера, возглавляемого адмиралом Канарисом. Первоначально предполагалось, что выстрел в Гитлера произведет подполковник Фрайхер фон Безелагер из ударного подразделения, дислоцированного в Смоленске, который утверждал, что его людей достаточно, чтобы совладать с охраной Гитлера. Но взгляда на эсэсовское сопровождение фюрера было достаточно, чтобы усомниться в предложении Безелагера.

Теперь офицеры думали о взрывчатке, которую создали английские специалисты для движения Сопротивления во Франции — кубики нитротетраметаниума, которые легко можно было расположить так, что взрыв мог прозвучать через четко определенное время — 10, 30 или более минут. Заговорщики пришли к выводу, что наилучшим выходом был бы

взрыв на самолете Гитлера в воздухе.

Гитлер прибыл в Смоленск на двух «Кондорах» (свой и охраны) 13 марта 1943 года. Во время совещания один из заговорщиков — Шлабрендорф как бы случайно взял в руки фуражку фюрера и едва удержал металлический прибор весом не менее двух килограммов — фуражка имела стальную прокладку, защиту от снайперов. Накануне отбытия высокой делегации Шлабрендорф обратился к офицеру из окружения Гитлера — полковнику Брандту с просьбой передать пару бутылок коньяка размещившемуся в Вольфшанце генералу Гельмуту Штифу. Брандт согласился, и Тресков вручил ему небольшой, но весьма тяжелый ящик. Под взглядами удовлетворенных заговорщиков Брандт сел в тот же «Кондор», что и Гитлер. Только что Шлабрендорф активировал зарядное устройство на получасовой интервал. Взлет — и оба самолета исчезли в сером небе. Самолет Гитлера пролетел над Минском, Вильнюсом, Каунасом и через два часа приземлился в Растенбурге. Никаких признаков экстренных событий не последовало. Шлабрендорф, сгорая от волнения, позвонил Брандту в «Вольфшанце» с вопросом, не вручил ли он подарочный ящик. Если нет, то этого делать не нужно, Шлабрендорф сам завтра вылетает в штаб-квартиру.

Шлабрендорф упаковал две бутылки коньяка (значительно менее тяжелые) и отправился с тяжелым сердцем в Вольфшанце. Брандт смеясь вручил непередаваемый ящик, и майор Шлабрендорф немедленно удалился, чтобы открыть взрывной механизм. Причина неудачи стала ясна сразу: не сработала крышка детонатора. Группа заговорщиков была разочарована, но не оставила планов физической ликвидации того презираемого ими политика, который безусловно вел Германию в бездну.

Кремль

Немцы (Модель) частично знали о приготовлениях Красной Армии, но они не знали о подлинных масштабах этих приготовлений. Между тем концентрация германских сил, предпринятая на подступах к Курскому выступу, вызвала чрезвычайные опасения в Кремле. Построение этой группировки было наступательным и теперь думать о полном освобождении Донбасса или о выходе через Гомель в Белоруссию становилось неуместным. Слишком страшным был поворот событий, когда колоссальная истребительная мощь Германии нацелилась на участок фронта всего лишь несколько южнее Москвы. Как себя поведет концентрированная германская механизированная мощь в случае успешного продвижения на участке фронта лишь слегка юго-западнее Москвы?

Прошел нехарактерно спокойный для советско-германского фронта март. Но к началу апреля Сталин и его окружение начали ощущать опасность германского комбинирования на флангах, справедливо полагая, что немцы не будут без особой на то причины собирать вместе ударную элиту вермахта — танковые дивизии СС «Дас Рейх», «Адольф Гитлер», «Тотенкопф» и «Гроссдойчланд». У Сталина были широкие и разветвленные источники информации. Бесценным таким источником был «Люси», передававший через Швейцарию детальную информацию о германском планировании и главных армейских приказах. Можно себе представить ценность этого источника, если Сталин читал ежедневные решения Оберкомmando Вермахт. Документ, вчера составленный для Гитлера Кейтелем и Йодлем, сегодня лежал уже перед Сталиным. Большую значимость приобретал закрепившийся в нацистской столице Украины Ровно оберлейтенант Курт Зиберт (Н. И. Кузнецов). Все этапы «строительства Цитадели» нашли отражение в документах, которые были посланы им в Центр. Сталин уже не жалуется капризно на двусмысленность развединформации, не горит скепсисом в отношении ее источников. В 1941 и 1942 годах этот скепсис себя не оправдал. Разведисты доказали свою достоверность.

Складывалось отчетливое представление о том, что немцы решили атаковать в районе несколько южнее центрального, в том районе, который получил название Орловско-Курской дуги. С каждым днем становилось яснее, что немцы решили атаковать на основе феноменальной

концентрации бронетанковых сил, последней по качеству техники, лучшим, наиболее опытным составом. Как реагировать? Разумеется, звучали смелые голоса в пользу предваряющего удара и Верховный главнокомандующий не без благосклонности воспринял подобные идеи. Но — в чем было отличие от 41-го и 42-го годов — на этот раз Сталин дал больше возможности для проявления инициативы своих военных специалистов. Плодотворным стал считаться призыв к мнению профессионалов. Как считает англичанин Овери, «нехарактерная для Сталина готовность прислушаться к мнению экспертов почти определенно спасла Красную Армию от еще одной катастрофической летней кампании». Именно они, эти новые военные таланты во главе с Жуковым фактически сходу отвергли пробное предложение Сталина нанести упреждающий удар. Хватит мук с Харьковом 1942 года. На этот раз явственно стала побеждать осторожность.

Молодые маршалы постарались поставить себя в положение немцев. Немцы уже не могут наступать на всех фронтах, им нужны выборочные удары. Нужна одна главная операция, которая повернет ход войны, поскольку дальнейшее соотношение сил будет все менее благоприятным для германской стороны. Где немцы попытаются в чистом поле пробить фронт и показать свои маневренные возможности? Разведка определенно докладывает — в районе Курска. Рисковать стратегическими резервами в операции опережения означало рисковать слишком многим. Пусть тяжесть атаки возьмет на себя противник. Так или иначе, но Жуков сумел убедить Сталина в преимуществах оборонительного варианта. Во многом предлагаемый молодыми полководцами план напоминал о классической кутузовской схеме.

Сталин придавал особое значение точке зрения битого и опытного Ватутина, близкого к Жукову, служившего заместителем Жукова в 1941 году. (Он работал в Генштабе до начала войны и особенно ярко во фронтовых условиях проявил себя под Сталинградом. Жуков послал его командовать Воронежским фронтом под Курск. Знание и штабной и фронтовой науки выдвинуло Ватутина в первые ряды молодых полководцев). Его вариант реакции на предполагаемое германское наступление выглядел убедительным. «1. Наступление с целью внести смещение в грядущее германское наступление бессмысленно. 2. Центральный и Воронежский фронты должны занимать строго оборонительные позиции и перемалывать противника в ходе оборонительных сражений до того момента, когда наступающие не утратят наступательный порыв — тогда эти фронты должны перейти в

решительное контрнаступление. 3. Брянский и Западный фронты должны подготовить наступательную операцию против Орла».

Убежденным сторонником оборонительной концепции, замысла выстоять в оборонительном бою и ответить противнику только после утраты им наступательных способностей стал маршал Жуков. В первые дни апреля 1943 года он инспектирует Воронежский фронт, объезжает боевые позиции, знакомится с данными фронтовой разведки, беседует с командующим фронтом Ватутиным. Убеждается в выигрышных сторонах оборонительного подхода.

8 апреля 1943 года он представляет Сталину исключительно важное письмо, полностью прочитать которое можно, открыв том воспоминаний Жукова. Главная идея: противник уже не в состоянии продолжить прошлогоднее наступление к нижней Волге и Кавказу, он не может поставить своей целью фланговый обход Москвы. Но время работает не на него, и он вынужден будет предпринять наступательные операции. Противник может надеяться на изменение неблагоприятно для него складывающихся обстоятельств только в случае решительного успеха на центрально участке огромного фронта. Речь идет о Центральном, Воронежском и Юго-Западном фронтах. Если он прорвется здесь и получит свободу маневра, он может думать о заходе с фланга на Москву. Орел — Кромы послужат базой для удара против Курска с северо-востока, концентрация войск у Белгорода — Харькова будет трамплином для обхода Курска с юго-востока. Противник будет стремиться зайти в тыл Юго-Западному фронту и развернуться в общем направлении на Рязань. Задачу будут осуществлять прежде всего германские танковые войска и штурмовая авиация; пехотные войска немцев ослаблены. Следует ожидать удара примерно 2500 танков, 15–16 танковых дивизий.

Эти танки должны быть встречены 30 полками противотанковой артиллерии и самоходными артиллерийскими установками в секторе Ливны — Касторное — Старый Оскол. Рокоссовского и Ватутина следует укрепить максимально возможным авиационным прикрытием. Резервы следует разместить в Ефремове, Ливнах, Касторном, Новом Осколе, Валуйках, Россоши, Лисках, Воронеже и Ельце. В последних двух пунктах разместить основу резервных сил. Подстраховывать будет резервная армия в Туле и Сталиногорске. Предваряющее наступление бессмысленно. Предпочтительнее перемолоть противника в оборонительных боях.

К Жукову прибыл Василевский, и знаменитый стратегический дуэт обсудил детали. Весь день перед совещанием, назначенным в московской ставке на вечер 12 апреля, Жуков работал вместе с Василевским и

Антоновым над картами и документами. На совещании Ватутин произвел впечатление своим ясным видением ситуации. Рокоссовский представил служебную записку, в основном совпадающую с линией рассуждений его соседа по фронту Ватутина.

Сталин слушал своих лучших военачальников как никогда прежде. Вывод: нужна глубокоэшелонированная оборона. Немцы будут стремиться решить судьбу войны именно здесь, в данном наступательном порыве — на несколько ударов у них уже просто нет сил. Мрачность Сталина можно понять, если вспомнить военные совещания двух предшествующих лет — они не предотвратили негативных результатов приложения колоссальной германской мощи. (Повторим: его никогда не покидала диктуемая самим его характером идея упреждающего удара. Но теперь он относился к своим военачальникам с большим уважением, теперь он больше верил в их стратегический гений). Он внимательно читает стратегические соображения Генерального штаба и командующих фронтами. На этот раз в Москве возобладала идея сознательно встретить страшный удар вермахта на оборонительных позициях. Оказать «вязкое» сопротивление, истощить его порыв и не начинать контрнаступления до истощения германских сил. После ослабления германской мощи можно надеяться на осуществление активных действий на южном направлении (Донбасс, Украина до Днепра) и на западном направлении (Смоленск, Гомель, Белоруссия). В первом случае целью будет ослабление южной группировки германских армий, во втором — подрыв позиций группы армий «Центр».

Руководить операцией, от которой зависело национальное выживание, страна назначила лучших из тех, кого имела, — маршалов Жукова и Василевского. Представителем ГКО был Маленков. Вперед были выдвинуты подразделения, имеющие сталинградский опыт. Имена командиров говорят сами за себя: Ватутин, Попов, Батов, Шумилов, Жадов, Чистяков.

Генеральный штаб работал 24 часа в сутки. Между 6 утра и полуднем ответственным здесь был Антонов; с 2 до 6 дня — генерал Штеменко (глава оперативного отдела); далее — с началом работы Сталина — подключались все. Трижды в день Генштаб докладывал о положении дел Сталину (по телефону или в непосредственном присутствии). Ночной доклад по карте большого масштаба был самым главным: рассматривалось положение на всех фронтах — вплоть до отдельной дивизии. Если доклад делался в Кремле, то офицеры Генерального штаба часто направлялись непосредственно в квартиру Сталина. Иногда доклады проходили на Ближней даче Сталина. Генерал Штеменко в своих воспоминаниях

описывает обстановку этих докладов. Офицеры не делали предварительных замечаний, они начинали с фронтов, где произошли наиболее значимые события. Докладывали по памяти, пользуясь записями на картах отдельных фронтов. В углу на полу стоял большой глобус. Анализ происходящего затягивался часто до 3 ночи; присутствовали члены Политбюро, маршал Воронов, генералы Федоренко (бронетанковые войска), Яковлев (руководитель главного артиллерийского управления), Новиков (военно-воздушные силы), Хрулев (службы тыла). После доклада и его обсуждения следовала выработка директив Ставки. Привычкой Сталина было обращаться к фронтам, армиям, танковым и механизированным корпусам по фамилиям их командиров, а к дивизиям — по их номерам. Сталин диктовал директивы ставки сам, обычно Штеменко делал записи; Сталин перечитывал написанное и делал исправления. Рядом находились средства связи, и директивы шли в войска.

Центральный и Воронежский фронты возглавили лучшие — упорные и самостоятельные — генералы Рокоссовский и Ватутин. Москва и Сталинград воспитали их. Напомним, что Рокоссовский был сыном машиниста, стал сиротой в 14 лет и работал строительным рабочим. Взятый в армию в 1914 году, он получил первые лычки в царской кавалерии. В Красную Армию он, в отличие от пришедшего рядовым Жукова, поступил командиром и к 1936 году дослужился до командира корпуса. Наступившее лихолетье привело его в тюрьму, и три года этот блестящий человек провел на нарах между жестокими допросами. Он был открытым человеком и ненавидел интриги, его сильный характер был виден всем. Рокоссовский мог периодически спорить и с Жуковым и со Сталиным.

Из новых назначений следует упомянуть о возглавившем Брянский фронт генерал-полковнике М. М. Попове (Федюнинский с Волховского фронта стал его заместителем). Соколовский возглавил Западный фронт. Теперь Западный, Брянский и Центральный фронты стояли напротив Орла, а Степной и Воронежский фронты были нацелены на Белгород-Харьков. Взаимосвязь первой группы фронтов координировали Василевский и Воронов; второй группы — Жуков.

У Рокоссовского и Ватутина теперь было семь армий. В районе Брянска формировалась армия контрнаступления. За 250 километров от линии фронта резервы во многом собирались в пределах Степного фронта, которым командовал генерал Конев (спасенный под Москвой Жуковым от гнева Сталина). 5-ю танковую армию этого фронта возглавил генерал Ротмистров, читавший лекции в довоенной академии Генерального штаба и

теперь наблюдавший за птенцами выпуска 1936 года — Василевским, Антоновым, Ватутиным, Захаровым, Баграмяном.

Самым важным виделось то обстоятельством, что Красная Армия способна быстрее и больше подвозить подкрепления и технику, чем готовящийся к генеральному наступлению вермахт.

К времени битвы на Курской дуге в Красной Армии насчитывалось 6 миллионов 442 тысячи солдат и офицеров. В танковых ангарах стояли 9918 танков и самоходных орудий (треть из них была легкими танками, но две трети — превосходные, лучшие танки второй мировой войны). Армия была вооружена 103 085 орудиями, из которых примерно половина имела калибр 76 и 82 мм — недостаточный для современной войны; но вторая половина представляла собой могучие современные орудия. На аэродромах стояли готовые к воздушному бою 8357 боевых самолетов. Войска начали строительство глубокоэшелонированной оборонительной системы. Было подсчитано, что этих сооружений, если свести их в одну линию, хватило бы на покрытие расстояния от Москвы до Иркутска. К грядущей решающей пробе сил были собраны вместе 1 336 000 солдат и офицеров, 3444 танка, 2900 самолетов, 19 тысяч орудий. Создание такой оборонительной силы было, по словам Василевского, «огромной, подлинно титанической работой». Проводилась тщательная работа по маскировке собирающихся грандиозных сил. Скажем, поблизости от поля грядущей великой битвы были построены примерно пятьдесят ложных аэродромов с муляжами вместо самолетов.

На Центральный и Воронежский фронты прибыло 20 тысяч орудий и минометов, 6 тысяч противотанковых орудий, 920 ракетных установок «Катюша». В Курский выступ поступили 9 зенитных дивизий, 40 полков. На линии фронта было установлено 400 тысяч мин. Воздушное прикрытие осуществляли три авиационные армии — 3500 самолетов, из них 2000 истребителей, 800 штурмовиков, 700 бомбардировщиков. На одном лишь Центральном фронте было построено 110 аэродромов. Самолеты прибывали ночью и под прикрытием; бомбардировщики еще оставались в тылу.

На земле еще царило несколько безучастное затишье, а в воздухе началось то, чего не было в предшествующие годы, когда люфтваффе диктовали свою волю. В майском небе России 1943 года развернулись воздушные бои. Впервые Ставка ставит задачу добиться превосходства в воздухе — невыполнимая прежде задача. Немцы, начиная с середины мая, массируют свои воздушные силы и устремляются к Курску, Ельцу, Касторному, Щиграм и нескольким ключевым железнодорожным станциям.

Тяжелая немецкая авиация осуществляет налеты на Горький и Москву.

Строго говоря, «битва за воздух» началась раньше и южнее — в апреле над Кубанью, где две авиационные армии, 4-я и 5-я, постарались пособить Северокавказскому фронту, поставившему задачу освободить Кубань и Таманский полуостров. В авиационных войсках были американские модели Бостон и Аэрокобра, но основу авиационных сил уже тогда составляли новые модели отечественных самолетов. Речь идет прежде всего об истребителях Як-7б и Ла-5. Маршал авиации Новиков координировал работу авиаторов нескольких фронтов. Здесь, над Кубанью, сошлись в смертном бою примерно по тысяче самолетов с каждой стороны. Раньше такого просто не было. Скажем, 28 апреля 300 советских истребителей обрушились на отряд германских бомбардировщиков.

В район Курска прибыла немыслимая по мощи авиационная армада. С воздуха достаточно хорошо были видны титанические усилия, прилагаемые на земле. В апреле земляные укрепления готовили 100 тысяч рабочих. Через две недели их было уже 300 тысяч. Отношение к местному населению представило собой большую проблему. Если данные места скоро станут ареной грандиозной битвы, то, может быть, следует эвакуировать все гражданское население? Военный совет Центрального фронта высказался против такой эвакуации, главным аргументом было то, что это депрессивно подействует на войска. Нужна была дополнительная рабочая сила, ведь строились восемь оборонительных линий на глубину в 160 километров.

Система траншей имела внутренние соединяющиеся ходы, группировавшиеся вокруг огневых точек. А впереди — несколько рядов колючей проволоки, минные поля, противотанковые надолбы. На наиболее важных направлениях предполагаемого немецкого наступления было заложено 1500 противотанковых и 1700 противопехотных мин на километр. Каждый батальон как бы занимал круговую оборону и связь между батальонами стала довольно тесной. Менее чем через каждый километр располагались «противотанковые опорные пункты», в состав которых входили пять орудий, пять противотанковых ружей, группа саперов и взвод автоматчиков. Были созданы и «передвижные блокирующие взводы» — на колесах, мобильные и быстрые, призванные броситься в точку прорыва.

Воины проходили специальную подготовку, значительную часть которой занимала отработка ночных операций. Артиллеристы и пехотинцы были ознакомлены с боевыми характеристиками нового германского «Тигра». Впрочем, и все другие подразделения учились методам борьбы с танками. В тылу главное внимание было обращено на сохранность и

гарантированность работы двух критически важных железнодорожных линий: Воронеж — Курск и Курск — Елец (здесь было много восстановительной работы после фактического их уничтожения отступающими немцами. Полмиллиона железнодорожных вагонов были использованы для доставки войск и снабжения Курского выступа. У восстановленных мостов встали зенитные батареи, рядом были складированы дополнительные рельсы и шпалы.

Возможно, самой большой проблемой была подготовка войск, в которые пришло много новобранцев. Прежние потери давали о себе знать, в лучших дивизиях Рокоссовского было по 7 тысяч солдат, а средняя цифра — 5–6 тысяч. Расчет был на то, что на километр обороняемой территории выйдут 5–7 советских танков. В войска прибывали новые модели танков Т-34 и КВ-85, самоходные орудия САУ-122 и САУ-152.

Оборонительная линия состояла из шести рядов укреплений внутри самого выступа и еще двух рядов в расположении резервных армий. Невероятные были положены усилия — почти 4 тысячи километров окопов глубокого профиля и траншей. В плане эти линии пересекались, чтобы защитникам было легче переходить из одной линии траншей в другую. Заложили 400 тысяч мин. Артиллерия создала невероятную по плотности концентрацию. Специально были созданы искусственные дамбы, чтобы залить наступающего противника водой. На 150 аэродромах концентрировались самолеты. А вокруг зацвели сады, благодатная эта земля ничего не желала знать о войне.

Западные союзники калькулируют

Базируясь на данных своей разведки, президент Рузвельт предупреждает Сталина в мае 1943 года о грядущем наступлении, «которое придется на центр линии вашего фронта». Сталин благодарит 26 мая, у него уже есть сведения о том, что «этим летом — возможно уже в июне — мы должны ожидать от гитлеровцев начала нового большого наступления... Гитлер уже сконцентрировал около 200 германских дивизий и 30 дивизий своих союзников... Мы готовимся отразить новое немецкое наступление и осуществить контратаку, но нам не хватает самолетов и авиационного горючего... Летние месяцы будут исключительно тяжелыми для Красной Армии». В июне Сталин не сможет покинуть Москву, но об июле и августе можно вести переговоры.

Обратимся в этот момент, когда напряжение войны достигло своего пика, к западным участникам коалиции. Вечером 4 мая 1943 года Черчилль отправился в США — на борту лайнера «Куин Мэри» устремился через Атлантику. На огромном судне было примерно 5 тысяч германских военнопленных, командиры германских подводных лодок должны были дважды подумать, прежде чем торпедировать судно с Черчиллем на борту. На гигантском корабле рядом с каютой Черчилля была создана новая «комната карт», и Черчилль провел много часов, наблюдая за фронтами боевых действий. На штабном совещании 6 мая он сказал: «Нет сомнений, что, если американцы перегруппируются и перенесут центр своих действий на Тихий океан, наша стратегия в Европе поневоле должна быть изменена». Англичане беспокоились из-за возможности перенаправленности острия американских усилий на тихоокеанский театр. На борту «Куин Мэри» обсуждались прежде всего три вопроса. Первый: какой должна быть британская стратегия после очистки от немцев и итальянцев Северной Африки; второй вопрос: Россия; третий: оптимальный подход британской дипломатии к Соединенным Штатам.

На первый вопрос Черчилль отвечал так: «Сицилия рядом». После овладения Северной Африкой следует обратиться к Муссолини — вывести из войны Италию. Как только Италия капитулирует, турецкое правительство позволит союзникам использовать свои базы для бомбардировок румынских нефтяных месторождений в Плоешти. Другим важнейшим результатом выведения Италии из войны будут перемены на Балканах, где антифашистские силы уже приняли на себя удар 25 дивизий

стран «оси». Потеряв итальянцев в качестве союзников, немцы должны будут либо покинуть Балканы, либо им придется переводить сюда часть войск с русского фронта для заполнения образуемой уходом итальянцев бреши. Поражение Италии также означало бы высвобождение крупных британских военно-морских сил на Средиземном море.

Следующей после нанесения поражения Италии целью для союзников должна была быть «помощь России». Британия и Соединенные Штаты «никогда не должны забывать», что на русском фронте сражается 185 германских дивизий. Главное, утверждал Черчилль, русские не простят нам, «если между августом 1943 г. и мартом 1944 г. мы будем стоять безучастно, в то время как на их фронте ведутся гигантские бои».

Американский фронт британской дипломатии вызывал у Черчилля глубокие раздумья. Черчилль был достаточно проницателен для того, чтобы видеть происходящее в ясном свете: два самых мощных члена коалиции, Америка и Россия, могут при определенных обстоятельствах согласовать свои военные и послевоенные планы без него. Какой должна быть позиция Лондона? По крайней мере, тактика должна быть изменена. Находившимся вокруг него дипломатам и военным Черчилль посоветовал не выказывать в беседах с американскими партнерами излишней проницательности и эрудиции — это вызывает «естественное противодействие». Американцам нужно потакать в деталях, добываясь от них уступок в главном. Со своей стороны, американцы, ожидая «Куин Мэри», были полны решимости занять более жесткую, чем в Касабланке, позицию. Англичанам на этот раз не удастся навязать им своей стратегии, как это было в Северной Африке, — так думали в Белом доме и Пентагоне накануне встречи.

Весна стояла в полном цвету, когда Уинстон Черчилль прибыл в Вашингтон 11 мая 1943 года. Следовало скоординировать дальнейшие проекты, поскольку североафриканская операция закончилась — двумя днями ранее немецкие и итальянские войска сдались в Тунисе. Геббельс записал в дневнике, что «американцы счастливы, как дети, взять впервые в плен немецкие войска». Однако все битвы, где начали побеждать западные союзники, — Тунис, Гуадалканал, Эль-Аламейн — были, по словам британского историка Мартина Гилберта, лишь «периферией территорий, контролируемых державами „оси“». Континент Европы и огромные островные пространства Юго-Восточной Азии были еще под контролем тех, кто начал войну. Союзники, при всех их недавних триумфах, стояли на окраинах огромных регионов, видя перед собой противников, которых еще предстояло сокрушить».

В Америке слово «Манхэттен» уже получило двойной смысл. Перед

узким кругом избранных химиков и физиков в Лос-Аламосе ядерный физик Р. Сербер очертил цель «проекта Манхэттен»: «Создать в реальности военное оружие в виде бомбы, в которой энергия, порождаемая быстрой цепной реакцией нейтронов, способна будет вызвать ядерный распад». Эта цель стала считаться достижимой в течение двух лет. Месяцем ранее японские физики пришли к выводу, что, хотя создание атомной бомбы возможно, это произойдет не на протяжении текущей войны. В мае 1943 года в Вашингтоне, на конференции (получившей название «Трайидент») Черчилль со своими новыми «русскими» аргументами обсуждал ядерную проблему с Рузвельтом тет-а-тет и добился изменения позиции Рузвельта. Премьер пишет 26 мая 1943 года руководителю английского ядерного проекта Андерсону: «Президент согласился, что обмен информацией по атомному проекту должен возобновиться».

Рузвельт и Черчилль принялись решать судьбу второго фронта. Президент Рузвельт отметил прогресс, имевший место за последний год и, приступая к главному, сказал, что бросать все силы против Италии на текущем этапе было бы несоразмерным общему распределению сил. Необходимо концентрировать войска для десанта через Ла-Манш. Черчилль предпочел уйти от конфронтации и сразу же согласился концентрировать войска в Англии для высадки на континенте весной 1944 года. Но до высадки остается год. Стоит ли проводить его в безделье, зная, что русские с востока начинают наступление на германскую империю? У союзников превосходные позиции в Средиземноморском бассейне, и Италия выглядит уязвимой для внешнего давления. Лучшей помощью русским на текущем этапе был бы разгром первого союзника Германии. Это заставит Рим вывести свои войска с Балкан, вынудит Турцию вступить в войну на стороне союзников, откроет многочисленные порты Балканского полуострова для десанта союзных войск — все это послужит усилению западного влияния в потенциально спорном регионе.

Черчилль убедительно говорил о том, что ликвидация режима Муссолини, а с ним и итальянского флота, позволит переместить английские корабли в Тихий океан, где помощь англичан будет реальной, а не «липовой», что поражение Италии заставит Германию направить свои ресурсы на юг, делая более уязвимой для удара западных союзников Францию. Напомним еще один аргумент Черчилля на конференции «Трайидент»: лишь шаги по укреплению позиций западных союзников в Средиземноморье помогут в конечном счете сдержать советскую экспансию на Балканах. Англичане еще раз повторили свои опасения в отношении «преждевременного» форсирования Ла-Манша, они говорили

об «океане крови», но согласились, что главной задачей западных союзников является «решающее вторжение в цитадель стран оси». Англичане охотно пообещали увеличить интенсивность бомбардировок Германии.

Американцы во главе с Маршаллом гораздо более жестко, чем в Касабланке, показали, что решать проблему охраны ближневосточного пути англичан в Индию они не намерены. Президент отстаивал достоинства высадки во Франции. Рузвельт видел, что Черчилль уводит его на Балканы встречать наступающую Красную Армию. Сам же он надеялся урегулировать межсоюзнические планы в прямом контакте со Сталиным. В конечном счете был достигнут не очень обязывающий обе стороны компромисс — об этом свидетельствует широко трактуемый характер общего документа. В итоге Рузвельт согласился концентрировать силы на Сицилии и Италии, а не на китайско-японском фронте. Рузвельт посчитал нужным подчеркнуть важность обрыва германских коммуникаций на Балканах.

Рузвельт дал согласие продолжить операции в Средиземноморье и по возможности нанести решающий удар в Италии. Но, чтобы англичане не затянули всю американскую мощь в свои средиземноморские операции, Рузвельт четко ограничил контингент американских войск, участвующих в них (27 дивизий). В то же время семь американских дивизий должны были осенью прибыть в Англию и начать все необходимые приготовления для броска во Францию. Но Черчиллю удалось добиться желаемого ему решения — вторжение во Францию начнется не в 1943-м, а в следующем году. В целом, несмотря на жесткость схватки («президент не желает оказывать воздействия на расположенного высадиться на континенте Маршалла», — жалуется премьер) контрольной датой было названо 1 мая 1944 года. На случай непредвиденного развития событий на советско-германском фронте оба лидера, Рузвельт и Черчилль, приняли решение постоянно быть готовыми к реализации плана «Следжхаммер» — экстренной высадке всеми наличными силами в Европе.

На этой конференции в Вашингтоне Рузвельт впервые, пожалуй, обращался с англичанами как с «менее равным» союзником и вел довольно жесткую линию. Решение задач британского империализма не входило в его планы. Возможно, мысленно он уже обсуждал некоторые из мировых проблем с восточным союзником. Черчилль чувствовал подобную отстраненность президента и довольно остро ее переживал. В свете всего этого понятно отсутствие энтузиазма у обоих лидеров, когда, по окончании конференции, они приступили к составлению подробного письма Сталину.

Рузвельт не хотел, чтобы у Сталина складывалось впечатление, что англосаксы постоянно совещаются между собой, а уже потом обращаются к нему. Рузвельт стремился показать степень самостоятельности Вашингтона в гигантских текущих и будущих проблемах.

Однако начинать этот сепаратный диалог приходилось с довольно жалких позиций: следовало написать в Москву, что открытие второго фронта снова откладывается, поскольку западные союзники решают свои задачи в Средиземноморье. Два самых легких пера своего времени не могли породить простого письма, разочаровывающего Москву содержания: в решающие месяцы летом 1943 года, когда немцы поставят на кон все, что имеют, Советский Союз будет сражаться в одиночку. Много вариантов пошло в корзину, прежде чем далекие от недавней взаимной любезности Рузвельт и Черчилль составили приемлемый текст. В два часа ночи Черчилль предложил взять с собой в самолет последний проект, поработать над ним и представить на рассмотрение президента.

Нужно сказать, что англичане сыграли сдерживающую роль в американо-китайском сближении. В этом плане на вашингтонской конференции 1943 года (Черчилль назвал ее «Трайидент») английский премьер сумел убедить Рузвельта в опасности бросать силы в бездонную бочку китайского политического организма, неэффективного и коррумпированного. Черчилль выложил самый убедительный аргумент: Россия, а не Китай «является ответом на вопрос, как нанести решающий удар по Японии». Черчилль отказался поехать в Нью-Йорк повидать мадам Чан Кайши.

Черчилль вместе с генералом Маршаллом вылетел в Алжир к Эйзенхауэру. Зная твердость Маршалла, Рузвельт поручил ему участие в написании конечного варианта убийственного письма Сталину. Именно Маршалл с солдатской прямоотой написал в самолете текст, удовлетворивший обоих лидеров настолько, что они послали его в Москву без малейших изменений. Примечательно, что Рузвельт задержал посылку письма еще на неделю — чтобы сложилось впечатление о том, что текст написан после визита Черчилля, будто Рузвельт написал его один. Главной практической позитивной идеей было содержавшееся в предпоследнем абзаце обещание сконцентрировать войска на Британских островах для полномасштабной высадки на континент весной 1944 года. Таким образом, в мае 1943 года было решено, что к 1 мая 1944 года в Англии приготовятся к боевым действиям 29 дивизий.

Рузвельта в это время исключительно интересовали впечатления от встреч в Москве Дж. Дэвиса. Бывший посол тщательно восстановил

подробности бесед со Сталиным. Их начало не предвещало ничего хорошего — Сталин не видел особого различия между американской позицией и английской, он полагал, что стоит перед единым западным фронтом. Исходя из этого, Сталин не проявил энтузиазма в отношении сепаратной встречи с Рузвельтом. На предположение Дэвиса о том, что СССР и США, в лице их лидеров, могут найти общий язык, «выиграть и войну и мир», Сталин лаконично ответил: «Я в этом не уверен». Дэвису, по его словам, понадобилось немало времени и усилий, чтобы смягчить напряженность в их беседах. Сталин не принимал североафриканские операции или бомбардировки Германии в качестве эквивалента второго фронта. Дальнейшее откладывание открытия второго фронта поставит Советский Союз летом 1943 года в очень тяжелое положение. Оно (Сталин сделал акцент на этом) повлияет на ведение Советским Союзом войны и на послевоенное устройство мира.

Вскоре Рузвельт получил личное послание Сталина: результат массированного германского наступления летом 1943 года будет зависеть от операций союзников в Европе. В конечном счете перспектива достижения двусторонней советско-американской договоренности приобрела, по его мнению, некоторую привлекательность, и Сталин согласился встретиться с Рузвельтом в Фербенксе (Аляска) в июле или августе 1943 года, но просил с пониманием отнестись к тому обстоятельству, что он не в состоянии назвать точную дату встречи. И он не пойдет на встречу, если она будет использована как предлог для откладывания высадки на европейском континенте. Сталин писал это, еще не зная об итогах конференции «Трайидент», еще надеясь на открытие второго фронта в августе-сентябре 1943 года. Лишь после отъезда Дэвиса из Москвы Сталин получил горькое сообщение от Рузвельта об еще одном крупном — на год — откладывании открытия второго фронта. Накануне сражения на Курской дуге союзники отказали Москве в самой необходимой помощи.

Прочитав написанный Маршаллом отчет о конференции, где как бы между прочим сообщалось о переносе высадки во Франции на весну 1944 года, Сталин, едва сдерживая ярость, прислал письмо от 11 июня 1943 года, в котором отмечал, что данное решение создает для Советского Союза исключительные трудности. Это решение «оставляет Советскую Армию, которая сражается не только за свою страну, но также и за всех союзников, делать свое дело в одиночестве, почти одной рукой против врага, который все еще очень силен и опасен». Отказ от создания второго фронта «произведет разочаровывающее негативное впечатление» на советский

народ и на армию. Советский народ и его армия соответствующим образом расценивают поведение союзников. О возможности двусторонней встречи в послании уже не говорилось ничего. Практически первый раз в ходе войны президент Рузвельт попал в ситуацию, когда его радужное восприятие грядущего, особенно характерное для него с середины 1942 года, столкнулось с менее обнадеживающей перспективой. Советские руководители не видели смысла заниматься сомнительным проектированием будущего, когда СССР предлагалось пробиться к нему через схватку с вермахтом, а Соединенные Штаты в это время наращивали индустриальные мощности.

Не только несправедливое распределение военного бремени начало разделять США и СССР в 1943 году. Все большую значимость в двусторонних отношениях стал приобретать «польский вопрос». В США жило несколько миллионов поляков (они традиционно голосовали за демократов). Американское правительство уже несколько лет поддерживало польское правительство в эмиграции, находившееся в Лондоне. Но их поддержка, по требованию президента Рузвельта, не распространялась пока на проблему будущих границ Польши и СССР. Рузвельт понимал, что этот взрывоопасный вопрос может разорвать и без того тонкую ткань советско-американского сотрудничества. Выход из сложного положения Рузвельт видел в двусторонней советско-американской встрече. На ней он надеялся достичь «внутреннего понимания», невозможного на трехсторонних переговорах.

На этот раз Сталин отбросил деликатность. «Речь идет не только о недоумении Советского правительства, но и о сохранении доверия к союзникам, доверия, которое ныне поставлено под жестокий удар... Это вопрос спасения миллионов жизней на оккупированных территориях Западной Европы и России и об уменьшении огромных жертв Красной Армии, по сравнению с которыми жертвы англо-американских армий незначительны». После этого письма Черчилль, ранее возражавший против сепаратной советско-американской встречи, изменил мнение и стал даже подталкивать Рузвельта к ней. Между тем Сталин отозвал послов из Вашингтона и Лондона. Наступило резкое похолодание союзнических отношений. Рузвельт в этот момент сделал не очень достойную попытку доказать Черчиллю, что идея двусторонней встречи исходила не от него, а от Сталина. Американская дипломатия переживала тяжелое время, когда, надеясь получить после завершения конфликта весь мир, она оттолкнула двух главных своих союзников. Следовало поправить дело, под угрозой оказались самые замечательные послевоенные планы. Так с западной

стороны открылась дорога к Тегерану.

Сложности коалиционной стратегии

Между тем война проходит своего рода водораздел. За последние четыре месяца 1943 года немцы сумели потопить лишь 67 английских и американских судов, потеряв при этом 64 подводные лодки. Тем самым подводная битва в Атлантике подходила к своему концу. Страх западных союзников перед «закрытием Атлантики», характерный для 1942 года, практически исчез. И хотя Гитлер еще 31 мая 1943 года запретил гросс-адмиралу Деницу даже упоминать возможность прекращения подводной войны в Атлантике («Атлантика — это мой передовой рубеж обороны на Западе»), сила немцев на морских рубежах явно ослабла. Поток военного снаряжения через Атлантику теперь движется почти беспрепятственно.

Сложности у западных союзников растут на Востоке Европы. Британский посол сэр Арчибальд Керр уведомил свое правительство, что доверие советского правительства сурово поколеблено, что коалиционное взаимодействие находится под угрозой. При этом речь идет не о некоем временном «разочаровании», а о фактической потере Россией доверия к союзникам. Официальный Лондон не придал рокового значения оценкам своего посла в Москве. Удовлетворенный развитием англо-американских отношений после своего визита в Вашингтон Черчилль писал президенту Рузвельту: «Вы можете дружески намекнуть Сталину об опасности оскорблять две западные державы, военная мощь которых растет с каждым месяцем и которые могут сыграть значительную роль в будущем России». Все же Черчилль запросил Форин-офис о степени реальности заключения сепаратного мира между СССР и Германией. Британская дипломатическая служба ответила категорическим «нет» на все предположения о подобном развитии событий. Предательство с Востока исключено.

Немцы же начали попытку расколоть Россию еще в начале 1943 года «Смоленским манифестом» генерала Власова. Допрашивая капитана Б. Русанова, немцы узнали о словах Сталина, что Власов будет «как минимум большим препятствием на пути к победе над германскими фашистами». Но только полное пренебрежение западных союзников и исчезновение любых шансов на победу могли прижать Москву к той стене, где она задумалась бы о новом Брест-Литовске. Ситуация в середине 1943 года была совершенно иной.

Черчилль проявляет подозрительность в другом ключе. Если Красная Армия преодолет все препятствия и фактически одолеет Германию в

одинокую, то отстраненность Запада может жестко обернуться против него самого. Россия войдет в Восточную и Центральную Европу как победительница — со всеми вытекающими из этого последствиями. Особое значение приобретало то обстоятельство, что в июле 1943 года в Москве создается национальный комитет Свободной Германии во главе с Вальтером Ульбрихтом, Эрихом Вайнертом и внуком Бисмарка графом фон Айнзиделем. Параллельно создавался Союз немецких офицеров во главе с генералами Зейдлицем, Латтманом и Корфесом.

Британский гений геополитики все же более пристально смотрит на Балканы. На него производило неотразимое впечатление то обстоятельство, что партизаны Югославии, Греции и Албании вовлекли в боевые действия до 35 дивизий немцев, итальянцев и хорватов — огромную силу. С кем будет эта сила в случае крушения германской мощи? Запад не должен отдавать эти силы в безусловные союзники России. Америка далеко и не чувствует остроты местных проблем. Британии следует завязать особые отношения с повстанческими силами на Балканах. Серьезность обеспокоенности Лондона проявляется буквально немедленно, летом 1943 года в горные районы Сербии на парашютах спускаются британские эмиссары, следуют грузы помощи. Черчилль добивался перевода в Восточное Средиземноморье польских частей из Ирана. Он обсуждает разнообразные планы помощи партизанам западных Балкан.

Тем более, что у западных союзников появились свободные вооруженные силы. А у стран «оси» они сократились. В мае 1943 года, в конце африканской кампании, общее число итальянцев, попавших в плен к союзникам, составило 350 тысяч человек — ровно столько, сколько Муссолини держал в Африке до начала боевых действий. Теперь итальянский диктатор не мог и мечтать о планировавшейся ранее армии в 90 дивизий. Лучшие его силы погибли под Сталинградом и в Африке. Его слабостью следовало воспользоваться.

Черчилль считал первостепенным по важности (со стратегической точки зрения) продвижение на север по Апеннинскому полуострову и выход на Балканы через Грецию. Но чтобы двинуться в Центральную Европу через Италию, нужно было нанести поражение Муссолини. Путь в Рим, в Милан и через Альпы идет через Сицилию. О маскировке высадки в Сицилии от имени британской разведки премьер-министру докладывал лейтенант Чолмондли. Разведка хотела, чтобы испанская береговая охрана нашла тело утонувшего офицера, при котором были бы планы британской высадки в Греции. Испанцы немедленно уведомят немцев, и те поддадутся на дезинформацию. Черчилль интересовался направлением ветра и какова

приливная волна близ побережья Сицилии, только после этого он одобрил операцию. При помощи «Бонифация» (расшифровки германских радиосообщений) англичане узнали, что немцы клюнули на приманку. 14 мая верховное германское командование приказало укрепить греческое побережье, окружить его морским минным полем, создать береговые батареи. В Грецию был послан фельдмаршал Роммель. Черчилль телеграфировал Рузвельту: «Они заглотнули приманку».

Между тем в войне умов серьезный шаг к получению германского шифра «Энигма» делают, помимо англичан, и советские специалисты. Они воспользовались захваченным в ходе июньских боев кодом люфтваффе. Чувство союзнической солидарности с советской стороны было проявлено немедленно и в Мурманске состоялось специальное заседание совместно с англичанами по использованию германского секретного кода. В конечном счете честность, лояльность и добросердечие действуют на всех в этом мире (национальная российская вера). Готовность и эффективность советской стороны в усилиях по дешифровке дали свои результаты — они подействовали на Лондон, и советской стороне была вручена захваченная германская шифровальная машина «Энигма».

Глава четырнадцатая

Курская битва

Сведения о том, что немцы готовят в районе Курска решающее наступление, начали поступать в Москву уже весной. Первая дата была назначена на 3 мая, и это не было ошибкой стратегической разведки назвать Сталину эту дату. 2 мая 1943 года Сталин послал в войска приказ о приведении их в состояние полной боевой готовности ввиду обозначившихся наступательных приготовлений вермахта. В особой директиве Центральному, Воронежскому и Юго-Западному фронтам от 8 мая 1943 года Сталин приказывает объявить состояние повышенной боевой готовности. Теперь мы точно знаем, что первоначально германское командование действительно наметило начало наступления на начало мая, но затем отложило дату удара.

Именно Гитлер в последний момент отложил наступление на 12 июня. А советская авиация уже нанесла превентивные удары по скоплениям германских войск. Теперь атака предсказывалась на период между 10 и 12 мая, затем между 19 и 26 мая. Нервозность Сталина в данном случае объяснима. Наблюдалось некое повторение 1941 года. Из Швейцарии точно назвали грядущую дату германского наступления — 12 июня и не вина разведчиков, что Гитлер в целях лучшей подготовки перенес и эту дату. Джон Кейрнкросс прямо из Блечли ездил на встречи с представителем НКВД Горским, снабжая того последними данными дешифровок германских военных директив. Огромное напряжение сказалось на Кейрнкроссе, и он слег. Но советские бомбардировщики уничтожили с его подачи 500 германских самолетов прямо на взлетных полосах — что было вкладом Кейрнкросса и в русскую и в британскую победу. Официально британское правительство также сообщало о «Цитадели» (включая точные сведения о названии самой операции). Но затем Лондон сообщил о словах посла Японии в Берлине будто германское командование решило отказаться от «Цитадели».

Гитлер наступил на горло своей импульсивности, теперь он был сторонником тщательной разработки «единственного исторического шанса». Потому он и смещает время битвы с марта (предложение Манштейна) на апрель, май, июнь, июль. Слишком многое поставлено на карту. Еще нет второго фронта, еще Италия — германский союзник, еще

можно безгранично властвовать над сателлитами. Последний раз вермахт владел инициативой в мировом масштабе и на главном фронте Второй мировой войны — советско-германском. К тому же немцам понадобилось больше времени для оснащения их танковых дивизий огромными 68-тонными машинами «Тигр-2», равно как средними танками «Пантера» и самоходными орудиями «Фердинанд» с 88-мм пушками.

Следует прямо сказать, что обе противостоящие стороны на Курско-Орловской дуге знали о противостоящих им грандиозных силах. Вырваться из этого самого большого пекла удастся немногим. Но решимость сторон достигла пика — здесь, именно здесь решалась судьба мировой войны. Кровавый бой впереди никак не обещал пощады, но героическое самоотвержение уже стало частью национальной реакции на навязанную войну, и наш народ мог быть спокоен, его сыны в эту весну курских соловьев смотрели на будущее с жертвенной решимостью.

Гитлер окончательно прекратил все колебания только на совещании с военными 1 июля 1943 года, когда он сделал то, что французы называют *tour d'horizont* — обзор окружающего мира: Германия должна быть в безопасности с севера, юга и запада; для этого нужно «оставаться там, где мы стоим» — в Норвегии, Греции и на Сицилии, решая при этом судьбу войны на Востоке. Гитлер в этот день обращается к окружающим его военным чинам: пришло время показать подлинное германское превосходство на поле боя — только эта дорога ведет к окончательной победе. Первой ступенью пути вермахта к победе будет наступление на Курск, и начнется оно 5 июля.

Основным автором уже готового в малейших деталях наступательного плана был начальник штаба ОКХ Цейтцлер. Концепция была такова: наступая с двух сторон, германские войска ликвидируют курский выступ при помощи сосредоточения на относительно небольшом участке невиданной доселе мощи — 2700 танков и самоходных орудий, прикрываемых с воздуха 1800 самолетами. (Польша, Скандинавия, Бенилюкс, Франция и Балканы были повержены при гораздо меньшей концентрации сил на отдельных участках фронта). На Курской дуге изготовились к бою 50 дивизий вермахта — 900 тысяч солдат и 10 тысяч орудий. Две трети пехотных дивизий были доведены до штатных 12 500 человек. Танковые дивизии насчитывали по 16 тысяч человек и 209 танков и самоходных орудий. С севера выступают, подсекая основание Курского выступа, пятнадцать дивизий Моделя (восемь танковых). С юга, со стороны Белгорода, движется почти прямо на север 4-я танковая армия Гота в составе восемнадцати дивизий (одиннадцать танковых). Этим двум

движущимся навстречу друг другу группировкам помогают два воздушных флота (4-й и 6-й).

Благодаря «Люси» Сталин читал стенограмму сверхсекретного заседания верхушки вермахта и приказ Гитлера уже 2 июля. 3 июля Сталин рассылает по войскам приказ: «Согласно поступившей в наше распоряжение информации, немцы могут перейти на нашем фронте в наступление между 3 и 6 июля. Ставка Верховного командования приказывает:

- 1) интенсифицировать разведывательную работу и наблюдение за противником с целью своевременного раскрытия его замыслов;
- 2) наземным войскам и авиации быть в состоянии готовности отразить возможный удар противника».

Командиры были удивлены несовпадением грозного предупреждения и явным затишьем на фронте. Немцы к северу от Белгорода и к югу от Орла как бы замерли. Прекратилось даже традиционное ночное передвижение танков и пехоты. И напротив, усиленное движение наблюдалось к югу от Харькова на дорогах, ведущих в Донбасс. Складывалось полное впечатление что немцы выходят из района в оконечностях Курского выступа. Германское радио широко освещало визит в Бухарест фельдмаршала Манштейна и награждение Антонеску германским крестом. Однако многозначительным обстоятельством было то, что вечером 3 июля Манштейн возвратился в свою штаб-квартиру, а генерал-полковник Модель выдвинулся на передовой командный пункт. Германские бомбардировщики нанесли на удивление меткие удары. Одна из бомб попала в штабное помещение командующего Центральным фронтом Рокоссовского, и тот не погиб по чистой случайности — он размещал свои службы рядом; после этого авианалета штаб Центрального фронта разместился в подвалах под старинным русским монастырем.

Примечательно то, что обе стороны были в данном случае твердо уверены, что грядущая битва будет решающей. И уже ясно было, что она будет величайшей битвой в мировой истории по численности задействованных сил и средств. В случае поражения советской стороны она лишалась размещенных здесь 40 процентов своих лучших дивизий и 75 процентов танковых сил. Это было бы несчастьем национального масштаба, почти непоправимым. Для Гитлера же поражение в ходе операции «Цитадель» означало практическое закрытие шансов на выигрыш на Восточном фронте. Германия уже едва ли смогла бы собрать еще такие грандиозные силы.

Хотя из Центра поступили довольно определенные приказы, Ватутин и

Рокоссовский и сами не останавливали активную разведывательную деятельность. Пауза нервировала всех. Два месяца напряженного ожидания требовали подлинно стальных нервов. Но в конце июня в воздухе произошло нечто, что испытанные военные волки почували сразу, — это настоящее. Теперь знание, ориентация, а не безумный кавалерийский посвист стали главным фактором войны. 4-го июля на Воронежском фронте в отдалении услышали скрежет гусениц германских танков. Захваченные германские солдаты подтвердили, что идет интенсивная наступательная подготовка. Создаются пункты-трамплины, ударные позиции. Что-то произойдет между 3 и 6 июля.

Советская авиация теперь должна была следовать приказу Сталина: атаковать прежде всего железнодорожные составы и колонны автомобилей. И люфтваффе, и советская авиация с особой тщательностью выискивали и бомбили аэродромы друг друга. Советским истребителям наконец-то был отдан приказ прежде любой другой цели уничтожать наблюдательные самолеты противника. Понадобились два года войны, чтобы понять, что безобидная «рама» — важнейшее оружие противника, раскрывающее перед ним все поле битвы как на ладони. (Небольшой компенсацией было то, что именно от пилота сбитого «Хейнкеля-111» были получены сведения о перемещении из Крыма к Харькову новых германских подразделений).

Согласно новой германской наступательной тактике в первом ряду атакующих колонн должны были идти «Тигры», за ними «Пантеры» и новенькие «Фердинанды»; лишь затем следовала штурмовая артиллерия. Германская пехота располагалась либо на танках, либо на бронетранспортерах. Плотность — 40 танков и 50 штурмовых орудий в добавление к 3000 пехотинцев на километр атаки. В головном секторе — 100 танков.

Советскую антитанковую тактику немцы называли «пакфронтом» — группа в десять человек с противотанковыми ружьями во главе с командиром концентрируется на одной цели. Минные поля прокладывались так, чтобы направить танковую колонну под прицелы таких групп, передвигающихся на значительном расстоянии. Танки оказывались в роли почти беспомощных мишеней. Стандартная советская противотанковая пушка калибра 76,2 мм могла поразить «тигр» только в упор, поэтому это меньше касалось «тигров», но «пантеры» и более старые модели несли серьезные потери. «Пантерам» «предназначалось» гибнуть на минных полях. Число «пакфронтов» было значительно, к тому же советские части защищали истребителей танков пулеметным и автоматным огнем. Пулеметчикам было строго приказано стрелять только по

германской пехоте. В результате «танковый клин» немцев должен был пострадать еще до того, как он подходил к настоящим оборонительным позициям Красной Армии.

Советские части были явно сильнее немецких в артиллерии. Именно она, равно как и минные поля, должны были ослабить силу невероятного по мощи бронированного германского кулака. Немецким танковым экипажам было строго наказано, что помощь остановившимся танкам — не их дело, следует двигаться вперед и вперед. Подбитые танки, способные стрелять, должны вести огонь до последнего снаряда. Это был жестокий приказ. Остановившиеся — подорвавшиеся на минах танки становились довольно легкой целью советской артиллерии, разносившей живые мишени в клочья.

Германская авиация как бы обрела форму на уровне 1941 года. Возможно это был последний в данной войне случай, когда в небе германские асы проявили всю свою силу. Позднее они стали все более и более уступать советским летчикам.

Сражение на Курской дуге превратилось в самое большое во Второй мировой войне противостояние стали, огня и выдержки. Ни до, ни после мир не видел подобной концентрации бронетанковых сил. Немцы (их дневники) впервые увидели массу советской авиации. Никогда и нигде батальонно-полковые задачи не решались посылкой сотни фантастических танков, пехота впервые в немом изумлении и ужасе смотрела на невиданную войну моторов. В дело в конечном счете были введены основные танковые силы сторон — не менее 4 тысяч советских и 3 тысяч германских танков.

Именно у Моделя — на северном фланге Курского выступа — было 90 созданных Фердинандом Порше самоходных орудий «Фердинанд». Это был страшный противник танка Т-34, чрезвычайно опасный для артиллерийских орудий, но он не имел пулемета и был, так сказать безопасен (а точнее сказать, уязвим) для советской пехоты. Германское командование уже постаралось испытать новые виды оружия против советских войск. Удивительно, как быстро советская пехота освоила методы борьбы с этим новым германским видом вооружений. Пехотинцы отрезали его от сопровождающих легких танков и, прикрытые собственными пулеметами, взбирались на его броню. Оттуда лучше всего было использовать огнемёт в вентиляционный канал мотора. На худой конец срабатывала бутылка с зажигательной смесью. Итак, для нового германского вида оружия было смертельно опасно ворваться в зону советской стрелковой обороны, мощная пушка «Фердинанда» не спасала

его от умелого бойца. Разумеется, взобраться на рычащую машину, изрыгающую невиданный огонь, могли только люди неординарной смелости. Но у них получилась фактическая нейтрализация оружия, ради которого немцы начали операцию «Цитадель» не в марте 1943 года (на чем настаивал Манштейн), а тремя месяцами позже, когда перед немецкими танковыми колоннами была не полевая целина, а множество линий окопов, минных полей и других укреплений.

Не был успешным и ввод в действие «Пантер». Предоставим слово самим немцам (в данном случае начальник штаба 48-го танкового корпуса): «Пантеры не оправдали возлагавшихся на них ожиданий. Они легко воспламенялись, система бензоподдачи была недостаточно защищена, и экипажи были недостаточно подготовлены».

Перед Центральным фронтом — на северном основании Курского выступа, где Модель проверял последнюю подпругу, внезапно стало тихо. В десять вечера 4 июля 1943 года советский патруль наткнулся на группу из семнадцати немецких саперов, пролагающих дорогу в советском минном поле к югу от села Тагино. Один из немцев, инженер пехотных войск был взят в плен и Рокоссовский стал обладателем важнейшей тайны: в 4 часа утра — наступление, которой немедленно поделился с Жуковым — тот был в штаб-квартире Центрального фронта.

Пленные сообщили о грядущем и в хозяйстве Ватутина — немецким солдатам выдали шнапс и рацион на пять дней. На той стороне были слышны лязгание гусениц и шум моторов. В полночь на 5-е Ватутин собрал командиров своего Воронежского фронта. Вопрос был непростой — произвести артиллерийскую контрподготовку или нет? Ведь она «съедала» более половины боеприпасов. Ватутин после совещания высказался «за», и 600 орудий двух его армий осветили небо. (При этом противотанковым орудиям было строжайше запрещено себя обнаруживать.) Авиация на фронте Ватутина произвела предварительную бомбардировку. Как оказалось, эти предварительные меры не остановили противника.

Германским войскам зачитали специальное послание Гитлера: «Солдаты Рейха! С сегодняшнего дня вы принимаете участие в наступательной операции огромной важности, от результата которой зависит все будущее войны и ее результат. Более, чем что-либо еще, ваша победа покажет всему миру, что сопротивление Германской армии безнадежно». Следует сказать, что, несмотря на всю тщательную предварительную подготовку, самих немецких командиров приказ наступать застал практически врасплох, поскольку вначале все воспринимали происходящее как всем уже давно надоевшие учения.

Русское слово «началось» английский историк Эриксон считает в определенном смысле непереводаемым. Так вот, «началось» в 5.30 утра 5 июля 1943 года. Началась операция «Цитадель». По лирическим тургеневским местам в лучшее, святое время года противник обрушил на советский фронт все, что имел.

Рокоссовский выдержал паузу до последнего — лишь за 20 минут до начала немецкого наступления заговорили орудия Центрального фронта. В ответ здесь, на северном фланге, заговорила германская артиллерия, и пехотные войска вермахта, выскакивая из балок — оврагов, столь характерных для русской средней полосы, бросились в прорыв. Пользуясь темнотой, воинские части 9-й армии Моделя, прикрываемые танками, выступили против Центрального фронта. Модель хотел пробить оборону сразу. Он поставил впереди девяти пехотных дивизий дивизию новых самоходных орудий «Фердинанд».

Замысел Моделя был таков: низвести острие атаки до малых пятнадцати километров и по ходу наступления постоянно вводить в бой новые подразделения, не давая русским опомниться. За огромными «Тиграми» так называемым «танковым клином» шли «пантеры» и PzKw IV — группами примерно по сто танков шли танки меньшего калибра, средние и легкие. Все они постоянно производили выстрелы, и зрелище изрыгающих на ходу огонь мощных танковых пушек было не для слабонервных. Они были встречены огнем невероятной плотности, такого германская армия еще не видела. Делится радист «тигра»: «Как только мы начали наступать, русская артиллерия начала вспахивать землю вокруг нас. Иван, со своим обычным хитроумием, приготовил свои пушки за недели вперед и продолжал концентрировать их даже под нашим артиллерийским огнем этим утром. Весь фронт представлял собой гирлянду вспышек. Казалось, что мы попали в огненное кольцо. Четыре раза наши доблестные „Росинанты“ шли вперед, и мы благодарили судьбу за нашу хорошую крупповскую сталь».

Под защитой брони шла пехота, вооруженная карабинами и гранатами. Более тяжело оснащенные войска и техника двигались в бронетранспортерах и грузовиках. Строго говоря, это был полный отход от Гудериана, де Голля и Тухачевского к Мольтке-младшему, Жоффру и Хейгу, от идей мобильного использования танков к использованию их как большого щита для пехоты. От убедительных уроков Второй мировой войны к заре танковой стратегии в Первой мировой войне. Надежда на то, что какие-то из танков уцелеют даже в этом аду и в конечном счете прорвутся на простор.

На переднем крае советские сорокапятки могли рассчитывать лишь на поражение гусениц, и, почти обреченные, наши артиллеристы отчаянно били по новеньким гусеницам огромных «Тигров». Часто пушкой, в последние секунды бившей прямой наводкой, управлял единственный оставшийся в живых артиллерист. Антитанковые взводы с противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью залегли на дно окопов, они ждали, когда мощные «Тигры» перевалят через земляные укрепления и обнажат оставшимся в живых свою менее мощную тыльную броню. Упорство обороняющихся дало свои результаты, солдаты Моделя залегли, делая несколько метров за бросок. Их встречают автоматный огонь и гранаты неотступающего противника. Модель вызывает самолеты.

На стыке 15-й и 81-й стрелковых дивизий 13-й армии начала образовываться брешь, и немцы обнаружили ее немедленно. Пятнадцать «Тигров» рванулись в прогал, ведя за собой меньший калибр. Под их гусеницами оказалась первая линия советской обороны. К концу первого дня немецкого наступления Модель вклинился на 7 километров в глубину советских оборонительных позиций северного сектора. Для развития успеха Модель уже приготовил к югу от Орла две танковые и две механизированные дивизии. К чести Рокоссовского нужно сказать, что он сразу определил, что немцы не выложились полностью и у них есть сильные резервы. Медленно отступающему Рокоссовскому в полдень показалось, что он разгадал замысел немцев — те шли не к всегдашней их цели — железнодорожной колее (в данном случае близ станции Поньри), а западнее, в направлении Ольховатки. В этом случае принятый вариант обороны следовало менять. Теперь некогда было держать 2-ю танковую армию в «золотом» запасе, следовало помогать перенапрягшейся 13-й армии. Иначе немцы расширят фланговую зону прорыва.

Дым застлал поля, где когда-то охотились герои русской классической литературы, где горел вечерний костер, а рассказам тургеневских охотников не было конца. Сейчас изуродованная степь была до горизонта забита искореженными орудиями и бронетранспортерами, вскопана выстрелами и обильно полита кровью потомков этих охотников. Но и их охота дала результаты. В советской сводке за 5 июля говорится о 586 подбитых немецких танках.

Перед новой атакой 3 тысячи орудий обрушились на армию Рокоссовского, круша его оборонительные сооружения. Ночью Константин Константинович просит у Сталина резервную армию, но та уже послана Ватуину. Если немцы, вопреки всему, прорвутся к Курску, Рокоссовский

будет отвечать за оборону города. Не успело рассвети, а тысяча немецких танков уже шла вперед — 6 июля Модель ввел в действие новые танковые резервы. Внезапно появившаяся дьявольская сила — 250 танков в сопровождении пехоты — поколебали Центральный фронт. Генерал Пухов контратаковал, но прогнулся под неподъемной силой. Именно на этом этапе немцы ввели в дело в секторе от Поньрей до Соборовки тысячу танков. Здесь, на фронте в 10 километров у Рокоссовского были 3 тысячи орудий и пять тысяч пулеметов. Он отбирает у менее задействованных соседей все возможные дивизии. Танки Батова, грузовики с пехотой от Черняховского, с миру по нитке — но фактом является, что в этот день, в этот черный день рукопашной схватки Модель продвинулся лишь на малую долю своего продвижения в первый день германского наступления.

Сейчас и здесь Германия бросила в бой всю свою огромную и организованную силу, здесь ее танки, самолеты и пушки не могли кивать на русский мороз или бескрайность степей. Здесь мерялись силой, умением и духом две армии, выставившие все, на что была способна огромная индустрия, национальная мораль и природное мужество. Здесь или никогда — вот девиз немцев в этом сражении. После Сталинграда у них уже нет презрения к пытающемуся соперничать противнику.

Мало кто более прирожденного кавалериста Рокоссовского любил лихую кавалерийскую атаку, Но и он приходит к мысли, что с него достаточно. После неудачной контратаки танков Родина 6 июля Рокоссовский приказывает закопать танки по башню в землю и сражаться без лихих безумств. Контратаковать дозволено лишь против германской пехоты и легких танков. Этот приказ был отдан вовремя. На следующий день немцы вводят в бой 18-ю танковую дивизию — 200 свежих танков. Именно эта дивизия возглавила наступление 7 июля 1943 года к западу от железнодорожной линии, ведущей к едва заметной на карте Ольховатке. 2-я и 20-я немецкие танковые дивизии двинулись к еще менее приметной деревне Самодуровке, еще одна ударная группа — к Поньям (железнодорожная станция между Орлом и Курском). Теперь Модель вел десять пехотных и четыре танковые дивизии, а советская пехота прижалась спиной к поньревской железнодорожной линии. Поньри переходили из рук в руки, на Самодуровку шли уже 300 немецких танков. Рокоссовский был прав в определении стратегической важности Ольховатки — с местных холмов просматривалась и простреливалась вся территория на восток, на юг и на запад — прекрасный трамплин для броска на Курск.

В небе этого дня лейтенант Алексей Горовец увидел себя наедине с двадцатью германскими самолетами. Не задумываясь он бросился в бой и

ему удалось уничтожить восемь машин противника. Но сверху, невидимые для него, опустились четыре немецких истребителя и останки бесстрашного летчика, отныне Героя Советского Союза, рухнули на курскую землю.

Именно этот день был, в определенном смысле, решающим. Немцы продвинулись еще на десять километров, ничего не жалея для захвата Поньрей. Борьба перешла за рамки человеческих рефлексов, это была битва в подлинном смысле этого слова. Мало что было видно, еще меньше из-за всеобщего грохота было слышно. Немцы оборачиваются всей силой к неприметной русской деревне Ольховатке, именно здесь жаждут они прорыва. Вот какие донесения идут от полковника Рукосуева, чьи солдаты стоят непосредственно у Ольховатки. «Бригаду атакуют до 300 танков. Батареи № 1 и 7 уничтожены, вводим последние резервы. Вторая батарея в действии. Просим снарядов. Я либо буду держаться, либо нас уничтожат. Рукосуев». Если бы не держался Рукосуев, погибла бы вся страна — немцы рвались вперед смертельно серьезно — со знанием, опытом и почти обреченностью. Но страна, вся Россия знала, что погибающие одна за другой батареи Рукосуева не отойдут. Погибнут, но не отойдут. Ни на метр.

Сонно спит сегодня Ольховатка, и нет уже на этой земле полковника Рукосуева. Но он не зря бросил своих молодых солдат в бой, который длился сорок восемь часов. Свирепая битва не привела немцев к господству над холмами Среднерусской возвышенности — единственной возвышенности на нашей великой равнине. Немцы пробовали подойти с различных точек к Ольховатке, кроме фронтальной. То, что защитники умрут по фронту, но не пропустят — это немцы уже поняли. Два года войны и их чему-то научили.

Под Ольховаткой проявила себя советская штурмовая авиация, ее удар ослабил германский напор. Среди небесных асов летел Алексей Маресьев, потерявший ноги после 18-дневного выхода с вражеской территории. Судьба подарила ему долгую жизнь, но не сам ли он, доблестный сын своей страны, вырвал ее из рук жестокой судьбы? И тысячи безымянных маресьевых шли в эти дни судьбе наперекор.

Идя к Курску с севера, Модель достиг максимальных успехов 9 июля. Далее войска почти остановились в своего рода клинче. Жуков говорит по телефону Сталину, что далее ждать нельзя, потому что далее отступать опасно. Решено контратаковать 12 июля. На северном клину германского наступления 11 июля советские бомбардировщики создали огромную дымовую завесу, под прикрытием которой Рокоссовскому удалось перегруппировать свои силы для наступления на Орел 12 июля. В 3 часа 20

минут утра этого дня Рокоссовский начал двухчасовую артиллерийскую подготовку из 3 тысяч орудий и минометов. 21-я гвардейская армия великого армянина, прирожденного воина и стратега Баграмяна успешно воспользовалась наступившей после артиллерийского грома тишиной. Ее продвижение вперед было неожиданно быстрым, и попытка немцев ввести в прорыв 4-ю танковую армию оказалась запоздалой. Германская оборона держалась лишь некоторое время, напор был отчаянным, и немцы, способные годами сдерживать весь мир, подалась. Войска Рокоссовского пошли по окопам и траншеям, которые они выкопали и которыми они сами владели неделю назад.

У Воронежского фронта не было столь мощной артиллерийской поддержки, которой отличался Центральный фронт. В то же время у противостоявшего Ватутину генерал-полковника Гота были девять танковых дивизий — лучшее, что имели танковые войска Германии, — дивизии СС «Тотенкопф», «Дас Райх» и «Адольф Гитлер».

В начале шестого утра 5 июля германские бомбардировщики появились над северным флангом 13-й армии генерала Пухова. Через полчаса бронированная армада поползла на фронте в сорок километров от Красной Слободки до Измайлова. С небес германские штурмовики прокладывали дорогу 200 германским танкам, сопровождаемым пехотой. В течение дня 5 июля эсэсовские танковые части Гота обрушились на сектор Черкасское-Коровино. Советские офицеры-наблюдатели определили цели германского выпада довольно быстро — 700 германских танков направились против 6-й гвардейской армии Воронежского фронта (Чистяков). После бомбардировки и еще одной танковой атаки немцы сумели создать понтонный мост через Северский Донец, и 60-тонные «Тигры» поползли по русскому полю на север и северо-запад в районе теперь уже 7-й гвардейской армии Шумилова.

Но Ватутин уже утром 5 июля пришел к выводу, что главной целью немцев на его фронте является Обоянь, а наступление на Шумилова (Короча) предназначено лишь для отсечения главных советских сил и использования резервов. Ватутин приказывает 1-й танковой армии Катуква прикрыть Обоянь и приготовиться к контратаке утром 6-го июля в направлении села Томаровка. Постепенно у Ватутина ситуация, увы, стала изменяться к худшему, и Катуква твердо посоветовал вести себя осмотрительнее. Пусть они атакуют. Как и на Центральном фронте часть танков была врыта в землю. В землю, которая была уже второй линией обороны. Два дня их страшной убойной силы заставили Ватутина отойти примерно на тридцать километров по ключевой дороге Обоянь-Курск. Но

даже немцы отметили неслыханное мужество пятнадцати гвардейцев, вставших обреченным арьергардом уходящих из села Черкасского сил.

Вечером 7-го июля жара спала, и ночной свежий ветер принес туман. С рассветом танковые дивизии СС «Дас Райх» и «Адольф Гитлер» вырвались на дорогу, ведущую к Обояни. 400 германских танков с артиллерийским прикрытием и пехотой обрушились на 1-ю танковую армию Катюкова в секторе Сырцево — Яковлево. Первым делом Катюков вызвал авиационное прикрытие. К северо-западу от Сырцево Катюков укрепил свои позиции дополнительными артиллерийскими частями. 67-я гвардейская артиллерийская дивизия была размещена среди танковых моторов. Задача была достаточно проста — не допустить немецкие танки в Обоянь. В 11 вечера 40-я армия Москаленко получает приказ отдать свои танки и артиллерию Катюкову, 1-й гвардейской танковой и 6-й гвардейской армии. И тем не менее на протяжении 7 июля на фронте Ватутина немцы дошли до основной оборонительной линии. Теперь в штаб-квартире Манштейна с наибольшей надеждой стали смотреть именно на этот участок своих наступательных действий.

Приобретший известность своим упорством 48-й корпус и танковые дивизии СС вышли к пяти деревенькам на берегу невидной речки — Завидово, Раково, Алексеевка, Лучанино и Сырцево. Ночью пехота при танках («панцергренадиры») сумела захватить дома на противоположной стороне Псела, и Гот решил перевести через реку элиту — «Гроссдойчланд» и 3-ю танковую дивизию.

Дивизия СС «Тотенкопф» также попыталась создать плацдарм, но за ночь речушка, благодаря мощным дождям, превратилась в настоящий поток, а соседние поля — в тяжелые болота. Под прикрытием темноты советская пехота также перешла реку — но в противоположном направлении — с танками и пушками, и в результате нанесла двум танковым дивизиям тяжелые потери своим прямым кинжальным огнем. Созданная днем дымовая завеса скрыла маневры обеих сторон. Но в эти дни нечеловеческого напряжения ясно стало, по крайней мере, одно: советская артиллерия — страшный враг германских танков. Своего рода компенсацией немцам служила их штурмовая авиация. Недостаточным — Гот был вынужден «возвратить» две свои дивизии и переформировать. А советские войска продолжали контратаку и отвоевали часть деревни Завидово.

Маневрируя, Гот переместил 3-ю танковую дивизию на свой левый фланг с целью вернуть потерянное. На правом его фланге «Гроссдойчланд» постаралась пробиться через прогал между Лучанино и Сырцево, чтобы

затем пустить в брешь «Лейбштандарт» и «Дас Райх». Прицельный огонь немецких танков ослабил советскую артиллерию, «Гроссдойчланд» снова перешла речку и захватила Сырцево. Германская танковая армада сделала реальный шаг вперед и на следующий день развивала свой успех.

Немецкие танкисты 8 июля перегруппировались. В 10 утра 8 июля на семикилометровом участке Гот бросает главную ударную силу Германии — 500 танков — вперед по дороге на Обоянь. Впереди «Тигры» и «Фердинанды». Никогда еще, пожалуй, 4-я танковая армия Германии не выглядела столь впечатляющим образом. В ее составе пять танковых дивизий — «Гроссдойчланд», «Адольф Гитлер», «Тоттенкопф», 3-я и 11-я. Последняя отправилась на Обоянь прямо по шоссе, остальные к востоку и западу от нее. 9-го немцы, после многих часов отчаянной борьбы, сумели найти «слабое место» в «левом» центре советских позиций. «Отодвинув» советские войска примерно на четыре километра, германские танки пересекли небольшую реку Псел — последнее естественное препятствие на пути к Курску. Весь следующий день — 9 июля — эти элитные германские дивизии сражались против армии Катюкова и пехотинцев Чистякова. Немецкие танки вошли в Кочетовку, где размещался штаб 6-й гвардейской армии Чистякова.

Немцы уже были в паре десятков километров от этой маленькой Обояни, незначительного городка, но важнейшего пункта обороны Курска с юга. Сражения были столь ожесточенными, что немцы решили упростить себе задачу и «переместили» осевую линию своего движения несколько западнее. Лучшие стратеги вермахта решили обойти эту проклятую Обоянь, и единственный обходной путь лежит через богом забытую деревню, произнести название которой могли лишь германские лингвисты. Перед лучшими немецкими танковыми генералами предстала совсем незаметная деревенька, важная холмами, на которых поставили ее география с историей. Забытую Богом до того дня. Отныне ее не забудут до тех пор, пока на нашей планете говорят по-русски. Отныне путь нашей истории пролегает через эту деревню — символ нашей стойкости и мужества, свидетельницу нашей любви к родине, через Прохоровку.

Стало очевидно, что кульминация битвы приближается. Немцы находились в состоянии постоянного наступления уже пятый день, и утомление не могло не сказаться. Гот видел контуры успеха в центре своих позиций, где «Гроссдойчланд» с боевой группой прошла сквозь деревню Гремучая — уже по ту сторону советских оборонительных позиций. Выйдя за эти оборонительные линии, генерал Хернлайн бросил полк панцергренадиров и сорок танков несколько налево, западнее линии

советских войск, чтобы решающим образом ослабить левый фланг Ватутина. Советские войска были вынуждены отступить из деревни Раково, что стояла на пути у 3-й танковой дивизии немцев.

В ночь на 10-е Гот совещался с Манштейном и утром сказал своим подчиненным о необходимости собрать все силы, все штурмовые орудия и танковую пехоту в единый кулак и пробить линию советских укреплений между населенными пунктами Круглик и Новоселовка. К вечеру двух отчаянных дней немцы сумели захватить маленькую долину реки Пена, овладеть прибрежными селами и оттеснить советские войска в прибрежные леса выше Березовки. Образовалась зона прорыва примерно в 15 километров глубиной и 25 в ширину. Это и стало самым уязвимым и опасным местом обороны Ватутина. Незначительный результат для недельных боев элиты германских вооруженных сил. Но опасная точка, грозящая прорывом фронта для советской стороны. (В эту ночь «Гроссдойчланд» вышла с линии фронта на перегруппировку, замещенная 3-й танковой дивизией). Менее значительными были результаты Гота на его левом фланге.

Эсэсовцы сражались отчаянно; они достаточно хорошо знали, что тем, кто носил опознавательные знаки дивизии СС, было трудно, в случае попадания в плен, рассчитывать на выживание. То были последние дни, когда в войска СС принимали только немцев. Позднее Гиммлер начинает вводить в них добровольцев из других стран. Многие уголовные элементы нашли там пристанище. На голове претендентов взрывали гранаты, его закапывали в землю перед идущими танками и т. п. Их учили, что они «сверхчеловеки». Но, попадая на фронт эсэсовцы очень быстро убеждались, что «недочеловеки» не менее храбры, самоотверженны, энергичны, предприимчивы. И дело было не в природном мужестве. Их противники сражались за родину.

А тем временем в Вольфшанце Гитлер утром 7 июля 1943 года пришел в просмотровый зал. Здесь, на удивление не испытывая смущения перед фюрером, молодой инженер Вернер фон Браун, которому недавно исполнился тридцать один год, выступил с кратким объяснением к предстоящему цветному документальному фильму. Погас свет и почти недоуменным зрителям открылось поразительное зрелище — с бетонного основания в космос взлетела тринадцатитонная ракета. Возникло ощущение, что Германия, *trotz alledem*, вопреки всему, достигла степени непобедимости. Экстатически выглядевший Гитлер выражал своим видом нечто вроде «просите что желаете». Министр военного производства Шпеер попросил фон Брауну звание профессора. Гитлер приказал

немедленно прислать бумаги. «Я подпишу этот документ лично». Возвратившись после горячих рукопожатий в свой бункер, Гитлер заявил: «Ракета А-4 — это то средство, которое обусловит исход войны... Это решающее оружие текущей войны, и мы можем произвести его с относительно небольшими затратами. Шпеер, вы должны максимально быстро реализовать этот проект. Рабочая сила и необходимые материалы должны поставяться немедленно... Поставьте А-4 в одну категорию приоритетности с производством танков. Но его должны реализовывать одни немцы. Боже помоги нам, если об этом узнает противник».

Относительно последнего положения (об участии «одних немцев») следует сказать, что Гитлер быстро позволил Гиммлеру переубедить себя. Через шесть недель после дня, когда молодой фон Браун дал Гитлеру надежду на победу, Гиммлер привел свои аргументы — заключенные не имеют никакой переписки, контакты с внешним миром исключены. И СС возглавили самый секретный проект рейха. Ракеты будут строить заключенные концентрационных лагерей, которые впоследствии будут уничтожены.

Рейд Ротмистрова

В самом начале Курской эпопеи — ночью 6-го июля Сталин по телефону говорил с командующим 5-й гвардейской армией генералом Павлом Ротмистровым и приказал ему двигаться на юг, навстречу танковой армаде Гота. Для Ротмистрова звонок вождя прозвучал некстати — он намеревался в узком кругу отметить свой день рождения, гости начали собираться, но вместо традиционного русского стола они увидели ворох карт. Ротмистров размышлял над наилучшим маршрутом движения армии. Выпили захваченное у немцев шампанское, заправили танки и в половине первого ночи отправились в путь. Дорога была тяжелой. Армия шла день и ночь, уже не обращая прежнего внимания на свирепые «Юнкерсы-87», имевшие специальные противотанковые пушки. Советская авиация пыталась отвлечь этих «убийц» танков. Ротмистров сидел в грузовике, оборудованном под походный штаб. Теперь он старался не растерять своих танкистов, растянувшихся более чем на тридцать километров. Помогало радио.

Из небес командующий резервным фронтом Конев, «оседлав» самолет, наблюдал за происходящим, его задачей было контролировать подход подкреплений. Жара была удушающаяся, но что-то наметилось в природе — к перемене. Пока приятной неожиданностью была относительно небольшая потеря машин. Т-34 смело шли по бездорожью. Пыль проникала повсюду, но главным было то, что Ротмистров привел на решающую сечу в высшей степени боеспособную боевую силу. Теперь, чтобы победить Россию, нужно было уничтожить 5-ю танковую армию Ротмистрова. Разумеется, к 10 июля они смертельно устали, но святое сыновье чувство было выше физического истощения. Ротмистров отдал приказ: готовиться к большой танковой битве.

В ночь на 11 июля Жуков обстоятельно беседовал с Василевским. При всех сложностях, у них были и определенные основания для удовлетворения. Немцы не прошли, как в 1941–1942-х годах, через советскую оборону словно нож в масле. Они измучены неимоверно тяжелыми боями. Соколовский и Попов на севере готовятся к контрнаступлению против Моделя. Активное блокирование Моделя на севере позволяет всей силой развернуться к более удачливому Готу. Именно сюда следовало бросить все мобильные резервы. Именно сюда пришел лихой Павел Ротмистров.

Немцы все во власти наступательной стихии. Они изучают русскую территорию с труднопроизносимыми русскими названиями. Никаких Шеневальде. Где уязвимый пункт? Он должен быть непременно. До сих пор всегда был. Из штаба 3-й танковой дивизии Готу доложили, что русская оборона между деревнями Круглик и Новоселовка — место, на которое уже начали смотреть как на магистраль атаки, укрепляется и с каждым часом становится все менее уязвимой. Следовало нанести удар как можно быстрее — до создания советского оборонительного железобетона. Три известных танковых командира — Кемпф, Хойзер и Кнобельсдорф собрали примерно 600 танков, сила для страшного удара, необходимого Готу для выхода из этих проклятых линий обороны на стратегический простор. Дорога вперед была уже очень тяжела для немцев, несколько дней ведущих сражение. Гот повернул свои танки несколько к северо-востоку, в направлении маленькой железнодорожной станции, малому пункту, значимому лишь как станция на местной железной дороге, едва заметной даже на местной карте. На пути уже кое-что знающего о России Гота стояла Прохоровка.

Ватутину не оставалось ничего другого, как ввести в действие самое сильное свое оружие — 1-ю танковую армию Катуква, усиленную танковыми резервами фронта. Тут-то и наши танкисты услышали название деревеньки, куда привела их броня, — Прохоровка. Ночью Ватутин говорил со Сталиным. Ватутин говорит о ярости боев, он докладывает, что за один прошедший день подбито 332 вражеских танка, уничтожены 80 самолетов. Отбиты двенадцать атак. Сталин напомнил, что задачей является измотать немцев, а в нужное время «вперед двинутся Западный, Брянский и другие фронты». К Ватутину уже шла 27-я армия. По согласованию с курирующими южный участок дуги маршалами Жуковым и Василевским, Сталин приказал ввести в бой в районе Прохоровки два новых танковых корпуса — 2-й и 10-й. А 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова (часть Степного фронта Конева) уже двинулась из Острогожска дальше, к Прохоровке.

Прохоровка

Пять дней после 9-го июля, возможно, самые важные пять дней нашей истории. Готу становится ясным, что, имитируя продолжение движения на Обоянь, основные силы следовало бросить восточнее. Это обещает окружение и конечное уничтожение двух главных советских группировок, а также решение стратегической задачи — открытие дороги на Курск. В резерве у Гота дивизия СС «Викинг» и 10-я танковая. Вечером 10 июля этим двум дивизиям приказано выйти из далекого Донбасса, через Харьков выйти на Белгород и далее на север. Если провести прямую линию от Харькова до Белгорода и продлить ее на север, то ваш пишущий предмет уткнется в незначительную точку на карте, в Прохоровку.

В ночь с 10 на 11 июля 1943 года Центральный и Воронежский фронты докладывали Москве о ситуации у себя ежечасно. Всем становилось ясным, что приближается кульминация. 5-я танковая армия Ротмистрова полностью подчинена Ватутину и, согласно его приказу, размещена вечером 9 июля к северо-западу от Прохоровки. Ватутину же передается из Степного фронта 5-я гвардейская армия генерала Жадова. Двигаясь ночью, она прошла более ста километров к реке Псел и разместилась между Обоянью и Прохоровкой, готовая уже ранним утром умереть на своем рубеже, но не пропустить немцев к Курску. Важным обстоятельством было то, что Ватутин 10 июля, вопреки яростным атакам немцев в направлении Обояни, ощутил перегруппировку немцев и изменение ими главной линии продвижения. Немцы уже продвинулись сквозь советские оборонительные линии более чем на тридцать километров, они меняют центр наступательной инициативы, они сдвигаются восточнее — к Прохоровке. Именно этот пункт становится местом приложения наступательных усилий всей германской группы армий «Юг».

Немцы с юга уже ввели в дело основные свои резервы, теперь они будут наращивать авангард своего наступательного движения за счет флангов. Не попытаться ли ударить по этим ослабевшим флангам? Ставка дает согласие на предложенный Ватутиным маневр. Новоприбывшие гвардейские армии нанесут удар с севера, востока и запада в районе Прохоровки. Пятая гвардейская танковая армия Ротмистрова нанесет удар от Прохоровки на юг. В нее уже влились 2-й гвардейский танковый и 2-й танковый корпуса — всего более 850 танков, из них 500 — в первой линии.

Вопрос о массовой танковой дуэли встает в практическую плоскость.

Что могли сделать Т-34 против вдвое более тяжелых «тигров» с огромной убойной силой орудием? Но они, основные танки великой России, были быстрее, маневреннее, могли юрко перемещаться и зайти грозному «тигру» в тыл или во фланг, нанести удар по менее защищенным бронеплоскостям. Два дня ушли на установку артиллерийских орудий таким образом, чтобы поразить как можно больше танков. Передовым частям следовало сражаться так, чтобы дать время танкистам подготовиться к удару прямой наводкой и при этом оградить путь к флангам. Жуков приказал установить противотанковые орудия вокруг Прохоровки десяти артиллерийским полкам. Из Москвы последовал приказ начальнику Генштаба Василевскому взять руководство грядущей битвой в свои руки.

Немцы не заставили себя ждать. На рассвете 11 июля 1943 года «группа Кемпфа» (6-я, 7-я и 19-я танковые дивизии плюс три пехотные дивизии) рванулась на Прохоровку с юга. В девять утра, совершая ложное обходное движение, «Гроссдойчланд» вместе с 3-й и 11-й танковыми дивизиями двинулись в сторону Обояни, а ровно через полчаса страшная сила — «Тотенкопф», «Адольф Гитлер» и «Дас Райх» — покатила к отныне бессмертной Прохоровке. Погода словно возмутилась. Отпели знаменитые курские соловьи, ушла нега лета. Косой дождь и шквальный ветер били в лицо, но люди словно не видели ярости природы.

Разведка работала четко, и перемещение германских войск фиксировалось тщательно, но остановить эту жестокую силу было почти невозможно. Сработала и важная, существенная ошибка: Ватутин ждал основных колонн немцев на своем правом крыле, а они перенесли основную тяжесть на левый фланг. Генерал Герман Гот, лучший германский танкист Второй мировой войны, обрушил свою 4-ю танковую армию на наименее защищенный советский участок фронта.

Как полагают некоторые военные специалисты, Ватутин расположил свои войска слишком «тонким слоем» (в отличие от Рокоссовского), потому-то немцы и дошли до Прохоровки. В данном случае это имело уже сугубо абстрактное значение. За Прохоровку, за происходящее после 11 июля перед Курском теперь перед родиной отвечали два маршала — Жуков и Василевский. На них смотрели Ротмистров и Жадов, готовясь к контрнаступлению. Солдаты Жадова вступили в бой на линии между Прохоровкой и Обоянью прямо с марша. Немало бойцов полегло, смысл их жертвы был в том, чтобы дать танкистам Ротмистрова время подготовить свои стальные машины. Немцам готовился неприятный сюрприз — две бригады были оснащены новыми самоходными установками САУ-85 с прекрасной могучей пушкой в 85 мм, смонтированные на шасси Т-34, —

мобильный ответ на вереницу «Тигров» Хеншеля и «Пантер» Круппа.

В двух наших гвардейских армиях никто не спал в ночь на 12 июля — Великий день в нашей истории. Дождь среди короткого русского лета словно давал знать, что русский Бог не согласен с происходящим. Судьба огромной страны решалась в узкой лощине, ограниченной рекой Псел и железнодорожной насыпью. Перед Прохоровкой — чистое поле с небольшими садами и частными огородами, русская равнина. За дальними северными холмами прячется Ротмистров с лучшими советскими танками, теми, что создали любящие руки для своих защитников. Перед холмами — противотанковые батареи и несколько замаскированных танковых частей. На самом высоком из северных холмов командный пункт Ротмистрова. На Прохоровку идут с запада и юга серо-зеленые машины с ненашими крестами.

Невеселым был рассвет 12 июля. На поле, примерно 7 на 5 километров, готовилась ни до того, ни после не виданная в истории сеча. Около тысячи танков с каждой из сторон заводили моторы. Танковая армия Ротмистрова получила приказ сдержать движение немецких танковых колонн любой ценой. Ну, то, что русские в таких случаях не торгуются, хорошо известно. Но хватит ли сил? У Ротмистрова было примерно 900 танков. Срок запланированного заранее упреждающего наступления был перенесен на два часа раньше. Главная группа германских танков стояла к западу от Прохоровки — 600 танков. К югу готовилась к бою еще одна германская колонна из 300 танков. Немцы рассчитывали на 100 своих «Тигров».

Ротмистров приказал выкопать штабную землянку на невысоком холме, с которого хорошо просматривались окрестности Прохоровки. Мир был пока спокоен, и милая сердцу неброская русская средняя полоса представала в лучшем своем обаянии. Перед ним лежало большое пшеничное поле, бывшее в лучах встающего солнца золотым. А вдали виднелись лиловые леса, где, как твердо знал генерал, готовилась к бою танковая элита Германии. Разведгруппы слышали рев заводимых моторов, и были этих моторов сотни.

С традиционной пунктуальностью первый немецкий разведсамолет появился в небе ровно в шесть тридцать утра. Через полчаса появились германские бомбардировщики, и от них в небе стало тесно. Они бомбили не очень прицельно, исходя из того, что в рощах и перелесках могут быть танки и батальоны как чужие, так и свои.

В половине девятого утра Ротмистров послал в эфир кодовое слово: «Сталь, сталь». Слово волна прошла по войскам. Последовала довольно

краткая артиллерийская артподготовка с советской стороны, завершившаяся залпом «катюш». Западнее Прохоровки в поле из всевозможных укрытий вышли четыре колонны советских танков, в основном наши милые Т-34. Им навстречу вдоль реки Псел практически синхронно вышел 18-й германский танковый корпус. Зрелище тысячи сражающихся танков случается в истории единожды, и оно было здесь. Обе стороны заранее не планировали такого лобового столкновения, но вот оно произошло, и тот, кто победит, повернет колесо истории в свою сторону. Дальнейшее Ротмистров скорее слышал, чем видел. Небо заволочло чудовищное облако, а лязг металла был ни на что не похож. Ярость людей с самого начала превзошла все мыслимое.

Пишет немецкий офицер: «Нас предупредили о противотанковых орудиях и некоторых статически расположенных танках, а также о возможности появления нескольких бригад менее подвижных КВ. В реальности мы встретили, казалось, бездонный поток бронированных колонн противника — никогда я не получал такого подавляющего воображение представления о русской мощи, как в этот день. Облака пыли сделали очень трудной помощь от люфтваффе, и вскоре множество Т-34 прорвались сквозь наши оборонительные сооружения и стаями устремились по всему полю битвы». В это же время в юго-востоку от Прохоровки советский 29-й танковый корпус встретился «лицом к лицу» с эсэсовскими танковыми дивизиями «Мертвая голова» и «Адольф Гитлер». По всему периметру — от западных подходов к Прохоровке и до восточных завязалось ожесточенное сражение. Особенностью было то, что стороны словно забыли об окопной борьбе, оба противника бросились друг на друга с великой решимостью.

И природа пришла в неистовство. Дождь хлестал нещадно, и гром гремел, и молнии смешивались с орудийным громом. Танки настолько перемешались между собой, что артиллерия и авиация прекратили свою работу — невозможно было отличить своих от чужих. Чем ближе подходили к передовым немецким танкам Т-34, тем меньше была значимость брони и пушек «Тигров», равными которым в советских рядах были немногочисленные тяжелые КВ. Завязалась индивидуальная битва, противники нашли себе достойные пары. Периодически танковые башни взлетали в воздух от прямых попаданий и летели буквально на десятки метров. Когда у танков заканчивался боезапас, танкисты просто шли на таран немецких машин. Когда останавливался мотор, танкисты выскакивали из башни и с гранатами, с бутылками с зажигательной смесью бросались на танки противника. Ожесточение битвы достигло предела. Обе

стороны забыли о маневренности, об отходе было запрещено и думать, сила ломала силу.

После нескольких часов боя советские войска владели полем к юго-западу от Прохоровки, на котором было много трофеев, не говоря уже о практически плененных экипажах вражеских танков. Только быстрая контратака Кнобельсдорфа позволила немцам вернуть себе часть Прохоровки, но полностью истощенная «Гроссдойчланд» обязана была все же возвратиться на поле боя, поскольку 3-я танковая дивизия немцев оказалась отрезанной и обнажила фланги своих соседей.

Но после полудня стала складываться опасная ситуация — Ротмистров должен был внимательно смотреть на поля к западу от Прохоровки, где в деревне Андреевка 18-й танковый корпус немцев начал заходить во фланг его основных танковых войск. А мощная группа германских танков стала пробиваться юго-западнее Прохоровки, грозя зайти в его тыл. Именно в этот момент Ротмистров ввел в бой последние свои резервы второго эшелона — 24-ю гвардейскую танковую и 10-ю гвардейскую бригады. Сам первый танкист пишет об этих часах: «Земля стала черной и уставленной танками как пылающими факелами». На одном из этапов раненого командира вынесли из поврежденного снарядом Т-34 и уложили в воронку от взрыва. В это время германский «тигр» направился к поврежденной советской машине. Тогда водитель, Александр Николаев, быстро вскочил в оставленную горящую машину, завел ее и направился прямо на остолбеневший «тигр». Тот остановился, но было поздно, огромный огненный шар, приведенный Николаевым на полной скорости, окутал «тигр», и взрыв сотряс землю.

18 часов длилась невиданная танковая битва. Военное счастье переходило с одной стороны на другую много раз. А небо тоже бушевало, и молнии освещали уже вечернее небо — битва стала затихать за полночь. Семьсот танков застыли в самом необычном виде, с башнями и без оных. В русской степи стояли остовы трехсот немецких танков и среди них были семьдесят «тигров». Между ними искореженными лежали 88 орудий, 300 грузовиков. И сотни, тысячи солдат. Тяжелыми были потери и советской стороны, более половины пятой гвардейской танковой армии. Они отбили попытки обхода и слева и справа, они бестрепетно пошли лоб в лоб, они гибли нещадно, но противник — немцы уже никогда не пробовали испытать советские танки на мужество в непосредственном танковом столкновении. Немцы решили не продолжать лобовое столкновение.

Когда Ротмистров покинул свой наблюдательный пункт, неожиданно прояснилось. Небольшими группами санитарные части подбирали

раненых. Относительно тихий гул моторов говорил об отходящих в укрытия уцелевших танках. Специальные группы немцев проверяли, что можно вывести с поля. Если данный танк не подлежал ремонту, немцы его взрывали. Вдали слышался звук подъезжающих грузовиков, это подходили бензозаправщики, подвозили припасы и питание. А на поле уже вышли саперы, они, не давая себе передышки, создавали новые минные поля. Ротмистров заснул только к утру, но ненадолго, разбудил авианалет. И все же страшное своей мощью движение лучших германских войск на Прохоровку с юга и запада было остановлено. Обоянь была рядом, но, чтобы ее взять, нужно было убить вторую половину армии Ротмистрова, а без этого советские танкисты не уйдут.

Битва не закончилась в один день, но она уже после первого дня дала одну определенность огромной важности: потери немцев были столь велики, что они уже не могли рассчитывать на решающий прорыв и развитие успеха в прорыве уже за спинами армий советского фронта. Те, кто, презрев все, бился до последнего у Прохоровки, без преувеличения, решили судьбу своей страны. Они погибли, но обескровили силы противника, ослабили его фирменную бронетанковую мощь настолько, что он уже не мог решить исход войны своей бронетанковой силой.

На следующие утро упорные немецкие танкисты — а это было лучшее, чем располагала Германия, — готовы были продолжить схватку. И они продолжили бой, но уже не рискнули идти напролом. Они попытались найти слабое место в советской обороне, но не могли. Три дня немцы фанатично бросались на Прохоровку, особенно упорным и опасным было движение немцев через реку Псел, что означало возможность обхода Прохоровки с запада в их пути на Обоянь. Дивизии СС сражались с решимостью обреченных, им противостояла армия Жадова, постоянно посылавшего просьбы о помощи Ротмистрову. Жадова можно более чем понять — его люди гибли беззаветно. Но и Ротмистров не мог расплыть свой танковый кулак, в конце концов это было то уже немного, что можно было противопоставить элите вермахта в случае крайнем, в случае неудачи у Курска. В этот святой час пехотинцы Жадова, действуя против лучших эсэсовских частей, сумели сбросить их на южный берег Псела. Ни через Прохоровку, ни в обход ее с запада лучшие генералы и лучшие части германской армии пробиться не смогли. Все, всевластие вермахта на полях сражений окончилось, на этот раз уже «и зимой и летом». Элиту — танковую дивизию СС «Мертвая голова» — немцы были вынуждены вывести из фронтовой полосы. Танковая армия Гота потеряла половину своего личного состава и половину своих машин.

Согласно советским данным, во всей огромной битве противник потерял 2952 танка, 844 орудия, 1392 самолета. Восемь дней длился этот титанический бой, и он указал на победителя. Немецкая танковая мощь — решающее оружие Германии в 1941–1943 годах — была обескровлена. В 3-й танковой дивизии осталось 30 танков, в 19 танковой — 60 машин, в 19-й — 17 боеспособных машин.

По немецким данным, на южном фланге Орловско-Курской дуги погибли десять танковых советских формирований. Поражены 1800 танков, уничтожены тысяча противотанковых орудий. За восемь дней боев танковая советская мощь уменьшилась вдвое. Но наш противник получил, по существу, незаживаемые раны. «Die Blutmühle von Belgorod» встала в один ряд с Брусиловским прорывом, а по ожесточению превзошла все богатые ожесточением битвы XX века. На великом поле Прохоровки найдены корпуса четырехсот германских танков. Война вошла в пик своего накала, более жесткого и жестокого противостояния война еще не знала.

Василевский и Ватутин могли вздохнуть облегченно: немцам прорыв не удался. Это окончательно показали и последующие дни — пути на север немецким танкам не было. А на севере Центральный фронт Рокоссовского тоже отбил атаку фантастической силы, и у него еще оставались силы в запасе. Вермахт уже никогда не забудет сражение ни у Прохоровки, ни у Поньрей, где также произошло одно из самых кровавых сражений мировой истории. Нависшая над нашей страной реальная угроза начала ослабевать уже 13 июля — давление со стороны группы армий «Юг» постепенно ослабевает. Германский танковый гений Гудериан признал, что германская военная мощь претерпела «решающее поражение», что бронетанковые дивизии, которые рвались к Курску, будут еще «в течение долгого времени непригодны к использованию в бою». Это слова главного инспектора германских танковых войск.

Маршал Жуков прибыл 13 июля, чтобы своими глазами увидеть великое поле битвы. Он шел между сгоревших танков вместе с Ротмистровым и Хрущевым. Несколько раз они останавливались, чтобы увидеть невиданное — танки, как живые существа сцепившиеся друг с другом. Ротмистров вспоминает, что никогда не видел Жукова столь молчаливым. Василевский, видевший ту же картину, говорит о «неизгладимом впечатлении... Битву танков не с чем сравнить на войне». 45 на 45 километров основного поля битвы еще многие месяцы были несравненным на земле местом, самый потрясающий монумент Второй мировой войны.

Ошибка Манштейна

15 июля 1943 года противники стали возвращаться к исходным позициям. И это означало, что не только блицкриг, но и коронное германское летнее маневрирование оказалось неспособным сокрушить оборонительные силы Советского Союза. Национальное выживание отныне было гарантировано. Гитлер вызвал в Растенбург Клюге и Манштейна. Гитлер запросил Манштейна и Клюге относительно перспектив дальнейших танковых действий. Их молчание было красноречивее любых слов. Клюге в конечном счете заявил, что продолжение наступательных действий невозможно. Манштейн еще не отошел полностью от первоначальной воинственности и предлагал подождать прихода резервов; но это уже не был тон «властителя Севастополя», трезвая оценка сложившейся ситуации заставила в конечном счете и его подчиниться реальности. Германское командование приняло решение прекратить наступательную операцию. Немцы стали испытывать тяжесть потерь под Прохоровкой, по меньшей мере, на данном этапе они занимают строго оборонительные позиции. Стало ясно, что «Цитадель» окончилась не вничью, а ослаблением германской мощи.

«Цитадель» была уже не по силам Германии. Она была официально прекращена, а германские войска возвращены на позиции, которые они занимали до 5 июля. «Выполнив свою миссию», нанеся тяжелые потери Ротмистрову, 4-й танковой армии Гота и «группе Кемпфа» пришлось убедиться в достаточности остающихся у противника сил и отправиться на свои исходные позиции на юге. Немцы пытались найти парадоксальные плюсы в проигранном сражении. Да, Курск они не взяли, но русским дорого обошлось их упорство. У немецкого командования было еще представление о том, что русским ничего не остается, как долго зализывать свои раны. Манштейн и стратеги меньшего калибра признавали, что Курская эпопея завершилась неудачей германской стороны, но все они шли дальше в своих умозаключениях и выводы их явились роковой ошибкой. Манштейн — и весь штаб Манштейна — были уверены, что после устрашающей, поразительной битвы, подлинного побоища, Ватутин и Ротмистров, понеся колоссальные потери, надолго загасят свой наступательный пыл. Германский генералитет полагал, что победа под Курском досталась Советской армии столь страшной ценой, что ей понадобятся еще несколько месяцев для минимального восстановления

своих сил и для активных операций. В конкретной плоскости это означало, что до конца года советские войска будут способны лишь на немасштабные операции, будут приходить в себя. Это была крупная ошибка. Ошибочное суждение, дорого обошедшееся немцам. Они еще жили в 1941 году, а на дворе был 1943-й, и руководство вермахта ошибалось.

После сражения на Орловско-Курской дуге мы видим не малокровную анемию советских войск, а взрыв невероятной энергии. Позже Манштейн признает: «Мы надеялись, что нанесли противнику такой урон в ходе реализации „Цитадели“, что можем рассчитывать на передышку на этом участке фронта. Ожидая подобного поворота событий группа армий „Юг“ перевела значительную часть бронетанковых войск для решения задач на противоположном участке — в районе реки Донец». Почти все германские танковые дивизии были не только уведены от несчастливых курских полей в южные степи, но и задействованы в местных боях.

Да, Прохоровка и все остальное нанесли великий урон советским войскам, прежде всего бронетанковым. Та мощь, с которой Рокоссовский и Ватутин начинали битву, — тридцать пять дивизий бронетанковых войск — ушла с героями, не пощадившими себя. Но поле битвы осталось за Советской армией, а это во Второй мировой войне было важным обстоятельством. Ремонтные бригады могли спокойно восстанавливать частично пораженные машины. Советской танковой мощи очень помогало то обстоятельство, что в танковых войсках фактически весь технический состав базировался на одном типе танков — Т-34. У немцев было пять типов танков, и это в снабжении и ремонте осложняло им жизнь. А советские инженеры-ремонтники не имели многих проблем соперника, единообразие технической модели позволяло поставить ремонт и восстановление на поток. Накануне битвы, начавшейся 5 июля, в рядах советской стороны было 3800 танков. К 13 июля их численность упала до 1500 машин, но к 3 августа достигла численности 2750 машин. Работа механиков на передовой и беззаветных тыловых заводов восстановила танковую мощь Красной Армии. К примеру, к Ватутину в июле приходят три свежих полка самоходных орудий.

И тогда, когда никогда не выступавший за битву под Курском в июле Манштейн решил расправиться с миусскими частями Красной Армии, ее ударные части не потеряли воли к победе и продолжили орловско-курскую эпопею великим наступательным порывом. Ватутин, несмотря на тяжелейшие потери и фантастический шок от столкновения невиданных еще танковых армад, приказал уже 16 июля 6-й гвардейской и 1-й танковой армии устремиться вперед по шоссе Обоянь-Белгород. Через два дня

поступил приказ Степному фронту Конева начать контрнаступление. Их решимость и мобильность были таковы, что уже через пять дней они дошли до позиций, с которых вермахт, его южный на Восточном фронте фланг стартовал 5 июля в направлении Курска. Ватутин, опаленный танковой битвой у Прохоровки, 24 июля дошел до немецких укреплений, прикрывающих Белгород.

Жуков и Василевский немедленно приступили к реализации второй части задуманного в районе Орловско-Курской дуги плана. В определенном смысле главное значение битвы на Орловско-Курской дуге состоит даже не в отражении Гота и Моделя, а в создании действенных предпосылок для последовавших наступательных операций. Две такие операции начались немедленно, в середине июля. Поворот судьбы заметен уже 14 июля. Правый фланг Центрального фронта изготавился к атаке. Советское командование быстро осуществляет планирование операций, главной целью которых является неукротимое перемалывание германских резервов (а в дальнейшем взятие «самого дорогого» приза войны — дважды оставляемого и освобождаемого многострадального Харькова, индустриальной столицы Украины).

Во-первых, на севере Курского выступа началась реализация операции «Кутузов» — удар по группировке германских войск в районе Орла и Брянска. Ударные советские войска сконцентрировались на очень узкой полосе наступления и сумели разорвать германский фронт. Несмотря на невиданно упорное сопротивление германских войск, операция эта принесла успех. Используя лучшую тактику Второй мировой войны — комбинируя действия пехоты, танков и авиации, советские войска разжали германский фронт и пустили в прорыв целую танковую армию. Ночью 20 июля ситуацию вокруг отчаянно защищаемого немцами Орла изучали Жуков и Василевский. К северу от Орла 11-я гвардейская армия Баграмяна продвинулась на рекордные семьдесят километров. Слева, южнее, Брянский фронт бился в отчаянных фронтальных атаках. С юга на Орловский выступ наступал усиленный танками Романенко Центральный фронт Рокоссовского. Партизаны предприняли отчаянный штурм железных дорог, главнейшими среди которых для немцев были магистраль Брянск — Михайловский и дорога, ведущая от Харькова к Белгороду. Было зафиксировано более 10 тысяч диверсий на дорогах. 17 июля Центральный штаб партизанского движения «распределил» участки железных дорог между отдельными отрядами, и началась так называемая «рельсовая война». Главная среди поставленных задач — разрушить пути сообщения с германскими 2-й танковой и 9-й армиями, выдвинувшимися далеко вперед

в орловском выступе.

Германское командование придало орловскому выступу особое значение, сюда были направлены после 20 июля четыре танковые дивизии. Они остановили продвижение советских войск. Теперь уже немцы закапывали свои танки, блокируя продвижение противника на подступах к Орлу. Именно в это время на помощь наступающему Баграмяну пришел Баданов с 4-й танковой армией. У Баданова были новенькие 500 танков, и это была грозная сила. Но Ставка настаивала на том, чтобы эти танки были использованы в направлении Болхова, что привело Баграмяна в ярость — он требовал выдвигания этих танков против достижимого Хотинца в тыл германским войскам. Баграмян полагал, что прежние подвиги Баданова «вскружили ему голову». Предлагаемая ныне Бадановым операция прорыва была чрезвычайно трудным предприятием, тем более что фронтовая подготовка танковой армии не была завершена.

Два дня отчаянного пути к Болхову дали Баданову всего лишь два километра. И много потерь. 30-й добровольческий уральский корпус не знал страха смерти, но простреливаемые немцами позиции были почти непреодолимым препятствием. И все же отчаянная храбрость оправдывает себя, немцы начали вывод своих войск из болховского кармана. К рассвету 5 августа Баграмян и Баданов пробились через германские позиции и форсировали Оку. Они были готовы ко всему и на все, чтобы взять Орел, но немцы это поняли раньше и вывели свои войска из фактически обреченного орловского выступа. С точки зрения германского командования важнее было сохранить ударные части Ostheer. Результатом стало освобождение 5 августа Орла. А 18 августа советские танки вошли и в Брянск.

Во-вторых, началась операция «Румянцев», которую курировал непосредственно Жуков. Со стороны севера — с Брянского фронта Степному фронту Конева были переданы четыре артиллерийские дивизии, войска получили амуницию и продовольствие для независимых боевых действий на протяжении периода до двенадцати дней. Да, Катукон к 25 июля потерял половину своих людей и танков. И не было замены — Ватутин предупреждает, что на этот случай «нет ни человека, ни машины». Но оставшиеся живыми не деморализованы, они, как и вся страна, готовы на все. На полях день и ночь ремонтируют те танки, чья боевая часть это позволяет. В госпиталях в строй встают едва подлечившиеся. Танковые экипажи выделены в особую категорию, врачи спешат именно к ним. Именно здесь мы обошли, переиграли великую германскую армию, продемонстрировавшую все, кроме такой решимости, неустранимости,

верности.

Уже в конце июля германские «рамы» и службы перехвата зафиксировали, что собирается советский кулак; 2 августа германская разведка группы армий «Юг» оповестила о подготовке советского наступления с позиций к юго-востоку от Харькова и вблизи Белгорода. И не ошиблась. Маршал Жуков готовил Белгородско-Харьковскую операцию со всем присущим ему тщанием. Как и все операции в его стиле, эта готовилась на широком фронте, с подготовкой глубоких прорывов. Жуков сосредоточил 230 орудий на направлении главного удара, до 70 танков на километр. Совместной удар 1-й и 5-й гвардейской танковых армий произвел впечатление выходом с севера и северо-запада на Белгород, с юга — заходом в тыл Харькову. Окружение Харькова осуществляли три фронта — Воронежский, Степной и Юго-Западный против 4-й танковой армии немцев и «группы Кемпф».

1 августа Жуков осуществляет последнюю проверку готовности войск и командования. Впервые наша армия на таком большом фронте осуществляет мобильные наступательные действия против вермахта, чьи генералы — наиболее признанные мастера таких операций. Ватутин взял на себя 4-ю танковую армию Гота, а Конев — «группу Кемпфа». В 5 часов утра 3 августа произведена пятиминутная пристрелка. Через полчаса орудия начали бить по избранным целям, а часом позже ударили все стволы, завершающими традиционно стали залпы «катюш», которые накрыли ближние окопы. В 8 утра вперед двинулись танки с пехотой на броне, они пробились через германские оборонительные линии за три часа. В 11 утра Жуков отдал приказ наступать 1-й и 5-й гвардейским армиям — их авангардным танковым частям.

На Степном фронте немцы, несмотря на предваряющий артиллерийский ад, сумели задержать наступающие колонны. Но Степной фронт Конева исправил ошибки первых дней и приблизился к Белгороду. 7-я гвардейская армия форсировала Северский Донец южнее Белгорода, перерезая уже упомянутую железнодорожную магистраль, связывающую Белгород с Харьковом. А севернее к Белгороду подошла 69-я армия, и Конев уже был в состоянии штурмовать город. Жуков, видя открывшуюся в германском фронте на линии противостояния с Коневым брешь, ввел в нее 27-ю (Трофименко) и 40-ю (Москаленко) армии. Этот смелый маневр позволил угрожать окружением двух танковых и трех пехотных дивизий. Немцы быстро разгадали опасность и их танки помчались по единственной дороге прочь из планируемого котла. Немецкие штурмовики делали вид, что атакуют советскую танковую колонну, входя в пике над своими же

танками. Но это не сбило с толку начальника артиллерии Воронежского фронта генерал-лейтенанта Варенцова и его орудия нанесли удар, который вывел из немецкого строя примерно пятьдесят танков.

8 августа 1943 года начальник штаба сухопутных сил Германии Цейтцлер прилетел в штаб-квартиру группы армий «Юг» к Манштейну. Тот сказал Цейтцлеру прямо, что существуют две возможности:

- весь Донецкий регион эвакуируется полностью и немедленно;
- ему (Манштейну) придают с различных участков Восточного фронта десять боеспособных дивизий.

Цейтцлер не мог согласиться ни с первым, ни со вторым вариантом. ОКХ не имело лишних дивизий. Цейтцлер тянул время, а время не ждало. Кемпф, находясь в Харькове, мог превратиться в новый вариант Паулюса. Гитлер в особом послании приказал ему сражаться до конца, поскольку сдача Харькова «произведет неблагоприятное впечатление на Болгарию и Турцию». Но Манштейн в данном случае не желал жертвовать армейской группой, трансформированной тем временем в 8-ю армию.

Манштейн ощущает тяжесть складывающегося для немцев положения: «Действия нашей армейской группы в целом не могли быть долговременным ответом на возникшие проблемы. Потери в дивизиях были уже угрожающе высоки, а две дивизии были разбиты полностью в результате преследовавшего их постоянного перенапряжения... Становилось абсолютно ясно, что противник полон решимости использовать все силы против южного крыла германской армии».

Маневр Жукова позволил значительно разъединить 4-ю танковую армию и «группу Кемпф» (которая вскоре станет 8-й германской армией). Советские войска, направляясь на юг и запад, нанесли удар по линии разъединения 4-й танковой армии вермахта и «армейской группы Кемпф». Главным призом стал многострадальный Харьков. Ротмистров приближался к нему с северо-запада, 57-я армия (генерал-лейтенант Гаген) — с юго-востока, а 7-я гвардейская армия шла прямо к городу с северо-востока. Чтобы взять столицу Восточной Украины, Ставка приказала Ватутину перерезать идущие от Харькова железнодорожные пути на Полтаву, Красноград и Лозовую, что он и сделал утром 11 августа. (Все это мало напоминало прошлогодние попытки Тимошенко и героического Городнянского взять Харьков, когда на танках они скакали как на тачанках. Мощь наступления 1943 года говорила об иной армии, иной стратегии, ином отношении к войне и новом умении).

Четвертая битва за Харьков была и последней, хотя Гитлер и приказал драться за него до конца. 19 августа 53-я армия генерала Манагарова

вышла из густых лесов к северо-западу и западу от Харькова. Она первой и вошла в пригороды. Героическая танковая армия Ротмистрова, в которой осталось уже всего 150 танков, отбивала атаки элитных эсэсовских танковых частей, посланных Гитлером с юга. Радостная новость разнеслась 22 августа — разведывательные самолеты сообщили, что из города устремился (пока незначительный) поток в юго-западном направлении. К этим путям отступления была быстро подведена артиллерия 5-й гвардейской танковой армии, советские штурмовики взмыли в воздух. Штурм Харькова начался ночью, горел центр прекрасного города, когда-то выстроенного в столь необычном стиле. К рассвету 23 августа советские войска достигли центра города, и красный флаг был водружен над зданием Госпрома, центральной точки города. В полдень прозвучало официальное объявление об освобождении Харькова — самого большого из освобожденных доселе городов.

Кемпф впал в немилость, 8-ю армию возглавил генерал Волер.

Во время битвы на Орловско-Курской дуге на юге в советском военном руководстве появились новые лица. Генерал-полковник Толбухин покинул Северо-Западный фронт и возглавил Южный фронт со штабом в Новошахтинске. Он посчитал свои 28 стрелковых дивизий (пять армий), плюс 8-ю воздушную армию генерала Крюкина, хорошей ударной силой, и 17 июля 1943 года начал наступление против хорошо укрепленной немцами «Миусской линии», глубина обороны которой доходила до сорока километров. Начальный успех обошелся довольно дорого, и Толбухин запросил Москву разрешения возвратиться к исходным позициям, полагая, что его южная миссия не оправдала себя. Велико же было его изумление, когда Сталин передал благодарность Южному фронту — его жертвы не пропали зря, немцы не смогли перевести под Курск отсюда ни одной дивизии.

Толбухин и Малиновский (выступивший с юго-востока против позиций, защищаемых 1-й германской танковой армией) связали мобильные танковые силы немцев и исключили всякую возможность их выхода к хорошо укрепленным немецким позициям в Харькове и Белгороде. Немцы были вынуждены теперь встать на защиту оккупируемого ими Донбасса, а не думать о прорыве советского фронта ударом с севера. 3-й германский танковый корпус и две танковые дивизии СС начали 30-го июля наступление против Малиновского — здесь, на реке Миус, они добились одного из последних своих тактических успехов на Восточном фронте, захватив (как они утверждают) четыреста противотанковых орудий и около двух тысяч пленных. Но, добиваясь

локальных успехов здесь, Манштейн отвел глаза от того театра боевых действий, который становился главным на всем огромном советско-германском фронте. Германское командование проглядело концентрирование 24 бронетанковых дивизий на стартовых позициях нового наступления в пятистах километрах к северу. Результатом стало освобождение Харькова.

Новая стратегическая картина

Новая картина на советско-германском фронте сложилась в августе 1943 года. От Великих Лук на севере до черноморского побережья на юге на всем протяжении фронта шли жестокие бои, и это теперь было наступлением одной армии против другой, это было самое масштабное по сию пору наступление советских войск против германской армии. В центре против трех советских фронтов (Калининского, Западного, Брянского) в составе германской группы армий «Центр» были пятьдесят пять дивизий. Южнее против пяти советских фронтов (Центральный, Воронежский, Степной, Юго-Западный, Южный) сражались 68 германских дивизий. В целом на Восточном фронте Германия выставила летом 1943 года 226 дивизий и 11 бригад. На прямой линии от Великих Лук до Черного моря стояли 157 германских дивизий. Покорные союзники также поставляли вооруженную силу. Немцы были высокого мнения о финской армии и невысокого о прочих армиях союзников.

По числу дивизий Красная Армия, мобилизовав практически все взрослое население страны, начинает значительно превосходить Остхеер, но семь недель непрекращающейся битвы в июле-августе 1943 года стоили советским войскам огромных потерь. В самой многочисленной советской танковой армии — 2-й — 25 августа насчитывалось всего 265 боевых машин. В армии Катукова было 162 танка, у Ротмистрова — 153. Наши отцы не пожалели этим страшным и великим летом своих юных лет, они горели в танках и гибли в воздухе, форсировали реки, лезли под танки, гибли в окопах. Они ничего не пожалели — смотрите, сколько танков не вышло из боя.

Но в общей обстановке, в настроении и мировосприятии, несмотря на потери, после лета 43-го происходят значительные перемены. Теперь к самоотвержению Сталинграда Курская дуга добавила уверенность, знание, навык, стратегическое видение, великое искусство маневренной войны. Вопрос о том, выстоим ли, уходит из сознания как солдата, так и генерала. Выстоим. Огромную еще заплатим цену, но выстоим. Таков главный итог феноменальной битвы на Орловско-Курской дуге.

Успех под Курском и Орлом подвиг Сталина впервые в течение войны посетить действующий фронт. 1 августа 1943 года он выехал с Ближней Дачи в Кунцево на специальном поезде к ближайшей боевой точке. Закамуфлированный поезд прибыл на Западный фронт. На следующий день

Сталин отправился на более северный участок — посетил Калининский фронт. Он остановился в простом крестьянском доме и не проводил никаких особенных совещаний, конференций и встреч. Краткий осмотр и возвращение в Москву. Размышляя над полученным опытом — или желая произвести впечатление, — Рузвельту он пишет: «Я обязан чаще лично посещать различные сектора фронта».

Спустя два дня после его возвращения в Москву произошло нечто новое. Вечером 5-го августа 1943 года Москва салютовала 122 пушками в честь освобождения Орла и Белгорода. Что отрадно отметить, эта великая победа была достигнута меньшей, чем прежние, кровью. Если Сталинград унес жизни 470 тысяч наших солдат и офицеров, то в битве на Курской дуге почил 70 тысяч человек. Последующий (двойной) прорыв немецкого фронта стоил жизни еще 183 тысяч наших воинов. К этому времени в войне СССР потерял погибшими, ранеными, пропавшими в плен и без вести пропавшими более 4 миллионов 700 тысяч человек. Воистину, Советский Союз выжил только потому что на заводах, фабриках и в сельском хозяйстве работали две трети всего женского населения страны.

Гитлер после «Цитадели» теряет нечто, что прежде так или иначе позволяло ему возвышаться над большинством германских генералов. Он признает неудачу операции под Курском. А ведь в первой половине 1943 года он менее, чем когда-либо, вмешивался в стратегическое планирование профессионалов. Именно они, пресловутые германские военные профессионалы, продиктовали все основные условия. Именно они избрали место битвы, род оружия, характер наступательных операций. Тотальное поражение усилило ненависть Гитлера к высокомерной военной прусской касте, теперь он открыто издевается над профессионалами, погубившими цвет бронетанковых войск Германии. Те платили ему растущей ненавистью. Между августом и декабрем 1943 года последовали пять покушений на жизнь Гитлера. Звериным чутьем Гитлер чувствовал опасность. «В любой момент я могу быть уничтожен преступником или сумасшедшим», — так было сказано еще за полгода до предприятия, осуществленного фон Штауффенбергом. Одиночество — равно как и всевластие Гитлера на вершине политической и военной машины Германии — становится очевидным. Именно в это время даже Гиммлер начинает искать подходы к западным державам. В этом же направлении начинают смотреть Геббельс и Шпеер — наиболее доверенные и приближенные к Гитлеру лица.

Еще важнее то обстоятельство, что поздним летом 1943 года резко ухудшается моральное состояние вермахта в целом. Дисциплина еще не

нарушается, но вера в успех, моральная убежденность, доверительная солидарность офицерского корпуса начинают ослабевать и местами исчезать. Германские войска проходили и отдавали места, которые они еще вчера считали глубоким и надежным тылом, — Брянск, Полтава, Конотоп. Их бесчеловечное озверение достигло еще более высокого пика. Германские войска в бессмысленной ярости жгли и взрывали все то, что было средством жизни и выживания оккупированного населения. Армия агрессора уничтожала западную Россию, но Россия не позволяла делать это безнаказанно, немцы оставляли все больше могил своих солдат. И о наступательных операциях германские генералы вспоминали все реже, все их мысли теперь были заняты нахождением способов замедления своего отступления.

Италия

Получив 19 июля 1943 г. известие о том, что германское наступление в районе Курска и Орла захлебнулось, Черчилль быстро оценил масштаб происшедшего. Все его внимание в это время было обращено к Италии. Самый значительный союзник Германии в Европе переживал глубокий кризис. Фельдмаршалы и адмиралы Муссолини отступали на всех фронтах — в Африке, на Балканах, на Средиземноморье. Наступает момент выхода боев на собственно итальянскую территорию. 9 июля 1943 года западные союзники начали высадку в Сицилии (операция «Хаски»). Пришло время задуматься итальянскому генералитету как о судьбе страны, так и о собственном будущем. Основу этого генералитета составляли северяне, фавориты Пьемонтской династии, которые готовы были поддерживать фашизм лишь до тех пор, пока тот укреплял военную машину страны и поддерживал правящую династию. Но с гибелью значительной части военной элиты, поражениями на всех фронтах, унижительной зависимостью от немцев, угрозой оказаться в стане побежденных военная верхушка Италии начала пересматривать свое отношение к фашизму.

«Хаски» особенно поддерживали англичане. С успехом этой операции они могли рассчитывать на установление своего полного господства в Средиземноморье, на подрыв позиций Муссолини, на поход по итальянскому «сапогу» в Центральную Европу, в Южную Францию и на Балканы.

Гитлер, перебравшийся в Вольфшанце, был весь во власти событий вокруг Курска, когда американский генерал Паттон и англичанин Монтгомери высадились к востоку и западу от мыса Пассеро, начиная тем самым битву за Сицилию. 8 дивизий высадились с моря, 2 — с воздуха. У противостоящего им генерала Гуццони было 12 дивизий, но подлинную силу среди них представляли две германские дивизии (танковая «Герман Геринг» и 15-я дивизия «танковой пехоты» — «панцергренадир»). Это была эффективная сила, хотя и немногочисленная. Паттон двинулся по западной части острова, а Монтгомери — по восточной, отрезавшей немцам путь к итальянскому континентальному «сапогу». Здесь Монтгомери наткнулся на жесткое сопротивление дивизии СС «Герман Геринг». Он не смог подойти к Этне, к дорогам на Мессину и вынужден был отступить на запад. Гитлер послал в Сицилию дополнительно две германские дивизии и специального офицера, задачей которого было «надзирать» над итальянским

главнокомандующим Гуццони.

Только 2 августа Монтгомери и Паттон сумели сомкнуть ряды и начали осуществлять консолидированное давление на северную часть острова. Морские десантные операции поставили итальянцев и немцев в весьма тяжелое положение. Уже 3 августа 1943 года Гуццони начал переправлять свои части на материк, а 11 августа к нему присоединились и немцы. 17 августа союзники вошли в Мессину. Таким образом, спустя тридцать восемь дней после высадки англо-американцев Сицилия была в руках западных союзников. Бои на Сицилии еще продолжались, а Черчилль думал уже о том, чтобы «пробраться по итальянскому сапогу как можно выше», благо хороший плацдарм — базы в Сицилии — этому помогал. Он диктует: «Пусть планировщики немедленно готовят оптимальную схему для высадки на западном побережье Италии с целью захвата порта Неаполь и начала продвижения к Риму, обрывая связи и оставляя позади силы „оси“ в Западной Сицилии... Скажите планировщикам, пусть они бросят свои шляпы через забор, им не нужно бояться массовых потерь. Это работа крайней важности». Премьер закончил меморандум цитатой из «Юлия Цезаря» Шекспира, которая в данном случае могла быть отнесена ко всей антигитлеровской коалиции в июле-августе 1943 года:

В делах людей живет приливная волна,
Которая несет всех в будущее быстро,
Остановившись, бьет отбой она
И скорбно обнажает берег жизни.
Мы в бурном море, парус полон сил,
И мы должны спешить, пока судьба нам дует в спину.
А если остановимся, нас ждет крушенье.

Поражение в Сицилии на фоне орловско-курской неудачи вызвало несказанный гнев Берлина. Гитлер срочно выехал в Италию и встретился с Муссолини, чтобы сказать ему все, что он думает о трусости и вероломстве итальянцев. Потерявший интерес к окружающему, Муссолини рассеянно слушал старшего союзника. Тот пообещал прислать подкрепления и высокопарно упомянул «голос истории», который зовет их обоих. Муссолини же должен был думать уже не о голосе истории, а о собственном спасении.

Неудачный для «оси» ход событий на Сицилии оказал сильнейшее воздействие на итальянское политическое и военное руководство. Уже 25

июля Высший фашистский совет после шестичасовых обличений потребовал ухода Муссолини с поста премьер-министра. Вызванный в королевский дворец, он был арестован. Король Виктор-Эммануил подтвердил его отставку. Диктатора, доставленного на машине скорой помощи, заключили в военный барак. Маршал Бадольо стал новым премьер-министром.

Рузвельт вместе с Розенманом и Шервудом работал в своей летней резиденции Шангри-Ла над очередным радиообращением к стране, когда 25 июля из Белого дома сообщили о низвержении Муссолини. Это известие привело Рузвельта в эйфорическое состояние. Но с ощущением легкости крушения одного из лидеров «оси» пришла и проблема: следовало ли иметь дело с заговорщиками, сместившими Муссолини? Существовало данное полгода назад обещание требовать именно безоговорочной капитуляции. Рузвельт обрушился на прессу, обличавшую короля и придворных интриганов, совершивших дворцовый переворот. Но от этих упреков не исчезал насущный вопрос: будет ли Рузвельт, один из лидеров великой коалиции, иметь дело с королем, который долгие годы успешно сотрудничал с Муссолини, будет ли Рузвельт, высоко вознесший мораль «четырех свобод», иметь дело с назначенным королем премьер-министром маршалом Бадольо, известным как кровавый завоеватель Эфиопии? Все мысли президента были связаны с дипломатическим оформлением крушения Италии. 28 июля 1943 года Рузвельт выступил с очередным радиообращением к стране. «Первая трещина в блоке стран „оси“. Преступный, коррумпированный фашистский режим в Италии развалился. Пиратская философия фашистов и нацистов не выдерживает противостояния». Итальянский флот направился из Генуи в североафриканские порты под контроль союзников.

Вечером 25 июля Черчилль смотрел в Чекерсе фильм «Под звездами Парижа», когда пришло сообщение об уходе Муссолини в отставку. Включили свет, и премьер-министр огласил добрую весть. Все зааплодировали. Выступая в палате общин 27 июля, Черчилль сказал, что выбор находится в руках народа Италии. Если он того желает, то может подписать мир и оживить «свои прежние демократические и парламентские институты». Если же итальянцы позволят, чтобы «немцы пошли своей дорогой в Италии», союзникам не останется выбора, кроме как продолжать войну против Италии «со всех сторон, с севера и юга, с моря и воздуха». При этом главным противником Британии остается Германия. Черчилль информировал Рузвельта 31 июля: «Моя позиция заключается в том, что, как только Муссолини и фашисты уйдут, я буду

иметь дело с любой итальянской властью, готовой принести пользу. Я не имею ничего против признания савойской династии или маршала Бадольо при том условии, что они могут способствовать участию итальянцев в достижении наших военных целей. На пути к достижению этих целей хаос, большевизация и гражданская война. Мы не можем позволить усложнения задач наших войск. Вполне возможно, что после заключения перемирия и король и Бадольо уйдут в небытие и будут избраны новый принц короны и новый премьер-министр. Я бы не спешил с провозглашением права на самоопределение в настоящее время, выходя за рамки того, что записано в Атлантической хартии. Я согласен с вами в том, что мы должны быть очень осторожны и не бросать все имеющееся в общий плавильный тигель». Так он решил для себя проблему «безоговорочной капитуляции», о которой Рузвельт объявил в январе 1942 г. В конкретной ситуации Черчилль не только не требовал никакой безоговорочной капитуляции, но готов был иметь дело практически с любым (кроме Муссолини), политиком в руководстве Италии.

Рузвельт и Черчилль с удовлетворением констатируют гибель за последние 90 дней 85 германских подводных лодок. Немцы прослушивали трансатлантический кабель, и они записали разговор Черчилля с Рузвельтом, в котором премьер говорил, что может ждать предложений о перемирии от итальянцев «только один или два дня», и Рузвельт согласился с ним.

В Италии Черчилль и Рузвельт решили поставить третьего партнера по великой антигитлеровской коалиции — Советский Союз в положение стороны, не принимающей непосредственного участия в решении судьбы повергнутого противника. 22 августа Сталин обратил внимание Черчилля и Рузвельта на то, что «Великобритания и Соединенные Штаты заключают соглашения», а Советский Союз «представлен просто как пассивный наблюдатель... такое положение является неприемлемым и мы не потерпим такой ситуации». По мнению Сталина, следовало создать военно-политическую комиссию из представителей Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов для рассмотрения вопросов, касающихся всех государств, которые пойдут на разрыв отношений с Германией. «Я предлагаю создать такую комиссию, а Сицилию избрать местом ее пребывания». Черчилль почти с негодованием отверг это предложение, представив его едва ли не вмешательством в чисто западные дела. Но история имеет свою иронию, и вскоре предстояло обсуждение вопросов, касающихся выхода из войны Финляндии. Об этом Черчиллю сообщил его собственный Форин-офис 23 августа. Несколько позднее вопрос встал в

конкретной плоскости в Румынии; и в Венгрии прозвучали голоса в пользу выхода из союза с Германией. Наступит время, когда союзники начнут требовать участия в переговорах, касающихся капитуляции Румынии, Болгарии, Венгрии и других союзников Германии. Они будут настаивать именно на том, о чем просил Сталин в случае с Италией.

Даже Антони Иден полагал, что телеграмма Сталина была «не столь уж плохой», хотя Черчилль повторял свои возмущенные комментарии. После более зрелого размышления вечером 24 августа Черчилль сказал, что предвидит «кровавые последствия в будущем». И слово «кровавые» он употребил в прямом смысле. Сталин «неестественный человек, нужно ждать тяжелых последствий». Черчилль телеграфировал Эттли 25 августа 1943 г. «Черное пятно в нынешнее время — это возрастающая настойчивость Советской России».

Черчилль акцентировал опасения Рузвельта в отношении возможностей нежелательной внутренней эволюции Италии. Английская «Интеллидженс сервис» обоими политиками почиталась надежным источником, а она доносила, что крушение фашистских структур власти может привести к социальному взрыву, к укреплению позиций итальянских коммунистов. Черчилль делал вывод: никто не стоит в Италии между монархистами и коммунистами, в стране образовалась опасная поляризация социальных сил. В письме Рузвельту он доказывал: «Если у нас нет возможности немедленно атаковать Германию через Балканы, заставляя тем самым немцев уйти из Италии, мы должны как можно скорее совершить высадку в самой Италии». В это время новое итальянское правительство объявило, что будет продолжать сражаться на стороне Германии, но начало устанавливать тайные контакты с союзниками. Рузвельт и Черчилль поручили Эйзенхауэру принять капитуляцию на значительно более жестких, чем предлагал Бадольо, условиях. Последовал ультиматум, который правительство Бадольо приняло. Эйзенхауэр объявил об этом только 8 августа, когда его войска были уже полностью готовы к высадке в Салерно (окружение Бадольо надеялось на высадку севернее Рима, что защитило бы итальянскую столицу от неизбежных репрессий немцев).

Агония фашистского режима в Италии сохраняла перед союзниками прежнюю альтернативу — требовать безоговорочной капитуляции или вести переговоры с лицами, заместившими Муссолини. 18 августа Рузвельт и Черчилль поручили союзному главнокомандующему Эйзенхауэру оставить идею «безоговорочной капитуляции» и подписать с итальянцами перемирие на компромиссных основаниях. Рузвельт дал Черчиллю убедить

себя в том, что непризнание заменившего Муссолини фельдмаршала Бадольо сделает Италию «красной». Соображения подобного плана привели Рузвельта позднее к признанию правительства Бадольо как воюющего на стороне антигерманских сил союзника. Весь этот период — между августом и октябрём 1943 года Рузвельт упорно искал свой вариант решения итальянской проблемы. Монархия как таковая его не интересовала, он готов был низложить Виктора-Эммануила Второго, но его чрезвычайно интересовала степень американского влияния на страну ныне и в будущем.

13 октября находящееся в Бриндизи правительство Италии объявило войну Германии. Итальянские солдаты присоединились к союзникам в боевых действиях против вермахта в направлении Рима, до которого оставалось полтораста километров.

Гитлер был в Запорожье, когда им «овладело странное чувство беспокойства», и он возвратился в Растенбург. Как и Черчилль, он решил пристраститься к дневному сну. Его разбудили в свете самой неприятной новости — Италия капитулировала. Сообщение о капитуляции Италии подтвердилось и передачей Би-би-си. И итальянский король, и маршал Бадольо дали обещание продолжать войну на стороне Германии, но немцы им уже не верили. Роммель пишет в дневнике 26 июля: «Несмотря на заявление короля и Бадольо, мы ожидаем лишь выхода Италии из войны». Муссолини в машине скорой помощи был послан на остров Понца, «чтобы оградить его от общественной враждебности». Йодль сказал Гитлеру в этот день: «Все фашистское движение лопнуло как мыльный пузырь». Гитлер немедленно приступил к планированию операции «Дубовое дерево», предполагавшей оккупацию Рима и восстановление власти Муссолини. Фельдмаршал Кессельринг получил кодированный сигнал «Ось», что означало приказ разоружить итальянскую армию.

Узнав о высадке западных союзников в Салерно, Гитлер приказал приступить к реализации еще более детализированного плана «Аларих», предполагавшего оккупацию всей Италии германскими войсками. Восемь дивизий немцев сумели стабилизировать ситуацию. Итальянцы сдались почти без сопротивления, немцы сохранили за собой две трети Италии, весь ее индустриальный север, заводы которого готовили для немцев оружие. Кессельринг и Роммель сумели быстро оккупировать страну и создать южнее Рима мощную заградительную линию. Роммель переводил войска через Альпы, чтобы контролировать большие города Северной Италии. Кессельринг во главе 10-й германской армии постарался блокировать союзническую высадку в Салерно. Немцы двигались быстро и

с мрачной решимостью.

Управляемой бомбой немцы потопили итальянский линейный корабль «Рим» — часть флота, отправившегося (согласно условиям капитуляции) на английскую базу на Мальте. Итальянские территории на Балканах теперь контролировались германскими союзниками хорватами. Немцы перехватили и итальянскую зону оккупации в Греции, равно как и Додеканезские острова. Немцы спешно разоружали итальянцев, прежде контролировавших многое в Греции — портовые сооружения, военные базы. Итальянцев депортировали в Германию. К концу ноября 1943 года германская армия и авиация практически контролировала все Эгейское море.

10 сентября немцы оккупировали Рим. Одновременно германские войска покинули Корсику. А в горах Гран Сассо д'Италия капитан Скорцени обманул 250 итальянских солдат, охранявших Муссолини — 13 сентября германский десант захватил арестованного Бенито Муссолини. Удивленный поверженный тиран был восстановлен во власти. В дневнике Геббельс записал: «Дуче не сделал из катастрофы, постигшей Италию, тех моральных выводов, которых ожидал от него фюрер... Он не отомстил предавшим его изменникам... Он — не революционер, как фюрер или Сталин. Он настолько привязан к итальянскому народу, что ему явно не хватает революционной широты в мировом масштабе».

Впервые мы видим вождей нацистской Германии думающими о реальных попытках раскола антигитлеровской коалиции. «Я спросил фюрера, — пишет Геббельс в дневнике 10 сентября 1943 года, — можно ли что-нибудь решить со Сталиным в ближайшем будущем или в перспективе. Он ответил, что... легче иметь дело с англичанами, чем с Советами. В определенный момент, считает фюрер, англичане образумятся... Англичане не хотят допустить большевизации Европы ни при каких обстоятельствах... Как только они осознают это, у них останется выбор лишь между большевизмом и некоторым потеплением по отношению к национал-социализму. Сам Черчилль — старый противник большевизма, и его сотрудничество с Москвой всего-навсего преходящий момент». Вечером 23 сентября Геббельс обедал с Гитлером. «Я спросил фюрера, готов ли он вести переговоры с Черчиллем... Он не считает, что переговоры с Черчиллем приведут к какому-либо результату, поскольку тот слишком прочно находится в плену своих враждебных взглядов и, кроме того, движим ненавистью, а не разумом».

Немцы хорошо осознали, что гористые кряжи и холмы Южной Италии являются идеальным местом для оборонительной операции. Семь

германских дивизий перекрыли Апеннинский полуостров. До 15 сентября существовала опасность того, что немцы вообще сбросят союзников, высадившихся в районе Салерно. Лишь прибытие подкреплений спасло десантный корпус, и союзники начали медленное продвижение на север. Командующий 10-й германской армией фон Витингхоф признал, что соотношение сил достаточно резко сместилось в пользу союзников. Началось отступление к первой из приготовленных немцами линий обороны. 1 октября англичане вошли в Неаполь. Но двухсоткилометровая зона обороны поперек полуострова крепла едва ли не с каждым днем. Началась упорная, кровавая, малоэффективная для наступающих западных союзников Итальянская кампания. 8-я и 5-я армии союзников вначале питали иллюзии относительно быстрого продвижения, но вскоре их оценки стали более реалистичными. Неумение этих армий скоординировать свои усилия было чрезвычайно на руку Кессельрингу. В октябре 1943 года он расположил 3-ю и 15-ю дивизии против 5-й армии союзников, а 1-ю парашютную, 16-ю и 22-ю танковые плюс 29-ю дивизии — на адриатическом фланге. «Герман Геринг» стояла в стратегическом резерве.

Союзная авиация помогала мало. Здесь началась самая кровопролитная в данной войне борьба западных союзников с вермахтом.

Черчилль отводил в будущей Европе Италии особое место. 16 августа 1943 года он продиктовал: «Итальянцы хорошо знают, что английское и американское правительства не желают лишать Италию принадлежащего ей по праву места в Европе». Уже тогда в умозрительных схемах премьера создавалась своеобразная коалиция ослабленных западноевропейских государств во главе с Британией. То была своего рода подстраховка: если в союзе с США вес Британии опустится ниже определенной отметки, то следовало положиться на блок западноевропейских стран.

Рузвельт хотел получить все сразу: поставить под союзные знамена значительную часть итальянской армии и весьма внушительный военноморской флот, — и, ради быстрого утверждения здесь, он готов был сохранить политическую структуру страны. Рузвельт явно страшился возможности анархии на Апеннинском полуострове.

В новых условиях Черчилль предложил Рузвельту пересмотреть общую стратегию в свете поражения Италии. После взятия Неаполя и Рима следует укрепиться на самом узком месте «сапога» и обратиться к другим фронтам. В этом случае одной из альтернатив были Балканы. «Мы оба, — говорил Черчилль, — остро ощущаем огромную важность балканской ситуации», надо послать «часть наших войск на средиземноморском театре для действий к северу и северо-востоку от портов Далмации».

Одновременно предлагались действия возле Додеканезских островов в Эгейском море. На противоположном берегу Адриатики югославские партизаны сковали 34 германские и итальянские дивизии. Англичане послали сюда свою военную миссию с целью приободрить партизан и разобраться в их силах и в их взаимоотношениях. Именно в это время немцы завершают две крупные антипартизанские операции — «Черный план-1» и «Черный план-2», пытаясь окружить главные силы партизан. Пленных не брали. Немцы получили приказ убивать «людей и животных». В ходе этих операций были убиты 16 тысяч югославских партизан.

Рузвельт не считал на данном этапе и в данной военной конъюнктуре политически выгодным выдвижение американских войск на Балканы. Это отвлекало силы с «берлинского» направления (в случае внезапного ослабления Германии). К тому же подготовка удара в гористой местности требовала значительного времени. Существеннее всего: в Москве интерес США и Англии именно к Балканам поймут однозначно. В отношениях «великой тройки» трещина появится раньше времени. Поэтому Рузвельт пока не соглашался на прямой поворот западных союзников с Апеннин на Балканы.

Сталина абсолютно не устраивала та пассивная роль, которую западные союзники предназначали России в ходе итальянского урегулирования. 24 августа он объявил союзникам, что роль «пассивного наблюдателя» для него «нетерпима». Иден и Кадоган пытались убедить Черчилля, что так нельзя — вначале осуждать Сталина за то, что тот отстранился от дел, а затем за то, что тот «грубо присоединяется к вечеринке». Стремление СССР участвовать в обсуждении капитуляции Италии было воспринято Черчиллем и Рузвельтом как указание на то, что Советский Союз, увидев «свет в конце тоннеля» после битвы на Орловско-Курской дуге, стал более требовательным членом коалиции, самоутверждающейся державой будущего. Несомненно, Черчилль катализировал эти настроения Рузвельта летом 1943 года. В конце июня Черчилль говорил послу Гарриману, что Сталин желает открытия второго фронта в Западной Европе для того, чтобы предотвратить появление американцев и англичан на Балканах. (Пройдет всего лишь год, и роли поменяются: теперь уже западные союзники будут требовать от России их участия в румынских делах. Москва им ответит по прочувствованному ею итальянскому сценарию.)

Во все большей степени Рузвельт ощущал недовольство советского руководства тем, что, принимая на себя основную тяжесть войны, СССР не участвовал в важнейших дипломатических переговорах, на которых

американцы и англичане решали в свою пользу вопросы послевоенного устройства. В конце августа 1943 года Сталин написал Рузвельту: «До сих пор все было так: США и Британия достигают соглашения между собой, в то время как СССР информируют о соглашении между двумя державами, как третью, пассивно наблюдающую сторону». Особенно возмутило Сталина то, как западные союзники определили судьбу Италии. Было ясно, что англосаксы намерены решать главные мировые вопросы не привлекая того союзника, который вносил основную плату в мировой битве. Скорее всего, у Рузвельта в эти дни, недели и месяцы были большие сомнения в том, не переиграл ли он. Отзыв Литвинова из Вашингтона (и Майского из Лондона) говорил о серьезности, с какой в Москве воспринимали обращение с СССР как с союзником второго сорта.

Весь мир, в том числе и уже насторожившийся Советский Союз, смотрел за тем, как ведет себя Рузвельт-дипломат с Италией. Если он сегодня договаривается с Виктором-Эммануилом и Бадольо, то завтра он сможет договориться с Герингом.

Возможно, Рузвельт подлил масла в огонь своим выступлением по поводу капитуляции Италии. «У меня нет оснований для беспокойства по поводу того, с кем мы имеем дело в Италии... пока мы не встречаем анархию. Сегодня это может быть король, либо нынешний премьер-министр, либо мэр города или деревни... Мы не можем реализовать принцип самоопределения в первую же неделю, как только они сложили оружие. Другими словами, должен господствовать здравый смысл». С одной стороны, рузвельтовская дипломатия и информационная машина превозносили высокие принципы и единство союзников на основе приверженности им. С другой стороны, генерал Эйзенхауэр откровенно пренебрегал этими принципами, заключая перемирие с Италией на базе договоренности с деятелями прежней фашистской системы. Радио, фильмы, памфлеты и листовки говорили об одном, тайные переговоры американских генералов — о другом.

Мы видим, как параллельно с отчуждением в отношениях с СССР Рузвельт в период между маем и ноябрем 1943 года — как никогда ни ранее, ни позднее — прилагает интенсивные усилия с целью сближения с английским партнером. Напомним, в мае Рузвельт тайно совещался с Черчиллем в Белом доме. В июне Маршалл и Эйзенхауэр вели переговоры с Черчиллем в Алжире. В июле Стимсон обсуждал военно-дипломатические проблемы с Черчиллем в Лондоне.

Если США могут с такой легкостью игнорировать СССР в период важности его для своей безопасности, то почему нельзя представить, что

Вашингтон на определенном этапе пойдет на сепаратный сговор с Гитлером (или с кем-нибудь из его преемников), как уже произошло в случае с итальянским перемирием, когда Америка посчитала Бадольо достойным партнером вне зависимости от того, что о нем говорят и думают другие. Разве на фоне этой сделки фантастичным было представить компромисс на Западе в условиях продолжающейся борьбы на Востоке? Среди военных уже звучали голоса, убеждавшие президента, что Советский Союз неумолимо преследует свои собственные интересы и пора американскому руководству взглянуть на дело трезво: интересы США и СССР диаметрально противоположны, СССР понимает лишь язык силы, США должны обеспечить (теми или иными путями) на момент окончания войны максимально благоприятное для себя соотношение мировых сил. Антирусскую позицию стали разделять видные дипломаты. С их точки зрения, СССР уже сделал свое дело, два года он сдерживал нацистов, значительно обескровил рейх, теперь нужно опасаться его собственного возвышения.

В эти дни боев в Средиземноморье Черчилль определяет то, что он назвал «верной стратегией» на 1944 год. Он выделил две ее части. Первая — максимум продвижения (после Сицилии) в Италии, желательно до реки По, «с получением возможности двинуться либо на запад — в южную Францию, либо на северо-восток, в направлении Вены». Вторая часть стратегии — высадка в Норвегии. «Оверлорд» же использовать как побочную операцию — «я не верю, что 27 англо-американских дивизий достаточны для реализации „Оверлорда“ в свете исключительной боевой эффективности германской армии». В тот же день он поручает Комитету начальников штабов изучить возможности превращения гренландских айсбергов в плавучие аэродромы, массивные и непотопляемые.

Война на Тихом океане

В ночь на 27 июля 1943 года незаметно для американцев японские войска удалились с острова Кыска на Алеутах. Высадившиеся на Кыске американские и канадские солдаты были удивлены незаметным уходом японцев. Но южнее, на острове Новая Георгия они сражались со стойкостью самураев и американцы запросили подкреплений. 1 августа 1943 года японцы бомбили базу американских торпедных катеров на одном из Соломоновых островов, едва не утопив молодого морского офицера — будущего президента Кеннеди. 15 августа 6 тысяч американских солдат высадились на острове Велья-Лавелья. 1 сентября американцы высаживаются на Бейкер-айленд с целью превратить его в опорный аэродром в сердце Тихого океана. 5 сентября 1943 года две тысячи американских и австралийских парашютистов захватили населенный пункт Наздаб в Новой Гвинее. На парашютах спустили и пушки. Японцы отпрянули к Лаэ, который, впрочем, был покинут ими 16 сентября.

За год боев на Новой Гвинее австралийцы потеряли 12 тысяч человек, но постепенно освобождали этот остров. 6 октября американцы высаживаются на центральном из Соломоновых островов — Коломбангара. А японцы 25 октября 1943 года завершают строительство железной дороги Бирма — Таиланд, в процессе постройки которой погибли 16 тысяч военнопленных западных стран. Открыта магистраль, но победного выхода к Индии ожидать было уже трудно. 26 октября новозеландская пехота высаживается на Моно-айленде в гряде Соломоновых островов. Американцы начинают наступление в направлении Бугенвиля. В ноябре они начинают операцию «Гальваник», в ходе осуществления которой высаживаются на атоллах-островах Гилберта, Макин, Тарава и Абемана. Американская бомбардировочная авиация нанесла удар по Формозе. Мы видим, что в Азии, как и в Европе, период пика угрозы начинает проходить. Для дипломатии это означало необходимость обратиться к будущему.

Бег к Днепру

По немецким данным, с начала войны по 31 августа 43-го года вермахт потерял на Восточном фронте 548 480 солдат и офицеров. Более двух миллионов были ранены. Геббельс пишет в дневнике: «Удивительная вещь, каждый возвращающийся с Восточного фронта солдат считает себя выше большевистского солдата, но мы, тем не менее, постоянно отстаем. Советская сторона в состоянии публиковать списки своих побед каждый день». Гитлер впервые ставит перед Остхеер не наступательные, а оборонительные цели. Такого еще не было. 11 августа он соглашается с идеей Ostwall — создания огромного по протяженности Восточного вала, протянувшегося от ленинградских предместий, Орши и Гомеля на севере, по берегу Днепра и восточнее до Керчи. Эта супероборонительная линия получила название «линии Пантеры». Сюда — на великую стройку — предполагалось согнать рабов со всей Европы и под руководством германских офицеров соорудить неприступные оборонительные позиции. Вермахт придет в себя, военная промышленность произведет типичные немецкие чудеса, в руках Берлина будут Украина и Белоруссия — их эксплуатация (от людских резервов до никопольского марганца) даст новую энергию рейху. Впервые Гитлер ограничивает себя на Востоке, он впервые не верит в военно-наступательное решение. 8 сентября Гитлер прибыл в штаб группы армий «Юг» — в Запорожье. Манштейн обрисовал неприглядную картину ослабления позиций вермахта. Гитлер не ощутил прилива сил и упреки в саботаже надобностей Восточного фронта его угнетали. После полудня он улетел и никогда уже не был на территории СССР.

Накал битв в районе Курска, Белгорода и Харькова был столь велик, что в последующие недели все советские танковые армии были отправлены в тыл на переоснащение и пополнение. И хотя в сентябре они были очень нужны на огромных, раскинутых от Заполярья до субтропиков фронтах, бронетанковая мощь была практически исключена из боевых действий. Нуждалась в воссоздании своих сил и артиллерия. На протяжении всех огромных фронтов артиллеристы в ходе битвы под Курском получили почти двадцать семь миллионов снарядов и мин, но они использовали за это время сорок два миллиона снарядов. Не всегда обращают внимание на работу железной дороги, но она в ходе Орловско-Курской операции подверглась — особенно в прифронтовых районах — такому бомбовому

удару, что только время и невероятные усилия могли поставить ее обратно на ноги.

Сталин же был уверен, что скорость, с которой немец дошел до пригородов столицы и волжских берегов, предполагает возможность и реальность столь же быстрого отступления. Наверное, ему припоминался опыт 1920 года, когда поляки в мае взяли Киев — а в августе Красная Армия (Сталин был на южном фланге наступающей армии) подошла к Варшаве. Так и сейчас Сталин предполагал, что самоуверенные немцы решающим образом перенапряглись. У них нет стратегических резервов. У них — во время самой страшной войны на выживание — самый высокий в Европе жизненный уровень! Они авантюрно играют со своей судьбой, они будут наказаны. Сталин видел в качестве продолжения операции, в ходе которой блистательно был взят Харьков, — выход на берег Днепра. Сталин хотел буквально одним ударом возвратит Донбасс и плодородные поля Украины, он хотел лишит германское руководство возможности стабилизировать свое правление на оккупированных территориях. Он требует движения до Киева. Конечно, если представить себе высадку западных союзников в обещанных августе-сентябре 1943 года, то Гитлеру пришлось бы бросить на Запад минимум 50–60 дивизий — ведь рейх был почти пуст в 1943–1944 годах — и тогда продвижение советских войск было бы упрощено.

На советской южной части фронта собираются грандиозные силы. Буквально изнемогающая страна выставляет 2633 тысячи человек на пяти фронтах — Центральном, Воронежском, Степном, Юго-Западном, Южном. Здесь 2400 танков, 2850 самолетов, 51 тысяча орудий. Это значительно больше того, что имеют здесь после Курска немцы — полтора миллиона человек, две тысячи танков. Впервые у вермахта меньше, чем у противостоящей стороны, самолетов.

Итак, несмотря на ожесточение летних боев, Красная Армия в период между концом августа и началом сентября 1943 года берет на себя решение огромных задач сразу после взятия Харькова. Воронежскому фронту поставлена задача двигаться в направлении Полтавы и Кременчуга, выйти к Днепру и даже захватить плацдарм на его западном берегу. Центральный фронт идет в направлении Хутора Михайловского, достигает в начале сентября Новгорода-Северского, заходит на Киев и даже, если обстоятельства будут благоприятствовать, до Чернигова. Степной фронт дойдет до Днепропетровска и создаст плацдармы на западном берегу великой реки. Юго-Западный и Южный фронты пробьются до Запорожья и Херсона, овладев южным течением Днепра.

Такие крупные партизанские объединения, как отряд Ковпака, активизировались летом 1943 года, проводя весьма существенные операции на правобережной Украине. Отряды Федорова, Сабурова, Наумова были лишь частью партизанской борьбы, на которую очень рассчитывали в Москве. Из штаба (расположенного на фронте Ватутина) руководитель украинского партизанского движения Строкач готовил нечто вроде второго издания «рельсовой войны». Киев, Кременчуг и Днепропетровск должны в решающее время стать недосягаемыми для германского снабжения из рейха.

Во исполнение задуманного Центральный фронт (Рокоссовский) начал наступление 26 августа силами трех армий. Особенно успешными были действия 60-й армии генерала Черняховского, который, после недельных боев, вышел к реке Десне на довольно широком фронте. Паника немцев была ощутима в том, что они начали выводить свои расположенные южнее танковые силы, чтобы не оказаться оруженными ударом Черняховского с севера. На юге Южный фронт Толбухина взял Таганрог. 2 сентября 1943 года 3-я гвардейская армия Юго-Западного фронта Малиновского форсировала реку Северский Донец, а 8 сентября освобожден Донецк, столица Донбасса.

Жаркий август сменился золотым сентябрем, в воздухе застыла паутина. В свете быстро меняющейся обстановки Ставка и Генштаб 6 сентября приказывают Центральному фронту продолжить движение в направлении Чернигова (с видами на Гомель). Воронежскому фронту — взять Переяславль и подойти к Киеву с юга. Степному фронту — взять Кременчуг. Спешат подкрепления: Воронежский фронт Ватутина получает 3-ю гвардейскую танковую армию и 1-й гвардейский кавалерийский корпус; 61-я армия отходит к Центральному фронту Рокоссовского; Конев (Степной фронт) получает 37-ю армию из резерва и 5-ю гвардейскую армию (Жадов) от Малиновского.

Главная цель Жукова на этом этапе — уничтожить старую знакомую — 4-ю танковую армию Гота, один из самых эффективных инструментов вермахта. Он отправляет против нее едва оправившуюся танковую армию Катюкова. К 14 сентября северный фланг фельдмаршала Манштейна (группа армий «Юг»), прикрывающий столицу Украины, начинает поддаваться. 4-я танковая армия Гота разделена на три фрагмента. Обычно хладнокровный Манштейн уведомляет Гитлера о значительном ухудшении его положения на северном фланге. У наступающих советских армий возникает большой шанс, дорога на Киев почти не прикрыта. Черняховский увеличил плацдарм на западном берегу Десны (он немедленно становится

фаворитом Сталина). 15 сентября его 60-я армия входит в Нежин — Гоголь был бы доволен. А южнее правофланговые армии Ватутина обходят Полтаву и прижимают восемь германских дивизий к шевченковскому Каневу. И Тарас Григорьевич был бы доволен.

Этот смертельный бег к Киеву полон драматизма. Возможно, у Черняховского был шанс, повернув на юг, отрезать значительную часть отступающих немецких войск (до 13 дивизий). Но Жуков, по собственным причинам, не санкционировал такой поворот, и Черняховскому с его четырьмя корпусами было приказано 18 сентября сомкнуться с правым флангом Ватутина, с его 38-й армией, чтобы вместе выйти к Днепру у Киева. Итак, 60-я армия Черняховского пошла не на юг, а на север, укрепляя позиции 38-й армии, перед которой ставится задача захвата берега Днепра севернее украинской столицы. Днепр становится всеобщей целью, и почти все фронты в беге к нему показали, что 43-й — это не 41-й год. Центральный фронт Рокоссовского прошел почти 250 километров, форсировал Десну южнее Чернигова и его передовые отряды вышли к великой славянской реке, символу единства России, Белоруссии и Украины, 21 сентября. В последующие дни на днепровские берега вышли соседи Рокоссовского. В ночь на 22 сентября передовые части 3-й гвардейской танковой армии с ходу постарались пересечь Днепр. А южнее пленитель Паулюса Шумилов со своей 7-й гвардейской армией пересек Днепр ночью 25 сентября у Кременчуга. На следующий день к Днепру вышел Юго-Западный фронт Малиновского, его 6-я армия закрепились на двух правобережных плацдармах южнее Днепропетровска. В ход шло все: подготовленные партизанами плоты, импровизированные понтоны, лодки всех размеров и конфигураций.

Представляется, что мы присутствуем при практическом повороте в течении войны. Да, на Курской дуге Красная Армия понесла жестокие потери. Но то, что она сумела сразу же за взятием Харькова не только не остановиться в изнеможении, но начать наступление против лучших сил вермахта и в течение месяца с небольшим выйти к Днепру, говорит о том, что война решительно изменила свой характер. В частности, это сказывалось в том, что получает развитие военно-воздушная разведка. Советское командование получает «глаза», оно начинает детально ориентироваться в состоянии противника, в перемещении войск противника, в слабых местах его обороны. В период рывка к Днепру это обстоятельство проявило себя впервые внушительным и эффективным образом.

Бедой советских войск была все еще недостаточная организованность,

согласованность, слаженность. В этой славной гонке к Днепру наступающие армии быстро обгоняли службы снабжения, и страдания вследствие этого были велики. К примеру, строители мостов безнадежно отставали от тех, кто доблестно пробивался к берегу великой реки. Танкисты страдали от отсутствия горючего, войска по много суток не имели более или менее нормального питания. И все же войска, прошедшие ад Прохоровки и Харькова, неукротимо рвались на Запад. Партизаны поднимали с днепровского дна затопленные немцами баржи, ремонтировали их и танки переправлялись на высокий правый берег. 9 сентября Ставка специально указывает на необходимость форсировать реки с хода. Она оповещает о наградах, которые ждут прорвавшихся первыми уже за Десну. Командующие армий получают орден Кутузова первой степени, командиры корпусов — Кутузова второй степени. За форсирование Днепра у Смоленска и южнее обещалось звание Героя Советского Союза.

Советские войска к последней неделе сентября создали двадцать три плацдарма на западной стороне Днепра — большие и малые, от нескольких сотен метров до тридцати километров. Особенно внушительным выглядел плацдарм у Букрина (глубиной 15 километров к 24 сентября). Чтобы укрепить и расширить его, Жуков решает выбросить воздушный десант. Его осуществлением командует генерал-майор Затевахин. Воздушные силы (Голованов) обеспечивают транспортно-бомбардировочной авиацией — 50 транспортных самолетов ПС-84, ночные бомбардировщики Ил-4 (150 единиц) и Б-25. Ночью 26 сентября 3-я воздушно-десантная бригада начала операцию: 296 воздушных вылетов обеспечили посадку 4575 человек, но они опустились весьма разбросанными по большой территории, а немцы увидели опасность с неба. Самая большая группа (600 человек) действовала в тылу немцев в районе Канева. У них была простая и тяжелая задача — держаться в этом насыщенном немцами районе до прихода 40-й армии. Это весьма трагическая история. Парашютисты действовали отдельными группами, в октябре они ушли в Черкасские леса и воссоединились со своими только ночью 14 ноября.

Смоленск и после

Противник в ходе летних битв стоял опасно близко к столице. Ставка ставит задачу перед Калининским фронтом (Еременко) и Западным фронтом (Соколовский) осуществить продвижение на западном направлении, нанести поражение группе армий «Центр» и освободить Смоленск. Перед двумя этими фронтами стояли, по советским оценкам, сорок германских дивизий. Наиболее мощными их элементами были 3-я танковая армия вермахта, 4-я армия, часть 2-й танковой армии. План был таков: Западный фронт в начале августа наносит удар в направлении Ельни и, в случае успеха, движется на Рославль. Вместе с Калининским фронтом они освобождают Дорогобуж и поворачивают на Смоленск. От Ставки координатором битвы за Смоленск назначен был маршал артиллерии Воронов.

Эта первая попытка пробиться на запад по ближайшей прямой не была удачной. Дни за днями шли в кровавых боях, на юге вершились большие дела, а два ближайших к Москве фронта недалеко ушли от первоначальных позиций, и Ставка приказала приостановить операцию. Второй план действий на смоленском направлении был создан 22 августа. Теперь Западному фронту предписывалось наступать не на Рославль, а на Ельню — и она была наконец взята 28 числа. Еременко бросился вперед, но и герою Сталинграда не светила удача, и после двух недель безрезультатных боев Ставка снова приказала остановиться. Третья — и решающая — фаза наступила 15 сентября 1943 года — это наступление было подготовлено лучше. На следующий же день взято Ярцево, много русской крови пролито там. 17 сентября Баграмян берет Брянск и Бежицу — Брянскому фронту приказано постараться зайти в тыл группе армий «Центр». 10-й армии Попова следует как можно быстрее выйти на реку Сож. И ослабленные летней кампанией немцы, наконец, поддаются: взят Рославль и открывается дорога на Смоленск.

Утром 25 сентября 1943 года после длительной и кровопролитной операции старинный Смоленск очищен от немцев. Варвары сожгли старинный город дотла. А земля здесь особенно обильно полита кровью — первые атаки Соколовского загасили люфтваффе (организовавшее тщательное слежение за движением его войск) и поднаторевшие с декабря в оборонительных боях немцы. Логика последних была единообразна: при таких потерях Россия не может стоять в боевом строю долго. Главный

просчет немцев в этой страшной войне. Прежде чем германские генералы поняли, что сможет, вермахт уже потерял всякий шанс. Важно было то, что в боях за Смоленск и округу два фронта связали 55 немецких дивизий — в тот момент, когда основная масса советских войск отчаянно рвалась к Днепру.

Несколько дней в начале звонкого октября на огромном фронте стояло затишье. Но склонились над картами генералы, теперь в Ставке думали только о двух славянских столицах — матери городов русских Киеве и столице самоотверженной Белоруссии Минске. Их нужно было освободить своими силами — именно в это время, в ходе московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании Москва узнала 29 октября о том, что даже весна 1944 года не является окончательным сроком высадки западных союзников в Европе, что возможно «смещение даты на один-два месяца». Огромным контрастом прозвучало обещание советского правительства начать войну против Японии «спустя три месяца после окончания войны в Европе». Это обещание было выполнено, как известно, пунктуально. Характерно, что Гитлер именно в это время требует от посла Осимы «сохранять угрозу Советскому Союзу с востока».

Сталин явно чувствует себя увереннее. Он пообещал западным союзникам помощь на Тихом океане — значит, он уверен в будущем на германском фронте. Молотов предлагает меры, явно направленные на приближение финала войны в Европе: заставить Турцию вступить в антигитлеровскую коалицию, потребовать у Швеции права воспользоваться ее военно-воздушными базами с целью более интенсивных бомбардировок Германии.

А в Германии впервые оторопело начинают воспринимать шаги Советской Армии как явственное приближение к границам рейха. Генерал-полковник Цейтцлер пишет своей жене: «Ад опустился на Восточный фронт». Гитлер впервые открыто санкционирует общее отступление. Так называемая активная оборона превращается в постоянный отход. 26 октября фельдмаршал Клейст без санкции командования отдал приказ оставить Крым, но Гитлер вечером того же дня отменил это распоряжение. Геббельс пишет в своем дневнике, получив сообщение о гибели 20 тысяч советских солдат под Житомиром: «Когда же это кончится! Советы имеют резервы, о которых мы никогда и не мечтали, которые не могли себе представить даже в своих самых пессимистических оценках».

А в Освенцим прибыл новый врач — Йозеф Менгеле, 32 года. Он начал опыты над людьми, в ходе которых погибли тысячи заключенных.

Всегда безупречно одетый в медицинскую белую форму, всегда в белых перчатках, Менгеле едва заметным движением стека отбирал «способных к работе» и безнадежных, которым была уготована газовая камера. Окружающие прозвали его «ангелом смерти». Тысячи и тысячи людей зависели от мановения руки этого садиста. Вспышки болезней он «лечил» своим путем; узнав о случаях тифа, он немедленно послал 1042 цыган в газовые камеры. Но что-то начало говорить и нацистским вождям, что время их безнаказанности уходит. Летом 1943 года Гиммлер принимает решение создать особую группу № 1005 для сокрытия следов массовых захоронений, для сожжения жертв массовых убийств. Специальные инспекторы находят, что гигантские крематории Освенцима слишком хорошо видны. Вокруг начинается посадка быстрорастущих деревьев.

Вашингтон и конференция в Квебеке

Рузвельт пока не считал на данном этапе и в данной военной конъюнктуре политически выгодным смещение направления действий американских войск на Балканы. Это отвлекало силы с «берлинского» направления (в случае внезапного ослабления Германии), к тому же подготовка удара на гористых Балканах требовала значительного времени. Пожалуй, существеннее всего: в Москве интерес США и Англии именно к Балканам поймут однозначно. В отношениях «великой тройки» трещина появится раньше времени. Поэтому Рузвельт пока не соглашался на прямой поворот западных союзников с Апеннин на Балканы. «Операции на Балканах должны быть результатом появления новых возможностей, к которым мы должны быть готовы», т. е. ситуацию на Балканах нужно будет использовать по мере возникновения новых шансов, но нельзя их было делать главным фронтом для Запада. Это позиция уберегла антигитлеровскую коалицию от преждевременных потрясений.

Черчилль обсуждал с Рузвельтом принцип действия будущей международной организации. Как записал А. Гарриман, «Черчиллю была по душе идея скорее очень широкой и неопределенной ассоциации, чем жесткого формального договора». Это должна была быть ассоциация «достаточно гибкая, чтобы приспособливаться к историческому развитию». Элеонора Рузвельт заметила, что такое понимание ослабило бы всю концепцию ООН в целом. Премьер-министр не согласился с ней. «Любая надежда ООН покоится на лидерстве, являющемся производным от интимности связей США и Британии, преодолевающих непонимание русских — а также китайцев». Общая схема послевоенного мира была для Черчилля достаточно проста: США и Британия составляют силовую основу мира, другие великие державы — СССР (в первую очередь) и Китай приспособляются к англосаксонскому руководству. У Черчилля были большие сомнения в отношении Китая — «ему еще предстоит стать нацией». Подлинной проблемой будет лишь Россия.

Среди всех забот военного времени тогда — летом 1943 года — одна воспринималась Вашингтоном и Лондоном как требующая внимания, коррекции, дополнительных усилий, — зашедшие в тупик дипломатические отношения с СССР. Западные союзники предлагали Советскому Союзу заплатить страшную цену. Зная о степени напряжения на советско-германском фронте, они хладнокровно смотрели на

миллионные жертвы СССР. Первоначально они обещали открыть второй фронт в 1942 году, потом в 1943 году, а теперь без особых извинений перенесла свои планы на неопределенное будущее. Могло ли это не сказаться на искренности, на прочности союза, которому предстояло не только победить в войне, но и стать основой послевоенного урегулирования? Что, очевидно, также действовало на советское руководство — это с легкостью излагаемые мотивы о миллионах избирателей польского происхождения, в то время как миллионы советских людей находились на грани гибели.

Еще один вопрос вставал во всем объеме. Война началась для СССР вторжением немцев по проторенной дороге, по которой прежде шли французы, поляки, шведы. И даже в самое отчаянное время, в конце 1941 года, советское руководство думало о будущих западных границах страны. Оно обратилось к американскому правительству, которое в свете пирлхарборского опыта могло бы понять СССР как жертву агрессии. Важнейший знак — тогда Рузвельт не ответил на письмо Сталина. Что должны были думать в Кремле об американских союзниках? А ведь от Вашингтона просили лишь фиксировать статус кво ante. Прекращение помощи в 1943 году усилило негативные стороны восприятия союзника. В Москве теперь могли резонно полагать, что американцев и англичан в определенной мере устраивает ослабление России, теряющей цвет нации, мобилизующей последние ресурсы.

Именно тогда, в тревожные дни накануне сражения на Курской дуге, союз дал трещины, сказавшиеся в дальнейшем. Факт отъезда Литвинова из Вашингтона и отказ от встречи с Рузвельтом говорили о наступившем в Москве разочаровании. Вашингтон и Лондон в своем долгосрочном планировании допустили существенную ошибку. Они довели дело в советско-западных отношениях до той точки, когда идея «четырех полицейских», тесного союза США с СССР, Англией и Китаем оказалась подорванной. Нельзя было — без последствий для себя — оставлять Советский Союз вести войну на истощение в течение полных двух лет, с 1942 по 1944 год. Нельзя было думать о двух-трех миллионах избирателей, игнорируя легитимные нужды безопасности великой державы. Встретить Красную Армию на советских границах — это стало казаться Черчиллю (и отчасти Рузвельту) политически привлекательным. Мы видим влияние подобных идей в дискуссии с Объединенным комитетом начальников штабов 10 августа 1943 года: президент выказал явный интерес к Балканам, куда, по его словам, англичане хотят попасть раньше русских. Хотя он не верит, что русские желают установить свой контроль над этим регионом, «в

любом случае глупо строить военную стратегию, основанную на азартной игре в отношении политических результатов».

Что касается Китая, то, как пишет американский историк Дж. Бернс, Рузвельт «хотел подготовить Китай к получению первостепенной роли в послевоенном мире так, чтобы тот стал членом высшего совета мировой организации и помог привести азиатов к новому мировому партнерству». Рузвельт видел в Китае осто́в своей новой азиатской политической структуры. Рузвельт начинал готовить почву для того, чтобы США сменили Англию в качестве главного представителя Запада в Азии и на подступах к ней. В середине 1943 года Рузвельт смещает фокус своего внимания на Средиземноморье. Овладение Италией представлялось ему верным способом получения надежных гарантий встать у руля европейской политики при решении судьбы Европы.

К этому времени американская армия выросла (после трех лет мобилизационных усилий) с полумиллиона человек до четырех с половиной миллионов и к концу 1943 года должна была составить 7,5 млн. Новая сила означала новую значимость в коалиции. Новую коалиционную стратегию следовало обсудить с англичанами. С Черчиллем была достигнута договоренность о встрече в Канаде. Рузвельт направился в Канаду 17 августа 1943 года.

Черчилль опасался, что американцы откажутся активно действовать в Средиземном море; если представители высшего советского руководства найдут общий язык с американцами, тогда англичане «могут остаться в одиночестве». В повестке дня Черчилля в августе 1943 года стояли две главные задачи: контроль в Европе и сохранение британской империи. Высадившись в Галифаксе, Черчилль направился в Квебек поездом. По прибытии в город Квебек премьер получил телеграмму от Сталина с поздравлениями по поводу победы на Сицилии и с согласием на трехстороннюю встречу.

Во время квебекской конференции Рузвельт и Черчилль жили в царящей над городом и рекой Святого Лаврентия цитадели. Их помощники расположились в Шато Франтенак, где и происходили рабочие заседания. Оба лидера немедленно поздравили Сталина с взятием Харькова: «Поражения германской армии на этом фронте образуют вехи на пути к окончательной победе». Черчилль послал Сталину стереоскоп и слайды с видами разрушений, причиненных британской авиацией германским городам.

В американской делегации Стимсон и Маршалл настаивали на подчинении всего прочего главной цели — разгрому Германии. Стимсон

недавно вернулся из Лондона, и ему был хорошо известен идейный багаж, с которым приехал в Канаду Черчилль, поэтому он жестко сказал Рузвельту: «С рациональной точки зрения, мы не можем надеяться на поражение нашего германского врага, если будем находиться под британским командованием». Сталин никогда не поймет осуществляемую Западом тактику осторожных действий, для него они всегда будут имитацией активности.

Самым насущным вопросом Квебекской конференции был «Оверлорд» — высадка в Нормандии. Как преодолеть Ла-Манш? Генерал Исмей вспоминает: «Если бы неожиданный посетитель зашел в ванную комнату Черчилля, то увидел бы тучную фигуру в цветастом халате, сидящую на стуле в окружении тех, кого американцы называют „бронзовые шлемы“, т. е. высших военных чинов. В одном конце ванны адмирал, опустив руку в воду, изображал бурное море, а бригадный генерал показывал, как будет устроен волнорез. Случайный посетитель едва ли поверил бы, что перед ним британское верховное командование изучает самую масштабную в мировой истории высадку войск».

Рузвельт, видимо, к концу лета 1943 года приходит к заключению, что кунктаторство в Европе ставит под угрозу попытку США глобализировать свое влияние. Решимость президента теперь уже не откладывать высадку во Францию была сразу же видна всей английской делегации. Настаивать на дальнейшей отсрочке броска через Ла-Манш стало для Лондона опасно. Как понял быстро ориентирующийся в ситуации Черчилль, добиться своих собственных целей англичане могли, лишь осторожно настаивая на необходимости получения контроля над Италией. В результате Черчиллю удалось «оставить» задачу продвижения на север Италии в списке обязательных операций 1944 года, хотя главной задачей под мощным на этот раз напором американцев была названа высадка союзных войск во Франции 1 мая 1944 года. Более того, Рузвельт после трудных дебатов добился от партнера по коалиции согласия на высадку в Южной Франции вскоре после основного десанта на севере страны. Было решено, что в Европе совместным контингентом войск будет командовать американец (предполагалось, что генерал Маршалл), а в Юго-Восточной Азии английский адмирал Маунтбеттен. Обиженный генерал Брук, которому раньше было обещано командование в Европе, пишет: «Совершенно очевидно, Уинстон сдался, несмотря на все прежние обещания. Он спросил меня, что я чувствую, и я ответил, что ничего кроме замешательства».

Рузвельт, пожалуй, также впервые здесь всерьез говорит об операциях на Балканах. Что будут делать западные союзники, если немцы примут

решение отступить к оборонительным рубежам по течению Дуная? Президент сам отвечает на свой вопрос: «Самым безотлагательным делом является подготовка нами балканских дивизий, особенно состоящих из греков и югославов, действующих в своих собственных странах». У президента были большие сомнения не в отношении принципиальной возможности появления западных союзников на Балканах, а в отношении конкретных возможностей реализовать этот замысел. С его точки зрения, такая операция отвлекла бы западных союзников от действий на центральном — «берлинском» — направлении. Гораздо удобнее было бы положиться на вооруженные Западом местные дивизии. И нет сомнения, что президент говорил в данном случае о получении этими дружественными «балканскими» дивизиями контроля на Балканами именно до прихода русских.

Второй по важности вопрос — отношения с Россией. Черчилль размышлял о контактах с Красной Армией на ее левом фланге — у англичан появлялся шанс получить зону влияния в Турции и на Балканах. Он обсуждал с военными вопрос о возможности помощи СССР в освобождении Крыма, о высадке десанта в Румынии, об овладении контролем над Дарданеллами. Это был бы «самый эффективный способ протянуть нашу правую руку России». Черчилль в эти дни размышлял о том, о чем он позже предпочел забыть: «Очевидно, что русские недовольны нынешним статусом проливов, и я не думаю, чтобы они забыли о обещанном им нами в предшествующей войне Константинополе».

Чтобы иметь дипломатический буфер в значительно охладившихся отношениях с СССР, Рузвельт и Черчилль выдвинули идею созыва представителей внешнеполитических ведомств трех великих держав. В начале сентября 1943 года президент убедил А. Гарримана стать его полномочным представителем при советском правительстве — он выдвинул задачу обсуждения с советским руководством послевоенных планов. В послании, направленном в Москву 4 сентября 1943 года, Рузвельт снова предлагает Сталину встретиться в Северной Африке после 15 ноября.

Третий важнейший вопрос — ядерный. Черчилль и Рузвельт пришли к соглашению о сотрудничестве на всех стадиях реализации атомного проекта. Решающим было то обстоятельство, что Рузвельт пришел к выводу: в великой послевоенной четверке две державы будут ядерными — США и их ближайший партнер, это придаст Америке прочность тыла, свяжет ее надежными узами с крупнейшей западноевропейской страной. «Если Россия выйдет из войны, приближаясь к овладению атомной бомбой,

и выявит намерения расширенного контроля в европейской зоне, Англия могла бы эффективно противостоять ее планам», — полагали американцы в Квебеке. Рузвельт и Черчилль в Квебеке подписали секретное соглашение: 1) никогда не использовать атомное оружие друг против друга; 2) не использовать его против третьей стороны без согласования взаимных позиций; 3) не сообщать атомных секретов третьей стороне без взаимного согласия; 4) ввиду преобладающего участия США в проекте, американский президент определяет общую политику в данном вопросе; 5) в Вашингтоне создается Комитет по объединенной политике, именно в его рамках будет происходить обмен закрытой информацией. В официальной истории Комиссии по атомной энергии говорится: «Оба — и Рузвельт и Черчилль — знали о роли, которую играл в их дипломатии тот революционный прорыв в технологии, который по своей значимости превосходил даже кровавую борьбу против нацизма». Теперь Англия и Америка стали атомными партнерами. «Я очень благодарен, — писал Черчилль Гопкинсу тремя неделями позже, — за всю вашу помощь в обсуждении вопроса и его удовлетворительном решении».

На фоне советско-американского отчуждения лета 1943 года, когда США копили силы, а СССР сражался за национальное выживание на Курской дуге, американо-английское согласие в атомных делах говорит о строе мыслей западных союзников. Создавался союз, защищенный готовящимся «сверхоружием», для осуществления западного варианта послевоенного устройства. Обе стороны наметили стратегию дальнейшего ведения войны против стран «оси». Было решено в начале лета 1944 года начать вторжение в Западную Европу. Были очерчены контуры итальянской кампании.

И все же Черчилль боялся закрепления положения «младшего» союзника. К тому же неподвижность в отношении Востока была чревата опасностями. Имея все это в виду, 3 сентября 1943 г. Черчилль предложил Сталину и Рузвельту встретиться в Эдинбурге или Лондоне. Предлагалась следующая повестка дня: «Что делать с Германией после ее поражения? Если делить оккупационные территории, то как?» Премьер-министр ставил также более широкий вопрос: «Будут ли в мире зоны влияния? Или англо-американцы, как и русские, будут „играть по всему полю“»? Разумеется, счел нужным указать с самого начала Черчилль, «не может быть никаких сомнений в том, что мы заинтересованы во всех частях мира. Мы не можем закрыть глаза на события в любом из регионов мира, потому что даже из отдаленных региональных процессов могут возникнуть предпосылки новой войны».

В Квебеке Рузвельт говорит Черчиллю, Идену и Маккензи Кингу (премьер-министру Канады) о том, что нуждается в Китае «как в буферном государстве между Россией и Америкой». Президент без обиняков заявляет также о том, что подобная буферная зона ему нужна и в Европе. Это новый нюанс. Все более ясно, что дни Германии и Японии сочтены, что Советский Союз победоносно выходит в Центральную Европу, что контакты с СССР напряжены из-за саботажа Западом открытия второго фронта, что США могут еще долго быть заняты Японией, в то время как СССР пока не дал обязательства выступить на Дальнем Востоке и мог бы иметь возможность после победы над Германией развязать себе руки в Европе.

Договоренность о встрече

Теперь антигитлеровская коалиция производила военной продукции в три раза больше, чем страны «оси». Поток военной продукции через Атлантику значительно превысил потопляемый немцами тоннаж. Битва за Атлантику была выиграна. Военное производство США в 1943 году превысило показатели годичной давности на 83 процента. И все же, как считал Рузвельт, «мы все еще далеки от достижения наших главных целей в войне... Достижение этих целей потребует еще большей концентрации нашей национальной энергии, нашей изобретательности и искусства».

Американская пресса критиковала главным образом государственный департамент. Авторитетный военный обозреватель Дрю Пирсон заявил в печати, что глава госдепартамента Корделл Хэлл «давно известен своими антирусскими настроениями». Выступая по радио, этот же обозреватель обрушился на главных помощников Хэлла, на ведущих лиц госдепартамента: «Адольф Берль, Джимми Данн, Брекенридж Лонг хотели бы на самом деле, чтобы Россия подверглась как можно более обильным кровопусканиям, — и русские знают это». Государственному секретарю пришлось приглашать советского поверенного в делах А. А. Громыко для опровержения обвинений. Хотя все требования формальной дружественности были соблюдены, в отношениях двух величайших стран антигитлеровской коалиции царило жестокое похолодание. Летние битвы 1943 года в центре России Советская Армия вела собственными силами. Определенное увеличение материальных поставок по ленд-лизу не могло служить достаточным прикрытием хладнокровного калькулирования Белого дома.

Рузвельт в конце августа 1943 года размышлял, не слишком ли далеко он зашел в отчуждении с главным воюющим союзником. В беседе с главой католической церкви в Америке — кардиналом Спелманом Рузвельт говорит, что Черчилль — неисправимый романтик, а они со Сталиным — реалисты. Лучше заведомо согласиться на советскую разграничительную линию в восточной Польше, Прибалтике, Бессарабии, Финляндии. «Лучше согласиться с ними великодушно... А что мы можем сделать?» Воевать с Россией Америка и Британия не намерены. Рузвельт, собственно, был готов, что при определенных обстоятельствах зоной влияния России станет Венгрия, Австрия, Хорватия. Он был очень впечатлен производительностью военной индустрии России. «Русское военное

производство столь велико, что американская помощь, за исключением грузовиков, едва ощутима». В начале сентября президент, как уже говорилось, убедил Аверелла Гарримана переехать в качестве посла из Лондона в Москву, сделав его своим полномочным представителем при советском правительстве. Рузвельт выдвинул задачу обсудить с советским руководством послевоенные планы сторон. Возникла идея личного обсуждения этих вопросов со Сталиным. В послании, направленном в Москву 4 сентября 1943 года, предлагается встреча в Северной Африке после 15 ноября.

Происходит своеобразное тектоническое смещение. Немцы остановлены под Курском, они отступают к Днепру. Возникает передышка и — впервые — благоприятные перспективы для продвижения советских войск на Запад. В этой ситуации, говоря уже не с позиции слабости, советское руководство ответило на американское предложение о встрече согласием. Тому было много причин, но важнейшие — опасение негативных результатов напряженного состояния коалиционных отношений (1) и явное стремление прервать традицию англосаксонских союзников решать основные вопросы между собой (2). Ответ Сталина поступил к Рузвельту 8 сентября. В нем содержалось предложение встретиться «большой тройке» в Иране в ноябре — декабре 1943 года.

На столе Рузвельта лежал датированный октябрём 1943 года доклад начальника ОСС (Отдела стратегических служб) У. Донована, в котором американская разведка считала, что СССР склонен к договоренностям, не питает сепаратных намерений, может быть лояльным партнером.

После несомненного успеха «разведки боем» на московской конференции, где Соединенные Штаты представлял госсекретарь Хэлл, Рузвельт хотел лично удостовериться, что дела на важнейшем участке его дипломатической борьбы идут в нужном направлении. Двадцать первого октября Рузвельт прощупал, как будет действовать жесткий подход: «Я не могу выехать в Тегеран». Президент предложил встретиться в Басре, на берегу Персидского залива. «Если вы, я и мистер Черчилль не сумеют ныне договориться из-за нескольких сот миль, это обернется трагедией для будущих поколений». В конечном счете решающим оказалось то обстоятельство, что Рузвельт, обдумывающий мировую диспозицию сил и готовящий дипломатический ответ на вопросы столь обещающего для Америки завтрашнего дня, оказался больше заинтересованным во встрече и потому уступил советской стороне. Восьмого ноября телеграмма Рузвельта уведомила Сталина, что географические маневры окончены и президент направляется в Тегеран.

У Рузвельта появилась довольно любопытная идея совместного с СССР военного планирования. Он предложил Черчиллю встретиться вдвоем в Северной Африке и пригласить туда Молотова вместе с советской военной миссией, делегированной советским Генштабом. Именно этого Черчилль боялся более всего. До сего момента лишь англичане были допущены на высшие военные советы американцев, они были привилегированными ближайшими союзниками и не желали терять своего положения ни сейчас, ни в грядущие годы. Черчилль категорически выступил против «идеи приглашения советского военного представителя для участия в заседаниях наших объединенных штабов... Этот представитель заблокирует все наши дискуссии... 1944 год полон потенциальных опасностей. Крупные противоречия могут проявиться между нами, и мы можем взять неверный поворот. Или мы снова пойдем к компромиссу и рухнем между двумя стульями. Единственная надежда заключается в созданном климате доверительности между нами... Если этот климат исчезнет, я полон отчаяния за ближайшее будущее».

Рузвельт, не желая отчуждения англичан в момент ключевых встреч с русскими, отошел от идеи военных консультаций, хотя, нет сомнения, они были бы тогда очень полезными в любом случае. Ситуация на фронтах требовала такой координации. Военная необходимость вошла в противоречие с дипломатической стратегией (в данном случае англичан). Рузвельт сожалел о неудавшемся. Он говорил в эти дни, что присутствие русского генерала на совещаниях было бы лучшим способом укрепить доверие советской стороны к союзникам на решающей фазе войны и дипломатии. «Они бы больше не чувствовали, что их обводят вокруг пальца».

Обдумывая свою политику на послевоенный период, Черчилль в сентябре 1943 г. все более открыто начинает говорить о союзе англоязычных народов, о том, что Великобритания и Соединенные Штаты разделяют общую концепцию того, что «справедливо и достойно». Обе страны стремятся к «честной игре», разделяют «чувство беспристрастной справедливости и прежде всего любовь к личной свободе». Черчилль всячески превозносит «божий дар общего языка» — бесценное орудие для создания нового мира. Он говорит в эти дни даже об образовании общего гражданства между Соединенными Штатами и Великобританией. «Мне хотелось бы верить, что англичане и американцы будут свободно пересекать океан, не думая, что они иностранцы, приезжая друг к другу». Такой союз открыл бы безбрежные перспективы для «расширения того пространства, где говорят на нашем языке».

Черчилль предложил сохранить объединенный англо-американский комитет начальников штабов после войны «ну, скажем, еще на 10 лет». (Черчилль объяснял Эттли, Идену и Объединенному комитету начальников штабов, что это «его самая любимая идея»). Сохранение объединенного комитета штабов дало бы обеим странам «огромные преимущества». Предусматривался обмен офицерами в военных колледжах, система совместной подготовки войск, обмен новыми видами оружия, результатами новых исследований, «общее использование военных баз, фактическое взаимосплетение двух стран». В третий раз в своей жизни сталкиваясь с проблемой нарушения европейского баланса в ущерб Британии, Черчилль полагал, что делу может помочь лишь привлечение крупнейшей неевропейской страны.

В телефонном разговоре 10 сентября 1943 г. с Иденом, Черчилль сказал, что «наши отношения с русскими развивались бы лучше, если бы вначале мы сумели обеспечить тесные связи с американской стороной. Очень важно для нас не позволить русским пытаться каким-либо образом сыграть на противоречиях с Соединенными Штатами». Черчилль отмечал растущее влияние побед СССР на расстановку сил, возникающую в Италии, где западные союзники пока не владеют контролем над всей ситуацией. Но более всего Черчилль считал в этом смысле взрывоопасной зону Балкан. Здесь он предвидел возможность быстрых и резких перемен в Венгрии, Румынии и Болгарии, «которые открывают доступ к Дарданеллам и Босфору для русских».

Идену, отправляющемуся в Москву, Черчилль сообщил о своей беседе с новым советским послом Гусевым. «Я сказал ему о нашем желании сотрудничать с Россией, быть с нею друзьями, что мы видим, какое большое место она займет после войны, и мы приветствуем это и сделаем все возможное, чтобы укрепить хорошие отношения между ними и Соединенными Штатами». Самое большое раздражение у Черчилля вызывало выдвигаемое Москвой пожелание присутствовать на заседаниях англо-американского объединенного комитета начальников штабов. Здесь дело касалось самых дорогих для Черчилля материй, здесь он готов был стоять до конца. И ничто не настораживало его больше, чем те операции, которые предусматривали хотя бы косвенное взаимодействие американской и советской сторон.

Именно имея в виду возможность усиления Советского Союза, Черчилль указал Идену 6 октября 1943 года: «Я не знаю, в каком состоянии будет Германия после окончания войны, но мы не должны ослаблять ее до крайней степени — мы можем нуждаться в ней против России». Как

записала одна из стенографисток, члены кабинета министров были «поражены до ужаса, услышав все это». Черчилль очень хотел, чтобы Иден узнал в Москве, «что русские действительно думают о Балканах, и поэтому он задал ему следующий вопрос: Будет ли их привлекать возможность нашей инициативы в Эгейском море с целью включения Турции в войну и открытия Дарданелл и Босфора... Заинтересованы ли они еще в высадке во Франции?»

Московская конференция

Московская конференция министров иностранных дел трех великих держав, состоявшаяся в октябре 1943 года, имела, вопреки мрачным предсказаниям, определенный успех. Идя навстречу западным союзникам, СССР предложил создание трехсторонней комиссии для подготовки создания всемирной организации — в 1943 году это было даже более серьезным шагом, чем предлагавшаяся западными союзниками декларация о намерениях в этом вопросе. Английскую делегацию на этой встрече министров иностранных дел более всего интересовали вопросы мирного урегулирования с Италией — здесь были затронуты главные интересы англичан — обеспечение связей с отдельными и уязвимыми частями империи через Восточное Средиземноморье. Хэлл же зондировал почву создания института «четырех полицейских», четырех главных сил послевоенного мира, он был занят выработкой декларации четырех великих держав (трое представленных плюс Китай) о послевоенном мировом устройстве. Желая скрепить межсоюзническое сотрудничество и приблизить день открытия «второго фронта», советская сторона согласилась подписать указанную декларацию. С той же целью Сталин сделал поразившее Идена и Хэлла обещание выступить против Японии после победы над Германией.

Выступая в Мэншн-хаузе 9 ноября 1943 года, Черчилль предупредил, что «не наступило еще время для расслабления, для светлых мыслей о радостях мира и победы». В руках Гитлера еще находятся четыреста дивизий. Черчилль особо отметил роль в текущей войне Советского Союза. Хотя «в Сицилии и Италии Великобритания имела честь внести преобладающую долю и заплатить самую большую цену», в то время как американцы, австралийцы и новозеландцы осуществили «блестящие операции» на Дальнем Востоке, «я рад признать и даже провозгласить, что самым выдающимся событием этого примечательного года является победоносное продвижение русских армий от Волги к западу через Днепр, освобождение, как сказал маршал Сталин, двух третей русской земли от завоевателя». В ходе этой борьбы «русские советские армии нанесли глубокие удары по общей структуре германской военной мощи. Устрашающая чудовищная машина германского могущества и тирании преодолена и разбита русской доблестью, военным искусством и наукой».

Однако с этого времени (осень 1943 года) в стратегии Черчилля

начинает просматриваться еще один элемент. Черчилль прохладно относится к высадке в Северной Франции уже не только потому, что следует экономить силы и дать выдохнуться СССР и Германии. Он видит, что военный баланс на Западе очень быстро начинает смещаться в американскую сторону. Англичан и американцев уже трудно было назвать равными союзниками. Американцы становились главной силой западной коалиции, поскольку их превосходство в наземных войсках становится преобладающим и дальнейшее накопление их сил лишь еще более умаляло роль Лондона. Черчилль же, разумеется, не хотел становиться «слишком уж» очевидным младшим союзником. Мы видим, как в это время, находясь на пути к Тегерану, Черчилль начинает позволять себе критические замечания в адрес американской политики. В своем дневнике Иден записывает впечатления Черчилля об американском президенте и методах его руководства: «ФДР является очаровательным джентльменом из провинции, но методы бизнеса, деловые методы у него почти отсутствуют. Так что Уинстон обязан постоянно перехватывать инициативу там, где возникает необходимость. Я был поражен исключительным терпением, с которым он это делал».

Глава пятнадцатая

Тегеранская конференция

Немцы обращаются к своим разведывательным аналитикам. В середине октября генерал Гелен подготавливает доклад о соотношении сил Германии и России «к концу 1943 года». Вид у доклада чисто немецкий — с множеством карт, графиков, статистики. Главный вывод доклада открыто пессимистичен, такого еще не бывало: «Итак, в будущем советско-русский противник превзойдет Германию в отношении людской силы, оборудования и в области пропаганды». Предполагать, что русские останутся в своих боевых операциях, — самоутешение. Без малейших сомнений можно предсказать («mit Sicherheit»), что наступающей зимой последует мощное новое наступление. Гелен предсказывает трансформацию имеющихся бригад в 78 новых, реформированных дивизий; создание 126 стрелковых корпусов, 5 танковых армий, 24 танковых корпусов, 13 механизированных корпусов, 80 независимых танковых бригад, 106 танковых полков, 43 полков самоходной артиллерии, 6 артиллерийских корпусов, 26 артиллерийских дивизий, 7 дивизий «катюш». Последовавший после Сталинграда год произвел глубокий поворот в пользу русских. Сталинград сам по себе был крупнейшим военным событием, но убийственные сражения под Курском поглотили значительную долю боевой мощи германских танковых армий. Мощь вермахта начала ослабевать. Крупномасштабные наступления против России для германской армии теперь исключены.

А рейх продолжает геноцид. 4 октября 1943 года Гиммлер выступает в Познани перед командирами войск СС: «Большинство из нас знает, что означает видеть перед собой сотни трупов, лежащих рядом, пятьсот или тысяча трупов. Быть замешанными в этом и в то же время оставаться достойными товарищами, вот что делает нас такими твердыми. Такую страницу в нашу историю еще никто не вписал, подобная страница никогда более не будет написана... Что происходит с русскими или чехами — мне абсолютно безразлично. Живут ли другие народы комфортабельно или они гибнут от голода, интересует меня только в той мере, в какой мы нуждаемся в них как в рабах для нашей культуры. Если 10 тысяч русских женщин гибнут от голода, копая для нас танковые траншеи, то меня это интересует только с точки зрения готовности этих траншей для Германии. Мы, немцы,

являемся единственным народом на земле, который достойно относится к животным, мы можем занять достойную позицию и в отношении человеческих животных, но было бы преступлением против нашей собственной крови проявлять о них заботу и передавать им наши идеалы». 6 октября Гиммлер там же развивает затронутую тему: «Что же относительно женщин и детей? Здесь есть совершенно ясное решение. Какой смысл уничтожать взрослых, позволяя оставаться жить мстителям — их детям расти среди наших детей и внуков?» На следующий день в Освенцим привозят 1260 детей.

Но Москва все увереннее смотрит в будущее. Советские власти в октябре 1943 года договариваются с группой пленных немецких генералов (Зейдлиц, Латман, Корфес) о создании Союза немецких офицеров, которому Сталин обещает, в случае крушения Восточного фронта Германии из-за покушения офицеров вермахта на Гитлера, гарантировать германские границы 1938 года, разрешить существование вермахта и не «большевизировать» Германию. Очевидно, что Сталин высоко оценивает произошедшее под Курском, он говорит и с западными союзниками и с пленными немцами другим языком, гораздо более уверенно и спокойно, чем прежде.

На следующей фазе войны советские фронты меняют теперь навечно вошедшие в нашу национальную историю имена. Воронежский фронт становится 1-м Украинским, Степной фронт — 2-м Украинским, Юго-Западный фронт — 3-м Украинским, Южный фронт отныне — 4-й Украинский. Ватутинский (1-й Украинский) фронт ориентирован на киевское направление. Коневский (2-й Украинский) и 3-й Украинский Малиновского — на Кировоград — Кривой Рог. И в Кремле и в Вольфшанце смотрели прежде всего на Киев.

Погода осенью 1943 года была исключительно туманной, изобилующей дождями. Низкие облака нависли над советско-германским фронтом скорбным осенним пейзажем. Не погасло только солнце, зажженное летними победами. Стояли еще осенние месяцы с их распутицей, но ощущение, что «зима наша», согревало душу. Зима нового года будет очень отличаться от двух предшествующих. За спиной фронтов многие километры от Волги и Кавказа. Только на севере положение дел на карте и в реальности не очень отличалось от первой мрачной зимы, здесь — на Ленинградском и Волховском фронтах противостояние двух сторон как бы замерло. Решающие события осенью 1943 года происходят в битве за Днепр.

Немцы еще не привыкли отступать. У них даже в сложившейся

сложной ситуации было представление, спокойное и твердое, что русские могут загнать очередного Паулюса с парализованной инициативой в Сталинград, они могут стоять насмерть как под Севастополем и Курском, но они слабы в наступательных операциях, требующих высшей организованности и профессионального навыка. При этом у Манштейна в группе армий «Юг» немало сил — 37 пехотных и 17 танковых дивизий. Он ведет бои в четырех секторах: в районе плацдарма Красной Армии у Запорожья; плацдарма у Кременчуга; плацдарма близ Днепропетровска; севернее Киева. Наиболее активны два средних фронта (2-й Украинский Конева и 3-й Украинский Малиновского), они как бы охотятся за ударной силой вермахта — 4-й танковой армией Гота и 8-й германской армией.

Беспокойство Манштейна вызывает прежде всего мощный плацдарм на западном берегу Днепра — от Черкасс до Запорожья — восемьдесят километров в глубину и более трехсот километров в ширину. Коневу совсем недавно придали немного подлечившуюся, теперь уже знаменитую 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова. Чувство, что в войсках есть сила, которой все по плечу, воодушевляет и окрыляет. Такую воодушевляющую роль начинают играть соединения, подобные армии Ротмистрова (хотя численность танков в средней дивизии стала в два раза меньше даже уровня тяжелого 1942 года). Приближаясь к Днепру, Ротмистров поделил свой небольшой (фактически отряд) на три части и включил ложную запись в эфире, словно к реке идет огромная полнокровная армия.

ОКХ приказало в районе двадцатикилометровой полосы по восточному берегу Днепра создать полностью «стерилизованную» зону. В ее пределах немцы уничтожили все строения и увели все живое. В грабеже принял участие целый ряд германских ведомств, таких как Организация 4-летнего плана Геринга, Осткомиссариат Коха, Организация Заукеля и другие.

Сталин пообещал первым, кто форсирует Днепр, звание Героя Советского Союза. Идут дни, и теперь уже не менее сорока плацдармов создано на западном берегу. Немцы окружили большинство плацдармов, но сбросить в воду их защитников они уже не могли. Новая армия привыкает воевать с выдумкой. Именно так Конев и строит свой план от 7-го октября: его основные силы с плацдарма пойдут на Пятихатку и Кривой Рог, отсекая дорогу тем немецким силам, которые сопротивляются Малиновскому у Днепропетровска. Жадов бросился в бой 15 октября (5-я танковая еще стояла в Полтаве 10 октября, но быстро подтянулась). На плечах самоотверженной пехоты Ротмистров вышел вперед и через четыре дня

мучительного марша по хорошему украинскому чернозему (превратившемся в непролазную осеннюю грязь) вошел в Пятихатку — крупный транспортный узел. Еще четыре дня — и Ротмистров на окраине Кривого Рога. Но здесь сработала немецкая организация. Одиннадцатая танковая дивизия немцев использовала фактор измотанности советских танковых частей (особенно пострадал 18 танковый корпус) и заставила Ротмистрова отступить по улицам неосвещенного украинского Кривого Рога. Но и без захвата Кривого Рога Конев начал осуществлять функцию угрозы окружения немцев в Днепропетровске.

Малиновский в октябре споткнулся о Запорожье, которое Гитлер приказал защищать всеми возможными силами. Взять с ходу город не удалось, немцы серьезно укрепили пригороды. Три армии во главе с 8-й армией Чуйкова (бывшая легендарная 62-я) штурмовали Запорожье с помощью 270 танков и летчиков 17-й воздушной армии в ночь на 13 октября. При этом у Чуйкова были мощные соседи — 12-я гвардейская армия шла с севера, а 3-я гвардейская — с юга. Немцы взорвали дороги, ведущие к славному Днепрогэсу, но не имели альтернативы уходу. Немцы очень хотели полностью уничтожить Днепрогэс, они задействовали тяжелую авиацию и спецотряды уничтожения. Частично им удалось взорвать гордость пятилеток. Но они не могли воспрепятствовать взятию Днепропетровска. Теперь, имея в руках Запорожье и Днепропетровск, Малиновский мог лучше координировать свои действия со 2-м Украинским фронтом Конева, снова устремившимся к Кривому Рогу.

На юге 4-й Украинский фронт Толбухина наметил взятие Мелитополя, обходя «восстановленную» немцами 6-ю германскую армию. На острие его удара стояли 5-я ударная, 2-я гвардейская и 44-я армии. Октябрь прошел в сложных боях, и только 24 октября 51-я армия Крейзера ворвалась в Мелитополь. Германская 6-я армия создала внушительные оборонительные позиции вокруг Никополя с его необходимым германской промышленности марганцем. Штурмовать эти позиции было чрезвычайно болезненно, но тем самым 6-я армия как бы отрывалась от оккупирующей Крым 17-й германской армии, чей северный фланг в результате оказался открытым. Этой армии Гитлер приказал стоять до последнего — иначе советская авиация, используя крымские аэродромы, будет бомбить бесценные нефтяные месторождения вокруг Плоешти.

Лишь в начале ноября части Толбухина пересекли в нескольких местах Сиваш, отделяющий Крым от материка. А в Керчи высадился десант Северокавказского фронта генерала Петрова (бесстрашного и неброского героя Одессы, Севастополя, кавказских перевалов). Петров успел очистить

Тамань и теперь появился в Крыму близ Керчи. Еще памятна была Керченская трагедия 1941 года, но на этот раз не было прежней растерянности и отсутствия ориентации.

В Кремле теперь думали скорее не в масштабах территорий, а в поиске силовых центров вермахта. Умы стратегов занимала 4-я танковая армия Гота — важнейший северный элемент германской группы армий «Юг». Жуков (и Манштейн) считали ее боеспособность одним из решающих элементов войны. Дважды Ватутину не удавалось выманить ее на Букринский плацдарм рядом с Киевом. Теперь Ватутин задумал встретить ее на созданном к северу от Киева Лютежском плацдарме. Имитируя на Букринском плацдарме чрезвычайную активность, Ватутин двумя днями позже бросил основные силы во главе с 3-й танковой армией севернее Киева, великого города, матери городов русских.

В ужасную непогоду, презрев все мерзости поздней осени, 3-я армия Рыбалко видела, как инженерные войска совершают величайший подвиг, завершая строительство мостов через Днепр. Напротив Лютежа германская авиация отчаянно бомбила последний пригодный мост. В общем и целом немцы не верили, что плацдарм у Лютежа, окруженного непроходимыми болотами, способен служить трамплином для широкомасштабного удара. И когда в самом конце октября, благодаря героизму военных мостостроителей, танки Рыбалко вырвались на западный берег, их уже ничто не могло остановить. На букринском плацдарме красовались художественно исполненные модели, подлинные машины стояли на Лютежском плацдарме. Ватутина, разместившегося в просторном подвале старого дома в Новопетровцах, Ставка безжалостно торопила: «Операции на правом фланге фронта не должны затягиваться, поскольку каждый потерянный день играет в пользу противника, позволяя ему сконцентрировать свои силы посредством использования своих хороших дорог, в то время как наше движение происходит на разрушенных противником дорогах». Киев следует взять за 48 часов.

Известно, что мы за ценой не постоим. После залпов из 2000 орудий и 50 «катюш» (неслыханная концентрация артиллерийского огня) блистательный Черняховский бросился с Лютежского плацдарма со своей 60-й армией утром 3 ноября 1943 года. На следующий день не посрамила себя, вопреки обрушившемуся ненастью, 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко. За день пройдено семь километров в глубину германской обороны. В атаке танкисты включали сирены и передние фары, что в мраке осенних ливней особенно действовало на противника. 60-я армия Черняховского обошла Киев с юго-запада, а Москаленко уже сражался в

пригородах. Когда окружение стало почти неизбежным, 7-й германский корпус стал покидать Киев. В 4 утра 6 ноября «мать городов русских» была освобождена. Немцы приложили руку к тому, чтобы город имел устрашающий вид. Люфтваффе бомбило незащищенные кварталы, германские подрывники взрывали мирные здания. Но главный город вольной Украины снова стал свободным. Военный совет 1-го Украинского фронта сообщил в ставку: «С безграничной радостью мы докладываем вам, что приказ освободить славный город Киев, столицу Украины, выполнен войсками 1-го Украинского фронта. Город Киев полностью освобожден от фашистских оккупантов».

Ватутин продолжил движение на запад и юго-запад — 12 ноября взят Житомир, а 17-го Черняховский освободил Коростень, что имело стратегическое значение — была перерезана главная железнодорожная магистраль между группами армий «Центр» и «Юг». Неутомимый Рыбалко продолжал наводить на немецкие оборонительные позиции ужас. Все искусные маневры Манштейна привели только к тому, что левый фланг и центр фронта Ватутина заняли оборонительные позиции, но правый фланг, ведомый Черняховским, продолжал движение на запад.

Немцы могли вынести многое, но не потерю связи между двумя группировками армий, и Манштейн, концентрируя свои войска, отбивает Коростень и Житомир, восстанавливает связь с группой армий «Центр». 28 ноября Ватутин переходит к сугубо оборонительным операциям. Непролазная грязь не менее артиллерии и авиации связала наступательные порывы с обеих сторон. В наступающей зиме только неутомимый ум Жукова, представлявшего на этом фронте Ставку, готовит серию дальнейших наступательных операций. (Речь шла об уничтожении немецких войск в районе Бердичева-Казатина, выходе к Южному Бугу, изгнанию немцев из Коростеня.) Теперь Ватутину грех было жаловаться, его фронт насчитывал 452 тысячи человек, 1100 танков, 750 самолетов, 6 тысяч орудий (66 стрелковых дивизий, 2 танковые армии и одна воздушная армия.)

У Жукова был свой Карфаген — «4-я танковая армия должна быть уничтожена». Именно она держала ось боевой мощи группы армий «Юг», без нее войска Манштейна можно было разъединить на части. (Как раз в это время Гитлер отзывает Гота, почти три года возглавлявшего эту танковую армию). Манштейн переживает не лучшие дни, он не видит особого смысла в бесконечном маневрировании, судьбу войны так решить в свою пользу нельзя. Местные победы ничего не решали в стратегическом смысле, и это удручало Манштейна более всего. Перед ним был противник, полный решимости, имеющий ресурсы эту решимость воплотить в

конкретные операции, руководимый теперь уже опытными и стратегически мыслящими генералами. В мрачном настроении противостоит Манштейн Ватутину под Киевом и Коневу на подступах к Кривому Рогу и Кировограду. Приказ Гитлера всеми возможными средствами сохранить под германским контролем Запорожье, Днепропетровск, Кременчуг, Киев не выполнен. В ноябре 1943 года Манштейн получил долгожданные подкрепления — одну пехотную и две подремонтрованные танковые дивизии, две танковые дивизии из резерва ОКХ и одну новую танковую дивизию. Но сложности прибытия, отсутствие синхронности и общая обстановка отступления смазали эффект пополнения.

Но немцам все же удастся сохранить 1-ю и 4-ю танковые армии, получить новые танки из рейха. 8-я германская пехотная армия прикрыла их и создала свой опорный пункт в Черкассах. Противостоящий Конев нанес лишь несколько беспокоящих ударов, в основном он был занят увеличением Днепропетровско-Кременчугского плацдарма на запад и юг. Наступившие с декабром холода в значительной мере погасили активность танковой армии Ротмистрова, но ослабили и немцев — всем было известно, чей наступает сезон. Выражением последнего послужило окончательное взятие, после тяжелых уличных боев, облюбованных немцами Черкасс. Теперь 2-й Украинский фронт выходил на стратегический простор и был готов к решению задач стратегического масштаба. В Москве задумываются над тем, чтобы окружить и ликвидировать группу армий «Юг» целиком, тогда решение задачи освобождения всей Украины стала бы гарантировано. Для этого необходимы согласованные действия всех четырех украинских фронтов — этому потоку Германия уже мало что могла противопоставить.

Решение на юге стало возможным благодаря ослаблению германской группировки «Центр» на протяжении октября и ноября 1943 года. Между Витебском и Гомелем, а также севернее Невеля наносится удар, резко осложняющий связи группы армий «Центр» с группой армий «Север». В ноябре 1-й Прибалтийский, 2-й Прибалтийский и Западный фронты начали скоординированную операцию, целью которой являлось взятие Витебска, хорошо укрепленного немцами. Наступали по трем классическим направлениям — с севера прибалтийские фронты пытались выстроить дугу, заходящую за Витебск, по центру Баграмян бился в немыслимых болотах, с юга Западный фронт Соколовского двигался в направлении на Оршу — Могилев. (Мог ли думать царь Николай, что его ставку в Могилеве русские войска будут штурмовать с востока?) Белорусский фронт Рокоссовского шел в направлении Гомеля-Бобруйска, ориентируясь, прежде всего, на взятие Минска. Немцы взяли Минск за неделю, понадобилось

более двух лет, чтобы советские войска приблизились к нему с востока. Но это была уже другая армия, и лучше всего в данной ситуации это понимали немцы.

Переход через не очень широкий на его пути Днепр позволил Рокоссовскому после месяца тяжелых боев взять Гомель 26 ноября 1943 года. Ожесточение уличных боев в Гомеле было исключительным. Германские генералы понимали, что присутствуют при решающем повороте истории. Если они не остановят восточного противника сейчас, то будущее уже не сулит им ничего хорошего. А левый фланг Рокоссовского пересек Березину — когда-то Наполеон после Березины оставил все помыслы укрепиться в России. Немцами владело своего рода жесткое оцепенение. На что они надеялись? Главным образом на то, что огромные потери (это происходило на глазах у немцев) остановят подъем восточного гиганта, некая критическая масса его потерь ослабит советский порыв, и восточный колосс, задохнувшись, остановится. По крайней мере, такие надежды питал Гитлер и его ближайшее окружение. Если германская армия стала слабее по мере продвижения на Восток, то почему этого не должно было случиться с Россией в ее движении на Запад? И тогда произойдет германский вариант Сталинграда. Или его фельдмаршалы не учились у Людендорфа, пролившего столько крови на русском фронте, пока, наконец, русские не низложили царя и всех других, кто хотел воевать против германской армии, воткнув в Брест-Литовске штык в землю?

Пока группа армий «Центр» держалась за стратегический треугольник Жлобин — Рогачев — Бобруйск. Здесь пять германских дивизий построили внушительную оборонительную линию. Наступила пауза, стимулируемая вязкой мокрой погодой в стране болотистых лесов. В советских руках была часть Восточной Белоруссии, но стоящий на пути к Минску Витебск пока еще прочно находился в германских руках. Дороги связывали его с германскими линиями коммуникаций и германские войска здесь хотели вести войну по-научному.

Зима 1943 — 1944

Оценка Генштабом сил противника сводилась к тому, что более 60 процентов вермахта и его вооружения были задействованы на Восточном фронте. Речь шла о 236 дивизиях (25 танковых, 18 моторизованных), общей численностью 4 миллиона 906 тысяч (706 тысяч войск германских союзников). Вермахт на Восточном фронте был оснащен 5400 танками и самоходными орудиями, 54 тысячами пушек и минометов, 3 тысячами самолетов.

Советская армия впервые после лета 1941 года имела ощутимое численное превосходство. В ее составе насчитывались 5 миллионов 568 тысяч военнослужащих (резерв — 419 тысяч) объединенных в 480 дивизий; в их руках были 5628 танков, 8818 самолетов. В состав Красной Армии входили 80 артиллерийских дивизий, 35 бронетанковых корпусов. Обычно пехотная армия состояла из 3–4 корпусов с приданными им артиллерийскими бригадами. Ударные армии включали в себя части с большим опытом боев. К концу 1943 года на фронте были примерно шестьдесят армий, среди них пять ударных и пять танковых. Артиллерия, согласно тенденции последних лет, концентрировалась в больших соединениях. В артиллерийской дивизии обычно было примерно 200 орудий среднего калибра и 100 — большого. Ставка держала свой резерв неприкосновенным, памятуя о несчастьях прошлых лет, когда прорыв противника было нечем закрыть. В резерве Ставки были пять пехотных армий, две танковые и девять бронетанковых корпусов.

Германское командование во многом исходило из важности природных и людских ресурсов захваченных стран. В начале ноября 1943 года министр вооружений рейха Шпеер передал Гитлеру и Цейтцлеру список металлов, наиболее необходимых для функционирования военной промышленности Германии. В документе Шпеера указывалось, сколько месяцев может продержаться военная промышленность без данного металла: марганец — 19 месяцев; никель — 10 месяцев; вольфрам — 10,6 месяцев; молибден — 7,8; кремний — 6,4; хром — 5,6 месяцев. Это означало, что как ни важен для рейха Никополь с его марганцем, но наибольшую ценность представлял добываемый только в Турции хром. Следовательно, сохранение контроля над Балканами жизненно важно для военной машины Германии. (А Никополь сохранялся в руках немцев до 18 февраля 1944 года.) По мере приближения зимы германская армия теряла не только

ископаемые, но и моральную твердость. Распространялась убежденность в том, что удачи впереди уже не будет, что война проиграна, что мытарствам нет конца. Это через год у части войск появится пафос обороны фатерлянда, а сейчас германская армия обреченно откатывалась по печальным осенним равнинам России.

В письмах домой солдаты пишут об однообразном пейзаже, о постоянной нехватке горючего, о численном превосходстве противника, об опасности, поджидающей за каждым углом. Майор Кройц из 182-й дивизии: «К концу месяца мы наконец получили замену и батальон новых пушек. Прибывшие — молодые ребята из тренировочных барачков с несколькими офицерами и младшим командным составом, видевшими боевые действия в Италии. Они не жалуются на холод. Огонь у них горит день и ночь, и они все рубят на дрова. Я резко поговорил с ними, и один из них ответил, что столбик термометра опустился до минус десяти, разве это нормально? Я сказал ему, что скоро он будет считать себя счастливым, когда термометр покажет минус десять, а не минус двадцать пять, а в январе температура упадет до минус сорока. После этого бедняга сник и зашмыгал носом. Я узнал позже, что этот офицер проявил себя отважно в Сицилии, и не предпринял дисциплинарных мер. Позже он был убит во время боев вокруг Запорожья».

У германских офицеров были все основания смотреть в будущее без особой надежды. На протяжении трех месяцев после битвы на Курской дуге группа армий Манштейна получила в качестве пополнений только 33 тысячи солдат (при потерях в 133 тысячи). Германские союзники начали уводить свои войска с Восточного фронта. Итальянцы возвратились домой, за ними последовали венгры и румыны, ненавидящие друг друга больше, чем восточного противника. Прежняя основа германской мощи — бронетанковые войска — продолжили процесс своего ослабления. Ветераны-танкисты жаловались: лучшую технику стали получать не ветераны боев, а дивизии СС — сюда шли новые «пантеры» и другая новая техника.

Советский Генштаб, анализируя сложившуюся ситуацию, завершил в первой неделе декабря план операций на зимний сезон. Главная его идея — не дать немцам опомниться, продолжить серию наступательных операций, презреть холода так же, как только что войска презрели дождь, грязь и слякоть. Четыре конкретные цели:

1) Ленинградский, Волховский и 2-й Прибалтийский фронты должны были нанести удар по группе германских армий «Север», окончательно освободить Ленинград и выйти на линию Псков — Нарва, готовясь к

выходу к границам прибалтийских республик. 2) Освобождение Белоруссии — 1-й Прибалтийский и Западный фронты выходят к линии Орша — Витебск и далее Полоцк — Могилев. Далее Рокоссовскому поручался Бобруйск и Минск. 3) Операция на Западной Украине, главными виделись действия на юго-западе, высвободить огромные территории и весомые производительные силы, которые помогут закрепить поворот в войне. Силами четырех Украинских фронтов сокрушить врага между Днестром и Бугом, вывести войска на линию Могилев-Подольский и Ровно, подорвать боевую мощь группы армий «Юг», как можно скорее восстановить промышленность, чтобы снять колоссальное напряжение с Урала и Сибири. 4) Освобождение Крыма.

Наступающей армии помогали партизаны. Штаб белорусских партизан, самых доблестных и беззаветных, перенесен из Москвы в почти разрушенный Гомель. Фронтам вменялось в обязанность помогать партизанским отрядам, воюющим на линии их движения. А Главный штаб партизанского движения стал напрямую подчиняться Государственному Комитету Обороны. Ленинградский и Калининский обкомы непосредственно руководили партизанскими соединениями на своей территории. Итак, к всегда отрядной для нас зиме Советская Армия пришла во всеоружии и оснащенная бесценным опытом.

Рузвельт в пути

В холодный и дождливый день 11 ноября 1943 года президент сел на борт яхты «Потомак» — первое звено пути в Тегеран. «Он отбыл, — писала Элеонора дочери, — вместе с адмиралом Леги, адмиралом Брауном, генералом Уотсоном, доктором Макинтайром и Гопкинсом. Мне ненавистна сама мысль об отъезде отца, но я думаю, что они сделают много хорошего». В устье Потомака Рузвельта уже ждал линкор «Айова», отправившийся в путь через Атлантику. На линкоре — гордости американского военно-морского флота, оснащенный девятью шестнадцатидюймовыми орудиями, находились генерал Маршалл, адмирал Кинг и генерал Арнольд — командующие сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами США в окружении многочисленного аппарата штабных офицеров. Во всем великолепии линейный корабль пересекал океан, олицетворяя собой новое могущество Соединенных Штатов Америки.

Здесь, в океане, Рузвельт размышлял о маневрах японских политиков. Лица, первыми замыслившие акты агрессии, первыми побежали с тонущего корабля. Даже премьер-министр Тодзио спросил императора Хирохито: «Почему бы не пообещать завоеванным странам независимость в некоем неопределенном будущем?» Верхушка империалистической Японии начала понимать, что о победе в войне не может быть и речи, пора искать выход с минимальными потерями. Последовали маневры в отношении правительства Чан Кайши. Рузвельту нужно было следить за активизировавшейся дипломатией японцев, не позволить им прибрать к рукам Китай, на который президент возлагал столько надежд.

Пересекая Атлантический океан и направляясь к алжирскому побережью, Рузвельт просматривал свою «французскую папку». Специальный представитель президента сообщил 31 июля 1943 года, что в Алжире циркулируют слухи, будто американцы намерены навсегда остаться в Северной Африке, будто они покупают почту, радио и телеграф, завладевают местным рынком, чтобы окончательно лишить здесь французов всякого влияния. В свою очередь де Голль после падения Муссолини, не теряя времени, заявил, что никакое решение итальянской проблемы не будет полноценным, если в нем не примет участия Франция. Он надеялся на подключение своего представителя к обсуждению итальянского вопроса, поскольку в итальянской кампании принимали

участие французские дивизии. Рузвельт уже сказал Идену, что, обещая возвращение Франции ее колониальных владений, он имел в виду лишь Северную Африку. Рузвельт полагал, что поддержка де Голля вызовет осложнения в осуществлении послевоенного устройства Франции и ее территорий. Хронически напряженная ситуация приняла острый характер в начале сентября 1943 года. Седьмого сентября Рузвельт пишет Черчиллю: «У меня очень твердое мнение, что, если наша примадонна захватит у старого джентльмена (генерала Жиро. — А.У.) контроль над французской армией, мы должны будем прекратить поставки оборудования и снаряжения».

После девятидневного перехода «Айова» прошла Гибралтар и пришвартовалась в алжирском порту Оран. Здесь Рузвельт встретил главнокомандующего на средиземноморском театре военных действий генерала Эйзенхауэра и двух своих сыновей (Эллиот и ФДР-младший). По соображениям безопасности Эйзенхауэр посоветовал президенту лететь из Туниса в Каир самолетом, и Рузвельт согласился. Двадцать второго ноября 1943 года вместе с лучшим гидом современности — Уинстоном Черчиллем они проехали сквозь долину пирамид. Как цезари античности, президент США принимал посланцев разных народов — египтян, греков, югославов. Церемониал вершили англичане, а главными ожидаемыми гостями были китайцы. Одной из целей Рузвельта было заглушить своего рода чувство «неполноценности» у китайцев, официально названных одним из четырех будущих «мировых полицейских» и в то же время не приглашенных на переговоры подлинно великих держав. Черчилль и не пытался скрыть своего скепсиса в отношении рузвельтовской оценки Китая как одной из четырех великих стран мира. Различие в оценке Китая двумя лидерами врач Черчилля подал так: «Для президента Китай означает четыреста миллионов человек, с которыми нужно будет считаться в экономике завтрашнего дня, но Уинстон думает только о цвете их кожи». Рузвельт именно здесь, в Каире, хотел зарезервировать для Китая место своего главного союзника в Азии, добиться понимания с руководителями самой многочисленной нации мира, определить американо-китайские связи на долгие годы вперед.

Чан Кайши поначалу показался президенту спокойным, сдержанным и решительным, но время шло, и эти качества главы гоминдана заслонялись очевидной его поверхностностью и несамостоятельностью. Рузвельт мобилизовал все свое обаяние, он хотел помочь Чан Кайши и во внутренних, и во внешних проблемах. Сохранилась только китайская запись бесед. Вечером 23 ноября 1943 года Рузвельт предлагает Чан Кайши

взять на себя главную ответственность за оккупацию Японии и спросил польщенного главу гоминдана, следует ли сместить японского императора. Чан Кайши не был уверен в том, что Китай может исполнить миссию координатора союзной оккупации Японии. На вопрос, что делать с Гонконгом, Чан Кайши осторожно ответил, что следовало бы посоветоваться с англичанами.

Ситуация в Китае была сложной. Коммунисты стойко держали свой оплот на севере, а собственная армия гоминдана теряла дисциплину. Рузвельт обещал помочь советниками и оружием. Чан Кайши боялся, что с наступлением США на Японию со стороны Тихого океана китайско-японский фронт резко утратит свое значение и он (Чан Кайши) впадет в немилость у главного союзника. Рузвельт постарался заверить Чан Кайши в стратегической значимости их дружбы. Он объявил генералиссимусу, что твердо намерен поднять роль Китая — ему будет предоставлено место среди четырех определяющих положение дел в мире стран. Думая о Китае как о «своей карте» в мировой игре, Рузвельт пообещал в будущем вооружить девятью китайских дивизий. Если, с точки зрения Черчилля, обещание Сталина выступить в Азии против японцев перекрывало необходимость в обхаживании Чан Кайши, то для Рузвельта никакие свидетельства неэффективности гоминдановского режима не имели особого значения. Он нуждался в силе, противостоящей его союзникам в Азии.

Рузвельт предложил Чан Кайши подписать декларацию, в которой были следующие слова: «Япония должна быть лишена всех территорий, которые она украла у китайцев, таких как Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова — все они должны быть возвращены Республике Китай». Чан Кайши просил Рузвельта уговорить Сталина прекратить помощь Мао Цзэдуну, и Рузвельт обещал. (Чан Кайши в свою очередь полагал справедливыми и законными возвращение СССР Южного Сахалина и Курильских островов, а также превращение Дайрена (г. Дальний) в порто-франко, чтобы компенсировать отсутствие у СССР незамерзающего торгового порта). Рузвельт обещал оказать давление на Черчилля, чтобы Британия возвратила Китаю Гонконг. Рузвельт также пообещал Китаю главенствующее место в послевоенной оккупации Японии, значительные репарации, налагаемые на страну-агрессора, передачу ему Тайваня. Рузвельт пошел даже дальше. Он предложил Китаю заключить после окончания войны двусторонний договор о безопасности.

Чан Кайши позиция американцев привела в эйфорическое состояние. «Президент не откажет мне ни в чем, — говорил он лорду Маунтбеттену во

время переговоров в Каире. — Он даст мне все, что я захочу». Супруги Чан Кайши уже видели себя национальными героями, возведшими Китай в ранг одной из величайших стран мира. Они были заморожены американскими предложениями. Если до войны гоминьдановское руководство Китая испытало несколько вариантов тактики (в том числе сближение с СССР, Японией и западноевропейскими странами), то теперь ставка была сделана на североамериканского гиганта.

Ограниченность возможностей Китая и пределы патронажа Америки обнаружили здесь же, в Каире. «Ослепнув» от рисуемых перспектив, Чан Кайши попросил Рузвельта предоставить китайским представителям право участвовать в работе англо-американского Объединенного комитета начальников штабов. Рузвельт сразу же отверг эту идею, как и идею создания двустороннего американо-китайского совета. Ни американцы, ни еще более англичане не хотели допускать китайцев (не говоря уже о русских) к выработке мировой стратегии. (Хороший пример того, каким англосаксы видели равенство «четырех полицейских», был показан в том же Каире. Объединенный комитет начальников штабов несколько дней обсуждал роль Китая в будущей борьбе против Японии. Китайцы были рядом, но их допустили в зал заседаний лишь в самом конце. И о китайских ресурсах, о будущем китайском участии говорили не китайцы, а генерал Стилуэлл и лорд Маунтбеттен).

Вынужденный объяснить свое отношение к Чан Кайши Сталину, Рузвельт сказал, что он боится выхода Китая из войны. Едва ли это реалистичное объяснение. Китай практически не мог выйти из войны. Трудно было рассчитывать на внезапные решающие удары Японии — если она не сумела этого сделать, имея руки свободными в 1937–1941 годах. Трудно было предположить, что война, превратившаяся в источник доходов (материальных и политических) для верхушки гоминьдана, будет ею прекращена. Нет, суть заключалась не в боязни «выпадения» Китая. «Во время и после войны, — справедливо пишет американский историк Р. Даллек, — Рузвельт рассчитывал на поддержку со стороны Китая в потенциальных политических спорах с Англией и Россией». «Посмотрите-ка, Уинстон, — говорил Рузвельт Черчиллю в Тегеране по поводу судьбы Индокитая. — Вы в меньшинстве, три против одного». Рузвельт полагал, что примерно через четверть века Китай поможет Америке «сдержать Японию».

Рузвельт надеялся и на помощь Китая в нажиме на европейские метрополии, в создании после войны новой системы мандатов на колонии. Он рассчитывал, что система опеки позволит Соединенным Штатам

получить на долгий период военно-морские и военно-воздушные базы в стратегически важных точках Тихого океана. При этом у Рузвельта не было иллюзий относительно сопротивления главных западноевропейских стран. Своему советнику Ч. Тауссигу он говорил еще летом 1942 года: «После войны у нас будет больше трудностей с Великобританией, чем с Германией сейчас». Тот же Тауссиг мог убедиться в твердости империалистического курса Черчилля, когда, беседуя с ним, премьер-министр сказал: «Нации либо следуют своим традициям, либо умирают... До тех пор, пока я являюсь премьер-министром, мы будем держаться за эти традиции и за империю. Мы не позволим готтентотам при помощи всеобщих выборов выбросить белых в море».

На встрече в Каире в ноябре 1943 года, в дискуссиях с высшими американскими военными, Рузвельт услышал их однозначное мнение о дальнейшем ходе военных действий. Судьбы Европы решаются в Германии, а не на греческой периферии, поэтому, выигрывая второстепенные операции на Додеканезских островах, США могут потерять Германию, а с ней и всю Европу. Рузвельт распорядился ограничиться на Балканах действиями местного значения, которые не влияли бы на реализацию главного стратегического замысла. То, что беспокоило Рузвельта, записано в стенограмме от 19 ноября 1943 года: «Советы сейчас всего в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии».

Рузвельт приходит к выводу, что американские войска должны глубоко войти в Западную Европу. Так, совещаясь 22–26 ноября в Каире с Черчиллем и Чан Кайши, будучи под влиянием недавних алжирских перемен (укрепивших позиции де Голля), Рузвельт выдвинул идею военной оккупации Франции. Эти планы отчетливо видны в письме президента Хэллу: «Я убежден, что окончательные решения и планы будущего гражданского устройства должны быть приняты сейчас... Де Голль присваивает себе право говорить от имени всей Франции сразу же после прибытия туда союзников. Я все более склоняюсь к мысли, что оккупация Франции должна быть чисто военной... Вы будете руководствоваться этим в дальнейшем». Практически это означало, что в предстоящие месяцы того горячего времени, когда готовился бросок за Ла-Манш, запрещалось вести переговоры с французами по вопросам управления Францией после ее освобождения.

Совершенно обнажает свои планы Рузвельт в письме министру обороны Стимсону. Он указывает, что военный департамент должен взять на себя ответственность за гражданские дела во французских районах в

течение первых шести месяцев со дня их освобождения. Более резко и определенно президент теперь высказывает свои взгляды на будущность ряда французских колоний. В беседе с Чан Кайши он заявляет, что Франция «не получит права после войны вернуться в Индокитай и снова вступить во владение этой богатой страной». В Каире Рузвельт повторил Черчиллю, что, по его мнению, Франция не сможет восстановить прежних сил, что Индокитай не будет возвращен под ее контроль, что Дакар (ближайшая к южноамериканскому континенту точка Африки) должен перейти под американскую опеку. Президент заявил, что в его планы входит лишение Франции прав на Марокко.

В ноябре 1943 года Рузвельт выдвинул перед Объединенным комитетом начальников штабов идею (в марте этого года высказанную Идену) создания после окончания войны буферного государства между Францией и Германией. Под названием «Валлония», это государство должно было простираться от «Северной Франции, скажем, Кале, Лилля и Арденн по Эльзасу и Лотарингии — другими словами, от Швейцарии до морского побережья».

Со своей стороны, Черчилль тоже начинал видеть «опасность» промедления с высадкой во Франции. Советская Армия могла проделать всю работу одна, и англо-американцам в этом случае трудно было бы претендовать на контрольные позиции в континентальной Европе. Черчилль, делая решающий шаг, объявил, что операция «Оверлорд» (высадка во Франции) должна занять первое место в списке оперативных приоритетов.

Тегеран

Прибывшему поездом в Баку Сталину докладывали командующий военно-воздушными силами Новиков и командующий дальней бомбардировочной авиацией Голованов. К отлету готовы два самолета, за руль первого сел Голованов, за руль второго — полковник авиации. Со словами, что «генерал-полковники нечасто летают», Сталин выбрал полковника Грачева, и самолет взял курс на иранскую столицу. Авиационная группа прикрытия последовала за Верховным Главнокомандующим. Египет, Кипр и Судан были отвергнуты Сталиным, он выбрал более знакомый Тегеран, «где дипломатически представлены все три страны». Собрались военачальники, под началом которых было более двадцати миллионов солдат, матросов и летчиков.

В операции «Большой прыжок» — убийстве всех троих руководителей антигитлеровской коалиции самое непосредственное участие принимал видный руководитель восточного отдела Абвера майор Вальтер Шульц, который до внедрения в 1930-м году в Германию был Ильей Светловым и сотрудником (собственно, тоже майором) советской разведки. Именно ему немецкая разведка поручила подготовить высадку германских командос на иранской территории. Соблюдалась секретность высшей степени, и передатчик немцев молчал. (О покушении в Москву сообщал и оберлейтенант Зиберт-Кузнецов из Ровно). Был обозначен путь для спецгруппы из Германии через Турцию. Видя, что германские «коллеги» заподозрили его в частых отлучках, Светлов-Шульц испортил немецкую рацию. А советские истребители сумели зафиксировать «юнкерс», пересекавший турецко-иранскую границу без опознавательных знаков. Подбитый «юнкерс» оказался груженным стрелковым оружием.

27 ноября 1943 года, президентский самолет «Священная корова» взял курс из Каира на Тегеран. Президента сопровождали Г. Гопкинс, адмирал Леги, посол США в СССР А. Гарриман. К северу, по дороге Абадан — Тегеран осуществлялась перевозка грузов по ленд-лизу. Американское влияние ощущалось и здесь, на другом краю света. Как это могло не укрепить веру в американское всемогущество? Русский союзник остро нуждался в этих поставках, и недавно построенная железная дорога позволяла ускорить их получение.

После многочасового полета президент Рузвельт впервые в жизни попал в распоряжение Красной Армии. «Священная корова» совершила

посадку на советском аэродроме в нескольких километрах от Тегерана, «на огромной равнине, с Тегераном и снежными пиками на севере... Огромная нищета кругом». Лишь одну ночь провел Рузвельт в резиденции американской делегации. Сообщения о заговоре против «большой тройки» были переданы советскими представителями через посла Гарримана. Молотов предупредил американцев о возможности покушения, и Рузвельт, во избежание опасных разъездов по ночному Тегерану, остановился не на территории далеко расположенного американского посольства, а поблизости от Сталина, на территории советского посольства. Президент был размещен в главном здании посольства, строения желтого цвета. Позднее Рузвельт объяснял, что он остановился на территории советского посольства в Тегеране именно желая возбудить «их доверие», утвердить «их уверенность» в американском союзнике. Рузвельт говорил, что провел жизнь в постоянных попытках поладить с людьми и до сих пор это ему удавалось. Сталин не может отличаться чем-то принципиально особенным, даже если он не убедит его стать хорошим демократом, он сумеет выработать рабочие отношения.

Сталин поселился в небольшом доме. Черчилль жил в английском посольстве по соседству. Сталин, умевший, когда он этого хотел, произвести впечатление, приложил в случае с Рузвельтом немалые усилия. Окружавшие президента вспоминают о невысоком человеке, широкие плечи которого позволяли забыть о его росте. Сталин в общении с Рузвельтом был весь внимание, но его безусловный такт ничем не напоминал подобострастие Чан Кайши. Встреча Рузвельта со Сталиным произошла довольно неожиданно для президента. Он был в спальне, когда Сталин направился к центральному зданию посольства. Президента выкатили в большую гостиную, а в двери медленно входил невысокого роста человек в наглухо застегнутом кителе. По воспоминаниям телохранителя Майкла Рейли, «первая встреча с ним производила шокирующее впечатление. Хотя он был низкого роста, но производил впечатление крупного человека». Горчичного цвета военная форма блистала благодаря только что введенным в Советской Армии погонам. Позднее Рузвельт рассказывал сыну Эллиоту: «Он казался очень уверенным в себе».

После рукопожатий началась полуторачасовая беседа. Уже в ней Рузвельт постарался очертить контуры той политики, которая ему казалась оптимальной для двух величайших стран. Во-первых, он постарался довести до Сталина свое мнение, что европейские метрополии потеряли мандат истории на владычество над половиной мира. Он говорил

конкретно о необходимости вывести Индокитай из-под французского владения, осуществить в Индии реформы «сверху донизу» («нечто вроде советской системы» — на что Сталин ответил, что это означало бы революцию). Во-вторых, Рузвельт указал, что хотел бы видеть Китай сильным. Эти два обстоятельства уже круто меняли предвоенный мир. Рузвельт воспринял реакцию Сталина как понимание своей линии.

Рузвельт предложил обсудить общую военную стратегию. Сталин говорил о переводимых с запада на восток германских дивизиях. Рузвельт, рассчитывая на «Оверлорд», пообещал оттянуть с советско-германского фронта 30–40 дивизий. Рузвельт постоянно имел в виду вопрос вступления СССР в войну против Японии. Он настолько ценил эту возможность, что категорически запретил своим военным поднимать данную проблему первыми. Сам же он обсуждал со Сталиным лишь отдаленные аспекты борьбы с Японией: наступление в Бирме, дискуссии с Чан Кайши в Каире. На этом раннем этапе Сталин не выказал желания поставить все точки над «i», и Рузвельт отнесся к его сдержанности с пониманием. В Тегеране оба лидера — Рузвельт и Сталин — ощущали растущую мощь своих держав.

Зал заседаний представлял собой большую комнату советского посольства, по стенам которой висели темного тона ковры. Посередине — специально сделанный круглый стол, вокруг которого стояли тяжелые кресла. Рузвельт (разумеется, по предложению Сталина) стал председательствовать, и он настоял на том, что на встрече не будет жесткой повестки дня, будет господствовать свободная дискуссия. Рядом с Рузвельтом сидели Гопкинс и начальники штабов. Британскому переводчику — майору Бирсу он показался прирожденным лидером. «С широкими плечами и красивой головой, он производил впечатление высокого сильного человека, и только коляска говорила о его физическом недостатке. Он лучился улыбкой по отношению ко всем за столом и выглядел очень похожим на доброго богатого дядюшку, наносящего визит своим более бедным родственникам. Во время разговора он часто снимал свое пенсне и размахивал им, чтобы усилить впечатление от слов. Он говорил твердо, словно чувствуя твердость почвы, и в то же время он был готов слушать советы помощников, сидящих рядом. Его манеры были подкупающими, но мне все время хотелось узнать, что там прячется за этим умным лицом».

На первой пленарной встрече Рузвельт сделал обзор состояния дел на фронтах «с американской точки зрения» и предпочел начать с Тихого океана. После характеристики американской стратегии в войне против Японии он обратился к «более важному», по его словам, европейскому

театру военных действий. После полутора лет дискуссий западные союзники приняли в Квебеке решение помочь советскому фронту посредством высадки во Франции не позднее мая 1944 года. Обещание открыть «второй фронт» до 1 мая 1944 года президент все же считал нужным обусловить успехом операций в Италии и в Восточном Средиземноморье. Неудачи здесь могли заставить отложить операцию «Оверлорд» на срок от одного до двух месяцев. Рузвельт указал, что США прилагают большие усилия и в североатлантической зоне, и в тихоокеанской. Он как бы косвенно оправдывал факт невыполнения Америкой ее конкретного обещания перед Советским Союзом. Затем президент поднял близкую ему в последние дни тему укрепления Китая — того «четвертого», который не присутствовал на этом высшем уровне.

В своем выступлении Сталин заявил, что занятость на германском фронте не позволяет Советскому Союзу присоединиться к войне против Японии, но это будет сделано после победы над Германией. Что касается Европы, то оптимальным способом возобладания антигитлеровских сил было бы движение союзных армий со стороны Северной Франции к Германии. Италия как плацдарм наступления на Германию не годится, а Балканы в этом плане лишь ненамного лучше. Сталин спросил, кто будет главнокомандующим союзными войсками во Франции и, узнав, что назначения на этот пост еще не состоялось, выразил скепсис по поводу успеха всей операции.

Черчилль, самый красноречивый среди присутствующих, заметил, что за круглым столом заседания сосредоточена невиданная в мире мощь и история находится в руках присутствующих. Черчилль был прав по существу, но эта мощь уже распределялась между тремя участниками неравномерно. По мере того, как Красная Армия в жестоких боях сдвигала линию фронта на запад, Советский Союз становился одной из двух величайших мировых сил. Исторически относительное падение мощи Британии продолжалось, СССР и США выходили на позиции двух лидирующих членов мирового сообщества. Оставленный американцами, Черчилль был прижат к стене вопросом Сталина: «Верит ли премьер в „Оверлорд“ или говорит это лишь для успокоения русских?» Англичане не имели выбора; 30 ноября Черчилль официально поддержал высадку в Северной Франции в мае 1944 года.

Рузвельт и Сталин солидарно осудили прогнивший политический строй Франции. Рузвельт сказал, что следовало бы запретить вхождение в будущее французское правительство любого лица старше сорока лет. Сталин показал всем присутствующим, что германская проблема беспокоит

СССР более всего, здесь должно быть найдено надежное решение. На конференции сложилась такая ситуация, когда американская и советская делегации, выразив желание окружить Германию с двух сторон и найдя взаимопонимание в вопросе о судьбе колониальных владений, выступили против тенденций, олицетворявшихся Черчиллем. Премьер-министр, при его исключительном чувстве истории, понимал, что ведет арьергардные бои от лица всего западноевропейского центра, и он постарался использовать все дипломатические возможности. Черчилль решил не идти напролом, он кротко согласился с тем, что высадка во Франции начнется в условленный срок. Но до означенной даты еще полгода. Следовало подумать о находящихся в руках возможностях. Месяц-два в случае с «Оверлордом» (высадкой во Франции) не меняли общего стратегического положения, но за эти недели можно было многого добиться на Юге Европы: нажим на Турцию с целью вступления ее в войну против Германии, укрепление югославского плацдарма на Балканах.

Сталин бережно относился к достигнутому, как ему казалось, пониманию с американцами. Поэтому он, как бы не замечая «югославских авантюр» Рузвельта, резко выступил против Черчилля и его идей удара по «мягкому подбрюшью». Совместными усилиями американская и советская делегации преодолели «балканский уклон» Черчилля.

Лидеры трех величайших стран, решив главный насущный вопрос, могли немного заглянуть в будущее. Рузвельт высказал заинтересованность в послевоенной оккупации части Европы американскими войсками. Географически его интересы простирались на северо-западную Германию, Норвегию и Данию. Видимо, Рузвельт полагал, что эти страны и области наиболее стабильны политически, наиболее важны стратегически и послужат плацдармом для расширения американской зоны (порты Северной Атлантики, кратчайший путь из США, возможность продвижения на уязвимый европейский юг). Рузвельт рассчитывал иметь в Европе оккупационные силы размером около миллиона человек. Сколько времени они будут там стоять, было неизвестно. Пока Рузвельт говорил об одном-двух годах. Если в Европе возникнет угроза миру, то США вышлют к ее берегам корабли и самолеты, а СССР и Англия выставят контингент сухопутных войск.

Наедине со Сталиным Черчилль предложил обсудить, что «может случиться с миром после войны». Сталин ответил, что «прежде всего следует обсудить худшее, что могло бы случиться», — он боится германского национализма, и необходимо сделать все, чтобы предотвратить развитие этого явления. «Мы должны создать сильную организацию, чтобы

предотвратить развязывание Германией новой войны». Черчилль спросил, как скоро Германия может восстановить свои силы? На что Сталин ответил, «возможно, примерно за 15–20 лет. Немцы, — сказал Сталин, — способные люди, они могут быстро восстановить свою экономику». Черчилль ответил, что немцам должны быть навязаны определенные условия: «Мы должны запретить им развитие авиации, как гражданской, так и военной. И мы должны уничтожить всю систему генерального штаба». И еще: 1) разоружение; 2) предотвращение перевооружения; 3) наблюдение за германскими заводами; 4) запрет на развитие Германией авиации и 5) территориальные изменения долговременного характера.

Сталин ответил, что «Германия попытается восстановить свой потенциал, используя соседние страны». Комментарий Черчилля: «Решение этого вопроса зависит от Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза, от того, смогут ли они укрепить свою дружбу и наблюдать за Германией в своих общих интересах». На этот раз Пруссия должна быть изолирована и уменьшена в размере, а Бавария, Австрия и Венгрия должны сформировать широкую конфедерацию. С Пруссией следует поступить жестко и так, чтобы другие части рейха не хотели идти на сближение с ней. Одним из средств предотвращения германской агрессии будет разделение функций между союзниками: «Россия будет владеть сухопутной армией, а на Великобританию и Соединенные Штаты падает ответственность содержать военно-морские и воздушные силы». Эти три державы будут опекунами мира на земле. Если они не преуспеют в этой своей миссии, то в мире возможно воцарение столетнего хаоса.

По мнению Черчилля, после окончания войны в Европе, «которая может завершиться уже в 1944 г., Советский Союз станет сильнейшей континентальной державой и на него на сотни лет падет огромная ответственность за любое решение, принимаемое в Европе». Западные же союзники будут контролировать другие регионы, господствуя на морях. Впервые мы видим, что Черчилль допускает преобладающее положение одной державы — в данном случае Советского Союза — в европейском регионе. Долго ли он будет держаться этой точки зрения? Ближайшее же будущее покажет, что недолго.

Рузвельт, беседуя отдельно со Сталиным, выдвинул идею создания послевоенной организации, в верхнем эшелоне которой находились бы «четверо полицейских», трое из которых присутствовали в Тегеране, а четвертым был бы Китай. Не маскируя своих суждений, Сталин сразу же высказал сомнения. Открытое выделение четырех гегемонов исторического развития не понравится всему остальному миру. Европейские нации, для

которых эта идея означает утрату ими положения центра мирового влияния, сразу же выступят против. Президент поднял вопрос о создании всемирной организации. В нее вошли бы тридцать пять — сорок государств, которые периодически собирались бы в разных местах и выработывали бы рекомендации по актуальным вопросам. Исполнительный комитет, в который входили бы четыре великих державы, уполномочен решать все вопросы, кроме военных. Лишь «четыре полисмена» имели бы полномочия «воздействовать немедленно на любую угрозу миру».

Сталин: чтобы заставить Западную Европу принять своего рода «опеку» четырех великих держав, американцам придется держать здесь войска. Но американский конгресс, как и прежде, может похоронить эту идею. Что касается Китая, то с его, Сталина, точки зрения, американцы выдают желаемое за действительное. Китай еще слишком слаб, децентрализован, экономически зависим, и мировая роль может оказаться ему не по силам. Рузвельт не согласился с такими суждениями о Китае. Видимо, общая схема была ему слишком дорога. «Китай представляет собой нацию в 400 миллионов человек, и лучше иметь ее другом, чем потенциальным источником несчастий».

Рузвельт описал способ, как будет сохраняться мир. «Америка будет посылать в Европу самолеты и корабли, а Англия и Советский Союз выставят в случае возникновения угрозы миру наземные армии». Западноевропейские «великие» страны потеряют свои колонии и после войны станут средними по величине индустриальными государствами. Сомнения и опасения Рузвельта вызывала Франция — Соединенным Штатам «наверное, определенно придется держать несколько дивизий во Франции».

Сталин заявил, что европейские государства, к примеру, безусловно воспротивятся контролю над их делами китайцев. Не лучше ли создать региональные комитеты? Рузвельт скептически отнесся к такому дроблению — оно могло привести к возникновению региональных блоков. Выходом из истории как лабиринта войн является лишь всемирная организация. Сталин, идя навстречу, ответил, что идея всемирной организации, в конечном счете, кажется ему привлекательней, чем сумма региональных группировок. На чем Сталин твердо стоял — так это на том, что против возможности агрессии со стороны Германии и Японии в будущем следует создать эффективные контрольные механизмы. Рузвельт полностью поддержал своего собеседника. Части старых колониальных империй — Индокитай и Новая Каледония, представляющая угрозу Австралии, а также Дакар, который, «будучи в ненадежных руках,

представляет угрозу Америке», должны быть взяты под опеку заинтересованных стран.

Стараясь продемонстрировать внимание к проблемам, беспокоящим Советский Союз, Черчилль выразил надежду «увидеть русский флот, как военный, так и торговый, на всех морях мира» ...Россия должна осуществлять «полный контроль на Черном море». Для укрепления морских позиций СССР ему следовало передать часть итальянского флота. Рузвельт обратился к идее интернационализации ключевых пунктов Балтийского моря — превратить старые ганзейские города — Гамбург, Бремен и Любек, как и Кильский канал, в свободную зону. На Дальнем Востоке Рузвельт предложил сделать международным порт Дайрен (Дальний) и даже сказал, что китайцы не будут против этого возражать. Черчилль подвел итог: «Нации, которые будут править миром после войны, должны быть удовлетворены и не иметь территориальных или других амбиций... Опасны голодные и амбициозные страны, ведущие же страны мира должны занять позиции богатых и счастливых».

По двум главным вопросам (Западная Европа и Китай) взгляды Рузвельта и Сталина были ближе друг к другу, чем к позиции Черчилля. И это обусловило определенное отчуждение американцев и англичан, сближение СССР и США на частично антианглийской платформе. Стало ясно, что две великие новые силы пришли на смену старым европейским державам. Интуиция говорила ему, что за столом происходит могучее дипломатическое смещение сил, СССР и США постепенно занимают единые позиции по основным мировым вопросам.

Сталин высоко оценил американскую помощь: «Я хочу рассказать вам, что, с русской точки зрения, президент и народ Соединенных Штатов сделали для победы в войне. Самое главное в этой войне — машины. Соединенные Штаты показали, что они способны создавать от восьми до десяти тысяч самолетов в месяц. Россия может производить, самое большее, три тысячи самолетов в месяц. Англия производит от трех до трех с половиной тысяч... Именно поэтому Соединенные Штаты можно назвать страной машин. Не имея этих машин через систему ленд-лиза, мы проиграли бы эту войну». Это был первый — и самый красноречивый случай официальной благодарности советского руководства за поставки по ленд-изу. Ко времени Тегерана Соединенные Штаты снабжали Красную Армию двумя третями имеющейся у нее автомобильной техники и, значительным числом самолетов. США в 1943 году предоставили СССР более пяти тысяч истребителей, много нефти и автопокрышек. Тринадцать миллионов советских солдат (американские оценки) получили от Америки

зимнюю обувь и униформу, миллионы тонн продовольствия. При этом следует учесть, то двенадцать процентов американских кораблей с грузами для России были потоплены немцами.

Нет никаких сомнений в том, что шаг Сталина был своевременным и эффективным. Рузвельт не мог не оценить рассчитанного прямодушия своего восточного партнера, прямо заявившего (единственный, но важный раз), что без помощи по ленд-лизу победы на советско-германском фронте были бы невозможны. Ни тогда, ни сейчас, нельзя умалить значение того, что благодаря «студебеккерам» и «виллисам» Красная Армия стала много мобильнее, что американские истребители пришли в нужный час. Нельзя также не оценить хода Сталина, сумевшего использовать благодарность в дипломатической игре.

В Тегеране Рузвельт предложил Сталину и Черчиллю создать пять отдельных государств на немецкой земле плюс два особых самоуправляемых региона (один — Киль и Гамбург, второй — Рур и Саар), находящихся под международным контролем. Черчилль боялся оставить СССР сильнейшей европейской страной. Черчилль «шел на уступку» в том, что Пруссию следует изолировать от остальной Германии. Но Бавария, Баден-Баден, Вюртемберг, Палатинат и Саксония должны войти во вновь образываемую конфедерацию «дунайских государств». Не было сомнений в том, что подобное «дунайское государство» явилось бы мощной силой, а германский элемент в нем безусловно доминировал. Сталин немедленно указал на это. Черчилль тотчас же высказал свои опасения по поводу Европы, где Советскому Союзу противостояли бы лишь малые и слабые государства. В наступившей пикантной паузе президент Рузвельт произвел своего рода революцию, когда заявил, что «согласен с маршалом... Германия была менее опасной для цивилизации, когда состояла из 107 провинций». Разумеется, что эта поддержка Рузвельта была высоко оценена Сталиным.

Рузвельт убеждал Черчилля: «Именно потому, что русские — простые люди, было бы ошибкой полагать, что они слепы и не видят того, что находится перед их глазами». Речь шла о том, что русские, разумеется, замечают все оговорки, направленные на затягивание открытия второго фронта. Произошедшее объективное сближение Сталина с Рузвельтом вело к определенному отстранению Черчилля от решения крупнейших вопросов мировой политики, и он очень остро это обстоятельство ощущал. Черчилль начал рисовать своим британским спутникам апокалиптическое будущее: «Миру предстоит гигантская, еще более кровавая война. Я не буду в ней участвовать. Мне хотелось бы заснуть на миллион лет». Как избежать

новой опасности? Британия должна иметь превосходство в воздухе. «Если мы будем иметь мощные военно-воздушные силы, никто не рискнет атаковать нас, поскольку Москва будет так же близко по отношению к нам, как Берлин сейчас».

Черчилль, чувствуя, что он теряет вес в «большой тройке», выступил навстречу советской позиции по польскому вопросу. Предлагаемая советским правительством Польше компенсация за утраченные ею в 1939 году Западную Белоруссию и Западную Украину более чем справедлива — это бывшие немецкие территории (Восточная Пруссия и Силезия) — территории гораздо более ценные, «чем болото, расположенное в районе реки Припять». В индустриальном плане это один из наиболее развитых районов Европы, и Польша не может жаловаться. «Следует сказать полякам, что русские правы, что им предлагается справедливая и выгодная сделка». Рузвельт сказал Сталину, что в США живут около семи миллионов американцев польского происхождения, их голоса для победы демократической партии крайне необходимы — он будет драться за эти голоса. Лично он, Рузвельт, согласен со Сталиным, что польское государство должно быть восстановлено и что его восточные предвоенные границы должны быть отодвинуты на запад, а западные перемещены вплоть до Одера, но обстоятельства избирательной борьбы не позволяют ему открыто высказываться по вопросу о границах. Сталин ответил, что понимает проблему президента.

(Несколько недель назад Рузвельт так объяснял свое отношение к претензиям лондонского комитета поляков. «Я сказал: вы что, думаете они (русские. — А. У.) остановятся, чтобы сделать приятное вам или нам в этом вопросе? Вы что, ожидаете, что Великобритания и мы объявим войну „дяде Джо“, если они пересекут вашу старую границу? Даже если бы мы хотели этого, Россия могла бы выставить армию вдвое больше наших объединенных сил, и у нас просто не было бы шансов вмешаться в эту ситуацию. Что еще важнее, я не уверен, что честный плебисцит, если он здесь возможен, показал бы, что эти восточные провинции не предпочтут возвратиться к России. Да, я действительно полагаю, что границы 1941 года являются столь же справедливыми, как и любые другие».)

Рузвельт решил пойти по той же схеме, но уже говоря о литовцах, латышах и эстонцах. Американцы считают важнейшим право этих народов на самоопределение. Он лично полагает, что жители названных республик на выборах выскажутся за присоединение к СССР. Сталин ответил, что прибалтийские республики не имели никакой автономии в царской России, которая была союзницей Англии и Соединенных Штатов, и никто не

поднимал тогда подобного вопроса. Он не понимает, почему союзники это делают сейчас. Рузвельт сказал, что общественность в США попросту не знает и не понимает этой проблемы. Сталин заметил, что публику следовало бы просветить.

Сталин при этом вынул карту старой линии Керзона с территориальными обозначениями, указанными в телеграмме, посланной в 1920 г. лидерами Антанты. Отмеченные названия городов указывали, какой видела границу между Польшей и Россией далеко не дружелюбно настроенная в отношении русских Антанта в 1920 г. На это премьер-министр сказал, что «ему нравится эта карта и он скажет полякам, что, если они не примут предлагаемой границы, то будут дураками. Он напомним им, что, если бы не Красная Армия, они были бы полностью уничтожены. Он скажет, что им предоставляется прекрасное место для жизни — более 500 км в каждую сторону от середины страны». Рузвельт заявил Сталину, что одобрил бы перенос восточной польской границы на запад, а западной польской границы — до реки Одер.

Вскоре после Тегеранской конференции Черчилль сказал леди Вайолет Бонэм-Картер, что «впервые в жизни я понял, какая мы маленькая нация. Я сидел с огромным русским медведем по одну сторону от меня и с огромным американским бизоном по другую; между этими двумя гигантами сидел маленький английский осел». Несмотря на явное физическое истощение, Черчилль после Тегерана решил посетить в Италии генерала Г. Александра. «Он может быть нашей последней надеждой на спасение. Мы должны что-то делать с этими проклятыми русскими».

Когда Рузвельт 3 декабря вылетел из Тегерана в Каир, он был доволен: его план продвижения к искомому послевоенному миру реализуется. Он установил рабочие отношения с СССР, он нащупал возможности компромисса по польскому вопросу, он нашел в СССР понимание относительно будущей роли Китая, Западной Европы, проектов построения иного, отличного от предвоенного, мира. Обещание СССР выступить против Японии облегчало выполнение азиатских планов Америки. Рузвельт ощущал успех, он покинул Тегеран будучи убежденным, что его стратегическая линия в мировой дипломатии начала реализовываться в самых существенных своих аспектах.

Жесткость Рузвельта в Каире (на обратном пути из Тегерана) выразилась, помимо прочего, в том, что он в одностороннем порядке принял решение о назначении главнокомандующего войсками союзников на Западе. Им будет генерал Эйзенхауэр. Рузвельт молчал, когда Черчилль говорил о размножающихся как мухи русских, которые превзойдут по

численности белое население Англии и Соединенных Штатов.

Заметим, помимо прочего, что на Рождество 1941 года, когда Ленинград терял последнее дыхание, американские покупки на шестьдесят процентов превысили уровень лет «самых жирных коров» — уровень поздних двадцатых годов. Американская индустрия не только поставила феноменальное количество техники, но и развернула невиданный выпуск потребительских товаров. Понимает ли сытый голодного?

Декабрь

Прибыв из Тегерана в Баку, Сталин переоделся в простую солдатскую шинель и фуражку без знаков отличия. Его поезд остановился на станции Сталинград, и Сталин осмотрел руины города. Трудно сказать, что было у него на уме, одно можно сказать уверенно, западным союзникам он доверял лишь частично. Но у него появилось новое чувство, основанное на том, что советская армия наносит поражения вермахту даже тогда, когда львиная доля его состава сражается на советско-германском фронте. Он сказал Жукову следующее: «Рузвельт дал мне свое слово, что во Франции в 1944 году будут проведены активные действия. Я верю, что он сдержит свое слово. Но, если даже и не сдержит, наших собственных сил достаточно для завершения победы над нацистской Германией». Это был новый язык, он стал возможен только после Курска и Днепра.

Вскоре после окончания Тегеранской конференции японское посольство в Стокгольме передало германские предложения Советскому Союзу: автономия Украине и оказание Россией помощи Германии в борьбе против западных демократий. Японцы призывали своих германских союзников к реализму, они призывали оставить дикие планы относительно Украины. Но немцы верили в поворот, а Гитлер вообще не склонен был искать тропы спасения. Он жертвовал Германией и не испытывал сантиментов. «Если восточная раса сильнее нас, то пусть так и будет».

Не щадя себя наша страна бросила все на дело национального выживания. В столице Урала Свердловске были собраны представители семидесяти семи научных институтов с целью создания Государственного научного плана. Специальные комитеты ученых были сделаны ответственными за различные участки общенародных военных усилий — производство танков, самолетов, артиллерии и так далее. Геологи отправились в самые девственные районы огромной страны, чтобы обеспечить индустрию ископаемыми, чтобы компенсировать потери в европейской части. Такие гении, как самолетостроитель Туполев, работали на Родину даже в местах не столь отдаленных. Жизнь была тяжела. Крайнее напряжение войны, мобилизация всех мужчин, перевод всех средств на военные нужды понизили и без того невысокий жизненный уровень. Еще 13 февраля 1942 года Верховный Совет СССР принял закон о мобилизации всего трудоспособного населения. Отпуска были отменены, была введена 66-часовая рабочая неделя.

К 1944 году три четверти населения, работавшего в сельском хозяйстве, были мобилизованы в вооруженные силы. Женщины встали к станку, на железнодорожный транспорт, в одинокие поля. При этом нужно было помогать миллионам беженцев, восстанавливать сожженные немцами города, поселки, деревни. Вся страна жила на голодном пайке. Иждивенцы — дети и старики — получали 700 калорий в день. Большинство работающего населения — от 1300 до 1900 калорий, что едва поддерживало жизнедеятельность. К 1944 году население работало плюс к основной работе на 16 миллионах приусадебных участков, дававших стране четверть выращиваемого картофеля. За кражу продовольствия полагалась смертная казнь, за хищение продовольственной карточки — тюремное заключение. В то же время строились детские сады, чтобы матери могли работать. Сдача крови для госпиталей была массовой. В одной лишь Москве более 300 тысяч человек регулярно сдавали кровь воинам. Ослабленное население было больше подвержено эпидемиям.

Страшное, тяжелое время, незабываемая эпоха. В 55 лагерях ГУЛАГа в 1942 году находились 1,2 млн. заключенных, к 1945 году — 660 тысяч. В трудовых колониях к 1945 году находились 850 тысяч заключенных. Все категории заключенных дают на 1942 год цифру 4.3 млн. человек, на 1945 год — 3,9 млн. (131 лагерь и колония). На протяжении войны в ГУЛАГ были посланы 2.4 млн. человек; 1,9 млн. были освобождены. Две трети заключенных (западные подсчеты) были этнически русскими. В лагерях создавались не менее 15 процентов вооружений и боеприпасов (мины и т. п.)

И при этом, при любой степени критичности к социальному и политическому строю Советского Союза, следует признать достижения его системы. Англичанин Овери высказывает мнение, которое разделяют многие на Западе: «Маловероятно, чтобы какая-либо другая система преуспела бы в создании вооружений и продовольствия, учитывая условия, которые воцарились после германского вторжения». Великой удачей была унификация танкового производства в советском военном производстве. Собственно, техника производилась всего на двух видах шасси — Т-34 и КВ. В месяц к концу 1943 года производились две тысячи шасси Т-34. На половине этих шасси устанавливали танк Т-34 с пушкой в 85 миллиметров, на второй — самоходное орудие. Были созданы две новые самоходные пушки — длинноствольные стомиллиметровые и двадцатидвухмиллиметровые, а также новые стомиллиметровые, заменяющие прежние орудия в 85 миллиметров. Ударная сила этих орудий была огромна. Да, внутри этих самоходок было тесно, но ради победы в

этой войне воины шли на все, и «неуют» в тесных кабинах был малой бедой.

Стала ощутимой союзническая поддержка. Как отмечают на Западе (в данном случае англичанин А. Кларк), «русские предпочитали свое собственное оружие, которое было почти в каждом случае лучше того, которое им предлагали союзники». Исключение составляли транспортные самолеты «Дакота», бомбардировщики «Митчел», истребители «Мустанг». Но все же советская сторона более всего ценила поставку товаров — одежды, питания, радиоустановок, пакетов первой медицинской помощи. Наибольшее впечатление и пользу производили грузовики «студебеккер» и вседорожные джипы «виллис».

Немцы же ускорили производство «пантер». Они изучали опыт битвы под Курском и значительно улучшили свою модель. Теперь немцы считали, что они превзошли Т-34. Ответом советских танкостроителей было создание на старом шасси КВ тяжелого танка «Иосиф Сталин», ИС. Танковые специалисты улучшили многое в их пути от мощного КВ. Вес ИС был 47 тонн, у него была пушка в 122 миллиметра. Его лобовая броня была усилена, башня была крупнее. Мобильность и относительно небольшой вес позволяли ему такую маневренность, на которую тяжелые германские «тигры» были неспособны.

Но более серьезная слабость немцев заключалась в том, чем обычно они гордились, — в системе управления. Уже в планировании «Цитадели» мы видим столкновение противоположно направленных сил — ОКХ (Цейтцлер — за) и ОКВ (Йодль — против). Единственным связующим звеном некогда стройной системы становится Гитлер, чья психика и физическая форма все чаще дает сбой. В 1943 году утихает поток директив, столь обильных в предшествующие годы. Главной формой согласования действий становятся конференции, далеко не всегда дающие надежные и эффективные результаты. К примеру, прежде чем получить разрешение на отвод войск за Днепр, штаб провел семь конференций с Гитлером. Не существовало даже некоего подобия общего плана, общей концепции.

Да и не много было генералов, способных и имевших смелость выдвинуть свою концепцию поведения Германии в условиях ее заметного ослабления визави СССР. Одним из таких генералов был Гудериан. Гитлер ценил его самостоятельность и «терпел» его значительно дольше чем, скажем, Гальдера или Цейтцлера. И вот Гудериан решается коренным образом изменить что-то в идейном вакууме. Он нашел нужный момент. «Мы были одни, только его эльзасская собака Блонди. Гитлер время от времени кормил ее кусками сухого хлеба. Линге, слуга, ожидал нас, тихо

входя и выходя. Встретилась редкая возможность коснуться и, возможно, решить сложные проблемы». Гудериан предложил Гитлеру создать сложную и крепкую систему оборонительных сооружений глубоко в тылу — по линии польских территорий. Гитлер возразил, что железнодорожная система недостаточна для создания подлинно непреодолимых фортификационных сооружений. Гудериан, с присущей только ему открытостью и энергией, нарисовал систему между Бугом и Неманом; железных дорог хватает, узкая колея начинается только за Брестом. Но это означало отвод вооруженных сил назад на 400–500 километров. Более того, Гудериан хотел воспользоваться случаем и изменить систему командования. «Назначьте генералиссимуса, который был бы ответствен за весь Восточный фронт». Гитлер начал перебирать возможных претендентов и, естественно, нашел во всех недостатки. Собственно, Гудериан говорил, что Гитлер некомпетентен, а Гитлер говорил, что не доверяет армии и не сделает ее независимой. Так, во многом, решалась судьба войны.

В результате даже такие лоялисты, как Гудериан, начали искать пути устранения Гитлера. Танковый герой Германии обращался, как минимум, к трем столпам Третьего Рейха. С Геббельсом он говорил вскоре после неудачи «Цитадели». Геббельс нашел проблему лидерства сложной, но пообещал вернуться к ней «в надлежащее время». Гиммлер сохранил невозмутимое выражение лица (но мы-то знаем сейчас, что он уже пытался связаться с Западом, то есть соглашался с Гудерианом, но шел своим путем). Реакция Йодля была самой неожиданной: «А вы знаете лучшего верховного командующего, чем Адольф Гитлер?» Руководители Германии шли к пропасти, но, по разным причинам, предпочитали этот путь реальным попыткам найти выход.

В декабре 1943 года Гитлер говорит Манштейну, на что он надеется — на противоречия в противостоящей Германии коалиции. Нужно только создать условия, при которых эти противоречия выйдут на поверхность. Это становится стратегической идеей Гитлера, хотя его ненависть и к Востоку и к Западу явно мешает последовательной реализации этого плана. Гудериан поддерживал подобный замысел в принципе, но он предупреждал Гитлера, что успех может быть достигнут только в случае сокращения Восточного фронта, создания на нем основательных оборонительных сооружений, стабилизации его. Только тогда можно думать о маневрах, раскалывающих союзников. Гитлер это просто не захотел слушать. (Напомним, что Гудериан был у Гитлера в особой чести). Манштейн тоже предлагал закрепиться на Буге, но это означало сознательное отступление, а на это Гитлер не шел.

Ватутин и Черняховский испортили немцам Рождество. Командарм постарался раз и навсегда отшвырнуть немецкие войска от Киева. Замысел командарма и безудержный напор командира 60-й армии дали свои результаты — к новому году Житомир был почти окружен. 29 декабря 1943 года Черняховский взял Коростень, обойдя Житомир с северо-запада. Безгранично ценимые немцами железнодорожные узлы — в данном случае Казатин, откуда железнодорожные пути вели на Киев, в Одессу, в польском направлении, взят был Красной Армией. Падение Казатина предопределило судьбу Житомира и Бердичева, защищать которые немцы могли только высаживаясь на железнодорожные платформы. Наступление на фронте шириной 250 километров достигло глубины в 80 километров. Теперь у группы армий «Юг» не было железнодорожной связи с Германией.

А на севере Ленинградский фронт менее других изменил конфигурацию за последние два года. Расположенные к северу от Царского Села 70 батарей дальнобойных германских орудий продолжали бить по Ленинграду. «Великий архитектор» во главе рейха не щадил мировые архитектурные шедевры. В ответ стреляли 356-миллиметровые орудия корабельной артиллерии, самая долгая в мире артиллерийская дуэль продолжалась. К городу был проложен нефтепровод, по южному берегу Ладоги побежали вагоны, после января 1943 года жизнь стала чуть легче, но агония великого города продолжалась.

Немцы взяли отсюда немало войск для ведущихся значительно южнее битв, но они создали внушительные три линии обороны, губя Ленинград, удерживая в коалиции Финляндию, закрывая доступ к Прибалтике. Жестокие бои велись здесь в сентябре 1943 года, и советским войскам удалось взять Синявинские высоты, встал вопрос о решительных усилиях по снятию блокады. На протяжении ноября 1943 года оба фронта — Ленинградский (Говоров) и Волховский (Мерецков) вели интенсивную подготовку к наступлению. На Пулковских высотах теперь стояли 140 артиллерийских орудий на километр. Вторая ударная армия заняла позиции на Ораниенбаумском плацдарме — подвиг Балтийского флота, сумевшего под огнем осуществить высадку начиная с 7 ноября. К январю пять стрелковых дивизий и танковая бригада завершили процесс ночных высадок. От Рокоссовского сюда прибыл на минном тральщике хорошо знающий местные проблемы генерал Федюнинский. Именно он возглавил 2-ю ударную армию.

А далекие южане — 3-й и 4-й Украинские фронты бились за индустриальные призы — Кривой Рог и Никополь. В декабре удача была не

на их стороне, хотя директива Ставки была жесткой — взять оба города к 1944 году. Перед Малиновским была многослойно укрепленная Каменка, перед Толбухиным — высокий берег Днепра. Наступая на Никополь, командующий 44-й армией Хоменко и начальник его артиллерии Бобков ошибочно избрали дорогу, ведущую через немецкие позиции, попали под обстрел и погибли, о чем сообщило германское радио. В ярости Сталин приказал распустить 44-ю армию и отдельные ее части раздать соседним соединениям. Лишь позже, после допросов немецких офицеров подозрение в злоумышленности было снято с двух офицеров, и их останки были захоронены в Мелитополе согласно полагающейся им церемонии. Здесь, на юге, не было танкового изобилия, и продвижение вперед замедлилось.

Глава шестнадцатая

Операция «Багратион»

Советско-германский фронт продолжал оставаться главным фронтом мировой войны, и советская страна сквозь все лишения продолжала собирать свою мощь. Школьники встали к станку, а девушки взобрались на трактор, заменяя тех, кто сел в танковый люк. Численность рабочей силы в 1943 году составила 19,4 млн. человек, а в 1944 году — 23 миллиона. 10 миллионов работали в индустрии и строительстве. Женщины в 1944 году составляли половину рабочей силы в промышленности, 36 процентов в строительстве. При этом военную форму надели 246 тысяч советских женщин. В 1944 году последовало массовое возвращение эвакуированных заводов на старые места в западной части страны. Донбасс и металлургические заводы Юга испытали настоящий прилив рабочей силы.

Россия была европейского лидера — Германию — там, где она была признанно так сильна, на индустриальном поле. Инженеры и рабочие Советской страны выковали более острый меч. В 1944 году на советских военных заводах были созданы 29 тысяч танков и самоходных орудий (по сравнению с 24 тысячами в 1943 году); 40 300 самолетов (34 900 в 1943 году); 122 с половиной тысячи артиллерийских орудий, 184 миллиона снарядов, мин и бомб, семь с половиной миллиардов патронов. В 1944 году со сборочных конвейеров сошли две тысячи тяжелых танков ИС с мощной пушкой в 122 мм (только 102 таких танка в 1943 году); 11 тысяч модернизированных Т-34 с пушкой 85 мм. Впервые создаются 500 самоходных орудий СУ-100 на шасси Т-34, 2510 самоходных установок ИСУ-122 и ИСУ-152 на шасси танка ИС-2 (а в 1943 году таких самоходных орудий было собрано только 35 единиц).

Страна становится самодовлеющей, независимой от внешней помощи. Уменьшается объем поставок по ленд-лизу: 2613 танков в 1944 году против 3123 в 1943 году, 5749 самолетов в 1944 году против 6371 самолета в 1943 году. По-прежнему ценен колесный транспорт. Союзники поставляют 129 тысяч грузовиков, тысячу локомотивов, полмиллиона тонн стали. Против 3,1 миллиона солдат рейха и его союзников Советский Союз в 1944 году выставил 6, 4 миллиона солдат и офицеров; против 2300 ежемесячно производимых германских танков — 5800 советских; против 3 тысяч германских самолетов в небо взлетали 13 с половиной тысяч советских

машин. И по мере прохождения 1944 года это соотношение в пользу СССР лишь увеличивалось.

Немцы мобилизовали все силы, и масштабы их военных усилий впечатляют. За весь 1943 год немцы удовлетворяли нужды своих армий на Восточном фронте при помощи 1 164 000 вагонов, а в 1944 году эта цифра возрастает до 1 465 000 вагонов, везущих к фронту боеприпасы и продовольствие. В 1943 году вермахт использовал на Восточном фронте 3,2 млн. тонн горючего, а в 1944 году — 4 млн. тонн. Производство вооружений росло на протяжении всего 1944 года; производство танков и самоходных орудий за год достигло 30 тысяч, а самолетов — 40 тысяч.

И все же распятая в кровопролитных битвах на Восточном фронте, Германия едва ли теперь могла рассчитывать на то, чтобы нанести решающий удар. Потеряв за короткое время более 300 бомбардировщиков, немцы стали жить иллюзиями в отношении сверхоружия — летающих бомб Фау-1 и ракет Фау-2, реактивных самолетов Me-262, нового класса подводных лодок. Началась гонка в создании беспилотного оружия, способного наносить удары на огромном расстоянии. Инженеры во главе с Порше экспериментируют с новыми моделями танков. В день рождения Гитлеру, 20 апреля, показали в замке Клессхайм новые виды танков — более быстрых, маневренных и мощных; Гитлер надеялся, что они остановят советское наступление. В военный обиход входит достаточно простой и эффективный фаустпатрон.

Аэрофотосъемка союзников показывала, что немцы сделали большой прогресс в создании реактивной авиации, чем их противники. Но немецкие авиационные авторитеты хотели иметь реактивный истребитель, а Гитлер мечтал о реактивном бомбардировщике, это несколько затормозило прогресс в германском авиационном строительстве. 4 января 1944 года Гитлер говорит: «Если я получу вовремя реактивные самолеты, я разобью высаживающиеся в Европе войска... Мне нужно, чтобы на фронт поступило несколько сот таких самолетов».

Немецкая промышленность осенью 1944 года достигла кульминационной точки своей производительности. И работала эта промышленность преимущественно на нужды германского Восточного фронта. Для ускорения своей ракетной программы немцы привезли в концентрационный лагерь «Дора» 1800 квалифицированных рабочих. Под руководством Вернера фон Брауна они работали в подземных туннелях Нордхойзена. В ноябре и декабре 1944 года общее число произведенных танков и самоходных орудий составило 2299 единиц в месяц — пик германской производительности, после которого начинается необратимый

спад.

Нацизм в слепой алчности, теряя почву, стремится обескровить другие народы. В мае 1944 года Гитлер поручает министру сельского хозяйства Герберту Баке осуществить максимально эффективную эксплуатацию находящейся еще под немецким контролем части плодородной Украины. Именно тогда нацисты вывезли главное богатство Нидерландов — довольно тонкий слой плодородной почвы. В рейх вывозят квалифицированных французских рабочих, дешевую рабочую силу из Восточной Европы. В 1944 году в Германии работали четыре миллиона рабов с европейского востока. В действиях немцев видны признаки отчаяния — они спешат расселить немецкое население на завоеванных землях. Так 7 марта Гитлер получает отчет о расселении миллиона немцев в западной Польше с одновременным выселением 700 тысяч поляков.

В дальнейшем такого беспардонного использования богатств всей Европы вожди Германии уже не смогут себе позволить — прежде всего по той причине, что Красная Армия, освободив советскую территорию, начинает освободительный поход в Восточной и Центральной Европе. Советские войска, ликвидировав блокаду Ленинграда, вышли к довоенной границе с Финляндией, совершили бросок по Украине и достигли границы с Румынией. А западные союзники, Америка и Англия, продвинулись по Апеннинам и в середине года с двух сторон высадятся во Франции. Война вступила в новую фазу. Угроза германского всемогущества отодвинулась. Забрезжила заря победы.

28 февраля 1944 года летчик-испытатель Ханна Рейч предложила Гитлеру создать отряд самоубийц, готовых к бомбовым полетам в одну сторону. Гитлер согласился, и Рейч первой подписала клятву: «Нижеследующим я добровольно прошу зачислить меня в группу самоубийц в качестве пилота человеческого планера-бомбы. Я полностью осознаю, что работа в этом качестве ведет меня к смерти». Но такой фанатизм не был повсеместным. 20 апреля 1944 года гестапо представило высшему руководству «доклад о состоянии рейха», в нем говорилось, что «события на Востоке и постепенно ослабевающие надежды на „спасительное чудо“ постепенно увеличивают усталость народа».

Немцы по-прежнему не знали, что англичане читают их замечательный шифр, благодаря чему генералу Эйзенхауэру, готовящемуся к высадке во Франции, было известно, где размещаются германские войска на Западе. Американцы многого ожидали от нового бомбардировщика Б-29. Военное министерство США израсходовало на него три миллиарда долларов (в полтора раза больше, чем на атомную бомбу). Рузвельт

поддерживал это детище генерала Арнольда и хотел использовать новые самолеты против Японии. Сверхбомбардировщик уже бомбил сталеплавильные заводы Явата в восточном Китае. Теперь, с возвращением американской морской пехотой Марианских островов, открывались новые возможности бомбометания.

Корсунь-Шевченковская операция

Конев — 2-й Украинский фронт — произвел свою перегруппировку в полной тишине: его рации молчали, а приказы отдавались только через нарочных. Пехота — такая ее горькая доля — открыла дорогу танкам, и началось мощное движение на яростно защищаемый немцами Кировоград. В холодную ясную ночь 7 января 29-й танковый корпус Кириченко (который скоро станет 6-й танковой армией) ворвался в Кировоград. 18 января 1944 года танки Катукова вошли в Белую Церковь. В тот же день Конев начал стремительное наступление совместно с 3-м и 4-м Украинскими фронтами с целью освободить Никополь (за который, как мы знаем, немцы держались из-за его марганцевых месторождений).

Последовало окончание некоего периода. Немцы потеряли немало, но «спрямили» фронт и постарались «наказать» вырвавшиеся вперед советские войска — из-за чего и последовал приказ Ставки Ватутина затормозить движение, его войска теперь действовали на фронте в необозримые 450 километров. Движение советских войск на Винницу (с ее летней резиденцией Гитлера) было заторможено. Правый фланг Ватутина, состоящий из легких танков и пехоты на грузовиках, уже пересек «старую» (до 1939 года) границу СССР, но вынужден был остановиться.

Германские части в составе 1-й танковой и 8-я пехотной армий заняли довольно прочные позиции в районе Корсуньского выступа, что заставило Ватутина «повернуть назад». Корсунь-Шевченковский выступ продолжал тормозить движение советских войск на Запад. Маршал Жуков выступал координатором действий 1-го и 2-го Украинского фронтов, и он тоже отчетливо видел, как Корсуньский выступ блокирует продвижение советских частей. Гитлер полагал, что пока он владеет Корсуньским выступом и выходом к Днепру, он в состоянии отыграть все потерянное. Как пишет английский историк Эрикссон, «Гитлер питал свое воображение мыслями о возврате завоеванного; реальность же была гораздо мрачнее, и она касалась жизни многих тысяч людей, оставленных в качестве заложников во времени и пространстве».

Жуков и Ватутин занялись планированием того, что позже будет названо Корсунь-Шевченковской операцией. 24 января 1944 года 2-й Украинский фронт Конева начал наступление и к вечеру продвинулся на пять километров в глубь германских позиций. В полдень следующего дня в дело вмешалась верная сила — 5-я гвардейская армия Ротмистрова.

Ватутин задержался только на один день. После сорокаминутной канонады его дивизии ринулись в снег и бурю, но обстоятельства уж очень противодействовали. Новая, только что созданная 6-я танковая армия Кравченко насчитывала 160 танков и 50 самоходных орудий, но она была недостаточно обучена, у нее не было опыта «старых» танковых армий. Жуков требовал скоростного маневра — обойти Виноград и двигаться на Звенигородку. К ней передовые отряды танковой армии вышли утром 27 января. Этот смелый маневр закрыл немцев в Корсунском мешке. Корсунская группировка немцев включала в себя семь пехотных дивизий, танковую дивизию СС, бельгийское эсэсовское формирование и ряд примкнувших групп, спрессованных на относительно небольшом пространстве диаметром в 30 километров. Против нее Конев организовал 13 стрелковых дивизий, три кавалерийские дивизии, 2 тысячи орудий и 138 танков.

Старый знакомый — генерал Хюбе — возглавил силы спасения, группу, направленную, чтобы пробиться к Корсунской группировке (роль Гота под Сталинградом). Но когда немцам удалось пробить первую линию советской обороны «котла», в дело немедленно ввязался и Ватутин со 2-й танковой армией.

Последовавшая битва была испытанием для только что созданной 6-й танковой армии Кравченко. В дело была брошена и 2-я танковая армия, а затем и 5-я гвардейская армия Ротмистрова. Плюс 27 стрелковых дивизий. То была одна из наиболее ожесточенных битв, и немцы сражались отчаянно. Но против растущего числа орудий (их было уже 4 тысячи) трудно что-либо возразить. Конев обрушил на «новый Сталинград» бомбовую авиацию, тяжелую артиллерию — все, что могло стрелять. Нужда в продовольствии была у немцев ощутима с первого дня окружения. Пока у немцев были в «кесселе» импровизированные аэродромы, снабжение их войск продолжалось. Но путь к окруженным сужался и ряд высших офицеров покинул котел. 8 февраля генералу Штеммерману предложили сдаться, тот отказался, ища глазами Хюбе. К 10 февраля периметр котла составлял уже 10 километров, Корсунь пал, а Штеммерман прижался к деревьям Стеблов и Шандеровка.

И все же четыре германские танковые дивизии извне почти пробили линию спасения окруженных войск. Сталин обрушил гнев на своих командиров, его представителем вылетел маршал авиации Новиков. Коневу придали 27-ю армию, а 5-я воздушная армия прибыла к Ватутину. Погода была сталинградская: метель, нулевая видимость. Летчики обрушили на Шендеровку зажигательные бомбы; получив цель, заработала

бомбардировочная авиация. Почти отчаявшийся Штеммерман все же, в отличие от Паулюса, решился пробиваться изнутри. Двумя колоннами немцы во главе с эсэсовскими частями двинулись к деревне Комаровка, на запад. Передовые части уже испытали эйфорию ухода из плена. Было раннее зимнее утро, солнце наконец показало себя, и снег был мокрый. Но тут-то, в открытом поле, на немцев и обрушилась огромная, собранная с двух фронтов сила. Прямо на колонны немцев ринулись танки, огонь шел отовсюду. Из-за леса показалась кавалерия. Это было жестокое наказание окруженных. Поля обгарились, пленных было мало, двадцать тысяч немецких солдат полегли в украинском поле.

В целом в этой операции немцы потеряли 55 тысяч убитыми и ранеными и 18 тысяч пленными. Генерала Штеммермана похоронили в гробу, а его солдат — в общей могиле. Страшный в гневе, Сталин щедро осыпал звездами победителей. Танковый герой Ротмистров стал маршалом бронетанковых войск, а Конев — маршалом Советского Союза.

На юге

Теперь мы знаем, что ОКВ и ОКХ питали надежды на то, что наступление начала февраля 1944 года истощило Красную Армию, к тому же наступающий период распутицы не позволит ей использовать свою новую технику и предотвратит новый наступательный порыв. Пока земля не высохнет, русские не сдвинутся с места. Скептиком в отношении этого успокоительного постулата выступил фельдмаршал Манштейн. Он беспокоился за проходящую за его спиной магистраль Львов-Одесса.

Но 5 февраля Ватутин взял Ровно и повернул на юг, к северному течению Днестра, к отрогам Карпат. Этим маневром он разрубил группу армий Манштейна надвое. Северная половина держалась между Припятскими болотами на севере и Карпатами на юге. Южная же часть, расположившаяся на реке Буг, могла сообщаться с северной только через Румынию. При этом танковые части Манштейна (Раус и Хюбе) были сконцентрированы на севере, их медленно, но верно прижимали к Карпатам. Немцы думали, что русские после этого удачного маневра впадут в героическую спячку, но не тут-то было. Несмотря на период неблагоприятной для танков оттепели, советские войска использовали свою новоприобретенную мобильность. К середине марта Коневу удалось отрезать 1-ю танковую армию немцев от 4-й танковой, что довело кризис Манштейна, кризис группы армий «Юг» до кульминационного состояния.

Это, собственно, и решило полководческую судьбу Манштейна. Гитлер был им недоволен уже давно. С его точки зрения, он бездарно сдал Украину. Непосредственной причиной кризиса в их отношениях был демонстративный отказ однорукого генерала Хюбе подчиняться приказу фельдмаршала Манштейна отвести 1-ю танковую на запад. 25-го марта Гитлер вызывает Манштейна в Оберзальцбург и обвиняет его в «растрате» своих войск, предъявляет обвинение в создании «неблагоприятной ситуации, в которой оказалась группа армий». Манштейн был не Браухич, не Гальдер и не Клюге, он весьма жестко защищал свои действия. Выйдя от Гитлера, он сказал его адъютанту Шмундту, что Гитлер, если желает, может получить его отставку. Вечером, однако, Гитлер встал на сторону Манштейна в его споре с Хюбе. Обнадеженный Манштейн стал излагать видимые им пути дальнейшего развития операций с германской стороны, в основном отступление.

Для Гитлера это было уже нестерпимо. Лишь три дня пробыл

вернувшийся Манштейн в своей штаб-квартире, когда за ним снова прибыл личный «Кондор» Гитлера с предложением в очередной раз лететь в Оберзальцбург. В самолете уже сидел неуютно себя чувствующий фельдмаршал Клейст. Через несколько часов оба они появились перед Гитлером, и тот, дав мечи к их рыцарским крестам, уволил обоих. Одним махом Гитлер расстался с генералами своих победных дней в России — Манштейном, Клейстом (дошедшим почти до Каспийского моря) и Готом, чья танковая армия оказалась, пожалуй, лучшей среди германских «панцерн».

Вот слова Гитлера при прощании со своим самым талантливым полководцем: «Надо вцепиться в то, чем мы владеем..., время для операций в грандиозном стиле, в котором я проявляю себя лучше всего, еще не ушло». В мемуарах Манштейн обвиняет, разумеется, Гитлера в том, что 1943 год оказался потерянным и решающего выяснения на Восточном фронте не произошло. Гитлер же так оценил Манштейна в разговоре с Йодлем: «Существуют просто два типа талантов. Манштейн очень талантлив в деле проведения операций. В этом нет сомнения. И если бы у меня была армия, скажем, в 20 дивизий, полная сил и отдохнувшая, я бы и не мечтал о лучшем, чем Манштейн, командующем. Он знает, как обращаться с войсками, и знает, как сделать все наилучшим образом. Он будет двигаться как молния — но всегда при условии, что у него первоклассный людской материал, достаток горючего, большой боезапас. Но если что-то сломается, он не сможет совершить невозможного».

Другой тип генералов привлекал теперь Гитлера: Модель, Шернер, Волер — не избалованных победами, цепких, не теряющих присутствия духа в наступающих сумерках третьего рейха.

Город на Неве

Советско-германский фронт все еще был огромным — более трех тысяч километров с севера на юг. Два германских выступа характеризовали этот фронт, к северу от Припятских болот и к югу от них. До начала 1944 года основные события разворачивались на южной половине фронта, здесь были собраны две трети мощи советской армии. В северной половине фронт упирался в Нарву на северо-западе и в Псков; на западе граница фронтов проходила по Витебску, Орше, Могилеву и Мозырю. В южной части северо-западный угол занимал Ковель, Луцк и Тернополь, на юго-востоке — Яссы, Днестр и Черное море.

Наступила очередь северян. В Ленинграде и на Волховском фронте были собраны 375 тысяч солдат, 1200 танков, 718 самолетов тактической поддержки и 192 самолета Балтийского флота. Им были приданы 330 бомбардировщиков авиации дальнего действия. В ночь с 13 на 14 января 1944 года эти бомбардировщики избрали своей целью германскую артиллерию. Федюнинский расположил свой штаб буквально в ста метрах от передовой. Но он зря всматривался в очертания германских позиций у Ораниенбаума. Балтийский туман окутал позиции обеих сторон. Только саперам улыбалась удача — разминировать пути для танков в тумане было безопаснее. Однако петух в соседнем селе прокричал громко — признак того, что развиднеется и день будет хорошим. В половине десятого утра началась артиллерийская подготовка. Били орудия Кронштадтских фортов — за 65 минут было произведено 100 тысяч выстрелов. Наступившая тишина была знаком для пехоты. Продвижение было тяжелым, хотя на отдельных участках 2-я ударная армия достигла второй линии германской обороны.

Под Ленинградом орудия «начали говорить» в девять двадцать утра 15 января — 3000 орудий выпустили 200 тысяч снарядов за полтора часа. Но шел снег, немцы за годы укрепились основательно, и наступление начало угасать. Были введены в бой войска второго эшелона, все долго висело на волоске. И все же бог войны смотрел в нашу сторону — вечером 19 января советские солдаты прорвались к орудиям, которые били по Ленинграду еще буквально минуты назад. Поворот фортуны произошел в считанные часы — когда 2-я ударная армия и 42-я вонзились в левый фланг 18-й германской армии, а Волховский фронт синхронно пришел в движение. Южнее войны этого фронта перешли в метель по льду озера Ильмень и закрепились на

западном берегу реки Волхов. Командующий фронтом Мерецков начал наступление и в районе Любани, чтобы не позволить немцам бросить подкрепления своим войскам в районе Новгорода. В результате утром 20 января немцы предпочли покинуть великий город русской истории. Отход немцев не мог быть упорядоченным ввиду активизации партизан. 13 партизанских отрядов (35 тысяч человек) встали на пути отхода германских частей. Они спасли и приготовленное к депортации в Германию местное население.

От озера Ильмень до Финского залива начал работать гигантский каток двух фронтов, история пришла в движение и на этом, прежде гибельном участке. И здесь учились уходить от фронтальных атак, использовать местность и мобильно вести боевые действия. Ставка 22 января одобрила действия командарма Говорова, двинувшего 2-ю ударную армию на реку Луга — фактически в тыл 18-й германской армии. Немцы вели жестокие арьергардные действия, но их фронт уже не представлял собой сплошную линию. Немецкие части традиционно жались к железнодорожным полустанкам. 54-я армия генерала Рогинского (Волховский фронт Мерецкова) освободила значительный участок магистрали Ленинград-Москва, чтобы 26 января случилось давно загаданное — эта главная для нашей страны железнодорожная линия оказалась очищенной полностью. 900-дневная блокада великой северной столицы завершилась. Весь мир знает, какой ценой выстоял Ленинград, весь мир скорбит и приходит в немое уважение перед городом, умирившим три года, но не склонившим головы.

Сталин, как часто происходило в подобных случаях, демонстрировал деловые качества в момент, когда другие готовы были расслабиться. Он наставляет Мерецкова: «Не привязывайте себя к боям за Шимск и Сольцы; это не главное и только отвлечет вас от основной задачи. Главное — это взять Лугу на самой большой скорости. После взятия Луги двигайтесь двумя колоннами на Псков». Присланная из группы армий «Центр» 12-я германская танковая дивизия попыталась прикрыть направление Луга — Псков; сюда же стекались отступающие от Новгорода немецкие части, что создало заслон, который два пришедших в движение фронта смогли взять только через две недели отчаянных снежных боев (12 февраля). Потеряв Лугу, немцы покатались на юго-запад, крепко держась за каждую станцию железной дороги, ведущей в Псков и неся большие потери. С взятием Луги Волховский фронт был ликвидирован, отдельные его части перешли к Ленинградскому фронту (Говоров), отдельные — к 2-му Прибалтийскому фронту (Попов).

Предел наступательному порыву с севера наступил с взятием мест былых отчаянных боев — Старая Русса, Холм, Шимск. Но желанные цели — Нарва, Псков и Остров взяты не были, ощутилось утомление войск, сложные погодные условия и предел ослабления германских частей. Главное: жестокая и непреклонная 18-я армия немцев, принесшая блокадой такое горе Ленинграду, была выдворена с позиций южнее Ладоги. Ленинградская и Калининская области были освобождены, советские войска подошли к Эстонии. Финская дипломатия отреагировала первыми контактами с советскими дипломатами в Стокгольме.

А рядом, над Балтийским морем, советский летчик Виктор Каштанкин, атакуя немецкий конвой, увидел, как загорелся его самолет. Он направил машину на германский корабль. Товарищи отчетливо слышали его последние слова: «Умирать просто. Мы должны победить».

В Москве подводили итоги зимней кампании — не менее миллиона убитых и раненых немецких солдат и офицеров. Грандиозные потери понесли не только германские союзники, но и лучшие, элитные германские части. И если под Сталинградом погибла ударная германская армия, то в зимнем сезоне 1943 года Германия потеряла полностью четыре армии — 6-ю, 8-ю, 16-ю и 18-ю. На Восточном фронте Германия держала теперь только десять армий, среди которых полностью экипированной танковой армией была лишь одна, а вторая выходила из-под удара на Галичине. Только одна германская армия (3-я) находилась в относительно приемлемом боевом состоянии, остальные были жестоко потрепаны. Румынский союзник оказался изолированным выходом советских войск в Буковину. А в Трансильвании румыны и венгры привычно мечтали вцепиться друг другу в горло.

Долгий путь к Японским островам

Как и нацистская Германия, милитаристская Япония держалась на фанатизме и на надежде, что военный союз США и СССР к концу войны начнет давать трещины. Нужно лишь подольше продержаться. Но уже сражение на островах Гилберта обнаружило полное американское материальное превосходство по всем показателям: девятнадцать авианосцев, двенадцать линкоров, четырнадцать крейсеров, шестьдесят шесть миноносцев. Японии никогда уже не собрать подобной силы со своей стороны. 2 января 1944 года американские войска начали наступление против бастиона японцев на Новой Гвинее — Сайдора, что заставило двадцать тысяч японцев начать отступление из Лаэ и Саламауа в глубину острова, в джунгли Маданга. В начале февраля началась серия высадок американских войск на Маршалловых островах — Кваджалейн, Рой и Наму. Японцы сражались до последнего, но в их отчаянных действиях, ныне пассивных и оборонительных, уже ощущалась некая обреченность. Да и трудно было надеяться на успех гарнизона на Кваджалейне, где 40 тысячам американцев противостояли 8 тысяч японцев.

Наступило время и для вождей японского милитаризма задуматься над будущим. 6 января 1944 года лорд-хранитель печати Кидо составил меморандум, который, по существу, стал программой поведения Японии в условиях возобладания над ней Америки. Кидо писал: «Если Германия при помощи некоего чуда вернет себе инициативу, перспективы для Японии сохранятся и данный меморандум потеряет свое заключение. Но в случае поражения Германии Япония должна будет сменить свое руководство, сохраняя при этом императорскую власть». Кидо полагал, что все завоеванное придется отдать (за исключением Маньчжурии). Но, «глядя на будущие тенденции мирового развития, я полагаю, что... с помощью опыта, приобретенного в войне с Китаем, в советско-германской войне, развития авиации, мы получили понимание реального источника силы США и СССР». К 1944 году генерал Тодзио и японский генеральный штаб стали приходить к пониманию возможности поражения, но категорически отказывались оставить даже отдаленные территории. Армия все еще питала убеждение, что Германия сможет в начале 1944 года нанести удар СССР и заключить компромисс с западными союзниками. В этом случае у Японии будет реальный шанс продиктовать, если и не победный, то все же выгодный для себя мир.

8 марта японские войска начали внушительное контрнаступление на Бугенвиль — на Соломоновых островах, чтобы изгнать американцев из бухты императрицы Аугусты. Это была одна из последних отчаянных атак японцев; их фанатизм уже не помогал, и после нескольких дней боев они отошли на первоначальные позиции. В Индийском океане японская подводная лодка потопила британское судно «Нэнси Моллер». Пытавшихся спастись на лодках моряков японцы расстреляли. Более серьезным ударом было нападение японских самолетов на американский линкор «Франклин».

В Китае японские войска наступали вдоль реки Люянь в направлении Чанша. А из Индии им навстречу шли прояпонские силы Субхаса Чандра Боса. Именно на этом этапе Япония начала последнее в этой войне крупное наступление. Ударная колонна войск через джунгли Бирмы вторглась в Индию, они пересекли индийскую границу 30 марта, а 4 апреля неожиданно вышли к индийскому городу Кохима. С целью помощи своим окруженным в индийских городах войскам англичане перебросили сюда 12 с половиной тысяч солдат (операция «Стамина»). Удаленные коммуникации, муссоны и эпидемии подорвали мощь японского наступления. С июня 1944 года Япония стала ощущать на себе массированные американские бомбардировки. К июлю 1944 года их наступательная акция в Индии захлебнулась.

22 апреля 1944 г. Макартур начал на Тихоокеанском театре военных действий операцию «Наказание», высадив 84 тысячи человек в параллельной атаке на Айтате — на северном побережье Новой Гвинеи. 15 тысяч японцев, у которых не было никаких шансов, оказали отчаянное сопротивление, продолжавшееся три месяца. Между 18 и 20 мая были сделаны важные шаги в освобождении островов Адмиралтейства (326 погибших американцев против почти четырех тысяч японцев) и острова Вадке, где погибли все 800 японских солдат.

К середине 1944 года в США утвердилась уверенность не только в победе над Японией, но и в том, что грядущее сулит Соединенным Штатам полное доминирование в бассейне Тихого океана. Даже дипломаты не скрывали своих эмоций. Дальневосточный отдел госдепартамента США стал подчеркивать, что США «имеют на Тихом океане более протяженную линию побережья, чем кто бы то ни было. Американская торговля со странами региона и внутри Тихого океана больше, чем у какой-либо другой державы. У США более широко разветвленные культурные интересы на Тихом океане, чем у любой другой державы». Столичная «Вашингтон таймс геральд» заметила: «Мы можем восстановить части британской, голландской, французской и португальской империй на наших собственных

условиях». Вице-президент США Г. Уоллес после посещения данного региона заявил, что Америка «вступает в эру Тихого океана».

Рузвельт хотел в наступлении на Японию обойти Филиппины, но Макартур, обещавший в 1941 году «вернуться», жестко стоял за высадку на архипелаге. Во время встречи президента Рузвельта с генералом Макатуром и адмиралом Нимицем было решено направить острие наступления на Филиппины, а уже затем обратиться к собственно Японским островам. Американцы собрали невообразимые прежде силы — сорок семь авианосцев, десять линкоров и тридцать один крейсер. На авианосцах находилось 1600 самолетов. 21 июля 1944 г. американская морская пехота высадилась на Гуаме. Трудно было забыть то, что при захвате острова японцами те потеряли в декабре 1941 г. лишь одного солдата. В отчаянной двадцатидневной битве, когда наступающей стороной стали американцы, погибли более двух тысяч их солдат и 18 с половиной тысяч японцев. Следующей океанской целью был остров Тиниан. Ценой трехсот американских жизней и этот остров был отнят у японцев. Впервые американские солдаты увидели сцены массового самоубийства японцев. С высоты в несколько десятков метров японцы бросались в море, сидящие с пещерах убивали друг друга гранатами.

Никополь

Теперь и Сталин соглашался, что простое провозглашение «наступления повсюду» просто не работает. Нужна тщательная проработка и подготовка каждой из крупных операций. На этом этапе инициативу взяли в свои руки южные фронты. Успех пришел к 4-му Украинскому фронту Толбухина тогда, когда 46-я и 8-я гвардейская армии пересекли реку Ингулец и лишили немцев плацдарма на противоположном Никопольском берегу Днепра. Советская авиация разбомбила понтонный мост к югу от Никополя и обрекла никопольскую группировку немцев. Вечером 8-го февраля 6-я армия 4-го Украинского фронта вошла в Никополь. Части немецких войск удалось уйти через очень узкий коридор вдоль болотистой местности между Днепром и Нововоронцовкой. Сталин 22 февраля потребовал взять Кривой Рог — чтобы предотвратить уничтожение немцами больших тепловых электростанций. Подразделение полковника Шурупова было послано через немецкие боевые линии, чтобы предотвратить гибель источников энергии, и оно выполнило задание: 46-я армия генерала Шарохина ворвалась в город. К концу февраля большая территория, образуемая поворотом Днепра на юго-запад, была очищена от немцев, а крупное месторождение железной руды возвращено в советскую экономику. Немцы потеряли не менее 40 тысяч солдат, а Малиновский получил возможность думать об освобождении Крыма, о выходе к Одессе.

В конце февраля 1944 года на огромном советско-германском фронте наступает своеобразная пауза. Говоров остановился перед оборонительными сооружениями немцев перед Псковом, Рокоссовский отдал несколько армий соседям и должен был выжидать. На юге группы армий «Юг» и «А», пользуясь заметно выровнявшимся фронтом, несколько укрепили свои позиции, остановившись между Днепром и Бугом. Корсунь-Шевченковская операция отняла у советской армии значительные силы, которые теперь приходилось восстанавливать.

Март

Модель, прибыв командовать группой армий «Юг», получил несколько дней покоя. Германское командование было бы менее благодушным, если бы знало о планах новых советских маршалов, одевших традиционные русские воинские кителя и погоны. Знала ли немецкая стратегическая разведка о той бешеной энергии, которая бушевала внутри советской линии фронта? Шло постоянное и быстрое перемещение частей, подходили резервы, поступала новая техника, тыл шел на все мыслимые человеческие жертвы, чтобы вооружить, вылечить, накормить своих бойцов. В Генштабе и Ставке шла неутомимая работа, план на весеннее наступление был готов уже 18 февраля, шла отработка деталей. Создавался новый фронт — 2-й Белорусский — под командованием генерал-полковника Курочкина. Во многом он был создан из правого фланга фронта Ватутина и 61-й армии Рокоссовского.

Согласно их планам, на юге предполагалось уничтожить весь сегмент вермахта, от реки Припять до Черного моря. Пять фронтов (2-й и 1-й Белорусские, 1-й, 2-й и 3-й Украинские) должны были обрушиться на Манштейна, в то время как 4-му Украинскому (Толбухин) поручалось ворваться в Крым. Новосозданному 2-му Белорусскому поручалось наступать на Ковель, имея в перспективе Брест — зайти в тыл группе армий «Центр». Цель Ватутина — Шепетовка; задача Конева — выйти к Черновцам, отрезая дорогу отступления группы армий «Юг»; Малиновскому поручалось движение в направлении Николаева и Одессы. 1-й Украинский выступает 4-го марта, 2-й — 5-го, 3-й — 6-го марта.

В Москве твердо надеялись на успех на юге, иначе сюда не передали бы все шесть танковых армий. Армию Баданова (4-я) передали Ватутину, 2-ю и 6-ю — Коневу. Эти два фронта (Ватутин и Конев) были равны по численности — по 56 стрелковых дивизий и по три танковые армии (1-я, 3-я гвардейская, 4-я — у Ватутина; 2-я, 6-я и 5-я гвардейская — у Конева). В рядах фронта Малиновского были шесть недавно заново экипированных армий (57 стрелковых дивизий, один танковый и два механизированных корпуса). Именно этим трем фронтам предстояло решить наиболее важные задачи наступающей весной. Напротив Ватутина стояли 26 германских дивизий, но ни одной германской танковой армии. Визави Конева располагалась 21 германская дивизия, в числе которых были четыре танковые дивизии 8-й армии. В целом на южных направлениях у советских

войск было превосходство в боевой силе два к одному, а в танках более чем два к одному.

Впервые советским стратегам и военачальникам — а также руководителям партизанского движения — приходится всерьез рассматривать проблему украинского западного национализма. Украинская повстанческая армия (УПА) начинает жестокую гражданскую войну против своих же украинских братьев, выходящих на Волынь и к западным областям. Раздор внутри националистического движения (битва между ОУН-Бандера и ОУН-Мельник) привел в конечном счете к созданию УНРА — Украинской народно-революционной армии, отошедшей от УПА. Последовал ряд жестоких конвульсий, и к концу 1943 года Бандера к востоку от Ровно завладел преимущественными позициями. Готовясь к наступлению, Ватутин 29 февраля выехал из Ровно, легкомысленно отослав небольшой традиционный эскорт. Два взрыва воспламенили две машины командарма, но дюжина телохранителей отбила атаку нападавших националистов. Ватутин был ранен, но отказался уйти в тыл. Солдаты несли своего командира, пока не повстречались крестьянские дровни, на которых окровавленного, теряющего силы командующего фронтом направили в Ровно. Срочно была организована перевозка в Киев, но уже ничто не помогло, и сорокадвухлетний блестящий полководец, прошедший фантастическую школу великой войны, ушел вослед за своими двумя погибшими месяц назад братьями Афанасием и Семеном.

Война не позволяла передышек и фронт Ватутина — бессмертного генерала, скромного и спокойного человека, погибшего из-за безумной националистической злобы, когда малая толика украинских экстремистов подняла руку на армию, в которой сражались девяносто процентов способных держать оружие мужчин-украинцев, где наступление, сражаясь за свою родину, вели танки Рыбалко и Кравченко, начал 4 марта заранее запланированное наступление. Выполняя уже посмертные приказы Ватутина, основные силы переводились с левого фланга на правый. Фронт принял на себя Жуков. Не хватало топлива, но Жуков приказал: вперед. Когда неизменно доблестная 60-я армия Черняховского пробилла германскую линию обороны, Жуков пустил в прорыв 3-ю гвардейскую и 4-ю танковые армии. На 150-километровом фронте за двое суток войска продвинулись на сорок километров. Очень мешала оттепель, которую могли преодолеть лишь танки с широкими гусеницами и добрые американские «студебеккеры», сразу же завоевавшие широкую симпатию. Вечером 7 марта три армии (60-я, 3-я гвардейская танковая и 4-я танковая) сошлись на линии Тернополя. Дорога Львов-Одесса была уже позади.

Наконец-то Жуков нащупал своего врага: разведка обнаружила стык 4-й и 1-й танковых германских армий. Он повернул фронт несколько южнее — к Днестру, к Черновцам. Это отрежет 1-ю танковую армию немцев и искомая 4-я обнаружит себя полностью в районе Каменец-Подольского. Двум армиям (18-й и 38-й) уже дан приказ двигаться к Каменец-Подольскому.

Южнее 2-й Украинский фронт маршала Конева начал наступление 5 марта. Очевидцы в один голос вспоминают главную примету того движения на запад — непролазную добрую украинскую бездорожную грязь. Фантастическая сила трех танковых армий была направлена на германскую оборону, смятую в ближайшие же часы. Танковый маршал Ротмистров мчался на Умань, на обочинах поражала глаз невиданная (и уже трофейная) техника — более 200 «Тигров», 12 тысяч грузовиков, 600 брошенных орудий. Немцы видели подобное лишь в августе-сентябре 1941 года под Киевом и Вязьмой, а также в мае 1942 года под Харьковом.

Пришла и наша пора. Сверхценимые Гитлером новенькие «тигры» понуро опустили жерла пушек, а Ротмистров шел дальше на запад. В районе Поташа они увидели еще более богатые трофеи. В Умани склады ломились от первоклассной техники. Складывается впечатление, что прирожденный реализм немцев должен был сработать, после таких потерь у Германии не оставалось шансов. И нации реалистов, трезвого расчета и бесстрастного анализа нетрудно было сделать необходимый вывод. У них уже не было шансов остановить советское движение к южному Бугу. На всех видах плавсредств Конев фронтом в 80 километров форсировал Буг. Советская Армия выходила к предвоенной границе, выходила к Польше, за которой Германия.

У Черного моря

Между январем и мартом 1944 года ценой огромного напряжения советская военная промышленность выдала фронту более 5 тысяч орудий и около 5 тысяч танков, и почти все они получили адресное назначение на Украину — украинским фронтам. На самом юге Украины Малиновский, не имея пока танковой мощи, сравнимой с технической оснащённостью его непосредственных северных соседей, умело использовал конницу генерала Плиева. 13 марта он взял Херсон — теперь Днепр во всем своем великом течении был в родных руках. Семь немецких дивизий попали в умело устроенное окружение в районе Снегиревки (между реками Ингул и Ингулец). Открылась дорога на Одессу, на Тирасполь и в дальней перспективе — на Прут и Дунай, на предвоенную границу. Несмотря ни на какие погодные и иные препятствия Малиновский вышел всей мощью к южному Бугу и стал угрожать южным формированиям отступающего вермахта. Сталин потребовал от Малиновского и Конева координации действий с тем, чтобы загнать в кольцо отходящие 6-ю и 8-ю армии немцев. Действуя согласованно, Конев 25 марта достиг Прута и советской границы с Румынией.

Жуков тоже развернул свой 1-й Украинский фронт в южном направлении. Его огромные танковые силы презрели грязь и распутицу, выходя через западноукраинские города к переправе через Днестр у Залещиков, откуда рукой подать было до Черновцов. Шесть советских армий к 28 марта загнали в окружение 1-ю танковую армию немцев. Но ненадолго. Между 1-й гвардейской и 4-й танковой армиями образовался прогал, который немецкая авиация обнаружила немедленно. К тому же 4-я советская танковая армия имела в своем составе всего 60 танков, а в баках этих танков заканчивалось горючее. У соседних армий была своя миссия — постоянно держать в поле зрения «фаворита» Жукова — 4-ю танковую армию немцев. Жуков был уверен, что 1-я танковая армия немцев постарается прорваться на юг — перейти через Днестр и скрыться в Румынии. Радиопрослушивание, казалось, подтверждало такую линию поведения окруженных немецких танкистов.

Но 30 марта стало очевидно нечто неожиданное — 1-я танковая вермахта рвется не на юг, а на запад. Манштейн создал новый фронт от Станислава до Тернополя и предпринял молниеносную атаку, не идентифицированную вовремя фронтовой разведкой Жукова. Удар в

неожиданном месте помог 4-й танковой армии преодолеть кольцо окружения — 4-го апреля две танковые дивизии СС нанесли удар по 18 гвардейской армии в районе Подгайцев и после трех дней боев путь 4-й танковой из кольца был открыт.

В ярости Жуков бросает свои 1-ю и 4-ю танковые армии вдогонку уходящим на запад германским танкам, но поздно. Германская оборона не позволяет нагнать германских танкистов и они выходят из-под удара. Этот немецкий успех имел лишь тактическое значение. По существу вся Украина была освобождена, и советские фронты вышли к прежним советским границам. Они стояли теперь у границ Чехословакии и Румынии. Правда, оставались и важные задачи — освобождение Одессы, Прикарпатья. К Одессе устремился Малиновский, и утром 10 апреля 1944 года прекрасный город был освобожден. Теперь все основные черноморские порты — Одесса, Николаев, Очаков — были освобождены, и Малиновский остановился перед Молдавией.

«Великая Румыния» доживала последние дни. 22 марта потрясенный Антонеску бросился к Гитлеру, с которым прочно связал свою политическую судьбу. Его волновало спасение румынских войск в Крыму, на который румыны, вопреки очевидным аппетитам немцев, имели свои виды. (Британский командующий на Ближнем Востоке генерал Вильсон «не советовал» Антонеску обращаться за помощью к Гитлеру, но не убедил партнера по тайным переговорам). Гитлер уже понял, что союзникам доверять нельзя, и 19 марта ввел германские войска в Венгрию. Теперь немецкое командование разрабатывало план введения войск в Румынию (план «Маргарита»). Гитлер посоветовал Антонеску сосредоточиться на защите Молдавии. Втайне немцы создавали группировку «Южная Украина», предназначенную для защиты нефтяных месторождений Плоешти — единственного крупного источника нефти для Германии. В Берлине ощущали и рост болгарской оппозиции, хотя правительство страны еще стояло за союз с Германией. Ослабление германской военной мощи в Южной Украине дало свои отголоски на Балканах.

В целом «фестунг Ойропа» уже показывала слабость своих фортов. В Стокгольме румынский посол Нано уже встречался с советским полпредом, который внимательно выслушивал предложения румынской стороны. В Египте с советским дипломатическим представителем беседовали вожди румынской оппозиции. В первые апрельские дни Молотов подтвердил намерение СССР вернуть в состав СССР Бессарабию, но не менять социальный строй самой Румынии. Румынские военнопленные в СССР создали антифашистскую дивизию «Тудор Владимиреску».

Южноукраинская группировка вермахта была заметно ослаблена. Уничтожены десять германских дивизий, восемь распущены из-за невосполнимых потерь, шестьдесят дивизий претерпели суровые потери. Все окружающее очень мало напоминало предсталинградский период, 1941–1942 годы. Долго противостоявший Жукову Манштейн (как и Клейст) исчезает с горизонта — Гитлер не простил ему потери Украины.

В начале апреля наступил час Крыма. Сталин принял в Кремле Толбухина, начальника штаба 4-го Украинского фронта Бирюзова и маршала Василевского. Четверо рассматривали рельефную карту Крыма с нанесенными обозначениями основных германских частей. Толбухин изложил свое видение сложившейся обстановки и планы ликвидации немецкой группировки. Выйти через Сиваш на Перекоп в тыл обороняющимся германским войскам и быстро пройти к Симферополю и Севастополю. В противоположном конце полуострова Приморская армия Еременко высадит десант в Керчи и предотвратит движение германских войск с юга на север полуострова. Две авиаармии — 4-я и 8-я прикроют с воздуха. Маршал Василевский отправлен представителем Ставки на 4-й Украинский фронт.

Командующий 150-тысячными германскими войсками генерал Енеке полагался на весьма солидные фортификационные укрепления Перекопа, Керчи, Севастополя. Енеке использовал старые укрепительные сооружения врангелевских времен и бдительно стоял на Перекопе. Утром 8-го апреля началась традиционная артподготовка и под прикрытием дымовой завесы 4-й Украинский фронт Толбухина начал штурм Перекопа. Он прошел лагуну Сиваша. Гвардейцы Захарова перевозили танки и орудия на понтонах. 9 апреля Еременко начал обещанную высадку в Керчи. Пройдя Сиваш, Бирюзов по радио обратился к Василевскому: «Позвольте мне от имени командования фронтом вручить вам, Александр Михайлович, ключи к Крыму». 19-й танковый корпус уже шел к Симферополю, где Енеке безуспешно пытался организовать контрнаступление. Под напором Еременко немцы бежали от Феодосии к Ялте. А 5-го мая начался советский штурм Севастополя, за которым Василевский и Толбухин наблюдали из Балаклавы. 10 мая, не дослушав рапорт Толбухина о взятии Севастополя, Сталин приказал очистить весь Крымский полуостров от немцев и румын. Авиация топила корабли, перевозившие отступающих немцев, последние взлетные полосы у Херсонеса перекрыли советские бомбы (именно через Херсонесский выступ часть германской 17-й армии пытались уйти на запад). 12 мая 25 тысяч немцев сдались у Херсонеса. Так состоялась месть за горький 1942 год, немцы потеряли не менее 110 тысяч человек.

Крупнейшая операция войны

Руководитель военной разведки Гелен продолжает представлять Гитлеру и ОКВ оценки советского потенциала и намерений. Тон этих аналитических документов приобретает объяснимую мрачность. Подписывая 31 марта 1944 года обзор положения на «Deutschen Ostfront», Гелен настаивает на максимально ограниченном числе копий своего обзора — даже генералам вермахта не следует знать о гнетущей бесперспективности положения. Практически неизбежно резкое изменение в соотношении сил стран «оси» и противостоящей ей коалиции. Главная противостоящая сила — Красная Армия, способная уничтожить боевые возможности вермахта, разбить организованную основу военного могущества Германии.

Всякому, кто задумается над факторами, обрушившими германскую мощь, следует прочитать этот доклад Гелена. Он призывает тех, кто ждет внезапного ослабления России и ее армии, очнуться и посмотреть в лицо реальности. Со времени Сталинграда живут эти ожидания, но реалистичность их лишь уменьшается. Напротив, боевые возможности советской армии увеличиваются и никакой «паузы» в ее боевых операциях ожидать не следует. Советская армия показала себя способной вести постоянные и неослабные наступательные операции. Ожидающие неожиданного краха России (а главным среди них был Гитлер) рискуют оказаться ни с чем. Строить судьбу Германии на ожидании внезапной анемии советской армии не стоит.

Гелен не голословен, он приводит весьма обширные статистические данные, говорящие о росте, а не ослаблении советских производственных и военных возможностей. Теперь, когда южная военная опора вермахта почти уничтожена, встает вопрос о новом германском подходе к Восточной Европе — вполне реалистично предположить, что она станет зоной влияния СССР. Советская армия выходит к Балканам, к генерал-губернаторству (Польше), к Прибалтике. Остановка Красной Армии на этих рубежах была бы необъяснимой. Скорее всего Россия войдет в Центральную Европу и приблизится к границам Рейха. Этот процесс едва ли можно повернуть вспять. Германская Миттельойропа стоит перед угрозой крушения. Наступает экстренный период. Если не сдержать Россию в Белоруссии, у Львова и севернее, то группу армий «Центр», обратите внимание, ждет *kriesenhafte Entwicklung*, критическое развитие

событий.

Гелен едва ли знал, сто Ставка именно в эти дни запросила у командующих фронтами соображения о ведении дальнейших наступательных действий. Одновременно Генеральный штаб осуществил обзор положения на всех фронтах. Нужно отметить существование точки зрения, предполагающей временную стратегическую паузу. Сталин еще не занял определенной точки зрения, на соображения о полезности передышки, паузы он реагирует на данном этапе нейтрально: «Подумаем еще». 16 апреля 1944 года он очевидным образом санкционирует подобную тактику у фронтов северного и северо-западного направления. Его стимулируют взгляды Тимошенко и Штеменко, которые обследуют возможность удара на севере и приходят к негативному выводу. Что толку выбивать из войны Финляндию, если не от нее, а от Германии зависит исход войны? Центральная группировка немцев еще очень опасна. Находясь неподалеку, немцы еще имеют возможность бомбить Москву. В то же время расположенные на центральном направлении советские дивизии менее истощены боями, чем проделавшие гигантскую работу четыре Украинских фронта.

Внутренние дискуссии заканчиваются, время не терпит. К концу апреля 1944 года Генеральный штаб завершает формирование главного плана на летнюю кампанию 1944 года. Пока об этом плане знают лишь Сталин и пятеро высших офицеров — Жуков, Василевский, Антонов, Штеменко и его заместитель. Речь идет о решающей кампании войны. Реализация этого плана отличалась исключительной секретностью. Поезда с военными грузами шли по литерам, не зная точного пункта своего предназначения. Грузовики открывали конверты с предписанным маршрутом лишь на развилке перед фронтовой полосой. Самолеты часто узнавали необходимый азимут лишь в воздухе. Строжайший секрет, придавалось большое значение маскировке и отвлекающим маневрам. 3-му Украинскому на юге и 3-му Прибалтийскому на севере поручалось всячески имитировать активность, хотя боевых заданий они не имели.

Но всякий, кто имел бы доступ к высшему военному эшелону, мог бы получить множество признаков реально происходящего. В своем первом выступлении Сталин определил общую цель: очистить советскую землю от врага. Два соображения были главными: одновременное наступление всех фронтов невозможно, неудача советских фронтов может отрицательно сказаться на западных союзниках. По частоте разговоров Сталина становится видно, что он поворачивается к фронту Рокоссовского. День за днем, неделя за неделей все яснее становится цель

— Белоруссия. Москва все более склоняется к необходимости нанести удар на Центральном фронте. Сдерживают чисто психологические обстоятельства, ведь сколько раз здесь пытались пройти вперед — и никакого результата, лишь заливались кровью.

На этот раз германская группа армий «Центр» должна получить такой удар, от которого ей не оправиться. Задачу выполнит Западный фронт, который в целях оптимизации руководства разбивается на два фронта — 2-й и 3-й Белорусские. Первым был назначен командовать генерал Петров, много воевавший на юге, вторым — генерал Черняховский, которого предложил Василевский. Этот тридцативосьмилетний еврей был одним из самых славных витязей русской истории. Сирота гражданской войны, окончивший одесскую пехотную школу, он показал свой полководческий талант, получив в командование 60-ю армию, которая под Курском в условиях почти катастрофических взяла на себя инициативу и с тех пор не знала поражений. 12 апреля Сталин одобрил назначение самого молодого из командующих фронтами. Старый Западный фронт почувствовал молодую кровь, когда Черняховский приехал в штаб в Красном.

План Генштаба поражает своей масштабностью — на картах была расписана самая крупная операция мировой истории. Речь шла о совместных действиях шести фронтов, от Нарвы на севере до Черновиц на юге. Главная часть операции — наступление в Белоруссии с целью уничтожения группы армий «Центр». Окончательная доработка наступательных планов завершается в середине мая 1944 года. А 20 мая Сталин собрал совещание высших военачальников в Кремле. Подверглись обсуждению даже малозначительные детали. В конце долгого дня Сталина спросили, каким будет кодовое название предстоящей операции, и он предложил назвать ее именем грузина — великого патриота России: «Багратион».

Ошибка Абвера

А на центральной, магистральной линии мирового противостояния, в Германии, размышляют над будущим советских военных операций. Именно здесь решится судьба войны. Гелен передает командованию вермахта целый ряд аналитических докладов, оценивающих сложившуюся ситуацию, главный среди них — «Wichtige Abwermeldungen», в котором обобщается гигантская работа германской разведки: когда, где и с какой целью русские намереваются предпринять наступательные усилия? В руках Гелена доклад о секретном заседании Ставки в конце мая. Согласно заключению Гелена, Сталин намерен нанести удар в районе Ковеля — Львова с выходом в Польшу и стимулированием восстания в Польше. Принцип руководителя аналитической службы Восточного фронта прост: Гелен следит за советскими танковыми армиями. Все они на юге. Стало быть, русские попытаются с юга войти в Польшу. А для чего еще нужны танки? 3 мая Гелен докладывает, что из 39 советских бронетанковых корпусов большинство размещено на юге или устремлено на юг. Отсюда вполне понятное радиомолчание. Против группы армий «Южная Украина» стоят 1200 танков, против группы армий «Северная Украина» — 500 танков, против группы армий «Север» — 423 танка, а в центре — только 41 танк. Вывод напрашивается.

И только пять человек на земле знали, что удар придется в районе германского выступа Витебск — Бобруйск — Минск. Советская стратегическая разведка дала такие цифры противостоящих войск: 42 германские дивизии. Против них предполагалось выдвинуть 77 советских дивизий, три танковых корпуса, один механизированный корпус, один кавалерийский корпус, шесть артиллерийских дивизий и три дивизии «катюш».

Финал планирования на самом высоком уровне был весьма драматическим. Рокоссовский стоял на том, что продвижение к Бобруйску должно осуществляться двумя колоннами, а ряд военачальников (и их поддержал Сталин) стояли за один мощный удар. Эмоции перехлестывали через край. Сталин дважды отсылал Рокоссовского в соседнюю комнату «подумать еще». Рокоссовский заявил, что если Ставка будет настаивать на одном ударе, он попросит о снятии его с поста командующего фронтом. Молотов и Маленков, симпатизирующие горячему военачальнику, наперебой спрашивали его: «Да знаешь ли ты, с кем споришь?» И все же

Рокоссовский убедил Сталина в том, что его замысел обещает лучшие результаты. Он сказал, что любит генералов, которые знают свое дело и знают, чего хотят. На Бобруйск войска пойдут двумя колоннами.

Железная дорога работала в предельном режиме, огромные массы войск перемещались по великой русской равнине, бой предстоял жестокий. А пока до назначенного срока — 15–20 июня — соблюдалась исключительная секретность. Маршалы менялись местами, Конев возглавил 1-й Украинский фронт, Малиновский — 2-й Украинский, безотказный генерал Петров возглавил 4-й Украинский фронт.

Немцы попались на удочку. Они строили вокруг Львова небывалые укрепления и подвозили на Западную Украину резервы. 38 германских дивизий встали на пути предполагаемого советского наступления. Интуиция подвела немцев. Гитлер отказал своим генералам на центральном (белорусском) участке в отходе к более укрепленным позициям на верхнем Днепре или Березине. У группы армий «Центр» в резерве была лишь одна дивизия. ОКХ отвел 56-й танковый корпус из подчинения группы армий «Центр» и подчинил его группе армий «Северная Украина». Германская разведка знала, что дивизии из Крыма переводятся именно на Центральный участок фронта. Но не сделала из этого правильных выводов. На критически важной военной конференции ОКХ 14 июня, несмотря на явные признаки усиления советских частей напротив группы армий «Центр», германское командование не нащупало нерва происходящего. Даже 20 июня ОКВ полагало, что гроза грянет на юге.

Между тем «кураторы победы» — представители Ставки прибывали совсем в другие места. Василевский 4 июня приехал к Черняховскому, на следующий день Жуков разместился у Рокоссовского (он прибыл в 5 часов утра, но уже через три часа начал работать). В полночь каждого дня представители Ставки звонили Сталину. К дате выступления советское военное командование подготовило 23 армии (из них 1 танковая и 4 авиационных), 118 стрелковых дивизий, 2 кавалерийских корпуса, восемь танковых и механизированных корпусов. Приказа ждали экипажи 2715 танков и 1355 самоходных орудий. Жуков считал, что их учеба без настоящей стрельбы недостаточна, и были специально выделены боевые патроны и снаряды для подготовки в обстановке, максимально приближенной к боевой. На фронт наступления прибыли 300 тысяч тонн горючего и миллион тонн прочих припасов.

В летнее небо смотрели 24 тысячи орудий и 2306 установленных на грузовиках ракетных минометов «катюша». В четырех авиафлотах готовыми к вылету стояли 5327 самолетов, а на дальних аэродромах

изготовились 700 бомбардировщиков авиации дальнего радиуса действия. Много другого: 70 тысяч грузовиков, 43 с половиной тысячи пулеметов. Ежедневно к четырем фронтам прибывали в среднем сто поездов и 12 тысяч грузовиков с припасами. Миллион двести пятьдесят четыре тысячи воинов ждали приказа, а в резерве стояли еще четыреста шестнадцать тысяч. Этой армии было подвластно все. Она прошла горечь поражений, возмужала психологически, выделила полководческие таланты, набралась опыта и умения вести современную войну. Это была лучшая в мире боевая сила, не имеющая равных по героизму, самопожертвованию, умению. И не каждое поколение знает волю, хладнокровие и стратегический талант, какой был у стоявшего во главе этой мощи Георгия Константиновича Жукова.

Гусеница на итальянском сапоге

В Италии Муссолини создал «республику Сало» — последний бастион фашизма на полуострове. Он спешит наказать тех своих сподвижников, которые предали его осенью, в том числе мужа своей дочери — министра иностранных дел Чиано и маршала Де Боно.

Видя, что он не сможет сбросить американцев и англичан в море, командующий германскими войсками в Италии фельдмаршал Кессельринг еще осенью 1943 года начал создавать мощные оборонительные сооружения на пути союзников от Неаполя на север. Так называемая «Зимняя позиция» представляла собой линию укреплений между Гаэтой и Пескарой. Преодолев «Зимнюю позицию», союзники предприняли ряд крупных наступательных операций, чтобы пробиться на север.

Но за первой линией германской обороны следовала вторая. Кессельринг достаточно отчетливо представлял себе, что союзники не пойдут вперед через центральные районы Апеннин и поэтому укреплял в основном Адриатическое и Лигурийское побережье. Вторая линия укреплений получила название «Густав». Аббатство Монтекассино, памятник шестого века, стояло здесь неприступной крепостью. Дожди осени и зимы вздули реки Южной Италии, и союзное продвижение стало сопряженным с еще большими трудностями.

Только 22 января 1944 года удача улыбнулась американцам. Американские и британские войска отплыли из Неаполя для высадки в Анцио, что обещало прямой путь на Рим. Их десант в Анцио (60 десантных судов) выбросил ударную группу войск всего в 50 километрах к югу от Рима. За сутки здесь высадились 36 тысяч десантников. Поскольку операция оказалась полной неожиданностью для Кессельринга, командующий операцией американский генерал Лукас, возможно, смог бы захватить в эти первые дни незащищенный Рим. Но риск был сочтен слишком большим, и Лукас предпочел активную оборону. Немцы не смогли сбросить Лукаса в море, но стратегическое значение его операции приблизилось к нулю. 23 февраля пришло подкрепление, но все три последующие месяца союзники могли лишь оборонять Анцио. В помощь американцам англичане и французы начали наступление, перейдя реку Гарильяно.

Но Гитлер приказал держать оборону в Италии любой ценой и германские войска остановили союзников. Надолго. Шли дни и недели, а

союзники не могли продвинуться в Италии на север. Американцы в листовках предупредили, что отныне будут бомбить любые исторические памятники. И тогда, ища выхода из тупика, союзники пошли в глубину, стараясь овладеть доминирующим над местностью монастырем Монтекассино. Между 12 февраля и 17 мая 1944 года они четыре раза штурмовали впечатляющий монастырь, вернее, подходы к нему. Монастырь стал грудой камня, но продвижения вперед так и не произошло.

Это был весьма тяжелый кризис для командующего театром военных действий британского генерала Александра (идеала аристократа-воина для Черчилля). 11 мая две тысячи орудий англо-американцев начали артиллерийский обстрел Монтекассино с моря. Через 45 минут пехота (поляки, индусы, англичане, французы, марокканцы) двинулась вперед. В этой, четвертой битве за Монтекассино Александр обеспечил превосходство своих войск в соотношении три к одному. Последовал налет, и шедевр раннехристианской архитектуры превратился в обломки. Лишь к 23 мая 1944 года союзники сумели пробить брешь. Вечером 5 июня американские войска вышли к центру Рима.

Немцам оставалось лишь отступить за Рим и организовать новую линию обороны — «Готскую линию» между Пизой и Римини — 250 километров к северу. Да и на пути к этой линии Кессельринг сумел в значительной степени обескровить наступающие войска. Фронт по «Готской» линии стабилизировался в августе 1944 года. К этому времени уже шли сражения в Нормандии, и немцы должны были оглядываться на свой тыл. Теперь «Готская» линия показала свою силу и практически трудно было предсказать скорый уход вермахта из Италии. Осеннее ненастье 1944 года лишь помогало Кессельрингу, укрепившему свои позиции.

Отметим и события на Балканах. Здесь 12 германским дивизиям помогли 18 дивизий германских союзников во главе с хорватскими усташами. В декабре 1943 года англичане окончательно переориентировались здесь с роялистов-четников на коммунистических повстанцев Тито. Капитуляция Италии очень помогла Тито, чья армия теперь превысила 100 тысяч человек. В их руках было теперь побережье Далмации и все итальянские припасы. Но решающее ослабление немцев и их союзников на Балканах произошло лишь в августе 1944 года с выходом на Балканы Красной армии и капитуляцией Румынии. Теперь партизанский герой становился одним из главных факторов на Балканах. Германская группа армий «Ф» на Балканах теперь в высшей степени зависела от способности Кессельринга продержаться в Северной Италии.

Подготовка к вторжению на континент

Начиная очередной военный год, премьер Черчилль огласил в парламенте цифры британских потерь в текущей войне: 120 958 убитых солдат и офицеров, 49 730 гражданских лиц. Общие потери британского содружества наций составили 232 тысячи человек. Эти цифры важно было знать накануне драматических событий предстоящего лета — броска западных войск на оккупированный немцами континент. Британия напрягалась в борьбе, имея постоянно в виду свою стратегическую цель — сохранить крупнейшую империю мира. Черчилль при этом хотел минимизировать британские потери, отталкиваясь от опыта Первой мировой войны, когда «победа была неотличима от поражения» из-за потери целого поколения. При этом Лондон отчетливо видел рост того конкурента, который до Второй мировой войны предпочитал не участвовать в битвах за мировое влияние.

Америка в ходе войны не только полностью выходит из кризиса, но вступает в эру невиданного экономического роста, увеличивая за годы войны валовой национальный продукт в полтора раза. В 1944 году федеральная система США начинает решительно расширять внешнеполитические прерогативы, приспособливаться к роли мировой державы. Аппарат президента разрастается, увеличивается поток поступающей извне информации. Военные ведомства, разведка и службы стратегических оценок превращаются в гигантские учреждения глобального масштаба. Действия Объединенного комитета начальников штабов, Комитета военной мобилизации, Объединенного штаба планирования приобретают трансконтинентальный характер. Бюро федерального бюджета теперь распоряжается колоссальными суммами.

Рузвельт в эти очень важные месяцы рубежа 1943–1944 годов разрабатывает стратегию в самом узком кругу. Место заболевшего Гопкинса занял в качестве советника по военно-дипломатическим вопросам адмирал У. Леги, советником по внутренним вопросам становится Дж. Бирнс. В Вашингтоне фантастически увеличивающуюся военную машину США все эти годы возглавляет военный министр Стимсон, опирающийся на военных профессионалов — генералов Маршалла и Арнольда, адмирала Кинга. В Европе главным военным представителем Рузвельта и будущим главнокомандующим западными союзными войсками становится генерал Эйзенхауэр. На тихоокеанском

театре контроль осуществляют адмирал Нимиц как командующий войсками в северной и центральной части Тихого океана, генерал Макартур — на юго-западе тихоокеанского бассейна и генерал Стилуэлл в Китае.

Атмосфера секретности, которая окутала Белый дом, особенно касалась атомного проекта. Доклады его руководителя В. Буша к Рузвельту шли в одном экземпляре и никогда не «оседали» в архивах Белого дома. Президент не рассказывал о «Манхеттене» даже государственному секретарю. Он лично заботился о том, чтобы работа в трех ключевых лабораториях — в Оак-Ридже, Хэнфорде и Лос-Аламосе была полностью изолирована от внешнего мира. И хотя в атомном проекте приняло участие огромное число лиц — более полутора ста тысяч — на «официальную поверхность» в Вашингтоне эта тайна «не всплывала» никоим образом. Нужно отметить широкое распространение практики, в общем и целом не характерной прежде для общественной жизни США: тщательная цензура переписки, подслушивание телефонных звонков, запрет даже намекать домашним на характер производимой работы, повсеместное использование личной охраны, кодирование имен. Колоссальный по объему работ проект «Манхеттен» финансировался настолько хитроумным способом из разных статей военных ассигнований, что не вызвал подозрения у самых внимательных исследователей бюджета. Только в феврале 1944 года, когда дело было уже поставлено на поток, Стимсон, Маршалл и Буш обрисовали потенциальные возможности нового оружия лидерам конгресса — Рейберну, Маккормику и Мартину.

Внимание Вашингтона и Лондона все более начинает сосредотачиваться на высадке в Западной Европе. В начале апреля 1944 года военные атташе США и Великобритании оповестили заместителя начальника Генерального штаба генерала Антонова о том, что западные союзники высадятся во Франции 31 мая. Союзники очень беспокоились о том, чтобы советская армия начала запланированную широкомасштабную операцию и не позволила немцам отозвать силы с Востока и сбросить союзные войска в Ла-Манш.

В Лондоне генерал Эйзенхауэр 21 января 1944 года впервые встретился с будущими командирами своих армий и дивизий, с которыми ему предстояло высадиться и воевать во Франции. До начала операции «Оверлорд» оставалось четыре месяца. Концентрация союзных сил в Британии весной 1944 года начала набирать темп. В высадке примут участие 6483 судна, сопровождаемые 7 линкорами, 23 крейсерами и 104 миноносцами. Сверху прикрытием послужат 12 тысяч американских и британских самолетов (из них 5 тысяч истребителей). Немцы так и не

усмотрели процесса подготовки десанта, не определили его масштаба, время высадки и, главное, места высадки. На протяжении первой половины 1944 г. германские разведсамолеты летали над Британией всего 32 раза, да и то без обычного тщания.

Англичане преуспели в искусстве дезориентации германского военного руководства. Они довольно успешно убедили немцев в существовании значительных сил вторжения на континент в районе напротив Кале. Записанные на пленку оживленные переговоры командиров отдельных частей ежедневно подавались в эфир, создавая впечатление концентрации и подготовки войск именно на данном участке. Читая немецкие телеграммы, мудрецы из Блечли знали, что немцы заглотнули дезинформацию, что немцы имеют весьма смутное представление о месте союзнической высадки. (В то же время «Ультра», фиксируя кодированные немецкие переговоры, имела полную картину перемещения германских войск). Советская разведка начала сотрудничать с западными союзниками в грандиозной операции по отвлечению германского внимания от Нормандии, намеченной в качестве места десанта союзников. Имитация активности на севере Европы вела немцев к заключению, что готовится десант в Норвегии. Это отвлекало германские силы и внимание.

В то же время в ходе подготовки «Оверлорда» союзная авиация планомерно бомбила железнодорожные станции между Парижем и Нормандией. Она разбомбила важный железнодорожный узел Трап к северу от Парижа, снесла с лица земли еще восемь важных железнодорожных станций.

Масштаб приготовлений был столь велик, что немцы не могли не знать о предстоящей операции. 1 июня японский посол Осима беседует с Гитлером: союзники в Британии завершают свои приготовления, и следует ожидать их высадки во Франции в недалеком будущем. Силы вторжения огромны: 80 дивизий «очень хороших войск».

Немецкий прогноз в начале июня говорил о трех днях плохой погоды. Но утром 4 июня генерал Эйзенхауэр получил сообщение о временном улучшении погоды. Проснувшись утром 5 июня, Эйзенхауэр знал, что решение должно быть принято в течение ближайших суток.

А противостоящий ему на материке фельдмаршал Роммель, успокоенный прогнозом, отбыл на автомобиле в Германию. Он хотел объяснить Гитлеру сложности, возникающие для его войск в случае союзнической высадки. Германские самолеты замерли на аэродромах. Союзники знали, что немецкой авиации не хватает горючего. В то же время 5-го июня в воздух поднялась тысяча британских бомбардировщиков —

для удара по немецким позициям в районе высадки. И более трех тысяч судов (английские, американские, польские, голландские, французские, норвежские, греческие) вышли в море курсом на Нормандию.

«Оверлорд»

На континент опустились парашютисты союзников. Ранним утром 6 июня 1944 г. их было уже 18 тысяч, и они проделали полезную работу, прерывая коммуникации германской армии и захватывая мосты. В половине седьмого утра к континентальному побережью подошли десантные суда и на берег высадились первые союзные части. Американцы быстро организовали плацдарм «Юта», их амфибии не останавливались у кромки суши и шли вперед. Через час на плацдармы «Золотой» и «Меч» высадились англичане; третьими плацдарм «Джуно» освоили канадцы.

Черчилль пишет Сталину 6-го июня: «Все началось хорошо. Мины, препятствия и наземные барьеры в основном преодолены. Высадка воздушного десанта была очень успешной... Высадка пехоты происходит быстро... Погода предсказывается умеренная». Сталин отвечает: «Летнее наступление советских войск, о начале которого достигнуто соглашение на Тегеранской конференции, начнется в середине июня на одном из важнейших секторов фронта. Общее наступление будет развиваться по стадиям с последовательным вовлечением армий в наступательные действия. Между концом июня и началом июля операции превратятся в общее наступление советских войск. Я буду держать вас в курсе событий».

Немногочисленные московские рестораны были полны, первый тост — «За второй фронт!». «Правда» поместила портрет генерала Эйзенхауэра и его краткую биографию. Теперь Германия начинала ощущать свое проклятье Первой мировой войны — боевые действия на двух фронтах. Только тогда Россия не выдержала и пришла в Брест — на этот раз она вынесла на своих могучих плечах всю страшную тяжесть войны трех неповторимых лет между июнем 1941 и июнем 1944 годов. Возникающий Западный фронт Эйзенхауэра знал, что далеко, на европейском Востоке его поддерживает лучшая армия мира, взявшая на себя львиную долю общего бремени. На Восточном фронте немцы держали 228 дивизий, а на западном — 58 дивизий, из которых лишь пятнадцать дивизий оказались в непосредственной близости от мест высадки в Нормандии.

Роммель узнал о высадке союзников в начале одиннадцатого утра 6 июня. Он немедленно возвратился из Германии во Францию. Приказ Гитлера: сбросить западных союзников до полуночи. Такой приказ мог отдать только тот, кто не представлял себе масштабов вторжения. К полуночи в Нормандии под началом командующего западными войсками

генерала Эйзенхауэра было 155 тысяч солдат и офицеров, превосходно экипированных почти всеми видами современной техники. Немцы добились частичного успеха только на плацдарме «Омаха», где они блокировали 35 тысяч союзных войск. Гитлер все еще надеялся, что имеет дело не с настоящей высадкой, а с имитацией, с операцией по отвлечению его сил. Даже на следующий день командование «люфтваффе» ожидало «подлинного» броска союзных войск на бельгийском побережье.

Ободряющая новость поступила от британских дешифровальщиков — у германской авиации ограниченные запасы горючего. Успех пятитысячного коллектива Блечли — чтение германского кода «Энигма» — имел огромное значение для союзных войск. Было решено интенсифицировать бомбометание в районах синтеза германского искусственного бензина. «Энигма» сообщила, где находится штаб западной группировки германских танковых войск, и французский Ле Кэн подвергся основательной бомбежке, что заставило немцев отложить танковую атаку. А германская разведка изучала донесения своего высокоценного агента в Британии «Арабеля», который утверждал, что нормандская операция рассчитана на отвлечение германских сил — эти сведения были показаны Гитлеру, что является высшим комплиментом «Интеллидженс сервис». Хуан Пужоль («Арабель») получил 17 июня «железный крест» за помощь вермахту — это значило, что союзная операция дезинформации прошла блистательно. Немцев водили за нос целых три дня, начальник их военной разведки полковник Рене продолжал убеждать в Цоссене Кейтеля 9 июня, что основным районом высадки будет Па-де-Кале.

8 июня основные плацдармы высадившихся союзных войск соединились и создали единый фронт против приближающихся германских частей. В этот же день Сталин написал Черчиллю, что «Оверлорд» является «источником радости для всех нас» и повторил обещание начать летнее наступление Красной Армии. Советское руководство беспокоила демографическая ситуация и в тот день вышло постановление о звании «Мать-героиня», о материальной помощи многодетным семьям и даже многодетным матерям-одиночкам.

Только 10 июня немцы бросились к уже обозначившимся плацдармам, но в дело вступила союзная авиация. Роммель жалуется, что «все наше движение на дорогах парализовано». Его стратегия заключалась в том, чтобы нанести удар прежде всего по американскому участку в районе Карантан-Монтебур. Затем, не без вмешательства Гитлера, произошла переориентация на британский сектор в Кане. Немцы сумели воспрепятствовать выполнению плана союзников захватить Кан как центр

местных коммуникаций. (Союзникам не удастся взять Кан еще целых два месяца). Но к этому времени во Франции высадились уже 325 тысяч отборных солдат — сбросить такую силу в море немцам могла помочь лишь необычайная удача. Надеясь на деморализацию противника, немцы запустили в сторону Британии 10 летающих бомб «Фау-1», но германские бомбардировщики не поднялись в воздух — накануне союзная авиация пригвоздила их на поле аэродрома в Бове. В тот же день немцы испытали «Фау-2» — эта мощная ракета должна была, пролетев заданную траекторию, скрыться в глубинах Балтийского моря. Но произошла ошибка и она упала на побережье Швеции. Английские специалисты немедленно занялись ее изучением. Немцы упорно продолжали попытки удара по Британии пока еще несовершенными «Фау-1». 15 июня они выпустили 244 ракеты, еще одна атака 17 июня. В Британии «летающие бомбы» («Фау-1») убили около трех тысяч человек (2754 бомбы к 7 июля).

Шел одиннадцатый день союзнической высадки, а немцы все еще собирались с силами. 15-я германская армия так и осталась стоять близ Падде-Кале. Из района Тулузы к Нормандии шла 2-я танковая дивизия СС, оснащенная танками последней модификации. В этой дивизии были ветераны Восточного фронта, и это была мощная сила. Их предполагаемый трехдневный поход растянулся на 17 дней благодаря разбитым союзной авиацией мостам на Луаре, а также между Орлеаном и морем, благодаря заранее спланированным диверсионным актам. Только 15 июня дивизия заняла предназначенные ей плацдармы в Ториньи, Каниси и Тесси. Но к полночи 20 июня во Франции были уже полмиллиона солдат союзников, здесь создавалась внутренняя инфраструктура, депо ремонта, запасы горючего. ВВС союзников предотвратили подход к Нормандии германских подводных лодок и начали бомбить пункты запуска «Фау-1». 25 июня 1944 года союзные войска подошли к Шербуру с суши и с моря и через два дня порт был взят. До сих пор потери союзников во Франции составляли 7 тысяч человек.

29 июня фельдмаршалы Роммель и Рундштедт совещались с Гитлером в Берхесгадене, требуя подкреплений и воздушной поддержки. Они впервые задали своему главнокомандующему вопрос, как он мыслит себе победу в данной войне? Гитлер не любил таких вопросов, и через три дня Рундштедт, военачальник с огромным опытом (гораздо более впечатляющим, чем у «лиса пустыни» Роммеля) был уволен и заменен фельдмаршалом Клюге. Пока германское командование совещалось, численность союзных сил в Северной Франции достигла миллиона человек. Гитлер в директиве от 8 июля приказал «упорно защищать каждый

квадратный километр». 15 июля Роммель пишет Гитлеру об огромных людских и материальных потерях его войск. И об отсутствии пополнений.

18 июля 1944 г. союзники начали наступление против города Кан. Их бомбардировочная авиация разрушила большую часть города. Чтобы спасти Кан, Гитлер наконец разрешил снять войска, стоящие у Па-де-Кале. Все последующие дни западные союзники вели ожесточенные бои за Кан. Немцы не могли послать на запад слишком большие силы — ситуация резко ухудшалась на Восточном фронте. Гитлер склонился над картой Восточного фронта, когда в его наземном бараке раздался взрыв.

«Багратион»

Ровно три года после того, как случилась великая несправедливость и Германия напала на неугрожающую ей страну, неся несказанное горе, смерть и опустошение ее народу, огромная сила, собранная Советским Союзом, начала операцию, названую, как уже говорилось, именем грузинского героя русской истории — генерала Багратиона. Разница во времени выступления четырех фронтов была невелика, но она существовала. Первым выступал 1-й Прибалтийский фронт, за ним — 3-й Белорусский и потом уже 2-й и 1-й Белорусский фронты.

В 4 часа утра 22 июня 1944 года маршал Василевский доложил Сталину, что 1-й Прибалтийский фронт Баграмяна и 3-й Белорусский фронт Черняховского готовы к бою. Жуков направил этим фронтам дальнюю бомбардировочную авиацию, целью которой было нейтрализовать подъездные пути к Витебску — общей цели армянина Баграмяна и еврея Черняховского, для которых, как и для грузина Сталина, Россия была общей родиной. Витебск будет атакован с северо-востока. Военачальники обозревали дальние горизонты, Баграмян хмурился, глядя на небо, впереди лежала бескрайняя лесисто-озерная Белоруссия, последняя оккупированная часть отечества. Недавно прошел обильный дождь, но к рассвету он прекратился, и в 5 часов утра по полям и лесам пополз туман. Баграмян отменил шестнадцатиминутную огневую подготовку, и батальоны рванулись вперед в жестокой тишине. Баграмян опасался, что немцы благополучно переждут артподготовку в заранее подготовленных убежищах, а потом его солдат встретит шквальный пулеметный огонь увидевших опасность немцев. Он видел это не раз. И считал более эффективным не предупреждать врага артиллерийским огнем. Разменять артподготовку на неожиданность. (Не все разделяли его доверие к этой разведке боем).

Но Баграмян был удовлетворен, через три часа ему сообщили, что авангардные батальоны нащупали «подлинное тело» германских частей и ведут активный наступательный бой. Пополнения помогли им пройти в течение дня пять километров. С наступлением сумерек в бой были брошены специальные ночные батальоны с задачей «взять врага за горло». Поможет авиация. Это было новое слово в наступательной тактике советских войск. На плечах ударных батальонов в немецкие позиции врывались свежие советские войска и именно им помогала артиллерия,

действуя не просто «в сторону противника», а по конкретным целям. Утром 23 июня взято первое село, маленькое село с пронзительным названием Сиротино. Лиха беда начало.

Баграмяна беспокоило только одно: не отвели ли германские генералы свои основные части в глубину, ожидая удобного мига для контратаки? Он не первый год знал немцев — их оборонительная система обычно предполагала слабые силы на передовой и мощные резервы в глубине. Но сейчас не 41-й год, и Баграмян — не новичок в военной науке. Действительно, 3-я танковая армия генерал-полковника Рейнгарда была отведена почти до Полоцка, ожидая развития ситуации. У подвергшегося же нападению 9-го германского корпуса серьезных собственных резервов не было. Успеет ли Рейнгард? Баграмян требовал постоянной воздушной поддержки, он знал, что наступает решительный момент — в прорыв посылается 1-й танковый корпус генерала Буткова. Сопротивление у деревни Шумилино подавлено огнем «катюш». Пройдено 15 километров оборонительной полосы 9-го германского корпуса.

Только днем 23 июня разведывательная авиация (где она была три года назад?) обнаружила германскую колонну, движущуюся с юго-запада к Западной Двине, где у немцев имелись оборонительные сооружения. Позволить им закрепиться означало сорвать столь тщательно подготавливаемую операцию. Германским танкам препятствует милая родная грязь. Баграмян решает опередить немцев на Западной Двине силами пехоты — они быстрее переправятся через Двину. 6-я гвардейская (Чистяков) и 43-я армии получают приказ устремиться к Двине на максимально высокой скорости. В полночь 24 июня Чистяков докладывает, что закрепился на западном берегу Западной Двины. Ночью инженеры без усталости возводят понтонный мост. А на западном берегу уже два корпуса генерала Белобородова. Обычно столь сдержанный, не склонный к драматизации происходящего маршал Василевский требует, чтобы Белобородов как можно быстрее переправился через Западную Двину — «вся операция по окружению Витебска зависит от этого. У нас есть информация, что фашистское командование дважды испрашивало разрешение Гитлера уйти из витебского „мешка“, но не Гитлеру, а нам решать судьбу этой группировки. В любом случае мы не должны позволить фашистам уйти. И это зависит от быстроты операций товарища Белобородова».

Белобородов не подвел. 24-го июня он уже заходил к Витебску с северо-запада. А днем ранее 3-й Белорусский фронт Черняховского в первый же день наступления углубился в оборону противника на восемь

километров на полосе наступления в сорок километров. 25-го перерезана железнодорожная трасса Витебск-Орша и положение германской 3-й танковой армии становится сложным. Пересекая бесчисленные речушки и перелески, северный фланг огромной машины, предназначенной изгнать немцев из Белоруссии, шел без сна и отдыха вперед. Во второй половине дня 25 июня в районе Витебска 39-я армия 3-го Белорусского фронта сомкнулась с 43-й армией Белобородова. В кольце советских войск оказались четыре дивизии 3-й танковой армии. Гитлер приказал удерживать Витебск «любой ценой», но, видя гибель своих дивизий, неохотно позволил 3-й танковой армии пробиваться на юго-запад. В Витебске самой большой драгоценностью был мост через Западную Двину. Во главе взвода саперов сержант Блохин в ночь на 25 июня ликвидировал охрану моста и обезвредил подготовленные взрывные устройства. Уже утром по мосту пошли советские танки. А через сутки, отвечая на советский ультиматум, гарнизон Витебска сдался. На улицах города лежали 20 тысяч убитых немцев.

9-я германская армия приняла на себя непосильную ношу — сдержать удар, предназначенный всей группе армий «Центр» она не могла физически. В Минске командующий группой армий фельдмаршал Буш требовал от начальника штаба сухопутных сил Цейтцлера свободы маневра и гарантии подкреплений. Но германское военное руководство не сумело определить степени экстренности положения в Белоруссии и связанности этого наступления с судьбой рейха в целом. Гитлер отрядил две дополнительные танковые дивизии, он еще не видел написанных на белорусской стене роковых для его режима слов. Миопия в этом случае обрушила последние — самые призрачные — шансы на то, чтобы остановить волну Красной Армии на хорошо подготовленных, по-современному укрепленных позициях, на подступах к собственно Германии.

2-й Белорусский фронт (Захаров) устремился восточнее Могилева, места царской Ставки в Первой мировой войне. Здесь и ждала советские атакующие колонны германская 3-я танковая армия. После трех дней свирепой битвы 49-я советская армия пересекла Днепр в его верхнем течении и создала плацдарм севернее Могилева. 92-й мостостроительный батальон привез мост в грузовиках, и во второй половине дня 27-го июня, несмотря на жестокий огонь немцев, были созданы два моста через реку, что позволило советским танкам быстро расширить плацдарм на западном берегу. Это заставило командующего германской 4-й армией генерала Типпельскирха пренебречь гитлеровским приказом «стоять до последнего»

и начать эвакуацию своей армии за Днепр. Взятие Могилева было очень кровопролитной операцией даже по меркам этой жесточайшей из войн.

Черняховский (3-й Белорусский фронт) шел по стопам Наполеона к Березине. У него был фантастический помощник — танковая армия Ротмистрова, неудержимая и легендарная. Дорога на Минск была и есть одной из немногих в большой Руси хороших дорог, а танкисты любили, как все русские, быструю езду. Через три дня после начала наступления они были уже в глубоком тылу группы армий «Центр». Это инициировало процесс дезинтеграции трех германских армий. 3-я танковая, 4-я армия и 9-я армия начали терять взаимосвязь, а при сложившемся соотношении сил это было смерти подобно. Теперь владеющий Витебском Баграмян шел на Полоцк, чтобы отрезать группу армий «Центр» от группы армий «Север». Черняховский поворачивал к Минску, заходя во фланг германской 4-й армии вплоть до исторической Березины. С другого фланга 4-ю германскую армию обходил Захаров. Рокоссовский нанес свой обещанный «двойной удар» в направлении Бобруйска; смысл этой операции был в окружении с двух сторон 9-й германской армии. Константин Константинович убедил, рискуя всем, Сталина, а теперь он доказал, что выбивает из рук противника одно из самых его сильных орудий. Четыре армии Рокоссовского шли вперед, чтобы сомкнуться западнее Бобруйска.

Жуков был безжалостен в эти дни. Командир, не знающий своего задания, танкист, не имеющий хвороста в танке (для преодоления болотистой местности), артиллерист, потерявший цели своего орудия, — все они легко могли очутиться в штрафбате. Жестокие то были меры, и маршал не знал поблажек. Страна должна была победить, и если бы эта мысль не пронзала всех, повторился бы бунт Первой мировой войны. Но цель более значимая, чем жизнь, объединяла всех, и великое поколение по собственному согласию подчинилось драконовским мерам, чтобы никогда не повторился 41-й год. Только полагаясь на бездонный патриотизм, мог Жуков требовать невозможного.

Сверкнул умением генерал Батов. Его 65-я армия пробила позиции 41-го германского танкового корпуса, и танкисты 1-го гвардейского танкового корпуса (Панов) получили условленный сигнал: трижды повторенное «Река течет». Эта философская мысль выдвинула танки из-за спин корчующих леса и немцев ударных войск, навстречу германским «фердинандам», новым самоходным орудиям. Дым горящих «фердинандов», смешанный с черным дымом дизелей «тридцатьчетверок», остался позади, и Панов далеко обогнал пехотные подразделения. Типпельскирх уходил далеко за Днепр. Мы видим растерянность Гитлера: с одной стороны, он требует

удержать Могилев, а с другой — готов позволить своей 9-й армии уйти за Березину. В результате значительная часть 9-й германской армии нашла в белорусских лесах и болотах забытую богом могилу.

Несколько мостов через Березину были захвачены нетронутыми — столь быстрым и неожиданным был темп наступления. Пытавшаяся предотвратить этот захват 20-я танковая дивизия вермахта была разбита вдребезги. Рокоссовский приказал трем своим армиям (3-я, 48-я, 65-я) заблокировать отход 40 тысяч немцев из Бобруйска. В городе много немецких войск занималось фортификационными работами, они строили баррикады, устанавливали зенитные орудия. Несколько раз немцы пытались пробиться, и генералу Горбатову (3-я армия) приходилось остужать горячие головы. 400 бомбардировщиков воздушной армии Руденко превратили сравнительно небольшой Бобруйск в вариант Сталинграда. В ходе штурма Бобруйска 27 июня наиболее успешными оказались действия не прямолинейных сторонников танковой атаки, а тех, кто пересек Березину и нанес удар с неожиданной стороны. Батов и Романенко вошли в горящий город, в соседних лесах сдавались немцы, но всех более прочего интересовала новость о взятии Осиповичей — железнодорожной станции на пути к Минску.

Итак, в руках советских войск оказались Витебск, Орша, Могилев, Бобруйск. Германская линия обороны была сметена, потери немцев за неделю боев составили 130 тысяч убитыми, 60 тысяч взяты в плен. Потери 900 танков, тысячи единиц другой техники. Разумеется, были велики и советские потери. В нехарактерном признании будущего маршала Баграмяна, что он «был потрясен потерями на своем фронте», есть много того, о чем думали и другие командиры. Белорусская земля, наша славная западная застава, была обильно обагрена кровью своих освободителей.

В Оберзальцбурге Гитлер размышлял над ошибочными ожиданиями, над новой ситуацией, когда германские резервы стояли за группой армий «Северная Украина», а удар оказался нанесенным по группе армий «Центр». 28 июня он назначает фельдмаршала Моделя командующим обеими группами армий — «Центр» и «Северная Украина» — так будет легче перебрасывать резервы на север. Но Модель был бессилён: в течение двух недель в германской обороне была пробита зияющая брешь в 400 с лишним километров шириной. (Напомним, в дни «Багратиона» Западный фронт представлял собой еще малозначительный плацдарм, практически пока не расширившийся).

Повторим то, что говорилось неоднократно: надежда Гитлера в 1943 и 1944 годах была связана, прежде всего, с ожиданием истощения России,

наступления периода, когда иссякнет ее людская мощь (не может же она быть неистощимой?), когда построенная среди болот и лесов новая индустрия начнет выходить из строя, когда наступит естественная психологическая усталость, когда бесконечный бой заставит усомниться в лидерах, когда кровавость предстоящей дороги обескуражит русских. Гитлер постоянно задает один и тот же вопрос: если Германия задыхается, то что должна чувствовать гораздо менее эффективная Россия? Ведь «сломалась» же она перед Людендорфом, разве изменился с тех пор русский мужик? Тогда блистательную императорскую Россию с мудрым генштабом и «настоящими» офицерами хватило лишь на три года. Не могут быть самоназначенные комиссары умнее и эффективнее петровской дворянской прослойки. Нужно ждать. Не зря говорят, что победит тот, кто последним введет в бой батальон. И в данном случае, размышлял Гитлер на фоне Баварских Альп, наступление в Белоруссии связано с чудовищными потерями. Должен же наступить момент неизбежной усталости Красной Армии?

Модель принял командование и убедился в том, что русские фронты движимы очень широким замыслом, что даже взятие Минска не является их конечной целью. Сейчас они пытаются загнать в западню 4-ю германскую армию. Их авангард уже в 80 километрах от Минска, а 4-я армия, отбиваясь от наседающего противника находится от столицы Белоруссии примерно в 120 километрах. В день назначения Моделя советская Ставка приняла обновленные директивы всем четырем фронтам. Баграмян (1-й Прибалтийский) движется на Полоцк. Черняховский (3-й Белорусский) — на Березину и совместно с Захаровым (2-й Белорусский) берет 7–8 июля Минск. Рокоссовский подходит к Минску с юга, но его главная задача — отсечь путь отхода немцам на юго-запад. Захаров жмет на 4-ю германскую армию фронтально, а соседи отсекают ее фланги. Баграмян страхует Черняховского от удара с севера.

Утром 2 июля сильно ослабленный боями и дорогами маршал Ротмистров покати по минской автостраде уже прямо к столице Белоруссии. Пройдя более сорока километров, его танкисты ночью оказались в северо-восточных пригородах города. С юго-запада подходит 1-й гвардейский корпус Панова. 3-го июля войска входят в город-призрак Минск. Руины повсюду. Как и вся сожженная, но верная партизанская Беларусь, стоит Минск памятником беззаветного мужества народа, потерявшего относительно более всех в мире — каждого четвертого. Назовите в мировой истории еще такой пример беззаветности, бесстрашия, самопожертвования, великой любви к общей родине!

Несколько раз наши войска натываются на эшелоны с детьми, увозимыми в Германию. Сожженные деревни, могилы на каждом шагу и непокоренные белорусы. Нет таких слов, чтобы выразили всю меру братской благодарности великому народу, органически не способному на измену.

А вокруг Минска бьется в конвульсиях 4-я германская армия — 105 тысяч солдат и офицеров, разделенных на две части. История редко бывает такой точной — именно в тех лесах, к востоку от Минска, где в страшные позднейюньские дни 1941 года в жестоком потрясении ощутили себя окруженными солдаты Западного военного округа, откуда вчерашнего сталинского любимца — генерала Павлова вызвали на расстрел, находились теперь в ожидании страшного суда огромные массы солдат агрессора. Ровно три года спустя в том же месте. Часть из них пыталась пробиться к своим — и более 40 тысяч погибло в бессмысленных лесных боях. Германская авиация пыталась сбрасывать по воздуху припасы, только удлиняя агонию. Не выдержал командующий германским 12-м корпусом, он объявил о всеобщей сдаче. Пленение остатков четырех германских корпусов продолжалось до 11 июля 1944 года.

От группы армий «Центр», которая в веселой лихости миновала, не оглядываясь, эти края три года назад в полной уверенности относительно двухмесячной войны, теперь осталось всего восемь сильно потрепанных дивизий, неспособных прикрыть четырехсоткилометровую ширь прорыва советских армий. Белоруссия, самая верная и жертвенная сестра, была освобождена. Баграмян освободил Полоцк, а Рокоссовский выходил на Брест.

Никогда еще вермахт не терпел столь сокрушительного поражения. Потери в открытом бою 28 дивизий и 350 тысяч солдат. 17 июля случилось необычное. По посуровевшим улицам советской столицы прошла огромная колонна — 57 тысяч германских военнопленных — в основном взятых в плен в ходе операции «Багратион». Во главе колонны шли 19 генералов, у каждого «железный крест». Во главе колонны с «рыцарским крестом» шел генерал Голвицер, командующий корпусом, взятый в плен в Витебске. Они дошли до Москвы. Молчаливая толпа смотрела на тех, кто хотел стать хозяевами России. Это был великий момент. Исход войны был уже необратим. Цитируя немецкие газеты, завершилась битва «апокалиптических» пропорций. Судьба Германии окончательно решилась в непокорившейся Белоруссии.

8 июля Сталин призывает Жукова, Антонова и сотрудников Генерального штаба. Возможно, это была одна из немногих конференций, когда в воздухе царил то, что называют эйфорией. Не многие генералы

видели Сталина в таком приподнятом духе. Обед (завтрак для поздно встающего Сталина) начался у Сталина с Жуковым и Антоновым в два часа пополудни. Сталин спросил Жукова, не могут ли войска дойти до Вислы в ходе текущего наступления?

Иные названия влекут уже военачальников. Генштаб ставит задачу: Прибалтика и Польша. Баграмяну поручается двигаться на Каунас, Черняховскому — на Вильнюс и Лиду, Захарову — на западный берег Немана и польский Белосток, Рокоссовскому — на Барановичи и Брест. В день от 15 до 20 километров продвижения. В условиях, когда Модель поспевал лишь оборачиваться, эти планы были реализованы достаточно быстро. Барановичи взяты 8 июля, Вильнюс — 13 июля, пять армий Баграмяна подошли к литовской и латвийской границе. И полесские болота уже позади, что более всего радовало танкистов. Утром 17 июля неунывающий Рокоссовский сделал еще один могучий бросок. Традиционная канонада предварила выход вперед его пехоты, а ее было много — девять пехотных армий (из которых одна была польской), одна танковая (2-я), два танковых и один кавалерийский корпус. Через шесть дней 8-я гвардейская армия сталинградского Чуйкова вошла в польский Люблин и повернула на север, чтобы сравнить Волгу с Вислой. Черняховский берет Каунас.

Настает пора действовать самому мощному из советских фронтов — 1-му Украинскому маршала Конева. Стоящая против него германская группа армий «Северная Украина» держала фронт от Карпат до припятских болот. Именно здесь Гитлер ожидал то, что стало операцией «Багратион» и свершилось значительно севернее. Задачей германских войск здесь было прикрыть германскую Силезию, Южную Польшу и Чехословакию. Крах группы армий «Центр» потребовал перевода в Западную Белоруссию шести дивизий, оставляя на прежнем месте — против Конева — 34 пехотные дивизии, пять танковых дивизий и бронетанковую дивизию. Конев выглядел еще солиднее: 900 тысяч солдат, 900 танков, 6 тысяч орудий, 700 самолетов. Но немцы, мастера фортификации, хорошо подготовились, они использовали пересеченную местность, множество рек, начинающиеся горные кряжи. Львов, превосходный железнодорожный узел, позволял без особого труда маневрировать войсками. Пятидесятикилометровая (в глубину) линия обороны опиралась на Владимир-Волынский, Броды, Раву Русскую (брусиловские места).

Конев был уже не первым советским маршалом, кто спорил со Сталиным о грядущих планах. Сталин, бывший в этих местах с Буденным

во время польского похода 1920-го года, настаивал на ударе в направлении Львова как единственном и главном. Конев видел ключ к удаче в давлении по двум направлениям — Рава Русская и Львов. Традиция, касающаяся лишь 1943–1945 годов, — не в первый раз Сталин уступил. То, что героями нашей великой войны были не жалкие сикофанты типа Цейтцлера, не смевшего перечить Гитлеру, а убежденные воины, ставившие карьеру ниже успеха дела (такие как Жуков, Рокоссовский, Конев) исполняет гордостью. Разумеется, были генералы и менее высокого полета, но мир держится на высоких примерах.

Итак, Сокаль — Рава Русская и Тернополь — Львов. Старый маршрут русских воинов. Именно здесь в августе 1914 года генералы Иванов, Брусилов и Рузский разбили австрийскую армию к востоку от Львова, и только задержка правого крыла русской армии здесь позволила австро-венгерскому главнокомандующему фельдмаршалу фон Гетцендорфу, сдав Львов, удержаться на Раве Русской. Маршал Конев шел той же дорогой, но ему хотелось избежать старых ошибок. Ставка предоставила ему еще одну тысячу танков. И Конев хотел наступать именно правым флангом, имитируя при этом всячески подготовку левого фланга. Наблюдательные способности германской армии, видимо, были недооценены, немцы все же были мастерами анализа, и они увели свои войска из-под артиллерийского удара. 1-я и 4-я германские танковые армии начали уже разбираться в наступательных маневрах полководцев поколения Конева. Видя отход немцев на вторую оборонительную полосу, Конев меняет прежнее решение и посылает передовые батальоны 3-й гвардейской и 13-й армии, стоящие на правом фланге, в атаку без обязательного артиллерийского напутствия.

Небольшой городок Горохов был взят 13 июля, но немцы со второй оборонительной полосы начали жестко отбивать потерянные позиции. Введенная в бой проверенная сила — 1-я гвардейская танковая армия 17 июля достигла Западного Буга, передовые танки ворвались на польскую территорию — впервые Советская армия выступала в роли освободительницы соседнего народа, впервые наши воины сражались на чужой территории. Как и в сталинском 1920-м году, наступление на Львов не дало особых результатов. Здесь зверски (нет иного слова) сражалась против своих дивизия СС «Галичина». Лишь вышедшие вперед танки Рыбалко (3-я гвардейская танковая армия) сумели пробиться сквозь узкий коридор на северо-запад, к Злочеву. Немцы всячески стремились захлопнуть за Рыбалко дверь, но Конев понимал, что коридор должен быть открыт любой ценой. В дело пошла 4-я танковая армия Лелюшенко с жестким приказом идти не прямо ко Львову, а следовать за левым крылом

3-й танковой армии. Эта помощь позволила Рыбалко выйти во фланг германским танковым дивизиям с запада и юга.

Вечером 22 июля под Бродами в плен были взяты 17 тысяч солдат и офицеров противника, 30 тысяч лежали в окрестных лесах. Это было одно из самых эффектных окружений германской армии, и Брусиллов, чья тень витает над здешними местами, был бы доволен. Подлинный шторм не позволил танкам Рыбалко с ходу взять Львов. Лелюшенко тоже говорил, что возьмет город «по пути». Промедление в один день решило вопрос о победителе в гонке — из брошенного Станислава первыми в столицу Западной Украины вошли три германские дивизии. Теперь о взятии города с ходу не могло быть и речи. Завязались тяжелые бои. Конев не хотел видеть свои лучшие войска прикованными к взятию Львова, в то время как немцы строили оборонительную линию на реках Сан и Висла. Несмотря на прерванную радиосвязь, он нашел контакт с Рыбалко при помощи самолета и приказал идти вперед, оставляя Львов в тылу. Город и без того обречен. 60-я армия Курочкина подпирала его с востока, 10-й танковый корпус — с юго-запада, Рыбалко был уже далеко на западе. Но три дня, три дня, о которых красноречивее всего говорит городское кладбище Львова, понадобились для освобождения города самых западных русских — какой бы яд не проливали те, кто предпочел загнать западноукраинскую молодежь в дивизию СС «Галичина», но не воссоединить растерзанное в тринадцатом веке тело общего народа, вышедшего из одного корня и исторически стремившегося к единению.

На Висле теперь стояла 4-я германская танковая армия, в отношении которой Жуков чувствовал неоплатный долг. 1-я германская танковая армия отошла к Карпатам, прикрывая путь в Венгрию. Именно сюда теперь перемещалась основная мощь 1-го Украинского фронта Конева — 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко. Она шла к Висле со всей скоростью своих дизельных моторов. В планшетах командиров приказ форсировать реку и захватить Сандомир. Танковая армия Катукова выходила к Висле южнее Сандомира, «кавалерийско-механизированная группа» генерала Соколова стремилась к Висле с севера. Конев форсировал Вислу с ходу вечером 30 июля и образовал три плацдарма на западном берегу. Катукоев проделал это успешнее других в районе Баранува. Саперы работали беззаветно, и 1 августа два понтонных моста ждали технику. 182 танка, 55 орудий и 94 грузовика с пехотой скрепили Сандомирский плацдарм Конева. Маршал предложил создать два независимых направления — Сандомирское и Карпатское. Ставка одобрила идею, и «грязную», тяжелую работу боев в горах поручили воссозданному 4-му Украинскому фронту во

главе с безотказным и надежным генералом Петровым.

Рокоссовский (1-й Белорусский фронт) тоже начал вносить новую лепту в полное изгнание немцев с советской территории 18 июля 1944 года. Левый фланг его близкого к Конеvu фронта — пять армий (включая волнующуюся польскую), поддерживаемые 6-м авиационным флотом, двинулись на Брест, стоящий на границе с Польшей сентября 1939 года. Дальше виделся бег к Висле и Варшаве. Нужно было только свести к минимуму боевую мощь стоящей на пути 4-й танковой армии немцев. По меньшей мере, нейтрализовать ее левый фланг. При упоминании о 4-й германской танковой Чуйков («принадлежавший» 3-му Украинскому фронту) со своей 8-й гвардейской армией бросился с днестровского плацдарма на север. Радиосообщения были запрещены, армия двигалась ночами. Теперь Чуйкову предстояло начать наступательный порыв 1-го Белорусского фронта. Жесткий мужской разговор Жукова и Чуйкова был смягчен галантным Рокоссовским, речь шла о готовности войск и способе прорвать германскую линию обороны. Присутствовал маршал авиации Новиков и руководители разведки.

В полшестого утра 18 июля тридцатиминутная артподготовка предварила бросок 8-й гвардейской, ее разведбатальонов. Через полчаса Жуков, Рокоссовский и командующий артиллерией фронта Казаков прибыли на наблюдательный пост Чуйкова. Позади по германским позициям били орудия 203-мм калибра. К вечеру передовые батальоны достигли реки Плиск, а в полдень 20 июля танки подошли к берегу Западного Буга. Десять часов заняла тяжелая переправа. Теперь их ориентировали на польский Люблин. 22 июля очищен стоящий в 60 километрах на пути к Люблину Хелм, а на следующий день они были уже в восточных пригородах Люблина. Наступление шло жестоко с трех сторон, и в плен был взят даже немецкий комендант Люблина. Движение в северо-западном направлении вело 2-ю танковую армию через Пулавы к восточному берегу Вислы. Сколько на этом пути погибло доблестных танкистов и сопровождающую танки пехоту — не сосчитать. Немцы, чувствуя, что отступают к своим границам, защищались умело и отчаянно. И ждали, когда русский медведь посинеет от потери крови.

Рокоссовский подходил к Бресту и с юга и с севера, но его силы уже были напряжены. «У меня почти ничего не осталось в запасе» — вот его слова Батову, желавшему окружить ослабленные части немцев именно у Бреста. И все же нужно было помочь Плиеву, чьи кони уже пили воду из Буга и были поблизости от Бреста. Судьба Плиева интересовала и Жукова, он приказал 65-й армии Батова спасти доблестного кавалериста. Батов

объяснялся с Рокоссовским, когда в расположение штаба его армии ворвались немецкие танки и в повисшей трубке долго раздавался недоуменный голос маршала. Неожиданное контрнаступление немцев задержало помощь Плиеву и взятие Бреста. Остатки германских 2-й и 9-й армий (восемь дивизий) и танковые подкрепления из Варшавы держались за Брест яростно.

И все же наступающую армию не могло остановить ничто. Страшная инерция буквально заставляла забывать о потерях, войска шли на Запад с феноменальной решимостью и самоотверженностью. Умелые попытки немецкого сопротивления, использование немцами рельефа местности, пулеметные гнезда и минные поля — знакомые со времен Первой мировой войны фразы — могли остановить развившую невиданную кинетическую энергию армию лишь на несколько дней. Когда-то здесь в далеком декабре 1917 года генерал Гофман продиктовал германские — карфагенские — условия мира потрясенной России. Не прошло и тридцати лет, как русская армия ответила своему обидчику. Ни немецкая военная наука, ни зверская идеология, ни испытанные пулеметы с минными полями не могли остановить маховик народной войны вставшей на дыбы России. Брест — символ поражения в предшествующей войне с немцами — был взят 28 июля 1944 года.

Праведность войны получила неожиданное и страшное подтверждение. К западу от Люблина, рядом с небольшим польским городком Майданек раскрылась отвратительная тайна третьего рейха. Пораженные советские солдаты шли по городу мертвых, по огромной фабрике смерти, уже унесшей миллион жизней. Солдатам уже приходилось видеть лютые зверства, сожженные города и выкорчеванные под корень русские, украинские, белорусские села. Но лагерь уничтожения Майданек заставлял кипеть кровь, он показывал дно нечеловеческого озверения, кроме жажды мщения и атрофирования гуманизма в этой войне он ничего не вызывал. А впереди были Трешлинка, Собибор, Бельзец и — апофеоз бесчеловечности — Освенцим.

20 июля

1 июля 1944 года фельдмаршал Кейтель, начальник штаба ОКВ, задал командующему германскими войсками на Западе фельдмаршалу фон Рундштедту невинный вопрос: «Что нам делать?». На что Рундштедт ответил без обиняков: «Подписывайте мир, вы, идиоты. Что еще можете вы сделать?» Черчилль писал в этот день Сталину по поводу побед в Белоруссии: «Мы находимся под огромным впечатлением от великолепных успехов русских армий, которые буквально крошат немецкие армии, стоящие между вами и Варшавой, а затем и Берлином». В июле страны антигитлеровской коалиции наступали на рейх с востока, запада и юга. Белоруссия, Греция, Италия, Франция — вот где вермахт отступал в тот июль.

9 июля Гитлер оставляет горный покой Берхтесгадена и окончательно обосновывается в болотистом Вольфшанце, откуда уже, наверное, можно было слышать гул далекой канонады. Разочарованные офицеры вермахта пытаются убрать «любителя-ефрейтора». Видя бесчеловечность гитлеровского режима, видя пропасть, в которую ведет противопоставивший себя всему миру режим, понимая, какая судьба ждет Германию в результате неминуемого поражения, группа офицеров и аристократов решила пойти на устранение Гитлера. Исполнителем их планов вызвался стать граф Клаус Шенк фон Штауффенберг, полковник и единомышленник фон Трескова и фон Шлабрендорфа, с которыми он познакомился на Восточном фронте. В течение первой половины 1944 года Штауффенберг фактически возглавил заговор офицеров, обеспокоенных судьбой Германии, ныне ведущей борьбу, в которой она явно не могла победить. Полковник фон Штауффенберг, потерявший на войне правую руку, глаз и два пальца левой руки, был полон решимости спасти судьбу Германии. Основу заговора составила Резервная армия, чей штаб находился в Берлине. Ее командующий генерал Фромм не был человеком цельного характера и колебался даже в наступивший решающий момент, но Штауффенберг, находясь в руководстве Резервной армии, мог издавать распоряжения от имени ее руководства.

План «Валькирия» — физическое устранение Гитлера — Штауффенберг решил осуществить единолично; успех его акции должен был послужить сигналом к изменению политического режима и нахождению некой формы компромисса с военными противниками

Германии. Дважды он откладывал свою акцию, так как хотел в результате одного взрыва уничтожить одновременно Гитлера, Гиммлера и Геринга. 20 июля 1944 года он пришел к выводу, что убийства Гитлера будет достаточно для успеха заговора. Особенностью того жаркого дня было то, что военное совещание проводилось не в подземном бетонном бункере Вольфшанце, а в деревянном бараке на поверхности. Штауффенберг, представляя Резервную армию, вошел в него в 37 минут первого и активировал взрывное устройство, размещенное в его большом портфеле. Трех пальцев хватало для установки часового взрывателя, для начала работы взрывного механизма британского производства. Штауффенберг поставил свой портфель с взрывным устройством под массивный дубовый стол максимально близко к тому месту, где сидел Гитлер, а затем вышел, чтобы сделать телефонный звонок в Берлин. Вместе с другим участником заговора — генералом Фельгибелем (женатым на сестре Евы Браун) они видели пламя, взметнувшееся над деревянным баракком.

Уверенный в гибели Гитлера, Штауффенберг отправился звонить в Берлин, давая сигнал к началу операции «Валькирия». Его самолет «Хейнкель 111» приземлился в Рангсдорфе — час езды до центра Берлина — в 3 часа 42 минуты, и здесь полковник убедился, что три важнейших часа потеряны, операция «Валькирия» не начата. Автомобиль помчался к военному министерству на Бендлерштрассе, но уже стало ясно, что Гитлер жив. Пламя обожгло брюки Гитлера, но сам он, буквально в экстатическом состоянии позвонил в Берлин, где верный Геббельс и войска СС окружили военное министерство на Бендлерштрассе — центре заговора.

Гауляйтер Берлина Геббельс узнал о покушении, находясь в министерстве пропаганды вместе с министром вооружений Шпеером и министром экономики Функом. Из окна он видел подразделение дивизии «Гроссдойчланд», окружающее здание его министерства. «На всякий случай» Геббельс положил в карман ампулы с цианистым калием и послал за командиром разворачивающегося батальона майором фон Ремером. Тому только что было сказано, что Гитлер убит и части СС пытаются организовать путч. Для его предотвращения Ремеру было приказано взять контроль над районом Вильгельмштрассе. «Но Гитлер жив!» — вскричал Геббельс и убедил в этом по-немецки лояльного офицера, связавшись с ним по прямому проводу. По телефону Гитлер произвел Ремера в полковники и приказал подавить бунт. Командующим резервной армией был тут же назначен Гиммлер, войска всего берлинского гарнизона отныне подчинялись только генералу Райнеке.

Заговорщикам к этому времени не удалось взять под свой контроль

радиостанции, чем Геббельс не преминул воспользоваться. В половине седьмого вечера радиостанция «Дойчландзендер» объявила об имевшем место неудачном покушении на Гитлера. Генерал Бек тотчас совершил самоубийство, оппортунист Фромм взялся за наказание виновных. Вскоре после полуночи Штауффенберг, Ольбрихт и полковник Мерц фон Квернхайм были выведены во двор и при слабом электрическом свете поставлены к стенке. Штауффенберг умер со словами «Да здравствует Германия!». После этого надеющийся на свою ловкость Фромм отбил Гитлеру телеграмму о подавлении военного путча. В министерстве пропаганды Гиммлер уже начал расследование.

На следующий день Гитлер обратился к стране: «Во-первых, вы должны знать, что я жив и нахожусь в добром здравии; во-вторых, вы должны знать о преступлении, беспрецедентном в истории Германии». Заговор был составлен «маленькой группой амбициозных, безответственных и в то же время глупых, преступных офицеров... Судьбе было угодно сберечь меня, это знак, что провидение велит мне продолжить выполнение поставленной предо мной задачи». Путч потерпел полное поражение, гестапо не знало устали в поисках виновных, и такие хитрецы, как генерал Фромм, не отделались устранением Штауффенберга. Это было величайшее унижение традиционного офицерского корпуса Германии. Остановить движение Германии к поражению им не удалось. Первым это признал назначенный 21 июля начальником штаба сухопутных сил генерал Гудериан, он призвал офицеров отныне быть «проводниками национал-социализма». Судьба заговорщиков была страшной. А в СССР фельдмаршал Паулюс согласился сотрудничать с антифашистским «Союзом немецких офицеров».

Польский вопрос

Напомним, что Красная Армия 5 января 1944 года пересекла польскую границу, и польское эмигрантское правительство в Лондоне призвало к «максимально раннему восстановлению суверенной польской администрации на освобожденных территориях республики Польша, единственного и законного слуги и выразителя идей польской нации». Но и Рузвельт и Черчилль должны были призвать эмигрантское польское правительство к реализму. Двадцатого января 1944 года Черчилль на встрече с лидерами поляков в Лондоне посоветовал им «принять „линию Керзона“ за основу для дискуссий», поскольку им обещаны немецкие территории на западе — вплоть до Одера. Черчилль выступал в непривычной роли адвоката Советского Союза. Потребности обеспечения безопасности СССР от еще одного сокрушительного германского наступления, объяснял Черчилль, а также «огромные жертвы и достижения русских армий» в процессе освобождения Польши дают русским право на пересмотр польских границ.

17 июня 1944 года президент Рузвельт лично писал Сталину, что визит премьер-министра эмиграционного правительства Миколайчика «никоим образом не связан с какими-либо попытками с моей стороны вмешаться в спор между польским и советским правительствами. Я должен уверить вас, что не создается никаких планов или предложений, затрагивающих польско-советские отношения». Написано это было десять дней спустя после высадки в Нормандии, где уже полторы сотни тысяч солдат закрепляли плацдарм и более всего нуждались в летнем наступлении Красной Армии. Но уже в июне Рузвельт встречался с премьером правительства лондонских поляков С. Миколайчиком. Президент сознательно дал Миколайчику «государственный обед», подчеркивая его легитимные права и американскую поддержку. Неизбежно обсуждалась проблема будущих границ Польши. При всей демонстрации близости Рузвельт пока не хотел жестко привязывать себя к вопросу, который был политическим динамитом для антигитлеровской коалиции. Он сказал Миколайчику, что провел все утро, изучая карты Польши. Это было сложным делом, так как на протяжении последних трех столетий Польша включала в себя значительную часть России, а также части Германии и Чехословакии. Сложно, повторил президент, определить подлинную карту Польши.

Советские войска в июле 1944 года вышли к советско-польской границе на широком пространстве. Это ставило проблему Польши на первый план военной дипломатии. Понимая, что в ближайшее время именно Советам придется освобождать Польшу, Рузвельт постарался достичь компромисса на ранней стадии. Он обратился к Сталину с просьбой принять Миколайчика в Москве, но не получил отклика. Советское руководство определило польский лондонский комитет как «эфемерный» и объявило о своем намерении признать ту польскую организацию, которая начала укрепляться на собственно польской территории — Польский комитет национального освобождения. Сталин соглашался принять Миколайчика, если тот обратится к нему через посредство указанного комитета. Проблема Восточной Европы становится отныне в ряд наиболее существенных для союзнической дипломатии.

Англичане ощущали эту проблему еще обостренной. Там смотрели на Польшу в контексте будущего всей Восточной Европы. Уже в конце мая 1944 года английский посол Галифакс тайно выдвинул перед госсекретарем Хэллом предложение: англичане постараются договориться с русскими по поводу раздела сфер влияния на Балканах. Галифакс сообщил, что Лондон желал бы обеспечить свое преобладание в Греции за счет предоставления СССР «свободы рук» там, где Запад все равно не имел рычагов влияния, — в Румынии. Черчилль хотел перед Рузвельтом смягчить «суровый реализм» предлагаемой англичанами сделки. Речь, мол, идет лишь о сугубо временном соглашении.

Но Рузвельту, во-первых, не нравились сделки, в которых ему отводилась роль свидетеля, а, во-вторых (и это в данном случае главное), он не желал преждевременного дробления мира на зоны влияния. Экономическое и военное могущество Америки обещало гораздо большее. Рузвельт ответил Черчиллю, что понимает его мотивы, но боится, что «временный» раздел может превратиться на Балканах в «постоянный».

Вперед с понятным энтузиазмом к Висле шла 1-я Польская армия, ее обходили танкисты 2-й танковой армии. В первый же день наступления 2-я танковая прошла 50 километров. Кончалось топливо, немцы снова стали активно задействовать штурмовую авиацию, подходил к концу запас снарядов. Произошла желанная перегруппировка. 31 июля передовые танки с автоматчиками на корпусах машин вышли к Отвоку и Радзимино — где-то около 20 километров до Варшавы — к северо-востоку и востоку от восточного берега пригорода Варшавы Праги. Здесь 2-я танковая армия натолкнулась на жесткое сопротивление того, что английский историк Эрикссон назвал «плотной и устрашающей концентрацией германских

бронетанковых войск». Здесь, на пути к Варшаве стояли те, кто составил элиту войск Гитлера: танковые дивизии СС «Викинг», «Герман Геринг», «Мертвая голова» и еще две танковые дивизии, 4-я и 19-я. Позади танки 11-го танкового корпуса Юшчука выбивали немцев из Седлица, а правый фланг Рокоссовского завершал бои в районе Бреста. Объяснимо, что понесший значительные потери 1-й Белорусский фронт Рокоссовского насторожился, встретив у Праги такую концентрацию бронетанковых войск вермахта, среди которых виднелись последние модели тяжелых германских танков — «королевских тигров».

Советская армия глубоко вклинилась в польскую территорию и на одном из участков вышла к Висле. Генерал Чуйков в этой войне посмотрелся на самые разные реки. Теперь он стоял на берегу Вислы, его солдаты в маленькой польской деревне Вилга (польский вариант названия великой русской реки?) у городка Магнушева играли на аккордеоне, и звуки доносились до немецкого левого берега. Прибыл Рокоссовский, услышавший снова польскую речь, и одобрил идею Чуйкова рискнуть. Через день в ночной темноте его солдаты переправились через Вислу, разведчики очистили первую линию немецких окопов, а сзади уже было слышно дыхание стрелковых батальонов.

Обратим внимание на то, что в наступлении между Люблином и подходами к Праге советские танковые войска потеряли не меньше 500 танков и самоходных орудий. 28 июля жители Варшавы слышали оружейную канонаду, но в дальнейшем 2-я советская танковая армия получила приказ отойти от убийственной концентрации германской мощи. Армия Крайова, возможно, не знала о концентрации германских войск и о частичном отходе 2-й советской армии; возможно, ей представлялось, что советская армия уже взяла Прагу. Или близка к этому. 27-го июля 1944 года военный комендант Варшавы генерал люфтваффе Штахель объявил, что город будет защищаться, для чего и призвал гражданское население на фортификационные работы.

Командующий 2-й советской танковой армией генерал-майор Радзиевский отвел свои танки, чтобы собрать их в кулак и достоверно определить мощь немцев у Праги. Всем танковым частям было приказано перейти к обороне с 1 августа 1944 года.

Сталин в отношениях с поляками Лондона (и любыми поляками) стоял на двух принципиальных позициях: «линия Керзона» как государственная граница; реорганизация польского правительства в изгнании. Армия Крайова боролась с теми из советских партизан, которые, по мнению лондонского правительства поляков, переходили на суверенную

территорию Польши. История этих тренировок, прямо отразившаяся на переписке Черчилля со Сталиным, исследована достаточно детально.

Молотов встречается с премьером лондонского правительства Миколайчиком в Москве вечером 31 июля. Просьба о встрече со Сталиным парирована — «он занят военными делами» и освободится через три или четыре дня. Но поляки в Лондоне считали, что советская армия готова освободить Варшаву в течение нескольких дней, и они решили перехватить политическую власть действиями своих партизанских сил — Армии Крайовой. После 25-го июля 1944 года командующий Армией Крайовой (АК) генерал Бур-Комаровский пришел к выводу, что фельдмаршал Модель окончательно ослаб, он запрашивает подкрепления из Прибалтики, по польским дорогам идут разбитые русскими дивизии, Модель прошел по мосту в Модлине, наступает час освобождения Польши.

В 5 часов утра 1 августа 1944 года подпольная армия численностью около 20 тысяч человек (неважно вооруженных) начала нападать на немецкие патрули и вскоре получила контроль над значительной частью города. Генерал Армии Крайовой Бур-Комаровский по приказу своего правительства из Лондона приказал своим войскам начать захват Варшавы. Началось Варшавское восстание. Восставшим не удалось захватить вокзалы, чем немцы — гении железнодорожного сообщения немедленно воспользовались. Восставшие не захватили и мостов через Вислу. Сознательно? У АК не было танков, артиллерии, не было средств современной войны. Началась двухмесячная трагедия Варшавского восстания.

Но АК не имела вооружения, только четверть ее людей были вооружены (исключительно легкое оружие) и совладать с современно вооруженными войсками обергруппенфюрера СС фон дем Бах-Зелевского, которому Гитлер поручил подавить восстание, они не могли. В этом плане призыв к оружию был авантюрным. АК никак не связалась с советской армией, не получила от нее оружие, не согласовала военные планы, не наладила минимальной кооперации. Более того, отношение АК к обливающимся кровью освободителям (600 тысяч советских воинов полегло за освобождение Польши) было враждебным. Если это не авантюризм, то что это? Почему Красная Армия должна была ложиться костями за тех, кто ее заведомо ненавидит?

3 августа премьер Миколайчик встретился в Кремле со Сталиным и попросил «помочь нашим частям, сражающимся в Варшаве», на что получил ответ: «Я отдам необходимые приказы». При этом он не скрыл своего скептицизма: «Мне сказали, что польское правительство приказало

этим частям (АК. — А.У.) вышвырнуть немцев из Варшавы. Как же они могут сделать это; их силы недостаточны для выполнения этой задачи. Фактически эти люди не сражаются с немцами, они прячутся в лесах, неспособные ни на что другое». Миколайчик опять требовал Львова и Вильнюса, даже в этих суровых условиях он не считал возможным принять решение, одобренное (позднее) даже западными союзниками. Трудно в этой ситуации предъявлять претензии, непропорциональные здравому смыслу. Сталин представил договоренность о «линии Керзона» как «исторический документ, хорошо известный каждому; нет смысла спорить по его поводу, ведь не мы его создали и в то время никто не спрашивал нашего мнения». 5-го августа в присутствии генерала Зимерского, представлявшего лондонское правительство поляков, Сталин отдал приказ Рокоссовскому подготовить фланговые удары с севера и юга с целью освобождения Варшавы.

Восставшие просили западных союзников выбросить польскую парашютную бригаду, но те в этой просьбе отказали. Несколько раз Черчилль посылал самолеты с боеприпасами из Южной Италии, но, в общем и целом, такая помощь оказалась неэффективной. Тем временем Польский Национальный совет 18 августа провозгласил Люблин временной столицей Польши.

Поляк — маршал Рокоссовский сообщает, что узнал о восстании в Варшаве только 20-го августа: «Эта новость привела нас в состояние огромной обеспокоенности». Фронтная разведка пыталась определить масштабы событий в Варшаве. Английский историк Эриксон говорит, что «взятие Варшавы требовало полномасштабной наступательной операции в то время, когда армии правого фланга Рокоссовского, находящиеся почти на пределе своих физических возможностей, подчиняясь (ранее отданным. — А.У.) приказам Ставки выйти к реке Нарев, двигались в противоположном от Варшавы направлении, а левый фланг находился в чрезвычайно ослабленном состоянии — его линии снабжения отстали на 480 километров». По мысли Рокоссовского, видевшего дым над Варшавой, единственным способом помочь восставшим было ускорить приход со стороны Беловежской Пуцци 65-й армии Батова и 70-й армии Романенко.

Немцы педантично уничтожали Варшаву, улица за улицей. К концу августа генерал Бур-Комаровский признает, что опорные пункты города находятся в германских руках и что Варшава стала городом-призраком. Сталин 22 августа отказался сотрудничать с лондонским польским правительством, склонным, по его мнению, к авантюрам. 25 августа Черчилль просит Сталина и не находит ответа. Тогда он обращается к

Рузвельту с предложением послать к Варшаве самолеты, имея в виду их последующую посадку на территории, контролируемой советскими войсками. «Я не могу себе представить, что они (русские) их задержат». Но Рузвельт не был готов к подобным односторонним действиям. Именно в это время шли переговоры о будущей помощи СССР на Дальнем Востоке. «Я не считаю соответствующими интересам ведения данной войны, имея в виду ее долговременную перспективу, присоединиться к предлагаемому вами посланию Дядюшке Дж.». Западные союзники не продемонстрировали единства.

2 сентября 1944 года повстанцы вынуждены были покинуть Старе Място, старинный центр Варшавы. Они выходили через канализационную систему. Англичанам удалось сбросить некоторые припасы на пригороды Варшавы, которыми еще владели повстанцы. (В этот же день англичане пересекли границу Бельгии, а двадцатилетний Дж. Буш был сбит японцами в своем 58-м вылете — через 44 года он станет президентом США). 9 сентября Сталин решил послать помощь повстанцам Варшавы по воздуху и позволил западным союзникам приземляться на советские аэродромы. Пилот первого транспортного самолета, сбросившего два тяжелых орудия, автоматы и патроны к ним, был поляком — Александр Данеляк.

В начале сентября перегруппировавшийся фронт Рокоссовского (1-й Белорусский) пошел на полной возможной скорости к реке Нарев и 5 сентября Донской танковый корпус Панова пересек Нарев у Пулуцка. В ночь на 9 сентября советская авиация бомбила германские позиции в южной части правобережного пригорода польской столицы — Праги. После четырех дней бомбардировок советские и польские войска взяли Прагу и вышли к Висле. Напротив лежала разрушенная Варшава. В ночь на 13 сентября советская авиация совершила 2 тысячи вылетов и сбросила последним инсургентам Варшавы 505 противотанковых ружей, полторы тысячи автоматов, 130 тонн продовольствия, взрывчатки и медикаментов.

Командующий 1-й польской армией генерал Берлин решил па переправу на западный берег. Десант в ночь 16 сентября был сброшен немцами в Вислу. Три попытки подряд не удались. 18 сентября 107 американских бомбардировщиков сбросили груз над Варшавой и приземлились в Полтаве. Генерал Бур-Комаровский так и не смог установить связь с Красной Армией, а англо-американцы перестали сбрасывать подкрепления. Советские войска выбросили с парашютами двух советских офицеров, чтобы установить связь с Бур-Комаровским. Поздно. 2 октября угасли последние очаги боев, генерал Бур-Комаровский сдался. На протяжении 62 дней восстания погибли 15 тысяч солдат Армии

Крайовой. Германское командование насчитало 10 тысяч убитых. Сдавшиеся оказались в концлагерях.

В Москве раздраженный Сталин слушал Жукова и Рокоссовского, предлагающих дать 1-му Белорусскому фронту время на отдых, а затем ударить в юго-западном направлении — между Варшавой и Модлином. Сталин попросил двадцать минут на размышления. Он не был уверен в предложенном направлении, но потребовал наступать. Варшава продолжала дымиться перед советскими войсками.

Чехословакия

8 апреля 1944 года 1-й Украинский фронт вышел к довоенным границам Словакии. Президент Тисо терял поддержку в своем народе, пособники немцев лишились политического влияния. Словакия решила выйти из союза с Германией. И здесь последовала трагедия, во многом обусловленная отсутствием единства, очевидной разобщенностью, несогласованностью действий повстанцев с Москвой. 6 августа 1944 года два представителя Словацкого национального совета — Шмидке и Ференчик — прибыли в Москву с сообщением о предстоящем восстании словаков против полуфашистского режима. Армия словаков находилась в основном в Восточной Словакии. 25 августа словацкие гарнизоны начали переходить на сторону партизан. Сигнал «Начинайте переход» прозвучал в эфире и словацкие части начали выступать против немцев. Нужно сказать, что только 16 тысяч из 60-тысячной словацкой армии перешли на сторону восставших. 31 августа самолет с 19 словацкими офицерами приземлился в расположении маршала Конева на 2-м Украинском фронте для согласования действий.

Гитлер приказал 357-й германской пехотной дивизии подавить восстание, и «Свободная Словакия» в начале сентября была атакована германскими войсками. Национальный совет мобилизовал еще 25 тысяч человек. 8 сентября Конев по согласованию со Ставкой стал пробиваться сквозь труднопроходимые Карпаты навстречу начинающим чувствовать свою обреченность повстанцам. 1-й гвардейский корпус бился изо всех сил, но так и не сумел дойти до восставших словаков. В начале октября 38-я армия Москаленко достигла вершин Карпат, и появилась надежда прорыва. Она оказалась краткосрочной. В Братиславу прибыл глава СС Гиммлер, был отдан приказ ликвидировать «Свободную Словакию» силами теперь уже семи германских дивизий.

В это же время, в середине октября, в Венгрии происходит путч, и к власти в стране приходят открытые пособники Гитлера во главе с Салашаи. Это делает уязвимым южный тыл «Свободной Словакии». Советская армия рвалась сквозь Карпаты до конца октября, но без особых успехов. После 18 октября восставшие словаки оказались полностью окруженными. Гиммлер предоставил танковой дивизии СС «Хорст Вессель» полную свободу действий. Дни «Свободной Словакии» к концу октября 1944 года оказались сочтены.

Второй фронт

25 июля неразорвавшаяся германская экспериментальная ракета Фау-2, потеряв направление, упала в реку и была сокрыта польскими подпольщиками. Ее разобрали на части и вывезли вместе с разбиравшим ракету польским инженером на британском транспортном самолете «Дакота» через Венгрию в расположение британских войск в Северной Италии. Англичане получили полное представление о том, что их ожидает в случае технических успехов немецких инженеров в Пенемюнде. Англичанам, однако, оставалось только крепиться: они мало что могли сделать для защиты себя от ударов этим новым оружием. Нужно было прежде всего усиливать действия на континенте — что англичане и делают в эти дни между сражениями под Фалезом и Каном. Во всю мощь начинает разворачиваться американская армия. 30 июля танки только что сформированной 3-й армии американского генерала Паттона прорвали оборонительные линии немцев вокруг своего нормандского плацдарма и быстро двинулись в сторону Орлеана, а затем повернули на восток — к Сене.

Хотя фельдмаршал Клюге всячески старался показать, что он следует всем указаниям фюрера, но судьба уже занесла над его головой меч. 15 августа он объезжал позиции своих войск, и именно в этот день Гитлеру доказали, что Клюге намеревался возглавить все силы на Западе. Воспользовавшись замешательством Клюге, старательно пытавшегося спрятать концы своих связей с антигитлеровскими заговорщиками в воду, два его недавно назначенных командира — любимец Гитлера Зепп Дитрих и генерал Хойзер — начали отвод своих боевых частей на восток, избегая лобового столкновения с растущим десантным контингентом союзников. Оба офицера СС готовы были нанести по западным союзникам удар, но не сейчас, когда их силы, по их мнению, не были готовы и когда еще ощущалась угроза их окружения в Северной Франции.

«Пожарник» Гитлера Вальтер Модель был послан заменить Клюге на Западном фронте, и узнавший об этом подозреваемый принял яд. В своем предсмертном письме Гитлеру он писал: «Если ваше новое оружие, о котором все говорят с такой горячей верой, не принесет успеха, тогда вы, мой фюрер, обязаны принять решение окончить войну. Немецкий народ претерпел непередаваемое, наступило время положить конец его мукам».

15 августа 7-я американская армия генерала Пэтча высадилась в

Южной Франции между Канном и Тулоном (операция «Анвил») и начала продвижение по долине реки Роны на север. Действующая здесь 7-я армия союзников 22 августа достигла Гренобля. С войсками из Нормандии — с Паттоном в данном случае — они встретились 11 сентября в Дижоне. Следует при этом сказать, что для успеха высадки в Южной Франции много войск было взято союзниками с Апеннинского полуострова, и это сделало оборонительную германскую «Готскую» линию еще более неприступной. Союзные войска в Италии буквально замерли, приостановив движение на север.

На Западном фронте Германии ощущается замешательство. Замена командования (в данном случае Клюге Моделем) никогда не проходит безболезненно. 300 тысяч германских войск оказались окруженными под Фалезом, и мощь германских танковых дивизий стала слабеть буквально с каждым часом. Прибывший 17 августа фельдмаршал Модель постарался организовать устойчивую оборону по реке Сене и прежде всего оградить от вторжения с запада границы рейха. Гитлер приказал держать до последнего порты побережья Ла-Манша. Напрасные усилия. Танковый герой американцев генерал Паттон 19 августа 1944 г. вышел к Сене северозападнее Парижа, чем обесценил приказы Моделя. Окруженные у Фалеза германские войска подвергались нещадным бомбардировкам. Здесь американцы впервые в Европе применили напалм. Последним усилием дивизия «Гитлерюгенд» приоткрыла окруженным немецким войскам путь на восток, и к 21 августа триста тысяч этих войск, выведя всю технику, сумели соединиться с основными силами немцев.

Именно об этом участке фронта пишет генерал Эйзенхауэр: «Дороги, шоссе и поля были покрыты разрушенной техникой и трупами людей и животных. На сотни метров было невозможно пройти, не наступив на мертвое тело и разлагающуюся плоть». На полях западных сражений к этому времени уже погибли 50 тысяч германских солдат и 200 тысяч были взяты в плен. Германская армия потеряла в Нормандии более 1300 танков. В некоторых из немецких танковых дивизий осталось по 15 танков. 15 из 56 пехотных дивизий немецкого Западного фронта перестали существовать.

Американцы, англичане, а теперь и «свободные французы» генерала де Голля устремились к Парижу. 20 августа парижане заставили германского командующего в Париже генерала фон Хольтица начать переговоры об отходе. В половине десятого вечера 23 августа танки дивизии подчиняющегося де Голлю Леклерка вошли в Париж. В 2 часа 30 минут пополудни 25 августа Хольтиц сдался. Во время освобождения

Парижа погибло 500 бойцов Сопротивления. Колонна франтиреров, танкистов Леклерка и освобожденных парижан 26 августа во главе с де Голлем прошла по Елисейским полям. Севернее, перейдя в этот день Сене у Вернона, британские и канадские войска устремились в сторону Кале и Брюсселя. В Италии в тот день была освобождена Пиза.

Не найдя надежного рубежа на Сене, германские дивизии покатали назад, пока не нашли в начале сентября 1944 г. в качестве относительно устойчивой линии обороны притоки Рейна Шельду и Маас. Западнее этих водных рубежей Бельгия и Люксембург полностью попали в руки союзников, а 11 сентября американская 1-я армия пересекла германскую границу у Аахена.

Второе дыхание пришло к западным союзникам 17 сентября 1944 года с началом операции «Рыночный сад». Американские парашютисты захватили мосты у Эйндохвена и Нимегена, британские парашютисты взяли мост у Арнема, но неудачно — они не дождались подкреплений и вынуждены были сдать 24 сентября (первый крупный успех немцев после высадки союзников в Нормандии). Главнокомандующий союзников генерал Эйзенхауэр надеялся до холодов взять Кельн, но немцы ужесточили сопротивление, и главнокомандующий западных войск отложил выход к Рейну у Кельна.

На европейском берегу во Франции высадились уже более 2 миллионов солдат западных союзников. В течение трех месяцев, последовавших после высадки западных союзников в Нормандии, германские армии потеряли на всех фронтах 1,2 млн. убитыми, ранеными и без вести пропавшими. 50 дивизий были сокрушены на протяжении этих трех месяцев на Востоке и 28 — на Западе. А с востока на Германию смотрела советская громада в 555 дивизий.

Германия

На фоне великого отступления лета 1944 года, когда германская армия вынуждена была оставить Белоруссию и Украину, август-сентябрь 1944 года были месяцами, когда германская мощь — фактически, в последний раз — проявила свою мощь. Германская армия пока еще практически повсюду стояла за пределами рейха. Наступательное движение и с востока (Польша, Румыния), и с запада (Франция, Бельгия), и с юга (Италия) замедлилось. Пока еще немцами контролируются Балканы и Скандинавия. Германский подводный флот наводит ужас на морях. Несмотря на бомбардировки, германское население стойчески переносит поворот фортуны. Что удивительно: германская промышленность, как уже говорилось выше, достигает пика производительности. Никогда еще фирмы Германии не давали вермахту столько современной военной техники, никогда еще армия, флот и люфтваффе не получали столько средств борьбы. В августе месячное производство танков достигло 869 единиц плюс 744 самоходных орудия. Этого количества новой техники было достаточно для оснащения десяти танковых дивизий. В сентябре немцы произвели 3031 истребитель (против 1248 в январе), из них 100 реактивных истребителей «Мессершмитт-262» и «Арадо-234». В сентябре 1944 года германская промышленность производила столько военной техники, что могла покрыть практически все потери и на Восточном фронте и на Западном. Этот взлет военной промышленности был возможен лишь посредством массового применения рабского труда — труда военнопленных, заключенных концлагерей, остарбайтеров, эксплуатации контролируемой Германией чужой территорией. Гитлер был приятно поражен, и министр военного производства сорокалетний Альберт Шпеер ходил в национальных героях.

То был пик. Дальнейшее представляло собой исторический спуск для Германии, но на короткий период Германия еще могла сопоставлять себя с громадой 1916 года, когда Гинденбург и Людендорф так или иначе решали судьбы Европы. В гигантской машине, именуемой германской экономикой, были свои слабые места. Главным таким местом было производство горючего. Шпеер пишет в мемуарах, что союзнические бомбардировки могли остановить германскую военную машину, если бы они были направлены не на террор местного населения (который, по его мнению, лишь стимулировал готовность немцев держаться до конца), а на

производство искусственного горючего, на три точки синтеза бензина — или на три завода, производящих шарикоподшипники. Первое уязвимое место — топливо. Запас нефти в апреле 1944 года составлял миллион тонн, но летом упал до уровня месячного запаса. Не забудем, что Красная Армия стояла на пороге Плоешти, откуда в рейх шла природная нефть. В указанные август-сентябрь запас нефти несколько увеличился благодаря ослаблению интенсивности боев. Вторым слабым пунктом рейха становится нехватка живой силы. Армия начинает брать в свои ряды почти всех. Понижен возрастной уровень призыва — с 17 до 16 с половиной лет. В августе-сентябре в вермахт вливаются еще семьсот тысяч человек.

Гитлер еще более увеличивает влияние СС. Новый командующий внутренней армией рейхсфюрер СС Гиммлер является также министром внутренних дел и шефом полиции. Вскоре он же, не имеющий никакого опыта военного руководства, становится командующим группой армий «Висла» — главной военной силы между советскими войсками и Берлином. В части СС идет первоочередным образом новая техника — все лучшее, что производит военная промышленность Германии. В войска вводятся «политические офицеры» — «офицеры национал-социалистического руководства». Индоктринация вермахта на этой финальной фазе призвана укрепить решимость солдат и офицеров стоять до конца. 12 сентября Гиммлер объявляет, что семьи дезертиров отныне будут расстреливаться. Противнику будет оставаться лишь выжженная земля. Ни один немец, объявил Гитлер, не будет жить на территории, занятой противником. «Ни куска немецкого хлеба противнику», — пишет немецкий официоз «Фолькишер Беобахтер». Мобилизуются подростки между 16 и 18 годами и мужчины вплоть до 60 лет. Гиммлер создал 25 новых дивизий фольксгренадеров, германского ополчения. В восточных областях Германии, а затем и по всей стране создается фольксштурм — своего рода ополчение, призванное бороться с противником, готовящимся вступить на территорию собственно Германии.

А Гитлер теряет физические силы. Полуглухой, с трясущимися руками, подверженный приступам параноидальной злобы, подозревающий всех в измене, фюрер замкнулся в своем Волчьем логове, контактируя с минимумом военных. Предписания доктора Мореля только ослабляют его. Но и ему было достаточно отчетливо видно, что на весах мирового могущества Германия стремительно теряет свою значимость. Теперь, говоря о целях Германии в войне, он уже не вспоминает о претензиях на мировое могущество. Все более и более его мозг обращается к возможностям раскола противостоящей коалиции: «Никогда в истории не

существовало коалиции, подобной созданной нашими противниками, состоящей из гетерогенных элементов, имеющих столь различные цели... Ультракапиталистические государства с одной стороны; ультрамарксистские государства с другой. С одной стороны, умирающая империя, Британия; с другой стороны — ее колония, претендующая на ее наследство, Соединенные Штаты. Каждый из партнеров вступил в эту коалицию с целью реализации своих политических амбиций».

Гитлер приказал строительной фирме «Хохтиф» приготовить надежный бетонный бункер в саду рейхсканцелярии в Берлине. Работая день и ночь, строительные рабочие влили в глубину берлинской земли невероятную массу бетона. Трех-четырёхметровый бетон должен был надежно укрыть фюрера в его самоубийственной для Германии политике.

Особо нужно сказать о роли союзной бомбардировочной авиации. Англичане отставили идею бомбардировки Германии днем, так как это требовало присутствия значительной истребительной авиации, которой у англичан тогда — в 1941 году — не было. К тому же их лучшие «Спитфайеры» не имели необходимого радиуса действия, чтобы, базируясь на британских аэродромах, сражаться в небе Германии. Прибывшая в 1943 г. 8-я американская авиационная армия имела на своем вооружении истребители P-47 «Тандерболт» и P-38 «Лайтнинг», которые могли, базируясь в той же Англии, углубляться над германской территорией южнее Рура. Но ситуация еще более изменилась в союзническую сторону с прибытием в марте 1944 г. истребителя P-51 «Мустанг», полеты которого из Англии не ограничивались даже Берлином. 8-й американский воздушный флот продолжал неумолимо бомбить заводы, на которых предположительно производится синтетическое горючее, в результате чего производство горючего в рейхе уменьшилось между мартом и сентябрем 1944 г. с 316 тысяч тонн до скромных 17 тысяч тонн в месяц. Запас горючего люфтваффе сократился до 5 тысяч тонн, а к началу 1945 года стал истощаться почти полностью.

Как уже говорилось, англичане бомбили ночью, американцы принимались за дело с утра. И днем и ночью в небе Германии начиная с 1944 г., было более тысячи самолетов противника. И все же нужно сказать, что ожидаемого деморализующего эффекта это бомбометание не имело, хотя интенсивность бомбовых атак временами была поразительной. В июле 1943 г. в ходе бомбардировки Гамбурга в огне образовавшегося смерча погибли 50 тысяч человек — почти столько, сколько погибло в ходе бомбардировок Британии за всю войну (60 тысяч человек). В Дрездене в феврале 1945 г. — около ста тысяч. В ходе стратегических бомбардировок в

индустриальных городах Рура погибли 87 тысяч человек, в Берлине — 50 тысяч, в Кельне — 20 тысяч. В целом 600 тысяч гражданских лиц погибло в результате бомбардировок Германии и 800 тысяч были ранены. И все же в германском обществе не зародилось отчаяния и стремления остановить войну любым способом.

Летчики же несли потери. 8-й американский воздушный флот только за 1944 год потерял 2400 бомбардировщиков. Британское командование бомбардировочной авиацией за годы войны потеряло 55 тысяч человек.

Подъем Америки

Президент Рузвельт в середине 1944 года уже знал, что опасаться победы Германии в атомной гонке не стоит. Как пишет об этом времени американский историк Дж. Макгрегор Бирнс, «Россия, а не Германия, становилась теперь проблемой. Антигитлеровская коалиция подпадала теперь под новое напряжение». В конце августа 1944 года военный министр Стимсон, кодируя атомное оружие как С-1, заносит впечатление о беседе с Рузвельтом: «Необходимо вернуть Россию в лоно христианской цивилизации... Возможное использование С-1 будет содействовать этому».

Промышленный рост Америки способствовал эйфории. Летом 1944 года Рузвельт на встрече с печатью припомнил время, когда фантастической считалась цель сборки 50 тысяч воздушных машин в год. «Ныне мы производим сто тысяч самолетов в год, и мы продолжаем наращивать производство, мы продолжаем бить все рекорды». Напомним, что немцам для успешного блицкрига на Западном фронте понадобилось в мае 1940 года 3 тысячи самолетов, две с половиной тысячи танков, 10 тысяч артиллерийских орудий и четыре тысячи грузовиков. За последующее пятилетие американцы произвели 300 тысяч самолетов, 100 тысяч танков, 372 тысячи артиллерийских орудий, два с половиной миллиона грузовиков, 20 миллионов автоматов и винтовок. Вспоминались слова фельдмаршала Гинденбурга, сказанные по поводу американского военного производства в 1918 году: «Они поняли природу войны».

В период, когда германские подводные лодки ежемесячно топили суда общим водоизмещением 700 тысяч тонн, американцы дали одно из самых блестящих доказательств своего технического гения. Применяв стандартизацию производства, они в 1944 году стали закладывать на верях по одному новому военному кораблю ежедневно. За первые 212 дней 1945 года было построено 247 кораблей. Военное ведомство запросило, нельзя ли перенесли конвейерную практику на производство самолетов. «Отец» конвейерного производства судов Кайзер вступил в долю с равным по предприимчивости партнером — Г. Хьюзом, и с конвейера пошли самолеты, среди которых сразу же выделились Б-17 («Летающие крепости»). Это было то, с чем «не могли совладать молитвы японского императора, риторика Муссолини и производственный гений Альберта Шпеера», — пишет У. Манчестер.

Между 1941 и 1945 годами промышленное производство в США

выросло на 90 процентов. Росла не только мощь США, но и их благосостояние. Доход на душу населения увеличился с 1 тысячи долларов в год в 1940 году до 1300 долларов в год четыремя годами позже. В США никогда не было столько занятых рабочих рук. Безработица, оставшаяся наследием «великой депрессии», «рассосалась». Американский капитализм «решил» проблемы, над которыми он безуспешно бился предвоенное десятилетие. На внутреннем фронте царил своего рода «социальное перемирие» — численность забастовок упала до одной трети довоенного периода.

Впервые в своей истории Америка стала в массовом порядке посылать своих граждан в униформе во все части света (бросок президента Вильсона в Европу в 1917–1918 годах был относительно краткосрочным и, разумеется, не таким масштабным). На заграничные форпосты выехали более 11 миллионов американцев. Поле деятельности было столь велико, что мужского населения Америке уже не хватало. Рузвельт и его военный министр Стимсон выступали за введение призыва в армию женщин. В США осуществлялась грандиозная программа противовоздушной обороны. Корзины с песком и помпы для тушения пожаров стояли у всех домов. Но небо было чистым.

Как никогда прежде в американской истории, Вашингтон стал своего рода военным лагерем. С высоты птичьего полета были видны окружившие Вашингтон штабные бараки и военные полигоны, военные лагеря и аэропорты. Лимузины генералов и адмиралов скользили к воротам Белого дома. Резиденцию президента окружала военная полиция. Униформы мелькали на всех перекрестках. Это была видимая часть айсберга. Его невидимая часть осела в важнейших министерствах и ведомствах, в штаб-квартирах корпораций. Такой концентрации могущества, сплава денег с военной мощью Америка еще не знала. Это было соединение первой экономики мира с мобилизованным технически грамотным населением. Индустриальный тыл снабжал фронты неисчерпаемыми запасами. Вчерашние квалифицированные рабочие в униформе были обязаны приложить эту колоссальную силу для достижения конкретных задач. Армия, не знавшая отчаянных дней отступлений и поражений, излучала особое чувство, что «все достижимо». Тысячи грузовиков везли снаряжение и боеприпасы к фронту, тысячи самолетов планомерно бомбили свои цели, размеченные по квадратам. Опыт Второй мировой войны у американцев в результате получился особым.

Рузвельт пришел к заключению, что концентрация сил в Северной Франции позволит быстро добраться до жизненных центров Германии, это

сделает западный блок во главе с США определяющим фактором послевоенного мироустройства. Черчилль не верил в «слишком простые» решения. Вероятно, перед его глазами стояла четырехлетняя агония Западного фронта в Первой мировой войне. Так или иначе, но Черчилль считал, что предотвратить превращение СССР в решающую силу континента можно, лишь преградив ему путь за пределы предвоенных границ. Это было достижимо только с выходом через Балканы в Румынию и на Дунайскую равнину. Для Черчилля решающим маневром войны было бы прохождение крупных западных сил через Любляну (Словения) по кратчайшему пути на Вену. Это сделало бы Балканы сферой западного влияния (по меньшей мере, частично) и одновременно упредило бы продвижение Красной Армии в Центральную Европу.

Столкнулись две линии. Американцы хотели быстрее взять под свой контроль германский силовой центр, англичане стремились прежде обеспечить позиции в Восточной Европе. Рузвельт немало энергии потратил на отстаивание идеи высадки в Южной Франции (обещание Советскому Союзу в Тегеране) против желания Черчилля проникнуть в Центральную Европу через северную Югославию. Упорство президента и постоянно растущая мощь Америки возобладали. Рузвельт испытывал чувство удовлетворения от того, что уже в сентябре южный и северный десанты англо-американцев во Франции сомкнулись.

Черчилль

Выступая по радио 25 марта 1944 г. Черчилль постарался сказать лучшие слова о Сталине: «Его власть позволила осуществить контроль над многомиллионными армиями на фронте в две тысячи миль, осуществить контроль и единство на Востоке, что оказалось благом для России и ее союзников». Но в реальной практике противоречий между союзниками накопилось более чем достаточно.

4 апреля 1944 года Черчилль сообщил палате общин, что за период с начала боевых действий погибли 120 958 солдат, матросов и летчиков, во время бомбардировок погибло 49 730 гражданских лиц, в морях нашли могилу 26 317 моряков торгового флота. Общая цифра — 197 005 человек. В конечном счете, говорил Черчилль, «гарантировать успех на войне нельзя, его можно только заслужить». Черчилль стремился сохранить английские ресурсы, прежде всего людские. Джон Макклой, заместитель военного министра в администрации Рузвельта, рассматривал вместе с премьер-министром руины Лондона, когда Черчилль задумчиво заметил, что представляет собой исключение из общей судьбы своего поколения. Большинство его сверстников лежат мертвыми под Пашендейлом и на Сомме — где шли самые ожесточенные бои Первой мировой войны. Целое поколение потенциальных лидеров страны было выбито из строя Первой мировой войной. «Я не позволю потерять еще одно поколение». Такая настроенность немало объясняет в отношении Черчилля ко второму фронту.

Весной 1944 года обозначились различия в английском и американском подходе к Югославии. Черчилль, опиравшийся на Тито, был взбешен, узнав, что американцы именно в этот момент начали помогать его сопернику — Михайловичу. 6 апреля 1944 года Черчилль послал телеграмму Рузвельту, в которой говорилось, что действия американцев «повсюду на Балканах прямо противоположны действиям Британии». Это было тяжелое время для Черчилля, он не мог найти необходимый баланс в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. С американцами зрели противоречия на Балканах. СССР Черчилль косвенно ожесточил тем, что в месяцы, предшествовавшие высадке в Нормандии, заостренно поставил проблему лояльности коммунистов и сочувствующих им, занимающих правительственные должности.

Накануне высадки во Франции отношения Черчилля и Сталина

приобрели особую напряженность. 4 мая 1944 г. Черчилль записал: «Очевидно, что мы приближаемся к окончательному выяснению отношений с русскими, к выяснению сущности их коммунистических интриг в Италии, Югославии и Греции». Дело зашло так далеко, что премьер-министр предложил кабинету рассмотреть возможность отзыва британского посла из Москвы «для консультаций». Американцы в это время уже отзывали своего посла Гарримана. «Я не думаю, — писал Черчилль, — что русским понравится ситуация, когда в Москве не будет ни британского, ни американского посла».

У него было немало оснований для пессимистических оценок будущего. В мае 1944 года он делится своими страхами с Иденом: «Я боюсь, что в мире зарождается новая опасность. Русские опьянены победой, и нет тех препятствий, нет тех пределов, до которых они не могли бы прийти. Правда, на этот раз мы и американцы будем хорошо вооружены». В частности, для укрепления английских позиций в Азии он считал необходимым закрепиться в Сингапуре. По этому поводу он писал генералу Исмею: «Несчастьем для Британии было бы, если ее войска не сумели бы вернуть себе Рангун и Сингапур, оккупировать весь Малайский полуостров, разместить хотя бы небольшой британский контингент на оккупированных японцами территориях до того, как американцы продиктуют мир в Токио».

Черчилль начинает приходить к выводу, что в мире будущего Англия уже не сможет занять доминирующие позиции. «Пакс Британника» подходит к концу. В июле 1944 г. он вместе с Иденом обсуждает вопрос о британских военных долгах Соединенным Штатам. «Мы не должны забывать, что наш долг не следует рассматривать как обычный долг коммерческому банку. У нас образовалась нехватка валютных запасов, и мы начали брать в долг в ситуации, когда иссякли наши стерлинговые запасы. Следует помнить, что Великобритания вынуждена импортировать половину своих запасов продовольствия и большинство сырьевых материалов». Черчилль готовился занять жесткую позицию, но реалистически оценивал ситуацию, видел впереди зависимость от Соединенных Штатов. «Существует риск, что, если мы примем финансовую помощь, то при решении индийской проблемы мы вынуждены будем разделить с американцами политическое влияние и контроль. Финансы тесно переплетены с мощью, влиянием и суверенитетом государства. При разрешении проблем долга нам следует указать на наш вклад в победу союзников. Ведь их выживание во многом зависело от того, что мы сдерживали врага собственными силами в течение полутора лет.

Мы внесли вклад в победу людьми, деньгами и материальными средствами. Эти соображения не должны игнорироваться при взаимных расчетах».

В июле 1944 года Черчилль думал о возможностях обретения такого орудия, которое позволило бы Британии сохранить статус великой державы. Он довольно неожиданно обратился к Сталину с просьбой позволить британским специалистам по ракетной технике прибыть в Польшу сразу после подхода советских войск к району западнее Львова. Англичане выказали острое желание проникнуть в покинутый немцами экспериментальный ракетный полигон в Дебице — между Львовом и Краковом. Черчилль объяснял Сталину, что осмотр не взорвавшейся ракеты Фау-1, которая упала в Швеции, многое дал английским военным специалистам. Теперь они хотели получить доступ к экспериментам, которые немцы производили в Польше.

17 августа 1944 г. Черчилль объяснял своей жене, что, к сожалению, вооруженные силы Британии рассредоточены в трех армиях, действующих раздельно. Первая во Франции ведет бои «под американским командованием». Вторая сражается в Италии под командованием английского генерала Александера (теперь, писал Черчилль, ей придано «второстепенное значение» ввиду настойчивого желания Рузвельта осуществить высадку союзных войск в Южной Франции). Третья английская армия сражается в Азии на бирманской границе. Такое рассредоточение британских войск приводит к тому, что две из них (в Италии и в Бирме) находятся под фактическим американским командованием, а третья подчиняется американскому главнокомандующему во Франции. Подобная конфигурация имперских сил уменьшает для Лондона возможности быть более значимой величиной в составе великой коалиции.

19 сентября 1944 года Черчиллю, прибывшему в дом Рузвельта в Гайд-Парке, ученые специалисты сообщили, что атомная бомба эквивалентом 20–30 тысяч тонн тротила будет готова к августу 1945 года. В этот же день несколько военных американских пилотов прибыли для знакомства с поразительным новым видом оружия. Одну из групп вводил в курс дела Дэвид Гринглас, который только что передал основные чертежи нового оружия советской разведке.

Черняховский и Баграмян

Незадолго до рассвета 17 августа 1944 года группа пехотинцев 3-го Белорусского фронта (Черняховский) во главе с сержантом Закаблюком прошла сквозь поле вчерашнего жаркого боя к реке Шешупе и послала рядового Александра Афанасьевича Третьяка установить советский красный флаг. Знаменательный момент: советская армия вышла на границу Германии — впереди была Восточная Пруссия, а данный пункт представлял собой пограничный знак № 56. Долго билась армия, чтобы настал этот день освобождения своей территории, день выхода к земле противника. Сколько воинов ценой своей жизни приблизили этот славный день! Если в доблестной 5-й гвардейской танковой армии осталось только 28 танков, то сколько же отчаянных парней сложили свои отчаянные молодые головы? В 11-й гвардейской армии батальоны по численности дошли до уровня рот. Но их жертвы были не напрасны. Оглянувшись окрест, можно было видеть остатки девяти германских дивизий.

На карте словно возродился август 1914 года: Инстербург, Гумбинен, Эйлау — эти же города были на планшетной карте генерала Ренненкампа и у шедшего южнее генерала Самсонова, стоявших в начале несчастий русской армии в двух мировых войнах. Командарму Черняховскому было тогда восемь лет, он мог по возрасту быть сыном этих русских военачальников. Теперь сыновья отомстили за великую трагедию, разыгравшуюся здесь ровно тридцать лет назад. Русское оружие было отомщено. Но немецкая граница не была просто линией на карте в офицерском планшете. Она была очень укреплена.

Вступая во второй раз в ту же историческую реку, Черняховский должен был быть осторожным. Перед броском на германскую территорию он концентрировал свои войска. Севернее — перед 1-м Прибалтийским фронтом Баграмяна была поставлена задача прервать коммуникации между германской группой армий «Север» и Восточной Пруссией. Подвиг его войск в эти дни — окончательный разгром (совместно с 3-м Белорусским фронтом) 3-й танковой армии вермахта, что так резво бежала по нашим равнинам три года назад.

В ударе по группе армий «Север» Баграмян был не один: три Прибалтийских фронта объединили усилия, чтобы вернуть долг трехлетней давности. А с севера, стоя у русской Нарвы (которая напоминала о первом петровском походе в Прибалтику), стоял Ленинградский фронт Говорова.

Баграмяну не нравился план Ставки. Если он двинется на Каунас, то подставит свой фланг группе армий «Север» со всеми возможными последствиями и для него, и для 1-го Белорусского фронта. Как уже стало обычным, упорный Баграмян, опирающийся на здравый смысл, на хладнокровный анализ, а не на «всеизвиняющий» приказ, пошел своим путем. Не дожидаясь прихода обещанной 39-й армии, он двумя армиями (6-я гвардейская и 43-я) вышел на Двинск (сколько ассоциаций с Первой мировой!), ожидая помощи соседнего 2-го Прибалтийского фронта (Еременко). 5 июля его войска преодолели упорное сопротивление, гвардейцы из 6-й армии с помощью 43-й Белобородова перерезали железнодорожную магистраль Двинск — Вильнюс, а 9-го июля — Двинск — Каунас.

Это позволило начать заход в тыл всей германской группировке. Но не хватало грузовиков, нелетная погода девальвировала советское превосходство в воздухе, и 12 июля, когда Ставка просигналила, что группа армий «Север» готова прорваться на юг (ошибка стратегической разведки — германским войскам было приказано оставаться в прибалтийских землях), Баграмян оказался в весьма сложном положении. Координатор от Ставки, маршал Василевский, требовал не питать смелых планов поворота на север, а двигаться строго в западном направлении. Теперь основное внимание группы армий «Север» должен был занять 2-й Прибалтийский Еременко. Его четыре армии начали наступление против 13 германских дивизий, стоящих на так называемой «линии Пантеры» — системы укреплений, созданных фельдмаршалом Моделем зимой 1943–1944 годов. Позади размещалась «Рыцарская линия» и еще три оборонительные системы — «синяя», «зеленая» и «коричневая». Использован был рельеф местности, бесчисленные озера, болота, трясины, груды камней, непроходимые леса и все прочее, что северная природа создала для осложнения жизни человека.

В течение первых двух суток Еременко пробил брешь восьмидесятикилометровой ширины на глубину более 15 километров. 12 июля он пересек железную дорогу Псков — Идрица и шоссе Невель — Опочка. 3-я ударная армия генерала Юшкевича вышла к реке Великая. 15 июля взята старинная Опочка, а через два дня — Себеж. Важным было отобрать у немцев Опочку — это лишало цельности всю германскую систему обороны, то был самый сильный пункт в «линии Пантеры», своего рода ключ к латвийской границе. Вслед за «синей» пошла «зеленая» линия и умение советских войск было продемонстрировано убедительным образом. Быстро уходившая из этих мест в 1941 году, Красная Армия 1944

года возвращалась умело и профессионально. А ведь в противостоящих германских войсках сражались не новички, а закаленные ветераны, видевшие на этой войне уже все. Возможно, самая тяжелая работа досталась советским саперам — леса были буквально нашпигованы минами всех калибров.

Левый фланг 2-го Прибалтийского приблизился к Двинску, а правый вошел в Латвию. Баграмян все время смотрел на север и умолял о приказе идти на Ригу, но ставка направляла его южнее и западнее. А правее фронта генерала Еременко начинал исполнять свою роль 3-й Прибалтийский фронт генерала Масленникова, главной задачей которого было уничтожение германской группировки в районе Пскова и Острова. За ними была уже Эстония. Сталин не знал Масленникова и выражал свои опасения: «Никто ни разу не был у Масленникова, а это молодой командир с молодым штабом и недостаточным опытом». Он нуждается в «опытных артиллеристах и летчиках». Будущий главный маршал артиллерии Яковлев вылетел к Масленникову, разместившему свой штаб на западном берегу реки Великой (по существу, на плацдарме). 16 июля фронт Масленникова полыхнул массированной канонадой. Масленников оказался достаточно опытным командиром и не новичком в стратегии. Утром 21 июля 1944 года его войска вошли в Остров с юга, а вечером четыре дивизии уже изготовились штурмовать Псков. Ранним утром 23-го в нем уже не было немцев. Теперь Масленников был ориентирован оторвать германские войска, расположенные в Эстонии и Северной Латвии, от прочих соединений вермахта.

Во второй половине июля Баграмян успокаивается, признаков падающего с севера «дамоклова меча» нет. Немцы не собираются бросаться из прибалтийских провинций в Восточную Пруссию. Тем более их нужно отсечь и нейтрализовать. Баграмян убеждает Василевского изменить главное направление его удара, теперь он ориентируется на расположенный севернее литовский Шяуляй. Группу армий «Север» — ветеранов трех лет войны — не стоит недооценивать. Сами они из Прибалтики не уйдут. И будут висеть тем самым мечом, который однажды может войти во фланг центральной группе советских войск. Это мнение учтено, 22 июля 51-я армия генерала Крейзера рванулась на Паневежис; справа, несколько отставая из-за жестокого германского сопротивления, шла 43-я армия. Баграмян наградил быстрых в атаке командиров дополнительной стрелковой дивизией. Он смотрел на своих птенцов как ястреб. После прохода фронтом Еременко «линии пантеры» германское сопротивление было ослаблено, и 27-го важный центр железнодорожных развязок Шяуляй

был взят. Левее Двинск взят в тот же хороший июльский день, а затем красное знамя взвивается над Резекне.

К августу на северо-западе огромного фронта сложилась совсем новая обстановка. Назначенный Гитлером отвечать за оборону Эстонии и Латвии генерал-полковник Шернер сумел использовать уникальные черты местности от Финского залива до Даугавы — пересеченную местность, множество рек, густые лесные массивы. Все дороги жестко контролировались немцами. Фронт Масленникова был остановлен в болотистых пригородах Пскова, дорога между Чудским озером и Финским заливом была перекрыта для Говорова.

2-я ударная армия Федюнинского получила приказ прорваться через Нарвский проход. Его защищали 12 дивизий «Armeeabteilung „Narva“» в июне и уже только 5 дивизий к августу, но это были элитные войска. Их основу составлял 3-й танковый корпус СС, моторизованная дивизия СС «Нордланд». Открывая наступление Федюнинского, 1000 орудий взорвали воздух, восемьдесят минут молотя германские укрепления. Затем за дело взялась 13-я авиационная армия, позволяя 131-й и 191-й дивизиям начать переправу через реку Нарву. В воздухе из громкоговорителей гремели немеркнущие слова «Священной войны», самой великой песни-гимна целого поколения, равной по мощи целому фронту. К 11 вечера уже стоял понтонный мост, по которому на западный берег катили артиллерийские орудия. Ночью через реку перешел 109-й корпус, а на протяжении следующего дня город Нарва был очищен от немецких воинских частей. Девушки, направляющие движение транспортных колонн, становились отчетливой приметой времени. Впервые взятая русскими войсками в 1558 году, Нарва снова была в русских руках. Иван Грозный и Петр Великий были бы довольны.

И все же Шернер к середине августа сумел консолидировать фронт. Он выступил навстречу Баграмяну (с его неизбывной мечтой взять Ригу) и нанес серьезный удар силами 40-го танкового корпуса по наступающим советским войскам. К юго-западу от Шяуляя танковые колонны немцев («Гроссдойчланд» и другие) прорвали советские позиции. Две германские танковые дивизии — 180 танков — нанесли 14 августа удар по левому флангу советской 51-й армии, заставили ее отойти, и боевая группа «Штрахвиц» открыла линию сообщения между группой армий «Север» и основной массой вермахта. Изоляция немцев, бьющихся в Прибалтике, была предотвращена несмотря на отчаянные атаки дивизий Баграмяна. Движение на Ригу советских войск было остановлено. Шернер временно был победителем, 25-километровый коридор действовал, что очень подняло

его престиж в глазах Гитлера.

Возрождение Франции

Шарль де Голль прибыл во второй половине дня 6-го июля в американскую столицу. Его приземление в вашингтонском аэропорту было отмечено семнадцатипушечным салютом, а первая его речь на американской земле прозвучала по-английски. Рузвельт в Белом доме приветствовал гостя по-французски. С внешней стороны визит проходил как нельзя более успешно. Глава Алжирского комитета произвел хорошее впечатление на людей, настроенных заведомо враждебно. Адмирал Леги нашел Шарля де Голля лучше, чем ожидал. Хэлл тоже пишет о благоприятном впечатлении от встреч с генералом. Де Голль, которого столько обвиняли в резкости и отсутствии такта, показал в Вашингтоне противоположные качества, даже если судить по отзывам прессы. «Нью-Йорк таймс» сообщает, что генерал де Голль произвел исключительно хорошее впечатление на репортеров своими откровенными и прямыми ответами. «Балтимор сан» отмечает: обращение генерала с газетчиками было непринужденным; корреспондент «Вашингтон пост» не нашел никаких следов комплекса Жанны д'Арк; в «Нью-Йорк геральд трибюн» генерал описан «удивительно мягким в манерах», здесь тоже не нашли следов пресловутого высокомерия.

Но нам гораздо интереснее знать, что творилось за кулисами. Состоялись три частные беседы де Голля с Рузвельтом. Показательно, что темой разговора были не гражданские дела, не проблема национального суверенитета, не валютный вопрос. Собеседники обсуждали картину послевоенного мира. Де Голль: «В наших беседах он (Рузвельт) старался не касаться никаких жгучих вопросов, но широкой кистью рисовал политические цели, которых он надеется достичь, благодаря победе. Его стремления казались мне грандиозными, но внушали тревогу за судьбы Европы и Франции. Изоляционизм Соединенных Штатов Америки президент считает большой ошибкой, отошедшей теперь в прошлое. Но он бросается из одной крайности в другую и хотел бы установить систему постоянного вмешательства посредством международных законов. Он полагает, что четырехчленная директория — Америка, Советская Россия, Китай и Англия — урегулирует проблемы всего мира. Парламент Объединенных Наций придаст власти „большой четверки“ демократический вид. Но для того, чтобы не отдавать в распоряжение трех из этих держав почти весь шар земной, эта организация, по его мнению,

должна будет потребовать, чтобы в различных странах мира были устроены базы американских вооруженных сил, причем некоторые из них необходимо расположить и на французской территории.

Рузвельт рассчитывал вовлечь таким образом Советскую Россию в объединение, которое будет сдерживать ее честолюбивые стремления и в рамках которого Америка может собрать свою клиентуру. Он знает, что из четырех великих держав чанкайшистскому Китаю необходимо его содействие, а Англия из опасения лишиться доминионов должна согласиться с его политикой. Что же касается сонма средних и малых государств, Америка будет иметь возможность воздействовать на них путем оказания им материальной помощи. Наконец, право народов располагать своей судьбой, поддержка, оказанная Вашингтоном, наличие американских баз породят в Африке, в Азии, в Меланезии новые суверенные государства, которые увеличат собою число стран, обязанных Соединенным Штатам... Рузвельт рисует мне свои планы. Я слушаю его и думаю: „Как это характерно для людей: идеализм прикрывает стремление к могуществу“».

Никакие словесные формулировки, цветы и фанфары не могли закамуфлировать различия во взглядах, в планах на будущее. В мировой системе Рузвельта не было места для Франции как великой державы, и ни два столетия дружбы, ни помощь в двух мировых конфликтах не могли заставить французского лидера симпатизировать мировым схемам американского президента. Де Голль и Рузвельт, имея в виду коренное, принципиальное различие их позиций, остались после этого, столь удачного (внешне), визита так же далеко друг от друга, как и до него.

Девятого сентября 1944 года было сформировано новое французское правительство на широкой социальной основе. Двадцать третьего сентября французские внутренние силы, числом около полумиллиона, были преобразованы в регулярную французскую армию. Укрепление французского потенциала немедленно отозвалось в сфере большой политики. Уже 14 сентября министр иностранных дел Бидо на своей первой пресс-конференции официально выразил перед союзниками просьбу о включении Франции в Европейскую совещательную комиссию.

Американский представитель при французском правительстве С. Чепин пишет в госдепартамент: «Французы — гордая нация, и задержка с признанием администрации, которую они приняли, будет интерпретирована как отсутствие доверия их способности создать правительство и участвовать в войне. Столь же большое значение будет иметь убеждение, что они поставлены в определенно худшую позицию в отношении участия в послевоенном переустройстве и особенно в

решениях, касающихся Германии, и это несмотря на все данные нами уверения в противоположном». Косвенным путем подвергая сомнению основной тезис Рузвельта, Чепин замечает: «Многие месяцы должны пройти, прежде чем миллионы перемещенных лиц и пленных смогут участвовать в свободных выборах, обещанных де Голлем».

Япония в кольце

Поздним летом 1944 года американцы начинают планировать решающие удары по Японской империи. Успех на Марианских островах и на севере Новой Гвинеи открыл им эту возможность. Первым шагом к подрыву позиций японцев виделась высадка на одном из центральных филиппинских островов — Лейте. Отсюда можно было выбирать, куда двигаться дальше — на большой филиппинский Лусон или в направлении Тайваня. Но поражение Чан Кайши обесценило Тайвань как цель, как базу грядущих операций совместно с китайцами. Адмирал Нимиц все больше склонялся к Лусону.

Японская военная машина оставалась могучим организмом. В 1943 г. японцы произвели 20 тысяч самолетов, а в 1944 году — 26 тысяч. Ослабление японских вооруженных сил связано не с уменьшением численности самолетов и другой техники, а с гибелью лучших, наиболее опытных пилотов, моряков, пехотинцев. Летом 1944 года японцы создают отряды камикадзе («божественный ветер», разметавший монголов в четырнадцатом веке) на массовой основе. Стратегия у Токио была достаточно простой: противник должен убедиться, что продолжительная война с Японией предельно дорогостояща; есть все основания идти менее радикальным путем. В битве за Окинаву были осуществлены 2550 полетов камикадзе, а к боям собственно в Японии готовились 5 тысяч камикадзе.

Японцы правильно определили направление следующего хода американцев — Филиппины, где у фельдмаршала Тераучи Хисаичи было 250 тысяч солдат. Сюда же был послан и «тигр» Ямасита, после взятия Сингапура претендовавший на пост премьер-министра.

Но японское военное руководство в октябре 1944 г. сделало две грубые ошибки. Во-первых, правильно усмотрев Центральные Филиппины, японцы затем поддались на маневр американцев, сделавших обманное движение в направлении Тайваня. Именно здесь, в небе неподалеку от Китая, японская авиация потеряла последних асов — 500 потерянных машин против 100 сбитых американских самолетов. У американского адмирала Хелси была примерно тысяча самолетов, которым японцы ничего уже, кроме камикадзе, противопоставить не могли. Теперь в небе над Лейте (а именно эта цель американцев стала ясной планировщикам в Токио к 17 октября 1944 г.) господствовала американская авиация. К Лейте подошли 12 американских линкоров, 32 авианосца и 23 крейсера. Им императорский

флот мог противопоставить только семь линкоров, четыре авианосца, два гибрида — полукрейсера-полуавианосца и двадцать крейсеров. В свете сопоставления этих сил виден итог 1942–1944 годов и перспективы будущего соперничества.

Пока 6-я американская армия высаживалась с транспортов на Лейте, в море разыгрывалось то, что можно назвать последним крупным сражением великих флотов. Американский авианосец «Принстон» был потоплен японским бомбардировщиком. Ко дну пошел и крейсер «Бирмингем». Но исход дела решили самолеты американской военно-морской авиации. Тринадцать торпед с воздуха вонзились в огромный (73 тыс. тонн) корпус японского линейного корабля «Мусаси». Капитан Иногучи стоял на тонущем мостике до тех пор, пока корабль не скрылся под водой. Императорский флот Японии потерял тридцать шесть кораблей — три линкора, четыре авианосца и шесть крейсеров — против шести американских — и уже не мог оправиться от этих потерь. У Токио осталось только три авианосца и один авианосец-гибрид. Теперь остановить американские корабли не мог никто.

В самом конце октября Тераучи усиливает гарнизон Лейте. Бои приобрели ужасающий по жестокости характер. Здесь японцы в последний раз сумели создать ситуацию превосходства над американцами в воздухе — 2500 японских самолетов 4-й воздушной армии буквально изгнали с небес американскую авиацию. В наземных операциях происходило нечто не очень характерное. На Лейте в ноябре 1944 года словно повторили опыт траншейной Первой мировой войны. Особенное ожесточение наступило между 27 ноября и 12 декабря. Затем прибывающие американские подкрепления начали склонять чашу весов в американскую сторону.

Конечная победа на острове (15 тысяч погибших американцев и 50 тысяч японцев) позволила американскому командованию отсечь Токио от его «южной империи» — американские вооруженные силы перерезали линии японских коммуникаций и получили базы, опираясь на которые можно было думать о давлении на собственно Японские острова. В результате 15 декабря американцы высаживаются на острове Миндоро (в 400 километрах севернее) — отсюда открывается внутреннее море Малайского архипелага. Ярость японцев помогала уже слабо. Камикадзе потопили сотни судов (в основном, вспомогательных), но воспрепятствовать американцам в их движении к центру японской мощи они уже не могли.

Возможно, японцы совершили ошибку, бросив свои основные силы на Лейте. Но пути отступления у них были уже ограничены. Их ожидала

запланированная на 9 января 1945 г. высадка американской морской пехоты на самый большой остров Филиппин Лусон. Впереди выстраивается страшная череда битв: Лусон, Иводзима, Окинава.

Глава семнадцатая

На Берлин

Действующие в центре советско-германского фронта пять советских фронтов вышли, если так можно выразиться, на финишную прямую — до Берлина 500 километров. Немало, но посмотрите сколько пройдено! В ноябре 1944 года в Ставке было решено, что для взятия немецкой столицы понадобится 45 дней. На пути стояли две очень мощные группировки: группа армий «Центр» и группа армий «Северная Украина». Здесь бои вели 6 миллионов человек, это и была Вторая мировая война, а все остальное — имейте уважение к цифрам — было важной, существенной, но периферией. Судьба мира, судьба антигитлеровской коалиции решалась здесь, где возмужавшая и набравшаяся военного опыта Красная Армия молотила прежде непобедимый вермахт. Здесь сошлись в смертельном бою 11 тысяч танков, здесь били друг по другу 85 тысяч орудий, здесь в небе сражались не на жизнь, а на смерть 10 тысяч самолетов. До «Багратиона» и его польского продолжения объединенной феноменальной мощи трех Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов противостояли семьдесят германских дивизий. Более тридцати из них сокрушил «Багратион» во главе с 1-м Белорусским фронтом и около тридцати дивизий обесценил Конев со своим 1-м Украинским фронтом. Пять раз германские войска попадали в окружение (Витебск, Бобруйск, Броды, Вильнюс, Брест). Фронт продвинулся почти на 500 километров на запад. Для завершения войны, для взятия Берлина нужно было пройти столько же.

Много говорят о Варшаве. Даже не возобновляя дискуссию, напомним, что один только 1-й Белорусский фронт на подходах к польской столице потерял 123 тысячи человек. Сравните с потерями защитников Варшавы. Кому-то это покажется кощунственным, но мы, сыны и внуки тех, кто не дошел, имеем право считать — лишь один фронт потерял в тех боях в десять раз больше, чем герои Варшавы, часть руководства восстания которой оказалась хладнокровными калькуляторами и политическими авантюристами. Мы имеем право это сказать, это право завоевало предшествующее поколение, которое своими несказанными жертвами, принесенными на алтарь свободы польского народа, позволяет нам судить трезво и непредвзято. Десятки старинных русских городов лежали в руинах, цена за оттеснение немцев в их собственные пределы была

огромной.

На юге, в Карпатах, одна только 38-я армия в своем порыве к восставшим словакам потеряла 80 тысяч человек, кто посмеет нас упрекнуть в хладнокровном безразличии? И, уж по крайней мере, не те, кто хладнокровно предоставил нашей стране сражаться в одиночестве вплоть до последнего года этой истребительной войны.

На севере решительное ослабление группы армий «Север» стало предпосылкой выхода советских войск в Прибалтику. Шесть недель непрерывного наступления выбили немцев с их тщательно подготовленных оборонительных позиций. А еще севернее Карельский фронт Мерецкова (12 пехотных дивизий) выбил финнов из Выборга. В связи с предстоящей операцией в районе Петрозаводска Мерецков был вызван в Москву. Штеменко и другие не советовали Мерецкову показывать Сталину тщательно выделанную рельефную карту своего фронта, акцентирующую его сложности. Как и предсказывалось, Сталин пришел в ярость. «Вы что, пытаетесь нас напугать? Уберите эту игрушку. Вам что, противник лично рассказал о своих планах?» В конце второго дня заседаний Сталин смягчился, он подвел Мерецкова к окну, откуда была видна освещенная салютом Москва и прошептал ему на ухо: «Я дам вам подкрепления, о которых вы просите».

В начале июня силы Финляндии начали заметно слабеть. Об этом сам маршал Маннергейм сообщил Гитлеру. 1 августа президент Рюти ушел в отставку, и Маннергейм занял пост президента с целью заключить перемирие. Кейтель бросился в Хельсинки 17 августа с германскими орденами для *waffenbruders*, для «товарищей по оружию», но ничто уже не могло помочь истощенному союзнику Германии. 25 августа финские дипломаты вступили в контакт с полпредом СССР в Швеции Коллонтай. А за два дня до этого было заключено соглашение о перемирии между СССР и Румынией.

Балканы

Великий фронт от Балтики до Карпат бурно перемещался в июле — августе. В течение двух фантастических недель пять центральных фронтов прошли почти полтысячи километров, ослабив свой порыв только перед самой Варшавой. Во второй половине 1944 года весь фронт практически застыл. Западные специалисты спрашивают: почему Советский Союз не завершил войну в 1944 году? Ведь преимущество в танках было один к трем, в артиллерии — один к шести, в численности пехоты — один к четырем. Одним из объяснений служит то, что предстояло вначале решить проблему Балкан. Именно сюда переместился центр наступательных усилий советских войск. Наступила очередь южан. Здесь был создан новый — 4-й Украинский фронт численностью в восемнадцать дивизий во главе с генералом Петровым для выхода через Карпаты в Венгрию. Перед Петровым поставили задачу осуществлять связь между Коневым и двумя фронтами, которым были поручены балканские проблемы (Малиновский и Толбухин).

2-й Украинский Малиновского и 3-й Украинский Толбухина фронты представляли собой огромную силу в миллион солдат, тридцать восемь советских дивизий. Стоявшая перед ними группа армий «Южная Украина» генерал-полковника Фриснера (который заместил многострадального Шернера) вместе с союзными румынами составляла внушительную силу в 600 тысяч человек с 400 танками и 800 самолетами. Группировка была ослаблена уходом танковой армии к Моделю, отчаянно отбивающемуся от Конева. В группу армий «Южная Украина» входили две из трех румынских армий; третья румынская армия, стояла, естественно (вспомните спор из-за Трансильвании), на границе с Венгрией.

На этом пятисоткилометровом фронте Ставка требовала выхода на западный берег реки Прут. Малиновский намеревался выйти в Молдавию и Северную Румынию ударом между румынскими и германскими войсками с целью окружить немцев в районе Кишинев — Яссы. Малиновский с Толбухиным встретились, чтобы уточнить детали того, что стало Яско-Кишиневской операцией. Фронт Малиновского был сильнее (шесть пехотных армий, одна танковая и одна авиационная). У Толбухина были четыре пехотные армии и один механизированный корпус. Ему в помощь создавалась Дунайская флотилия адмирала Горшкова. Оба фронта провели набор среди жителей, оставшихся в оккупации. Этот набор дал

Малиновскому 265 тысяч солдат, а Толбухину — 80 тысяч молодых ребят, прошедших почти три года в немецкой оккупации. Теперь их учили «достоинству поведения советского человека на иностранной территории». Эта территория была рядом, но путь туда шел через кровавый бой.

Генерал-полковник Фриснер, когда разведка доложила ему о подкреплениях у Малиновского, начал подозревать грядущее наступление советских войск после 18 августа. Хотя у немцев были четыре месяца для подготовки линии укреплений, у них не было достаточно войск, чтобы прикрыть фронт по всему течению Днестра. Малиновский же сумел обнаружить слабые места в обороне противника. Фриснер предлагает ОКХ отвести германские войска к линии Карпат — ведь Малиновский уже строил колонны наступления против генерала Волера в районе Ясс. ОКХ отказал в санкционировании отхода, и Фриснеру ничего не оставалось, кроме как призвать свои войска стоять до последнего «плечо к плечу с нашими испытанными румынскими товарищами».

19 августа командарм Малиновский вместе с прибывшими из Москвы маршалом Тимошенко и маршалом авиации Худяковым прибыли на передовой командный пункт, высоту 195. В своем штабе Толбухин созвал всех командиров и еще раз проверил последовательность намеченных действий. На следующий день началось великое южное наступление. У Малиновского ударные части пробили линию германо-румынских укреплений вплоть до северо-западных подходов к Яссам — пятнадцать километров в глубину на семидесятикилометровом фронте. Малиновский пустил вперед танки армии Кравченко к штурму третьей линии германских укреплений. Немцы не предполагали встретить советское наступление такой мощи. Уже к концу первого дня сражения была потеряна боеспособность у пяти германских дивизий, тысячи германских солдат попали в плен.

Малиновский задействовал 7-ю гвардейскую армию Шумилова на своем правом фланге, а танки Кравченко обходили Яссы и с востока и с запада. С юга приходили сообщения о впечатляющих успехах Толбухина, который сумел перехитрить немцев: он демонстративно концентрировал свои войска в направлении Кишинева, а ударил значительно южнее. Лишь сутки держались румыны, затем их отход стал малоконтролируемым. Три армии Толбухина форсировали Днестр. Теперь выполнение директивы Ставки об окружении немцев и румын в районе Кишинева приобрело черты реальности. Мобильные силы двух фронтов сходились на реке Серет; Малиновский замыкал группу генерала Волера, а Толбухин — группу генерала Думитреску. Противнику бежать к реке Прут было почти

безнадежно — 80 километров, а танкам Кравченко — 30. В окружение попали пять германских корпусов на восточном берегу Прута и остатки 10 германских дивизий в лесах к югу от Кишинева. Еще один триумф советского оружия.

Король Михай видел единственный шанс в том, чтобы договориться с русскими (румынские дипломаты встречались и с американцами). Румыны обещали немедленно интернировать немцев и присоединиться к антигитлеровской коалиции. Для них было важно сделать это раньше венгров, тогда можно было рассчитывать на Трансильванию. Короля «подгоняла» дивизия имени Тудора Владимиреску, составленная в основном из румынских военнопленных в России и воевавшая, как помнит читатель, на советской стороне.

23 августа было решающим днем. Король Михай арестовал братьев Антонеску вместе с руководителем германской военной миссии генералом Хансеном и провозгласил выход Румынии из военного союза с Германией. Новое румынское правительство возглавил генерал Санаеску, а король Михай обратился по радио к нации и всему миру. Германский посол покончил жизнь самоубийством. Для Советской армии открывались двери в Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Югославию. Ни Карпаты, ни Дунай теперь не могли быть барьером на пути продвижения советских войск. Два советских фронта окончательно сомкнули ряды. Ставка разрешила Малиновскому и Толбухину использовать добровольно сдавшиеся румынские части против венгров и немцев. В плен в Яско-Кишиневской операции были взяты 98 тысяч германских солдат и офицеров, более ста тысяч немцев погибли в этих жестоких и, по существу, бессмысленных боях. 25 тысяч немцев сумели выйти из окружения, но группа армий «Южная Украина» перестала существовать.

Бухарестская пресса была удивлена молодостью советских солдат и их технической оснащенностью. Лишь остатки семи германских дивизий оказывали сопротивление в Северной Румынии. В Москве Ставка готовила двум победоносным фронтам новые боевые задания: Малиновский — на Венгрию, Толбухин — на Болгарию. Под их командованием теперь были новые союзные войска, вчерашний противник, — румынские части. У Малиновского теперь были дополнительные 20 дивизий, неадекватно вооруженных, но хорошо знающих территорию проходимой 2-м Украинским фронтом страны и весьма небезразличную к боевым действиям на территории Трансильвании.

Гитлер приказал германским войскам навести порядок, потеря нефтеносных Плоешти была нетерпима. Гитлер требовал мщения.

Немецкие штурмовики повисли над Бухарестом, Однако люфтваффе уже не царили в воздухе, и несколько «хейнкелей» без разбора провели бомбометание, чтобы скорее удалиться. Вводить в действие германский план по оккупации Румынии было уже поздно, она сдалась на милость победителей без предварительных условий. Этим актом германское военное поражение превратилось в катастрофу огромных пропорций — Германия теряла Балканы. Послать подкрепления сюда (в стиле генерала Макензена в 1916 году, быстро завоевавшего Румынию) ОКХ уже не могло. В течение двух суток основная часть 6-й армии немцев оказалась окруженной. Остальные германские части устремились к Железным воротам, к венгерской границе.

В Венгрии испытывали шок. Болгария была отрезана от своих прежних союзников. В Берлине прилагали все силы, чтобы сохранить в союзниках Венгрию. Именно венгерские войска перекрывали карпатские перевалы от Дуклы до Яблоницы. Граница между Венгрией и Румынией становилась новым фронтом мировой войны. Румыны смело шли в Южную Трансильванию, и Малиновский довольно быстро продвинул туда свои части. И все же фронт, прошедший с боями огромные территории, начал выдыхаться. У ставшей гвардейской танковой армии Кравченко осталось 130 танков и 56 самоходных орудий. И все же Южная Трансильвания была освобождена, горный хребет Марос был под контролем Малиновского 15 сентября 1944 года. Но по линии Клуж — Арад — Тимишоара венгры дрались отчаянно, хотя для них открывалось новое поле боя — 4-й Украинский фронт генерала Петрова подошел к Ужгороду и Мукачеву — за ними лежала Венгрия.

В самом конце августа Гудериан по просьбе Гитлера навестил регента Венгрии Хорти и беседовал с ним «как солдат с солдатом». Хорти начал беседу словами, что в политике нужно иметь сразу несколько козырей, и Гудериан сразу все понял. Беседа продолжалась много часов, но впечатление от того, что Венгрия — последняя союзница — готова покинуть Германию, было неизбывным. Гудериан записал в дневнике: «Теперь я знаю достаточно».

Освобождение Румынии стоило Красной Армии 47 тысяч убитыми, 171 тысячу ранеными, 2000 орудий и пулеметов, более 2200 танков, 528 самолетов. 12 сентября в Москве было подписано перемирие между СССР и Румынией, его подписали и два великих союзника СССР. Румынские войска предоставлялись в распоряжение советской армии. Захваченная в 1918 году Бессарабия (а также Северная Буковина) возвращалась Советскому Союзу. Румыния выплачивала 300 млн. долларов в течение

пяти лет товарами и продуктами. Бухарест был несказанно рад возвращению Трансильвании.

Битва за Болгарию была почти бескровной. Георгий Димитров убедил Георгия Жукова, что ни один болгарин не произведет выстрела по советской армии. «Вы будете встречены не с пушками и пулеметами, а с хлебом и солью — по старому славянскому обычаю». Во второй половине августа, завершив Яско-Кишиневскую операцию, Толбухин обратился к Болгарии. Болгария — враг США и Британии — никогда не объявляла войны Советскому Союзу, чьи дипломаты оставались в Софии даже в годы войны. Болгария снабжала рейх сырьевыми материалами, но не была марионеткой наподобие Венгрии и Румынии.

Немцы попытались удержать Болгарию. Несмотря на все протесты Гудериана, ОКВ послало в Болгарию 88 танков PzKw IV и пятьдесят штурмовых орудий, считая болгар самыми надежными из своих балканских союзников. Раздосадованный Гудериан связывался напрямую с ответственным за военную подготовку болгар полковником фон Юнгефельдтом. Тот считал ситуацию для Германии практически безнадежной. Гудериан отослал эту военную технику в Белград, стоящим там войскам СС — 4-й танковой дивизии, теперь единственной германской мобильной части на Балканах. 26 августа 1944 года болгарское правительство уведомило Москву о своем «полном нейтралитете», о том, что любые германские войска, если они перейдут границу из Румынии, будут интернированы. 27 августа болгарские войска начали эвакуировать Фракию, и группа германских армий Вейхса начала свой долгий поход на север. В течение первой недели отхода Вейхс потерял почти всю свою технику. Его дорога периодически оказывалась заминированной — партизаны не оставляли отступающих немцев.

6 сентября 1944 года советское посольство в Софии было уведомлено, что Болгария прерывает дипломатические отношения с Германией. Партизаны внутри Болгарии создали Армию народного освобождения. 8 сентября фронт Толбухина пересек границу Болгарии. Хлеб и соль были преувеличением, но музыка и цветы ждали 3-й Украинский фронт. Когда 57-я армия пересекла болгарскую границу, по обе стороны дороги стояли оркестры и люди с цветами. Отечественный фронт завладел властью в стране, и 9 сентября советские войска получили от Толбухина приказ прекратить военные операции. 17 сентября болгарская армия предоставила себя под советское командование.

Теперь Толбухина интересовало скопление германских войск в Югославии — в Нише и Белграде. 57-я армия двинулась на болгарско-

югославскую границу. Но давала знать силу определенная усталость — фронт прошел более 600 километров, и только болгарский участок пути был мирным. Ставка приказывала сосредоточиться на ударе по Белграду и на освобождении восточных областей Югославии. Время: 9-е октября 1944 года. Первый километр югославской территории был освобожден в начале сентября. 6-я танковая армия форсировала Дунай и закрепились в районе югославского городка Кладово. 21 сентября командующий югославскими партизанскими силами Тито вместе с представителем югославского штаба Милутиновичем (и собакой Тито «Тигром») прибыли на советском военном самолете в Румынию. В штабе Толбухина Тито прикрепил к груди советскую награду — орден Суворова первой степени — и вылетел в Москву. Первая встреча со Сталиным не была особо дружественной, но стороны договорились, что Советская армия войдет на территорию Югославии и окажет помощь армии Тито. Сталин спрашивал, что будет делать Тито, если в его расположении высадятся англичане? Тито просто отвечал, что это невозможно. Сталин требовал несколько более детализированного ответа. В конце сентября 1944 года первая воинская часть советской армии — 75-й корпус генерала Акименко — вошла в Югославию.

30 сентября корабли Дунайской флотилии Горшкова пристали к первому югославскому причалу. 7 сентября пятистам югославским партизанам была предоставлена возможность получить обучение в качестве танкистов. 1600 грузовиков везли югославам припасы. 8 октября маршал Толбухин приказал болгарской армии начать наступление на Ниш в координации с 13-м корпусом Югославской национально-освободительной армии. Рядом части 2-го Украинского фронта Малиновского выступили на правом фланге, и их поход был впечатляющим — уже через несколько дней его войска были севернее Белграда, а Толбухин подходил с юга. Между 14 и 20 октября Белград был освобожден, а германские войска вокруг города и в нем самом были разбиты. Славянское братство сработало. Битва за Белград стоила немцам 15 тысяч убитыми и 9 тысяч пленными. 22 октября тела советских воинов и погибших югославов пронесли по опустевшим улицам югославской столицы. Маршал Тито принял парад югославской армии. После парада советские танки сразу же пошли к временным мостам через Дунай — к Воеводине. Одновременно атакам подверглись Дебрецен и Ужгород. Все четыре Украинских фронта подошли к подлинному «мягкому подбрюшью» Германии. Некоторые осложнения были у командующего 4-м Украинским фронтом Петрова, которого Фриснер задержал в Карпатских горах. Зато Толбухин и Малиновский прошли почти

по четыреста километров.

Хорти не зря был предельно любезен с Гудерианом. Венгерская делегация прибыла в Москву 1 октября 1944 года. Через 11 дней делегация подписала соглашение о перемирии с замначальника Генерального штаба Антоновым, о чем тот сообщил Малиновскому, занятому Дебреценской операцией. Там советские танки вышли на венгерскую равнину. Хорти одобрил подписанное в Москве соглашение, но его не одобрили немцы. У них были свои планы, дивизии СС поддержали переход власти к прогермански настроенному Ференцу Салаши. Сорок «тигров» прошли угрожающе по Будапешту, сын Хорти был захвачен людьми Скорцени. Эйхману была поручена реализация «окончательного решения» еврейского вопроса в Венгрии. Германские военные превращали Будапешт в основной пункт своей обороны с юга. Некоторое время Красная Армия ожидала переход на советскую сторону как минимум двух венгерских армий, и только 24 октября 1944 поступил приказ обращаться с венгерскими военными как и с немцами.

Сталин спешил, он требовал от Малиновского взять Будапешт буквально в считанные часы («неважно, чего это будет вам стоить»), что было по причине германских военных усилий практически невозможно. Малиновский просил пять дней и подкреплений. Сталин соглашался только на «завтра» и говорил об исключительно важных политических мотивах такой спешки. Малиновский объявил о начале наступления 29-го октября. 7-я гвардейская армия сделала невозможное, она форсировала Тису и создала значительный плацдарм на западном берегу реки. Но на пути 46-й советской армии встали четыре немецкие танковые дивизии. Лишь 4 ноября 4-й гвардейский механизированный корпус достиг восточных и южных пригородов Будапешта, пехота отставала и шансы войти в город на гусеницах таяли на глазах. Второй штурм Будапешта начался 11 ноября и длился 16 дней. Конница Плиева тем временем вошла в Мишкольц. Как рассуждает англичанин Эриксон, «предсказание Малиновского оказалось верным. Сталин получил свои пять дней, но потерял пять месяцев».

Ленд-лиз и прочие экономические рычаги

Когда советские войска подходили к Висле, а американские — к восточной границе Франции, Рузвельт предложил Сталину еще одну встречу на высшем уровне. В повторном письме он писал, что ситуация требует «дальнейших стратегических решений», он прибег даже к такому аргументу: встреча поможет ему в ходе предвыборной борьбы. Восстановить «дух Тегерана» тогда, когда он особенно нужен — в период выработки общих подходов к освобождаемым народам, — вот чего хотел Рузвельт. Складывается впечатление, что он вступил в стартовую полосу создания послевоенного мира. На конференциях в Думбартон-Оксе и Бреттон-Вудсе наметились основные черты этого мира. Чисто военными рычагами контролировать мир было уже невозможно. Шести процентам мирового населения трудно диктовать свои условия остальным девяноста четырем. Но картина менялась, если перейти в экономическую сферу. Доля США в мировом валовом продукте приближалась к пятидесяти процентам, и именно эта колоссальная экономическая мощь должна была обеспечить Америке преобладающие позиции.

Напомним, что и в соглашениях по ленд-лизу, заключенных Соединенными Штатами с другими странами, имелась специальная оговорка, предполагавшая «уничтожение всех форм дискриминационной практики в международной торговле». Оговаривалось также понижение таможенных барьеров. Государственный департамент в отношении Британской империи выработал «предложения по расширению мировой торговли и занятости». Англичане, естественно, видели в американских действиях стремление после окончания войны закрепиться в Латинской Америке и в важных регионах Азии, подчиняя при этом Британское Содружество наций.

Как пишет американский историк Г. Колко, «если отбросить риторику, удобные ссылки на необходимость „открытых дверей“ в международной экономике означали американское экономическое превосходство, часто монопольный контроль над многими из критически важных сырьевых материалов, на владении которыми основывается современная промышленная мощь... Соперничество между Соединенными Штатами и Британией из-за нефти и по поводу послевоенных мировых экономических структур ускорило неизбежное ослабление Британии во время войны и создало вакуум в мировой мощи, который американцы быстро и с

удовлетворением заполняли на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Новая роль не была ни спонтанной, ни случайной; она была принята с энергией и желанием, что англичане восприняли как американский эквивалент тех самых сфер влияния и блоков, в создании которых Вашингтон обвинял Англию. Уничтожение британской мощи в огромных районах мира, вхождение в эти районы Америки несло с собой огромную политическую и глобальную ответственность, что неизбежно для тех, кто желает завладеть доходами в мировых масштабах, и это новое бремя было в такой же степени побочным продуктом американского стремления к мировой экономической экспансии, в какой оно было ответом на подъем левых сил повсюду и, в меньшей степени, на рост русской мощи... Именно этот круг экономических и политических целей, избранных Соединенными Штатами в конце Второй мировой войны, противопоставил их Советскому Союзу, подъему левых сил и Британии как партнеру-сопернику по защите мирового капитализма».

Организация экономической помощи (УНРРА) получила от конгресса большие фонды для инвестиций в пораженные войной страны. Изучались возможности создания международной гражданской авиации, которой открыты были бы все небеса. Формировалась консолидированная система управления мировыми финансами, международное валютное агентство. В министерстве финансов был разработан проект создания фонда экономической стабилизации Объединенных наций на основе глобальной либерализации торговли, пересмотра валютной системы, построенной на универсальности доллара. Вызрела идея основания Банка реконструкции и развития с колоссальными финансовыми возможностями. Решающий шаг был сделан в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Гэмпшир) в июле 1944 года. Американцам нужно было открыть мировые рынки для свободного торгового обмена — именно тогда индустрия и сельское хозяйство США получили бы возможность глобального воздействия. Приветствуя конференцию, Рузвельт писал: «Торговля является жизненно важным кровообращением свободного общества. Мы должны следить за тем, чтобы артерии, по которым идет этот кровоток, не были закупорены снова».

Рузвельт считал, что ключом к успеху экономического «открытия мира» является ликвидация имперских преференций Англии. Утверждая в Атлантической хартии «свободный доступ» ко всем рынкам, Черчилль постарался впоследствии выхолостить этот принцип. Но в Белом доме хватало решимости. Вместе с Англией на США приходилось более половины мирового торгового обмена. Победа на английском фронте давала Вашингтону все шансы экономического доминирования в

глобальном масштабе. Полученная от США помощь по ленд-лизу (33 миллиарда долларов) уже была показателем слабости Англии, а в дальнейшем она просила новых займов. Давая очередные 3,8 миллиарда долларов, американцы добились от англичан обещания демонтировать имперские торговые барьеры. Президент сумел «приобщить» к зоне свободного перемещения капиталов и товаров вторую по величине — Французскую империю. Предоставляя в 1945 году правительству генерала де Голля заем в один миллиард долларов, американцы в обмен заставили французов сократить правительственные субсидии, пресечь валютные манипуляции и открыть зону франка для американских товаров.

Америка видела, как нуждаются в займах ее жестоко пострадавшие в войне союзники — СССР и Англия. Американская делегация пообещала советской делегации, возглавляемой Молотовым, значительную долю будущих займов.

На конференции в Бреттон-Вудсе был создан Международный валютный фонд и Мировой банк. Мировой банк владел активами в 7,6 миллиарда долларов и правом предоставлять займы на вдвое большую сумму. Международный валютный фонд (МВФ) владел 7,3 миллиарда долларов, предназначенных для стабилизации основных мировых валют, для расширения мировой торговли. Финансист Б. Барух сказал в начале 1945 года: «Если мы сможем прекратить субсидирование рабочей силы (что предполагала прежняя — „закрытая“ система отдельных торговых блоков. — А.У.) и жестокое соперничество на экспортных рынках..., мы будем иметь самый долгий период процветания».

США как самый крупный вкладчик будут иметь в Мировом банке и в МВФ треть распорядительных голосов. Оба этих международных агентства возглавили американцы. Все валютные операции обоих ведомств осуществлялись в национальной валюте США. Оба международных агентства должны были разместиться в Вашингтоне. Одним из каналов воздействия явилась непосредственная материальная помощь жертвам войны. План ее оказания был подготовлен в 1943 году четырьмя странами — Соединенными Штатами, Советским Союзом, Англией и Китаем. США обязывались предоставить три четверти помощи, это автоматически ставило их во главе программы.

В те самые месяцы, когда специалисты и оборудование требовались на фронтах, американцы построили в Саудовской Аравии огромный аэропорт Дахран. Прежние владельцы региона — англичане — обеспокоились, прежде всего, за свое влияние в Иране и Ираке (Саудовская Аравия уже частично была «списана» из-за американского финансово-политического

вторжения в нее). Президенту Рузвельту пришлось успокаивать их в этом отношении. Черчилль, который всегда предпочитал раздел сфер влияния, выразил признательность Рузвельту: «Большое вам спасибо за уверения в том, что вы не имеете виды на наши нефтяные поля в Иране и Ираке. Позвольте мне отблагодарить вас самыми надежными уверениями в том, что мы не будем зариться на ваши интересы и собственность в Саудовской Аравии». На Тихом океане американцы стали осуществлять контроль над принадлежавшими прежде Японии Каролинскими, Маршалловыми и Марианскими островами, где представители США сразу же показали, что здесь возникает новый «редут» Америки. Следует особо отметить, что Рузвельт уже в 1944 году пришел к твердому выводу: в оккупированной Японии США будут обладать всей полнотой власти, не деля ее ни с кем из союзников.

Восприимчивость советской стороны в вопросе о займах (вполне понятно, что разрушенному хозяйству страны они были чрезвычайно нужны) вызвала радужные надежды Рузвельта в отношении того, что это поможет ему решить «русский вопрос». Размышляя по данному поводу, министр финансов Моргентау поделился с президентом: «Есть два типа людей. Одни, подобно Идену, верят в то, что мы должны сотрудничать с русскими и что мы должны доверять России ради мира на земле. Позицию других иллюстрирует замечание мистера Черчилля, который сказал: „Что мы собираемся иметь между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?“ Рузвельт отозвался так: „Очень хорошо обрисованные позиции. Я принадлежу к той же школе, что и Иден“.

Рузвельт сфокусировал свое внимание на организации, которая заменит Лигу Наций. 21 августа 1944 года министры иностранных дел союзных держав в пригороде Вашингтона Думбартон-Оксе создали контуры мировой организации, сердцевиной которой был назван Совет Безопасности, каждый из членов которого имел право „вето“. Общественные опросы свидетельствовали, что две трети американского населения выступали за такую организацию, за то, чтобы она имела собственные вооруженные силы. Дело защиты вильсоновской идеи о выходе США в океан мировой политики, создании всемирной организации взяли на себя известные американские историки и политологи — Д. Перкинс, Д. Флеминг, Дж. Шотвел. Ф. Рузвельт писал в эти дни 1944 года: „Почти все интеллектуалы сейчас с нами“. У. Липпман в книге „Военные цели США“ указывал, что в будущем мире будут „три орбиты“ — атлантическая, русская и китайская». Задача Вашингтона — нахождение прочных рабочих отношений с Москвой. Чтобы избежать тупика в вопросе

о вето великих держав в Совете безопасности, Рузвельт в начале сентября 1944 года решил обсудить спорные вопросы с главой советской делегации А. А. Громько. Сталин в письме от 14 сентября 1944 года утверждал, что предубеждения против СССР делают право вето абсолютно необходимым для самообороны Советского Союза.

Генерал Чуйков приказал провести своих солдат через первый освобожденный советскими войсками лагерь массового уничтожения Майданек. Позже он напишет, что увиденное «вызывало у воинов подлинную ярость». С заключенных детей, отправляемых в крематории (говорили прочитанные документы), снимали одежду, чтобы послать ее немецким детям. Фашизм был неподражаем.

После покушения 20 июля 1944 года в рейхе резко возрастает влияние командующего 38 дивизиями СС рейхсфюрера Гиммлера. Он приносит Гитлеру 160-страничный доклад армейской штаб-квартиры в Цоссене, из которого следовало, что глава военной разведки-абвера адмирал Канарис с 1940 года передавал секретные сведения западным союзникам (в чем ему помогли его начальник штаба генерал Остер и фон Донаньи). Гитлер поручил Гиммлеру мобилизовать дополнительные пятнадцать дивизий, в германских войсках усилилась нацистская пропаганда, пошла речь о «священной войне народа». Дезертиров стали вешать на деревьях. Еще вчера Гиммлер называл Власова «ангажированным большевистским мясником», а теперь он организовал встречу с ним (16 сентября 1944 года) в ставке Гитлера Вольфшанце и готов был изменить отношение к унтерменшам ради общего фронта против Красной Армии. Власов получил возможность организовать 10 дивизий и «пользоваться правами союзника». Гиммлер даже предложил ему титул «главы правительства», но Власов это предложение не принял. Но Гиммлер передумал (он опасался наличия у Власова столь мощных сил и изменил цифру обещанных дивизий с 10 на 3). Розенберг же и вовсе был против РОА: великодержавный шовинизм Власова мешает ему в мобилизации местных малых антирусских национализмов.

Вместе Гиммлер и Геббельс мобилизовали дополнительные полмиллиона человек и послали на фронт. 18 октября создается «Фольксштурм» — народное ополчение. Создаются 14 новых дивизий СС, среди которых на этот раз много «ненордических» солдат — украинцев, латышей, эстонцев, специальные бригады тюркских народов, кавказцев. В дивизию СС «Викинг», помимо белокурых скандинавов, начали принимать узбеков, боснийцев и даже арабов.

Но нацисты начинают отходить от последовательного германского национализма слишком поздно. История уже не дает им времени

использовать подрывную силу малых национализмов. Давление в рейхе теперь ощутимо не только с полыхающего огнем Востока, но и с союзного Советскому Союзу Запада.

11 сентября американцы, англичане и «свободные французы» переходят западную границу Германии. 6 октября канадские ВВС встретили нового противника — реактивный самолет люфтваффе — и сбили его. 11 октября новозеландские войска перешли реку Рубикон в Северной Италии. А через два дня ракеты Фау-2 начали падать на освобожденный западными союзниками Антверпен. Через два дня англичане вошли в Афины, а советские войска — в Ригу.

С востока к Берлину движется огромный советско-германский фронт. Красная Армия вышла на Дунай 5 октября 1944 года. Через две недели она сомкнула фронт с партизанами Тито в Белграде. В 250 километрах к северу Малиновский перешел 11 октября Тису. Значительно севернее Балтийский флот захватил острова Даго и Эзель. Маршал Говоров (Ленинградский фронт) избавляется от финского противника и полностью концентрируется на немцах в Прибалтике, упорных, знающих, умелых. На германской стороне упорный и знакомый уже нам Шернер задумывается над тем, чтобы сократить линию фронта, отдав Эстонию — теперь уже нет нужды морально и материально демонстрировать близость к Финляндии. Главное — сохранить контроль над Ригой и подходами к Восточной Пруссии.

Говоров пробил германскую оборону по линии Раквере — Тапа, выходя с юга к Таллину. Южнее Прибалтийские фронты занимались Ригой (активен 2-й Прибалтийский фронт Еременко). В Москве задачу отрезать группу армий «Север» от Восточной Пруссии поручили Баграмяну (1-й Прибалтийский фронт). На 500-километровом участке сконцентрированы 125 стрелковых дивизий и семь танковых корпусов, что означало 900 тысяч солдат и офицеров, 3 тысячи танков, 17 с половиной тысяч орудий, около трех тысяч самолетов.

Наступление трех Прибалтийских фронтов началось 14 сентября 1944 года с традиционной часовой артподготовки. Войска Баграмяна тщательно маскировали свои наступательные перемещения, и их удар был для немцев неожиданным. В прорыв бросилась известная своими бойцовскими качествами 43-я армия Белобородова, она к вечеру 16 сентября взяла Елгаву, вышла к Западной Двине, недалеко от южных подходов к латвийской столице Риге. Еременко (2-й Прибалтийский) взял Мадону и тоже вышел к Двине. До Риги оставалось семьдесят километров. Немецкий командующий Шернер старался блокировать Еременко, а основные силы бросить против Баграмяна в район Елгавы. На севере 8-й эстонский корпус

генерал-лейтенанта Перна (Ленинградский фронт) видел впереди только Таллин, отчаянная храбрость его бойцов позволила 22 сентября взять эстонскую столицу. Армия Федюнинского повернула на юго-запад и вошла в Пярну.

Шернер хотел объединить оборону Риги и Восточной Пруссии, создать стабильную оборонительную линию между Елгавой и Тильзитом. Тогда решено было стержень наступления направить южнее — на Мемель, чтобы раз и навсегда отрубить немцев в Прибалтике от Восточной Пруссии. Сталин подолгу беседовал с маршалом Василевским, «ответственным» за Прибалтику. После перегруппировки войск 5 октября возобновились активные наступательные операции. Густой туман повис над линией фронта и Баграмян ждал до 11 дня, прежде чем отдать приказ разведывательным группам выйти вперед. Через десять минут заговорили пушки. На следующий день сквозь прибалтийский дождь 5-я гвардейская танковая армия Вольского сумела выйти к Мемелю, как когда-то к Калачу. Сколько военных верст пройдено! Еще усилие, и германская группировка в Прибалтике отрезана от мрачной Восточной Пруссии, гнезда германского офицерства, к которому когда-то спешили Ренненкампф и Самсонов. Около 30 германских дивизий оказались отрезанными в Курляндии между Тукумсом и Либавой. Баграмян развернулся к северу. А на восточнопрусской границе Черняховский (3-й Белорусский) прошел сквозь германские укрепления и взял город Голдап.

На центральном участке фронта численность германских войск сократилась до 130 дивизий — на 27 дивизий меньше, чем до начала наступления Красной Армии в июне. В то же время в районе Мемеля и Курляндии оказались замкнутыми почти 30 дивизий. Еще 28 германских дивизий закрепились у Карпатских гор, где советская армия начала давление в направлении Будапешта.

14 октября два специально присланных немецких генерала поставили фельдмаршала Роммеля перед выбором: самоубийство или суд. Выбор, предложенный Гитлером, — так отозвалось 20 июля. Роммель принял цианистый калий и удостоился почетных похорон. А германский фронт лишился одного из лучших своих военачальников.

Западные конференции

Думбартон-окские обсуждения еще продолжались, когда Рузвельт и Черчилль договорились о седьмой встрече военного времени, на этот раз они встретились 11 сентября 1944 года (во второй раз) в Квебеке. Премьер с тростью вышел из вагона, а Рузвельт встречал его как старого друга. Лорд Исмей пишет, что это было скорее похоже на «встречу дружной семьи, начинающей совместный отпуск, чем на встречу степенных лидеров военного времени на важной конференции... Видеть их вместе было сплошным удовольствием».

На первом заседании (13 сентября 1944 года) царил оптимизм: союзные войска вошли в Бельгию, а затем вышли на «линию Зигфрида». Некоторые военные полагали, что война может завершиться к концу года. Премьер Черчилль сразу же перевел вопрос о «сдерживании» СССР в Европе в практическую плоскость. Он указывает Рузвельту на «опасное распространение русского влияния» на Балканах — обстоятельства капитуляции Румынии и Болгарии дают ему для этого основания. Рузвельт начал в определенной степени разделять опасения Черчилля. Принимая австрийского эрцгерцога Отто, он сказал: «Нашей главной задачей становится не допустить коммунистов в Венгрию и Австрию».

Союзники обсуждали возможности союзных войск в отношении Триеста, Истрии, продвижения в направлении Вены. Рузвельт подписал инструкцию генералу Г. Вильсону: в случае неожиданного краха Германии оккупировать четыре дивизиями Австрию. Рузвельт говорит своему помощнику о «необходимости сохранения Британской империи сильной». Рузвельт хотел выработки жесткой политики в отношении Германии. «Мы должны быть твердыми в отношении Германии, я имею в виду немецкий народ, а не только нацистов. Мы должны либо кастрировать немцев, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они не могли воспроизводить население, которое хотело бы продолжать свой прежний путь». Рузвельт отверг как неудовлетворительный план обращения с Германией, предложенный американскими военными. «У меня складывается впечатление, что Германия не должна быть восстановлена подобно Нидерландам и Бельгии... Каждый в Германии должен понять, что на этот раз они являются поверженной нацией».

Рузвельт склонялся к идее Моргантау о демонтаже индустриальной мощи Германии — он гарантировал бы, по меньшей мере, двадцатилетнюю

гегемонию в Западной Европе Англии, развеял бы страхи Советского Союза перед германской мощью и перед Западом в целом (страх перед тем, что Соединенные Штаты или Англия могут восстановить германское могущество в своих целях). Рузвельт сказал помощнику Черчилля лорду Червеллу, что это избавит Британию от германской конкуренции. Сам Черчилль после колебаний пришел к выводу: «В конце концов, дело касается будущего моего народа, а когда мне нужно выбирать между моим народом и германским народом, я предпочту свой народ». Рузвельт и Черчилль договорились подписать меморандум, призывающий «превратить Германию в страну преимущественно сельскохозяйственную и крестьянскую по характеру посредством уничтожения военной промышленности в Руре и Сааре». Моргентау был взволнован. Приглашенный на коктейль в апартаменты Рузвельта, он вышел в высшей степени удовлетворенным: «Мы никогда не разговаривали так душевно с времен его губернаторства. Это был яркий эпизод моей карьеры в правительстве».

Скептически отнесся к плану Моргентау Г. Стимсон. В первые дни сентября 1944 года он задавал Рузвельту сложные вопросы: деиндустриализация Германии выбросит на улицу примерно тридцать миллионов человек, что делать с ними? Нарушится внутренний механизм европейской экономики, налаженный за последние восемьдесят лет. Поколебленный, Рузвельт еще не занял окончательной позиции. Он колебался между двумя вышеозначенными курсами. Рузвельт указал, что план Моргентау противоречит требованиям Советского Союза о репарациях. В то же время президент согласился с тем, что Европа не нуждается в сверхмощном германском индустриальном ядре, и высказался за «сельскохозяйственную Германию». Гарриман сообщал из Москвы, что русские обеспокоены тем, чтобы надежно гарантировать свою безопасность в Европе. Моргентау сказал Рузвельту: «Россия боится того, что мы и англичане собираемся заключить „мягкий“ мир с Германией и восстановить ее как будущий противовес России». В свете этого демонтаж германской мощи виделся логическим ответом, удовлетворяющим и англичан, и русских. Присутствие США становится не маргинальным, а ключевым фактором европейской ситуации. В конечном счете Рузвельт отклонил идею занятия на текущем этапе четкой позиции в отношении Германии. Очевидно, что он решил действовать по обстоятельствам, не лишаясь заранее возможных козырей. Двадцатого октября он говорит Хэллу, что «ненавидит составлять планы в отношении еще не завоеванной страны». Эти планы будут зависеть от того, «что мы найдем в Германии».

Рузвельт определенно ужесточил политику в отношении европейских метрополий в целом. Он сократил обещанную помощь Британии по ленд-лизу — только 5,5 миллиарда долларов в период между поражением Германии и Японии — на 20 процентов меньше запрошенного англичанами. Рузвельт ревниво отнесся к встрече Черчилля со Сталиным в октябре 1944 года. Он просил премьера позволить послу Гарриману присутствовать на всех важнейших беседах. В то же время Рузвельт запретил своему послу подписывать какой бы то ни было документ, даже самый общий. Уже тогда становилось ясно, что президент ждал встречи глав великих держав с глазу на глаз. Пока же он телеграфировал Сталину: «Идет глобальная война, и нет буквально ни одного вопроса, военного или политического, в котором Соединенные Штаты не были бы заинтересованы... Моим твердым убеждением является то, что решение до сих пор незакрытых вопросов может быть найдено только нами тремя вместе».

На границе Германии

Более половины потерь за весь период с начала войны приходится у германских вооруженных сил на 1944 год. Критическими для вермахта были последние три месяца. Все четыре германских группы армий — «Север», «Центр», «Северная Украина» и «Южная Украина» — в последние месяцы потерпели крупнейшие поражения и были ослаблены. Советская армия полностью уничтожила 96 дивизий и нанесла тяжелейший урон 219 дивизиям (33 в результате были попросту распущены). Германские вооруженные силы потеряли на советско-германском фронте за это время более полутора миллионов солдат и офицеров, 6700 танков, 28 тысяч орудий и минометов, 12 тысяч самолетов. В качестве замены прибыли 201 тысяча новобранцев вермахта.

Россия изгнала врага из своих пределов. Предстояла вторая часть предложенной жизнью и судьбой задачи. Пользуясь терминологией того необычного времени — «добить зверя в его берлоге». В конце октября 1944 года Сталин впервые ставит перед своими военачальниками задачу взятия Берлина. Всем приобщенным было ясно, что предстояла колоссальная военная операция. Обстоятельства пока благоприятствовали. Отмечая в Москве годовщину Октябрьской революции, маршалы Конев, Рокоссовский, Толбухин и генерал Черняховский продолжили стратегические дебаты, уже начатые Сталиным, Жуковым и Антоновым. Работа шла секретно в Генеральном штабе, без широкой огласки и больших аудиторий. 16 января стало известно имя полководца, которому поручалось взять Берлин — Сталин сообщил свое решение по телефону: маршал Георгий Константинович Жуков. Он принял командование 1-м Белорусским фронтом (а Рокоссовский возглавил вместо Захарова 2-й Белорусский фронт). Сам Сталин становится как бы координатором действий отдельных фронтов. Василевский координировал действия Прибалтийских фронтов (оставаясь номинально начальником Генерального штаба).

Разведка докладывала, что немцы прилагают грандиозные усилия для создания оборонительных систем на границе рейха. Первый вариант плана наступательных операций против собственно Германии был завершён в конце ноября. На этот раз Сталин не проявил дотошного вмешательства в процесс планирования маршалов и Генштаба. Он молча согласился с прибывшим 27 ноября в Москву Жуковым, определившим в качестве центра его наступательных усилий Лодзь, а затем Познань. Сталин

обозначил предварительную дату финального наступления — между 15 и 20 января 1945 года.

Страна мобилизовала шесть с половиной миллионов солдат, вооружила их 13 тысячами танков и самоходных орудий, 15 тысячами самолетов, 100 тысячами орудий и минометов. К бою были готовы 55 пехотных армий, шесть танковых, тринадцать авиационных. Пятьсот дивизий — невиданная мощь — стояла готовой к финальной схватке. Германская разведка докладывала, что на одном лишь плацдарме у Баранова сосредоточены 60 стрелковых дивизий и восемь танковых корпусов — больше войск, чем у немцев на всем центральном участке Восточного фронта. На двух других плацдармах были расположены 54 дивизии у Варшавы и примерно такая же численность на восточнопрусской границе. Разведка немцев предсказала, что удары последуют один за другим.

Взаимоотношения союзников

Рузвельт в последние месяцы 1944 года видел опасность открытого блокирования с дискредитировавшими себя в Европе откровенно правыми силами. Когда Черчилль проинформировал итальянского премьера Бономи о неприемлемости введения в кабинет графа Сфорцы, ставшего одним из символов антифашистской борьбы для буржуазных либералов, президент Рузвельт дал указание своему послу в Италии Вайнанту выразить сожаление по поводу действий англичан. Черчилль возмутился, всеобщность претензий американцев начала его раздражать. Он заявил, что американцы слишком много на себя берут, что именно англичанам «вручено командование в Средиземноморье, подобно тому, как американцы владеют командованием во Франции».

Из Вашингтона поступил запрос к послу Гарриману с просьбой дать оценку мировой стратегии СССР. Гарриман в тщательно обдуманном ответе сообщил своему президенту следующее. Сталин следует одновременно по двум курсам — дружественность к Западу и недоверие к нему. Эта страна отчаянно нуждается в мире. Нет сомнения, что Москва хотела бы продолжения тесных союзных отношений с Америкой и после войны. Но испытания военных лет сделали русских подозрительными. Они осознают свои слабости. Они уже заглянули в бездну национального краха. И поэтому, если встанет вопрос об обеспечении их безопасности, они готовы приложить любые усилия, они готовы на все. Гарриман указывал, что прежний опыт диктует советскому руководству необходимость идти на любые меры, если они увеличивают безопасность страны. Практически это означало, что СССР способен на односторонние действия. Никакой авторитет международной организации не может иметь преобладающего влияния там, где речь идет о выживании. Видимо, этим будет руководствоваться Москва в отношениях с странами-соседями. Конкретный совет посла сводился к тому, что к политике русских нужно отнестись с пониманием и в то же время «твердо противостоять им там, где они неправы». Рузвельт решил отложить вопрос о выборе курса в отношениях с СССР до личной встречи со Сталиным. В общем и целом он был склонен видеть будущее оптимистически. Если даже его жестко настроенный посол видит возможности взаимодействия с русскими, почему должен разувериться он, давний сторонник этого курса?

Рузвельт пытался — и не без успеха — перенести на внешнюю среду

тактику, которая так хорошо срабатывала у него на внутренней арене, где он удачно противопоставлял одних своих помощников другим и вовлекал их в межведомственные распри, становясь при этом верховным арбитром. В своей союзнической стратегии Рузвельт также хотел найти поле соперничества для Черчилля и Сталина и, пользуясь доверием обоих, заставить их противостоять друг другу, ожидая американской помощи и арбитража. В некоторых ситуациях ему это удавалось. К примеру, Рузвельт сумел создать у Сталина впечатление, что он стремится поддержать идею скорейшего открытия второго фронта, а Черчилль стоит у него на пути. Примеры можно было бы умножить.

Но эта тактика имела слабости. Рузвельту не удалось вызвать соперничества за свое благоволение у французов, и он капитально антагонизировал де Голля. Советское руководство в конечном счете вынуждено было обратиться к собственным ресурсам, видя политиканство Рузвельта. Возможно, Рузвельт сумел выиграть войну максимально экономичным путем, но те, кто заплатили наибольшую цену, не забыли этого.

8 сентября 1944 года Лондон после 1843 темных ночей загорелся электрическим светом. Некоторые дети впервые видели чудо освещенного города. Но именно в этот день Вернер фон Браун начал обстрел Лондона ракетами «Фау-2», и Черчилль снова ввел светомаскировку — до весны 1945 года.

Черчилль мысленно уже завершил войну. Теперь он как бы размышлял над ее итогами. Возможно, принимая решение вступить в союзные отношения с Советской Россией, он хотел поддержать Россию на плаву до тех пор, пока Великобритания и США не сумеют склонить чашу весов на свою сторону. История распорядилась иначе. Именно СССР стал той силой, которая сокрушила Германию, и от нее — а не от Британии — через три года боевых действий больше всего зависела расстановка сил в Европе. Расчет на то, что в конечном счете Россия и Германия взаимно ослабят и нейтрализуют друг друга, оказался неоправданным. Черчилль, как и Рузвельт, не сумел верно оценить потенциал Советского Союза.

Советская армия стала выигрывать войну, и Черчилль начал колебаться между надеждой и отчаянием. Периодически его речи звучали весьма оптимистически. Так, выступая перед палатой общин 24 мая 1944 г., он сказал: «Глубокие перемены произошли в Советской России. Троцкистская форма коммунизма полностью выметена из страны. Победа русских армий приведет к гигантскому укреплению мощи русского государства и несомненному расширению его кругозора. Религиозная сторона русской

жизни теперь переживает удивительное возрождение». Периодически Черчилль считал нужным делать публичными самые лестные оценки советских военных усилий. 28 сентября 1944 г. в палате общин он сказал, что британские и американские союзники «никогда не должны забывать о неизмеримых услугах, которые Россия оказала в общем деле. Выстояв в течение долгих лет страданий, она сумела выбить жизнь из германского военного монстра». Россия, — добавил Черчилль, — «сдерживала и уничтожила большую часть противостоящих нам сил, чем все те, кто сражается с немцами на Западе. И она за эти долгие годы заплатила огромную цену. Именно на нее упала основная тяжесть борьбы в наземных сражениях. Будущее мира и, конечно же, будущее Европы зависит от сердечности, доверия и понимания ассоциации народов Британской империи, Соединенных Штатов и Советской России».

В более мрачном настроении Черчилль говорил о «грядущих реках крови». Пассивность была премьером отмечена, и он отправляется в Москву. 9 октября 1944 г. он разместился на даче Молотова, которая находилась примерно в 45 минутах езды от центра города. Вечером Черчилль направился на автомобиле в Кремль на встречу со Сталиным, во время которой пообещал, что «будет поддерживать установление такой границы с Польшей, которая зафиксирована в Тегеране... Эта граница необходима для безопасности и будущего России, что бы там ни говорили лондонские поляки». Это решение уже поддержано британским военным кабинетом. Желая получить компенсацию, Черчилль обратился к Сталину со словами, что «Британия должна быть ведущей средиземноморской державой», и он надеется, что «маршал Сталин позволит ему иметь решающее право при определении положения Греции. Подобным же образом маршал Сталин будет иметь решающее слово в отношении Румынии. Лучше было бы объяснить стратегические пожелания великих держав дипломатическими терминами и не использовать фразы „разделение сфер влияния“, так как американцы могут быть шокированы. Но до тех пор, пока он и маршал Сталин понимают друг друга, можно будет объяснить всю ситуацию американскому президенту».

Сталин ответил, что Рузвельт, по-видимому, потребует «слишком многого для Соединенных Штатов, оставляя слишком мало для Советского Союза и Великобритании, которые, в конце концов, имеют договор о взаимопомощи». Согласно собственным записям Черчилля об этом моменте переговоров со Сталиным, он поставил вопрос так: «Давайте решим наши проблемы на Балканах. Ваша армия находится в Румынии и Болгарии, у нас в этих странах имеются интересы, миссии и агенты.

Давайте не сталкиваться в мелких вопросах». Черчилль взял лист бумаги и написал на нем следующее: «Румыния — Россия — 90 %, другие страны — 10 %; Болгария — Россия — 75 %, другие страны — 25 %; Югославия — 50–50; Греция — Великобритания — 90 %, другие страны — 10 %». Помолчав, Сталин синим карандашом поставил на странице галку и вернул калькуляцию автору. Он принял предложение разделить сферы влияния на Балканах.

Как вспоминал Черчилль, в душе у него пронесся вихрь сомнений. Он даже думал, не обратить ли все в шутку. Он спросил Сталина, понимает ли тот, что речь идет о судьбах миллионов людей? И все же премьер посчитал эту сделку необходимой. Контроль над Грецией был нужен ему для господства в Восточном Средиземноморье.

В качестве компенсации Черчилль заявил, что «англичане не намерены преграждать Советской России доступ к тепловодным портам. Мы больше не следуем политике Дизраэли или лорда Керзона. Мы не собираемся останавливать русских». Сталин сравнил интерес России в черноморских проливах с заинтересованностью Британии в Суэце и Гибралтаре, с интересом США в Панаме. «Россия находится в уязвимом положении». Черчилль еще раз подчеркнул, что, по его мнению, у России «справедливые и моральные претензии». Сталин попросил Черчилля запомнить их беседу, придет время — и СССР поднимет эту международную проблему. (В Ялте и Черчилль и Рузвельт согласились с тем, что конвенция в Монтре, регулирующая статус проливов, должна быть пересмотрена в пользу СССР. В Потсдаме все три великие страны подтвердили эту свою позицию. Но когда СССР потребовал выполнения этого союзнического решения, и Англия и США не сдержали своего слова.)

Китай

Еще в декабре 1943 года Рузвельт в Каире задал генералу Стилуэллу вопрос: «Как долго продержится Чан Кайши у власти?» Стилуэлл не верил в политическую крепость и жизнестойкость чанкайшистского режима. 1944 год принес еще большие сомнения. По мере того как проходил этот решающий военный год, становилось очевидным, насколько слаб Чан Кайши, насколько недееспособна его армия. Именно тогда (июнь 1944 года) журналист и будущий историк Т. Уайт писал, что режим гоминьдана «заключает в себе худшие черты Таммани-холла и испанской инквизиции». Рузвельт начал испытывать сомнения в отношении надежности «китайской карты». Совсем недавно в Каире он обещал генералиссимусу полную поддержку (веря, в отличие от скептически настроенного Черчилля, в возможность создания мощного централизованного китайского государства, модернизирующего свою систему жизни по западному образцу). Президент требовал от своих дипломатов и военных, чтобы они обращались с Чан Кайши как с руководителем великой державы, одной из «четырёх великих». Но американские генералы видели слабости Чунцина так же ясно, как и англичане. Однако Рузвельт не видел на китайском горизонте более надёжной политической фигуры, готовой на тесный союз с американцами. Он приложил большие усилия для регулярных поставок националистическому Китаю оружия и снаряжения. По бирманской дороге доставлялись грузы, которые должны были укрепить мощь китайского союзника.

Несмотря на поддержку Америки, китайцы в 1944 году дрогнули с началом очередного японского наступления. В критической ситуации 6 июля Чан Кайши сделал еще один шаг в процессе предоставления американцам контроля над китайскими вооруженными силами. Обращение президента Рузвельта было передано по радио: «Чрезвычайно серьезная ситуация, которая явилась результатом японского наступления в Центральном Китае, угрожает не только вашему правительству, но и частям американской армии, развернутым в Китае, это приводит меня к заключению, что для исправления положения должны быть предприняты чрезвычайные меры». Рузвельт хорошо знал о враждебных отношениях Чан Кайши и генерала Стилуэлла, но предложил генералиссимусу предоставить американскому генералу всю полноту военного руководства, практически абсолютную власть над всеми китайскими войсками. По

существо Рузвельт говорил (словами Б. Такман), что Чан Кайши не способен управлять своей страной в ходе войны. Он... назвал его «земляным орехом». Девятого августа 1944 года Рузвельт объявил имена своих посланцев «ко двору» Чан Кайши: генерал П. Хэрли и промышленник Д. Нелсон.

Осенью наступление японцев достигло своего пика, и обеспокоенный Рузвельт уже не просил, а требовал от Чан Кайши передачи военного командования генералу Стилуэллу. Стилуэлл сам вручил Чан Кайши послание с этим требованием. Согласно описанию генерала, «гарпун поразил его прямо в солнечное сплетение. Это был меткий удар. „Земляной орех“ разве что стал зеленым и потерял дар речи, но не моргнул глазом. Он только сказал мне. „Я понял“». Сцена, далекая от пафоса Атлантической хартии, от «единения демократий», от клинически чистых схем морального руководства этим беспокойным миром. По крайней мере, с одним «мировым полицейским» Рузвельт не церемонился уже в 1944 году.

Чувствуя вероятность потери позиций в Китае, Рузвельт санкционирует беспрецедентную дипломатическую операцию: поиск контактов с коммунистическими силами севера Китая. Свои надежды в китайском вопросе Рузвельт стал возлагать на некое примирение Чан Кайши и Мао Цзэдуна. Любая форма компромисса между ними, казалось, позволяла рассчитывать в борьбе с японцами на полмиллиона гоминьдановских войск, привязанных к районам, пограничным с контролируемой КПК зоной. Рузвельт отправил в Китай вице-президента Г. Уоллеса с целью нащупать возможности улучшения отношений между гоминьдановским Китаем и СССР, между Мао Цзэдуном и Чан Кайши. Уоллес сказал Чан Кайши следующие страшные для того слова: «Если генералиссимус не сможет найти общий язык с коммунистами, то президент может оказаться не в состоянии сдержать русских в Маньчжурии». Чан Кайши выразил согласие на визит американских советников в коммунистические районы, на американское посредничество в переговорах с Мао Цзэдуном. В Янань, где расположился штаб Мао Цзэдуна, прибывают американские дипломаты и военные — для разведки и чтобы попытаться получить влияние на коммунистическом севере. Американцам в Янани задавали весьма неожиданные вопросы. Вернется ли Америка после войны к изоляционизму? Каковы планы США в отношении Азии и Китая? На какие силы будут США опираться в Китае?

Девятого сентября 1944 года американский посол Гаусс потребовал от Чан Кайши прекращения фракционной борьбы, нахождения разумного примирения и сотрудничества. Одновременно Рузвельт увеличил поставку

военных материалов националистическому режиму. Очевидно, что он руководствовался не только военными, но и политическими соображениями: в конечном счете ему нужны были не столько победы над японцами в Восточном Китае, сколько мощный послевоенный Китай как величайшая дружественная сила в Азии. Он боялся такой эволюции Китая, когда Чан Кайши оказался бы поверженным в гражданской войне и возникло бы вероятие появления нового Китая, дружественного прежде всего по отношению к Советскому Союзу.

В конце 1944 года китайцы отступали, американцы теряли контроль над событиями. В стратегии Рузвельта, предполагавшей «благожелательную опеку» над могучим, контролирующим региональное развитие Китаем, образовалось слабое место. (Окончательно результаты, правда, сказались только в 1949 году). Чунцин еще не стал мировой столицей, но уже был столицей коррупции, центром с неэффективной администрацией и небоеспособной армией. Американцы теряли позиции в Китае также и потому, что предпочитали двигаться к Японии «южным путем», занимая один за другим острова в Тихом океане, не полагаясь на китайскую базу, не укрепляя китайский фронт, не наращивая американское присутствие на континенте. Они обратились к Филиппинам и другим опорным пунктам.

Десятого ноября 1944 года Рузвельт спросил Гарримана: «Если русские войдут в Китай, выйдут ли они оттуда?» Ответ Гарримана утвердил президента в стремлении держаться за прежнюю «лошадку» — Чан Кайши, равно как и убедил его в необходимости предпринять усилия по «западному» примирению Чан Кайши и Мао Цзэдуна. В ноябре 1944 года доверенное лицо президента Л. Хэрли сделал в Янани пробные шаги в направлении сближения с Мао Цзэдуном — т. н. «программа из пяти пунктов». После этой миссии Рузвельт назначил Хэрли послом США в Китае, поручил ему укрепить отношения с Чан Кайши, «успокоить» его в отношении американской поддержки. «Сообщите ему доверительно, — писал президент, — что рабочее соглашение между генералиссимусом и войсками Северного Китая в огромной степени облегчит выполнение задачи изгнания из Китая японцев, а также русских. Я не могу ему сказать больше в настоящее время, но он может полагаться на мое слово. Вы можете подчеркнуть слово „русских“. Одновременно в Москве посол Гарриман по поручению Рузвельта спрашивал Сталина, каковы планы СССР в Азии.

Новому государственному секретарю Э. Стеттиниусу Рузвельт сказал: „Наша политика основана на вере в то, что, несмотря на временную

слабость Китая, возможность революции и гражданской войны, 450 миллионов китайцев в будущем найдут возможности для объединения и модернизации, они будут самым важным фактором на всем Дальнем Востоке“. Для утверждения статуса мировой державы Китаю понадобится срок от двадцати пяти до пятидесяти лет. До достижения этой „зрелости“ Китай будет пользоваться поддержкой Америки и выступать проводником ее политики в Азии.

Ядерный фактор

Весной 1944 года Рузвельту надлежало сделать выбор между двумя курсами. Первый предполагал продолжение атомного сотрудничества с Англией и отрицание такого сотрудничества с СССР. Этот курс обещал реализацию плана превосходства двух „полицейских“ Запада над двумя „полицейскими“ Востока. Этот курс имел достоинство уже наигранной схемы, которая, казалось, гарантировала американское доминирование на мировой арене на годы вперед. Но он имел свои недостатки. Демонстрация солидарности англосаксов могла насторожить СССР. Можно было пойти по второму пути — привлекая к сотрудничеству Советский Союз, в этом случае сохранялась надежда, что атомная энергия станет энергией мирной. Человеком, который в обостренной форме поставил вопрос о выборе между двумя курсами, был датский физик Нильс Бор. Он предлагал создать механизм совместной технической инспекции, создать единое атомное агентство, отделить мирные исследования от военных. Следовало убедить русских, пока они дружелюбны. Если США и Англия не заключат на ранней стадии исследований соглашения с СССР, то после войны великие страны будут втянуты в самоубийственную гонку атомных вооружений.

Судья Верховного суда США Ф. Франкфуртер говорил Рузвельту следующее: „Было бы катастрофой, если бы Россия узнала об „X“ из собственных источников“. У СССР не будет сложностей добыть информацию, необходимую для создания собственного атомного оружия. Бор предложил хотя бы уведомить советское правительство о существовании манхеттенского проекта: „В ходе предварительных консультаций с русскими не будет, конечно же, обмена информацией относительно важных технических деталей; напротив, в этих консультациях должно последовать ясное объяснение того факта, что такая информация должна быть сокрыта до тех пор, пока общая безопасность в отношении неожиданных опасностей не будет гарантирована“.

Буш и Конант сомневались, что американо-английская монополия может удержаться более трех-четырёх лет; нация с достаточными ресурсами, каковой является СССР, быстро догонит своих конкурентов; особенности развития науки могут позволить ей даже выйти вперед. Да к тому же атомные бомбы представляют собой лишь первый шаг на пути развития этого рода оружия. На горизонте уже видна возможность создания тысячекратно более мощного оружия — водородной бомбы. Безопасность

следует искать не в секретности и не в контроле над сырьевыми ресурсами.

Рузвельт не был готов к принятию идеи оповещения СССР. Весной 1944 года он много раз так или иначе касался атомной проблемы (способ доставки руды из Конго; освобождение компании „Дюной“ от обвинений — с целью сохранить ее специалистов, занятых в проекте; увеличение федеральных ассигнований на проект), но он ни разу не поднимал вопроса о международном контроле над атомной энергией. Подписание 13 июня 1944 года Рузвельтом и Черчиллем Соглашения и Декларации о доверии гарантировало то, что США и Великобритания будут сотрудничать исключительно друг с другом в деле овладения контролем над запасами урана и тория во время и после войны, возможности „максимально полного контроля над всеми урановыми месторождениями мира“. Если гонка в атомной сфере вероятна, то следует занять оптимальные позиции в отношении основных источников урана.

Наиболее интенсивному обсуждению вопрос об атомном сотрудничестве был подвергнут 18 сентября 1944 года (уже после второй конференции в Квебеке) на встрече Рузвельта и Черчилля в Гайд-Парке, когда был сделан следующий вывод: монополия на атомное оружие, которой обладают США и Англия, будет их значительным активом в случае геополитического соперничества, которое может возникнуть у них с Советским Союзом. „Предложение об информировании мира относительно данного проекта... неприемлемо“. Нильс Бор был охарактеризован как опасный заблуждающийся ученый, способный передать военные секреты русским. Рузвельт указал на то, как должно быть использовано атомное оружие в текущей войне: „Когда бомба будет окончательно создана, возникнет возможность после тщательной оценки ситуации использовать ее против японцев, которых нужно предупредить, что бомбардировки будут продолжаться до тех пор, пока они не сдадутся“.

Из двух альтернатив — сделать атомное оружие подотчетным международному контролю, основой системы международной безопасности, или сохранить его в качестве „резервного аргумента“ послевоенного мироустройства — президент Рузвельт выбрал вторую. Система „четырех мировых полицейских“ начала противоречить складывающемуся положению, при котором двое из них решили вооружиться атомным оружием.

Со своей стороны Гитлер постоянно говорил о некоем секретном сверхоружии, что создавало у участников проекта „Манхэттен“ недобрые предчувствия. Осенью 1943 года они создали особое разведывательное подразделение под названием „Алсос“ (что было греческим переводом

фамилии Гровс). Сотрудники „Алсоса“ носили белый значок „Альфа“. Перед ними стояла задача определить, до какой степени продвинулись немцы в атомных исследованиях. Когда 23 ноября 1944 года танки генерала Паттона вошли в Страсбург, „Алсос“ немедленно завладел кабинетом ведущего немецкого физика Вайцзеккера. Его записки под названием „Ураниум ферайн“ читались при свете свечи. Стало ясно, что рейху не хватило установок для производства плутония и урана-235, и немедленно последовал звонок в Вашингтон. Там предположили, что атомные работы, возможно, ведутся в других частях Германии. На это „Алсос“ ответил: „Расклейщик плакатов может возомнить себя военным гением, продавец шампанского может замаскироваться под дипломата. Но подобные люди никогда не овладеют достаточными знаниями, чтобы создать атомную бомбу“.

В последний день 1944 года Рузвельт обсуждал со своим военным министром проблему взаимоотношений с СССР: „Сталин использует прежнее английское желание иметь санитарный кордон вокруг СССР в качестве предлога для оправдания русских намерений владеть контролем над Чехословакией, Польшей и другими странами“. Стимсон, воспользовавшись моментом, решил связать политику в отношении СССР с атомной политикой. Он полагал, что в СССР уже что-то знают о манхеттенском проекте и на каком-то этапе в будущем сохранить в тайне процесс создания бомбы окажется невозможным. Сведения об этом оружии придется сообщить русским, но сделать это надо, требуя от русских уступок в Восточной Европе. Рузвельт одобрил линию размышлений своего министра.

7 ноября 1944 года в Токио был казнен Герой Советского Союза Рихард Зорге, так точно указавший дату германского вторжения в СССР. Через 10 дней на собрании японских ядерных физиков было отмечено, что „начиная с февраля данного года не было осуществлено значительного продвижения в области атомных исследований“. Это означало, что японцы не сумеют быстро создать атомное оружие.

Арденны

Осень и начало зимы 1944 г. знаменуются (после рывка в июне-августе) определенным ослаблением западного давления на Германию. Во-первых, это произошло потому, что немцы сумели укрепиться по линии рек Мозель, Мерта, Сей — на старых французских позициях предшествующих войн. Во-вторых, западные союзники растянули свои коммуникации, им требовалась определенная консолидация сил. Союзным войскам требовалось 700 тонн поставок ежедневно, и их военная система потребовала более упорядоченных структур и операций.

Германия тем временем готовилась к решающей схватке. В 1944 году нацисты дали своим вооруженным силам три новых вида оружия — Фау-1, реактивный истребитель фирмы „Мессершмитт“ и подводную лодку класса „Шноркель“. Германская индустрия, как уже говорилось, достигает максимальных высот в обеспечении военной машины вермахта. Впервые производство танков и полевой артиллерии в 1944 году приближается к советским показателям — 11 тысяч средних танков, 16 тысяч самоходных орудий, 5200 тяжелых танков. Гудериан создает 13 танковых бригад, из десяти которых позже будут созданы „уменьшенные“ танковые дивизии.

31 августа 1944 года Гитлер заявил своим генералам: „В случае необходимости мы будем сражаться на Рейне. Не имеет значения где. Как сказал Фридрих Великий, при любых обстоятельствах мы будем сражаться до тех пор, пока один из наших ненавистных врагов не выдохнется и не откажется от дальнейшей борьбы... Наступит время, когда разлад между союзниками станет настолько серьезным, что произойдет разрыв. Все коалиции в истории рано или поздно разваливались. Главное — это ждать подходящего момента, не считаясь ни с какими трудностями“. Гитлер теперь видел надежду лишь в развале той „неестественной“ коалиции, которая ему противостояла. Он надеялся на то, что США и Англия устроятся возможности увеличения влияния СССР на Балканах и Ближнем Востоке, что Вашингтон будет недоволен усилением Англии в Средиземноморье, а СССР проявит недоверие к своим капиталистическим союзникам. „Тот, — говорил Гитлер, — кто как паук будет сидеть в центре сети и наблюдать развитие событий, сможет увидеть, как эти антагонизмы час от часу будут становиться все сильнее“.

В германской армии после определенной растерянности лета начинается ожесточение — германские войска достигли позиций, когда за

спиной у них была собственно германская территория. В начале сентября 1944 г. Гитлер поручает Геббельсу организовать двадцать пять дивизий „народных гренадеров“ и посылает их на Западный фронт. Геббельс стал ответственным за тотальную мобилизацию. В армию были призваны все мужчины от 15 до 60 лет. Осенью 1944 года отчаянная обреченность сделала немцев еще более страшными соперниками. Геббельс „прочесал“ все штабы и вспомогательные службы, в результате чего между 1 сентября и 15 октября 1944 г. на Западный фронт прибыли 150 тысяч новых солдат; еще 90 тысяч были присланы из германских резервов. 2 сентября командующим Западным фронтом стал фельдмаршал Рундштедт.

16 сентября 1944 г. Гитлер неожиданно выдвигает перед своими генералами задачу отбросить западных союзников — операция получила название „Вахта на Рейне“: „Я принял молниеносное решение. Я приступлю к наступательной операции из Арденн, целью которой явится выход к Антверпену“. Этим ударом германская армия отсечет англичан и канадцев от американцев, предотвратит превращение Антверпена в главную базу снабжения западных союзников, обеспечит создание стартовых площадок для запуска ракет „Фау-2“ против Англии. После этого вермахт возвратится к операциям против восточного противника. Именно из этих мест Гитлер нанес удар французам в 1940 году и он верил в символику. В узких долинах можно спрятать от авиации противника технику и нанести неожиданный удар.

Англичане в начале ноября 1944 года были всемерно заняты карманным линкором немцев „Тирпицем“ — он сторожил северные подходы к советским портам и угрожал основной массе собранного в бухтах Северного моря британского флота. Если от него удастся избавиться, этот флот можно будет послать на Тихий океан. Британские бомбардировщики были загружены невероятными по мощи бомбами, и 32 самолета, базируясь на шотландских базах, начали атаку на фиорд Тромсе, где стоял немец. По меньшей мере две бомбы угодили в „Тирпица“, и линкор накренился. Внутри уходящего в глубину корабля была слышна „Дойчланд юбер аллес“. И британский ученый Р. Джонс сказал, что жаль, что „такие люди служат нацизму“.

19 ноября 1944 года возрожденные французские войска вышли (что было особенно обидно немцам) к Рейну у Розенау — у границы с Швейцарией. Французские и американские войска вступают в Страсбург, а немцы покидают албанский порт Скутари.

Именно в те часы, когда советские генералы ставили последние точки на планах овладения Берлином, Гитлер (10-го декабря) отбыл из

Вольфшанце в свою западную штаб-квартиру в Зигебурге („Гнездо орла“), явный признак активизации вермахта на Западном фронте. Предстояли Арденны — единственная крупномасштабная битва на Западном фронте со времен союзнической высадки в Нормандии. „Никогда с наполеоновских времен противник не входил на германскую территорию, мы должны обескровить врага у самых ворот фатерлянда... Если мы победим на Западе, то есть все возможности выстоять вообще“. Если Гитлер верил в эту свою мысль, то горе германскому народу, доверившему свою судьбу маниакальной личности.

Британская разведка на этот раз допустила промах. „Энигма“ говорила о значительной концентрации германских войск, но эти сведения не были обобщены. Люди Монтгомери считали, что бросок к Антверпену немцам уже не по зубам. Все их мысли были о синтетическом горючем — „Энигма“ явственно говорила, что горючее несказанно волнует немецкое командование. Бомбардировочная авиация англичан желала знать места синтеза этого горючего.

Утром 16 декабря 1944 года 5-я и 6-я армии немцев обрушились на американцев, заставив их 28-ю дивизию быстро отступить. В этих арьергардных боях она была фактически разбита. Командующий 12-й группой армий генерал Брэдли не сумел сразу определить масштаб событий. Нелетная погода не давала шанса воздушной разведке, и Брэдли воспринял наступление немцев как малую локальную акцию. В результате немцы выполнили задачу первого дня на своем правом фланге и в центре. Только на левом фланге 4-я дивизия американской армии, поддержанная 9-й моторизованной дивизией, отступила незначительно. Главнокомандующий — генерал Эйзенхауэр — оказался осторожнее Брэдли и послал две дополнительные дивизии на тропу немецкого успеха.

На второй день наступления (17 декабря) Первая танковая дивизия СС дошла до крупного железнодорожного узла Сен-Вит, откуда долина вела прямо к реке Маас, в Бельгию и в конечном счете к Антверпену. Но на пути встала американская 7-я моторизованная дивизия, и германской 6-й танковой армии пришлось несколько изменить „прямой“ маршрут. Лучше шли дела южнее, у 5-й германской танковой армии. Она шла прямо к Монтерме, где Клейст пересек Маас в 1940 году. Чтобы план „Осенний туман“ реализовался, нужно было взять коммуникационный местный центр Бастонь. На рассвете 19 декабря танковая дивизия генерала Леера была в трех километрах от Бастони, но этой ночью в город на грузовиках из Реймса прибыла 101 американская военно-воздушная дивизия. Немцы между тем окружили Бастонь, а Леер обошел город и был уже в 30

километрах от реки Маас. Десять дней продолжалось германское наступление. В плен сдались 9 тысяч американцев — крупнейшая цифра после Батаана, где американцы сдались в плен японцам. 19 тысяч американских солдат были убиты. Скорцени со своими хорошо говорящими по-английски диверсантами, одетыми в американскую форму, взрывал мосты, устраивал засады, всячески дезорганизовывал союзный тыл в Арденнах, вызывая у американцев панику. Даже генерала Брэдли часовой теперь спрашивал название столицы Иллинойса и имена мужей голливудских звезд.

22 декабря генерал Эйзенхауэр приказал своим войскам: „Пусть каждым овладеет одна-единственная мысль — уничтожить противника на земле, в воздухе, повсюду уничтожить его“. 23 декабря 1944 года Модель уже планировал продолжение Арденнской операции с выходом к Антверпену. В такой ситуации осторожность Гудериана была не к месту — когда он показывал Гитлеру меморандум, содержащий сведения о концентрации советских войск на Одере, Гитлер вскричал: „Назовите мне ответственного за эту писанину!“ За ужином Йодль поведал, что за Арденнами будет еще одно наступление на Западе — в районе Эльзаса. „Мы не должны терять инициативу, которую сейчас перехватили, мы порядком подпортили операционное расписание противника“. Беспокойство в отношении положения дел на Восточном фронте выразили только фельдмаршал Рундштедт и его начальник штаба генерал Вестфаль, которые, как подлинные офицеры прусской школы, испытывали к „нацистским солдатам“ вокруг фюрера только глухое презрение. Вестфаль дал Гудериану список свободных дивизий, размещенных неподалеку от железнодорожных станций — транспортабельных в восточном направлении.

Уничтожить немцев в воздухе и с воздуха стало для западных союзников возможным после 23 декабря, когда заметно развиднелось. Союзная авиация тотчас взмыла в небо и нанесла удар по узловым тыловым железнодорожным станциям немцев. Но 24 декабря союзники встретили в небе нечто невиданное — реактивный бомбардировщик немцев. 16 таких машин нанесли удар в районе Льежа, первая реактивная бомбардировка в истории. (И в тот же день направленное излучение урана было получено в реакторе исследовательского центра Хенфорд, США. Через месяц здесь впервые в истории будет получен оружейный плутоний).

Более остро, чем Брэдли, ощутивший опасность Эйзенхауэр передал командование войсками, противостоящими идущему вперед Зеппу Дитриху, английскому генералу Монтгомери. Тот, благодаря „Энигме“, знал

о перемещении двух германских танковых армий; противотанковые команды англичан с природной стойкостью встретили немцев и замедлили их продвижение. „Расписание“ германского продвижения вперед оказалось нарушенным, в значительной мере обесценивая прежние успехи немцев. В жестоких боях у Динана — близ Мааса — 2-я моторизованная американская дивизия нанесла нещадный удар по остановившейся из-за недостатка горючего 2-й танковой дивизии немцев, уничтожив почти все ее 88 танков. К 28 декабря даже скептик Монтгомери поверил в ослабление германского порыва. 3 января 1945 года он отдал приказ о контрнаступлении, и к 8 января Гитлер был вынужден отвести свои ударные 4 дивизии с территории, с таким трудом занятой. 16 января фронт был восстановлен в первоначальном виде.

За месяц оборонительных и наступательных боев (между 16 декабря и 16 января) американцы потеряли 19 тысяч убитыми и 15 тысяч взятыми в плен. Арденны почти ликвидировали резервы британской армии. Но и немецкие потери были значительными: 100 тысяч погибло, было ранено или взято в плен; германская армия лишилась 800 танков и тысячи самолетов. Учитывая, что германская военная индустрия прошла пик производительности осенью 1944 года и теперь снижала обороты, можно сказать, что Арденнское наступление лишило Германию сил и техники, которые ей были нужны для обороны собственной территории. Рур, где производство стали упало с 700 тысяч тонн в месяц до 400 тысяч между октябрём и декабрём 1944 года, был под угрозой.

Контрнаступление немцев в Арденнах во многом спутало карты западных союзников. Они надеялись быстрее пробиться в Рейнскую долину и овладеть „сердцем Германии“. Декабрьские события показали, что рейх еще способен к сопротивлению. Потеряв в ходе войны три миллиона солдат и офицеров, Гитлер продолжал командовать армией в десять миллионов человек. Американо-английские бомбардировки Германии, достигшие пика интенсивности, пока не дали желаемых результатов. Германская военная машина продолжала работать почти на полных оборотах. Если Германия создаст мощный оборонительный вал на Западе, общая стратегическая схема западных союзников может рухнуть. Судьбу войны решат русские и решат так, как сочтут нужным. Уже Румыния и Болгария взаимодействовали с Советской Армией, и у советских войск были хорошие шансы овладеть не только Венгрией и Чехословакией, но выйти на контрольные позиции в Австрии и, важнее всего, в средоточие европейской мощи, в Германию, со всеми вытекающими последствиями.

Но в феврале и марте 1945 г. западные союзники возобновили наступление по всему фронту, достигнув Рейна между Везелем и Кобленцем. Перед ними была Германия.

Германия с Востока

Руководитель германской военной разведки генерал Гелен в обширных докладах, подготовленных 5 и 22 декабря 1944 года, обращал внимание на то, что за сравнительно короткое время протяженность линии советско-германского фронта сократилась с 4400 километров до 2000. Фронт теперь проходил от Мемеля на Балтийском море, по границе Восточной Пруссии, по Висле к востоку от Варшавы, Дунаю к северу от Будапешта, озеру Балатон, реке Драве и до Адриатики. Запертые в Курляндии германские дивизии отвлекали часть советских войск. Гелен насчитал в советской армии шесть миллионов солдат и офицеров, сосредоточенных в девяти фронтах, каждый из которых имел свое стратегическое планирование. Пленные и прочие источники указывали, что в середине января 1945 года эти девять фронтов начнут генеральное наступление. Последуют удары в Венгрии и прочие операции, направленные на то, чтобы ослабить центральное направление; затем обрушится удар центральных советских фронтов.

Гитлер отнесся к докладам Гелена с величайшим скепсисом. Он указывал, что в русских дивизиях всего максимум по семь тысяч солдат (в этом он был недалек от истины), что у русских раздута пропагандой численность танков (в этом фюрер был полностью неправ), что русские измождены предшествующими сражениями и неспособны на такое предприятие как завоевание собственно Германии. Гиммлер, которому доверили оборону рейха с Востока, тоже способен был поразить безразличием к суровым фактам жизни: „Я не верю, что русские вообще начнут наступление. Все это огромный блеф“. Все та же надежда, что когда-нибудь медведь осядет от потери крови.

Между тем Малиновский решал проблему Будапешта. Танки армии Кравченко и 7-я гвардейская армия Шумилова с севера шаг за шагом шли к центру венгерской столицы. С юга к ним навстречу шла 46-я армия Шлемина. Малиновский и Толбухин вместе взяли Будапешт в кольцо и сдача города была лишь вопросом времени. 23 декабря находящийся на равнине Пешт был под контролем Красной Армии. Но Гитлер приказал изыскать возможности сохранить контроль над последним союзником и перевел три танковые дивизии в Венгрию из Восточной Пруссии. Буда оставалась естественной крепостью на правом берегу Дуная. Это было кровавое рождество для венгров и для всех, кого взяла в свои объятия

война. И все же последняя перед Берлином столица гитлеровской коалиции пала.

Но и тогда Гитлер не смирился. Он сместил генералов Фриснера и Фреттер-Пико, заменил их Волером и Балком, приказал начальнику штаба сухопутных сил Гудериану перевести из группы армий „Центр“ 4-й танковый корпус СС в Венгрию. Его яростная атака пала на первый день нового года, но Ставка приказала 6-й гвардейской танковой армии Малиновского зайти в тыл атакующим немцам. Весь январь длились жесточайшие танковые бои. Будапешт был окончательно взят только 13 февраля 1945 года — 30 тысяч военнопленных, 50 тысяч убитых немцев и их союзников. Стало примерно ясно, что может быть в Германии с ее хорошими дорогами, фольксштурмом и сжатым в пружину вермахтом. Лица советских военачальников напряглись.

Судьба Германии решалась, однако, не на Дунае, а на Одере. Гелен в своей стратегической оценке довольно точно указал время огромного советского наступления на Одере, целью которого, писал глава германской военной разведки, было „полное уничтожение германской воли и способности вести войну“ („Das Ziel ist in der volligen Zerschlagung der deutschen Widerstandskraft“). Гитлер назвал рассуждения Гелена „полностью идиотическими“. Почти потеряв над собой контроль, Гудериан в ярости отказался уволить Гелена. Но Гитлер продолжал верить, что русские заплатят за свой кровавый путь и обессиленные падут у самых ворот рейха. Гудериан, так весело рвавшийся к Москве в октябре 1941 года, теперь считал оборону собственной столицы „карточным домиком“. Двенадцати с половиной дивизий резерва было недостаточно для сдерживания колосса, занесшего с востока карающий меч.

1945, январь

Западные союзники в начале года считали потери. Число погибших в мировой войне американцев к началу 1945 года достигло 138 393 человек; англичан — 199 497, канадцев — 18 015, австралийцев — 17 415, индийцев — 17 415, новозеландцев — 8919, южноафриканцев — 5783. Берлин считал в основном не людей, а территории. В Европе Германия потеряла все, что она завоевала в ходе агрессии, начиная с 1939 года, а в Азии Япония — почти все, взятое с 1941 года. Италия, Румыния, Болгария, Венгрия покинули „ось“ агрессоров и присоединились к ее противникам. Теперь Берлин и Токио сражались в одиночестве, отступая на собственную территорию. Но ни та, ни другая не готовы были сдаться. Заставить их сделать это требовало огромных сил.

До сих пор секретное оружие, на которое полагались Германия и Япония, не приносили им решающего успеха. Целый ряд типов „секретного оружия“ — от магнитных мин 1939 года до ракет Фау и реактивного самолета 1944 года — прошли перед современниками. На 1945 год падает изобретение фантастической подводной лодки „Шноркель“. В этой подводной лодке почти все обгоняло свое время — и корпус, создаваемый из „полуфабрикатов“, и превосходные электрические батареи, и торпедные аппараты, способные запускать несколько торпед сразу (способных одновременно потопить восемь судов), и практическая неуязвимость от орудий противолодочной борьбы. „Шноркели“ буквально растворялись в океане. Даже когда их собственный аппарат „Энигма“ давал знать об их расположении (а в Блечли читали), обнаружить удивительную лодку в океане было чрезвычайно тяжело. Все это делало „Шноркель“ превосходным орудием подводной борьбы. „Шноркели“ собирались в Киле, Гамбурге и Данциге и опробовались на Балтике. Массовый их выпуск был подготовлен к маю 1945 года. Поздно.

В новогоднюю ночь немцы впервые осуществили ночную атаку своими „блицами“ — реактивными самолетами, существенно преобладавшими над всеми прочими тогдашними самолетами по скорости. Но „блищей“ было слишком мало. В то же время тысячные бомбовые воздушные флоты уже бомбили методично Германию, ее центры военной промышленности и города, и эту силу было уже не остановить.

Но главное обстоятельство смотрело на Германию с Востока. От балтийских дюн до венгерского озера Балатон против трех миллионов

солдат вермахта стояли шесть миллионов советских солдат. В резерве у немцев были два с половиной миллиона солдат, а у Советской Армии — пять с половиной. Против 4 тысяч немецких танков Советская Армия выставила 12 900 танков. Против 1960 германских самолетов — 15 540 машин.

Фронт на Востоке с 16 декабря был в статичном состоянии, но ясно, что так долго продолжаться не могло. 4 января 1945 года Гитлер перевел 6-ю танковую дивизию СС с Западного на Восточный фронт. Вечером 15 января Гитлер поездом прибыл на перрон берлинского вокзала. Гитлер слышал, как один из его офицеров сказал другому: „Берлин — самое практичное место для нашей штаб-квартиры: скоро от Восточного до Западного фронта можно будет проехать на уличном трамвае“. (В тот же вечер началось регулярное сообщение между Лондоном и Парижем. А на экраны Германии вышел самый дорогой фильм третьего рейха „Кольберг“ — об осаде прусского города Кольберг в 1807 году. Тем временем собственно Кольберг был взят Красной Армией.)

В первую неделю 1945 года начальник штаба сухопутных сил Гудериан объехал позиции на Восточном фронте. То, что он увидел на противостоящей стороне, устрасило его. Остановить громаду, движущуюся с востока, уже не в силах германской армии, и Гудериан решил в последний раз обратиться непосредственно к Гитлеру. Он просит о подкреплениях и о разрешении отвести войска с первой, плохо обороняемой линии обороны, на вторую линию с тем, чтобы страшный артиллерийский удар русских пришелся на пустые позиции. Единственная надежда заключается в том, чтобы Жуков „ударил по воздуху“, а затем, выжив под пушками русских, гибко маневрировать в западной Польше, пока весенняя распутица не остановит паровой каток Москвы. Но, как отмечает Гудериан, стоило Гитлеру услышать слово „оперативное“, как он начинал выходить из себя, предвидя в качестве следующего слова „отступление“. Представленные обновленные данные о советской мощи Гитлер назвал „идиотическими“ и „чистым блефом“. Он предложил упечь Гелена в дом сумасшедших. (Гудериан, защищая своего разведчика-аналитика, назвал его „одним из лучших моих офицеров“). Гитлер всячески пытался уйти от реальности, подчеркивая германскую мощь: „Восточный фронт никогда прежде не имел таких мощных резервов, как сейчас, и я благодарю за это вас“. На что Гудериан возразил: „Восточный фронт — это карточный домик. Если он будет прорван в одном месте, все прочее просто рухнет“.

27 января 1945 года советский военный патруль из 100-й стрелковой

дивизии набрел на группу строений к юго-востоку от Катовице — часть огромного комплекса Аушвиц-Биркенау. Огромный лагерь был едва ли не пустым — 2819 узников, многие на грани между жизнью и смертью. Немцы исправно взорвали большой крематорий, но рядом были обнаружены 348 820 мужских и 836 255 женских костюмов, 7 тонн женских волос. Согласно советскому докладу, в лагере погибли четыре миллиона человек. Конев не поехал посмотреть на это страшное наследие нацизма, он хотел сохранить ясную голову и эмоциональный баланс.

1 февраля германское командование объявило Берлин городом-крепостью. Все население было мобилизовано на рытье укреплений. К старому привычному лозунгу „Колеса должны крутиться для победы“ приписали: „Или Сибирь“. А Гитлер в Берлине показывал своему близкому окружению макет австрийского города Линц в будущем: „Думаете, я стал бы вам показывать этот макет, если бы не верил в победу?“ На протяжении первых двух месяцев 1945 года немцы продолжали обстреливать Лондон ракетами Фау-2. В ответ союзная авиация интенсифицировала бомбардировки германских городов. Особое место среди этих целей занимает Дрезден, на который союзная авиация обрушилась 13 февраля. 1200 союзных бомбардировщиков превратили нетронутый до сих пор город, где скопилось много беженцев, в руины.

К Японскому архипелагу

На противоположном конце земного шара американцы пока стояли перед большими трудностями. Будущие жертвы атомной бомбардировки еще не покорились своей судьбе. Надежды Токио теперь питались лишь тем, что девять камикадзе потопили американский легкий авианосец, повредили три авианосца и унесли с собой жизни ста американцев.

Согласно статистике американской группы по изучению эффекта стратегических бомбардировок, изменение общественного мнения в Японии происходило следующим образом. В июне 1944 года, перед падением Сайпана, пессимизм выказывали лишь 2 процента японского населения. После первых крупных рейдов американских Б-29 в декабре 1944 года — 10 процентов. После перехода к стадии массированных бомбардировок в марте 1945 года -19 процентов.

Для действий против растущей армады американского флота был создан, как уже говорилось, корпус летчиков-камикадзе. Между октябрем 1944 года и февралем 1945 года 378 камикадзе потопили шестнадцать американских кораблей и убили 2 тысячи американцев. Но это был уже жест отчаяния. Все более ясным становилось, что время работает против Японии. В начале 1945 года американские войска высадились на Лусоне, самом большом острове Филиппин.

Западные союзники после японских побед над силами Чан Кайши отставили идеи „подойти“ к Японии с континентальной стороны. Они (американцы) предприняли попытки объединить усилия националистов и коммунистов, но без особого успеха. В результате начались ссоры между генералом Стилуэллом и Чан Кайши, в результате чего новым союзническим представителем в Чунцин прибыл генерал Ведемейер, и забота у него упростилась — не потерять столицу и стратегическую бирманскую дорогу. Светлым пятном здесь, на континенте, были победы в Бирме, где японцев капитально потеснили. В это время англичане, опираясь на индийские города Импхал и Кохина, широким фронтом вошли в Бирму. Но это была периферия войны. Более значительные операции велись на Филиппинах. Здесь два корпуса 6-й американской армии генерала Крюгера высадились на острове Лусон 8 января 1945 года. Адмирал Хелси (3-й флот) помогал с моря, а генерал Уайтхед (5-я воздушная армия) — с воздуха.

Фельдмаршал Тераучи на этом этапе полагался на камикадзе. У

японцев уже не было серьезных резервов, и генерал Ямасита, руководивший обороной Лусона, вынужден был рассредоточить свои войска (280 тысяч). Все его надежды были связаны с битвой на самом острове. Ямасита разделил свои войска на три части, основной базой сделал северный Лусон, а основной стратегической задачей — прикрытие дороги на Манилу. Макартур был полон воспоминаний трехлетней давности, когда он вынужден был уступить главный филиппинский остров, и полон был решимости взять реванш. Его стратегической задачей номер один было захватить совокупность аэродромов, позднее известных как „база Кларк-филд“. Бои отличались исключительной жестокостью, но после недели боев американцы достигли своей цели. Теперь американская авиация могла полностью проявить свою мощь. Затем 20 тысяч японцев в течение месяца держались в Маниле, зверствуя на манер нанкинских событий. В городе погибли 12 тысяч американцев, 16 тысяч японцев и 100 тысяч филиппинцев. В ночь на 22 февраля 1945 года огромный подземный взрыв потряс город — это было массовое самоубийство 2 тысяч японского гарнизона. Но город был взят 1 марта.

Американская армия подбиралась к Японским островам. Взлетные полосы Марианских островов были лучшей стартовой площадкой наступательных операций. Первый рейд против Токио осуществлен 24 ноября 1944 года, мощные Б-29 впервые показали японскому населению, что на них движется огромная сила. Высота полета этих бомбардировщиков гарантировала их от японских истребителей и зенитных орудий. Японское руководство „утешалось“ только тем, что Берлин претерпел еще большее. В ноябре 1944 года самым большим налетом был рейд 100 бомбардировщиков Б-29, сбросивших 250 тонн бомб. 15 февраля 1945 года американские бомбардировщики, базирующиеся на авианосцах, бомбили собственно Японские острова в первый раз. На следующий день американский парашютный полк высадился на Филиппинах в Коррехидоре. И в тот же день американский десант отплыл из Сайпана на остров Иводзима.

Следующим большим шагом в войне на Тихом океане стала битва за остров Иводзиму (Бонинские острова), начатая обстрелом 16 февраля 1945 года. С этого острова взлетали японские истребители-перехватчики, взлетные полосы Иводзимы были гораздо ближе к Токио, чем базы Марианских островов. Американцы знали, что японцы будут сражаться за остров отчаянно, но степени их ярости не смог предусмотреть никто. Они эвакуировали гражданское население и создали сложную оборонительную систему, в основном подземную. Высадка произошла на рассвете 19

февраля. Захват Иводзимы, вулканического происхождения небольшого острова на полпути между Гуамом и Японией, позволил начать массированные бомбардировки главных индустриальных центров Японских островов.

Сразу же после высадки американская морская пехота встретила сопротивление японского гарнизона. 24 февраля пехотинцы достигли вершины вулканической горы Сурибати и воздвигли американский флаг. Запечатленный на фотографии (самой знаменитой фотографии войны на Тихом океане), этот момент стал основой для главного памятника Второй мировой войне в Вашингтоне. Рузвельт приказал прислать изображенных на фотографии морских пехотинцев в США. Но когда прибыл приказ президента, трое из них уже погибли. Потери же японцев были просто огромны. Из 20 тысяч японцев после битвы в живых остались только 200 человек. Потери американцев — 6 тысяч убитых и 19 тысяч раненых. Но теперь они были на прямом пути к основным Японским островам.

Ночью 10 марта 334 бомбардировщика Б-29 сбросили на деревянный Токио огромное число зажигательных бомб. В огненном смерче погибло от 80 до 100 тысяч человек. Мир еще не видел ничего подобного. Германский военно-морской атташе, не зная, что его сообщения читаются западными союзниками, пишет в Берлин о поразительно эффективных налетах американской авиации. За Токио последовали Осака, Нагоя, Кобе. Война на Тихом океане вступила в свою самую кровопролитную фазу. Систематические бомбардировки на протяжении двух недель пяти других городов стоили жизни еще 150 тысячам гражданских лиц. В целом на протяжении последних девяти месяцев войны погибло 897 тысяч японцев.

Теперь американский план ворваться на собственно Японские острова предполагает две фазы. На первой — высадка на южном острове Кюсю в сентябре 1945 г. (план „Олимпик“). Вторая фаза наступает с высадкой на Хонсю 1 декабря 1945 г. (план „Коронет“). Предполагалось переместить из Европы к Японии полтора миллиона американских войск и полмиллиона британских. Завершение боев планировалось на март 1946 года. Предварительным условием броска на центральные острова являлся захват острова Окинава. Здесь американцы намеревались создать 10-ю армию как дополнение к уже имеющейся 8-й армии.

Но и этого было явно недостаточно, имея в виду грандиозную японскую армию на континенте. На Чан Кайши надежды было мало и, как пишет американский историк Уайнберг, ситуация „требовала массового вовлечения в бои с японскими войсками в Маньчжурии Красной Армии... Призванный руководить союзным вторжением генерал Макартур

постоянно подчеркивал в Вашингтоне существенную необходимость крупномасштабных операций Красной Армии в Маньчжурии“. Имелось в виду, что, нанеся поражение японцам в Китае, советские войска лишат окруженных японцев всякого шанса на успешное сопротивление, на создание тыла, на глубину обороны.

В соответствии с договоренностями с союзниками специально созданные штабы Красной Армии начали перемещаться на Дальний Восток уже в марте 1945 г.

На вислинских плацдармах

6 января 1945 года Черчилль попросил Сталина в связи с германским наступлением в Арденнах: „Я был бы благодарен, если бы вы могли мне сказать, не могли ли бы мы рассчитывать на большое русское наступление на фронте, стоящем на Висле или в другом месте“. Сталин немедленно (7-го января) ответил, что „несмотря на погодные условия“ советское наступление начнется не позднее второй половины января. А Коневу Сталин (через Антонова) тотчас приказал начать наступление не 20-го, а 12 января. Жуков начнет 14 января. Черняховский — 13 января, Рокоссовский — 14-го.

В руках Жукова и его соседа слева Конева были 163 стрелковые дивизии, 6500 танков, 32 тысячи орудий, почти пять тысяч самолетов. Два с четвертью миллиона солдат. Одна дивизия на 3,7 километра плюс 64 орудия, 12 танков. На двух фронтах было десять армий, из них две танковые, одна авиационная армия. Стартовая площадка — берега Вислы, цель — максимальное продвижение вперед через реку Одер.

Мощный фронт Рокоссовского (2-й Белорусский) должен был повернуть к северу — к Данцигу. Это была гигантская сила — семь полевых армий и одна танковая (5-я гвардейская). Черняховский (3-й Белорусский) имел в качестве цели Восточную Пруссию. Его мощь трудно переоценить даже умозрительно, пять армий, поддерживаемых 1-м авиационным флотом. У Рокоссовского и Черняховского вместе были под ружьем 1670 тысяч человек, 3300 танков, 28 тысяч орудий и минометов, тысяча „катюш“ и 3 тысячи самолетов.

Итак, Черняховский — на Кенигсберг, Рокоссовский — на Данциг, Жуков и Конев — на Берлин из (соответственно) района южнее Варшавы и Сандомирского плацдарма. Главная роль предназначалась 1-му Белорусскому фронту Жукова, движение по линии Варшава — Берлин. Его ударной силой был герой Сталинграда генерал Чуйков, которого на Западе называют (скажем, американские историки Э. Рид и Д. Фишер) „возможно, лучшим фронтовым командиром и определенно самым агрессивным генералом Второй мировой войны. В нем сочеталась агрессивная воинственность с превосходным тактическим чутьем“.

Что им противостояло? Прямо на пути стояли две группы немецких армий — „Центр“ во главе с генералом Рейнгардом и группа армий „А“, возглавляемая генералом Гарпом. Севернее располагалась группа армий

„Север“, но она была окружена и не могла воздействовать на основную массу изготовившихся к броску войск. Рейнгард же стоял в Восточной Пруссии и южнее — по линии реки Нарев. В его распоряжении была 3-я танковая армия, 2-я и 4-я армии — 41 дивизия (34 пехотные, 3 танковые и 4 моторизованные). В совокупности это составляло 580 тысяч солдат и офицеров, 700 танков и самоходных орудий, 515 самолетов. К югу от Рейнгарда располагалась группа армий „А“, в которую входили 4-я танковая армия, 9-я и 17-я армии. Гарп командовал войсками, расположившимися по Висле (к северу от Варшавы) и на юг до Карпат. В целом две группировки включали в себя тридцать дивизий (из них четыре танковые и две моторизованные) — 400 тысяч человек, 1136 танков и самоходных орудий, 270 самолетов.

Сталин высоко ценил индустриальные возможности Силезии. Когда он показывал на карте Коневу на Силезский промышленный район, то произнес лишь одно слово: „Золото“. Это был по существу приказ постараться спасти индустриальную базу региона. Маршал Конев планировал один мощный удар — со стороны Сандомирского плацдарма по линии Радом — Бреслау. Жуков предусматривал три клина наступления — со стороны Магнушева, Пулавы и Яблонной. Рокоссовский и Черняховский согласовали свое наступление а Восточную Пруссию с востока и юга по двум сторонам Мазурских озер. В данном случае Рокоссовский имитировал Самсонова, а Черняховский — Ренненкампа.

В недели и месяцы подготовки отчаянно быстро ремонтировались подъездные железнодорожные пути, шло массовое снабжение войск всем необходимым. Мост через Вислу у Сандомира был полностью восстановлен, примерно по тысяче двести вагонов получили каждый из готовящихся на центральном участке маршалов. На грузовиках Жукову были доставлены 980 тысяч тонн грузов. В день фронт требовал 25 тысяч тонн припасов, из них более тысячи тонн хлеба и 220 тонн мяса, полторы тысячи тонн овощей и 44 тонны сахара. Мяса не хватало, и был введен второй вегетарианский день в неделю.

Теперь каждая танковая бригада имела приданный ей батальон пехоты на добротных американских грузовиках. Но самая большая хвала должна быть воздана безотказному танку Т-34 (которых только в 1944 году было произведено более 22 тысяч). Этот танк выполнял любые задания. Не удержусь от еще одного высказывания на этот счет. Как пишет Кларк, этот танк „осуществлял передовые разведывательные миссии, несокрушим в едином строю; поражал противника артиллерийским огнем, будучи закопанным по башню; он рвался вперед и действовал как бульдозер;

перевозил пехоту и, что было более опасно, перевозил боеприпасы на своих плоскостях; эта грубо сколоченная, плохо вентилируемая машина была бесконечно упорной, была надежным инструментом ведения боевых действий, подлинно многоролевым инструментом“. Задача наступления отныне сводилась прежде всего к тому, чтобы насытить двенадцатицилиндровый дизель Т-34 и снабдить снарядами его пушку.

Конев располагался в маленьком крестьянском доме на окраине леса. Он переиграл Гарпа еще до начала наступления. Гарп начал сосредоточивать свои войска к югу от верхней Вислы. Это очень устраивало Конева, и он „подыграл“ Гарпу, имитируя сосредоточение напротив своих войск, ночами перебрасывая ударные силы на свой излюбленный плацдарм к востоку от Чарной, целясь на Кельце своим правым флангом и готовясь форсировать Ниду войсками центра и левого фланга.

В пятницу, 12 января, в 5 часов утра, расположив не менее 300 орудий на километр фронта, маршал Конев отдал приказ „пли!“. Одновременно он приказал разведбатальонам, среди которых было немало штрафных, двинуться вперед, несмотря на ужасающий огонь. Первая линия была взята довольно быстро. Тут артиллерия, сделавшая паузу, начала час сорок семь минут второго этапа артиллерийской подготовки. Мало что могло выжить в этом свирепом огне. Штаб 4-й германской танковой армии наконец-то был накрыт устрашающим огнем. Когда 13-я армия бросилась вперед, появились первые пленные — их вид говорил о необратимом потрясении. В 2 часа дня 10-й танковый и 6-й механизированный корпуса Лелюшенко отправились в свой крестный путь, доблестно и самозабвенно. Впереди шли тяжелые танки ИС с пушками калибра 122 мм, устрашающее зрелище. Уже через час они сражались с новейшими германскими тяжелыми танками. Результат первого дня: оборона 4-й танковой армии прорвана на глубину в тридцать километров; еще полсуток — и Лелюшенко вышел к реке Ниса. Невозмутимый командующий 13-й армией Пухов закрыл путь отступлению 24-го германского танкового корпуса.

А на левом фланге 60-я армия Курочкина рванулась на древнюю польскую столицу Краков. Обгоняя его, промчались танки 4-го гвардейского танкового корпуса Полубоярова. На правом фланге взятие Кельце укрепляло всю коневскую систему наступления. Группа советских танков ворвалась в расположение штаба 42-го германского корпуса; был взят в плен весь штаб. Гитлер, будучи в полном смятении, вопреки мнению Гудериана, приказал танковому корпусу СС „Гроссдойчланд“ выступить из Восточной Пруссии на юг и защитить Кельце. Поздно. Танкисты-эсэсовцы

приняли участие лишь в битве за Лодзь. Германское командование начало выводить войска с тех необязательных позиций, где, по немецкому мнению, должен был пролегать главный путь советского наступления. А танки Рыбалко уже обошли Краков с севера. С юга к нему приближалась 60-я армия Курочкина. Через тридцать шесть часов боев позиция немцев („позиция Губертуса“, считавшаяся самой мощной в германской оборонительной системе) была прорвана. Вечером 19 января немцы, не видя перспективы сражения за Краков, оставили город. Отныне дорога на Одер была открыта.

Жуков начал свою партию 14 января. Никто и ничто не могло смягчить великого маршала, он мстил на обескровленную страну. 14 января Чуйков в кромешной тьме приказал подвезти полковые кухни к самой фронтовой линии. Большие контейнеры с горячей едой передали солдатам, которым через несколько часов предстояло идти в жестокую атаку — когда-то им удастся получить горячее в следующий раз? Фактор неожиданности сыграл безукоризненно. 25 минут страшного артиллерийского урагана и передовые батальоны ушли в кромешное пламя с плацдарма у Магнушева. Первая линия немецкой обороны была просто покинута. Не желая терять удачу, Жуков послал основные ударные силы буквально вослед передовым батальонам. И вот уже пройдены три километра германской оборонительной линии. Танкам дали отмашку сразу после полудня — немецкие гарнизоны маленьких польских местечек просто бежали в направлении Варшавы. К вечеру танки прошли не менее 30 километров. У Пулавы бросок вперед был не хуже, здесь впереди замаячил Радом. Ночь не остановила Жукова. 5-я ударная армия Берзарина перешла реку Пилицу, а 8-я гвардейская Чуйкова перерезала железную дорогу Варка — Радом. К северу от Варшавы Перхорович (47-я армия) отправилась от Западного Буга к Висле. Окружение Варшавы теперь было гарантировано, и германское командование, не видя смысла в обороне города, покинуло его. Варшава оказалась свободной 17 января 1945 года.

Теперь немцам ничего не оставалось, кроме как задействовать все свои танковые дивизии. Самые большие резервы Гудериана размещались в Восточной Пруссии — речь идет о дивизии „Герман Геринг“ и „Гроссдойчланд“ под общим командованием генерала фон Заукена. Гитлер вопреки серьезному противодействию Гудериана приказал бросить эти дивизии против Жукова в районе Кельце, в 250 километрах южнее Восточной Пруссии. И в то время как советские танки прорывались сквозь минные поля и окопы, лучшие — новые „тигры“ немцев аккуратно грузились на железнодорожные платформы.

Гитлер не простил сдачи Варшавы. Он сместил Гарпа и поставил на его место (группа армий „А“) известного нам по Прибалтике Шернера. Из Арденн выводилась 6-я танковая армия СС — спешно на Восточный фронт. Сам Гитлер 16 января 1945 года покинул Зигенберг и установил свою последнюю штаб-квартиру в своей рейхсканцелярии. Но фактом оставалось, что после недели наступательных боев на огромном фронте от Балтики до Карпат германская оборона была смята и опрокинута. 4-я танковая армия, доставившая такие тяжелые минуты нашему первому маршалу под Сталинградом („Карфаген“ Жукова), была уничтожена. 18 января танки немцев были вытеснены на северный берег Вислы, где их ждал бронированный кулак Рокоссовского. 4-я армия Хоссбаха была отброшена к Мазурским озерам.

На более чем стокилометровом пространстве между излучиной Нарева и Кельце германский фронт был фактически уничтожен. Находящийся в центре наступающего фронта Прасниц был взят 18 января. В тот же день Чуйков видел в свой бинокль дым от труб большого города — на пути была Лодзь, индустриальная столица Польши со времен царского правления. Штурмовать или обойти? В искрящееся солнцем утро следующего дня Чуйков выслушивал соображения разведчиков. Утром 19 января Чуйков вошел в нетронутую Лодзь. Севернее танковые колонны Жукова шли по польской Мазурии, пользуясь хорошими дорогами Западной Польши. Идея остановить русских на реках Бзура и Равка была сметена танковой армией Богданова (теперь „Варшавской“). 9-й танковый корпус взял вечером 23 января Быдгощ, впереди лежала Германия.

Но первым перешел границу все же Конев. Огибая индустриальные центры Силезии, он избежал „задержек в пути“, и 20 января 52-я армия Коротеева пересекла границу Германии у Намслау, повернула на юг и отправилась вместе с танками Рыбалко на Катовице. Лелюшенко вышел к Одере, к Германии, вечером 22 января. 5-я гвардейская армия Жадова захватила в тот же день плацдарм на западном берегу Одера — сказала выучка, сколько рек пройдено! 25 января Жуков говорит Сталину, что намеревается выйти к Кюстрину на Одере. Обсудили 150-километровый разрыв между 1-м Белорусским (Жуков) и 2-м Белорусским (Рокоссовский) фронтами как опасный: с севера, из грозовой тучи Восточной Пруссии может сверкнуть молния. Жукову следует подождать решения Рокоссовским своей восточнопрусской задачи. Жуков настаивал на выгоде продолжать успешно начатое наступление, но Сталин был неумолим, хотя и обещал „подумать“.

Пока вождь „думал“, Жуков выжимал максимум. 1-я гвардейская

армия Катюкова брала город за городом, а Жуков приказал своим военачальникам внимательно смотреть за севером. Рокоссовский спешил из последних сил — он задерживал наступление главного фронта, река Нарев предстала безжалостно укрепленной. Бои немцы вели умело, отступить им было некуда. Такие немецкие части, как танковая дивизия СС „Гроссдойчланд“, дрались со смертельным отчаянием и сильно задержали Рокоссовского.

Черняховский со своим 3-м Белорусским фронтом начал наступление 13 января, в 6 поутру. Глубокий туман прикрывал действия его ударных батальонов. На горизонте у него был Кенигсберг, цитадель Восточной Пруссии. 16 января генерал выпустил основные резервы. Внезапно улучшилась погода, и в небо поднялась советская авиация, а 1-й Белорусский передал танковую армию неудержимого Белобородова. 19 января Тильзит был в советских руках, танковые колонны двинулись по дорогам, ведущим к Кенигсбергу. Дорога эта горела. Немцы дрались отчаянно, но и советская армия не щадила живота. Мечь шла рядом с благородной борьбой. Воины, чьи дома, чьи семьи погубила война, воевали остервенело. Все ужасы войны увидела колыбель германского милитаризма. Фронтное командование вынуждено было вмешаться, карая одиозные нарушения дисциплины.

21 января пал Танненберг — символ победы Людендорфа и Гинденбурга над отцами ворвавшихся в Германию солдат. Немцы предусмотрительно увезли саркофаг Гинденбурга и его жены, взорвав динамитом сам памятник. Теперь Рокоссовский приказал 5-й гвардейской танковой армии Вольского пробиться к Балтийскому морю. Идущий впереди с семью танками капитан Дьяченко включил на полную мощность фары и помчался по центру городка Эльбинг; его приняли вначале за учащегося местной танковой школы, а потом он наводил ужас на горожан в торговом центре. Вскоре показалось серое Балтийское море, и это означало, что германским войскам уже не пробиться отсюда к Висле. Крепости тевтонских рыцарей падали одна за одной.

Теперь, выйдя к морю, Рокоссовский пересек базовые коммуникации края. В окружении наконец оказалась 3-я танковая армия вермахта, так вольно бежавшая по русским просторам. Сейчас посеревшие от усталости танкисты брали на мушку элиту прежней победоносной армии. Попытки немцев прорваться к Висле (особенно активно предпринятые 3-й танковой и 4-й армиями) пришлось на час, когда Рокоссовский собрал своих генералов на обед. Тут же, между стаканами, распределили силы и бросились в генеральские виллисы. Вольский встал на пути бронетанковых

сил немцев; авангардные танки немцев вспыхивали один за другим. Гитлер в ярости сместил Рейнгарда (командиром 3-й танковой стал генерал Рендулич). Группа армий „Север“ стала именоваться „Курляндией“, новой группой армий „Север“ стала прежняя группа армий „Центр“.

Оперативная карта в германском штабном центре Цоссене обновлялась дважды в день. Из нее было достаточно ясно, что группа армий „Центр“ фактически прекратила свое существование. Ее штаб-квартира и остатки четырех дивизий были заперты в Восточной Пруссии. К концу января в кольце окружения оказался Кенигсберг. Идя с юга, Черняховский взял гитлеровское Вольфшанце. Белобородов зашел за Кенигсберг с севера. С запада отсечен Пиллау. Но осада восточнопрусской столицы оказалась очень непростым делом.

На Берлин!

Жуков шел вперед прежде всего правым плечом. Танковая армия Богданова пересекла границу Германии в полдень 26 января. Основные же силы фронта пересекли границу 29 января. Огромная мощь устремилась к Одеру. Его первой пересекла боевая группа полковника Есипенко из 5-й ударной армии утром 31 января 1945 года. Бойцы вошли в городок Киниц, где немецкие солдаты мирно разгуливали по улицам, а поезда на Берлин ходили по великолепному немецкому расписанию. Советских солдат и офицеров поразило благосостояние страны, которая в своем безумном расовом ослеплении напала на СССР. Такого изобилия призывники наших скромных, спартанских городов просто никогда не видели. Заводы и фабрики так называемой „новой индустрии“ Германии были невиданными островками благополучия даже по немецким стандартам.

Жестокость войны, естественно, проявила себя. Напомним только, что даже по мнению уравновешенных „сторонних“ судей (в данном случае английского историка А. Кларка), „воздействие советских армий на Германию не идет ни в какое сравнение с поведением нацистов в Польше в 1939 году, в Белоруссии и балтийских провинциях в 1941 году. Зверства дивизии „Мертвая голова“ и других частей СС, которые систематически убивали школьников и обливали бензином обитателей госпиталей были выражением сознательно проводимой политики террора, „оправдываемого“ наскоро испеченными расовыми соображениями, применяемыми с извращенным садистским рвением“.

И это был последний шанс остановить ведение военных действий на германской территории. Безоговорочная капитуляция. Немцы сделали свой выбор. Гудериан в своем дневнике предпочитает надеяться на то, что, вырвавшись далеко вперед, Жуков все же подвергнется фланговым атакам с севера (Восточная Пруссия) и с юга (Прикарпатье). Даже если Танненберг уже недостижим, то успех Манштейна весной 1943 году на реке Донец вполне годен для повторения. Для этого нужно перегруппировать германские войска. Гитлер создал новую группу армий „Висла“. Командование ею он поручил главе СС Гиммлеру. Но Гудериан добился того, что фактически (оперативно) этой группой армий командовал начальник штаба — фон Вейсх. Ее фронт будет находиться между Познау и Грауденцем.

Гудериан планировал перевести сюда с Западного фронта танки Зеппа

Дитриха (6-я танковая армия, вооруженная преимущественно новыми моделями танков). Но на конференции, посвященной созданию этой группы армий, Гитлер воспротивился назначению Вейхса. „Фельдмаршал кажется мне усталым человеком. Я сомневаюсь в том, что он способен выполнить выдвигаемую перед ним задачу“. Эта группа армий будет руководиться офицерами СС. Вся полнота власти передается Гиммлеру, которого Гудериан называл не иначе как „военное невежество“. Для Гудериана эта конференция 25 января 1945 года была концом мечтаний о контрударе, о колоссальном охвате наступающих армий Жукова. Гудериан немедленно просит Риббентропа вдвоем встретиться с Гитлером и убедить того, что „необходимо обеспечить перемирие хотя бы на одном фронте“. Риббентроп: „Я не могу сделать этого. Я лояльный последователь фюрера. Он не желает начинать дипломатические переговоры с противником, и поэтому я не могу обратиться к нему с вашим предложением“. Гудериан: „Как вы будете чувствовать себя через три или четыре недели, когда русские будут стоять у ворот Берлина?“ Риббентроп: „Боже милостивый! Неужели вы верите, что это возможно?“ Гудериан: „Это не только возможно, но благодаря нашему руководству, неизбежно“. Риббентроп впал в истерику. И он фактически выдал Гудериана. На следующий день начальник штаба сухопутных сил услышал от Гитлера: „Обсуждение с министром иностранных дел положения дел на Восточном фронте с целью заключить перемирие на Западном фронте является актом открытой измены“.

Передовые части армии Богданова (полковник Вайнруб) достигли Одера в десять утра 31 января. Завязались бои на восточных подходах к Кюстрину. Первая гвардейская танковая бригада прошла через поле Кунерсдорфа, где столетия назад русская армия сокрушила Фридриха Великого. Стала ощущаться быстрота движения — у передовых частей заканчивалось горючее, не поспевали снабженческие части. Трудности форсирования Одера испытал и Конев. Отсутствие мостов и тонкий лед не способствовали быстрому проходу водной преграды. Но 44-я танковая армия Лелюшенко сумела найти плавсредства и перевести свои танки, взяв на западном берегу город Губен уже 25-го января. В течение недели не знающие усталости люди Конева создали два значительных плацдарма, первый между Бреслау и Глогау, а второй — между Бреслау и Оппельном. Южнее Силезский промышленный район „осваивался“ по плану.

После Силезии Конев мог полностью обратиться к Одери и тому пути, что вел на германскую столицу. От Кюстрина до Берлина было восемьдесят километров. Поскольку скорость движения завораживала, складывалось

впечатление, что еще одного большого шага будет достаточно для выхода к Берлину. Германская столица уже появилась на оперативных картах офицеров Жукова. 26-го командующий фронтом решил взять германскую столицу не снижая скорости — через Берлинхен — Ландсберг — Грец. 28 января его войсками захвачен первый плацдарм на верхнем Одере у Любина. Все решится в 48 часов. 1-я гвардейская танковая армия подойдет к Берлину с северо-востока, а 2-я гвардейская — с северо-запада. Конев пока был занят взятием крепости Бреслау. После этого его правый фланг поможет Жукову под Берлином, а левый фланг пойдет на Дрезден. Пока Жуков на пять дней опережал график. Во второй половине 30 января советские танки прошли через Швибус и Цулихау. Фланги группы армий „Висла“ повисли в воздухе. Немцев брали врасплох. Характерный пример: на аэродроме Элса были захвачены 150 самолетов в рабочем состоянии, включая четыре „Фоккевульф-Кондор“, назначение которых было помогать германским подводным лодкам в Атлантике.

Генеральный штаб предоставил инициативу Жукову как первому заместителю верховного главнокомандующего, а „координатором“ в данном случае выступал сам Сталин. Но Жуков сам сообщал своим командирам, что противник снял с Западного фронта четыре танковые и шесть пехотных дивизий, что немцы на его пути получают подкрепления из Прибалтики и Восточной Пруссии. Он укрепляет позиции по линии Шведт — Штаргард — Нойштеттин. Подходы к Берлину укрепляются всеми доступными способами. Существенно важно отремонтировать максимально возможное число танков и самоходных орудий. Следовало быть готовыми к 9–10 февраля, не нужно терять темпа. До Берлина оставалось менее ста километров — путь от Сталинграда действительно огромный.

Но с дивизиями в 4 тысячи человек, бесконечно утомленными и обескровленными, опрокинуть ожесточенный вермахт в его собственной стране было непросто. Мешал разрыв между Жуковым и Рокоссовским. Воздушная разведка доносила о быстром укреплении Восточной Померании. Со своих знакомых аэродромов в воздух уходили опытные летчики люфтваффе. Советские зенитные установки, как и артиллерия в целом, молчали — не было снарядов. Советские тылы запаздывали. Ширина фронта в движении расширилась до 500 километров, Жуков стал больше зависеть от соседей — Конева и Рокоссовского. Он видел опасность, угрожающую его правому флангу. Войска перенапряглись. Их путь представлял собой сплошной бой, они не щадили себя, это поколение решительно презрело смерть, оно шло вперед несмотря ни на какие потери.

Они почувствовали, что победа уже на горизонте, они бились из последних сил. Они отомстили за страну, они ее освободили, а теперь сражались с врагом на его собственной территории, не давая ему опомниться.

Но тыловые службы отставали, товарищей хоронили ежедневно. В тылу оставались такие жесткие очаги германского сопротивления, как город-крепость Познау. Кровь везде. В первой гвардейской танковой армии Катуква на Одере осталось 737 танков и самоходных орудий. Они прошли, совершая маневры, больше тысячи километров. В 8-й гвардейской армии Чуйкова в полках было по два батальона, а численность рот дошла до 22–45 человек. Туманная погода препятствовала авиационной поддержке. Идущие впереди 5-я ударная, 33-я и 69-я армии сигнализировали о нехватке боезапаса и снабжения. В результате планомерность подготовительно-снабженческих мероприятий была нарушена, что никак не способствовало порыву отчаянных солдат, не знавших страха и упрека. Не менее важным было и следующее обстоятельство. Авангард фронта Жукова далеко продвинулся на запад между реками Одер и Варта, ряду немецких генералов это напоминало немыслимое выдвижение вперед Паулюса в 1942 году между Доном и Волгой. Теперь нужно было надеяться на самоуспокоение или самонадеянность русских, на способность вермахта взять их в железные клещи и повторить Сталинград наоборот. Хватит ли у немцев решимости?

Немцы сражались отчаянно, это были их страна, дороги, население. Они держались до возможного предела на каждой удобной позиции. Им, собственно, уже некуда было отступать. Гитлер приказал остановить Жукова любыми возможными способами. Что существенно, в Померанию собирались подлинно умелые германские части, их профессионализм и выдержка, их фанатизм и знание местности были на верхнем пределе. Но хватит ли им времени, смогут ли они повторить в секрете и эффективности „Уран“ 1942 года? Время становилось решающим обстоятельством, как и понимание открывшейся возможности в руководстве вермахта. Именно последнее явилось решающим обстоятельством. На конференции 27 января 1945 года было решено отправить наиболее дееспособную 6-ю танковую армию не на Одер, а к Будапешту. Венгерская столица оказалась важнее Гитлеру, чем замысел остановить войска, устремившиеся собственно к Берлину с востока.

Именно в первые десять дней февраля 1-й Белорусский фронт был под угрозой максимальной опасности, когда связи с тылом оказались поврежденными, а германские войска на левом и правом фланге достаточны для того, чтобы отрезать вырвавшийся авангард. Шестьсот

танков этого авангарда были недостаточны (износ машин, нехватка боезапаса, усталость экипажей) для броска на Берлин, и неясно, какой была бы их судьба, перекрой немцы пути их снабжения с тылами. А позади у Жукова был Глогау, а у Конева — Бреслау с их мощными гарнизонами и помощью местного населения в виде „Фольксштурма“ и всего прочего. (Напомним, что Глогау держался до 17 апреля, а Бреслау — до 6 мая).

Армии 1-го Белорусского почувствовали это. Как и соседи — уже 23 января Конев приказывает Рыбалко повернуть не на запад (Берлин), а на юго-восток, чтобы воспрепятствовать концентрации германских войск на левом берегу Одера. Почти одновременно Рокоссовский и Черняховский придают особое значение не оставшемуся до Берлина километражу, а массе германских дивизий в Восточной Пруссии. Пять армий (!), координируемые Василевским заняты ликвидацией этой фланговой угрозы. Напомним, что у Жукова и Конева на магистральном направлении были лишь четыре пехотные армии. Следует также сказать, что в Москве не знали степени дезориентации германского руководства и видели в упорном желании сохранить за собой Венгрию на юге и в упорстве в Латвии и Восточной Пруссии на севере элементы стратегического замысла.

Вполне вероятно предположить еще одно обстоятельство. Если советские армии окажутся оттесненными на польскую территорию, то позиции СССР на открывающейся в Ялте конференции будут ослаблены. В результате Жуков приказал замедлить ход и обезопасить позиции. В знаменитой ориентировке своим командирам в эти дни (начало февраля 1945-го) предлагается „на следующие шесть дней“ консолидировать взятое с ходу, подвести запасы, заправить танки горючим и „в стремительном броске взять Берлин 15–16 февраля“. В этих обстоятельствах поставить все на отчаянную атаку солдаты были согласны — умирать им было не впервой. Но задумались командиры. Взятие Берлина следовало отложить. (Еще раз напомним, что на Западе фронт союзников был примерно 100 километров, на востоке — в 10 раз больше).

Ялтинская конференция

Черчилль не любил выражения „большая тройка“ и запрещал употреблять его. Ему казалось до обидного очевидным, что в триумвирате, где Рузвельт играет роль Марка Антония, а Сталин — Августа, ему предназначалась роль младшего триумвира Лепида. Гораздо привлекательней ему казалась роль западного дуумвира. „Никто еще не ухаживал за Соединенными Штатами с таким пылом“, — пишет один из исследователей. — Подобно Каннингу он хотел, чтобы „новый мир восстановил баланс старого“. Но Рузвельт знал, что построение нового мира зависит прежде всего от Сталина, и он решил, что необходима новая встреча с советским руководством. Место было согласовано быстро — Крым.

Накануне Крыма военный министр Г. Стимсон выражал беспокойство по поводу реакции Советского Союза на создаваемую в США атомную бомбу. Было решено не сообщать своему основному союзнику об этом оружии. На польскую проблему Рузвельт смотрел с реализмом и хладнокровием, ситуация в Польше не затрагивала прямо американских интересов. Ясно, что эта страна будет восстановлена и будет суверенна. Навязать свое решение в Польше на все сто процентов не казалось возможным. Приходилось считаться с местным соотношением сил, с заботой СССР о своей безопасности, с изменениями, происходящими во всей Восточной Европе. Принимая в январе 1945 года семерых сенаторов от обеих партий, Рузвельт говорил о реалиях, которые никто не может изменить, даже мощь Америки: СССР пользуется огромным влиянием в Восточной Европе. Очевидной является невозможность „порвать с ними (русскими), и поэтому единственно практичный курс — использование имеющегося у нас влияния с целью улучшения общей обстановки“.

Положение Западного фронта не давало Рузвельту перед Ялтой тех рычагов, на которые он, возможно, надеялся. Арденнское контрнаступление немцев привело к тому, что этот фронт находился в январе-феврале 1945 года примерно в том же положении, в каком он был едва ли не полгода назад, в октябре 1944 года. Войска западных союзников стояли на границе Германии во Франции, Бельгии и Люксембурге и восстанавливали силы после Арденн. К концу января главные смещения в союзном расположении сил произошли на востоке, где Красная Армия пересекла Одер, вошла в Будапешт, вышла к Щецину и Гданьску, форсировала Одер и находилась в

ста километрах от столицы рейха.

Как только крейсер „Куинси“ с президентом 2 февраля остановился на рейде мальтийской столицы Ла-Валетты, на борт взобрался Уинстон Черчилль. Вслед за совещанием между президентом и Стеттиниусом с Черчиллем и его министром иностранных дел Иденом последовало англо-американское заседание Объединенного комитета начальников штабов. Западные союзники пренебрегли всегдашним недоверием Сталина и готовились к встрече с ним. Антони Иден: „Нам придется договариваться с медведем, который точно знает, чего он хочет“. К полету в далекий Крым был готов четырехмоторный транспортный С-54.

Рузвельт прибыл в аэропорт Саки в западной части Крыма во второй половине дня 3 февраля 1945 года и задержался на двадцать минут, чтобы увидеть прибытие Черчилля. Знак солидарности западных союзников — они вместе вышли из самолетов под звуки оркестра советской армии. Пятичасовая поездка из Саки в Ялту обнажила ландшафт, обезображенный боями 1941–1944 годов, — следы страшных разрушений, сгоревшие дома и подбитые танки.

Контраст между зимним пейзажем до Крымских гор и залитой солнцем Ялты был разительным. В распоряжении Рузвельта была резиденция царей, Ливадийский дворец. Рузвельт занял царские апартаменты — комнаты первого этажа. Генерал Маршал и адмирал Кинг расположились на втором этаже — в прежних покоях императрицы. Зал заседаний был рядом, равно как и банкетный зал. Советская делегация прибыла в Ялту на следующий день. У лидеров трех стран, судя по всему, не сформировалась еще четкая временная перспектива, они полагали, что война продлится еще не меньше года. Весеннего ускорения в войне не предвидел никто.

Большая дипломатия началась со встречи Рузвельта со Сталиным, крепко пожавших друг другу руки и улыбавшихся подобно старым друзьям. Первыми же своими словами Рузвельт задал тон. Кто добьется своей цели первым: американцы, войдя в Манилу, или русские, войдя в Берлин? Сталин ответил, что, без сомнения, первой падет Манила: немцы за Одером сражаются отчаянно. Сталин предложил президенту Рузвельту кресло председателя конференции. Сидя в обитом темным деревом царском кабинете, Рузвельт старался завоевать доверие Сталина и Молотова, говоря о потрясении от виденных в Крыму разрушений. Он теперь чувствует большее ожесточение в отношении немцев, и если Сталин поднимет тост за казнь 50 тысяч немецких офицеров, он его поддержит. Рузвельт пытался найти общий язык со Сталиным по вопросу будущего Франции —

жаловался на англичан, которые уже два года упорно стремятся к воссозданию на западной границе Германии мощной Франции. Но Франция неспособна противостоять восточному соседу. „Англичане особый народ, они хотят и съесть торт, и сохранить его“, — так оценил английскую политику президент. Они поддерживают слабую Францию, чтобы сохранить контроль над Западной Европой.

Сталин согласился с критическими замечаниями в адрес де Голля (с которым месяц назад подписал договор) и никогда на этой встрече не подчеркивал выигрешности советских военных позиций, уже занятых в Центральной Европе. Такие американские историки, как Д. Клеменс, считают, что он боялся напугать Рузвельта, не хотел создавать впечатление о всемогуществе СССР на данном этапе войны и даже искусственно затянул наступление на Берлин, отказав маршалу Жукову закончить войну в феврале 1945 года прямым броском на „Берлин, до которого на отдельных участках оставалось всего 60 километров“.

Конференция началась в пять часов вечера 4 февраля 1945 года обзором военной обстановки. Рузвельт заметил, что предстоит пересмотреть едва ли не всю карту Европы. Сталин сказал, что следует готовиться к летнему наступлению, он не верил в скорую развязку. Согласно предложению Рузвельта, решались три задачи: польский вопрос, участие СССР в войне на Тихом океане и создание Организации Объединенных Наций.

Попытки Рузвельта найти личный контакт со Сталиным приносили плоды. Вечером первого дня, во время организованного американцами ужина в узком кругу, он говорил об ответственности великих держав. Царило редкое единодушие (испорченное на некоторое время лишь неудачной попыткой Рузвельта обратиться к Сталину как к „дяде Джо“). Черчилль поддержал право „вето“ в высшем совете новой мировой организации. Он также использовал свое право на бестактность, когда провозгласил тост за мировой пролетариат. Рузвельт неоднократно повторял, что единство трех представленных на конференции держав — ключ к созданию подлинно стабильной международной системы в послевоенном мире. Рузвельт поддержал Сталина в вопросе о репарациях: „Уровень жизни в Германии не должен превышать уровня России“. Сближению содействовало снятие просьбы о предоставлении отдельным советским республикам мест в Ассамблее (кроме Украины и Белоруссии). Рузвельт предложил оставить вопрос о членстве в ООН до созыва учредительной конференции. Англичане поддержали советское предложение (не забудем о доминионах). Рузвельт предпочел не заострять

ситуацию в момент, когда дорога к созданию ООН обозначилась и даже была названа дата созыва учредительной конференции — 25 апреля 1945 года.

На вечернем банкете первого дня Сталин провозгласил тост за „наш союз“ и пояснил: „В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Возможно, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: „Почему я не должен обманывать своего союзника?“ Но я как наивный человек думаю, что лучшим для меня является не обманывать своего союзника, даже если он глуп. Возможно, наш союз силен именно потому, что мы не обманываем друг друга, или потому, что не так просто обмануть друг друга“.

В ходе второго дня Рузвельт сделал важное заявление: конгресс и американский народ не согласятся на содержание значительных американских войск в Европе „на период более чем два года“. Следовало заполнить вакуум, чтобы обеспечить наличие в Европе достаточных для сдерживания Германии сил. 6 февраля 1945 года речь шла о создании мировой организации с контрольными функциями — главный вопрос для американцев. Рузвельт сказал, что не верит в вечный мир, но верит в то, что большой войны удастся избежать еще пятьдесят лет. Госсекретарь Стеттиниус изложил американский вариант главного органа будущей мировой организации — Совета Безопасности, где постоянные члены Совета Безопасности получали право вето в вопросе экономических и военных санкций. Американскую сторону интересуют два момента: сохранить единство великих держав и в то же время позволить малым странам изложить свои претензии в Совете Безопасности. Хартия ООН должна была содержать положения об опекунских правах отдельных стран. Здесь характерна реакция У. Черчилля: „Ни при каких обстоятельствах я не соглашусь на то, чтобы шарящие пальцы сорока или пятидесяти наций касались вопросов, представляющих жизненную важность для Британской империи. До тех пор, пока я являюсь премьер-министром, я никогда не отдам под опеку ни пяди нашего наследства“. Сталин поднялся со своего кресла и зааплодировал. (Черчилль тотчас же обратился к Сталину: как он отнесется к превращению Крыма в международную зону отдыха? Сталин сказал, что был бы рад передать Крым для встреч большой тройки).

Стеттиниусу пришлось успокаивать Черчилля: американцы не посягают на Британскую империю, речь идет лишь о подмандатных территориях Лиги Наций, территориях, принадлежащих поверженным противникам, и о тех территориях, которые готовы встать под контроль ООН добровольно. Г. Гопкинс отметил, что нужно „делать отчетливое различие между подмандатными островами Японии, принадлежащими

Японии территориями вроде Кореи, и островами, принадлежащими такой явно дружественной стране, как Франция“. (Рузвельт позже доверительно сказал журналистам, что противоречить западноевропейским колониальным притязаниям „означало бы только приводить в бешенство англичан. Их лучше успокоить“.) По возвращении из Ялты Рузвельт сказал, что от имени ООН будет осуществлять „полную опеку с целью обеспечения мировой безопасности“.

В польском вопросе три фактора воздействовали на Рузвельта: решения Тегеранской конференции; потребность СССР в дружественном тыле; и, главное, учет того, что в общую международную организацию главные военные союзники должны входить, соблюдая интересы своей безопасности. Последнее касалось СССР не в меньшей степени, чем США. Президент очертил свое понимание вопроса: Польша должна ограничить себя на востоке „линией Керзона“, на западе присоединить к национальной территории Восточную Пруссию и часть Германии. Правительство в Варшаве должно иметь расширенный политический фундамент, включить представителей пяти главных партий (президент перечислил их). Черчилль поддержал президента, напомнив о том, что Англия вступила в войну вследствие нападения на Польшу, и восстановление польского суверенитета является для англичан делом чести.

Как пишет американский историк Р. Даллек, у Рузвельта не было особых иллюзий относительно американского влияния в этой стране, но „он надеялся, что Сталин примет предложения, которые сделают Польшу меньшим по значимости предметом обсуждений внутри США и за границей... Он утверждал, что удаленность Америки от Польши делает его объективным в отношении этой проблемы. Но в США проживает от шести до семи миллионов поляков, и ему было бы легче иметь с ними дело, если бы советское правительство изменило „линию Керзона“ — в частности, отдав Польше Львов и нефтяные месторождения в прилегающей области. Но он лишь делает предложения, добавил быстро президент, — и вовсе не настаивает на них“.

Сталин после испрошенного им десятиминутного перерыва сказал: „Если для Великобритании вопрос о Польше является вопросом чести, то для России это не только вопрос чести, но и вопрос безопасности... В течение последних тридцати лет Германия дважды пересекала этот коридор вследствие того, что Польша была слаба. В русских интересах, как и в польских интересах, иметь сильную Польшу, мощную и имеющую возможность собственными силами закрыть этот коридор. Этот коридор не может быть механически закрыт извне Россией. Он может быть закрыт

лишь изнутри самой Польшей. Необходимо, чтобы Польша была свободной, независимой и мощной... Я должен напомнить вам, что „линия Керзона“ была изобретена не Россией, а иностранцами Керзоном, Клемансо и американцами в 1918–1919 годах. Россия не изобретала ее и не участвовала в этом... Некоторые люди хотят, чтобы мы были меньше русскими, чем Керзон и Клемансо“.

Рузвельт в течение последующих трех дней стремился достичь продвижения за счет „тихой дипломатии“, но посчитал нужным уведомить Сталина, что не признает люблинское правительство в его нынешнем составе. Как и Черчилль. Западные союзники рискуют потерять доверие 150 тысяч поляков, сражающихся на западном фронте и в Италии. Рузвельт предложил призвать на текущие совещания двух членов люблинского правительства и двух-трех других польских политиков, чтобы здесь же, не откладывая дела в долгий ящик, решить вопрос о временном правительстве Польши. Обратившись к Сталину, Рузвельт сказал, что „большинство поляков похоже на китайцев, им главное — спасти лицо“.

Сталин провел аналогию между польским и французским правительством. Ни правительство де Голля, ни временное правительство Польши не имело ясно выраженного мандата избирателей, но Советский Союз признал режим де Голля, и союзники должны сделать то же самое по отношению к люблинскому правительству. Сталин также сказал, что он не предъявляет счета Черчиллю по поводу формирования греческого правительства. Сталин выдвинул контрпредложение: пусть часть деятелей польской эмиграции войдет в люблинское правительство. В результате советская делегация дала обещание реорганизовать люблинское правительство на широкой демократической основе с включением демократических политиков внутри и за пределами Польши. Это правительство проведет свободные выборы. Послы США и Англии — Гарриман и Керр смогут осуществлять контакты с представителями люблинского правительства в Москве и с другими польскими деятелями. Черчилль, имея в виду получение Польшей территорий на западе с шестимиллионным немецким населением, предупредил, что „польский гусь“ не должен „съесть слишком много немецкой пищи, чтобы не возникла угроза несварения“. Но Рузвельт и Черчилль в принципе согласились с идеей переноса польской границы значительно на запад.

А. Гарриман характеризует восприятие советским руководством западной позиции следующим образом. „Сталин и Молотов пришли к заключению в Ялте, что, ввиду нашего согласия принять общие словесные формулировки в декларации по Польше и освобожденной Европе,

признания нужды Красной Армии в безопасных тыловых зонах и преобладающих интересов России в Польше как в дружественном соседе и как в коридоре, ведущем к Германии, мы проявили понимание и согласились на принятие уже известной нам советской политики“. Беседуя с Леги, Рузвельт сказал, что добился максимума возможного в польском вопросе. Он не мог бесконечно оказывать воздействие на союзника, от которого зависело число американских жертв в Европе и на Дальнем Востоке, союзника, обеспокоенного враждебностью Запада и заботившегося о своей безопасности в конце самой кровопролитной в истории войны. Если бы Рузвельт занял позицию бескомпромиссного восстановления прозападного правительства Польши, сбылась бы мечта Гитлера — великая коалиция разрушилась бы на решающем этапе. Создание всемирной организации, в которой Рузвельт надеялся занять доминирующее положение, стало бы обреченным делом.

Рузвельт призвал коллег подписать „Декларацию об освобожденной Европе“. Сталину особенно понравилась та ее часть, где говорилось о необходимости уничтожения „последних следов нацизма и фашизма“. Черчилль заявил, что принимает предложенную Рузвельтом Декларацию при условии, что сделанные в ней ссылки на Атлантическую хартию не относятся к Британской империи. Принципы хартии уже осуществлены в странах Британской империи.

Именно в это время американские военные в очередной раз просчитывали возможные потери в ходе завершения войны с Японией. Всеобщим было мнение, что операции будут исключительно кровопролитными. Военные планировщики полагали, что даже с участием СССР война на Тихом океане будет длиться не менее восемнадцати месяцев. Без помощи же СССР война „может длиться бесконечно с неприемлемыми потерями“. Рузвельт уже предполагал, что атомная бомба будет применена против японцев примерно в августе текущего года. Но тем не менее он не ослаблял усилий в деле привлечения к войне на Дальнем Востоке СССР. С одной стороны, никто в руководстве США не знал подлинной эффективности атомного оружия, с другой — ему в это время обещали создание не более двух бомб в 1945 году.

В кармане Рузвельта лежала рекомендация Объединенного комитета начальников штабов: „Участие России в максимально приближенные сроки, которые позволяют ей ее наступательные возможности, крайне желательно“. Высшее военное командование США довело до сведения Рузвельта в январе 1945 года, что „необходимо обеспечить всю возможную помощь нашим операциям на Тихом океане“. Оно видело следующие

выгоды от вступления СССР в войну: разгром Квантунской армии, уничтожение континентального плацдарма Японии, уничтожение всех видов сообщения между азиатским материком и японским архипелагом, бомбардировки Японии с советских аэродромов на Дальнем Востоке. Главное: устрашающие калькуляции о миллионных потерях американских войск уйдут в область предания. Возможно, что Рузвельт в эти дни и часы помнил и совет У. Буллита, данный в 1943 году: завязанность Советского Союза на Дальнем Востоке обеспечит реализацию американских планов на противоположном конце земного шара — в Европе.

В свете всего вышесказанного Рузвельт не видел трудностей в возвращении в будущем Советскому Союзу южной части Сахалина и Курильских островов. Что касается незамерзающего порта, то этот вопрос они вдвоем со Сталиным уже обсуждали в Тегеране, и он остается при прежнем мнении: Россия должна получить южный порт в окончании Южно-Маньчжурской железной дороги путем прямой аренды порта у китайского правительства, либо за счет превращения Дайрена (Дальнего) в международный открытый порт. Рузвельт хотел, чтобы передача Китайской восточной железной дороги в аренду Советскому Союзу осуществлялась правительством Чан Кайши. Но Рузвельт сам признал, что начать переговоры с Чан Кайши означало бы оповестить через двадцать четыре часа весь мир о намерениях СССР вступить в войну. Сталин выразил согласие провести переговоры с китайцами после того, как на Дальнем Востоке будет сосредоточено не менее двадцати пяти дивизий. Он хотел, чтобы советские условия вступления в войну были письменно поддержаны Рузвельтом и Черчиллем. Рузвельт ответил согласием.

Десятого февраля было условлено, что СССР вступит в войну против Японии через два-три месяца после завершения боевых действий в Европе. Три великие державы антигитлеровской коалиции признавали независимость Монголии, необходимость возврата Советскому Союзу Южного Сахалина, интернационализацию Дайрена — с признанием советских интересов в нем, передачу Советскому Союзу в аренду военно-морской базы в Порт-Артуре, создание совместной советско-китайской компании по эксплуатации восточнокитайских и южноманьчжурских железных дорог. Был специально оговорен суверенитет Китая в Маньчжурии, особо указано на правомочность передачи Курильских островов СССР. Биограф Рузвельта Дж. М. Бернс пишет, что „русские не запрашивали в Ялте того, чего их собственная мощь в Азии не позволяла бы им получить собственными усилиями“. И Рузвельт тоже полагал, что требования СССР умеренны. Казалось, все шло к намеченной президентом

черте: СССР поможет Америке утвердиться в Японии, а Китай, после поражения Японии, вырастет как самая мощная региональная сила в Азии.

В последний день конференции Г. Гопкинс послал президенту записку: „Русские сделали так много уступок на данной конференции, что мы должны пойти им навстречу в вопросе о репарациях“. Рузвельт полагал, что главными козырями Вашингтона в игре с Москвой будут обещанный Советскому Союзу заем на восстановление народного хозяйства и разрешение на десяти миллиардные репарации с Германии. Он был уверен, что при таком раскладе Америка получит максимум возможного. В конкретную плоскость вопрос об американском займе перешел в январе 1945 года. Советская сторона пожелала получить заем в шесть миллиардов долларов. Как пишет американский историк Т. Патерсон, американская позиция заключалась в том, чтобы „держать Советы в состоянии вождения и догадок с тем, чтобы они вели себя более примирительно в восточноевропейских вопросах“. Собственно, и сам Рузвельт не скрывал своих планов. Вот что он говорил министру финансов Г. Моргентгау: „Я думаю, очень важно, чтобы мы держались и не давали им никаких финансовых обещаний до тех пор, пока мы не получим всего, что нам нужно“.

Относительно позиции Сталина приведем слова британского историка Овери: „Сталин не обманывал Запад, они обманывали себя сами. Ничто в Сталине не позволяло предположить, что он отойдет от политического оппортунизма и защиты собственных национальных интересов... Его приоритетом была советская безопасность, вот почему Польша так много значила для него“. По окончании конференции Рузвельт пишет: „Конференция в Крыму была поворотным пунктом — я надеюсь, и в нашей истории и в мировой истории... Крымская конференция должна положить конец системе односторонних действий, особых союзов, сфер влияния, баланса мощи и всех прочих средств, которые опробовались в течение столетий — и всегда приводили к краху. Мы предлагаем замену всему этому в виде всеобщей организации, в которую все миролюбивые нации в конечном счете будут иметь возможность войти. Мы должны либо взять ответственность за мировое сотрудничество, либо нести ответственность за следующий мировой конфликт“.

На Одере

А Гитлер надеялся на неожиданный поворот. Во-первых, адмирал Дениц убедил его в чудодейственной силе новых германских подводных лодок. Во-вторых, окружающие всячески будировали идею раскола противостоящей коалиции.

27-го января 1945 года Гитлер спрашивает: „Вы думаете, англичане действительно испытывают энтузиазм в отношении русских?“

Йодль: Конечно же, нет. У них совсем другие планы. Но понимание этого придет немного позже.

Геринг: Они, конечно, не рассчитывали на нашу самозащиту, на то, что мы их сдерживаем на западе, в то время как русские продвигаются в глубь Германии.

Гитлер: Если русские провозгласят создание национального правительства для Германии, англичане по-настоящему испугаются. Я приказал передать им сведения о том, что русские организуют двести тысяч наших людей, возглавляемых германскими офицерами и полностью инфицированными коммунизмом, они войдут в Германию, и англичане почувствуют как в них всадили иглу.

Геринг: Англичане вступили в войну, чтобы предотвратить наш поход на Восток; а вовсе не для того, чтобы Восток пришел на Атлантику... Если дела будут идти по прежнему руслу, то через несколько дней мы получим телеграмму от англичан».

Призрачный мир, в котором жили вожди Третьего рейха, не оставлял их до самого конца. Пожалуй, лишь после знакомства с ялтинскими документами нацистские вожди, если и не усомнились в своем видении мира, то ощутили зыбкость почвы, на которой строились их надежды. Часы истории начали отбивать для них последний час. Иррациональное ожесточение сразу же сказалось на полях этой последней битвы. Немецкие танки угрюмо отползли к Арнсвальду. Дороги были забиты беженцами с колясками и велосипедами. Приметой времени стали повешенные немецкие солдаты. Стоило немецкому юноше сбежать на час домой, чтобы похвастаться только что выданной униформой, как его объявляли дезертиром и вешали на ближайшем дереве. Столпы режима объясняли, что «этот акт расового долга восходит к тевтонской традиции». Преследованию подвергались и семьи так называемых дезертиров. Чтобы подвергнуться страшной каре, не нужно было отлучаться из воинской

части. Ошибка в документе тоже начала стоить человеческой жизни.

Мир все больше узнавал о нацистском садизме. Тысячи свидетельств падения человека остались, вызывая слепую ярость освобожденного населения и наступающих войск. Что же касается руководителя лагерей истребления Гиммлера, то он именно в это время пристрастился ложиться спать в десять вечера, вставать в восемь тридцать утра и спать еще три часа после обеда. Он благодушествовал — весенняя оттепель была его любимым сезоном. Когда бы Гудериан ни прибывал к командующему своей самой важной военной группировки, ему объясняли, что у рейхсфюрера грипп. Однажды глава ОКХ все же поехал к Гиммлеру и нашел его весьма благодушным и крепким. В высоких сапогах, Большой рыцарский крест под подбородком, развевающаяся шинель — Гудериан входит к палачу Европы, одетому в пижаму и просящему его не беспокоить. Командующим группой армий «Висла» назначается генерал Хейнрици. Гудериан пишет об ослаблении боевого духа войск СС, об их «инстинкте» отступить. Хейнрици принимает дела у Гиммлера, которого «никогда еще не видел таким белым и пухлым».

Гитлер теперь проводил совещания с военными в коридоре у своих личных покоев в бункере под рейхсканцелярией. Эсэсовцы охраны, Кейтель, Йодль, Гудериан, Борман, Бургдорф, адъютанты и стенографы обсуждали последнюю битву. Истерия царила в воздухе. Гитлер перебивал всех неизменными обвинениями в измене. Настал день (28 марта), когда такие обвинения обрушились на Гудериана и генерал-полковнику был предложен отпуск для восстановления здоровья. В бункере остались только те, кого Гудериан называл «нацистскими солдатами». Сам Гитлер был верен тому, что он говорил Раушнингу в 1934 году: «Если мы не победим, мы должны увести с собой в мир забвенья половину человечества и пусть никто не испытывает триумф победы над Германией... Мы никогда не капитулируем, никогда! Нас можно сокрушить, но если это произойдет, мы потащим с собой половину мира — мира в пламени».

Не все вожди третьего рейха были так бескомпромиссны. В феврале 1945 года Риббентроп через Ватикан и правительство Швейцарии обращается к западным союзникам, пугая их «большевистским приливом, который может остановить только Германия». Он предлагает сдачу на Западе и битву на Востоке. «Национал-социалистическое правительство уйдет в отставку... Преследования евреев и политических оппонентов прекратятся». Швейцарское правительство попросило, чтобы последнее обещание дали силы СС. Риббентроп поехал к Гиммлеру. Гиммлер не желал, чтобы кто-то осуществлял связи с западными державами через его

голову. Риббентроп узнал, что Гиммлер сам ведет параллельные переговоры с Западом. Во время одной из прогулок рейхсфюрер обратился к Шелленбергу: «Я боюсь будущего».

С конвейеров сходили последние, очень усовершенствованные «Ягдтигеры» с огромной пушкой в 122 мм и превосходными приборами дневного и ночного видения. Но войска, устремившиеся к Одру, являли собой невероятную смесь возрастов, занятий, родов войск. Их фанатизм, помноженный на немецкую организованность, был еще мощной силой. Гитлер пообещал русским под Берлином «самое кровавое поражение». 10 марта Геббельс записывает с удивительным оптимизмом в своем дневнике: «Если брать все в целом, ситуация исключительно благоприятствующая». Вооружений, питания, горючего хватит на восемь недель осады. «А за восемь недель многое может случиться. В любом случае мы отлично подготовлены, и нужно помнить, что, если худшее случится, огромное число людей с их собственным оружием хлынет в город и мы сможем использовать их в мощном оборонительном щите». А между тем, самым желанным в Берлине стало обладание автомобилем с полным баком горючего. Те, кто владел всем этим, мечтали о документах на выезд из города. Необычайную цену в Берлине приобрела... желтая «звезда Давида».

Возможно последним проявлением немецкого военного таланта было появление в небе над Берлином 18 марта 1945 года реактивного истребителя 262С, впервые вышедшего в воздух в значительном количестве. 28 таких машин сбили 15 американских самолетов, но это в общем и целом не могло защитить город от полномасштабного налета. Такие хладнокровные реалисты, как Шпеер, уже не давали германскому сопротивлению более восьми недель.

Венгрия

Спустя два дня после окончания Ялтинской конференции был наконец взят Будапешт. Однако бои в западной Венгрии еще продолжались. Сюда по приказу Гитлера пришла 6-я танковая армия СС Зеппа Дитриха — Венгрия производила четыре пятых потребляемой немцами нефти. Затем она повернула в сторону Вены. Дитрих получил новую партию «королевских тигров» — последнего слова германского танкостроения. 17 февраля 6-я танковая армия немцев ударила по 7-й гвардейской армии Шумилова — их грозные танки ударили вниз вдоль Дуная, разрезая фронт Толбухина надвое. В германской группировке были полторы сотни тысяч солдат и офицеров, 807 танков, более трех тысяч орудий. Толбухин и Малиновский противопоставили им тридцать одну дивизию, одиннадцать из которых — танковые (431 тысяча человек, 5630 орудий и пулеметов, 877 танков, 850 самолетов). Впереди у немцев шли дивизии СС «Адольф Гитлер» и «Гитлерюгенд». 150 превосходных немецких танков прорвали оборону на десять километров. Ночью атакующие колонны пересекли Дунай и ударили в тыл 25-му гвардейскому стрелковому корпусу генерала Сафиулина. Советские войска оставили плацдарм на западном берегу Дуная.

Спокойный, даже несколько флегматичный маршал Толбухин начал операцию по возвращению западнодунайского плацдарма. Ему не в первый раз приходилось отбивать танковые атаки. Войска окопались, создали три оборонительные линии. Тяжелые противотанковые орудия нацелились на «королевских тигров», мобильные противотанковые группы были в состоянии подойти к каждому из атакованных участков. Лед на Дунае препятствовал надежным связям с Малиновским, находившимся справа за рекой. Кабельная подвесная дорога через Дунай была хороша для относительно небольших грузов. Советские инструкторы учили подошедшую болгарскую армию обращению с советским оружием. Теперь фронт насчитывал 407 тысяч солдат и офицеров, 407 танков, 7 тысяч орудий. Сверху ее прикрывала 17-я воздушная армия — 965 самолетов.

Немцы несли потери, но шли вперед, далеко шагнув за двадцатый километр обороны. 14-го марта генерал Волер бросил в бой свой последний резерв — 6-ю танковую дивизию СС (200 танков). Немцы одержали немало тактических успехов, но не будем забывать главное — они теряли один за другим свои лучшие танки не в главном направлении.

Они могли вернуть себе измученную Венгрию, но ни один немецкий генерал уже не мечтал о большом повороте. К 15 марта наступающие стали выдыхаться. Иначе и быть не могло. Немцы имели дело с профессионалами своего дела, жертвенность которых вошла в легенды. 500 германских танков дымились, подбитые и развороченные, 40 тысяч германских солдат погибли в боях с неясной целью. Дитрих уже решительно уводил остатки своей армии с дунайских берегов, его танки были явно нужнее на подступах к Берлину.

В дни самых тяжелых боев на берегах Дуная Ставка не разрешила Толбухину воспользоваться 9-й гвардейской армией (Глаголев). Сейчас она, свежая и хорошо вооруженная, стояла готовая к походу на Вену. Именно теперь маршал Толбухин получил эту армию, она нужна была для наступления. Рядом с 9-й стояла и танковая армия Кравченко. Этот кулак советское командование готовилось использовать в решающем наступлении на германской территории, стартуя западнее Будапешта. Глаголеву была дана отмашка: нанести поражение германским войскам на австрийском направлении, задача 6-й гвардейской танковой армии Кравченко — покончить с 6-й танковой армией вермахта сейчас и навсегда. Начатое 16 марта наступление Толбухина сокрушило левый фланг немцев, прикрывающих Германию с юга. Чудовищным усилием 6-я танковая армия вермахта выскользнула из кольца окружения под Секешфехерваром (взят 23 марта). Но десятки тысяч немецких солдат полегли в придунайских полях. Последний относительно большой венгерский город Шопрон пал 1 апреля. В тот же день 2-й и 3-й Украинские фронты согласовали действия по взятию Вены.

Союзники в Германии

Немецкие военные чудеса откладывались. 17 февраля 1945 года специалисты по ракетной технике покинули Пенемюнде — слишком близко звучали советские пушки. К концу месяца они были уже на юге Баварии — в Обераммергау. В те времена распространены были слухи, что именно здесь Гитлер устроит свой «последний редут».

19 февраля 1945 года самый «преданный» Гитлеру приближенный — рейхсфюрер Гиммлер начал тайные переговоры с представителем шведского Красного креста графом Бернадоттом. Тот предложил в качестве первого шага к договоренности с Западом передать лагеря уничтожения в ведение международного Красного креста. Гиммлер был согласен лишь на получение посылок международного Красного креста — и то только представителями нордической расы, а не славянами и не евреями. Но тайный контакт был уже установлен. На юге генерал СС Карл Вольф начал секретные переговоры с западными союзниками о сдаче германских войск в Италии. Его представитель встретился в Берне с представителем американской разведки ОСС Алленом Даллесом. Затем прибыл и сам Вольф: «Я контролирую все войска СС в Италии и я хочу предоставить себя и свою организацию в распоряжение союзников». Установив контакт, Вольф возвратился в Италию.

Западные союзники мобилизовали 9 тысяч самолетов на реализацию операции «Кларион» — уничтожение внутренних коммуникаций рейха — железнодорожных путей, паровозных депо, ремонтных мастерских, каналов, мостов, шлюзов. 24 февраля Гитлер призвал своих гауляйтеров: «Возможно, вы заметили, что у меня дрожит рука, иногда даже голова, но мое сердце — никогда». Тем временем немецкие солдаты уходили за Рейн на западе и за Одер на востоке. В германскую армию стали брать всех рожденных в 1929 году, вне зависимости от того, исполнилось им 16 лет или нет.

28 февраля британская разведка среди документов, захваченных в Страсбурге нашла доказательства того, что в Ораниенбурге — к северу от Берлина — фирма «Ауэр» исследует возможности использования урана для получения ядерной энергии. Авиации был отдан приказ нанести по этому центру бомбовый удар. На Ораниенбург обрушивается 1300 тонн американских бомб, так настаивает руководитель проекта «Манхэттен» генерал Гровс. Германская ядерная программа остановлена полностью.

3 марта войну Германии объявила Финляндия, Турция сделала это десятью днями ранее. 2 марта первые части западных союзников выходят к Рейну, чтобы обнаружить, что все мосты разрушены. Черчилль в этот день был в Юлихе — впервые после Чемберлена британский премьер находился на германской территории. Сюрприз ждал союзников, вышедших к Рейну у Ремагена. Расположенный здесь т. н. «мост Людендорфа» — один из мостов, построенных в Первую мировую войну для стратегического снабжения германской армии, — оказался нетронутым. (Не сработал центральный заряд). Американцы обезвредили заряды и в двух местах, у Ремагена и Оппенхайма, западные союзники получили возможность перехода через Рейн, прекрасная возможность двинуться в глубь Германии в мартовском наступлении западных союзников. Впервые после похода Наполеона в 1805 году иностранная армия находится за Рейном. Опомнившиеся немцы обстреливают мост у Ремагена ракетами Фау-2, посылают реактивную авиацию, отправляют по Рейну «людей-лягушек» с зарядами — ничто не помогает, плацдарм на восточном берегу увеличивается.

9 марта 1945 года главные силы 3-й американской армии, как уже говорилось выше, вышли к Рейну и соединились с 1-й армией. Остатки германских войск расположились между Кобленцем и Триром. К 10 марта 1945 года генералы Паттон (3-я армия) и Пэтч (7-я армия) выходят к Рейну по всей его длине. В этот день Гитлер смещает (третий раз за войну) фельдмаршала Рундштедта — на этот раз с поста командующего на Западе — и передает командование проявившему себя в Италии Кессельрингу. Это не помогло немцам удержать от наступающих союзников Рур, где в плен взяты 325 тысяч германских солдат, что привело упорного фельдмаршала Моделя к самоубийству. 11 марта Гитлер в последний раз за войну выезжает на Восточный фронт. Предмет его интереса — оборонительные сооружения между Одером и Берлином. Более он уже не покинет Берлина.

21 марта американские войска пересекли «линию Зигфрида». Чувство, что победа недалеко, не могло не охватить Рузвельта. Утром 23 марта генерал Паттон позвонил генералу Брэдли: «Я пересек Рейн. Прошлой ночью целая дивизия перешла на правый берег». Паттон вошел в Южную Германию. Немцы сразу же бросили в бой реактивную авиацию — примерно пятьдесят самолетов. Союзная авиация бомбила аэродромы с реактивной авиацией немцев, действия которых явственно тормозил недостаток горючего. Американские танки захватили основные аэродромы реактивной авиации близ Дармштадта и Франкфурта-на-Майне и начали овладевать Руром. Англичане перешли Рейн у Везеля. На танках

Монтгомери были установлены мощные прожекторы, слепившие немцев. Начавшие 23 марта общее наступление западные союзники имели в своих рядах 85 дивизий, общая численность их войск на Западном фронте достигла 4 миллионов человек в униформе. Вермахт мог противопоставить им только 26 дивизий. 26 марта Черчилль подарил Монтгомери одну из своих книг с автографом: «Еще недавно бывшая владычицей Европы, разбитая германская армия едва уходит от своих преследователей».

27 марта войну Германии и Японии объявила 35-я страна — Аргентина. А немцы в этот день запустили последнюю из имевшихся у них ракет Фау-2. Германские ракетчики отступили на восток, их жертвами пали примерно семь с половиной тысяч человек. Но, как и прочие военные секреты, и этот не оправдал ожиданий германского руководства. 29 марта американские войска вошли во Франкфурт. На следующий день американские бомбардировщики подвергли удару базу подводных лодок в Вильгельмсхафене почти без сопровождения истребителей — небо было свободно от некогда всемогущих люфтваффе. Был сбит самый «награжденный» ас люфтваффе (да и вермахта в целом) — кавалер Рыцарского креста с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами — Ганс Ульрих Рудель. Он был специалист по танкам: 532 уничтоженных с воздуха танка.

1 апреля Гитлер переместился из рейхсканцелярии в построенный внизу, в подвале, бункер. Именно в этот день Сталин задал в Кремле свой вопрос: «Так кто же собирается брать Берлин?» А Гиммлер утверждал в этот день, что реактивная авиация позволит Германии прийти в себя. Но присутствующих отрезвил глава германской медицинской службы. Согласно его авторитетному мнению, лекарств в Германии хватит лишь на два месяца. 3-го апреля окружение Рура было завершено. 4 апреля в воздухе был сбит воздушный ас Германии номер один — Герман Граф: 202 сбитых самолета. Отныне он был в плену у Советской Армии. 8 апреля Гитлер повесил многолетнего главу военной разведки (абвера) адмирала Канариса и его ближайших помощников. 9 апреля в Кенигсберге сдались в плен столько же немцев, сколько и в Сталинграде — 92 тысячи. Гитлер отдал приказ расстрелять согласившегося на капитуляцию генерала Лаша. На следующий день западные союзники начали преследование последних немецких реактивных самолетов.

Черчилль приложил немало усилий, чтобы убедить американцев повернуть на юг от Штутгарта и опередить наступающих на этом направлении французов. Именно здесь, согласно данным английской разведки, располагались главные германские установки, рассчитанные на

создание атомного оружия, «было бы лучше, если бы именно мы получили доступ к этим материалам и сохранили секреты, касающиеся этого вопроса». Близ Эрфурта американские войска вошли в Штадтильм и захватили один из двух германских резервуаров с тяжелой водой. Отныне уже абсолютно ясно, что Германия не создаст в этой войне атомное оружие.

Черчилль огласил в палате общин число погибших британцев: 216 тысяч. 11 апреля в центре американские войска вышли к Эльбе, а англичане продвинулись в Северной Германии. Черчилль категорически приказал фельдмаршалу Монтгомери двинуться в сторону Любека и захватить этот старинный германский порт, за которым находилась датская граница. «Наше прибытие в Любек до того, как наши русские друзья возьмут Штеттин, — говорил Черчилль Идену, — укрепит наши позиции. Следует избежать ситуации, когда именно русские войдут в Данию». Общий приказ: пожать русским руки как можно восточнее.

Но воздействие Черчилля на ход военных действий после 6 июня 1944 года значительно ослабляется. По существу, он становится младшим партнером Соединенных Штатов на Западе. Теперь уже американцы, а не он, решали, как будет развиваться военная стратегия западных союзников. Британский премьер, по собственному признанию, «испытывал боль», видя силовое неравенство США и Британии. Только чтобы восстановить свои зарубежные инвестиции, Британия должна была экспортировать на 75 % больше уровня 1939 года. Британские долги увеличивались на 600 млн. фунтов стерлингов каждый год. Как пишет английский историк А. Дж. П. Тэйлор, «основополагающее решение принять помощь по ленд-лизу было доведено до логического завершения. Великобритания низвела до нуля остатки своей экспортной торговли с Америкой и аккумулировала гигантский долг. Однако вера Черчилля в американское благорасположение была неисчерпаема. Он предполагал, что Соединенные Штаты каким-то образом восстановят Британскую империю в ее прежнем величии, или, возможно, он думал, что империя будет восстановлена собственными силами, как только исчезнет опасность со стороны государств „оси“».

Черчилль всячески стремился убедить Эйзенхауэра, находящегося в выгодной наступательной позиции, взять германскую столицу. Но тот остался верен достигнутому в Ялте договоренностям и остановился на заранее согласованной с СССР линии. И он помнил цифру 100 тысяч — именно такими были бы его потери в случае предпринятого им штурма Берлина.

Жуков

Из покрытой мхом избы пришел в Москву одиннадцатилетний подмастерье Жуков, прежде чем оказался мобилизованным в царскую армию. Два Георгиевских креста говорят о его природной храбрости. Он служил в знаменитой своими отчаянными подвигами 10-й кавалерийской дивизии. Был тяжело ранен миной, сбросившей его с коня. С 1918 года он в Красной Армии и позже командует экспериментальным оружием — специальным танковым полком. Его плотная фигура, волевое лицо, пронзительный взгляд стали эмблемой войны. Раз в поколение рождается такое сочетание — природная прямота и стратегический талант — и Россия выстрадала такого воина в годину, когда поникли даже храбрейшие.

Советское командование было право в предсказании, что немцы на своей земле будут сражаться отчаянно. Взять Берлин с ходу было невозможно, нескольких стрелковых дивизий и двух танковых армий 1-го Белорусского фронта для этого было недостаточно. Но и время работало на две стороны. Немцы на глазах усиливали оборонительную систему своей столицы, сюда шли все германские пополнения. СС, фольксштурм, новобранцы — все были включены в систему, преодолеть которую можно было лишь большой кровью. Главную линию германской обороны представили собой города по Одере — Кюстрин, Глогау, Бреслау, Ратибор. А в тылу Советской армии еще продолжали оказывать сопротивление гарнизоны Эльбинга, Познау, Дойче-Кроне, Шнайдемюля. Севернее, в Померании, Рокоссовский истек кровью — у него осталось только 297 перелатанных танков и по 3 тысячи человек в дивизиях. Здесь, нависая над Жуковым, собрались тридцать три германские дивизии, что виделось большой угрозой наступающим на Берлин советским армиям.

Германскому командованию замедление движения Жукова виделось неким чудом. Гудериан стоял за большое и тщательно подготовленное германское контрнаступление, базирующееся на Глогау — Котбусе. Он послал своего заместителя генерала Венка к неимевшему боевого опыта Гиммлеру. 10 февраля, несмотря на очередную истерику, Гитлер согласился на ограниченное контрнаступление. Гудериан угадал слабый момент советских армий. 8-го февраля они получили из Ялты приказ Ставки наступать и приступили к его выполнению, будучи серьезно ослабленными. Рокоссовский направился в Восточную Померанию, к устью Вислы (19-я армия шла прямо на Штеттин). 3-й Белорусский фронт получил приказание

ускорить разгром Восточной Пруссии и взять Кенигсберг. Все это было не очень продуманное планирование. Усиленный (за счет Рокоссовского) Черняховский со своими 63 дивизиями из всех сил пытался обрушить сопротивление Восточной Пруссии. Пользуясь преимуществами переменчивой погоды (а точнее, по уши в грязи) пехотинцы и танки наших армий застряли в неведомых трясиных. Не помогали и хорошие немецкие дороги. Баграмян и Черняховский продвигались в день на один-два километра вперед.

13 февраля 1945 года немцы начали просчитывать свои шансы на конференции в главном зале новой рейхсканцелярии, где портреты Бисмарка и огромный бюст Гинденбурга с укоризной смотрели на своих незадачливых имперских потомков. Гудериан поставил перед собой две задачи: начать контрнаступление против Жукова как можно скорее; поставить главным исполнителем операции своего человека. Гитлер, как и можно было предсказать, вначале пришел в ярость, а затем, неожиданно для присутствующих заявил, что ОКХ-Оберкомандо хеер сегодня победило, что операция, как и испрашивалось, начнется через два дня — 15 февраля и тактическое руководство из штаб-квартиры группы армий «Висла» будет осуществлять предлагаемый Гудерианом генерал Венк (приведенный в зал и следивший за «битвой титанов»).

Советские войска были предупреждены о возможности германской контратаки, но это предупреждение делалось уже десятый день подряд — и ничего не происходило, что подорвало доверие к предсказателям. Советские генералы соглашались, что линия их обороны выглядит не очень впечатляющей — все готовились к наступлению, а не к обороне. Пехота не ощущала опасности, минные поля были проложены кое-где, много танков Богданова было отправлено в ближайший тыл на ремонт. Именно в этой, благоприятной для них обстановке германские войска начали свое последнее наступление во Второй мировой войне. Основу наступающих сил составили шесть танковых дивизий 3-й танковой армии (только в трех из них были новые «пантеры»). Не было традиционного для армии блицкрига воздушного прикрытия — горючее летчики на этот раз отдали танкистам. Экипажи германских танков получили приказание: если их танк будет подбит, то первой задачей является скачать все имеющееся у него топливо в запасные баки. Немцы готовили отчаянный удар.

Начатое 15 февраля 3-й танковой армией немцев наступление с северо-запада в тыл авангарда Жукова дало обнадежившие их результаты. Руководивший наступлением Венк сумел снять осаду с Арнсвальда и подкрасься к 2-й танковой армии Богданова с юга. На открытых полях

германские танки включили скорость. К вечеру 16-го февраля они взяли в плен три тысячи советских солдат. Главной задачей Венка было уничтожить рвущиеся к Берлину бронетанковые соединения.

Реакция советского командования была достаточно быстрой и уверенной. Советские танки появились в довольно неожиданный момент, они ушли от лобового столкновения и своими действиями сумели предотвратить переправу 4-й дивизии СС 17-го февраля через Варту — с севера на юг. Жуков жил одной мечтой — завершить войну взятием Берлина, никакие муки не казались ему чрезмерными для выполнения этой задачи. Рокоссовский получил приказ усилить нажим на фельдмаршала Вейхса в Померании, 19-я армия генерала Козлова начала движение от Черняховского к Жукову, танковые части восточнее прекратили традиционное латание поврежденных машин, оцетинились и приготовились к серьезной встрече с противником.

Советской армии повезло в нескольких отношениях. Во-первых, после осады сдался гарнизон Шнайдемюля — крупного железнодорожного узла, чье взятие облегчило контакт между Жуковым и Рокоссовским. (Если бы немцы продержались в Шнайдемюле еще несколько дней, то их силы примкнули бы к наступающим танкам Венка). Во-вторых, в дело вмешалась никому не ведомая судьба: Гитлер требовал ежедневного доклада Венка о ходе операции — хотя это и отнимало уйму времени у непосредственного руководителя германского наступления. Возвращаясь после совещания с Гитлером 17 февраля, генерал Венк взялся подменить уставшего шофера за рулем штабного автомобиля и врезался в парапет моста. Получив травмы, Венк невольно лишил наступающие германские силы общего командования. Его сменил генерал Кребс (некогда военный атташе Германии в Москве), который воевал с фельдмаршалом Моделем и был (как и Модель) «нацистским генералом». Четыре дня продолжалось подготовленное Гудерианом наступление, самое короткое в истории вермахта. Не имея руководящего стержня, германские танки перестали урчать моторами и обреченно приготовились к страшной встрече с непобедимыми советскими танками 1945 года.

Сталин предложил Василевскому отправиться к Жукову, Рокоссовскому и Черняховскому для общей координации действий. В эти дни, штурмуя восточнопрусское «гнездо германского милитаризма», вблизи прусского городка Мельсак погиб от ран самый молодой командующий фронтом генерал Черняховский. В глазах всех он олицетворял храбрость, лихость и расчет, он был подлинным героем великой войны. Василевский немедля подхватил знамя и возглавил осиротевший фронт. При этом

Сталин ввел его (второго военного после Жукова) в состав Ставки.

Отбив танковые дивизии Венка, Жуков ремонтировал свой фронт. Две его армии снова окружили Арнсвальд. В эти дни Сталин занял жесткую линию, между 17 и 22 февраля 1945 года он приказал 1-му Белорусскому фронту развернуться с берлинского направления несколько к северу, правым флангом прижимая немцев к Балтике. Фланги 1-го и 2-го Белорусских фронтов смыкались и шли на Кольберг, очищая западную половину Померании и по пути переходя через Одер на запад. Василевский шел с 3-м Белорусским фронтом к Данцигу.

В первые дни марта Жуков прибыл к Сталину и нашел его в тяжелом состоянии духа. «Какая ужасная война! Сколько жизней наших людей она унесла. Немного осталось семей, которые не потеряли своих близких». Сталин отпустил охрану, и они ужинали вместе. Сталин удивил Жукова — обычно он просто бросался на еду, в этот раз он долго сидел, опустив голову. После долгих минут в молчании Жуков спросил мрачного и немногословного Сталина о судьбе его сына Якова. После долгой паузы Сталин ответил, что немцы вынуждены были уничтожить его, так как не добились его сотрудничества. Он никогда бы не предал свою страну. Обсудили Ялтинскую конференцию. Сошлись в том, что Польша непременно должна быть дружественным Советскому Союзу государством. Вопрос о взятии Берлина Сталин приказал обсудить с начальником Генерального штаба Антоновым. Сталин послал Жукова начать конкретную проработку планов Берлинской операции. Вместе с Антоновым они глубоко за полночь изучали подходы к Берлину с Востока. Их основной план был готов уже в ноябре прошедшего года. 8 марта этот план был представлен Сталину.

Жуков на данном этапе поразил немцев — он начал наступление не на Берлин, а значительно севернее. 50-минутная артподготовка предшествовала броску танков Катюкова — 1-я гвардейская танковая превратила отступающие немецкие войска в толпу. В Кольберг он вошел 4 марта. На следующий день 61-я армия вошла в Штаргард, прикрывавший путь на Штеттин. Теперь и Жуков и Рокоссовский «занимались» балтийским побережьем, оставив на время Берлин. Советская авиация занималась германскими кораблями на Балтике. Дороги были заполнены потоками беженцев, в ужасе смотрящими на советские танки. 25 марта 2-й Белорусский фронт Рокоссовского вышел к Данцигскому заливу. Жуков затребовал вернуть 1-ю танковую армию Катюкова «в прежнем виде». 2-я Ударная армия Федюнинского вышла к южным пригородам Данцига, гарнизон которого отверг предложение о сдаче. Штурм окончился 30-го

марта, а Рокоссовский, верный обещанию, возвратил танковую армию Катукова Жукову. Позади сдавались германские города. Теперь войска можно было смело посылать на Одер и 8-я армия Чуйкова расположилась между Франкфуртом-на-Одере и Кюстрином.

Глава восемнадцатая

Возмездие

Близ Японии наконец-то был взят остров Иводзима — база, откуда тяжелые Б-29 могли устремляться к Японским островам. Но большие потери в битве за Иводзиму заставили Рузвельта еще раз запереться с военным министром Стимсоном. Стимсон заверил, что «практически каждый имеющий значимость физик, включая четверых нобелевских лауреатов, задействован. Бомба будет готова для испытаний к середине лета».

Черчилль в конце марта 1945 года усилил нажим: если Рузвельт не проявит твердость в «польском вопросе», тогда премьер-министр открыто доложит об англо-советских противоречиях в палате общин. Нет сомнений в том, что Рузвельт придавал кардинальное значение своей договоренности с советским руководством. От этого зависело осуществление его глобальных замыслов. И он не хотел, чтобы расхождения по польскому вопросу поставили под удар его генеральный план. Поэтому Рузвельт в течение всего марта 1945 года откладывал в сторону предупреждения Черчилля о том, что Сталин идет в Польшу и в Румынии своим собственным курсом. Помимо прочего, СССР мог всегда утверждать, что его действия диктуются военной необходимостью, — что и соответствовало истине.

Рузвельт полагал, что выступить вместе с Черчиллем против люблинского правительства в Польше означало бы явно нарушить ялтинские соглашения, а «мы должны твердо стоять за верную интерпретацию крымских решений». Он также полагал, что в Ялте люблинскому правительству было открыто дано предпочтение перед остальными политическими силами в Польше: «Мы ведь договорились сделать несколько больший упор на люблинских поляках, чем на двух других группах». Румыния же, писал Рузвельт Черчиллю, является не лучшим местом для суждения о советских намерениях.

Рузвельт явно считал, что Восточная Европа является зоной особых интересов Советского Союза и не следует ему здесь указывать, «как себя вести». Когда Черчилль оказывал давление на Рузвельта с целью держаться более жестко перед советским руководством, то президент предупреждал, что это «сделает очевидными различия между английским и американским

правительствами». Рузвельт в высшей степени ценил ялтинские соглашения и отказывался ставить их под угрозу.

Дж. Кеннан, будущий посол США в СССР, писал другому будущему американскому послу в Москве Ч. Болену 26 января 1945 года, что Европа должна быть поделена на сферы влияния, что США должны создать собственную зону влияния в Западной Европе и при этом «не должны вмешиваться в события, происходящие в русской сфере влияния, и в то же время не позволять русским вторгаться в свою сферу». В пользу раздела мира на сферы влияния склонялся ведущий американский журналист У. Липпман. С его точки зрения, оптимальная система будущих международных отношений — «региональные созвездия государств». При этом США были бы самой влиятельной нацией в «Атлантическом сообществе», СССР главенствовал бы «на русской орбите», Китай — на «китайской орбите». Безопасность внутри орбит обеспечивалась бы абсолютным преобладанием главенствующей в регионе державы, а общий мир — воздержанием от вмешательства одной великой державы в зону влияния другой.

Еще одно обстоятельство поставило под угрозу единство великих союзников. Как уже говорилось, командующий войсками СС в Италии генерал Вольф встретился тайно в Цюрихе с руководителем американской разведки в Швейцарии Алленом Даллесом. Объединенный комитет начальников штабов не желал участия советских представителей в этих переговорах. Капитуляция немецких войск в Италии сразу же выводила мощные американско-английские силы с юга в центр Европы, перед ними лежала Вена и выход на Балканы. Союзники могли зайти далеко в контактах с руководством СС, чьи части составляли основу сражающихся восточнее Берлина германских сил. В Москве знали о ведущихся переговорах. Нежелание американцев допустить советских представителей на переговоры с генералом Вольфом воспринималось в Москве крайне негативно. Сталин сказал, что переговоры с противником возможны лишь в том случае, если это не дает немцам возможности использовать их для переброски своих войск на другой, в данном случае советский, фронт. А немцы уже передислоцировали сюда три дивизии из Италии. 22 марта 1945 года нота Советского правительства обвинила западных союзников в ведении переговоров в генералом СС Вольфом (инициативу выдвинул Гиммлер) в Швейцарии. В ноте говорилось о нации, «вынесшей на себе всю тяжесть войны», а теперь проигнорированной. Западные союзники проигнорировали эту ноту, и Сталин вместо Молотова во главе советской делегации в Сан-Франциско поставил молодого Громько. Рузвельт ответил

коротко, что немцы стараются раздуть противоречия между союзниками.

Подобные тайные переговоры были ошибкой западной дипломатии, они вызвали опасения у советского руководства (ясно выраженные в резком письме Сталина Рузвельту). Немцы сдавали города без боя на западе и отчаянно дрались за каждую деревню на востоке. Так были посеяны семена недоверия, поставившего под угрозу тесную взаимосвязь союзников. На союзные отношения пала тень. В одном из последних писем Рузвельта Сталину чувствуется понимание президентом этой опасности: «Я не могу избежать чувства горького возмущения в отношении ваших информаторов, кто бы они ни были, за такое злостное искажение моих действий и действий моих доверенных подчиненных. Будет подлинной трагедией истории, если после невероятных лишений, в одном шаге от победы, произойдет крушение солидарности союзников. Потеря доверия поставит под вопрос все огромное совместное предприятие».

Солидарность военных лет была еще крепка, особенно в общественном сознании. Весной 1945 года газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Не существует ощутимой разницы в интересах, политике, целях и в отношениях между Россией, Британией и Соединенными Штатами, что стоило бы свеч в сравнении с огромными жертвами и страданиями, через которые эти народы прошли, пробив свой путь к порогу лучшего мира». Ведущий американский ветеран-журналист У. Ширер записал в своем дневнике: «Собираемся ли мы бросить вес двух самых мощных демократий (имелись в виду США и Англия. — А. У.) против сил прогресса или мы остановим реакцию? Собираемся ли мы вернуться в 1939 год или проявим талант и воображение в стремлении построить нечто лучшее в 1946, или в 1950, или в 1960 году? Эти вопросы вызывают различные размышления, когда вспоминаешь курс англо-американской политики с того момента, когда ход войны изменился в нашу пользу, вспоминаешь нашу поддержку Дарлана, стойкую защиту Черчиллем Франко, настойчивость англо-американцев в попытках спасти савойскую династию в Италии, высокомерное обращение англичан с силами сопротивления в Бельгии и Греции и наше собственное глупое упорство в желании пригласить фашистскую Аргентину на конференцию в Сан-Франциско».

Секретный анализ говорил президенту, что советский военно-морской флот — это не более чем дополнительное средство охраны побережья, а отнюдь не фактор расширения внешнеполитических возможностей. Советские военно-воздушные силы не имели бомбардировочной авиации дальнего радиуса действия и не могли угрожать Америке. Что же касалось

главного «прорыва» в военной технологии, то даже генерал Гровс, всегда настороженно смотревший на СССР и склонный к ориентации на худший вариант, полагал, что Советскому Союзу для создания атомного оружия понадобится не менее двадцати лет. Не давал оснований для беспокойства анализ, старательно проведенный военно-воздушными силами. В нем говорилось, что «сегодняшние союзники могут стать противниками завтра», но понадобится от 20 до 100 лет для того, чтобы «евразийская нация выросла в агрессивно мыслящую державу». Мы видим, что военные авторитеты в данном случае не били тревогу, не рисовали картину советского экспансионизма.

Боевые действия весной 1945 года (Окинава) показали степень ожесточения, с которой японцы готовы были драться на своих островах. Снова в Белом доме размышляли: если уровень потерь будет таким, как на Окинаве, американская армия окажется обескровленной. Бесстрастная калькуляция говорила, что лишь мощный удар Советской Армии по континентальным силам японцев сделает их положение безнадежным. Наиболее обеспокоенным проблемой атомного оружия как нового фактора мировой дипломатии был военный министр Стимсон. В начале марта 1945 года он пришел к заключению, что изобретение атомного оружия будет означать подлинную революцию в дипломатических отношениях, и с этого времени вплоть до своей отставки в сентябре 1945 года он постоянно ставил данный вопрос перед высшим руководством. Стимсон считал своим долгом перед страной предупредить международный хаос, который, полагал он, наступит после применения атомного оружия.

Рузвельт и военный министр Стимсон исходили из того, что атомное оружие будет применено в текущей войне. Но какова его дальнейшая значимость в международных отношениях? 15 марта, разговаривая с Рузвельтом, Стимсон обозначил два подхода к контролю в послевоенное время. Первый предполагал продолжение политики секретности, одностороннее американское вооружение, сохранение американо-английской монополии. Второй подход проистекал из осознания опасности вышеозначенного курса и был рассчитан на создание системы международного контроля, инспекции атомных исследований. Стимсон считал, что выбор между двумя этими подходами уже нельзя откладывать. Стимсон записал в дневнике, что «в целом разговор был успешным».

Испытывая английское давление, Рузвельт написал 31 марта 1945 года свое известное письмо Сталину. Если в Польше не будет создано что-либо большее, чем «лишь слегка замаскированное нынешнее варшавское правительство», американский народ «будет считать ялтинское решение

невыполненным». В ответе Москвы от 7 апреля говорилось, что причиной тупика в «польском вопросе» являются усилия американского и польского послов в Москве изменить ялтинские соглашения. Если названные послы будут строго следовать линии, выработанной в Ялте, спорные вопросы разрешатся в ближайшее время. Рузвельт просил Черчилля не придавать делу эмоциональную окраску.

Кенигсберг

13 марта Баграмян сумел отрезать Кенигсберг и начал отжимать германскую 4-ю армию к Балтийскому морю. Ставка послала на помощь командующему 3-м Белорусским фронтом Василевскому главного маршала авиации Новикова и маршала Голованова. Гитлер разрешил эвакуацию прибалтийских частей при обязательном условии — они вывезут тяжелую технику. Немцы ушли из восточнопрусского окружения лишь 29 марта, позволив Василевскому и Баграмяну сосредоточиться на Кенигсберге. «Настоящая» артиллерийская осада началась в первые дни апреля 1945 года. К штурму, несмотря на плохую погоду (препятствующую использованию советского превосходства в воздухе), изготовились четыре армии, 137 тысяч солдат с 5000 орудий, 538 танками, двумя с половиной тысячами самолетов. В крепости Кенигсберг находился примерно равный по численности гарнизон.

С улучшением погоды 6 апреля Василевский начал прорыв обороны в восьми пунктах. Специальные «штурмовые отряды» имели в своем составе специалистов самых различных профилей. Небо было полностью в советских руках, и сотня германских пилотов тщетно пыталась подняться с находящихся под бомбометанием аэродромов (и даже улиц города). К вечеру первого дня штурма передовые отряды были уже в городе. Несколько германских фортов (5-й, 5-А) продолжали держаться, но порыв наступления был просто устрашающ, как и калибр бьющих по городу орудий. В небе повисли советские штурмовики. 500 бомбардировщиков сбросили более 500 тонн бомб. 11-я гвардейская армия Галицкого пересекла реку Прегель. Командир гарнизона генерал Лаш и командующий 4-й армии генерал Мюллер спорили о возможностях отхода до тех пор, пока это не стало абсолютно невозможным. В половине десятого вечера 9 апреля Лаш был вынужден просить о капитуляции. Гитлер обвинил Лаша в «преждевременной» сдаче, приговорил к смерти и арестовал его семью. В ходе штурма 42 тысячи немецких солдат и офицеров были убиты и 92 тысячи (сталинградская цифра) взяты в плен. Гауляйтер Восточной Пруссии сознательно отрезал гражданскому населению пути отхода, и 25 тысяч гражданского населения пали жертвой этого варварского приказа.

5 апреля советское правительство денонсировало пакт о ненападении с Японией. Расформированный Ленинградский фронт начал смещаться на Дальний Восток.

А Гитлер браво манкировал реальностью. В конце марта он заявил, что способность Красной Армии взять Берлин — это миф, и перевел несколько танковых дивизий СС с центрального направления на юг, в Чехословакию. Малиновский освобождал Братиславу и вместе с 3-м Украинским фронтом участвовал в подготовке взятия Вены. 4-й Украинский фронт лишился генерала Петрова (судьба не благоволила к этому доблестному защитнику Одессы, Севастополя и Северного Кавказа, он был снят Ставкой во второй половине марта), на его место был назначен генерал армии Еременко. Штурм германских укреплений в Карпатах продолжался в направлении Моравска-Острава.

Тем временем 46-я армия генерала Петрушевского (3-й Украинский фронт Толбухина) получила приказ окружить Вену с востока, в то время как 9-я гвардейская и 4-я армии зайдут за Вену с запада. Быстрее всех к Вене мчалась 6-я гвардейская танковая армия Кравченко. В некоторых его бригадах оставалось уже всего по семь танков, но чувство триумфа, победного конца окрыляло. Глава гитлерюгенда Бальдур фон Ширах объявил Вену фестунгом и готовился держаться стойко, он рассчитывал на 6-ю танковую армию СС, на дивизии СС «Викинг» и «Адольф Гитлер». Обидно было умирать в конце войны, но кровь лилась обильно. Ставка приказала Малиновскому с севера зайти за Вену. Два фронта вместе начали неистовый штурм 6-го апреля. Центр Вены был достигнут 8 апреля. А немцы все более демонстративно вешали дезертиров, фанатики шли в последний бой. Только в 2 часа пополудни 13 апреля, город, заваленный трупами и разбитой техникой, затих.

На протяжении марта советские войска концентрировали свои силы. В эту оттепель над нацистской Германией поднимается огромный меч возмездия. Напротив группы армий «Висла» с ее вечно спящим командующим собиралась грандиозная сила советских армий. Жуков не мог не испытывать ревнивых чувств к Коневу. Тот, завладев Западной Силезией, вышел в Бранденбург и встал вровень с 1-м Белорусским. На правом его фланге — как не мог не видеть Константин Георгиевич — стояли две танковые армии, способные на чудеса. Несмотря на все немыслимые трудности со снабжением, на потери и лишения, этот танковый кулак маршал Конев держал за спинами стрелковых армий. Проблемой Конева были германские города-крепости, и прежде всего Бреслау. Эта могучая крепость (40 тысяч человек) отвлекала силы двух армий.

Во время Ялтинской конференции Сталин постоянно напоминал Коневу, что немцы с его южного фланга постараются вернуть себе

Силезский промышленный район (население которого уже сократилось с 5 миллионов до 600 тысяч человек). Только через месяц после окружения Бреслау Конев нанес удар по Верхней Силезии. Удачей Конева было то, что Гитлер, в ярости от потери Венгрии, послал лучшую — 6-ю танковую армию на юг. Конев окружил группу германских войск в районе Оппельна. Танковая дивизия «Герман Геринг» не выдержала противостояния с 10-м гвардейским танковым корпусом Белова. Да и другие германские танковые части не смогли вырваться из кольца окружения. 30 тысяч немцев погибли, 15 тысяч сдались. После падения Ратибора и Рыбника Верхняя Силезия была в советских руках, несмотря на то, что Бреслау еще держался.

К удовлетворению Сталина генерал Эйзенхауэр (командующий силами западных союзников) прислал в Кремль 28 марта телеграмму, в которой, по существу, отвергалась идея, за которую выступал Черчилль, — взять Берлин с запада. Германская столица оставалась за Красной Армией. В своем ответе 1 апреля Сталин согласился с Эйзенхауэром в выборе района Дрездена-Лейпцига для стыковки двух частей антигитлеровской коалиции.

Поздно вечером 29 марта прилетевший в Москву Жуков обсуждал со Сталиным Берлинскую операцию. 31 марта в Москву прибыл маршал Конев для тех же обсуждений. Своих лучших полководцев Сталин встретил словами: «Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?» Отвечая Эйзенхауэру, Сталин писал, что имеет в виду Берлин в качестве цели в мае. Своим военачальникам он приказал начать наступление не позднее 16 апреля и завершить его за 12–15 дней.

Апрель

На конференции 1 апреля план взятия Берлина обсуждали семь членов ГКО, представители Генерального штаба (Антонов и Штеменко), маршалы Жуков и Конев. Именно последним Сталин адресовал свой вопрос. Конев среагировал быстрее — Берлин возьмет Красная Армия. Сталин с недоверием относился к слишком быстрым ответам и спросил Конева, как тот намеревается справиться с такой задачей, если основные его ударные силы сосредоточены на левом фланге. Конев пообещал быструю перегруппировку. Жуков кратко сказал, что его фронт готов к взятию Берлина. Сталин постарался объяснить Рокоссовскому и Коневу, что они действуют «в одной упряжке» с Жуковым. «Если вы и Конев не будете атаковать, это не получится и у Жукова» Жирным красным карандашом он нарисовал большую стрелу на карте. «Вот как вы поможете Жукову, если наступление Первого Белорусского фронта замедлится». Если Жукова задержат, инициативу должны брать его соседи слева и справа.

Коневу поручили завершить дело, начатое под Сталинградом, — окончательно разгромить 4-ю германскую танковую армию в районе Котбуса и двигаться на северо-запад в район Дрездена. Обоим фронтам обеспечивалась необычайная плотность артиллерийской поддержки — 250 орудий на километр атаки (для чего присылались дополнительные семь артиллерийских дивизий).

Чтобы добиться максимальной эффективности, фронт наступления Жукова свели директивами Ставки до 150 километров. Сталин подписал директиву Жукову 1 апреля, Коневу — 2 апреля. Рокоссовского вызвал к себе через неделю. Маршалы были brave на людях, но огромность задачи не могла не лечь на их плечи тяжелой ношей. Время становилось враждебным фактором, его было мало. Еще в Москве Жуков связался с начальником штаба своего фронта генерал-полковником Малининым вечером 1 апреля и обрисовал ему основную задачу. Не терять ни минуты, начать подготовку. Оба великих маршала, Жуков и Конев, взмыли в воздух на своих самолетах с разницей в две минуты утром 3 апреля. На Центральном аэродроме был очень густой туман. Ни одна метеослужба не выпустила бы самолет в такую погоду, но для Жукова и Конева плохой погоды не существовало. Малинин уже работал: уже осуществлены шесть разведывательных полетов над Берлином, обозначены основные пункты его обороны. Впереди, на пути фронта Жукова к Берлину, среди плоской

немецкой равнины поднимались не очень высокие, но явственно ощутимые Зееловские высоты, откуда германская артиллерия и пулеметы просматривали все подходы к своей столице.

На центральном направлении германскую столицу, чье четырехмиллионное население к данному времени сократилось вдвое, защищала миллионная армия, две трети которой были опытными ветеранами. Многочисленные каналы и укрепленные пункты делали весь регион большого Берлина огромной крепостью. В руках германских войск были 9303 орудия и 1519 танков. Правда, авиация была уже незначительной силой. Но восемь линий весьма крепкой обороны прикрывали германскую столицу ее пригородами и Одером. И фанатизм высокопрофессиональной армии, ее готовность стоять до крайних сил были ощутимы.

Жуков предполагал взять город силой шести армий — четырех пехотных и двух танковых, 77 дивизиями (правда, численность их в среднем, ввиду жестоких потерь, была всего 4 тысячи солдат). Более трех тысяч танков, почти 15 тысяч орудий, 7 с половиной тысяч самолетов. Действовать следовало преимущественно с Кюстринского плацдарма (три армии). Сокрушить линию германской обороны и подойти к Берлину с востока. Пехота пробьется сквозь линию окопов и разминирует проходы. А танки, после шести дней работы пехоты, которая дойдет до озера Хавел, бросятся вперед и не посрамят чести русского оружия. Танки должны обойти Берлин с севера и с северо-запада, они врежутся в незащищенные магистрали германской столицы. На одиннадцатый день 47-я армия возьмет Шенхойзен на Эльбе. Вторая танковая армия пойдет на Берлин с юга. Катюков с 1-й танковой армией — на юге, а 2-я танковая — на севере. Безотказный Чуйков войдет в пригород Карлсхорст, а затем в рабочий квартал Кепеник. Обе танковые армии найдут способы взаимосвязи и вместе дойдут до Шарлоттенбурга в Западном Берлине. Танки Богданова со 2-й Ударной армией пробьются через речку Гавел в Ораниенбург — Хеннингсдорф и, пересекая город, повернут к югу. Тем временем две вспомогательные армии (61-я и 1-я польская) прикроют основные силы с севера и юга, пусть авангард работает спокойно.

Жуков созвал своих военачальников в типичном германском сером трехэтажном здании на окраине Ландсберга. Маршал приготовил своего рода сюрприз. При всех он снял скатерть с огромного стола — перед приглашенными был огромный, тщательно приготовленный макет Берлина и предместий. Отдельно и отчетливыми знаками были отмечены главные цели. Номер 105 — Рейхстаг, номер 106 — рейхсканцелярия, номер 107 — министерство внутренних дел, номер 108 — министерство иностранных

дел и т. д. Два дня — с 5 по 7 апреля — они оговаривали последовательность действий. Жуков: «Обратите свое внимание на объект номер 105. Это рейхстаг. Кто собирается первым взять его? Чуйков со своей восьмой гвардейской? Катюков с первой гвардейской танковой? Берзарин с пятой ударной армией? Богданов со второй гвардейской танковой армией? Кто это будет?» Разведка уже доносила, что между Кюстрином и Берлином немцы создали пять линий обороны. Помимо пяти линий на подходах Берлин закрывали еще три оборонительные линии, здесь основные силы прикрытия Берлина. Жуков уже знал, что начнет наступление без привычного надежного плеча Рокоссовского — тот еще не успеет занять позицию на севере. А поставленная задача не позволяла терять время.

Скрыть перемещение войск было сложно, поскольку листвы еще не было. Жукова особенно мучило, как пройти Зееловские высоты, невысокие холмы на пути к Берлину. Чтобы две танковые армии прошли сквозь них, следовало погасить огневые точки. Учения показали, что прежде чем пустить танки, нужно эти высоты нейтрализовать. Но что делать, если атакующие пехотинцы не сумеют их взять? Тогда танки должны появиться огромной колонной. После относительно непродолжительной тридцатиминутной артподготовки.

Конев не спал ночей, огромность задачи его поглощала. Успокаивала лишь мысль, что у него шанс, а не непосредственное задание. Он может рвануться к городу неожиданно, его руки и инициатива не связаны напрямую на преодоление колоссальных военных препятствий, ведущих к германской столице. Общую задачу маршал Конев выполнял силами пяти армий — двух танковых и трех пехотных. Движение в район Котбуса строго говоря не было движением на Берлин, но его танки уже были готовы повернуть севернее. Конев намеревался к 11-му дню операции пробиться к линии Белиц — Виттенберг, а затем по реке Эльбе дойти до Дрездена. Войска, думал маршал, сражались с середины января и естественная усталость не могла не сказаться. Но в районе Форст-Мускау обозначилась соблазнительная возможность пройти на север вдоль берлинской реки Шпрее. А если уж Рыбалко (3-я танковая армия) выйдет на стратегический простор, то его ничто не остановит. У него есть особый танковый корпус, его и прибережем для того, чтобы неожиданно «скользнуть» в Берлин.

Танки и самоходки прибывали к двум маршалам ночью, их прикрывали на открытых платформах грузовиков сеном и везли в камуфляже на позиции. Подвезено было семь миллионов снарядов. Такой концентрации огня мир еще не видел. У Жукова было 8983 орудия, у Конева — 7733. Все, что могла собрать и дать своим воинам великая

Россия, она собрала и дала. Через Одер день и ночь строились мосты, было построено тринадцать понтонных мостов. 10 апреля на Одере появились корабли Днепровской флотилии. У Конева инженерные войска в общем и целом соорудили 136 мостов, выкопали 14 700 бункеров и бронированных командных пунктов. 15 тысяч «студебеккеров» сновали на этих огромных строительно-заправочных площадках. 190 дивизий застыли в томительной паузе. Кто выживет в этой последней страшной схватке войны?

Рузвельт

В послании американского посла в Москве А. Гарримана Рузвельту от 5 апреля 1945 года говорилось: «Если мы не собираемся жить в мире, где будут доминировать Советы, мы должны использовать нашу экономическую мощь для помощи странам, дружелюбно настроенным в отношении нас». В этом утверждении два пункта, по меньшей мере, сомнительны. Во-первых, как можно было представить себе мир, «в котором доминируют Советы?» Ни стратегическая разведка, ни наиболее «смелые» среди планировщиков не могли представить гегемонии в мире страны, стоявшей на грани экономического истощения да и очевидно не имевшей глобальных планов. Во-вторых, неубедительна уверенность Гарримана в действенности в отношении СССР экономических рычагов. Еще в сентябре 1944 года американская разведка представила президенту доклад, из которого следовало, что нет оснований верить в эффективность финансового давления на СССР. В докладе говорилось, что страна, вынесшая неслыханные жертвы, «способна осуществить экономическое восстановление, полагаясь на внутренние ресурсы, не прибегая к зарубежным займам или репарациям».

Президент уже предсказал окончание войны в Европе к концу мая 1945 года. Он пристально следил за войсками на европейском западе, где происходила оккупация Рура, готовилась сдача Ганновера и Бремена, открывалась дорога к жизненным центрам Германии. Сталину он написал, что «швейцарский эпизод» остался в прошлом, не должно быть взаимного недоверия. Он просил Черчилля не драматизировать разногласия с СССР. 11 апреля было хорошим днем для Рузвельта. В Европе дело явно шло к завершению. Весна несла надежды. Рузвельт продиктовал наброски речи к очередному юбилею Джефферсона. «Сегодня перед нами стоит во всем своем грандиозном объеме следующий факт: чтобы цивилизация выжила, мы должны развивать науку человеческих отношений — способность всех людей, любого происхождения, жить вместе и работать вместе, жить в мире на одной земле». Президент говорил о том, что должен быть положен конец всем войнам, «этому непрактичному, нереалистическому способу разрешения противоречий между правительствами посредством массового убийства людей. Единственным препятствием для реализации наших планов на завтра являются наши сегодняшние сомнения». Уже по напечатанному тексту он добавил: «Давайте двинемся вперед,

вооруженные сильной и активной верой».

Во второй половине дня Рузвельт посетил одно из любимых окрестных мест в горах — Дауделс Ноб. Сидя на поваленном дереве, он размышлял о лучшем мировом порядке. В половине восьмого на ужин пришел Моргентау. После двух коктейлей и русской икры президент обрел обычную форму, хотя перемещение из кресла на колесах в обычное кресло прошло трудно. Моргентау развивал свои идеи о слабой послевоенной Германии. «Генри, я согласен с тобой на все сто процентов». Уходя Моргентау видел смеющегося президента, занятого разговором. Последние известия, прочитанные Рузвельтом в Уорм-Спрингсе 12 апреля, сообщали о том, что между американской и советской армиями осталось всего 150 километров. В Вашингтоне среди обширной почты президента лежало второе письмо Эйнштейна, дополненное меморандумом Сциларда. Оба знаменитых ученых просили Рузвельта немедленно остановить все работы над атомным проектом. Мировая ситуация изменилась, многие предпосылки создания атомного оружия нацистами исчезли. Недолговечное военное преимущество, обретаемое Соединенными Штатами, будет перевешено негативными политическими и психологическими потерями. Соединенные Штаты могут вызвать гонку атомных вооружений.

В начале второго пополудни, проведя рукой по голове, Рузвельт довольно неожиданно сказал: «У меня ужасно болит голова». Он тер виски, но голова внезапно опустилась на плечи и он начал сползать со своего кресла. Удар настиг президента за рабочим столом. Доктор Г. Брюэн, наблюдавший Рузвельта со времени его госпитализации в госпитале Бетесда в марте 1944 года, оценил ситуацию как безнадежную. Спустя два часа в возрасте шестидесяти трех лет Рузвельт умер. В публикуемом газетами списке погибших на фронтах появилось всем известное имя.

Получив новость за полночь, генерал Эйзенхауэр сказал: «Как лидер страны, ведущей войну, он сделал все, что от него ожидали». В Лондоне и Москве люди ощущали утрату, и даже в Токио государственное радио отметило «смерть великого человека». Американцы были удивлены проявлениями симпатии русских — как руководства, так и простых людей — к почившему президенту. Неэмоциональный Молотов выглядел потрясенным, когда выражал соболезнования, когда остановил собрание, чтобы поведать скорбную весть. Сталин заверял посла Гарримана в неизменности позиции России. Никто не держал руку посла в своей так долго, как это сделал Сталин, когда выражал соболезнования в тот день.

Лишь в Берлине царило оживление. 12 апреля Геббельс выступал

перед офицерами 9-й армии Бюссе и говорил о чуде, спасшем Фридриха Великого. Один из офицеров саркастически спросил, кто на этот раз будет императрицей. Геббельс со всей серьезностью ответил, что не знает, «но судьба распоряжается всеми видами возможностей». По прибытии в министерство пропаганды его встретили криками: «Рузвельт мертв!» — и Геббельс принялся немедленно звонить фюреру. Тот возликовал. Риббентроп вспоминает, что Гитлер был «на седьмом небе от счастья». Возбужденный Геббельс говорил Гитлеру, что Германия и на этот раз будет спасена так, как она была спасена при Фридрихе Втором после смерти царицы Елизаветы.

Смерть Рузвельта была, безусловно, огромной утратой для Черчилля. Он сумел найти общий язык с покойным президентом, он сумел преодолеть гордость и уступить, заняв при этом место самого привилегированного союзника Америки. Но, как ни грубо это звучит, перемена в Белом доме давала Черчиллю новые возможности. Рузвельт исходил из концепции «четырёх полицейских» в мире, где его связи со Сталиным и Чан Кайши были абсолютно существенными. Новый президент Гарри Трумэн не был «отягощен» такими идеями. Пока он не обрел необходимого опыта, его следовало использовать. По крайней мере, призрак мира, в котором ось глобальной политики проходит через Вашингтон и Москву, отодвинулась. Черчилль бросился знакомиться с новым американским президентом, поспешил начать частную корреспонденцию. По прямому указанию премьер-министра А. Иден, направляясь из Лондона на конференцию в Сан-Франциско, остановился в Вашингтоне. Черчилль требовал быстрой и точной оценки того, что представляет собой неожиданно возникшая новая фигура мировой политики.

Трумэн

Трумэн крайне нуждался в быстрой ориентации. Вокруг было немало советников Рузвельта, но президент унес с собой в могилу самые сокровенные замыслы — он был подлинным и единоличным главой американской внешней политики. Если Гопкинс и напоминал полковника Хауза при президенте Вильсоне, то именно в этот момент почти полная потеря здоровья лишила его необходимой энергии. Итак, Черчилль нуждался в Трумэне, а Трумэн — в помощи британского премьера. Нет сомнений, что для прежнего сенатора из глубинного штата Миссури Черчилль был величиной наполеоновского масштаба, и он относился к нему — по крайней мере, на первом этапе — с должным пиететом. Первые же слова Черчилля Трумэну раскрывают суть его подхода: «Важно как можно скорее показать миру единство наших взглядов и действий». У следующего в Сан-Франциско Идена были и более конкретные поручения: передать президенту Трумэну «наши впечатления о происходящем в Москве и Варшаве». Английский министр иностранных дел встретился с президентом дважды. Иден был известен талантом обаяния, и в данном случае приложил все силы. Он изложил президенту Трумэну позицию Лондона: Советский Союз следует поставить «лицом к реальностям», более того, его следует заставить признать «англо-американскую мощь».

Трумэн был предрасположен поступать жестко и, выбирая между Москвой и Лондоном, не колебался — последний был бесконечно ближе и столь удобно покорнее. Неважно, что отчуждение Москвы грозило мировыми осложнениями. Генерал Гровс докладывал невероятные вещи из Аламогордо, и в целом приход «века Америки» было трудно оспорить. Англичанин же говорил именно то, что от него в данном случае хотели услышать. Он сумел внушить Трумэну представления о Советском Союзе, как о нарушающем в свою пользу совместные договоренности, достигнутые в Ялте, он сумел заронить нужные сомнения в лояльности Москвы. Англичанам в чрезвычайной степени содействовало то обстоятельство, что президент Трумэн стремился максимально сократить недели и дни своего внешнеполитического ученичества. По существу, в тот решающий апрель у Трумэна были четыре авторитета, основываясь на взглядах которых он формировал свою дипломатию: адмирал Леги, стоявший значительно жестче и правее основного состава советников и министров; посол Гарриман, который более всего боялся, как бы либерал из

глубинки Трумэн не оказался слишком мягким; госсекретарь Стеттиниус, покидающий федеральную службу, — не сомневавшийся в том, что Трумэн назначит собственного главу внешнеполитического ведомства; четвертым источником информации, идей и концепций для Трумэна стал всеми признанный мастер своего дела Уинстон Черчилль. Британский лев не упустил золотой возможности воздействовать на взгляды нового лидера Запада.

Черчилль буквально с трепетом ждал сообщений и облегченно вздохнул, когда развернул телеграмму Идена: «Новый президент США будет неустрашим в отношении Советов». Леги на противоположной стороне океана записал в дневник: «Занятая президентом жесткая позиция оставляет русским выбор из двух курсов: принять предлагаемую нами политику в отношении Польши или выйти из мировой организации... Советы всегда знали, что мы обладаем мощью, теперь им придется узнать, что у нас есть и решимость». Черчилль Идену 20 апреля: «Он не склонится перед Советами. Надеюсь на продолжительную дружбу с русским народом, тем не менее я полагаю, что она может быть основана только на признании мощи англо-американцев».

После известного жесткого приема Трумэном Молотова («со мной никогда в жизни так не говорили») Сталин прислал Черчиллю и Трумэну свое объяснение политики СССР в Восточной Европе. Он просил союзников учесть, что «Польша граничит с Советским Союзом, чего нельзя сказать о Великобритании и США. Польша для безопасности Советского Союза означает то же, что Бельгия и Греция для безопасности Великобритании». Он не знает, в какой мере «подлинно демократичны» греческое и бельгийское правительства, поскольку его никто не консультировал на эту тему, но он не может понять, «почему в дискуссии о Польше не сделано никакой попытки принять во внимание интересы Советского Союза в плане безопасности». Почему не может быть принят за основу югославский прецедент: если люди Тито могут составить основу правительства в Югославии, то почему этого не может произойти в Польше?

Генерал Брэдли позвонил главнокомандующему Эйзенхауэру в Реймс. Тот был мрачен — впервые посетил лагерь уничтожения около Готы: «Никогда я не испытывал равного по силе шока». Слушая Брэдли он внезапно спросил: «Брэд, сколько, по-вашему, нам стоило бы оторваться от Эльбы и взять Берлин?» Свой ответ на впервые заданный вопрос Брэдли готовил уже несколько дней. Немцы будут жестко сражаться за свою столицу. «По моим оценкам это будет нам стоить 100 000 человек».

Эйзенхауэр промолчал, и Брэдли завершил: «Довольно большая цена за фактор престижа, особенно в ситуации, когда можно просто откинуться и позволить другому сделать все это». Эйзенхауэр промолчал и сейчас, но его молчание становилось достаточно красноречивым. Советские войска были на 25 километров ближе; если в ударной группе Эйзенхауэра было всего 50 тысяч солдат, а на трех надвинувшихся на Берлин советских фронтах было более 2,5 млн. человек.

Подготовка

13 апреля 1945 года Гитлер обратился к войскам своего Восточного фронта со словами, которые дышат ненавистью к «еврейским большевикам» и предсказывают Германии Голгофу, если вермахт не совершит чуда и не разгромит большевистские орды прямо у стен Берлина. «В последний раз наши смертельные враги, еврейские большевики, собрали свои огромные войска для нападения... Мы ожидаем этого нападения и с января месяца сделали все, чтобы построить мощный фронт. Огромная по своей численности артиллерия встретит врага. Промежутки между нашими войсками заполнены огромными новыми формированиями. Особые войска и фольксштурм укрепят наш фронт. На этот раз большевиков встретит старая участь Азии, это означает, что они истекут кровью до смерти перед столицей германского рейха... В этот момент, когда судьба унесла величайшего военного преступника всех времен (Рузвельта), наступил решающий час войны». Берлин всегда будет немецким — утверждал фюрер. 15 апреля к Гитлеру приехала Ева Браун: «В Германии без Гитлера невозможно будет жить». Это риторика. А в реальности в руках германского командования уже не было основных заводов, производящих вооружения, и это обстоятельство, предупредил 15 апреля Гитлера генерал-квартирмейстер Топпе, «может иметь самые серьезные последствия для наших военных усилий».

У Гитлера были все данные о готовящемся советском ударе. Но заменивший Гелена на посту главы военной разведки на Восточном фронте полковник Вессель не был суровым реалистом. Он склонялся к фантастическим идеям о взаимном недружелюбии союзников, о неминуемом советско-американском охлаждении, об имевших якобы среди советских офицеров разговорах о необходимости поставить американцев «на место» — все это питало больное воображение Гитлера. Профессиональные военные, такие как генерал Хейнрици, командующий группой армий «Висла», отмахивались от подобных рассуждений как от плода больного воображения. Все внимание Хейнрици было занято грядущим наступлением Жукова, а не фантазиями прожектеров. Он внимательно следил за Жуковым, каждый день он, пролетая над линией 1-го Белорусского фронта, наблюдал как прибывают танки и орудия; он читал оценки разведки, материалы допросов военнопленных. Да и с Зееловских высот было достаточно хорошо видно готовящееся. Хейнрици многое бы

отдал, чтобы точно знать, когда ударит Жуков.

Жуков тоже изучал превосходные фотографии воздушной разведки, сделанные в условиях улучшившейся видимости. Была видна вся полоса германской обороны на глубину почти 100 километров. (Вот бы такую съемку сделать 21 июня 1941 года, ведь немцы тогда уже расчехлили орудия и вывели на стартовые позиции танки). Две с половиной тысячи раз (!) вылетали самолеты воздушной разведки, а Конев приспособил даже надувные шары: вся немецкая оборона была у него как на ладони. Особое внимание уделялось уже немногочисленным германским самолетам, они были первоочередной целью. Против люфтваффе готовились выступить 4 авиаармии (2-я, 4-я, 13 и 16-я — семь с половиной тысяч самолетов современных моделей, очень отличавшихся от машин четырехгодичной давности). Над 1-м Белорусским фронтом «шефствовала» 16 воздушная армия Руденко — 3188 самолетов против насчитанных у немцев 1700 самолетов. 16-й армии, разместившей свои самолеты на 165 аэродромах, помогала 18-я армия дальней авиации Голованова (800 бомбардировщиков). С целью централизации авиационных усилий была создана единая радарная система. На линии атаки Жуков поставил 295 орудий на километр. В каждой армии были так называемые «истребители танков» — специальные бригады по 136 орудий. Жуков требовал для своего фронта более семи миллионов снарядов. (Такие цифры генерал Брусилев в свое время не мог и представить.)

Маршал Конев расположил свою штаб-квартиру в замке, склонившемся над рекой на окраине Котбуса. Редкие снаряды тревожили его в этом старинном и тихом уголке, где маршал знал только одну страсть — о ней он детально говорил двум своим лучшим полководцам, Рыбалко и Лелюшенко. Основную атакующую колонну на его фронте обслуживал 2-й воздушный флот генерала Красовского — шесть авиационных корпусов и дивизия дальней авиации (всего 2150 самолетов). Но для Конева наибольшую важность представляла работа инженеров и саперов — именно они должны были помочь ему форсировать Нейсе. И Конев — нет сомнения — смотрел налево, где в сорока километрах к северу текла Шпрее. Она вела к германской столице и пройти по долине этой реки было его мечтой.

Жуков был неутомимым аналитиком. Штабные игры и штабной анализ продолжались непрерывно, давая командарму постоянную пищу для размышлений. Конев был полководцем иного склада. Он уже определенно знал последовательность своих действий. Его надежда покоилась на моторах, броне и орудиях танковых армий Рыбалко и Лелюшенко. Оба

получили приказ маршала в своем рывке «забыть» о пехоте и смотреть только на спидометры и в танковое жалюзи — вперед и вперед, обходя пункты германского сопротивления, орудия, доты, бункеры. Скорость назовет победителя в этой самой страшной в мире гонке, к концу которой придут, увы, не все. И при этом нужно сказать, что никогда, начиная с августа 1941 года, советское командование не преуменьшало способностей и возможностей частей вермахта. В отношении потенциала германских войск царило порожденное унижительным опытом общее понимание — это страшный противник. Никаких иллюзий на этот счет. А наступающему втрое сложнее, он должен преодолеть врага будучи открытым и уязвимым. Немцы ошибок не прощали.

Стало почти традицией подавать соперничество двух самых выдающихся советских военачальников — маршалов Жукова и Конева — как соревнование «официоза» и «вольного стрелка», первого заместителя Верховного главнокомандующего и человека боевого успеха, полагающегося только на себя. Это несправедливо. Жукова судьба бросила на дыбу — взять Берлин в лоб, преодолевая германские укрепления на германской земле, построенные специально, чтобы преградить путь наступающей на Берлин армии самыми искусными из действовавших в ту пору германских военачальников. Хейнрици был достойным противником, серьезным, хладнокровным и опытным. Конев был блистательным полководцем, но в данном случае ему досталась относительно несколько менее сложная задача. Коневу улыбнулась военная удача — немцы не ждали его обходного маневра и танки 1-го Украинского фронта лихо готовились решить свою задачу. Не забудем и о страшном психологическом прессе: Жуков был обязан взять германскую столицу, а Конев — только в том случае, если ему повезет. Зная характер Сталина, можно удвоить гнет этого коэффициента.

Штурм

14 апреля Жуков провел широкомасштабную разведку боем. Его войска вошли в передовую линию германской обороны. Жуков трепетал перед тем, что немцы могут раскрыть час его выступления. Он сознательно сократил период артподготовки (по плану от 8 апреля — до 10 минут; затем 10 минут била артиллерия малого калибра, потом еще 10 минут фронтовой артподготовки). Увы, военная судьба коварна, случилась фатальная неудача. Плененный близ Кюстрина советский солдат рассказал допрашивающим германским офицерам, что данное наступление «ненастоящее», что подлинное грянет в ночь с 15 на 16 апреля. Готхард Хейнрици был убежден, что это правда. Даже переставший верить во что бы то ни было Гитлер склонялся к тому, чтобы поверить в это. В результате 9-я армия генерала Бюссе была в краткие оставшиеся часы ночи с 15 на 16-е отведена на вторую линию обороны.

В этот день Гитлер распорядился: «Всякий, кто отдаст приказ отступить, должен быть расстрелян на месте». Он уволил своего персонального врача и министра здравоохранения Брандта, когда узнал, что тот отослал свою семью в Тюрингию, в которую входили американцы.

Дух ожидающих решающего боя войск был исключительно высок. Никто не обольщался относительно степени выживаемости, идя под вражьи стволы, но чувство долга, патриотизма, желание сделать буквально невозможное было ощутимо. Разлита была в воздухе и гордость за огромную силу, которую ковал стар и млад в тылу. Стоило только оборотиться — и видна была немислимая концентрация артиллерии и движущейся техники. Но советская разведка так и не получила бесконечно необходимых сведений о второй и третьей линиях обороны немцев; немцы сохранили в тайне позиции смертельных для танков 88-миллиметровых орудий и другие точки обстрела.

В эту ночь не спал практически никто. Офицеры объясняли своим (уже многоопытным) солдатам боевую задачу. Все вокруг в последний раз проверяли оружие. Громадные орудия расчехлили. Орудия 203-мм калибра грозно взирали в небо. Мощные прожекторы стояли на расстоянии 70 метров друг от друга и на разном расстоянии (от 100 до 300 метров) от линии фронта. Идея ослепить противника лучами прожекторов, атакуя ночью, пришла к Жукову спонтанно. Он опробовал эффект освещения на советских частях — получилось внушительно. Гвардейские части

повторяли клятву сражаться с честью. Но Чуйков был верен себе, он пил чай и предпочитал не суетиться. Его командный пункт стоял на песчаном холме над деревней Райтвайн на западном берегу Одера. Большой путь от волжских утесов. Время неумолимо приближалось к 5 часам по московскому времени. Жуков прибыл на командный пункт Чуйкова — но кто любит начальство в час перед атакой? Жукову налили очень крепкого чая. В передних окопах бойцы докуривали последние самокрутки. Увы, для очень многих из них они были действительно последними.

В 5 утра в воздух взлетели три красные ракеты и через секунду большой калибр и «катюши» разорвали ночной воздух. Штурмовики пошли прямо на цели. Земля содрогалась тридцать минут — миллион снарядов пал на 9-ю германскую армию, которая залегла в траншеях и блиндажах второй линии обороны Зееловских высот. Семикилометровое пространство было просто вспахано, но, к незадаче атакующих, немцы успели отвести войска. Девушки, обслуживающие осветительные системы, включили 143 прожектора, которые должны были слепить германских солдат. Мнения об их воздействии разнятся. Прожекторы высветили, прежде всего, колоссальные облака пыли, поднятые артподготовкой. К северу и югу от Кюстринского плацдарма войска должны были форсировать Одер — на плотках, вплавь, на всевозможных плавающих предметах. 60 германских летчиков-самоубийц ринулись на импровизированные мосты и понтоны, но их жертвы не имели особого значения. В небе над Берлином были сбиты последние 22 реактивных самолета люфтваффе.

Но достичь превосходства на земле было труднее. Немцы сделали из невысоких Зееловских высот огромное хорошо простреливаемое пространство. Старые 88-мм пушки и новые «фаустпатроны» буквально истребляли технику на переходах. Жуков бросал вперед все новые батальоны и полки, но плотность огня была такой, что гибло все живое. Увы, лучшей мишенью были храбрецы. Это вязкое немецкое поле стало могилой для очень многих. И жертвы не давали главного — движения вперед. В полдень Жуков решил рискнуть и обратился к самому действенному средству, к своим танкам. Он отошел от прежней договоренности выводить танки только после взятия убийственных высот, он уже физически не мог ждать. Танки не любят маневрировать между группами пехотинцев, минными полями и пушечными прицелами — а именно это им и досталось. С ноющим сердцем мастер своего дела Катукон бросил доблестных танкистов на ограниченную площадь фронтовой полосы, где они шли по песку и поднимались на холмы с черепашей

скоростью, представляя собой хорошую мишень.

Надежда была только на левом фланге, где солдаты Чуйкова, доблестно и беззаветно, по-русски отдававшие жизнь за святое дело, сумели потеснить 9-ю германскую армию. Как ни странно, но ему помогало здесь именно меньшее присутствие танков, так обильно горевших слева, где они попадали в оптические прицелы немецких артиллеристов и под огонь «фаустпатронов». Более изодранные, менее видимые люди Чуйкова, полагавшиеся только на мать-землю, сумели пройти боевой участок и взяли вскоре после полуночи несколько домов на окраине деревни Зеелов. Справа же танки шли волна за волной, так и не перебивая германский волнорез. Сколько их дымилось, сколько молодых жизней погибло в развороченном металле. Это был отчаянный день, и он не дал особых результатов.

Конев предпочитал тьму и дымовую завесу над Нейсе. Артиллерийскую подготовку он хотел основательную — 145 минут. Он открыл свою партию интенсивной артиллерийской подготовкой в 6.15 утра 16 апреля. Атаковал он ровно в 9 утра — именно к этому времени были готовы понтонные мосты, по которым вперед пошли танки. Не менее чем в 150 местах войска форсировали Нейсе. Инженеры творили невероятное, и вскоре первый эшелон атакующих был уже на противоположном берегу. Снаряды зажгли леса, и танки, уворачиваясь от пламени, поспешили изо всех сил к долине реки Шпрее. На минных полях лихорадочно работали саперы. Танковая стая остановилась у берега Шпрее и, казалось, надолго. Впереди широкая гладь реки. Но Конев приказал переднему танку идти вперед и оказалось, что река здесь мелка. Неожиданная большая удача. И вот уже первая бригада пересекла Шпрее, сокрушив слабую в этом месте германскую оборону. В полдень на позициях 5-й гвардейской армии Жадова заработал 60-тонный понтонный мост, что позволило пройти и тяжелым танкам. Танкистам дан был уже приведенный выше приказ «забыть о пехоте и рваться вперед, полагаясь на моторы». Моторы взревели, и танки помчались в лихой атаке. Здесь было то, что любят танкисты, — оперативный простор.

Ночью Сталин посыпал раны Жукова солью: у Конева преодоление Нейсе «произошло без сложностей». Сжав свое сердце в кулак, Жуков пообещал взять Зееловские высоты в течение грядущего дня — 17 апреля. Три дня Верховный главнокомандующий не звонил на решающий фронт войны. К концу второго жестокого дня Жуков оттеснил немцев на третью линию обороны. На третий день Чуйков пошел на штурм третьей полосы.

Маршал Конев был удовлетворен результатами первого дня своего

наступления. Прорыв в секторе Форст — Мускау обещал эффективное использование танковых частей. Две танковые армии уже пересекли Нейсе. Что еще лучше, в обороне немцев образовалась брешь, и Конев за нее уцепился. К вечеру его войска сражались уже на второй линии германской обороны. И направленность части его войск на Дрезден была хороша и к месту — немцы не знали предела его амбиций. Наступала ночь, но Конев вовсе не желал своему фронту спокойной ночи, он, напротив, приказал продолжать наступление и в темноте. При этом одной из главных черт его плана было прикрыть две танковые армии, не измотать их преждевременно.

17 апреля Жуков встретил перегруппированием своей артиллерии и танков. 800 бомбардировщиков били тем временем по всем возможным целям, артиллерийское сопротивление немцев следовало подавить. В десять с небольшим утра безотказная 1-я гвардейская танковая армия снова бросилась на противника. На тридцатьчетверках сидели пехотинцы, танкисты — лучшие в мире — вели бой не за страх, а за совесть. Но и немцам уже некуда было отступать, это был их последний бой, и они вели артиллерийский обстрел с профессиональным мастерством. Тысячи километров прошли эти танки, и вот они вспыхивали трагическими факелами на вязком грунте, на чужом поле, открытые всем ветрам, простреливаемые с высот. 11-й танковый корпус Ющука добился определенных успехов, он продвинулся к северу от деревни Зеелов. У этих танкистов была сметка, они тащили матрасы и приторачивали их к фронтальной части танков — некоторое спасение от «фаустпатронов». И все же Зеелов стояла внутри германской линии обороны, а не за ее пределами, и танки жались к дорогам, не желая стать легкой мишенью. День был страшно тяжелым — и прежде всего тем, что не дал ожидаемых результатов.

А Коневу было что сообщить Сталину. Да, пробитый танками коридор невелик и может быть запахнут, но это кратчайшая дорога к германской столице. Сталин взял трубку и неожиданно предложил помочь Жукову — бросить его, Жукова, немалые мобильные части в созданный Коневым коридор. Конев приложил все силы, чтобы не изменить тембра голоса: «Товарищ Сталин, это займет слишком много времени и создаст дополнительные неурядицы. Нет необходимости в посылке бронетанковых сил Первого Белорусского фронта в образовавшийся прорыв. Ситуация на нашем фронте развивается благоприятно. У нас достаточно сил и мы можем повернуть обе танковые армии в направлении Берлина». Цоссен может быть непосредственной целью. Сталин спросил у Конева, каков масштаб его карты и знает ли он, что Цоссен является штаб-квартирой

германского генерального штаба? Конев ответил, что у него карта масштаба 1:200 000 и он хорошо знает, что расположено в Цоссене.

Последовала пауза, Сталин рассматривал свою карту. Сердце маршала билось глухими ударами. Наконец Сталин нашел Цоссен на своей карте. «Очень хорошо». Последовала еще одна огромная для Конева пауза. И наконец последовали слова, которых он ждал более всего: «Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин». Конев сделал это немедленно. Он связался по радио с Рыбалко и Лелюшенко, последовала директива № 00215. Первому — идти на Тельтов и 20-го апреля войти в Берлин с юга. Второму — на Шпремберг и вечером 20-го апреля закрепиться в Потсдаме, чуть западнее Рыбалко. «Я требую твердого понимания того, что успех танковых армий зависит от смелости маневра и быстроты операций».

Сталин сам сообщил Жукову, что Конев теперь нацелился на Берлин. Жуков был не менее жестким, чем его соперник из 1-го Украинского фронта. Особым приказом он объявил о наказуемости за «отсутствие решимости». Генерал-лейтенант Попель, начальник штаба 1-й гвардейской танковой армии, заметил своим коллегам: «С нами лев». И этот лев знал только один зов, на Берлин. Утром 18-го апреля Жуков приказал командирам на максимальное расстояние приблизиться к своим передовым позициям. Все идут вперед, никто не оборачивается назад. Малейшее колебание грозит разжалованием в рядовые и штрафбатом. В 5 часов утра войска Чуйкова снова бросились вперед. Самоотрешение достигло предела, в этом броске вперед жизнь человеческая отступила на второй план.

Подошедшая артиллерия подвергла позиции 9-й германской армии новому артиллерийскому шквальному огню. Этот день, 18 апреля, был для Жукова среди всех тяжелых особенно тяжелым днем. Поток раненых с передовой не сокращался. Наступал четвертый день его операции, а он не добился целей, предназначенных для второго дня. Не спавшие несколько дней солдаты и офицеры шли вперед с феноменальной молчаливой решимостью. С этой невероятной, отчаянной решимостью войска вошли в третью линию германской обороны. Не может же враг выстоять перед силами, отчаянными в своей самоотверженности? Судьба любит смелых, Чуйков пробился и в этот раз. Сталинградцы не теряются. Хуже не будет. Ближе к земле и расчетливее в движении. Деревня Зеелов уже позади. Постепенно силы немцев начали слабеть. Генерал Бюссе достаточно отчетливо видел, что его левый фланг уже не выдерживает напора. 56-й танковый корпус Вейдлинга — главная резервная сила немцев на этом участке фронта — таял на глазах. Запрошенные дивизии СС — 18-я и «Нордланд» — запаздывали. 9-я парашютная дивизия, принявшая всю силу

первоначального страшного удара Жукова, начинала терять боевую силу. Именно в этот момент фюрер «Гитлерюгенда» Аксман предложил Вейдлингу прислать школьников с фаустпатронами. К чести Вейдлинга, он отказался от такой помощи. «Вы не можете жертвовать этими детьми в уже потерянном деле». Ярость генерала смутила Аксмана, и он удалился.

Забыв о себе и фактически обрекая себя, войска ворвались в ключевой пункт германской обороны — Мюншеберг. Было 19 апреля, 9 часов вечера, когда 82-я гвардейская стрелковая дивизия ворвалась в город с востока. Чуть севернее был взят Вризен. Это были решающие вехи. Чуйков взял Зееловские высоты. Не менее тридцати тысяч героев полегли в этой страшной схватке, где наш солдат не пощадил себя. Находясь на пределе своих физических возможностей, Жуков увидел пресловутый свет в конце туннеля. Именно поздним вечером в четверг, 19 апреля, маршал увидел реальные признаки того, что противник слабеет и поддается. Взята третья линия германской обороны на фронте шириной в 70 километров, от Альт-Одера до Кунерсдорфа. Его передовые части к 20 апреля выходят к пригородам германской столицы.

В этой гонке на Берлин 19 апреля появился еще один участник. Рокоссовский доложил Сталину, что его 2-й Белорусский фронт готов к штурму Берлина с севера. Пока он говорил с Верховным, фронт уже полыхал огнем. Ночью авиация дальнего радиуса действия (доблестные женщины Евдокии Бершанской, несшие все тяготы пути начиная с Северного Кавказа) нанесла удар по противостоящим силам генерала Мантейфеля, и три армии (65-я, 70-я и 49-я) в 7 утра 20 апреля покинули стартовые позиции на сорокакилометровой полосе от Альтдама до Шведта. Рокоссовский был сторонником применения дымовых завес и отвлекающих диверсионных мероприятий. Ему было важно, чтобы противник не знал реальной цели его наступательных усилий. Именно поэтому 2-я ударная армия начала наступление в районе Штеттина, хотя Штеттин в данный момент Рокоссовского не интересовал. Стоявший во главе атакующих колонн Батов (65-я армия) любил не артподготовку, а туман. Он настоял на раннем начале атаки — в 6 часов 30 минут утра. В утреннем тумане его 107-й гвардейский стрелковый полк переправился через Западный Одер на самых разнообразных плавсредствах. Несколько легких орудий уже перевезли, но нужны были танки и большая артиллерия, иначе немцы сбросят плацдарм в весенние воды.

Задача была очень сложной — быстро пройти между двумя рукавами Одера, не застрять в весенней распутице и выйти к дорогам, ведущим к германской столице, на знаменитые автобаны. К вечеру здесь были уже 15

самоходок и 31 батальон с 50-ю орудиями. В телескопический прицел Рокоссовский мог видеть бой за расширение плацдарма. Теперь командарм был уверен, что Батов открывает ему двери к Берлину. В прорыв нужно было вводить основную массу войск. 70-я армия с самого начала сделала ошибку, приняв боковой канал на основное русло реки; Рокоссовский потребовал вгрызться в берег и ждать подкреплений. В течение ночи с 20 на 21 апреля Батов отбил не менее тридцати германских попыток скинуть его в Западный Одер. Пока плацдарм держался, но его глубина была недостаточна для того, чтобы послужить стартовой площадкой для большого броска. Наконец 49-я армия Гришина обеспечила перелом и открыла поток переправляющихся людей и техники.

К 20 апреля Рокоссовский отрезал 3-ю танковую армию генерала Мантейфеля от остальных боевых частей группы армий «Висла». Два мощных плацдарма по западную сторону Одера позволили ему успешно двигаться на Пренцлау. Он навис над германской столицей с севера. Дайте ему приказ — и его ничто не остановит.

Вечером 19 апреля Геббельс выступил по радио по поводу 56-летия Гитлера, «счастливая звезда которого смотрит на него и на нас всех». Геббельс призвал немецкий народ «бросить в лицо врагу не белый флаг, которого враг ожидает, а свастику... Господь отбросит Люцифера, как он поступал всегда, когда перед воротами стояли темные силы. Германия — страна лояльности; в час опасности она отметит свой величайший триумф. Никогда история не скажет, что народ покинул своего фюрера или что фюрер покинул свой народ. И все это обещает победу». Слова лукавые. В Берлине было множество написанных белым мелом слов «Нет». Жители города знали, что означает это слово — то был запоздалый ответ на референдум 1933 года о доверии к Гитлеру.

Троим германским генералам было вовсе не до торжеств, троим в данном случае самым главным — Вейдлингу, Хейнрици и Бюссе. Их войска стояли на тропе Жукова. За ночь 9-я германская армия ослабла еще более, и полученные Бюссе четыре батальона никак не компенсировали потери. К передовой шли десять батальонов фольксштурма. Почти все германские самолеты были уничтожены — теперь уже, не имея горючего, на земле. Черчилль посылает особые части в район Любека (быть первым в Дании) и в район Штутгарта (чтобы первыми ознакомиться с последними атомными секретами немцев).

В Берлине Гитлер 20 апреля отмечал свой день рождения. На короткое время он выходит из бункера на поверхность, чтобы вручить боевые кресты за заслуги мальчишкам из гитлерюгенда. Да, в прежние времена в

этот день 40 тысяч солдат и 600 танков шли по Унтер ден Линден трехчасовым парадом. Пожатие рук охране СС. Запись на цветной пленке. Возвратился к праздничному чаю. Телеграмма с севера: «Норвегия выстоит!» Засвидетельствовали лично Борман, Геббельс, Риббентроп, Шпеер, Гиммлер и Геринг. Последний прибыл без обычного обилия наград, в неожиданном мундире оливкового цвета. Он спешил — на автобане ждали 24 тяжелогруженных грузовика, отправляющихся в Оберзальцбург. Геринг только что взорвал свое имение Каринхалле, дороги назад нет. Гитлер, зная о его бегстве, был с ним предельно холоден. В Баварию из Берлина теперь вела лишь одна дорога. (По дороге его настигнет большой авианалет союзников, и он будет развлекать неожиданных соседей по бомбоубежищу анекдотами о самом себе). Гиммлер отбыл в свой замок в Цитене, где его ждал Шелленберг с последними сообщениями о попытках начать переговоры с западными союзниками. Шпеер отправился в Гамбург, где он запишет на магнитопленку радиообращение к немцам с призывом сложить оружие.

В честь дня рождения Гитлера жители Берлина получили фунт мяса, полфунта риса, полфунта бобов, фунт сахара, немного молотого кофе и банку консервированных фруктов. Было ощущение, что это последняя раздача продовольствия. Образовались огромные очереди. Именно тогда и начался систематический обстрел города, что привело к жертвам среди мирного населения.

Записаны последние распоряжения Гитлера. Если Германия будет разделена смыканием советских и западных войск, Дениц будет руководить северной частью, а фельдмаршал Кессельринг — южной. День был отмечен последней большой союзной бомбардировкой города. Но все — если не говорили, то думали — о том, что русские уже менее чем в 30 километрах от города. Сикофанты советовали Гитлеру укрыться в Баварских Альпах, в Оберзальцбурге. Гитлер во второй раз за всю историю своих контактов с Йодлем обратился к нему не по вопросам ведения военных действий (первый случай произошел, когда у Йодля скончалась жена): «Йодль, я буду сражаться до тех пор, пока рядом со мной стоит хоть один верный солдат, а потом я покончу с собой».

После отбытия бонз женский персонал собрался вокруг Гитлера со шнапсом в его небольшом личном кабинете. Ева Браун сидела рядом с секретаршами. Гитлер делал вид, что зол на нее за прибытие из Оберзальцбурга. Ее встретили молчанием, о ней знали, но спросить никто не осмелился. Но спросили, не собирается ли Гитлер покинуть Берлин — самолеты в Темпельгофе готовы к вылету. Гитлер покачал головой. «Я не

могу. Если бы я так поступил, то чувствовал бы себя как лама, крутящий пустое молельное колесо. Я должен поддерживать решимость здесь, в Берлине — или исчезнуть». Это было первое признание Гитлером поражения. После того, как Гитлер удалился, Ева Браун повела остальных наверх, в старую рейхсканцелярию, где на диске граммофона была лишь одна пластинка — довоенная «Красные розы принесут вам счастье». Танцевали даже Борман и доктор Морель. Всех отрезвил близко разорвавшийся советский снаряд, и компания возвратилась в бункер.

В вечеру гости разошлись. Некоторые — чтобы уже никогда не вернуться — Кейтель, Йодль, адъютанты, личный врач. По радио Геббельс вещал, что «фюрер находится в Берлине, он никогда не покинет Берлин и он будет защищать Берлин до последнего». В Берлине оставались Геббельс, Риббентроп и Борман. Гиммлер был занят теперь тем, что встречался с представителем Всемирного еврейского конгресса Мазуром, а затем с шведским графом Бернадоттом. Геринг готовился принять рейх в наследство. Шпеер спасал от разрушения берлинские мосты. Электросистема огромного города не работала, трамваи остановились, метро закрылось. Комендант с охотой раздавал пропуска желающим покинуть столицу. Снаряды вспахивали Унтер ден Линден, Вильгельмштрассе, район вокруг рейхстага. Гитлер не мог поверить, что это залпы не дальнобойной артиллерии.

В этот день в Хорватии последние германские части начали отход на север. Союзная авиация бомбила в Северной Италии мосты в районе Адидже и Тренто, отрезая отходящие германские части. Гиммлер, спасая себя, договорился о передаче семи тысяч женщин из Равенсбрюка шведскому Красному кресту. В этот же день были умерщвлены двадцать еврейских детей и двадцать советских военнопленных, взятых из Аушвица в Нойенгамме для медицинских опытов. Англичане были всего в нескольких километрах от Нойенгамме. На следующий день французы входят в Штутгарт, а польские части берут Болонью. Гитлер приказал генералу СС Штайнеру пробиться к северному пригороду Берлина Эберсвальде и восстановить оборонительные позиции: «Вы увидите, что русские потерпят величайшее поражение в своей истории перед воротами Берлина. Категорически запрещено отходить на запад. Офицеры, не подчинившиеся абсолютно этому приказу, должны быть арестованы и расстреляны на месте. Вы, Штайнер, отвечаете за исполнение этого приказа». Но на Западе, в Руре в этот день сдались в плен 325 тысяч солдат и офицеров вермахта во главе с 30 генералами.

Гиммлер, теперь командующий как группой армий «Висла», так и

рейнской группировкой, предложил Бернадотту сдаться западным союзникам, но не русским, «чтобы фронт западных держав заменил германский фронт».

В Берлине

Армии Жукова не знали усталости. Позади злосчастные Зееловские высоты, впереди столица страны, ворвавшейся в наш, пусть не самый обустроенный, но родной дом; столица страны, принесшей нам неисчислимое море горя, порушенных судеб, миллионы могил. Впереди Берлин, этим все сказано. Жуков первоначально предполагал выйти к восточным пригородам Берлина к 19 апреля, но на четвертый день наступления был еще в тридцати километрах от германской столицы. Несколько минут на обед и снова в бой. Этот порыв 1-го Белорусского фронта натолкнулся на пригородные дома, ощетилившиеся фаустпатронами. Вейдлинг ввел 56-й корпус в Берлин, в Кепеник-Бисдорф. Это означало, что бой предстоит смертельный.

А Конев почти безмятежно шел своим путем. Броня крепка, и его танки были действительно быстры. Рыбалко и Лелюшенко оторвались от своих пехотинцев на большое расстояние. Они загнали в тупик старую знакомую — 4-ю танковую армию вермахта (правда, бледную тень прежней всепокрушающей силы), прошли часть зоны ответственности 9-й армии Бюссе и видели на дорожных указателях два хорошо известных указания — Цоссен и Потсдам. Небольшой Барут не мог быть серьезным препятствием для танковой элиты, и с его взятием дорога на Цоссен стала свободной в час пополудни 20 апреля. Оставался открытым, зияющим открытым, левый фланг. Что, если части германской 9-й армии повернут направо и отсекут золотые танки Рыбалко и Лелюшенко? В ответ на звонок Рыбалко Конев говорит неправдоподобно спокойно: «Не беспокойся, Павел Семенович. Не беспокойся из-за отрыва от пехоты. Спокойно иди вперед». Конев посылает на прикрытие фланга 28-ю армию Лучинского. В этот день неукротимый Рыбалко прошел почти 40 километров. А Лелюшенко еще больше, едва не пятьдесят.

И все же будущее осложнялось, эйфория коротка. Справа по пути движения Конева встал упрямый Штремберг (его обрабатывала авиация), слева не сдавался Жадову Котбус. Щекотливая ситуация. Можно ли рваться вперед, не обезопасив тыл? Такой вопрос могли задавать лишь смиренные души. Конев был прост, упрям и крепок, и тайная мечта владела им. Потому-то он, несмотря ни на что, послал своим танковым героям радиogramму, не допускающую двусмысленности: «Лично товарищам Рыбалко и Лелюшенко. Категорически приказываю вам прорваться в

Берлин сегодня вечером. Доложите об исполнении. 19.00 часов 20.4.45, Конев». Побеждают только такие маршалы. Его танки теперь приближались к Цоссену, оставляя позади германскую 4-ю танковую армию.

Но великий Жуков был сделан из не менее крутого теста. В 11 утра 20 апреля Жуков поспешил на именины Гитлера. Суровый маршал не мог остановиться, он мстил за polegших в бескрайних полях и за свою порушенную деревню. Впервые его артиллерия готовилась бить прямо по Берлину. Это сейчас не так ощутимо, но тогда, когда пехота узнала, что впервые их артиллерия бьет по германской столице, ее охватил приступ ликования. Генерал-лейтенант Колмогоров отдал приказ: «По логову врага, Берлину, — огонь!» В небо пошли трассирующие пули солдатского салюта.

Инженеры феноменально быстро ремонтировали пути от Кюстрина на Берлин, на платформы ставили огромные осадные орудия, захваченные в Силезии. В первой половине дня 20 апреля взят Бернау (любой, кто знаком с Берлином, знает этот пригород, тогда городок в 12 километрах к северо-востоку от центра). Свободно вздохнул Богданов — его танкистам надоело маневрировать между орудийными стволами, теперь они выходили на любимый простор. Два его корпуса начали обходить германскую столицу с севера. 5-я ударная армия Берзарина (будущего коменданта Берлина) приступила к очистке еще одного пригорода — Штраусберга. Через несколько часов его добычей станут пригороды Ладенбург и Цеперник — выход к центру с северо-востока. Другие части Жукова устремились в направлении Ораниенбурга — на северо-запад от берлинского центра. А позади завершалось окружение 9-й германской армии Бюссе (ее остатков) и 56-го танкового корпуса Вейдлинга.

Соппротивление все еще было значительным. Да, в небе уже не было некогда всемогущих люфтваффе. Но за каменными добротными немецкими домами наряду с малозначащим фольксштурмом на пути были и такие части, как 1200 солдат СС из личной охраны Гитлера. И все же Жукова уже не остановить, 20 апреля был его день. Фактически синхронно с радиোগраммой Конева Рыбалко и Лелюшенко радиоприказ поступил штабу 1-й гвардейской танковой армии от Жукова: «Катукову, Попелю. 1-й гвардейской танковой армии поручается историческая миссия: первыми ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Вы лично отвечаете за исполнение. От каждого корпуса послать одну из лучших бригад на Берлин и издать следующие приказы: не позднее 04.00 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться в пригороды Берлина и сразу же передать для Сталина и для прессы сообщение об этом. Жуков». Никто не «похитит» у Жукова приз

его жизни, плод его нечеловеческого упорства, бездонной работы и военного гения. Приглашая мировую прессу, он как бы обходил Сталина (если тот заартачится). Отныне Берлин находился под постоянным огнем артиллерии Жукова, но к победе его могли привести лишь гусеницы его танков.

У немцев было две группы генералов. Одна, во главе с командующим 9-й армией Хейнрици хотела дать бой Жукову в просторных полях и дальних пригородах — «Берлин не должен стать вторым Сталинградом». Вторая группа уже не видела различия, ее ослепление отказывалось проводить грань между битвой в пригородах и собственно в Берлине. Если настал конец света, то и Берлин ни к чему. Назначив генерала Реймана ответственным за Берлинскую оборонительную зону, Гитлер предопределил судьбу четырехмиллионного города. Будет бой за каждый дом; первая задача Реймана — взорвать многочисленные берлинские мосты. Рейман очень надеялся на стоявшую в Требине (15 км юго-западнее Цоссена) пехотную дивизию 12-й армии Венка. Но этой дивизии не повезло оказаться на пути танковой армии Лелюшенко. Все немецкие орудия были уничтожены почти немедленно, а сама дивизия расплелась южнее Берлина. Рейман довольно быстро перестал обращать внимание на приказы, поступавшие к нему от начальника штаба ОКХ генерала Кребса. Можно ли было всерьез воспринимать приказ «атаковать авангард Жукова и отбросить его на юг». Речь шла о двух лучших танковых армиях мира — Катуква и Богданова, — и «отбросить их на юг» не мог уже никто.

Лучшие бригады Катуква — 1-я и 44-я — не мешкая приступили к выполнению исторического приказа маршала о выходе в центр Берлина. Путь вперед был необычен. Горели лесные массивы, и дым застилал видимость, а на каждом повороте затаились с фаустпатронами мальчишки из гитлерюгенда. (Именно в эти часы 20 апреля Гитлер награждал детей с фаустпатронами и слышал дальний привет юбиляру — пушки Жукова били непосредственно по району гитлеровского бункера. Мир не порадовал фюрера, и тот, сгорбившись, стал спускаться и затхлую тишину своего бункера). Карта боев говорила об обреченности, 9-я армия окончательно сломалась на пути Жукова; между 9-й и 4-й танковой армией проскользнули как тени всадники гитлеровского Армагеддона — танки Конева. Гитлер приказал адмиралу Деницу и части ОКВ находиться на севере, остальным отступить на юг. Сам он останется в Берлине.

Ночью (на 21 апреля) танки и пехота Жукова вышли к северным и северо-восточным пригородам Берлина. В засадах, в подъездах домов сидели пожилые люди и подростки с «фаустпатронами». В 6 часов утра 21

апреля 3-я Ударная армия Кузнецова вошла в Берлин с северо-востока. Жуков приказал Кузнецову прекратить окружение отдельных участков сопротивления и идти прямо к центру города. Пригодился огромный опыт борьбы в бесчисленных оставленных за спиной городах — войска создавали боевые группы, приспособленные к боям в городских условиях. Пушки, «катюши» и огнеметы давали берлинцам представление о Сталинграде. 5-я Ударная армия Берзарина вместе с 12-м танковым корпусом вошла в Берлин с севера. Катуков и Чуйков были уже в Фюрстенвальде, Эркнере и Петерсхагене — на улицах восточной части германской столицы. Фаустпатроны, снайперы и минные поля замедляли их движение, но остановить уже не могли.

Танкисты Катукова берут японскую миссию и выпивают всю минеральную воду, за что отдувается танковый маршал. Но его дипломатия на сегодняшний день касается больше не особого нейтралитета Японии, а специфических отношений с коллегами — Рыбалко и Лелюшенко. Те, не снижая скорости освобождают концентрационный лагерь в Тройенбрицен. Дороги по-немецки хороши, эффект неожиданности позволяет быстрее погашать артиллерийские точки. Чудеса продолжаются, когда тридцатьчетверки въезжают на действующий аэродром с стоящими на поле 144 самолетами. Рыбалко пересекает канал Нуте и выходит в сектор Цоссена.

Специальный охранный отряд ОКХ под руководством лейтенанта Кренкеля был послан навстречу движущейся на Цоссен советской танковой колонне. Лейтенант позвонил в удручении: «Около сорока русских танков с размещенной на них пехотой прошли мимо нас. Пытаюсь атаковать». Через два часа (9 утра 21 апреля): «Моя атака успеха не принесла, несем тяжелые потери. Русские танки идут на север». Это означало, что они не минуют Цоссен, расположенный прямо на их пути в Берлин. В штабе ОКХ эта новость разнеслась подобно степному пожару. Около 11 утра гвалт встревоженных офицеров мгновенно заглушил отдаленный гул, который было лучше слышно, если припасть к земле. «Русские танки в Баруте!» — 10 километров от Цоссена. Немецкое командование поразила внезапная остановка Рыбалко и Лелюшенко в Баруте, словно русские дали германским генералам упаковать чемоданы в Цоссене. Они это сделали с фантастической скоростью.

Грузовики везли документы из Цоссена на юг, а офицеры отправлялись в Потсдам, и мешала им только советская авиация. Советские герои танковой войны, во-первых, просто делали последний вздох перед яростным боем в «логове фашистского зверя». Во-вторых, у танкистов 6-го

танкового корпуса просто окончилось горючее. Остановившимся советским танкистам пришлось несладко. Как мухи вокруг остановившихся танков мигом оказались дети с «фаустпатронами», слишком хорошая мишень. Маршал Конев уже разносил службы поддержки, но молодым танкистам было от этого не легче, они гибли в метре от победы, славы, жизни. Немногочисленные немецкие самолеты поднялись в воздух и начали бомбить то, что летчикам показалось «колонной помощи русским танкам». Оказалось, что под огнем архив ОКХ из Цоссена.

Заметив промедление, командующий фронтом в ярости звонит командарму: «Товарищ Рыбалко, вы движетесь как улитка. Одна бригада сражается, остальные стоят в стороне. Я приказываю вам пересечь линию Барут — Люкенвальде через болота и по нескольким имеющимся дорогам, двигаясь в боевом порядке. Доложите о выполнении».

Смертельная передышка танкистов Рыбалко продолжалась недолго — к полудню подошли основные силы, а у местного фольксштурма закончились «фаустпатроны». Танки пошли, как приказано, через болотистую местность и вскоре стояли у комплекса зданий Цоссена. Внешне этот комплекс не выделялся самым важным штабным центром в рейхе — мозгом военной машины Германии. То был шедевр камуфляжа — словно еще одна аккуратная немецкая деревня: коттеджи из красного кирпича смотрелись мирными жилищами. Но в 24 бетонных зданиях сходились все коммуникации, все линии связи вермахта. В двух центрах («Майбах-1» и «Майбах-2») маскировались ОКВ и ОКХ — связь от Арктики до Черного моря. Собственные электрогенераторы, необычайная чистота и аккуратность повсюду. Местные техники провели экскурсию, очень впечатляющую и познавательную. В кабинете Кребса висел его халат, стояли тапочки, кровать разобрана, открыта бутылка вина, в вазе яблоки. На оборудовании аккуратные немцы уже написали на школьном русском: «Не портить этого оборудования. Оно может пригодиться Красной Армии». Непорядок был только в том, что четверо военных сторожей комплекса были несколько навеселе и ключ к нервному центру германской военной машины был получен из пьяных рук.

Инженеры инфоцентра покорно и доходчиво объяснили, как работает система коммуникаций германских войск. Отвечать на многочисленные телетайпные запросы в Цоссене пришлось уже людям Рыбалко. Популярный вопрос командиров отдельных крупных германских частей: «Каким будет ваше отношение к контактам с войсками западных держав?» Самой понятной формой ответа было «здесь Иван». В дополнение солдаты с видимым удовольствием посылали своих абонентов очень далеко. Шок на

противоположной стороне был огромным. Прибывшие несколько позже девушки-переводчицы вначале вежливо переводили вопросы, а затем удалились из этого бессмысленного мрака.

Конев не позволил своим танкистам долго сидеть на командном коммутаторе германских вооруженных сил. Писатель Борис Полевой остался у блестящих приборов, а беззаветные экипажи снова завели моторы. Курс — Берлин. Слева Лелюшенко безостановочно рвался к германской столице, отделенный по фронту тридцатью километрами. После обеда Лелюшенко ворвался в германский Голливуд — Бабельсберг (на реке Хафель между Потсдамом и Ванзее). Из одного из освобожденных концлагерей его танкистам благодарно махал рукой Эдуард Эррио, в свое время от имени Французской республики дипломатически признавший СССР. Наступала суббота, и обе танковые армии скользнули внутрь автомобильного кольца, опоясавшего столицу рейха.

Позади Конева сдерживало германское сопротивление в Котбусе и Шпремберге. Освобождаясь от этих пут, Конев усиливал силу, движущуюся к Эльбе и Берлину. С 21 апреля Конев перемещал авангард своей пехоты только на грузовиках, благо германские дороги способствовали. В Ютербоге войска Конева нападают на крупнейшие склады вермахта — оружие, боеприпасы. А передовые танки вечером 22 апреля уже в 10 километрах от армии Чуйкова. Конев не знает покоя, он приказывает Рыбалко с ходу взять канал Тельтов. Но даже самая большая удача имеет свои пределы. Не забудем, что немцы взорвали все мосты. Первый плацдарм на противоположной стороне канала Тельтов немцам удалось сбросить. И все же 6-му гвардейскому танковому корпусу удалось зацепиться за противоположный берег снова, и Конев пустил в прорыв три корпуса. Медленное, кровавое продвижение по южной части Целендорфа.

22 апреля 1945 года Жуков уже в периметре города. Пять стрелковых и четыре танковые армии крушат столицу гитлеровского рейха. С востока, преодолев все немыслимые препятствия, поворачивая на юг, в город входит 8-я гвардейская армия Чуйкова, после Волги увидевшего и Шпрее. 2-я танковая Богданова устремляется в центр с севера. 1-й механизированный корпус встретил немыслимое сопротивление со стороны Мальхова и вынужден был повернуть на Вайссензее. С юга безостановочно движутся коневские танкисты. 47-я армия Перхоровича заходит в город с запада. Повсюду отчаянное нежелание разрозненных частей вермахта смириться с судьбой. Потрясенные солдаты и офицеры продолжают следовать воинской дисциплине, а главнокомандующий в своем бункере приходит к выводу, что такая нация недостойна его. Пусть гибнет вместе с ним. Немецкие части и

даже слабосильное ополчение продолжают воевать с умом, трезво, находя оптимальное решение для любой ситуации. В жизни это означало — с максимальным кровопролитием для противника. Жестокая сеча, несправедливая для тех, кто прошел тысячи немыслимых километров военных дорог и теперь должен погибнуть от рук индоктринированного фанатика, иногда не достигшего даже зрелых лет.

22 апреля Жуков отдает своему авангарду — Чуйкову и Катукову — приказ форсировать Шпрее при любых обстоятельствах и быть в Темпельгофе, Штеглице и Мариенфельде не позднее вторника, 24 апреля. 2-я гвардейская армия Богданова двинулась на Шарлоттенбург и западные районы города. Бои велись дни и ночи, без перерыва. Первым отличился Чуйков. Лишь только пала ночь, он сделал неожиданный бросок вблизи Кепеника — там, где Шпрее сливается с широкой Дааме. Наступая со стороны леса близ кольцевой дороги, капитан Семакин (2-й стрелковый батальон) неожиданно наткнулся на группу немцев, которым поручили преградить путь советским войскам через Шпрее. Немцы деловито строили укрепления. Семакин не стал дожидаться танков и орудий, его люди неожиданно с трех сторон высыпали на немецкий отряд и после короткой схватки очистили путь вперед. Река была впереди в ста метрах. И снова, никого не прося и полагаясь лишь на себя, пехотинцы бросились в холодную апрельскую воду. Те, кто плавал неважно, держались за самодельные плоты. Взятый в плен немецкий офицер сказал: «Они возникли перед нами как призраки!» Следующей была Дааме. Снова бросок в воду, отчаянный спурт и еще один плацдарм.

Когда некоторые солдаты 82-й стрелковой дивизии стали робко пробовать холодную воду, командир дивизии генерал-майор Михаил Дука сбросил гимнастерку и бросился в воду первым. Те генералы могли вести за собой. За такими генералами шли. Дука возвратился с двумя байдарками, найденными на противоположном берегу. Другие части тоже использовали немалочисленные здесь яхты, каноэ, байдарки. Дивизия форсировала Шпрее в считанные минуты. К утру все были в Фалькенбурге. У соседей справа дела шли еще лучше. 39-я стрелковая дивизия захватила два нетронутых моста, а инженеры в течение ночи навели еще два понтонных моста. Последнее препятствие между левым флангом и центром Жукова было ликвидировано. А правый фланг двигался с хорошей скоростью с севера. 61-я армия пересекла и Одер и Хафель, находясь фактически в тылу 3-й танковой армии Мантейфеля, полностью отрезав ее от Штайнера и других осколков группы армий «Висла». Теперь Рокоссовский не имел шансов, Жуков занял берлинский север.

Начинает везти северным частям. 47-я армия Жукова пересекла Хафель у Хенигсдорфа, найдя нетронутый мост и встретив незначительное сопротивление. Ей оставалось примерно 20 километров для того, чтобы встретиться с дивизиями Конева и замкнуть окружение Берлина. К 7 вечера 22 апреля 9-й гвардейский танковый корпус пересекает Хафель и укрепляется у Хеннигсдорфа. Кузнецову (3-я Ударная армия) Жуков поручает пробиться в центр через Розенталь, Вильгельмсруэ и Шенгольц. Их путь не поддается описанию. Орудия пробивают стены, дом за домом, улица за улицей, квартал за кварталом. Фосфор ракетных минометов сжигает все. Гитлер обрекает население Берлина на подлинно бессмысленные жертвы.

Немцы сами свидетельствуют о чести, бравом виде этого первого — боевого эшелона русской армии. Они гладко выбриты, не трогают женщин, делятся хлебом. Их офицеры иногда говорят на превосходном немецком, девушки-переводчицы разрешают недоразумения. Во втором эшелоне есть люди, недавно освобожденные из лагерей, им — в отличие от первого эшелона — не ясна губительность на войне водки, они могут быть нечисты на руку. Но история будет судить потом, пока действующая армия приближается к цели своих несказанных четырехлетних усилий. Враг должен быть повержен. Не пощадим жизни, приблизим этот час.

Гитлер

Гитлер несколько воспрял духом, когда в бункер прибыл командующий группой армий «Центр» генерал Шернер, который убедительно живописал, как он сдерживает южную часть фронта Конева. Гитлер дал ему звание фельдмаршала. Доктор Морель сделал укол очередной дозы антидепрессантов. Слуга Линге принес лекарства, основным компонентом которых был кокаин, и на дневной конференции фюрер был весьма оживлен. Теперь он ожидал прибытия в Берлин 12-й армии генерала Венка. Реактивным самолетам, базировавшимся на пражских аэродромах, было приказано нанести удар по советским армиям под Берлином. Но подлинным освободителем он стал видеть генерала СС Штайнера (11-я армия), который в феврале остановил советские войска. Теперь ему предписывалось собрать все силы между Берлином и Балтикой и ударить в южном направлении — отрезать авангард Жукова от основных сил.

22 апреля 1945 года Гитлер, узнав что Штайнер не атакует, в пароксизме ярости объявил, что вокруг одни предатели, что война проиграна и что он остается в Берлине. Йодль возбуждал пустые надежды: группа армий Штайнера и 12-я армия генерала Венка идут навстречу 9-й армии, и Жукову придется ощутить горечь поражения рядом с призраком победы. Серьезные лица в германском руководстве, такие как министр вооружения Шпеер, уже не могли слушать подобные речи.

А Жуков все больше сжимал кольцо. 47-я армия запечатала подходы к Берлину с севера, танки перешли через Хафель у Хенигсдорфа, ожидая подхода Лелюшенко со стороны Потсдама. Между двумя фронтами теперь было всего лишь 30 километров. Чуйков пробирался сквозь пригороды, он пересек Дааме. На этом этапе оба фронта прекратили яростную гонку, оба они сжимали теперь пружину германского сопротивления, готовясь к решающему броску в центр города. Полки и батальоны разбивались на особые ударные группы, предназначенные для боев в городских условиях. Обычно это была рота с несколькими пушками, танками или самоходными орудиями, двумя взводами саперов и подразделением огнеметчиков. За ними стояли «катюши» и артиллерия более мощного калибра.

23 апреля берлинский телеграф впервые с 1832 года прекратил свою работу. Гитлер испытывал фрустрацию как реакцию на вчерашнюю эйфорию. Желто-серое лицо Гитлера говорило о его настроении. Доктор Морель предложил инъекцию морфия, но Гитлер отказался. Последствия

окружающие ощутили незамедлительно. Фельдмаршал Кейтель сообщает о «свинцовых облаках, повисших в атмосфере». Он встрепнулся только когда кто-то помянул Штайнера, чьи войска сражались на севере города. Без видимой охоты Кребс сообщил, что у Штайнера недостаточно войск и поручать ему большие задачи нецелесообразно. Последовал весь уже привычный набор обвинений в некомпетентности и измене. Но было и новое. Никогда прежде Гитлер не говорил таких слов: «Война проиграна! Все рушится».

Кейтель решил вмешаться. Наедине с Гитлером он указал на две возможности, которые имеются в Берлине: «Либо мы согласимся на переговоры о капитуляции, либо следует вылететь в Берхстенгаден этим вечером, чтобы начать переговоры оттуда». На что Гитлер ответил: «Я никогда не покину Берлин, я буду находиться здесь до последнего дыхания». После чашки густого супа Кейтель прибыл в штаб-квартиру Венка юго-западнее Берлина и, потрясая маршалским жезлом, приказал двигаться в направлении Потсдама, повернуть свою армию на восток и спасти Берлин. Но как только Кейтель отбыл, Венк собрал свой штаб и заявил, что у него нет ни малейшего желания пробиваться в Берлин. Если его возьмут в плен, пусть это будут не русские. Кейтель об этом не знал. Он поспал перед конференцией у Гитлера. Введенный в заблуждение Гитлер продиктовал специальное обращение к Венку как к спасителю столицы. «Берлин никогда не сдастся на милость большевизма». Геббельс распространил это обращение по всему Берлину. «Гитлер с вами... Подкрепления прибывают каждый час». В этот день Гитлер взял на себя лично командование обороной Берлина. Теперь ему персонально подчинялись не только вооруженные силы, но и полиция города, гитлерюгенд, фольксштурм. Гиммлер прислал ему 600 солдат СС, но не явился сам. «Они там все в Берлине сошли с ума. Что мне там делать?»

Попытавшегося взять власть в стране Геринга было приказано арестовать. На юге британская авиация разбомбила Берхтесгаден. Геббельс говорит Шпееру, что его жена и дети не переживут его. «Иначе американцы используют их в пропагандных целях». Жена Магда и дети заняли прежние комнаты врача Мореля — знак, что у Геббельса серьезные планы. Шестерым детям сказали, что им сделают укол и они никогда не будут болеть.

Везение Конева претерпевает испытание. 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко остановили на глубоком канале Тельтов, отсекающем Бабельсберг от основного Берлина. Бетон и метровые каменные стены. Конев бросил всю возможную артиллерию и лучшие ударные части.

Часы Спасской башни пробили полночь, и наступило 23 апреля, когда Сталин окончательно провел разграничительную линию между фронтами Жукова и Конева. В секретной директиве за номером 11 074 проводилась линия, прежде стертая после городка Люббен. Конечной точкой наступления Конева он обозначил в Берлине вокзал Анхальтер — сотня метров в сторону от Рейхстага. Так Сталин отметил вклад Жукова в победу в этой войне, ему предоставлялось право поставить последнюю точку, сделать символический жест. Защитник Москвы и автор Сталинградской эпопеи становился победителем Берлина.

А Конев сражался за свой шанс отчаянно. Рыбалко на берегу канала ждал прибытия артиллерии, чтобы сокрушить линию германской обороны. Мощность этой артиллерии могла поразить кого угодно — 650 орудий на километр фронта. Жерла заговорили в 6 часов 20 минут 24 апреля, окончание их работы было сигналом атаки для трех корпусов. Уже был назначен связной офицер 9-го механизированного корпуса к 1-й танковой армии Катукова. Рядом Лелюшенко с 4-й танковой армией рвался весь день 23-го к Потсдаму, преодолев еще более двадцати километров до центра германской столицы.

Жуков направил 47-ю армию на Шпандау, отрядив танковую бригаду для смычки с Лелюшенко в Потсдаме. Чуйкову и Катукову было приказано форсировать Шпрее и не позднее 24-го выйти в район Темпельгофа. Богданов штурмует Шарлоттенбург на западе Берлина. Напоминаем, начиная с 22-го апреля войска Жукова вели бой день и ночь. 5-я Ударная армия сумела переправиться через Шпрее и приготовилась к броску на Карлсхорст. Разведке Чуйкова улыбнулась удача. Продвигаясь вдоль восточного берега Шпрее, она обнаружила целую флотилию лодок и даже катеров. Моряки Днепровской флотилии быстро овладели неожиданным подспорьем и переправили ударные силы Чуйкова на западный берег. Теперь Чуйкову не составляло труда сомкнуться с Рыбалко.

24 апреля 28-й корпус 8-й гвардейской армии Чуйкова пробился через аэродром Шенефельд на юго-восток и встретил танки Рыбалко, идущие в противоположном направлении. Чуйков при этой встрече испытал подлинное удивление, равным образом это удивило и Жукова. Маршалу еще не сообщили о новой демаркационной линии между ним и Коневым, отдающей центр Берлина ему, герою Москвы, Сталинграда и Курской дуги. Он не знал — Сталин проявил хитрость, желая выжать максимум из соперничества маршалов. Жуков желал знать, когда и где Рыбалко вошел в собственно Берлин, куда его танки успели дойти, каковы их планы. Чуйков послал трех офицеров для координации действий. Но Рыбалко сам пришел

на командный пункт Чуйкова и поговорил с Жуковым по телефону. Только тогда маршал начал успокаиваться, но на всякий случай принял свои меры: Чуйкову приказано развернуться на северо-запад и в течение дня 24 апреля продвинуться в направлении Рудова, Букова и Лихтенраде. Впереди лежал берлинский центр.

Но 25 апреля повезло Рыбалко. Его левый фланг (7-й танковый корпус) перерезал коммуникации между Берлином и Потсдамом, а затем через Ванзее прошел в центр германской столицы. Конев еще погоняет все свои основные силы — ближе к Рыбалко и Лелюшенко, ближе к центру Берлина. Они направляются к рейхстагу — последний тяжелый бой. И тут его солдаты начинают понимать, что перед ними уже не противник. Оба маршала прибыли к Ландвер-каналу, но Жуков сделал это чуть-чуть быстрее. В полдень 25 апреля 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты сомкнули руки на юге Берлина. Салют в Москве отмечал успехи обоих фронтов — завершено окружение германской столицы. На Эльбе советские и американские части пожали друг другу руки, это означало, что Германия поделена на две части.

События побежали с калейдоскопической скоростью. Гитлер 25 апреля приказал арестовать генерала танковых войск Вейдлинга за дезертирство. Возмущенный старый вояка лично явился в бункер и был не только прощен, но назначен «боевым комендантом» Берлина. В этот же день военный министр Стимсон сказал президенту Трумэну: «В течение четырех месяцев мы, по всей вероятности, завершим создание самого ужасного оружия, когда-либо известного в человеческой истории; одной бомбы будет достаточно для уничтожения целого города».

Готовыми к атаке на центр Берлина стояли 464 тысячи советских войск, вооруженные 12 700 орудиями, 21 тысячей «катюш», полутора тысячами танков и самоходных орудий. От их передовой линии до рейхстага и до бункера Гитлера было меньше семи километров. В небе царили две советские воздушные армии. Жуков всячески хотел избежать кровопролитных городских боев. Он постарался — еще стоя на Одере — провести учения своих войск в условиях, приближенных к городским. Пусть солдаты знают, что их ждет. Была создана систем ведения боя «в две смены» — с 7 до 18-ти и с 18 до 7-ми. Но самой лучшей школой были берлинские пригороды. Мучительным был процесс учебы для танков: стоило немцам подбить головной танк, и вся колонна становилась удобной жертвой фаустпатронщиков. Тактика Жукова была проста и эффективна. Сначала постоянно крепнущая артиллерия ведет огонь по заранее обозначенным целям, затем «катюши» своим фосфорным огнем загоняют

все живое в убежища, потом вперед выдвигаются танки, крушащие баррикады, разносящие вдребезги дома, откуда раздаются орудийные или минометные выстрелы. Чуйков: «Бои внутри города являются состязанием огневой силы. Огневая сила была сильной стороной советской стороны, и она не заставляла себя ждать. Наши пушки иногда производили до тысячи выстрелов по одному скверу, по группе домов, даже по маленькому саду».

В центре города находились 60 тысяч солдат германских войск. Гитлер приказал в центральном секторе мобилизовать женщин, и те взяли в руки панцерфаусты. Основной воинской единицей здесь был 56-й танковый корпус — пять дивизий уменьшенного количественного состава. Отчаянно сражались ренегаты — добровольцы французы, бельгийцы, украинцы. Они знали, что ничего хорошего их уже не ждет. Командующий германской артиллерией полковник Волерман знал Берлин как свою ладонь и он расставил противотанковые орудия самым убийственным способом. Командующий германской обороной Вейдлинг разместился на Гогенцоллерндамм, а начальник его артиллерии Волерман — в аэропорту Темпельгоф.

Только три берлинские дороги (ведущие на запад) не были перехвачены советскими войсками, их взяла под свою опеку советская авиация. Но битва в воздухе была уже выиграна, предстояло последнее сражение на земле. Посмотрите на фотографии тех, кто шел в тот последний берлинский бой. Они устали хоронить товарищей, в ротах осталось по 20 человек, были батальоны с 50 человеками личного состава. Это поколение испило чашу до дна, оно не поскупилось. Мы — их слабые потомки — обязаны помнить бойцов победного апреля, когда живым дошел до цели седьмой или пятый. Их воля к победе, которая обеспечивала нашу свободу, была несокрушима, их любовь к нам — безгранична. Иначе они не стали бы лезть под танки противника, прикрывать своей грудью пулеметы противника, с ходу, из безнадежной позиции зубами цепляться за серые берега Шпрее. Никому мы не должны больше, чем им, пусть будет пухом им земля, которую тогда живые находили только в общественных скверах — так велико было число тех, кто не дошел.

Конев обязан был отвлечься от Берлина, следя за перемещениями 12-й армии генерала Венка, в его тылу и тылу Жукова еще находились остатки 9-й армии (стоявшей недавно на пути Жукова к Берлину) и 4-й танковой армии. Венк вел с собой 200 тысяч человек, и это были отчаянные солдаты, оснащенные 300 танками и 2000 орудий. Утром 26 апреля Венк нанес удар по связке 3-й гвардейской и 28-й армий, заходя им в тыл. Приказ, данный Лелюшенко, не позволял двусмысленных толкований — отрезать Венку

путь в Берлин. Жестокость этих боев была исключительной даже для всей этой жесточайшей из войн. Немцы сражались с подлинным отчаянием обреченных, и воды каналов и улицы увидели очень много крови. Занимаясь Венком, Конев в то же время не терял прицела на Берлин, где танковая армия Рыбалко прошла Целендорф и Лихтерфельде, а Лелюшенко форсировал Хафель. Юг Берлина теперь принадлежал Коневу. Что относительно центра? Именно в этот час пришла директива Ставки, пригасившая пыл Конева, отдающая центр Жукову.

Восемь армий бились в страшных усилиях, стремясь преодолеть германское сопротивление в условиях мегаполиса. Чуйков, который бился в одном из центральных секторов города, очень рано утром 25 апреля рассматривал город — море крыш — из ванной комнаты угловой квартиры на верхнем этаже пятиэтажного старого дома, где окно выходило наружу. Точнее говоря, командарм смотрел сквозь щель в стене. Город был плоский, и Чуйкову были видны многие укрепления обороняющихся. ОКХ переместился в традиционное место военных министров Пруссии и Германии — на Бендлерштрассе, в берлинском центре. Здесь к небу поднимался черный и желтый дым. Острие атаки будет направлено именно туда. Ландвер-канал и бетонированный поворот Шпрее привлекали особое внимание Чуйкова — там рейхстаг и рейхсканцелярия — цели предстоящих боев. Особую неприязнь Чуйкова вызывали здания восемнадцатого века — их огромные стены с трудом поддавались даже артиллерийским снарядам. Чуйков вспомнил дочь Ирину, любившую играть именно в ванной. Он переложил с места на место кирпич и острая боль пронзила руку — экзема, реакция на кирпичную пыль. Слишком много кирпичной пыли было в его жизни, впервые эта экзема поразила его в Сталинграде. Совершенно внезапно здание перед его глазами содрогнулось и просело, это началась военная страда.

Чуйков был озабочен тем, чтобы взять аэропорты Гатов и Темпельгоф — чтобы Гитлер не ускользнул из Берлина. На такую возможность намекали военнопленные, они видели транспортные самолеты с полными баками горючего. Гатов был на западной оконечности Берлина и функционировал весьма активно — самолеты взлетали и садились. 47-я армия уже проделала значительный путь, и ее воины сражались из последних сил. Но 26-го они ворвались на поле Гатова. Темпельгоф был в трех с небольшим километрах от рейхсканцелярии, именно на него был прежде всего нацелен Чуйков. Здесь видели много женщин с фаустпатронами. В землю были врыты танки — даже на взлетной полосе. Советским бойцам очень помогли захваченные фаустпатроны, именно ими

были выбиты защитники подходов к Темпельгофу. К обеду 26-го люди Чуйкова ворвались на взлетные полосы Темпельгофа. В городе были активны огнемётчики.

В этот день надежда снова забрезжила Коневу. С юга и запада его танки шли в сторону центра. 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко вышла из лесов Грюневальда и уже сражалась на улицах Шмаргендорфа и Фриденау — где-то два с половиной километра от центра Берлина. Конев не оставил своей мечты, он приказал 10-му механизированному корпусу идти с запада на Бранденбург.

Молодой лейтенант 22-го танкового корпуса Виктор Боев неплохо говорил по-немецки. Это и привело его к неожиданному телефонному абоненту. Корпус разместился в берлинских домах, покинутых жителями. Черным эбонитом блестел телефон, и Боев набрал адрес справочной. Номер министерства пропаганды? Девушка быстро ответила. Представителю министерства Боев сообщил, что звонит из Сименштадта и хотел бы соединиться с доктором Геббельсом по важному делу. У рейхсминистра было совещание, но он подошел на экстренный звонок. «С вами из Сименштадта говорит русский офицер. Когда и в каком направлении вы собираетесь бежать из Берлина? Вы должны помнить, что мы найдем вас, даже если бы нам пришлось прочесать всю землю. И мы приготовили для вас виселицу. Не хотите ли спросить что-либо у меня?» — «Нет», — сказал Геббельс и повесил трубку.

Хотя генерал Кребс уверил Гитлера, что центр Берлина держится уверенно, в германских руках осталась незначительная полоска земли. По улицам ползли облака дыма, гари, кирпичной пыли. Они покрыли толстым слоем здание рейхсканцелярии, где Гитлер заламывал руки, вопрошая «Где Венк?» Севером Германии теперь распоряжался Рокоссовский, отсюда помощь Берлину прийти уже не могла. Теперь Гитлер славил новую расу господ — славян, выстоявших и дошедших до Берлина. 27 апреля три четверти Берлина были в советских руках. Вечером основные ударные силы Чуйкова вышли к Ландвер-каналу, полтора километра до рейхстага. Но на противоположном берегу части СС заняли оборону и сражались с фанатизмом. В движении на рейхстаг участвовала 5-я ударная армия Берзарина (на Шпрее, напротив Музейного острова), 3-я ударная армия Кузнецова в Моабите близ Тиргартена. 2-я гвардейская танковая армия Богданова стояла западнее в Тиргартене — у нее было уже немного шансов первой выйти к рейхстагу. Но всему вопреки шансы были у Конева, у его авангарда — танковой армии Рыбалко, совершившей невероятный бросок с запада через Вилмерсдорф. Теперь Рыбалко осваивался с бывшим штабом

Вейдлинга на Гогенцоллерндам. Если ему удастся сделать еще один такой бросок, он станет лидером победной гонки. Ночь 27 апреля прошла в планировании последнего удара.

Эпицентр мирового катаклизма располагался в Берлине, но и остальной мир не стоял на месте. Партизаны в Италии освободили Турин. Трумэн и его советники рассматривали карту Японии, чтобы выбрать город для атомной бомбардировки. Цель была определена: «Хиросима». Партизаны расстреляли Бенито Муссолини и пятнадцать человек из его окружения. Его тело было привезено в Милан и повешено вниз головой. На следующий день генерал фон Витингоф подписал акт о капитуляции германских войск в Италии.

28 апреля Гитлер узнал о контактах Гимmlера с американцами и англичанами. Гитлер заметил отсутствие представителя Гимmlера в бункере генерал-лейтенанта Фегеляйна, женатого на сестре Евы Браун. Специальный отряд эсэсовцев пробрался в его квартиру, расположенную в уже занятом советскими войсками районе Берлина и привел злополучного беглеца обратно в бункер. Здесь с него сорвали погоны и расстреляли наверху, во дворе. Вечером этого дня военный комендант Берлина Вейдлинг доложил Гитлеру, что боезапасов осталось на два дня боев. Во второй половине этого дня американские войска вошли в Дахау. На железнодорожных путях стоял поезд с пятьюдесятью вагонами, забитыми трупами. Пройдя по лагерю, американские офицеры поставили к стенке 346 охранников лагеря и расстреляли их на месте.

Финал

Чуйкову, как всегда, дали невыполнимую задачу — с востока сомкнуться с силами, штурмующими Берлин с запада, из Тиргартена. На каждом канале, углу, подвале, улице его ожидали германские истребительные группы. Его солдаты плавали в холодной апрельской воде, цеплялись за гранитные парапеты, стреляли, залегали, лезли на голые еще деревья. Но на Ландвер-канале они застряли у мостов Мольтке и Потсдамер. У первого из этих мостов знаменосец сержант Николай Масалов услышал детский крик, раздающийся с противоположного берега. Масалов передал знамя помощникам и спросил у своего командира разрешение спасти ребенка. Он попросил прикрыть его от пулемета, в немыслимой эскападе достиг места, где ребенок призывно звал мать с соседнего балкона. Рота затаила дыхание. На счастье именно в это время началась артиллерийская канонада — словно артиллеристы услышали призыв Масалова, который через минуту появился с трехлетним ребенком на руках. Он передал девочку в санчасть, а сам снова взялся за древко знамени. Так что в Трептов-парке стоит не сусальный образ, не придуманная легенда, а простая иллюстрация к эпизоду великой войны.

Потсдамер-мост был просто неприступен. И только он вел к вокзалу Анхальтер и к Вильгельмштрассе. Под мостом виднелись два заложенных взрывных заряда. Создав дымовую завесу, саперы пробрались к зарядам и обезвредили их. Несколько пехотинцев перебежали на противоположную сторону, и танки двинулись им на помощь. Напрасно. Немцы слишком хорошо пристреляли мост. Один за другим несколько танков стали мишенью фаустпатронов. Но безвыходных ситуаций не бывает. Танкисты обвязали один из танков мешками с песком, облили эти мешки дизельным горючим и загремели гусеницами по мосту навстречу пушкам и фаустпатронам. Немцы быстро нанесли по новой мишени несколько метких выстрелов, танк загорелся самым очевидным образом, немцы не сомневались в очередной победе — танк горел ярким пламенем. Но пораженные немцы видели, что танк, будучи весь в огне, стреляет еще активнее и точнее, движется быстрее и быстрее. Секунды их недоумения и замешательства было достаточно для захвата моста — несколько советских танков скрежетали уже на противоположной стороне. Чуйков выполнил задание, за четыре дня он прошел почти 15 километров (в Сталинграде такого он противнику не позволял) и подошел к Тиргартену с юго-востока.

А на севере Тиргартена генерал Перепелкин (3-я Ударная армия) взял тюрьму Моабит. Из освобожденной тюрьмы Моабит на свободу вышли 7 тысяч заключенных. Узники Моабита просили дать им оружие, чтобы немедленно отомстить своим обидчикам.

Теперь к рейхстагу устремились Чуйков с юга Тиргартена, бойцы 5-й Ударной армии Берзарина с востока, Кузнецов с 3-й Ударной армией с северо-запада. Но и Конев был не прост, он приказал Рыбалко выйти к южной оконечности Тиргартена. Тот пробрался к Тиргартену к вечеру 28-го апреля с основными силами 7-го гвардейского танкового корпуса и бойцами 20-й стрелковой дивизии. У них еще был шанс.

Город горел, клубы дыма застилали небо. Немцы поделили центр — Цитадель — на три части и защищались отчаянно и яростно. Нечем было дышать. Передовой линии не было, в городе противник вполне мог владеть домом в тылу атакующих групп. Различные этажи были боевым слоеным пирогом, один этаж принадлежал немцам, другой — советским воинам. То, что казалось определенным несколько минут назад, полностью теряло всякую значимость буквально в мгновение ока. Сориентироваться, где фронт, а где тыл, становилось все сложнее. Первым условием входа в незнакомое помещение была запущенная туда ручная граната. Воспоминания маршала Чуйкова и генерала Крукенберга (дивизия СС «Нордланд») совпадают — сражения после успешного прохода Ландверканала шли в одних и тех же домах. Много потерь было не от оружия врага, а от рухнувших этажей, от опасных развалин.

А прикрытый танками генерал Переверткин (79-й стрелковый корпус) с севера проскользнул быстрее всех к мосту Мольтке. После полуночи его люди смели все препятствия и проложили путь прямо в «дом Гимmlера» — министерство внутренних дел. Артиллеристы подвели пушку и прямой наводкой пробиты вход в этот страшный дом. Но за каждую лестницу, подъезд, этаж бой шел отчаянный, гибли солдаты. Утром 29-го апреля «дом Гимmlера» был взят, что позволило вплотную подойти в помпезному зданию рейхстага. Последовал вожделенный приказ атаковать. Тому, кто водрузит Красное знамя над рейхстагом, было обещано звание Героя Советского Союза. Теперь каждый батальон 171-й стрелковой дивизии создавал по две ударные группы, поддерживаемые самоходными орудиями.

А неподалеку, в бункере Гитлера, творились удивительные дела. Фюрер продиктовал свое политическое завещание. В нем укор германскому офицерскому корпусу, который «не сумел дать блестящего примера приверженности долгу до смерти». Как уже говорилось, исключены из нацистской партии Геринг и Гимmlер, «навлекшие непоправимый позор на

всю нацию, начав переговоры с врагом», выведен из правительства Шпеер. Он исключил из НСДАП Геринга и Гиммлера, а власть в стране передал адмиралу Деницу как президенту Германии и Геббельсу как канцлеру. Что касается виновников войны, то «столетия пройдут, но среди руин наших городов и монументов ненависть всегда будет заново расти в отношении тех, кого в конечном счете мы должны благодарить за все это: международного еврейства и его пособников». Командование германской армией передавалось фельдмаршалу Шернеру.

Затем Гитлер приступил к процедуре бракосочетания с Евой Браун. Для этого солдаты СС привели из города муниципального советника Вальтера Вагнера. Церемония прошла в комнате карт. Гитлер в униформе, Браун в черном платье. Из старых камрадов присутствовали только Геббельс и Борман, они и были свидетелями. Гитлер чаще всего во время завтрака, венчавшего свадебную церемонию, обращался в основном к Геббельсу. Он «подарил» капсулы с цианистым калием двум своим секретаршам, убедился, что его собака умерщвлена. В его окружении уже трудно было найти кого-либо трезвым. Одним из редких трезвых сотрудников был личный пилот Ганс Бауэр. В его распоряжении новая машина — бомбардировщик «Юнкерс», опытный прототип, способный на полет дальностью до 10 тысяч километров. Это открывало возможности перелета на Ближний Восток и даже в Латинскую Америку. Лететь Гитлер отказался. Он подарил Бауэру портрет Фридриха Великого кисти Антона Графа. Летчик носил этот портрет за Гитлером во все его штаб-квартиры и места жительства. Бауэр ушел с портретом, который оказался плохим талисманом — разрыв снаряда привел летчика в советский госпиталь без ноги и без портрета.

Борман продолжал выполнять функции партийного бича, наказующего трусость и нерасторопность столичных и провинциальных чинов национал-социалистического государства. «Измена» в эти дни была самым популярным словом. Информация из внешнего мира внезапно прервалась, когда случайный снаряд поразил баллон с антенной, запущенный над бункером. Его обитатели и не знали, что страшный бой идет совсем рядом — за «дом Гиммлера».

Но финал был уже недалек. Предоставим слово англичанину Эриксону: «У вошедшего в Берлин солдата Красной Армии в руках был автомат, а рядом шел массивный, могучий боевой танк или стройный Т-34; советские бойцы перемещались по городу, прикрытые сверху темными эскадрильями штурмовиков, чувствуя себя не только победителями, но и жертвами — жертвами страшной череды ужасных, зверских жестокостей,

павших на них, на их семьи и их страну... Солдат из батальона капитана Неустроева, атакующий рейхстаг, штурмующий „дом Гиммлера“, останавливающий эсэсовских пулеметчиков, знал, что здесь, перед его глазами и есть „логово фашистского зверя“. Они знали, что исторической миссией Красной Армии является искоренение фашизма, они твердо знали, что именно они сломали хребет вермахту, и многие командиры, неспособные расстрелять группу школьников из гитлерюгенда, держащихся за панцерфауст — фаустники — провожая колонну арестованных, видели красные глаза этих детей, ограничивались оплеухой или даже неспособны были и на это. Сентиментальность и простодушие, впрочем, иногда превращались и в ярость».

Вечером 29 апреля военный комендант Берлина Вейдлинг провел последнюю конференцию с участием Гитлера. Тот уже знал о судьбе Муссолини. Вейдлинг не мог сообщить ничего вдохновляющего. Лейтмотив был безысходный — чуда не будет. Все запасы окончатся завтра. Пик немецкого искусства в области экономии и распределения ресурсов. Русские у Потсдамского вокзала. Защищать рейхсканцелярию нечем — нет противотанковых пушек. Битву в Берлине следует остановить в течение 24 часов. Наступила тишина. Лишь несколькими минутами позже Гитлер («слабым голосом» — говорит протокол) спросил мнение полковника СС Монке. Тот выразил полное согласие с Вейдлингом. На лежавшей пред Гитлером карте стрелы и обозначения внесены были согласно сообщениям иностранных радиостанций — связь с германскими штабными службами была прервана. И все же Гитлер запретил капитуляцию. «Я не могу разрешить сдачу Берлина». Теперь, сказал Гитлер, пусть войска выходят из окружения «малыми группами». Но ни в коем случае не капитуляция.

Вейдлинг этим был уже сыт по горло. Он удалился. Гитлер все искал на карте армию Венка, 9-ю армию и другие тени былой жизни. Между тем Венка остановили у озера Швелов, и он уже не был в состоянии показаться на карте Берлина. Фельдмаршал Кейтель сказал об этом Гитлеру в час ночи наступившего 30 апреля. Теперь было ясно, что на уме у Гитлера нечто иное. У него уже не было выбора. Утром 30 апреля американцы вошли в Мюнхен в Баварии и в Турин в Италии. Эйзенхауэр уведомил начальника Генерального штаба Антонова, что американские войска достигли разграничительной линии в Австрии — города Линц. Тито стремился обогнать американцев на пути к Фиуме, Поле и Триесту.

После взятия «Дома Гиммлера» войска занимали близлежащие дипломатические здания. Прямо напротив посольства Швейцарии располагался германский парламент. Неустроев и несколько других

офицеров пытались сориентироваться из верхних окон «дома Гимmlера», они не знали как выглядит рейхстаг. Зазвонил телефон, полковник Зинченко хотел знать, почему они остановились? Неустроев стал описывать большое здание, стоящее перед ними. Полковник недослушал: «Это и есть рейхстаг». Приведенного пожилого фольксштурмовца Неустроев спросил: «Was ist das?» И получил искомый ответ: «Reichstag». В полдень 30-го апреля 171 дивизия приготовилась брать рейхстаг. Паузы не будет, дело нужно решать немедленно. Гигантское облако дыма, гари, каменной трухи — всего, способного подняться в воздух, висело над городом, и не все осознали, что день был солнечным. Скажем так, не для всех он был солнечным. Офицеры и солдаты удивленно смотрели в карты, на них значились скверы, деревья и кустарники вокруг большого здания рейхстага. В реальной жизни все занимал раздробленный металл и никакой зелени в расплавленно-разбитых каменных джунглях не было и в помине. Знамя, которое следовало водрузить, передали лучшему батальону, им оказался батальон № 1 капитана Неустроева.

За несколько часов до того, как над Берлином взвился красный флаг, Гитлер покончил с собой. 30-го апреля он был один и обедал с секретаршами. Затем он пожал руки оставшимся. Адъютант Гюнше занял свое место у двери. Никто теперь не имел права войти. Ампула цианистого калия для Евы Браун, выстрел из пистолета, который почти никто не услышал — наверху скрежетали советские танки и били орудия главного калибра. Спустя несколько минут Гюнше вошел в комнату. Гитлер принял яд, но для верности сделал выстрел в голову. Тела были завернуты в одеяла, их вынесли на поверхность и облили бензином из канистр. Огонь не загорался. Шофер Кемпка зажег бумагу и с ее помощью соорудил костер. Черный дым пошел к небесам.

Рейхстаг

«Катюши» били по рейхканцелярии, по рейхстагу (где в части здания засели эсэсовцы), по части Тиргартена. 3-я Ударная армия подошла с севера к Рейхстагу, а с юга — 8-я гвардейская Чуйкова. 98 пушек открыли огонь по рейхстагу. Штурм начался в час дня — три батальона перемахнули через Кенигсплац. Когда присоединились гаубицы 203-го калибра и родные «катюши», здание германского парламента скрылось в дыму.

Сержант Ишчанов подбежал к Неустроеву за разрешением двинуться вперед. Здание оказалось хорошо защищенным, и первые проникшие запросили огня. Неустроев бился за второй этаж, по радио полковник Зинченко повторял вопрос-приказ: «Где знамя?». Ответ был воистину точным: в надежных руках.

Оказалось, что с верхних этажей «дома Гимmlера» по рейхстагу можно бить прицельнее. Прикрытые огнем смельчаки преодолели двести метров открытой поверхности и взбежали по ступеням внутрь огромного здания. Но двери оказались заложенными кирпичной кладкой. Лишь удар прямой наводкой «открыл двери». Первым в неизвестность вошел капитан Неустроев, за ним — ефрейтор Петр Щербина. Внутри был Сталинград — яростное сражение в темноте, когда нож надежнее автомата. Первый этаж, второй, третий. Сержанты Егоров и Кантария были уже на третьем, но пулеметный огонь преградил им путь. Знамя вывесили со второго этажа. Полковник Зинченко позвал Кантарию и Егорова. «Знамя нужно повесить на крыше». Он показал наверх.

В 6 вечера 30-го апреля последовал второй штурм. Пять часов свирепого боя. Лишь в 10.50 оба сержанта оказались на крыше. Бронзовая скульптура изображала Германию и ее лошадь. Сержанты, грузин и русский, взобрались на стацию. Осколок снаряда создал своего рода щель у левой ноги скульптурной лошади — идеальный флагшток. И без десяти одиннадцать вечера два сержанта, грузин Кантария и русский Егоров, водрузили красный флаг над Рейхстагом. Был ли в грузинской истории, русской истории, нашей общей истории, эпизод более славный? Почему же потупились народы, потеряли фокус исторического зрения, забыли громадную кровь, что сплотила нас самым священным образом? Почему пение ложных пророков расторгло наше кровное родство? До первого мая оставалось 70 минут. Красное знамя воцарилось над мрачным зданием.

Вейдлинг уже меньше смотрел на посмертное приказание

«пробиваться малыми группами». Куда? Зачем? Из здания военного министерства на Бендлерштрассе Вейдлинг в последний раз пробирался почти час в бункер Гитлера. Его встретили Геббельс, Борман и Кребс с известием о самоубийстве Гитлера, о сожжении его тела во дворе рейхсканцелярии. Следует оповестить об этом только маршала Сталина, нужно обеспечить визит к советскому командованию говорящего по-русски генерала Кребса для уведомления о смерти Гитлера, создании в Германии нового правительства и заключения перемирия в Берлине.

Подполковника Зайферта привели в штаб 102-го гвардейского полка. Договорились, что генерал Кребс и начальник штаба Вейдлинга полковник фон Дюфвинг вместе с переводчиком — зондерфюрером Нейландисом придут в распоряжение советского командования. Все они, один за другим, покинули бункер Гитлера, перебежали через дорогу и скрылись в подземном туннеле. Чуйков был в курсе происходящего и приказал прекратить огонь. Сел ужинать с военными журналистами Симоновым и Вишневским, поэтом Долматовским и композиторами Блантером и Хренниковым, присланными в Берлин «для вдохновения». Состоялся маленький концерт, и все были оживлены.

Немецкие представители — командующий германскими сухопутными силами Кребс со своим начальником штаба полковником фон Дюфвингом и говорившим по-русски уроженцем Прибалтики капитаном Найландисом прибыли в неурочное время, в три пятьдесят утра 1-го мая. Кребс вошел с железным крестом на мундире (вокруг шеи) и свастикой на рукаве. Часовые хотели сорвать свастику, но Кребс отчаянно сопротивлялся. Чуйков представил поэтов, композиторов и корреспондентов как членов своего штаба. Переводчиком Чуйкова был капитан Клебер.

Чуйков сориентировался достаточно быстро. Его людям не удалось водрузить флаг над Берлином, но теперь немцы пришли сдаваться именно к нему. Вишневский умолял его позволить присутствовать. Чуйков сдался, и Вишневский пришел с Блантером, на что Чуйков сухо сказал: «Писатели никогда не ходят поодиночке». Первыми словами говорившего по-русски Кребса были следующие: «Сегодня первое мая, великий праздник для наших двух наций». На что герой Сталинграда, человек редкой простоты и отваги, ответил с высшей мерой достоинства: «Сегодня наш огромный праздник. Что же касается состояния ваших дел, то об этом сказать труднее». Чуйков позвонил маршалу Жукову. Тот сразу же спросил, готовы ли немцы капитулировать? Кребс ответил, что «существуют другие возможности». Складывается впечатление, что долго живший в Москве Кребс решил обойти «простодушных русских» за столом переговоров. И

его задачей, как полагают, по крайней мере, американские историки Э. Рид и Д. Фишер, было «потянуть время, в течение которого Борман и Дениц откроют переговоры с (западными) союзниками и сыграют на их и Сталина взаимном недоверии».

Жуков немедленно позвонил в Москву, но дежурный офицер на даче в Кунцеве ответил, что Сталин только что лег спать — утром нужно будет принимать первомайский парад. Разбудить, приказал Жуков, новости не могут ждать. Первой реакцией Сталина на известие о смерти Гитлера были неожиданные слова: «Доигрался, подлец! Жаль, что мы не взяли его живым». Относительно Кребса: никаких переговоров, только безоговорочная капитуляция. Если не случится ничего особенного, позвонить утром. Сталин должен был выспаться перед первомайским парадом. Чуйков Кребсу: вопрос о перемирии в Берлине может быть решен только в рамках общей безоговорочной капитуляции. Кребс: «Тогда вы уничтожите всех немцев». Чуйков: «Мы не собираемся уничтожать германский народ». Чуйков с Кребсом, перешедшим на русский язык: «Какой смысл в этой борьбе?» Кребс: «Мы будем воевать до последнего».

Чуйков показал Кребсу последние советские газеты, в которых говорилось о попытках Гимmlера начать переговоры с западными союзниками. Кребс многократно повторял, что новое германское правительство желает начать переговоры с «державой-победителем», с СССР. Чуйков мобилизовал всю дипломатическую вежливость: СССР будет принимать общую капитуляцию совместно со своими союзниками.

Кребс в перерыве сказал, что все несчастья Германии начались под Сталинградом, на что Чуйков ответил, что там действительно было тяжело. «Вы командовали там корпусом?» — «Нет, я командовал там армией». Лишь тут Кребсу пришло на ум, что он не знает имени своего партнера по переговорам. И услышал ответ «Чуйков». Шок невообразимых пропорций.

По телефону Кребс по-русски прочитал Жукову документ, в котором Геббельс предлагал «установить контакт с вождем советского народа. Этот контакт важен для мирных переговоров между двумя державами, „которые понесли самые большие потери“». Гимmlер не был уполномочен вести переговоры с западными державами, фюрер авторизовал переговоры лишь с Россией.

Чуйков не был профессиональным дипломатом, но его логика все же ближе к общечеловеческой, чем логика Кребса. Чуйков: зачем же признавать новое германское правительство, целью которого будет сбор всех сил с целью продолжать войну? Кребс: на этот вопрос может ответить мое правительство, но не я. Чуйков: давайте все же сначала покончим с

войной, а потом уже разберемся с легитимностью нового германского правительства. Кребс стоял на своем: сначала признание правительства, а уже потом переговоры. Чуйков: это ситуация «ни мира, ни войны. Цель вашего визита сюда — вести переговоры только с СССР?» Кребс: да, только с СССР. Чуйков: «Но через наше посредничество и с другими союзниками?» Кребс завуалировал свою позицию. Аргументы были повторены Кребсом и прибывшему от Жукова генералу Соколовскому. События приняли облик фарса. Кребс напомнил коммунисту Соколовскому, что во Франции восстанавливается такой же, как и в Британии, капиталистический строй. Сталин не желает раздела Германии (говорит Кребс), этого хотят западные страны.

Оба генерала заметно устали, и утро встретило неординарную картину — Чуйкова и Кребса, пьющих коньяк и вспоминающих былое. В десять пятнадцать была прояснена официальная позиция Москвы: общая капитуляция, капитуляция Берлина или продолжение военных действий. Кребс заламывал руки, но советская позиция была неизменной. Кребс покинул штаб Чуйкова, Геббельс не принял советских условий, и Чуйков приказал: «Никаких больше переговоров. Приступайте к штурму».

В разговоре с Соколовским Чуйков признал, что сейчас, когда исход войны очевиден, никому не хочется умирать. В начале второго 2-го мая в эфире прозвучало: «Алло, алло. Говорит 41-й танковый корпус. Мы просим перемирия. В 12.50 по берлинскому времени вышлем представителей на Потсдамский мост. Отличительный знак — белый флаг. Ждем ответа». Чуйков ответил: «Поняли вас. Поняли вас. Передаем ваше предложение вышестоящему начальству». Вконец отчаявшийся выпасться Чуйков попросил не трогать его. Но, кажется, на этот раз это было серьезно. Спать не пришлось, два офицера были высланы к означенному мосту. Ничего не обсуждать, безоговорочная капитуляция. Здесь полковник фон Дюфвинг передал полковнику Семченко решение генерала Вейдлинга капитулировать. Сколько времени потребует капитуляция? Немцы обещали управиться за 3–4 часа. Было дано время до 7 утра. Через час Вейдлинг был уже у отчаявшегося выпасться Чуйкова.

Как оказалось, не было в живых и Геббельса. Геринга не могут найти. Кребс покончил с собой. «Маршал Жуков принимает капитуляцию Берлина». Итак, сказал Чуйков — герой Сталинграда, «это действительно конец». Вейдлинг ответил, что он в армии с 1911 года, и тут эмоции переполнили его. Он сел за стол и написал следующий текст: «30 апреля 1945 года Фюрер покончил с собой, а мы — те, кто дал ему клятву верности, — остались одни. В соответствии с приказом Фюрера, вы,

немецкие солдаты, должны были продолжать сражаться за Берлин несмотря на нехватку боеприпасов, несмотря на общую ситуацию, которая делает сопротивление с нашей стороны бессмысленным. Мой приказ: в дальнейшем сопротивление прекратить. Вейдлинг, генерал артиллерии, бывший комендант зоны обороны Берлина».

Соколовскому и Чуйкову не понравилось только слово «бывший». Около 5 утра 2-го мая 1945 года стали формироваться колонны германских солдат. Они выходили из подвалов рейхстага, из укрытий и домов и строились в большом молчании. День начинался дождливый, с туманом и пронизывающим холодом. Генерал Вейдлинг и его штаб сдались ровно в 6 часов утра. В плен сдались 134 тысячи немецких солдат. Часть зданий горела, лихорадочное движение наблюдалось лишь в западных пригородах Берлина, где образовался поток бегущих на запад. По Унтер ден Линден, где 22 июня 1941 года эсэсовцы окружили советское посольство, курсировали советские танки. Над разбитой рейхсканцелярией висел советский флаг. Во дворе советские солдаты обнаружили бывший бункер Гитлера. Полковник СМЕРШа Клименко у дантиста идентифицировал труп Гитлера. Сталин не сообщил об этом даже Жукову, а весь мир узнал об этом только в 1968 году. (На обозрение череп Гитлера, его «Железный крест» и фуражка были выставлены только в 1991 году). В три часа пополудни выстрелы в городе затихли. Непривычная тишина опустилась на город.

Кто плакал, кто смеялся. Неизвестные люди бросались друг другу в объятия, вихрь безмерного ликования охватил оставшихся в живых. Танкисты выскакивали из танков, они не верили, что дошли.

В этом последнем, воистину колоссальном сражении Красная Армия сокрушила 70 германских пехотных дивизий, 12 танковых и 11 моторизованных. В плен попали 480 тысяч немецких солдат и офицеров. Были захвачены полторы тысячи танков и самоходных орудий, 10 тысяч артиллерийских орудий, несчетное число самолетов. За три недели наступления три центральных фронта потеряли 304 887 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести; 2156 танков и самоходов, 1220 орудий, 527 самолетов.

Но дел было еще много. Рокоссовский охотился за 3-й танковой армией фон Мантейфеля, Лелюшенко предотвращал соединение Венка с остатками 9-й армии. Федюнинский и Батов мчались к балтийскому побережью. 3-го мая 70-я армия установила контакт с англичанами Монтгомери. Романовский добрался до датского острова Борнхольм. В Южной Австрии и Северной Италии в плен сдался почти миллион немецких солдат.

В час тридцать 1-го мая Сталин приказал Жукову занять позиции Конева в Берлине, а Коневу развернуться правым крылом к реке Мюльде. 2-му Украинскому фронту Малиновского было приказано развернуться в направлении столицы Чехословакии. На пути к ней находились 62 дивизии группы армий «Центр» и группы «Австрия». Но у противостоящих им трех советских фронтов (1-й, 2-й и 4-й Украинские) было 153 дивизии, сведенные в восемнадцать армий, поддержанных 2100 танками, почти 25 тысячами орудий и 4 тысячами самолетов. Следовало окружить германские силы к востоку от Праги. Англичане подталкивали американцев (Паттон) не останавливаться в восточной Чехии и идти на столицу. Генерал Маршалл не поддерживал авантюрных идей, и Эйзенхауэр был с ним солидарен. Он просмотрел свои планы и решил сообщить начальнику Генерального штаба Антонову, что в состоянии дойти до Влтавы, а стало быть, Праги. Но советская сторона призвала соблюдать установленные ограничительные линии. Ведь остановилась же советская армия в нижнем течении Эльбы по просьбе Эйзенхауэра? 5 мая Конев сказал генералу Брэдли, что его помощи в Пражской операции не требуется. Американцы остановились на линии Пльзеня.

На прощальном банкете в честь главы чехословацкого правительства Бенеша Сталин сказал: «Я ненавижу немцев», которые заставили славян заплатить за обе мировые войны, за Первую и Вторую. Когда они снова встанут на ноги, они попытаются воссоздать так называемый «европейский баланс сил — но тогда мы нанесем такой удар, что немцы не поднимутся снова и нападение на славян уже никогда не будет повторено». 4 мая пражане начали срывать немецкие знамена, утром следующего дня Радио Праги призвало к восстанию. В эфире прозвучал сигнал: «Мы нуждаемся в помощи!» Жители Праги начали создавать баррикады. Протекторат над Чехией был объявлен недействительным.

4 мая маршал Конев созвал своих командиров, те уже знали изданные утром приказы, касающиеся операции по освобождению Праги. Три атакующих колонны должны вонзиться в группу армий «Центр», окружая ее со всех сторон. Верным Лелюшенко и Рыбалко развить максимальную скорость на протяжении первых двух дней наступления. Жадов возьмет Дрезден. Столица Чехословакии должна быть освобождена в кратчайшее время.

Тем временем Дениц всерьез принялся распоряжаться гитлеровским наследством. Он пообещал продолжить борьбу против большевизма — любой ценой и в любых обстоятельствах. Даже если это означает борьбу против американцев и англичан. Его тактика заключалась в сдерживании

Красной Армии и массовых сдачах на западе. 6-го мая в Реймсе генерал Йодль совместно с адмиралом Фридебургом подписал акт о военной капитуляции. Представлявший советскую сторону при подписании генерал Сулопаров был в весьма сложном положении, не подписывать документ означало оставить советские войска единственной воюющей с немцами силой. Но через несколько минут после подписания из Москвы пришла инструкция: ничего не подписывать. Довольно бестактно поступила американская военная миссия в Москве, фактически потребовавшая согласовать советскую декларацию о германской сдаче с американцами и англичанами.

Генерал Антонов выступил с возражениями — переговоры о капитуляции должны предполагать одновременную сдачу на всех фронтах. Такой акт должен быть подписан в Берлине, и значимой для Советского Союза является подпись маршала Жукова. Именно советский народ вынес основное бремя страшного конфликта и имеет право оформления его окончания. Реймский документ — предварительный протокол. Сталин созвал в Кремле все высшее военное и гражданское руководство. Он нервно шагал по ковру. «Капитуляция должна быть организована как самый важный исторический акт и подписана на том месте, откуда началась фашистская агрессия, — в Берлине». Сталин позвонил Жукову с приказом найти подходящее помещение. Жуков нашел двухэтажное здание в Карлсхорсте, в восточной части Берлина, в бывшей столовой военно-инженерной школы.

Победа

Сдался после трехмесячной осады Бреслау. 1-й Украинский фронт пересекал границу Германии с Чехословакией, когда высокая германская делегация отправилась в Берлин для подписания документа о капитуляции.

Около полуночи с 8 на 9 мая были окончательно согласованы советская и западные версии текста германской капитуляции. Печатали его на маленькой портативной машинке при свечах. В зал, ведомые Жуковым, вошли главный маршал авиации Теддер (Великобритания), генерал Спаатс (США), генерал де Латтр де Тассиньи (Франция). Когда они сели за длинный стол, в зал ввели фельдмаршала Кейтеля. В сорок минут первого Кейтель подписал капитуляцию. Жуков произнес короткую речь и пригласил победителей к столу. Погрузневший за годы страшной войны, он до утра танцевал с молодым задором.

А танки Конева приближались к Злате Праге. Малиновский и Еременко помогали ударами с юга. Танки Лелюшенко достигли Праги рано утром 9-го мая. А в полдень в Прагу вошли войска Малиновского. Последняя операция войны в Европе завершилась спасением чешской столицы.

8 мая премьер-министр Черчилль обратился к палате общин со словами благодарности «за благородную поддержку». Он поступил, как когда-то его предшественник Ллойд Джордж, — проследовал в церковь Св. Маргариты, чтобы «смирненно возблагодарить Всевышнего за спасение от угрозы германского доминирования». С балкона министерства здравоохранения он сказал ликующей толпе: «Это ваша победа». Черчилль восславил «этот старый остров, который первым поднял меч против тирании и никогда не падал духом на долгом пути к победе». 9 мая 1945 года Черчилль продиктовал: «Наш величайший и самый смертельный враг рухнул на землю. В нашей долгой истории не было более великого дня». Премьер поехал в советское посольство, где произнес тост и выпил за победу.

Утром 9 мая московское радио объявило о великой победе. В стране был объявлен праздник. Три миллиона москвичей, надев все лучшее, собрались на Красной площади и поблизости. Гремел тысячепушечный салют. Это было неистовое ликование с моментами торжественного отрезвления и неумной скорби по тем лучшим, кто полег. Это был лучший для России день в столетии ее великих переживаний. Люди могли забыть

все, но они помнили этот день. И будут помнить пока живы.

24 июня 1945 года Жуков, гарцуя на белом коне, принял Парад Победы, которым командовал маршал Рокоссовский. Когда двести воинов резко повернули направо и у Мавзолея бросили наземь знамена вермахта, площадь оторопела. Лил дождь, но в ту великую минуту триумфа все забыли о стихии.

Окинава и последствия

Прежде чем начать кровавую бойню, американское командование постаралось нанести Японии максимальный ущерб массовыми рейдами «суперкрепостей» с огромным грузом зажигательных бомб, смертельных для деревянных японских городов. 10 марта 1945 года 334 бомбардировщика на низкой высоте и под прикрытием темноты совершило налет на большой Токио. В течение нескольких минут сгорели 330 тысяч домов, температура воздуха в городе заставляла кипеть воду, свою могилу в этом аду нашли не менее 80 тысяч жителей города. Выросший до 600 бомбардировщиков XXI воздушный флот генерала Лимэя начал уничтожать один японский город за другим — Осака, Нагоя, Кобе, Кавасаки, Иокогама. Было уничтожено более двух миллионов домов и 260 тысяч человек. К июлю 1945 года 60 японских городов лежали в руинах.

К власти в Токио пришел новый премьер-министр — 78-летний адмирал Кантаро Судзуки, но Тодзио сохранял фактическое право вето, руководя армией. И он был полон решимости сражаться до конца. Пищевой рацион населения опустился ниже отметки в 1500 калорий, но даже теряющие жизнеспособность японцы выкапывали корни деревьев, из которых химическим путем извлекали горючее. Связи между островами слабели, но никто не говорил о возможности сдаться. Когда, представляя американскую разведку А. Даллес встретил представителей японского посольства в Швейцарии, ответом ему была тишина. В Японии более 400 человек было арестовано по подозрению в готовности поддержать мирные переговоры.

Силы Америка выставляла огромные: 12 линейных кораблей, 50 авианосцев, 300 миноносцев, 200 подводных лодок — крупнейший в мире морской флот за всю историю мореплавания. 3000 самолетов размещались на палубах авианосцев, и тысячи самолетов ассистировали им с береговых баз. С марта 1945 года против японцев начали «работать» 250 «сверхкрепостей» Б-29, лучших в регионе на то время бомбардировщиков. (Правда, задействованные силы были велики, лишь только если их не сравнивать с европейским театром, где против 12 миллионов воинов Красной Армии сражались 10 миллионов немцев, где Британия выставила 5 миллионов человек, а американцы четверть от всех 12 миллионов мобилизованных солдат и офицеров. Между 1941 и 1945 годами в Тихом океане сражался миллион с четвертью американских солдат, из них к

морской пехоте и армии принадлежали 450 тысяч (29 дивизий).

Американское командование (Кинг, Нимиц, Спруэнс) пришло к выводу, что следующим логическим шагом на пути к четырем основным японским островам будет захват острова Окинава, расположенного в 600 километрах от самого южного из больших островов — Кюсю, острова из архипелага Рюкю. Используя накопленный опыт десантных операций, американское командование при взятии Окинавы отдало инициативу морской пехоте: 1-я, 6-я и 7-я дивизии морской пехоты, поддерживаемые пятью армейскими дивизиями.

Размышляя над будущим, японское верховное командование еще в середине войны определило границы абсолютной безопасности японских городов, и Окинава вошла в этот периметр. Японцы готовы были сражаться в этой зоне отчаянно. Весной 1945 года произошел пересмотр приоритетов территорий, но Окинава снова вошла в число безусловно важных территорий. План по защите островов Рюкю («план Тен-Ичиго») предполагал действия 4800 самолетов, расположенных на Формозе и собственно Японских островах. Предполагалось использование большого числа камикадзе.

Учитывая горький опыт Иводзимы, американцы решили провести основательную авиационную подготовку. Она продолжалась между 24 и 31 марта 1945 года — 30 тысяч бомб. 1 апреля армада из 1300 судов (18 линкоров, 40 авианосцев, 200 миноносцев) подошла к Окинаве, большому острову длиной в 150 километров. Американцы ожидали немедленных действий японцев, но те, зная что от них ждут, затаились, ожидая встретить наступающих американцев на выгодно расположенных позициях. Остров был пронизан тоннелями и всевозможными укрепленными позициями. Японцев на острове было 120 тысяч, американцы в первый день высадили 50 тысяч человек. Позднее численность американских войск достигла 250 тысяч человек.

На флот вторжения обрушились девятьсот тридцать камикадзе, они уничтожили десять миноносцев и один легкий авианосец и повредили более двухсот других судов. Битва за Окинаву продолжалась почти три месяца. Захват Окинавы ставил на повестку дня вопрос о высадке на собственно Японские острова. Потери в этих сражениях, судя по Окинаве, могли быть колоссальными. Американские военачальники подчеркивали необходимость того, чтобы Красная Армия начала боевые действия против Японии, по меньшей мере за три месяца до начала высадки американцев на Кюсю, первом из четырех главных Японских островов.

Для защиты Окинавы с севера к острову направился последний

огромный флагман японского флота — суперлинкор «Ямато» (водоизмещением в 64 тысяч тонн), чьи пушки калибра 18,1 дюйма, крупнейшие в мире, так никогда и не нанесли удар по достойной такого гиганта цели. Американцы благодаря радиоперехвату знали его маршрут и встретили суперкорабль самолетными торпедами — остановили, нанесли серьезные повреждения и добились. То была последняя крупная военноморская битва в данной войне. Тогда японцы начали отчаянную атаку летчиками-смертниками. Из налетевших на американские корабли 900 самолетов треть имела запас топлива только в одну сторону. Между 6 апреля и 29 июля были уничтожены 14 американских миноносцев и 17 транспортных судов. Камикадзе убили 5 тысяч американских матросов. В это время камикадзе налетали группами по 50–300 самолетов. Но число самоубийц, как и число самолетов, не могло быть безграничным. Японцы потеряли 108 самолетов.

На открытой территории Окинавы дела и у японцев, и у американцев шли не легче. Японцы сражались отчаянно, а американцы не могли развернуть всю свою технику. Постоянные дожди мешали американским танкам, японцы защищались фанатично, не жалея ни себя, ни полмиллиона местного населения. Когда сила цифр, явно преобладающих у США, стала давать о себе знать, высшие японские офицеры совершили харакири, за ними последовали ряд солдат и гражданских лиц. В ходе кровопролитных боев за Окинаву американцы потеряли 12 тысяч человек убитыми; 38 их судов были потоплены, 763 самолета — сбиты. Японцы потеряли 16 судов и огромное число самолетов — 7800 (тысячу вели летчики-камикадзе). В боях погибло 110 тысяч японцев. Окинава показала американцам что их ждет на собственно Японских островах. Впереди лежали невероятно кровавые битвы с фанатичным противником. Стали появляться оценки о возможных миллионных потерях.

Окончание войны в Европе изменило расстановку сил. Теперь американцы могли бросить в бой девяносто своих «европейских» дивизий, а англичане — 60. К ним присоединялась и советская армия, следуя сделанному Сталиным в Тегеране и Ялте обещанию. Но все равно будущее, если судить по Окинаве, выглядело устрашающим. Председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал Леги сказал президенту Трумэну 18 июня 1945 года, что при предстоящей высадке на острове Кюсю среди 767 тысяч десанта следует ожидать 35-процентных потерь, т. е. 268 тысяч — ровно столько, сколько США потеряли до сих пор на всех фронтах. Трумэн заметил, что должна быть найдена альтернатива «предотвращения Окинавы от одного конца Японии до другого».

Посредством декодированного «Магического» шифра американцы знали, что японцы пытаются найти посредника в Москве. Знали также, что русские не ведут двойную игру — что и подтвердили в Потсдаме. Но американцев очевидным образом пьянил успех их атомного проекта. 16 июля 1945 года президент Трумэн получил сообщение об успешном испытании атомного оружия в Аламогордо. 120 тысяч человек, работавших над проектом «Манхэттен», достигли искомого результата. 26 июля Трумэн приказал командующему стратегическими военно-воздушными силами генералу Спаатсу избрать одну из целей, на выбор, — Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки.

Потсдам

21 мая Сталин предложил Черчиллю и Трумэну встретиться в Берлине. Черчилль немедленно согласился: «Я очень хотел бы повидать вас как можно скорее». Но он уже начал говорить языком, который пугал окружающих. 28 мая на официальном банкете в честь покидающих правительство членов кабинета он сказал, что если новая смертельная угроза возникнет, «мы повторим все, что проделали сейчас». Окружающим хотелось верить, что это только фраза. Черчилль объявил палате общин, что за период между сентябрем 1939 года и февралем 1945 года погибло 307 210 солдат Британского содружества наций. Это было в три раза меньше, чем потери за первую мировую войну (996 230 человек). Черчилль видел свою историческую заслугу в том, что сохранил жизни целого поколения англичан. Ради этого он рисковал в антигитлеровской коалиции, во многом ради этого он два года оттягивал открытие второго фронта.

11 июня Черчилль на заседании комитета начальников штабов сделал такую оценку сложившегося положения в Европе. «Русские гораздо дальше продвинулись на запад, чем мы могли ожидать. Они всемогущи в Европе. В любое время, если они так решат, они могут пройти всю оставшуюся Европу и вытолкнуть нас на свой остров. У них превосходство два к одному над нашими силами». Для предотвращения такого развития событий союзникам следует встретиться. Выбор места встречи пал на удивительным образом нетронутый пригород Берлина Бабельсберг — немецкий Голливуд, центр кинопроизводства. В то время как неподалеку в Берлине руины и трупы кричали о только что завершившейся войне, дипломаты, по словам советника Черчилля Кадогана, «оказались в милом маленьком городке посредине разрушенной страны».

Накануне конференции западные союзники, как свидетельствует английский дипломат, «обсуждали один лишь вопрос: является ли Россия миролюбивой и желает ли она присоединиться к западному клубу — но испытывает при этом опасения, или ее целью является мировое доминирование и она будет стремиться обойти нас в области дипломатии». Преобладал вывод: рациональнее предполагать худшее. Неподалеку от Черчилля в Потсдаме расположился президент Трумэн, и к нему Черчилль отправился на второй день. Этот президент не питал к русским сантиментов. Проговорив с ним два часа, премьер-министр вышел со словами: «Я могу с ним работать». Черчилль в мемуарах: «Трумэн

произвел на меня впечатление веселой, точной, блестящей манерой разговора и очевидной силой в принятии решений».

После этой встречи Черчилль поехал осматривать руины рейхсканцелярии, по ней его провели русские. «Река крови пролегла между германской расой и народами почти всей Европы. Это не была горячая кровь битвы, где на удар отвечают ударом. Это была холодная кровь расстрелов и эшафотов, которая оставляет неистребимый след поколениям и столетиям», — записал Черчилль. Но «возле автомобиля собралась толпа берлинцев... Моя ненависть умерла вместе с их капитуляцией, и я был тронут проявлением их приязни равно как и нищенским внешним видом». По свидетельству капитана Пима, осматривая руины, Черчилль заметил: «Вот что было бы с нами, если бы победили они».

В Цецилиенгофе Черчилль встретился со Сталиным, который сообщил о демаршах японских дипломатов: «Японцы осознают мощь союзников и очень напуганы. Что такое безоговорочная капитуляция, можно видеть здесь, в Берлине и в остальной Германии». Черчилль сказал, что Британия «приветствует Россию как великую державу и особенно как державу морскую. Чем больше кораблей плавают по морям, тем лучше будут наши отношения». Сталин был изумлен тем, что Черчилль взял с собой своего политического соперника Эттли: как можно представить себе поражение на выборах? Как бы ни повернулась далее история, но на данном этапе очевидцы фиксируют слова Черчилля, которые тот повторил многократно: «Мне нравится этот человек». Иден пишет, что премьер попал под необъяснимое влияние.

На этом этапе Трумэн сознательно стремился создать о себе мнение как о решительном и жестком политике и был доволен, когда это ему удавалось. Матери он писал после первой встречи со Сталиным и Черчиллем: «Стоило мне занять пост председателя, как я заставил их двигаться». Сталин показал склонность сотрудничать при решении спорных проблем, что же касается Черчилля, то, казалось, что он поглощен предстоящими выборами, которые по его словам, «нависли надо мной как неизбежность». Президент ждал известий из Аламогордо, и ему было нелегко переносить словесный поток своего младшего западного партнера.

16 июля поступили долгожданные сообщения об успешном испытании атомного оружия. Во время ланча, чтобы не привлекать лишнего внимания, военный министр Стимсон написал на листе бумаги: «Дитя родилось благополучно». Это было так неожиданно, что Черчилль ничего не понял. Тогда Стимсон объяснил, что речь идет об экспериментах в пустыне. Очень важным видится ланч Черчилля и Трумэна 18 июля, в течение двух часов

они беседовали наедине. Предмет разговора — атомное оружие. «Президент показал мне телеграммы о последних экспериментах и попросил совета, сообщать ли об этом русским... Я ответил, что если президент решил рассказать, то лучше подождать окончания эксперимента». Трумэн спросил, как отвечать на требование русских поделиться германским флотом? Черчилль считал, что «следует приветствовать выход русских на широкие мировые воды и сделать это следует в великодушной манере. Это затронет проблему Дарданелл, Кильского канала, Балтики, Порт-Артура. Трудно отрицать за русскими права на треть трофейного флота». Но вопрос этот следует связать с развитием событий в Центральной Европе.

Черчилль подошел к вопросу, которому придавал чрезвычайное значение. В Организации Объединенных Наций нельзя видеть панацею; соглашения бессмысленны, если к ним может присоединиться каждый. Он желал заключения двустороннего англо-американского соглашения, включающего в себя вопрос о совместном пользовании военно-морскими и военно-воздушными базами. Британия, хотя она является меньшей державой по сравнению с Соединенными Штатами, может дать многое. «Почему американский линейный корабль, подходящий к Гибралтару, не может получить там торпеды в свои боевые отсеки и снаряды для своих орудий? Почему бы нам не делиться взаимными услугами для обороны в глобальном масштабе? Мы можем увеличить на 50 процентов мобильность американского флота». Трумэн ответил, что все это близко его сердцу, но он хотел бы избежать открытой формы военного «альянса вдвоем». Черчилль же продолжал развивать тему. «Следует сохранить Объединенный комитет начальников штабов до тех пор, пока мир не успокоится после великого шторма». Трумэн сказал, что «это был самый восхитительный ланч, который он имел за многие годы».

Вечером Черчилль отправился в гости к Сталину. Он взял с собой подарок — коробку сигар. Два политика обедали вдвоем. Переводчик втайне записал их беседу. Вначале Черчилль спросил, кто мог бы наследовать Сталину? Тот не назвал имени, но сказал, что этот вопрос решен на тридцать лет вперед. Сталин был высокого мнения о генерале Маршалле и как бы к слову заметил, что в образовании русским понадобится еще много лет, чтобы сравняться с их западными партнерами. Черчилль развивал тему, которая уже поднималась: Россия должна стать морской державой. Он сравнил Россию с гигантом, у которого перехвачены ноздри — узкий выход в Черное и Балтийское моря. Он готовился поддержать Россию в пересмотре Конвенции Монтре, «выкинув из нее

Японию и дав России свободный выход в Средиземное море». Речь может идти также о Кильском канале и о теплых водах Тихого океана. «Это не вид благодарности за содеянное Россией, это наша твердая политика».

Черчилль при этом сказал Сталину о чувстве «глубокого беспокойства, которое испытывают некоторые люди в отношении намерений России. Он провел линию от Нордкапа до Албании и назвал столицы стран, находящихся к востоку — в зоне влияния русских». Создается впечатление, что «Россия устремилась в западном направлении». Сталин ответил, что у него нет таких намерений. Напротив, он выводит с запада войска. «Два миллиона будут демобилизованы в течение следующих четырех месяцев. Дальнейшая демобилизация зависит лишь от работы железных дорог». Сталин извинился перед Черчиллем за то, что не поблагодарил официально Великобританию за материальную помощь в ходе войны. Это будет сделано. Курс на улучшение отношений с Западом определен тоже на тридцать лет вперед.

21 июля Трумэну сообщили, что испытания превзошли все ожидания. Утром 22 июля 1945 года к Черчиллю пришел ранний посетитель — это был американский военный министр Стимсон с потрясающим известием: в Аламогордо испытана первая атомная бомба. В радиусе одной мили все было испепелено. Премьер-министр бросился к Трумэну. У президента сидели военные. Всех занимала одна мысль: кошмар высадки на Японских островах исчезает. «До этого момента, — пишет Черчилль, — мы основывали наши идеи в отношении высадки на внутренние острова Японии на предшествующей сокрушительной бомбардировке и на десанте очень больших армий. Мы подразумевали отчаянное сопротивление японцев, сражающихся до конца с самурайской решимостью не только в местах высадок, но и в каждом окопе и пещере. У меня в сознании была картина Окинавы, где многие тысячи японцев предпочитали не сдаваться, а уничтожать себя ручными гранатами после того как их командиры торжественно совершали харакири. Сокрушить японское сопротивление посредством битвы „человек за человека“ и завоевать страну метр за метром требовало потери миллиона американцев и полумиллиона британцев — или даже больше». Место этого сценария стала занимать, по новому мнению Трумэна и Черчилля, «новая картина — яркой и прекрасной она нам казалась — окончания всей войны после одного-двух страшных ударов. Я сразу же, — пишет Черчилль, — подумал о японцах, чьим мужеством я всегда восхищался, которые могут найти в этом сверхъестественном оружии извинение, которое спасет их честь и освободит их от обязательства сражаться до последнего человека».

После обеда началась очередная пленарная сессия конференции. Язык западных союзников стал заметно жестче. Черчилль тотчас же увидел перемену в Трумэне: «Это был совсем другой человек. Он указал русским на их место и в целом доминировал на заседании». Трумэн и его государственный секретарь Бирнс сошлись на том, что конференцию нужно заканчивать, что с атомной бомбой Америка уже непобедима и на Тихом океане — в боях против Японии, и повсюду. Обедая 23 июля с начальниками штабов, адмирал Канингхем отмечает состояние необыкновенного подъема Черчилля: «Он питает огромную веру в эту бомбу. Сейчас он думает, что хорошо бы русским узнать о ней, они были бы скромнее».

Между тем Сталин почти перестал скрывать свое намерение выступить против Японии. На банкете вечером он при всех официантах провозгласил тост за следующую встречу в Сеуле или Токио. Черчилль налил две рюмки коньяка и предложил ему выпить вдвоем. «Я посмотрел на него многозначительно. Мы оба осушили наши рюмки залпом и одобрительно посмотрели друг на друга. После паузы Сталин сказал: „Если для вас неприемлемо создание нами базы в Мраморном море, не могли бы мы построить базу в Дедеагаче?“ Я удовлетворился таким ответом: „Я буду всегда поддерживать Россию в ее стремлении к свободе морей“.

Знаменитую сцену в конце восьмого пленарного заседания Черчилль описывает так: „Мы стояли по двое и по трое прежде чем разойтись“. Премьер заметил, как Трумэн подошел к Сталину и они говорили вдвоем с участием переводчиков. „Я был, возможно, в пяти ярдах и следил с пристальным интересом за этим важным разговором. Я знал, что собирается сказать президент. Было чрезвычайно важно узнать, какое впечатление это произойдет на Сталина. Я вижу эту сценку, словно она была вчера! Казалось, что он в восторге. Новая бомба! Исключительной силы! Возможно, это решающее обстоятельство по всей войне с Японией! Что за везение!“ Чуть позднее, ожидая автомобиль, Черчилль подошел к Трумэну: „Как все прошло?“ — спросил я. „Он не задал ни одного вопроса“, — ответил президент. Из чего я заключаю, что Сталин не знает об огромном исследовательском процессе, осуществленном Соединенными Штатами и Британией».

Президент Трумэн доверяет дневнику: «Хорошо, что люди ни Гитлера, ни Сталина не создали атомную бомбу. Кажется, что это самая ужасное из всех изобретений в мире, но оно может оказаться самым полезным». Трумэн сделал все, чтобы быстро завершить Потсдамскую конференцию. Потсдамская декларация в отношении Японии предлагала «возможность

завершить войну». То, что случилось с Германией, должно служить наглядным уроком Японии. Полное приложение союзных вооруженных сил, «поддержанных нашей решимостью, будет означать неизбежное и полное крушение японских сил равно как и истребление всего, находящегося на японской территории». Предлагалось разоружить вооруженные силы страны. Суверенитет Японии будет распространяться лишь на Японские острова. Но японцам будут сохранены фундаментальные гражданские права. Сохранены будут отрасли экономики, необходимые для ее жизнедеятельности. Альтернатива — «полное разрушение».

Декларация была передана от лица штата Белого дома в 7 часов вечера 26 июля 1945 года. В этот день в далеком Тихом океане крейсер «Индианаполис» прибыл на остров Тиниан с атомной бомбой на борту. На крейсере были и специалисты, которые поместили бомбу на бомбардировщик «Энола Гей».

2 августа Потсдамская конференция завершила свою работу. Трумэн поспешил в Вашингтон. Новое оружие действовало на него магнетически, только о нем он говорил в королю Георгом Шестым во время обеда на рейде Плимута.

Дальний Восток

Будущее японские лидеры видели уже в весьма мрачном свете. Январский анализ 1945 года: после интенсивной бомбардировки союзники начнут десант в Японию в середине 1945 года. Японцы намеревались упорно держаться за Сингапур, они предоставили независимость голландской Ост-Индии, но не уходили из нее. В начале апреля был образован штаб обороны собственно Японских островов. 1-я армия фельдмаршала Сугияма Хаджиме отвечала за Хоккайдо и Северный Хонсю. Фельдмаршал Хата Шюнроку брал под защиту Южное Хонсю, Сикоку и Кюсю. Его штаб был в Хиросиме.

Как и ожидалось, японцы отвергли Потсдамскую декларацию, грозящую Японии судьбой Германии. Премьер-министр адмирал Кантаро Судзуки: «Что касается (японского) правительства, то оно не видит в этой декларации никакой ценности и оно не видит иного выхода, кроме как игнорировать эту декларацию полностью и сражаться решительно ради успешного завершения войны». Японцы торпедировали крейсер «Индианаполис». 883 моряка этого крейсера погибли. Капитан подлодки Хасимото приказал отметить свой успех «рисом с бобами, вареным угрем и тушеной говядиной». Если бы японцы потопили «Индианаполис» несколькими днями раньше, когда на крейсере был секретный атомный груз, пути истории были бы, возможно, несколько иными.

Читая шифр «Мэджик», американцы видели, какие упования Токио возлагает на сепаратный подход к Москве, насколько ожесточены японцы и полны решимости сражаться, пока у них есть надежный континентальный плацдарм, уничтожить который может только советская армия. Знакомясь с перехваченными телеграммами, военно-морской министр Форрестол пришел к неутешительному заключению: японский кабинет министров решил, «что война может продолжаться со всей энергией и яростью, на которую способна их нация до тех пор, пока альтернативой будет безоговорочная капитуляция».

4 августа оперативный отдел Квантунской армии — лучшей сухопутной армии Японии, расквартированной в Маньчжурии, — пришел к утешительному выводу, что наступление со стороны советской армии невозможно ранее сентября. И в сентябре такое выступление против 700-тысячной элитарной Квантунской армии маловероятно. Если СССР все же решит присоединиться к США и Британии, то он сделает это скорее всего

весной 1946 года.

Готовясь отбивать высадку американцев на Кюсю, японцы к августу 1945 года подготовили 1200 камикадзе, 2800 пребывали в процессе подготовки.

Между тем перемещение советских войск на Дальний Восток началось в мае и заняло значительный период — до июля включительно. Три штаба будущих фронтов и четыре армейских штаба уже разрабатывали планы наступления. Планировалось увеличить контингент советских войск с сорока до восьмидесяти дивизий. Опытные командиры занимали свои места, армия готовилась к суровым боям. Два огромных удара должны были окружить Маньчжурию с востока и запада где-то после 25 июля. Несчетное число эшелонов шло с запада на восток. Западные союзники читали японские кодированные сообщения об этих перемещениях, о панике, которую они вызывали у японцев.

Ночью 5-го августа семь групп американских бомбардировщиков направились в сторону Японских островов. Задача первой группы — разбросать мины во внутреннем Японском море; вторая группа шла бомбить город Сага; 102 самолета летели с зажигательными бомбами на Мебаси; 261 самолет — на Нишимония-Микаге; 111 самолетов — на Убе; 66 — на Имабари; один бомбардировщик направился в сторону Хиросимы. Седьмой самолет — бомбардировщик Б-29 «Энола Гей», поднялся в воздух рано утром 6 августа 1945 года с острова Тиниан, что среди Каролинских островов. Через пять с половиной часов под крылом оказалась Хиросима. В бомбе прикрепили несколько записок. На одной из них значилось: «Приветствие Императору от экипажа „Индианаполиса“». Капитан Роберт Льюис видел ослепительную вспышку. Его товарищи по экипажу услышали такой комментарий: «Смотрите-ка, что делает этот сукин сын!» В результате этого взрыва погибли 78 тысяч человек, а 35 тысяч были ранены. Через 13 дней число погибших достигло 92 233 человек. Из 90 тысяч домов Хиросимы 62 тысячи были уничтожены. Через три дня подобная же судьба постигла и Нагасаки.

8 августа, выполняя данное обещание, Советская Армия перешла границу с Китаем навстречу Квантунской армии японцев. Генерал Маршалл, такой энтузиаст советской помощи американской армии, теперь ищет предлога отказаться от этой помощи. Но не находит — слишком много сил положено на подготовку дальневосточного выступления советских войск.

Японская разведка, как уже говорилось, не предсказала столь раннего выступления советской армии. И теперь лучшие из ветеранов боев против

германских войск обрушились тремя фронтами на оплот японцев на евразийском континенте. Это были лучшие советские механизированные части. Квантунская армия считалась лучшей в императорской армии Японии, но она, разумеется, не имела боевого опыта противостоящих частей Красной Армии. Ее 750 тысяч солдат и офицеров были полны решимости удержать давно укрепляемую ими Маньчжурию, но не все было в их силах. И когда 6-я гвардейская армия 13 августа прорвала их оборону и вышла на стратегический простор, Квантунской армии ничего не оставалось, кроме как отойти через реку Ялу в Северную Корею, где ее сопротивление продолжалось до 20 августа.

9 августа 1945 года Высший военный совет Японии собрался на совещание в Токио. Голоса разделились поровну, трое за принятие требования о безоговорочной капитуляции, трое — против. Премьер Судзуки и министр иностранных дел Того были за капитуляцию, но военный министр Анами был против: «Рано говорить, что война проиграна. Определенно то, что мы причиним противнику в случае вторжения в Японию огромные потери, и ни в коей мере не невозможно то, что мы сможем изменить ситуацию в нашу пользу, вырвав победу из рук поражения. Более того, наша армия не подчинится приказу о демобилизации. А поскольку она знает, что ей не будет позволено сдаться, что сдача влечет за собой суровое наказание, не существует альтернативы продолжению войны».

Судзуки и Того не подчинились и пошли на прямой контакт с императором Хирохито, прося того председательствовать на Высшем военном совете. Это заседание началось за полночь в бомбоубежище императора. Судзуки начал заседание чтением Потсдамской декларации. Того потребовал согласиться с ее требованиями с той оговоркой, что императорская династия окажется сохраненной. Генерал Анами выступил с уже известными контрдоводами. Все обратились к императору Хирохито. Его слова следует процитировать: «Продолжение войны может иметь своим единственным результатом уничтожение японского народа и продолжение страданий всего человечества. Кажется очевидным, что нация не в состоянии вести войну и ее способность защитить свои берега сомнительна». Пришло время «вынести невыносимое». Япония должна принять условие безоговорочной капитуляции.

В Маньчжурии шли жестокие бои, советские военные моряки высадили десант на Южном Сахалине. Корабли советского Тихоокеанского флота бомбардировали бухты с японским флотом. Бои будут продолжаться до 19 августа. 8219 советских солдат и офицеров погибли на этой далекой

войне, выполняя данное западным союзникам слово.

Рано утром 10 августа из Токио последовало формальное принятие Потсдамской декларации. «Японское правительство готово принять условия, названные в Общей Декларации, изданной в Потсдаме 26 июля 1945 года главами правительств Соединенных Штатов, Великобритании, Китая и позже подписанной Советским Правительством, с условием, что указанная Декларация не будет содержать в себе требования, покушающиеся на прерогативы Его Величества как суверенного правителя». Но мир не знал еще о решении японского правительства. Советские армии быстро продвигались по северному Китаю, окружая Квантунскую армию. Под танки бросались камикадзе, хотя общий поворот событий был уже ясен. Генерал Анами сделал себе харакири, чтобы не слышать официального признания поражения. Несколько сот солдат и офицеров Квантунской армии взорвали себя ручными гранатами. 23 августа советские войска вошли в Порт-Артур. Через два дня советские войска полностью завладели Сахалином. Унижения полувековой давности были отомщены, потерянное — возвращено.

15 августа в полдень диктор японского радио попросил слушателей занять уважительную позу. Впервые публично по радио выступил император Хирохито, оповещая своих солдат, моряков и весь народ о том, что императорское правительство решило приступить к переговорам. «Ход войны повернулся в неблагоприятную для Японии сторону... Противник начал применять новое и самое жестокое оружие... Вот почему мы решили обратиться к правительствам Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза, оповещая их о том, что наша Империя принимает условия Совместной декларации». Семьдесят миллионов японцев прекратили сопротивление. Вторая мировая война завершилась.

Заключение

Великая коалиция Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании после нескольких лет отчаянной борьбы одержала верх над союзом Германии, Японии и Италии. Обе стороны мобилизовали огромные ресурсы, но антигитлеровская коалиция превзошла своих противников в материальном отношении и, главное, в решимости и готовности пойти на любые жертвы ради защиты своей национальной свободы. Обращение к статистике сразу же показывает, чей индустриально-научный потенциал оказался выше, чьи ученые и рабочие сумели быстрее и убедительнее создать предпосылки в индустриальной войне, в войне моторов и огневой мощи.

Но для окончательной демонстрации своих преимуществ коалиции требовалось время, а его-то и не хватало в мобильных операциях Второй мировой войны, на которой в течение нескольких дней в боевые операции оказывались задействованными огромные людские ресурсы. Поэтому, несмотря на общий превосходящий потенциал, союз Москвы, Вашингтона и Лондона в первой половине войны пережил несколько критических фаз, когда чаша весов могла склониться в противоположную сторону. Ради исторической истины отметим, что подобное стечение обстоятельств происходило не на западных или тихоокеанских фронтах. Как минимум, трижды мир замирал в томительной тревоге по поводу судьбы войны, и это колебание мировой фортуны неизменно происходило на советско-германском фронте.

Представим себе, что страны «оси» возобладали глубокой осенью 1942 года в своем движении к Суэцкому каналу, что они вышли к долинам Индии, овладели контролем над Индийским океаном. Северная Атлантика — от Новой до старой Англии вплоть до незамерзающей полосы океана у Мурманска продолжала бы оставаться зоной взаимодействия антигитлеровской коалиции. Представим себе полное вхождение петэновской Франции в действенный союз с Германией после июня 1940 года. Объединенная мощь флотов Британии и Америки и в этом случае оставалась бы безусловно превосходящей, равно как и в случае, если бы японский императорский флот трижды повторил то, что ему удалось сделать в Пирл-Харборе. И тогда флот двух говорящих по-английски государств превосходил бы все мыслимые и немыслимые военно-морские резервы Японии, Германии и способной примкнуть к ним вишистской

Франции, сохраняя мировой океан как дорогу взаимопомощи великой коалиции. Представим почти немыслимое: «Битва за Британию» заканчивается в пользу Германии и вермахт оккупирует Альбион. Есть все основания поверить Черчиллю, что Лондон увел бы свой мировой флот в канадские гавани и Новый Свет, в союзе с Канадой и Австралией, постарались бы отомстить за униженную прародину, сохраняя при этом все шансы на финальную победу.

Но вот крушение советского фронта грозило подлинно невосполнимыми потерями и роковыми последствиями. Это было возможно трижды. 1) Если бы немцам удалось в середине октября 1941 года войти в Москву и Ленинград, перерезать Волгу как транспортную магистраль, бомбить индустриальный Урал и довести обороноспособность советской страны до степени замирания пульса, мировые судьбы могли сделать крутой поворот. 2) В августе-октябре 1942 года немцы доходят до бакинской нефти, форсируют Волгу и заходят за Москву с востока; в условиях, когда вся Европа в руках Берлина, а дорога на Ближний Восток для него становится открытой, Вашингтон и Лондон могли бы пожалеть о неоткрытии обещанного второго фронта в 1942 году. 3) Манштейну и Моделю удастся пронзить Курский выступ в июле 1943 года и в советской обороне образуется зияющая брешь, сквозь которую вермахт прорывается на невиданный стратегический простор — вспомним, ведь на Орловско-Курской дуге было 60 процентов боевой мощи советской армии. Консолидация Евразии лишила бы шансов западных союзников, не утвердившихся еще и в Сицилии. Ведь германская военная промышленность продолжала свое восхождение еще вплоть до ноября 1944 года, и в ее руках были бы реактивная авиация, «крылатые ракеты» (Фау-1), ракеты средней дальности — Фау-2, головную часть которых Нобелевский лауреат Гейзенберг готовился сделать атомной.

Мировая история пошла бы по иному пути. Во всех этих трех критических моментах определяющим фактором стала стойкость Красной Армии, зрелость советской индустрии, боевой дух нашего народа. Нам есть чем гордиться, в критическое время — между июнем 1941 и июнем 1944 года — наша страна фактически один на один вынесла страшный удар лучшей военной машины Запада, устояла, спасла себя, спасла своих союзников, освободила половину Европы. Судьба Второй мировой войны была решена предшествующим поколением — поколением наших отцов. Много событий мировой истории так или иначе теряют свой блеск, но не это. Невиданным усилием наша страна устояла и оберегла полмира. Это является предметом немеркнувшей национальной гордости, тем настоящим,

которое так необходимо для нашего будущего.

Недобрым выдался двадцатый век для нашей Родины. Жертвы и потери, страшное напряжение, жестокая судьба. Но не было в этом веке часа трагичнее, чем начавшийся после полуночи в короткую летнюю ночь 22 июня 1941 года. Враг ставил не сугубо военные цели, он заведомо не удовлетворялся возможными уступками, он лелеял радикальное решение, означавшее для нас падение в бездну исторического небытия. Нечеловеческими были цели «Барбароссы», хладнокровная калькуляция этого плана ставит под вопрос саму гуманность на земле. Поколению наших отцов пришлось столкнуться не с классическим военным поединком, а со страшной в своей бескомпромиссной жестокости войной на выживание.

Немцы не сомневались в своей силе. Ведь она уже была опробована — ее в полной мере испытала вечная соперница Франция, разгромленная за месяц боев. Вожди Германии не сомневались в исходе грандиозного поединка с Советской Россией. Сомнений не испытывало и большинство осведомленных людей на Западе. Одиночки верили в русское упорство, но не в русское счастье. Они верили, что Красная Армия погребет немало дивизий вермахта, но не смели надеяться, что она дойдет до Берлина. Что касается немцев, то в июне 1941 года каждый из них помнил триумф Гинденбурга и Людендорфа на Восточном фронте в 1914–1918 годах. В сознании немцев безраздельно господствовала мысль, что если между августом 1914 и мартом 1918 года несколько германских корпусов смогли развеять в прах славу императорской русской армии, то осененная победой над Польшей, Францией, Скандинавией и Балканами германская армия 1941 года, действуя двумя руками — и имея за собой потенциал всей Центральной и Западной Европы, — быстро и определенно решит задачу сокрушения России. И когда германская военная машина повернула на восток, Россия оказалась над исторической бездной.

Наш час пробил на рассвете самого долгого дня 1941 года, самого трагического дня нашей истории. Далеким от благоденствия народ был погружен в проблемы социального переустройства, неслыханной по темпам индустриализации, перехода крестьянства в новое состояние. По отношению к утвердившейся диктатуре Сталина царила спартанская лояльность. Наша армия, отличавшаяся исконной готовностью к самопожертвованию, была в большой степени ослаблена перерывом в традиции военного воспитания профессиональных военных, пять столетий делавших ее непобедимой. Она была подорвана истреблением той командирской поросли, которую дала жестокая гражданская война,

воцарившимся террором, убивавшим инициативу, предприимчивость, свободу анализа, рассудительность и ответственность.

А Германия пребывала в зените своей мощи и консолидированности. Она справедливо славилась индустриальной мощью. Сотни тысяч умелых, серьезных, удивительно трудолюбивых, сметливых, знающих, потрясающе талантливых, педантичных инженеров и рабочих день за днем ковали индустриальное могущество страны, чья армия дошла до французского Бреста и русского Сталинграда. Им противостояла страна, живущая на двенадцатом году форсированной индустриализации. Страна прекрасных автобанов состязалась со страной гиблых дорог. Страна дизельных моторов, прекрасных станков, цейссовской оптики, непревзойденного в мире химического производства вторглась в пределы державы, чье население уже во взрослом возрасте впервые увидело автомобиль и трактор. Со страной потомственных лучших в мире умельцев состязалась нация, едва оторвавшаяся от деревянной сохи, от курной избы, от скота и владельца под одной крышей.

Однако динамизм и самоуверенность Берлина уготовили ему неожиданность. Известно, что поражение учит, а победа грозит самодовольством. Веселые танкисты Гудериана, загорелые гренадеры Гота и Клейста бодро катили мимо сотен дымящихся русских танков, дивясь прямолинейности примитивной русской наваальной тактики, считая падающие с неба — обреченные с первого поворота винта — советские самолеты, издеваясь над неспособностью противника хладнокровно и грамотно сочетать броневую и авиационную мощь, осуществлять маневр, рассчитать свои силы, употреблять их оптимальным образом. Этого не было — не помогало отчаяние Ворошилова и Буденного, крестьянское упорство Тимошенко, неукротимая ярость Жукова. Удивление вызывало лишь русское хладнокровие в одном — в готовности отдать жизнь.

Между независимостью и поражением России осталось то, что трудно было определить даже германским гениям калькуляции. Широко расположившись на огромном континенте, русские органически питали и питают особое, почти религиозное отношение к своей суровой земле. Это чувство абсолютной, заложенной в генах любви и преданности к просторам, почве, к родному пепелищу, к заветам предков, к теплу семьи. В наскоро построенных кирпичных городах и пустеющих деревянных селах, в клетях коммунальных квартир и скупых скарбом избах жило некалькулируемое чувство бездонной любви к своей стране, великое и святое чувство. Это чувство нейтрализовало недовольство режимом, это чувство сняло фактор человеческой усталости, это чувство обесценило

саму жизнь перед святой любовью к своему краю. Это чувство невозможно убить. Оно составляет основу нашего мировосприятия.

Западному индивидуализму в этом непросто разобраться. Речь идет о неагрессивном, жертвенном чувстве. Для наших соотечественников было, есть и всегда будет легче умереть за свой мир, чем увидеть его поругание. Святость жизни уступает в такой душе святости самопожертвования — это почти национальная религия. Умирая в смутные времена, будучи вытесненными на чужбину, россияне никогда не жаловались, как не жалуется они и сейчас. Но никто и никогда не сможет поколебать их элементарной и абсолютной готовности положить свою жизнь за никогда не бывшую к ним ласковой, но беспредельно прекрасную и вечно любимую родину. Словно преодолевая жестокость существования, словно действуя вопреки всем трудностям жизни, словно забывая мороз и холод, неустроенный быт, ужас бездорожья, ярость стихий, жители нашей страны гибнут за то, что им дорого. Посмотрите, в самом жестоком для нас двадцатом веке, начиная с 1904 года, мы потеряли едва ли не половину своего населения. Но кто усомнится в решимости оставшейся половины? В том далеком 41-м главной силой России оказались это неприметное и негромкое, отчаянное и бескорыстное чувство. Беззаветные труженики в тылу ковали меч, а вышедшие на смертный бой воины не посрамили свою землю.

Именно этого не учли Германия и ее союзники в своем походе на Россию. Судьба очередных «аборигенов» волновала их мало. Но в тысячах деревень, где еле теплится вечером в окне свеча, провожали кормильца со стоической убежденностью, что он не пропустит врага, пока жив. Именно в этом — исток и причина нашей победы, обусловившей итог Второй мировой войны. Исполняя тысячелетний обет, люди военного поколения следовали своему генетическому коду. Для такого дела не было жертвы слишком большой. При хладнокровном анализе Гитлер и его окружение должны были понять, что страну таких масштабов, (сцементированную жесткой политической системой), такого народа с его неистребимым патриотизмом и мученическим стоицизмом Германия, при всей ее колоссальной мощи, завоевать не могла. Даже если бы германские танки вошли в Москву и Ленинград, даже если бы они пересекли Волгу у Сталинграда.

Противостоящий нам германский вермахт был вооружен всеми средствами технически совершенной цивилизации, приемами многовекового военного опыта, обновленного в 1939–1941 годах, и укомплектован преимущественно индустриальными рабочими —

методичными, инициативными, дисциплинированными, воспитанными в духе безусловного расового превосходства. Это обстоятельство предопределило несопоставимость жертв каждой из двух сторон: пулемет опять нейтрализовал личную доблесть.

Бедой и горем страны стала ее изоляция, оторванность от внешнего мира и его опыта. Страх самого Сталина оказаться «поклонником Запада» обернулся фактически преступлением перед своей страной: армия не сумела извлечь уроки из западноевропейской и польской кампаний германской армии. Скованность догмами не позволила прямо указать на самое слабое место наших войск — отсутствие надежной связи и координации (а это подразумевает наличие радио- и телефонной связи, постоянной авиационной разведки, действенной службы тыла). Талант наших инженеров и рабочих сказался в создании танков и самолетов, заметно превосходящих по боевым характеристикам немецкие. Однако понадобился огромный кровавый опыт, прежде чем была найдена система эффективного управления войсками и в армейской среде выделились независимые, сильные характеры, самостоятельные командиры всех рангов.

Два обстоятельства спасли нашу страну. Первое — военная промышленность дала меч. Второе и главное — в час выбора между жизнью и спасением Родины наш солдат, и не только надевший шинель — солдатами стали все, — бестрепетно пожертвовал жизнью. Судьба мира, судьба самой жестокой из войн больше всего зависела от того солдата, который определил свой последний рубеж, свою деревню Крюково. Он обрекал себя на смерть, но его не нужно было ни в чем убеждать. Отступив на тысячу верст от своих западных границ до ворот столицы, советский воин встал насмерть. Шестьдесят лет назад, в самый страшный час России, когда ее судьба повисла над исторической бездной, ее сыновья выполнили свой долг. Так был отбит первый натиск стран «оси», который мог иначе решить судьбу Второй мировой войны.

Второй натиск помертвевшая страна отразила через год. Бывали в русской истории горькие времена, бывали дни смятения и отчаяния, но не было еще такой страшной осени, когда после тяжелых поражений 1942 года, символами которых для антигитлеровской коалиции были Харьков, Батаан, отступление в Северной Африке, немцы дошли до Волги и Нила, а японцы до Австралии и Индии. Только пустынные берега Волги видели приносимую без стенаний и гордыни массовую жертву наших отцов, верных своему долгу перед Отечеством. От них, выросших в лишениях и трудностях, мечтавших о многом и немного имевших, потом и кровью

выстроивших страну после гражданской разрухи, не знавших легких дней и безбедного существования, зависела наша жизнь, свобода и надежда на лучшее. Они принесли эту жертву молча, без речей и аффекта, без обиды и без сомнения. На высоком волжском берегу погибли тысячи солдат, перед которыми мы, не сумевшие сберечь того, что своей кровью защитили они, в неоплатном долгу.

Заря надежды взошла над Россией тогда, когда вчерашние лапотные крестьяне и их шмыгающие носом дети в мрачных, далеко не *gemutlich* цехах, едва доставая до станины, впервые в жизни постигая тайны индустриального производства, живя впроголодь, бросаясь в морозной мгле по гудку своего завода к обшарпанной проходной, согреваясь собственным дыханием за недавно установленными станками, едва взбираясь на танковый конвейер, стали производить больше и лучше современного оружия. Гений наших инженеров и самоотверженный труд того поколения рабочих выковал сталинградский меч. В битве на Волге было выпущено больше снарядов, чем в любой другой битве Второй мировой войны. Сплошным потоком шли к волжским обрывам наши лучшие в мире танки, на приволжские аэродромы садились новые прекрасные самолеты, в огромной тайне — только ночью — пробирались ошеломившие немцев реактивные минометы.

Сталинград стал самой кровавой битвой в мировой истории. Полтора миллиона человек пали в ней. Сталинградское кольцо было петлей, в которую Германия полезла сама, движимая ненавистью, предрассудками, алчностью, бесчеловечной идеологией, слепым расчетом. Но не стоит обижать кротких людей, тех, кого сами немцы, давно знающие нашу страну, назвали символом простой человеческой искренности. Из простых деревенских парней лютая, ошеломившая всех жестокостью война сделала лучших в мире танкистов, из городских мечтателей — ястребов неба, из поселковых задир — бесстрашных разведчиков. Из временами безалаберной массы — смертельной силы организованную машину, способную на стратегический взлет и на тактическую хитрость. Если бы Бог внушил Германии мудрость, она должна была бы сложить оружие уже в конце ноября 1942 года. Тогда Ганс увидел бы Гретхен. Гитлер предстал тем, кем он был, — преступником, а миллионы людей, молящихся и ликующих, страдающих и добывающихся своего, сильных и смелых, добрых и самоотверженных, пекущихся о семье и никогда ее не строящих, не оказались бы в могилах на всем пути жестокого фронта, созданного в степях вокруг Сталинграда. Его уже невозможно было остановить до Берлина.

На немцев, почитавших себя расой господ, Сталинград произвел, словами американского историка У. Крейга, «парализующее сознание действие... Наиболее устойчивым и важным результатом стала постепенная моральная и физическая деградация германских солдат, пришедших к осознанию того, что они обречены. В их борьбе, в их попытках справиться с уже невыносимым лежит конечная драма данного исторического события»^[64].

Исторические события не всегда отчетливо видны современникам. Отирая пот, заряжающие, наводящие и подающие снаряды ребята всех национальностей Советского Союза, выходцы из всех республик, солдаты великой и единой армии не ведали, что их красными от мороза руками творится мировая история. Окончился этап отступления, жестокого уменьшения веса и роли нашей родины на мировых весах. С первыми сталинградскими залпами страна начала вставать во весь рост. Отсюда, из безжизненной степи — и до космических далей. От приволжских просторов — до берлинского рейхстага. От чувства едва ли не неполноценности — к победам во всех проявлениях человеческого гения и упорства. От старой трехлинейки — до ядерного оружия. От скромных волжских буксиров — до океанского флота. От впервые нажавшего на педаль танка паренька до выхода в открытый космос. Сталинград связал народы нашей страны и породил великую гордость. Мы выстояли. Мы можем все, что доступно другим. И иногда даже чуть больше — в реактивной авиации, реакторе мирной атомной энергии, судне на воздушной подушке, синхрофазотроне, первенстве во всех олимпиадах, в мировом хоккее, в шахматах, в наших прекрасных фильмах, в исчезнувших нищих и покоренных эпидемиях.

Все это будет потом. Но началом всего этого была Сталинградская битва. 1942 год войдет в нашу историю, как год, когда мы выжили. Гитлер объявил в начале летней кампании год решающим и пригласил своих союзников участвовать в триумфе. В результате его собственная ударная армия, столь отличившаяся в Польше, Нидерландах, Франции, на юге Советского Союза, оказалась разгромленной. Лучшие силы румын, итальянцев и венгров исчезли в русских снегах, чтобы никогда уже не возродиться в значительном объеме. Германский колосс еще стоял на обеих ногах, но объем его операций и лихость захвата территорий оказались в прошлом. Особое слово о люфтваффе. Его господство в воздухе подходит к концу и одновременно рождается великая авиация Красной Армии, отныне становящаяся все сильнее. После Сталинградской битвы мы поверили в себя. И никто уже не заставит нас усомниться. Отныне добрые новости

поступали не только с юга, но и с севера. 18 января соединившиеся Ленинградский и Волховский фронты прорвали блокаду великого города.

Красная Армия, выйдя из страшных подвалов Сталинграда, обрела не только новое дыхание, но и новый внешний вид. Гвардия получила особый знак. Офицеры надели новые кителя с золотыми погонами, те самые погоны, которые революционные солдаты 1917 года срывали с офицеров русской армии. Единоначалие в войсках уже было введено 9 октября. Осененные знаменами своей истории, полки и дивизии связали воедино историю и современность, дали солдату и офицеру чувство гордости за тех, кто создавал нашу державу, кто творил нашу культуру, кто породил гениев во всех проявлениях человеческого духа.

Иностранные наблюдатели — доброжелатели и недруги — начинают писать о стране и армии по-новому, иначе оценивая то, что части из них казалось «колоссом на глиняных ногах». Несимпатизирующий Курцио Малапарте: «Посмотрите на этих мертвых, на этих погибших татар, на убитых русских. Это новые тела,... только что доставленные с великих строек пятилетки. Посмотрите, как сияют их глаза. Обратите внимание на их низкие лбы, на их толстые губы. Они что, крестьяне? Рабочие? Да, они рабочие — специалисты, ударники... Они символизируют собой новую расу, эти тела убитых рабочих в индустриальной войне». Армия 1914–1917 годов была, несомненно, армией крестьян. К эпохе изобретения индустриальных способов борьбы — танки, самолеты — Россия породила поколение своих граждан, способных справиться с современной техникой. Их судьба была тяжелой, но они сохранили доблести отцов и прадедов: упорство, мужество, беспредельную жертвенность, фаталистическую небоязнь смерти. И добавили новые черты — владение техникой, самостоятельный расчет, ориентацию в большом и малом мире. Без этого Сталинград вошел бы в германскую, а не в нашу историю. Английский историк А. Кларк отмечает, что «начиная с этого времени Красная Армия владела инициативой, и хотя немцы еще старались во многих случаях (и преуспевая в ряде этих операций) изменить баланс сил, их усилия могли иметь лишь тактический успех. Начиная с ноября 1942 года позиция вермахта на Востоке была в фундаментальном смысле оборонительной»^[65].

Нацисты сами навязали Советскому Союзу войну на истребление, а не фехтование на рапирах. Красная Армия набирала мастерства с каждым месяцем, а вермахт параллельно терял уверенность в своих вождях, приведших элитную армию на волжские утесы. Поражение под Сталинградом потрясло Германию, ориентированную нацистской пропагандой на «лишь слегка затянувшийся» блицкриг. Весь многолетний

опыт, впитанный немцами с августа 1914 года — гибели армии Самсонова — и до высокомерного Брест-Литовска, где генерал Гофман продиктовал России карфагенский мир, убеждал население Германии, что эти азиатские недочеловеки просто неспособны ни на что перед тевтонской изобретательностью и эффективностью. Тем сильнее был эффект советского Танненберга — Сталинграда, где новоиспеченному германскому фельдмаршалу не хватило даже человеческого мужества Самсонова.

Велико международное значение Сталинградской битвы. Отныне заставить Японию и Турцию выступить против СССР было уже невозможно. Но стратегическое значение сражения еще шире. Как пишет британский историк Дж. Эриксон, «если полтавская битва 1709 года превратила Россию в европейскую державу, то Сталинград обозначил дорогу к превращению Советского Союза в мировую державу». Отныне — и до 1991 года — СССР выступал в мире как вторая сверхдержава. Понадобился дипломатический «Сталинград наоборот», чтобы наивные и амбициозные потомки победителей на Волге на виду у изумленного мира предав никогда не ведомую им национальную историю, откатились к пределам допетровской Руси.

Среди россыпи орденов и медалей моих родителей выделяются две желтоватые, латунные медали с барельефами в касках — «За оборону Сталинграда». Обтрепались светлозеленые ленточки, погасла латунь. Но никогда в нашей истории не погаснет великий жертвенный подвиг тех, кто, опершись на родной волжский берег, исключил для себя переправу, кто нашел в себе нечто трудноопределимое и бездонное, нечто сильнее страха и важнее собственной жизни. Вполоборота к распластавшейся к северу стране, на Мамаевом кургане Родина-мать, подняв меч, молча кричит своим часто неразумным детям. И мы будем жить в грядущей истории лишь до тех пор, пока мы слышим этот крик.

И в третий раз весы истории заколебались близ деревни Прохоровки, где 12 июля 1943 года вермахт дал свой последний наступательный бой. 18 часов длилась невиданная танковая битва, когда военное счастье переходило с одной стороны на другую много раз. Заполночь семьсот танков застыли в самом необычном виде, с башнями и без оных. В русской степи стояли остовы трехсот немецких танков и среди них были семьдесят «тигров». Между ними искореженными лежали 88 орудий, 300 грузовиков и сотни, тысячи солдат. Тяжелыми были потери советской стороны, но она отбила попытки обхода и бестрепетно пошла лоб в лоб. Наши танкисты гибли нещадно, но немцы уже никогда не пробовал испытать советские танки на мужество в непосредственном танковом столкновении. Немцы

решили не продолжать лобовое столкновение. Наступательная фаза войны на восточном фронте для вермахта окончилась. И в наступление на всех фронтах перешла антигитлеровская коалиция, союз СССР с США и Великобританией. Вплоть до Берлина и Эльбы, вплоть до Маньчжурии и линкора «Миссури».

Надо отдавать себе ясный отчет в том, что идеология нацистской Германии и Советской России не имели между собой ничего общего. Первая основывалась на экзальтированном, фанатичном национализме. Вторая — на социальном восстании масс. Немецкого школьника учили, что мировая культура и наука происходят от германского корня, что «Германия превыше всего» и задачей живущего поколения является обеспечить ей самое лучшее место под солнцем. Советские школьники учили наизусть Гете и Шиллера, их воспитывали в безусловном уважении к великой германской культуре и науке. Невозможно представить себе советского учителя, который возвещал бы органическое превосходство советского народа над прочими. При любом отношении к социализму невозможно опровергнуть тот факт, что он не провозглашал национальной исключительности, не ставил соседние народы рангом ниже, не взывал к темным инстинктам крови, не порождал спесивого высокомерия. В годы отчаянной битвы за спасение страны от вторгшегося в нее врага в России издавали немецких мыслителей и поэтов. Пытаться сегодня поставить знак равенства между двумя полярными системами ценностей можно лишь предавая историческую истину в пользу политической злобы дня.

Многие различия двух столкнувшихся в войне обществ проистекали даже не из идеологии, а из контрастных особенностей цивилизационного опыта, западного и восточноевропейского. Индивидуализм с одной стороны и коллективизм — с другой, рациональность и эмоциональность, протестантская трудовая этика — и энтузиазм самоотвержения, опыт реформации и традиции православия. Эти различия существовали задолго до петровской эпохи, сохранились в советское время и долго еще будут существовать после нас. Пять столетий подряд демонстрировал Запад победу качества над количеством, победу западной рациональности над фатализмом незападных народов. Вот почему человеку Запада всегда было трудно осмыслить особый случай России, подлинный источник русской силы.

На блеклой фронтовой фотографии стоит на фоне Бранденбургских ворот в группе своих армейских друзей мой отец, тридцатичетырехлетний капитан Иван Уткин. И дата на обороте примечательная — 9 мая 1945 года. У всех потрепанные воинские гимнастерки, у всех счастливые молодые

лица. Трудно сказать, о чем они думают, — но ясно, что не о тяжести пройденного пути — у всех улыбка на устах и в глазах неистребимая вера в грядущее. Только с этой верой и можно было пройти тот путь, без нее он был бы непосилен. Как дальше сложится жизнь — не знал никто, но после этого свирепого ужаса, после этой тысячи дней и ночей голого насилия, смерти, страдания, жизнь в будущем не могла не казаться сплошным праздником. Раны заноют завтра, контузии схватят за горло потом, осознание разора, неимоверности потерь, несказанности жертв придет позднее. А сейчас, как хорошо видно на этой полуистертой фотографии, жизнь обещает быть лазурной. Ведь отстояли, победили, выжили.

Пройдет много лет, сменятся поколения, вспыхнут сомнения, все подвергнется едкому скепсису, но если есть в нашей жизни что-то настоящее, так это то, что мы выиграла в самой жестокой из войн, во Второй мировой войне. Выиграли для всего мира, как часть великой коалиции, но и для себя, для страны, которая через полвека засомневается в себе — в себе, которая преодолела непреодолимое. Но это уже рана другого времени, а пока на дворе 9 мая и нет более счастливого дня. Кровь и пот миллионов, память о недошедших, великое счастье спасения мира и себя от жесточайшей из тираний — все это делает День Победы святыней навсегда.

Она была добыта невероятными усилиями, огромными жертвами, мобилизацией всего лучшего в нашем народе. Наш народ готов заплатить за свою свободу любую цену. Англичанин Овери: «Состояние войны было острым чувством, но оно воспринималось суровым и фаталистическим народом равно так же, как этот народ переживал все предшествующие трудности... Стоимость войны для России просто затмевает страдания других стран. Не может быть спора о том, что советское население перенесло такие страдания, которые просто не совместимы с потерями союзников СССР»^[66].

Вечером 24 июня 1945 года 2500 генералов и маршалов явились на банкет в Кремле в невиданном золотом шитье своих потрясающих мундиров, украшенные всеми главными орденами планеты. Они были победителями, это был их праздник. Они поднимали в бой армии и фронты, они презрели все стихии, их не сломила горечь поражений, ад явленных им боев, суровый мрак отступления, немеренная кровь товарищей, они отдали все что могли за Победу. Именно они победили во Второй мировой войне, отомстив за униженные жертвы Порт-Артура и Брест-Литовска, за погибших в окружении под Киевом и Вязьмой, за угасших от голода в Ленинграде, за сброшенных в Бабий Яр, за повешенную школьницу Зою, за

выбитых напроочь войной призывников 20-х годов рождения, за нежалеющихся наших соотечественников, которых постигла такая лихая судьба в двадцатом веке.

Тот, с чьим именем поднимались в атаку, был в тот вечер более чем героем. Он поднял первый, поразивший всех тост за бесконечное терпение русского народа, вынесшего невыносимое, он незабываемым образом призвал к национальной гордости — и не мог не видеть сияния глаз благодарных солдат. А с другой стороны, он уже был иным — не тем, кто спрашивал Жукова, будем ли сдавать Москву, что можно сделать под Сталинградом и согласно молчавшим под Курском. Уже в тот день пролегла тень между ним и сорокалетними маршалами, вырвавшими победу из глотки поражения. Маршалы самой могучей армии мира стояли отдельной группой. К ним, овеянным славой полководцам великой армии 1945 года, не подошел их генералиссимус, в их звездный час им указали на их место, в новом раскладе политических сил герои войны становились опасными. Немного пройдет времени, и Жуков окажется в Одесском военном округе, Рокоссовский — в Польше, Антонов — в Закавказье. Генералиссимус предаст и отстранит, подвергнет репрессиям маршала артиллерии Яковлева, маршала авиации Новикова и многих-многих других лучших сыновей страны. Но все это будет в неведомом пока «потом», а сейчас невиданное по своей бестрепетной жертвенности поколение отмечало наш главный национальный праздник, победное окончание войны, которая спасла весь мир, и спаяла наши народы, и никогда не погаснет в общем национальном сознании.

Память народную можно убить только вместе с народом. Мы никогда не забудем тех, кто рвал жилы на бесчисленных переправах, кто врывался в сожженные города, кто горел в танках, кто прощался с товарищами в последнем пике, кто бросался из окопа под ураганный огонь, кто грудью ложился на амбразуру, кто тащил с поля боя товарища, кто со связкой гранат бросался под танки врага, кто не пожалел своей жизни и все одолел. Не ради лампас и отличий, а ради чести и свободы страны, ради того, чтобы никто в мире не навязал нам своей воли. Лучшие среди них не знали бравады, напротив, они хорошо помнили невероятную цену победы, немыслимость усилий, бессчетность жертв. Они никогда бы не победили, если бы их приказы не воспринял как свои солдат в окопах, танкист в броне и летчик в небе — люди от станка и сохи. Ведь перед Родиной мы все равны. И нам позволено точно знать, что главным элементом события, называемого Второй мировой войной, является наша Великая Отечественная война.

На наших полях и кровью наших воинов была остановлена неудержимая прежде машина вермахта. Восемь из десяти немцев вольно и невольно сложили оружие, борясь с нашей армией, — признали наши союзники. Именно наша армия и наш народ, беззаветно жертвуя собой, приложили те невероятные усилия, которые повергли ниц главную противостоящую нашему союзу с Западом силу — гитлеровскую Германию, привели нашу коалицию к победе в мировой войне и обеспечили поворот в судьбах мира. Под скромными гипсовыми обелисками на обширных просторах от Эльбы до Волги упокоились вечным сном те, чья оборвавшаяся в цвете лет жизнь — это наша свобода. И пока мы помним себя, мы просто не имеем права в буднях дня, горести неудач и радости свершений забыть тех, кто дал нам свободу жить, творить и исправлять свои ошибки. Иначе в нашей жизни нет смысла.

notes

Примечания

Weinberg G. A World at Arms. A Global History of World War II.
Cambridge, University Press, 1994, p. XIV.

«Известия ЦК КПСС», № 4, 1990, с. 202–203.

«Известия ЦК КПСС», № 4, 1990, с. 203–204.

Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. N.Y., St. Martin's Press, 1984, p.222.

Jakobson M. Finland Survived: An Account of the Finnish-Soviet Winter War 1939–1940. Helsinki: Otava, 1984, p. 117.

«Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, № 6.

Das Deutsche Reich und Der Zweite Weltkrieg, Band 4. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1983, S. 14.

Deutsches Militararchiv, Potsdam, W. 31.00.5, Bl. 277–278; «Fall Barbarossa», Berlin, 1970, S. 314–315.

«Fall Barbarossa», Berlin, 1970, S. 293–298; IMT, vol. XXVI, Doc. 1017-PS.

«Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», N3, 1958.

Ross G. (ed.). *The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–1945*. Cambridge, 1984, p. 10–11.

Hinsley F. British Intelligence in the Second World War, vol. I. London: HMSO, 1979.

Haslam J. Soviet Foreign Policy 1939–41: Isolation and Expansion (In: «Operation Barbarossa», Salt Lake City, University of Utah, 1991, p. 119–120).

Вторая мировая война: два взгляда. Москва: Мысль, 1995, с. 449.

Topitsch E. Stalin's War. New York, St. Martin's Press, 1987; *Hoffmann J.* Die Angriffsvorberreitungen der Sowjetunion 1941 (In: *Wagner B.* ed., *Zwei Wege nach Moskau*. Munchen: Piper, 1991); *Raack R. C.* Stalin's Plans for World War II (In: «*Journal of Contemporary History*», 1991, N 26, p. 215–227); *Suvorov V.* [pseud.] Who was planning to attack whom in June 1941? (In: «*Journal of the Royal United Services Institute for Defense Studies*», 1985, N 2, p. 50–55).

Hoffmann J. Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941 (In: *Wegner B.* [ed.] *Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa»*, München: Piper, S. 370).

Kirsin J. J. Die sowjetischen Streitkräfte am Vorabend des Grossen Vaterlandischen Krieges (In: *Zwei Wege nach Moskau*, S. 402).

Messerschmidt M. June 1941 seen through German Memoirs and Diaries
(In: «Operation Barbarossa», Salt Lake City, 1991, p. 207).

OKW-KTB 1940/41, Teilband II, S. 393.

Messerschmidt M. June 1941 seen through German Memoirs and Diaries
(In: «Operation Barbarossa», Salt Lake City, 1991, p. 210).

OKW-KTB 1940/41, Teilband II, S. 417–420.

Warlimont W. Im Hauptquartier der Wehrmacht 1939–1945. Grundlagen, Formen, Gestalten. Frankfurt a. M.: Atheneum, 1964, S. 165.

Hudarian H. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg: K. Vowinckel, 1951, S.139–141.

Lossberg B. Im Wehrmachtführungsstab. Bericht eines
Generalstabsoffiziers. Hamburg: H. H. Nolke, 1949, S. 127.

Tippelskirch K. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Bonn: Atheneum Verlag, 1951, S. 179.

Gorodetsky G. Stalin und Hitlers Angriff auf die Sowjetunion (In: *Wagner B.* ed., *Zwei Wege nach Moskau*: Piper, 1991, N 26, S. 346–366); Д.М. Проектор. 22 июня 1941-го — пятьдесят лет спустя («Военная мысль», 1991, № 6, с. 15–23); *Цуккерторт Й.* Германский милитаризм и легенда о «превентивной войне» гитлеровской Германии против СССР. («Военно-исторический журнал», 1991, № 5, с. 16–21; *Pietrow B.* Deutschland im Juni 1941 — ein Opfer sowjetischer Aggression? (In: «Geschichte und Gesellschaft», 1988, N 14, S. 116–135).

Schreiber G. Zur Perzeption des Unternehmen «Barbarossa» in der deutschen Presse (In: *Ueberschar G. und Wette W.* (eds). «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. Paderborn: Schöningh, 1984, S. 41.

Dallin A. Stalin and the German Invasion (In: *Wieczynski J. Soviet Union*. Vol. 18, N 1–3. Operation Barbarossa: the German Attack on the Soviet Union, June 22, 1941. Salt Lake City, 1991, p. 20).

Dallin A. Stalin and the German Invasion (In: *Wieczynski J. Soviet Union*. Vol. 18, N 1–3. Operation Barbarossa: the German Attack on the Soviet Union, June 22, 1941. Salt Lake Sity, 1991, p. 20).

Heusinger A. Befehl im Widerstreit. Schicksalsstunden der deutschen Armee 1923–1945. Tübingen: R. Wunderlich, 1950, S. 130.

Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Band II, Stuttgart: W. Kohlmaier, 1963, S. 438, 474.

Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Band III, Stuttgart: W. Kohlmaier, 1963, S. 11.

Messerschmidt M. June 1941 seen through German Memoirs and Diaries
(In: «Operation Barbarossa», Salt Lake City, 1991, p. 219).

Волкогонов Дм. Триумф и трагедия. Книга первая, часть 1. Москва: Новости, 1989; *Карпов В.* Жуков («Коммунист вооруженных сил», № 5, 1990, с. 67–68).

Documents on German Foreign Foreign Policy 1918–1945. Series D (1937–1945), vol. XII, p. 219–220.

Hillgruber A. Japan und der Fall Barbarossa (Japanische Dokumente zu den Gesprächen Hitlers und Ribbentrops mit Botschafter Oshima von Februar bis Juni 1941 (In: *Hillgruber A.* Deutsche Grossmacht und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Dusseldorf: Droste Verlag, 1977, S. 245–252).

Froehlich E. Joseph Goebbels und sein Tagebuch («Fierteljahrshefte fur Zeitgeschichte», N 35, 1987, p. 522.

Nurnberg doc. 1058-PS

Fest J. Hitler. Eine Biographie. Paderborn: Schöningh, 1984, S. 881.

Weinberg G. German Diplomacy toward the Soviet Union (N. Naimark, A. Dallin, D. Holloway, S. Pursley [eds]. Operation Barbarossa. Salt Lake City, 1991, p. 330).

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1941, v.I, p. 179–181.

Heinrichs W. Threshold of War: Franklin D. Roosevelt and American Entry in World War II. N.Y.: Oxford University Press, 1988, p.102.

Gaddis J. L. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. N.Y.:McGrow Hill, 1990, p. 146–147.

«Военно-исторический журнал», № 9, 1987, с. 53.

Weinberg G. A World at Arms. A Global History of World War II.
Cambridge: Cambridge University Press, 1994, p. 266.

Madajczyk Cz. (ed.) Generalplan Ost (In: «Polish Western Affairs», N 2, 1962, p. 391–442).

Weinberg G. A World at Arms. A Global History of World War II.
Cambridge: Cambridge University Press, 1994, p. 268–269.

Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941–1945. London: Phoenix Giant, 1998, p. 99.

Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941–1945. London: Phoenix Giant, 1998, p.113.

KTB OKW, Bd. I, S. 1062–1063.

Bundesarchiv, Departments Potsdam, Collection of Films. Film N 5, 851.

DGFP, Series D, vol. XIII, p. 466.

Erickson J. The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany: volume one. London: Phoenix Giant, 1998, p. 212.

Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941–1945. London: Phoenix Giant, 1998, p. 143–144.

Erickson J. The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany: volume one. London: Phoenix Giant, 1998, p. 151.

Erickson J. The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany: volume one. London: Phoenix Giant, 1998, p. 154.

Erickson J. The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany: volume one. London: Phoenix Giant, 1998, p. 223.

Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941–1945. London: Phoenix Giant, 1998, p.162.

Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941–1945. London: Phoenix Giant, 1998, p.162.

Erickson J. The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany: volume one. London: Phoenix Giant, 1998, p. 250.

Kimball W. F. (ed.) *Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence*. Princeton: Princeton University Press, 1984, v.I, p. 294–301.

Miner S. M. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988, p. 41.

Dilks D. (ed.) *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945*. N.Y.: Putnams, 1972, p. 422–423.

Craig W. *Enemy at the Gates. The Battle for Stalingrad.* London, Penguin Books, 2000, p. XVI.

Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941–1945. London, Weidenfeld and Nicolson, 1995, p. 249.

Overy R. Russia's War. London, Penguin Books, 1998, p. 287–289.